U 387/96

И 387/96 Ср I-78/9540

ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

ВЪ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ РЕФОРМЫ ПЕТРА.

3 11/765

Сочиненіе

П. Знаменскаго.

КАЗАНЬ.

въ университетской типографіи.

1873.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

60417-45

Отдѣльный оттискъ изъ Православнаго Собесѣдника 1871—1872 гг.

2007050246

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Опредѣленіе на священно-и-церковно-служительскія должности въ приходахъ . . . . . 1.
1) Приходскіе выборы членовъ клира . . . . . 18.
2) Развитіе наслѣдственности духовнаго званія . . 81.
II. Приходскіе штаты и выходъ изъ духовнаго званія . 176.
III. Гражданскія права духовенства . . . . . 354.
IV. Отношенія духовенства къ духовной власти . . . .
1) — до импер. Екатерины II. . . . . 507.
2) — послѣ реформъ Екатерины . . . . . 617.
V. Способы содержанія приходскаго духовенства.
1) Его доходы отъ прихожанъ. . . . . 669.
2) Мѣры къ улучшенію его быта правительственныя 755.

ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ВЪ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ РЕФОРМЫ ПЕТРА.

—

I.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ НА СВЯЩЕННО-И-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЬСКІЯ ДОЛЖНОСТИ ВЪ ПРИХОДАХЪ.

Избраніе кандидатовъ на всѣ священно-и-церковно-служительскія должности къ приходскимъ церквамъ въ древней Россіи, какъ извѣстно, принадлежало самимъ прихожанамъ, при чемъ выборъ падалъ не на однихъ только людей духовнаго происхожденія, но на всякаго вообще грамотнаго человѣка, чѣмъ-нибудь понравившагося приходу, безъ различія происхожденія. Между членами приходскихъ причтовъ встрѣчаемъ не только крестьянъ, но въ болѣе древнее время даже рабовъ, и притомъ не отпущенныхъ на волю [1]. Такая свобода

---

[1] О священникахъ изъ рабовъ см. въ граматѣ патр. Германа 1228 г. (Истор. русск. церкви Макар. III, примѣч. 370) и въ правил. собора 1274 г. (Р. достопам. I, стр. 107. 110—111). Крестьяне посвящались и въ концѣ XVII в., иногда по просьбѣ крѣпостнаго владѣльца, который въ такомъ случаѣ писалъ къ архіерею, чтобы этотъ пожаловалъ—посвятилъ ему въ попы такого-то его крестьянишка, напр. Кондрашку Ѳедорова. Вологод. епарх. вѣдом. 1866 г. № 17. стр. 670).

вступленія въ духовное званіе, поддерживаемая приходскими выборами, тѣмъ легче могла бы развиваться, что древняя Русь не успѣла выработать ни сословныхъ стѣсненій въ выборѣ извѣстнаго рода жизни и занятій, ни особенно стѣснительныхъ требованій для поступленія въ клиръ относительно спеціальной подготовки къ церковному служенію; незазорная нравственность и книжность, понимаемая въ самомъ скромномъ смыслѣ умѣнья читать и отчасти пѣть,—вотъ все, чего требовали наши старинные святители отъ своихъ ставленниковъ; такъ называемому церковному постатію и всякому церковному порядку ставленикъ обучался уже при архіерейскомъ домѣ во время самаго ставленическаго производства. На самомъ дѣлѣ эта свобода вступленія въ духовное званіе не только не развивалась, но съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ослабѣвала.

Какъ ни скромны были требованія, опредѣленныя для поступленія въ клиръ, избранники приходовъ большею частію не въ состояніи были удовлетворить и имъ. Изъ извѣстной граматы Геннадія новогородскаго о ставленикахъ и отзыва о нихъ Стоглаваго собора видно, что наши іерархи давно уже приходили въ негодованіе отъ этихъ мужиковъ, которыхъ приходы посылали къ нимъ „въ попы ставитися“ и которыхъ, дѣйствуя по совѣсти и ревнуя о благѣ Церкви, ставить было никакъ невозможно. Съ другой стороны зависимость іерархіи отъ приходскихъ выборовъ, кромѣ ревности іерарховъ о благѣ Церкви, не могла не задѣвать и ревности ихъ къ своей собственной іерархической власти. Нечего и говорить, что епархіальныя власти при такихъ обстоятельствахъ имѣли весьма сильныя побужденія позаботиться объ умноженіи и усиленіи своихъ собственныхъ, болѣе испытанныхъ и болѣе надежныхъ кандидатовъ, которыхъ бы имъ можно было посылать на церковныя мѣста по своему собственному избранію. Въ позднѣйшее время такими кандидатами сдѣлались для архіереевъ воспитанники ихъ епархіальныхъ духовныхъ школъ, которыхъ, на

основаніи законовъ Петра, можно было ставить къ приходамъ даже помимо всякихъ приходскихъ выборовъ. Въ старину, за неимѣніемъ духовныхъ школъ, мѣсто ихъ питомцевъ могли заступать въ глазахъ архіереевъ одни только дѣти духовенства, которые, при всей своей необразованности, все-таки казались способнѣе къ занятію церковныхъ мѣстъ, чѣмъ большая часть приходскихъ избранниковъ изъ среды темнаго народа; по крайней мѣрѣ они были люди грамотные, съ дѣтства принимали участіе въ церковномъ богослуженіи вмѣстѣ съ своими отцами и очень рано навыкали всѣмъ церковнымъ порядкамъ. Какъ ни слаба была власть старинныхъ архіереевъ въ замѣщеніи приходскихъ вакансій (1), все-таки ихъ симпатіи въ пользу дѣтей духовенства не могли не имѣть сильнаго вліянія на ограниченіе широкой свободы приходскихъ выборовъ, тѣмъ болѣе, что интересы іерархіи въ этомъ случаѣ близко сходились съ интересами государства, а отчасти и самихъ приходскихъ общинъ.

По мѣрѣ своего развитія, государство все рѣзче раздѣляло народонаселеніе на классы по службѣ и тяглу и все съ большею силою выставляло свое требованіе, чтобы изъ служилыхъ и тяглыхъ людей никто отъ службы и тягла въ избылыхъ не былъ. Еще во времена удѣловъ въ княжескихъ граматахъ нашимъ святителямъ писалось важное условіе: „а слугъ моихъ и данныхъ людей въ попы или дьяконы не стави-

(1) Прихожане нерѣдко вступали въ борьбу съ архіереями, когда эти посылали къ церквамъ своихъ избранниковъ на должности безъ мірскихъ выборовъ, нерѣдко принимали къ себѣ поповъ, или отказывали имъ отъ мѣста безъ всякаго сношенія о томъ съ архіереемъ, такъ что одинъ изъ святителей конца XVII вѣка даже жаловался правительству, что архіереи надъ церквами воли не имѣютъ, владѣютъ церквами мужики, не принимаютъ поповъ, посланныхъ отъ архіерея, а берутъ къ себѣ въ попы за дешевую ругу разныхъ пьяницъ бродячихъ поповъ. (А. истор. V, № 122. Ист. Россіи Солов. т. IX, стр. 447).

ти“ (1), потому что чрезъ поставленіе въ попы или дьяконы служилый человѣкъ, даже вмѣстѣ съ потомствомъ, освобождался отъ службы, а тяглый отъ тягла. Съ конца XVI в., когда начала дѣйствовать система всеобщаго прикрѣпленія горожанъ и крестьянъ къ землѣ и тяглу, поступленіе въ духовное званіе людей постороннихъ сдѣлалось еще болѣе стѣснительнымъ. Относительно крестьянъ это стѣсненіе стало усиливаться потому, что, кромѣ государства, его старались поддерживать еще помѣщики и вотчинники, которымъ, разумѣется, было вовсе нежелательно, чтобы ихъ крестьяне освобождались отъ ихъ власти. Съ развитіемъ крѣпостныхъ отношеній въ XVII в. соборъ 1667 г. нашелъ нужнымъ распространить на крестьянъ древнее постановленіе не принимать въ духовный чинъ людей несвободнаго состоянія безъ отпускныхъ отъ господъ, имѣвшее до этого силу главнымъ образомъ по отношенію къ рабамъ. На этомъ же соборѣ въ интересахъ крѣпостныхъ владѣльцевъ было опредѣлено, что если крестьянинъ будетъ посвященъ въ попы съ согласія владѣльца, то дѣти его, родившіеся до посвященія, все-таки должны оставаться въ крестьянствѣ.

Сами приходскія общины, будучи обложены тягломъ, тоже имѣли важный интересъ воздерживаться отъ избранія въ духовный чинъ кого-нибудь изъ своихъ членовъ, потому что, по древнему порядку раскладки и взиманія податей и повинностей, должны были сами отбывать эти подати и повинности за всякаго убылаго человѣка и за всякую дворовую или земельную пустоту въ своей средѣ. Вслѣдствіе этого въ XVII в. встрѣчаемъ любопытные примѣры порядныхъ по крайней мѣрѣ въ низшіе члены клира, въ которыхъ тяглый человѣкъ, рядясь на церковное мѣсто, въ тоже время даетъ обязательство не отниматься ни-

(1) Собр. госуд. грам. т. I, № 13. 16. 21.

чѣмъ отъ своей тяглой общины и отъ своей старой родни (1). Въ писцовыхъ книгахъ мы постоянно встрѣчаемъ дьячковъ и пономарей записанными въ тяглѣ на ряду съ крестьянами. Такимъ образомъ при выборѣ кандидатовъ на праздныя мѣста при церквахъ и приходскимъ общинамъ всего естественнѣе было обращать вниманіе на тѣхъ же людей духовнаго происхожденія, за которыхъ въ этомъ случаѣ стояла епархіальная власть, тѣмъ болѣе, что, постоянно видя ихъ участниками въ церковномъ богослуженіи, прихожане естественно привыкали смотрѣть на нихъ, какъ на какихъ-то прирожденныхъ служителей церкви.

Съ своей стороны и дѣти духовенства, съ дѣтства воспитывая въ себѣ наклонность къ церковному служенію, употребляли самыя энергическія усилія отстоять свои родовыя церковныя мѣста отъ всякаго искательства постороннихъ лицъ. Самая многочисленность этихъ кандидатовъ на церковное служеніе должна была сильно стѣснять доступъ къ духовнымъ должностямъ для всѣхъ другихъ кандидатовъ. На церковныхъ погостахъ столько жило всегда священно-и-церковно-служительскихъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ и всякой родни, что ихъ даже некуда было размѣстить; недоставало не кандидатовъ на церковныя мѣста, а церковныхъ мѣстъ для кандидатовъ. Во второй половинѣ XVII в. правительство стало даже тяготиться множествомъ этихъ безполезныхъ для него людей, избылыхъ и отъ службы и отъ тягла, и предпринимало мѣры къ ихъ разбору (2). Какъ ни слабы были эти мѣры, безмѣстные дѣти духовенства послѣ нихъ бросились на церковныя мѣста съ усиленной энергіей, подпаивали и подкупали въ свою пользу прихожанъ, обманывали архіереевъ, вообще не разбирали никакихъ средствъ, лишь бы только, по выраженію Регламента, „водраться въ духовный чинъ“. Доступъ

(1) Ист. Россіи Солов. XIII, стр. 97—98.
(2) Полн. собр. закон. т. I, №№ 288. 289. 291.

къ духовному званію для людей постороннихъ стѣснился еще болѣе.

Подъ вліяніемъ всѣхъ исчисленныхъ нами условій, въ ущербъ прежней широкой свободѣ приходскихъ выборовъ, съ весьма давнихъ поръ постепенно развивался другой порядокъ занятія кандидатами церковныхъ должностей въ приходахъ, — такъ сказать, по праву рожденія. Времени, когда этотъ порядокъ становится особенно замѣтенъ въ практикѣ, опредѣлить нельзя; по крайней мѣрѣ въ XVI в. онъ является уже весьма обыкновеннымъ и распространеннымъ повсюду. Стоглавый соборъ въ нѣкоторомъ смыслѣ даже узаконяетъ его. Наприм., выражая свою заботу объ образованіи духовенства, онъ велитъ священникамъ учить ихъ дѣтей, дабы имъ, „пришедъ въ возрастъ, достойнымъ быти священническаго чину“. Или еще частнѣе опредѣляетъ: „который попъ или дьяконъ овдовѣетъ, и будетъ у него сынъ или зять или братъ или племянникъ, а на его мѣсто пригожъ и грамотѣ гораздъ и искусенъ, ино его на мѣсто въ попы поставити“ (1). Въ писцовыхъ книгахъ XVI и XVII в. священниками большею частію значатся уже лица духовнаго происхожденія, при чемъ нерѣдко встрѣчаются такіе приходы, гдѣ отецъ числится первенствующимъ священникомъ, а сынъ вторымъ, причетники тоже отецъ съ сыномъ, а иногда и весь причтъ состоитъ изъ одного семейства (2). Соборъ 1667 г., обличая архіереевъ за то, что они иногда безъ разбора посвящали ставленниковъ даже изъ бѣглыхъ крестьянъ и рабовъ, считаетъ уже нужнымъ сдѣлать имъ замѣчаніе и на то, что они посвящали въ попы людей вообще не духовнаго званія (3). Такимъ образомъ наслѣдственность духовнаго служенія является достаточно развитою задолго до реформы Петра.

(1) А. эксп. т. I, № 229.

(2) См. напр. Бѣлевск. вивліоо. т. I, стр. 27. 30. т. II, стр. 68. 104.

(3) Дополн. А. И. т. V, стр. 490.

Задолго до реформы стала развиваться наслѣдственность духовнаго служенія и въ болѣе частномъ смыслѣ, наслѣдственность именно извѣстнаго церковнаго мѣста, которая должна была уже не только ограничивать широту и свободу приходскихъ выборовъ, но постепенно подрывать и самую практику ихъ вообще. Мы сейчасъ видѣли, что Стоглавъ уже ясно говоритъ о передачѣ священно-служительскихъ мѣстъ дѣтямъ, зятьямъ, братьямъ и проч. Соборъ 1667 г. употребляетъ самое слово „наслѣдство“: „яко да будутъ (дѣти поповы) достойни въ воспріятіе священства и наслѣдницы по нихъ церкви и церковному мѣсту“. Въ XVII в., а можетъ быть и ранѣе, образовалось общее мнѣніе, которое раздѣляли и духовенство и прихожане, что дѣти и родственники священно-и-церковно-служителей суть самые ближайшіе и законные наслѣдники ихъ мѣстъ. Іерархія поддерживала это мнѣніе изъ извѣстныхъ намъ церковныхъ интересовъ; но къ этимъ церковнымъ интересамъ практика не замедлила пріобщить и свои житейскіе интересы. Мы должны обратить здѣсь вниманіе на весьма важное явленіе въ жизни духовенства, которое могущественно содѣйствовало развитію наслѣдственности церковныхъ должностей и противъ котораго и правительство и іерархія тщетно боролись въ теченіе всего XVIII вѣка и даже въ позднѣйшее время. Мы говоримъ о слишкомъ широкомъ развитіи въ прежнее время владѣльческихъ правъ приходскаго духовенства на отводимые ему общинами или частными владѣльцами участки прицерковной земли.

Опредѣляясь къ приходамъ, духовныя лица заключали съ прихожанами формальный договоръ на право владѣнія прицерковною землею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пользованія церковнымъ доходомъ не только пожизненно, съ правомъ всякаго рода отчужденія, но и потомственно; „то церковное мѣсто съ хоромнымъ строеніемъ и съ доходомъ церковнымъ, писалось въ договорномъ актѣ, продать и заложить“ и проч. Въ

московской епархіи при патріархахъ такой договоръ заключался обычнымъ крѣпостнымъ порядкомъ въ патріаршемъ казенномъ приказѣ и со взятіемъ обыкновенныхъ крѣпостныхъ пошлинъ (1). Такія владѣльческія отношенія къ церковному мѣсту духовенство успѣло распространить и на самыя церковныя должности; это тѣмъ легче ему было сдѣлать, что, среди крайне-обрядоваго характера нашей старинной религіозности, оно развивало въ себѣ изключительно одно обрядовое значеніе класса требоисправителей, а свое духовное, собственно пастырское, нравственно-просвѣтительное значеніе сознавало весьма слабо и рѣдко, и потому легко привыкало смотрѣть на свое служеніе, какъ на ремесло, источникъ содержанія, доходную статью. Св. Димитрій ростовскій обличалъ священниковъ своего времени: „что тя приведе въ чинъ священническій? То ли, дабы спасти себе и инѣхъ? Никакоже, но чтобы прекормити жену и дѣти и домашнія... Разсмотри себе всякъ, о освященный человѣче, что ты мыслилъ еси, проходя въ чинъ духовный. Спасенія ли ради шелъ еси или ради покормки, чѣмъ бы питать тѣло? Поискалъ Іисуса не для Іисуса, а для хлѣба куса“ (2). Соборъ 1667 г. замѣтилъ, что, вслѣдствіе владѣльческихъ отношеній духовныхъ лицъ къ ихъ должностямъ, самыя церкви дѣлались какою-то частною собственностію ихъ, что нѣкоторые священники успѣвали вразъ овладѣвать такимъ образомъ двумя церквами, изъ которыхъ при одной такой владѣлецъ служилъ самъ, а другую продавалъ или отдавалъ въ аренду другому священнику. Отцы собора постарались, какъ можно рѣзче, опредѣлить границу между церковными мѣстами и церковными должностями и положили: „св. церкви священникомъ продавати и корчемствовати нелѣпо есть... Совѣтуемъ убо нынѣ вамъ, прихожаномъ коея-

(1) См. подробнѣе въ Истор. моск. епарх. управл. ч. I, стр. 104—105. прим. 377. и въ Ист. Россіи Солов. т. XIII, 97—98.

(2) Сочин. св. Димитрія, ч. II.

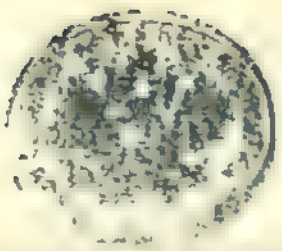
ждо церкве, и благословляемъ васъ, да искупите св. церкви продаваемыя и церковныя мѣста, развѣ домовнаго ихъ строенія храминъ, да будутъ свободни и подъ единою главою и властію, еже есть Христосъ и крайній пастырь вашъ (т. е. патріархъ); а продавати церкви Христовы и церковныя мѣста, яко отчины, зѣло неправильно есть и беззаконно". Но это опредѣленіе не имѣло никакого успѣха на дѣлѣ; договоры о владѣніи церковными мѣстами вмѣстѣ съ должностями, уступка ихъ по дарственнымъ и поступнымъ грамотамъ, продажа, передача въ приданое и по наслѣдству совершались по прежнему въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и послѣ собора 1667 г. (1). Всего шире и

(1) Приведемъ одинъ такого рода примѣръ. Около половины XVII в. при тульской Благовѣщенской церкви служилъ попъ Ѳедоръ, имѣвшій 4-хъ сыновей. Послѣ его смерти мѣсто его занялъ сынъ его Ѳеофилактъ; но церковная земля и доходы поступили въ раздѣлъ поровну между всѣми четырьмя братьями, и каждый изъ нихъ владѣлъ своимъ жеребьемъ на правѣ полной собственности. Трое изъ нихъ постриглись въ монашество, одинъ—Меѳодій—сдѣлался іеродіакономъ, другой—Архипъ, съ именемъ Аѳанасія, поступилъ іеромонахомъ въ астраханскій Троицкій монастырь, третій—самъ Ѳеофилактъ,—съ именемъ Ѳеодосія, сдѣлался строителемъ тогоже монастыря, но жеребьями своими при тульской церкви продолжали владѣть и послѣ этого; четвертый—Іероѳей—раздѣлилъ свой жеребей по завѣщанію двоимъ своимъ сыновьямъ. Въ 1690 г. Ѳеофилактъ или Ѳеодосій рѣшился уступить свою часть брату Меѳодію и написалъ слѣдующую поступную, которая всего лучше объяснитъ дѣло: «се азъ (такой-то) поступился на Тулѣ церкви Благовѣщенія пресв. Богородицы четвертою долею своего жеребья, церковнымъ мѣстомъ со всякимъ церковнымъ доходомъ толжъ церкви брату своему родному іерод. Меѳодію Ѳедорову къ его четвертому жеребью. А та моя четверть церковнаго мѣста съ церковнымъ доходомъ прежде сего иному никому не продана и не заложена и ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплена и въ монастырь по душѣ не отдана... И до того моего церковнаго мѣста и съ церковнымъ доходомъ, кромѣ сей поступной, брату моему іером. Аѳанасію, и дѣтямъ моимъ—Каллиннику и Тарасію Ѳеофилактовымъ,

легче развивались владѣльческія отношенія священнослужителя къ церкви, когда онъ самъ же былъ и строителемъ ея; въ такомъ случаѣ церковь считалась неоспоримою его собственностію и переходила на правахъ собственности въ его родъ; изъ постороннихъ никто не могъ служить при ней, если не покупалъ или другимъ какимъ-нибудь образомъ не пріобрѣталъ на это права у рода, владѣющаго ею (1).

и племянникомъ моимъ—священнику Іоанну и Андрею и Василью Архиповымъ дѣтемъ, и племяннику моему Евдокиму Іероѳіеву сыну и прочимъ сродникамъ и иному никому стороны дѣла нѣтъ... И владѣть тѣмъ мѣстомъ, моимъ и своимъ жеребьями, по сей поступной брату моему Меѳодію и дѣтемъ его вѣчно. А я строитель Ѳеодосій дѣтей своихъ Каллиника и Тарасія оженилъ и дворы имъ покупилъ на Москвѣ и пожитками ихъ надѣлилъ окромѣ сего своего церк. мѣста», и проч. Церковь долго оставалась во владѣніи этого рода въ поколѣніи Ивана Архипова и Меѳодія. Въ 1716 г. Меѳодій въ свою очередь раздѣлилъ свой жеребей дѣтямъ, священникамъ тойже церкви, Терентію и Ивану. (Тульск. епарх. вѣдом. 1862 г. стр. 326—330).

(1) Вотъ одинъ любопытный актъ въ подтвержденіе этого, касающійся Богородицерождественской церкви въ г. Бѣлевѣ. Въ 1619 г. попъ Григорій купилъ въ городѣ Бѣлевѣ церковное мѣсто у вдовой попадьи Прасковьи послѣ мужа ея. На этомъ мѣстѣ въ 1630 г., вмѣсто старой церкви мучен. Стефана, онъ устроилъ двѣ церкви Рождества Богородицы и Нерукотвореннаго Образа, которыя и поступили въ его владѣніе. Кромѣ того онъ владѣлъ еще послѣ своего отца церковнымъ Сергіевскимъ мѣстомъ пополамъ съ братомъ своимъ попомъ Петромъ. Всѣ эти обстоятельства описываются въ приводимомъ актѣ, — раздѣльной или поступной граматѣ 1650 года, которая совершена была въ приказѣ большаго дворца по случаю тяжбы между братьями. Сдѣлаемъ извлеченіе изъ этой раздѣльной, чтобы показать, какъ семейство владѣльцевъ распоряжалось своими церквами. «И въ прошломъ во 145 (1637) г. принялъ я (п. Григорій, во время заключенія акта бывшій уже игуменомъ бѣлевскаго Спасскаго монастыря Геласіемъ) къ себѣ во дворъ къ тому мѣсту дьячка Игнатія Прохорова, сына попова, и далъ за него дочере свою Ксенію и поставилъ его къ тому мѣсту въ попы и далъ ему на



Наслѣдственность церковно-приходскихъ должностей успѣла могущественно усилиться даже въ Малой Россіи, гдѣ духовное званіе оставалось открытымъ для

то свое купленое церковное мѣсто и запись, почему ему тѣмъ мѣстомъ впредь владѣть. И въ прошломъ же во 155 (1647) г. судомъ Божіимъ того моего зятя попа Игнатія не стало, а послѣ зятя моего п. Игнатія пожалована тѣмъ мѣстомъ дочь моя, вдовая попадья Ксенія съ дѣтьми и дана ей на то мѣсто государева жалованная грамота. И въ нынѣшнемъ во 158 г. я игум. Геласій да дочь моя Ксенія съ дѣтьми своими, съ сыномъ Васильемъ да съ Аѳонасьемъ, да дочерьми своими, съ Анною да съ Ориною Игнатьевыми дѣтьми поступились того своего купленаго мѣста половины брату своему Сергіевскому попу Петру и дѣтемъ его, попу Митрофану да дьячку Кириллу, и внучатомъ его Петровымъ со всѣмъ церковнымъ строеніемъ и съ книгами... А что въ прошломъ во 121 г. (1613) купилъ отецъ нашъ п. Иванъ Сергіевское мѣсто, которымъ владѣлъ онъ братъ мой п. Петръ, и то мѣсто, церковь и всякое церковное строеніе, и съ дворовымъ строеніемъ и съ пашнями и лугами и со всякимъ угодьемъ и съ церковными доходами и съ государевымъ жалованьемъ съ рухою пополамъ же съ дочерью моею и со внучаты владѣть тому брату моему п. Петру и дѣтемъ его и внучатомъ его Петровымъ... И что Стефановскихъ мѣстъ есть, пополамъ же. А другою половиною тѣхъ церковныхъ мѣстъ (со всѣми доходами и угодьями) владѣть дочери моей вдовой попадьѣ Ксеніи съ дѣтьми. А церковная всякая служба служить ему Петру, покамѣсть живъ будетъ; а будетъ его п. Петра судомъ Божіимъ не станетъ, и послѣ его живота служить сыну его попу Митрофану, покамѣсть внучата мои возмужаютъ и въ попы поступятъ. А до тѣхъ мѣстъ ему п. Петру и дѣтемъ его на дочери моей Ксеніи и на дѣтехъ ея, а на моихъ внучатахъ, поповъ къ обоимъ мѣстамъ не спрашивать. А церковнымъ доходомъ и проч. владѣть пополамъ же, а не задѣлять ничѣмъ, и церковнымъ строеніемъ промышлять пополамъ же, и государеву подать и митрополитскую дань давати пополамъ же... Мнѣ игум. Геласію и дочери моей и внучатамъ моимъ свою половину тѣхъ Стефановскаго и Сергіевскаго мѣстъ вольно продати и дочери моей зятя принять на свою половину, вольно же ей и въ попы поставити... А будетъ намъ Сергіевское церковное мѣсто невоз-

всѣхъ и гдѣ приходскіе выборы были развиты въ теченіе всего почти XVIII столѣтія. Она нашла здѣсь крѣпкія опоры въ старинномъ патронатѣ надъ цер-к вами вотчинниковъ и въ правѣ ихъ раздавать въ своихъ вотчинныхъ парохіяхъ всѣ церковныя должности (jus investiturae) (¹). Въ теченіе всего XVI, XVII и большей части XVIII в. паны владѣли своими вотчинными церквами на обыкновенномъ вотчинномъ правѣ, могли передавать ихъ съ тѣмъ же правомъ другимъ, отдавать въ залогъ своимъ кредиторамъ или передать въ аренду жиду, такъ что іерархія лишалась всякой власти надъ вотчинными парохіями. До такихъ же размѣровъ, хотя и съ меньшими злоупотребленіями, развивали право своего патронатства надъ церквами своихъ вотчинъ монастыри и болѣе вліятельныя изъ югозападныхъ братствъ. По праву инвеституры владѣлецъ церкви могъ назначать для служенія при ней, кого ему было угодно, хотя бы наприм. своего холопа, чѣмъ-нибудь ему угодившаго. Избранный кандидатъ получалъ парохію отъ пана или только въ пожизненное кормленіе для себя, или даже съ правомъ отчужденія и передачи ея въ потомство по завѣщанію. Большая часть пановъ, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ,

---

можно держати, и намъ то мѣсто продать или другъ у друга скупити, какъ цѣна возметъ». Въ 1655 г. сынъ Петра и. Митрофанъ уступилъ половину своего жеребья при всѣхъ церквахъ зятю своему попу Ивану. Семейный раздѣлъ 1650 г. имѣлъ силу и въ XVIII в. Въ росписяхъ старосты поповскаго 1713—1715 гг. значится, что церковная дань съ означенныхъ церквей собиралась сообразно съ этимъ раздѣломъ по половинамъ. (Тульск. епарх. вѣд. 1868 г. № 22. Б-Рожд. церковь въ г. Бѣлевѣ).

(¹) Послѣдующіе факты касательно ю-зап. Россіи изложены по статьямъ: «Очерки быта малоросс. дух. въ XVIII столѣтіи» (Рук. для сельск. паст. 1861. № 49), «Поврежденіе церк. обрядности въ ю-зап. митрополіи» (тамже, 1860 г. № 12), «О книгѣ *Λιθος*» (въ № 26), и «Право патронатства» (Подольск. еп. вѣдом. 1870 г. № 4. 6. 7. 8. 11. 12...).

дорого брали съ духовенства за свою инвеституру, требуя назначенной суммы или заразъ, при опредѣленіи кандидата на парохію, или въ видѣ постоянныхъ ежегодныхъ платежей съ церковнаго дохода, въ видѣ аренды. Кассіанъ Саковичъ (въ своей Perspectiwa bledow, heresicy i zabobonow cerkwi Russkiey) рисуетъ самую мрачную картину отношеній духовенства къ патронамъ. Священникъ вотчинной парохіи былъ какою-то доходной статьей пана, изъ которой послѣдній вытягивалъ себѣ деньги по произволу и безъ всякой причины. Замѣчательно, что такая продажа церковныхъ должностей и поборы съ причтовъ были не у однихъ пановъ католиковъ, но весьма часто и у православныхъ.

Парохія такимъ образомъ стоила очень дорого; пріобрѣтатель затрачивалъ на нее свой капиталъ и не малый; понятно, какъ онъ долженъ былъ смотрѣть на нее. Это была его собственность, купленная доходная статья, которая должна была кормить его процентами съ затраченнаго на нее капитала. При такомъ порядкѣ внутренняя, духовная сторона церковнаго служенія до того иногда стушевывалась предъ экономическою, что встрѣчались наприм. такіе случаи: по смерти отца поповичъ наслѣдникъ платилъ помѣщику деньги за приходъ и послѣ этого немедленно же занималъ наслѣдственное мѣсто, не дожидаясь согласія архіерея, иногда совершалъ даже и всѣ требы безъ посвященія. Подобные случаи не могли, разумѣется, быть часты, но за то сплошь и рядомъ бывало то, что наслѣдникъ немедленно послѣ смерти своего предмѣстника, безъ всякаго сношенія съ епархіальною властію, нанималъ для совершенія требъ какого-нибудь попа въ качествѣ своего викарія, а самъ, хотя и не былъ посвященъ, становился въ отношеніи къ нему чѣмъ-то въ родѣ самостоятельнаго пароха, которому викарій обязанъ былъ во всемъ подчиняться. Священно-служители наслѣдныхъ парохій изъ рода въ родъ передавали преданія или даже акты, что ихъ на-

рохіи подарены ихъ роду такими-то панами, что они наслѣдовали свои мѣста отъ дѣдовъ и прадѣдовъ и имѣютъ право распоряжаться ими, какъ своею полною собственностію. Какъ ни трудно было имъ отстаивать свои наслѣдственныя права отъ вліянія приходскихъ громадъ, которыя постоянно не благопріятствовали наслѣдникамъ и настаивали на выборномъ порядкѣ замѣщенія церковныхъ мѣстъ, однако они успѣшно достигали своей цѣли и успѣвали утверждать закопность своихъ правъ въ сознаніи самихъ прихожанъ. Стараясь удержать свои мѣста за своими наслѣдниками, священники чаще всего прибѣгали для этого къ тому же средству, которое употребляли нѣкогда наши князья, стараясь утвердить наслѣдство своего престола по низходящей лин[illegible]но—объявляли своихъ сыновей наслѣдниками [illegible]е при своей жизни. Старшій сынъ священника, по ходатайству отца, получалъ обыкновенно [illegible]ой церкви мѣсто сначала дьякона, а пот[illegible]старнаго священника „на помощь отцевской старости“ и жилъ по прежнему на отцовскихъ харчахъ, ничѣмъ не пользуясь отъ прихода. Парохія, у которой викарій ничего для себя не требовалъ, охотно принимала его къ своей церкви, а потомъ понемногу привыкала къ нему, какъ наслѣднику, такъ что по смерти отца онъ занималъ его мѣсто уже совершенно безпрепятственно.

Тотъ и другой порядокъ опредѣленія въ церковныя должности, по выбору прихожанъ и по праву наслѣдственному, перешли и въ XVIII вѣкъ. Трудно сказать, который изъ нихъ былъ употребительнѣе и сильнѣе въ практикѣ; на огромномъ пространствѣ Россіи, въ различныхъ мѣстностяхъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій, отношенія между ними были чрезвычайно разнообразны. Все-таки къ концу XVII в. уже ясно можно видѣть, что наслѣдственность церковныхъ мѣстъ рано или поздно должна была непремѣнно восторжествовать надъ выборнымъ порядкомъ. На ея сторонѣ были слишкомъ многочислен-

ные и сильные шансы, тогда какъ послѣдній держался почти одной только старой привычкой къ нему приходскихъ общинъ, да по мѣстамъ недостаткомъ духовенства. Съ реформой Петра для ея полнаго торжества открылись новые рѣшительные шансы.

Съ самаго начала XVIII в. начало опредѣленнѣе выясняться сословное раздѣленіе народа, которое стало сильно стѣснять свободу частныхъ лицъ въ выборѣ состоянія и занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильно стѣснило и свободу поступленія въ духовное званіе для постороннихъ лицъ по приходскимъ выборамъ, такъ что эти выборы сами должны были сообразоваться съ порядкомъ наслѣдственнымъ какъ въ общемъ, такъ большею частію и вещественномъ его смыслѣ. Прежде всего по законамъ Петра изъ общей массы народонаселенія выдѣлился горо[illegible]ій классъ купцовъ и ремесленныхъ людей съ особеннымъ дѣленіемъ — первыхъ на гильдіи, вторыхъ на[illegible] съ особыми правами, магистратскимъ и ратушнымъ самоуправленіемъ и съ запрещеніемъ выходить въ другія званія (1). Высшій служилый классъ, не представлявшій прежде никакой внутренней, общесословной связи между своими членами, бывшій какою-то, по выраженію Петра, разсыпанною храминой, былъ собранъ теперь въ одну цѣльную группу и успѣлъ уже получить даже одно общесословное названіе—„шляхетства“ (2); табелью о рангахъ, надолго опредѣлившей его основной характеръ, обязательною службою, обязательнымъ образованіемъ по иноземнымъ образцамъ и быстро развившимся среди него новымъ складомъ всей жизни шляхетство еще при Петрѣ выдѣлилось изъ массы народонаселенія, какъ особая, не только сословно-юридическая, но и бытовая корпорація (3). За тѣмъ ревизія окончательно

---

(1) Полн. собр. зак. №№ 1674. 2220.

(2) Въ первый разъ встрѣчается въ 1712 г. П. С. З. № 2414.

(3) «Дворянство въ Россіи» Ром.-Славатинск. 1870 г. см. первыя страницы.

закрѣпила крестьянъ и замкнула безвыходной чертою кругъ всѣхъ вообще податныхъ людей, обложенныхъ подушнымъ окладомъ. Послѣ этого духовенство само собой должно было обособиться въ качествѣ отдѣльнаго сословнаго класса и развить въ себѣ давнишніе задатки сословной замкнутости болѣе прежняго. Ревность правительства къ государственному интересу, повторяя старое требованіе, чтобы никто отъ службы и тягла въ избылыхъ не былъ, приводила это требованіе въ исполненіе такими энергическими средствами, о которыхъ древняя Русь не имѣла и понятія; для увеличенія массы служилаго и податнаго классовъ она стремилась, какъ можно больше, сократить число и тѣхъ людей, которые по самому происхожденію своему принадлежали къ духовному званію, тѣмъ болѣе не расположена была содѣйствовать умноженію духовенства допущеніемъ возможности переходить въ духовное званіе служилымъ и податнымъ людямъ. Приходскіе выборы естественно должны были ограничиться людьми только духовнаго происхожденія и ближе всего, разумѣется, сосредоточиться на дѣтяхъ мѣстнаго приходскаго духовенства.

Далѣе, со времени реформы, въ качествѣ необходимаго условія для поступленія въ духовную службу, выставлено было настойчивое требованіе извѣстнаго спеціальнаго образованія въ духовныхъ школахъ, которыя повсюду начали заводиться при архіерейскихъ каѳедрахъ для обученія дѣтей „въ надежду священства“. По предначертанію Духовнаго Регламента, съ теченіемъ времени, когда школъ „за Божіею помощію довольное число покажется“, посвящаться въ священно-служители должны были одни только кончившіе школьный курсъ (1). Эти духовныя школы должны были произвести чрезвычайно важную перемѣну въ порядкѣ занятія церковныхъ мѣстъ. Съ одной стороны

(1) Регламъ. о епископ. п. 9.

опѣ были въ полномъ распоряженіи архіереевъ, даже такъ и назывались ихъ *собственными* школами, — обстоятельство, дававшее епархіальной власти полную возможность распространять свое вліяніе на приходскія мѣста, потому что, заведя у себя школу, архіерей послѣ этого получалъ возможность всегда имѣть подъ рукою своихъ испытанныхъ кандидатовъ на церковныя должности, которыхъ могъ, сообразно съ своими видами, противопоставлять и приходскимъ избранникамъ, и слишкомъ притязательнымъ наслѣдникамъ. Съ другой стороны, школа вносила въ практику замѣщенія церковныхъ должностей новый принципъ избранія кандидатовъ не по праву наслѣдственному и не по благорасположенію прихожанъ, а по личному достоинству человѣка и степени его подготовки къ будущему служенію. Законы Петра прямо указывали ставить ученыхъ на мѣста, не стѣсняясь ни правами наслѣдниковъ, ни выборомъ прихожанъ (¹). Такимъ образомъ школа повидимому должна была поколебать и тотъ и другой порядокъ стариннаго поступленія на церковныя должности. Но на самомъ дѣлѣ она имѣла неодинаковое дѣйствіе на нихъ. Приходскіе выборы были дѣйствительно стѣснены, но наслѣдственность духовнаго званія, поддерживаемая и правительствомъ и іерархіей, легко помирилась съ требованіемъ школьнаго образованія отъ духовенства на томъ, что школа сдѣлана была обязательною для всѣхъ дѣтей духовенства. Когда наслѣдники церковныхъ мѣстъ сдѣлались учеными, они только еще болѣе усилили свои права и притязанія на эти мѣста. Къ этому присоединилась еще сословная замкнутость самихъ духовныхъ школъ, по причинѣ которой доступъ къ нимъ, а чрезъ нихъ и къ церковному служенію для посторонніхъ сдѣлался почти невозможнымъ.

(¹) Также, п. 9—10. П. С. З. №№ 3932. 4120. 4190. п. 18.

Высказавъ эти общія положенія, мы напередъ намѣтили тотъ путь, по которому потомъ въ теченіе всего XVIII в. развивался современной порядокъ поступленія на церковно-приходскія должности и вырабатывалась сословная замкнутость духовенства. Обратимся къ фактамъ и будемъ слѣдить за проявленіями какъ права приходскихъ выборовъ, такъ и наслѣдственности духовнаго служенія, начавши съ перваго, которому суждено было постепенно малиться предъ возрастающей силою послѣдней.

1. приходскіе выборы членовъ клира.

Приходы не вдругъ уступили свое старинное право и вели долгую борьбу и съ наслѣдниками и съ тѣми кандидатами на церковныя мѣста, которыхъ присылала къ нимъ по своему собственному выбору епархіальная власть. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ теченіе по крайней мѣрѣ первой половины XVIII в., не было никакой надобности для нихъ и въ самой борьбѣ; приходскіе выборы мирно продолжали свою практику во всей ея цѣлости, частію по общему уваженію къ старой памяти и заведенному порядку, частію потому, что не было на лицо ни достаточнаго числа наслѣдниковъ по малочисленности духовенства, ни достаточнаго числа школьниковъ, которые бы могли наполнять открывавшіяся въ приходахъ вакансіи. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ сибирскіе наприм. архіереи сами отказывались отъ назначенія священнослужителей въ приходы, несмотря на просьбы о томъ прихожанъ, и заставляли послѣднихъ самихъ позаботиться о замѣщеніи вакансій при ихъ церквахъ (1). Въ югозападной Россіи архіереямъ долгое время нечего было и думать о распространеніи своего вліянія на приходы, несмотря на сравнительно большее рас-

(1) Иркутск. епарх. вѣдом. 1864 г. № 20.

пространеніе здѣсь школьнаго образованія въ духовенствѣ, потому что здѣшнія приходскія громады, какъ городскія, такъ и сельскія, издавна привыкли принимать живѣйшее участіе во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, получили на эти дѣла громадное вліяніе, во многихъ случаяхъ даже вовсе устранявшее власть іерархіи, и ужь конечно не могли потерпѣть, чтобы архіерей посылалъ къ нимъ отцевъ пароховъ безъ ихъ выбора и согласія; противодѣйствіе ихъ епархіальной власти было тѣмъ успѣшнѣе, что эта власть не пользовалась поддержкой со стороны власти гражданской. Ограниченія приходскихъ выборовъ прежде всего являются во внутреннихъ епархіяхъ Великороссіи, гдѣ наслѣдственность духовнаго служенія была и безъ того уже такъ сильна, что съ ней постоянно должны были сообразоваться самые выборы, и гдѣ кромѣ того съ самаго начала XVIII столѣтія порядокъ выборовъ подвергнулся регламентаціи правительства и іерархіи.

О порядкѣ и обрядности выборовъ въ Великороссіи мы имѣемъ только краткія свѣдѣнія и притомъ главнымъ образомъ изъ тѣхъ распоряженій духовной и свѣтской власти, которыя отчасти свидѣтельствовали уже объ ослабленіи этихъ выборовъ, а частію направлены были къ ограниченію ихъ старинной свободы и естественности. Изъ нѣкоторыхъ выраженій выборныхъ граматъ видно, что выборъ совершался на сходѣ всѣми прихожанами, которые интересовались этимъ дѣломъ: „и нынѣ мы, приходскіе люди," читаемъ въ началѣ такихъ граматъ, "со всего мірскаго сбора выбрали и излюбили" и проч. (1). Въ приходахъ, населенныхъ вотчинными крестьянами, гдѣ сила приходской общины была совершенно парализована властью крѣпостнаго владѣльца, дѣло обходилось безъ схода; выборъ зависѣлъ отъ одной воли владѣльца, такъ что

(1) См. наприм. Архивъ ист. и практ. свѣд. Калачова 1859. IV. «Настольная книга Данил. монаст.» стр. 36. Ирк. еп. вѣдом. 1863 г. № 37. 40 и др.

о согласіи крестьянъ можно было и не спрашивать; челобитная архіерею, въ которой прописывался обыкновенно выборъ, подавалась тоже отъ имени однихъ владѣльцевъ. Вотъ образчикъ такой челобитной начала XVIII в. Она подана помѣщиками села Карагачева и сельца Лыкина св. Димитрію ростовскому: „излюбили мы—помѣщики—тогоже села Карагачева церкви Рождества пресв. Богородицы попова сына Василья Леонтьева, чтобъ ему, по твоему архипастырскому благословенію, а по нашему излюбу, быть у тойже церкви вторымъ священникомъ въ поможенье отцу своему, потому что тотъ священникъ при старости, и чтобы церкви Божіей безъ пѣнія не быть и душамъ христіанскимъ безъ причастія не помереть. Милостивый государь, преосвящ. Димитрій митрополитъ ростовскій и ярославскій! пожалуй насъ, вели его Василья по своему архіерейскому благословенію поставить въ попы. Смилуйся, пожалуй“ (1).

Въ 1711 г. въ опредѣленіи ставленниковъ на мѣста открылись большіе безпорядки. „Освященному собору и правит. Сенату вѣдомомо учинилось, читаемъ въ указѣ этого года отъ 25 апрѣля, отнележе начася по указу великаго государя брать на службу его государеву людей молодыхъ, къ воинскому чину годныхъ, и о томъ услышавше дьячки, пономари и сыновє поповскіе и дьяконовскіе, различными коварными и лжесоставными челобитными, похищаютъ себѣ чинъ священства и діаконства неправильно и неправедно, овогда лѣтъ подобающихъ таковому чину не имуще, овогда же въ прибыль въ другіе попы либо въ діаконы посвящающеся“. Соборъ и Сенатъ нашли по этому поводу нужнымъ обратить особенное вниманіе на приходскіе выборы, въ которыхъ видѣли одно изъ главныхъ средствъ предотвратить обманы ставленниковъ. Видно, что эти выборы успѣли потерять много своей

(1) Акт. Семевскаго. Чтен. о. ист. и древн. 1869. IV. № 68.

прежней силы, успѣли даже обратиться въ простую формальность, которую недобросовѣстному ставленику, не расчитывавшему на одобреніе прихожанъ, можно было легко обойти. Соборъ и Сенатъ поставили выборъ прихожанъ въ числѣ необходимыхъ условій для посвященія ставленниковъ и опредѣлили, чтобы выборные списки скрѣплялись непремѣнно рукою поповскаго старосты, который по древнему обычаю долженъ былъ присутствовать на выборахъ въ качествѣ органа епархіальной власти. „Заручнаго челобитья, сказано въ указѣ, опасно смотрѣти, не ложное ли есть и есть ли рука самого помѣщика, есть ли отписка отъ старосты поповскаго, и буде не обрящется, такимъ отказывать. Всякому архіерею въ своей епархіи поразсылать указы къ старостамъ поповскимъ, чтобы отписокъ не давали прежде, неже сами приходъ той увѣдаютъ и крестьянъ допросятъ, угоденъ ли имъ есть той дьячокъ, и какого житія, и на чье мѣсто бьетъ челомъ“ (1).

За тѣмъ право избирать священно-служителей было признано за приходами Д. Регламентомъ. „Когда прихожане или помѣщики, сказано здѣсь, которые живутъ въ вотчинахъ своихъ, изберутъ человѣка къ церкви своей во священники, то должны въ доношеніи своемъ засвидѣтельствовать, что оный есть человѣкъ житія добраго и неподозрительнаго. А которые помѣщики въ тѣхъ своихъ вотчинахъ сами не живутъ, оное свидѣтельство о такихъ людѣхъ подавать людемъ ихъ и крестьяномъ. И въ челобитныхъ писать имянно, какая ему руга будетъ или земля; а избранный бы также приложилъ руку, что онъ тою ругою или землею хочетъ быть доволенъ, и отъ церкви, къ которой посвященъ, не отходить до смерти“. Епископу предоставлялось за тѣмъ испытать такого ставленика; „а ежели оный избранный предъ епископомъ явится въ какомъ подозрѣніи или расколѣ и онаго чина недо-

(1) П. С. З. т. IV, № 2352 п. 6—7.

стоинъ, сіе оставляется въ разсужденіе епископле“ (1). Въ 1722 г. были изданы правила для приходскихъ выборовъ, при чемъ въ выборныхъ спискахъ велѣно подробно обозначать качества избраннаго кандидата, что прихожане „знаютъ его быть добраго человѣка, а имянно не пьяницу, въ домостроеніи своемъ не лѣниваго, не клеветника, не сварливаго, не любодѣйца, не убійцу, въ воровствѣ и обманѣ не обличеннаго, грамотѣ умѣющаго, никакого подозрѣнія раскольническаго за собой не имѣющаго“ (2). Эти правила удерживали полную силу въ теченіи всей первой половины XVIII в. и нѣсколько разъ подтверждались новыми указами. Указомъ св. Синода 1737 года велѣно было при произвожденіи въ священно-и-церковно-служители вносить содержаніе заручныхъ выборовъ въ докладныя выписки о ставленикахъ (3), послѣ чего заручный выборъ постоянно считался однимъ изъ необходимѣйшихъ документовъ и выводился на справку при всякомъ ставленическомъ дѣлѣ. Форма его буквально заимствована изъ правилъ 1722 г. Вотъ наприм. одинъ выборъ 1747 г. воронежской епархіи: „мы именованные согласно выбрали и излюбили къ помянутой нашей Пятницкой приходской церкви на мѣсто умершаго священника Григорія Сампсонова оной же приходской церкви діакона Филиппа Алексѣева... А понеже мы именованные оного діакона совершенно знаемъ, что онъ человѣкъ добрый и смиренный, не піяница, въ домостреніи своемъ не лѣнивый, не клеветникъ, не сварливъ, не любодѣйца, не убійца, въ воровствѣ и обманствѣ не обличенный, грамотѣ и писанію умѣющій, и никакого подозрѣнія раскольническаго за нимъ нѣтъ, и діаконскую должность правитъ безлѣностно и безпорочно. И будучи онъ, діаконъ Филиппъ, у той

---

(1) Реглам. о мірск. особахъ п. 8.
(2) П. С. З. VI, № 3911. и прибавл. Реглам. № 4022.
(3) П. С. З. № 7204.

нашей приходской церкви священникомъ, какъ и умершій священникъ Григорій, будетъ мірскимъ подаяніемъ, къ томуже и трудами своими отъ пашни и сѣнныхъ покосовъ доволенъ, понеже при той нашей церкви церковной пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ довольное число, и для того онъ Филиппъ отъ оной нашей приходской церкви по смерть свою къ другой церкви отходить и тѣмъ утруждать ваше преосвященство не будетъ, сего ради онъ діаконъ Филиппъ къ сему нашему доношенію руку приложилъ". Въ концѣ подписи прихожанъ и самого избраннаго (1). Надзоръ за выборами, сообразно съ опредѣленіемъ 1711 г., принадлежалъ поповскимъ старостамъ, а съ 1744 г. членамъ духовныхъ правленій; безъ засвидѣтельствованія ихъ выборные списки считались недѣйствительными (2).

Болѣе подробныя свѣдѣнія дошли до насъ о порядкѣ приходскихъ выборовъ въ юго-западной Россіи (3). Какъ скоро въ какой-нибудь парохіи опрастывалось вольное, ненаслѣдственное мѣсто священно-служителя, протопопское правленіе посылало туда своего депутата изъ священниковъ своего округа. Этотъ по пріѣздѣ представлялся громадѣ и съ общаго согласія назначалъ день выборовъ. При томъ живомъ участіи, какое юго-западныя громады принимали во всѣхъ дѣлахъ своей церкви, выборы имѣли очень оживленный и торжественный характеръ. На нихъ, какъ на приходскій праздникъ, съѣзжалось множество гостей, священниковъ и міряпъ изъ сосѣднихъ селеній; эти, такъ называемые, люди околичные, какъ извѣстно, испоконъ вѣка играли весьма важную роль во всѣхъ важныхъ

---

(1) Воронеж. епарх. вѣдом. 1868. стр. 556—557.

(2) Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кн. I, стр. 69; кн. 2, стр. 29—30.

(3) Извлекаемъ эти свѣдѣнія изъ замѣчательной статьи г. Крыжановскаго (Руков. для сельск. паст. 1861 № 49): «Очерки быта малоросс. дух. въ XVIII стол.», составленной по дѣламъ кіевскаго консисторскаго архива.

рѣшеніяхъ югозападныхъ громадъ, являясь на сходы въ качествѣ свидѣтелей, посторонпихъ судей, совѣтчиковъ и т. п. Еще большее оживленіе выборамъ придавало всегдашнее множество и разнообразіе являвшихся па нихъ кандидатовъ. Духовное званіе въ югозападномъ краѣ и въ XVIII в. еще долго оставалось открытымъ для всѣхъ. Вмѣстѣ съ праздными поповичами и дьяками сосѣднихъ парохій, а также бурсаками кіевской академіи, переяславской семинаріи и харьковскаго коллегіума, въ числѣ кандидатовъ на открывавшіяся мѣста всегда были грамотные люди и свѣтскихъ званій, крестьяне, мѣщане и козаки. На каждые выборы являлись кромѣ того и посвященные уже люди,—разные безмѣстные священно-служители, которыхъ немало бродило по всему краю въ чаяніи свободнаго мѣста и которые въ народѣ извѣстны были подъ названіемъ „дикихъ поповъ“. Тутъ были и священники, произвольно покинувшіе или продавшіе бѣдную парохію для пріисканія другой болѣе кормной, и священники, выбитые съ мѣста самими громадами, и безмѣстные священно-служители, купившіе свой санъ въ Молдавіи или Турціи, гдѣ онъ стоилъ очень дешево и гдѣ всегда можно было за извѣстную сумму найти архіерея, чтобы получить отъ него рукоположеніе безъ прихода, какъ говорилось, „на вакансъ“ или „про запасъ“, пока не отыщется мѣсто, наконецъ священно-служители, бѣжавшіе изъ Польши отъ фанатизма католиковъ и уніатовъ, иные съ избитымъ тѣломъ, съ скудными клочками волосъ на головѣ и далеко не полной бородою. Всѣ эти кандидаты всѣми мѣрами заискивали вниманія громады, которую желали пасти, ходили съ поклономъ къ зажиточнѣйшимъ хозяевамъ, раздавали деньги, лошадей, коровъ и другіе дары, каждый день подпаивали черпь, разсыпая обѣщанія слушаться громады, почитать парохіянъ, и стараясь подорвать довѣріе къ другимъ кандидатамъ. Вся парохія волновалась, пила, шумѣла, разбивалась на партіи до самаго того времени, какъ наступалъ роковой день, назначенный для выборовъ.

Для выборовъ вся громада собиралась при церкви. Депутатъ читалъ передъ нею листъ духовнаго правленія съ дозволеніемъ приступить къ выборамъ и по прочтеніи возглашалъ: „кого волите, панове громада“? Наступало нѣсколько минутъ обычнаго молчанія, которое такъ необходимо для малороссійской сходки всегда, когда требуется, что называется, діло разжувати. Кандидаты въ это время находились въ самомъ тревожномъ состояніи, посматривая на своихъ патроновъ; нѣкоторые, не утерпѣвъ и пользуясь затишьемъ, выходили въ кругъ, клапялись па всѣ стороны и просили, чтобы ихъ выбрали въ парохи. При возглашеніи перваго же имени поднимались толки, споры, и толпа начинала шумѣть. Въ споры и толки вмѣшивались и люди околичные, подавая совѣты и высказывая свои свѣдѣнія о кандидатахъ. Кандидаты тоже съ свой стороны спорили, ругались, укоряя другъ друга, чѣмъ могли, и докладывая другъ о другѣ все, что слыхали. Выписываемъ жалобу одного кандидата по случаю обиды, причиненной ему на выборахъ въ селѣ Великоселицахъ. „Депутатъ, пишетъ онъ въ своей жалобѣ митрополиту Рафаилу Заборовскому, прочиталъ предъ громадою дозволеніе духовнаго правленія избирать кандидата. Тутъ были многіе священники и свѣтскіе, пріѣхавшіе до громады въ гости. Я выступилъ предъ громадою, поклонился и сказалъ: „прошу и я васъ, панове парохіяне, еже будетъ воля ваша, и меня принять“. Тогда стоявшій тутъ священникъ Дубровскій, пріѣхавшій къ громадѣ, крикнулъ: „а ты чего лѣзешь сюда? Ты продалъ свою парохію и людей за 700 злотыхъ; а ежели ты станешь. то и тутъ тое сдѣлаешь. Онъ васъ, панове парохіяне, всѣхъ попродастъ“. Громада тотчасъ же отказала этому кандидату, хотя онъ дѣйствительно былъ невиненъ въ продажѣ старой парохіи и послѣ, когда мѣсто было уже потеряно, доказалъ несправедливость нареканій на него священника Дубровскаго. Послѣ выбора громада провозглашала избраннаго паномъ отцомъ, дѣлала складчину для обзаведенія его на но-

вомъ мѣстѣ, а если онъ еще не былъ посвященъ, то снабдѣвала его пособіями на издержки въ каѳедрѣ, снаряжала подводу и отправляла его „промоваться на попа“.

Описанный здѣсь церемоніалъ выборовъ, разумѣется, могъ соблюдаться только тамъ, гдѣ сила громады не была подавлена силою пана. Въ вотчинныхъ селеніяхъ, какъ и въ Великороссіи, выборъ священника вполнѣ зависѣлъ отъ вотчиннаго владѣльца. Относительно Великороссіи мы видѣли, что при поставленіи новаго священника въ вотчинный приходъ самъ Дух. Регламентъ предписывалъ спрашивать о согласіи крестьянъ только въ томъ случаѣ, если владѣльца нѣтъ въ селеніи. Въ юго-западной Россіи панъ, кому хотѣлъ, тому и отдавалъ парохію, могъ отдать ее даже своему холопу за какія-нибудь холопскія послуги, точно также, какъ это бывало въ старину, въ XVI и XVII в. Наприм. въ 1743 г. графиня Наталья Разумовская просила м. Рафаила Заборовскаго рукоположить ей священникомъ въ село Орловку (нѣжинскаго уѣзда) одного изъ ея лакеевъ Богдановскаго, выставляя въ подтвержденіе его правъ на свящ. санъ то, что „оной Богдановскій, какъ прежде, такъ и понынѣ, ко двору ея благопріятній и во услугахъ нелѣпивій и добропорядочній“. Встрѣчаемъ примѣры и того, какъ владѣльцы „изгономъ изгоняли безвинно“ нелюбыхъ имъ священниковъ и отдавали ихъ парохіи другимъ (1).

Избраніе дьякона въ приходъ совершалось гораздо проще. Дьяконовъ вообще было мало какъ въ великорусскихъ, такъ и въ юго-западныхъ приходахъ. По писцовымъ книгамъ видно, что ихъ имѣли у себя только немногіе сельскіе приходы даже изъ тѣхъ, при которыхъ было по 2 священника. Дьяконы были своего рода роскошью прихода и держались только въ богатыхъ, главнымъ образомъ городскихъ приходахъ, для

---

(1) Описан. харьк. епархіи. отд. III, стр. 210.

большаго великолѣпія церковной службы или даже просто изъ соревнованія приходскихъ тузовъ съ тузами другаго прихода. Какъ и теперь, существеннымъ достоинствомъ дьякона былъ громкій басовый голосъ, долженствовавшій потрясать неслишкомъ нѣжное чувство русскаго человѣка и имѣвшій для него совершенно такое же значеніе, какъ большой церковной колоколъ; о другихъ достоинствахъ кандидата во дьяконы не спрашивали. Въ царствованіе императрицы Елисаветы нѣкоторые студенты петербургской семинаріи, не имѣвшіе права поступить въ священники за недостиженіемъ законныхъ лѣтъ (30), горько жаловались въ своемъ прошеніи св. Синоду 1747 г., что имъ некуда дѣваться, потому что въ дьячки идти стыдно, а „во дьяконы желаемаго прихожаны голосу не достаетъ“ (1). Встрѣчаемъ примѣры, что при выборѣ во дьяконы прихожане предпочитали за голосъ какого-нибудь неученаго басистаго дьячка даже предъ студентомъ (2). Ищущій дьяконскаго мѣста являлся обыкновенно въ церковь во время какого-нибудь праздничнаго богослуженія, когда можно было ожидать большаго сбора прихожанъ, и старался показать свои таланты въ громкомъ чтеніи апостола и т. п. Послѣ этого онъ отправлялся собирать подписи прихожанъ къ заручному выбору и въ случаѣ удачи ѣхалъ съ выборнымъ спискомъ посвящаться (3).—Въ великорусскихъ приходахъ дьяконы по крайней мѣрѣ получали отъ прихода ругу и др. средства содержанія, которыя обозначались въ заручныхъ спискахъ и придавали дьяконской должности нѣкоторую самостоятельность; въ юго-западныхъ парохіяхъ съ дьякономъ не было никакого договора у прихожанъ о содержаніи; стало быть, выборъ дьякона еще менѣе интересовалъ ихъ, чѣмъ въ

---

(1) Ист. спб. акад. Чистовича. стр. 50.

(2) Ист. моск. еп. управл. ч. II, кн. 1. прим. 123.

(3) Тамже. См. также Ист. нижег. іерарх. Макарія. стр. 229.

Великороссіи. Дьяконъ долженъ былъ служить громадѣ за добровольныя „ласки“ или содержался насчетъ нѣсколькихъ болѣе богатыхъ хозяевъ прихода, которые пожелали его имѣть при церкви; кромѣ того въ дьяконской должности, какъ мы говорили, часто служили сыновья священниковъ—наслѣдники—въ ожиданіи отцовскаго мѣста, живя все время своего дьяконства на отцовскихъ харчахъ. Если въ приходъ поступалъ какой-нибудь дьяконъ, посвященный прежде, пріемъ его, какъ дѣло совершенно частное, совершался иногда безъ вѣдома не только епархіальной власти или протопопскаго правленія, но даже и мѣстнаго священника, по волѣ одного ктитора и лучшихъ прихожанъ, точно также, какъ теперь совершается наприм. наемъ пѣвческаго хора старостой церкви (1).

Что касается до церковно-служительскихъ вакансій въ приходахъ, то замѣщеніе ихъ еще легче могло обходиться безъ участія епархіальной власти и большею частію вполнѣ зависѣло отъ одного выбора прихожанъ, или даже отъ воли одного священника и ктитора церкви. Въ памятникахъ нашей древней церковной жизни мы очень мало встрѣчаетъ фактовъ, которые бы обнаруживали вниманіе нашей іерархіи къ этимъ должностямъ. Едвали не одинъ соборъ 1274 г. удостоилъ вопросъ о клирикахъ подробнаго разсмотрѣнія, издавъ строгія правила объ испытаніи кандидатовъ въ причетники относительно ихъ богослужебной опытности и нравственныхъ качествъ и опредѣливъ значеніе ихъ должности, какъ переходной къ высшимъ степенямъ клира (2). Но его опредѣленія не вошли въ практику. Въ XVI в. Геннадій новогородскій жаловался, что „во всей русской землѣ распространилось беззаконіе: мужики озорные на клиросѣ поютъ и паремью и апостолъ на амбонѣ чтутъ да еще и въ алтарь хо-

(1) Руков. для с. паст. 1861. № 51.

(2) Истор. р. ц. Макарія. IV, 288—289. Русск. достоп. т. 1.

дятъ“ (1). Въ XVI и XVII в. встрѣчаемъ постоянныя жалобы правительства и іерархіи на крайній упадокъ церковнаго чтенія, пѣнія и вообще церковнаго благочинія, который между прочимъ зависѣлъ отъ неискусства церковныхъ дьяковъ и пономарей. Опредѣленіе причетника къ мѣсту духовною властью документировалось, такъ называемой, новоявленной памятью и посвященіемъ въ стихарь, при чемъ опредѣляемый испытывался въ чтеніи и пѣніи. Но множество, даже большинство причетниковъ служило безъ стихарей, такъ что должность ихъ дѣлалась какою-то вольнонаемною; она даже не составляла иногда особаго спеціальнаго занятія и званія, а соединялась съ другимъ житейскимъ ремесломъ или званіемъ, наприм. крестьянскимъ. Надобно при этомъ припомнить еще то важное земское значеніе, какое имѣли дьяки въ своихъ приходахъ; они были единственными здѣсь грамотѣями дѣльцами и совершали всѣ общинные акты, записи, купчія, выборные списки, платежныя отписи и т. д. Очень естественно, что общины издавна старались сдѣлать ихъ и дѣйствительно сдѣлали своими выборными людьми наряду со всѣми земскими чинами. Найдутъ подходящаго для себя грамотѣя, умѣющаго кстати исправить и церковную службу, напишутъ выборъ и рядъ. чтобы онъ о всемъ церковномъ радѣлъ и смотрѣлъ накрѣпко, книгъ церковныхъ берегъ, запиралъ церковь и колокольню, почиталъ священника, слушался во всемъ мірскихъ людей и къ письму у всякаго государева и мірскаго дѣла былъ всегда готовъ, жилъ у церкви смирно, не бражничалъ и ни за чѣмъ дурнымъ не ходилъ и не промышлялъ, обязывали его поруками, и онъ тутъ же вступалъ въ должность дьяка или пономаря, выговоривъ съ своей стороны извѣстное вознагражденіе за свою службу (2). Если онъ оказывался въ чемъ-

(1) Церк. пѣніе въ Россіи, Разумовскаго. отд. II, стр. 65.
(2) А. юридич. №№ 286. 287. 302. 303.

нибудь неисправнымъ, его отставляли и такимъ же порядкомъ принимали другаго.

Рядомъ съ этимъ порядкомъ опредѣленія низшихъ членовъ клира на мѣста выработался еще другой, бывшій результатомъ тѣхъ подчиненныхъ отношеній, въ какихъ причетники стояли къ священнику. Когда приходская община при опредѣленіи причетника не имѣла въ виду его участія въ земскихъ дѣлахъ, она предоставляла выборъ кандидата священнику. Такой порядокъ сталъ развиваться особенно подъ конецъ XVII в., когда земская служба дьяковъ была стѣснена дѣятельностью приказныхъ людей. Чѣмъ менѣе общины интересовались выборовъ дьячковъ, тѣмъ болѣе развивалось вліяніе на причетническія мѣста священниковъ. Регламентъ наприм. говоритъ, что священники нарочно старались захватить въ свое распоряженіе всѣ причетническія мѣста при своихъ церквахъ, между прочимъ для того, чтобы наполнятъ ихъ своей родней, иногда и вящше потребы (2). Иной поповичъ, по хозяйственному расчету отца, съ раннихъ лѣтъ былъ опредѣляемъ на причетническую службу при своей родной церкви и, постепенно повышаясь, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ проходилъ всѣ степени клира, пока наконецъ не попадалъ на отцовское мѣсто. Вліяніе священниковъ на церковническія мѣста развивалось иногда до того, что приходы начинали уже тяготиться имъ и въ охраненіе своего стариннаго права выборовъ считали нужнымъ включать въ свои договоры съ священниками особое условіе: „а церковниковъ мнѣ (священнику) одному безъ мірскаго вѣдома не принимать и не отказывать“.

Въ XVIII столѣтіи церковнослужительскія мѣста были опредѣлены штатами, епархіальная власть стала обращать большое вниманіе на ихъ замѣщеніе, окружила опредѣленіе причетниковъ формальностями, справ-

---

(2) Прибавл. Реглам. о священ. п. 27.

ками, допросами, экзаменаціями кандидатовъ, стала требовать, чтобы церковное служеніе не было соединяемо съ занятіями другихъ состояній, кромѣ духовнаго, и принимаемо было людьми свободными (1),—все это не могло не ослаблять прежней свободы поступленія въ церковно-служители и вольнонаемнаго характера ихъ служенія. Но и при этихъ обстоятельствахъ мы долго еще встрѣчаемъ совершенно свѣжіе остатки старины. Не говоримъ уже о выборномъ значеніи причетническихъ должностей,—оно сохранялось во всей цѣлости повсюду; обращаемъ вниманіе только на общедоступность причетническаго званія и на замѣщеніе причетническихъ должностей по вольному найму и безъ вѣдома епархіальной власти. Замѣчательно, что въ началѣ XVIII в. само правительство какъ будто вовсе не считало причетниковъ духовными людьми. Наприм. въ 1705 г. оно распространило на нихъ дѣйствіе извѣстныхъ указовъ о бритьѣ бороды наряду со всѣми свѣтскими лицами (2). Потомъ всѣ они наряду съ податными классами облагались при Петрѣ разными сборами и повинностями и едва было не записаны были ревизіею въ подушный окладъ, такъ что св. Синоду въ 1721 и 1722 гг. стоило большихъ усилій исходатайствовать имъ обычныя права духовнаго состоянія (3).

Въ 1722 г. принадлежность церковно-служителей къ духовному званію была утверждена, но и послѣ этого церковно-служительскій классъ состоялъ изъ чрезвычайно разнородныхъ людей, принадлежавшихъ къ различнымъ вѣдомствамъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ духовенства было немного. Наприм. въ пе-

---

(1) См. ставленич. дѣла въ Ист. моск. еп. управленія. Находимъ примѣры даже въ Сибири. Иркутск. еп. вѣд. 1863 г. № 38: «Управленіе свят. Иннокентія».

(2) П. С. З. № 2015.

(3) Объ этомъ будетъ сказано ниже. Сюда относятся указы въ П. С. З. VI. 3481. 3802. 3854. 3932. 4035 и др. Собран. постан. по дух. вѣдом. т. I, № 153.

тербургской губерніи въ первой половинѣ XVIII столѣтія не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ причетниками при разныхъ церквахъ служили горожане, помѣщичьи крестьяне, грамотные лакеи, гарнизонные солдаты, матросы, таможенные сторожа, фабричные и заводскіе рабочіе и т. д., и притомъ безъ всякихъ указовъ отъ епархіальной власти, по одному выбору прихожанъ и священниковъ, или по распоряженію господъ и разныхъ свѣтскихъ командъ (1). Въ землѣ войска донскаго и въ козацкихъ селеніяхъ Малороссіи причетники считались въ козацкомъ званіи; какъ опредѣленіе ихъ къ церквамъ, такъ и увольненіе зависѣло отъ войсковыхъ начальствъ (2). Подобные же факты встрѣчаемъ и во внутреннихъ областяхъ Россіи, гдѣ и духовенство было многочиссеннѣе, и епархіальная власть сильнѣе. Въ настольной книгѣ Данилова переславльскаго монастыря (за 1703—1743 гг.) находимъ наприм.: выборъ дьячка 1739 г., произведенный старостою и крестьянами монастырскаго села Романова: „со всего мірскаго сбора выбрали и излюбили“ малолѣтняго сына умершаго дьячка съ тѣмъ, чтобы онъ до своего возраста отправлялъ дьячковскую службу по найму; тутъ же встрѣчаемъ другой образчикъ опредѣленія въ причетники вслѣдствіе договора кандидатовъ съ священникомъ. И въ томъ и другомъ случаѣ дѣло не восходило для окончательнаго утвержденія далѣе властей вотчиннаго монастыря. Замѣчательно также, что въ первомъ случаѣ прихожане выбрали во дьячки человѣка духовнаго происхожденія,—наслѣдника, и во второмъ священникъ нанялъ во дьячки крестьянскихъ дѣтей (3). Даже въ московской епархіи, гдѣ опредѣленіе

---

(1) Историко-стат. свѣд. о спб. епарх. Спб. 1869. вып. I, 54. 119. вып. II, 205. 206.

(2) П. С. З. т. X, № 7144. 7331. XII, 9299. 9327. XVII, 12454.

(3) Арх. истор. и практ. свѣд. 1859. кн. IV. стр. 36.

причетниковъ, судя по всему, должно бы было стать въ большую зависимость отъ епархіальной власти, чѣмъ гдѣ-либо, множество причетниковъ служило безъ указовъ, по вольному найму, еще и во второй половинѣ XVIII вѣка. Самые указы или повоявленныя памяти выдавались не самими архіереями, а духовныхъ дѣлъ управителями, которымъ такимъ образомъ принадлежало окончательное утвержденіе церковниковъ въ должности. Посвященіе въ стихарь не было въ употребленіи; первый изъ московскихъ архіереевъ сталъ вводить его Платонъ I Малиновскій (1748—1754), вслѣдствіе чего всѣ кандидаты на церковно-служительскія мѣста должны были при немъ являться въ Москву, а не въ уѣздныя только духовныя правленія. Несмотря на это, когда его преемникъ м. Тимооей Щербатскій вздумалъ въ 1765 г. обратить вниманіе на причетниковъ, то оказалось, что „не токмо приходскіе священники, но и духовныхъ дѣлъ управители держали при церквахъ своихъ церковниковъ безъ указовъ года по 2 и болѣе". Консисторія распорядилась сначала брать съ такихъ безуказныхъ церковниковъ денежный штрафъ, потомъ опредѣлила наказывать ихъ пецадно плетьми. Но и послѣ этой грозной мѣры м. Платонъ (Левшинъ), при вступленіи своемъ на московскую каеедру въ 1775 г., съ неудовольствіемъ узналъ, что не только въ уѣздахъ, но и въ самой Москвѣ священники для своихъ выгодъ нарочно не замѣщали причетническихъ мѣстъ при своихъ церквахъ, чтобы по старому отдавать ихъ за дешевую плату наемнымъ посторонним лицамъ (1). Здѣсь кстати можно припомнить одинъ обычай при опредѣленіи пономарей, существовавшій между прочимъ и въ московской епархіи. Такъ какъ на пономарскія должности особенно много напималось людей посторонних, а между тѣмъ пономарямъ поручалось хране-

(1) Истор. моск. епарх. упр. ч. I. примѣч. 229. кн. 1 ч. II, стр. 31. 70. кн. 2, стр. 56. ч. III, кн. 1, стр. 16. 125.

ніе церкви и церковной утвари, то принято было при опредѣленіи ихъ въ должность обязывать ихъ особыми записями отъ крѣпостныхъ дѣлъ за поручительствомъ 3—6 человѣкъ; они обязывались при прохожденіи своей должности „не пьянствовать, не воровать, съ ворами не знаться и къ той церкви воровъ не подвесть, и самимъ ничего не покрасть“ и проч. Записи эти были уничтожены уже въ 1765 г. указомъ св. Синода, которымъ запрещено держать при церквахъ нештатныхъ пономарей подъ именемъ сторожей (1).

Въ юго-западной Россіи причетническое служеніе окончательно обратилось въ вольнонаемное ремесло и еще менѣе зависѣло отъ вліянія епархіальной власти (2). Церковно-служитель или „дякъ“ былъ обыкновенно одинъ для цѣлой парохіи, хотя бы при церкви было даже нѣсколько священниковъ. Онъ былъ и распорядитель клироса, собственно дьякъ, и вмѣстѣ учитель и начальникъ парохіальной школы, „панъ бакаляръ, панъ дирехторъ“. Очень рѣдко въ приходѣ былъ еще „паламарь“; должность его была излишнею въ приходѣ, потому что его обязанности легко исполняли или самъ дьякъ, или ученики дьяковой школы. Послѣдніе, обучаясь у дьяка, во всемъ ему помогали по церкви, читали на клиросѣ, ходили съ священникомъ на требы, составляли пѣвческій хоръ, чистили церковь и проч. Дьякъ былъ человѣкъ кругомъ зависимый, зависѣлъ отъ парохіянъ, для которыхъ его школа была тѣмъ же, чѣмъ братскія школы для братствъ, ихъ созданіе и собственность, зависѣлъ и отъ пана пароха, для котораго онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ служителя, работника. Подъ вліяніемъ католическаго церковнаго строя зависимость юго-западныхъ церковно-служителей отъ священниковъ развилась до такой степени, до какой она никогда не доходила въ Великороссіи, хотя и здѣсь

---

(1) Тамже, ч. II, кн. 1, стр. 116—117. кн. 2, прим. 311.

(2) Подробности о дьякахъ см. въ Рук. для с. паст. 1861. № 39. 51; «Очерки быта малор. дух.»; также, 1864. № 42.

и въ приходскихъ выборахъ и въ новоявленныхъ памятяхъ церковно-служителямъ постояно внушалось правило во всемъ слушаться священника. Великорусскій причетникъ былъ штатный служитель церкви, всегда имѣлъ опредѣленную долю въ церковномъ доходѣ и землѣ и чувствовалъ себя человѣкомъ самостоятельнымъ, тогда какъ юго-западный дьякъ служилъ по найму, не имѣлъ никакой части ни въ доходѣ священника, ни въ церковной землѣ, которая цѣликомъ отводилась въ пользованіе одному пароху, и жилъ на особыя средства, составлявшіяся частію изъ руги и другихъ даяній отъ парохіянъ, частію отъ произвольныхъ подачекъ священника за разныя послуги, въ родѣ напр. куска хлѣба и сала на поповой кухнѣ и т. п. Такія отношенія между священниками и дьяками сохранялись до позднѣйшаго времени. Еще въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія юго-западнымъ архіереямъ стоило большихъ усилій убѣждать священниковъ въ томъ, что дьяки суть служители церкви, а не священниковъ, и уговорить къ выдѣленію имъ обычной части земли и дохода (¹). Въ такой же зависимости дьякъ былъ и у прихожанъ, особено у сельскихъ старшинъ и помѣщиковъ. Въ одномъ ирмологіѣ (издан. 1757 г.) найдены были наприм. такіе стихи, произведеніе дьяковой музы:

Хто въ NN не бувавъ,
Той и лыха не знававъ;
Я въ NN проживавъ
И много бидъ принявъ.
Дякувавъ и паламарювавъ
И попа до церкви рано пробуждавъ;
Ище жъ до того й людямъ угождавъ,
И М.... панщыну работавъ.
Бо чуть свитъ свитае,
То асаулъ Кирносъ до школы прихожае и глашае:
Дяче! на панщыну! косить,
Або будешь брусья носыть...
Ище крипче гонить
На ленъ панскій
Иванъ Пивторацкый...
Люди говорять:
Горе тоби, горе, дяче!

(¹) См. напр. Подол. еп. вѣдом. 1863 г. № 23: Жизнеопис. преосв. Кирилла подольскаго.

Згынешь ты въ насъ,
Неборачe!

Здѣ, читатель, мене извини
И назадъ листокъ переверни...

На другомъ листѣ видно, что дякъ бѣжалъ изъ села, оставивъ такое завѣщаніе:

Хто хоче лыхо знаты,
Не хай иде въ NN дякуваты;
То буде паніцыну въ будни робыты,
А въ субботу ходить звоныты,
Сала по селу прохаты

И скризь за хлибомъ шмаруваты,
Въ церкви жъ горшка давно не маемъ,
И покрышку для вогня позычаемъ...
Сіе вамъ изображаю,
И самъ въ NN утикаю (1).

Въ XVIII столѣтіи дьякъ не заводился даже семьей и жилъ вольнымъ холостякомъ, не заботясь ни о землѣ, ни о хозяйствѣ, чѣмъ-то въ родѣ козака-пролетарія.

Неудивительно, что при такой обстановкѣ дьяковскія мѣста еще дольше не могли сдѣлаться наслѣдными и закрыться для постороннихъ лицъ, чѣмъ причетническія мѣста въ великорусскихъ приходахъ. Поповичу было вовсе нелестно сдѣлаться дьякомъ; если онъ и бралъ на себя дьяковскую должность, то развѣ на время, чтобы потомъ перейти съ нея на вольное или наслѣдное священническое мѣсто. Въ дьяки шли большею частію люди бездомные, сироты мѣщанскаго, козацкаго, крестьянскаго происхожденія, не знавшіе, никакого ремесла, которымъ безъ дьяковства весь вѣкъ свой было бы нужно провести въ состояніи „людскихъ попыхачей“ и которыхъ еще въ дѣтствѣ какой-нибудь сострадательный человѣкъ отдавалъ въ школу къ знакомому дьяку. Порядочный хозяинъ ни самъ не взялъ бы, ни сыну не дозволилъ бы взять дьяковской службы, потому что она считалась во всякомъ случаѣ ниже какъ деревенскаго хозяйства, такъ и городскаго ремесла. Пройдя въ школѣ всѣ степени дьяковой премудрости, изучивъ въ теченіе многихъ лѣтъ церковный кругъ,

---

(1) Вѣсти. Имп. геогр. общ. 1850, кн. 7: «Черный лѣсъ» (херс. губ.). стр. 52—53.

пѣніе на гласы, на подобны, догматики и проч., кромѣ того множество духовныхъ кантовъ, псальмъ, пѣсенъ всякихъ и веселыхъ и грустныхъ напѣвовъ, множество рѣчей, виршей, причитаній, вертепныхъ піэсъ и другихъ принадлежностей южно-русскаго колядованья, спѣваній и миркованій, отъ которыхъ дьякъ и его школа получали свой главный доходъ, претерпѣвъ многолѣтнія лишенія школьнаго житья и тяжести дьяковской педагогіи, школяръ дѣлался поддячимъ, а потомъ и дьякомъ, паномъ бакаляромъ и дирехторомъ, и за тѣмъ большею частію на всю жизнь предавался дьяковскому ремеслу, потому что, съ постепеннымъ развитіемъ семинарскаго образованія и наслѣдственности священно-служительскихъ мѣстъ, подняться выше дьяковства для него было весьма трудно.

И опредѣленіе и увольненіе дьяка производилось безъ всякихъ спросовъ по начальству. Кандидатъ на дьяковское мѣсто являлся къ священнику и старостѣ и испрашивалъ у нихъ дозволенія послужить при церкви недѣли двѣ или три для испытанія и для пріобрѣтенія расположенія громады, безъ которой ни священникъ, ни ктиторъ не могли опредѣлить его ни къ церкви, ни къ школѣ. Поправился новый дьякъ громадѣ,—священникъ и ктиторъ заключали съ нимъ контрактъ; не поправился,—искали другаго. Мѣсто дьяка долго пусто не бывало. По всему краю бродило множество безмѣстныхъ или такъ называемыхъ „мандрующихъ“ дьяковъ, которыхъ можно было пригласить къ парохіи. Одни изъ нихъ бродили изъ села въ село, отъ школы къ школѣ для того, чтобы перенимать у разныхъ дьяковъ разныя хитрости и тонкости дьяковскаго ремесла, одному узнать все, что̀ знали многіе, и достигнуть идеала дьячества, сдѣлаться „дьякомъ мандрованнымъ“, предметомъ уваженія и гордости парохіи предъ всѣми сосѣдними парохіями [1]; другіе

---

[1] Любопытныя замѣтки о мандрованныхъ дьякахъ можно видѣть въ Опис. харьк. епархіи, также въ Дух. вѣст. 1864 г. т. VIII, 572—573.

странствовали потому, что имъ просто не жилось на одномъ мѣстѣ и притомъ же странствовать было имъ такъ легко; безсемейный и бездомовный дьякъ, положивъ на плечо палку съ навѣшенной на нее потяжелой торбой, могъ справедливо изречь, какъ древній мудрецъ: omnia mecum porto. Если къ парохіи не приставалъ ни мандрованный, ни мандрующій дьякъ, на дьяковскую вакансію всегда можно было найти хорошаго дьяка изъ подъячихъ своей или сосѣднихъ школъ.—Въ томъ случаѣ, когда священникъ хотѣлъ опредѣлить въ дьяки своего сына или родственника, онъ тоже сначала испрашивалъ на то согласіе громады, потомъ ставилъ кандидата передъ сходомъ, читалъ ему наставленіе: „шануй громаду, поважай хозяевъ“, и со всей громадой отводилъ его въ школу, гдѣ громада „запивала“ избраннаго, изъявляя ему свое благожеланіе скорѣе „выдряпаться на попа“. — Во всѣхъ случаяхъ опредѣленіе дьяка производилось громадой самовластно, какъ дѣло совершенно домашнее; не считали нужнымъ даже и извѣщать о немъ, не писали ни архіерею, ни намѣстнику, ни протопопу; только въ клировыхъ вѣдомостяхъ значилось потомъ, что при церкви дьякомъ служитъ такой-то.

Въ такомъ видѣ приходскіе выборы существовали въ теченіи всей первой половины XVIII в., а въ юго-западной Россіи еще долѣе, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ выдерживая борьбу со всѣми препятствіями, которыя скоплялись къ подрыву ихъ со стороны и наслѣдниковъ, и епархіальныхъ властей, и повсюду умножавшихся духовныхъ школъ. Въ началѣ XVIII столѣтія, какъ и естественно ожидать, борьба эта исключительно сосредоточивалась около однихъ священно-служительскихъ мѣстъ. Самые живые и выразительные факты ея мы встрѣчаемъ въ юго-западной Россіи, гдѣ сильныя приходскія общины и еще болѣе сильные паны патроны имѣли всѣ средства противупоставлять свое старинное право не только правамъ наслѣдниковъ, но и распоряженіямъ епархіальныхъ властей.

Права наслѣдниковъ, какъ мы знаемъ, признавались всѣми и въ юго-западной Россіи; но парохіяне никакъ не хотѣли, чтобы эти права получили значеніе безусловное. Отстаивая свое право выбора, они требовали, чтобы наслѣдникъ, какъ и всякій другой искатель парохіи, для полученія ея постарался предварительно заискать ихъ благорасположеніе и согласіе; право наслѣдственности становилось такимъ образомъ въ подчиненіе праву приходскихъ выборовъ. Нѣкоторые наслѣдники такъ и старались поступать; но большая часть изъ нихъ старались напротивъ, какъ можно рѣзче, выставлять свои наслѣдныя права, давали громадѣ почувствовать, что они парохи, такъ сказать, прирожденные и ничѣмъ ей не обязаны, гордились и предъ своимъ братомъ — другимъ парохомъ выборнымъ, называя его „мужицкимъ попомъ“ (1). Надобно вспомнить при этомъ, что борьба выборнаго порядка съ наслѣдственнымъ перешла здѣсь въ XVIII вѣкъ въ самомъ разгарѣ; поборники того и другаго дѣйствовали еще съ свѣжею страстностью и съ не уходившейся энергіей, которая не допускала никакихъ уступокъ и благоразумныхъ усилій уравновѣсить интересы сторонъ. Очень неудивительно, что приходскія громады непріязненно относились ко всѣмъ вообще наслѣдникамъ, хотя бы послѣдніе и не желали ихъ обижать. Снабжая своихъ избранниковъ всѣмъ нужнымъ для посвященія и первоначальнаго обзаведенія, парохіяне очень холодно относились къ наслѣдникамъ и предоставляли ихъ самимъ себѣ даже въ томъ случаѣ, когда бѣдный наслѣдникъ, не получивъ въ наслѣдство особенно цвѣтущаго хозяйства, самъ принимался заискивать въ громадѣ и звалъ къ себѣ лучшихъ ея хозяевъ на новоселье. Когда же наслѣдникъ самъ лѣзъ на обиду съ своей притязательностью или явно пренебрегалъ значеніемъ парохіянъ, особенно людей влія-

(1) Руков. для с. паст. 1861 г. № 32.

тельныхъ, негодованіе ихъ принимало иногда весьма грозные размѣры. Дѣло оканчивалось тѣмъ, что громада отбирала у наслѣдника церковные ключи и выгоняла его изъ парохіи вонъ.

Вотъ одно подобное дѣло, относящееся къ 1721 г. Въ селѣ Засульѣ лубенскаго полка, принадлежавшемъ полковнику Маркову, умеръ священникъ Савельскій, оставивъ послѣ себя молодую жену и четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей, „ни единаго наслѣдника въ совершенномъ возрастѣ до презвитерства способнаго по себе не оставивъ“. Митроп. Іоасафъ Кроковскій далъ вдовѣ право на полученіе всѣхъ доходовъ съ парохіи мужа, а для служенія при церкви и для требъ дозволилъ ей держать по найму викарія. Вдова владѣла парохіей 7 лѣтъ, выдавая викарію обычную $^1/_8$ доходовъ, пока не подросла одна изъ ея дочерей,—наслѣдница. Къ наслѣдницѣ скоро подыскался женихъ, поповичъ Евстафій Степановъ, разумѣется, съ намѣреніемъ поступить на мѣсто умершаго тестя. Но, попадѣявшись на право наслѣдства, онъ не почелъ нужнымъ испросить согласія ни у владѣльца села, ни у крестьянъ. Марковъ разсердился и прямо сказалъ ему, чтобы онъ не имѣлъ никакой надежды на парохію. „Я жены здѣсь ищу, а не парохіи“, отвѣчалъ женихъ, а между тѣмъ тихонько хлопоталъ о полученіи въ приданое и парохіи. Узнавъ объ этомъ, Марковъ предупредилъ консисторію, чтобы она не назначала къ нему Степанова въ парохи, и получилъ отъ нея письменное обнадеженіе, что его желаніе будетъ исполнено. Вскорѣ послѣ этого онъ долженъ былъ отправиться изъ своего села въ походъ къ Ладогѣ; поэтому поспѣшилъ до отъѣзда выбрать на парохію своего кандидата и послалъ его съ заручною отъ себя и отъ всѣхъ парохіянъ въ консисторію. Но на этотъ разъ, воспользовавшись его отъѣздомъ, консисторія отказалась исполнить его прошеніе и представила къ посвященію Степанова, отписавъ помѣщику, что Степановъ „явился до того чина способнѣйшій и наслѣдіемъ до тестев-

ской церкви ближній". Получивъ мѣсто, новый священникъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ наѣхалъ на парохію и явился въ церковь. Викарій служилъ въ это время повечерие правило. Отецъ новаго пароха хотѣлъ опубликовать своего сына пресвитеромъ и, когда викарій недоумѣвалъ, что дѣлать, схватилъ насильно съ него на свою шею епитрахиль и началъ читать указъ. Произошло смятеніе, въ которомъ приняли горячее участіе крестьяне и прикащикъ Маркова. Наѣзжіе священники принуждены были бѣжать въ Глуховъ къ гетману и старшинѣ, гдѣ подали отъ себя жалобу, будтобы жена Маркова, оставшаяся по отѣздѣ мужа дома, „въ духовныя дѣла интересуется и доходы на себе сбираетъ". Узнавъ объ этихъ событіяхъ, Марковъ обратился съ прошеніемъ въ св. Синодъ и успѣлъ выхлопотать рѣшеніе, чтобы дѣло было разслѣдовано, до окончанія же его парохіей завѣдывалъ попрежнему викарій, а Степановъ чтобы удалился къ отцу для помощи въ служеніи, такъ какъ ему владѣльцу не безтягостно будетъ терпѣть у себя противъ его желанія наѣхавшаго пастыря, да и послѣднему, „такимъ насильствомъ туда втиснувшемуся, на большее его владѣльца опечаленіе и укоръ, священнодѣйствовать не безгрѣшно будетъ" (1). Чѣмъ кончилось дѣло по слѣдствію, мы не знаемъ.

Подобныя дѣла бывали иногда очень сложны и продолжительны. Если наслѣдникъ былъ уже посвященъ и служилъ при какой-нибудь парохіи, онъ тотчасъ же по смерти отца или тестя являлся въ свою наслѣдную парохію и поселялся въ домѣ покойника, не дожидаясь ни согласія прихожанъ, ни рѣшенія епархіальной власти. Между тѣмъ приходъ выбиралъ своего кандидата и посылалъ его къ архіерею посвящаться, а послѣ посвященія селилъ его на новомъ мѣстѣ въ особо отведенной квартирѣ. Въ приходѣ являлось

---

(1) Описан. дѣлъ синод. арх. т. I, стр. 379—381.

разомъ два пароха и возникала длинная тяжба, которая тѣмъ труднѣе была для рѣшенія, что епархіальная власть признавала право наслѣдника вполнѣ состоятельнымъ даже и безъ ея, такъ сказать, санкціи и попадала въ указанномъ случаѣ въ безвыходную дилемму — или отвергнуть это важное по ея сознанію право, или отказать отъ мѣста посвященному ею избраннику громады, т. е. сознаться въ поспѣшности своего посвященія и отвергнуть другое столь же общепризнанное право, право приходскихъ выборовъ. А между тѣмъ тяжущіяся стороны горячились, писали жалобы въ Синодъ и Сенатъ; дѣло разросталось и шло въ гору.—Нельзя впрочемъ не замѣтить, что во второй половинѣ XVIII столѣтія сторона парохіянъ и ихъ избранниковъ въ подобныхъ тяжбахъ все болѣе и болѣе слабѣетъ. Вотъ образчикъ такого рода тяжбы за 1768—1778 гг. Прихожане кіево-подольской Васильевской церкви, по случаю смерти одного изъ двоихъ своихъ священниковъ, Павла Лобка, который весь вѣкъ свой провелъ въ дракахъ, ябедахъ и пьянствѣ и по смерти оставилъ такого же сына наслѣдника, кончившаго курсъ философіи въ академіи, подали прошеніе (1768) митрополиту, чтобы онъ не рукополагалъ къ нимъ этого наслѣдника, какъ человѣка пьянаго, задиравшагося постоянно съ прихожанами, буяна и гуляку. Наслѣдникъ тоже подалъ митрополиту прошеніе, въ которомъ заявлялъ свои права. Завязалось дѣло, очень затруднявшее епархіальное начальство и тянувшееся цѣлыхъ 10 лѣтъ. Наслѣдникъ посвященъ не былъ, но и безъ посвященія все-таки успѣлъ крѣпко насѣсть на свою наслѣдную половину парохіи, пользуясь всѣми обычными правами, имѣлъ свою недѣлю, въ теченіе которой завѣдывалъ всѣми приходскими дѣлами, распоряжался дьяками, принималъ прихожанъ съ требами, рядился съ ними о платѣ и получалъ ее, отдавая половину тому, кто за него совершалъ самую требу, между тѣмъ дѣлалъ новыя обиды и наглости

прихожанамъ. Послѣдніе подавали новыя жалобы и возбуждали новыя слѣдствія, но, отчаявшись побороть противника, тѣмъ только и кончили дѣло, что упросили митрополита вовсе упразднить другое священническое мѣсто при ихъ церкви (1).

Въ епархіяхъ московской Россіи подобныхъ явленій не видимъ. Наслѣдственность духовнаго служенія успѣла до того сдѣлаться здѣсь сильною, что почти постоянно принималась въ расчетъ при самыхъ выборахъ; большая часть заручныхъ челобитныхъ ходатайствуетъ именно о наслѣдникахъ. Отношеніе наслѣдственныхъ правъ на церковную должность къ приходскимъ выборамъ было когда-то и здѣсь волнующимъ и безпокойнымъ вопросомъ для приходской общины, но приходская община XVIII в. уже и не помнила, когда это было. Прихожане равнодушно смотрѣли, какъ церковь переходила по наслѣдству отъ священника отца къ священнику сыну или зятю, за тѣмъ къ внуку и т. д. Это былъ заведенный порядокъ, къ которому всѣ привыкли и который уже никого не занималъ. Заручный выборъ былъ необходимъ при поступленіи на мѣсто и для наслѣдника, но это была только формальность, державшаяся по старой памяти и потерявшая всякое живое значеніе для прихожанъ; послѣдніе безспорно подписывали выборъ для всякаго наслѣдника, если только онъ не былъ человѣкомъ положительно негоднымъ и ненавистнымъ для всѣхъ. Если и приходилось ему предварительно покланяться для полученія выбора, то развѣ передъ какими-нибудь немногими сильными людьми въ приходѣ, наприм. въ городахъ предъ богатыми купцами—благотворителями приходскаго храма, которые, какъ и теперь, любили выставлять свое значеніе и привыкли, чтобы ихъ во всемъ спрашивались въ приходскихъ дѣлахъ, также предъ

---

(1) Очерки быта малор. дух. въ XVIII стол. Рук. для с. паст. 1861 г. № 51.

вотчинными владѣльцами въ селеніяхъ. — Бывали еще изрѣдка случаи, когда прихожане возвышали свой голосъ въ противодѣйствіе чрезмѣрному развитію владѣльческихъ отношеній духовенства къ приходскимъ церквамъ. Наприм. въ 1720 г. одинъ изъ священниковъ двухштатнаго прихода при московской Петропавловской церкви (на Калужской улицѣ) Авксентій Филипповъ за малоприходствомъ оставилъ свою церковь и перешелъ къ другой, но при этомъ хотѣлъ удержать свои права и на прежнее мѣсто съ цѣлію продать его. Подобные случаи были нерѣдки и прихожане къ нимъ привыкли, но на этотъ разъ священникъ—продавецъ стараго мѣста превысилъ свои владѣльческія на него права, потому что оно не было ни родовою, ни купленною его собственностію; прихожане возстали противъ такой несправедливости и въ 1721 г. подали въ св. Синодъ прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ, прописавъ означенныя обстоятельства, просили: „Всемилостивѣйшій Государь! просимъ ваше величество, да повелитъ ваше державство у нашей приходской церкви оставшему священнику быть одному, а второму мѣсту въ продажѣ не быть, попеже у той нашей церкви мѣста поповскія не купленныя, церковныя, и двоихъ поповъ стрѣльцы (приходъ былъ прежде стрѣлецкій) имѣли для походовъ, а нынѣ двоимъ попамъ быть не у чего“. Св. Синодъ опредѣлилъ исполнить это прошеніе (1). Но рядомъ съ такими примѣрами встрѣчаемъ другіе противуположные. Прихожане подавали въ св. Синодъ прошенія, имѣвшія цѣлію утвердить владѣльческія права ихъ священно-служителей надъ церквами, и хлопотали о зачисленіи церковныхъ мѣстъ за наслѣдниками и наслѣдницами даже послѣ такихъ священно-служителей, которые были лишены свящ. сана по суду и сосланы на каторгу, или

(1) Собраніе постан. по вѣд. прав. испов. I, стр. 97—98.

на Соловки; вѣроятно, въ этихъ случаяхъ церковныя мѣста священно-служителей были купленныя или родовыя (1).

Ослабленіе выборнаго начала въ однихъ случаяхъ не замедлило повести къ ослабленію его и въ другихъ. Привыкнувъ безучастно смотрѣть, какъ наслѣдники занимали приходскія мѣста на основаніи однихъ своихъ наслѣдственныхъ правъ, великорусскіе приходы вмѣстѣ съ этимъ начинали равнодушно относиться и къ другимъ вольнымъ кандидатамъ на священнослужительскія должности. Такое равнодушіе могло развиваться тѣмъ скорѣе и удобнѣе, что при отсутствіи высшихъ религіозныхъ интересовъ въ народѣ, наприм. такихъ, какіе были въ воинствующей юго-западной части русской Церкви и которые требовали отъ народа особенной внимательности къ пастырскимъ достоинствамъ духовенства, при изключительно-обрядовомъ направленіи великорусской религіозности, духовенство, какъ мы уже однажды замѣтили, имѣло въ обществѣ тоже изключительно-обрядовое значеніе, не требовавшее отъ прихожанъ особенной внимательности въ выборѣ кандидатовъ на церковныя мѣста и дававшее приходамъ полную возможность опочить на давно извѣстномъ правилѣ народной мудрости, что „кто ни попъ, тотъ батька“. Въ самомъ началѣ XVIII в. мы видимъ уже ясные признаки того безучастнаго отношенія народа къ церковно-приходскимъ дѣламъ, результаты котораго такъ тяжело приходится испытывать нашему времени, когда духовенству снова пришлось искать опоры въ приходахъ. Видно, въ чемъ дѣло, когда при Петрѣ великомъ для поддержанія стариннаго права приходскихъ выборовъ понадобились особые указы, въ которыхъ и духовная и гражданская власть, какъ мы видѣли, старались искусственно придать этимъ выборамъ серьезное значеніе въ ставленіи-

(1) Опис. синод. арх. I, стр. 189. 564—565.

ческомъ дѣлопроизводствѣ, когда оказалось нужнымъ, чтобы поповскій староста или членъ духовнаго правленія лично распрашивалъ прихожанъ, угоденъ ли имъ ставленикъ, и долженъ былъ ручаться за подлинность подписей на заручныхъ спискахъ, когда ставленикъ при своемъ прошеніи на мѣсто могъ представить фальшивый выборъ, старался только какъ-нибудь получить рукоположеніе на мѣсто и не думалъ много о томъ, какъ прихожане его примутъ.

Само собой разумѣется, что возстановить живое значеніе приходскихъ выборовъ правительственными указами было весьма мудрено, да и самые эти указы имѣли при этомъ въ виду не столько права приходскихъ общинъ, сколько устраненіе разныхъ злоупотребленій со стороны ставленниковъ и административные интересы епархіальной власти. Не нужно забывать, что XVIII вѣкъ былъ временемъ не развитія, а упадка общественныхъ силъ во всѣхъ сферахъ народной жизни, временемъ усиленнаго развитія правительственной регламентаціи и опеки надъ народною жизнью всякихъ, и крупныхъ и мелкихъ начальствъ, временемъ окончателанаго водворенія и быстраго распространенія крѣпостнаго права. Общественная жизнь замирала тогда во всѣхъ своихъ функціяхъ; что было прежде свободнымъ правомъ общинъ, то теперь получало характеръ обязанности, повинности; земскія власти замѣнялись приказными начальствами; общинные выборы вытѣснялись повсюду административными назначеніями и проч. Что касается вчастности извѣстныхъ намъ указовъ о выборахъ членовъ клира прихожанами, то эти указы очевидно давали выборнымъ спискамъ уже не то значеніе, какое они имѣли во времена свободнаго развитія приходской жизни, значеніе не прямо выраженнаго желанія приходской общины имѣть своимъ пастыремъ такого-то, а только простаго указанія на имѣющагося въ виду кандидата и засвидѣтельствованія его добрыхъ качествъ и годности къ священно-служительской должности съ предоставленi-

емъ настоящаго выбора самой епархіальной власти. Тогда какъ въ прежнее время судьба кандидата на церковное мѣсто главнымъ образомъ рѣшалась среди приходской общины, теперь она стала рѣшаться главнымъ образомъ при епархіальной каѳедрѣ, принимавшей предварительныя дѣйствія прихожанъ только къ свѣдѣнію. Вмѣсто приходскаго избранія на первомъ планѣ въ ставленическомъ производствѣ становилось „усмотрѣніе епископле“, которое по мѣрѣ упадка общественной силы въ приходахъ получало все большее и большее значеніе.

Самую прочную опору для развитія своего значенія въ этомъ случаѣ епархіальная власть получила въ новыхъ требованіяхъ отъ поступающихъ на священно-служительскія мѣста относительно извѣстнаго спеціальнаго образованія и подготовки къ священно-служительской должности. Мы уже видѣли, какую услугу епархіальной власти должны были оказать въ этомъ отношеніи вновь заводимыя повсюду архіерейскія школы. Законъ положительно опредѣлялъ не возводить на священно-служительскія степени неученыхъ помимо ученыхъ, хотя бы и прихожане о нихъ били челомъ, а обучавшихся въ школахъ ставить на мѣста и безъ выбора прихожанъ. Правда, число учениковъ въ архіерейскихъ школахъ въ теченіе всей первой половины XVIII столѣтія было еще далеко недостаточно для замѣщенія ими всѣхъ священно-служительскихъ мѣстъ въ имперіи (1); но требованія новаго времени, усиливавшія въ выборѣ кандидатовъ священства „усмотрѣніе епископле“, простирались и на тѣхъ кандидатовъ, которые не получили школьнаго образованія. Еще до заведенія епархіальныхъ школъ архіереямъ велѣно быть „опасными и жестокими“ въ испытаніи ставле-

(1) Въ 1767 г. число учениковъ во всѣхъ духовныхъ школахъ простиралось всего только до 6,000. См. Ист. росс. іерарх. ч. I, стр. 448.

никовъ подъ страхомъ за поставленіе малограмотнаго кандидата лишиться архіерейской каосдры (1). Требованіе строгаго испытанія ставленниковъ подъ отвѣтственностію архіереевъ повторялось потомъ неоднократно въ Регламентѣ и послѣдующихъ указахъ Петра и его преемниковъ. Въ указѣ 15 марта 1737 г. читаемъ: „во священника и дьякона выбирать тѣхъ приходовъ прихожанамъ всѣхъ необходно и подавать объ нихъ выборы за руками, въ которыхъ писать имъ приходскимъ людямъ именно, что оные выбранные люди добрые и безпорочные, грамотѣ умѣющіе“ и проч. по указу 1722 г.; „и по поданіи тѣхъ выборовъ оныхъ выбранныхъ архіереямъ по обыкновенію слушать и свидѣтельствовать по правиламъ святымъ, и ежели по свидѣтельству ихъ архіерейскому неподозрителенъ будетъ, тогда велѣть имъ изучить книжицы о вѣрѣ и законѣ христіанскомъ... безъ изустнаго же изученія о вѣрѣ и законѣ христіанскомъ никого не посвящать, да и въ причетъ церковный отнюдь произвожденія не чинить; и оное самимъ архіереямъ имѣть во всегдашней памяти со всеконечнымъ исполненіемъ подъ немалымъ за то самихъ архіереевъ штрафованіемъ, аще отъ кого въ томъ противнымъ тому образомъ поступлено будетъ; чего ради при достодолжномъ во священника и въ діакона и въ причетъ церковный о каждомъ произведеніи вышепрописанное все между прочимъ вносить въ докладныя выписки точно“ (2). Въ 1739 г. встрѣчаемъ замѣчательный указъ, который долженъ былъ понизить значеніе приходскихъ выборовъ предъ усмотрѣніемъ епископлимъ больше всѣхъ прежнихъ указовъ. „Имѣть Синодъ во всѣ епархіи къ архіереямъ послать Ея Императорскаго Величества указы, дабы приходскіе люди по сущей справедливости и такъ совѣство, какъ они имѣютъ суду Божію предстать,

---

(1) П. С. З. т. IV, № 2352 п. 8—9.
(2) Тамже, т. X, № 7204.

выбирали къ приходской церкви на одно порожее священническое или діаконское мѣсто по два или по три кандидата, и если отъ одной церкви выбрать толикаго числа нельзя, то и отъ другихъ ближнихъ приходовъ въ кандидаты дополнять, которыхъ самимъ архіереямъ свидѣтельствовать о разумѣ, о наученіи закона и о прилежаніи къ св. Писанію, и притомъ и о безпорочномъ его житіи, а потомъ чрезъ нѣкоторое довольное время, а именно не меньше 3-хъ мѣсяцевъ, всѣхъ оныхъ ставленниковъ имѣютъ архіереи, каждый при своемъ домѣ или въ ближнихъ градскихъ монастыряхъ содержать и пищею довольствовать, а между тѣмъ учительнымъ священникамъ велѣть обучать ихъ... и каждую недѣлю всѣхъ оныхъ имѣютъ архіереи экзаменовать, а между тѣмъ велѣть подмѣчать состояніе житія ихъ и поступковъ, кто изъ нихъ по достовѣрному свидѣтельству обрящется достойнѣе чина священства, и такихъ имѣютъ и посвящать“ (1). Ниоткуда впрочемъ не видно, что бы этотъ указъ когда-нибудь приводился въ исполненіе, да едвали и возможно было требовать отъ прихожанъ, чтобы они на каждое мѣсто выбирали непремѣнно троихъ кандидатовъ.

Все болѣе и болѣе возраставшее недовѣріе іерархіи къ приходскимъ выборамъ усиливало надъ ними контроль епархіальной власти. Не довольствуясь повѣркой ихъ посредствомъ строгаго испытанія ставленниковъ, разныхъ допросовъ, справокъ и другихъ формальностей ставленическаго дѣлопроизводства, епархіальная власть стремилась къ усиленію надзора надъ самой процедурой выборовъ. Кромѣ засвидѣтельствованія о подлинности рукоприкладствъ на выборныхъ спискахъ и неимѣніи никакихъ препятствій къ производству ставленика, относящихся къ обстоятельствамъ вакантнаго мѣста (дѣйствительно ли оно праздно, штатное ли, обезпечено ли ругой, землей и т. п.), по-

(1) Тамже, X, № 7734.

повскій староста или членъ правленія, присутствовавшій на выборахъ, въ своемъ донощеніи долженъ былъ свидѣтельствовать еще о грамотности и достоинствѣ избраннаго и о томъ, что все производство о ставленикѣ чинено безъ всякаго пристрастія и лакомства (1). Полное опредѣленіе о порядкѣ приходскихъ выборовъ, имѣвшее силу до конца XVIII в., находимъ въ благочиннической инструкціи м. Платона (2); въ ней опредѣлено, чтобы избраніе какъ въ священно-служители, такъ и въ церковно-служители къ приходской церкви происходило въ той церкви при благочинномъ и при собраніи мѣстныхъ священно-и-церковно-служителей и лучшихъ прихожанъ, „и по молитвѣ и по призванію Божіей благодати избрать достойнаго таковыя должности, честнаго житіемъ и постепеннаго и предпочтительно изъ ученыхъ". Благочинный долженъ былъ наблюдать при этомъ, чтобы избираемый на мѣсто былъ человѣкъ показанныхъ качествъ, а потомъ въ засвидѣтельствованіе того, что подписи прихожанъ подлинны и что избраніе происходило настоящимъ порядкомъ, долженъ былъ самъ подписаться подъ прошеніемъ объ опредѣленіи избраннаго на мѣсто. Если бы совершенно достойнаго кандидата при приходской церкви не оказалось, то избирать отъ другихъ церквей, или же отдавать на благоусмотрѣніе архіерейское.

Нельзя не обратить здѣсь особеннаго вниманія между прочимъ на то, какъ ограниченъ въ этой инструкціи самый составъ избирателей на приходскихъ выборахъ. Епархіальная власть уже не находила нужнымъ, чтобы избраніе производилось всѣмъ приходомъ, какъ это было прежде, когда приходъ составлялъ

---

(1) Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кн. 1, стр. 69. кн. 2, стр. 29—31.

(2) Инстр. 1775 г. п. 39—40. Одно изданіе этой самой инструкціи цитуется въ извѣстномъ сочиненіи г. Самарина: «Приходъ» (Москв. 1867 г. № 101), подъ названіемъ инструкціи 1806 г.

крѣпко сплоченную общину, гдѣ всѣ члены были связаны общими религіозными интересами, какъ это было еще и въ описываемое время въ югозападной Россіи; оказывалось достаточнымъ, чтобы на выборахъ присутствовали только „лучшіе“ прихожане. Вслѣдствіе разложенія общественной жизни и упадка самодѣятельности народныхъ общинъ подъ вліяніемъ новаго государственнаго духа и развитія крѣпостнаго права, прихожане, за исключеніемъ изъ числа ихъ развѣ немногихъ богатыхъ и вліятельныхъ лицъ, а также помѣщиковъ въ сельскихъ приходахъ, дѣйствительно обратились уже въ безгласную и безсильную массу, которая не смѣла и думать о какомъ-нибудь рѣшительномъ заявленіи своего неудовольствія на распоряженія епархіальной власти. Въ случаѣ пренебреженія архіерея къ приходскому выбору прихожане большею частію тѣмъ только и могли выражать свое неудовольствіе, что уменьшали назначенному къ нимъ священно-служителю свои обычныя даянія, преслѣдовали его ссорами, придирками и другими заявленіями нерасположенія, которыя были чувствительны вовсе не тому, кому слѣдовало. Открытый протестъ противъ самой епархіальной власти не могъ имѣть никакого успѣха, потому что послѣдняя въ подтвержденіе своихъ властныхъ распоряженій всегда имѣла возможность представить твердыя законныя основанія и даже преслѣдовать своихъ противниковъ, какъ явныхъ противниковъ высочайшихъ указовъ.

Представимъ въ образчикъ одинъ случай такого столкновенія прихожанъ съ епархіальною властію, бывшій въ царствованіе имп. Елизаветы въ Москвѣ. Въ 1753 г. студентъ московской академіи Алексѣй Некрасовъ подалъ прошеніе во дьяконы къ Преображенской церкви, что въ Наливкахъ. Кандидатъ былъ безспорный, нужно было только добыть ему заручный выборъ прихожанъ; но тутъ-то и случилось препятствіе. Одинъ изъ приходскихъ тузовъ, купецъ Сергѣй Васильевъ Азбукинъ, имѣвшій старательство о приход-

ской церкви, склонилъ всѣхъ прихожанъ дать заручную церковнику горлану китайскаго сорока церкви великом. Параскевы, о чемъ мѣстный священникъ и объявилъ Некрасову еще до прихода его въ церковь на обычное испытаніе въ чтеніи и пѣніи за богослуженіемъ предъ прихожанами. Вполнѣ увѣренный въ своихъ правахъ, Некрасовъ все-таки явился въ церковь; но „когда, доносилъ онъ потомъ тогдашнему архіепископу Платону Малиновскому, по отпустѣ божественной литургіи купцу Азбукину священникъ сказалъ, что онъ Некрасовъ студентъ богословіи и хочетъ къ нимъ во діаконы, то Азбукинъ сказалъ: „я де плюю на богословію, и что намъ есть отъ богословіи? Въ другой разъ, въ чтеніе часовъ, тотъ купецъ Азбукинъ, подошедши къ нему Некрасову, съ безчестіемъ и студомъ немалымъ сослалъ его съ клироса, и онъ взятъ былъ священникомъ въ алтарь; а когда по окончаніи литургіи священникъ началъ говорить Азбукину и прочимъ прихожанамъ, что онъ Некрасовъ человѣкъ состоянія добраго, во діаконахъ во оной церкви быть угоденъ и св. Синодъ, по указу государя Петра I. опредѣляетъ ихъ не токмо къ приходскимъ, но и соборнымъ церквамъ на мѣста священническія и діаконскія, тогда онъ Азбукинъ и прочіе его партизаны, всячески попошающе, говорили, что имъ школьниковъ отнюдь не надобно, и пусть школьники идутъ въ села и учатъ тамо деревенскихъ мужиковъ, а московскіе жители до нихъ де еще переучены, да и лучше ихъ; и ежели школьникъ впредь придетъ въ ихъ церковь, они генеральное опредѣленіе положили — метлой изъ церкви выгнать“. Между тѣмъ архіепископъ Платонъ уже обѣщалъ Некрасову мѣсто и посылалъ его за выборомъ единственно для соблюденія необходимыхъ формальностей. Упорство Азбукина его обидѣло. Удостовѣрившись въ справедливости донесенія Некрасова чрезъ допросъ священника, онъ далъ резолюцію: „Азбукина, сыскавъ въ консисторію и объявивъ ему Регламентъ Духовный о студентахъ, допросить: для чего онъ про-

тивится имянному указу государеву, и для чего мужикъ простой, безстудный, въ церковное дѣло вступаетъ"? Въ виду такой опасной постановки дѣла Азбукинъ загородился было своей подвѣдомственностью магистрату; но когда и магистратъ не могъ спасти его отъ консисторіи, прибѣгнулъ, какъ къ послѣднему средству, къ запирательству. Консисторія прочитала ему указъ Петра о студентахъ, взяла съ него подписку въ слышаніи и утвердила мѣсто за Некрасовымъ (1).

При такихъ неравныхъ шансахъ борьба приходовъ съ епархіальною властью за выборный порядокъ въ замѣщеніи церковныхъ должностей была, разумѣется, невозможна. Предъ саповитыми и сильными владыками великорусскихъ епархій оказывались слишкомъ слабыми и мелкими не только простые члены сельскихъ и городскихъ приходовъ, но даже большинство дворянъ помѣщиковъ. Не то видимъ въ югозападной Россіи. Новыя централизаціонныя начала здѣсь только лишь вводились, и вводились медленно, систематически, начиная съ самыхъ верхнихъ слоевъ южно-русской вольнонародной жизни, и долго не добирались до низменныхъ народныхъ громадъ. Въ то время, какъ въ этихъ верхнихъ слояхъ послѣ измѣны Мазепы рѣшался тревожный вопросъ объ избраніи гетмана вольными голосами и существованіи самой гетманщины, а въ церковной жизни, послѣ смерти м. Іосифа Кроковскаго и перевода въ Тобольскъ черниговскаго архіепископа Антонія Стаховскаго, вошло въ обычай назначать новыхъ іерарховъ административнымъ порядкомъ изъ св. Синода и безъ вѣдома епархій,—народныя громады еще удерживали за собой всѣ свои старые выборы и, пользуясь еще не тронутою силою стародавнихъ звычаевъ, при случаѣ имѣли возможность давать серьезный отпоръ новымъ порядкамъ, произво-

(1) Ист. моск. еп. упр. ч. II, кн. 1, примѣч. 123.

дившимъ давленіе сверху. Въ замѣщеніи священно-служительскихъ вакансій вольное избраніе парохіянъ имѣло еще такую обязательную силу, предъ которой епархіальная власть часто должна была уступать вопреки собственному своему усмотрѣнію и убѣжденію. Въ случаѣ столкновенія съ приходскими громадами епархіальная власть не могла опереться здѣсь даже на свои школы, по крайней мѣрѣ съ такимъ успѣхомъ, какъ въ Великороссіи. Несмотря на давность существованія духовныхъ школъ, несмотря на сравнительно большее распространеніе здѣсь школьнаго образованія, чѣмъ въ Великороссіи, бѣлое духовенство имѣло въ своихъ рядахъ крайне малое число школьныхъ ученыхъ, потому что и академія, и коллегіумъ, и переяславская семинарія были заведенія открытыя, принимали и выпускали большинство свѣтскихъ воспитанниковъ, поступавшихъ по окончаніи наукъ не въ духовную службу, а въ козаки, мѣщане и проч., за тѣмъ немногіе кончившіе курсъ духовные воспитанники большею частію шли въ монахи и расходились по учительскимъ и начальственнымъ должностямъ въ разныхъ семинаріяхъ и по многочисленнымъ доходнымъ и почетнымъ мѣстамъ при архіерейскихъ каѳедрахъ, такъ что на долю бѣлаго духовенства оставались одни исключенные и недоучившіеся школяры, которые рѣдко доходили выше синтаксиса и извѣстны были подъ именемъ латынниковъ. Въ самомъ Кіевѣ и притомъ въ половинѣ уже XVIII в. священникъ считалъ себя въ правѣ обижаться за то, что ему не давали „авантажа предъ прочими“, тогда какъ онъ „достигнулъ даже до философіи“. Въ остальной массѣ бѣлаго духовенства господствовало образованіе дьяковскихъ школъ, такъ называемое псалтирничество. Архіереи старались выдвигать напередъ своихъ латынниковъ, прилагая къ нимъ извѣстные указы о студентахъ и считая ихъ поэтому лучшими кандидатами на священно-служительскія мѣста, чѣмъ псалтырники; сами латынники презирали псалтырниковъ, называя ихъ „громадьскими паймыта-

ми“ и величаясь своей собственной независимостью отъ громадскаго выбора. Но какъ ни рѣдки были эти „мужи учительные“, какъ они ни гордились своей ученостію и какъ ни стояли за нихъ епархіальныя власти, имъ весьма трудно было конкуррировать съ псалтырниками. Ни духовенство, ни тѣмъ болѣе громады никакъ не могли понять, для чего будущему пароху нужно знать латинскія склоненія и синтаксисъ; да и не одни простые люди не уважали ихъ учености,— объ нихъ съ желчью и сарказмомъ отзывался наприм. даже такой знаменитый поборникъ науки, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, называя ихъ „школяриками, латиною губы помазавшими“, а ученіе ихъ „привидѣнным и мечтательнымъ“, отъ котораго „вкусившіи человѣцы глупѣйшіи бываютъ неученыхъ, ибо, весьма темны суще, мнятъ себе быти совершенны“. Вся латынь ихъ не простиралась далѣе частаго употребленія словъ: reverendissime, honestissime pater et frater, dominus, amicus, stultus, asinus, vale, salve и проч. А между тѣмъ отъ гордости и чванства ихъ не было никому житья. На мѣстѣ они постоянно сутяжничали, заводили ссоры и тяжбы, жаловались на оскорбленіе своей чести и требовали сатисфакціи. Прихожане иногда формально просили архіерея, чтобы онъ далъ имъ въ священники человѣка простаго, а не латынника, потому что латынники не спокойно живутъ (1). Понятно, какъ трудно было при такихъ обстоятельствахъ архіереямъ отстаивать своихъ школяровъ передъ громадами, тѣмъ болѣе, что и указы о мужахъ учительныхъ здѣсь не были такъ сильны, какъ въ Великороссіи, да кромѣ того трудно было еще доказать, кто былъ больше подготовленъ къ священнослужительству, псалтырникъ ли, знавшій обыкновенно хорошо и чтеніе и пѣніе и церковный уставъ, или латынникъ, зазубрившій только латинскія флексіи и

(1) Руков. для с. паст. 1864 № 46. «Очерки быта малор. дух.».

нѣсколько вокабулъ и большею частію вовсе незнакомый съ дьяковскою мудростью.

Между южнорусскими архіереями сдѣлался особенно извѣстенъ своей борьбой съ парохіянами Иродіонъ Жураковскій, архіепископъ черниговскій, который одинъ изъ первыхъ началъ приводить въ исполненіе новыя постановленія о посвященіи ставленниковъ. Вскорѣ же послѣ вступленія своего на каѳедру (1722 г.) онъ разослалъ по своей епархіи окружную грамату, въ которой въ качествѣ необходимаго условія для всѣхъ, ищущихъ церковныхъ должностей, выставилъ извѣстное образованіе, при чемъ обратилъ вниманіе не на однихъ только священно-служителей, но и на дьяковъ, и требовалъ отъ своихъ духовныхъ управителей, чтобы они никакъ не дозволяли опредѣлять на парохіи дьяковъ, не испытавъ ихъ предварительно сами въ чтеніи и пѣніи и не удостовѣрившись въ ихъ доброй жизни. Своими энергическими распоряженіями, которыя онъ приводилъ въ исполненіе со всей горячностію и неуступчивостію своего характера, онъ скоро возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе разныхъ вліятельныхъ людей и открытыя возстанія громадъ, такъ что въ 1729 г. долженъ былъ обратиться съ жалобой къ гетману. Въ мглинскомъ намѣстничествѣ въ стародубскомъ полку, писалъ онъ въ этой жалобѣ, священники дошли до того, что за нечастымъ въ церкви служеніемъ и читать разучились, кромѣ того отличались сутяжничествомъ, суевѣріемъ и разными злодѣяніями; для исправленія зла „таковое средство избрахомъ, да впредь отъ рода мглынскаго отъ колина поповскаго и общаго мырскаго не будутъ презвитеры, но учащихся въ коллегіяхъ людей удостоивати къ церквамъ мглинскимъ сана“, на основаніи Д. Регламента. Порѣшивъ такимъ образомъ, онъ рукоположилъ къ одной изъ мглинскихъ церквей философскаго ученія добре навыкшаго Іоанна Якимовича и далъ ему ставленую грамату. Явившись на мѣсто, Якимовичъ потребовалъ у парохіянъ церковныхъ ключей, чтобы

явить въ церкви свою ставленую грамату. Но парохіяне такъ разсердились на присылку къ нимъ пароха безъ ихъ выбора, что ни граматы слушать не хотѣли, ни въ церковь его не пустили. Якимовичъ отправился читать грамату въ другую церковь, но его парохіяне, узнавъ объ этомъ, и тамъ произвели противъ него манифестацію: „по обыкновенію ихъ мглинцанъ лисовому, аки вепри, возгоготаша, рекуще, яко весьма Якимовича священникомъ маты соби не хощуть, кромѣ отъ ихъ ядовитого роду ни якійсь изъ вышпомянныхъ дивыхъ звырій“. Якимовичъ былъ прогнанъ. Описавъ эти обстоятельства, Ирòдіонъ представлялъ гетману, что такое своеволіе парохіянъ, преслушаніе архипастырской власти и пренебреженіе Д. Регламента, высочайше утвержденнаго, требуютъ полнаго вниманія и его гетманской свѣтской власти, и просилъ принять его донесеніе за протестъ, грозясь въ противномъ случаѣ, „аще оныи и подобныи имъ преуспѣваты муть, на побиду таковыхъ попзыскати оружіе письменно“. Дѣло было такого рода, что изъ-за него можно было раздражить все поспольство, особенно пановъ старшину и разныхъ владѣльцевъ, которые крѣпко держались за право приходскихъ выборовъ,— и гетманъ не рѣшился принять въ немъ участія. Ревностный архипастырь не ослабѣвалъ въ своей настойчивости. Въ концѣ тогоже года онъ разослалъ по епархіи грамату, въ которой объявлялъ, что не приготовленные къ священству надлежащимъ образомъ не будутъ удостоиваемы посвященія ни по какимъ просьбамъ. Грамата эта особенно любопытна по изображенію практики выборнаго права и ея, надобно сказать, очень крупныхъ злоупотребленій. „Въ домъ нашъ архіерейскій присылаются з презентами или рецы з свидѣтельствами отъ владѣльцевъ и парохіянъ, дающимися отъ нихъ то за искупъ, то за утаенье церковныхъ доходовъ, то за удоволеніе парохіянъ, иныхъ напосмъ, а иныхъ же дачею хлѣба и прочимъ подаяньемъ требуемымъ, однакъ не изученые добре чтенія

книгъ и разумѣнья; которые затимъ, что не удостоеваются священства, владѣльцы и парохіяне ропщуть и, щось непотребное въ умѣ своемъ вмѣщая, на пасъ архіерея клевещуть, а за иными аколитами, и священства удостоенными, показались правильныя вины, и владѣльцамъ или парохіянамъ они въ тѣхъ винахъ свѣдомы были... Зъ долгу нашего пастырского благіе между паствою устроевати порядки всеусердне желаючи, судили мы архіерей до пречестностей вашихъ симъ предварить универсаломъ, чрезъ которій имѣти хощемъ, абы хто ни есть желатель священства, а барзѣй з дѣтей священническихъ, во всякой возможности прилагали тщанія обучатися въ коллегіумѣ нашемъ знанія вѣры и всѣхъ догматовъ утвержденныхъ церковныхъ, чимъ бы возмогли удостоити себе священства и управленія паствою: ибо если таковые желателе въ обученіи ся занехаютъ тщательства и усерднаго радѣнія, то желанія своего отнюдь лишатся и священства удостоени не будутъ, но трудящіеся въ коллегіумѣ и ученіемъ себе изнурящіи, по силѣ Д. Регламента, и мимо наслѣдниковъ поставляемы будутъ во презвитеры. За яковыми аколитами впредь владѣльцы и парохіяне писаты мѣють презенти къ намъ архіерею, за подписомъ рукъ сообщали бы сказки, что тотъ, котораго они желаютъ священникомъ, жаднаго подозрѣнія, возбраняющаго священство, за собою не имѣетъ, мужъ трезвенъ, благоговѣйнъ, разсудителенъ, чтенія искусенъ и разумѣнія писанія книгъ и всякихъ церковныхъ преданій доволенъ; аще же ны и послѣ что доведется, то мѣсто (вмѣсто) аколита, чему бы онъ подлежалъ, тое презентователи на себѣ понести будутъ повинни". Иродіонъ не достигъ своей цѣли. Отстаивая церковные интересы противъ старыхъ обычаевъ и вмѣшательства въ церковныя дѣла мірскихъ людей, онъ вошелъ въ столкновеніе съ козацкой старшиной, самимъ гетманомъ и разными сильными людьми своей епархіи, и не устоялъ въ неравной борьбѣ. Въ 1734 г., по жалобамъ на него въ Петербургъ, онъ

лишенъ каѳедры и удалился въ Межигорскій монастырь (1).

Замѣчательно, что сторону его враговъ приняло само правительство Анны Іоанновны, несмотря на то, что постоянно выставляло въ указахъ свою ревность къ просвѣщенію духовенства и нѣсколько разъ повторяло распоряженіе Петра о поставленіи ученыхъ священниковъ помимо приходскихъ выборовъ. По поводу жалобъ изъ Чернигова и изъ другихъ малороссійскихъ епархій, гдѣ примѣръ Жураковскаго вѣроятно нашелъ себѣ подражателей, 24 апрѣля 1735 г. вышелъ именной указъ: „понеже извѣстно намъ учинилось, что въ Малой Россіи архіереи въ своихъ епархіяхъ по своей волѣ и соизволенію, подъ образомъ учительныхъ людей, въ города и села владѣльческія, безъ согласія старшинъ и владѣльцевъ и прихожанъ, насильно поповъ и дьяконовъ опредѣляютъ, и тако тѣ попы и дьяконы, презирая въ городахъ старшину, а въ селахъ владѣльцевъ и не исправляя надлежащаго духовнаго дѣла, вступаютъ въ ссоры не токмо съ прихожанами, но и съ самими старшинами и владѣльцами, а иные многіе безъ вѣдома владѣльцевъ покупаютъ казачьи грунты и оными владѣютъ и корыстуются, отъ чего казачьей службы есть умаленіе не малое“ и проч. „Того ради указали мы нашему Синоду въ М. Россіи къ кіевскому, черниговскому и переяславскому архіереямъ послать наши указы, чтобы они, по силѣ Д. Регламента, въ города и села безъ согласія прихожанъ поповъ и дьяконовъ насильно не посылали“ (2). Какъ ни недобросовѣстно приведена въ указѣ справка по Регламенту, но указъ все-таки былъ высочайшій, послѣ котораго епархіи еще сильнѣе могли давать отпоръ архіереямъ, а послѣдніе должны были осторожнѣе стоять за своихъ латынниковъ и свое усмотрѣніе.

---

(1) О дѣятельности Продіона см. въ Труд. кіевск. акад. 1860 г. ч II: «Черниговскіе іерархи», стр. 247—251.

(2) П. С. З. IX, № 6724.

Въ царствованіе имп. Елизаветы борьба архіереевъ съ парохіями возникла съ новою силою. Въ это время особенно извѣстенъ ею сдѣлался бѣлогородскій святитель Іоасафъ Горленко (1748 — 1754), бывшій въ свое время ревностнѣйшимъ поборникомъ духовнаго образованія. Требуя, чтобы на приходы поступали только образованные кандидаты, онъ сильно преслѣдовалъ невѣжество какъ громадскихъ избранниковъ, такъ и наслѣдниковъ, уповавшихъ на одни только свои наслѣдственныя права, и отсылалъ назадъ всѣхъ ставленниковъ, которые не выдерживали его экзамена. Едвали не первый изъ малороссійскихъ архіереевъ онъ обратилъ вниманіе даже на наемныхъ дьяковъ и сталъ требовать, чтобы они опредѣлялись къ церквамъ не иначе, какъ на постоянную штатную службу, и ѣздили въ каоедру для посвященія въ стихарь; вмѣстѣ съ этимъ онъ старался освободить ихъ, какъ служителей церкви, отъ каприза пановъ и громадъ, которые привыкли видѣть въ нихъ своихъ слугъ и какъ произвольно принимали ихъ къ церквамъ, такъ произвольно же и прогоняли ихъ. Съ однимъ управляющимъ, который избилъ и прогналъ дьяка изъ прихода, Іоасафъ началъ серьезное дѣло, требуя, чтобы обидчикъ далъ обиженному надлежащее удовлетвореніе, и грозясь въ противномъ случаѣ запечатать церковь (1).

Въ Бѣлгородѣ преосв. Іоасафъ раотвалъ за воспитанниковъ коллегіума; въ Кіевѣ знаменитый покровитель академіи м. Рафаилъ Заборовскій, въ честь котораго академія присоединила къ своему названію— Могилинской еще названіе Заборовской, старался передъ всѣми искателями священства выдвигать воспитанниковъ своей академіи. Но и митрополитъ имѣлъ не болѣе власти надъ парохіями, чѣмъ другіе малороссійскіе архіереи. Прихожане нерѣдко противились и его распоряженіямъ при назначеніи священниковъ къ приходамъ. Вотъ наприм. какое донесеніе напи-

(1) Описан. харьк. епархіи. вып. I, стр. 14—15. 19—20.

салъ м. Рафаилу одинъ посвященный имъ новый священникъ Петръ Галѣцкій. По пріѣздѣ своемъ въ парохію изъ каѳедры, писалъ онъ, я „приготовилъ себя по обычаю священническому къ священнодѣйствію и сталъ на проскомидіи, намѣстника же комищанскаго (села Комища) Іоанна Завадовскаго просилъ, дабы данную мнѣ нижайшому отъ ясне въ Богу преосвященства вашего грамоту въ слухъ парохіяномъ по литургіи прочелъ, къ якой церквѣ вышпомянутый намѣстникъ І. Завадовскій съ другимъ священникомъ соборной комищанской церкви Демяномъ Андреевымъ и прійшолъ, и уже въ ту пору часы читались, и стали въ притворѣ олтарномъ; а вышозначенной церкви прихожане Яковъ Махота да Стефанъ Воловикъ, прежде прибытія моего съ Кіева въ домъ, фастали меня нижайшаго въ церковь не пустить и ключи церковніе до себя отобрать, что и учинилося; пришедши въ церковь, помянутій Як. Махота, и по своему легкомыслію и запальчивости вбѣжалъ въ олтарь и сталъ шумѣть, не боясь Бога и страшнаго Его суда, въ олтарѣ божественномъ, яко не подобаетъ мірскому и входить въ олтарь, и другого половиннаго настоятеля іерея Романа Семенова, вѣкарія Іоанна Завадовскаго, богомерзкими словами бранить, что не объявилъ ему Махотѣ, что я буду священнодѣйствовать; и услышавши такій вопль, вышпомянутій намѣстникъ увойшолъ въ олтарь и сталъ оному Махотѣ воспящать шумѣть, то онъ Махота, оставя вѣкарія, сталъ намѣстника многими непристойными и скверными словами бранить; когда же окончилась литургія, то помянутый намѣстникъ грамоту мою ставленую въ слухъ парохіяномъ прочиталъ, и всѣ парохіяне, яко довольны будучи мною, ни единаго худого слова не сказали... только онъ Махота яростно, изновъ убѣжавши въ олтарь, сталъ шумѣть и бранить неподобными словами какъ намѣстника, такъ и вѣкарія за вышеизображенную причину, и ключи церковніе по выходѣ моемъ съ церкви узялъ и держалъ у себя три дня... и нынѣ мнѣ нижайшому немалое

озлобленіе и обиду помянутый Махота, не допуская къ священнодѣйствію, дѣлаетъ“ (1). Такъ много затрудненій новому священнику могъ причинить и одинъ сильный членъ приходской громады, несогласный на его опредѣленіе. Даже во второй половинѣ XVIII столѣтія м. Арсеній Могилянскій въ 1768 г. доносилъ св. Синоду, что прихожане и владѣльцы съ крикомъ и бранью прогоняютъ священниковъ, которыхъ онъ назначалъ въ приходы отъ себя, минуя кандидатовъ, избранныхъ прихожанами, по ихъ негодности къ священному сану (2). При разложеніи выборнаго начала въ приходахъ, въ предчувствіи близкаго конца своей силы, прихожане какъ будто сдѣлались еще притязательнѣе и безпокойнѣе, чѣмъ прежде, во время спокойнаго обладанія своими правами. Притомъ же въ половинѣ XVIII в., когда Малороссія успѣла уже успокоиться отъ прежнихъ религіозныхъ тревогъ, когда прежнее напряженіе народныхъ силъ въ защиту православія оказывалось ненужнымъ, народныя громады естественно уже теряли тѣ высокія цѣли, которыя придавали ихъ участію въ церковныхъ дѣлахъ такое громадное значеніе. Среди спокойнаго теченія церковной жизни іерархія въ устроеніи церковныхъ дѣлъ смѣло полагалась на одни собственныя силы, не нуждаясь при этомъ въ участіи и помощи народа; прежніе высокіе интересы приходскихъ громадъ пропадали и смѣнялись интересами мелкими, переходившими иногда въ одно только стремленіе показать себя.

Отрицая право приходскихъ выборовъ при обычномъ порядкѣ церковной жизни, іерархія однако и теперь продолжала опираться на него въ тѣхъ мѣстностяхъ юго-западной Россіи и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ безъ народной силы и ревности къ православію нельзя было обойтись по прежнему. Вотъ одинъ эпизодъ въ этомъ родѣ изъ исторіи нашей заднѣпровской украйны.

---

(1) Рук. для сел. паст. 1862 г. № 32.
(2) Рук. для сел. паст. 1861 г. № 51.

Въ 1766 г. въ заднѣпровской украйнѣ, страдавшей отъ фанатизма Польши и почти цѣликомъ уже повороченной на унію, возникло сильное движеніе въ пользу православной Церкви. Іерархическая власть, представителями которой въ этомъ краѣ были переяславскій епископъ Гервасій и мотронинскій игуменъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій, съ самаго же начала предоставила весь ходъ этого движенія инициативѣ и дѣятельности самихъ приходскихъ общинъ, помогая имъ только своимъ ходатайствомъ предъ польскимъ правительствомъ о возстановленіи старинныхъ правъ православія и своими руководительными граматами, въ которыхъ старалась устранить всякій начальственный тонъ. Въ приходахъ началась самая оживленная дѣятельность, напоминавшая XVI и XVII вѣка, время самой сильной борьбы народа за православіе. Члены громадъ сходились около своихъ церквей и предъ св. иконою или крестомъ торжественно отрекались отъ уніи, за тѣмъ шли въ Мотронинскій монастырь, гдѣ письменно заявляли готовность присоединиться къ православію и приписывались къ переяславской епархіи. Право приходскихъ выборовъ оказывало теперь величайшую услугу Церкви; громады отказывали своимъ уніатскимъ попамъ отъ мѣста, отбирали отъ нихъ церковные ключи и искали себѣ другихъ, православныхъ пароховъ. Въ виду этихъ рѣшительныхъ мѣръ уніатское духовенство почти все обращалось къ православію. Изъ 50 приходовъ только въ трехъ священники остались въ уніи, — въ томъ числѣ въ мѣст. Мліевѣ двое сыновей уніатскаго протопопа Аоанасія Гдишицкаго, одного изъ злѣйшихъ враговъ православія, но и тѣ скоро изъявили желаніе обратиться въ православіе. Епископъ Гервасій всѣхъ принималъ въ свою епархію съ распростертыми объятіями и былъ необыкновенно радъ обращенію столькихъ духовныхъ лицъ почти въ одно время, но само собой понятно, что на радостяхъ онъ не могъ быть очень разборчивымъ въ раздачѣ своихъ усыновительныхъ граматъ. Приходскія

громады оказались въ этомъ отношеніи гораздо строже своего епископа. Въ мартѣ 1766 г. мглевцы двухъ приходовъ, троицкаго и успенскаго, въ которыхъ настоятелями были братья Гдишицкіе, Ѳедоръ и Андрей, подали Гервасію прошенія о томъ, чтобы на мѣсто ихъ старыхъ пароховъ онъ опредѣлилъ новыхъ, выбранныхъ самими прихожанами, Григорія Шиленка и Григорія Хоминскаго. Гервасій исполнилъ просьбу и оставилъ присланныхъ къ нему кандидатовъ при каѳедрѣ для обученія и посвященія. Очутившись безъ мѣста, братья Гдишицкіе сами обратились въ православіе и удержали приходы за собою; но парохіяне не повѣрили имъ и продолжали настаивать на ихъ смѣнѣ. Троицкій приходъ подалъ Гервасію новое прошеніе, въ которомъ, описавши, какъ ихъ настоятель Ѳедоръ Гдишицкій по граматѣ изъ Мотронинскаго монастыря почти силой удержалъ приходъ въ своей власти, объявляли: „нынѣ же мы нижайшіи вси обще его духовнымъ отцемъ имѣть не желаемъ, а мы нижайшіе доразумѣваемся, что онъ съ братомъ своимъ, не по благочестію ревнуя, но чтобы не потерять своихъ приходовъ, яко съ нихъ довольное число нажили имущества, ко благочестію присоединилися, а притомъ и сего сумнимся, чтобы онъ со временемъ лестію како насъ нижайшихъ не завелъ опять въ проклятое римское инославіе“. Въ успенскомъ приходѣ другаго брата Гдишицкаго парохіяне вовсе не хотѣли допустить къ служенію, несмотря на то, что онъ имѣлъ на то грамату изъ Мотронинскаго монастыря, и приняли его только на двѣ службы въ в. субботу и въ пасху, и то по особенному убѣжденію отъ чигиринскаго духовнаго правленія. „Болѣе же мы, нижайшіе, писали они Гервасію, чтобы онъ въ нашей церкви священнодѣйствіе имѣлъ, не желаемъ, а понеже мы подлинно вѣдаемъ, что онъ не по ревности благочестія, но чтобы не потерять своего прихода присягу учинилъ о присоединеніи себе въ благочестіе... ибо и отецъ ихъ, нынѣшній смѣлянскій протопопъ Аѳанасій Гдишицкій, и по-

нынѣ на благочестіе не приставалъ, а упѣятской релѣгіе ревностно придержуется, на благочестивія же церкви тамо въ заграничныхъ мѣстечкахъ, а паче предъ симъ кои надлежали до его вѣдомства, яко то и наши млѣевскія обѣ церкви, неописанній гопитель, зъ чего же надѣется можно, что и сыновья его къ тому же подражатели". Въ заключеніе успенскіе прихожане просили архіерея непремѣнно опредѣлить къ нимъ выбраннаго ими Хоминскаго: „бо есть кротокъ и молчаливъ и склонній до всякихъ людей, а Гдишицкій есть гордый и сварливый, не такъ барзе ся сваритъ, якъ на битву ласий, предто мы его не хощемо подъ клятвою нашею всѣхъ насъ". Отзывы парохіянъ о Гдишицкихъ скоро оправдались на самомъ дѣлѣ, когда въ томъ же году въ іюнѣ снова началось по украинѣ преслѣдованіе православія съ помощію вступившихъ въ нее военныхъ отрядовъ и когда Гдишицкіе, снова явившись злѣйшими уніатами, принялись вымещать всѣ свои обиды на млѣевцахъ (1).

Въ 1770 г. кіевскимъ митрополитомъ сдѣлался Гавріилъ Кременецкій, переведенный въ Кіевъ изъ Петербурга съ оставленіемъ за нимъ званія синодальнаго члена. Это былъ первый членъ св. Синода между малороссійскими архіереями и первый началъ вводить въ Малороссіи всѣ великорусскіе порядки, доселѣ имѣвшіе здѣсь силу только отрывочно и по частямъ. При немъ же, съ 1778 г. началось преобразованіе и южнорусскихъ приходовъ; оно продолжалось неуклонно и при его преемникѣ Самуилѣ Мисловскомъ до самаго 1786 г., когда завершено было введеніемъ повсюду Екатерининскихъ штатовъ (2).

Въ Великороссіи къ этому времени оставались уже только едва замѣтные слѣды старинныхъ приходскихъ выборовъ. Церковныя мѣста, какъ священно-

---

(1) Кіевск. еп. вѣдом. 1864 № 11: «Къ дѣлу о созенжіи Дан. Кушнира».

(2) Опис. кіевософ. соб. и П. С. З. XXII, № 16175. 16375.

служительскія, такъ и причетническія, всѣ находились въ распоряженіи епархіальныхъ властей. Постоянные разборы церковниковъ и духовныхъ дѣтей и все болѣе и болѣе развивавшаяся наслѣдственность духовнаго званія повели къ совершенному уничтоженію вольнонаемнаго причетничества, такъ что причетникъ не иначе могъ поступить на мѣсто къ приходской церкви, какъ по указу консисторіи и послѣ обычной процедуры ставленическаго производства, большею частію даже послѣ посвященія въ стихарь. Такой порядокъ замѣщенія церковно-служительскихъ мѣстъ духовное начальство старалось ввести даже въ козацкихъ приходахъ на Дону, гдѣ церковники почти всѣ были изъ козаковъ и опредѣлялись на должности по распоряженію козацкихъ военныхъ начальствъ. Жалобы епархіальной власти на своевольное вмѣшательство козаковъ въ церковныя дѣла раздавались оттуда еще въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія. Считая себя „во всемъ отъ прочихъ отмѣнными“, донскіе приходы не допускали у себя никакихъ перемѣнъ, отказывались отъ обычной отчетности предъ епархіальной администраціей, не подавали приходскихъ вѣдомостей, не дозволяли у себя даже переписи духовенства. Въ двухъ донесеніяхъ св. Синоду отъ 22 іюня и 6 іюля 1762 г. воронежскій архіерей Іоанникій жаловался, что по внушенію козацкихъ начальствъ мѣстные закащики вовсе не хотятъ слушаться его архіерея, козацкія вольныя команды „не только въ причетъ церковный аттестуютъ, но по своему разсмотрѣнію и въ причетники сами опредѣляютъ и прямо въ церковныя дѣла вступаютъ и грамоты причетническія отъ себя даютъ за своими войсковыми печатьми“, наказный атаманъ Иловайскій даже письменно и съ немалымъ нареканіемъ требовалъ, чтобы архіерей ничѣмъ не касался дѣтей духовенства и церковныхъ причетниковъ, потому что всѣ они состоятъ въ козацкомъ званіи, каковымъ требованіемъ означенный Иловайскій священно-и-церковно-служителей отъ команды архіерейской отлуча-

ств и проч. Спустя 3 года послѣ этого св. Синодъ получилъ новое доношеніе такого же содержанія отъ преосв. Тихона воронежскаго: „оное де войско и нынѣ, самовольно властвуя, въ духовныя дѣла вступаетъ же, къ церквамъ въ дьячки и пономари опредѣляетъ и грамоты дастъ, съ каковыми де грамотами нынѣ по свидѣтельству въ г. Черкасскѣ, въ черкасскомъ, медвѣдицкомъ и хоперскомъ заказахъ, при церквахъ нашлось дѣйствительно опредѣленныхъ изъ священно-служительскихъ дѣтей и козаковъ 58 человѣкъ, а посвященныхъ въ стихарь, съ данными отъ архіерея грамотами, собою отрѣшаетъ и въ козаки записываетъ". Указомъ 1765 г. св. Синодъ распорядился, чтобы всѣ церковники въ войскѣ донскомъ опредѣлялись къ мѣстамъ по указу архіерея, а не военныхъ командъ (1).

Священно-служительскія мѣста, разумѣется, еще болѣе зависѣли отъ распоряженій епархіальной власти. Съ развитіемъ духовнаго образованія единственными кандидатами на нихъ сдѣлались воспитанники семинарій—эти *свои* кандидаты архіереевъ, оправшіеся въ своихъ прошеніяхъ на мѣста уже не на выборъ прихожанъ, а на свои школьные труды и заслуги. Въ епархіяхъ вошло въ постоянное правило при раздачѣ мѣстъ сообразоваться съ школьными успѣхами кандидатовъ; наприм. въ московской епархіи священническія мѣста давались преимущественно богословамъ, дьяконскія философамъ и т. д. Рекомендаціи и аттестаты семинарскихъ начальствъ стали выше всякихъ выборовъ и просьбъ прихожанъ. Вошло въ обычай, по крайней мѣрѣ въ главныхъ центрахъ духовнаго образованія, чтобы въ случаѣ открытія вакантныхъ мѣстъ при церквахъ консисторіи доставляли въ семинаріи списки этихъ мѣстъ съ запросомъ, не пожелаетъ ли занять ихъ кто-нибудь изъ учениковъ. Такіе

(1) П. С. З. XVII, № 12454.

списки и запросы присылались наприм. въ московскую академію и троицкую семинарію изъ московской, переяславской, калужской и суздальской консисторій (1). Во всѣхъ семинаріяхъ было всегда множество учениковъ, за которыми задолго до окончанія ихъ курса были зачислены разныя мѣста, и притомъ не потому, чтобы они были наслѣдниками этихъ мѣстъ, а просто потому, что хорошо учились; мѣста эти даже перемѣнялись за ними; если ученикъ, имѣвшій за собой мѣсто несовсѣмъ хорошее, оказывалъ бо́льшіе успѣхи, старое мѣсто у него отписывали и зачисляли за нимъ лучшее, и наоборотъ (2). Вслѣдствіе такихъ порядковъ заручныя прошенія прихожанъ при дѣйствительномъ опредѣленіи кандидата на мѣсто естественно обращались въ пустую формальность, на которую могли не обращать никакого вниманія и епархіальныя начальства и сами ставленики. Очень естественно, что съ своей стороны и прихожане все болѣе и болѣе развивались въ томъ равнодушіи къ приходскимъ дѣламъ, о которомъ мы говорили выше, и большею частію сами не придавали своимъ заручнымъ челобитьямъ никакого серьезнаго значенія, будучи зарапѣе убѣждены въ томъ, что ихъ голосъ во всякомъ случаѣ не заставитъ епархіальное начальство отступить отъ принятыхъ имъ соображеній относительно достоинства и распредѣленія имѣющихся у него кандидатовъ на церковныя мѣста.

Представимъ одинъ изъ множества примѣровъ, какъ прихожане сами отказывались отъ избранныхъ ими кандидатовъ въ пользу тѣхъ, которые назначались въ приходы по распоряженію архіереевъ. Въ іюлѣ

---

(1) Ист. моск. акад. стр. 375. Ист. троицк. сем. 542.

(2) Факты во всѣхъ исторіяхъ семинарій и академій; напр. Ист. тр. семин. 545—546. Ист. моск. акад. 374. См. также указъ св. Синода 1770 г. въ Ист. спб. акад. Чистовича, стр. 51—52.

1796 г. прихожане Воскресенской церкви въ г. Бѣлевѣ, послѣ смерти ихъ приходскаго священника, дали свой выборъ одному знакомому имъ сельскому священнику и подали о немъ заручное прошеніе архіерею. Но въ тоже время къ архіерею поступило другое прошеніе на тоже мѣсто отъ одного богослова Тихомирова, который выставилъ въ свою пользу такого рода важные тогда резоны: „братъ мой веневской округи с. Подосинокъ свящ. Василій Ильинъ, при семействѣ, состоящемъ изъ 9 человѣкъ, содержитъ въ семинаріи, кромѣ меня и брата моего, двоихъ своихъ сыновей, почему въ пропитаніи многолюднаго семейства, а особливо въ содержаніи насъ четверыхъ, крайне нуждается; хотя же по резолюціи вашего преосвященства за мною предоставлено діаконское мѣсто, но оное мѣсто къ содержанію и меня одного въ семинаріи очень недостаточно, потому что я большею частію заимствовалъ нужное къ пропитанію отъ упомянутаго брата моего. А какъ въ г. Бѣлевѣ при Воскресенской церкви состоитъ праздное священническое мѣсто, которое, ежели благоволено будетъ отъ вашего преосвященства, заступить желаю;... того ради всепокорнѣйше прошу означенное мѣсто за мною предоставить съ тѣмъ, чтобы по окончаніи наукъ мнѣ быть на ономъ дѣйствительнымъ священникомъ“. Несмотря на то, что до окончанія курса этого богослова оставался слишкомъ цѣлый годъ, архіерей все-таки предпочелъ его первому кандидату, избранному прихожанами, и зачислилъ мѣсто за нимъ, предоставивъ ему право пользоваться церковнымъ доходомъ для содержанія въ семинаріи до конца курса. Узнавъ о такомъ рѣшеніи, прихожане поспѣшили подать отъ себя другое прошеніе, въ которомъ объясняли, что они студентомъ Тихомировымъ, а кольми паче изреченіемъ и благословеніемъ его преосвященства, довольны, и просили считать свое первое прошеніе недѣйствительнымъ. Назначенный на мѣсто кандидатъ вступилъ въ

дѣйствительное служеніе уже въ ноябрѣ слѣдующаго 1797 года (1).

Къ концу XVIII в. среди іерархіи успѣло сформироваться уже твердое убѣжденіе въ томъ, что приходскіе выборы суть явленіе незаконное и вредное для Церкви, что они были однимъ изъ тѣхъ дурныхъ обычаевъ старины, которые новое время должно окончательно искоренить, предоставивъ все попеченіе о замѣщеніи церковныхъ вакансій самимъ архіереямъ. Когда крестьяне являлись къ московскому митрополиту Платону просить о посвященіи избраннаго ими кандидата на вакантное мѣсто, онъ обыкновенно говорилъ имъ, что выборъ священниковъ вовсе не ихъ дѣло: „ваше дѣло орать да пахать, а мое—вамъ поповъ давать“ (2). Туже мысль онъ подробно высказываетъ въ своей автобіографіи. Описывая свое служеніе еще на тверской каѳедрѣ (1770—1775), онъ разсказываетъ: „въ производствѣ дѣлъ не взиралъ Платонъ ни на просьбы, ни на слезы, коли то находилъ съ справедливостію законною несообразнымъ и съ разстройствомъ общаго паствы порядка. Также и выборы прихожанъ въ священно-служители немного уважалъ, ибо находилъ по большей части пристрастными или вынужденными просьбою другихъ, не имѣющихъ другаго достоинства, кромѣ что умѣютъ докучать, кланяться и плакать. Таковая Платонова поступка многимъ была не по праву и невыгодные за то онъ слышалъ отзывы: но вмѣсто того большая часть всякаго состоянія людей были тѣмъ довольны и должною одобряли его похвалою, видя во всемъ его прямодушіе и

---

(1) Тульск. еп. вѣд. 1868 г. № 8: «Церковь обновл. храма воскр. Хр. въ Бѣлевѣ». Также въ описаніяхъ разныхъ церквей можно видѣть многіе другіе примѣры опредѣленія духовныхъ лицъ на мѣста; напр. въ № 22 за 1869 г. въ описаніи Покровской церкви г. Бѣлева.

(2) Жизнь м. Платона, Снегирева, издан. 1856 г. ч. II, стр. 76.

притомъ и на самомъ дѣлѣ усматривая лучшій по духовенству порядокъ; какъ то и былъ пастырь тѣмъ утѣшенъ, что нѣкоторые изъ дворянъ отозвались къ нему съ благодарностію за хорошихъ данныхъ имъ священниковъ. И какъ сіе архіепископа удивило, зная, что священники даны не тѣ, кои ими были выбраны и представлены, и потому имъ говорилъ: что онъ сему удивляется, зная, что многіе на сіе ропщутъ; на то отвѣчали, что подлинно и они роптали, что другіе вмѣсто выбранныхъ ими поставляются, думая, что дѣлается то по пристрастію какому, т. е. или по мздоимству или по ходатайству и происканъ, какъ то прежде и бывало, что нами выбранныхъ лучшихъ не ставятъ, а даютъ другихъ худшихъ; но какъ де они усмотрѣли, что даются священники хорошіе и гораздо лучше выбранныхъ нами, то и перестали роптать, а напротивъ отзываемся съ благодарностію. И такъ пастырь, самъ бывъ ободренъ, продолжалъ свое о лучшемъ духовенствѣ попеченіе“ (1).

Тоже попеченіе продолжалъ онъ потомъ и на московской каѳедрѣ. Въ запискахъ о жизни одного изъ его преемниковъ, покойнаго м. Филарета, читаемъ, что родители Василія Дроздова,—мірское имя Филарета,—были весьма любимы и уважаемы въ Коломнѣ, гдѣ они жили, по что эта любовь и уваженіе достались имъ нескоро; причиною было то, что отецъ его Михаилъ Ѳедоровичъ былъ опредѣленъ къ приходу „не по желанію прихожанъ, а по выбору епархіальнаго начальника; они имѣли въ виду другаго и долго хлопотали о его назначеніи. Дѣло сдѣлалось не такъ, какъ имъ хотѣлось. Отсюда недоброжелательство прихожанъ къ ихъ смиренному пастырю. Въ намѣреніи заставить его удалиться, они умалили до крайней степени свои ему приношенія на хлѣбъ насущный при исполненіи духовныхъ требъ. Такъ, ни радостное рож-

(1) Тамже, прилож. 29 — 30. Таже автобіографія въ Москвитян. за 1849 г. ч. I.

жденіе младенца, ни благоговѣйное напутствованіе умирающаго, ни свадьба, ни похороны, ни крестины, ни молебствія въ храмовые и семейные праздники, даже свѣтлый день воскресенія не сопровождались тѣми по силѣ каждаго приношеніями, безъ которыхъ трудъ и лишенія усугубляются въ безпомощной семьѣ. Михаилъ Ѳедоровичъ не ропталъ; жена его Евдокія Никитишна не упадала духомъ; они переносили нужду, какъ испытаніе, Богомъ имъ посланное, и истинно по Евангелію „всякій день брали свой крестъ“. Наконецъ терпѣніе побѣдило жестокосердіе. Прихожане и прихожанки образумились, очувствовались и сознались въ своей несправедливости къ о. Михаилу... И обратились гонители къ невинно гонимымъ. И удалилась отъ нихъ злая нужда“ (1). Въ этомъ разсказѣ мы можемъ видѣть отчасти оправданіе приведеннаго отрывка изъ автобіографіи Платона, а съ другой стороны тотъ единственный способъ, которымъ только и могли выражать прихожане свое неудовольствіе на властныхъ и сильныхъ владыкъ за пренебреженіе къ приходскимъ выборамъ. Есть разсказы, передаваемые обыкновенно въ похвалу нелицепріятія и непоколебимаго мужества нашихъ архипастырей, какъ при замѣщеніи вакантныхъ священно-служительскихъ мѣстъ они не обращали вниманія на ходатайства даже очень сильныхъ и высоко поставленныхъ людей. Такъ, о петербургскомъ митрополитѣ Гавріилѣ разсказываютъ, что въ отвѣтъ на подобное ходатайство одного сіятельнаго господина о посвященіи въ священники одного дьякона онъ сказалъ: „доложите его сіятельству, что я никогда не вмѣшивался въ его дѣла и не назначалъ, кого въ какую должность ему опредѣлять; а потому прошу и мнѣ не мѣшать въ опредѣленіи свя-

(1) Записки о жизни и врем. Филарета м. моск. Сушкова. 1868 г. стр. 30—31.

щенно-служителей на мѣста сообразно съ извѣстными мнѣ самому ихъ достоинствами“ (1).

Съ преобразованіемъ малороссійскихъ епархій подобныя понятія укрѣпились и здѣсь. Послѣ введенія въ 1778 г. приходскихъ штатовъ, по случаю необходимаго при этомъ сокращенія причтовъ и размѣщенія лишнихъ священно-служителей, архіереямъ малороссійскихъ епархій даны были огромныя полномочія, которыя еще болѣе увеличились по поводу начавшагося вскорѣ (1784 г.) общаго разбора всего духовенства; по высочайшему и особому еще синодальному указамъ объ этомъ разборѣ епархіальнымъ начальствамъ дано право по собственному усмотрѣнію дѣлать полновластный выборъ между священно-служителями, особенно въ многолюдныхъ причтахъ, однихъ достойнѣйшихъ опредѣлять въ штатное число, другихъ оставлять за штатомъ и размѣщать на вновь открывающіяся вакансіи, наблюдая при этомъ только то, чтобы въ штатѣ опредѣлялись преимущественно люди ученые. О желаніи или нежеланіи прихожанъ имѣть въ приходѣ тѣхъ или другихъ священно-служителей не говорилось при этомъ ни слова (2). Этотъ же разборъ духовенства, преимущественно касавшійся церковно-служителей, послужилъ къ рѣшительному подрыву вольнонаемнаго дьячества.

Первыя рѣшительныя распоряженія относительно льяковъ и ихъ школъ встрѣчаемъ при м. Гавріилѣ Кременецкомъ еще до разбора 84-го года. Въ 1771 г. онъ далъ кіевской консисторіи указъ: „въ епархіи кіевской школьники разнаго званія люди съ мѣста на мѣсто бродятъ и по имѣющимся въ церквахъ избамъ, такъ называемымъ школамъ, приставая, тунеядствомъ кормятся и не только никакой пользы обществу не приносятъ, но паче разными своими безчиніями вредъ

---

(1) Сказ. о жизни м. Гавріила. Спб. 1857. стр. 121—122.
(2) П. С. З. XXI, № 15978. 15981.

и соблазнъ причиняютъ, а чрезъ таковыхъ своевольныхъ бродягъ на церковно-служителей настоящихъ и постоянныхъ напрасное напосится нареканіе"; на этомъ основаніи онъ распорядился: ввести при церквахъ только штатное число церковниковъ—по два на каждаго священника, за тѣмъ школяровъ при школахъ не держать, кромѣ приходящихъ учиться изъ домовъ родительскихъ, къ церквамъ въ приходахъ нигдѣ ихъ не принимать, на дьяковство опредѣлять обученныхъ людей духовнаго происхожденія, а отнюдь не разночинцевъ, служить этимъ дьякамъ не по найму и временно, а по указу изъ каоедры и послѣ посвященія въ стихарь, при чемъ имъ числиться въ духовномъ званіи и мѣста своего безъ разрѣшенія епархіальной власти не покидать. Съ этого времени вольныхъ дьяковъ изъ разночинцевъ дѣйствительно стали по немногу удалять отъ церковной службы въ ихъ прежнія вѣдомства. Но старый порядокъ долго еще силился удержаться, ускользая отъ распоряженій іерархіи. По словамъ автора „Очерковъ быта малороссійскаго духовенства", указы противъ вольнаго дьячества произвели въ его средѣ такое же смятеніе, какъ между козаками вѣсть объ уничтоженіи Сѣчи. Дьякъ переставалъ быть бакаляромъ и дирехторомъ, какъ-бы атаманомъ своего рода сѣчи, маленькаго холостаго общества, основаннаго на единодушіи и отрѣшеннаго отъ хозяйственныхъ заботъ, кормившагося добычей, остался одинокъ, въ обществѣ одного только пономаря, также, какъ и онъ, закрѣпленнаго службой. Вольные братья — школяры и дьяки — еще долго впрочемъ и послѣ этого ходили около своего стараго коша. Прихожане больше любили слушать на клиросѣ ихъ хоровое, чѣмъ одинокое пѣніе причетника, охотно ихъ принимали къ церквамъ и попрежнему продолжали жертвовать на нихъ свои подачки. Въ вѣдомостяхъ церковныхъ вольное дьяковство и школярство прикрывалось разными неопредѣленными фразами, наприм. NN живетъ въ послушаніи церковномъ, или: живетъ

въ должности псаломщика въ послушаніи церковномъ. По вѣдомостямъ переяславской епархіи 1783 г. при 307 церквахъ дьячковъ „духовныхъ“ числилось всего только 97 да 40 пономарей; остальныя мѣста, стало быть, заняты были вольнонаемными причетниками разночинцами. Разборы духовенства въ концѣ XVIII в. нанесли послѣдніе удары вольному дьяковству; при церквахъ оставляемы были одни только штатные причетники духовнаго званія, а разночинцевъ велѣно было возвращать въ ихъ прежнія состоянія или отдавать въ солдаты. Въ полномъ своемъ видѣ институтъ дьяковства послѣ этого окончательно рушился, но обломки его остались и въ XIX в. До настоящаго времени по разнымъ мѣстамъ Малороссіи можно было встрѣчать въ селахъ подъячихъ и школяровъ, людей уже взрослыхъ и даже пожилыхъ, которые весь вѣкъ свой прожили въ услугахъ причетнику и священнику, въ тоже время однако платя и подати и барщину; наряду съ причетниками они носили въ народѣ названіе церковниковъ, участвовали въ хожденіяхъ причта по приходу, нося при этомъ крестъ, кадило, кропило и что̀ когда нужно, участвовали въ угощеніяхъ причта, поминальныхъ обѣдахъ и проч. (1).

Въ царствованіе императора Павла I выборное значеніе духовенства упало еще болѣе. Правительство имѣло тогда особенное побужденіе неблагосклонно смотрѣть на приходскіе выборы, поставлявшіе духовенство въ нѣкоторую зависимость отъ прихожанъ, и усиливать въ замѣщеніи церковныхъ вакансій усмотрѣніе епархіальной власти. Въ самомъ началѣ царствованія (1796—1797 гг.) поднялись сильныя крестьянскія возстанія противъ помѣщиковъ, обнявшія собой губерніи орловскую, московскую, псковскую, новогородскую, ярославскую, вологодскую, костромскую,

(1) Изложенныя свѣдѣнія см. въ Опис. кіевософ. соб. и статьяхъ о малоросс. духов. въ Рук. для с. паст. 1861 г. № 39 и 1864, № 46.

нижегородскую, вологодскую, пензенскую и новгородъ-сѣверскую. Въ этихъ возстаніяхъ замѣшано было и духовенство. Подполковникъ Поздѣевъ, у котораго взволновались крестьяне на стекольномъ заводѣ въ вологодской губерніи, въ одномъ своемъ письмѣ къ И. В. Лопухину приписывалъ духовенству большое участіе въ возбужденіи этого волненія. „Здѣсь въ Вологдѣ, писалъ онъ, въ новый годъ (1797) въ соборѣ и внѣ онаго великое было, какого никогда не запомнятъ, стеченіе простого народа и поповъ, кои, т. е. деревенскіе, тѣже мужики, только что грамотные, въ ожиданіи, что читать будутъ указъ о вольности крестьянъ и якобы соль будетъ дешевле и вино продаваться по 2 руб. ведро, — пріѣхали слушать изъ селеніевъ, верстъ за 100 отъ Вологды отстоящихъ“. Во многихъ мѣстахъ духовныя лица писали крестьянамъ прошенія на помѣщиковъ, давали имъ даже фальшивые паспорты для проѣзда съ этими прошеніями въ Петербургъ. Въ псковской губерніи нѣсколько священниковъ явились предводителями крестьянъ въ вооруженномъ возстаніи на помѣщиковъ. Въ одномъ селѣ холмскаго уѣзда крестьяне собрались въ церкви, а священно-служители въ полномъ облаченіи вышли изъ алтаря и предъ крестомъ и евангеліемъ совершили для нихъ присягу въ единодушномъ стояніи до смерти. Въ медынскомъ уѣздѣ калужской губерніи главными виновниками поголовнаго возстанія крестьянъ оказались трое священниковъ, которые разглашали слухи о явившемся якобы манифестѣ на счетъ свободы крестьянъ. Въ великолуцкомъ уѣздѣ с. Оконъ священникъ „простеръ до такой степени свое неистовство, что изъявилъ неуваженіе къ особѣ государя подъ предлогомъ, что онъ еще не коронованъ“ (1).

По поводу этихъ волненій въ маѣ 1797 г. св. Синодъ получилъ именной указъ, въ которомъ епархі-

(1) Свѣдѣнія о крест. волненіяхъ въ стат. де Пуле. Русск. архив. за 1869 г. кн. 3, и въ П. С. З. XXIV, № 17958.

альнымъ архіереямъ и самому Синоду вмѣнялось въ особенную обязанность наблюдать, чтобы св. санъ получали люди совершенно надежные, учительные и благонравные, а развратные въ такомъ санѣ отнюдь терпимы не были. Въ указѣ св. Синода, изданномъ на основаніи этого именного указа, архіереямъ предписывалось строго наблюдать за тѣмъ, нѣтъ ли какихъ волненій по приходамъ и не участвуетъ ли въ нихъ духовенство, подозрительныхъ священно-служителей немедленно забирать въ консисторію для слѣдствія, виновныхъ въ развращеніи прихожанъ лишать сана безъ сношенія съ св. Синодомъ, отличать лучшихъ священно-служителей, искусныхъ въ увѣщаніи крестьянъ къ спокойствію и повиновенію властямъ, воспрещать сближеніе духовенства съ крестьянами на буйныхъ и пьяныхъ сходкахъ, усилить благочинническій надзоръ и проч. Особенное же вниманіе архіереевъ указъ обращалъ на то, чтобы, по смыслу именнаго указа, духовенство наполнялось только достойными и благонадежными людьми; для этого предписывалось строго наблюдать за успѣхами и благоповеденіемъ кандидатовъ священства еще во время обученія ихъ въ семинаріяхъ и „при произведеніи въ санъ священства тако воспитанныхъ семинаристовъ предпочитать неученымъ, хотя бы прихожане и просьбами объ нихъ настояли“, кромѣ того, „хотя бы кто былъ одобряемъ отъ прихожанъ, производить не иначе, развѣ отъ духовнаго правленія и отъ благочиннаго будетъ о честномъ поведеніи засвидѣтельствовано“ (1). Дѣло этимъ еще не ограничилось. По поводу множества жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ вышло строгое запрещеніе подавать прошенія за подписомъ многихъ лицъ. Св. Синодъ немедленно примѣнилъ это запрещеніе къ за-

(1) П. С. З. XXIV, № 17958. Въ 1800 г. (XXVI, № 19479) этотъ указъ былъ подтвержденъ по случаю бунта крестьянъ гр. Румянцева въ алатырскомъ уѣздѣ, при чемъ въ возмущеніи крестьянъ попались три священника.

ручнымъ прошеніямъ прихожанъ о ставленикахъ. 24 іюня тогоже года вышелъ синодальный указъ, въ которомъ извѣстные пункты Д. Регламента о заручныхъ выборахъ и челобитьяхъ прихожанъ объявлены отмѣненными; прошенія объ опредѣленіи на церковныя мѣста велѣно было подавать „за подписаніемъ однихъ только желающихъ поступить въ священно-и-церковнослужительскіе чины, съ приложеніемъ отъ прихожанъ одобреній о честномъ ихъ поведеніи“, а не прошеній о посвященіи, какъ прежде. Тогда же составлены были для этихъ одобреній особыя формы и по напечатаніи разосланы при указѣ во всѣ духовныя правленія, благочинія и церкви (1).

Такъ приходскія заручныя потеряли и то слабое значеніе, какое еще оставалось за ними по Регламенту и правиламъ о выборахъ 1722 г. Въ образчикъ приходскихъ одобреній можно привести одно одобреніе 1806 г., изданное г. Самаринымъ въ первой изъ его статей о приходѣ. „Мы, нижеподписавшіеся, симбирской губерніи сызранской округи села Васильевскаго, церкви благовѣрнаго кн. Владиміра, господина В. Н. С. управляющій вотчинами служитель NN, приказный NN и проч. свидѣтельствуемъ по чистой нашей совѣсти, что желающій быть при нашей церкви такой-то на праздное священническое мѣсто священникомъ есть человѣкъ добрый, не пьяница, въ домостроительствѣ своемъ не лѣнивый, не клеветникъ, не сварливъ, не любодѣецъ, не убійца, въ воровствѣ и обманахъ не изобличенъ, добронравенъ, поведенія честнаго, и потому мы его желаемъ имѣть при нашемъ приходѣ священникомъ“. Надобно впрочемъ замѣтить, что указъ 24 іюля несовсѣмъ точно исполнялся на практикѣ. Одобренія нерѣдко являлись попрежнему въ формѣ заручнаго прошенія прихожанъ, разумѣется, уже безъ прежней силы и безъ всякаго обязательнаго

(1) П. С. З. XXIV, № 18016.

значенія для архіерейскаго усмотрѣнія (1). Точно также въ перепечаткахъ Платоновской инструкціи благочинныхъ постоянно включались 39 и 40 пп. объ извѣстномъ намъ церемоніалѣ приходскихъ выборовъ, который, разумѣется, не исполнялся на дѣлѣ.

Съ теченіемъ времени стали все болѣе и болѣе терять свое значеніе и самыя одобренія. Отъ нихъ, какъ и отъ приходскихъ выборовъ, были свободны всѣ кандидаты священства, обучившіеся въ семинаріяхъ. Когда, послѣ преобразованія духовныхъ учебныхъ заведеній, такіе кандидаты умножились и составили между ставленниками преобладающее большинство, одобренія большею частію перестали и требоваться къ ставленическимъ дѣламъ. Прихожане, собственно говоря, и не могли свидѣтельствовать о такихъ кандидатахъ, что знаютъ ихъ людьми добрыми, не пьяницами и проч., потому что не знали ихъ ни съ хорошей, ни съ дурной стороны; подобное свидѣтельство могло имѣть свою полную силу только въ старину, когда кандидаты священства получали воспитаніе не въ епархіальныхъ школахъ, за стѣны которыхъ не проникалъ глазъ прихожанина, а среди самихъ приходовъ при своихъ отцахъ, или въ какой-нибудь церковной школѣ у бакаляра дьяка. Въ глазахъ іерарховъ позднѣйшаго времени, при новомъ школьномъ образованіи духовенства, свидѣтельство прихожанъ потеряло всякую компетентность и вполнѣ замѣнилось аттестаціями ставленниковъ отъ семинарскихъ и училищныхъ начальствъ. Вытѣсняя приходскія одобренія, эти аттестаціи заняли ихъ мѣсто и въ ряду документовъ при ставленическомъ производствѣ. Въ позднѣйшее время за одобреніями осталось кое-какое значеніе только въ случаѣ перехода священно-служителей изъ одного прихода въ другой, или посвященія изъ низшей степени церковнаго служенія въ высшую, изъ

(1) См. напр. въ Ист. моск еп управл. ч. III, кн. 2. Ставлен. дѣла.

причетниковъ во дьяконы, изъ дьяконовъ въ священники.

Между тѣмъ централизація епархіальнаго управленія продолжала уничтожать всякіе остатки старинныхъ выборныхъ порядковъ, стягивая всѣ епархіальныя дѣла къ полновластному усмотрѣнію архіереевъ. Въ царствованіе Александра I явились новыя распоряженія, имѣвшія результатомъ еще большее развитіе епископляго разсужденія въ ставленическихъ дѣлахъ. Сюда наприм. можно отнести указъ 1815 г. объ оставленіи безъ дѣйствія рекомендательныхъ писемъ о священно-служителяхъ разныхъ свѣтскихъ особъ, за изключеніемъ писемъ военныхъ начальствъ [1], изданные по поводу неблагочинныхъ поступковъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ указы 5 августа 1820 и 22 декабря 1823 гг. объ усугубленіи надзора за духовенствомъ, объ особенномъ наблюденіи училищныхъ начальствъ за поведеніемъ духовныхъ воспитанниковъ и строжайшемъ выборѣ между кандидатами священства при поставленіи ихъ на мѣсто [2]. Подобные же указы повторялись потомъ и въ прошедшее царствованіе [3]. Приходскіе выборы впрочемъ были тогда уже совершенно забыты, хотя извѣстные пункты благочиннической инструкціи объ избраніи священно-и-церковно-служителей исправно перепечатывались въ позднѣйшихъ ея изданіяхъ до изданія 1860 года. Въ Уставѣ консисторій сказано только, что „рукоположеніе въ св. санъ есть дѣло, принадлежащее непосредственному разсмотрѣнію и рѣшенію епархіальнаго архіерея“ [4]. Относительно желанія прихожанъ имѣть у себя въ приходѣ того или другаго священно-

---

([1]) П. С. З. XXXIII, № 26347.

([2]) Тамже, XXXVII, 28373. XXXVIII, 29711.

([3]) 2-е Собр. Зак. т. I, № 413. V, № 3869 (относит. причтовъ въ З. В. Донскаго). VIII, № 6360 и др. Особ. замѣчат. ук. 31 янв. 1832.

([4]) Уст консист. ст. 74.

и-церковно-служителя не находимъ въ немъ никакихъ опредѣленій, за изключеніемъ только 202 ст., гдѣ сказано, что въ случаѣ жалобы прихожанъ на членовъ ихъ причта, „когда эти жалобы съ закопною ясностію не доказаны, но между тѣмъ большая часть прихожанъ просятъ удалить отъ ихъ церкви подвергшихся таковымъ жалобамъ, они переводятся на другія мѣста".

2. развитіе наслѣдственности церковныхъ мѣстъ.

Тѣже самыя причины, которыя содѣйствовали упадку выборнаго значенія членовъ приходскаго клира, имѣли почти совершенно обратное дѣйствіе въ отношеніи къ наслѣдственности духовнаго служенія, какъ въ обширномъ, такъ и въ тѣсномъ ея значеніи, въ смыслѣ наслѣдственныхъ правъ на духовное служеніе вообще и въ частности на служеніе при извѣстной родовой церкви и на извѣстномъ наслѣдномъ мѣстѣ.

Что касается до наслѣдственности духовнаго служенія въ первомъ смыслѣ, то XVIII вѣкъ засталъ ее уже достаточно развитой и крѣпкой, такъ что дальнѣйшее ея развитіе прямо вело уже къ устраненію отъ церковнаго служенія всѣхъ посторонпихъ кандидатовъ недуховнаго происхожденія и къ совершенной замкнутости самого духовнаго званія. Эта замкнутость, задатки которой были и прежде, дѣйствительно начинаетъ весьма быстро развиваться съ самаго начала XVIII в. Прежде всего ея развитію помогала духовная власть, которая всегда видѣла въ дѣтяхъ духовенства болѣе другихъ подготовленныхъ и притомъ же своихъ кандидатовъ на церковныя мѣста. Новая ступень, чрезъ которую въ XVIII в. стало пужно проходить всякому кандидату на церковное мѣсто, архіерейская школа, сначала было сильно перепугавшая дѣтей духовенства, съ теченіемъ времени оказалась для нихъ вовсе не страшною, потому что была школой сословною и потому естественно должна была служить

интересамъ сословнымъ же; преграждая путь къ духовному званію для всѣхъ, которые въ ней не учились, она въ тоже время все плотнѣе замыкалась для людей недуховнаго происхожденія и такимъ образомъ становилась только новымъ орудіемъ къ развитію тойже замкнутости духовнаго званія. Къ томуже отчасти вело самое паденіе приходскихъ выборовъ. По мѣрѣ того, какъ общество теряло право выборовъ, дававшее ему возможность восполнять составъ духовенства новыми силами изъ своей собственной среды, духовенство необходимо должно было превращаться въ замкнутую корпорацію, которая могла поддерживать и увеличивать свой составъ только путемъ естественнаго нарожденія и наслѣдственности сословныхъ правъ и обязанностей. Кромѣ епархіальной власти и вліянія со стороны общества, замкнутость духовнаго званія могла встрѣтить серьезную помѣху своему развитію развѣ только еще со стороны государственной власти, которая, какъ мы замѣчали, въ самомъ же началѣ реформы высказалась въ пользу замѣщенія церковныхъ мѣстъ не на основаніи наслѣдственныхъ правъ, а на основаніи личныхъ достоинствъ человѣка. Но мы видѣли также, что болѣе или менѣе широкое и неуклонное примѣненіе этого принципа на дѣлѣ встало бы въ сильное противорѣчіе съ извѣстною ревностью правительства къ интересамъ государственной службы и тягла, заставило бы его измѣнить другому его принципу, выражавшемуся въ требованіи, чтобы служилые люди изъ службы, а тяглые изъ тягла не выходили. Государственная власть вышла изъ этого противорѣчія очень просто, отказавшись отъ широкаго примѣненія своего новаго принципа и ограничивъ избраніе новыхъ кандидатовъ на церковныя должности тѣмъ же кругомъ людей духовнаго происхожденія, которые и прежде поступали на эти должности.

Мысль о томъ, что право на занятіе церковной должности должно принадлежать достойнымъ лицамъ безотносительно къ ихъ происхожденію, въ началѣ

XVIII в. высказывалась весьма ясно и въ законодательствѣ и въ литературѣ. Такъ, законодательство Петровскаго времени запрещало архіереямъ производить въ св. санъ людей неученыхъ, хотя бы они были и наслѣдниками отцовскихъ мѣстъ (1), а съ другой стороны дозволяло обучать въ духовныхъ школахъ въ надежду священства, кромѣ дѣтей духовенства, дѣтей горожанъ, приказныхъ и изъ другихъ чиновъ, кто пожелаетъ (2). Извѣстный публицистъ Петровскаго времени Посошковъ требовалъ, чтобы въ пресвитерство къ церквамъ отсылались люди достойные, а не по отечеству, ни по заступѣ (3). Но эта мысль постоянно оставалась только въ области общихъ предположеній; какъ скоро вопросъ объ этомъ предметѣ касался практической почвы, ставился прямо и въ частной формѣ, относительно того или другаго опредѣленнаго класса государственнаго населенія, такъ въ рѣшеніи его сейчасъ же являлись ограниченія и отрицанія. Очень понятно, что среди общей ломки и перестройки цѣлаго государства, среди непомѣрнаго напряженія всѣхъ матеріальныхъ силъ бѣдной страны и громадныхъ издержекъ на дорогія нововведенія, основаніе арміи, флота, артиллеріи, крѣпостей, проложенія новыхъ путей сообщенія, заведенія новыхъ промысловъ, фабрикъ, заводовъ и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ среди новыхъ тяжестей двадцатилѣтней войны правительство менѣе всего расположено было допустить какой-нибудь ущербъ въ массѣ своего служилаго и тяглаго класса въ пользу духовной службы, важность которой по обстоятельствамъ и нуждамъ времени уходила далеко на задній планъ предъ крайней нуждой въ службѣ матеріальной. Не даромъ же оно такъ усиленно стремилось привести въ извѣстность и собрать подъ свою руку всѣ матеріальныя силы страны, производило повсюду народныя

(1) П. С. З. №№ 2186. 2308. 2352. 4021 и др.
(2) Регламъ. дѣла епископ. п. 9. П. С. З. № 3175.
(3) Сочин. Посошкова. I, 20.

переписи, усиливало систему всеобщаго прикрѣпленія членовъ государства къ ихъ состояніямъ, дворянъ обязывало вѣчной службой, податныхъ людей писало въ подушный окладъ и назначало грозныя наказанія за всякое уклоненіе частныхъ людей отъ участія въ общей государственной тяжести.

При множествѣ узаконеній, въ которыхъ постоянно говорится объ опредѣленіи на церковныя должности людей духовнаго происхожденія, мы находимъ очень немного указовъ, которые даютъ дозволеніе опредѣлять на эти должности людей постороннихъ, да и эти немногіе указы такого рода, что скорѣе закрываютъ, чѣмъ открываютъ духовное званіе для посторонихъ лицъ. Такъ, въ 1714 г. вышелъ указъ касательно дворянъ, по которому все недвижимое имущество дворянской семьи должно было переходить по наслѣдству къ одному старшему сыну, или тому, котораго назначитъ наслѣдникомъ отецъ, а остальные сыновья должны были поступать для своего содержанія на службу, въ купечество, или другое художество, лишь бы никто изъ нихъ не оставался въ праздности, „которая, по святому писанію, матерію есть всѣхъ злыхъ дѣлъ“; между прочимъ по достиженіи 40 лѣтъ имъ дозволялось поступать и въ духовное званіе (1). Но такое дозволеніе очевидно закрывало доступъ къ духовному званію для всѣхъ остальныхъ дворянъ. Въ 1724 г. встрѣчаемъ дозволеніе—архіереямъ посвящать въ попы и дьяконы къ церквамъ изъ крестьянъ (2). Но при этомъ нужно обратить вниманіе на то, что до 1724 г. духовное званіе было сильно опустошено строгими разборами, такъ что для замѣщенія церковныхъ вакансій оказывался ощутительный недостатокъ въ кандидатахъ духовнаго званія, особенно въ малонаселенныхъ краяхъ имперіи. Самый указъ ограничиваетъ данное имъ дозволеніе только тѣми случаями,

(1) П. С. З. V, № 2789 п. 15.
(2) Тамже VII, 4455.

когда на церковныя мѣста не будетъ духовныхъ кандидатовъ, а этимъ очевидно ограничиваетъ самую свободу крестьянъ опредѣляться въ духовное званіе.

При преемникахъ Петра и законодательство и практика стали еще откровеннѣе развивать замкнутость духовнаго званія. Духовная власть оказывала постоянное нерасположеніе къ кандидатамъ на церковныя мѣста изъ другихъ званій, кромѣ духовнаго, даже въ такихъ мало снабженныхъ духовенствомъ краяхъ, какъ иркутская епархія. Въ 1730-хъ годахъ въ Якутскѣ очень много духовныхъ дѣтей, яко неучей, забрали въ солдаты и въ козаки. Преосвящ. Иннокентій Неруновичъ энергично протестовалъ противъ этого предъ воеводской канцеляріей, требуя, чтобы духовныхъ дѣтей оставляли „въ званіи, пріобрѣтенномъ ими чрезъ рожденіе отъ священно-и-церковно-служителей, дабы современемъ самимъ занять отцевскія мѣста“, и чрезъ то избавить Церковь отъ неблаговидной необходимости принимать въ священство изъ служилыхъ людей и изъ крестьянства. Были случаи, что на основаніи такихъ понятій онъ отказывалъ свѣтскимъ людямъ даже отъ причетническихъ мѣстъ, которыя они занимали, и опредѣлялъ вмѣсто ихъ людей духовнаго происхожденія (1). При импер. Елизаветѣ въ 1744 г. самъ св. Синодъ ходатайствовалъ предъ Сенатомъ, чтобы праздныя мѣста въ приходахъ велѣно было замѣщать только духовными людьми, а для этого духовныхъ дѣтей и церковниковъ, оказывавшихся по разбору духовенства лишними въ одномъ мѣстѣ, не употреблять никуда по свѣтской командѣ, а пересылать въ другія мѣста, гдѣ въ нихъ чувствуется недостатокъ: „ибо церкви святыя удобнѣе и приличнѣе имѣ наполнять таковыми чинами, нежели какъ прежде, по необходимой нуждѣ, въ разсужденіи въ причтѣ церковномъ недостатка, крѣпостныхъ и помѣщичьихъ людей и крестьянъ въ цер-

(1) Иркутск. еп. вѣдом. 1866, № 15. 1863, № 40. стр. 646.

ковный причетъ опредѣлять, изъ чего бы послѣдовать могло то, что положенныхъ въ подушный окладъ выключать, а неположенныхъ и свободныхъ въ тотъ окладъ класть“ (¹).

Духовныя школы, чрезъ которыя свѣтскимъ людямъ было всего удобнѣе получить доступъ къ духовному званію, стали постепенно замыкаться съ самаго же начала своего существованія. По мысли Петра, онѣ должны были выпускать не однихъ только хорошихъ пастырей, но также гражданскихъ чиновниковъ, хорошихъ солдатъ, вообще людей „готовыхъ къ службѣ, до которой угодны и позваны будутъ указомъ государевымъ“; съ этою цѣлію разширена была и программа ихъ курса введеніемъ въ преподаваніе разныхъ свѣтскихъ наукъ и даже обученія „водному на регулярныхъ судахъ плаванію, геометрическимъ размѣрамъ, строенію регулярныхъ крѣпостей“ и проч.; съ этой цѣлію, кромѣ дѣтей духовенства, въ нихъ принимались ученики изъ всѣхъ званій. Но такое устраненіе въ ихъ устройствѣ принципа спеціальности и сословности было явленіемъ только временнымъ, вызвано было крайней нуждой правительства въ образованныхъ людяхъ среди производившихся тогда реформъ и недостаткомъ другихъ учебныхъ заведеній, кромѣ духовныхъ училищъ, и должно было рано или поздно прекратиться. Въ томъ же Регламентѣ, гдѣ семинаріямъ дана такая универсальная программа, весьма опредѣленно указывалось и спеціальное ихъ назначеніе—воспитывать дѣтей духовенства въ надежду священства, вслѣдствіе чего и въ составѣ ихъ курса богословской наукѣ предоставленъ былъ значительный перевѣсъ предъ всѣми другими науками. Съ самаго же начала возникновенія духовныхъ школъ положено было основаніе и ихъ будущаго сословнаго значенія; все содержаніе ихъ возложено было изключительно на архіерейскіе домы, монастыри и духовенство безъ всякаго по-

(¹) П. С. З. XII, № 8904.

собія со стороны государства, равнымъ образомъ весь административный надзоръ и управленіе ими предоставлены были епархіальнымъ архіереямъ и св. Синоду (1). Результаты обнаружились очень скоро. Какъ ни очевидно законы Петра доказывали его любимую мысль, что для излишка огромныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ доходовъ самое лучшее употребленіе будетъ, если на счетъ ихъ заводить школы для просвѣщенія народа, — финансовый интересъ оказывался сильнѣе всякихъ доказательствъ. Для духовной администраціи, какъ бы ни много оставалось у нея излишковъ отъ ея доходовъ, а тѣмъ болѣе для пищепствовавшаго бѣлаго духовенства, которое не знало, на что обучать и своихъ собственныхъ дѣтей, казалось вовсе нерасчетливымъ употреблять свои сословныя средства для воспитанія и обученія людей постороннихъ.

Такъ, въ александроневскую школу въ Петербургѣ при Петрѣ поступали ученики всѣхъ званій, дѣти служителей изъ монастырскихъ вотчинъ, дьяческіе, подъяческіе, посадскіе и др.; духовныхъ дѣтей между ними было даже меньшинство; но въ первый же годъ послѣ смерти Петра она была переименована въ семинарію съ спеціальнымъ назначеніемъ воспитывать достойныхъ служителей Церкви и ограничена штатомъ въ 50 человѣкъ, въ число которыхъ поступили преимущественно дѣти священно-и-церковно-служителей и только лучшіе изъ постороннихъ, а остальнымъ предоставлена свобода избрать родъ жизни, или оставаться при семинаріи на своемъ содержаніи, а не на монастырскомъ. Послѣ этого изъ людей свѣтскаго званія семинарія обучала у себя главнымъ образомъ дѣтей служителей невскаго монастыря, которые и поступали по окончаніи своего ученія не на церковныя должности, а въ разные роды монастырской службы, требо-

---

(1) Регл. дѣла синск. п. 11, 15, 25. П. С. З. VII, № 4126. 4326 и друг.

вавшіе грамотныхъ людей (1). Равнымъ образомъ до 1725 г. много воспитанниковъ свѣтскаго званія училось въ московской академіи; но въ этомъ году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Петра, когда въ академію для обученія прислано было значительное число недорослей дворянъ изъ герольдмейстерской конторы, ректоръ Гедеонъ отказался принять ихъ и отвѣчалъ конторѣ, что „въ той школѣ происходятъ во ученіе токмо духовныхъ персонъ дѣти, которыя бъ могли въ духовный чинъ происходить“ (2).

Въ слѣдующемъ 1726 г. въ верховномъ тайномъ совѣтѣ возникло любопытное дѣло по представленію адмиралтейской коллегіи о соединеніи губернскихъ и провинціальныхъ школъ для обученія приказныхъ и прочихъ чиновъ дѣтей съ школами архіерейскими. Радѣя о соблюденіи казеннаго интереса на счетъ школьныхъ средствъ духовнаго вѣдомства, коллегія представляла въ своемъ мнѣніи, что въ школахъ адмиралтейскаго вѣдомства и учились главнымъ образомъ только дѣти духовенства, а теперь, когда послѣднихъ стали заставлять учиться въ семинаріяхъ, учениковъ въ адмиралтейскихъ школахъ почти вовсе не стало и учителямъ быть не у чего, притомъ же послѣ соединенія школъ меньше будетъ и расходовъ на учителей, вмѣсто двойнаго числа окладовъ потребуются одни оклады. Императрица утвердила докладъ и указала соединеннымъ школамъ быть въ вѣдѣніи синодскомъ (3). Но такое рѣшеніе очевидно было невыгодно для духовнаго вѣдомства, потому что ему приходилось расходоваться на учениковъ, назначенныхъ къ поступленію на разные роды свѣтской службы. Не извѣстно, какимъ образомъ, но духовное вѣдомство успѣло таки освободиться отъ этой повинности и сохранить свои

---

(1) Ист. спб. акад. Чистовича. стр. 7. 11. 15—16. 45.
(2) Ист. моск. акад. 179.
(3) П. С. З. VII, № 4975.

школы въ ихъ сословномъ и спеціальномъ видѣ; по всей вѣроятности, если адмиралтейскія школы и были соединены съ архіерейскими, онѣ были скоро поглощены послѣдними.

При Петрѣ II въ 1728 г. св. Синодъ издалъ важный указъ относительно московской академіи: „обрѣтающихся въ академіи въ школахъ солдатскихъ дѣтей обуча отослать въ полки въ службу и впредь для обученія принимать таковыхъ, о которыхъ тѣхъ полковъ, въ которыхъ ихъ отцы служатъ, отъ командировъ прислано будетъ письменное увѣдомленіе, что они нынѣ и впредь въ полки не надобны; а помѣщиковыхъ людей и крестьянскихъ дѣтей, также непонятныхъ и злонравныхъ, отъ помянутой школы отрѣшить и впредь таковыхъ не принимать“ (1). Этотъ указъ, отстранявшій отъ обученія въ академіи всѣхъ солдатскихъ и крестьянскихъ дѣтей, отъ которыхъ нельзя было ожидать поступленія на духовную службу, былъ совершенно въ духѣ сословныхъ интересовъ духовной администраціи и исполнялся потомъ во всей точности (2). Но обученіе въ академіи шляхетскихъ и приказнослужительскихъ дѣтей продолжалось попрежнему, несмотря на то, что и этого рода воспитанники никогда не поступали на духовныя должности; на этотъ разъ сословный интересъ долженъ былъ уступить предъ нуждами государства и высшихъ классовъ, которымъ иначе негдѣ было воспитывать свое благородное юношество. Въ 1736 г. по опредѣленію Сената въ академію поступило заразъ 158 дѣтей дворянскихъ, между которыми были князья Оболенскіе, Прозоровскіе, Хилковы, Тюфякины, Хованскіе, Голицыны, Долгорукіе, Мещерскіе и друг. (3). Въ тоже время обуча-

(1) Ист. росс. іерарх. ч. I, стр. 429.

(2) П. С. З. VIII, № 6066. Крестьянскій сынъ Ломоносовъ, по преданію, только обманомъ могъ попасть въ академію, сказавшись сыномъ священника.

(3) Ист. моск. акад. 107.

лось въ ней нѣсколько дѣтей подъячихъ, канцеляристовъ, конюховъ и разныхъ монастырскихъ служителей.

Въ 1742 г. открылась новая семинарія въ Троицкой лаврѣ и съ самаго же начала, какъ невская, была наполнена дѣтьми монастырскихъ приказныхъ, подъячихъ, солдатъ, конюховъ, портныхъ, колесниковъ и другихъ лаврскихъ служителей, такъ что изъ 92 человѣкъ перваго курса дѣтей духовнаго званія училось въ ней только 12. Но всего черезъ 2 года въ 1744 г. такой составъ школьнаго курса началъ значительно сокращаться; солдатскія дѣти были отпущены къ отцамъ и впредь таковыхъ принимать не велѣно, дѣти крестьянъ потребовались по производившейся тогда ревизіи въ подушный окладъ, отъ котораго лавра отстаивала ихъ съ немалыми для себя издержками цѣлыхъ 6 лѣтъ, до 1750 г. Послѣ этого въ семинарію принимались только духовныя, служнія, приказныя и подъяческія дѣти. Но и между ними наблюдаемо было строгое сословное различіе; въ 1746 г. управлявшій семинаріей лаврскій соборъ постановилъ правиломъ, чтобы „священно-и-церковно-служительскія дѣти въ греко-латинской школѣ учились въ надежду священства, а служительскія въ пользу Троицкія лавры". Поступленіе послѣднихъ въ священно-служители было изключеніемъ и дозволялось только тѣмъ изъ нихъ, которыя особенно отличались успѣхами въ наукахъ и по своей нравственности; большею же частію они опредѣлялись къ письменнымъ дѣламъ при лаврѣ и въ ея вотчинахъ (1).

Во всѣхъ другихъ духовныхъ училищахъ, за изключеніемъ малороссійскихъ, въ которыхъ число свѣтскихъ учениковъ было постоянно преобладающимъ, въ первой половинѣ XVIII в. учились изключительно дѣти священно-и-церковно-служителей, опредѣленныя въ надежду священства. Сословная замкнутость духов-

(1) Ист. троицк. семин. 26. 29—31. 36. 101. 104.

ныхъ школъ все болѣе и болѣе развивалась по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны уяснялось въ духовномъ вѣдомствѣ сознаніе сословныхъ интересовъ, а съ другой по мѣрѣ умноженія числа свѣтскихъ учебныхъ заведеній, которыя увлекали на свою сторону не только свѣтскихъ, но и духовныхъ учениковъ. Весьма важною эпохою въ этомъ отношеніи было время открытія въ Москвѣ перваго русскаго университета (1755 г.), который сразу отвлекъ вниманіе всего свѣтскаго общества не только отъ семинарій, но и отъ академій.

Между тѣмъ правительство одно за другимъ выдавало распоряженія, которыя дѣлали духовное званіе все недоступнѣе для постороннихъ лицъ. Болѣе всего, разумѣется, оно должно было обратить при этомъ вниманіе на то, чтобы въ духовное званіе не уходили отъ него люди тяглые, податные. Его заботливость о полнотѣ разныхъ сборовъ съ податныхъ людей простиралась до того, что въ духовный чинъ запрещено было посвящать даже церковниковъ, если только они какимъ-нибудь образомъ имѣли несчастіе попасть въ подушный окладъ по прежнимъ разборамъ, дабы такимъ посвященіемъ, объяснено было въ указѣ 1725 года, „въ сборѣ оклада не чинить помѣхи“; этого мало,— запрещено было выписывать изъ подушнаго оклада и тѣхъ изъ записанныхъ въ него церковниковъ, которые какъ-нибудь успѣли получить священническій, или діакопскій санъ до указа, а велѣно „брать съ нихъ подушныя деньги на ряду, а ежели у нихъ есть дѣти, которыя съ ними обще приписаны къ подушному окладу, тѣмъ быть за помѣщики, къ кому приписаны“ (1). Въ 1726 г. это опредѣленіе было подтверждено относительно азовской губерніи, несмотря на то, что въ ней чувствовался крайній недостатокъ въ духовенствѣ и въ самыхъ церквахъ. Вслѣдствіе этого недостатка тамъ съ охотой припимали всякихъ безмѣстныхъ поповъ и

(1) П. С. З. VII. № 4802. 4804.

вмѣсто церквей назначали имъ для служенія часовни. Дѣти такого духовенства, такъ „не дѣйствительно служащаго“, при Петрѣ были всѣ положены тамъ въ подушный окладъ, а потомъ во множествѣ были посвящаемы въ попы и дьяконы (1). Послѣ запрещенія посвящать такихъ духовныхъ дѣтей и церковниковъ, записанныхъ въ окладъ, при Петрѣ II отъ разныхъ помѣщиковъ въ Синодъ и Сенатъ стали поступать многочисленныя челобитья, въ которыхъ просители, представляя правительству о недостаткѣ кандидатовъ на священно-служительскія мѣста, просили о разрѣшеніи для нихъ ставить въ попы и дьяконы людей духовнаго званія изъ положенныхъ за ними въ подушный окладъ, при чемъ давали обязательство, „что они тѣхъ бывыхъ церковниковъ отъ себя увольняютъ и подушнаго оклада деньги платить будутъ (за нихъ) сами и ихъ вотчинные крестьяне вѣчно“. Сенатъ согласился на такое условіе; разумѣется, дѣти такихъ податныхъ священно-служителей должны были оставаться также въ подушномъ окладѣ (2). — Означенныя опредѣленія имѣли полную силу и въ послѣдующее время до тѣхъ поръ, пока страшные разборы духовенства 1730-хъ годовъ не опустошили этого сословія до того, что кромѣ податныхъ церковниковъ во многихъ мѣстахъ рѣшительно некого было ставить въ священство. Обезпокоенное этимъ обстоятельствомъ, правительство рѣшилось наконецъ въ 1741 г. дозволить опредѣленіе достойныхъ людей къ церквамъ и изъ податныхъ церковниковъ съ выключеніемъ ихъ изъ оклада и съ переводомъ въ духовное вѣдомство (3). Но послѣ ревизіи 1744 г. вопросъ объ этихъ церковникахъ сталъ снова рѣшаться въ прежнемъ смыслѣ; какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ дѣтей не велѣно было производить

(1) Также № 4627. 4996.

(2) Также № 5202. 5264.

(3) Этотъ указъ выводится на справку въ ук. 1744 г. XII, № 9113.

не только въ священно-служители, но даже въ штатные дьячки и пономари при церквахъ (1).

Во время почти самаго производства ревизіи 1744 г. возникло дѣло объ одномъ священническомъ сынѣ новгородской епархіи Иванѣ Никифоровѣ, который во время разбора 1738 г. поставилъ за себя рекрута и, не желая учиться въ архіерейской школѣ, согласно съ тогдашнимъ опредѣленіемъ о такого рода людяхъ, поступилъ въ податное состояніе, записался въ купечество, а теперь снова домогался попасть въ духовное званіе. Въ немъ приняла участіе новгородская консисторія и послала отъ себя въ губернскую канцелярію требованіе—выключить Никифорова изъ цеха по силѣ указа 1741 г., такъ какъ онъ достоинъ духовнаго званія да притомъ и опредѣленъ уже въ псаломщики въ Троицкую пустынь деревской пятины. Канцелярія снеслась съ ратушей; ратуша съ своей стороны не нашла въ требованіи консисторіи ничего незаконнаго и немедленно изключила Никифорова изъ своихъ списковъ. Тѣмъ бы дѣло и кончилось, но въ это время какъ разъ наѣхала ревизія; производившій ее въ Новгородѣ кн. Черкасскій пришелъ въ затрудненіе, писать Никифорова въ ревизію, или нѣтъ, „понеже въ инструкціи о ревизіи изъ прежняго подушнаго оклада положенія выключки чинить ли, о томъ не изъяснено“, и потребовалъ объ этомъ предметѣ указа изъ Сената. Вопросъ изъ частнаго сдѣлался общимъ. Сенатъ рѣшилъ оставить Никифорова въ цехѣ, на томъ основаніи, что онъ самъ не пожелалъ прежде оставаться въ духовномъ званіи чрезъ поступленіе въ семинарію и самъ записался въ цехъ, и что этому минуло уже 8 лѣтъ, „того ради за такимъ не мало прошедшимъ временемъ, какъ его Никифорова, такъ и другихъ такихъ же, написанныхъ въ купечество и въ цехъ церковниковъ, кои понынѣ не выключены и въ

(1) П. С. З. XII, № 8981; XIII, № 9781.

подушномъ окладѣ состоятъ, изъ того подушнаго оклада не выключать“ (1).

Послѣ ревизіи посвященіе податныхъ церковниковъ и духовныхъ дѣтей было совершенно остановлено. Въ 1756 г. правительство однако объявило, что такое безусловное запрещеніе есть мѣра временная до будущаго указа, который будетъ составленъ на общей конференціи Синода и Сената. Но конференція замедлила состояться, а между тѣмъ въ св. Синодъ постоянно присылались докучливыя челобитныя изъ епархій, гдѣ архіереи отказывали всѣмъ просителямъ, которые приставали къ нимъ съ просьбами о посвященіи въ священно-служители изъ положенныхъ въ подушный окладъ, не смотря на то, что эти просители по прежнему порядку обѣщались сами платить окладъ за посвященныхъ; истратившись понапрасну на хлопоты и проѣздъ въ епархіальный городъ изъ мѣстностей иногда очень отдаленныхъ отъ послѣдняго, челобитчики обращались послѣ этого съ своими докуками къ св. Синоду. Синодъ взялся наконецъ самъ рѣшить безпокойный вопросъ, не дожидаясь конференціи съ Сенатомъ, и въ 1761 г. выдалъ указъ совершенно согласный съ прежними опредѣленіями временъ Петра II и Анны Іоанновны: дозволено посвящать только такихъ церковниковъ, положенныхъ въ окладъ, за которыхъ окладъ обяжутся платить до слѣдующей ревизіи или ихъ помѣщики, или общества, къ которымъ они приписаны, на основаніи указовъ 1727 и 1728 гг., потому что при соблюденіи означеннаго условія въ платежѣ подушнаго оклада не будетъ казнѣ никакого ущерба (2).

Если правительство такъ неохотно дозволяло поступленіе въ духовное званіе людямъ духовнаго же происхожденія, попавшимъ въ окладъ, тѣмъ, разумѣется,

---

(1) Тамже XII, 9113.
(2) Тамже XIII, 9781. XV, 11336.

строже въ этомъ случаѣ оно должно было поступать въ отношеніи къ своимъ постояннымъ тяглымъ и служилымъ людямъ. Запрещеніе посвящать ихъ въ священный санъ имѣло полную силу даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ въ духовенствѣ чувствовался постоянный недостатокъ и гдѣ подобное запрещеніе могло сопровождаться значительнымъ вредомъ для интересовъ Церкви. Въ 1727 г. изъ Тобольска жаловались, что „церкви за неимуществомъ священно-служителей и причетниковъ многія пустѣютъ, а ставить некого, понеже, кромѣ причетниковъ, изъ посторонних не дозволено“, а причетниковъ мало, да и тѣхъ горнозаводскіе управители употребляютъ на работы, а ставить не даютъ (1). Въ 1729 г., по случаю смерти множества священно-и-церковно-служителей въ Астрахани отъ моровaго повѣтрія и недостатка на ихъ мѣста новыхъ кандидатовъ изъ духовнаго званія, св. Синодъ обращался къ Сенату за разрѣшеніемъ ставить на убылыя мѣста новыхъ священно-служителей изъ астраханскихъ купцовъ и другихъ горожанъ. Въ виду такой крайности Сенатъ согласился на представленіе Синода, но съ большими ограниченіями: ставить изъ разночинцевъ, буде найдутся какіе достойные, но чтобы они не были положены въ подушный окладъ, не числились въ службѣ и не состояли подъ дѣломъ, были люди свободные и не бѣглые, а изъ астраханскихъ купцовъ, которые пожелаютъ быть въ духовномъ чинѣ, поставлять только въ такомъ случаѣ, когда купечество обяжется платить за нихъ подушныя деньги (2). Въ 1739 г. св. Синодъ снова просилъ дозволенія, ради „крайней во священствѣ нужды и неимущества у многихъ церквей священно-и-церковно-служителей“, дозволить посвященіе изъ свѣтскихъ чиновъ въ иркутской епархіи, въ Охотскѣ и Камчаткѣ. На этотъ

---

(1) Пекарск. Наука и Литт. при Петрѣ. т. I, стр. 121.
(2) П. С. З. VIII, № 5432.

разъ Сенатъ согласился посвященныхъ въ означенныхъ мѣстностяхъ свѣтскихъ людей освобождать отъ всякихъ службъ, какія они несли до посвященія, но поставленіе въ церковный клиръ изъ податныхъ все-таки поставилъ при этомъ подъ условіе, sine qua non...,—если прихожане сами обяжутся взносить за нихъ подушный окладъ и нести рекрутскую повинность (1). Такое постановленіе весьма любопытно и выразительно особенно въ отношеніи къ Камчаткѣ, гдѣ только лишь началось тогда обращеніе жителей въ христіанство и гдѣ духовенство было крайне нужно; на всю Камчатку былъ одинъ только священникъ, о. Ермолай, который, несмотря на свои постоянные разъѣзды, въ иной мѣстности успѣвалъ побывать всего одинъ разъ въ 2—3 года и каждый разъ долженъ былъ совершать нѣсколько требъ, такъ сказать, заднимъ числомъ, наприм. окрестить у козака дочь, потомъ за одинъ разъ перевѣнчать ее съ ея мужемъ да кстати уже окрестить тутъ же и ея ребенка (2). При импер. Елизаветѣ Петровнѣ св. Синодъ въ концѣ 1743 г. опять обратился къ Сенату съ представленіемъ о дозволеніи „опредѣлять въ церковный причетъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ“, потому что послѣ разборовъ духовенства въ царствованіе Анны Іоанновны въ приходахъ оставалось множество священно-и-церковно-служительскихъ вакансій, но всего черезъ три мѣсяца самъ же отказался отъ своей мысли и, какъ мы уже упоминали, входилъ въ Сенатъ съ другимъ представленіемъ замѣщать церковныя мѣста лицами только духовнаго происхожденія (3). Послѣ ревизіи 1744 г. посвященіе податныхъ людей допускалось только въ случаяхъ особенной въ немъ нужды и подъ тѣмиже условіями, какъ посвященіе

(1) Тамже X, № 7836.

(2) См. въ Истор.-стат. опис. камч. церквей. Тр. кіевск. акад. 1861 г. т. 1.

(3) П. С. З. XII, № 8904.

податныхъ церковниковъ; всѣ указы, относившіеся къ послѣднимъ, вмѣстѣ съ приведеннымъ рѣшеніемъ св. Синода 1761 г., въ одинаковой мѣрѣ относились и ко всѣмъ податнымъ людямъ. Подъ вліяніемъ такихъ стѣснительныхъ распоряженій и сословныхъ стремленій духовныхъ властей всѣ церковныя мѣста занимались исключительно духовными людьми, не исключая и мѣстъ причетническихъ; причетникъ, опредѣленный къ церкви изъ податныхъ людей, считался обыкновенно недѣйствительнымъ и не причислялся къ постоянному штату, потому что всегда могъ быть возвращенъ въ свое прежнее состояніе, если даже какимъ-нибудь способомъ и отдѣлялся отъ этого состоянія (1).

Относительно опредѣленія въ духовное званіе изъ военныхъ людей мы уже знаемъ запретительныя мѣры при Петрѣ II, когда солдатскихъ дѣтей не велѣно было принимать даже въ духовныя школы для обученія. Около тогоже времени правительство въ первый разъ обратило вниманіе на невыгодные для него результаты, происходившіе отъ свободнаго поступленія въ духовное званіе малороссійскихъ козаковъ; но на этотъ разъ дѣло ограничилось только запрещеніемъ духовнымъ лицамъ владѣть козацкими землями, которыя переходили въ руки духовенства чрезъ благочестивое пожертвованіе для спасенія души, дареніе, покупку и между прочимъ чрезъ поступленіе козака-владѣльца въ священный санъ (2). Но такъ какъ о самомъ посвященіи козаковъ при этомъ ничего не было сказано, то владѣніе духовенства козацкими грунтами продолжалось и послѣ этого. При Аннѣ Іоанновнѣ обращено вниманіе и на посвященіе козаковъ. Въ 1734 г. вышелъ именной указъ, по которому „архіереямъ кіевскому, черниговскому и переяславскому изъ мало-

(1) Напр. X, № 7144.

(2) Также VIII, № 5324 п. 18. Пункты, данные гетману Апостолу.

россійской старшины и козаковъ и старшинскихъ и козачьихъ дѣтей, безъ аттестатовъ полковничья и старшины полковой, а знатныхъ и безъ позволенія генеральной войсковой канцеляріи, въ діаконы и попы посвящать не велѣно, дабы отъ того козакамъ и службѣ нашей умаленія быть не имѣло. А которые до того нашего указа такимъ образомъ во діаконы и въ попы посвящены и имѣли за собою жалованные и козацкіе грунты и о тѣхъ будутъ челобитчики, и тѣ дѣла разсматривать и вершить по правамъ; а кто за симъ нашимъ указомъ, утаясь, посвященъ будетъ, а дѣтей ихъ мужеска пола въ службѣ нашей не будетъ, и у тѣхъ козацкіе грунты отбирать и отдавать ближнимъ ихъ родственникамъ, кои въ службѣ нашей обрѣтаются" (1). Столкновенія между козацкой и духовной службой не прекращались и въ царствованіе имп. Елизаветы. Въ это время встрѣчаемъ любопытную переписку сумской полковой канцеляріи съ харьковской консисторіей объ одномъ священникѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и козакомъ, Герасимѣ Горѣльчанинѣ. Вотъ какія свѣдѣнія сообщала объ немъ полковая канцелярія: „съ прошлаго 1732 г. написанъ въ лебединской сотнѣ лебединскій житель Романъ Горѣльчанинъ, съ котораго года и понынѣ платилъ козачій окладъ. И оный козакъ Горѣльчанинъ, укрываясь отъ полковой службы, въ прошломъ 738 г. сына своего Герасима послалъ въ Бѣлгородъ тайно и проискомъ его тотъ бывшимъ преосв. Петромъ въ г. Лебединъ къ Петропавловской церкви посвященъ въ попы". Предъ посвященіемъ Герасимъ показалъ въ консисторіи, что онъ человѣкъ свободный и въ окладъ никакой не записанъ. Сумская полковая канцелярія поспѣшила было сообщить консисторіи вѣрныя свѣдѣнія о его личности, но опоздала. Несмотря на посвященіе, въ ревизію онъ все-таки записанъ былъ козакомъ и, платя полный козачій окладъ, оставилъ поэтому за

(1) П. С. З. IX. 6614 п. 12.

собой и козачій свой грунтъ и пользовался доходами и отъ козацкой и отъ священнической службы; изъ дѣла объ немъ видно, что онъ былъ человѣкъ довольно зажиточный и имѣлъ торговыя лавки (1). Въ предотвращеніе подобныхъ случаевъ наши іерархи, въ епархіяхъ которыхъ были козацкіе приходы, давно стремились къ тому, чтобы правительство вовсе запретило опредѣлять козаковъ въ духовное званіе и чтобы дѣти священно-и-церковно-служителей числились не въ козацкомъ, а въ духовномъ званіи, и были, если не единственными, то по крайней мѣрѣ главными кандидатами на церковныя мѣста. Настаивая на этомъ, іерархія между прочимъ расчитывала и на то, что введеніе въ козацкихъ земляхъ обычной наслѣдственности духовнаго званія будетъ самымъ лучшимъ средствомъ и къ развитію надъ козацкимъ духовенствомъ епархіальной власти, потому что при существовавшихъ порядкахъ она сильно стѣснялась козацкими начальствами; такъ наприм. воронежскіе архіереи никакъ не могли заставить донское духовенство, не только отдавать дѣтей въ школы, но даже произвести имъ обычную перепись для приведенія въ извѣстность наличнаго состава приходскихъ причтовъ съ ихъ семействами; на всѣ требованія свои по этому предмету они получали одинъ отвѣтъ, что семейства донскаго духовенства состоятъ въ войсковомъ чинѣ и епархіальная власть не имѣетъ права ничѣмъ ихъ касаться. Можно припомнить здѣсь также извѣстныя намъ жалобы архіереевъ по вопросу объ опредѣленіи къ козацкимъ церквамъ причетниковъ. Св. Синодъ нѣсколько разъ издавалъ указъ о томъ, чтобы козацкія начальства не привлекали духовенство подъ свою команду и оставляли дѣтей дѣйствительно служащихъ священно-и-церковно-служителей свободными отъ козацкой службы для церквей святыхъ. Правительство слабо поддерживало подобныя распоряженія, не желая обижать коза-

(1) Описан. харьк. епарх. вып. III, 450—452.

ковъ и нарушать ихъ старинныя права и обычаи. Вся его заботливость сосредоточивалась только на томъ, чтобы чрезъ посвященіе козаковъ въ свящ. санъ не переходили во владѣніе духовенства козацкіе грунты къ ущербу интересамъ козацкой службы; вслѣдствіе этого оно требовало, чтобы козаки опредѣлялись въ духовное званіе не иначе, какъ съ вѣдома своего начальства, которое при этомъ должно было сдѣлать нужныя распоряженія о ихъ грунтахъ. Грунтъ былъ тоже для козака, поступающаго въ церковное служеніе, что подушный окладъ для ставленика изъ податныхъ; всѣ козацкія повинности съ грунта должны были непремѣнно выполняться и послѣ посвященія грунтоваго владѣльца, какъ долженъ былъ выплачиваться подушный окладъ послѣ посвященія обложеннаго имъ податнаго человѣка; дѣти того и другаго оставались въ прежнемъ званіи отца (1).

Къ числу людей, обязанныхъ службой, въ первой половинѣ XVIII в. принадлежали всѣ дворяне. Законъ 1714 г. дозволилъ изъ дворянства переходъ въ духовное званіе однимъ кадетамъ, младшимъ сыновьямъ дворянскихъ фамилій; въ 1730 г., съ отмѣной дворянскаго майората, потеряло силу и это дозволеніе (2); потомъ въ законодательствѣ уже ни разу не говорилось о томъ, можно, или нѣтъ поступать дворянамъ въ священнослужительскія должности, до самаго изданія знаменитой граматы о вольности дворянства, которая даровала дворянству самую широкую свободу въ выборѣ занятій и рода общественнаго служенія; но за то всегда такъ много говорилось объ обязательной службѣ дворянъ государству на поприщѣ или военномъ, или гражданскомъ, что молчаніе закона о выборѣ духовной службы совершенно равнялось запрещенію этого выбора для всѣхъ дворянъ. Законодательству впрочемъ и неза-

---

(1) См. напр. П. С. З. X, 7144. 7331. XII, 9299. 9329. XIV, 10461. XVII, 12454.

(2) П. С. З. VIII, 5653.

чѣмъ было ясно выражать подобнаго запрещенія, потому что духовное званіе еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка до того уже было унижено, что ни одинъ порядочный дворянинъ самъ не могъ поступить въ него изъ одного шляхетскаго гонора; самый указъ 1714 г., говоря объ опредѣленіи въ священство кадетовъ, почелъ нужнымъ замѣтить, чтобы этого никто не ставилъ имъ и ихъ фамиліямъ въ безчестіе. Потому и тогда едвали могло быть много примѣровъ, чтобы кто-нибудь изъ дворянъ взумалъ воспользоваться этимъ закономъ для перехода въ духовное званіе [1]. Между духовенствомъ и шляхетствомъ у насъ никогда не было такой родственной связи, какую видимъ на западѣ, гдѣ въ духовенствѣ во всѣ времена встрѣчаемъ представителей разныхъ, иногда даже очень высокихъ дворянскихъ фамилій. Разумѣется, при этомъ мы вовсе не беремъ въ расчетъ весьма частыхъ примѣровъ постриженія нашихъ бояръ и дворянъ въ монашество. Примѣры священниковъ изъ дворянъ встрѣчаемъ лишь въ западной Россіи, гдѣ въ духовное званіе часто поступали козаки, даже старшины и шляхтичи, наприм. Бугаевскій при гетманѣ Скоропадскомъ былъ опредѣленъ войсковымъ капелланомъ при резиденціи гетмана, одинъ изъ благородныхъ пановъ Бутовичей былъ священникомъ и т. д. [2]. Нѣкоторые дворяне строили у себя въ деревняхъ церкви и сами же опредѣлялись къ нимъ священниками, а потомъ дѣлались родоначальниками цѣлыхъ иногда очень длинныхъ дворянско-священническихъ родовъ,—таковъ наприм. родъ Трощановичей с. Глазова мглинскаго уѣзда, служившій наслѣдственно съ 1655 г., когда родоначальникъ его Василій Трощановичъ первый устроилъ у себя храмъ и сдѣлался священникомъ,

---

(1) Дѣдъ Суворова Ив. Ив. Суворовъ поступилъ въ дух. званіе и былъ придворнымъ протоіереемъ въ кремлѣ (Долгорук. ч. II, 66). Можетъ быть, были и другіе примѣры.

(2) Двор. въ Россіи Ром.-Славатинскаго, 149.

до 1866 г. (1). Многіе дворяне поступали въ священники, укрываясь отъ войсковой службы. „По присоединеніи въ 1654 г. малой Россіи къ всероссійскому престолу, говорится въ одной запискѣ о малороссійскомъ дворянствѣ Екатерининскаго времени, многіе военные малороссійскіе чиновники, убѣгая изъ службы и паче въ военное время, оставили свое званіе и вступили въ попы... Изъ сихъ-то чиновниковъ произшедшіе попы и дьяконы и нынѣ считаютъ себя дворянами, получили изъ дворянскихъ коммиссій на дворянство граматы и пользуются всѣми дворянскими промыслами и правами, не неся притомъ никакой дворянской службы и тягости... Имѣютъ изобильныя земли, вопреки запретительнымъ указамъ и рѣшительнымъ гетману Апостолу 1728 г. даннымъ пунктамъ“ (2). Вотъ почему въ Малороссіи нерѣдко можно было встрѣчать крѣпостныя селенія, принадлежавшія священникамъ, этимъ же объясняются названія многочисленныхъ между селами Поповокъ и Протопоповокъ.

Въ другихъ частяхъ имперіи „введеніе въ духовный чинъ шляхетства“ до того было необычно, что въ 1730-хъ годахъ мы видимъ его предметомъ однихъ только мечтаній прожектеровъ въ родѣ А. Волынскаго, который предлагалъ его „по примѣру европейскихъ государствъ“ въ своемъ „Генеральномъ разсужде[illegible] по-правленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ[illegible]“. Но въ тоже время само шляхетство проявляло осо[illegible]сильное стремленіе къ совершенному [illegible] другихъ сословій, которыя оно [illegible] все, какъ „подлыя“. Органами такого [illegible]ря уже о представителяхъ нашей высшей аристократіи или о

(1) Акты о двор. Трощановичей въ Черниг. епарх. изв. 1870 г. № 2.

(2) Дворянство въ Россіи. 150. См. также примѣры священниковъ изъ дворянъ въ Опис. харьк. епарх. вып. III, стр. 303. 431. 455... Р. Арх. 1871 г. стр. 1884—1885.

(3) Чтен. общ. ист. и древн. 1858. кн. II, смѣсь. стр. 155.

знаменитыхъ верховникахъ, были самыя образованныя лица изъ дворянства, наприм. извѣстный русскій историкъ В. Н. Татищевъ, который разсуждалъ о дворянствѣ своего времени такимъ образомъ: „есть разность чиновъ временная, но другая есть пребывающая и наслѣдственная, яко шляхетство, гражданство и подлость, а нѣгдѣ четвертое счисляютъ—духовенство. У насъ въ Уложеніи нѣколико шляхетство отъ прочихъ отмѣнено, токмо безъ основанія, недостаточно и неясно. Для того у насъ всякъ, кто только похочетъ, честь шляхетскую похищаетъ. О пре[illegible]ніи сего великаго безпорядка и оскорбленія тѣмъ преимуществъ государя видится забыто". Или еще: „У насъ междо шляхтичемъ и подлымъ никакой разности, ни закона о томъ нѣтъ, а почитаются всѣ имѣющіе деревни: подъячіе, поповичи, посадскіе, холопи, имѣющіе отчины, за шляхетство, гербы себѣ берутъ, кто какой самъ вымыслитъ, и почитаются по богатству, чего нигдѣ не водится" (¹). Понятно, что при такомъ направленіи сословныхъ понятій шляхетства нечего было и думать о сближеніи его съ духовенствомъ, „по примѣру европейскихъ государствъ".

Чѣмъ дальше, тѣмъ дворянство все болѣе возвышалось и отдѣлялось отъ другихъ сословій, въ томъ числѣ и отъ [illegible]венства, тѣмъ болѣе, что послѣднее почти въ [illegible] же мѣрѣ съ теченіемъ времени унижалось по сво[illegible]ощественному положенію и смѣшивалось съ подлы[illegible] Въ вѣкъ Екатерины, вѣкъ пышнаго и [illegible]тизма, полнаго развитія дворянскихъ [illegible]узскаго образованія, условнаго дворянскаго этикета и житейской обстановки, вѣкъ порабощенія низшихъ классовъ высшему, духовное лице до того уже сдѣлалось „подлымъ", что среди дворянства къ нему съ презрѣніемъ относились и старый и малый, надъ нимъ издѣвалась литтература, издѣвалось образованное общество, въ которомъ

(¹) Татищ. и его время. Н. Попова. стр. 471

ругнуть попа считалось даже признакомъ хорошаго тона и свободнаго отъ суевѣрій образованія; помѣщикъ трактовалъ своего священника, какъ холопа, на ряду съ своими крѣпостными крестьянами, напускался на него съ своимъ барскимъ окрикомъ, оскорблялъ его даже „наказаніемъ на тѣлѣ“ (1). Духовенство да и само дворянство еще до сихъ поръ хранятъ отъ XVIII в. множество преданій и разсказовъ почти о невѣроятныхъ проявленіяхъ съ одной стороны глубочайшаго униженія духовенства предъ дворянами, а съ другой грубѣйшаго самодурства и самаго необузданнаго произвола. Духовенство составило какую-то униженную и забитую „породу“, въ которой высшее общество не предполагало уже ничего хорошаго, благороднаго и цивилизованнаго. Дворянинъ Болотовъ, разсказывая въ своихъ запискахъ о разныхъ лицахъ, происходившихъ изъ духовнаго званія и отличавшихся благородными качествами, каждый разъ считаетъ нужнымъ прибавить къ своей похвалѣ выразительное: „не взирая на его породу“. Да и само правительство, стараясь всячески возвысить дворянство и развивая въ своихъ указахъ идею благородства этого класса, только подъ конецъ XVIII в. наприм. освободило священнослужителей отъ позора публичныхъ тѣлесныхъ наказаній. Очень понятно, почему дворяне не только не вступали въ духовное званіе, напротивъ даже бѣжали изъ него, если почему-нибудь принадлежали къ нему прежде. Въ 1803 г. былъ наприм. такой случай въ петербургской академіи. Одинъ студентъ Андруцкій, протоіерейскій сынъ, дошедшій уже до философіи, совершенно неожиданно узналъ, что онъ дворянинъ кіевской губерніи. Послѣ этого онъ, нисколько не медля, оставилъ и философію и школу, „чтобы избрать новый родъ жизни, соотвѣтствующій его склонностямъ, равно и правамъ, предоставленнымъ благородному дворянству“ (2). За исключеніемъ нѣсколькихъ священническо-

(1) П. С. З. XVIII, № 13286.
(2) Истор. спб. акад. 144—145.

дворянскихъ родовъ Малороссіи, другіе духовные дворянскіе роды большею частію ведутъ свое начало не отъ дворянъ, поступившихъ въ духовное званіе, а отъ духовныхъ же лицъ, которымъ пожалованы были или населенныя имѣнія, каковъ наприм. родъ Наларжинскихъ, родоначальнику котораго царскому духовнику пожаловано было при Петрѣ 4000 душъ въ слободоукраинской губерніи [1], или потомственное дворянство, какъ наприм. духовнику императр. Елизаветы, Дубянскому [2], или ордена, какъ наприм. протоіерею Александру Левшину (брату м. Платона) [3].

Относительно посвященія лицъ изъ податнаго состоянія во второй половинѣ XVIII в. правительство продолжало развивать тѣже начала, какія были высказаны еще въ началѣ столѣтія. Въ 1766 г. ему наприм. сдѣлалось извѣстно, что въ устюжской и сольвычегодской провинціяхъ, въ ущербъ подушному платежу, постриглось въ монахи и посвящено въ священный и церковный чинъ 139 человѣкъ изъ сошныхъ государственныхъ и церковныхъ крестьянъ и что отъ того произошла даже путаница въ сборахъ. По этому случаю мѣстному губернатору съ архіереемъ велѣно было произвести слѣдствіе о такихъ выбывшихъ изъ оклада и поступить съ ними по прежнимъ указамъ, изъ всѣхъ епархій потребованы въ Синодъ вѣдомости о посвященныхъ изъ оклада и разосланы ко всѣмъ архіереямъ подтвердительные указы впредь изъ податнаго состоянія никого ни постригать, ни посвящать [4]. Не далѣе, какъ черезъ три года (въ 1769 г.), потребовалось новое подтвержденіе старыхъ указовъ по случаю извѣстій о постриженіи и посвященіи еще большаго числа крестьянъ въ архангельской губерніи; по донесенію

---

(1) Двор. въ Россіи. Р.-Слават. 158.

(2) Осмнадцат. вѣкъ. кн. III, стр. 345.

(3) Признаніе за его дѣтьми потом. дворянства въ II. С. З. № 26497 (указъ 1816 г.).

(4) II. С. З. XVII, 12573.

губернатора Головина всѣхъ такихъ оказалось по губерніи 389 человѣкъ,—цифра очень почтенная и показывающая значительную мѣстную нужду въ духовенствѣ; указъ, выданный по этому поводу, не обращая вниманія ни на какія мѣстныя условія, рѣшительно распорядился взыскать положенные сборы со всѣхъ посвященныхъ и постриженныхъ, не взирая на ихъ посвященіе и постриженіе (1).

Въ 1774 г. снова возникъ вопросъ о положенныхъ въ подушный окладъ церковникахъ, которые домогались возвращенія въ духовное званіе; положивъ на основаніи прежнихъ указовъ отказывать имъ въ такомъ домогательствѣ, св. Синодъ указомъ 11 іюля опредѣлилъ: церковныя мѣста комплектовать только дѣтьми дѣйствительныхъ священно-и-церковно-служителей, оставшимися послѣ разбора, а потомъ, уже если ихъ не достанетъ, и сверхкомплектными, и когда оныхъ дѣйствительныхъ церковниковъ ко укомплектованію будетъ достаточно, а потому въ положенныхъ въ подушный окладъ церковникахъ надобности не окажется, тогда всѣхъ тѣхъ церковниковъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ съ ихъ дѣтьми, кромѣ священниковъ и дьяконовъ и дѣтей ихъ, рожденныхъ по вступленіи ихъ въ священнослужительскіе чины, исключа изъ церковнаго причта, высылать въ тѣ вотчины, гдѣ они въ подушномъ окладѣ быть должны. Такимъ образомъ на этотъ разъ св. Синодъ пошелъ даже далѣе прежнихъ указовъ, не только запретилъ принимать положенныхъ въ окладъ церковниковъ на духовную службу вновь, но распорядился выключить изъ нея и тѣхъ, которые попали въ нее прежде и числились теперь уже дѣйствительно служащими церковниками. На основаніи этого распоряженія выключенію изъ духовнаго званія подверглось много даже такихъ дѣтей духовенства и церковниковъ, которые написаны были въ окладъ еще въ первую и вторую ревизію, а во время третьей, какъ дѣйстви-

(1) Тамже, XVIII, 13326.

тельно служащіе или дѣти дѣйствительно служащихъ, были записаны уже выбывшими изъ оклада. Застигнутые врасплохъ такою строгостію указа, они энергично принялись хлопотать о смягченіи своей участи. доходили съ своими прошеніями до св. Синода, а 16 человѣкъ изъ нихъ подали прошеніе самой императрицѣ и, какъ видится, успѣли ее растрогать описаніемъ своего горькаго положенія. Въ мартѣ 1775 г. она выдала св. Синоду указъ „стараться сихъ бѣдныхъ людей помѣстить на праздныя мѣста, гдѣ буде нынѣ число церквей въ новыхъ владѣніяхъ прибыло“. Св. Синодъ исполнилъ волю императрицы. Но этотъ высочайшій указъ, бывшій результатомъ одного сердечнаго движенія государыни, разстроивалъ весь, давнымъ давно уже заведенный, законный порядокъ. Въ іюнѣ тогоже года св. Синодъ уже долженъ былъ сообщить Сенату, что церковниковъ подобныхъ вышеозначеннымъ и оставшихся теперь безъ мѣстъ явилось множество и всѣ неотступно просятъ себѣ церковныхъ мѣстъ, ссылаясь на послѣдній высочайшій указъ, а Синодъ этого указа, относившагося къ однимъ 16 означеннымъ церковникамъ, распространить на всѣхъ самъ собою не можетъ, что вслѣдствіе этого теперь требуется учинить новое общее опредѣленіе о всѣхъ такихъ людяхъ „церковнической породы“, чтобы они не остались праздными; при этомъ св. Синодъ изложилъ свое мнѣніе, чтобы, въ случаѣ дозволенія исключать ихъ изъ оклада для опредѣленія къ церковнымъ мѣстамъ, свѣтскія начальства предварительно сносились съ епархіальными архіереями и консисторіями и сообща изключали только такихъ, которые къ чтенію и пѣнію достаточны и въ церковный чинъ достойны. Сенатъ снова подтвердилъ прежнія запрещенія посвящать изъ подушнаго оклада, потому что, объяснялъ онъ, и безъ того остается много безъ мѣстъ изъ дѣтей дѣйствительныхъ священно-и-церковно-служителей, „и когда мимо ихъ комплектовать порожнія мѣста положенными въ подушный окладъ, то и болѣе таковыхъ въ одну общенародную и собственную

ихъ тягость оставаться можетъ". Послѣ этого св. Синодъ распорядился, при укомплектованіи церквей, въ случаѣ недостатка церковниковъ въ одной епархіи, архіереямъ требовать себѣ нужныхъ кандидатовъ на мѣста изъ другихъ сосѣднихъ епархій, гдѣ окажется излишекъ духовенства (1).

Несмотря на эти распоряженія, ко времени 4-ой ревизіи опять накопилось значительное число духовныхъ лицъ изъ подушнаго оклада. Въ указѣ о разборѣ духовенства 1784 г. однихъ получившихъ формальное увольненіе отъ оклада, показано 667 человѣкъ церковно-служителей и 63 поповъ и дьяконовъ; число опредѣлившихся къ церквамъ безъ увольненія не показано, но вѣроятно было тоже немалое; указъ не тронулъ выписанныхъ изъ оклада, но послѣднихъ, за исключеніемъ посвященныхъ въ священно-служители, распорядился всѣхъ обратить въ ихъ прежнее состояніе, въ окладъ (2). По поводу этого разбора св. Синодъ въ 1784 г. издалъ общее и рѣшительное распоряженіе замѣщать церковныя мѣста дѣтьми однихъ только дѣйствительныхъ священно-служителей и церковниковъ (3). Къ концу XVIII столѣтія духовное званіе до того успѣло замкнуться для постороннихъ лицъ что въ 1799 г. могъ серьезно возникнуть даже такого рода вопросъ: можно ли опредѣлять на священно-служительскія мѣста людей, хотя и духовнаго происхожденія, но служившихъ въ свѣтской службѣ, и притомъ даже не въ постороннемъ какимъ-нибудь вѣдомствѣ, а въ духовномъ же, наприм. въ званіи сторожей и приставовъ духовныхъ консисторій". Св. Синодъ издалъ по этому вопросу особый дозволительный указъ, въ которомъ однако опредѣленіе такихъ лицъ на священно-служительскія мѣста выставилъ чѣмъ-то въ родѣ особаго пожалованія за ихъ службу и распро-

(1) П. С. З. XX, № 14475.
(2) Тамже, XXII, № 15978. п. 7—8.
(3) Тамже, № 15981. п. 3—4.

странилъ это дозволеніе и на ихъ дѣтей, обучавшихся въ семинаріяхъ (1). Церковная служба сдѣлалась исключительнымъ достояніемъ людей духовнаго званія, такъ что постороннему человѣку въ иныхъ мѣстахъ весьма трудно было попасть даже на мѣсто церковнаго сторожа. Должность просвирень сдѣлалась принадлежностію однихъ духовныхъ женщинъ, вдовъ и дочерей умершихъ священно-и-церковно-служителей. Опредѣленіе въ просвири недуховной женщины въ московской наприм. епархіи было рѣдкимъ случаемъ и допускалось по особымъ обстоятельствамъ еще со времени арх. Амвросія Зертисъ-Каменскаго; въ консисторскомъ опредѣленіи при этомъ писалось: „хотя означенную вдову, въ разсужденіи того, что она не изъ духовнаго званія, а изъ купеческаго чину, на просимое мѣсто къ преобиднію духовнаго чину вдовъ опредѣлять и не слѣдовало, но какъ ее очень усердно просятъ опредѣлить священникъ и приходскіе люди, и по собраннымъ свѣдѣніямъ она поведенія удовлетворительнаго, то опредѣлить ее“ (2). Въ указѣ 1799 г. о призрѣніи вдовъ и сиротъ духовнаго званія опредѣленіе первыхъ на должность просвирень при церквахъ представляется уже обычною и обязательною для епархіальныхъ начальствъ формою ихъ призрѣнія (3).

Во второй половинѣ XVIII в. завершилась также замкнутость духовно-учебныхъ заведеній, еще болѣе укрѣпившая замкнутость самого сословія. Такъ, въ московской академіи въ это время учились уже одни дѣти священно-и-церковно-служителей. Исключеніе сдѣлано было только для дѣтей типографскихъ служителей, по особому о томъ указу 1769 г., и то съ ограниченіемъ—только для такихъ, коихъ отцы поступили на типографскую службу изъ священно-служительскихъ дѣтей и не были положены въ подушный окладъ. Въ теченіи

(1) Тамже, XXV, № 18920.
(2) Истор. моск. еп. управл. ч. II, кн. 2. примѣч. 318.
(3) П. С. З. XXV, № 18921.

всей второй половины XVIII столѣтія историкъ московской академіи знаетъ всего только одинъ случай принятія въ академію ученика недуховнаго званія;— это было въ 1787 г., когда принятъ былъ въ нее одинъ можайскій купецъ Пыпинъ для слушанія философскихъ лекцій, и то только вольнымъ слушателемъ (1). Въ троицкой семинаріи свѣтскихъ учениковъ было больше. Въ 1767 г. въ ней училось 8 лейбъ-гвардіи унтеръ-офицерскихъ дѣтей, но подъ особеннымъ наблюденіемъ начальства семинаріи относительно ихъ успѣховъ и въ видѣ особаго изъятія, кромѣ того еще одинъ канцелярист, давшій впрочемъ обѣщаніе поступить въ монашество. Въ послѣдующіе за тѣмъ годы число такихъ учениковъ не восходило свыше 4 человѣкъ (2). Изключеніе между духовно-учебными заведеніями по прежнему составляли только заведенія югозападной Россіи,—кіевская академія, черниговская и переяславская семинаріи, которыя до самой реформы духовныхъ училищъ при импер. Александрѣ продолжали оставаться съ своимъ открытымъ и общеобразовательнымъ характеромъ, такъ что число свѣтскихъ учениковъ въ нихъ было даже гораздо значительнѣе числа духовныхъ. По списку піитическаго класса въ академіи за 17$^{00}/_{70}$ г. послѣднихъ было всего 47, а первыхъ 69 (3). Въ переяславской семинаріи въ 1766 г. число духовныхъ воспитанниковъ (75) только немного превышало число разночинцевъ (62). Но при этомъ нужно замѣтить, что на духовную службу поступали одни воспитанники духовнаго происхожденія, а свѣтскіе расходились по разнымъ службамъ, въ козаки, по канцеляріямъ, въ мѣщане и т. д. (4). Реформа духовно-учебныхъ заведеній окончa-

(1) Ист. моск. акад. 338—339.

(2) Ист. троицк. семин. 231—232.

(3) Кіевъ съ его древн. учлищ. Аскоченскаго. т. II, стр. 268.

(4) Очерки быта малор. дух. Рук. для сельск. паст. 1864 г № 42.

тельно спеціализировала ихъ и сдѣлала сословными, такъ что въ текущемъ столѣтіи поступленіе въ семинаріи людей постороннихъ совершенно прекратилось. Другія сословія впрочемъ и не нуждались уже въ духовныхъ заведеніяхъ, такъ какъ имѣли свои народныя и уѣздныя училища, гимназіи и университеты, направленіе которыхъ стало, какъ извѣстно, даже въ отрицательныя отношенія къ своеобразному направленію духовныхъ школъ, бывшему неизбѣжнымъ результатомъ ихъ замкнутости и особности. Съ другой стороны, духовныя заведенія съ теченіемъ времени до того переполнились учениками духовнаго званія, что не имѣли уже ни надобности, ни даже средствъ принимать еще постороннихъ людей.

Указами 26 іюня 1808 и 27 августа 1814 гг. приказано зачислять въ духовно-училищное вѣдомство всѣхъ духовныхъ дѣтей съ 6—8 лѣтъ; такимъ образомъ всѣ дѣти духовенства признаны были, если можно такъ выразиться, духовными кантонистами и должны были обязательно приготовляться къ священно-и-церковно-служительскимъ должностямъ; а самыя эти должности окончательно закрывались для всѣхъ не обучавшихся въ училищахъ и семинаріяхъ, потому что, заставивъ все духовенство отдавать сыновей съ дѣтства на приготовленіе къ церковному служенію, нельзя же было не принять мѣръ къ размѣщенію ихъ на церковныя мѣста. Воспитанные и опредѣленные на мѣста такимъ дешевымъ и легкимъ способомъ, священно-служители при крайней своей бѣдности охотно пользовались тѣмъ же удобнымъ и выгоднымъ средствомъ для обезпеченія своихъ собственныхъ дѣтей. Епархіальнымъ и семинарскимъ начальствамъ уже не нужно было, какъ прежде, отыскивать себѣ школяровъ по деревнямъ среди дикихъ поповичей и возти ихъ въ школы въ кандалахъ и подъ конвоемъ. Не далѣе, какъ при второмъ поколѣніи духовенства послѣ училищной реформы, семинаристовъ уже такъ было много, что для нихъ не доставало мѣстъ ни въ семинаріяхъ, ни по выходѣ изъ семинарій въ приходахъ. Тяготясь накопленіемъ

этихъ людей, имѣвшихъ всѣ права на церковныя мѣста и вовсе не желавшихъ отказаться отъ этихъ правъ для поступленія въ другіе роды службы, епархіальныя начальства должны были искуственно открывать для нихъ новыя мѣста при церквахъ вопреки даже штатному положенію, а св. Синодъ въ 1849 г. порѣшилъ даровать духовенству свободу отъ обязательнаго обученія дѣтей, въ родѣ той, какая дарована была прежде дворянству извѣстной граматой о вольности дворянства, на томъ основаніи, что обязанность, возложенная на духовенство, представлять сыновей въ духовныя училища съ 7-ми лѣтняго возраста была нужна только при первоначальномъ невѣжествѣ духовенства, но что послѣ того обстоятельства совершенно измѣнились. Въ тоже время изъ училищъ и изъ семинарій каждогодно стали выпускать цѣлыя сотни изключенныхъ учениковъ, которые спѣшили занимать мѣста причетниковъ и составили огромный контингентъ для поддержанія невѣжества нашего низшаго клира на долгія времена. Можно сказать, духовныя начальства столько же теперь старались избавиться отъ учениковъ, сколько дорожили ими въ прежнее время. Въ первое время существованія духовныхъ училищъ ученика держали въ училищѣ до послѣдней возможности и изключали только какого-нибудь „дѣтину непобѣдимой злобы“, по выраженію Регламента; въ послѣднее время мальчиковъ стали выгонять изъ школы цѣлыми десятками за простую дѣтскую шалость, за обыкновенную дѣтскую лѣность, за какую-нибудь школьную выходку, толкуемую какъ непочтеніе къ начальству, и даже просто за великовозрастіе.

При такихъ обстоятельствахъ ни у правительства, ни у св. Синода, разумѣется, не было никакихъ побужденій къ смягченію прежнихъ строгихъ постановленій относительно доступа къ духовному званію для людей постороннихъ. Въ началѣ царствованія Александра I св. Синодъ самъ поднялъ вопросъ объ уволенныхъ изъ духовнаго званія церковникахъ и, не-

смотря на предложеніе Сената размѣстить на церковныя мѣста тѣхъ изъ нихъ, которые не были приняты ни въ службу, ни въ окладъ, рѣшительно отказался снова принять ихъ въ свое вѣдомство (1). Съ своей стороны правительство оказало податнымъ церковникамъ ту милость, что послѣ указа 1810 г. (30 апрѣля), запрещавшаго обращать свободныхъ людей въ крѣпостное состояніе, прекратило приписку этихъ церковниковъ къ помѣщикамъ, даже старалось освобождать отъ крѣпостнаго состоянія и тѣхъ изъ нихъ, которые попали въ это состояніе по прежнимъ разборамъ, выдавая въ вознагражденіе владѣльцамъ по одной рекрутской квитанціи за каждую освобожденную семью (2). Въ 1820 г. вышелъ касательно этого предмета общій указъ съ дозволеніемъ получавшимъ такимъ образомъ свободу лицамъ духовнаго происхожденія добровольно избирать себѣ родъ жизни и даже, буде окажутся достойными, снова поступать въ духовное званіе. Послѣ нѣкоторыхъ разъясненій указъ этотъ вошелъ потомъ въ Сводъ законовъ россійской имперіи (3). На самомъ дѣлѣ означенныя лица едвали впрочемъ могли воспользоваться дарованнымъ имъ дозволеніемъ поступать въ духовное званіе, потому что духовное вѣдомство имѣло у себя слишкомъ много кандидатовъ на церковныя мѣста и безъ нихъ. Наприм. указомъ 29 ноября 1844 г. было постановлено—не иначе, какъ только съ особаго разрѣшенія св. Синода, допускать производство въ свящ. санъ даже учителей духовно-учебныхъ заведеній, если они прежде вышли въ свѣтское званіе.

Въ 1826 г. въ Сенатѣ возбужденъ былъ вопросъ о пріемѣ въ духовное званіе людей податныхъ клас-

---

(1) II. С. З. XXVII, № 20191.

(2) Тамже, XXXI, 24207. XXXVII, 28335. XXXVIII, 29322. Сравн. XXX, 23027. XXXII, 25441.

(3) XXXVII, 28160. 2-е Собр. зак. I, 522. Св. зак. т. IX, ст. 271.

совъ и вольноотпущенныхъ дворовыхъ людей и передалъ на рѣшеніе государственнаго совѣта. По справкѣ съ прежними опредѣленіями касательно этого предмета оказалось, что въ 1821 г. по поводу тогоже вопроса св. Синодомъ было постановлено принимать въ духовное званіе разныхъ лицъ изъ податнаго состоянія только въ крайнемъ случаѣ, гдѣ есть ощутительный недостатокъ въ людяхъ духовнаго происхожденія, а гдѣ такого недостатка нѣтъ, тамъ „допускать сего не слѣдуетъ“. Рѣшивъ вопросъ въ томъ же смыслѣ, совѣтъ почелъ однако нужнымъ представить свое рѣшеніе на утвержденіе Государя, какъ новый законъ имперіи. Это высочайше утвержденное рѣшеніе впослѣдствіи внесено и въ Сводъ законовъ, гдѣ оно формулировано такимъ образомъ: „люди податныхъ состояній, въ томъ числѣ и вольноотпущенные, допускаются въ бѣлое духовенство не иначе, какъ по удостовѣренію епархіальнаго начальства въ недостаткѣ по его вѣдомству лицъ духовнаго званія къ замѣщенію должностей... Проситель сверхъ того долженъ имѣть узаконенное увольненіе отъ своего общества. Дѣла сего рода, по разсмотрѣніи оныхъ казенною палатою или палатою госуд. имуществъ по принадлежности, восходятъ къ начальнику губерніи на окончательное разрѣшеніе“. Дѣти духовнаго лица изъ податныхъ, если родились до его вступленія въ духовное званіе, должны оставаться въ прежнемъ званіи безъ причисленія къ духовному вѣдомству (1).

Кромѣ того, по случаю разбора духовенства въ 1831 г., для замѣщенія вакантныхъ священно-и-церковно-служительскихъ мѣстъ приняты были въ руководство опредѣленія XVIII в. о томъ, чтобы въ случаѣ недостатка духовныхъ кандидатовъ на мѣста въ

---

(1) 2-е Собр. зак. I, 139. Сводъ зак. IX, ст. 270 и примѣч. 2 и 3. ст. 273. По указу 1826 г. дѣла этого рода восходили даже до Сената.

извѣстной епархіи епархіальный архіерей обращался за таковыми въ другія сосѣднія епархіи, гдѣ окажется излишекъ духовенства; эти опредѣленія, имѣвшія цѣлію ограничить поступленіе на церковныя мѣста людей, не принадлежавшихъ къ духовному вѣдомству, во время разбора были добавлены еще новымъ условіемъ, чтобы священно-служительскія мѣста замѣщались преимущественно учениками семинарій, кончившими курсъ богословія, согласно именному указу 1826 г. (1). На другой же годъ послѣ указа о разборѣ вышло новое опредѣленіе, еще болѣе стѣснившее вступленіе въ духовное званіе для лицъ постороннихъ. Поводомъ къ нему послужило донесеніе въ св. Синодъ преосвященнаго пермскаго о томъ, что въ его епархіи для замѣщенія всѣхъ священно-служительскихъ вакансій однихъ кончившихъ курсъ семинаріи оказалось весьма недостаточно, что по этому случаю онъ относился съ вызовомъ потребныхъ кандидатовъ къ преосвященнымъ сосѣднихъ епархій — казанской, тобольской, вятской, вологодской и оренбургской, но что и тамъ оказался такой же недостатокъ въ ученыхъ людяхъ. Св. Синодъ указалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ дѣлать вызовы потребныхъ кандидатовъ на церковныя вакансіи изъ внутреннихъ епархій, гдѣ всегда бываетъ излишекъ ихъ, и назначилъ для проѣзда ихъ въ другія епархіи прогонныя деньги, не стѣсняясь разстояніемъ; не кончившихъ курсъ дозволилъ опредѣлять на священно-служительскія мѣста только съ особой осмотрительностію, за тѣмъ уже во дьячки дозволилъ опредѣлять и изъ податнаго состоянія (2). Такимъ образомъ кандидату изъ податнаго состоянія можно было опредѣлиться на церковное мѣсто только послѣ долгихъ справокъ о томъ, нѣтъ ли на это мѣсто другаго, такъ сказать, законнаго канди-

(1) 2 Собр. зак. VI, 4563. 4599. ук. 1826 г. № 413.
(2) Тамже, VII, 5531.

дата изъ духовнаго званія, справокъ не только по одному епархіальному вѣдомству, но чуть не по всей Россіи, и послѣ окончательнаго уже удостовѣренія епархіальнаго начальства, что на вакантное мѣсто дѣйствительно нѣтъ кандидатовъ изъ духовнаго званія, т. е. почти никогда. Въ Сводѣ законовъ и Уставѣ д. консисторій эти суровыя условія нѣсколько смягчены, по крайней мѣрѣ соблюденіе ихъ представлено необязательнымъ, а отдано на волю архіереевъ. Въ Уставѣ консисторій читаемъ: „при недостаткѣ кандидатовъ на священно-и-церковно-служительскія мѣста, епархіальное начальство можетъ вызывать достойныхъ изъ другихъ епархій, гдѣ духовенство многочисленнѣе. Въ сихъ случаяхъ епархіальныя начальства должны оказывать одно другому всякое содѣйствіе, и желающихъ не удерживать у себя безъ дѣйствительной въ нихъ надобности. Епархіальное начальство можетъ принимать въ духовное званіе изъ другихъ состояній, но не иначе, какъ по удостовѣренію, что поведеніе и образованіе желающихъ вступить въ оное соотвѣтствуетъ духовному чину“ (1). Если взять въ расчетъ то, что епархіальныя начальства всегда предпочитали кандидатовъ на церковныя мѣста изъ семинаристовъ и что въ этихъ кандидатахъ только въ немногихъ епархіяхъ оказывался недостатокъ, то приведенныя узаконенія и въ смягченномъ ихъ видѣ окажутся не болѣе благопріятными для пріема въ духовное званіе людей постороннихъ, особенно изъ низшихъ, податныхъ классовъ, гдѣ „если не поведеніе, то образованіе желающихъ вступить“ въ духовное званіе едвали часто можетъ превышать образованіе даже исключеннаго семинариста.

Относительно перехода въ духовное званіе постороннихъ людей изъ свободныхъ состояній въ законодательствѣ текущаго столѣтія встрѣчаемъ менѣе стѣснительныхъ опредѣленій. Но, не говоря уже о мало-

(1) Уст. консист. 1841 г. ст. 79. 80.

доступности для нихъ семинарскаго образованія и о множествѣ кандидатовъ духовнаго званія, получившихъ это образованіе, которые стали для нихъ непреодолимой преградой для достиженія церковныхъ должностей, посвященіе на эти должности само по себѣ для нихъ было мало желательно, будучи сопряжено со многими и немалыми лишеніями по причинѣ бѣдности и униженнаго положенія бѣлаго духовенства какъ въ государствѣ и обществѣ, такъ даже и среди духовнаго чина вообще. Духовное званіе не только не привлекало къ себѣ посторонних людей, но еще въ XVIII в. должно было почти силой удерживать у себя и своихъ природныхъ членовъ, которые такъ и рвались изъ него на сторону, на разные пути болѣе выгодной свѣтской службы. Чѣмъ далѣе, тѣмъ это бѣгство изъ духовнаго званія и притомъ большею частію самыхъ энергичныхъ и талантливыхъ людей становилось опаснѣе. Въ 1804 г. м. Платонъ скорбно писалъ въ одномъ письмѣ: „много паче прежнихъ временъ охотниковъ изъ студентовъ выходитъ отъ насъ. Мірскія скорыя и лучшія выгоды льстятъ ихъ. Преосв. вятскій пишетъ, что у него въ Вяткѣ губернаторомъ тотъ, который съ нимъ въ академіи учился и курсомъ былъ ниже, поповъ сынъ (д. с. сов. Болгарскій). Не лестно ли это для другихъ? Въ деревенскихъ школахъ учителю семинаристу жалованья 200 р. да чинъ офицерскій. Попъ тутъ, гдѣ онъ будетъ, былъ, можетъ быть, въ семинаріи лучше его. Но онъ едвали на попа смотрѣть будетъ... Deus meliora“! Въ другомъ письмѣ онъ жалуется, что студенты вовсе нейдутъ въ сельскіе священники: „не хотятъ быть на пашнѣ или на ругѣ недостаточной, но и въ той да и во всемъ почти зависѣть отъ власти по большей части помѣщиковъ, на коихъ непрестанныя выходятъ жалобы, а управы сыскать трудно... О семъ-то прежде всего подумать подобно“ [1]. Въ свѣтской службѣ были „ско-

---

[1] Письма Платона. По изд. Прав. обозрѣн. 1870 г. стр. 79—80. 81.

рыя и лучшія выгоды", тогда какъ, поступая на духовную службу, свѣтскій человѣкъ могъ терять и тѣ выгоды, какія уже успѣлъ пріобрѣсти въ своемъ прежнемъ состояніи. По законамъ о духовномъ состояніи вступающій въ духовенство слагаетъ всѣ свои чины военные и гражданскіе, такъ что прежняя служба его даже не числится въ формулярѣ, вслѣдствіе чего наприм. личный дворянинъ долженъ потерять въ духовномъ званіи свое дворянство, пріобрѣтенное прежней службой, и приравнивается къ простолюдину; въ случаѣ увольненія изъ духовнаго званія онъ остается уже съ правами податнаго состоянія. Дѣти личнаго дворянина или чиновника сохраняютъ свои права во всѣхъ вѣдомствахъ, но если ихъ отецъ поступитъ въ священнослужители, они теряютъ эти права и въ случаѣ выхода изъ духовнаго вѣдомства въ свѣтское и непріисканія въ теченіи года мѣста въ гражданской службѣ должны уже приписаться въ одно изъ податныхъ состояній, равно какъ и въ томъ случаѣ, если поступятъ на службу, но выйдутъ изъ нея ранѣе полученія класснаго чина (1). Мы говоримъ только о тѣхъ невыгодахъ, какія сопряжены для свободнаго человѣка съ поступленіемъ его въ званіе священнослужителя, и не упоминаемъ о тѣхъ еще болѣе важныхъ потеряхъ относительно правъ, какія сопряжены для него съ опредѣленіемъ въ званіе церковнослужителя (1). Понятно послѣ этого, какъ нужно смотрѣть на извѣстную 269 ст. IX т. Свода законовъ (о состояніяхъ), которая гласитъ, что „въ бѣлое духовенство могутъ поступать лица всѣхъ вообще состояній, кромѣ крѣпостныхъ, пока не будутъ отпущены узаконеннымъ порядкомъ на волю". Сколько извѣстно, посторонніе люди такъ рѣдко пользовались этимъ закономъ для поступленія въ духовное званіе, что случаи этого рода нельзя причислить даже къ вид-

(1) Св. зак. IX, 275, 276, п. 4. 291, п. 3. т. III, уст. о сл. гражд. ст. 32, 33.

нымъ изключеніямъ изъ общаго порядка; пересматривая всѣ отчеты синодальныхъ прокуроровъ, какіе доселѣ изданы въ печати, мы находимъ, что число свѣтскихъ лицъ, опредѣлявшимся въ духовное званіе, ни въ одинъ годъ не восходило выше 91 (въ 1844 и 1845 гг.), за многіе годы отчеты заключаютъ въ этой статьѣ пробѣлъ, не извѣстно, что означающій, по всей вѣроятности то, что никто не поступалъ въ составъ духовенства, наконецъ ни въ одномъ отчетѣ не показаны весьма важныя обстоятельства, изъ какихъ состояній были новопосвященныя духовныя лица, въ какой санъ посвящены и наконецъ въ какой мѣстности.

Во время послѣднихъ реформъ въ духовенствѣ правительство снова провозгласило совершенное уничтоженіе замкнутости бѣлаго духовенства, но на этотъ разъ сочло необходимымъ не ограничиваться однимъ повтореніемъ старой статьи Свода законовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принять дѣйствительныя мѣры къ осуществленію ея на самомъ дѣлѣ; съ этой цѣлію новыми уставами духовно-учебныхъ заведеній прежде всего открытъ для всѣхъ состояній свободный доступъ къ богословскому образованію, потомъ указомъ 22 февраля 1867 г. уничтожена старая система наслѣдственной передачи между духовными лицами ихъ церковныхъ должностей, а указомъ 11 іюля 1869 г. уничтожена наслѣдственная передача отъ отцовъ дѣтямъ самаго духовнаго званія и всѣ дѣти духовенства отчислены съ разными правами въ свѣтское званіе, наконецъ подвергнуты серьезной разработкѣ важные вопросы объ улучшеніи быта духовенства и возвышеніи его юридическаго и общественнаго положенія. Эти вопросы еще очень далеки отъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенія, и потому трудно предвидѣть, разомкнется ли духовное сословіе на самомъ дѣлѣ, будетъ ли способно привлекать къ себѣ новыя свѣжія силы изъ другихъ сословій, или же попрежнему будетъ на-

(') Также, IX, 279, 293 и друг.

полняться одними дѣтьми духовенства, а уничтоженіе его замкнутости останется только на бумагѣ, какъ 269 статья Свода. Замкнутость его продолжалась такъ долго, что во всякомъ случаѣ едвали скоро можно надѣяться на благопріятные результаты послѣднихъ реформъ. Развиваясь особнякомъ цѣлыя столѣтія, духовенство успѣло за это время отлиться въ цѣльный и законченный кастовый типъ, составить совершенно изолированное общество, особую „породу“, съ которой другія сословія не имѣютъ уже ни родственныхъ, ни общественныхъ связей, къ которой относятся даже враждебно. Общее отчужденіе отъ него успѣло развиться до того, что оно потеряло и довѣріе своихъ пасомыхъ и нравственное вліяніе на нихъ, сохранивъ за собой одно только оффиціальное обрядовое значеніе. Вмѣстѣ съ этимъ для свѣтскаго общества стало чуждымъ едвали не все, относящееся къ церковной жизни, стало чуждымъ самое изученіе религіознаго ученія, какъ дѣло поповское, дѣло касты. А это отсутствіе религіознаго образованія въ обществѣ еще болѣе способствовало замкнутости духовенства, потому что, кромѣ семинаристовъ, дѣйствительно никого нельзя было ставить на должности священнослужителей, вслѣдствіе общаго религіознаго невѣжества между свѣтскими людьми.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы видѣть, какой широкій просторъ открытъ былъ для развитія наслѣдственности духовнаго служенія въ теченіи всего прошедшаго и болѣе. чѣмъ половины, текущаго столѣтія. Не возмущаемое ничѣмъ со стороны внѣшнихъ вліяній, свободное отъ безпокойнаго прилива новыхъ силъ, духовенство за все это время неуклонно продолжало развивать потомственный характеръ своего служенія и въ томъ частномъ смыслѣ, о которомъ мы говорили, въ смыслѣ наслѣдія извѣстныхъ церковныхъ мѣстъ.

Мы видѣли, что еще въ XVII в. приходская церковь считалась какимъ-то семейнымъ достояніемъ служившихъ при ней священно-и-церковнослужительскихъ родовъ, а то даже и одного рода, члены котораго зани-

мали при ней всѣ церковныя должности, стараясь ни подъ какимъ видомъ не допускать къ нимъ людей постороннихъ, даже духовнаго же званія, но не принадлежащихъ къ ихъ роду. Подобныя отношенія духовенства къ наслѣднымъ церквамъ цѣликомъ перешли и въ XVIII вѣкъ. Въ духовенствѣ до сихъ поръ свѣжи преданія о томъ, какъ въ прежнее, даже весьма еще недавнее время члены духовнаго семейства, служа при своей родной церкви, одинъ за другимъ переходили по разнымъ степенямъ клира, точно древніе князья по своимъ столамъ. По смерти отца, служившаго священникомъ, поступалъ на его мѣсто старшій сынъ, бывшій при отцѣ дьякономъ, а на его мѣсто опредѣлялся во дьяконы слѣдующій братъ, служившій дьячкомъ, дьячковское мѣсто занималъ третій братъ, бывшій прежде пономаремъ; если не доставало на всѣ мѣста братьевъ, вакантное мѣсто замѣщалось сыномъ старшаго брата или только зачислялось за нимъ, если онъ еще не подросъ и т. д. Духовный Регламентъ, замѣтивъ, что попы и дьяконы при церквахъ старались захватить въ свое распоряженіе всѣ церковническія мѣста для того, чтобы наполнять ихъ своей родней, дѣтьми, братьями и племянниками, нашелъ нужнымъ осудить этотъ порядокъ, потому что онъ облегчалъ священнослужителямъ возможность не радѣть объ исполненіи своихъ обязанностей, покрывать раскольниковъ и т. п. Но всего черезъ годъ послѣ изданія Д. Регламента, по случаю разбора духовенства и приписки лишнихъ въ немъ людей къ подушному окладу, вышелъ именной указъ, въ силу, котораго дѣти священнослужителей освобождались отъ оклада именно „для того, чтобы имъ быть при тѣхъ (отцовскихъ) церквахъ во дьякахъ и пономаряхъ, изъ нихъ же учить въ школѣ и производить на убылыя мѣста въ попы и во дьяконы“, и только тамъ, „при которыхъ церквахъ изъ овыхъ достойныхъ не будетъ, производить отъ другихъ церквей“ (1). Такимъ образомъ указъ снова при-

(1) П. С. З. VI, № 3932.

зналъ наслѣдственность церковныхъ должностей въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ Д. Регламентъ ее осуждалъ, т. е. въ предѣлахъ именно мѣстнаго клира. Въ 173⅞ годахъ производилась перепись священно-и-церковно-служительскихъ дѣтей въ петербургской губерніи для опредѣленія ихъ въ школы; по этому случаю св. Синодъ узналъ, что представленный нами порядокъ семейной преемственности церковныхъ мѣстъ началъ водворяться даже и въ петербургской губерніи, несмотря на то, что здѣсь, казалось, всего менѣе было условій къ его развитію, потому что край былъ новый, церкви только лишь строились, духовенство тоже было новое, наѣзжее изъ другихъ епархій. Дѣло объясняется тѣмъ, что у духовныхъ лицъ, служившихъ здѣсь съ начала открытія губерніи, подросли свои дѣти, которыми они и старались замѣщать церковныя вакансіи, тщательно устраняя чужеепархіальныхъ искателей этихъ вакансій. Въ устраненіе разныхъ злоупотребленій, бывавшихъ при этомъ, св. Синодъ нашелъ нужнымъ издать новое правило въ духѣ прежняго распоряженія Д. Регламента: „при многихъ церквахъ попъ не припускаетъ въ церковники чужихъ, но своими сынами или сродниками мѣста того служенія занимаетъ, иногда и вящше потребы, не смотря, угодни ли суть (т. е. прихожанамъ) и грамотѣ искусніи. И сіе, кромѣ инѣхъ благословныхъ винъ, и для того наипаче вредно есть, что такъ удобнѣе попу неистовствовать, о служеніи и порядкѣ не радѣть и раскольщиковъ покрывать... Того ради весьма зло сіе пресѣкать епископы должны, и противное творящихъ поповъ жестоко наказывать. Развѣ по приговору прихожанъ и по благословенію имѣющему епископа можетъ священникъ сына своего, пѣть и читать искуснаго, да токмо единаго имѣть во дьякахъ или пономаряхъ, а прочіихъ, добрѣ изучившихся, отправить къ другимъ церквамъ или въ иной честнаго житія промыселъ“. По этому правилу послѣ разбирали родственниковъ священника, которые искали себѣ службы при немъ какъ въ петербурской, такъ и по

другимъ епархіямъ (1). Въ число допросовъ при ставленическомъ производствѣ входилъ между прочимъ допросъ и о томъ, не родня ли ставленикъ кому-нибудь изъ членовъ клира, въ который онъ поступалъ. Но практика жизни часто умѣла обходить приведенное правило, или вовсе его препебрегая, или пользуясь его уступкой желанію прихожанъ и усмотрѣнію епископа.

Въ приходахъ, гдѣ разныя должности при церкви занимали члены разныхъ семействъ, принято было держаться другаго порядка въ наслѣдственности мѣстъ, по которому требовалось, чтобы сынъ не превышалъ степенью отца, сынъ священника признавался кандидатомъ на священническое мѣсто, а дѣти причетниковъ— на причетническія, хотя бы были достойны и высшей степени (2). Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же клирѣ формировалось нѣчто въ родѣ особыхъ кастъ, изъ которыхъ трудно было выйти талантливымъ людямъ на высшую степень, тѣмъ болѣе, что, при однообразіи и быта и механическаго обрядоваго служенія, талантливому человѣку почти нечѣмъ было и выдвинуться напередъ, счетъ мѣстами по неволѣ приходилось вести не по заслугамъ и талантамъ, а по роду и племени. Подъ вліяніемъ такихъ условій возвышеніе церковнослужителя и его рода до священнослужительскихъ степеней большею частію имѣло мѣсто только тогда, когда онъ избирался въ священнослужители къ другой церкви или когда при его родной церкви высшія мѣста дѣлались вакантными безъ наслѣдниковъ, вымерочными. Разложеніе этихъ родовыхъ счетовъ началось въ XVIII в., съ появленіемъ архіерейской школы, которая впервые дала возможность личнымъ достоинствамъ человѣкас тать выше рода и уравняла на своихъ

---

(1) Истор.-стат. опис. спб. епархіи. вып. II, стр. 204—205.

(2) См. напр. Воронежск. еп. вѣдом. 1868 г. № 17: Опис. Рожд. церкви.

скамьяхъ и дьяческихъ и священническихъ дѣтей. Въ 1721 г. св. Синодъ издалъ любопытный указъ, въ которомъ видимъ съ одной стороны признаніе стараго порядка наслѣдственности церковнаго служенія по степенямъ клира, а съ другой разлагающее вліяніе на этотъ порядокъ архіерейской школы; указъ предписываетъ „священническихъ и діаконскихъ дѣтей, которыя въ школахъ наукъ не примутъ, въ священники не производить, а ежели дьячковскія и пономарскія дѣти науки примутъ, и таковыхъ и въ священники производить, не смотря и на священническихъ дѣтей“ (1). Школа однако долго была не въ состояніи поколебать родовыхъ счетовъ, потому что почти до половины XVIII столѣтія большинство духовенства не доходило въ ней далѣе первыхъ двухъ, или трехъ классовъ, гдѣ, за исключеніемъ латинской грамматики, обучалось томуже псалтырничеству, что и дома, а большинство церковниковъ старалось всѣми мѣрами даже вовсе освободить своихъ дѣтей отъ школы; выростивъ сына лѣтъ до 10—12 дома, церковникъ большею частію спѣшилъ поскорѣе опредѣлить его куда-нибудь тоже въ церковники, не давая ему почти никакой возможности подняться выше его низменной доли. Старыя преданія оказывались такъ живучи, что даже въ текущемъ столѣтіи, и даже на нашей еще памяти, когда семинарское образованіе сдѣлалось уже общимъ для всего духовенства, многія дьческія и пономарскія дѣти все еще считали пречетническую должность какимъ-то природнымъ для себя призваніемъ и сами по доброй волѣ выходили изъ учебныхъ заведеній, не окончивши курса, чтобы, такъ сказать, не терять попустому времени и поскорѣе опредѣлиться во дьячки; бывали примѣры, что они были изключаемы и противъ воли своими отцами въ тѣхъ мудрыхъ видахъ, чтобы сынъ не былъ выше отца...

---

(1) Собр. постан. по вѣдом. прав. испов. т. I, стр. 189. № 168.

Впрочемъ о вліяніи школы на наслѣдственность духовнаго служенія рѣчь впереди. Будемъ пока слѣдить за разными проявленіями этой наслѣдственности самой по себѣ еще до усиленія школьнаго образованія въ духовенствѣ, когда она развивалась изолированно, сама изъ себя, безъ особенно сильныхъ помѣхъ и возмущеній со стороны внѣшнихъ вліяній.

Въ первыя три, или четыре десятилѣтія XVIII в., по причинѣ недостаточнаго числа архіерейскихъ школъ и крайней ихъ бѣдности, заставлявшей епархіальныя начальства значительно ограничивать самое число школьниковъ, подготовка къ церковнымъ должностямъ, какъ и въ древней Россіи, очень часто состояла въ одномъ только домашнемъ обученіи дѣтей духовенства чтенію, пѣнію и всему церковному порядку. Священно-и-церковно-служители сами приготовляли преемниковъ на свои мѣста и, разумѣется, охотнѣе всего готовили себѣ въ наслѣдники своихъ дѣтей, или близкихъ родственниковъ. Это обстоятельство служило самою естественною поддержкою наслѣдственности церковныхъ должностей. Въ югозападной Россіи, гдѣ требованія духовныхъ дѣтей въ школы были не такъ строги, какъ въ Великороссіи, священно-служители памѣтно уклонялись отъ посылки своихъ наслѣдниковъ въ школу и держали ихъ при себѣ съ цѣлію, такъ сказать, пріучить къ нимъ своихъ парохіянъ. Старшаго сына, который обыкновенно назначался въ наслѣдники, отецъ рѣдко даже соглашался отпустить куда-нибудь въ чужой приходъ во дьяконы или дьяки. Дождавшись вожделѣннаго 25-ти лѣтняго возраста своего наслѣдника, священникъ посылалъ его въ каѳедру для посвященія сначала во дьяконы къ своей церкви, а потомъ въ 30 лѣтъ просилъ посвятить его уже въ викаріи „на помощь своей старости“. Если наслѣдникъ умиралъ прежде отца, отецъ назначалъ своимъ преемникомъ слѣдующаго сына, или же старшаго зятя, кто бы ни былъ послѣдній, крестьянинъ, мѣщанинъ, или человѣкъ духовнаго происхожденія. Иногда наслѣдство такого ро-

да накрывало человѣка въ расплохъ, такъ что, не имѣя прежде и мысли сдѣлаться священно-служителемъ, онъ даже не учился, какъ слѣдуетъ, и грамотѣ; тогда его принимались энергически учить и, подготовивъ кое-какъ къ посвященію, отправляли въ каѳедру. По смерти отца, или тестя, наслѣдникъ безпрепятственно заступалъ его мѣсто, потому что наслѣдственныя права свято наблюдались и самимъ духовнымъ начальствомъ (1). Если кто-нибудь перебивалъ у наслѣдника мѣсто, онъ могъ завести изъ-за этого формальную тяжбу, жаловаться на самого архіерея, допустившаго такое нарушеніе его правъ. Такъ въ 1721 г. одинъ соборный дьячекъ гор. Карпова бѣлогородской епархіи завелъ тяжбу съ священникомъ тогоже собора за то, что послѣдній незаконно завладѣлъ его наслѣднымъ священническимъ мѣстомъ при соборѣ вмѣстѣ съ отцовскими угодьями и доходами, показавъ его мертвымъ и утаивъ его двоюродныхъ братьевъ, и тѣмъ довелъ всѣхъ ихъ до нищеты; дѣло доходило до св. Синода, и св. Синодъ велѣлъ произвести по нему формальное слѣдствіе (2). Замѣчательно здѣсь то, что перебить у наслѣдника мѣсто оказалось возможнымъ только при помощи обмана, который притомъ едвали бы могъ удаться, если бы наслѣдникъ успѣлъ пройти поболѣе обычныхъ степеней приближенія къ отцовскому мѣсту. Понятно, почему священники не хотѣли опредѣлять своихъ наслѣдниковъ на самостоятельную службу въ чужіе приходы, а несмотря на свою бѣдность, упорно держали ихъ при себѣ въ недоходныхъ должностяхъ дьякона, или викарія на своемъ содержаніи. Кромѣ пріученія къ наслѣднику прихожанъ, это средство служило къ упроченію его наслѣдныхъ правъ и предъ самою епархіальною властью.

---

(1) Очерки быта малор. дух. Рук. для с. пастыр. 1861, № 49.

(2) Описан. синод. арх. I, стр. 621.

Во внутреннихъ епархіяхъ Россіи духовнымъ лицамъ еще нужнѣе было подобнымъ образомъ приближать наслѣдниковъ къ наслѣднымъ мѣстамъ, потому что, при множествѣ кандидатовъ на церковныя мѣста, особенно при постепенномъ умноженіи числа школьниковъ, съ которыми трудно было тягаться, здѣсь еще скорѣе можно было опасаться перебивки мѣста. Кромѣ того держать наслѣдника въ какой-нибудь должности при свой церкви для великорусскаго духовнаго лица было не только неубыточно, но даже выгодно, потому что наслѣдникъ въ такомъ случаѣ не оставался на отцовскихъ харчахъ, а еще получалъ особый доходъ по должности, какую занималъ въ клирѣ. Поэтому священнослужители старались, какъ можно, раньше записать своихъ сыновей въ причетническія должности при своей церкви, иногда лѣтъ съ 12—13, нарочно изключая ихъ для этого изъ школы, а то и вовсе не отвозя въ школу; потомъ, по достиженіи ими законныхъ 25 или 30 лѣтъ, какъ и малороссійскіе священнослужители, просили опредѣлить ихъ во дьяконы, или въ священники на вторыя мѣста, тоже въ подмогу своей немощи и старости. Такое опредѣленіе во дьяконы и священники въ подмогу и съ объявленіемъ при этомъ наслѣдныхъ правъ новоопредѣленнаго называлось въ Великороссіи опредѣленіемъ „въ заставку“. Штатное мѣсто оставалось за прежнимъ священнослужителемъ, а опредѣленный къ нему въ заставку числился въ качествѣ его викарія. Опредѣленіе его совершалось обычнымъ порядкомъ ставленическаго производства, какъ и опредѣленіе на самостоятельныя мѣста. Къ обыкновеннымъ справкамъ и допросамъ въ консисторіи при этомъ присоединялся еще допросъ объ условіяхъ, на которыхъ поступалъ опредѣляемый въ заставку, какъ то: объяснялся раздѣлъ доходовъ, земли, руги и проч. Всѣ эти условія получали чрезъ то формальное, юридическое значеніе. Когда опредѣляющійся въ заставку наслѣдникъ священническаго мѣста не имѣлъ еще законныхъ 30 лѣтъ для священства, его производили на мѣсто „до совер-

шенныхъ лѣтъ въ заставку во дьякона". Въ подтвержденіе и объясненіе этого представимъ нѣсколько примѣровъ изъ „Исторіи московскаго епархіальнаго управленія".

Въ 1745 г. священникъ московской Воскресенской церкви (на Стоженкѣ) Димитрій Христофоровъ съ приходскими людьми подали епархіальному начальству прошеніе, въ которомъ между прочимъ объясняли, что попъ Димитрій старъ, 77 лѣтъ отъ роду, служилъ при церкви 52 года, и избрали они по общему согласію племянника его пономаря Трехсвятительской церкви Мирона Ѳедорова къ оной ихъ церкви въ заставку для вспоможенія ему попу въ служеніи требъ. Пономарь Мироновъ произведенъ обычнымъ порядкомъ во священника. А въ слѣдующемъ году тѣже приходскіе люди просили консисторію „за скорбію попа Христофорова, по смерти его, у означенной церкви быть на его мѣстѣ племяннику его попу Мирону дѣйствительнымъ попомъ". Консисторія дала Мирону въ этомъ смыслѣ указъ и такимъ образомъ формально признала его наслѣдникомъ попа Димитрія Христофорова. Послѣдній умеръ уже въ 1749 г. Вотъ еще другой примѣръ съ нѣкоторыми особенностями. Въ 1758 г. одинъ изъ священниковъ московскаго Покровскаго собора Алексѣй Сильвестровъ просилъ „о произведеніи сына своего дьячка (тогоже собора) Алексѣя во діакона въ заставку въ надежду священства на его мѣсто для вспомоществованія при отправленіи требъ съ тѣмъ, что онъ будетъ оставаться на дьяческомъ доходѣ". Просьба была исполнена. Въ 1761 г., вѣроятно когда сынъ достигъ 30 лѣтъ, свящ. Сильвестровъ подалъ новое прошеніе „совершить сына его діакона Алексія во священника въ помощь ему", опять съ тѣмъ, что онъ „будетъ пользоваться дьячковскихъ положеніемъ". Была исполнена и эта просьба. И въ священническихъ и въ дьяконовскихъ ставленыхъ граматахъ въ подобныхъ случаяхъ прямо обозначалось, что поставленный священно-служитель опредѣленъ къ церкви именно въ заставку. Заставочные попы и дьяконы благопо-

лучно существовали до 1764 г., несмотря на постоянные указы правительства о томъ, чтобы лишнихъ поповъ и дьяконовъ нигдѣ при церквахъ не было; какъ видно, подъ эти указы ихъ не подводили по уваженію къ ихъ наслѣдственнымъ правамъ и къ старому обычаю.

По причинѣ этого общаго уваженія къ наслѣдственнымъ счетамъ причты получали иногда очень оригинальный составъ. Вотъ одинъ примѣръ уже изъ времени Екатерины II, гдѣ церковь является какимъ-то фамильнымъ достояніемъ священно-служительской семьи, успѣвшей занять при ней всѣ священно-служительскія мѣста и крѣпко державшей ихъ въ своемъ родовомъ владѣніи. Въ 1764 г. у Троицкой церкви близъ Покровскихъ воротъ въ Москвѣ умеръ дьяконъ Александръ Степановъ, и вдова его Дарья Никитина подала просьбу о томъ, чтобы мѣсто было зачислено за ея сыномъ Петромъ, поступившимъ въ славяно-греко-латинскую академію, а къ служенію до возраста его опредѣленъ бы былъ избранный ею одинъ безмѣстный дьяконъ. Но кромѣ ея мѣстомъ этимъ хотѣлъ воспользоваться еще братъ ея, священникъ тойже церкви Алексѣй Никитинъ, для своей дочери и сговорилъ уже для послѣдней жениха, дьячка Панкратова. Въ это столкновеніе между братомъ и сестрой изъ-за мѣста вступилась старуха мать ихъ, вдова одного сельскаго священника Мавра Борисова, жившая у дочери, и приняла сторону послѣдней; въ прошеніи своемъ митрополиту она объяснила, что на бракъ внуки своей съ Панкратовымъ благословенія своего она не даетъ и что поэтому бракъ долженъ быть воспрещенъ. Дѣло уладилось тѣмъ, что священникъ Алексѣй Никитинъ подалъ съ заручной отъ прихожанъ прошеніе о произведеніи Панкратова не на мѣсто покойника, а во дьяконы до совершенныхъ лѣтъ на свое собственное мѣсто въ заставку, со взятіемъ въ замужество дочери его Никитина, самъ же объявилъ желаніе по вдовству поступить въ монастырь. Консисторія рѣшила, чтобы Панкратовъ по произведеніи во дьякона въ заставку вла-

дѣлъ поповскимъ доходомъ и нанималъ изъ этого дохода на мѣсто себя для служенія свободнаго священника до исполненія законныхъ къ священству лѣтъ, а дьяконскій доходъ предоставилъ вдовѣ дьяконицѣ, которая изъ него должна нанимать для служенія при церкви до совершеннолѣтія ея сына свободнаго дьякона. И стало при церкви двое дьяконовъ, одинъ опредѣленный въ заставку, другой наемный за наслѣдника, служившій вмѣстѣ съ наемнымъ же священникомъ. Обычай опредѣленія въ заставку вывелся уже послѣ штатовъ 1764 г., когда стали опредѣлять священно-служителей только въ настоящій штатный составъ церковныхъ причтовъ (1).

Въ томъ случаѣ, если у духовнаго лица не было наслѣдниковъ мужескаго пола, его мѣсто переходило въ наслѣдство по женской линіи, къ дочери, внукѣ и т. п. Нѣкоторые священно-служители для обезпеченія судьбы своихъ дочерей дѣлали ихъ своими наслѣдницами даже помимо своихъ сыновей, которые сами могли пріискать себѣ новыя мѣста. Церковная должность, разумѣется, предоставлялась мужьямъ этимъ наслѣдницъ, такъ сказать, въ приданое. Духовная власть также признавала права наслѣдницъ, какъ и наслѣдниковъ. Встрѣчаемъ примѣры полнаго съ ея стороны признанія этихъ правъ даже въ такихъ случаяхъ, когда отецъ наслѣдницы лишаемъ былъ сана за пороки; такъ въ 1721 г. св. Синодъ опредѣлилъ удовлетворить прошеніе одной московской попадьи, которая писала въ этомъ прошеніи, что послѣ своего мужа, лишеннаго священства и сосланнаго на вѣчныя времена на Соловки, она осталась съ дѣтьми безъ пропитанія, и просила о дозволеніи пріискать къ одной ея дочери жениха, съ тѣмъ, чтобы посвятить его на мѣсто сосланнаго мужа (2).

---

(1) Ист. моск. епарх. управ. ч. II, кн. 1, стр. 114, прим. 279; кн. 2, прим. 304, стр. 275.

(2) Опис. синод. арх. I. стр. 564—565.

Св. Синодъ, по крайней мѣрѣ въ первое время своего существованія, когда еще школьное образованіе было мало распространено, изъ снисхожденія къ наслѣдницамъ и ихъ правамъ допускалъ даже послабленія въ исполненіи строгихъ указовъ о предпочтеніи неучен[illegible]мъ кандидатамъ на мѣста обучавшихся въ школахъ. Вотъ наприм. одно замѣчательное въ этомъ родѣ рѣшеніе его 1721: „попу Ѳедору Обросимову въ Москвѣ у Воскресенья на Кадашовѣ на мѣстѣ тестя его бывшаго попа Ѳедора Михайлова быть попрежнему, того ради: въ прошеніи приходскихъ людей объявлено, что [illegible] де онаго тестя его, попа Ѳедора, [illegible] преосв. Стефану митрополиту рязанскому и [illegible] оставшейся дочери его поповы, дѣвки Параскевы, челобитной по его архіерейскому подписанію учинено таковое, что кромѣ того, кто возьметъ оную дѣвку въ жену, у той церкви попомъ никому быть не велѣно: и по тому подписанью, а по ихъ приходскихъ людей прошенью, дому крутицкаго архіерея изъ нѣвчихъ оный Ѳедоръ Обросимовъ, взявъ помянутую дѣвку въ жену, въ попы ко оной церкви и посвященъ, и былъ у той церкви безпорочно; да и того ради: будучи онъ Ѳедоръ у оной церкви попомъ по смерти тестя своего, который егожъ преосв. митрополита подписаніемъ испервa опредѣленъ у той церкви отцевскаго мѣста наслѣдникомъ, по родству платилъ онъ попъ Ѳедоръ за него многіе долги, а именно, кромѣ недоплатныхъ, заплачено 250 рублевъ. А что ему попу причтено въ вину, что онъ поставленъ въ попы не изъ школьныхъ учениковъ, и того ради отъ онаго мѣста отказано, и то отставить, понеже во оном[illegible] приходскихъ людей челобитьѣ объявлено, что изъ школьниковъ ко оному мѣсту прошенія и понятія онаго попа Обросимова жены, когда она была дѣвкою, въ жену черезъ 4 года ни отъ кого не было“ (1).

(1) Собр. постан. по дух. вѣдом. I, стр. 62.

Въ примѣръ того, какъ велись ставленическія дѣла, когда на лицо были взрослыя наслѣдницы церковныхъ мѣстъ, можно привести эпизодъ изъ біографіи извѣстнаго московскаго архангельскаго протоіерея Петра Алексѣева (1). Въ 1752 г., будучи еще студентомъ богословія въ московской академіи, Алексѣевъ подалъ прошеніе тогдашнему московскому архіепископу Платону Малиновскому, въ которомъ объяснялъ, что при Архангельскомъ соборѣ дьяконъ Александръ Кириловъ волею Божіею померъ и оставилъ послѣ себя жену Татьяну съ двумя дочерьми дѣвками да съ дряхлою старухою матерью и что оная вдова желаетъ принять его Алексѣева въ соборъ къ большой своей дочери на мѣсто мужа для содержанія себя и сироть; при этомъ приложилъ и прошеніе самой вдовы Ивановой съ объясненіемъ, что она желаетъ принять Алексѣева къ дочери и что большой ея дочери Прасковьѣ 15 лѣтъ, а меньшой Ѳедосьѣ 11. Консисторія сдѣлала обычныя справки о личности просителя и приложила къ дѣлу обязательства какъ его такъ и вдовы Ивановой,—послѣдней, что она уступила нареченному зятю домъ свой со всякимъ строеніемъ и домовымъ заводомъ, посудою всякими книгами, лошадьми, экипажами и сбруею и дала приданаго платья за дочерью двѣ перемѣны, а больше того не спрашивать, да на производство во діаконство 50 рублевъ,—Алексѣева, что онъ обязуется содержать нареченную тещу свою за мать на его пропитаніи до ея кончины, а нареченную свояченину свою до замужества ея, а какъ приспѣетъ въ замужество время, и тогда дать ей на приданое 100 рублевъ. Алексѣевъ былъ посвященъ. Черезъ 5 лѣтъ онъ опредѣлился во священники на мѣсто одного престарѣлаго священника тогоже собора съ тѣмъ, чтобы послѣдній владѣлъ своею подѣлью (долей дохода) до смерти, а Алексѣевъ оставался на своей прежней дьяконской

(1) Душеп. чт. 1869 г. кн. 1.

подѣли. Въ 1759 послѣ смерти старика онъ сдѣлался на его мѣсто самостоятельнымъ священникомъ.

Сознавая силу своихъ наслѣственныхъ правъ на церковныя мѣста, невѣсты наслѣдницы иногда были очень разборчивы на жениховъ, такъ что при маломъ количествѣ свободныхъ, не зачисленныхъ мѣстъ замѣщеніе священно-служительскихъ вакансій весьма много зависѣло отъ вкуса этихъ дѣвицъ въ женихахъ. Вотъ наприм. какую жалобу въ 1753 г. подалъ одинъ богословъ славяно-греко-латинской академіи Ворошнинъ на свою невѣсту Авдотью Ильину, за которой состояло въ наслѣдствѣ послѣ отца священническое мѣсто при Благовѣщенской церкви у Москворѣцкихъ воротъ: означенная дѣвка, жаловался онъ, „обнадежила его нижайшаго и желаніе явила быть за нимъ въ законномъ супружествѣ“ и послѣ договорныхъ условій съ ея матерью была уже благословлена съ нимъ образомъ, оканчивалось уже и консисторское дѣлопроизводство объ опредѣленіи его на мѣсто, но когда онъ наканунѣ самой свадьбы „принадлежащіе къ бракосочетанію дары и столовый запасъ и прочее искупилъ и, искупя оное, пріѣхалъ къ ней, но оная дѣвка Авдотья тогда въ домѣ не сказалась и на дворъ не пустила“. Консисторія произвела по этой жалобѣ слѣдствіе и дознала, что причиной отказа жениху было то, что до невѣсты дошли свѣдѣнія, какъ его однажды въ 1748 г. наказали нещадно въ академіи подъ звонкомъ въ собраніи всѣхъ студентовъ „за письмишко, приличествующее къ заговору,... дабы, на то смотря, прочіе имѣли отъ того осторожность“. Письмишко состояло изъ собранія заговоровъ отъ ружья и отъ руды. Узнавъ объ этомъ забытомъ было обстоятельствѣ, преосв. Платонъ отказалъ Ворошнину отъ мѣста (1).

По причинѣ бѣдности духовенства, по которой оно рѣдко могло снабжать своихъ дочерей достаточ-

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 1, примѣч. 278.

нымъ придапымъ, зачисленіе мѣстъ за духовными дѣвицами считалось всегда самымъ удобнымъ средствомъ выдать ихъ за мужъ. Это обстоятельство способствовало къ сильному умноженію наслѣдныхъ мѣстъ, зачисленныхъ именно за наслѣдницами, а не наслѣдниками. Епархіальная власть охотно утверждала такое зачисленіе мѣстъ, потому что сама проникнута была сознаніемъ всей важности семейныхъ интересовъ духовенства въ этомъ случаѣ и кромѣ того не находила съ своей стороны никакихъ другихъ средствъ къ обезпеченію духовныхъ дѣвицъ, особенно сиротъ. Мы видѣли, что св. Синодъ оставлялъ мѣста даже за неучеными священниками ради того, что они были женаты на наслѣдницахъ. Встрѣчаемъ и другаго рода примѣры уваженія духовной власти къ правамъ наслѣдницъ. Несмотря на то, что она постоянно стремилась къ замѣщенію церковныхъ мѣстъ людьми только духовнаго званія, женитьба на наслѣдницѣ пролагала путь къ священному сану иногда и людямъ свѣтскаго званія. Не говоря уже о Малороссіи, гдѣ подобные примѣры случались сплошь и рядомъ, въ самой Москвѣ и притомъ въ такое время, когда духовное званіе было уже достаточно замкнуто, въ 1758 г. былъ наприм. такой случай. Одинъ престарѣлый священникъ вздумалъ сдать свое мѣсто зятю. О самой сдачѣ мѣста не было, разумѣется, никакого сомнѣнія, но консисторія пришла въ большое недоумѣніе на счетъ званія зятя—наслѣдника; это былъ отставной капралъ лейбъ-гвардіи, по фамиліи Иванъ Терпигоревъ. Начались допросы. Терпигоревъ показалъ, что отецъ его былъ дьякомъ въ с. Сергіевскомъ и что до 1736 г. онъ самъ правилъ въ томъ же селѣ пономарскую должность, но потомъ за небытіе въ 1730 г. у присяги вмѣстѣ съ другими такими же церковниками взятъ былъ въ солдаты и служилъ въ Измаиловскомъ полку, а теперь состоитъ въ отставкѣ, женатъ на дочери означеннаго священника, дѣвицѣ Аннѣ. Консисторія совершенно успокоилась на этомъ и рѣшила, что въ попы его Терпиго-

рева произвести можно: „хотя онъ и въ службѣ былъ, но это священству не противно, потому что онъ и въ службу взятъ изъ церковнаго чина“ (1).

До сихъ поръ мы видѣли только такіе примѣры наслѣдственности церковныхъ мѣстъ, когда по лѣтамъ своимъ наслѣдники совсѣмъ готовы были къ занятію наслѣдныхъ мѣстъ, а наслѣдницы къ выходу за мужъ. Но права ихъ были вполнѣ уважаемы духовною властью и въ томъ случаѣ, когда они были несовершеннолѣтни и не могли тотчасъ занять своихъ мѣстъ. Въ такомъ случаѣ, для примиренія съ этими правами интересовъ церковныхъ, употреблялась искуственная мѣра предоставленія церковныхъ мѣстъ. Мѣсто предоставлялось наслѣднику, или наслѣдницѣ, а для исправленія связанныхъ съ нимъ богослужебныхъ обязанностей, опредѣлялся на него викарій, обыкновенно по выбору семейства самихъ наслѣдниковъ. Дѣло производилось такимъ образомъ. Тотчасъ по смерти священно-служителя вдова его, или кто-нибудь изъ родственниковъ, а иногда даже прихожане подавали прошеніе, въ которомъ изъясняли, что по смерти покойнаго остались такіе-то сироты, и просили зачислить мѣсто—если за мальчикомъ, то до его возраста, за дѣвочкой—до времени вступленія ея въ замужество. По этому прошенію консисторія производила допросы о составѣ всего семейства сиротъ, объ оставшемся имъ имуществѣ, о томъ, кто будетъ завѣдывать и управлять всѣмъ этимъ имуществомъ, кто и на какихъ условіяхъ принимаетъ на себя обязанность исполненія требъ въ приходѣ и т. д., и потомъ обыкновенно рѣшала: прошеніе сиротъ исполнить, наслѣднику, или наслѣдницѣ выдать о томъ указъ на срокъ, примѣнительно къ тому, черезъ сколько лѣтъ первый можетъ быть самъ посвященъ на наслѣдное мѣсто, а послѣднял выйти за мужъ, а къ мѣсту опредѣлить викарія, или дозволить семейству

---

(1) Также кн. 2, примѣч. 307.

сиротъ входить для исправленія требъ въ приходѣ въ условія съ священно-служителями другихъ сосѣднихъ приходовъ (1).

Свободныхъ священно-служителей для викаріатства всегда было много; отслуживъ въ какомъ-нибудь приходѣ свой срокъ до возраста сиротъ, такой священно-служитель переходилъ въ другой приходъ съ сиротами, гдѣ тоже вступалъ въ условія съ послѣдними, нанимаясь обыкновенно за половину, или треть всего дохода отъ мѣста. Въ великорусскихъ епархіяхъ, гдѣ епархіальная власть была сильнѣе, викарій, какъ и всякій штатный священно-служитель, опредѣлялся на мѣсто по указу отъ консисторіи, послѣ обычной процедуры ставленическаго дѣлопроизводства, при чемъ точно обозначались и срокъ, на который онъ поступалъ въ приходъ, и условія, какія заключалъ съ осиротѣвшимъ семействомъ; отъ того онъ мало зависѣлъ отъ нанявшихъ его сиротъ, былъ человѣкомъ самостоятельнымъ въ приходѣ, непосредственно подчиненнымъ епархіальной власти, какъ и всѣ священнослужители. Въ епархіяхъ малороссійскихъ, гдѣ епархіальная власть была слабѣе, наемъ викарія совершался единственно по волѣ и избранію самихъ наслѣдниковъ, къ которымъ онъ и поступалъ въ непосредственную зависимость, какъ наемный работникъ. Чувствуя слабость здоровья, а между тѣмъ не имѣя ни одного взрослаго наслѣдника, священникъ иногда еще при жизни нанималъ себѣ викарія; послѣдній получалъ отъ него $^1/_3$ или $^1/_4$ церковнаго дохода, служилъ за него и былъ въ полномъ его распоряженіи, не имѣя ни тѣни служебной самостоятельности въ приходѣ, дѣлая все по приказанію своего пароха и ни за что не отвѣчая предъ начальствомъ. Когда парохъ умиралъ, викарій оставался въ такихъ же отно-

---

(1) Также ч. II, кн. 1, 113—114. Примѣры см. въ примѣч. 277. 278.

шепілхъ къ его семейству; въ такія же отношенія вступалъ онъ къ семейству наслѣдниковъ и тогда, когда послѣднее само нанимало его на свою службу до возраста сиротъ. Въ договорѣ своемъ съ наслѣдниками онъ обязывался „быть послушнымъ государынѣ (вдовѣ) и дѣткамъ“, имѣть ихъ „за старшихъ своихъ, настоятельскую честь имъ отдавать, ничего безъ ихъ не дѣлать“, а въ случаѣ нарушенія обязательства „подлежать винѣ архіерейской 100 рублей и неослабному на тѣлѣ наказанію въ консисторіи“, или „нещадному наказанію барбарами, кіями, батогами“ и т. п. (1). Бывали примѣры, что викарій, пожившъ въ приходѣ лѣтъ 10, заживалъ его, т. е. не хотѣлъ въ назначенное время предоставить его наслѣднику. Въ избѣжаніе такой бѣды сироты заключали съ викаріями иногда формальные контракты, даже съ записью отъ крѣпостныхъ дѣлъ. Жалобы на викаріевъ, которые заживали мѣста, доходили до св. Синода; такъ, въ 1721 г. встрѣчаемъ двѣ такихъ жалобы въ дѣлахъ Синода, одну изъ бѣлогородской, другую изъ московской епархіи (2).

Указы о предоставленіи мѣстъ писались иногда даже безъ точнаго опредѣленія лицъ, которымъ эти мѣста предоставлялись, а на собирательное имя семейства сиротъ вообще; это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ наслѣдники и наслѣдницы въ семействѣ были малолѣтніе и между ними нельзя было заранѣе указать ни на одну опредѣленную личность. Самое семейство при этомъ принималось въ очень широкомъ объемѣ; мѣста могли доставаться не однимъ дѣтямъ умершаго,

---

(1) Рук. для с. паст. 1861 г. № 49: Очерки быта малор. духовенства.

(2) Описан. синод. арх. 1. стр. 722, 723 См. еще примѣръ договора съ викаріемъ 1743 г. въ монастырской вотчинѣ (Настольн. книга Данил. мон. въ Арх. Калачова кн. IV, 37); договоръ утвержденъ монастырскимъ начальствомъ и записанъ въ книгу «впредь для спору»...

но также внукамъ, племянникамъ и племянницамъ, родпымъ, двоюроднымъ, и притомъ какъ по линіи покойника, такъ и по линіи его вдовы. Во всѣхъ случаяхъ наслѣдники въ своихъ прошеніяхъ о мѣстахъ самоувѣренно выставляли свои наслѣдственныя права на нихъ, какъ самый сильный аргументъ въ свою пользу, называли эти мѣста своимъ родовымъ достояніемъ и высказывали большія владѣльческія притязанія на нихъ. Такія владѣльческія отношенія къ родовому мѣсту сохраняли за собой даже такіе члены священно-служительскаго семейства, которые уже ни въ какомъ случаѣ не могли владѣть этимъ мѣстомъ сами, наприм. безлѣтныя и безсемейныя вдовы священнослужителей. Не имѣя никого, кому бы передать свои наслѣдныя права изъ родныхъ, такая вдова продавала родовое мѣсто чужимъ. Такъ наприм. въ 1739 г. вдова московскаго священника Знаменской (на Дѣвичьемъ полѣ) церкви Дарья Ѳирсова въ прошеніи въ московскую дикастерію писала: „въ прошломъ 202 (1694) г. ноября въ 26 день упомянутой церкви приходскіе люди дали мужа моего отцу попу Ивану Иванову, да сыну его дьячку Ивану отъ крѣпостныхъ дѣлъ за руками письмо въ томъ, что взяли съ нихъ въ церковь Божію на строеніе 130 рублевъ; ежели онъ свекоръ мой при той церкви жить не будетъ, и ему, попу Ивану, женѣ и дѣтямъ и родственникамъ ихъ то церковное мѣсто и съ хоромнымъ строеніемъ и съ доходомъ церковнымъ продать и заложить; при которой церкви помянутый свекоръ мой служилъ по 724 г. и волею Божіею умре“. На ея мѣсто поступилъ мужъ ея Дарьи, Василій Ивановъ, а послѣ его смерти она продала свое мѣсто коломенскому соборному священнику Антипу Игнатьеву, котораго и просила на это мѣсто перевести (1). Приведемъ еще одинъ выразительный примѣръ изъ довольно уже поздняго времени. Во время извѣстной моровой язвы 1771 г. въ Москвѣ умеръ

(1) Ист. моск. епарх. управл. I, примѣч. 377.

вмѣстѣ съ женой священникъ церкви Григорія неокесарійскаго Никифоръ Ѳоминъ; послѣ нихъ осталось духовное завѣщаніе о поповскомъ ихъ мѣстѣ, въ которомъ говорилось: „куплено поповское опое мѣсто нами, которое дано 700 руб., а въ наслѣдство опое мѣсто поповское вручаю родному племяннику діакону Ѳедору Аоанасьеву... а ежели твоего желанія на мѣсто папіе поповское не будетъ, то кто изъ другихъ произведенъ будетъ, деньги за мѣсто отдать на содержаніе брата попадьи Александра", который самолично не могъ занять наслѣднаго мѣста, какъ сумасшедшій [1].

Такимъ образомъ наслѣдственная передача церковныхъ мѣстъ получала не только семейный, но и хозяйственный, контрактовый и даже коммерческій характеръ. Мѣста такъ и назывались — одни наслѣдными, другія продажными. Коммерческій характеръ ихъ передачи часто впрочемъ обнаруживался и тогда, когда они замѣщались по наслѣдному порядку. Сдавая свое мѣсто сыну, или другому родственнику, престарѣлый священно-служитель выговаривалъ при этомъ, чтобы его преемникъ покоилъ и кормилъ его до смерти. Еще обычнѣе были такія условія между вдовами и ихъ зятьями, принятыми къ наслѣдному мѣсту; зять обязывался при этомъ содержать какъ тещу, такъ и ея семейство, выдавать имъ опредѣленную долю своего церковнаго дохода, при выходѣ за мужъ сестеръ своей жены снабжать ихъ приданымъ и т. п. Изъ приведеннаго нами отрывка біографіи Алексѣева мы видѣли, что такія условія заключались формально и приводились на справку при самомъ ставленическомъ дѣлопроизводствѣ въ консисторіи. Тѣмъ болѣе, разумѣется, ни священно-служители, ни ихъ семейства не могли уступать своихъ мѣстъ даромъ чужимъ людямъ. Продажа церковныхъ мѣстъ была самымъ обыкновен-

---

(1) Также см. II, отд. 4, прим. 274.

нымъ явленіемъ въ XVIII в. Нѣкоторые священнослужители продавали свои мѣста по старости и бездѣтности, какъ послѣдніе въ родѣ; другіе рѣшались на эту продажу въ хозяйственныхъ интересахъ, чтобы на полученныя деньги поправить свои запутанныя дѣла; третьи просто увлекались соблазномъ получить болѣе или менѣе значительную сумму, будучи подбиваемы къ этому самими покупателями мѣста большею частію среди поджигательной компаніи, за чаркой вина и въ предпріимчивомъ расположеніи духа. Послѣ продажи своего мѣста болѣе предпріимчивые люди являлись къ епархіальному начальству, представляли ему разныя извиненія въ оставленіи мѣста, виды родства, стѣсненныя обстоятельства, бѣдность, разладъ съ прихожанами, съ помѣщиками и т. п., и при счастливомъ оборотѣ дѣла получали граматы на пріисканіе новаго мѣста [1]. Въ началѣ XVIII вѣка продавать свои мѣста могли не только такіе священно-служители, которые выходили въ запятатъ, но и тѣ, которые должны были оставлять эти мѣста за вину; запрещеніе продажи въ такомъ случаѣ послѣдовало въ 1718 г. отъ самого правительства [2]. Это была едвали не единственная прямо запретительная мѣра противъ слишкомъ широко уже захватывавшаго обычая, но мѣра очевидно частная, касавшаяся только частнаго вида этой продажи. Общаго запрещенія продажи церковныхъ мѣстъ не рѣшалась издать ни государственная, ни церковная власть, считая его явно противнымъ извѣстному намъ владѣльческому отношенію къ этимъ мѣстамъ духовныхъ семействъ. Видимо колеблясь между уваженіемъ къ давности и крѣпости этихъ владѣльческихъ правъ духовенства и вмѣстѣ сознаніемъ всего ихъ неприличія, а иногда и положительнаго вреда для церковныхъ интересовъ, администрація XVIII в. невольно должна была ограничиваться въ

---

(1) Руков. для с. паст. 1861. № 49.

(2) Собран. постан. по дух. вѣд. I. стр. 97.

этомъ дѣлѣ лишь многократными повтореніями одного и тогоже распоряженія о церковныхъ мѣстахъ. какое было сдѣлано еще соборомъ 1667 г.

Главной поддержкой владѣльческихъ правъ духовенства на церковныя мѣста въ XVIII в., какъ и прежде, служили дома духовныхъ лицъ, построенные ими на церковной землѣ. Каждый новый священнослужитель долженъ былъ покупать дворовое строеніе своего предшественника дорогою цѣною, которая даже намѣренно была возвышаема наслѣдниками, такъ что на мѣсто могли поступать только или люди достаточные, или такіе, которые вступали въ особыя отношенія къ семейству наслѣдниковъ. Вопросъ о священнослужительскихъ домахъ поднялся въ самомъ началѣ XVIII столѣтія въ связи съ заведеніемъ духовныхъ школъ и вопросомъ объ усиленіи образованія въ духовенствѣ. Правительству скоро сдѣлалось извѣстно, что новые кандидаты священства изъ школьниковъ, которымъ дано было преимущественное право поступать на церковныя мѣста даже обходя наслѣдниковъ, все-таки остаются безъ мѣстъ по причинѣ недостаточности средствъ къ покупкѣ домовъ у наслѣдниковъ и часто поэтому должны уступать избранныя ими мѣста невѣждамъ. Вслѣдствіе этого въ 1718 одинъ за другимъ вышли 2 указа, по которымъ всѣмъ священнослужителямъ велѣно было жить въ домахъ церковныхъ, а своихъ домовъ на церковной землѣ не имѣть, церковнымъ старостамъ озаботиться покупкой всѣхъ старыхъ священно-служительскихъ домовъ въ собственность церквей на церковныя суммы, а тамъ, гдѣ нельзя купить готовыхъ, выстроить новые церковные дома, дабы впредь, объяснено въ одномъ указѣ, священно-служительскимъ домамъ и мѣстамъ продажнымъ не быть [1]. Въ 1722 г. эти распоряженія распространены были и на домы церковно-служителей [2].

---

[1] П. С. З. V, № 3171. 3175.
[2] Также VI, № 4120.

Приведенные указы не заключали въ себѣ ничего новаго; на соборѣ 1667 г. тоже было сказано, что нужно „искупить св. церкви и церковныя мѣста продаваемыя“ и что „продавати церкви Христовы и церковныя мѣста, яко отчины, зѣло неправильно есть и безаконно“. Старые получились и результаты. Наслѣдники не думали продавать своихъ наслѣдныхъ домовъ, потому что цѣнность домовъ сама по себѣ ихъ не удовлетворяла, имъ выгоднѣе было продавать дома вмѣстѣ съ наслѣдными мѣстами, а съ другой стороны на покупку домовъ для всего причта недоставало средствъ у самихъ церквей, такъ что гдѣ старосты и вздумали было начать эту дорогую операцію, новые члены клира все-таки должны были къ церковнымъ деньгамъ приплачивать еще значительныя суммы и отъ себя (3). Съ большимъ успѣхомъ заведеніе церковныхъ домовъ могло идти развѣ въ одномъ Петербургѣ, гдѣ приходы открывались еще вновь и гдѣ при строеніи новыхъ церквей св. Синодъ требовалъ, чтобы при нихъ непремѣнно строились и церковные дома (4). Св. Синодъ нѣсколько разъ повторялъ указы 1718 г., но дѣло выкупа и постройки священно-и-церковно-служительскихъ домовъ по епархіямъ не подвигалось ни на шагъ. Въ одномъ донесеніи св. Синоду 1721 г. управлявшаго тогда славяно-греко-латинскими школами въ Москвѣ архимандрита Ѳеофилакта Лопатинскаго читаемъ: „по тому благопромышленнѣйшему указу (1718 г.) били челомъ его державству нѣкоторые школьники о опредѣленіи ихъ на порожнія мѣста и съ великою трудностію, волокитою и ждѣніемъ доступили ихъ, и досель во всегдашнемъ опасеніи отказу и перемѣны своихъ мѣстъ пребываютъ неизвѣстны. Причина сему: обычай прежній о наслѣдіи церквей, продажею и куплею стяжаемомъ, неразсмотрительно введенный, и непокорство прихожанъ, которые по сродству, знаемости

(3) Также VII, № 4190.
(4) Собран. постан. по дух. вѣд. 1, № 172.

и по своимъ прихотямъ избираютъ себѣ священниковъ и діаконовъ и мѣстъ священническихъ и діаконскихъ нарочно не хотятъ окупати изъ церковныхъ денегъ, будто нѣтъ таковыхъ денегъ,... что видя, и прочіе школьники не смѣютъ бить челомъ на вышеозначенныя мѣста, чтобъ имъ не вдать себе въ излишнія трудности и бѣдства“ (1). Для того, чтобы избавить ихъ отъ трудностей и бѣдствъ, духовная власть желала, если не вовсе освободить ихъ отъ покупки церковныхъ мѣстъ у наслѣдниковъ, по крайней мѣрѣ облегчить имъ эту покупку, ограничивъ злоупотребленія наслѣдниковъ въ произвольномъ возвышеніи цѣнъ на дома. Въ этихъ видахъ около 1724 г. введена была въ первый разъ въ московской епархіи оцѣнка священно-и-церковно-служительскихъ домовъ при продажѣ, производимая обыкновенно подъячими дикастеріи въ присутствіи прихожанъ и торговыхъ людей лѣпаго ряда. Оцѣночный листъ за подписомъ производившихъ оцѣнку представлялся на разсмотрѣніе и утвержденіе дикастеріи (2).

Такимъ образомъ указы 1718 г. оказались неудобоисполнимыми на практикѣ, въ нѣкоторомъ смыслѣ служили даже къ утвержденію владѣльческихъ отношеній наслѣдниковъ къ церковнымъ мѣстамъ. Какъ этими указами, такъ и введеніемъ оцѣнки домовъ было оффиціально признано, что лишить наслѣдника мѣста, передать это мѣсто другому можно не иначе, какъ окупивъ домовое строеніе и всѣ затраты, связанныя съ мѣстомъ, т. е. чрезъ новую покупку, которая въ свою очередь порождала новыя владѣльческія отношенія къ мѣсту другаго лица и другихъ наслѣдниковъ. Это былъ такой безвыходный кругъ, линія котораго была замкнута какъ нельзя лучше. Но какъ бы то ни было, вопросъ о наслѣдіи церковныхъ мѣстъ былъ поднятъ и такъ, или иначе началъ рѣшаться. Не имѣя возмож-

(1) Тамже, № 118.

(2) Ист. моск. еп. упр. I, 135, примѣч. 459.

пости рѣшить его окончательно, духовная власть по крайней мѣрѣ приступила къ устраненію явныхъ злоупотребленій наслѣднаго права и введеніемъ оцѣнки наслѣдныхъ домовъ сдѣлала первый и важный шагъ къ развитію своего вліянія на наслѣдныя мѣста, къ подчиненію семейныхъ расчетовъ наслѣдниковъ своему административному контролю. Отсюда въ исторіи наслѣдственности духовнаго служенія мы можемъ начать обозрѣніе новаго ряда явленій и перемѣнъ, которымъ эта наслѣдственность подвергалась подъ вліяніемъ духовной администраціи.

Вопросъ о правахъ наслѣдниковъ возникалъ очевидно тѣмъ же порядкомъ и по тѣмъ же поводамъ, какъ вопросъ о кандидатахъ на церковныя мѣста, избранныхъ прихожанами, именно вслѣдствіе столкновенія этихъ правъ съ духовной администраціей. Въ прежнее время духовная власть не имѣла особенныхъ поводовъ тяготиться наслѣдниками, даже сама способствовала къ развитію ихъ правъ для ограниченія приходскихъ выборовъ. Наслѣдники, какъ мы видѣли, были единственными „своими“ кандидатами у епископовъ, а при одинаковомъ уровнѣ между ними одного и того-же псалтырнаго образованія давать предпочтеніе однимъ изъ нихъ предъ другими можно было развѣ только по степени ихъ борзости въ чтеніи псалтиря и часослова. При такой, можно сказать, крайней простотѣ условій для поступленія въ клиръ владѣльческія отношенія духовенства къ церковнымъ мѣстамъ могли спокойно развиваться со всѣми своими семейными счетами, условіями, контрактами, духовными завѣщаніями и другими принадлежностями, не чувствуя никакихъ особенныхъ помѣхъ со стороны церковной администраціи. Съ реформой Петра въ жизни духовенства начались крупныя перемѣны. Отъ ставленниковъ стали требовать новаго школьнаго образованія; между учеными и неучеными кандидатами священства явилось рѣзкое различіе, послужившее основой новаго выбора между ними, предпочтенія однихъ другимъ помимо

прежнихъ семейныхъ счетовъ и правъ на мѣста. Своимъ кандидатомъ священства для архіерея сдѣлался теперь школьникъ, поучившійся въ архіерейской школѣ букварю, катихизису и латыни, а наслѣдники очутились въ такихъ же отношеніяхъ къ архіерею, въ какихъ были когда-то полуграмотные мужики — избранники приходскихъ общинъ. Сходство было тѣмъ ближе, что, опираясь на свои старыя права, наслѣдники долго не хотѣли позаботиться о пріобрѣтеніи правъ новыхъ, какія теперь давала человѣку школа, и считали обученіе въ ней дѣломъ совершенно для себя лишнимъ. Призванныя въ качествѣ ближайшихъ органовъ къ осуществленію новыхъ требованій относительно образованія духовенства, епархіальныя власти попали въ самое средоточіе борьбы между старымъ и новымъ порядкомъ вещей, между учеными школярами и неучеными наслѣдниками, отстаивая первыхъ, должны были непремѣнно ограничивать права послѣднихъ. До тѣхъ самыхъ поръ, пока сами наслѣдники не сдѣлались образованными, борьба противъ ихъ притязаній со стороны епархіальныхъ властей дѣйствительно шла во имя новаго духовнаго образованія. Архіерейская школа дала такимъ образомъ и первый поводъ епархіальной власти обратить вниманіе на чрезмѣрное усиленіе наслѣдныхъ правъ, стѣснявшее „епископле разсужденіе“, и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшую точку опоры для развитія самой епископской власти надъ приходами.

Одинъ изъ первыхъ дѣятелей по вопросу о наслѣдіи церковныхъ мѣстъ, извѣстный уже намъ черниговскій архіерей Иродіонъ Жураковскій въ своихъ универсалахъ противъ наслѣдниковъ возставалъ именно противъ тѣхъ только изъ нихъ, которые по старому хотѣли опираться только на свои наслѣдныя права и проживали у своихъ отцовъ на дьяковствѣ и понамарствѣ, не заботясь о своемъ образованіи и праздно дожидаясь наслѣдства помимо всякихъ латинскихъ школъ и коллегіумовъ. Универсалы эти требовали,

„аби отселѣ всякъ священникъ при своей церкви не держалъ сына своего на дьяковствѣ и на панамарствѣ, но посторонних̀ъ людей избиралъ на кондицію справних̀ъ и слушних̀ъ,... что сынамъ священническимъ не безвредительно, поневажъ лѣта свои до науки способніи на деревнѣ теряютъ“, и чтобы всѣ наслѣдники отправлялись скорѣе учиться въ коллегіумъ, „чимъ бы возмогли удостоити себе священства и управленія паствою, а иначе не удостоются никакого св. сана и парохій“ (1). Въ бѣлогородской епархіи такія же граматы разсылали архіереи Досиѳей Богдановичъ-Любимскій и Іоасафъ Горленко (2). Въ кіевской епархіи м. Рафаилъ Заборовскій въ 1748 г. распорядился, чтобы парохіи зачислялись преимущественно за семействами, въ которыхъ „имѣется дитя хотя едино мужеска полу сгодное къ обученію латинскаго ученія“, чтобы такое семейство по обычаю содержало при церкви викарія, а наслѣдника отправляло въ латинскую школу и изъ церковныхъ доходовъ снабжало его всѣмъ нужнымъ для проживанія въ школѣ. Преемникъ его Тимоѳей Щербатскій для поощренія наслѣдниковъ къ обученію въ школѣ опредѣлилъ, чтобы семейство обучающагося наслѣдника получало не $^1/_3$ церковныхъ доходовъ отъ викарія, а цѣлую половину (3). Для того, чтобы помирить новыя требованія съ старымъ обычаемъ зачисленія мѣстъ за дѣвицами, епархіальныя начальства требовали, чтобы послѣднія выходили за мужъ непремѣнно за людей ученыхъ. Въ 1765 г. митроп. Арсеній Могилянскій издалъ касательно этого предмета весьма любопытное распоряженіе для своей кіевской епархіи, чтобы священники и дьяконы отдавали сыновей въ академію, а желающіе сдать мѣсто зятьямъ выдавали своихъ дочерей за мужъ за людей учительныхъ, имен-

(1) Труды кіев. акад. 1860 г. кн. II, 245 — 247. 250—251.

(2) Опис. харьк. епарх. вып. I, 8.

(3) Рук. для сельск. паст. 1861 г. № 45: Очерки быта...

но, имѣющіе парохіи дворовъ въ 80—100—за богослововъ, имѣющіе 60—80 дворовъ—по крайности за философовъ, а у которыхъ меньше 60 и которые учительныхъ людей въ зятья при всемъ старательствѣ сыскать не могутъ, тѣмъ представлять о томъ, куда слѣдуетъ, доношеніями, а безъ того за неучительныхъ людей дочерей не отдавать (1). Со времени этого указа наслѣдницу, не отыскавшую жениха, родственники обыкновенно возили къ архіерею, при чемъ, объяснивъ, что къ ней „не случается ни философъ, ни богословъ", просили преосвященнаго дать ей жениха по своему усмотрѣнію. Архіерей, поставленный въ такое оригинальное положеніе, отправлялъ дѣвицу къ училищному начальству, которое объявляло объ ней всѣмъ философамъ и богословамъ, вызывая ихъ „на оглядины", иногда даже озабочивалось упрощеніемъ этихъ оглядинъ, поставивъ невѣсту у дверей класса (2).

Въ великорусскихъ епархіяхъ подобныя распоряженія приводились въ исполненіе еще энергичнѣе. Епархіальнымъ начальствамъ оказывало здѣсь большое содѣйствіе само правительство, которое не переставало настаивать на томъ, чтобы ученые кандидаты священства были всегда предпочитаемы неученымъ, хотя бы и наслѣдникамъ. Мы недавно приводили примѣръ, какъ одна наслѣдница, дочь московскаго священника, еще при м. Стефанѣ Яворскомъ 4 года должна была ждать, не случится ли къ ней кто-нибудь изъ ученыхъ, и только послѣ такого долгаго ожиданія вышла за мужъ за неученаго Ѳедора Обросимова, да и тотъ чуть не лишился мѣста своего тестя. И правительство и іерархія выдавали одинъ за другимъ строгіе указы, чтобы духовныя лица везли дѣтей въ школы; поповичей и дѣтей церковническихъ насильно вытаскивали изъ ихъ деревенскаго приволья въ науку посредствомъ особыхъ разсыльныхъ командъ

(1) Кіевъ, Аскоченск. т. II, 255.
(2) Рук. для сельск. паст. 1864 г. т. III, стр. 409.

изъ консисторій и семинарій; не желавшимъ учиться грозили совершеннымъ лишеніемъ правъ на церковныя должности, записью въ подушный окладъ или солдатствомъ. Мы видѣли также, что при открытіи церковныхъ вакансій консисторіи прежде всего обязаны были повѣщать объ нихъ въ духовныхъ училищахъ и дѣлать вызовы, не пожелаетъ ли кто занять эти вакантныя мѣста изъ школьниковъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, наприм. московской, очень рано вошло въ обычай священническія мѣста отдавать преимущественно богословамъ, дьяконскія философамъ и т. д. Мы видѣли, какъ все это стѣсняло права тѣхъ кандидатовъ священства, которые были избираемы по древнему обычаю прихожанами; не менѣе стѣсненій чувствовали отъ того и наслѣдники, остававшіеся безъ школьнаго образованія.

Тѣснимые все болѣе и болѣе умножавшеюся массой кандидатовъ, получившихъ школьное образованіе, наслѣдники однако не вдругъ уступили имъ первенство въ назначеніи на церковныя мѣста. Права образованія должны были вести еще долгую борьбу съ владѣльческими отношеніями духовенства къ церковнымъ мѣстамъ, и сама духовная власть выказывала иногда сильное колебаніе, которой сторонѣ отдать предпочтеніе. Особенно долго она не могла побороть притязаній наслѣдниковъ въ югозападной Россіи, гдѣ архіереи имѣли весьма слабое вліяніе на парохіи до самаго преобразованія тамошнихъ епархій въ послѣдней четверти XVIII столѣтія. Мы уже видѣли, какъ наслѣдники югозападныхъ парохій удерживали иногда за собой всѣ наслѣдныя права и власть надъ парохіей даже безъ посвященія и при всеобщемъ возстаніи противъ нихъ самихъ парохіянъ. Замѣчательно, что наприм. въ кіевской епархіи епархіальная власть по крайней мѣрѣ до половины XVIII столѣтія не могла сама назначать даже викаріевъ къ малолѣтнимъ наслѣдникамъ и подчинялась въ этомъ отношеніи выбору самого семейства наслѣдниковъ. Въ тѣхъ случаяхъ,

когда архіереи сами назначали кандидатовъ на священно-служительскія вакансіи помимо наслѣдниковъ, послѣдніе иногда даже силой начинали отстаивать свои права и выгоняли своихъ соперниковъ вонъ изъ парохіи точно также, какъ выгоняли такихъ кандидатовъ, архіерейскихъ избранниковъ, сами парохіяне въ пользу своихъ собственныхъ избранниковъ. Вотъ наприм. одинъ случай изъ довольно уже поздняго времени. Въ 1768 г. въ м. Хорол[illegible] умеръ священникъ, не оставивъ ни одного наслѣдника мужескаго пола. Наслѣдницей его осталась его внука, дочь значковаго товарища Семена Родзянки, женатаго на дочери покойнаго. Прихожане и Родзянка подали прошеніе м. Арсенію Могилянскому, чтобы онъ назначилъ на мѣсто кого-нибудь изъ студентовъ академіи, разумѣется, со взятіемъ наслѣдницы. Но митрополитъ почему-то назначилъ другаго, священника Луку Мартоса. Мартосъ прибылъ на парохію по обычаю съ депутатомъ духовнаго правленія, который долженъ былъ ввести его въ должность. Но только лишь народъ собрался въ церковь и депутатъ началъ читать указъ митрополита, какъ бывшіе тутъ же Родзянка и его родственники,—одинъ обозный, другой подкоморій, третій бунчуковый товарищъ,—потребовали, чтобы депутатъ прекратилъ свое чтеніе и убирался вонъ изъ церкви, стали разгонять и народъ, а когда ни депутатъ, ни народъ ихъ не послушались, бросились на толпу съ палками, наконецъ избили остававшихся на клиросѣ дьяковъ и подъячихъ. Мартосъ долженъ былъ выѣхать изъ парохіи и жаловался митрополиту. Но митрополитъ самъ ничего не могъ подѣлать съ Родзянками, донесъ обо всемъ св. Синоду и просилъ даже содѣйствія гражданской власти. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась вся эта исторія (1).

Въ великорусскихъ епархіяхъ подобные случаи были невозможны, но и здѣсь наслѣдники, а равно покупщики мѣстъ, обиженные въ пользу студентовъ.

(1) Руков. для сельск. паст. 1861 г. № 51.

могли подчасъ очень рѣшительно протестовать противъ подобной обиды, опираясь на свои владѣльческія права, открыто выставляя епархіальному начальству на видъ тѣ затраты, какихъ стоили ихъ мѣста или имъ самимъ, или ихъ отцамъ и дѣдамъ, всему роду ихъ, представляя при этомъ самые акты на владѣніе, совершенные вполнѣ законнымъ порядкомъ и утвержденные самою же епархіальною властью. Наприм. въ 1760 г. св. Синодъ получилъ жалобу отъ одного московскаго дьякона Діонисія Яковлева на м. Тимофея, въ которой объяснено было, что отъ, Яковлевъ, купилъ за 700 рублей мѣсто съ дворомъ и строеніемъ у преображенскаго на Пескахъ священника Богданова, переведеннаго въ Петербургъ, и для уплаты означенной суммы вошелъ въ долги, занявши 350 рублей, но когда началось уже самое дѣло объ опредѣленіи его на купленное мѣсто, подалъ на тоже мѣсто студентъ академіи Климонтовъ и былъ опредѣленъ митрополитомъ безъ всякаго съ нимъ Яковлевымъ соглашенія; консисторія обязала Климонтова уплатить только за домъ Богданова и притомъ ту самую сумму, за какую купилъ этотъ домъ самъ Богдановъ, а въ остальныхъ деньгахъ, которыхъ Богдановъ взялъ съ Яковлева больше, потому что продавалъ не одинъ домъ, а вообще мѣсто, велѣно ему, Яковлеву, вѣдаться съ самимъ Богдановымъ, который между тѣмъ успѣлъ уѣхать въ Петербугъ; и теперь за долги все его, Яковлева, имѣніе конфисковано и домашнихъ его забираютъ подъ караулъ. На запросъ о дѣлѣ изъ св. Синода митрополитъ отвѣчалъ, что студентъ Климонтовъ произведенъ на основаніи Д. Регламента, какъ ученый, мимо Яковлева, какъ неученаго. Св. Синодъ однако видимо затруднился совершенно обойти права Яковлева и рѣшить дѣло окончательно въ пользу студента. М. Тимофею было объявлено, что въ опредѣленіи студента поступлено правильно, но въ тоже время велѣно перевесть его на другой приходъ, а къ Преображенской

церкви опредѣлить Яковлева (1). Представленный примѣръ замѣчателенъ между прочимъ и тѣмъ, что указываетъ на продолженіе, даже въ такое уже позднее время, стараго обычая продавать мѣста не только при выходѣ владѣльца въ заштатъ, но и при переходѣ на другое мѣсто.

Въ 1762 г. тотъ же митрополитъ опредѣлилъ къ московской Трехсвятительской церки священникомъ ученаго дьякона, Александра Левшина (брата знаменитаго м. Платона). Но на тоже мѣсто было еще два претендента, одинъ избранный прихожанами, дьяконъ Прокопій Ивановъ, а другой—наслѣдникъ, сынъ умершаго священника, дьячокъ тойже церкви Петръ Ивановъ. Опасаясь съ одной стороны недоброжелательства отъ прихожанъ, а съ другой прижимокъ изъ за дома отъ наслѣдника, Левшинъ самъ поспѣшилъ отказаться отъ назначеннаго ему мѣста. Митрополитъ опредѣлилъ послѣ этого дьякона Прокопія, а дьячку наслѣднику отказалъ, потому что онъ не выдержалъ надлежащаго предъ опредѣленіемъ на мѣсто экзамена и кромѣ того имѣлъ всего 20 лѣтъ отъ роду, а опредѣлить до его совершеннолѣтія викарія митрополитъ нашелъ неудобнымъ. Въ отмщеніе за свои права обиженный наслѣдникъ употребилъ обычную тактику, не сталъ продавать наслѣднаго дома свящ. Прокопію, отзываясь тѣмъ, что на домѣ есть долги. По жалобѣ Прокопія консисторія произвела оцѣнку дома (въ 600 р.) и опредѣлила часть денегъ отъ его продажи употребить на уплату долговъ, а остатки выдать Иванову. Дѣло по настоящему этимъ и должно было бы кончиться, но Ивановъ успѣлъ затянуть его почти на 4 мѣсяца, не являясь въ консисторію для объясненія, кто его кредиторы, несмотря ни на какія угрозы митрополита и вызовы изъ консисторіи; только послѣ долгой возни

---

(1) Прав. обозр. 1869 г. кн. VIII: «О церковныхъ домахъ въ Москвѣ», г. Розанова.

съ нимъ его успѣли заставить согласиться съ рѣшеніемъ и взять деньги за домъ (1).

Въ этой борьбѣ съ паслѣдниками, постоянно стоявшими поперекъ дороги архіерейскимъ кандидатамъ на мѣста, какъ и въ борьбѣ съ приходскими выборами, архіереямъ нерѣдко приходилось сѣтовать, что они надъ церквами воли не имѣютъ, владѣютъ церквами другіе; но тѣмъ энергичнѣе должны были взяться они за усиленіе своего вліянія на практику этихъ владѣльческихъ отношеній духовенства къ церковнымъ мѣстамъ. Такъ наприм. послѣ описанныхъ столкновеній съ владѣльцами церковныхъ мѣстъ м. Тимоѳей распорядился, чтобы консисторія сдѣлала обстоятельное разсмотрѣніе о церковныхъ домахъ и учинила опредѣленіе. Консисторія составила докладъ, въ которомъ изобразила, какъ при сдачѣ мѣстъ священнослужители непомѣрно возвышаютъ цѣну своихъ домовъ подъ предлогомъ новыхъ пристроекъ, несмотря на продолжительное иногда жительство въ этихъ домахъ, какъ плата за дома, смѣшиваясь съ платой за самое мѣсто, увеличивается „не въ разсужденіи строеній, но количества прихожанъ и доходовъ, и какъ многіе учительные люди по скудости своей должны бываютъ лучшихъ мѣстъ лишаться“, и во вниманіе къ этимъ обстоятельствамъ опредѣлила: 1) не покупать и не продавать мѣстъ безъ вѣдома консисторіи, иначе покупщиковъ вовсе лишать этихъ мѣстъ, предоставляя имъ въ уплаченныхъ деньгахъ вѣдаться съ продавцами судомъ; 2) прежде окончательнаго заключенія условій о мѣстѣ обстоятельно доносить о его прежней и новой цѣнности, а консисторіи по справкѣ о томъ производить окончательную оцѣнку дома; 3) новыя пристройки и починки въ домахъ священнослужителямъ производить на церковныя деньги, а въ случаѣ недостачи послѣднихъ— на свои, но въ томъ и другомъ случаѣ съ вѣдома при-

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 2, примѣч. 247 № 3.

хожанъ и благочинныхъ, по нуждѣ, а не по прихоти, съ вѣрной обо всемъ записью. Митрополитъ утвердилъ этотъ докладъ консисторіи (1). Подобныя распоряженія должны были значительно усилить вліяніе епархіальной власти на замѣщеніе церковныхъ вакансій; очень можетъ быть, что, благодаря имъ, понизилась и самая цѣнность церковныхъ мѣстъ при продажѣ; но бѣднымъ студентамъ немного стало отъ этого легче, потому что покупка мѣстъ была имъ не подъ силу и при пониженной цѣнѣ. Они все-таки продолжали осаждать начальство своими жалобными просьбами о милосердіи и помощи въ опредѣленіи ихъ на службу, объясняя, что никакъ не въ состояніи покупать себѣ мѣстъ, а мѣста всѣ продажныя, и принуждены отъ того скитаться года по три безъ мѣста, претерпѣвая послѣднюю бѣдность (2).

Наконецъ въ 1768 г. св. Синодъ издалъ общій указъ, въ которомъ съ замѣчательною прямотою и рѣзкостію осудилъ современный ему порядокъ владѣльческихъ отношеній духовенства къ церквамъ. Еще доселѣ, разсказываетъ указъ, продолжается „вредное для ученыхъ и безчестное для церкви обыкновеніе, что подъ претекстомъ дворовъ и самыя священно-церковнослужительскія мѣста, въ противуположность св. правилъ,... продаются установленною издавна отъ самыхъ бывшихъ при тѣхъ церквахъ священниковъ и церковно-служителей немалою и противъ того, что тѣ дворы стоютъ, излишнею цѣною; а вмѣсто того, чтобы сіе безчинство отвратить, не посвященъ бываетъ никто, пока требуемой за мѣсто суммы не заплатитъ, отъ чего не только ученымъ, но и неученымъ честнымъ ставленикамъ въ полученіи мѣстъ съ горестію соединенная бываетъ трудность, а покупаютъ лучшія мѣста большею частію такіе только, которые у себя довольно денегъ имѣютъ, хотя бы они и вовсе неученые и не

(1) См. въ указанн. ст. «О церковныхъ домахъ».
(2) Истор. троицк. семин. 539—542.

весьма въ званіи своемъ достойные были; обучающіеся же въ академіяхъ и семинаріяхъ, кои такого капитала у себя не имѣютъ, хотя они по наукамъ и состоянію своему противу означенныхъ капиталистовъ гораздо достойнѣе, принуждены бываютъ или священства или лучшихъ мѣстъ въ противность Д. Регламента и указовъ вовсе лишаться, а заступаютъ они самыя послѣднія мѣста или же на покупку оныхъ задолжаются неоплатными долгами; и такъ деньги въ произведеніи въ священство большую силу имѣютъ, чрезъ что у другихъ и охота къ наукамъ отъемлется. На каковую тѣхъ мѣстъ продажу, яко на святокупство, и происходящій отъ того въ народѣ соблазнъ св. правит. Синодъ съ немалымъ сожалѣніемъ смотритъ". Какъ скоро впрочемъ указу пришлось говорить о самыхъ мѣрахъ противъ „таковаго зла", высокій тонъ его рѣчи быстро спадаетъ. Св. Синодъ, говорится далѣе, могъ бы и разомъ уничтожить всякую плату за мѣста, но онъ отказывается отъ такой радикальной мѣры, помышляя „о сиротахъ и вдовахъ, не могущихъ себя пропитать, а паипаче о тѣхъ, которые такія мѣста сами покупали великою цѣною и, не выплатя заимодавцамъ долговъ, померли, а жены и дѣти ихъ не только въ сиротствѣ, но и въ крайнемъ отъ тѣхъ заимодавцевъ остаются бѣдствіи". Вставъ на такую точку зрѣнія, указъ узаконяетъ за тѣмъ не запретительныя, а только ограничительныя мѣры противъ зла, которое самъ же назвалъ позоромъ для Церкви, симоніей и безчинствомъ, имѣя въ виду при опредѣленіи этихъ мѣръ главнымъ образомъ только подчиненіе владѣльческихъ правъ духовенства на мѣста надзору и вліянію епархіальной администраціи. Продажу и покупку церковныхъ мѣстъ велѣно производить на прежнемъ основаніи по обычной оцѣнкѣ, а въ избѣжаніе разныхъ подлоговъ и злоупотребленій всѣ записи на мѣста записать въ консисторіяхъ въ шнуровыя книги. Но при этомъ опредѣлены важныя ограниченія владѣльческихъ правъ на мѣста: 1) чрезъ опредѣленные сроки владѣльцы мѣстъ должны сбавлять

часть ихъ цѣнности,—кто служилъ на мѣстѣ и пользовался съ него доходами 5 лѣтъ, тотъ при продажѣ долженъ получать за него $^5/_6$ первоначальной цѣны, черезъ 10 лѣтъ—$^2/_3$, черезъ 15—половину, черезъ 20—$^1/_3$, послѣ 25—$^1/_6$, а послѣ 30 не брать уже ничего; притомъ 2) такое оплачиваніе мѣстъ производить только въ пользу вдовъ и сиротъ, а если послѣ умершаго останутся братья и другіе родственники, имѣющіе собственныя мѣста, такихъ въ наслѣдство къ мѣстамъ не допускать, а платить имъ за одно строеніе; 3) если ближнихъ родственниковъ послѣ умершаго не будетъ, на его мѣсто, какъ свободное, опредѣлять студентовъ безъ платы; 4) вовсе запретить продажу мѣстъ при переходѣ владѣльцевъ на другія мѣста (1).

Начавъ такъ горячо, указъ такимъ образомъ все-таки пришелъ къ тому, что самъ же, за приведенными ограниченіями, оффиціально призналъ владѣльческія права духовенства на мѣста, а практика, разумѣется, умѣла обходить и самыя ограниченія; но мы не можемъ не обратить при этомъ вниманія на то основаніе, на которомъ опирается указъ въ своемъ признаніи этихъ правъ; основаніе его не юридическое, на которомъ основывали прежде свои права на мѣста сами владѣльцы послѣднихъ, а моральное,—состраданіе къ сиротамъ и вдовамъ, сожалѣніе о ихъ крайней бѣдности, при чемъ и самое признаніе правъ получаетъ совсѣмъ другой смыслъ, является скорѣе милостью, чѣмъ воздаяніемъ должнаго. Такой взглядъ на наслѣдниковъ и владѣльцевъ церковныхъ мѣстъ вырабатывался долгое время, путемъ постепеннаго развитія епархіальной централизаціи и во второй половинѣ XVIII в., какъ видимъ, успѣлъ развиться до того, что могъ наконецъ быть сформулированъ въ положительномъ и ясномъ указѣ. Онъ явился, какъ результатъ и развязка всѣхъ этихъ усилій епархіальныхъ властей,

---

(1) П. С. З. XVIII, № 13067.

съ какими они заботились о развитіи своего вліянія на наслѣдные приходы, о томъ, чтобы и зачисленіе мѣстъ, и выборъ викарія для сиротъ, и опредѣленіе условій его съ наслѣдниками, и плата за мѣста производились не иначе, какъ съ вѣдома и благословенія самого архіерея. Сбивая постепенно излишнія притязанія наслѣдниковъ, епархіальныя власти превращали послѣднихъ изъ гордыхъ владѣльцевъ церквей, полновластныхъ хозяевъ въ приходахъ и господъ своихъ викаріевъ въ скромныхъ сиротъ, зависящихъ отъ милости и состраданія архіереевъ. Къ концу XVIII в. цѣль епархіальныхъ властей въ этомъ отношеніи успѣла осуществиться вполнѣ даже въ епархіяхъ югозападной Россіи. Дальнѣйшая судьба наслѣдственности церковныхъ мѣстъ очевидно зависѣла отъ того, какъ долго будетъ признавать ее нужною сама іерархія, будетъ ли стоять за свою первоначальную мысль замѣщать церковныя должности людьми только достойнѣйшими по образованію, мысль, съ которой она въ первый разъ выступила на борьбу съ наслѣдниками и на дѣло развитія своей власти, или же, достигнувъ своей цѣли, благодушно отнесясь къ смирившимся уже наслѣдникамъ, удержитъ и на будущее время свой сострадательный характеръ, будетъ смотрѣть на церковныя мѣста, какъ на удобный для нея источникъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія. Мы увидимъ, что іерархія почла за лучшее идти не въ первомъ, а именно въ послѣднемъ направленіи.

Нельзя впрочемъ не замѣтить, что наша іерархія и прежде, съ самаго начала своей борьбы съ наслѣднымъ порядкомъ занятія церковныхъ мѣстъ, никогда не отрицала самаго принципа наслѣдственности духовнаго служенія, во многихъ случаяхъ старалась даже отстаивать его, особенно противъ искателей священства изъ постороннихъ сословій, и возставала только противъ наслѣдниковъ неученыхъ, не соотвѣтствовавшихъ требованіямъ новаго духовнаго образованія. Если наслѣдникъ былъ ученый или по крайней

мѣрѣ учился въ архіерейской школѣ, права его на наслѣдство были внѣ всякаго сомнѣнія. Указъ Петра великаго—учить поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей въ школахъ заранѣе, чтобы были готовы на праздныя мѣста, такъ постоянно и толковался, что школьники имѣютъ несомнѣнное право на полученіе отцовскихъ и вообще наслѣдныхъ мѣстъ (1). Такимъ образомъ школа могла возмутить спокойствіе наслѣдниковъ только временно, пока они были еще неученые. Когда всѣ наслѣдники стали учеными, борьба противъ нихъ очевидно должна была прекратиться и наслѣдственный порядокъ занятія церковныхъ мѣстъ, разумѣется, въ тѣхъ границахъ, какихъ требовала отъ него развившаяся епархіальная централизація, могъ свободно продолжать свое существованіе со всѣми своими принадлежностями и проявленіями, сдачей и предоставленіемъ мѣстъ по родству, отдачей мѣста въ приданое, куплей, продажей и т. п.

Самая обычная форма наслѣдственности церковныхъ мѣстъ чрезъ предоставленіе этихъ мѣстъ сиротамъ умершаго священно-служителя постоянно поддерживалась самою іерархіею, которая видѣла въ этомъ предоставленіи даже свой священный долгъ, христіанское дѣло милосердія къ сирымъ и вдовицамъ. Замѣчателенъ одинъ указъ московскаго архіепископа Амвросія Зертисъ-Камепскаго, въ которомъ онъ горячо вооружается противъ тѣхъ искателей священно-служительскихъ мѣстъ послѣ умершихъ священно-служителей помимо сиротъ, называя это перебиваніе мѣстъ у сиротъ „предосудительною алчностію“, и предписываетъ по своей епархіи, чтобы „никто въ таковыя безвременныя (даже еще до похоронъ умершаго), человѣколюбію и христіанскому благочестію противныя просьбы вступать не дерзалъ“ (2).

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 1, стр. 113.
(2) Тамже, кн. 2, стр. 69—70.

Самъ св. Синодъ въ одномъ указѣ 1767 г., разосланномъ по московской епархіи, узаконялъ: „если послѣ умершихъ священно-служителей останутся дочери и племянницы дѣвицы, а жены умершихъ на мѣста мужей своихъ къ тѣмъ своимъ дочерямъ и племянницамъ пожелаютъ кого принять, таковыхъ по ихъ желаніямъ, достойныхъ и ежели законоправильныхъ препятствіевъ не окажется, опредѣлять. Буде послѣ умершихъ священно-служителей останутся малолѣтніе дѣти мужеска полу такіе, кои дѣйствительно уже обучаются въ школахъ, то до изученія и возрасту ихъ на отцовское мѣсто никого не опредѣлять, а велѣть содержать изъ получаемыхъ отъ тѣхъ церквей доходовъ викарія. Когда же оные выучатся и въ совершенныя къ производству ихъ въ священно-служительскіе чины лѣта придутъ и достойны явятся, тогда произодить ихъ самихъ“ (1). Въ слѣдующемъ году этотъ указъ распространенъ на всѣ другія епархіи; приведенные пункты его включены были въ извѣстный памъ указъ о священно-служительскихъ домахъ, при чемъ прибавлено, что если наслѣдникъ церковнаго мѣста будетъ неученый, таковаго къ производству на мѣсто отцовское не допускать и за мѣсто отцовское никакой платы, кромѣ только что по оцѣнкѣ за домъ и то погодно, не давать (2).

Зачисленіе мѣстъ за учениками семинарій было самымъ распространеннымъ средствомъ къ ихъ содержанію и поощренію въ ученіи. За неимѣніемъ наслѣдныхъ мѣстъ за ними зачислялись и чужія свободныя мѣста. Въ 1770 г. св. Синодъ издалъ нарочный указъ такого содержанія: „почитая за долгъ свой всякое прилагать стараніе не токмо о распространеніи полезныхъ наукъ и о содержаніи учрежденныхъ для того училищъ въ возможномъ порядкѣ, но наипаче дабы

---

(1) Тамже, стр. 276.
(2) П. С. З. № 13067, п. 5. 6. 7.

въ оныхъ училищахъ въ пользу церкви учившіеся студенты, взирая на извѣстный трудовъ своихъ конецъ, больше поощряемы тѣмъ были оказывать похвальные свои въ ученіи и поведеніи успѣхи, слѣдственно потому и не оставлены бъ они были безъ достойныхъ мѣстъ и безъ пристойнаго по ихъ ученію содержанія, св. Синодъ повелѣваетъ: дабы по Регламенту и прежнимъ указамъ учившіеся достойные не учившимся въ произвожденіи въ св. чины были предпочитаемы неотмѣнно; и для того въ случаѣ какой-либо священнической или дьяконской вакансіи письменно справкою требовать отъ семинаріи,... не имѣется ли достойныхъ, ученіе свое окончившихъ или оканчивающихъ студентовъ, которые бы показанныя мѣста занять достойны были, и если таковые окажутся, таковыхъ предпочтительно и производить; а хотя бъ которые совершенныхъ лѣтъ и не достигли, но они находятся въ высшихъ школахъ, а имѣютъ скоро окончить ученія своего кругъ, за таковыми и безъ производства въ св. чинъ могутъ мѣста утверждаемы быть по пастырскому епархіальныхъ архіереевъ разсмотрѣнію“ (1). Св. Синодъ узаконялъ здѣсь впрочемъ не новость, потому что въ практикѣ духовныхъ школъ такое зачисленіе мѣстъ за учениками было уже давнымъ давно.

Бѣднѣйшіе изъ учениковъ, особенно сироты, на рукахъ которыхъ по смерти ихъ отцовъ оставались семейства, имѣли за собой зачисленныя мѣста иногда задолго до окончанія курса; такое зачисленіе мѣстъ отмѣчалось предъ ихъ фамиліями и въ семинарскихъ вѣдомостяхъ съ обозначеніемъ, получаетъ ли ученикъ доходъ съ своего мѣста и сколько; наприм.: „половинную часть дохода получаетъ“, „доходомъ мать владѣетъ“ и т. п. Смотря по успѣхамъ учениковъ, мѣста эти за ними мѣнялись; за лучшимъ ученикомъ зачислялось лучшее мѣсто, но если онъ ослабѣвалъ въ успѣхахъ, начальство могло у него перемѣнить это луч-

(1) Истор. спб. акад. 51—52.

шее мѣсто на другое похуже (1). Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ мѣста зачислялись за учениками по классамъ, причетническія зачислялись за учениками низшихъ, а священно-служительскія за учениками высшихъ классовъ. Учениковъ съ зачисленными мѣстами было очень много по семинаріямъ, наприм. въ сѣвской семинаріи въ 1780-хъ годахъ каждогодно насчитывалось человѣкъ по 100, въ 1790-хъ годахъ—по 200, а въ началѣ настоящаго столѣтія по 300 и болѣе (2). Зачисленіе мѣстъ сопровождалось большими неудобствами, весьма тяжкими и для епархіальныхъ начальствъ, и для прихожанъ, да и для самихъ иногда учениковъ. Викаріями на этихъ мѣстахъ служили большею частію люди негодные, лишенные своихъ собственныхъ мѣстъ за пороки; епархіальныя начальства получали на нихъ множество жалобъ и отъ прихожанъ, и отъ учениковъ, съ которыми эти викаріи вели свои расчеты съ большой неисправностью. Но зачисленіе мѣстъ все-таки продолжалось, несмотря на всѣ такія неудобства; бѣдные ученики прямо обращались къ архіереямъ съ прошеніями о томъ, чтобы ихъ приняли на казенное содержаніе, или предоставили имъ „для поощренія наукъ“ праздныя при церквахъ мѣста, и такія прошенія принимались всегда благодушно и очень рѣдко сопровождались отказомъ. Для устраненія неудобствъ, соединенныхъ съ зачисленіемъ мѣстъ, нѣкоторые епархіальные архіереи наблюдали только то, чтобы мѣста зачислялись главнымъ образомъ при неодноклирныхъ церквахъ (3). Въ 1784 г., по поводу производившагося тогда разбора духовенства, св. Синодъ издалъ указъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „св. Синоду извѣстно, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ за обучающи-

---

(1) Ист. моск. акад. 374. Ист. троицк. семин. 545—546. Странникъ 1860 г. IX кн. «Обозрѣніе способовъ сод. дух. учил.».

(2) Ист. сѣвск. семин. въ Орловск. еп. вѣд. 1865. стр. 376—377.

(3) Русск. педагог. вѣстн. т. V, замѣтки. стр. 24.

мися семинаристами для поощренія ихъ къ ученію уже зачислены мѣста и доходы съ нихъ получаютъ, то и нынѣ эти мѣста для нихъ оставить, но до окончанія курса на тѣ мѣста другихъ не опредѣлять, чтобъ излишняго причта умножаемо не было“ (1). При этомъ запрещеніи замѣщать зачисленныя церковныя мѣста нужно взять во вниманіе то, что въ 1784 г. приняты были самыя энергическія мѣры для размѣщенія множества заштатныхъ священно-служителей, такъ что до размѣщенія ихъ запрещено было даже посвященіе новыхъ ставленниковъ, и нужда въ мѣстахъ была въ высшей степени настоятельна.

Къ концу XVIII столѣтія рѣдкое мѣсто не было наслѣдственнымъ. Постороннимъ лицамъ, не только свѣтскаго, но и духовнаго происхожденія, очень трудно было найти свободное не только священно-служительское, но и причетническое мѣсто. Духовное семейство, пристроившись къ извѣстному мѣсту, держалось за него такъ крѣпко, что не упускало его изъ своихъ рукъ даже послѣ смерти своего члена, занимавшаго это мѣсто по службѣ; мѣсто умершаго, какъ единственный источникъ содержанія, единственная доходная статья семьи, обращалось въ дорогое для сиротъ наслѣдство, изъ-за котораго они крѣпко тягались съ посторонними на него претендентами и, благодаря глубоко укоренившемуся принципу наслѣдственности духовнаго служенія, почти всегда одерживали верхъ въ такихъ тяжбахъ. Въ 1799 г. вышелъ указъ св. Синода, заключавшій въ себѣ высочайше утвержденное положеніе о призрѣніи вдовъ и сиротъ духовнаго званія. Перечисляя существовавшіе тогда способы этого призрѣнія, указъ говоритъ между прочимъ, что дѣти умершихъ духовныхъ лицъ мужескаго пола отдавались обыкновенно въ школы на казенное содержаніе съ предоставленіемъ за нѣкоторыми изъ нихъ для про-

(1) П. С. З. XXII, № 15981 п. 3.

питанія ихъ семействъ священно-и-церковно-служительскихъ мѣстъ, а дѣти женскаго пола, по достиженіи законныхъ лѣтъ, выдавались за мужъ за церковниковъ, которымъ преимущественно предъ другими давались церковныя мѣста, могущія доставить содержаніе и всему семейству умершаго. Указъ утвердилъ эти способы призрѣнія и на будущее время (1).

Практика наслѣдственности церковныхъ мѣстъ шла еще далѣе законныхъ опредѣленій и дозволеній и весьма долго сохраняла совершенно свѣжіе остатки прежнихъ владѣльческихъ отношеній духовенства къ церковнымъ мѣстамъ. Встрѣчаемъ поступныя письма духовныхъ лицъ о продажѣ мѣстъ, написанныя совершенно въ прежней формѣ съ обычнымъ условіемъ: „и онымъ мѣстомъ ему (покупщику), женѣ его и дѣтямъ и наслѣдникамъ владѣть вѣчно“. Мѣста передавались также по духовнымъ завѣщаніямъ и отдавались въ приданое за дочерями. Производя узаконенную оцѣнку священно-и-церковно-служительскихъ домовъ и наблюдая за соблюденіемъ порядка наслѣдственности церковныхъ мѣстъ, епархіальная власть сама впутывалась во всѣ семейные счеты духовенства о мѣстахъ и своимъ участіемъ въ нихъ придавала имъ оффиціальный характеръ (2). Несмотря на сильное развитіе епархіальной власти, встрѣчаемъ наслѣдниковъ самоставовъ, точно такихъ же, о которыхъ мы упоминали, говоря о старинѣ югозападной Руси; не имѣя возможности попасть на отцовское мѣсто законнымъ путемъ вслѣдствіе своего недостоинства, наслѣдникъ наѣзжалъ на наслѣдный приходъ самовольно и совершалъ здѣсь требы безъ посвященія; такихъ примѣровъ мы знаемъ немного, но замѣчательно, что они относятся не къ какой-нибудь глуши нашего обширнаго отечества, а къ московской епархіи (3).

---

(1) Тамже, № 18921.

(2) См. упомян. ст. о церк. домахъ.

(3) Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кн. 2, примѣч. 298.

Вслѣдствіе глубокаго сознанія своихъ правъ, обойденный наслѣдникъ доходилъ до крайней степени раздраженія на обиду, причиненную ему отнятіемъ роднаго мѣста, поднималъ горячія тяжбы съ своимъ соперникомъ и даже съ епархіальнымъ начальствомъ. Мы приведемъ здѣсь одинъ выразительный примѣръ изъ записокъ рязанскаго архіепископа Гавріила, примѣръ, хорошо показывающій съ одной стороны то, какія страшныя ссоры происходили иногда изъ-за наслѣдныхъ мѣстъ между духовными семьями, а съ другой и то, каковы иногда бывали сами наслѣдники, заявлявшіе свои претензіи за нарушеніе ихъ наслѣдныхъ правъ. Въ этихъ запискахъ преосв. Гавріилъ разсказываетъ, что его отецъ Іоаннъ былъ опредѣленъ священникомъ въ с. Городковичи рязанской епархіи на мѣсто отрѣшеннаго за безпорядочную жизнь священника Григорія Иванова. Несмотря на то, что Ивановъ потерялъ свое мѣсто по своей собственной винѣ и по суду, семейство его все-таки считало это мѣсто своимъ наслѣдственнымъ и было крайне раздражено, когда пріѣхалъ въ село другой священникъ — чужой человѣкъ. Одинъ изъ сыновей Григорія Гавріилъ, бывшій тогда послушникомъ Солодчинскаго монастыря, долго тягался съ о. Іоанномъ и о. Іоаннъ успѣлъ удержать мѣсто за собою, благодаря только сильной поддержкѣ тогдашняго рязанскаго архіерея Симона; послѣдній почелъ однако необходимымъ дать Гавріилу по крайней мѣрѣ дьяконское мѣсто при его наслѣдной церкви. Это было въ 1795 г., и съ этого времени цѣлыхъ три года о. Іоаннъ долженъ былъ терпѣть непрерывное гоненіе отъ раздраженной семьи, которая къ большему его несчастію жила въ своемъ прежнемъ домѣ подлѣ его дома и была довольно многочисленна. Она состояла изъ лишеннаго мѣста отца, злой и жестокой матери, пятерыхъ взрослыхъ сыновей и дочери; одинъ изъ братьевъ служилъ дьякономъ при церкви, другой былъ дьячкомъ, третій пономаремъ. Имѣя такое сосѣдство и окруженный такимъ причтомъ, о.

Іоаннъ находилъ свое положеніе невыносимымъ и нѣсколько разъ принимался хлопотать о переходѣ на другое мѣсто. Къ довершенію всѣхъ его бѣдъ одинъ изъ сыновей его предмѣстника, Маркъ или Марукъ, угодившій во время Екатерининскихъ разборовъ духовенства въ солдаты и бѣжавшій изъ службы, занимался разбоемъ по р. Окѣ и вмѣстѣ съ своими товарищами имѣлъ притонъ у своего отца. Семья о. Іоанна не могла безъ страха выходить изъ дому ни въ поле, ни въ луга для работъ. Марукъ выжигалъ у нея сѣно на лугахъ, побивалъ скотину, дѣлалъ множество другихъ непріятностей и кромѣ того похвалялся при первомъ удобномъ случаѣ убить самого о. Іоанна; возбуждаемый своею матерью, онъ нѣсколько разъ покушался даже привести это намѣреніе въ исполненіе, однажды цѣлился въ о. Іоанна изъ ружья черезъ окно въ домѣ одного прихожанина, у котораго священникъ совершалъ какую-то требу, въ другой разъ подстерегалъ его съ ружьемъ на озерѣ, гдѣ тотъ ловилъ себѣ рыбу, въ третій вмѣстѣ съ товарищами наѣхалъ прямо на его домъ, но всякій разъ въ чемъ-нибудь да находилъ себѣ неожиданную помѣху, несмотря на то, что имѣлъ отъ своей семьи всѣ нужныя свѣдѣнія о каждомъ шагѣ о. Іоанна. Уже въ 1798 г. послѣдній получилъ наконецъ свободу отъ всѣхъ страховъ, какихъ натерпѣлся доселѣ. Въ руки правосудія попался одинъ изъ сподвижниковъ Марука и оговорилъ всю его семью въ пристанодержительствѣ разбойниковъ и въ соучастіи съ ними. Священникъ Григорій былъ наказанъ кнутомъ на погостѣ своей бывшей церкви и сосланъ въ Сибирь, дьяконъ Гавріилъ, виновный менѣе другихъ братьевъ, посланъ въ монастырь, жена его, трое братьевъ и сестра наказаны плетьми и сосланы въ Сибирь; самъ Марукъ успѣлъ избѣжать поимки и скрылся, неизвѣстно куда (1).

---

(1) Эти записки изд. въ Странникѣ 1864 г. апрѣль.

Въ текущемъ столѣтіи правительство нѣсколько разъ возвращалось къ вопросу о церковныхъ домахъ для приходскаго духовенства, ожидая отъ рѣшенія этого вопроса устраненія многихъ неудобствъ при замѣщеніи церковныхъ мѣстъ. Въ 1808 г. вопросъ этотъ поднимался въ комитетѣ объ усовершенствованіи дух. училищъ и улучшеніи быта духовенства, при чемъ положено было устроить церковные дома во всѣхъ приходахъ на точномъ основаніи указовъ 1718, 1722 и 1768 годовъ, проэктированъ былъ даже особый церковно-строительный капиталъ (1). Предположенія комитета не пришли въ исполненіе и, сколько извѣстно, до 1830-хъ годовъ изъ проектированнаго имъ капитала не выстроено было ни одного церковнаго дома. За тѣмъ о церковныхъ домахъ было разсужденіе въ 1829 г. по поводу новаго возбужденія вопроса объ улучшеніи быта духовенства. Въ именномъ указѣ 6 декабря этого года положено было „побуждать прихожанъ, особенно сельскихъ, чтобы отъ нихъ заводимы и поддерживаемы были по возможности домы для жительства священно-церковно-служителей, и для большей удобности производить сіе постепенно и по мѣрѣ возможности каждаго прихода; на первый же разъ приводить въ сіе положеніе домы священниковъ“ (2). Тоже повторено потомъ въ Сводѣ законовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что, согласно съ Положеніемъ объ улучшеніи быта западно-русскаго духовенства 1842 г., постройка домовъ для причтовъ сдѣлана въ западно-русскихъ епархіяхъ обязательною для прихожанъ (3). Вопросъ о церковныхъ домахъ не рѣшенъ еще и до-

---

(1) Высоч. утвержд. докладъ комит. П. С. З. XXX, № 23122. отд. IV.

(2) 2-е Собр. зак. № 3323, II, п. 12—13.

(3) Св. зак. IX т. прилож. къ ст. 323, гл. II. 2-е Собр. зак. XVII, № 15872.

селѣ, несмотря на всѣ разсужденія объ немъ и въ административной и въ общественной сферѣ (5).

Постоянно продолжалось также зачисленіе церковныхъ мѣстъ за сиротами, какъ самое главное средство къ обезпеченію бѣдныхъ духовнаго званія. Правительство не трогало заведеннаго порядка до позднѣйшаго времени, хотя и давно уже видѣло его неудобства во многихъ отношеніяхъ. Въ 1823 г., при учрежденіи попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія, подвергнуты были разсмотрѣнію всѣ существовавшія доселѣ средства ихъ призрѣнія; къ нимъ относились: 1) опредѣленіе на мѣста престарѣлыхъ, больныхъ и умершихъ священно-служителей, преимущественно предъ другими, родственниковъ ихъ, пріемлющихъ на себя обязанность доставлять пропитаніе имъ и ихъ семействамъ, или постороннихъ, соглашающихся на доставленіе имъ нѣкоторыхъ пособій; 2) предоставленіе сиротамъ мужескаго пола, обучающимся въ духовныхъ училищахъ, части доходовъ отъ діаконскихъ и причетническихъ мѣстъ, оставляемыхъ для того на нѣкоторое время праздными, и 3) опредѣленіе вдовъ и сиротъ женскаго пола въ просвирни. Не говоря ничего о послѣдней формѣ призрѣнія, докладъ св. Синода, разсматривавшаго дѣло о призрѣніи, неодобрительно отзывается о первой и второй формѣ,—о первой потому, что она стѣсняла свободу духовнаго начальства въ выборѣ достойныхъ кандидатовъ на мѣста и давала наслѣдникамъ поводъ пренебрегать надлежащимъ приготовленіемъ къ ихъ будущему служенію, а о второй—потому, что она заставляла долгое время держать церковныя мѣста незамѣщенными, а это во многихъ случаяхъ не могло обойтись безъ существен-

(5) Важнѣйшіе указы послѣдняго времени: 21 іюня 1863 г. объ обязательной постройкѣ домовъ для причтовъ при открытіи новыхъ приходовъ, и 11 февр. 1870 г. объ облегчительныхъ мѣрахъ къ пріобрѣтенію въ церковную собственность домовъ для помѣщенія причтовъ и др. недвижимыхъ имуществъ.

наго вреда. Учредивъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, правительство указало нѣкоторыя новыя средства призрѣнія духовныхъ вдовъ и сиротъ; но эти новыя средства были не настолько надежны и достаточны, чтобы можно было совершенно замѣнить ими старыя средства; поэтому, высказавъ свое осужденіе этихъ послѣднихъ, правительство все-таки должно было оставить ихъ совершенно по старому (1). Тѣже самыя средства призрѣнія, въ качествѣ впрочемъ „употребляемыхъ по необходимости и обычаю“, указаны за тѣмъ и въ Сводѣ законовъ (2).

Намъ нѣтъ нужды говорить много о томъ, какъ, пользуясь подобными опредѣленіями самого законодательства, развивалась въ текущемъ столѣтіи самая практика наслѣдственности духовныхъ должностей. Факты у всѣхъ въ свяжей памяти и кромѣ того съ величайшей подробностію разсмотрѣны въ современной намъ свѣтской и духовной литературѣ по поводу возбужденія вопроса объ улучшеніи быта духовенства (3). Еще доселѣ найдется довольно приходовъ, въ которыхъ одни и тѣже духовные роды служатъ наслѣдственно не одно даже столѣтіе (4). Едва ли потомъ не

---

(1) П. С. З. XXXVIII, № 29583.

(2) Свод. зак. т. XIII. Уст. общ. призр. ст. 1617.

(3) Въ образчикъ можно указать стат. Никитинскаго въ Днѣ 1864 г. №№ 19 и 20, другую С. Ш. въ № 26 тойже газеты.

(4) Наприм. въ каширскомъ уѣздѣ с. Заглухинѣ преемственность священническаго служенія отъ отца къ сыну продолжается отъ 1650-хъ годовъ, въ чемъ, заключаетъ авторъ описанія приходской церкви, «явно виденъ перстъ Божій, благословившій наслѣдственное священство». (Тульск. еп. вѣдом. 1870 г. № 23). Недавно изданныя воспоминанія о Сусанинѣ свящ. с. Домнина о. Алексѣя заключаютъ въ себѣ любопытную генеалогію автора, которая представляетъ непрерывную преемственность одного и того же священническаго рода, восходящую далѣе царя Михаила Ѳеодоровича Романова (Р. Архивъ 1871 г. кн. 2: Правда о Сусанинѣ).

каждому изъ современныхъ намъ людей духовнаго званія приходилось писать или по крайней мѣрѣ читать эти слезныя прошенія преосвященнымъ о зачисленіи мѣстъ за сиротами, въ которыхъ постоянно указывалось на то, что просимое мѣсто родовое, находилось столько-то десятковъ лѣтъ во владѣніи отца, дѣда, прадѣда, дяди, тестя и т. п. Тѣ изъ архипастырей, которые наиболѣе отличались практикой зачисленія и предоставленія мѣстъ, пользовались громкой репутаціей милостивыхъ, отцовъ и утѣшителей вдовъ и сиротъ и сами считали свои дѣйствія вполнѣ богоугодными и законными предъ судомъ нравственнымъ. Въ жизнеописаніи преосв. Кирилла камепецъ-подольскаго, особенно прославившагося милосердіемъ къ сиротамъ, находимъ наприм. извѣстіе такого рода: „для сиротъ онъ нерѣдко измѣнялъ принятому имъ правилу—не рукополагать на священническія мѣста изъ неокончившихъ курсъ семинаріи. Усильныя просьбы и слезы осиротѣвшаго семейства дѣлали то, что преосвященный дозволялъ желающему занять сиротскій приходъ оставлять курсъ богословскаго ученія и посвящалъ его въ священника". Въ одно время св. Синодъ напелъ нужнымъ послать къ нему особый указъ, чтобы, сообразно съ высочайше утвержденными правилами, онъ предоставлялъ сиротамъ только причетническія и дьяконскія мѣста, а священническія не болѣе, какъ на годъ, потому что долѣе этого они не могутъ оставаться праздными (1). Не приводя другихъ примѣровъ, укажемъ еще на недавно почившаго представителя нашихъ іерарховъ, знаменитаго московскаго архипастыря Филарета, который, по отзыву почтеннаго секретаря московской консисторіи г. Розанова, употреблялъ означенныя средства вспомоществованія бѣдному духовенству въ обширныхъ размѣрахъ. „При немъ и бывшіе въ силахъ, но недостаточные священнослужители находили средства устроять своихъ доче-

(1) Подольск. епарх. вѣдом. 1864 г. № 1 и 22.

рей въ замужество посредствомъ сдачи своего мѣста, а сами переходили на другія мѣста или выходили въ заштатъ; за сиротами не только мужескаго пола, но и женскаго до возраста ихъ предоставляемы были священно-и-церковно-служительскія мѣста, а къ взрослымъ дочерямъ умершихъ членовъ причта обычно было опредѣлять только тѣхъ, которые соглашались вступить съ ними въ супружество“ (1).

Безъ преувеличенія можно сказать, что изъ всѣхъ лицъ бѣлаго духовенства, поступившихъ на должности за послѣдніе 20—25 лѣтъ, едвали найдется $^1/_{20}$ такихъ, которые бы поступили на совершенно свободныя мѣста, т. е. безъ всякихъ обязательствъ семейству предшественника, или безъ взятія за мужъ дѣвицы, за которой было предоставлено мѣсто. Такъ какъ для нашего бѣднаго духовенства тяжело устроеніе участи не столько его сыновей, сколько дочерей, то церковныя должности постоянно зачислялись и предоставлялись именно за дѣвицами духовнаго званія; для выхода за мужъ духовной дѣвицы нужно было не столько приданое, сколько зачисленное за нею мѣсто; „невѣста безъ мѣста“ на языкѣ духовенства означаетъ что-то очень плохое, даже презрительное. Въ послѣднее время, по милости этой системы пристроенія духовныхъ дѣвицъ, во многихъ епархіяхъ совершенно невозможно было найти церковное мѣсто „безъ взятія“ какой-нибудь дѣвицы не только воспитаннику семинаріи, но и почтенному профессору; если послѣдній имѣлъ несчастіе жениться по своему избранію, особенно на дѣвицѣ свѣтскаго званія, онъ долженъ былъ навсегда отказаться отъ надежды посвятить себя когда-нибудь священному служенію, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, и даже долженъ былъ оставлять иногда самое духовное званіе. Не было ни одного закона, ни гражданскаго, ни церковнаго, о томъ, что-

---

(1) См. въ указ. стат. «О церк. домахъ въ Москвѣ».

бы духовныя лица не вступали въ супружество съ свѣтскими дѣвицами, а между тѣмъ во многихъ епархіяхъ давно утвердилось подобное требованіе и поддерживалось очень настойчиво самими епархіальными властями, даже оффиціально прописывалось въ консисторскихъ билетахъ ставленикамъ на женитьбу. Въ подмосковныхъ епархіяхъ требовалось даже, чтобы духовныя лица брали себѣ невѣстъ непремѣнно въ предѣлахъ своей епархіи;—этого мало,—требовалось, чтобы ищущіе священства женились на дочеряхъ священническихъ, будущіе дьяконы—на дьяконскихъ и т. д.; каста, не допускавшая браковъ съ посторонними, дробилась такимъ образомъ на другія мельчайшія касты по степенямъ іерархіи. Въ послѣднее время, когда по поводу предпринимавшихся реформъ въ духовенствѣ причты приглашены были излагать свои мнѣнія о способахъ улучшенія ихъ быта, нѣкоторые изъ нихъ (напр. въ тверской епархіи) въ числѣ этихъ способовъ прямо поставили уничтоженіе приведенныхъ стѣсненій касательно браковъ духовенства. Со времени распространенія училищъ для дѣвицъ духовнаго званія явились еще ученыя, привиллегированныя наслѣдницы и претендентки на церковныя, мѣста, значеніе которыхъ можно отчасти сравнить съ прежнимъ значеніемъ ученыхъ наслѣдниковъ; за ними еще охотнѣе предоставлялись мѣста, чѣмъ за неученными невѣстами.

Въ литературѣ не разъ была заявляема рѣзкая мысль, что церковныя должности давались въ приданое за духовными невѣстами. На самомъ дѣлѣ трудно было разобрать, что̀ тутъ имѣло значеніе приданаго, мѣсто, или самая невѣста. Въ одномъ изъ мнѣній, присланныхъ архіереями по поводу замышлявшихся преобразованій въ духовенствѣ, читаемъ: „многократно случалось, что на предложеніе взять въ замужество какую-нибудь сиротку, иной изъ посвящаемыхъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ взять, какую угодно, только бы дано было мѣсто получше, и нисколько не помышляетъ ни о предлежащихъ обязанностяхъ, ни о каче-

ствахъ своей будущей жены. Такіе отзывы не подтверждаютъ восхваляемой привязанности къ свящ. званію... Кто и говорилъ о своей привязанности къ родному званію, и тотъ, поступая на мѣсто, какъ будто совсѣмъ забываетъ о ней и своею судьбою тяготится, съ окружающими и домашними начинаетъ ссориться“ и проч. (1) Въ результатѣ такого способа замѣщенія церковныхъ мѣстъ и пристроенія сиротъ нерѣдко выходило, что не удовлетворялись ни церковные интересы, такъ какъ заботились не столько объ нихъ, сколько о пристроеніи такой-то или такого-то сироты, ни интересы семейные вслѣдствіе отсутствія согласія и любви между супругами и тяжелыхъ обязательствъ молодаго священно-служителя семейству своей жены. Въ отчетѣ синодальнаго оберъ-прокурора за 1867 г. замѣчено, что „на священно-служительскія мѣста поступали весьма часто лица только на основаніи родства или обязательства содержать смѣщенныхъ или осиротѣвшихъ, а не по достоинству“, что изъ за обязательствъ семейныхъ „возникали нестроенія въ семейной жизни духовенства, во множествѣ случаевъ переходившія въ тяжебныя дѣла. Подобныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ просьбами о предоставленіи мѣстъ за сиротами или родственниками, въ послѣдніе три года восходило въ св. Синодъ около 300; еще болѣе расматривалось и рѣшалось въ епархіальномъ управленіи“.

Какъ ни вооружался св. Синодъ противъ купли и продажи церковныхъ мѣстъ въ извѣстномъ указѣ 1768 г., но эта купля и продажа уцѣлѣла даже и въ XIX вѣкѣ. Въ болѣе благовидной формѣ семейныхъ обязательствъ она сохранилась цѣликомъ и была оффиціально признаваема самою духовною администраціей, которая утверждала эти обязательства своею властію и сама разбирала всѣ возникавшія отъ ихъ нарушенія тяжбы. Въ неоффиціальной сферѣ она сохранялась и въ чис-

(1) Русск. вѣстн. 1869 г. кн. IX: «По поводу послѣдн. зак. о духовенствѣ». стр. 369.

томъ своемъ видѣ. У сердобольныхъ отцовъ въ духовенствѣ, желавшихъ пристроить своего сына или дочь къ мѣсту, и между тѣмъ не желавшихъ сдавать собственнаго мѣста, всегда были на примѣтѣ разные престарѣлые и бездѣтные священно-служители, которымъ уже пора было выходить въ заштатъ и хотѣлось при этомъ не даромъ разстаться съ своимъ мѣстомъ. Много отцовъ ухаживало за такими старцами, уговаривая ихъ уступить мѣсто и предлагая за него вознагражденіе. Начинались торги, переторжки; соперники надбавляли цѣну, съѣзжались, разъѣзжались по нѣскольку разъ, и дѣло оканчивалось въ пользу болѣе ловкаго и богатаго покупщика. Заключался письменный договоръ, который, въ случаѣ снисходительности архіерея къ подобнымъ сдѣлкамъ, вносился иногда въ самое прошеніе о предоставленіи мѣста такому-то или такой-то подъ условіемъ успокоенія старости прежняго его владѣльца. Въ случаѣ же неблагорасположенія начальства къ такимъ сдѣлкамъ, онѣ прикрывались родствомъ просящаго мѣста съ сдающимъ, и въ прошеніи писалось, чтобы дозволено было сдать мѣсто подъ такими-то условіями такой-то роднѣ, хотя бы никакого родства тутъ и не было, или и было какое-нибудь, но самое отдаленное (1). Повѣрить вѣрность подобныхъ ссылокъ на родство не было почти никакой возможности, потому что, при многосемейности и постоянныхъ бракахъ духовенства исключительно внутри своего сословія и своей епархіи, каждое духовное лице обыкновенно имѣетъ у себя такую обширную родню, что и само не въ состояніи пересчитать всѣхъ ея членовъ.

Въ такомъ положеніи засталъ духовенство указъ 22 мая 1867 г. Приведя извѣстное положеніе 1823 г. о мѣрахъ призрѣнія вдовъ и сиротъ духовенства,

---

(1) См. стат. г. Никитинскаго въ Днѣ 1864 г. №№ 19 и 20.

указъ продолжаетъ: „мѣры эти были допущены по необходимости и обычаю; впрочемъ и тогда онѣ признавались неудобными, почему и употребленіе ихъ разрѣшено только въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ сего не произойдетъ разстройства въ епархіальномъ управленіи. Несмотря впрочемъ на такое ограниченіе, на практикѣ оказывалось, въ теченіе 43-хъ лѣтъ, много весьма важныхъ неудобствъ и существенныхъ затрудненій отъ употребленія означенныхъ мѣръ. Самое главное неудобство, служившее въ ущербъ и достоинству Церкви, состояло въ томъ, что на священно-служительскія мѣста назначались лица во многихъ случаяхъ потому только, что они съ полученіемъ мѣста обязывались содержать осиротѣвшее семейство; съ обязательствомъ же этимъ невсегда соединялось призваніе къ священству и тѣ качества, которыя необходимы къ достойному прохожденію сего служенія. Самыя церкви и приходы нерѣдко приходили въ разстройство и упадокъ, когда вакантныя мѣста, бывъ зачислены за малолѣтними сиротами, оставались нѣкоторое время праздными. Что же касается до назначенія части изъ церковныхъ доходовъ и земли въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія, то выдѣлъ этотъ при скудныхъ средствахъ причтовъ, составляя для нихъ значительное обремененіе, не обезпечивалъ и пользовавшихся имъ. Къ взаимнымъ неудовольствіямъ и ропоту обѣихъ сторонъ присоединялось нерѣдко невольное несоблюденіе обязательствъ членами причтовъ, принимавшихъ на себя призрѣніе вдовъ и сиротъ, а вмѣстѣ съ этимъ возникало такое множество дѣлъ, которое составляло положительное бремя для духовныхъ учрежденій, долженствующихъ разсматривать эти дѣла. Св. Синодъ постоянно имѣлъ въ виду эти затрудненія и неудобства, но по необходимости снисходилъ, такъ какъ обстоятельства, при которыхъ издано было положеніе 1823 года, не измѣнялись. Въ послѣднее же время открылись другіе способы къ возможному обезпеченію православнаго духовенства, таковы—назначеніе духовен-

ству пенсій и пособій изъ опредѣленнаго на этотъ предметъ особаго кредита и установленіе для тогоже ежегодныхъ съ церковныхъ причтовъ взносовъ". На этомъ основаніи св. Синодъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ помянутыхъ мѣръ 1823 г. Государственный совѣтъ по его ходатайству написалъ свое мнѣніе, по утвержденіи Государемъ Императоромъ получившее силу закона. Положено было: 1) при опредѣленіи на вакантныя мѣста послѣ умершихъ или уволенныхъ въ заштатъ духовныхъ лицъ между кандидатами не считать родства съ умершими или уволенными обстоятельствомъ, дающимъ преимущественное предъ другими кандидатами право на занятіе вакансій; 2) зачисленія церковныхъ мѣстъ за дочерьми или родственниками занимавшихъ сіи мѣста лицъ, съ правомъ опредѣленія на эти вакансіи тѣхъ кандидатовъ, которые вступятъ въ бракъ съ такими дѣвицами, на дальнѣйшее время болѣе не допускать; 3) обязательства со стороны поступающихъ на мѣста касательно выдачи своимъ предмѣстникамъ или ихъ семействамъ части доходовъ или пособія въ содержаніи не признавать дѣйствительными и никакой переписки по духовному вѣдомству о принятіи понудительныхъ мѣръ къ исполненію такихъ обязательствъ не производить, держась сего правила и относительно выдѣла причтами изъ церковныхъ доходовъ и земли въ пользу состоящихъ при церквахъ вдовъ и сиротъ, къ коимъ причты обязывались доселѣ по распоряженію епархіальныхъ начальствъ; 4) не допускать открытія новыхъ въ составѣ причтовъ вакансій не по нуждамъ приходовъ, а для опредѣленія на оныя извѣстныхъ лицъ или для призрѣнія осиротѣвшихъ духовныхъ семействъ; 5) за тѣмъ изъ указанныхъ общихъ средствъ призрѣнія духовенства оставить въ силѣ принятіе сиротъ на казенное содержаніе въ училищахъ и опредѣленіе вдовъ и сиротъ женскаго пола въ просвирни при церквахъ.

Приведенный указъ произвелъ сильное впечатлѣніе на духовныя семейства и привелъ духовныхъ си-

ротъ въ тѣмъ большее отчаяніе, что имъ хорошо было извѣстно, какъ неудовлетворительны тѣ другіе способы призрѣнія, о которыхъ въ немъ говорилось. Но онъ былъ уже давно необходимъ, хотя бы даже для того, чтобы наконецъ духовенство само подумало о другихъ средствахъ къ обезпеченію своихъ семействъ и постаралось освободиться отъ неприличныхъ и вредныхъ для Церкви проявленій прежняго хозяйственнаго отношенія къ церковному служенію. Отъ того, когда сироты, не удовлетворяемые больше епархіальными начальниками, не перестали домогаться возстановленія прежнихъ порядковъ и стали обременять своими жалобными просьбами о родовыхъ мѣстахъ св. Синодъ, въ январѣ слѣдующаго 1868 г. вышелъ новый указъ съ настойчивымъ подтвержденіемъ прежняго, чтобы епархіальные архіереи поставили въ непремѣнную обязанность благочиннымъ внушать лицамъ духовнаго званія, дабы они не утруждали св. Синодъ прошеніями съ ходатайствомъ, явно противнымъ Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, и тѣмъ самымъ не обременяли св. Синодъ излишнею перепискою, и что если будутъ поступать въ св. Синодъ просьбы отъ духовныхъ лицъ о предоставленіи ихъ дѣтямъ или родственникамъ священно-служительскихъ мѣстъ, то оныя будутъ оставлены безъ разсмотрѣнія и отвѣта.— Наконецъ указомъ 11 іюля 1869 г., отчисливщимъ отъ духовнаго званія всѣхъ дѣтей духовенства, кастовое устройство духовенства окончательно было расторгнуто, если еще не de facto, по крайней мѣрѣ de jure; вмѣстѣ съ тѣмъ церковная администрація окончательно освободилась отъ неблагодарнаго и неприличнаго ей труда пещись о громадной массѣ людей тысячъ въ 500 или 600 обоего пола, устроять ихъ браки и наслѣдства, пріискивать женихамъ невѣстъ, невѣстамъ женіховъ, пристроивать ихъ къ мѣстамъ, обращая священное служеніе въ средство ихъ прокормленія, разбирать ихъ семейныя распри и счеты и т. д.

II.

ПРИХОДСКІЕ ШТАТЫ И ВЫХОДЪ ИЗЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ.

Съ развитіемъ замкнутости духовенства относительно доступа въ него для постороннихъ лицъ, съ развитіемъ наслѣдственности духовнаго служенія совершенно параллельно шло развитіе замкнутости духовнаго званія и относительно выхода изъ него. Не говоря пока ничего о какихъ-нибудь внѣшнихъ условіяхъ, стѣснявшихъ этотъ выходъ, въ родѣ наприм. административныхъ опредѣленій духовной, или государственной власти, мы можемъ найти совершенно достаточныя условія къ усиленію этой замкнутости въ самомъ характерѣ того кастоваго типа, который неизбѣжно долженъ былъ развиваться въ средѣ духовенства по мѣрѣ освобожденія его отъ вторженія всякихъ постороннихъ элементовъ изъ другихъ слоевъ общества и вслѣдствіе долговременнаго, вѣковаго развитія духовныхъ поколѣній все въ одномъ и томъ же направленіи, вѣковой передачи между ними однихъ и тѣхъ же воззрѣній, привычекъ, наслѣдственныхъ занятій и настроенія духа. Ребенокъ духовнаго званія на то и раждался, чтобы ему быть впослѣдствіи священно-или-церковно-служителемъ, и съ самаго дѣтства воспитывался извѣстнымъ образомъ, для опредѣленныхъ цѣлей, сначала среди своей семьи, а потомъ въ школѣ, устроенной по томуже кастовому типу, съ ея своеобразной наукой, дисциплиной и своеобразными школьными нравами. Переступивъ за порогъ школы на широкое поприще жизни, духовный юноша не имѣлъ уже ни мужества, ни желанія, ни даже способности пуститься по другой, а не по той дорогѣ, по которой шли его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ; какъ ни скорбенъ былъ предлежащій ему путь, но этотъ путь былъ уже знакомъ ему, былъ единственный путь по его ногамъ, на который толкала его неудержимая сила всей прежней подготовки и воспитанія. За тѣмъ этотъ

сословный типъ довершался въ немъ женитьбой непремѣнно на духовной дѣвицѣ, потому что съ дѣвицей другаго сословія онъ даже и не могъ вступить въ семейный союзъ, всей обстановкой его собственной семьи, кругомъ изключительно духовныхъ же знакомствъ, наконецъ кругомъ всѣхъ его служебныхъ отношеній къ начальству, сослуживцамъ и прихожанамъ. За изключеніемъ только очень немногихъ личностей шли такимъ образомъ по одной и тойже дорогѣ и отливались въ одну и туже форму цѣлые десятки духовныхъ поколѣній одно за другимъ, все дальше и дальше расходясь съ обществомъ и формируясь въ особую породу людей. „Русское духовенство, читаемъ въ одной оффиціальной запискѣ кіевскаго генералъ-губернатора Безака 1866 г., не только измѣнено въ ветхозавѣтное левитство, но даже болѣе того,—оно приведено въ такое положеніе въ отношеніи къ прочимъ сословіямъ, въ какое поставленъ былъ народъ израильскій въ отношеніи къ язычникамъ и самарянамъ... Вслѣдствіе сословной отчужденности духовенства общество наконецъ стало относиться даже враждебно къ лицамъ духовнаго званія, переходившимъ на службу гражданскую или учебно-гражданскую, подобно тому какъ оно несимпатично смотритъ на допущеніе евреевъ въ государственную службу. Отсюда возникло странное явленіе въ христіанскомъ обществѣ, именно, что дѣти пастырей христіанской Церкви, переходя въ другіе роды общественной службы, вынуждены скрывать отъ общества свое происхожденіе, стыдиться званія своихъ отцовъ, какъ будто дѣти какихъ-либо преступниковъ: явленіе небывалое прежде у насъ и невозможное въ протестантскомъ обществѣ“ (1). Можно прибавить къ этому, что самому эмансипированному человѣку духовнаго происхожденія, въ какое бы званіе онъ ни перешелъ, весьма трудно и

(1) Русск. вѣстн. 1869 г. кн. IX, 362.

скрыть четкую и прочную печать своей породы, такъ видную для всякаго болѣе или менѣе опытнаго посторонняго глаза, и что явленіе, о которомъ говоритъ Безакъ, не небывалое прежде и далеко не новое; еще писатели XVIII вѣка, какъ мы уже замѣчали, выказывая похвалу человѣку духовнаго происхожденія, выразительно прибавляли при этомъ: „не взирая на его породу“.

Понятно, почему только за очень небольшими изключеніями вся эта масса священно-и-церковнослужительскихъ дѣтей, многочисленность которой приводила въ смущеніе и государство и іерархію, всегда устремлялась на одну церковную службу, производя въ ней чрезмѣрное скопленіе лишнихъ людей. Множество кандидатовъ даже вовсе не находили себѣ мѣстъ въ духовномъ званіи и по нѣскольку лѣтъ проводили въ совершенной праздности, не желая, да не имѣя и способности избрать для себя другой родъ жизни, кромѣ духовнаго. Это явленіе весьма давнее и обращало на себя вниманіе правительства еще въ древней Россіи. Безвыходное положеніе духовныхъ юношей, не имѣвшихъ возможности получить себѣ мѣсто на церковной службѣ, между прочимъ хорошо выражено въ одной челобитной св. Синоду студентовъ петербургской семинаріи 1747 г. по случаю строгаго запрещенія посвящать ставленниковъ въ попы ранѣе 30, въ дьяконы ранѣе 25 лѣтъ. „Гдѣ намъ, нижайшимъ, писали они, правильныхъ лѣтъ дожидаться? У родителей, или сродниковъ? Но тѣхъ большее насъ число не имѣетъ. Рукодѣліемъ кормиться? Но того не обучались. Куплями ли промышляти? Но и на двѣ лепты почти у всѣхъ насъ не наберется. А хотя у одного и другаго изъ насъ и родитель сыщется, но и самъ онъ на силу пропитаніе имѣетъ: какъ же кормить толь возрастнаго сына, отъ котораго и самъ себѣ въ такія лѣта надѣялся помощи, станетъ? При семинаріи уже ни сякъ ни такъ оставаться и 30 лѣтъ дожидаться вовсе не можно. Ибо и такъ уже бѣдственное школьническое

житіе паче мѣры паскучило, внѣ котораго, можетъ быть, давно уже иной честное себѣ заслужилъ прокормленіе. Итакъ мы, нижайшіе, вмѣсто чаяннаго за труды 12-лѣтные награжденія, Богъ вѣсть, съ какою надеждою остаемся. Въ монахи постриженія нѣтъ; въ священники безъ всякаго изъятія по 30 лѣтъ требуется; въ діаконы желаемаго прихожаны голосу не достаетъ; въ дьячки или пономари стыдно и весьма обидно, и кромѣ посмѣянія отъ всѣхъ,—а паипаче отъ тѣхъ, которые за тупостію къ ученію или другимъ коимъ недостаткомъ отставлены отъ семинаріи или и ногою въ оной не бывали, и давно по мѣстамъ таковымъ опредѣлены, благополучно себѣ живутъ въ совершенномъ житія станѣ, — больше нѣтъ чего надѣяться. Какъ впредь быть и что дѣлать,—сами не вѣдаемъ“ (1).

Студентамъ стыдно было идти во дьячки, но было множество духовныхъ юношей, для которыхъ дьячковство было идеаломъ и которымъ стыдно было идти не въ дьячки. Нужно взять во вниманіе то, что духовенство имѣетъ и всегда имѣло своего рода сословный гоноръ, основанный на непоколебимомъ убѣжденіи въ превосходствѣ духовнаго служенія предъ всякимъ другимъ, особенно матеріальнымъ, рабочимъ занятіемъ; нищій причетникъ, гордясь званіемъ служителя церкви, всегда считалъ себя существомъ высшимъ сравнительно съ мужикомъ и даже городскимъ мастеровымъ, хотя и кланялся этому же самому мужику за подачку насущнаго хлѣба. Вотъ наприм. выразительный въ этомъ отношеніи разсказъ святителя Тихона задонскаго изъ его нищаго и голоднаго дѣтства, переданный въ запискахъ его келейника Чеботарева. „Мать наша въ великомъ прискорбіи была о воспитаніи нашемъ. Но нашего жъ прихода ямщикъ богатый, а бездѣтный былъ, — онъ хаживалъ къ намъ въ домъ, и я полюбился ему. Онъ неоднократно просилъ меня у

(1) Истор. спб. акад. 50—51.

матушки и такъ говорилъ: отдайте мнѣ Тиму своего (мірское имя святителя было Тимооей), я его вмѣсто сына воспитаю и все имущество мое его будетъ. Мать моя хотя и отказывала ему, жаль ей отдать меня; но крайній недостатокъ въ пищѣ понудилъ матушку отдать меня и она, взявши за руку, повела меня, я де это хорошо помню. Большаго же брата (исправлявшаго дьяческую должность) въ то время не было дома; но какъ пришелъ онъ, то спросилъ у сестры, гдѣ матушка. Она сказала ему: повела Тиму къ ямщику. Но братъ, догнавъ на дорогѣ матушку и ставъ на колѣни передъ нею, сказалъ: куда вы ведете брата? Вѣдь ямщику отдадите, то ямщикъ онъ и будетъ, а я не хочу, чтобъ братъ ямщикомъ былъ: я лучше съ сумою по міру пойду, а брата не отдамъ ямщику; постараемся обучить его грамотѣ, тогда онъ можетъ къ какой церкви въ дьячки или пономари опредѣлиться. И потому матушка воротилась домой. А какъ въ домѣ ѣсть нечего, то я у богатаго мужика весь день (бывало) борону, пашу пашню, чтобы только хлѣбомъ накормилъ меня“ (1).

При такой замкнутости духовенства въ немъ естественно долженъ былъ накопляться излишекъ людей и неизбѣжное слѣдствіе этого излишка—все большее и большее распространеніе нищеты, потому что сумма сословныхъ средствъ къ жизни у него оставалась почти одна и таже. Такое скопленіе лишнихъ людей обнаружилось въ духовенствѣ еще задолго до реформы. Противъ него вооружался еще м. Ѳеодосій въ XV в., потомъ Стоглавый соборъ, а въ XVII в. и само правительство. При Алексѣѣ Михайловичѣ правительству доносили, что при церквахъ въ приходахъ столько живетъ праздныхъ поповичей,—разной родни причтовъ, что ихъ некуда дѣвать, а между тѣмъ праздная жизнь производила на нихъ обычное дѣйствіе, „жили они въ

(1) Матеріалы для жизнеоп. свят. Тихона. Прав. обозр. 1861 г. іюль. стр. 303—304.

гулякахъ, ходили за неподобными промыслами и воровствомъ". Государь указалъ (въ 1660 г.) брать ихъ на военную службу, отъ двоихъ третьяго, отъ четырехъ двоихъ, смотря по людямъ, а у церквей съ отцами оставлять такихъ, которые умѣютъ грамотѣ, чтобы у церквей безъ пѣнія не было. Это распоряженіе было скоро отмѣнено и замѣнено новымъ болѣе снисходительнымъ: брать въ службу только тѣхъ безмѣстныхъ дѣтей духовенства, которые сами того похотятъ [1]. Но оно все-таки было очень зловѣщимъ предзнаменованіемъ для всего этого люда. Въ XVII и началѣ XVIII в. встрѣчаемъ изумительно малые приходы, такъ что даже трудно вообразить, чѣмъ въ нихъ могло содержаться духовенство, напр. въ одномъ приходѣ видимъ 15 дворовъ и двоихъ священниковъ [2], въ другомъ всѣхъ прихожанъ 15 человѣкъ [3], въ третьемъ даже всего 6 человѣкъ [4]; въ приходахъ, гдѣ было до 400 дворовъ, легко помѣщали до семи священниковъ, а въ другихъ еще помноголюднѣе даже до 14. Причетниковъ и всякой родни членовъ клира, большею частію занимавшейся причетническимъ же ремесломъ, въ иныхъ приходахъ насчитывалось до 50 человѣкъ на 5 священниковъ и всего дворовъ на 200 прихожанъ [5].

Съ самаго же начала XVIII в., когда открылась шведская война и потребовала усиленныхъ наборовъ въ военную службу, правительство обратило серьезное вниманіе на многочисленный классъ архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ, духовныхъ дѣтей и церковниковъ, жившихъ въ прицерковныхъ слободахъ, и начало верстать ихъ въ военную службу. Самый боль-

(1) П. С. З. I, № 288. 289. 291.
(2) Грам. рязанск. края. № 59.
(3) А. относ. до юрид. быта. I. стр. 120.
(4) А. Истор. III, № 149.
(5) Обозр. способ. содерж. духов. Любимова. стр. 166—167, примѣч.

шой наборъ произведенъ былъ въ 1705 году (1). Потомъ эти наборы повторялись чуть не каждый годъ. Съ 1708 г., когда правительство обратило вниманіе на образованіе духовенства, стали забирать въ солдаты поповичей, которые не хотѣли учиться въ духовныхъ школахъ (2). Напуганные грозными наборами, лишніе церковники и безмѣстные дѣти духовенства бросились на перебой занимать священно-служительскія мѣста, употребляя для этого разныя незаконныя средства и производя еще большую тѣсноту въ священномъ чинѣ, чѣмъ прежде; „которымъ умноженіемъ, сказано по этому поводу въ указѣ 1711 г., веліе бываетъ несогласіе, вражда и соблазнъ между священнымъ чиномъ, а государевѣ службѣ въ настоящихъ нуждахъ умаленіе". Послѣ этого правительство въ первый разъ приступило къ сокращенію приходскихъ причтовъ и намѣтило начала послѣдующихъ штатовъ бѣлаго духовенства. Въ томъ же указѣ 1711 г. опредѣлены извѣстныя намъ правила касательно строжайшаго испытанія ставленниковъ и назначены мѣры къ предотвращенію излишняго числа духовенства на будущее время; не велѣно наприм. на слово вѣрить дьячкамъ, просившимся на мѣста якобы старыхъ и больныхъ поповъ, но непремѣнно въ такихъ случаяхъ свидѣтельствовать послѣднихъ, дѣйствительно ли они не могутъ служить, и брать съ нихъ сказки съ подкрѣпленіемъ, что они въ самомъ дѣлѣ служить и требъ править не будутъ; не велѣно также посвящать новыхъ священно-служителей безъ соображенія съ матеріальными средствами приходовъ; положено ставить по одному священнику и дьякону на приходъ, а если приходъ небогатъ, то и одного попа безъ дьякона, хотя бы прежде у церкви было два попа съ дьякономъ. За неисполненіе этихъ правилъ епископу угро-

---

(1) Монаст. прик. Горчакова. стр. 226—227.
(2) П. С. З. № 2186 и 2308.

жалось гнѣвомъ государя и лишеніемъ каѳедры [1]. Въ 1716 г. вышла новая архіерейская присяга, въ которой архіереи между прочимъ обѣщались: „церквей свыше потребы, для прихотей, вновь самому не строить и другимъ не допускать, дабы не пустѣли лишенія ради подобающихъ“, а также не ставить „священниковъ, дьяконовъ и прочихъ церковныхъ причетниковъ свыше подобающія потребы, сквернаго ради прибытка, ниже для наслѣдія ставить, но ради паствы людей и сущія ради потребы св. церкви“ [2].

Въ 1718 г. правительство рѣшилось приступить къ подробному и точному опредѣленію приходскихъ штатовъ и выдало распоряженіе составить проэктъ, „чтобы быть церквамъ опредѣленнымъ у сколькихъ дворовъ“ [3]. Но дѣло пока на этомъ только распоряженіи и остановилось. Приведеніе его въ исполненіе началось не ранѣе, какъ черезъ четыре года. Въ 1722 г. велѣно было сначала описать всѣ московскія церкви съ точнымъ показаніемъ лѣтъ ихъ существованія, числа приходскихъ дворовъ, разстоянія одной церкви отъ другой и т. п. Потомъ въ слѣдующемъ году указано произвести такую же перепись по всей Россіи. Правительство однако не рѣшилось упразднять малоприходныхъ, свыше потребы построенныхъ церквей и послѣ этого, дозволяло причтамъ служить въ нихъ по прежнему и настаивало только на томъ, чтобы ихъ прихожане обязывались сказками съ подкрѣпленіемъ содержать свое приходское духовенство въ надлежащемъ довольствѣ [4]. Сокращенія числа излишнихъ церквей положено достигать только съ помощію строгаго наблюденія за строеніемъ новыхъ

---

(1) Тамже, IV, № 2352.

(2) Тамже, V, 2985. Тоже повторено въ Регламѣ. о еписк. п. 8.

(3) П. С. З. V, 3171.

(4) Тамже, VI, 3964. Срав. Ист. моск. епарх. управл. I, стр. 99. Указ. 1723 г. VII, 4186.

церквей на будущее время. Строить ихъ дозволено было не иначе, какъ съ разрѣшенія св. Синода и по именному указу. Въ челобитныхъ объ ихъ построеніи велѣно со всею точностію обозначать, на какомъ мѣстѣ и на чьей землѣ будетъ построена церковь, деревянная, или каменная, какого именованія, для какой нужды, при сколькихъ приходскихъ дворахъ, чѣмъ будетъ обезпечено содержаніе ея причта и въ какомъ она разстояніи отъ другихъ церквей; всѣ эти обстоятельства епархіальное начальство обязывалось подвергнуть точному изслѣдованію еще до представленія дѣла о постройкѣ въ св. Синодъ. Разрѣшенію епархіальнаго начальства послѣ этого предоставлены были только дѣла о возобновленіи сгорѣвшихъ или обветшавшихъ церквей (1). Особенно строгія распоряженія выдавались касательно домовыхъ церквей, при которыхъ служили обыкновенно крестовые священники, составлявшіе чрезвычайно многочисленный, но до крайности униженный и деморализованный классъ духовенства, жившіе у своихъ господъ, — владѣльцевъ домовыхъ церквей, почти въ одномъ положеніи съ многочисленной барской дворней. Еще въ 1718 г. всѣ эти церкви, за исключеніемъ церквей членовъ царской фамиліи и знатныхъ престарѣлыхъ особъ, повсюду велѣно упразднять, отбирая антиминсы ихъ и церковную утварь въ пользу бѣдныхъ приходскихъ и монастырскихъ церквей (2). Д. Регламентъ высказываетъ суровое негодованіе противъ размноженія домовыхъ церквей, „ибо сіе лишнее есть и отъ единой спѣси дѣется и духовному чину укорительное; ходили бы господа къ церквамъ приходскимъ и не стыдились бы быть братіею, хотя и крестьянъ своихъ, въ обществѣ христіанствѣмъ: *о Христѣ бо Іисусѣ нѣсть рабъ, ни свободъ*“. Даже для престарѣлыхъ знатныхъ особъ послѣ 1721 г. разрѣшалось только держать въ домахъ

(1) Также, VI, 3991. VII, 4122. 4249.
(2) Также, V, 3171. п. 3. VII, 4187.

антиминсы, но перестраивать дома на подобіе церквей запрещалось (1). Законы о домовыхъ церквахъ наблюдались такъ строго, что наприм. Ѳеофанъ Прокоповичъ въ 1721 г. запретилъ имѣть походную церковь въ домѣ графу Апраксину, несмотря на то, что графъ былъ разбитъ параличемъ и около своего дома въ Петербургѣ не имѣлъ ни одной церкви ближе 2-хъ верстъ. Разрѣшеніе построить свою церковь онъ получилъ уже отъ св. Синода, но съ строгимъ наказомъ имѣть о ея содержаніи всеусердное тщаніе и отвести для поселенія ея причта землю по 40 саженъ во всѣ стороны кругомъ церкви (2).

Въ тоже время шла подготовка къ опредѣленію для всѣхъ церквей штатнаго числа духовенства. На основаніи указа 1711 г. св. Синодъ обращалъ иногда двухкомплектные причты въ однокомплектные (3). Наконецъ въ 1722 г. послѣдовалъ общій указъ о штатахъ бѣлаго духовенства. Столичные соборы оставлены при прежнемъ числѣ священно-и-церковно-служителей. Въ каѳедральныхъ соборахъ по епархіямъ назначено быть: 1 протопопу, 2 ключарямъ, 5 попамъ. 1 протодьякону, 4 дьяконамъ, 2 псаломщикамъ и 2 пономарямъ; въ прочихъ соборахъ — 1 протопопу, 2 попамъ, 2 дьяконамъ, 2 дьячкамъ и 2 пономарямъ. Штатъ приходскихъ церквей, согласно указу 1718 г., опредѣленъ по числу приходскихъ при каждой церкви дворовъ; на 100—150 дворовъ положено назначать одного священника, на 200—250 — двоихъ, только на 300 и болѣе дворовъ, и то впрочемъ въ случаѣ особенной нужды, дозволялось опредѣлять троихъ, но нигдѣ не велѣно имѣть болѣе двоихъ дьяконовъ. Причетниковъ положено имѣть по пропорціи,—на каждаго священника по два человѣка, т. е. дьячка и пономаря. Осуществленія этого штата опредѣлено ожидать до

---

(1) Регл. о мірск. особ. п. 7. П. С. З. VI, 3964.
(2) Опис. синод. арх. I. стр. 206.
(3) Собр. постан. по дух. вѣд. I. № 77.

тѣхъ поръ, пока лишніе священно-и-церковно-служители не переведутся сами собой, смертію, или лишеніемъ сана, или переселеніемъ въ другія мѣста, гдѣ духовенства до штатнаго числа не достаетъ, а между тѣмъ архіереямъ пока не посвящать новыхъ ставленниковъ, а замѣщать открывающіяся вакансіи при церквахъ священно-и-церковно-служителями, оставшимися за штатомъ (1). Для удобнѣйшаго осуществленія штатнаго положенія правительство указало привести въ извѣстность число всего наличнаго духовенства въ государствѣ посредствомъ переписи всѣхъ духовныхъ лицъ въ особыхъ реэстрахъ при ревизскихъ сказкахъ (2). Перепись эта однако не была произведена въ теченіе всего царствованія Петра, не смотря на всѣ подтвердительные объ ней указы (3), а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма медленно должно было идти и дѣло введенія новыхъ штатовъ.

Какъ впрочемъ ни медленно оно подвигалось впередъ, новые штаты все-таки успѣли повести за собой сильное увеличеніе числа безмѣстнаго духовенства. Къ прежнимъ бродячимъ и крестцовымъ попамъ, которые приводили всегда въ такое сокрушеніе и правительство и духовную власть, присоединились теперь еще священно-служители, оставшіеся за штатомъ. По дѣламъ первой ревизіи видно, что въ одной Москвѣ наприм. насчитывалось 149 человѣкъ безмѣстныхъ поповъ, кормившихся крестцовой службой (4). — Между тѣмъ реформированное государство на первый планъ выставило требованіе всеобщаго прикрѣпленія своихъ членовъ къ извѣстнымъ мѣстамъ и занятіямъ; въ немъ не должны уже были имѣть мѣста ни прежніе вольные государевы люди, которые бывало бродили съ

(1) П. С. З. VI, 4072. 4186.
(2) Тамже, 3481.
(3) Тамже, №№ 3492. 3657. 3707. 3901 и. 8 и др.
(4) Моск. вѣдом. 1852 г. № 145: «О крестцахъ».

мѣста на мѣсто, кормясь, какъ птицы небесныя, чѣмъ Богъ послалъ, сегодня батрачили у какого-нибудь хозяина, завтра водили медвѣдя, послѣ завтра просили милостыню подъ окнами, а то являлись и на большую дорогу съ кистенемъ и дубиною, ни бродячіе старцы, неизвѣстно гдѣ постриженные, ни къ какому монастырю не приписанные, сбиравшіе милостыню на небывалыя пустыни, или продававшія поддѣльныя святыни, ни бродячіе попы, которые, захвативъ съ собой требникъ съ епитрахилью да купивъ въ архіерейскомъ приказѣ перехожую грамату, ходили отъ села до села, служа гдѣ обѣдню, гдѣ панихиду, гдѣ молебенъ, и тому подобные люди. Полагая первыя начала духовному сословію, реформа требовала отъ его членовъ дѣйствительной службы и такого же прикрѣпленія къ опредѣленнымъ церквамъ, какое она вводила своей ревизіей между податными классами, расписывая ихъ по посадамъ и уѣздамъ, или какого она требовала отъ дворянъ, обязывая ихъ службой въ извѣстныхъ полкахъ и гражданскихъ чинахъ.

Еще въ 1711 г. запрещено было давать священно-служителямъ перехожія и крестцовыя граматы, „кромѣ самыя великія нужды“, также граматы безъ опредѣленія церкви, а вообще на служеніе или на пріисканіе мѣста (1). Въ 1718 г., вмѣстѣ съ запрещеніемъ домовыхъ церквей, вышло запрещеніе имѣть и домовыхъ или крестовыхъ священниковъ, о которыхъ тогдашній управитель духовныхъ дѣлъ въ Петербургѣ невскій архимандритъ Ѳеодосій Яновскій представилъ царю такого рода докладъ: „отъ оныхъ многое безчиніе, и унять ихъ невозможно. И ежели кому дозволится крестоваго попа держать, дабы той господинъ повиненъ былъ приходскимъ своимъ священникамъ дать такой же трактаментъ, какой оному крестовому на годъ даванъ будетъ, и за всякое его безчиніе обязанъ бы

(1). П. С. З. IV, 2352 п. 5.

былъ отвѣтствовать“ (1). Съ учрежденіемъ св. Синода преслѣдованіе бродячаго, крестоваго и крестцоваго духовенства сдѣлалось еще строже. „Въ Россіи, сказано въ прибавленіи къ Д. Регламенту, хотя не ставятся священницы и діаконы просто (т. е. безъ назначенія церкви), однакожъ многіе ставятся къ единой церкви свыше потребы, и многіе, оставивъ свою церковь, къ которой поставлены были, волочатся сѣмо и овамо, что тое же есть съ первымъ: таковаго безчинія дабы впредь не было“ (2). Съ каждаго ставленика велѣно брать при поставленіи подписку — никогда не оставлять своей церкви и жить при ней до смерти. Мірскимъ особамъ запрещалось принимать волочащихся поповъ въ духовники. Приходское духовенство не должно было допускать ихъ къ служенію при своихъ церквахъ, а полковыя начальства — къ служенію при полкахъ (3). Тѣже самыя запрещенія встрѣчаемъ въ инструкціяхъ управителямъ духовныхъ дѣлъ по епархіямъ (4). Увольненіе священно-служителя въ другую епархію стало зависѣть даже не отъ епископа, а отъ самого св. Синода (5). За пристанодержательство бродячихъ поповъ назначенъ былъ штрафъ въ 5 рублей за каждый мѣсяцъ, а за исповѣдь передъ такими попами 10 рублей. За сознательный пріемъ бродячаго попа къ полку полковое начальство подлежало суду военной коллегіи (6).

Не знаемъ, какъ исполнялись эти правила по епархіямъ, но въ Петербургѣ за исполненіемъ ихъ слѣдили очень строго. Волочащихся поповъ давно уже ловили здѣсь на заставахъ; по наплывъ духовенства въ новую столицу все таки продолжался. Кромѣ тѣхъ,

(1) Историко-стат. свѣдѣнія о спб. епарх. вып. I, 54.
(2) О священн. п. 23.
(3) Тамже, 19. 23—24. 26. Регл. о мірск. особ. п. 8—9.
(4) Собр. постан. I, № 41.
(5) П. С. З. VII, 4190 п. 4.
(6) Тамже, VI, 3963 п. 24. Приб. Регл. о свящ. п. 26.

которые пріѣзжали по дѣламъ и по порученію отъ ихъ епархіальныхъ начальствъ, со всѣхъ сторонъ стекались сюда разныя духовныя лица искать себѣ корма и доходныхъ мѣстъ, иногда даже безъ всякихъ увольнительныхъ видовъ и даже состоя подъ архіерейскимъ запрещеніемъ. Поведеніе этихъ гостей было далеко не безукоризненное; они наприм. предавались пьянству и нищенству, совершали незаконные браки и другія неправильныя требы, потворствовали раскольникамъ и т. п. Между ними попадались иногда священнослужители самозванцы. Однажды попался въ совершеніи священническихъ требъ простой рабочій. По доносу его хозяина св. Синодъ подвергнулъ его допросу и узналъ, что онъ былъ сынъ священника, по смерти отца просился было на наслѣдное мѣсто, но почему-то долго его не получалъ, соскучившись ждать, надѣлъ на себя отцовское платье, пришелъ въ свое село и началъ служить при церкви безъ рукоположенія; такъ прошло около года, когда ему вдругъ пришло въ голову покаяться въ своемъ страшномъ грѣхѣ; духовное начальство отправило его на покаяніе въ Невскій монастырь; но еще до окончанія епитиміи онъ напялся въ работники къ одному мастеру металлическихъ издѣлій и въ подспорье къ своимъ заработкамъ потихоньку совершалъ разныя требы по Петербургу. Св. Синодъ опять отослалъ его въ Невскій монастырь. Тіунская контора и закащики зорко слѣдили за пріѣзжимъ духовенствомъ, не безчинствуетъ ли оно, не совершаетъ ли незаконныхъ требъ, не валяется ли пьяное по улицамъ и т. д. Конторскіе разсыльные солдаты ловили по городу всѣхъ бродячихъ священнослужителей и приводили ихъ въ контору, а контора немедленно распоряжалась пересылкой ихъ на мѣста жительства съ строгой инструкціей нигдѣ не останавливаться на дорогѣ для жительства, не служить и не исправлять никакихъ требъ (1).

(1) Ист.-стат. опис. спб. епарх. вып. I, 53. 73. 119. 132—133.

Но однихъ строгостей очевидно было недостаточно; нужно же было куда-нибудь размѣстить этихъ безмѣстныхъ священнослужителей, чтобы доставить имъ законныя средства пропитанія. Въ концѣ 1722 г. св. Синодъ озаботился ихъ распредѣленіемъ прежде всего въ московской области, куда стекалось ихъ особенно много на службу въ боярскихъ домахъ, или на московскіе крестцы. Московской дикастеріи указано было сдѣлать между ними разборъ и тѣхъ изъ нихъ, которые по рукоположенію принадлежали къ московской области, опредѣлить викаріями къ приходскимъ церквамъ подъ назоръ штатныхъ священниковъ; послѣдніе должны были давать имъ обычную плату за служеніе литургіи (по гривнѣ за каждую) и за годовыя поминовенія, въ случаѣ нужды отпускать ихъ для служенія къ другимъ церквамъ, но съ крайнею осторожностію, наблюдать за ихъ поведеніемъ, а за малыя вины даже и наказывать ихъ своею властію; дикастеріи дозволено было по разсужденію опредѣлять этихъ викаріевъ и на штатныя мѣста. За тѣмъ всѣхъ поповъ, которые зашли въ Москву изъ другихъ епархій, велѣно выслать на мѣста ихъ прежняго жительства. На этихъ же основаніяхъ указано распорядиться судьбою безмѣстнаго духовенства и въ другихъ епархіяхъ (1). Какъ однако духовная власть ни усиливалась сократить число безмѣстнаго духовенства, она имѣла въ этомъ дѣлѣ весьма слабый успѣхъ. Мы увидимъ потомъ, что въ теченіи болѣе, чѣмъ полустолѣтія послѣ реформы, почти цѣликомъ сохранялась даже самая безобразная и наиболѣе гонимая форма наемнаго служенія этого духовенства,—служеніе съ крестца.

Тяготясь множествомъ безмѣстныхъ священнослужителей, правительство старалось, какъ можно, меньше стѣснять имъ выходъ изъ духовнаго званія чрезъ добровольное снятіе ими сана. Такая снизходительность, раз-

(1) П. С. З. VI, 4136.

умѣется, касалась изключительно вдовыхъ священнослужителей, желавшихъ вступить во второй бракъ. Въ древней Россіи какъ духовная, такъ за нею и свѣтская власть относились къ подобнымъ священнослужителямъ вообще довольно сурово; до собора 1667 г. по снятіи сана имъ предоставлялось оставаться только въ податномъ состояніи, безъ опредѣленія на службу; церковная служба имъ воспрещалась вовсе даже на низшихъ степеняхъ клира; между іерархіей находились ревнители, которые не признавали законнымъ самый бракъ, совершенный по снятіи сана, а рязанскій архіепископъ Мисаилъ отлучалъ священнослужителей, вступавшихъ въ бракъ по сложеніи сана, отъ церкви, или заключалъ въ тюрьму по смерть (1). Подобныя строгости въ первый разъ смягчены были соборомъ 1667 г., который, признавъ упомянутый бракъ совершенно законнымъ, дозволилъ разстригавшимся священнослужителямъ вступать въ службу не только свѣтскую, изключая впрочемъ военной, но даже и церковную на низшихъ степеняхъ клира, повелѣвъ не лишать ихъ одежды и служенія въ церкви внѣ алтаря на клиросѣ, что прежде считалось дозволеннымъ только для вдовыхъ священнослужителей, чисто живущихъ во вдовствѣ (2). Петръ I открылъ имъ и другія дороги въ духовномъ вѣдомствѣ. Онъ, можно сказать, поощрялъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ къ оставленію сана и къ второбрачію. Указомъ 30 апрѣля 1724 г. св. Синоду было объявлено, чтобы вдовыхъ поповъ и дьяконовъ, которые учились въ школѣ, обнадежить, что, если они вступятъ во второбрачіе, то по отрѣшеніи отъ священнодѣйствія могутъ опредѣляться по желанію въ учители архіерейскихъ школъ, или къ дѣламъ въ духовныхъ совѣтахъ и управленіяхъ (3). Случаи опре-

---

(1) Подробности см. въ ст. г. Лаврова о вдовыхъ священнослужителяхъ. Христ. чт. 1871 г. кн. 7.

(2) П. С. З. I, № 412. стр. 705.

(3) Тамже, VII, 4499.

дѣленія такихъ людей при Петрѣ на приказную службу по духовному вѣдомству встрѣчаемъ впрочемъ и прежде этого общаго указа (1). Право разстриженныхъ священнослужителей на поступленіе въ службу гражданскую оставалось за ними по опредѣленію собора 1667 г. и кромѣ того само собою подразумѣвалось въ указѣ 1724 г.; по крайней мѣрѣ такъ понимали этотъ указъ еще во второй половинѣ XVIII столѣтія (2).

Стремленіе правительства уменьшить число лишнихъ людей въ духовенствѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, всего чувствительнѣе задѣло многочисленный классъ церковнослужителей и дѣтей духовенства, на который правительство смотрѣло очень дурно: „понеже, сказано въ одномъ указѣ, отъ таковыхъ, которые шатаются безъ службы, государственной пользы надѣятися не мочно, но токмо умножается воровство“ (3). Прежде всего, въ началѣ XVIII в., какъ громъ, разразились надъ всѣмъ этимъ людомъ страшные указы о наборахъ въ солдаты. Потомъ, съ 20-хъ годовъ явилась для нихъ новая гроза—подушный окладъ. Указы о производствѣ ревизіи, которая должна была измѣнить прежнюю подворную раскладку податей въ поголовную или подушную, на первый разъ простерлись было на всѣхъ вообще церковниковъ и духовныхъ дѣтей; всѣхъ ихъ велѣно записывать въ окладъ, оставляя свободными отъ него только однихъ священнослужителей (4). Правительство обнаруживало этимъ ясное намѣреніе ограничить духовное сословіе однимъ тѣснымъ кругомъ лицъ, имѣющихъ іерархическія степени, не причисляя къ нему ни семействъ этихъ лицъ, ни остальныхъ членовъ церковнаго клира. Если бы такое намѣреніе успѣло осуществиться, исторія нашего ду-

(1) Опис. синод. архив. I. стр. 139.

(2) О вдов. священнослуж. стр. 102.

(3) П. С. З. VI, 4035.

(4) Также, 3481. 3802. Собр. постан. по дух. вѣд. I, № 117.

ховенства имѣла бы совершенно другой видъ, чѣмъ теперь, и правительство избавилось бы отъ многихъ затрудненій, какія оно ощущало потомъ отъ размноженія потомственнаго духовнаго сословія, потому что сколько бы ни было потомъ у духовенства дѣтей, масса ихъ увеличивала бы не сословіе, производя въ немъ скопленіе лишнихъ людей, а общее народонаселеніе государства. Но такая крупная реформа клира, которая осуществлена отчасти въ наши дни, при Петрѣ была рѣшительно невозможна, тѣмъ болѣе, что она задѣвала цѣлый классъ церковно-служителей и кромѣ того не открывала для подвергавшихся ей никакого другаго выхода изъ духовнаго званія, кромѣ отчисленія ихъ прямо въ подушный окладъ безъ всякихъ болѣе или менѣе почетныхъ правъ. Притомъ же само правительство мыслило духовное служеніе прямо наслѣдственнымъ и само же затрудняло доступъ къ нему для всѣхъ постороннихъ людей, особенно изъ податнаго состоянія; выдѣляя дѣтей духовенства въ подушный окладъ, оно очевидно впадало въ противорѣчіе самому себѣ, по крайней мѣрѣ готовило для себя впереди большія затрудненія въ практикѣ, на которыя и не замедлилъ указать ему св. Синодъ, тотчасъ же принявшій на себя защиту какъ церковниковъ, такъ и дѣтей духовенства, и вступившій съ нимъ въ длинный и настойчивый споръ (1). Болѣе снисходительное рѣшеніе этого спорнаго вопроса послѣдовало уже въ слѣдующемъ 1722 г. въ указѣ отъ 4 апрѣля, въ которомъ находимъ замѣчательное опредѣленіе границъ духовнаго сословія; отъ подушнаго оклада освобождались дѣти только тѣхъ священнослужителей, которыхъ указъ заставлъ на дѣйствительной службѣ при церквахъ; изъ этихъ же дѣтей велѣно

(1) Докладъ св. Синода 18 авг. 1721 г. см. Собр. постан. 1, № 153. Мы еще будемъ имѣть случай прослѣдить этотъ споръ, когда будемъ говорить о правахъ духовенства.

ставить въ церковники, учить въ архіерейскихъ школахъ и возводить на упалыя мѣста въ священники и діаконы; изъ церковно-служителей свободными отъ оклада считать тѣхъ, которые поступили на свои мѣста тоже изъ дѣтей дѣйствительно-служащихъ священно-служителей; всѣхъ прочихъ за тѣмъ, дьяковъ, пономарей, а равно дѣтей и внуковъ недѣйствительно служащихъ священно-служителей писать въ подушный окладъ (1). Составъ духовнаго сословія ограничился такимъ образомъ одними дѣйствительно служащими священно-служителями и ихъ потомствомъ, но, распорядившись замѣстить всѣ церковно-служительскія мѣста дѣтьми священно-служителей, указъ этимъ самымъ причислилъ къ духовному сословію, свободному отъ податей, и церковно-служителей съ ихъ дѣтьми. Духовное сословіе рѣзко выдѣлено этимъ указомъ отъ всѣхъ податныхъ классовъ въ видѣ отдѣльной привиллегированной корпораціи потомственнаго характера.

Послѣдующіе указы занялись еще болѣе точнымъ опредѣленіемъ его границъ. Еще въ указѣ 4 апрѣля заключался намекъ на то, чтобы изъ дѣтей священно-служителей оставлять при отцахъ безъ записи въ подушный окладъ двоихъ сыновей, изъ которыхъ одного оставлять при церкви дьячкомъ, а другаго пономаремъ. Въ іюнѣ тогоже года Сенатъ издалъ новый разъяснительный указъ, что только этихъ двоихъ сыновей съ ихъ потомствомъ и не писать въ окладъ, а остальныхъ сыновей, если у священно-служителей окажется больше двоихъ, записывать по желанію въ окладъ, на посадъ, на пашенныя земли, или же опредѣлять въ службу, военную и гражданскую (2). Освобождались изъ нихъ отъ оклада только учившіеся въ школахъ, „окромѣ лѣнивыхъ“, которыхъ велѣно „пріобщать къ числу такихъ церковническихъ дѣтей, которые, яко

(1) П. С. З. VI, 3932.
(2) Тамже, 4035.

излишніе и свыше потребы подъ именемъ церковнаго причта бывшіе, въ оной подушный окладъ выключены“ (1). Въ августѣ тогоже 1722 г. изданы были церковные штаты, которые окончательно отдѣлили дѣйствительно служащихъ священно-служителей отъ недѣйствительныхъ, лишнихъ, послѣ чего потребовались новыя разъясненія указа 4 апрѣля, который по своей неопредѣленности могъ повести къ записи въ окладъ самихъ заштатныхъ священно-служителей, не говоря уже о ихъ дѣтяхъ. Еще въ самомъ указѣ о штатахъ было сказано, чтобы до пріисканія штатныхъ мѣстъ всѣ эти заштатные священно-служители оставляемы были пока на ихъ прежнихъ мѣстахъ. Но и послѣ этого вѣроятно встрѣчались на практикѣ разныя недоразумѣнія относительно ихъ; по крайней мѣрѣ 10 сентября оказалось нужнымъ выдать особый указъ о томъ, что этихъ священно-служителей въ подушный окладъ писать не слѣдуетъ, а въ маѣ 1723 г. потребовалось даже подтвержденіе этого указа, при чемъ въ поясненіе прибавлено: а дѣтей ихъ поповскихъ и дьяконовскихъ и причетниковъ съ дѣтьми, которые не пристроились на штатныя мѣста, писать въ подушный окладъ (2).

Можно представить, какое громадное число лицъ духовнаго званія должно было по этимъ указамъ отчислиться въ податное состояніе. Со стороны этихъ жертвъ времени не замедлили начаться разнообразныя уклоненія какъ отъ платежа податей, такъ и отъ самой записи въ окладъ, а уклоненія повели за собой строгости со стороны правительства, у котораго шла теперь самая горячая гоньба за всѣми убѣгающими платежными силами. Всѣхъ лишнихъ церковниковъ и духовныхъ дѣтей для платежа оклада велѣно писать на посадъ или на пашню; по одной такой приписки

(1) Тамже, 4021.
(2) Тамже, VII, 4186.

къ посадамъ или деревнямъ оказалось мало,—для большаго обезпеченія сборовъ съ этихъ новыхъ плательщиковъ, правительство почло нужнымъ записывать ихъ еще за какимъ-нибудь владѣльцемъ, который бы обязался за нихъ платежомъ, въ кабальные люди. Въ указѣ 4 апрѣля читаемъ: „и тѣхъ (духовныхъ дѣтей и церковниковъ) писать въ подушный окладъ на вотчинниковыхъ земляхъ того села, чье то село, и тому вотчиннику ими владѣть; а которые погосты особь стоятъ, и отъ тѣхъ погостовъ вышеозначенныхъ людей приписывать того погоста къ прихожанамъ, къ кому они похотятъ"; дозволено записывать ихъ также за посадскими людьми, дѣйствительными священнослужителями и монастырями. Уклонявшихся отъ записи и нечисливщихся при этомъ ни на какой штатной службѣ велѣно ссылать на галеры. Въ маѣ 1724 г. вышло распоряженіе—о всѣхъ такихъ церковникахъ, кроющихся безвѣстно, публиковать указами, чтобы всѣ, кто ихъ у себя держитъ, до начала 1725 г. объявили объ нихъ переписчикамъ, а кто до этого срока не объявитъ и послѣ того сыщется, на тѣхъ взять штрафъ, который положенъ за пріемъ и держаніе бѣглыхъ (1).

Подъ вліяніемъ такой строгости указовъ перепись производилась такъ усердно, что въ подушный окладъ попало множество людей духовнаго званія, которыхъ вовсе и не слѣдовало включать въ податное состояніе. Такъ напр. въ окладъ за монастырями записываемы были монастырскіе церковники, хотя штатъ ихъ по монастырямъ еще и не былъ опредѣленъ; монастыри поставлены были этимъ въ очень непріятную для нихъ необходимость платить подушныя деньги за такихъ людей, у которыхъ не было ни дворовъ, ни земель и которые не приносили въ обитель никакого дохода, да кромѣ того еще ѣли монастырскій хлѣбъ. Этого мало;—къ монастырямъ приписывали даже пре-

(1) Также, VI, 3932. 4035. VII, 4515.

старѣлыхъ, дряхлыхъ и больныхъ церковниковъ, которые были призираемы въ монастырскихъ богадѣльняхъ. Въ архангельской губерніи попали въ окладъ жившія въ монастырѣ дѣти дѣйствительныхъ священно-служителей и даже одинъ престарѣлый священникъ, имѣвшій пріютъ въ монастырской больничной кельѣ (1). Въ 1721 г. казанскій митрополитъ Тихонъ прислалъ въ Синодъ жалобу на то, что приставленный къ ревизіи маіоръ Иванъ Лачиновъ самовольно забралъ въ солдаты многихъ духовныхъ дѣтей и церковниковъ въ городахъ Симбирскѣ, Самарѣ и Сызрани (2). Въ 1724 г., какъ мы уже говорили, само правительство почувствовало излишнюю строгость разбора, произведшую значительный недостатокъ въ духовенствѣ, особенно въ нѣкоторыхъ краяхъ, отдаленныхъ отъ главныхъ центровъ народонаселенія, и дозволило посвящать въ попы и дьяконы изъ пашенныхъ крестьянъ.

Въ такомъ положеніи реформа оставила вопросъ о духовенствѣ въ наслѣдіе преемникамъ Петра великаго. Она выработала для этого сословія извѣстныя границы, опредѣлила его штатами, отчисливъ всѣхъ, не попавшихъ въ этотъ штатъ, изключая священнослужителей, въ свѣтское вѣдомство, въ военную службу, или подушный окладъ; но она не смогла, какъ мы видѣли, выдержать при этомъ своей первоначальной мысли—ограничить духовенство кругомъ однихъ дѣйствительно служащихъ членовъ клира, — включила въ составъ духовенства и его дѣтей. Необходимымъ результатомъ этого было то, что и въ послѣдующее время постоянно возникала необходимость очищать духовенство отъ излишнихъ людей посредствомъ новыхъ разборовъ. Въ указахъ 1722 г., по которымъ тогда забирали въ окладъ всѣхъ церковниковъ, бывшихъ церковническими же дѣтьми, и сыновей священно-

(1) Также, VIII, 5228.
(2) Опис. синод. арх. стр. 588.

служительскихъ, кромѣ двоихъ, остававшихся при отцахъ, не было ничего сказано о томъ, считать ли такое распоряженіе мѣрою общею, обязательною навсегда, или только мѣрою временною, назначенною для разбора духовенства только въ данное время, и вообще для новыхъ разборовъ на будущее время не выработано было никакихъ опредѣленныхъ правилъ и условій. Отъ этого разборы нависли надъ духовенствомъ страшной грозой; никто изъ духовныхъ лицъ не могъ предугадывать ни того, когда, въ этотъ или слѣдующій годъ, правительство вздумаетъ очищать духовенство, ни того, чѣмъ оно опредѣлитъ категорію лишнихъ людей, ни того наконецъ, что̀ оно съ этими лишними людьми сдѣлаетъ, такъ что духовенство постоянно должно было оставаться въ страхѣ за себя и за своихъ дѣтей. Къ этому нужно присовокупить еще и то, что, стараясь сократить число духовенства, правительство не постаралось выработать болѣе или менѣе выгодныхъ условій для добровольнаго выхода духовныхъ дѣтей изъ ихъ званія; за предѣлами церковной службы ихъ ожидали или солдатство, или подушный окладъ съ кабальною записью за какимъ-нибудь владѣльцемъ, которая вела за собою даже полную крѣпостную зависимость отъ послѣдняго, — участь далеко непривлекательная, равнявшаяся какому-то наказанію за оставленіе своего званія. Лучшая карьера могла ожидать только немногихъ избранныхъ юношей духовнаго званія, которые успѣли получить образованіе въ школахъ и которыхъ, при недостаткѣ образованныхъ людей, въ тогдашнее время съ радостью принимали на всякаго рода государственную службу. Но такихъ юношей старалось удерживать у себя само духовное начальство, не менѣе государства нуждавшееся въ образованныхъ людяхъ. Не даромъ оно такъ энергически набирало духовныхъ дѣтей въ школы и всѣми мѣрами старалось удержать ихъ въ наукѣ до конца курса, чтобы, поучившись немного, они не бѣжали изъ школы для поступленія въ свѣтскую службу.

Необыкновенная трудность, какую тогда приходилось духовнымъ властямъ испытывать при наборѣ учениковъ для наполненія новозаводимыхъ духовныхъ школъ, заставляла св. Синодъ и архіереевъ дорожить каждымъ мальчикомъ, который поступалъ или только способенъ былъ поступить въ науку, и всячески оттягивать его въ свои духовныя школы изъ свѣтскихъ училищъ, которыя въ свою очередь сами энергично занимались ловлей учениковъ для себя. Въ 1721 г. св. Синодъ входилъ по этому поводу съ докладомъ къ самому государю: „о поповскихъ и причетническихъ дѣтяхъ, по прежнимъ указамъ въ ариѳметическія школы и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ спрашиваемыхъ, требуется опредѣленіе, дабы имъ отъ оныхъ быть свободнымъ, понеже по Д. Регламенту опредѣлено такихъ церковническихъ дѣтей учить въ архіерейскихъ школахъ“. Докладъ былъ утвержденъ (1). Еще раньше этого доклада св. Синодъ, по поводу одного требованія изъ адмиралтейской коллегіи о присылкѣ духовныхъ дѣтей въ ариѳметическія школы, самъ издалъ указъ съ дозволеніемъ брать въ эти школы только тѣхъ дѣтей духовенства, которыя не учились и негодны были къ ученію въ духовныхъ школахъ „святѣй церкви потребныхъ“ (2). Но его собственный указъ подвергался нарушеніямъ со стороны свѣтскихъ начальствъ и оказывался недостаточнымъ.

Впрочемъ и послѣ государева соизволенія на синодальный докладъ духовныхъ дѣтей постоянно забирали и привлекали въ свѣтскія школы, такъ что св. Синодъ долженъ былъ бдительно стеречь выходъ изъ духовнаго званія лучшихъ его силъ. Въ 1722 г. префектъ московскихъ славяно-латинскихъ школъ Гедеонъ Грембецкій жаловался св. Синоду на доктора Видло, что этотъ, презрѣвъ запретительный государевъ

---

(1) П. С. З. VI, 3834, п. 10.
(2) Собран. постан. I, № 100.

указъ, „невѣдомо, какою властію, потаенно, словено-латинскихъ школъ что не лучшихъ учениковъ къ себѣ призываетъ и записуетъ въ анатомическое ученіе безъ ректорскаго и префектовскаго вѣдома; и буде помянутому доктору таковый умыселъ хитрый указомъ изъ св. прав. Синода не заградится, то весьма школамъ словено-латинскимъ быть въ раззореніи, якоже и прежде бывало, покамѣсть ему, Быдлову, указомъ его импер. величества не запрещено было". Замѣчательно, что съ 1719 по 1722 г. Бидло перетянулъ къ себѣ изъ словено-латинскихъ школъ 108 человѣкъ духовныхъ воспитанниковъ (1). Въ епархіяхъ духовныя начальства должны были вступать въ постоянныя пререканія съ воеводами и другими свѣтскими начальствами, которые силой забирали къ себѣ духовныхъ дѣтей въ цифирныя школы. Въ 1721 г. костромской воевода Стрешневъ властно требовалъ, чтобы всѣ дѣти лицъ духовнаго вѣдомства отъ 10 до 15 лѣтъ явились къ нему въ канцелярію для смотра и помѣщенія въ цифирныя школы, „не взирая ни на что и не отговариваясь св. Синодомъ". Св. Синодъ протестовалъ на эту обиду предъ Сенатомъ и требовалъ посылки къ воеводамъ указовъ о томъ, чтобы они въ гражданскія школы духовныхъ дѣтей не имали. Но Стрешневъ не унялся и послѣ этого, напротивъ въ слѣдующемъ 1722 г. выдалъ по костромскому воеводству указъ еще грознѣе прежняго, чтобы всѣ духовныя лица высылали своихъ дѣтей къ вновь пріѣхавшему въ Кострому учителю „безъ замедленія" (2). Результаты усилій, съ какими духовная власть старалась удержать духовныхъ дѣтей отъ поступленія въ свѣтскія школы, обозначались вскорѣ же послѣ смерти Петра. Въ 1726 г. адмиралтейская коллегія, завѣдывавшая цифирными школами, жаловалась верховному совѣту, что послѣ

---

(1) Опис. синод. арх. 677.
(2) Опис. син. арх. 556—557.

указа 1722 г. ея школы совсѣмъ опустѣли, лишившись 1389 учениковъ духовнаго званія, и просила св. Синодъ о дозволеніи набрать между духовенствомъ новыхъ учениковъ, чтобы учители не оставались безъ дѣла и не получали жалованья даромъ; но св. Синодъ твердо стоялъ на своемъ, что духовныя дѣти нужны для его собственныхъ школъ для пользы св. Церкви (1).

Направленіе, въ какомъ рѣшался вопросъ о духовенствѣ при Петрѣ, не измѣнялось и при его преемникахъ; разница послѣдующихъ указовъ отъ Петровскихъ состояла только въ большей или меньшей энергичности, съ какой они старались приводить въ исполненіе одни и тѣже предначертанія правительства касательно духовныхъ штатовъ и сокращенія числа лишнихъ людей въ духовенствѣ.

Въ первое время послѣ смерти Петра строгіе указы его о лишнихъ церквахъ и духовенствѣ были нѣсколько ослаблены. Указомъ 25 ноября 1721 г. дозволено было открыть запечатанныя домовыя церкви въ Москвѣ. Въ декабрѣ слѣдующаго года указы о строеніи новыхъ церквей дозволено выдавать самимъ епархіальнымъ начальствамъ безъ сношенія съ св. Синодомъ, при чемъ однако замѣчено, чтобы архіереи не умножали ни лишнихъ церквей, ни поповъ (2). Но потомъ съ царствованія Анны Іоанновны указы Петра о церквахъ снова вошли въ полную силу и исполнялись весьма строго (3). Въ 1756 г. императрица Елизавета указала, чтобы въ малыхъ приходахъ, не имѣющихъ сотеннаго числа дворовъ, строеніе новыхъ церквей дозволяемо не было, кромѣ того случая, если гдѣ будетъ поселеніе на новомъ мѣстѣ, а церквей къ этому селенію ближе 20 верстъ не будетъ. Св. Синодъ, расчиты-

---

(1) П. С. З. VII, 4975.

(2) Тамже, 4988.

(3) Ист. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 1, примѣч. 287. П. С. З. XI, 8625. XV, 11460.

вая на благочестіе государыни, сдѣлалъ было попытку ходатайствовать объ отмѣненіи строгости этого указа и представилъ съ своей стороны, что „оному церквей строенію слѣдуетъ быть не по числу, наипаче же дальняго разстоянія верстъ, но по обстоящимъ и необходимымъ въ томъ законоправильнымъ нуждамъ, что чрезъ 20 верстъ, яко не малое разстояніе, и особливо за разными препятствіями, т. е. за непроходимыми мѣстами и бываемымъ разлитіемъ рѣкъ, по обширности прихода, да еще въ разныя мѣста священникамъ съ духовными требами, въ случаѣ нетерпящей нужды, поспѣшить и исправить никакъ не возможно, изъ чего въ христіанскихъ требахъ можетъ воспослѣдовать крайнѣйшее упущеніе и лишеніе“, что на основаніи всего этого построеніе новыхъ церквей слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію епархіальныхъ архіереевъ. Но Сенатъ отвѣчалъ на это представленіе полнѣйшимъ отказомъ, объяснивъ св. Синоду, что указъ о строеніи церквей съ опредѣленіемъ разстоянія между ними „въ такомъ разсужденіи учиненъ, что оное строеніе церквей должно быть въ уравнительномъ отъ деревень разстояніи, какъ обыкновенно издревле къ селамъ и деревнямъ состоятъ погостами, въ каковомъ уравнительномъ расположеніи разстояніе оныхъ церквей, *уповаетъ* правит. Сенатъ, отъ жилищъ не далѣе 10 верстъ быть имѣетъ“ (1). Видно, что Сенатъ даже не зналъ хорошенько расположенія приходовъ и далъ такой отказъ св. Синоду единственно по принципу.

Относительно штатовъ духовенства послѣ Петра встрѣчаемъ только небольшое послабленіе при импер. Екатеринѣ I въ концѣ 1725 г.: для малыхъ приходовъ, въ которыхъ есть очень удаленныя отъ церкви деревни и въ которыхъ положено быть одному священнику съ дьякономъ, дозволено быть вмѣсто дьякона другому священнику, и то впрочемъ въ томъ толь-

(1) П. С. З. XIV, 10665. 10780.

ко случаѣ, если одинъ священникъ уже рѣшительно не можетъ управиться со всѣми требами и прихожанамъ можетъ приключиться конечная нужда (1). При Аннѣ Іоанновнѣ штатное опредѣленіе наблюдалось съ величайшею строгостью и, какъ увидимъ, стоило большихъ несчастій сверхштатному духовенству. Потомъ оно было подтверждено инстукціей о второй ревизіи 1743 г., въ которой дѣйствительно служащими священно-и-церковно-служителями велѣно считать только тѣхъ, которые опредѣлены въ штатное число, установленное Петромъ великимъ (2). Св. Синодъ представлялъ было съ своей стороны, что духовенство и такъ уже опустошено въ предшествовавшее царствованіе и что теперь слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторое послабленіе указовъ о штатахъ, но его представленіе осталось безъ успѣха (3). По случайной ошибкѣ, допущенной въ указѣ о ревизіи, духовные штаты едва было не сократились и противъ Петровскаго времени, именно въ отношеніи къ числу дьяконовъ. Въ извлеченіи изъ указа 1722 г. 10 августа о штатахъ, въ словахъ, чтобы въ великоприходныхъ церквахъ болѣе двоихъ дьяконовъ не было, вмѣсто—дьяконовъ, написано было дьяковъ. Св. Синодъ усмотрѣлъ эту ошибку и просилъ ее исправить: съ этою цѣлію онъ вошелъ особымъ представленіемъ въ Сенатъ, въ которомъ старался доказать необходимость дьяконовъ и писалъ, что „при градскихъ и великослободскихъ и сельскихъ приходскихъ знатныхъ церквахъ дьяконамъ издревле церковнаго ради украшенія непремѣнно быть надлежитъ, да не только при великоприходскихъ церквахъ, но гдѣ и при малоприходныхъ нынѣ дьяконы есть, гдѣ во время ревизіи ихъ при церквахъ и не окажется, то и при такихъ какъ наличнымъ, такъ и на праздныхъ мѣстахъ дьяконамъ непремѣнно быть

(1) Тамже. VII, 4804.
(2) XI, 8836 п. 12.
(3) XII, 8904.

надлежитъ... а потому какъ оныхъ самихъ, такъ и дѣтей ихъ съ прочими священно-и-церковно-служителями повелѣно бъ было числить, а особливо не переписывать и никуда не опредѣлять". Сенатъ согласился (1). Въ 1756 г. св. Синодъ просилъ, чтобы при малоприходныхъ церквахъ, имѣющихъ всего дворовъ 40—10, оставить по одному священнику и по два причетника на томъ основаніи, что по указу 11 марта 1723 г. при тогдашнемъ сокращеніи духовенства такимъ церквамъ дозволено было оставаться по старому, съ тѣмъ только, чтобы ихъ прихожане обязались давать причтамъ приличное содержаніе, и запрещено было только открывать такіе малые приходы вновь; такъ и нынѣ, писалъ Синодъ, оставить ихъ по прежнему; да кромѣ того въ приходахъ, гдѣ искони было по два попа, по одному дьякону и по четыре церковника, оставить тоже число и нынѣ, хотя бы эти приходы и не имѣли для того указнаго числа дворовъ; оставить также двойные причты при церквахъ о двухъ престолахъ. На этотъ разъ Сенатъ отвѣчалъ отказомъ, замѣтивъ св. Синоду, что это было бы отмѣной какъ указа 1723 г., такъ и подтверждающей его 12 статьи въ инструкціи о ревизіи (2).

Мы видѣли, что введеніе духовныхъ штатовъ повело за собой безпокойные хлопоты о распредѣленіи къ мѣстамъ естественно послѣ этого умножившагося безмѣстнаго духовенства. Всего больше хлопотъ причиняло оно въ столицахъ, гдѣ, кромѣ своихъ заштатныхъ священно-служителей, всегда было еще много наѣзжихъ изъ городовъ. Въ Петербургѣ св. Синодъ разсылалъ ихъ для служенія въ домовыя церкви, въ викаріи къ приходскимъ церквамъ и въ полки (3). Въ Москвѣ пріѣзжихъ священно-служителей вовсе не ве-

(1) XII, 8890. 8904.
(2) XIV, 10665. 10780.
(3) Ист.-стат. опис. спб. епарх. вып. I, 116. 122.

лѣно было принимать къ церквамъ, „дабы, сказано въ дикастерскомъ указѣ 1726 г., впредь никто изъ епархій въ синодальную область переходить не желалъ“ и не было въ томъ „напраснаго попущенія“ (1). Въ столицахъ этому бродячему духовенству все еще была хоть какая-нибудь возможность прокормиться около тамошнихъ богачей, богатыхъ церквей и крестцовъ. Въ епархіяхъ оно вело напротивъ очень бѣдственную жизнь и поневолѣ тянулось въ столицы, или даже искало себѣ пріюта у раскольниковъ. При всемъ томъ бродячая, вольная жизнь до такой степени увлекала священно-служителей, вкусившихъ ея воли, что они сами устранялись отъ служенія на какомъ-нибудь постоянномъ мѣстѣ, чувствуя непреодолимое желаніе „погулять“. Вотъ наприм. исторія одного перехожаго попа, которую онъ самъ разсказалъ на допросѣ, будучи схваченъ въ 1734 г. въ Иркутскѣ при преосв. Иннокентіѣ Неруновичѣ. „Зовутъ меня Григорій Максимовъ Захарьинъ, священническій сынъ, родомъ арзамасскаго уѣзда, вотчины помѣщика стольника В. С. Соловцова Троицкаго села и Шарапова; вышелъ въ 1702 г. въ Симбирскъ казанской губерніи и Тихономъ митроп. казанскимъ и свіяжскимъ поставленъ въ священника симбирскаго уѣзда въ Николаевское село въ вотчинѣ Григорія Ермакова да Ивана Жадовскаго. Въ 1719 г. овдовѣлъ, по отъ упомянутаго митрополита получилъ епитрахильный указъ на три года. По полученіи же указа при той Никольской церкви уже не служилъ, но захотѣлъ погулять и пошелъ въ московскую епархію въ с. Троицкое и Аниково, гдѣ былъ священникомъ сынъ мой Яковъ, и жилъ тамъ у помѣщика полковника Ив. Севаст. Анненкова крестовымъ попомъ; потомъ былъ съ тѣмъ помѣщикомъ въ походахъ въ Астрахани и за моремъ въ Персидѣ, а по возвращеніи жилъ при томъ же полковникѣ. Въ 1730

(1) Ист. моск. епарх. упр. ч. I. стр. 104. 109—110. 112 и др.

г. проѣзжалъ мимо насъ Ѳаддей Жадовскій воеводою въ Якутскъ и пригласилъ меня съ собою, и я присталъ къ нему. Въ Тобольскѣ къ митр. Антонію не явился, потому что воевода Жадовскій сказалъ мнѣ, что уже переговорилъ съ преосвященнымъ и онъ де благословилъ мнѣ служеніе. Запретительный указъ мнѣ въ Якутскѣ отъ митрополита объявленъ, и я никакихъ требъ не исполнялъ и къ служенію не касался, кромѣ утрени и часовъ у Жадовскаго, да еще раза четыре облачался въ ризы съ позволенія архимандрита (якутскаго) Ѳеофана при служеніи викторіальныхъ молебновъ". Похожденія его кончились заточеніемъ въ иркутскомъ монастырѣ (1).

Старясь, прикрѣпить духовенство къ церквамъ, правительство и св. Синодъ выдавалъ противъ гуляющихъ и крестцовыхъ поповъ строгіе указы, которые впрочемъ имѣли очень слабые результаты на практикѣ; каждый послѣдующій указъ принимался снова обличать тѣже явленія, на какія увазывалъ предыдущій. Не имѣя силы уничтожить наемническаго служенія этихъ священнослужителей, духовная власть старалась по крайней мѣрѣ хоть собрать о нихъ вѣрныя свѣдѣнія посредствомъ веденія точныхъ имъ списковъ и устранить чрезъ это незаконное служеніе разныхъ запрещенныхъ и разстриженныхъ священнослужителей. Но даже и это удавалось ей плохо. Московская наприм. дикастерія въ 1731 г. дознала, что, кромѣ записанныхъ въ спискахъ, на московскихъ крестцахъ все еще являются многіе другіе попы, покинувъ свои церкви, а иные изъ чужихъ епархій, и притомъ неблагообразно себя ведутъ; послѣ этого она распорядилась, чтобы крестцовое духовенство само выбрало изъ среды себя старостъ и десятскихъ, которые бы наблюдали за тѣмъ, чтобы на крестцахъ не становились попы иноепархіальные, а также чтобы крестцовое духовенство не пьянствовало и не служило безъ записи въ дикасте-

(1) Ирк. епарх. вѣдом. 1869 г. стр. 148—149.

ріи (1). Въ служеніи съ крестцовъ запрещенные и разстриженные священнослужители попадались даже въ Петербургѣ. Такъ наприм. въ началѣ царствованія Анны Іоанновны св. Синодъ судилъ за крестцовую службу и разные пороки одного разстриженнаго священника новогородской епархіи Степана Васильева, который кормился этимъ служеніемъ сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Кронштадтѣ. Въ 1732 г. онъ избавился отъ синодальнаго суда, сказавъ за собой слово и дѣло и перейдя послѣ этого въ тайную канцелярію; но и отсюда, по наказаніи кнутомъ и вырѣзаніи поздрей, угодилъ прямо въ Охотскъ (2). Въ апрѣлѣ 1732 г. Сенатъ, по спошенію съ св. Синодомъ, выдалъ указъ, въ которомъ писалъ, что, несмотря на всѣ прежніе указы противъ безмѣстныхъ поповъ, „таковые продерзатели опять явились въ домахъ разныхъ чиновъ людей, какъ у знатныхъ персонъ, такъ и у прочихъ, безъ всякаго достодолжнаго испытанія, увѣряясь на однихъ тѣхъ продерзателей словахъ принятые, и подъ такимъ ихъ принятія способомъ и тайнъ церковныхъ въ домахъ ихъ и въ прочихъ мѣстахъ исправленіе чинить дерзающіе, изъ которыхъ нѣкоторые, оставя настоящія свои церкви къ которымъ посвящены, праздны, самовольно отъ тѣхъ отлучившіеся или до суда духовнаго по тяжкимъ преступленіямъ дошедшіе, каковые по изслѣдованіи имѣли бы достигнуть конечно отъ своихъ достоинствъ изверженія, по коварствомъ въ дальнія отъ своихъ жилищъ разстоянія ушедшіе, иные священнослуженіе исправлять запрещенные (даже самимъ св. Синодомъ) или и вовсе ни въ какой чинъ священства не произведенные“, также съ подложными паспортами и проч. Опредѣлено: безъ разрѣшенія духовнаго начальства не принимать такихъ священно-и-церковно-служителей для служенія ни въ полки, ни въ адмиралтейство, ни

(1) Ист. моск. епарх. управл. 1, стр. 122.

(2) Ософ. Прокоп. Чистовича, 509—510. Историко-стат. опис. спб. епарх. II, 345—346.

въ домовыя церкви; за держаніе ихъ у себя брать съ виновныхъ 50 рублей штрафа на госпитали (1). Духовное начальство съ своей стороны распорядилось, чтобы духовенство обѣихъ столицъ представляло бродячихъ поповъ своимъ ближайшимъ начальствамъ и ни подъ какимъ видомъ не допускало ихъ къ служенію при своихъ церквахъ (2). Въ 1737 г. московская дикастерія просила полицмейстерскую канцелярію, чтобы она взяла обязательства извѣщать о бродячихъ и крестцовыхъ попахъ со всѣхъ московскихъ обывателей, а отъ себя нарядила на крестцы солдатъ съ наказомъ забирать всѣхъ крестцовыхъ поповъ къ допросу (3).

Москва все-таки и послѣ этого продолжала оставаться самымъ любимымъ притономъ бродячихъ и крестцовыхъ поповъ. При коронаціи имп. Елизаветы въ 1741 г. оберъ-прокуроръ Синода кн. Шаховскій самъ видѣлъ въ Москвѣ „стоящихъ поповъ и дьяконовъ по утрамъ до литургіи за Спасскими воротами, также у Спасскихъ воротъ и у Николы Гостунскаго, которые собирали памятцы (помипанія) и чинили необычайный крикъ“. Онъ распорядился ловить ихъ и „за таковое неприличествующее свящ. чину напрасное и праздное стояніе“ бить плетьми въ дикастеріи и ссылать подъ началъ въ монастыри. Дикастерія отправила для ловли ихъ по крестцамъ своего вахмистра съ солдатами. Съ 1743 г. на Спасскій крестецъ, гдѣ была главная биржа крестцовыхъ поповъ, для поимки ихъ аккуратно каждый день отправлялись изъ дикастеріи дневальные подъячіе и два копіиста съ солдатами, пойманныхъ вели въ дикастерію, наказывали здѣсь плетьми и обязывали подпиской впредь на крестецъ не ходить. Дикастеріи обязана была съ своей стороны помогать и полиція. Въ 1750-хъ годахъ за Спасскимъ крестцомъ велѣно еще наблюдать протопопу сосѣдняго

---

(1) П. С. З. VIII, 6025.
(2) Тамже IX, 6574. Ист. моск. епарх. упр. 1, 123.
(3) Ист. моск. епарх. упр. 1, 123—124.

Покровскаго собора (1). Служеніе съ крестца было до того въ обычаѣ, что на крестецъ становились иногда и такіе священнослужители, которые имѣли уже при московскихъ церквахъ опредѣленныя мѣста, особенно заштатные, служившіе при церквахъ въ викаріяхъ или такъ называемыхъ „ранихъ попахъ“: поэтому въ архіерейскихъ указахъ, выдаваемыхъ такимъ священнослужителямъ при опредѣленіи къ церквамъ нарочно включалось условіе: „и съ крестца служить не напиматься“ (2). Такого рода служба, можно сказать, была освящена здѣсь вѣковыми преданіями, противъ которыхъ очень трудно было ратовать ревнителямъ церковнаго порядка. Въ молодомъ, полунѣмецкомъ Петербургѣ такихъ старинныхъ преданій не было; но безмѣстные попы нерѣдко заходили и сюда, расчитывая на малочисленность петербургскаго духовенства, такъ что въ 1755 г. св. Синодъ и здѣсь долженъ былъ ввести противъ нихъ тѣже мѣры, какія приняты были въ московской епархіи, обязавъ чрезъ полицію объявлять объ нихъ всѣхъ обывателей и назначивъ за держаніе ихъ 50-ти-рублевый штрафъ, а въ 1761 г. выдалъ новый указъ, чтобы тѣхъ изъ нихъ, которые приходили въ Петербургъ безъ паспортовъ, обыватели не пускали къ себѣ даже для ночлега, а полиція сторожила ихъ при самомъ входѣ въ столицу на заставахъ (3). По епархіямъ обязанность наблюдать за бродячимъ духовенствомъ возлагалась на поповскихъ старостъ (4). Мы увидимъ, что крестцовые и бродячіе попы надѣлаютъ еще много хлопотъ администраціи и въ царствованіе Екатерины II.

---

(1) Ист. моск. епарх. управл. I, 124 ч. II, кн. I, 163—164. Примѣч. 410.

(2) Тамже, ч. II, кн. I, 113.

(3) П. С. З. XIV, № 10450. XV, 11323.

(4) Инструкціи поп. старостамъ. Напр. Біограф. тверск. іерарх. Чередѣева. 1859 г. прилож. № 22, п. 16.

Еще суровѣе и рѣшительнѣе были мѣры противъ множества лишнихъ церковниковъ и безмѣстныхъ дѣтей духовенства, состоявшія въ такъ называемыхъ церковническихъ разборахъ, жестокость которыхъ въ 1730-хъ годахъ доходила до того, что разборы Петра являются въ сравненіи съ ними только слабой прелюдіей.

Послѣ смерти Петра разныя духовныя лица, попавшія въ подушный окладъ, надѣялись было облегченія своей участи; нѣкоторые изъ положенныхъ въ окладъ церковниковъ успѣли было даже посвятиться во дьяконы и въ попы. Но, какъ мы видѣли, импер. Екатерина не велѣла освобождать ихъ отъ оклада и послѣ посвященія. Указъ этотъ неоднократно потомъ повторялся и въ слѣдующее царствованіе (1). Такая настойчивая ревность правительства о цѣлости подушнаго сбора должна была бы разбить всѣ надежды податныхъ церковниковъ, но съ другой стороны среди усиливавшейся реакціи реформѣ находилось много и такихъ обстоятельствъ, которыя поддерживали эти надежды. Такъ наприм. по поводу жалобъ на то, что въ подушный окладъ изъ духовенства записано много людей лишнихъ, вовсе не подлежащихъ записи (2), правительство дозволило снова выписывать ихъ изъ оклада, кромѣ того въ случаѣ необходимости дозволило посвящать въ священнослужители даже изъ купцовъ и крестьянъ. Между податными церковниками стали ходить самые заманчивые слухи. Въ мартѣ 1729 г. у нихъ открыты были ходившіе по рукамъ списки съ подложнаго указа, который гласилъ, якобы для поминовенія сестры государевой Натальи Алексѣевны съ церковниковъ и съ боярскихъ людей, съ кабальныхъ и некабальныхъ, которые положены въ генеральство (т. е. во время генеральной переписи) въ подушный окладъ, съ сего числа и впредь оклада не имать, кромѣ

(1) П. С. З. VII, 4802. 4996. 5202. VIII, 5264.
(2) Тамже, 5228.

крестьянъ и другихъ чиновъ. По сыску явилось, что эти списки, умыслу воровски, составлялъ поповичъ Иванъ Степановъ. По этому поводу найдено нужнымъ издать даже особый именной указъ, чтобы никто и никакимъ такимъ спискамъ не вѣрилъ (1). Въ томъ же году, по поводу разныхъ безпорядковъ отъ множества бѣглыхъ и бродягъ между которыми попадались праздные священнослужители и церковники, вышелъ указъ о новомъ разборѣ всѣхъ не записанныхъ ни за кѣмъ людей, „отъ которыхъ, объяснено въ указѣ, ничего иного ожидать можно, точію всякихъ непотребствъ“; годныхъ къ военной службѣ повелѣвалось отдать въ солдаты, а негодныхъ записывать за кѣмъ-нибудь въ окладъ, если же никто ихъ за себя не возметъ, ссылать на поселеніе въ Сибирь, чтобы „такихъ праздныхъ и шатающихся никого не было“ (2).

Послѣ непродолжительной реакціи, которая однако принесла очень незамѣтное облегченіе духовенству отъ разборовъ, наступило царствованіе Анны Іоанновны, когда разборы церковниковъ доведены были до крайности и произвели настоящій погромъ въ духовномъ сословіи. Во главѣ церковной администраціи стоялъ тогда духовный временщикъ царствованія Анны Іоанновны, Ѳеофанъ Прокоповичъ, одинъ изъ энергичнѣйшихъ птенцовъ Петра великаго, главный редакторъ его указовъ по церковной части, самый рьяный врагъ старыхъ церковныхъ нестроеній. Власть государственная попала въ руки нѣмцевъ, крѣпко державшихся за выгодное для нихъ знамя реформы и игравшихъ роль цивилизаторовъ невѣжественной Московіи; выставляя вездѣ, гдѣ было можно, свои просвѣтительныя стремленія, нѣмецкое правительство взялось и за образованіе духовенства. За исключеніемъ развѣ времени Екатерины II, никогда еще въ указахъ не толковалось столько о необходимости умноженія духов-

(1) Тамже, 5374.
(2) Тамже, 5441.

ныхъ училищъ, о пользѣ религіознаго обученія подлаго народа, преклоняющагося отъ невѣжества и грубіанства на всякое зло, о томъ, что всѣ священно-служительскія мѣста для этого слѣдуетъ замѣстить учеными людьми, о невѣжествѣ наличнаго духовенства и т. п., какъ именно во время царствованія импер. Анны; среди краснорѣчивыхъ обличеній невѣжественнаго духовенства доставалось и „духовной командѣ“, которая будтобы не торопилась заводить потребныхъ училищъ, несмотря на многіе посланные въ епархіи указы, и „въ отважномъ и нечувственномъ“ небреженіи пребывала. Краснорѣчіемъ дѣло не ограничилось; новые правители принялись очищать духовенство отъ всѣхъ недостойныхъ людей и повели это дѣло съ такимъ рьянымъ усердіемъ, которое носило на себѣ всѣ признаки кабинетнаго бюрократизма, соединеннаго съ крайне плохимъ знаніемъ наличныхъ средствъ просвѣщаемой страны, и въ нѣсколько лѣтъ едва не оставило православныхъ церквей вовсе безъ причтовъ и службы. Къ просвѣтительнымъ мотивамъ, на основаніи которыхъ опустошалось духовное сословіе, у правительства присоединялись еще мотивы политическіе, явное нерасположеніе къ духовенству, бывшее слѣдствіемъ подозрительности относительно его симпатій къ новымъ курляндскимъ правителямъ. Послѣдніе слишкомъ живо чувствовали свою слабость и ненаціональность въ странѣ, которою управляли, хорошо знали, что права на престолъ по завѣщанію Екатерины I принадлежали не Аннѣ курляндской, а прежде всего дочерямъ Петра великаго съ ихъ потомствомъ, и потому подозрительно прислушивались ко всѣмъ заявленіямъ въ пользу народности или православія и къ толкамъ о цесаревнѣ Елизаветѣ, о сынѣ цесаревны Анны Петрѣ голштинскомъ и даже объ Евдокіи Лопухиной. Духовенство, всегда стоявшее за народныя начала и православіе, отъ души расположенное къ цесаревнѣ Елизаветѣ, разумѣется, никакъ не могло избѣжать подозрѣній правительства и ужасовъ знаменитой Бироновщины.

Начало царствованія прошло еще довольно спокойно для бѣлаго духовенства; правительство занималось пока очищеніемъ отъ непріятныхъ для себя людей только верхнихъ слоевъ іерархіи, разстригало архіереевъ, било ихъ кнутомъ и ссылало въ тюрьмы отдаленныхъ монастырей; потомъ, почти постепенно, грозная тайная канцелярія добиралась до архимандритовъ и всего монашества, наконецъ уже до низшаго слоя,—бѣлаго духовенства. Не упоминая пока о политическихъ розыскахъ надъ лицами духовнаго сословія, обратимся сообразно съ нашей теперешней цѣлью прямо къ разборамъ духовенства.

Въ сентябрѣ 1736 г., по случаю турецкой войны, вышелъ первый грозный указъ о разборѣ за подписаніемъ кабинетъ-министровъ, Синода и Сената, написанный съ небывалой еще строгостью. По всему духовному вѣдомству повелѣвалось учинить для укомплектованія арміи и гарнизоновъ наборъ въ солдаты до 7000 человѣкъ; съ этой цѣлію всѣхъ „протопопскихъ, поповскихъ, дьяконскихъ, дьячковскихъ и прочаго церковнаго причта дѣтей и самихъ церковниковъ, не положенныхъ въ подушный окладъ, во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ, всѣхъ до сущаго младенца переписать, а именно: въ Москвѣ синодальнаго вѣдомства конторамъ синодской и сенатской, въ губерніяхъ губернаторамъ и воеводамъ обще съ архіереи или съ опредѣленными отъ тѣхъ духовными и свѣтскими персонами, не обходя ни единаго,... а для того во епархіяхъ протопопамъ и попамъ и опредѣленнымъ закащикамъ и старостамъ поповскимъ и дьяконамъ и прочимъ церковнаго причта подать сказки немедленно, сколько такихъ нынѣ по церквамъ или праздно живущихъ находится, и въ каковыя кто лѣта, не причитая и не умаляя лѣтъ, безъ всякой утайки, подъ опасеніемъ смертной казни. Сверхъ же того, дабы въ тѣхъ сказкахъ нималой утайки не было, во свидѣтельство самимъ помѣщикамъ, а въ небытность ихъ прикащикамъ и старостамъ, а въ дворцовыхъ и государственныхъ

волостяхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ управителямъ, прикащикамъ и старостамъ, каждымъ о своихъ церквахъ, подъ тѣми сказками подписываться, подъ опасеніемъ за утайку тяжкаго штрафа или тѣлеснаго наказанія по изобрѣтенію вины, какъ указы повелѣваютъ". Послѣ разбора велѣно оставить при церквахъ только „дѣйствительно служащихъ, сколько такихъ при каждой церкви быть опредѣлено, да сверхъ того по необходимой нуждѣ, для произведенія на умершія и прочія убылыя мѣста въ попы и въ прочій церковный причетъ изъ недѣйствительныхъ толикое же число, сколько дѣйствительно служащихъ при каждой церкви быть опредѣлено, по разсмотрѣнію архіереевъ, въ церковную службу достойныхъ,.. въ которое число включить и тѣхъ, кто изъ нихъ до сего времени взяты по указамъ для обученія въ епаршескія школы и учатся нынѣ, кромѣ московской славяно-греко-латинской академіи, и которые имѣются при церквахъ посвященные во дьячки и попомари а хотя и не посвященные, да дѣйствительно тоё при церквахъ должность, за неимѣніемъ дьячковъ и попомарей, правятъ, — всѣхъ тѣхъ вмѣщать въ то число, что оставить при церквахъ надлежитъ по вышеписанному положенію"; изъ остальныхъ годныхъ взять въ военную службу, а которые пожелаютъ представить за себя наемщиковъ, за тѣхъ принимать наемщиковъ по одному или по два человѣка, смотря по пожиткамъ ихъ; оставшихся отъ разбора въ солдаты опредѣлять въ окладъ къ посадамъ, въ канцелярскіе разсыльщики и куда за пристойно разсудится, а дѣтей ихъ въ подъячіе и въ гарнизонныя школы; священно-и-церковно-служительскихъ дѣтей малолѣтнихъ оставить въ вѣдомствѣ Синода для опредѣленія въ школы и для произведенія въ послѣдствіи времени на церковныя должности; изъ учениковъ московской академіи выбрать годныхъ въ хирургическую науку, а изъ этой науки посылать въ лекаря къ полкамъ. Любопытно, что, для удобнѣйшаго произведенія

требуемой переписи и въ избѣжаніе утайки при ней, правительство прибѣгнуло къ хитрости, положило до времени не объявлять духовенству о настоящей своей цѣли, о наборѣ въ солдаты, а велѣло объявлять о переписи „подъ тѣмъ претекстомъ, что та перепись чинится для того, что всѣмъ духовнымъ дѣтямъ велѣно въ надежду священства учитися въ школахъ, чего для они и въ подушный окладъ не положены, а нынѣ вѣдомо учинилось, что многіе дѣтей своихъ въ школы не отдаютъ, но въ подъячіе по канцеляріямъ и въ прочіе чины производятъ и другими разными виды отъ того ихъ укрываютъ; того ради велѣно ихъ всѣхъ отъ мала до велика переписать и годныхъ къ ученію отъ негодныхъ разобрать,... а по разобраніи годные въ школу будутъ опредѣлены, а перерослыхъ и негодныхъ спрашивать будетъ не велѣно, чтобы потомъ архіереи и ихъ управители болѣе имъ священно-служителямъ съ причетники за негодныхъ утружденія не чинили и оные священно-служители съ архіереями въ напрасной враждѣ не были“. Не надѣясь впрочемъ обмануть духовенство этимъ попечительнымъ претекстомъ, указъ все-таки почелъ за нужное подъ конецъ повторить свою прежнюю угрозу за утайку дѣтей „смертною казнію безъ всякія пощады“ (1).

Вслѣдъ за этимъ указомъ послѣдовалъ рядъ новыхъ подтвердительныхъ указовъ, въ которыхъ правительство торопило скорѣйшей присылкой вѣдомостей о духовенствѣ изъ епархій въ коммиссію о разборѣ духовенства и грозило новыми строгостями за нерадѣніе о переписи и утайки; велѣно было подвергнуть разбору и тѣхъ людей духовнаго происхожденія, которые успѣли опредѣлиться послѣ сентябрьскаго указа на службу при канцеляріяхъ (2). Многія духовныя лица стали заявлять желаніе вмѣсто назначенныхъ въ воен-

(1) П. С. З. IX, 7070.
(2) Тамже, 7138. 7164.

ную службу дѣтей ихъ и родственниковъ поставлять наемщиковъ, при чемъ, поддѣлываясь подъ просвѣтительныя стремленія правительства, давали обѣщаніе по освобожденіи отъ солдатства отдавать этихъ молодыхъ людей въ школы для изученія грамматики, риторики и даже отчасти философіи, а непонятныхъ къ наукамъ отдавать въ купечество, въ цѣхи и приказные чины. Правительство всемилостивѣйше согласилось, но подъ такими тяжелыми для духовенства условіями, которыя дѣлали это всемилостивѣйшее соизволеніе совершенно почти излишнимъ; плата за рекрута назначена въ 200 рублей; заплатившихъ эту сумму, или поставившихъ за себя рекрута натурою съ полнымъ обмундированіемъ и вооруженіемъ (не менѣе, какъ въ 30 рублей) дозволено отпускать, но со взятіемъ обязательства или записаться въ подушный окладъ, или поступить въ школу и выучиться здѣсь грамматикѣ, риторикѣ и, буде есть охота, философіи, также ариѳметикѣ и геометріи „конечно въ три года“, послѣ чего явиться на экзаменъ предъ архіереями обще съ губернаторами и воеводами и съ ихъ товарищами; успѣвшихъ въ этихъ наукахъ дозволялось опредѣлять по достоинствамъ въ духовные и приказные чины, а не успѣвшихъ велѣно писать въ солдаты безъ всякаго зачета (1).

Перепись и разборы духовенства на этотъ разъ простерлись было и на Малороссію, гдѣ духовенство еще ни разу доселѣ не тревожили, но съ самаго же начала 1737 г. были остановлены вслѣдствіе особыхъ представленій тамошнихъ епархіальныхъ начальствъ, которыя писали въ св. Синодъ: „во опыхъ де кіевской и переяславской епархіяхъ такого обыкновенія, чтобы дьячкамъ и попомарямъ быть при церквахъ наслѣдственно, не бывастъ, того де ради и дѣти ихъ при своихъ приходахъ наслѣдственно не живутъ, но

---

(1) Тамже, 7169.

какъ сами церковно-служители, такъ и дѣти ихъ больше въ казачьемъ званіи обрѣтаются, чего ради и въ дѣйствительную службу къ церквамъ не бываютъ опредѣлены, много же и того бываетъ, что во дьячкахъ и пономаряхъ служатъ по мѣсяцу, по 2 и по 3 и перемѣняются. А бѣлогородскій архіерей представлялъ, что въ той бѣлогородской епархіи имѣются пять слободскихъ полковъ и церковно-служители де малороссійскаго народа черкасскаго до губернатора и воеводъ не надлежатъ, а вѣдомы сборами и правленіемъ въ коммиссіи учрежденія слободскихъ полковъ, а впрочемъ о тѣхъ церковно-служителяхъ, кои бываютъ при черкасскихъ церквахъ, подобно же объявлялъ, какъ и оные кіевскій и переяславскій архіереи, и требовалъ резолюціи, съ таковыми церковно-служителями и ихъ дѣтьми какъ поступать, равно ль, какъ съ причетники великороссійскихъ церквей и съ дѣтьми ихъ". Св. Синодъ мнѣніемъ положилъ,—числить при церквахъ дѣйствительно служащими такихъ только церковниковъ, которые опредѣлены къ служенію по новичнымъ грамотамъ и указамъ изъ архіерейскихъ домовъ, служащихъ же временно, по паймамъ, а не наслѣдственно, числить съ мірскими разныхъ чиновъ людьми по чинамъ отцовъ ихъ. Кабинетъ министровъ послѣ этого положилъ рѣшеніе—переписи церковниковъ въ Малороссіи не чинить (1). Вслѣдъ за представленіями изъ Малороссіи св. Синодъ получилъ такія же представленія изъ земли войска донскаго, въ которыхъ тоже говорилось, что тамошнее духовенство большею частію изъ козаковъ и состоитъ въ войсковомъ чинѣ и что за тѣмъ дѣти его и въ подушный окладъ не положены. Согласно мнѣнію Синода и Сената, кабинетъ указалъ производить перепись духовенству только тамъ, гдѣ есть подушный окладъ, а не между козаками, которые въ особомъ опредѣленіи живутъ (2).

---

(1) Тамже, X, 7144.
(2) Тамже, 7331.

Такимъ образомъ вся тяжесть разборовъ пала на одно великорусское духовенство. Тяжкіе сами по себѣ, эти разборы сдѣлались еще тяжелѣе вслѣдствіе подозрительнаго взгляда правительства на духовенство. Съ самаго же начала они усилились и усложнились огромнымъ слѣдствіемъ надъ всѣмъ духовнымъ вѣдомствомъ политическаго характера. Мы разумѣемъ сложное и запутанное дѣло о присягахъ на вѣрноподданство 1730 и 1731 гг., возникшее вслѣдствіе того, что правительству сдѣлалось извѣстнымъ объ уклоненіи отъ этихъ присягъ множества лицъ духовнаго вѣдомства, и стоившее послѣднему большихъ потерь и страданій (1).

Первый манифестъ о присягѣ новой императрицѣ вышелъ 20 февраля 1730 г. и объявленъ былъ сначала по одному гражданскому вѣдомству; потомъ уже вышелъ указъ объ ней св. Синода для духовнаго вѣдомства. Такая неодновременная публикація этихъ двухъ важныхъ бумагъ повела за собою опасныя недоразумѣнія и имѣла гибельныя послѣдствія для многихъ духовныхъ особъ. Въ указѣ св. Синода было объяснено между прочимъ, что вѣрные подданные ея императорскаго величества, которые въ Москвѣ, присягали еще 4 февраля 1730 г., но что потомъ они упросили ее принять самодержавіе, и потому выданы и разосланы по имперіи новые манифесты и присяги; „особливо же для привода къ той присягѣ духовныхъ персонъ, высшихъ и нижнихъ, священнаго и монашескаго чиновъ, и церковныхъ служителей, велѣно такія присяги послать, колико куда надлежитъ, въ епархіи къ архіереямъ и въ прочія надлежащія мѣста изъ св. Синода съ нарочными синодальными служителями и во

---

(1) Ходъ этого дѣла о присягахъ, очень неясный по указамъ Полнаго Собранія Законовъ, можно теперь довольно ясно возстановить по документамъ, приводимымъ въ Историко-стат. опис. спб. епархіи. вып. II, стр. 167 — 174. II. С. З. VIII, 5494. 5508. 5509.

всѣхъ мѣстахъ оныя объявить, и присягу какъ самимъ архіереямъ, такъ и всѣмъ духовнымъ исполнять въ самой скорости“ и проч. Нельзя не обратить здѣсь вниманія на то, что правительство указывало снять присяги „особенно“ съ духовенства. Присяга была исполнена. Прошло болѣе года, какъ вдругъ въ декабрѣ 1731 года св. Синодъ получилъ новый именной указъ: „для утвержденія благополучія и цѣлости государства и для благополучнаго, спокойнаго и несумнительнаго жительства всѣхъ ея имп. величества вѣрныхъ подданныхъ и для пресѣченія всѣхъ противныхъ сему благополучію толкованій привести всѣхъ вновь къ присягѣ“, при чемъ, кромѣ императрицы, велѣно присягать и ея высокимъ наслѣдникамъ, хотя личности этихъ высокихъ наслѣдниковъ и не были обозначены. По всему духовному вѣдомству опять поднялась суматоха съ присягами, на этотъ разъ еще дѣятельнѣе прежняго, потому что въ теченіе года расположеніе новаго правительства къ духовенству успѣло уже довольно обозначиться и держало духовенство въ постоянномъ страхѣ. О томъ, какъ производилась эта присяга, узнаемъ изъ сохранившихся объ ней извѣстій въ петербургскомъ краѣ. Петербургское духовенство присягало въ день рождества Христова; за тѣмъ духовное правленіе немедленно разослало гонцовъ по уѣзду съ наказомъ ѣхать, какъ можно, скорѣе, денно и нощно, и объявлять причтамъ, чтобы сейчасъ же отправлялись въ Петербургъ „для нѣкоего важнаго дѣла“ и являлись здѣсь въ духовное правленіе. Несмотря на время великихъ и доходныхъ праздниковъ и крайнюю надобность оставаться въ приходахъ, всѣ причты безпрекословно явились въ Петербургъ и исполнили присягу по указу. Въ другихъ уѣздахъ петербургской губерніи причты должны были являться для присягъ къ своимъ закащикамъ, которые обязывались лично наблюдать за подписями на присяжныхъ листахъ и обозначать на этихъ листахъ послѣ рукоприкладствъ каждаго причта, что другихъ церковниковъ.

кромѣ подписавшихся, въ причтѣ не имѣется. Въ первой половинѣ 1732 г. повсюду были исполнены и эти вторичныя присяги.

Но дѣло не кончилось и этимъ. Желая еще вѣрнѣе оградить безопасность государства и спокойное, несумнительное жительство вѣрныхъ подданныхъ, подозрительное правительство назначило еще особыя коммиссіи для изслѣдованія, точно ли всѣ по духовному вѣдомству учинили присягу въ свое время. Въ объясненіе этого новаго факта подозрительности къ духовенству нужно припомнить, что въ томъ же 1732 г. шло страшное судбище надъ нѣсколькими архіереями, которые обвинялись въ нерасположеніи къ царствующей государынѣ, а нѣкоторые изъ нихъ (Левъ Юрловъ воронежскій и Варлаамъ Вонатовичъ кіевскій) даже прямо въ препебреженіи присягой 1730 г. Вмѣстѣ съ архіереями къ политическимъ розыскамъ привлечено было много другихъ духовныхъ лицъ разныхъ епархій. Правительство не принимало во вниманіе никакихъ объясненій со стороны обвиняемыхъ и видѣло въ уклоненіи ихъ отъ присягъ не что иное, какъ преступную оппозицію со стороны духовенства противъ существующей верховной власти и злодѣйскую факцію, которую непремѣнно нужно распутать и вырвать съ корнемъ. Коммиссіи тоже открыли множество не присягавшихъ по духовному вѣдомству.

Для насъ въ высшей степени трудно представить, чтобы духовенство, и тогда уже довольно забитое и робкое, могло сознательно заявить свое недовольство воцареніемъ новой императрицы и притомъ въ такой открытой и рѣзкой формѣ, какъ отказъ отъ присяги на вѣрноподданство. Но не присягавшихъ въ его средѣ было дѣйствительно много какъ въ первую, такъ и во вторую присягу, много осталось даже и послѣ коммиссій. Въ 1730 г. опущеніе присяги легко объясняется несвоевременностію и неопредѣленностію указовъ касательно ея совершенія. Восшествіе на престолъ Анны Іоанновны сопровождалось такими свое-

образными обстоятельствами и такой путаницей разныхъ толковъ и даже оффиціальныхъ объявленій, что въ опасные промахи легко было попасть не только какому-нибудь скромному сельскому священно-или церковно-служителю, но даже архіерею въ родѣ Льва Юрлова или Варлаама Вонатовича. По провинціямъ долго не знали даже и того, кто наконецъ будетъ императрицей, Анна ли курляндская, или цесаревна Елизавета, или даже, какъ носилась молва, царица Евдокія Лопухина. Мы ничего особеннаго не видимъ наприм. въ томъ, что по смерти Петра II до полученія синодскаго указа о воцареніи Анны Іоанновны воронежскій епископъ поминалъ за богослуженіемъ сначала царицу Евдокію, а за ней уже цесаревну и царевенъ, потому что Евдокія дѣйствительно была тогда старшимъ членомъ царской семьи. Что касается до вторичной присяги, то она совершалась съ такими стѣснительными формальностями и въ такое неудобное время, что неисполненіе ея нѣкоторыми духовными лицами понятно само собой. Къ этому нужно присоединить крайнюю неопредѣленность самихъ указовъ о присягѣ. Во-первыхъ не сказано было, съ какого возраста слѣдовало приводить къ ней дѣтей духовенства, — только послѣ, когда уже началось политическое слѣдствіе объ ихъ за неприсяганіе, указы опредѣлили этотъ возрастъ въ 8 лѣтъ; а ко второй присягѣ дѣти духовенства и не спрашивались къ духовнымъ закацикамъ. Далѣе, на томъ основаніи, что къ присягамъ не приводились крестьяне и люди несвободнаго состоянія, въ приходахъ не присягнуло ни въ первый, ни во второй разъ множество духовныхъ дѣтей и церковниковъ, записанныхъ въ подушный окладъ, а въ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ множество служекъ, которые тоже почти всѣ были въ окладѣ, большею частію и на службу брались съ пашни и вообще трактовались, какъ крестьяне. Но къ розыскамъ о присягахъ притянуты были и эти лица. Чаще всего духовенство попадалось въ дѣлѣ о присягахъ вслѣдствіе своей простоты. На-

прим. въ петербургской губерніи одинъ причтъ Тосненскаго яма долго судили за то, что на присяжномъ листѣ не расписался никто изъ его членовъ и находилась отмѣтка одного канцеляриста, при которомъ произведена была присяга, огуломъ: „причтъ NN церкви,—присягали“; на бѣду, какъ разъ ко времени слѣдствія, умеръ и самъ этотъ канцелярисгъ, — свидѣтель присяги. Нѣкоторые по простотѣ присягали и расписывались за своихъ родственниковъ, которые сами занимали мѣста церковниковъ и даже священниковъ. Одинъ пономарь копорскаго уѣзда росписался за брата, который не былъ у присяги; тайная канцелярія долго томила обоихъ братьевъ, а втораго брата, не бывшаго у присяги, отдала въ солдаты. Слѣдователи по дѣлу о присягахъ привязывались даже къ формѣ подписей на присяжныхъ листахъ, подвергали духовныхъ лицъ томительнымъ допросамъ наприм. за прибавку къ подписи: подписуюсь „своею рукою“. Множество непріятностей пришлось потерпѣть петербургскому духовенству даже отъ того независящаго отъ него обстоятельства, что присяжные листы 1730 г. были безъ переплета отосланы изъ Петербурга въ Москву, гдѣ тогда находился и Дворъ и св. Синодъ, и возвращены оттуда въ неполномъ количествѣ, такъ что многія духовныя лица ничѣмъ не могли доказать свою бытность у присяги и должны были оставаться въ подозрѣніи. На всѣ подобныя обстоятельства правительство не обращало никакого вниманія, знало только одно, что въ духовномъ вѣдомствѣ насчитано болѣе 5000 не бывшихъ у присягъ, а отъ такой массы не присягнувшихъ мало ли можно ожидать всякихъ злодѣйскихъ факцій?

Чѣмъ болѣе разыгрывалась подозрительность правительства, тѣмъ строже становились розыски о присягахъ. Указами 28 іюня и 25 августа 1735 г. дѣла по присягамъ, доселѣ разсматривавшіяся главнымъ образомъ по духовнымъ правленіямъ, велѣно передать въ тайную канцелярію. Указы эти относились теперь и

къ духовнымъ дѣтямъ, о которыхъ въ прежнихъ указахъ о присягѣ не было сказано ничего опредѣленнаго; въ тайную канцелярію велѣно отсылать всѣхъ не бывшихъ у присягъ, которые во время исполненія этихъ присягъ имѣли не менѣе 8 лѣтъ отъ роду. Канцелярія производила имъ строгіе допросы, при которыхъ по обыкновенію сбивала ихъ съ толку и, завинивъ, въ чемъ было надобно, била ихъ плетьми или кнутомъ, отдавала въ солдаты, или ссылала на каторжную работу. Дѣло о присягахъ тянулось такимъ порядкомъ до начала общаго разбора духовенства по случаю турецкой войны для укомплектованія полковъ въ 1736 г. и наконецъ совершенно слилось съ этимъ разборомъ, придавши послѣднему какой-то карательный характеръ, характеръ настоящаго гоненія на духовное вѣдомство.

Въ томъ же самомъ указѣ 27 сентября 1736 г., который мы приводили, послѣ правилъ о наборѣ лишнихъ и праздныхъ людей изъ духовенства въ военную службу, читаемъ: „понеже вышеписанныхъ чиновъ нѣкоторыхъ губерній у присяги не были, о которыхъ есть извѣстіе, что находится ихъ болѣе 5000 человѣкъ: того ради какъ тѣхъ не бывшихъ у присягъ, такъ и другихъ, ежели тому подобные, которые у присягъ не были, сыскаться гдѣ могутъ, всѣхъ губернаторамъ и воеводамъ обще съ епархіальными архіереи разобрать немедленно, и изъ нихъ всѣхъ годныхъ въ службы, сколько по разбору явится, (кромѣ тѣхъ, кои изъ церковниковъ и церковническихъ дѣтей, хотя и не были у присягъ, но послѣ указомъ по слѣдствіи отъ коммиссіи къ тѣмъ присягамъ приведены, и какъ въ попы и дьяконы посвящены, такъ и въ прочій церковническій причетъ произведены) взять въ солдаты немедленно, дабы, видя то, другіе такъ безстрашно чинить не отважились... Ежели жъ такія не бывшія у присягъ поповскія, дьяконскія и причетническія дѣти въ которой епархіи явятся всѣ, то изъ тѣхъ оставить, сколько по самой нуждѣ необходимо потребно

для церковной службы, хотя и изъ годныхъ въ службу, а прочихъ годныхъ потому жъ взять всѣхъ въ службу неотмѣнно". Черезъ три мѣсяца послѣдовало еще новое распоряженіе—до пріема въ военную службу или до записи въ окладъ всѣхъ не бывшихъ у присягъ церковниковъ и духовныхъ дѣтей бить предварительно плетьми (1).

Только лишь начался разборъ, какъ изъ губерній начали присылаться представленія въ Сенатъ съ указаніемъ на неточность указовъ объ этомъ разборѣ. Такъ, изъ новгородской губерніи писали, что множество людей, подвергшихся разбору за присяги, наприм. монастырскіе и архіерейскіе служители, дьячки и др., числятся въ подушномъ окладѣ, многіе и живутъ пашней, а по указамъ приводить къ присягамъ поселянъ не полагалось. Но Сенатъ благонамѣренно и мудро распорядился:—писать въ военную службу всѣхъ годныхъ безъ изключенія, чтобы на то смотря, другіе такъ безстрашно чинить не отваживались, потому что если начать слѣдствіе, кто положенъ въ окладъ и кто нѣтъ, то его и въ годъ не окончить, а между тѣмъ всѣ будутъ отрекаться подушнымъ окладомъ (2). Вслѣдъ за представленіемъ изъ Новгорода явилось другое изъ Пскова, въ которомъ тамошній архіерей Варлаамъ представлялъ, что если всѣхъ годныхъ изъ архіерейскихъ и монастырскихъ служителей забрать въ солдаты, то въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ останутся одни только старые да малые, притомъ же всѣ эти служители берутся прямо съ пашни и черезъ 2—3 года опять возвращаются къ пашнѣ, какъ всѣ крестьяне, несутъ они и рекрутскую повинность, и указы о присягѣ къ нимъ, какъ къ истиннымъ крестьянамъ, нимало не относятся. Но Сенатъ и на этотъ разъ неумолимо стоялъ на своемъ несправедливомъ рѣшеніи; для удовлетворенія потребностей архіерейскихъ

(1) П. С. З. IX, 7133.
(2) Тамже, X, 7158.

домовъ и монастырей имъ дозволялось удержать при себѣ только немногихъ служителей изъ крестьянъ, „безъ чего пробыть не возможно“ (1).

Сенатъ очевидно поддѣлывался къ правительству; губернскія власти поддѣлывались къ Сенату и выказывали такое усердіе при разборѣ, что возбудили горькія жалобы по епархіямъ. При всей тогдашней опасности этихъ жалобъ, епархіальныя начальства не могли удержаться отъ нихъ и докучали ими св. Синоду, который считалъ своимъ долгомъ доводить объ нихъ до свѣдѣнія Сената. Такъ, изъ новгородской епархіи въ началѣ 1737 г. прислана была жалоба на новгородскаго вице-губернатора Бредихина, который, несмотря ни на какія возраженія духовныхъ персонъ, участвовавшихъ съ нимъ въ разборѣ, забиралъ въ солдаты и такихъ церковниковъ, которые уже присягали по коммиссіямъ, при нѣкоторыхъ церквахъ не только не оставилъ надлежащаго числа церковниковъ по штату и еще такого же числа изъ недѣйствительно служащихъ духовныхъ дѣтей для опредѣленія на мѣста впредь, но и послѣднихъ церковниковъ забралъ въ солдаты, такъ что, за неимѣніемъ священно-служителей и годныхъ на ихъ мѣста церковниковъ и духовныхъ дѣтей, церкви тѣ опустѣли, „за чѣмъ какъ въ праздничные, такъ и въ викторіальные дни во многихъ церквахъ (въ служеніи) будетъ не безъ остановки“, забралъ въ солдаты даже нѣсколькихъ школьниковъ, которые въ надежду священства въ архіерейской школѣ обучены были. Представляя объ этомъ въ Сенатъ, св. Синодъ требовалъ, чтобы изъ церковниковъ, назначенныхъ къ отдачѣ въ солдаты, возвращены были къ церквамъ по крайней мѣрѣ такіе, которые, хотя и не были у присягъ въ надлежащее время, но присягнули послѣ по указамъ и по коммиссіи и потомъ опредѣлены были на церковную службу въ дѣйствительный

(1) Тамже, 7198.

церковный причетъ, тѣмъ болѣе, что они уже достаточно наказаны за неприсяганіе во время привода ихъ къ присягѣ коммиссіей. Далѣе, св. Синодъ коснулся весьма важнаго пункта въ дѣлѣ о разборѣ, отъ разъясненія котораго много зависѣла тогда судьба духовенства. Губернская канцелярія, писалъ онъ, потребовала изъ архіерейскаго дома вѣдомостей и списковъ о всѣхъ подвѣдомыхъ ему лицахъ, которыя были у присяги уже послѣ 1731 г., а этимъ выражается то, будто присяга послѣ 1731 г. уже недѣйствительна, но по его св. Синода мнѣнію это не такъ, не слѣдуетъ винить никого изъ присягавшихъ и въ 1732 г., по крайней мѣрѣ въ первую половину года, потому что указъ о второй присягѣ состоялся уже въ декабрьскихъ числахъ 1731 г. и до конца года не могъ быть исполненъ, да притомъ же присяга въ 1732 г. была уже вмѣнена въ дѣйствительную и прежде, именно многимъ свѣтскимъ лицамъ тойже новогородской губерніи, — отъ чего же не вмѣнить ее въ дѣйствительную и духовнымъ? Вообще изъ бумаги канцеляріи „не иное значится, только что всеконечно новогородскій вицегубернаторъ Бредихинъ (невмѣненіемъ присяги 1732 г.)... тщится въ нихъ церковно-служителяхъ церковь святую и силу указовъ преобидѣть“. Поэтому о присягѣ 1732 г. требуется непремѣнно учинить опредѣленіе.

Губернская канцелярія съ своей стороны жаловалась Сенату на епархіальное начальство, что оно не даетъ производить разбора и споритъ съ губерніей о томъ, будтобы не должно брать въ солдаты никого изъ приведенныхъ къ присягѣ коммиссіей, хотя бы они и не были произведены въ церковный причетъ, а губернія выключаетъ изъ того только тѣхъ, кои послѣ рѣшенія коммисскаго по приведеніи къ присягѣ въ попы и въ прочій причетъ произведены, а остальныхъ всѣхъ уповаетъ взять въ солдаты, что вслѣдствіе этого спора 50 человѣкъ архіерейскихъ дворянъ, церковниковъ и духовныхъ дѣтей, которые уже удостоены

въ солдаты, задержаны подъ карауломъ, а многіе такіе же скитаются по Новгороду и опасно, чтобы не разошлись; очень многихъ нельзя даже и взять къ разбору по недоставкѣ изъ архіерейскаго дома вѣдомостей о не присягавшихъ. Что касается до жалобы правителей архіерейскаго дома, будто бы вицегубернаторъ бралъ въ солдаты лишнихъ людей безъ духовныхъ депутатовъ, то она несправедлива, потому что разборъ производился въ общемъ собраніи вицегубернатора съ духовными депутатами за рукоприкладствомъ послѣднихъ на всѣхъ рапортахъ въ Синодъ и въ Сенатъ; да и взято де церковниковъ въ солдаты только 19 человѣкъ, насупротивъ же того оставлено безмѣстныхъ церковниковъ и дѣтей и школьниковъ 193 человѣка. По мнѣнію канцеляріи, духовные управители должны наполнять церковный штатъ преимущественно изъ негодныхъ въ солдаты, остающихся послѣ разбора, потому что, если опредѣлять въ штатное число изъ не бывшихъ у присягъ годныхъ въ солдаты да еще столько же оставлять изъ нихъ противъ штатнаго числа на убылыя мѣста впредь, то де можно тѣхъ винныхъ почти и всѣхъ записать на убылыя и престарѣлыя мѣста и тожъ число изъ нихъ при каждой церкви впредь оставить; ибо они и всѣ тогоже желаютъ, да и духовные управители о томъ же стараются, въ чемъ паивящше произойдутъ непорядки, понеже всѣ священно-служители и церковники, не желая дѣтямъ своимъ быть въ службѣ, будутъ всякими своими происки и пронырствы искать того, чтобы дѣти ихъ были при мѣстахъ, а другія впредь для наслѣдства тѣхъ мѣстъ оставлены, отъ чего въ службу годныхъ мало и останется, а негодныя въ службу будутъ праздно жить.

Въ отвѣтъ на эти донесенія на конференціи Синода съ Сенатомъ рѣшеніе спорныхъ вопросовъ сдѣлано было совершенно въ прежнемъ смыслѣ, на основаніи сентябрьскаго указа о разборѣ; тѣхъ, которые присягнули послѣ 1731 г. по коммиссіи и опредѣлены

уже къ мѣстамъ до указа о взятіи ихъ въ службу, дозволено было въ солдаты не брать, а тѣхъ, которые еще не произведены на церковныя мѣста, за таковое (?) ихъ преступленіе и чтобы другіе такъ безстрашно чинить не отважились, годныхъ всѣхъ, не обходя никого, забрать въ солдаты. Въ подтвержденіе виновности Бредихина, что онъ послѣднихъ церковниковъ у церквей поотнималъ, св. Синодъ представилъ списки, въ которыхъ такихъ взятыхъ въ службу показано болѣе 200 человѣкъ; поэтому съ Бредихина положено потребовать отвѣта, зачѣмъ поступалъ онъ противъ указа, а между тѣмъ, ежели на мѣста оныхъ церковниковъ дѣйствительно опредѣлить некого, а безъ нихъ пробыть не возможно, то возвратить ихъ изъ солдатства по прежнему къ церквамъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые взяты безъ согласія духовныхъ депутатовъ и еще не успѣли быть откомандированы къ полкамъ, а живутъ пока въ Новгородѣ и Петербургѣ. Главный вопросъ, изъ-за котораго возникъ споръ и изъ-за котораго такъ много страдало духовныхъ лицъ, именно, до какого времени считать присягу дѣйствительною, не былъ рѣшенъ; положено было отдать его на разсмотрѣніе тайной канцеляріи и сообщить о ея рѣшеніи Синоду и Сенату послѣ (1).

Въ первый же годъ послѣ указа о разборѣ до сентября слѣдующаго 1737 г. изъ духовнаго вѣдомства было взято въ солдаты 6557 человѣкъ. По разборъ продолжался и послѣ этого. Мы сейчасъ видѣли, какъ новгородская канцелярія оффиціально заподозрила духовную администрацію въ потворствѣ духовенству. Правительство тоже высказывало неудовольствіе на то, что опредѣленныя къ разбору особы „самыхъ лучшихъ людей изъ подлежащихъ разбору въ штатъ пишутъ и подъ разными видами отъ службы кроютъ и защищаютъ, не разсуждая того, что при нынѣшнемъ

---

(1) П. С. 3. 7198.

военномъ времени въ укомплектованіи полковъ крайняя нужда и что такими въ праздности живущими людьми въ поставкѣ рекрутъ купечеству и крестьянству вспоможеніе учинить надлежитъ, которые кромѣ того великія тягости несутъ, а именно—все войско на своемъ коштѣ содержатъ, работниковъ и подводы ставятъ, а сверхъ того и своихъ собственныхъ господъ довольствуютъ". Вслѣдствіе этого именнымъ указомъ 7 сентября 1737 г. наикрѣпчайше подтверждено не медлить разборомъ и безъ всякихъ споровъ непремѣнно окончить его къ половинѣ октября текущаго года, а понеже, разсуждалъ указъ, стараясь подъискать предлогъ къ своему послѣдующему распоряженію, по правиламъ въ священники раньше 30 лѣтъ ставить не позволено, то всѣхъ людей духовнаго званія, живущихъ безъ мѣстъ и не дѣйствительно служащихъ, которые по переписи явятся отъ 15 до 40 лѣтъ, такихъ всѣхъ взять безъ разбору въ солдаты, оставляя только увѣчныхъ, а для опредѣленія на церковныя вакансіи употреблять малолѣтнихъ и которые останутся свыше 40 лѣтъ отъ роду, при чемъ св. Синоду велѣно особенное стараніе и трудъ приложить о скорѣйшемъ заведеніи школъ, въ которыхъ бы всѣ малолѣтніе обучались наукамъ, и чтобы отселѣ неученые въ церковные чины опредѣляемы не были (1). Такимъ образомъ при церквахъ оставляемы были въ запасъ только старые, малые да увѣчные.—Черезъ 12 дней послѣдовалъ новый указъ: „понеже, разсудилъ онъ, для избѣжанія отъ службы многіе будутъ показывать въ лѣтахъ несходство, а именно средовѣчные лѣтъ пріумножать, а молодые убавливать", то наборщикамъ всѣхъ пересматривать, и которыхъ усмотрятъ роста довольнаго, здоровыхъ и крѣпкихъ, всѣхъ брать въ солдаты, хотя бы написаны были выше 40 и ниже 15 лѣтъ (2). Черезъ недѣлю опять именной

(1) Тамже, 7364.
(2) Тамже, X, 7364.

указъ о школьникахъ. Освобождая ихъ отъ набора, но въ тоже время жалѣя, что столько молодыхъ и здоровыхъ силъ уходитъ отъ военной службы, правительство видимо колебалось между провозглашенными имъ такъ громко просвѣтительными стремленіями и интересами военной службы и допустило въ своемъ указѣ довольно грубыя несообразности. Велѣно было подать въ св. Синодъ подробныя вѣдомости о школьникахъ, кто, гдѣ, когда и чему обучается или обучался, куда вышелъ на службу и сколько остается неопредѣленныхъ въ службу; послѣднихъ тотчасъ опредѣлить къ какому-нибудь дѣлу, чтобы не шатались безъ пользы; лѣнивыхъ и непонятныхъ въ школахъ отнюдь не держать, а прямо отсылать въ военную службу; кончившихъ курсъ тотчасъ опредѣлять къ мѣстамъ по желанію, или на гражданскую, или на церковную службу. Правительство забыло, что въ началѣ тогоже мѣсяца ссылалось на правило—раньше 30 лѣтъ въ попы не ставить, и строго настрого предписывало „изъ школъ не выпускать, пока не сыщутъ по желаніямъ своимъ мѣсто и къ тому потребованы и опредѣлены будутъ“ (1). Еще черезъ 5 дней новый указъ съ подтвержденіемъ прежнихъ и съ напоминаніемъ, чтобы въ октябрѣ наборъ непремѣнно былъ конченъ (2).

Въ началѣ 1738 г. изъ провинцій стали приходить донесенія о результатахъ набора. Донесенія эти послужили поводомъ только къ еще большему отягощенію духовнаго чина. Бѣда дошла теперь и до такихъ церковниковъ, которыхъ доселѣ оставляли въ покоѣ по ихъ молодости, или старости и дряхлости, какъ негодныхъ въ солдаты. Изъ костромской провинціи писали въ кабинетъ, что въ военную службу тамъ взяли 122 человѣка духовныхъ дѣтей и монастырскихъ служителей, но между ними оказалось нѣсколько мало-

(1) Тамже, 7385.
(2) Тамже, 7389.

рослыхъ, слабыхъ, больныхъ и одноглазыхъ. Кабинетъ (22 января) распорядился малорослыхъ отослать на старыя мѣста съ росписками явиться къ слѣдующему набору, когда подростутъ, а остальныхъ обязать поставить за себя рекрутовъ, а если не могутъ, записать въ тѣхъ городахъ, гдѣ живутъ, въ разсыльщики (1). Черезъ полтора мѣсяца это распоряженіе было замѣнено другимъ еще болѣе суровымъ. Изъ пензенской провинціи тоже пришло донесеніе, что къ разбору явилось много церковниковъ старыхъ и дряхлыхъ. На этотъ разъ кабинетъ распорядился, чтобы они, поставивъ за себя рекрутовъ, или заплативъ деньгами 200 рублей, записывались въ цѣхи, хотя здѣсь въ такихъ людяхъ, разумѣется, не было ни малѣйшей нужды; а ежели они учинить того не похотятъ, то посланы будутъ на поселеніе въ Сибирь, а въ праздности имъ жить позволено быть не можетъ, ибо, нравоучительно замѣчаетъ указъ, по святому писанію праздность всему злу корень (2).

Только лишь кончился наборъ, объявленный въ 1737 г., какъ указомъ 3 іюля 1738 г. по всему государству велѣно было произвести новый наборъ по рекруту со 120 человѣкъ, и духовное вѣдомство снова подверглось разбору. Послѣ всего опустошенія, какое было въ немъ произведено, указъ еще жаловался, что съ него все еще не было собрано надлежащаго числа рекрутовъ по спорамъ производившихъ разборъ духовныхъ персонъ и офицеровъ лейбъ-гвардіи; предписано было никакихъ споровъ впредь не заводить подъ страхомъ жесточайшаго штрафа, какъ за противленіе указамъ (3). А между тѣмъ вотъ наприм. что доносилъ о своей епархіи тобольскій митрополитъ Антоній: „по переписи де 1737 г. обрѣтающихся въ то-

(1) Тамже, 7490.
(2) Тамже, 7533.
(3) Тамже, 7610.

больской епархіи священно-и-церковно-служителей и по присланнымъ отъ городовъ отъ закащиковъ вѣдомостямъ оказалось многое число при церквахъ святыхъ порожжихъ мѣстъ, не имущихъ поповъ, дьяконовъ и прочихъ причетниковъ, и нынѣ де тѣ порожжія при св. церквахъ мѣста остаются праздны, попеже священно-и-церковно-служительскія дѣти, которые отъ 15 лѣтъ и выше, надлежать ко взятію въ солдаты, и уже разборъ и отдача въ той тобольской епархіи, по забраніи ихъ изъ городовъ и уѣздовъ, чинится безъ замедленія, окромѣ де малолѣтнихъ при церквахъ не остается для произведенія впредь въ чинъ священства; а хотя между тѣмъ и возрастные за негодностію въ солдатскую службу остаются къ, по изъ нихъ многіе увѣчные и неученые, и за тѣмъ ко удовольствованію церквей святыхъ, къ произведенію въ чинъ священства и ко опредѣленію въ причетъ неключили (неключимы?), также и малолѣтними за малолѣтствомъ ихъ и несовершеннымъ обученіемъ на объявленныя упалыя мѣста удовольствовать церкви святыя не мочно, отъ чего де во многихъ мѣстахъ при церквахъ можетъ учиниться въ службѣ остановка“ (¹). На такія донесенія никто не обращалъ вниманія, и наборы съ духовенства со всей энергіей продолжались до самаго окончанія турецкой войны.

Одновременно съ наборами продолжала тяготѣть неумолимая кара надъ духовенствомъ за опущеніе присягъ. Указами 1 іюля и 2 декабря 1738 г. велѣно было взять въ солдаты всѣхъ годныхъ къ службѣ церковнаго причта людей, которые не были у присягъ, хотя бы они состояли и въ дѣйствительной службѣ и имѣли болѣе 40 лѣтъ отъ роду, а на мѣста ихъ опредѣлить другихъ: „ибо, разсуждалъ кабинетъ въ своемъ сообщеніи св. Синоду, было бы весьма предосудительно такихъ людей къ церквамъ опредѣлять, которые въ

(¹) Тамже, 7646.

вѣрности ея имп. величеству присяги не учинили и подлежатъ жесточайшаго изтязанія, отъ котораго ея имп. в—во изъ высочайшей своей милости освободить и вмѣсто того въ военную службу, гдѣ бы они такую вину заслужить могли, опредѣлить повелѣла“ (1). Безъ изтязанія однако все-таки дѣло не обошлось; предъ опредѣленіемъ въ службу ихъ велѣно бить плетьми. Отъ истязанія плетьми избавлялись только малолѣтніе, имѣвшіе не болѣе 12 лѣтъ, но за нихъ въ этомъ случаѣ отвѣчали ихъ отцы, будучи обязаны платить за нихъ 50 рублей штрафа, а въ случаѣ несостоятельности сами ложиться подъ плети. Многіе священники, сами не бывшіе у присягъ, были лишаемы сана и по наказаніи плетьми, или взятіи 50-ти рублеваго штрафа отсылаемы въ подушный окладъ. Напуганные разборами и плетьми, нѣкоторые изъ нихъ стали подписываться подъ присяжными листами задними числами; такихъ тоже велѣно бить плетьми и отдавать въ солдаты, а негодныхъ записывать въ окладъ (2). Дѣло о присягахъ коснулось и Малороссіи, но тамошнія духовныя начальства крѣпко заступились за свое духовенство и успѣли исходатайствовать для него значительное облегченіе сравнительно съ великорусскимъ духовенствомъ. Малороссійское духовенство тоже штрафовали 50-ю рублями и били плетьми, но по крайней мѣрѣ не лишали мѣстъ и сана (3). О подобной милости для великорусскаго духовенства св. Синодъ рѣшился ходатайствовать уже въ 1739 и 1740 годахъ.

Результаты этого систематическаго гоненія на духовенство обнаружились вскорѣ же послѣ первыхъ разборовъ. Въ самомъ началѣ 1739 г. ея имп. величеству стало извѣстно, что множество церквей стоитъ безъ причтовъ; но въ простотѣ души императрица и не подумала, что причиной этого запустѣнія церквей,

---

(1) П. С. З. X, 7790.
(2) Тамже, XI, 8040.
(3) Тамже, X, 7634. 7717.

очень ее огорчившаго, была мудрость ея государственныхъ дѣятелей, писавшихъ въ указахъ такія прекрасныя разсужденія объ очищеніи духовнаго чина отъ недостойныхъ людей, о просвѣщеніи его ко благу св. Церкви и народа и т. п., и свалила всю вину на архіереевъ, которые, вмѣсто выбывавшихъ священнослужителей, должны были бы тотчасъ же озаботиться поставленіемъ на ихъ мѣста новыхъ достойныхъ духовныхъ лицъ, „всячески обученныхъ и наставленныхъ христіанскому закону и страху Божію;... однако сіе толь важное и человѣческому спасенію потребное дѣло весьма забвенію предано, а между тѣмъ люди безъ покаянія и причастія св. тайнъ помираютъ, слѣдственно же надлежитъ и тому быть, что въ отдаленныхъ отъ церквей мѣстахъ люди принуждены жить безъ принятія отъ Церкви брака, и тако многія души погибаютъ напрасно, еже ея и. в—во о таковомъ нерадѣніи и упущеніи съ великимъ прискорбіемъ и особливымъ ея и. в—ва сожалѣніемъ *печально* услышать принуждена“. Велѣдствіе этого 8 января вышелъ именной указъ, въ которомъ весьма наивно предписывается немедленно замѣстить всѣ праздныя мѣста „людьми добрыми и непорочнаго житія и прилежными въ чтеніи книгъ съ разумомъ св. Писанія“, для чего прихожанамъ велѣть выбирать по сущей справедливости и совѣсти на каждое праздное священническое и діаконское мѣсто по 2 или по 3 кандидата, которыхъ архіереямъ испытывать въ теченіи не менѣе трехъ мѣсяцевъ и, выбравъ изъ нихъ достойныхъ, посвящать. Правительство все еще предполагало въ духовенствѣ излишекъ въ кандидатахъ на мѣста: „понеже послѣ генералитетской переписи церковниковъ и ихъ дѣтей не токмо (не) умалилось, но и прибыло слишкомъ 57000 человѣкъ, и по такому ихъ множеству ежели Синодъ свое радѣніе, такожъ и архіереи въ епархіяхъ своихъ прилагать будутъ, то не токмо всѣ церкви удовольствованы быть могутъ добрыми священно-служителями, но и за тѣмъ останется ихъ довольно, изъ

которыхъ выбравъ молодыхъ людей можно употреблять въ школы и обучать высшимъ наукамъ, дабы впредь къ церквамъ опредѣляемы были ученые люди". Въ заключеніе велѣно, какъ можно скорѣе, составить именныя перечневыя вѣдомости, сколько духовенства съ дѣтьми записано въ подушный окладъ и сколько остается въ наличности (1).

Въ отвѣтъ на этотъ указъ св. Синодъ представилъ кабинету всѣ имѣвшіяся у него свѣдѣнія о крайнемъ недостаткѣ людей въ клирѣ, полученныя изъ разныхъ мѣстъ не только изъ епархій, но и отъ свѣтской команды, и постарался выяснить правительству его ошибку на счетъ странной прибыли въ духовенствѣ цѣлыхъ 57 тысячъ человѣкъ, несмотря на всѣ разборы. Вотъ какія свѣдѣнія получалъ св. Синодъ изъ епархій: — высказывая свое затрудненіе, продолжать разборъ по послѣднему указу, московская синодальная канцелярія доносила, что „не представя о семъ св. Синоду, она собою годныхъ въ солдаты церковниковъ въ службу отдавать весьма опасна, дабы впредь за неосторожность не понести какого штрафа, а хотя де и повелѣно годныхъ отсылать въ военную коллегію, а на ихъ мѣста къ церквамъ опредѣлять другихъ, только тѣхъ другихъ опредѣлять не откуда, понеже де по нынѣшнимъ разборамъ при каждой церкви церковниковъ оставлено точію опредѣленное число, а при многихъ церквахъ, какъ до разбора было, такъ и по разборѣ осталось только по одному человѣку, а у нѣкоторыхъ, кромѣ самыхъ малолѣтнихъ, и ни по одному человѣку не было и нынѣ нѣтъ; и тако... не токмо на мѣста взятыхъ въ службу другихъ взять не откуда, но при многихъ церквахъ и не по одному церковнику не остается, а-во священническій и діаконскій чинъ производить отнюдь будетъ некого, потому что годные къ производству всѣ отданы будутъ за не-

(1) П. С. З. X, 7734.

бытіе у присягъ въ службу, а оставшіе въ негодныхъ за отдачею, т. е. престарѣлые и скорбные, къ производству уже не годны, а которые въ 1730 и 1731 гг. были не больше 12 лѣтъ, оные за младостію не токмо въ попы, но и во діакона по правиламъ и указамъ еще не приспѣли, и изъ того можетъ воспослѣдовать то, что при многихъ церквахъ не токмо попа и діакона, но и церковниковъ ни одного не будетъ". Въ другомъ допошеніи таже канцелярія писала, что московскій вицегубернаторъ кн. Юсуповъ и лейбъ-гвардіи капитанъ Юрьевъ съ духовными персонами при разборѣ, по случаю указа о замѣщеніи праздныхъ мѣстъ, пришли въ затрудненіе за недостаточествомъ церковнослужителей и просятъ рѣшить ихъ недоумѣніе, чтобы „изъ того въ коей-либо по указамъ силѣ впредь не причлось къ неисполненію не въ предосторожность". Псковская консисторія доносила, что въ подвѣдомственной ей епархіи совершенно праздныхъ церквей оказалось 55, да въ другихъ церквахъ не достаетъ противъ штатнаго числа 89 протопоповъ и поповъ, 19 дьяконовъ, 9 пѣвчихъ и поддьяковъ, 167 дьячковъ, пономарей и звонарей,—всего 287 человѣкъ. Изъ новгородской епархіи сами присутствующіе въ коммиссіи о разборѣ доносили, что съ начала разбора по текущій 1739 годъ взято ими въ солдаты 1293 человѣка, да малолѣтнихъ ниже 15 лѣтъ отослано въ школу 621, и за тѣмъ при церквахъ у отцовъ оставлено самое малое число дѣтей, и то больныхъ и малолѣтнихъ, что если по указу еще взять въ солдаты за присягу изъ дѣйствительныхъ дьяковъ и пономарей, то въ церковномъ служеніи учинится всеконечная остановка, что поэтому они спрашиваютъ Синодъ, исполнять ли указъ, опасаясь попасть подъ штрафъ и „чтобы церквей Божіихъ въ пустоту не привесть". По вѣдомостямъ поповскихъ старостъ и закащиковъ, въ Новгородѣ съ пятинами, на Олонцѣ, съ уѣздомъ, кромѣ Каргополя, Устюжны, Бѣжицъ, Торжка и Великихъ Лукъ съ уѣздами, во всей епархіи пустыхъ мѣстъ оказалось: про-

топопскихъ и поповскихъ 147, дьякопскихъ 84, пѣвческихъ 6, поддьякопскихъ 9, церковническихъ 391, всего 638. Архангельская губернская канцелярія тоже остановилась разборомъ церковниковъ, потому что, объясняла она въ своемъ донесеніи, и безъ того при церквахъ не достаетъ до положеннаго числа 107 человѣкъ, а по вѣдомостямъ изъ архіерейскаго дома даже 135. Въ донесеніи тверскаго архіерея было написано, что въ тверской епархіи оказалось 58 совершенно праздныхъ церквей и множество съ неполными причтами, между тѣмъ на основаніи послѣднихъ указовъ тверская канцелярія и остальныхъ церковниковъ за присяги забираетъ въ солдаты, отъ чего церкви могутъ совсѣмъ запустѣть, „понеже де у вышеозначенныхъ присягъ были токмо священно-и-церковнослужители, изъ которыхъ многіе померли, а иные въ чинъ священничества произошли, и на ихъ мѣста въ церковный причетъ опредѣлены были изъ дѣтей и небывшихъ у присягъ“, что канцелярія требовала къ себѣ даже школьниковъ, не бывшихъ у присягъ, и такихъ людей, которые числились по прежнему разбору больными. Въ вологодской епархіи праздныхъ церквей показано 44, къ нимъ требовалось 46 поповъ, 25 дьячковъ и 37 пономарей. Наконецъ въ Москвѣ при однихъ соборахъ было 60 праздныхъ мѣстъ. Сведя всѣ эти данныя, св. Синодъ представлялъ, что по приблизительному счету въ однихъ показанныхъ епархіяхъ требуется для замѣщенія праздныхъ мѣстъ до 1286 человѣкъ. Изъ прочихъ епархій вѣдомости не были присланы, но св. Синодъ предполагалъ, что „и тамъ таковыхъ праздныхъ же церквей число немалое есть, а потому вездѣ въ церковномъ причтѣ находится крайній недостатокъ, а опредѣлить на тѣ праздныя мѣста некого“ (1). — Далѣе, св. Синодъ почелъ

(1) Въ дополненіе представленныхъ здѣсь свѣдѣній о погромѣ духовенства можно представить еще свѣдѣнія изъ нижегородской епархіи (Ист. іерархіи Макарія), гдѣ архіереемъ былъ

нужнымъ выяснить ошибку правительства въ предположеніи такого крупнаго излишества людей въ духовенствѣ. Предположеніе это было основано на томъ, что по ревизіи въ 1722 г. духовенства значилось 67,111 человѣкъ мужескаго пола, а въ 1737 г. по вѣдомостямъ объ исповѣдовавшихся значилось 124 923 души, и такъ якобы больше на 57,812. Но при этомъ не обращено вниманія на то, что 1) въ 1737 г. при церквахъ оставалось еще полное штатное число духовенства да столько же оставлено въ запасъ, по потомъ по сентябрьскому указу тогоже года о взятіи въ солдаты всѣхъ церковниковъ и дѣтей духовенства отъ 15 до 40 лѣтъ изъ того наличнаго числа выбыло весьма немалое число, а при церквахъ остаются вездѣ малолѣтніе, престарѣлые и увѣчные; 2) въ вѣдомостяхъ 1737 г. записано много священно-и-церковно-служителей, посвященныхъ по недостатку въ духовенствѣ изъ оклада, которые прежде въ ревизіи записаны въ подушномъ окладѣ; 3) записано еще 14000 душъ малороссійскаго духовенства съ дѣтьми, которыхъ въ ревизію не писали, потому что въ Малой Россіи переписи не было; 4) въ числѣ духовенства и его дѣтей много малолѣтнихъ, которыхъ только въ 12 епархіяхъ насчитано 22,880 человѣкъ, также школьниковъ, престарѣлыхъ и другихъ людей, которыхъ опредѣлять на праздныя мѣста при церквахъ нельзя; наконецъ самая цифра духовенства 67111, показанная въ ревизіи, совершенно невѣроятна, — судя по одному уже числу церквей, которыхъ, кромѣ Малороссіи, въ 20 епархіяхъ значится 15761, она должна быть значительно

извѣстный сторонникъ Ѳеофана Прокоповича Питиримъ; въ военную службу было отдано здѣсь причетниковъ и дѣтей духовенства 1384 человѣка; за тѣмъ недоставало до штата 138 поповъ, 187 дьяконовъ, 972 церковниковъ, всего 1297. По размѣщеніи въ 1738 г. на мѣста учениковъ архіер. школъ праздныхъ мѣстъ было 824. (См. Времен. 1853 г. кн. XVII: Инстр. школамъ).

больше; если положить на каждую церковь только по 3 человѣка причта да дѣтей одной половинѣ духовенства, придать по 1, а другой по 2 человѣка, то и тогда выйдетъ всѣхъ 118,207, а при многихъ церквахъ причта по 6 и больше человѣкъ, не говоря уже о соборахъ.—Представивъ все это на благоусмотрѣніе кабинета, св. Синодъ просилъ,—нельзя ли, ради крайняго недостатка въ клирѣ, всѣхъ оставшихся отъ разборовъ церковниковъ, не бывшихъ у присягъ, отъ взятія въ службу уволить, а тѣхъ, которые взяты, но въ армію еще не отправлены, возвратить къ церквамъ, за небытіе же у присягъ, по примѣру малороссійскихъ церковниковъ, брать съ нихъ только штрафъ, или въ случаѣ ихъ несостоятельности чинить имъ наказаніе плетьми. На этотъ разъ кабинетъ сдался на представленіе св. Синода и, хотя ничего не сказалъ въ резолюціи о возвращеніи къ церквамъ церковниковъ, взятыхъ уже въ службу, по крайней мѣрѣ призналъ нужду оставлять не бывшихъ у присягъ на церковной службѣ впредь, поставивъ только необходимымъ условіемъ для этого брать съ нихъ показанный штрафъ, или бить ихъ плетьми (1).

Ободренный этимъ успѣхомъ, св. Синодъ сталъ смѣлѣе ходатайствовать за духовенство. Въ октябрѣ тогоже 1739 г. онъ просилъ о возвращеніи сана двоимъ московскимъ священникамъ, которые наказаны были за подпись къ присяжнымъ листамъ задними числами, при чемъ ходатайствовалъ, чтобы за недостаткомъ священно-служителей оставляемы были при церквахъ и другіе такіе же священно-служители только по взятіи съ нихъ штрафа. Кабинетъ согласился и на это (2). Въ февралѣ 1740 г. св. Синодъ, ради тойже скудости причтовъ и „за дарованный Россіи блаженный и благополучный миръ“, просилъ правительство о воз-

---

(1) П. С. З. X, 7790.
(2) Тамже, XI, 8040.

вращеніи въ духовное вѣдомство церковниковъ, которые, заплативъ деньги за рекрутовъ, или поставивъ самихъ рекрутовъ за себя, записаны въ подушный окладъ и въ разсыльные. На это ходатайство кабинетъ далъ свое согласіе уже послѣ смерти государыни при Іоаннѣ Антоновичѣ (1). Въ маѣ св. Синодъ докладывалъ кабинету о дѣтяхъ тѣхъ церковниковъ, которые, будучи негодны ни къ военной, ни къ церковной службѣ, записаны въ окладъ, находя нужнымъ оставлять этихъ дѣтей въ духовномъ званіи для обученія въ школахъ и замѣщенія потомъ ими праздныхъ мѣстъ. На этотъ разъ кабинетъ не согласился съ св. Синодомъ на томъ основаніи, что безъ дѣтей упомянутыхъ церковниковъ за собой въ окладъ записать никто не похочетъ. Нѣкоторыхъ дряхлыхъ церковниковъ, которыхъ никто не хотѣлъ принять къ себѣ на пропитаніе, положено отъ оклада освобождать и отсылать на пропитаніе въ монастыри, но дѣтей ихъ все-таки велѣно записывать въ окладъ (2).

Вслѣдствіе представленій о страшной убыли въ духовенствѣ и другихъ свѣдѣній о множествѣ запустѣвшихъ церквей, которыя ея имп. в—во „съ особливымъ сожалѣніемъ нечаянно услышать была принуждена“, тонъ правительственныхъ указовъ о духовенствѣ замѣтно сталъ спадать все болѣе и болѣе. Къ томуже кончилась и раззорительная война съ Турціей, которая требовала каждый годъ усиленныхъ наборовъ. Пользуясь благодушнымъ настроеніемъ, которое распространилось теперь въ правительственной сферѣ, св. Синодъ осмѣлился наконецъ подвергнуть сомнѣнію самую причину оканчивавшихся уже жестокостей съ духовенствомъ, доложилъ кабинету, что многія духовныя лица не были у присягъ безъ всякаго дурнаго умысла, отъ одной своей простоты, и просилъ оставлять та-

---

(1) П. С. З. XI, 8268.
(2) Тамже, 8105. 8148 п. 2.

кихъ въ ихъ чинахъ попрежнему; по изложивъ эту просьбу, признавъ упомянутыхъ людей невинными, онъ спѣшилъ сейчасъ же смягчить либеральность своего доклада, прибавивъ, что за небытіе у присяги ихъ все-таки нужно подвергнуть штрафу, или плетямъ, какъ это узаконено относительно малороссійскаго духовенства. На этотъ докладъ 8 іюня послѣдовала высочайшая резолюція, совершенно неожиданная по своему милостивому характеру: „не бывшихъ у присягъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ, монаховъ и бѣлыхъ священниковъ и діаконовъ къ присягѣ привесть; и ежели по подлинному свидѣтельству явится, что они подлинно не отъ злости и упрямства или отъ какой другой злой причины, но токмо отъ одной своей простоты у тѣхъ присягъ не были, то такихъ, для дарованнаго отъ Бога съ оттоманскою портою мира, отъ тѣлеснаго наказанія и отъ штрафа освободить и быть имъ въ прежнихъ своихъ чинахъ“ (1). Въ іюнѣ Сенатъ указалъ освободить отъ штрафа тѣхъ духовныхъ дѣтей, которыя во время присягъ имѣли 15 лѣтъ отъ роду, а также представить государынѣ донопеніе о церковнослужителяхъ и духовныхъ дѣтяхъ, которые не были у присягъ не отъ злобы и упрямства, а по простотѣ, не благоволитъ ли она освободить отъ штрафовъ и ихъ, какъ освободила такихъ же священно-служителей. Вслѣдъ за этимъ о всѣхъ такихъ церковникахъ велѣно отовсюду собрать надлежащія справки (2). Правительство сильно должно было спустить и тонъ своихъ цивилизаторскихъ требованій. Подловивъ его на благочестивыхъ фразахъ указа 1739 г. о немедленномъ снабженіи церквей священниками, св. Синодъ вошелъ къ императрицѣ съ докладомъ, не благоволено ли будетъ, за крайнимъ недостаткомъ священно-служителей, отъ кандидатовъ священства не требовать обученія

(1) П. С. З. XI, 8130.
(2) Тамже, 8148. 8155.

выспихъ паукъ, а дозволить ставить ихъ въ священно-служители, обуча только букварю и катихизису. Государыня согласилась и указала при поставленіи священно-служителей обращать вниманіе не на ученость, а главнымъ образомъ только „на доброе и непорочное житіе“ (1).

Можно представить, какъ духовенство было обрадовано, когда послѣ короткаго царствованія Іоанна Антоновича, на престолъ взошла благочестивая цесаревна Елизавета Петровна, къ которой давно уже стремились затаенныя надежды и вздохи всѣхъ духовныхъ лицъ, измученныхъ разборами и постоянными страхами политическихъ подозрѣній и розысковъ. Подъ управленіемъ этой государыни, оказывавшей величайшее благоговѣніе предъ православною Церковью и благоволеніе къ духовному чину, духовенство надѣялось получить наконецъ полное спокойствіе отъ недавно выстраданныхъ бѣдъ и пріобрѣсти для себя даже выгодное положеніе въ государствѣ. Церковная проповѣдь, раздавшаяся теперь въ храмахъ въ первый разъ послѣ долгаго молчанія, не находила довольно сильныхъ фразъ и сравненій для того, чтобы выразить восторгъ проповѣдниковъ при встрѣчѣ на престолѣ давно желанной государыни, представляла ея воцареніе спасеніемъ Церкви, живительной весной послѣ долгой зимы нечестія, радостью земли и неба, радостью самого Христа, а саму императрицу возстановительницей падающей вѣры и народности, русской Ессиріею и т. п. (2). Елизавета дѣйствительно оказала въ свое царствованіе много милостей духовенству. Но, дѣйствуя единственно по движеніямъ своего религіознаго чувства, безъ всякой опредѣленной системы, она подобно всѣмъ высоко поставленнымъ благочестивымъ

---

(1) Тамже, 8199.

(2) О проповѣдяхъ этого времени смотр. «Первый годъ царств. Елизаветы» Семевскаго. Р. слово 1859 г. іюнь, и стат. г. Попова въ Лѣтоп. р. лит. т. II.

женщинамъ изливалась въ своемъ уваженіи и милостяхъ только въ отношеніи къ ближайшему къ ней высшему духовенству и очень мало думала о положеніи низменнаго класса духовнаго чина, разныхъ безвѣстныхъ и скромныхъ причтовъ въ приходахъ. Прежнія жестокости по отношенію къ бѣлому духовенству прекратились, но начала, на которыхъ онѣ основывались, для которыхъ онѣ служили крайнимъ выраженіемъ, остались одни и тѣже. Елизавета осудила указы своей предшественницы, но въ своихъ собственныхъ указахъ она постоянно высказывала твердое намѣреніе во всемъ поступать по мыслямъ своего великаго отца, слѣдовательно на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ опирались и разборы духовенства въ царствованіе Анны Іоанновны.

Въ 1743 г. новая государыня предприняла произвести въ государствѣ вторую генеральную ревизію и 16 декабря выдала для ея производства подробную инструкцію, составленную совершенно на тѣхъ же началахъ, которыя лежали въ основѣ первой ревизіи при Петрѣ [1]. Понятно, что какъ скоро перепись коснулась духовенства, тотчасъ же должны были возымѣть свою силу и Петровскіе штаты и указы о лишнихъ церковникахъ и дѣтяхъ духовенства.

Въ 12 пунктѣ инструкціи ревизіоннымъ чиновникамъ велѣно переписать все духовенство съ дѣтьми какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, и оставить при церквахъ тоже число, какое положено по указамъ 1722 и 1723 гг. о церковныхъ штатахъ, послѣ чего дѣтей заопредѣленныхъ, оказавшихся не дѣйствительно служащими священно-служителей, а излишнихъ церковниковъ и самихъ съ ихъ дѣтьми, „допрося, кто куда пожелаютъ, въ посадъ и ремесленные люди, на фабрики и заводы или на пашенныя земли, по ихъ волѣ, опредѣлять и въ нынѣшнюю перепись писать въ тѣхъ

---

[1] П. С. З. XI, 8836.

мѣстахъ, а которые пожелаютъ въ военную службу, также которыхъ въ посады и къ вотчинамъ и въ другія мѣста изъ платежа подушныхъ денегъ никто не приметъ, а въ военную службу годны, тѣхъ всѣхъ отсылать для опредѣленія въ полки въ военную коллегію, а которые въ военную службу не годны, изъ тѣхъ здоровыхъ опредѣлять на казенные заводы, а престарѣлыхъ и увѣчныхъ въ богадельни, дабы никого изъ шатающихся не было". Ясно, что духовенству предстоялъ впереди новый и крупный разборъ, хотя и менѣе жестокій, чѣмъ разборы прежняго времени. Нельзя не обратить вниманія на то, что пріисканіе рода жизни для лишнихъ духовныхъ людей инструкція о разборѣ предоставила на ихъ собственную волю; но съ другой стороны записывавшіеся въ окладъ лишались возможности выбрать себѣ владѣльцевъ, за которыми бы имъ записаться, между духовными лицами, нравившимися имъ болѣе свѣтскихъ владѣльцевъ. Инструкція прямо указывала выписать изъ-за священно-служителей и тѣхъ церковниковъ, которые записаны были за ними по прежнимъ разборамъ, и по силѣ кабинетской резолюціи 1741 г. приписать ихъ къ другимъ свѣтскимъ владѣльцамъ—помѣщикамъ, потому что священно-служители, не имѣя права владѣть деревнями, не могутъ держать за собой и податныхъ людей, въ случаѣ смерти такихъ безземельныхъ владѣльцевъ или перевода ихъ съ мѣста на мѣсто подушныхъ денегъ не съ кого будетъ и взыскивать. Кромѣ приписки къ городамъ и деревнямъ, лишнихъ церковниковъ дозволялось еще записывать въ однодворцы для поселенія на украинской линіи [1]. По прежнимъ примѣрамъ отъ переписи освобождалось духовенство донскихъ казачьихъ земель [2]. Не видно также, чтобы она коснулась малороссійскаго края. Наконецъ по примѣру своихъ

---

[1] П. С. З. XII, 9106.
[2] Тамже, 9299.

предшественниковъ императрица освободила отъ подушнаго оклада всѣхъ учениковъ духовно-учебныхъ заведеній, къ какимъ бы состояніямъ они ни принадлежали (1).

Само собой разумѣется, что послѣ недавняго погрома новый разборъ духовенства встрѣченъ былъ духовными лицами съ большимъ неудовольствіемъ. Пользуясь свободою отъ прежняго страха передъ правительствомъ, св. Синодъ старался всѣми зависящими отъ него средствами смягчить строгость ревизіонной инструкціи и сообщить начинавшемуся разбору болѣе снисходительный и раціональный характеръ. Съ самаго же начала ревизіи онъ вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ, въ которомъ прямо протестовалъ противъ неблаговременной, по его мнѣнію, строгости 12 п. инструкціи. Указывая на „знатную духовнаго чина людей выбыль за небытіемъ у присягъ по разборамъ въ военную службу“ и на множество не замѣщенныхъ никѣмъ вакантныхъ мѣстъ при церквахъ, св. Синодъ представлялъ, что инструкція не обратила вниманія на то, кѣмъ замѣстить эти праздныя мѣста, и предлагалъ отъ себя новый проэктъ разбора духовенства, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: перепись духовенства и его дѣтей произвести, какъ слѣдуетъ, по послѣ этого оказавшихся въ какой-либо епархіи лишними церковниковъ или духовныхъ дѣтей въ свѣтскую команду отдавать не тотчасъ, но сначала сообщить списки ихъ епархіальному начальству, для того, чтобы оно, по сношенію съ обрѣтающимся у ревизіи генералитетомъ, выбрало изъ этихъ людей потребное число для замѣщенія у себя по епархіи всѣхъ праздныхъ священно-и-церковно-служительскихъ мѣстъ, за тѣмъ остающихся послѣ такого выбора подвергнуло разбору и негодныхъ для церковной службы, неграмотныхъ, или увѣчныхъ, передало для надлежащаго рас-

---

(1) Тамже, 8904. 8914.

предѣленія въ свѣтскую команду, а о другихъ годныхъ составила вѣдомости для отсылки въ св. Синодъ; св. же Синодъ, разсмотря по этимъ вѣдомостямъ о каждой епархіи, гдѣ окажутся лишніе, а гдѣ чувствуется недостатокъ, имѣетъ тотъ недостатокъ въ одной епархіи восполнить излишкомъ другой, и объ оказавшихся уже совершенно излишними и къ церквамъ вовсе ненадобными сообщитъ правит. Сенату для распредѣленія ихъ по инструкціи. Такое предложеніе затруднило Сенатъ; послѣ „довольнаго разсужденія“ онъ отвѣчалъ, что на такое важное измѣненіе въ высочайше утвержденной инструкціи онъ не имѣетъ права, и согласился только на то, чтобы излишнихъ церковниковъ и духовныхъ дѣтей не брали въ службу и въ окладъ до будущаго указа, который имѣетъ быть изданъ послѣ общей конференціи Синода съ Сенатомъ, а между тѣмъ, въ качествѣ матеріала для обсужденія вопроса конференціей, указалъ въ наискорѣйшемъ времени составить объ этихъ церковникахъ и дѣтяхъ духовенства подробныя вѣдомости (1).

Полнаго согласія на предложеніе св. Синода не послѣдовало, но духовенство могло быть утѣшено пока тѣмъ, что ужасы новаго разбора по крайней мѣрѣ замедлились; до предстоящей конференціи Синода и Сената ревизіонныя коммиссіи должны были ограничиться однимъ составленіемъ вѣдомостей о духовенствѣ и не записывали лишнихъ церковниковъ и духовныхъ дѣтей ни въ службу, ни въ окладъ. Дѣло попало бумажнымъ порядкомъ и, какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, затянулось очень надолго. Прошелъ цѣлый годъ, а конференція все еще почему-то не устраивалась; ни изъ одной епархіи, кромѣ астраханской, не присылались и вѣдомости о духовенствѣ. Между тѣмъ между духовными властями, чувствовавшими себя гораздо смѣлѣе прежняго, и властями свѣтскими на-

(1) П. С. З. XII, 8904.

чались пререкапія и споры. По старой памяти Сенатъ думалъ произвести перепись духовенства и составить объ немъ нужныя для конференціи вѣдомости съ помощію однихъ только свѣтскихъ чиновниковъ при ревизіи и въ своемъ послѣднемъ опредѣленіи не обратилъ никакого вниманія на представленіе Синода о необходимости ревизіонныхъ коммиссіямъ сноситься по этому вопросу съ епархіальными архіереями и консисторіями. Духовныя власти не преминули выставить ему этотъ промахъ на видъ.

Смоленскій епископъ Гедеонъ (Вишневскій) прислалъ въ св. Синодъ доношеніе, въ которомъ изчислялъ всѣ неудобства составленія вѣдомостей о духовенствѣ одними канцеляріями ревизіи и которое можетъ служить для насъ наглядным свидѣтельствомъ того, какъ много вреда могли дѣлать прежніе, уже не бумажные только, а дѣйствительные разборы духовенства, когда они были въ рукахъ однихъ губернаторовъ въ родѣ Бредихина и разныхъ лейбъ-гвардіи майоровъ и капитановъ, при полномъ безгласіи депутатовъ отъ духовной администраціи. Гедеонъ писалъ, что отъ распредѣленія священно-и-церковно-служителей и ихъ дѣтей по извѣстнымъ категоріямъ дѣйствительныхъ и недѣйствительныхъ въ канцеляріи генеральной ревизіи безъ сношенія съ консисторіей церквамъ его епархіи можетъ учиниться неудовольство, а впредь къ замѣщенію убылыхъ мѣстъ недостатокъ, „ибо въ подаваемыхъ тамо сказкахъ и тѣ, кои по духовнымъ изслѣдованнымъ дѣламъ за правильныя ихъ вины вовсе отъ причта отрѣшены, какъ чаятельно, покажутъ себя дѣйствительными; иные же церковники вдовые, а другіе двоеженцы, которыхъ въ священническій и діаконскій чины произвесть не возможно; иные же злонравные и грамотѣ неискусные, а другіе, можетъ быть, и вовсе не умѣющіе, иные же написаны и поданы въ сказкахъ такіе, которые изъ бѣговъ изъза рубежа пришедъ и явясь гг. ревизорамъ, паки бѣжали, невѣдомо куда; въ тѣхъ же сказкахъ нѣкоторые

священно-служители по свойству, а иные по пріятству или какому пристрастію написали дѣйствительными отписныхъ, изъ подушнаго окладу не выключенныхъ, а дѣйствительныхъ показали не дѣйствительными, какъ о томъ въ архіерейской консисторіи по доношенію и слѣдствію явилось; всѣ же де таковые, за неимѣніемъ о состояніи ихъ во оной канцеляріи ревизіи извѣстія, могутъ опредѣлены быть въ число дѣйствительныхъ причетниковъ или къ произведенію въ попы или діаконы на праздное мѣсто, а дѣйствительные и достойные, а наипаче сироты, не имущіе родителей и сродниковъ, обученые же въ смоленскихъ школахъ или еще обучающіеся въ надежду священства могутъ остаться и показаны быть за опредѣленіемъ излишними; да въ смоленской же епархіи имѣется нѣсколько и праздныхъ церквей такихъ, что не только священника и діакона, но и дьячка, ни пономаря и никого причетниковъ нѣтъ и сказокъ не подано, и тѣ де церкви за невѣденіемъ въ канцеляріи ревизіи могутъ остаться праздны“ и сроч. Сообщивъ это доношеніе Сенату, св. Синодъ представлялъ при этомъ, что подобные непорядки могутъ оказаться и въ другихъ епархіяхъ, кромѣ смоленской, и настаивалъ, чтобы самая перепись духовенства и вѣдомости объ немъ для представленія въ имѣющую быть конференцію Синода съ Сенатомъ подготовлялись сообразно съ представленнымъ выше проэктомъ разбора, т. е. чтобы чиновники генеральной ревизіи производили только перепись духовенства, а самый разборъ духовенства и распредѣленіе его къ церквамъ, равно какъ отдѣленіе лишнихъ и негодныхъ церковниковъ и духовныхъ дѣтей предоставляемы были самимъ епархіальнымъ начальствамъ, которыя, учинивъ такое распредѣленіе и расписаніе, должны составить съ своей стороны именные списки всего духовенства какъ дѣйствительно-служащаго и назначеннаго для опредѣленія къ церквамъ, такъ и излишняго по разбору, различивъ между этими излишними годныхъ къ церковной службѣ отъ негодныхъ

именно, и сообщить такіе списки генералитету при ревизіи; за тѣмъ уже изъ этихъ списковъ св. Синодъ предполагалъ извлечь краткія вѣдомости обо всемъ духовенствѣ для подачи въ конференцію, которая должна была по нимъ произвести окончательный разборъ духовенству, восполняя при этомъ, какъ сказано въ прежнемъ проэктѣ, недостатокъ духовенства въ одной епархіи излишкомъ его въ другихъ, „дабы во всемъ государствѣ о томъ распорядокъ единожды учинить“. Сенатъ не ожидалъ, чтобы предпринятый разборъ духовенства могъ представить собою такое сложное и трудное дѣло; привычный порядокъ разборовъ былъ очень коротокъ, не руководился никакими общими соображеніями, которыя бы охватывали собою духовное сословіе въ цѣломъ его составѣ по всѣмъ епархіямъ, а довольствовался простымъ сличеніемъ съ духовными штатами духовенства одной частной мѣстности, даже каждаго прихода, и приписки всѣхъ оказавшихся тутъ лишними къ свѣтскому вѣдомству, безъ всякаго вниманія къ тому, что въ другихъ мѣстностяхъ остаются цѣлые приходы безъ причтовъ. Въ своемъ сообщеніи св. Синоду Сенатъ отвѣчалъ, что до сихъ поръ еще ниоткуда не прислано и тѣхъ вѣдомостей, какія требовались инструкціей о ревизіи кромѣ одной астраханской епархіи, а если составлять еще новыя вѣдомости съ указанной процедурой, то отъ этого произойдетъ одно только продолженіе и сверхъ настоящаго дѣла великое затрудненіе, ибо изъ одной астраханской губерніи, которая весьма менѣе другихъ и въ которой всего навсего показано дѣйствительно служащихъ 4748 и недѣйствительныхъ 81, именная и перечневая вѣдомость во многихъ тетрадяхъ состоитъ, и что поэтому онъ (Сенатъ) опредѣлилъ съ своей стороны, чтобы ревизія сообщала свои вѣдомости о духовенствѣ, какъ предлагалъ св. Синодъ, епархіальнымъ начальствамъ, епархіальныя же начальства, произведя по нимъ разборъ для замѣщенія церковныхъ вакансій, сообщали какъ объ опредѣленныхъ духовныхъ лицахъ,

такъ и объ излишнихъ вѣдомости генералитету при ревизіи, а послѣдній, составивъ съ своей стороны краткія вѣдомости въ Сенатъ для вѣдома, всѣхъ оставшихся за опредѣленіемъ уже безъ дальняго отлагательства самъ распредѣлилъ по 12 п. инструкціи (1).

Но предложивъ эту упрощенную процедуру разбора, Сенатъ опять-таки по старому предоставлялъ весь разборъ дѣятельности однихъ мѣстныхъ властей и опять обошелъ самый важный пунктъ синодальнаго проекта, на которомъ св. Синодъ главнымъ образомъ и настаивалъ, т. е. чтобы разборъ руководился соображеніями о состояніи духовнаго сословія во всей его цѣлостности, а не въ томъ или другомъ краѣ Россіи. Поэтому сенатское опредѣленіе опять не повело ни къ чему рѣшительному. Въ такомъ видѣ вопросъ о разборѣ продолжалъ оставаться до 1754 г. Дѣятельность ревизіонныхъ канцелярій за все это время должна была ограничиваться однимъ бумажнымъ распредѣленіемъ духовенства на классы дѣйствительно и недѣйствительно служащихъ, назначенныхъ къ опредѣленію въ причтъ и заопредѣленныхъ, да еще рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ о духовныхъ лицахъ по прежней ревизіи. По нѣкоторымъ дѣламъ этого рода видно, что отношеніе къ духовенству свѣтскихъ властей было очень сурово и разборъ могъ принять весьма серьезный характеръ, если бы не встрѣчалъ себѣ постояннаго противодѣйствія со стороны власти духовной.

Прежде всего при ревизіи естественно возникъ вопросъ о томъ, что̀ дѣлать съ церковниками и мірскими людьми, которые по первой ревизіи написаны были въ окладъ, а потомъ поступили въ клиръ и теперь подавали прошенія объ исключеніи ихъ изъ оклада. Мы видѣли уже, что Сенатъ рѣшилъ этотъ вопросъ очень строго, дозволилъ исключать изъ оклада только тѣхъ, которые получили санъ священно-служи-

(1) П. С. З. XII, 9198.

тельскій, а податныхъ церковниковъ указалъ прямо лишать мѣстъ [1]. Ревизія не разъ встрѣчалась съ такими церковниками и поступала съ ними по всей строгости этого указа [2]. Еще строже поступали съ церковниками, которые оказывались утаенными отъ прежней ревизіи; ихъ уже прямо отдавали въ солдаты, „дабы изъ таковыхъ праздно-шатающихся ни одинъ безъ положенія не остался, понеже опые церковники, за неумѣніемъ грамотѣ и писать, и бывъ чрезъ многіе годы въ такой праздности, впредь къ опредѣленію въ церковный причетъ годными быть не могутъ“ [3]. За держательство бѣглыхъ причетниковъ, скрывавшихся отъ ревизіи, брали 10 рублей штрафа съ виновныхъ и на счетъ послѣднихъ же отправляли этихъ бѣглыхъ на мѣсто ихъ жительства [4]. Нѣкоторые ревнители государственной пользы въ своемъ усердіи при производствѣ ревизіи доходили даже до нарушенія указовъ. Такъ наприм. московская канцелярія ревизіи вмѣстѣ съ служителями Троицкой лавры записала въ окладъ и дѣтей ихъ, обучавшихся въ троицкой семинаріи, числомъ 59 человѣкъ; пятеро изъ нихъ за то, что не хотѣли платить оклада, были даже взяты подъ карауль. На основаніи упомянутаго нами указа, освобождавшаго школьниковъ отъ оклада безъ различія ихъ происхожденія, лавра горячо заступилась за своихъ питомцевъ. Но дѣло это, несмотря на всю его ясность, тянулось очень долго. Сначала ревизія отвѣчала на протестъ лавры, что въ канцеляріи нѣтъ никакихъ свѣдѣній о троицкой семинаріи, кѣмъ она заведена и по какимъ указамъ; потомъ, когда лавра представила, что семинарія основана по высочайшей волѣ, и въ доказательство сообщила ревизіонной коммиссіи въ подлинникѣ и самые указы о томъ 1738 и 1742 г.,

---

(1) Тамже, 8981.
(2) Тамже, 9113. XIII, 9781.
(3) Тамже, XII, 9106.
(4) Тамже, 9137.

коммиссія не урезонилась и этимъ, а потребовала еще свѣдѣній о томъ же предметѣ изъ св. Синода; наконецъ, уже по полученіи отвѣта изъ св. Синода, въ 1750 г., примѣрно лѣтъ черезъ 6 послѣ начала всего дѣла, семинаристы изъ оклада были выписаны. Какъ и слѣдовало ожидать, кромѣ хлопотъ, лавра должна была въ этомъ дѣлѣ потерпѣть еще немалыя издержки на взятки генералитету, ублажать чиновниковъ коммиссіи деньгами, икрой, французскими винами, лимонами, свиными тушами, сѣномъ и подносными иконами (1).

Съ особеннымъ усердіемъ ревизія занялась отпиской церковниковъ, записанныхъ въ окладъ по прежней ревизіи, отъ духовныхъ владѣльцевъ для отдачи ихъ свѣтскимъ владѣльцамъ. Прежнее правило первой ревизіи, чтобы записываемый въ окладъ непремѣнно записанъ былъ за кѣмъ-нибудь, наблюдалось теперь съ особенною настойчивостью. Свободный человѣкъ тяготилъ тогдашнее государство; оно не знало, что съ нимъ дѣлать, какъ собирать съ него подати, имѣть за нимъ административный надзоръ и проч., и спѣшило поскорѣе прикрѣпить его къ какому-нибудь мѣсту и лицу, которое бы за него отвѣчало. При томъ сильномъ значеніи Сената и служебной аристократіи, какое видимъ въ царствованіе Елизаветы, развитіе свободы между податнымъ классомъ было немыслимо; система всеобщаго прикрѣпленія развивалась все шире и шире. По инструкціи ревизіи записывались въ крѣпость всякіе разночинцы изъ положенныхъ въ окладъ, бобыли, непомнящіе родства, мастеровые, не приписанные къ посадамъ, и солдатскіе дѣти негодные въ службу. По другимъ указамъ закрѣпощались за воспитателями подкидыши и пріемныя незаконнорожденныя дѣти (ук. 13 іюля и 3 авг. 1744 г. 4 ноябр. 1746 г.). Даже солдаты, по полученіи отставки, иногда снова должны

---

(1) Истор. троицк. семин. 30—31.

были идти въ крѣпость къ своимъ старымъ господамъ (1). Записанные въ окладъ церковники и дѣти духовенства тоже должны были искать себѣ помѣщиковъ и дѣлаться крѣпостными послѣднихъ. Въ прежнее время запись за владѣльцемъ въ окладъ еще отличалась отъ крѣпосныхъ отношеній (2); отъ того церковникамъ наприм. дозволялось записываться за священно-служителями, хотя послѣдніе не имѣли никакого права владѣть людьми; во время второй ревизіи это различіе уже не существовало, — всякій, за кѣмъ-нибудь записанный, считался уже или холопомъ, или крѣпостнымъ своего владѣльца. Вотъ почему по инструкціи ревизіи всѣ лица, записанныя за людьми, не имѣющими права владѣть крѣпостными душами, должны были искать себѣ новыхъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ и церковники, записанные за священно-служителями.

Нѣкоторые ревностные ревизоры и тутъ пересаливали свое усердіе. Генералъ майоръ Шиповъ и полковникъ Мещерскій, производившіе ревизію въ бѣлогородской губерніи, вмѣстѣ съ церковниками стали записывать за помѣщиками бобылей, жившихъ на церковныхъ земляхъ и записанныхъ за церквами еще по писцовымъ книгамъ до Уложенія царя Алексѣя. Сенатъ укротилъ ихъ усердіе,ославши къ нимъ указъ съ замѣчаніемъ, что дѣлать такую запись весьма не надлежало, потому что деревни такихъ бобылей не поповскія, а церковныя, какъ при московскихъ соборахъ и другихъ нѣкоторыхъ церквахъ такія деревни имѣются съ давнихъ поръ (3). По свидѣтельству Татищева, чиновники ревизіи вопреки указамъ раздавали многихъ церковниковъ помѣщикамъ, не обращая никакого вниманія на желаніе самихъ церковниковъ, къ кому они хотятъ приписаться, а нѣкоторые воеводы и секрета-

(1) П. С. З. 8188. 9019 и друг.
(2) Тамже, VIII, 5944.
(3) Тамже, XII, 9106.

ри, отобравъ изъ нихъ самыхъ лучшихъ, брали себѣ, окладывали ихъ оброкомъ, или пролавали въ солдаты, а негодныхъ дозволяли уже брать другимъ (1). Понятно впрочемъ, что запись за помѣщиками, даже и помимо указанныхъ злоупотребленій, была несладка для церковниковъ. Со стороны ихъ начались разнообразныя уклоненія отъ этой записи. Желая остаться за духовными владѣльцами, нѣкоторые изъ нихъ спѣшили приписаться къ монастырскимъ вотчинамъ, которыя оставались для нихъ теперь единственнымъ убѣжищемъ отъ свѣтскихъ помѣщиковъ, но ревизія находила ихъ и въ этомъ убѣжищѣ.

Въ 1750 г. въ Сенатѣ рѣшалось дѣло о 19 церковникахъ калужской провинціи, которые хотѣли отбиться отъ помѣщика Хитрово. Церковники эти до второй ревизіи записаны были въ окладъ за священникомъ Преображенской въ Серпѣйскѣ церкви Матвѣемъ, но въ 1744 г., по силѣ 12 п. инструкціи о ревизіи, переписаны были за дѣйствительнаго камергера Хитрово. Послѣ этого четверо изъ нихъ, благодаря попу Матвѣю, успѣли занять церковныя мѣста; о. Матвѣй далъ имъ отпускную и, обязавшись вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ прихожанъ платить за нихъ окладъ, самъ взялся хлопотать объ ихъ посвященіи предъ крутицкимъ архіереемъ; двое изъ нихъ были посвящены въ попы, одинъ во дьяконы, а четвертый опредѣленъ во дьячки. Остальные церковники подали епархіальному начальству заявленіе, что они записаны за Хитрово не по указу, противъ воли, и просили приписать ихъ къ вотчинѣ Георгіевскаго монастыря, при чемъ сослались даже на какую-то жалованную грамату ихъ дѣдамъ и отцамъ, дававшую имъ право всегда оставаться на церковной землѣ. Епархіальное начальство перенесло это дѣло въ Синодъ, а Синодъ вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ, чтобы всѣ означенные цер-

---

(1) Татищ. и его время. Н. Попова. Прилож. стр. 735.

ковники изъ-за камергера Хитрово были выведены, при чемъ посвященные вовсе были изключены изъ оклада, а остальные, „буде всеконечно отъ подушнаго оклада миновать имъ не можно, приписаны были къ Георгіевскому монастырю. Хитрово съ своей стороны тоже вошелъ въ Сенатъ съ челобитной, въ которой объяснялъ, что записанные за нимъ церковники нейдутъ въ его вотчину, и просилъ о такомъ самовольномъ отбывательствѣ ихъ сдѣлать надлежащее распоряженіе. Резолюція Сената послѣдовала въ пользу Хитрово. Въ своемъ сообщеніи св. Синоду Сенатъ объяснялъ, что попъ Матвѣй послѣ изданія инструкціи о ревизіи не имѣлъ никакого права давать отпускныя записаннымъ за нимъ церковникамъ, а епархіальное начальство, въ силу указовъ о непосвященіи изъ оклада, не имѣло права посвящать ихъ къ церквамъ, не слѣдовало ему принимать отъ нихъ и челобитныхъ о насильной записи за Хитрово, потому что дѣла о ревизіи состоятъ подъ апелляціей одного Сената и до духовнаго правленія нисколько не касаются. Но выставивъ такъ рѣзко свое изключительное право разсматривать апелляціи по ревизіи, Сенатъ не почелъ за тѣмъ нужнымъ обратить вниманіе на самое челобитье церковниковъ о насильной приписк̀ѣ къ помѣщику, удовольствовался только внушеніемъ, что дѣло поведено не по формѣ, что духовное начальство суется не въ свое дѣло, и безапелляціонно рѣшилъ: — числить всѣхъ означенныхъ церковниковъ за Хитрово, не изключая и посвященныхъ, подушныя деньги за послѣднихъ взыскивать съ тѣхъ, по чьему прошенію были они посвящены, дѣтей ихъ, родившихся до посвященія, тоже числить въ окладѣ, а за укрывательство отъ господина всѣмъ означеннымъ церковникамъ учинить наказаніе, какое узаконено относительно бѣглыхъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ; духовнымъ правительствамъ велѣно подтвердить паикрѣпчайше, чтобы впредь изъ такихъ въ подушный окладъ положенныхъ людей, въ противность указамъ, а особливо по такимъ

ложнымъ отъ посторонних людей увольненіямъ, въ священно-и-церковно-служители отнюдь не брали и не посвящали (1).

Нѣсколько раньше этого дѣла въ 1748 г. въ Сенатѣ рѣшалось другое подобное же дѣло о поповичѣ галицкаго уѣзда с. Дешина, Иванѣ Михайловѣ, которое выразительно показываетъ, какъ усердно старались подобные люди перейти отъ помѣщиковъ къ монастырямъ. Михайловъ подалъ въ Сенатъ челобитную, въ которой значилось, что еще во время прежней переписи церковниковъ отецъ его Михайла Никитинъ и онъ самъ съ братомъ Василіемъ записаны были, безъ всякаго съ ихъ стороны желанія, насильно и даже заочно, за галицкимъ дворяниномъ Шипулинымъ, что послѣдній постоянно чинилъ имъ обиды и раззоренья и напрасные побои, брата Василья отдалъ насильно въ солдаты, а въ 1741 г. и его Ивана возилъ въ Ярославль для отдачи въ солдаты же, только не приняли, потому что ему Шипулину онъ ни по чему не крѣпокъ, что наконецъ въ 1742 г. отецъ его Михайла Никитинъ началъ въ Сенатѣ дѣло о выключеніи его изъ-за Шипулина вмѣстѣ съ дѣтьми по причинѣ насильной приписки, но Сенатъ передалъ это дѣло въ Синодъ, а Синодъ указалъ учинить рѣшеніе галицкой канцеляріи, галицкая же канцелярія рѣшила его, разумѣется, въ пользу Шипулина, сославшись на запись въ книгахъ генеральнаго свидѣтельства, гдѣ было сказано, что Никитинъ съ дѣтьми записаны за Шипулинымъ по желанію, а о самомъ этомъ желаніи замѣтила, что оно потерялось, и неизвѣстно, рукою или сказкой или какъ иначе было выражено; въ 1746 г. Михайловъ апеллировалъ на это рѣшеніе въ Синодъ, но Синодъ сдалъ его апелляцію костромскому архіерею, архіерей сдалъ ее въ консисторію, а консисторія отнеслась въ туже галицкую канцелярію, которая по-

---

(1) П. С. З. XIII, 9781.

дторила свое прежнее рѣшеніе; увидавши, что этого вѣла нельзя начинать прямо ни съ Синода, ни съ Сената, Михайловъ рѣшился подойти къ своей цѣли съ другой стороны, сталъ проситься въ монастырскую вотчину желѣзоборовскаго монастыря и неотступно приставалъ сначала къ консисторіи и канцеляріи ревизіи, а потомъ къ Сенату, чтобы его съ семействомъ вывели изъ-за Шипулина, и „отъ обидъ и неспосныхъ нападковъ оборонили, ибо они отъ него Шипулина опасны не точію раззоренія, но и смертныхъ побой, отъ чего и домишку своего лишились и принуждены скитаться межъ дворъ, не имѣя себѣ дневнаго пропитанія“. Сенатъ рѣшилъ отказать истцамъ въ просьбѣ, потому что они записаны за помѣщикомъ по желанію, да и спору послѣ приписки черезъ 20 лѣтъ не подымали, а по прошествіи такого времени о желаніи или нежеланіи ихъ рѣшить невозможно; не принимать впредь подобныхъ прошеній и отъ другихъ церковниковъ, а всѣхъ оставлять за прежними помѣщиками (1).

Въ 1748 г. самъ Сенатъ издалъ указъ, въ которомъ предписывалось при записи церковниковъ за помѣщиками не обращать вниманія на желаніе самихъ церковниковъ. Поводомъ къ такому указу послужили донесенія ревизіонныхъ канцелярій о трудности и чрезвычайно медленномъ ходѣ этихъ записей, во-первыхъ потому, что подлежавшихъ переводу изъ-за духовныхъ владѣльцевъ къ свѣтскимъ было очень много, наприм. по донесенію московской ревизіонной канцеляріи оказывалось ихъ 798 человѣкъ въ одной калужской провинціи, во-вторыхъ большая часть церковниковъ нарочно не объявляли своего желанія приписаться къ тому или другому помѣщику, выжидая, не пройдетъ ли горькая чаша крѣпостнаго состоянія мимо, не являлись и сами помѣщики приписать ихъ за себя (2). Въ началѣ 1752 г. вышло еще болѣе строгое

(1) П. С. З. XII, 9548.
(2) Тамже, 9483.

распоряженіе:—публиковать о заопредѣленныхъ церковникахъ, не пожелаетъ ли кто взять ихъ за себя, а если черезъ мѣсяцъ желающихъ не объявится, приписывать этихъ церковниковъ къ фабрикамъ и заводамъ; какъ помѣщикамъ, такъ и заводчикамъ съ фабрикантами давать на нихъ владѣпныя записи и быть имъ, яко крѣпостнымъ, вѣчно за тѣми, за кѣмъ записаны, и впредь челобитій отъ нихъ, якобы не по желаніямъ ихъ отданы, нигдѣ не принимать; съ бѣглыми поступать, какъ съ бѣглыми же крѣпостными людьми и крестьянами, „для того, что оные церковники по неодпократно публикованнымъ указамъ понынѣ помѣщиковъ себѣ не пріискали и находились безъ распредѣленія праздно“. Церковники впрочемъ и послѣ этого продолжали уклоняться отъ записи, такъ что въ 1759 г. Сенату пришлось повторить свое строгое распоряженіе (1).

Записью за помѣщиками были недовольны не одни только лица духовнаго званія, подлежавшія этой записи сами; недовольно было все вообще духовенство; находились люди, которые осуждали эту мѣру Елизаветинской ревизіи даже съ тойже государственной точки зрѣнія, съ какой смотрѣло на нее само правительство. Въ своихъ замѣчаніяхъ о ревизіи Татищевъ между прочимъ писалъ, что какъ излишнихъ, такъ и непотребныхъ, а паче пьяницъ и выше 15 лѣтъ грамотѣ не умѣющихъ дѣтей духовенства и церковниковъ всего лучше было бы брать въ службу или приписывать къ заводамъ, также къ погостамъ и селамъ, дабы отъ ихъ работы довольствовались причты, а ученыхъ опредѣлять въ сельскія школы учить дѣтей. „Которые церковники и другіе вольные розданы владѣльцамъ изъ платежа оклада безденежно, оное мнится неправильно, ибо они суть государственные, и ежели къ заводамъ они дальности ради или довольства людей при заво-

(1) Тамже, XIII, 9977. XV, 10962.

дахъ отдать неудобны, то такихъ надлежало бы продать, за которыхъ съ охотою всякъ дастъ за мужскую голову по 10 рублевъ, и чрезъ то немало бы правильныхъ въ казну денегъ пришло, для того объ отданныхъ надлежитъ разсмотрѣть, особливо которые, взявъ такихъ, отдали въ рекруты, съ тѣхъ. не зачитая той отдачи, взять другихъ (рекрутовъ), а съ отдатчиковъ, что противно указу годныхъ въ рекруты роздали, взять штрафъ противо продажи вдвое". Это сужденіе тѣмъ болѣе любопытно, что авторъ его, какъ показываетъ уже и приведенный отрывокъ, вовсе не принадлежалъ въ этомъ случаѣ къ защитникамъ духовенства. Въ тѣхъ же запискахъ о ревизіи находимъ у него мнѣніе, что не мѣшало бы числить въ окладѣ даже всѣхъ вообще церковниковъ и дѣтей духовенства, кромѣ только посвященныхъ въ священно-служители (1). Но мы уже видѣли, что Сенатъ не скоро могъ находить и такихъ помѣщиковъ, которые брали бы себѣ церковниковъ даромъ; продажа за деньги затянула бы дѣло еще далѣе; а Сенатъ съ ревизорами торопились покончить свои хлопоты съ вольными людьми поскорѣе, потому что, пользуясь слабостію государственной власти и надзора за общественнымъ благосостояніемъ, эти люди, испорченные праздностію, приносили иногда положительный вредъ и государству и обществу. Тѣже наприм. излишніе церковники и дѣти духовенства, не находя себѣ никакой церковной должности, часто ничему не учившіеся, не знавшіе никакого ремесла и избалованные даровыми хлѣбами при церквахъ, пускались иногда на разные темные промыслы, обращались къ привольному въ то время ремеслу—воровству и разбою (2).

Въ 1750-хъ годахъ въ московской консисторіи производилось любопытное дѣло объ одномъ поповичѣ

---

(1) Татищ. и его время. 735. 749—750. 742.

(2) Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кн. I. стр. 168.

Михайлѣ, по прозвищу Медвѣдѣ, который былъ эсаулomъ разбойничей шайки. Дѣло это началось въ 1750 г. по жалобѣ содержателя шелковой фабрики въ с. Фряновѣ (моск. уѣзда), Игнатія Францова Ширимана, о томъ, что его мастеровые были избиты на ярморкѣ крестьянами сосѣдняго с. Никольскаго или Желтухина. Мануфактуръ-коллегія, въ которую эта жалоба поступила, по слѣдствію открыла, что 17 человѣкъ мастеровыхъ были дѣйствительно тяжко изранены и что главными зачинщиками драки были богородскій попъ Михаилъ Андреевъ съ дѣтьми да іевлевскій попъ Димитрій Степановъ, отъ которыхъ и стрѣльба была по фабричнымъ, и при томъ дѣти попа кричали: „бейте фабричныхъ до смерти“. Слѣдственный чиновникъ коллегіи доносилъ, что вообще „оныя поповы дѣти многимъ обывателямъ чинятъ великія озорничества“. Коллегія довесла о попахъ въ синодальную контору, а эта предписала разсмотрѣть дѣло консисторіи. Вотъ какого рода свѣдѣнія получены здѣсь о виновныхъ. Попъ Михаилъ Андреевъ былъ вдовецъ и не имѣлъ у себя ни ставленой, ни епитрахильной граматы, въ 1748 г. былъ заподозрѣнъ въ поджогѣ; сыновья его были: Ѳедоръ 32 лѣтъ, Михайла 30 и Алексѣй 27,—всѣ безъ мѣстъ, занимались озорничествомъ и грабежемъ. Вскорѣ послѣ начала дѣла помѣщикъ с. Богородскаго кн. Масальскій подалъ въ консисторію прошеніе, что онъ попа Михаила не желаетъ имѣть при своей церкви, ибо онъ всегда съ дѣтьми своими изъ дому отлучается. На допросахъ попъ Михаилъ запирался во всемъ и главнымъ образомъ напиралъ на то, что Ширманъ по тогдашнему обычаю сильныхъ людей, не дожидаясь суда, допустилъ самоуправство, вскорѣ послѣ драки схватилъ на дорогѣ поповича Ѳеодора и не утерпѣлъ, чтобы не сорвать на немъ своего сердца, засадилъ его на фабрикѣ на цѣпь и велѣлъ рабочимъ избить его ѣзжалымъ кнутомъ, кулаками и дубиной, а потомъ, когда попъ Михаилъ отправился выручать сына, Ширманъ схватилъ и его самого, вслѣдъ за тѣмъ обо-

ихъ, закованныхъ въ цѣпи, повезъ въ Москву, гдѣ и представилъ въ мануфактуръ-коллегію, а эта сдала ихъ духовному начальству. Узнавши всѣ эти обстоятельства, консисторія отправила за поповичами своего подканцеляриста съ двумя солдатами. Репутація подсудимыхъ, какъ видно, была довольно грозна, такъ что подканцелярист не попадѣялся на однихъ консисторскихъ солдатъ, а почелъ нужнымъ заѣхать по дорогѣ на фабрику къ Ширману и захватить съ собою еще человѣкъ 20 фабричныхъ рабочихъ. Въ домѣ попа онъ дѣйствительно былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ пистолетовъ и ружей, но все-таки успѣлъ арестовать двоихъ братьевъ, благодаря своему многолюдному конвою. Третьяго брата Михаила Медвѣдя не было дома; онъ ночевалъ у одной сосѣдней барыни Бурцовой и, услыхавъ о наѣздѣ на отцовскій домъ, куда-то сбѣжалъ. Но только лишь консисторскіе посланные при въѣздѣ въ Москву съ арестантами отпустили своихъ провожатыхъ фабричныхъ домой, какъ, откуда ни возьмись, у Сухаревой башни напалъ на нихъ Михайла Медвѣдь и закричалъ караулъ; сбѣжалась полиція и ихъ же захватила на съѣзжую, гдѣ Медвѣдь объявилъ, что они ограбили домъ его отца со всѣми пожитками, указалъ даже свой коломенковый камзолъ на одномъ изъ консисторскихъ солдатъ, вѣроятно захваченный послѣднимъ по ошибкѣ или нечаянно, и скрылся куда-то опять. Пока шла переписка между полиціей и консисторіей, открылось еще новое обстоятельство противъ арестованныхъ поповичей. Одинъ служитель вотчины господина Лачинова с. Старкова подалъ въ полицію объявленіе, что въ 1747 г. ночью 6 февраля на Старково напали воры съ ружьями и рогатинами и ограбили господскій домъ, а во время обыска въ домѣ попа Михаила много изъ ограбленныхъ вещей найдено у него. Послѣ этого дѣло поповичей перенесено изъ консисторіи въ судный приказъ, гдѣ ихъ подвергнули пыткѣ, которую они выдержали, не повинившись ни въ чемъ. Какъ ни въ чемъ не ули-

ченныхъ, ихъ отпустили на волю. Между тѣмъ Михайла Медвѣдь продолжалъ укрываться отъ всѣхъ розысковъ полиціи, усовершенствовался въ своемъ разбойномъ промыслѣ и сдѣлался даже разбойничимъ эсауломъ. Но, какъ видно, желая пріобрѣсти себѣ какое-нибудь законное положеніе въ обществѣ, на всякій случай затѣялъ въ 1755 г. дѣло объ опредѣленіи его куда-то дьячкомъ и нѣсколько времени ходилъ по этому дѣлу въ консисторію, гдѣ даже успѣлъ найти себѣ и покровителей, въ числѣ которыхъ былъ самъ секретарь консисторіи Донскій. Во время этого хожденія его усмѣдили однажды на улицѣ солдаты розыскной конторы, пустились его ловить и пришли въ самую консисторію, объявляя его разбойникомъ и требуя его выдачи. Секретарь сначала было за него заступился, говоря, что онъ человѣкъ добрый, но видя, что дѣло плохо, велѣлъ пока задержать его въ консисторской тюрьмѣ. Нѣсколько времени спустя, контора розыскныхъ дѣлъ прислала въ консисторію формальное требованіе прислать къ ней Михайла съ отцомъ и братьями для розыска по оговору одного изъ пойманныхъ тогда разбойниковъ одной шайки съ Медвѣдемъ. Требованіе пришло поздно, потому что Медвѣдь успѣлъ убѣжать изъ консисторской тюрьмы опять на большую дорогу. Секретарь Донскій за его упущеніе приговоренъ былъ къ тяжелому штрафу, который былъ выплаченъ уже въ 1763 г. его наслѣдниками. Консисторія разослала по епархіи указы о поимкѣ Михайла съ описаніемъ его примѣтъ. О судьбѣ его не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ замѣтки въ автобіографіи Ваньки Каина — извѣстнаго вора и сыщика, книгѣ когда-то очень популярной, гдѣ говорится, что въ числѣ множества пойманныхъ Каиномъ воровъ и разбойниковъ былъ и Михайла Медвѣдь (1).

---

(1) Русск. Арх. 1869 г. № 6. и Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кн. I, примѣч. 422.

Въ декабрѣ 1754 г. по вопросу о разборѣ духовенства состоялась наконецъ давно жданная конференція Синода съ Сенатомъ. Сенатъ и теперь невполнѣ согласился на извѣстный намъ проэктъ св. Синода. Рѣшеніе конференціи было такое: всѣхъ, какъ дѣйствительно, такъ и недѣйствительно служащихъ священно-и-церковно-служителей, не положенныхъ въ подушный окладъ, и ихъ дѣтей распредѣлить въ указное число сполна, а гдѣ изъ дѣйствительно служащихъ явятся негодные, грамотѣ не умѣющіе или подозрительные, то вмѣсто оныхъ, какъ въ 1745 г. въ правит. Сенатѣ опредѣлено, опредѣлять и изъ недѣйствительно служащихъ, не положенныхъ въ окладъ, изъ нихъ же оставить извѣстное количество достойныхъ людей для произведенія на праздныя священно-служительскія мѣста; если послѣ этого въ епархіи окажутся излишніе люди, между тѣмъ какъ въ другой явится въ священно-и-церковно-служителяхъ недостатокъ, то этотъ недостатокъ восполнять излишествомъ первой, но только въ томъ случаѣ, если эти епархіи лежатъ въ границахъ одной и тойже губерніи, а не въ разныхъ губерніяхъ, дабы въ сношеніяхъ по отдаленности затрудненія и продолженія не было; по удовольствіи такимъ порядкомъ священно-и-церковно-служителями цѣлой губерніи, излишнихъ дѣтей духовенства и церковниковъ, еще не положенныхъ въ подушный окладъ, приписывать въ окладъ къ цехамъ, посадамъ, фабрикамъ и къ помѣщикамъ, кто ихъ взять за себя пожелаетъ, или писать въ военную службу по 12 п. инструкціи, дабы праздношатающихся нигдѣ не осталось (1).

Послѣ конференціи разборъ начался уже на самомъ дѣлѣ. Но только лишь онъ начался, какъ въ епархіяхъ открылись изъ-за него знакомые споры между губернскими и епархіальными начальствами. Въ слѣдующемъ 1755 г. тверской епископъ Веніаминъ до-

(1) П. С. З. XIV, 10342.

несъ св. Синоду, что тверская, кашинская и другія провинціальныя канцеляріи настаивали, чтобы разборъ производился въ ихъ присутствіяхъ, а не въ духовныхъ правленіяхъ, и требовали къ себѣ поэтому вѣдомостей о духовенствѣ. Но по рапортамъ изъ другихъ мѣстъ, наприм. изъ новгородской, казанской, ростовской, нижегородской и вологодской епархій, значилось, что разборъ чинился тамъ архіереями, консистористами и духовными особами обще по согласію съ губернаторами и воеводами въ духовныхъ правленіяхъ и консисторіяхъ. Поэтому св. Синодъ требовалъ указа, чтобы такъ чинился разборъ и вездѣ, ибо дѣло касается вѣдомства духовнаго, церковнаго клира, да притомъ же въ канцеляріяхъ духовнымъ особамъ, особенно самимъ архіереямъ, и присутствіе имѣть крайне неприлично. Сенатъ согласился и выдалъ такой указъ, присовокупивъ къ нему, чтобы разборъ производился безъ споровъ, поскорѣе и безъ утаекъ (1). Тоже требованіе высказала сама императрица, присутствовавшая на конференціи Сената и Синода въ августѣ 1756 г. (2).

Св. Синодъ съ своей стороны дѣлалъ неоднократныя представленія Сенату, направленныя къ одной и тойже цѣли,—смягченію строгостей разбора, но каждый разъ получалъ отъ Сената отказъ. Мы говорили уже выше, что ему наприм. отказано было въ желаніи разширить нѣсколько церковные штаты посредствомъ сохраненія старыхъ приходовъ, имѣвшихъ число дворовъ меньше указнаго, а также двухкомплектныхъ причтовъ въ неолноперстольныхъ церквахъ, тоже не имѣвшихъ для этого нужнаго числа приходскихъ дворовъ. Далѣе, пользуясь недомолвкой указовъ, которые говорили объ оставленіи при дѣйствительно служащихъ отцахъ и дѣтей ихъ, но не опредѣляли, какого возраста разумѣются послѣдніе, св. Синодъ хотѣлъ было, чтобы при отцахъ оставляемы были и возрастные сыновья, хотя

(1) Тамже, 10422.
(2) Тамже, 10665.

бы они могли жить самостоятельно и сами имѣли дѣтей, даже внуковъ, а при замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ при церквахъ думалъ употреблять преимущественно дѣтей умершихъ и недѣйствительныхъ священно-служителей, чтобы этимъ и ихъ спасти отъ участи остаться за опредѣленіемъ въ излишнихъ, „а дѣйствительно служащихъ и въ живыхъ сущихъ отцевъ дѣти, объяснялъ онъ, при оныхъ своихъ отцахъ впредь въ надежду священства и церковнаго причта и такъ оставлены и состоятъ свободными". Узнавъ объ этомъ, Сенатъ поспѣшилъ дополнить недомолвку указовъ и постановилъ записывать при отцахъ только несовершеннолѣтнихъ сыновей, а совершеннолѣтними, способными къ службѣ, замѣщать церковныя вакансіи. Ходатайствуя о тѣхъ же дѣтяхъ недѣйствительныхъ и умершихъ священно-и-церковно-служителей, св. Синодъ представлялъ, что постоянно и всюду открывается множество священно-служительскихъ вакансій, что много требуется новыхъ священно-служителей въ новозавоеванные города, новокрещеныя жилища, въ новонаселяющуюся Сербію, въ полки и во флотъ, что кромѣ того оказался недостатокъ священно-служителей въ пяти епархіяхъ можно чаять такого же недостатка и въ другихъ, а для посвященія на всѣ эти вакансіи ждать возраста несовершеннолѣтнихъ духовныхъ дѣтей, написанныхъ при отцахъ или въ школахъ, весьма долговременно; поэтому необходимо оставить при разборѣ больше людей въ надежду священства и т. д. Сенатъ далъ отказъ и на это предложеніе.—Наконецъ св. Синодъ просилъ, нельзя ли по распредѣлять никуда по инструкціи малолѣтнихъ дѣтей духовенства, ниже 15 лѣтъ, коихъ отцы за пороки и подозрѣнія отрѣшены отъ мѣстъ и слѣдуютъ въ солдаты и въ окладъ, потому что таковыя невинныя отцовскимъ порокамъ дѣти купно съ ихъ порочными отцами къ написанію въ службу или окладъ не подлежатъ и за отцевъ своихъ никакимъ штрафамъ не подвержены; можно бы было отдавать ихъ лучше въ школы для обу-

ченія въ надежду священства, а нѣкоторыхъ изъ нихъ опредѣлять по достоинству къ церквамъ. Сенатъ отвѣчалъ на это, что во 1-хъ однихъ отцовъ безъ дѣтей никто въ окладъ не возметъ, на поселеніе безъ дѣтей они тоже неспособны, а во 2-хъ св. Синодъ напрасно опредѣленіе въ службу или въ окладъ и на поселеніе считаетъ какимъ-то наказаніемъ, — всему этому подлежатъ и совершенно невинные люди за однимъ только излишествомъ ихъ по штату, что поэтому Сенатъ не только не можетъ согласиться съ требованіемъ св. Синода, но и признаетъ его „суще за противное указамъ“ (1). Послѣ этого со стороны св. Синода мы не встрѣчаемъ больше никакихъ представленій въ защиту духовенства.

Результаты Елизаветинскаго разбора духовенства опредѣленно неизвѣстны. Судя по его производству, нельзя думать, чтобы онъ былъ особенно тяжелъ для духовенства. Тяжесть его значительно должна была умѣряться тѣмъ, что онъ производился въ духовныхъ командахъ, а не одними военными командирами, которые бывало дѣлали такіе грозные наѣзды на приходы и совершенно ихъ раскассовывали. Злоупотребленія, на которыя указывалъ Татищевъ, относились главнымъ образомъ къ церковникамъ, которые уже состояли въ окладѣ по прежней ревизіи и записаны были за священно-служителями. Прошло 5 лѣтъ со времени рѣшительной конференціи Синода съ Сенатомъ, а правительство все еще жаловалось на то, что праздные церковники уклонялись отъ избранія себѣ рода жизни и тѣмъ только время продолжали; къ концу царствованія строго предписано всѣхъ такихъ разобрать и годныхъ взять въ солдаты насильно (2). Изъ позднѣйшихъ донесеній нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальствъ во время новой ревизіи уже при Екатеринѣ II узнаемъ весьма крупныя цифры изключенныхъ изъ духовнаго званія

(1) П. С. З. XIV, 10665. 10780.
(2) Тамже, XV, 10963.

въ 50-хъ годахъ; такъ наприм. тамбовскій прокуроръ Жилинъ въ 1766 г. доносилъ Сенату, что за 1759—1760 гг. изъ одной тамбовской провинціи поступило въ провинціальную канцелярію 349 церковниковъ (1). Но съ другой стороны встрѣчаемъ также весьма крупныя цифры и такихъ церковниковъ, которые успѣли ускользнуть отъ разбора; въ томъ же наприм. году президентъ коллегіи экономіи кн. Гагаринъ доносилъ, что въ одномъ г. Богородицкѣ и въ богородицкой и бобриковской волостяхъ отъ разбора 1756 г. осталось до 200 праздныхъ церковниковъ и ихъ дѣтей, „изъ нихъ же есть и таковые, которые весьма малограмотны, а другіе и неумѣющіе, и впредь къ производству въ клиръ не подаютъ о себѣ никакой надежды, и находясь въ одной праздности, ни въ чемъ высочайшему ея и. в—ва интересу, такъ и обществу, никакого плода не приносятъ". Къ своему рѣшенію,—опредѣлить всѣхъ такихъ церковниковъ въ крестьяне, Сенатъ присовокуплялъ: „уповательно, что и въ прочихъ мѣстахъ таковыхъ, оставшихъ по оному бывшему предъ симъ разбору, праздно живущихъ церковниковъ состоитъ весьма довольное число, кои не токмо въ назначенный тогда срокъ, но и послѣ чрезъ многое время, чему уже минуло болѣе 10 лѣтъ, желанія своего ко опредѣленію въ службу не объявили и никуда не приписались" (2). Въ самомъ донесеніи Жилина замѣчено, что изъ 349 церковниковъ, взятыхъ въ разборъ, 74 человѣка остались никуда неопредѣленными; Сенатъ обвинялъ въ этомъ провинціальную канцелярію и велѣлъ произвести слѣдствіе о томъ, почему она такъ долго запускала это важное дѣло, и съ виновными поступить по указамъ. Наконецъ изъ синодскихъ вѣдомостей, присланныхъ въ Сенатъ уже въ 1769 г., узнаемъ, что при всемъ множествѣ безмѣстныхъ и празд-

(1) П. С. З. XVIII, 12861.
(2) Также, XVII, 12586.

ныхъ церковниковъ, церковныя вакансіи до сихъ поръ оставались не замѣщенными, что по разнымъ епархіямъ, кромѣ сибирскихъ, изъ которыхъ вѣдомости были не присланы, праздныхъ священно-и-церковно-служительскихъ мѣстъ было 12626,—цифра, хорошо показывающая, какъ нераціонально поступилъ Сенатъ, отвергнувъ проэктъ Синода о восполненіи недостатка духовенства въ однихъ епархіяхъ излишкомъ другихъ и предложеніе объ оставленіи при церквахъ большаго количества кандидатовъ на праздныя мѣста (1).

До сихъ поръ въ теченіи всего описаннаго времени распоряженія администраціи относительно штатовъ и разборовъ духовенства основывались на началахъ Петровской реформы и были прямыми выводами изъ законовъ Петра; новаго не сдѣлано было ровно ничего, хотя наприм. законодательству въ теченіи всего этого времени постоянно предстояла весьма существенная задача выработать какія-нибудь опредѣленныя правила относительно добровольнаго выхода изъ духовнаго званія. Молодое поколѣніе духовенства должно было все оставаться въ своемъ званіи, при чемъ значительная часть его, не находя мѣстъ въ опредѣленной штатами службѣ церковной, должна была по неволѣ проживать при своихъ родныхъ въ совершенной праздности до тѣхъ поръ, пока не нагрянетъ нежданная, негаданная гроза новаго разбора. Гроза эта, какъ мы видѣли, повторялась черезъ очень короткіе промежутки затишья, которые всего лучше показываютъ, какъ настоятельно нужно было открытіе постояннаго выхода изъ духовнаго званія, и посила всегда какой-то неумолимо карательный характеръ. Сенатъ при имп. Елизаветѣ отрицалъ этотъ карательный характеръ, говорилъ, что св. Синодъ напрасно смотритъ на распредѣленіе дѣтей духовенства и церковниковъ, какъ на наказаніе. Но св. Синодъ не даромъ же вы-

(1) Тамже, XVIII, 13236.

работалъ такой взглядъ на это распредѣленіе; не даромъ съ страшнымъ для себя рискомъ уклонялись отъ переписи сами подлежавшіе распредѣленію,—за нимъ слѣдовало для нихъ или тяжелое солдатское житье, или крѣпостное состояніе; а очень недавно, при имп. Аннѣ, самъ Сенатъ и кабинетъ употребляли такіе же разборы духовенства и въ томъ же самомъ видѣ именно въ качествѣ административной кары за недоброжелательство духовнаго чина къ существующей верховной власти, — вину весьма тяжкую и стоившую такого же тяжкаго наказанія.

Правительство не заботилось обезпечить и облегчить выходъ изъ духовнаго званія. Духовная власть съ своей стороны старалась закрыть для своихъ подчиненныхъ и тѣ непостоянные пути въ гражданскую службу, какіе открыты были для нихъ практикой жизни. Всѣ духовныя лица должны были отдавать своихъ дѣтей непремѣнно въ духовныя школы для обученія въ надежду священства и совершенно лишались права предназначать имъ какую-либо иную участь безъ обученія въ духовной школѣ. Чѣмъ болѣе у нашей іерархіи развивалась ревность къ распространенію духовнаго просвѣщенія, тѣмъ это правило наблюдалось строже и безусловнѣе и тѣмъ болѣе духовная школа становилась орудіемъ замкнутости духовнаго сословія. Въ 1731 г. вышелъ замѣчательный въ этомъ отношеніи указъ св. Синода по случаю донесенія ректора московской академіи Софронія, что „въ оную академію священники и діаконы и причетники дѣтей своихъ для ученія не отдаютъ, отъ чего число учениковъ въ академіи умалилось и ученіе распространеніемъ пресѣкается, а оные священники и діаконы и причетники отдаютъ дѣтей своихъ въ разныя коллегіи и канцеляріи въ подъячіе“. Св. Синодъ указалъ, чтобы всѣ священно-и-церковно-служители отдавали дѣтей въ школу „безъ всякаго отлагательства и отговорокъ; а въ подъячіе по коллегіямъ и канцеляріямъ, также и въ другіе чины отнюдь не отдавать, подъ лишеніемъ

чиновъ своихъ и подъ безпощаднымъ наказаніемъ; и для того велѣно... ихъ обязать въ томъ письменно съ подпискою ихъ рукъ, и коликихъ лѣтъ у кого дѣти не въ службѣ нынѣ суть, взять сказки, и тѣ сказки и обязательныя письма подать въ дикастерію, а изъ нея, учиня изъ того обстоятельный реэстръ, взнесть для вѣдома въ св. Синодъ, а въ епархіяхъ архіереямъ о таковыхъ поповскихъ и проч. дѣтяхъ чинить по усмотрѣнію потребности и лѣтъ ихъ и по силѣ указовъ". А чтобы духовныхъ дѣтей въ коллегіи и канцеляріи въ подъячіе и въ другіе свѣтскіе чины не принимали нигдѣ, о томъ въ Сенатъ сообщено было вѣденіе. Сенатъ согласился принять это вѣденіе, и въ слѣдующемъ году, по поводу новыхъ жалобъ отъ начальства московской академіи, выдалъ въ томъ же смыслѣ указъ отъ себя (1). Изъ канцелярскихъ должностей лицамъ духовнаго происхожденія оставались только должности при Синодѣ и архіерейскихъ приказахъ, а послѣ въ духовныхъ консисторіяхъ и духовныхъ правленіяхъ. Духовное вѣдомство и съ этой стороны замыкалось въ особый міръ, гдѣ всѣ должности исключительно занимались своими людьми, тѣмъ болѣе, что государство, само терпя крайнюю нужду въ гражданскихъ чиновникахъ, не охотно дозволяло, а иногда и положительно запрещало поступать свѣтскимъ лицамъ на приказную службу по духовному вѣдомству. Въ 1732 г. Синодъ послалъ въ Сенатъ вѣденіе о томъ, чтобы канцеляристу г. Рыльска Звягину, который служилъ въ дух. правленіи, не дѣлалось принужденія перейти въ гражданскую службу. Сенатъ рѣшилъ: „ежели у него Звягина отецъ былъ гражданскаго чина и онъ былъ у гражданскихъ дѣлъ, то и нынѣ ему быть у гражданскихъ же, а не у духовныхъ дѣлъ... ежели же отецъ его былъ у духовныхъ дѣлъ,

(1) П. С. З. VIII, 5882. 6066. 6267. Ист. росс. іерарх. I, 432.

то и оному сыну его быть, какъ и отцу его, у тѣхъ духовныхъ дѣлъ. И о томъ въ св. Синодъ сообщить вѣденіе, въ которомъ объявить, чтобы въ св. Синодѣ опредѣлено было, дабы впредь къ духовнымъ дѣламъ въ подъячіе опредѣляемы были изъ поповскихъ, дьяконскихъ и причетническихъ дѣтей и изъ прочихъ того св. Синода вѣдомства, а изъ свѣтской команды къ такимъ духовнымъ дѣламъ опредѣлять было запрещено“ (¹).

Надобно впрочемъ сказать, что указы о запрещеніи лицамъ духовнаго званія поступать въ гражданскую службу и вообще въ свѣтское вѣдомство исполнялись очень плохо. Дѣлая такія распоряженія о своихъ служилыхъ людяхъ, какъ сейчасъ приведенное, свѣтское вѣдомство съ своей стороны мало думало о запрещеніи принимать къ себѣ на службу людей духовнаго вѣдомства и дѣлало имъ даже пригласительные вызовы, особенно ученикамъ изъ духовныхъ училищъ. Вслѣдствіе этого между тѣмъ и другимъ вѣдомствомъ встрѣчаемъ явные знаки борьбы изъ-за способныхъ людей, въ которыхъ оба они одинаково нуждались.

Наприм. изъ московской академіи постоянно вызывались воспитанники въ академію наукъ, въ московскій госпиталь, въ Сухаревскую математическую школу, въ типографію, для обученія архитектурѣ, восточнымъ языкамъ и т. д. Вызовы эти, производясь иногда въ довольно крупныхъ размѣрахъ, очень тяготили академію и вызывали сильныя жалобы со стороны академическаго начальства. Въ 1732 г. ректоръ Софроній жаловался св. Синоду, что отъ непрестанныхъ вызововъ то въ госпиталь, то въ другія мѣста „въ академіи зѣло мало учениковъ имѣется“. Въ 1735 г., по случаю вызова въ академію наукъ 20 студентовъ, ректоръ Стефанъ Калиновскій писалъ въ св. Синодъ, что

(¹) П. С. З. VIII, 6152.

изъ учениковъ „не многіе доходятъ до богословія: ибо иніи посылаеми бываютъ въ Санктпетербургъ для обученія орієнтальныхъ діалектовъ и для камчадальской экспедиціи, иніи въ Астрахань для наставленія калмыковъ и ихъ языка познанія, иніи въ сибирскую губернію съ д. ст. сов. В. Татищевымъ, иніи въ оренбургскую экспедицію съ ст. сов. Ив. Кирилловымъ, иніи же берутся и въ московскую типографію и въ монетную контору, многіи же и бѣгаютъ, которыхъ и сыскать не возможно; еще же суть, что и по разпымъ приказамъ принимаются, а искоміи укрываются, а отъ другаго вопрошены, отъ чего бѣгаютъ, говорятъ, искать де мѣста и хлѣба за времени, понеже де мало видимъ тыхъ, которіи по совершеніи теченія паукъ своихъ угодное пристанище получаютъ; а что паче всего есть, что которіи ученики по многотрудныхъ въ фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ, синтаксимѣ, чрезъ 2, 3 и 4 лѣта около ихъ тщаніяхъ и прилежностяхъ, въ піитику уже, риторику и философію поступятъ, а остроумнѣйшіи и надежнѣйшіи покажутся, тотчасъ московскія гошпитали учениками, яко своими друзьями, понеже изъ московскихъ же латинскихъ школъ туды переведенными, для довольнѣйшаго, честнѣйшаго въ гошпитали, нежели въ академіи, ученическаго состоянія и содержанія. удобно наговорены, повсягодно въ московскую гошпиталь опредѣляются и отсылаются, а въ московской славяно-греко-латинской академіи почти самое остается дрождіе“. Св. Синодъ распорядился по требованіямъ въ гошпиталь отпускать изъ академіи учениковъ не изъ дѣтей духовенства, а изъ разночинцевъ и солдатскихъ дѣтей, и притомъ такихъ, которые дошли не дальше синтаксимы, а изъ высшихъ школъ студентовъ не отпускать. Кромѣ того академія старалась сбыть отъ себя въ гошпиталь учениковъ похуже, такъ что гошпиталю приходилось иногда возвращать ихъ назадъ (1). Въ 1747 г., на основаніи регламента

(1) Ист. моск. акад. 240. 243—244.

академіи наукъ, при ней учрежденъ университетъ, въ составъ котораго велѣно собрать 30 воспитанниковъ изъ петербургской и новгородской семинарій и московской академіи. Св. Синодъ опять предписалъ мѣстнымъ архіереямъ, чтобы собственно духовныхъ воспитанниковъ они берегли для нуждъ церкви, а въ академію наукъ выбирали изъ разночинцевъ и только въ крайней нуждѣ изъ дѣтей причтическихъ. Московская академія исполнила требованіе академіи наукъ, но петербургская семинарія нашла его для себя обременительнымъ и архіепископъ с.-петербургскій Ѳеодосій вошелъ въ Синодъ съ представленіемъ, нельзя ли вмѣсто нея назначить учениковъ изъ какой-нибудь другой семинаріи, потому что по малолюдству ея ученики очень нужны для самой епархіи. Президентъ академіи гр. Разумовскій настоялъ на своемъ, представивъ Синоду, что, въ силу высочайшаго повелѣнія, онъ имѣетъ право и всѣхъ 30 учениковъ взять изъ одной петербургской семинаріи, но сдѣлалъ для нея снисхожденіе, распорядившись выбрать учениковъ изъ трехъ заведеній, чтобы ее не отягчить. Ученики были высланы (1).— Въ 1754 г. былъ вызовъ студентовъ въ медико-хирургическую академію; св. Синодъ и въ нее велѣлъ посылать только учениковъ изъ разночинцевъ, несмотря на то, что послѣднихъ, какъ мы говорили, въ это время по семинаріямъ было уже очень небольшое число. Въ слѣдующемъ году медицинская академія вынуждена была обратиться къ св. Синоду съ просьбой дозволить поступленіе въ нее и дѣтямъ духовенства, но получила въ томъ рѣшительный отказъ „для нѣкоторыхъ указныхъ и настоящихъ резоновъ“. Въ 1756 г. отъ нея послѣдовала новая просьба въ Синодъ о томъ же предметѣ, въ которой, указывая на крайнюю потребность умноженія медицинскихъ знаній, академія просила выслать по крайней мѣрѣ человѣкъ 50 семинаристовъ изъ разныхъ епархій. Въ св. Синодѣ нако-

(1) Ист. спб. акад. 56—57.

нецъ рѣшили: ради крайней потребности въ русскихъ медикахъ дозволить отпускъ въ медицинскую науку такихъ семинаристовъ, кои въ священствѣ и въ прочемъ церковномъ причтѣ быть не похотятъ, а пожелаютъ сами обучаться медицинской и аптекарской наукамъ, но не иначе, какъ по усмотрѣнію архіереевъ и ректоровъ, откуда и сколько человѣкъ въ то пятидесятное число можно (1).

Съ восшествіемъ на престолъ имп. Екатерины II начались крупныя преобразованія во всемъ духовенствѣ. Прежде всего правительство обратило вниманіе на монастырскія вотчины и въ связи съ вопросомъ объ нихъ на штатъ монашествующаго духовенства Учреждена была коммиссія о духовныхъ имѣніяхъ съ самыми широкими задачами — опредѣлить экономическое отношеніе Церкви къ государству, составить общіе штаты всего духовенства, изыскать средства для его содержанія и образованія. Въ 1764 г.. по окончаніи работъ коммиссіи по монастырскому вопросу, правительство объявило, что у него на очереди стоитъ теперь вопросъ о бѣломъ духовенствѣ и что оно уповаетъ „и эту часть съ Божіею помощію къ желаемому концу вскорѣ привести“ (2). Реформа этой части тоже началась съ опредѣленія новыхъ штатовъ для церквей, которое должно было, разумѣется, сопровождаться новымъ генеральнымъ разборомъ духовенства. Кстати въ тоже время началась и новая ревизія государства, которая была предписана еще при Петрѣ III. Епархіальнымъ начальствамъ вмѣстѣ съ губернаторами, воеводами и полицмейстерскими канцеляріями предписано было съ наивозможною поспѣшностію собрать о духовенствѣ каждой губерніи и епархіи, полныя вѣдомости, въ которыхъ представить свѣдѣнія о томъ, сколько и въ какихъ городахъ и селеніяхъ, при какихъ церквахъ, архіерейскихъ домахъ и въ школахъ состоитъ

(1) П. С. З. XIV, 10321.
(2) П. С. З. XVI, 12060.

бѣлаго священства и церковныхъ служителей съ ихъ семействами, не положенныхъ въ подушный окладъ, съ обозначеніемъ ихъ возраста, умѣнья читать и пѣть и поведенія. Отъ разбора духовенства до собранія всѣхъ этихъ свѣдѣній велѣно пока удержаться (1). Къ концу 1768 г. требуемыя вѣдомости были доставлены изъ всѣхъ епархій, кромѣ двухъ сибирскихъ, а въ началѣ 1769 г. начался и самый разборъ (2). Новаго штатнаго опредѣленія впрочемъ все еще не выработали и въ основу разбора положены были старые штаты Петра I съ прибавленіемъ къ нимъ только новаго положенія 1768 г. о дьяконахъ, по которому положено: при троихъ священникахъ быть двоимъ дьякопамъ, при двоихъ одному, при одномъ оставлять дьякона только въ знатныхъ мѣстахъ, какъ то: въ Москвѣ, Петербургѣ, въ губерніяхъ, провинціяхъ, городахъ и слободахъ, гдѣ священно-служители могутъ получать довольное пропитаніе, въ селахъ же дьякопамъ быть лишь въ приходахъ, имѣющихъ не менѣе 100 дворовъ (3).

Новое штатное опредѣленіе церквей явилось уже въ 1778 г. Правительству сдѣлалось извѣстно, что епархіальныя начальства вовсе не обращали вниманія на штаты Петра, назначали троихъ священниковъ туда, гдѣ положено имѣть всего только двоихъ, а вмѣсто одного причта опредѣляли къ церквамъ по два, подъ предлогомъ, будтобы столько нужно по числу приходскихъ дворовъ, или „якобы липпіе производятся на мѣсто престарѣлыхъ и больныхъ, кои отнюдь таковаго изнеможенія не имѣютъ, по опое чинятъ по происканъ дѣтей, родственниковъ и свойственниковъ ихъ, чрезъ что оныхъ сверхъ потребы излишне умножается, а отъ таковаго ихъ множества всякія безобразія, безчинія, ссоры, безпокойства и разныя слѣдствія

(1) П. С. З. XVII, 12575.
(2) Тамже, XVIII, 13236.
(3) Тамже, XX, 14807.

происходятъ". Вслѣдствіе этого опредѣлены были новые штаты, въ которыхъ нельзя не видѣть значительнаго сокращенія причтовъ противъ штатовъ Петра. Положено было: 1) при церквахъ, при которыхъ считалось не болѣе 150 дворовъ прихода, быть только одному священнику; 2) въ приходахъ, заключающихъ въ себѣ до 200 дворовъ, втораго священника ставить въ тѣхъ случаяхъ, если издревле было 2 священника и если одному нельзя управиться съ требами, но „съ крайнимъ разсмотрѣніемъ, если таковая необходимость подлинно окажется"; 3) двоимъ священникамъ быть при 250 — 300 дворахъ; 4) троимъ, гдѣ столько и прежде было и гдѣ безъ третьяго нельзя обойтись; 5) число дьяконовъ опредѣлено согласно положенію 1768 г. „А дабы на мѣсто живыхъ подъ видомъ престарѣлости и другихъ винъ излишнихъ производство удержать, то хотя приходскіе люди о произведеніи кого въ священно-и-церковно-служительскіе чины на мѣста престарѣлыхъ и больныхъ просить будутъ, преосвящ. архіереямъ самимъ тѣхъ престарѣлыхъ и больныхъ свидѣтельствовать и усматривать самоперсонально, подлинно ль они состоятъ во всегдашнихъ и такихъ болѣзненныхъ припадкахъ, за коими они своей должности исправлять отнюдь не въ состояніи". Предѣломъ старости для подобнаго замѣщенія одного священно-служителя другимъ назначенъ возрастъ въ 60 лѣтъ. У отставленнаго священно-служителя велѣно отбирать ставленную грамату вмѣстѣ съ письменнымъ обязательствомъ не совершать никакихъ требъ, а литургію служить съ особливаго благословенія архіерейскаго (1). Это штатное опредѣленіе легло потомъ въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ разборовъ духовенства, при чемъ распредѣленіе духовенства по приходамъ велѣно было производить по ревизскимъ сказкамъ, принимая дворъ за 4 души мужескаго пола (2).

(1) П. С. З. XX, 14807.
(2) Тамже, XXIII, 17309.

Въ тоже время правительство старалось положить границы излишнему умноженію приходскихъ и другихъ церквей. Попрежнему выдавались строгія запрещенія относительно построенія домовыхъ церквей (1). Новыя церкви въ приходахъ велѣно строить не иначе, какъ съ разрѣшенія св. Синода, а возобновлять съ разрѣшенія архіереевъ (2). Постановленія объ этомъ предметѣ соблюдались такъ строго, что архіереи безъ своего благословенія не дозволяли дѣлать даже наружныхъ исправленій въ церквахъ, отъ чего многія церкви оставались долгое время безъ поправокъ и разваливались; вслѣдствіе многихъ жалобъ по этому поводу въ 1774 г. св. Синодъ выдалъ разрѣшеніе производить всѣ поправки, которыя не касались внутреннихъ частей алтаря и престола, и безъ дозволенія архіереевъ, а архіереямъ указалъ не только не препятствовать подобнымъ исправленіямъ, но даже поощрять ихъ (3). Въ 1795 г. предположено упразднить нѣсколько ружныхъ церквей, которыя были крайне бѣдны и большею частію совершенно ненужны, а священно-служителей отъ нихъ перевести на праздныя мѣста при церквахъ приходскихъ (4).

Опредѣленіе церковныхъ причтовъ штатами при Екатеринѣ II распространено и на Малороссію, которая доселѣ жила независимо отъ новыхъ церковныхъ порядковъ, вводившихся въ Великороссіи. Мы уже говорили о томъ, какое разрушительное вліяніе имѣли Екатерининскіе штаты на вольное малороссійское дьяковство. При томъ же митрополитѣ Гавріилѣ Кременецкомъ, который возсталъ противъ дьяковъ и ихъ школяровъ, въ 1778 г. началось въ Малороссіи опредѣленіе штатами и священно-служительскихъ должно-

---

(1) Тамже, XIX, 13625.
(2) Тамже, 13511.
(3) Тамже, 14144.
(4) Тамже, XXII, 16411.

стей. Викаріатства были запрещены; викаріевъ велѣно было размѣщать на штатныя мѣста; отъ викаріевъ, жившихъ при отцахъ „на помощь ихъ старости“, отобраны ставленыя граматы, — имъ тоже велѣно искать себѣ самостоятельныхъ штатныхъ мѣстъ. Съ 1786 г., при м. Самуилѣ Мисловскомъ, въ Малороссіи введены всѣ порядки великороссійскихъ приходовъ (1). При производившейся тогда ревизіи велѣно было всѣхъ лишнихъ священно-служителей, не исключая и малороссійскихъ приходовъ, размѣстить на штатныя мѣста и на будущее время излишнихъ не ставить къ церквамъ ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ (2). Послѣ ревизіи оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ украйны произошло даже излишнее сокращеніе причтовъ. Наприм. въ 1795 г. бѣлогородскій епископъ доносилъ св. Синоду, что въ его епархіи въ нѣкоторыхъ приходахъ положено всего по одному причту на 250—300 дворовъ, и притомъ разбросанныхъ на далекія разстоянія отъ церквей, на 300—600 дворовъ назначено по два священника, а индѣ тоже по одному, несмотря на то, что у такихъ приходовъ въ прежнее время было по три причта, и что прихожане просили и теперь убѣдительно просятъ оставить у нихъ прежнее число духовенства, каковое и дѣйствительно необходимо нужно; кромѣ того при нѣкоторыхъ церквахъ приходы сдѣлались больше, а при другихъ меньше вслѣдствіе новаго опредѣленія епархіальныхъ границъ соотвѣтственно границамъ намѣстничествъ (3), причисленія къ бѣлогородской епархіи церквей отъ другихъ епархій и происшедшаго отсюда передѣла многихъ приходовъ; архіерей просилъ прибавки въ

---

(1) См. въ ст. о малор. дух. Рук. для с. паст. 1861 г. № 39 и 1861 г. № 46; также въ Описан. кіево-соф. соб. м. Евгенія.

(2) П. С. З. XXII, 15981. 16375.

(3) Но ук. 27 марта 1785 г. № 16175.

причтахъ и приведенія послѣднихъ въ положеніе соотвѣтственное штатамъ 1778 г. Св. Синодъ согласился. При ревизіи церкви велѣно писать, какъ слѣдуетъ по штатамъ, однопріходными, двупріходными и т. д., по священно-служителей оставить при нихъ пока только наличныхъ, праздныхъ же мѣстъ во время производства ревизіи не замѣщать, а замѣстить послѣ, чтобы при ревизіи не учинить въ чемъ замѣшательства. Тоже велѣно чинить и по другимъ епархіямъ, гдѣ окажется такое же умаленіе причтовъ сравнительно съ штатами [1].

Вмѣстѣ съ точнѣйшимъ опредѣленіемъ церковныхъ штатовъ у духовнаго и свѣтскаго правительства возникала давно уже знакомая забота о размѣщеніи священно-служителей, оказавшихся за опредѣленіемъ. Число ихъ сравнительно съ прежнимъ возросло еще болѣе, такъ что наприм. по разбору 1769 г. оказалось 257 безмѣстныхъ священниковъ и 11 дьяконовъ въ одной московской епархіи [2], и продолжало еще увеличиваться наплывомъ безмѣстнаго духовенства изъ другихъ епархій, которое не переставало стремиться въ столицы, несмотря на то, что извѣстные намъ указы о преслѣдованіи его полиціей имѣли полную силу и при Екатеринѣ [3]. Въ 1770 г. св. Синодъ издалъ указъ, изъ котораго узнаемъ, что многіе священно-и-церковнослужители, „иные изъ своихъ мѣстъ бѣжавъ, а другіе подъ именемъ своихъ просьбъ въ Санктпетербургъ и Москву пришедъ, у своихъ родственниковъ и знакомыхъ и на постоялыхъ дворахъ укрывались, равно же и тѣ, которые, отпросясь у своихъ архіереевъ подъ видомъ, якобы для свиданія съ свойственниками своими, съ паспортами приставъ въ разные домы, за положенными имъ въ тѣхъ паспортахъ сроками долго-

---

[1] П. С. З. XXIII, 17309.
[2] Ист. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 2. стр. 73.
[3] П. С. З. XVII, 12493.

временно жили, а нѣкоторые архіереи священно-и-церковно-служителей, снисходя на прошенія ихъ, безъ всякаго требованія изъ своей епархіи для пріисканія мѣста увольняли, а тѣ уволенные за непріисканіемъ мѣста шатались праздно и въ непристойные духовному чину поступки впадали, а запрещенные отъ священнослуженія попы, отправляя въ домахъ крестовую службу, объ опредѣленіи себя въ Санктпетербургѣ и Москвѣ къ церквамъ и въ полковыя команды домогались, отъ чего какъ архіереямъ, такъ и Синоду затрудненіе, а наипаче великая отъ таковыхъ бродягъ непристойность происходила". Св. Синодъ распорядился, чтобы священно-служители отлучались изъ епархій непремѣнно съ паспортами, только по дѣлу и на опредѣленные сроки, а по прибытіи въ чужую епархію являлись мѣстному духовному начальству съ объявленіемъ о себѣ и о мѣстѣ своего жительства; безпаспортныхъ и съ просроченными паспортами велѣно отправлять подъ карауломъ на мѣсто ихъ прежняго жительства (1).

Въ Москвѣ противъ бродячихъ и крестцовыхъ священно-служителей особенно энергично дѣйствовалъ преосв. Амвросій Зертисъ-Каменскій. Въ 1768 г. онъ писалъ въ консисторію, что „въ Москвѣ праздныхъ священниковъ и прочаго церковнаго причта людей премногое число шатается, которые къ крайнему соблазну, стоя на Спасскомъ крестцѣ для найму къ служенію по церквамъ, великія дѣлаютъ безобразія, производятъ между собою торгъ, и при убавкѣ другъ передъ другомъ цѣны, вмѣсто подлежащаго священнику благоговѣнія, произносятъ съ великою враждою сквернословную брань, иногда же дѣлаютъ и драку, а послѣ служенія, не имѣя собственнаго дому и пристанища, остальное время или по казеннымъ питейнымъ домамъ и харчевнямъ провождаютъ, или же, на-

(1) П. С. З. 13499.

пившись до пьяна, по улицамъ безобразно скитаются". Консисторіи было поручено принять противъ этихъ людей самыя строгія мѣры. Консисторія донесла, что если всѣхъ безмѣстныхъ поповъ и дьяконовъ оставить въ Москвѣ, то отъ крестца никоими мѣрами унять ихъ будетъ невозможно, что они нарочно не пріискиваютъ себѣ постоянныхъ мѣстъ, „дабы, шатаясь по Москвѣ, быть безъ всякаго присмотра въ сущемъ самовольствѣ, получая пропитаніе посредствомъ онаго самособлазнительнѣйшаго на крестцѣ къ служенію найма". Въ 1770 г. консисторія раздѣлила все безмѣстное духовенство на три разряда: однимъ, лишившимся мѣстъ не за вины, а просто по излишеству, дозволено опредѣляться въ викаріи, или служить по требованію штатныхъ священниковъ въ церквахъ, но не по найму, а съ назначенія закащика, къ которому штатные священники и должны обращаться съ просьбами о назначеніи къ нимъ въ помощь заштатныхъ; другихъ, лишенныхъ мѣстъ за вины, но безъ запрещенія въ служеніи, велѣно немедленно выслать изъ Москвы для распредѣленія въ викаріи и на штатныя мѣста по уѣздамъ; третьихъ, запрещенныхъ въ служеніи, выслать изъ Москвы для распредѣленія по уѣздамъ на праздныя причетническія должности. Объ этихъ распоряженіяхъ немедленно дано знать полиціи для того, чтобы она задерживала всѣхъ безпаспортныхъ духовныхъ лицъ, какъ бѣглыхъ, и представляла ихъ въ консисторію (1). Но еще не успѣли выслать означенныхъ лицъ изъ Москвы, какъ въ началѣ слѣдующаго года разразилась надъ Москвой извѣстная моровая язва 1771 г., послужившая поводомъ къ убіенію дѣятельнаго архіепископа. Смерть его не безъ основанія приписывается отчасти наущеніямъ раздраженнаго противъ него безмѣстнаго духовенства. Двоюродный внукъ погибшаго святителя, Бантышъ-Каменскій, описавшій

(1) Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кн. 2. стр. 73—76.

его жизнь [1], съ большимъ раздраженіемъ разсказываетъ, какъ во время язвы „мерзкіе козлы, оставивъ свои приходы, стояли у Варварскихъ воротъ (гдѣ висѣлъ образъ Боголюбской Богоматери) съ палоями, дѣлая торжище, а не моленіе, городскіе домовые и уѣздные попы толпами бродили“ и т. д., какъ они грозились побить камнями посланныхъ владыки требовать ихъ въ консисторію, какъ потомъ во время бунта вмѣстѣ съ народомъ участвовали въ ограбленіи Чудова монастыря и какъ наконецъ, по убіеніи святителя, написали на чудовскихъ воротахъ епитафію почившему: „и память его погибе съ шумомъ“. По свидѣтельству протоіерея Архангельскаго собора Петра Алексѣева, послѣдній ударъ святителю нанесъ какой-то церковникъ [2]. Надобно впрочемъ замѣтить, что по приговору слѣдственной по этому дѣлу коммиссіи въ числѣ участниковъ мятежа изъ духовенства показаны только 1 дьяконъ и 2 церковника, которые были наказаны кнутомъ и съ вырѣзанными ноздрями сосланы на каторгу, да еще не изобличенные явно ни въ грабежѣ, ни въ убійствѣ по недостатку уликъ пономарь и священникъ [3].

Въ февралѣ 1772 г. св. Синодъ снова выдалъ строгій указъ противъ безмѣстныхъ и бродячихъ поповъ [4]. Но послѣ язвы въ Москвѣ открылось столько вакантныхъ мѣстъ при церквахъ, что консисторія, распредѣливъ на нихъ множество безмѣстныхъ поповъ, назначенныхъ прежде къ высылкѣ изъ Москвы въ уѣзды, все-таки нашла необходимымъ снова открыть въ московскую епархію свободный въѣздъ духовенства изъ другихъ епархій. Его наѣхало такъ много, что въ 1774 г. консисторія поспѣшила снова воротиться къ

---

(1) Жизнь преосв. Амвросія. Москва. 1813 г.
(2) Русск. вѣдом. 1866 г. № 73 и 74: «Чума въ Москвѣ».
(3) П. С. З. XIX, 13695.
(4) Тамже, 13764.

прежнимъ строгостямъ [1]. По свидѣтельству м. Платона, послѣ язвы „на мѣста умершихъ опредѣлены по большей части изъ разныхъ епархій бродяги, которые на своихъ мѣстахъ не возмогли ужиться, бросились въ Москву и были опредѣляемы синодальною конторою. Люди не только по большей части неспособные, но и невоздержные, а нѣкоторые безчинные. Ихъ мало помалу новый архіепископъ переводилъ и на ихъ мѣста лучшихъ и ученыхъ производилъ“ [2]. Съ 1774 г. мѣры противъ бродячаго и крестцоваго духовенства значительно усилились по всѣмъ епархіямъ. Московская консисторія назначила постоянный карауль на Спасскомъ крестцѣ изъ своихъ солдатъ и сосѣднихъ священниковъ, чтобы воспрепятствовать тутъ сборищамъ крестцоваго духовенства [3]. При м. Платонѣ, вскорѣ вступившемъ на московскую каѳедру, сборища эти дѣйствительно прекратились. Въ запискахъ о своей жизни онъ разсказываетъ о себѣ, что „перевелъ безчестный крестецъ, который состоялъ въ томъ, что у Спасскихъ воротъ всегда собиралось поповъ по 10, 20 и 30, бродягъ изъ разныхъ епархій, отрѣшенные отъ мѣстъ, а иные запрещенные и подъ слѣдствіемъ находящіеся, и нанимались, стоя на крестцѣ, служить обѣдни при разныхъ церквахъ за малѣйшую цѣну, копѣекъ по 10 и по 5. Дѣлало сіе нестерпимый соблазнъ. Богъ помогъ архіепископу все сіе перевести такъ, что и слѣда не осталось; хотя оно, можетъ быть, продолжалось чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, и хотя прежніе архіереи о томъ же старались, но не успѣли“ [4]. Распоряженія м. Платона коснулись и такъ называе-

---

[1] Ист. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 2. стр. 101—102.

[2] Жизнь м. Платона. Снегирева. Москва 1856. прилож. стр. 34.

[3] П. С. З. XIX, 14207. Ист. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 2. стр. 327.

[4] Жизнь м. Плат. прилож. 34.

мыхъ викарныхъ или раннихъ священниковъ, которые тоже служили при церквахъ по вольному найму и очень нерѣдко выходили на крестецъ. Лишившись раннихъ литургій, прихожане многихъ церквей подняли такой громкій ропотъ, что онъ доходилъ даже до императрицы, и митрополитъ по этому поводу опасался встрѣтить какія-нибудь непріятности отъ двора (1); но его распоряженія не были отмѣнены; — въ удовлетвореніе жалобъ онъ сдѣлалъ только ту уступку, что дозволилъ въ нѣкоторыхъ церквахъ служеніе раннихъ литургій мѣстнымъ священникамъ (2).

Въ 1784 г. правительство придприняло большой разборъ духовенства, который всего болѣе способствовалъ къ уменьшенію числа безмѣстныхъ священнослужителей. Именнымъ указомъ этого года предписано всѣхъ викарныхъ и домовыхъ священно-служителей, яко сверхъ штата и указнаго положенія состоящихъ, размѣстить на штатныя мѣста, священниковъ на священническія, дьяконовъ на дьяконскія, а если такихъ мѣстъ не окажется, то первыхъ опредѣлять на дьяконскія, а вторыхъ на причетническія, или даже и тѣхъ и другихъ на причетническія, а до того времени, какъ они размѣстятся, архіереямъ совсѣмъ удержаться отъ посвященія новыхъ ставленниковъ, кромѣ ученыхъ (3). Мѣра эта оказалась столь успѣшной, что наприм. въ Москвѣ черезъ два года послѣ ея объявленія не оказывалось уже ни одного викарнаго священника, кромѣ запрещенныхъ, и м. Платонъ объявилъ, что прихожане могутъ попрежнему просить о производствѣ въ священники и изъ необучавшихся въ школахъ церковниковъ (4). Но съ другой стороны она очевидно была мѣрой временной, какъ и всѣ разборы духовен-

---

(1) Письма Платона. издан. Прав. обозр. стр. 5—6.
(2) Ист. моск. епарх. упр. ч. III, кн. 1. стр. 137—138.
(3) П. С. З. XXII, 15978. 15981.
(4) Ист. моск. епарх. упр. ч. III, кн. 1. стр. 137.

ства, и не рѣшала вопроса о безмѣстныхъ священнослужителяхъ въ общемъ его смыслѣ. Поэтому жалобы указовъ на безпорядки, производимые этими священнослужителями, на ихъ бродяжничество, на стеченіе ихъ въ обѣихъ столицахъ, не прекращаются и послѣ 1780-хъ годовъ. Попрежнему слѣдила за ними полиція, ловила ихъ по улицамъ и обывательскимъ домамъ и отсылала ихъ въ консисторіи; немало находилось между ними бѣглыхъ, безпаспортныхъ и даже самоставовъ. Въ 1798 г. указано было присылаемыхъ полиціей бѣглыхъ священниковъ и дьяконовъ отдавать на поруки, чтобы не бѣгали, или въ монастыри, а тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся присвоившими санъ самовольно, немедленно отдавать гражданскому начальству (1).

Послѣ преобразованія малороссійскихъ епархій всѣ эти мѣры прилагаемы были и къ тамошнему духовенству, между которымъ, вслѣдствіе долговременной слабости тамошнихъ епархіальныхъ властей, бродяжничество развивалось, можно сказать, до чрезвычайныхъ размѣровъ, въ какихъ по великорусскимъ епархіямъ оно могло проявляться развѣ только въ древнее забытое время автономіи приходской жизни. Священники часто ничѣмъ не отличались тамъ отъ бродячихъ вольныхъ дьяковъ, также ходили отъ парохіи къ парохіи, отыскивая мѣста, съ своими ставленными грамотами иногда очень сомнительнаго качества. Мы уже видѣли этихъ „дикихъ поповъ“ на приходскихъ выборахъ. Само епархіальное начальство поддерживало это бродяжничество, выдавая безмѣстнымъ попамъ граматы безъ назначенія прихода, такъ называемыя „граматы на пріисканіе мѣста“. Получивъ такую грамату, дикій попъ былъ воленъ отправляться на всѣ четыре стороны и приставать къ какой угодно парохіи. Д. Регламентъ запретилъ эти граматы и онѣ дѣйстви-

(1) П. С. З. XXV, 18391. 18802.

тельно вывелись въ Великороссіи, но уцѣлѣли въ малороссійскихъ епархіяхъ. Онѣ были здѣсь даже необходимы, потому что вслѣдствіе сильнаго развитія приходскихъ выборовъ назначеніе безмѣстныхъ священно-служителей къ опредѣленнымъ церквамъ въ большинствѣ случаевъ могло имѣть мѣсто только тогда, если такой священно-служитель успѣетъ поправиться приходу; и вотъ, осаждаемые просьбами о мѣстахъ со стороны разныхъ безмѣстныхъ священнослужителей, наприм. приходившихъ изъ польскихъ владѣній отъ притѣсненій католиковъ, или получившихъ санъ въ Молдавіи и Турціи отъ бродячихъ и небродячихъ греческихъ архіереевъ „про запасъ“ или „на вакансъ“, безъ назначенія храма, а также продавшихъ свою парохію другимъ, или изгнанныхъ изъ прихода громадою и т. п., малороссійскіе архіереи ничего иного не могли сдѣлать съ этими просителями, какъ отправить ихъ самихъ искать себѣ мѣста съ дозволительной на то граматой отъ каѳедры. Многіе бродили и безъ всякихъ граматъ, уходя изъ бѣднаго прихода для наживанія копѣйки наемной службой въ Кіевѣ, или въ Запорожьѣ, а то даже просто какой-нибудь физической работой. Пока такой священникъ гдѣнибудь косилъ, или молотилъ, или ходилъ съ извозомъ, парохія его доставалась другому, а онъ и вовсе оставался безъ мѣста. Особенно часто пускались въ бродяжничество вдовые попы; освободясь отъ семьи, сдѣлавшись, что называется, вольнымъ козакомъ, такой вдовый священникъ шатался по деревнямъ, приставалъ въ городахъ къ цехамъ, въ Кіевѣ и Черниговѣ приставалъ къ бурсакамъ, распѣвая съ ними капты подъ окпами, участвуя въ бурсацкихъ шалостяхъ и попойкахъ, вообще „бурлакуя“, какъ человѣкъ безцѣльный, пока его не ворочали въ домъ мать, тещa, или дѣти, или пока самому не приходило въ голову пристать къ одному мѣсту и покаяться предъ епархі-

альнымъ начальствомъ (1). Много способствовало бродяжничеству украинскаго духовенства право свободнаго перехода всего вообще поспольства съ одного мѣста на другое, существовавшее тамъ до самаго учрежденія намѣстничествъ въ 1783 г. Земскія власти не имѣли обыкновенія спрашивать у пришельцевъ ихъ видовъ и въ своихъ округахъ дозволяли селиться всякому желающему безъ всякаго стѣсненія.

При такихъ порядкахъ нерѣдко являлись по украинскимъ селеніямъ даже попы самоставы или самозванцы. Въ 1769 г. одинъ изъ такихъ самозвановъ, по фамиліи Вреусъ, цѣлыхъ два года священствовалъ въ с. Селищѣ каневскаго староства, потомъ куда-то пропалъ и еще черезъ 2 года явился въ своей парохіи уже польскимъ гусариномъ. Парохіяне пришли въ ужасъ, когда онъ цинически разсказалъ имъ о своемъ самозванствѣ и нагло звалъ ихъ подъ благословеніе, обвѣнчанные имъ хотѣли разводиться, но никто не вздумалъ его схватить. Насмѣявшись вдоволь надъ громадой, онъ уѣхалъ и былъ таковъ. Въ заграничной украйнѣ уже въ концѣ 1780-хъ годовъ разыгралась другая любопытная исторія самосвятства, „исполненная химерогонства, криминальства и прочихъ неподобныхъ поступковъ“. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ ней явился нѣкто Евстафій Пилипенко, проидоха, выдававшій себя подъ разными именами и званіями, всегда имѣвшій съ собой нѣсколько разныхъ билетовъ и документовъ, которыми и пользовался, смотря по надобности. Въ полтавской губерніи онъ женился на одной богатой козацкой дѣвицѣ, потомъ въ 1787 г. бросилъ ее и бѣжалъ въ польскую украйну, къ чему побудило его между прочимъ совершенное имъ убійство своей работницы. За Днѣпромъ онъ въ томъ же году присватался къ дочери умершаго хрещатиц-

---

(1) Рук. для сельск. паст. 1861 г. № 49; Очерки быта малоросс. дух.

каго священника Морозова (въ нынѣшнемъ черкасскомъ уѣздѣ), наслѣдницѣ, успѣлъ обмануть своими бумагами и невѣсту, и мать ея вдову Морозиху, и даже мѣстнаго управителя Сушинскаго, сказавшись дворянином студентомъ кіевской академіи, женился, взялъ у Сушинскаго согласіе занять наслѣдную парохію, а у парохіянъ выборъ и выѣхалъ въ Переяславъ промоваться на попа, но скоро воротился и взялъ у Сушинскаго другой билетъ въ русскія владѣнія тоже для рукоположенія, въ которомъ однако былъ названъ уже священникомъ. Черезъ мѣсяцъ онъ уже благополучно священствовалъ въ Хрещатикѣ, разсказывая одним, что рукоположенъ въ Волоцинѣ, другимъ въ Полтавѣ, третьимъ отъ адріанопольскаго архіерея. Все бы ему хорошо сошло съ рукъ, но на грѣхъ у него явилась странная фантазія взять къ себѣ и свою первую жену съ дѣтьми. Съ этой цѣлью весной 1788 г. онъ нежданно явился къ ней ночью и уговорилъ ее ѣхать съ собой въ польскія владѣнія; дорогой онъ разсказалъ ей, что у него есть за Днѣпромъ парохія, открылъ также, что онъ женатъ на другой, но что и ее возьметъ съ собой и будетъ жить съ обѣими женами, потому что ему обѣихъ жаль, и уговаривалъ ее не безпокоиться объ этомъ обстоятельствѣ. Но послѣ такого признанія она немедленно выдала мужа луховному начальству. Началось слѣдствіе, которое обнаружило всѣ описанныя обстоятельства и подложность самой ставленой граматы Пилипенка; грамату эту смастерили для него двое какихъ-то бродячихъ іеромонаховъ, кутилъ и плутовъ, какъ онъ самъ. Къ слѣдствію явилась и Морозиха съ дочерью, прося возвращенія забранныхъ у нея Пилипенкомъ вещей и удовлетворенія за безчестіе. Сушицкій прислалъ извинительное письмо, что, не разобравъ дѣла, велѣлъ парохіянамъ слушаться самозванца; въ этомъ письмѣ онъ самымъ дурацкимъ образомъ дивился такому ошуканьству и просилъ епархіальное начальство за безчестіе дѣвицы Морозовой отъ Пилипенка, a może z przyplodkiem, на-

значить хрещатицкій приходъ снова тому, кто возьметъ ее въ замужество. Морозиху удовлетворили деньгами, потому что вся ея претензія была въ 7 рублей съ полтиной. Но пока это слѣдствіе тянулось по всѣмъ правиламъ приказнаго искуства, Пилипенко бѣжалъ изъ подъ ареста. Дальнѣйшая судьба его и его женъ намъ неизвѣстна (1).

Постоянно занятыя вопросомъ о сокращеніи числа лишнихъ священно-служителей и опредѣленіи священно-служительскаго класса новыми штатами, правительство и духовная власть во второй половинѣ XVIII столѣтія предоставляли священно-служителямъ довольно свободный выходъ изъ духовнаго званія. Послѣ указа 1724 г. вопросъ о добровольно слагающихъ санъ ни разу не поднимался въ нашемъ законодательствѣ до временъ Екатерины II. Между тѣмъ чѣмъ болѣе проходило времени послѣ 1724 г., тѣмъ болѣе указъ Петра забывался, уступая мѣсто старинному суровому взгляду на разстригъ. Нѣкоторыя епархіальныя начальства не раздѣляли этого суроваго взгляда; наприм. въ 1748 г. въ тобольской епархіи въ далматовской духовной школѣ встрѣчается учителемъ нѣкто распопъ Кириллъ Павловъ (2). Но за то многіе архіереи не только не исполняли указа 1724 г., но не раздѣляли даже воззрѣній собора 1667 г., держались понятій, господствовавшихъ еще раньше этого собора, наприм. насильно заставляли постригаться въ монахи всѣхъ вдовыхъ поповъ и дьяконовъ, а нѣкоторые (Арсеній Маціевичъ) отправляли въ монастырь даже вдовыхъ дьяковъ. Св. Синодъ постоянно получалъ жалобы на такую строгость архіереевъ. Вторичное вступленіе оставившаго свой санъ священно-служителя въ бракъ считалось фактомъ позорнымъ и не-

(1) Кіевск. епарх. вѣдом. 1864 г. № 10.

(2) Пермск. епарх. вѣдом. 1868 г. № 1, стр. 8: Далмат. школа.

честивымъ, и болѣе строгія изъ епархіальныхъ начальствъ старались не допускать такихъ браковъ всѣми мѣрами. Въ 1761 г. одинъ вдовый дьяконъ просилъ у св. Синода разрѣшенія на бракъ и присовокупилъ къ своему прошенію, чтобы св. Синодъ не отсылалъ его просьбы къ его архіерею, потому что архіерей непремѣнно принудитъ его къ постриженію въ монастырь (1). Въ 1733 г. былъ даже такой случай въ Ригѣ: тамошній протопопъ Николай Ростовецкій подвергнулъ допросу одну попадью, у которой умеръ мужъ, выйдетъ ли она въ другой разъ замужъ, объявляя, что если не выйдетъ, то онъ дозволитъ хоронить ея мужа въ ризахъ, а то—пѣтъ. Св. Синодъ, по докладу Θеофана Прокоповича, выдалъ сильный указъ, въ которомъ велѣно было сдѣлать дознаніе, нѣтъ ли гдѣ еще подобныхъ же суевѣрій, и искоренять ихъ (2). Но насильственное недопущеніе до брака самихъ священно-служителей не было такъ серьезно преслѣдуемо и дало поводъ знаменитому Ломоносову разразиться сильной филиппикой (въ Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа 1761 г.), въ которой горячій публицистъ уже перегнулъ дугу въ противную сторону, требуя втораго брака для священно-служителей даже безъ оставленія ими свящ. сана. „Смѣшная предосторожность! Не позволяется священнодѣйствовать, женясь вторымъ бракомъ законно, честно и благословенно, а въ черпечествѣ блуднику, прелюбодѣю или еще м..... литургію служить и всякія тайны совершать дается воля. Возможно ли подумать, чтобы человѣкъ молодой, живучи въ монастырѣ безъ всякой печали, довольствуясь пищами и напитками и по всему внѣшнему виду здоровый, сильный и тучный, не

---

(1) См. ст.: О вдов. священнослуж. въ Христ. чт. 1871 г. февр. 366—367.

(2) П. С. З. IX, 6479.

былъ бы плотскихъ похотей стремленіямъ подверженъ“? и проч. (1).

При имп. Екатеринѣ II сила указа 1724 г. была возстановлена вполнѣ. Въ наказѣ депутату отъ Синода въ коммиссію о составленіи новаго уложенія (Димитрію Сѣчепову митр. новгородскому) св. Синодъ писалъ, что нужно требовать подтвержденія этого указа, дабы по силѣ его, священникамъ и діаконамъ, въ непрестарѣлыхъ лѣтахъ овдовѣвшимъ и вступающимъ во второбрачіе, въ порокъ того не ставить и по желаніямъ ихъ принимать и опредѣлять ихъ въ свѣтскіе чины и въ военную службу, кто куда способенъ окажется, не ставя ни въ какой порокъ бывшаго ихъ въ духовенствѣ обращенія, и производить бы ихъ въ чины по порядку и по достоинству и заслугамъ, дабы они отъ другихъ никакой отличности не имѣли и тѣмъ бы ревностнѣе службы свои оказывали (2). Священнослужителямъ, оставлявшимъ санъ, дѣйствительно предоставлялась свобода по желанію или поступать на службу, или записываться въ купечество, мѣщанство и казенные поселяне. Духовная власть употребляла ихъ на разные роды духовной службы, наприм. въ причетники; „понеже, писалось въ указахъ Синода по этому поводу, по правиламъ св. отецъ пресвитерамъ и діаконамъ вступать во второбрачіе не запрещается; того ради, въ разсужденіи молодыхъ лѣтъ и дабы оставшіяся дѣти безъ призрѣнія не были, во 2-й бракъ вступать позволить и, исключа изъ чина, для пропитанія съ дѣтьми, къ церкви на праздное дьяческое мѣсто опредѣлить“. Другіе, изъ ученыхъ, были опре-

---

(1) Библіогр. зап. 1859 г. № 11: Матеріалы для изд. сочин. Ломоносова.

(2) Цитуемъ этотъ важный документъ, къ сожалѣнію доселѣ хранящійся въ спб. дух. академіи въ рукописи, по извлеченію изъ него въ Хр. чтен. 1871 г. кн. VII. стр. 102.

дѣляемы въ учители семинарій (¹). Третьи занимали канцелярскія должности при консисторіяхъ. Въ 1782 г. одинъ вдовый дьяконъ подалъ прошеніе Тихону III воронежскому о дозволеніи ему втораго брака, ссылаясь на то, что у него остался послѣ жены малолѣтній сынъ и что онъ самъ „въ нестарыхъ лѣтахъ страстей соодолѣть не можетъ и за тѣмъ чтобы отъ слабости не подать на чинъ діаконскій подозрѣнія“. Преосвященный дозволилъ и по снятіи сана самъ опредѣлилъ его канцеляристомъ въ свою консисторію (²).

Для сокращенія числа безмѣстныхъ и заштатныхъ церковниковъ, а также негодныхъ или просто ненужныхъ для церковной службы дѣтей духовенства употреблялось прежнее средство—разборъ въ окладъ, или въ военную службу. Правительство не измѣнило своего прежняго дурнаго взгляда на этотъ многочисленный классъ праздныхъ людей, хотя и относилось къ нему гораздо гуманнѣе, чѣмъ прежде. Разные безпорядки и даже преступленія, въ которыхъ попадались эти люди, давали правительству только новые резоны къ оправданію его дурнаго взгляда на нихъ; наприм. въ самой Москвѣ они попадались иногда въ карманномъ воровствѣ, срываніи шапокъ съ прохожихъ и т. п. (³) Нѣкоторые изъ нихъ замѣшаны были въ грабежѣ Чудова монастыря и участіи въ бунтѣ 1771 г. Во время разсужденій коммиссіи о составленіи новаго уложенія противъ праздныхъ церковниковъ и дѣтей духовенства раздавались очень сильные голоса. Въ одномъ изъ депутатскихъ наказовъ отъ дворянства читаемъ: „воровство происходитъ по большой части отъ множества безмѣстныхъ церковниковъ, которые при духов-

---

(¹) О вдов. священнослуж. Хр. чт. 1871. кн. VII. стр. 102—103. 94. 96.

(²) Воронеж. епарх. вѣдом. 1868 г. стр. 592—593: Б.-Рожд. церковь въ г. Воронежѣ.

(³) Ист. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 2. стр. 76, примѣч. 460—461.

номъ правленіи числятся при отцахъ, а и самые отцы церковной земли многіе имѣютъ самую малую часть, а дѣтей человѣка по два, по три, а иные и больше, а доходу на нихъ никакого нѣтъ; въ работѣ же, какъ всѣмъ извѣстно, что родъ сей лѣнивъ; такъ не повелѣно ли будетъ безмѣстныхъ церковниковъ опредѣлять въ солдаты, а негодныхъ въ подушный окладъ, чрезъ что платящіе государственную подать крестьяне чувствовать будутъ легость, а воровство чрезъ оное унятся можетъ; сказки же брать, сколько безмѣстныхъ дьячковъ, не отъ духовнаго правленія, но отъ приходскихъ людей“ (1). На одномъ изъ засѣданій коммиссіи разработывавшій по ея порученію вопросъ о духовенствѣ кн. Щербатовъ предлагалъ было даже осуществить извѣстную намъ мысль Петра великаго и Татищева объ отчисленіи отъ духовнаго званія всѣхъ лицъ, не состоящихъ на дѣйствительной церковной службѣ; по его мнѣнію, подъ именемъ церковниковъ слѣдовало разумѣть „только тѣхъ, кои дѣйствительно по положенному числу при церквахъ находятся, излишніе же въ число оныхъ не полагаются, но дабы оные не находились безъ мѣстъ, то оные, яко мѣщане, могутъ вступать въ торги и промыслы или, которые хотятъ, и въ военную службу“ (2). Мысль эта не была осуществлена и теперь; разборы духовенства производились на основаніи прежнихъ началъ и новыхъ Екатерининскихъ штатовъ.

Въ началѣ царствованія исключительно занимались распредѣленіемъ только тѣхъ церковниковъ, которые оставались отъ прежняго разбора при имп. Елизаветѣ. Такъ наприм. вслѣдствіе упомянутаго нами доношенія о незаписанныхъ церковникахъ въ Богородицкѣ, богородицкой и бобриковской волостяхъ волѣ-

---

(1) Сборн. русск. истор. общ. т. IV, 338.

(2) Доволн. къ истор. масонства. Пекарскаго. 1869 г. стр. 19—20.

по было всѣхъ такихъ церковниковъ разобрать и годныхъ отъ 14 до 50 лѣтъ записать въ солдаты, а негодныхъ въ деньщики, погоньщики, флейтщики, цирюльники и др. чины, кто куда способенъ; губернаторамъ и воеводамъ велѣно прислать въ Сенатъ объясненія, почему они доселѣ не озаботились разпредѣленіемъ этихъ людей и допустили то, что „интересамъ ея импер. в—ва немалое упущеніе послѣдовало“ (1). Отъ новаго разбора церковниковъ правительство, какъ мы уже упоминали, удержалось, несмотря на новую ревизію, до собранія подробныхъ свѣдѣній о всемъ бѣломъ духовенствѣ, которыя велѣно представить изъ всѣхъ епархій и которыя оно считало необходимыми для предпринимаемыхъ имъ реформъ во всемъ духовномъ чинѣ (2). Начавшаяся тогда война съ Турціей заставляла сильно торопиться собраніемъ этихъ свѣдѣній въ виду пополненія безмѣстными церковниками полковъ; все-таки вѣдомости о духовенствѣ составлялись около трехъ лѣтъ и представлены были въ Синодъ уже въ 1769 г. Кромѣ великорусскаго духовенства, переписи подвергнулось тогда и духовенство малороссійское и сильно было ею встревожено; ходили слухи, что всѣхъ неграмотныхъ сыновей духовенства будутъ брать въ солдаты, или запишутъ въ крѣпость (3); подобные слухи, заставлявшіе церковниковъ и духовныхъ дѣтей уклоняться отъ переписи, еще болѣе тормозили ходъ дѣла.

Наконецъ въ январѣ 1769 г. вышелъ самый указъ о разборѣ. Разсмотрѣвъ синодскія вѣдомости о духовенствѣ, Сенатъ нашелъ, что хотя по этимъ вѣдомостямъ священно-и-церковно-служителей до штатнаго числа не доставало 12626 человѣкъ, но „напротивъ того какъ при опредѣленныхъ къ церквамъ въ

---

(1) П. С. З. XVII, 12573. 12586. 12861.
(2) Тамже, 12575.
(3) Руков. для с. паст. 1864 г. т. III. стр. 242.

указное число священно-и-церковно-служителяхъ дѣтей ихъ, такъ и сверхъ того подъ разными званіями показанныхъ столько находится, что и за помѣщеніемъ въ штатъ вышеозначеннаго числа останется еще въ излишествѣ весьма знатное число сихъ людей, которыхъ, за ихъ праздностію и что оные въ силу состоявшихся объ нихъ указовъ ни въ подушный окладъ никуда не записались, ниже въ семинарское ученіе донынѣ не вступили и принадлежащими науками священническому чину достойными себя не сдѣлали, при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ безъ отягощенія народнаго въ пользу отечества употребить по справедливости возможно, каковые наборы и прежде во время турецкой войны были". На этомъ основаніи Сенатъ указалъ, за исключеніемъ Петербурга, имѣющаго мало церквей, произвести повсюду общій разборъ духовенства на основаніи слѣдующихъ пунктовъ: 1) такъ какъ въ синодскихъ вѣдомостяхъ оказалось много неисправностей, особенно относительно вѣрнаго обозначенія лѣтъ дѣтямъ духовенства, то губернаторамъ чрезъ подчиненныя имъ воеводскія и провинціальныя канцеляріи собрать новыя вѣдомости о церковникахъ и дѣтяхъ духовенства съ точнымъ обозначеніемъ лѣтъ, умѣнья читать и писать сколько гдѣ опредѣлено церковниковъ и дѣтей ихъ къ церквамъ или въ другихъ званіяхъ состоитъ, за тѣмъ изъ дѣтей состоящихъ при церквахъ священно-и-церковно-служителей отъ 15 до 40 лѣтъ отъ роду взять въ военную службу четвертую часть; 2) изъ недѣйствительно же служащихъ и безмѣстныхъ церковно-служителей, также впадшихъ въ вины и наказанныхъ, по своимъ домамъ праздно живущихъ, равно какъ изъ дѣтей ихъ и изъ дѣтей священно-и-церковно-служителей запрещенныхъ, находящихся подъ слѣдствіемъ и подозрительныхъ, потомъ изъ неумѣющихъ читать и писать или умѣющихъ несовершенно и еще обучающихся, отъ 15 до 40 лѣтъ, взять половину; 3) при этомъ дѣтей ниже 15 лѣтъ осмотрѣть для повѣрки, и если которыя изъ нихъ

явятся старше 15 лѣтъ, изъ тѣхъ половину тоже взять въ солдаты; 4) семинаристовъ разбору не подвергать, но чтобы дѣти духовенства, отбывая отъ набора, не стали теперь только записываться въ семинаріи, въ расположеніе къ набору не класть только тѣхъ изъ нихъ, которые записаны въ семинаріи до 1 декабря 1768 г. Такимъ образомъ весь разборъ предоставленъ былъ дѣятельности свѣтскихъ властей, губернаторовъ и канцелярій, которыя должны были не слишкомъ довѣряться вѣдомостямъ и объявленіямъ духовныхъ властей и сами повѣрять послѣднихъ; при такихъ условіяхъ онъ могъ принять очень суровый характеръ, но гуманное настроеніе правительства не замедлило смягчить изложенные пункты небывалымъ прежде ограниченіемъ. „Если бы при семъ наборѣ, сказано въ указѣ, случилось, что вступающій въ службу изъ неспособныхъ къ церковному клиру оставлялъ бы иногда родителей своихъ безъ всякаго пропитанія, которое они до того времени, не имѣя за старостію своею никакого другаго способа, единственно отъ него получали, а чрезъ то онаго совсѣмъ лишиться принуждены были бъ, то и въ семъ случаѣ Сенатъ увѣренъ, что гг. губернаторы потщатся таковыя неудобства при разборѣ ихъ такимъ образомъ отвращать, чтобъ въ выше опредѣленное число предпочтительнѣе брать изъ такихъ домовъ, которые бы за взятіемъ ихъ не оставались уже безъ настоящаго къ прокормленію ихъ хозяина“. Въ заключеніе указъ выражалъ надежду, что по выполненіи предписанныхъ пунктовъ при церквахъ останутся одни только грамотныя и благонравныя духовныя лица, и въ виду такой важной цѣли внушалъ губернаторамъ вести дѣло съ особенною тщательностію и добросовѣстностію (1).

Послѣ набора вскорѣ возникъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ церковниками, которые оказались не-

(1) П. С. З. XVIII, 13236.

годными къ военной службѣ и о которыхъ указъ о наборѣ не сказалъ ничего опредѣленнаго. Въ прежнее время по обычному, давно уже заведенному порядку всѣхъ такихъ церковниковъ вмѣстѣ въ дѣтьми писали въ окладъ и, какъ излишнихъ, уже не принимали снова въ духовное званіе. Въ настоящее время правительство отнеслось къ нимъ гораздо гуманнѣе. Въ 1773 г. въ св. Синодъ поступили доношенія отъ Тихона II епископа воронежскаго и Ѳеодосія тамбовскаго о нѣсколькихъ церковникахъ, за негодностію къ службѣ присланныхъ съ паспортами обратно въ консисторіи и изъявившихъ желаніе опять поступить на церковную службу; архіереи спрашивали Синодъ о томъ, принимать ли ихъ на эту службу, при чемъ мнѣніемъ своимъ заявляли, что такъ какъ они выбыли изъ духовнаго званія за излишествомъ, то принимать ихъ не слѣдуетъ, а пусть военная коллегія сама распредѣлитъ ихъ, куда слѣдуетъ, по ихъ теперешному уже свѣтскому званію. Св. Синодъ выдалъ указъ согласный съ этимъ мнѣніемъ (1). Въ отвѣтъ на этотъ указъ военная коллегія представила св. Синоду, что распредѣленіе этихъ церковниковъ должно принадлежать не ей, а самому св. Синоду, что принимать ихъ къ церквамъ не разъ дозволялось и въ прежнее время, что кромѣ того возвращенныхъ отъ набора церковниковъ нельзя и считать въ свѣтскомъ званіи, потому что они еще не были ни на какой службѣ, и что такъ какъ по нераспредѣленію они могутъ оставаться въ праздности и отъ того впадать въ разныя продерзости, то св. Синодъ долженъ непремѣнно сдѣлать о нихъ разсмотрѣніе по указамъ и либо опредѣлить къ церквамъ, либо отослать къ губернаторамъ для опредѣленія въ подушный окладъ. Св. Синодъ измѣнилъ свое прежнее рѣшеніе и дозволилъ опредѣлять такихъ

---

(1) Тамже, XIX, 14062. 14182.

церковниковъ къ церквамъ (1). Мы видѣли также, что, пользуясь гуманнымъ настроеніемъ правительства, въ 1770-хъ годахъ на церковную службу во множествѣ стали проситься и такіе церковники, которые уже числились въ подушномъ окладѣ; но послѣ нѣсколькихъ частныхъ случаевъ удовлетворенія подобнымъ просьбамъ правительство остановилось на прежнемъ правилѣ—изъ подушнаго оклада въ церковный чинъ никого не опредѣлять (2).

Одною изъ замѣчательнѣйшихъ для насъ особенностей царствованія Екатерины было ослабленіе прежнихъ стѣсненій относительно добровольнаго выхода церковниковъ и дѣтей духовенства изъ духовнаго званія на гражданскую службу. Извѣстные намъ указы 1731 и 1732 гг. стали терять свою силу еще при имп. Елизаветѣ. Въ первые годы царствованія Екатерины дѣти духовенства имѣли возможность поступать въ разныя канцеляріи иногда даже безъ увольнительныхъ видовъ отъ духовнаго начальства. Впрочемъ съ самаго же начала разбора это было строго воспрещено, потому что правительству сдѣлалось извѣстно, что множество дѣтей духовенства стало укрываться отъ набора въ канцеляріяхъ. Въ концѣ мая 1769 г. Сенатъ издалъ указъ навести справки по всѣмъ канцеляріямъ, коллегіямъ и въ другихъ свѣтскихъ командахъ, нѣтъ ли гдѣ на службѣ лицъ изъ духовнаго званія, опредѣленныхъ безъ увольненія отъ духовнаго начальства послѣ указа о наборѣ, и всѣхъ такихъ взять въ военную службу, какъ тоже самое указано было въ пунктахъ о наборѣ относительно укрывающихся отъ военной службы въ семинаріяхъ (3). Послѣ этого выходъ изъ духовнаго званія въ какое бы то ни было свѣтское состояніе всегда поставлялся въ

---

(1) Тамже, XX, 14295.
(2) П. С. З. XX, 14475.
(3) Тамже, XVIII, 13306.

зависимость отъ увольненія со стороны самого св. Синода. Такъ, въ 1775 г. открылось, что въ Валахіѣ безъ этого увольненія пять человѣкъ церковниковъ записались въ купечество, и выданъ указъ—лицъ духовнаго званія безъ увольненія отъ Синода въ купечество не записывать и въ случаѣ ихъ о томъ просьбъ паводить предварительно справки по духовной командѣ, не нужны ли они для церковной службы (1). Если вспомнимъ при этомъ то, какъ неохотно духовная власть всегда отпускала изъ своего вѣдомства всѣхъ лучшихъ, даже просто только грамотныхъ людей, въ которыхъ сильно нуждалась и во второй половинѣ XVIII столѣтія, то мы не можемъ не видѣть въ приведенныхъ указахъ новаго стѣсненія для свободнаго выхода изъ духовнаго званія. Но это стѣсненіе, которое, какъ увидимъ, и не замедлило обнаружиться со стороны духовныхъ властей, тогда же было совершенно парализовано частыми правительственными вызовами способныхъ лицъ изъ духовнаго вѣдомства въ свѣтское, которое крайне теперь нуждалось въ нихъ вслѣдствіе большихъ преобразованій въ государствѣ по гражданскому и учебному вѣдомствамъ.

Послѣ учрежденія о губерніяхъ (1775 г.) и открытія намѣстничествъ потребовалось громадное количество способныхъ людей для наполненія новыхъ присутственныхъ мѣстъ, особенно намѣстническихъ канцелярій. Самыми первыми кандидатами на вакантныя канцелярскія должности явились молодые люди изъ духовнаго званія; но такъ какъ увольненіе ихъ въ свѣтское званіе чрезъ св. Синодъ сопровождалось слишкомъ длинной процедурой и было вслѣдствіе этого довольно стѣснительно, то въ началѣ 1779 г. вышелъ указъ, по которому лишнихъ церковническихъ дѣтей и семинаристовъ дозволялось опредѣлять въ намѣстническія канцеляріи по сношенію этихъ канцелярій съ

(1) Тамже, XX, 14343.

одними епархіальными архіереями;—впрочемъ въ пользу духовнаго званія сдѣлано было при этомъ важное ограниченіе, изъ семинаристовъ епархіальной власти дозволялось увольнять только тѣхъ, которые доходили не выше риторическаго класса (1). Но и этой свободы выхода изъ духовнаго званія совершенно было достаточно для того, чтобы дѣти духовенства сотнями устремились въ канцеляріи. Въ томъ же году въ канцелярію наприм. нижегородскаго намѣстничества поступило ихъ 155 человѣкъ изъ умѣвшихъ писать,—явленіе до этого времени еще небывалое (2). Гражданскія начальства, нуждаясь въ чиновникахъ, употребляли съ своей стороны всѣ средства привлекать къ себѣ въ канцеляріи воспитанниковъ духовныхъ школъ. Изъ кіевской академіи въ томъ же году просили въ разныя мѣста даже такихъ учениковъ, „которые неспособны къ ученію“. Въ 1778 г. орловскій намѣстникъ Репнинъ, приглашая къ себѣ студентовъ на службу, дѣлалъ имъ самыя лестныя предложенія,—казенную обмундировку и жалованья отъ 40 до 100 рублей на первый же разъ. Къ нему тогда же уѣхало 23 студента. Въ 1784 г. изъ кіевской академіи поступило въ разныя канцеляріи 12, а въ 1795 г. 30 студентовъ, отправленныхъ самою академіею, кромѣ тѣхъ, которые сами отыскивали себѣ мѣста на гражданской службѣ (3). Подобныхъ примѣровъ много можно представить изъ исторій разныхъ семинарій и академій (4).

Въ 1782—1786 гг. учениковъ семинарій и академій усиленно вызывали въ учители народныхъ школъ. Въ 1783 г. вытребовано было съ этою цѣлію 142 че-

---

(1) П. С. З. XX, 14831.

(2) Ист. нижегор. іерарх. 1857 г. стр. 150. Также въ Ист. моск. епарх. управл. ч. III, кн. 1. стр. 46—47.

(3) Руков. для сельск. паст. 1864 г. т. III. стр. 404—405.

(4) Напр. истор. псковск. семин. въ Чтен. о. и. и др. 1867. т. II. стр. 73—74.

ловѣка и притомъ изъ самыхъ лучшихъ учениковъ. Въ 1786 г., когда предположено было открыть народныя училища въ 25 губерніяхъ, вытребовано было изъ разныхъ семинарій 40 самыхъ лучшихъ риторовъ и философовъ. Въ 1788 г. послѣдовалъ новый вызовъ семинаристовъ въ учители малыхъ народныхъ училищъ. Изъ петербургской семинаріи по этимъ требованіямъ столько выбыло учениковъ, что высшіе классы почти опустѣли, и м. Гавріилъ сталъ чувствовать значительное затрудненіе въ пріисканіи достойныхъ лицъ для занятія священно-служительскихъ мѣстъ (1). Изъ кіевской академіи въ 1786 г. въ главное народное училище вызвано было 45 студентовъ, а въ 1790 г.—25 (2). Особенно много духовныхъ воспитанниковъ вызывалось на медицинскую службу, преимущественно съ 1786 г., когда послѣдовало преобразованіе медицинской коллегіи и для удобнѣйшаго снабженія россійской имперіи искусными врачами велѣно было умножить въ трехъ медицинскихъ училищахъ число лекарскихъ учениковъ. Такъ какъ въ медицинскую науку требовались молодые люди, знающіе латинскій языкъ, то коллегія и обратилась къ св. Синоду съ просьбой о безпрепятственномъ увольненіи въ медицинскую науку учениковъ семинарій и академій, назначая для пріема ихъ три срока, въ январѣ, маѣ и сентябрѣ. Св. Синодъ очень неохотно согласился исполнить эту просьбу и въ указѣ, выданномъ по этому случаю, оговаривалъ свое согласіе важными условіями, „если ко удержанію учениковъ, пожелавшихъ въ медицинскую науку, въ духовномъ званіи надобности не усмотрится, или которые изъ риторики къ высшимъ наукамъ безнадежны“, кромѣ того требовалъ, чтобы мѣстныя духовныя власти, отпуская духовныхъ воспитанниковъ

---

(1) П. С. З. XXII, 15342. 15978. 16342. Ист. спб. акад. 58—60. Ист. моск. акад. 377—378.

(2) Кіевъ съ его акад. Аскоченскаго. II, 350—173.

въ медицинскія училища, назначали въ ихъ аттестатахъ крайніе сроки для поступленія въ коллегію съ тѣмъ, чтобы, кто въ назначенный срокъ не будетъ принятъ въ число медицинскихъ учениковъ, тотъ не опредѣлялся еще ни въ какія иныя науки, а возвращался въ свое прежнее духовное училище. Послѣ этого въ медицинскую науку ежегодно уходило весьма значительное число духовныхъ воспитанниковъ; даже изъ академій каждый годъ увольнялось отъ 4 до 15 человѣкъ, а изъ кіевской академіи въ 1788 г. разомъ ушло 29 человѣкъ въ елизаветоградскій госпиталь, да въ 1795 въ разныя медицинскія училища 30 студентовъ (1). Въ 1795 г. вышелъ даже общій указъ о ежегодномъ отпускѣ во врачебныя управы по 50 человѣкъ способныхъ и знающихъ латинскій языкъ и словесность семинаристовъ (2). Немало духовныхъ воспитанниковъ уходило еще въ московскій университетъ.

Св. Синодъ и епархіальные архіереи принимали эти частые вызовы семинаристовъ въ свѣтскія училища съ большимъ неудовольствіемъ, старались высылать учениковъ, какъ можно, похуже, или такихъ, которые учились еще въ риторикѣ, а не слушали ни философіи, ни богословія. Представитель тогдашнихъ русскихъ іерарховъ м. Платонъ употреблялъ всѣ мѣры убѣжденія и власти для того, чтобы заставить своихъ академистовъ и семинаристовъ избирать одну духовную службу и всегда очень горько сѣтовалъ объ уходѣ ихъ въ другія вѣдомства, кромѣ духовнаго. Въ 1783 г. одинъ учитель академіи М. Завьяловъ подалъ просьбу объ увольненіи его изъ духовнаго званія; митрополитъ написалъ на ней: „какъ Завьяловъ недавно въ академіи должность учительскую проходитъ, то

---

(1) П. С. З. XXII, 16500. Ист. спб. акад. 60—61. Ист. моск. акад. 379—380. Руков. для сельск. паст. 1864 г. т. III. 404.

(2) П. С. З. XXIV, 18161.

долженъ онъ еще оную продолжить и тѣмъ заслужить пріобрѣтенное имъ въ духовныхъ училищахъ просвѣщеніе". По распоряженію Платона всѣ ученики, переходившіе изъ риторики въ философію, должны были давать подписки въ томъ, что они желаютъ остаться въ духовномъ званіи. Мысль о томъ, что воспитанникъ духовной школы долженъ готовиться непремѣнно на служеніе Церкви, для назиданія учащихся развивалась даже на публичныхъ диспутахъ. Въ 1782 г. на публичномъ собраніи московской академіи разыгрывался диспутъ между двоими студентами о томъ, какой избрать родъ жизни по окончаніи курса, при чемъ одинъ изъ актеровъ, игравшій роль благовоспитаннаго студента, по имени Добросклонина, долженъ былъ доказывать другому, игравшему роль Вѣтренникова, преимущества духовнаго званія и предъ военнымъ, и предъ судебнымъ, и всякимъ другимъ, которыми оппонентъ увлекался по своей вѣтренности (1). Тоже стремленіе удержать семинаристовъ въ духовномъ званіи проявляли и другіе архіереи. Въ 1787 г. Дамаскинъ нижегородскій, несмотря на то, что, будучи воспитанникомъ геттингенскаго университета, самъ былъ человѣкомъ совершенно свѣтскаго образованія и подвергался за это даже осужденію со стороны другихъ іерарховъ, писалъ м. Платону о двоихъ ученикахъ нижегородской семинаріи: „здѣшніе семинаристы, обучавшіеся въ московской академіи, на сихъ дняхъ явились ко мнѣ и просили дозволенія, чтобы имъ еще поучиться въ академіи, а потомъ въ московскомъ университетѣ, но какъ я примѣтилъ изъ ихъ рѣченій, что имъ хочется посредствомъ университета выйти въ другое состояніе, то и разсудилъ оставить ихъ здѣсь" (2).

Безпрепятственный выходъ изъ духовнаго званія духовная власть съ своей стороны предоставляла толь-

---

(1) Ист. моск. акад. 373—374.
(2) Также, 351—352.

ко безграмотнымъ, недоучившимся, или плохо учившимся дѣтямъ духовенства, которыя составляли лишнее бремя для духовнаго званія. Въ 1770 г. св. Синодъ издалъ постановленіе: „непонятныхъ учениковъ, которые къ продолженію наукъ никакой о себѣ надежды не подаютъ, долговременно въ школахъ не держать, и кои изъ нихъ окажутся за неимѣніемъ способныхъ дарованій или же за болѣзнями къ ученію не способны, а въ порокахъ и побѣгахъ не бывали, оныхъ производство къ мѣстамъ оставить на разсмотрѣніе преосв. архіереевъ“ (1). Одни изъ нихъ опредѣлялись на причетническія мѣста, другіе должны были избирать себѣ родъ жизни въ свѣтскомъ званіи. Изключенія изъ семинарій и академій стали производиться въ огромныхъ размѣрахъ, наприм. въ 1793 г. изъ московской академіи изключено было 146 человѣкъ. Нѣкоторыхъ выгоняли изъ школъ даже съ безчестіемъ, наприм. объ одномъ ученикѣ риторики Платонъ сдѣлалъ такое распоряженіе: „яко нерадиваго и лѣниваго ученика, выключить, выгнавъ его изъ академіи въ присутствіи учениковъ до воротъ метлами“ (2). За недостаткомъ опредѣленныхъ постановленій объ этихъ изключенныхъ ученикахъ участь ихъ была подвержена многимъ непріятнымъ случайностямъ. Хорошо, если они успѣвали попасть на льячковское или пономарское мѣсто, а иначе имъ постоянно угрожало податное состояніе, или даже солдатство; поэтому они старались до послѣдней возможности держаться при школахъ, или вообще въ духовномъ званіи въ качествѣ ожидающихъ мѣста и своей многочисленностію продолжали вызывать со стороны правительства новыя распоряженія о разборахъ.

Въ 1784 г. начался новый разборъ духовенства, важнѣйшей особенностью котораго было то, что для оставленія церковниковъ и дѣтей духовенства въ ду-

---

(1) Ист. спб. акад. 52.
(2) Ист. моск. акад. 389.

ховномъ званіи требовалась не столько принадлежность ихъ, или ихъ отцовъ къ числу дѣйствительнослужащихъ, какъ въ прежніе разборы, сколько извѣстная степень ихъ образованія. Въ основаніе разбора положены были вѣдомости о духовенствѣ, собранныя въ Синодъ къ ревизіи 1782 и 1783 г. По рѣшенію общей конференціи Сената и Синода, утвержденному государынею, указано было: 1) всѣхъ священно-и-церковно-служителей, числящихся въ штатѣ, вмѣстѣ съ вступившими въ штатное число изъ подушнаго оклада по ревизіи, числомъ 84131, оставить при служеніи; 2) въ настоящее до штата число, на 9548 числящихся по вѣдомостямъ вакансій, распредѣлить 1540 человѣкъ священно-и-церковно-служителей, оставшихся въ разныхъ епархіяхъ за штатомъ, чтобы послѣ этого заштатныхъ уже никого не было, за тѣмъ на остальное число вакансій размѣстить достойныхъ изъ дѣтей дѣйствительныхъ священно-и-церковно-служителей отъ 51 года возрастомъ и выше; 3) оставить сверхъ того на будущее время 11329 обучающихся въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ безъ изъятія и тѣхъ изъ нихъ, которые происходятъ изъ податнаго состоянія, также дѣтей духовенства ниже 15 лѣтъ, находящихся при отцахъ; семинаристовъ впрочемъ разобрать по способностямъ и успѣхамъ, и способнымъ болѣе къ гражданской, чѣмъ къ церковной службѣ, по прежнему отсылать и на будущее время въ намѣстничества для канцелярской службы, также въ учители народныхъ школъ; за тѣмъ 4) остальныхъ дѣтей духовенства свыше 15 лѣтъ, хотя бы они были и дѣйствительно служащихъ отцовъ дѣти, но въ семинаріяхъ не обучаются и въ церковныя должности не приготовляются, всѣхъ и съ дѣтьми ихъ для общей и собственной ихъ пользы, чтобы праздными не оставались, заставить избрать родъ жизни, предоставляя имъ на волю поступать въ купечество, въ военную службу, въ цехи, или въ число государственныхъ крестьянъ, въ послѣднемъ случаѣ со льготой при поселеніи на землѣ отъ податей на

нѣсколько лѣтъ; 5) престарѣлыхъ и больныхъ священно-служителей, не записывая въ окладъ, оставить на пропитаніи у ихъ дѣтей, а бездѣтныхъ отсылать въ приказы общественнаго призрѣнія; дѣтей ихъ распредѣлять, какъ сказано въ 4 пунктѣ; 6) на основаніи тогоже пункта поступать съ церковниками и ихъ дѣтьми, оставшимися за штатомъ, не обучившимися исправно грамотѣ и бывшими въ подозрѣніяхъ, кромѣ посвященныхъ уже въ св. санъ, также престарѣлыхъ и увѣчныхъ; 7) церковниковъ изъ податнаго состоянія, не выключенныхъ изъ оклада, кромѣ посвященныхъ въ попы и дьякопы, возвратить на мѣста, гдѣ они числятся въ окладѣ. Епархіальнымъ начальствамъ вмѣнено въ обязанность составить именные списки всѣхъ, кто долженъ остаться при церквахъ и кто будетъ слѣдовать къ распредѣленію, съ обозначеніемъ лѣтъ отъ рожденія, и сообщить эти списки въ казенныя палаты, которыя имѣютъ отобрать у всѣхъ лишнихъ людей духовнаго званія сказки, кто куда желаетъ приписаться, желающихъ приписаться въ крестьяне оставить на мѣстѣ до указа, а другихъ распредѣлять по ихъ желаніямъ немедленно [1].

Св. Синодъ съ своей стороны издалъ указъ сверхштатныхъ и безмѣстныхъ священно-служителей опредѣлять къ мѣстамъ, не дожидаясь открытія вакансій по ихъ чинамъ, наприм. священниковъ на дьяконскія и даже причетническія мѣста, лишь бы не оставались въ праздности, а на мѣста по ихъ сану переводить ихъ уже послѣ, по мѣрѣ открытія вакансій,—до распредѣленія же ихъ никого, кромѣ семинаристовъ, не посвящать. По ревизскимъ вѣдомостямъ въ астраханской и черниговской епархіяхъ оказалось особенно большое излишество духовенства, (въ астраханской 67 поповъ, 25 дьяконовъ, 95 церковниковъ = 187, въ черниговской поповъ 305, дьяконовъ 81, церковни-

---

[1] П. С. З. XXII, 15978.

ковъ 146 = 532), напротивъ въ казанской, кіевской и переяславской открылся значительный недостатокъ, (въ первой 45 поповъ, 213 дьяконовъ и 854 церковника = 1112, въ кіевской, даже за размѣщеніемъ на дьяконскія и причетническія мѣста 248 поповъ, все-таки не доставало 892 дьяконовъ и причетниковъ, въ переяславской за такимъ же размѣщеніемъ 51 человѣкъ поповъ и дьяконовъ не доставало 446 церковниковъ); вслѣдствіе этого дозволено было сдѣлать переводъ духовенства изъ одной епархіи въ другую, но съ большими ограниченіями; дозволено переводить только священно-служителей, которымъ неприлично вступать въ свѣтское званіе по ихъ сану, при чемъ положено замѣщать ими въ чужихъ епархіяхъ и мѣста церковно-служительскія, а пока они такимъ образомъ не размѣстятся по своимъ или чужимъ епархіямъ, въ астраханской и черниговской епархіяхъ не велѣно никого производить не только на священно-служительскія, но и на причетническія должности; что же касается до лишнихъ церковниковъ, то ихъ всѣхъ положено исключить въ свѣтскую команду, потому что въ казанской, кіевской и переяславской епархіяхъ къ опредѣленію церковниковъ есть немалое число. При выборѣ людей между излишне многочисленными членами причтовъ для оставленія въ штатномъ числѣ при церквахъ велѣно наблюдать, чтобы для этого выбирались преимущественно люди ученые (1).

Судя по одному доношенію изъ орловскаго намѣстничества, разборъ производился въ очень крупныхъ размѣрахъ; осенью тогоже 1784 г. орловская казенная палата доносила Сенату, что по разсылкѣ 54 церковниковъ въ другія губерніи изъ остальныхъ, подлежавшихъ разбору, въ свѣтскую команду назначено было 2214 человѣкъ, 194 въ купечество, 743 въ мѣщанство, 280 въ крестьяне и 997 осталось еще безъ

(1) П. С. З. XXII, 15981.

распредѣленія по неявкѣ (1). Несмотря на эти крупныя цифры выбывшихъ изъ духовнаго званія въ одномъ только намѣстничествѣ, нельзя не видѣть, что разборъ 1784 г. имѣлъ характеръ весьма снисходительный и далеко не похожій на характеръ прежнихъ разборовъ. Въ прежнее время лишній человѣкъ духовнаго званія насильственно забирался въ солдаты, или приписывался въ подушный окладъ къ помѣщику; новый разборъ давалъ ему широкую свободу въ выборѣ состоянія, выпускалъ его изъ духовнаго званія въ свободное отъ крѣпости купечество, мѣщанство, крестьянство. Не говоримъ о тѣхъ церковникахъ и дѣтяхъ духовенства, которые имѣли возможность по своему образованію безпрепятственно поступать на гражданскую службу. Замѣчательно, что всего больше цифра церковниковъ и дѣтей духовенства, поступившихъ въ мѣщанство, къ которому въ 1784 г. такой свободный доступъ для нихъ открывался, можно сказать, еще въ первый разъ. Крестьянство мало ихъ привлекало къ себѣ, хотя они поступали теперь въ число не помѣщичьихъ, а государственныхъ крестьянъ, со льготами на нѣсколько лѣтъ; послѣ записи въ крестьянство имъ приходилось большею частію подвергаться переселенію въ разныя малонаселенныя мѣста, особенно въ таврическую губернію, гдѣ тогда производилась усиленная правительственная колонизація при посредствѣ управлявшаго новороссійскомъ краемъ Потемкина (2), да и самый надѣлъ этихъ новыхъ крестьянъ землею производился очень несправно (3). Самая процедура разбора духовенства, по крайней мѣрѣ съ самаго начала, отличалась полнымъ устраненіемъ прежнихъ принудительныхъ средствъ къ такъ называемому „распредѣленію“ лишнихъ людей, предоставляя это

---

(1) Тамже, 16092.
(2) Тамже, 16249.
(3) Тамже, XXIII, 16797.

распредѣленіе ихъ собственному желанію и выбору, такъ что множество отчисленныхъ отъ духовнаго званія людей имѣли возможность оставаться безъ распредѣленія единственно потому, что не являлись въ казенную палату для объявленія своего выбора того или другаго рода жизни. Уже послѣ приведеннаго доношенія изъ орловскаго намѣстничества Сенатъ распорядился въ отношеніи къ такимъ людямъ употребить принудительное средство: велѣно было взыскивать съ нихъ подати не со времени ихъ явки, а со времени подачи объ нихъ вѣдомостей изъ духовной команды, потому что съ этого именно времени они считаются выбывшими изъ духовнаго званія (1). Какъ ни безполезно сдѣлалось для нихъ послѣ этого укрывательство отъ избранія рода жизни, но оно все-таки продолжалось до самаго 1788 г., когда правительство, выведенное изъ терпѣнія и нуждавшееся тогда въ войскѣ по случаю новой турецкой войны, объявило наконецъ указъ забирать всѣхъ такихъ нераспредѣленныхъ людей отъ 16 до 50 лѣтъ въ солдаты; вмѣстѣ съ ними велѣно было брать въ солдаты и тѣхъ церковниковъ, которые уже записались въ мѣщане, но не исполняютъ своихъ новыхъ обязанностей, не платятъ податей и служатъ только въ тягость обществу (2). Изъ одного письма м. Платона отъ 1790 г. узнаемъ еще, что въ этомъ году вышелъ указъ о наборѣ церковническихъ дѣтей отъ 8 до 15 лѣтъ въ солдатскія школы. Указъ этотъ относился къ смоленской губерніи, но митрополитъ боялся, какъ бы онъ не былъ распространенъ и на другія мѣста, и замѣтилъ въ своемъ письмѣ: „еда во вѣки отринетъ (Господь) и не приложитъ благоволити паки“? Указъ дѣйствительно былъ страшенъ для духовенства, тѣмъ болѣе что выраженъ былъ очень неопредѣленно; стараясь разъяснить его въ возможно

---

(1) П. С. З. XXII, 16092.
(2) Тамже, 16646. 16674.

лучшемъ смыслѣ, Платонъ писалъ: „мнѣ кажется, дѣтей отъ 8 до 15 лѣтъ разумѣть надобно тѣхъ, кои въ 1784 г. съ отцами отосланы въ свѣтскую команду; изъ нихъ тогда нѣкоторые были 2, 3 и 4 лѣтъ; а не тѣхъ, коихъ отцы взяты въ 1788 г., а дѣти остались у насъ. Я думаю потому, что у насъ (въ Москвѣ) такого требованія нѣтъ. Впрочемъ правда и то, что въ страстной поступкѣ не скоро порядка найдешь“ (1). О дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ этого указа при Екатеринѣ мы не нашли никакихъ извѣстій.

Митрополитъ жаловался на страстную поступку, видѣлъ въ Екатерининскихъ разборахъ гоненіе на духовенство, „жезлъ на жребій праведныхъ“, потому что принадлежалъ къ тому поколѣнію духовныхъ лицъ, которое воспиталось въ новое лучшее для духовенства время Елизаветы и Екатерины и не могло оцѣнить хорошей стороны новыхъ распоряженій о выходѣ изъ духовнаго званія сравнительно съ крутыми разборами первыхъ десятилѣтій XVIII в. По смерти императрицы этому поколѣнію пришлось скоро пожалѣть объ окончаніи ея царствованія, познакомиться въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, каковы бываютъ порядки въ страстной поступкѣ. На другой же мѣсяцъ своего царствованія (въ декабрѣ 1796 г.) новый государь Павелъ I издалъ указъ, въ которомъ писалось, что, усмотрѣвъ изъ синодскихъ вѣдомостей, „сколь великое число состоитъ священно-и-церковно-служительскихъ дѣтей, праздно живущихъ при отцахъ своихъ и желая устроить состояніе ихъ съ лучшею выгодою для общества, какъ и для нихъ самихъ“, его имп. величество повелѣлъ, распредѣливъ всѣхъ годныхъ изъ нихъ на штатныя мѣста при церквахъ и въ учители духовныхъ и городовыхъ по губерніямъ училищъ, остальныхъ взять въ военную службу, „гдѣ они будутъ употреблены съ пользою по примѣру древнихъ левитовъ, которые на

---

(1) Письма къ Августину. По изд. Прав. обозрѣн. стр. 21.

защиту отечества вооружались“ (1). Въ исполнительномъ указѣ объ этомъ разборѣ св. Синода велѣно отсылать въ губернскія правленія для отдачи въ солдаты всѣхъ излишнихъ дѣтей духовенства, не поступившихъ ни въ какое званіе, какъ свыше 15 лѣтъ, каковыхъ по ревизскимъ сказкамъ значилось 8288 человѣкъ, такъ и тѣхъ, которыя показаны въ сказкахъ ниже 15, а теперь имѣютъ и 15 и 16 лѣтъ, также церковниковъ, остающихся безъ мѣстъ, или состоящихъ на мѣстахъ, но замѣченныхъ въ дурномъ поведеніи, наконецъ попадавшихся въ бѣгахъ, тупыхъ и дурнаго поведенія семинаристовъ (2). Разборъ указано производить на основаніи правилъ 1784 г., но это замѣчаніе синодальнаго указа относилось, кажется, единственно къ внѣшней процедурѣ разбора; узаконенныя этими правилами широкія основанія для распредѣленія церковниковъ и дѣтей духовенства были теперь совершенно опущены изъ виду.

Подъ вліяніемъ крайняго милитаризма, которымъ отличалось царствованіе Павла I, указы говорили о распредѣленіи новыхъ левитовъ только въ военную службу, но ничего не говорилось ни о записи ихъ въ подушный окладъ, ни о поступленіи въ канцелярскую службу. На этомъ основаніи, по милости нѣкоторыхъ ревностныхъ исполнителей указовъ, наборъ въ солдаты задѣлъ даже такихъ церковниковъ, которые уже прежде были уволены изъ духовнаго званія и числились въ мѣщанствѣ (3), а съ другой стороны оставались безъ всякаго распредѣленія такіе церковники, которые, будучи уволены изъ духовнаго званія по разбору, не попали въ военную службу по негодности къ ней; военныя начальства отсылали ихъ снова въ духовное вѣдомство, а духовное вѣдомство не принимало

---

(1) П. С. З. XXIV, 17675.
(2) Тамже, 17728.
(3) Тамже, XXV, 18457. XXVII, 20897.

ихъ, основываясь на прежнихъ указахъ, въ которыхъ обратный пріемъ такихъ людей на церковную службу, какъ мы видѣли, дѣйствительно былъ всегда запрещаемъ; дошло до того, что къ концу царствованія изъ этихъ людей, не принадлежавшихъ ни къ какому вѣдомству, остававшихся въ какомъ-то межеумочномъ состояніи, сталъ формироваться значительный классъ духовенства, начинавшій серьезно безпокоить духовную администрацію. Св. Синодъ рѣшился представить правительству о такомъ отступленіи отъ правилъ 1794 г. уже послѣ смерти Павла Петровича при его преемникѣ (1). Ревнители буквы указовъ забирали въ военную службу и тѣхъ лицъ духовнаго происхожденія, которыя уже служили въ службѣ гражданской. Для прекращенія этого рода явленій въ 1797 г. потребовался особый именной указъ, изданный по поводу поданной на высочайшее имя просьбы одной чиновницы, у которой хотѣли взять въ солдаты мужа, поступившаго на службу изъ церковниковъ. „Его имп. в—ву благоугодно, гласилъ этотъ указъ, дабы какъ сей проситель, такъ и всѣ прочія ему подобныя священническія и церковно-служительскія дѣти которыя до изданія указа о обращеніи въ военную службу, а паче до послѣдней ревизіи вступили въ статскую и въ оной дѣйствительно находятся, оставлены были при нынѣшнихъ ихъ мѣстахъ“ (2).

Отразилась на разборѣ 1796 г. и другая черта времени, — это тогдашняя путаница распоряженій и исполненія ихъ на практикѣ, бывшая слѣдствіемъ слишкомъ рьяной энергіи тогдашнихъ властей и привычки ихъ къ быстрой и часто суматошливой исполнительности суровой военной дисциплины. Въ 1797 г. Сенатъ долженъ былъ распутывать любопытное дѣло, касавшееся разбора. Мы видѣли, что указомъ 1784 г.

---

(1) П. С. XXVII, 20491.
(2) Изданъ въ Р. стар. 1871 г. май. стр. 630.

велѣно было брать лишнихъ церковниковъ въ солдаты до 50 лѣтъ, а старыхъ и увѣчныхъ отдавать на пропитаніе родиѣ, или въ приказы общественнаго призрѣнія, но по другимъ указамъ начальнымъ предѣломъ безпомощной старости принято было считать 60 лѣтъ;—спрашивалось, что же дѣлать съ тѣми, которые имѣли 50—60 лѣтъ отъ роду. Въ разъясненіе этого недоумѣнія въ 1797 г. Сенатъ распорядился годныхъ изъ такихъ церковниковъ брать въ гарнизонъ. Въ тоже время присланно было въ Сенатъ донесеніе костромскаго губернскаго правленія о томъ, что изъ епархіальнаго вѣдомства въ военную службу часто присылаются церковники, хотя и имѣющіе болѣе 15 лѣтъ, но малорослые, къ службѣ негодные; Сенатъ велѣлъ помѣщать такихъ въ гарнизонныя школы. И то и другое распоряженіе выражено было очень неопредѣленно; поэтому какъ только они вышли, такъ по губерніямъ, наприм. въ костромской и ярославской, разные ревнители, вмѣсто малорослыхъ, безъ разбору начали забирать въ гарнизонныя школы всѣхъ малолѣтнихъ дѣтей духовенства, а стариковъ церковниковъ, безъ разбору же писать въ гарнизонъ. Трудно сказать, къ чему повело бы такое усердіе, если бы свѣтскія власти въ этомъ случаѣ не столкнулись съ духовными. Въ томъ же году, рапортуя Сенату о томъ, что по его указу взято по ярославской губерніи въ солдаты 88 церковниковъ, изъ которыхъ 40 человѣкъ причислено къ гарнизону, военная коллегія доносила, что относительно помѣщенія въ гарнизонныя школы малолѣтнихъ церковниковъ она не могла сдѣлать никакого распоряженія вслѣдствіе противодѣйствія мѣстной консисторіи, которая не представила даже и списковъ ихъ въ коллегію, ссылаясь при этомъ на запретительный указъ св. Синода; такое же противодѣйствіе со стороны консисторіи коллегія встрѣтила еще въ выборгской губерніи. На запросъ объ этомъ Сената св. Синодъ отвѣчалъ вѣдѣніемъ, въ которомъ объяснялъ, что по указу 1796 г. въ военную службу ве-

лѣно обращать однихъ лишнихъ праздно живущихъ церковническихъ дѣтей, а о малолѣтнихъ, чтобы ихъ брать въ гарнизонныя школы, не сказано, притомъ же св. Синоду велѣно заботиться объ умноженіи учениковъ въ семинаріяхъ, ежели же всѣхъ малолѣтнихъ дѣтей отъ 8 до 15 лѣтъ брать въ гарнизонныя школы, то семинаріи не только не возрастутъ по числу учениковъ, но и совсѣмъ опустѣютъ, никого не останется и для опредѣленія на праздныя церковныя мѣста, поэтому требуется въ выборгскую и другія губерніи послать указы, чтобы въ военную службу принимали тамъ только такихъ церковниковъ, которые присланы будутъ отъ епархіальнаго начальства, не касаясь малолѣтнихъ ниже 15 лѣтъ, а заштатныхъ престарѣлыхъ оставляли бы, по смыслу указа 1784 г., на пропитаніи у дѣтей ихъ, или отсылали въ приказы общественнаго призрѣнія, не отсылая въ гарнизоны. Сенатъ долженъ былъ согласиться и на ту и на другую часть этого представленія; утвердивъ силу указа 1784 г. о престарѣлыхъ церковникахъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ почелъ нужнымъ разъяснить недоумѣніе, возникшее изъ-за указа 1797 г. объ опредѣленіи дѣтей духовенства въ гарнизонныя школы, поставивъ на видъ губернскимъ правленіямъ, что въ указѣ говорилось не о малолѣтнихъ церковникахъ, а о малорослыхъ, потому что о такихъ именно говорило и представленіе костромскаго губернскаго правленія, давшее поводъ къ изданію самаго указа (1).

Подъ конецъ царствованія Павла Петровича разборъ духовенства дошелъ до изключенныхъ семинаристовъ, которыхъ правительство до сихъ поръ обходило, какъ ученыхъ, и которые доселѣ могли совершенно безопасно жить въ праздности неопредѣленное время, покуда хотѣлось. Въ 1800 г. въ Астрахани случилось смертоубійство, въ которомъ участвовалъ,

---

(1) П. С. З. XXIV, 18109.

какъ говорилось въ донесеніи, „отставной семинаристъ“ Иванъ Петровъ. Это обстоятельство бросилось въ глаза императору и онъ тогда же велѣлъ написать членамъ Синода, что ему „удивительно, какимъ образомъ можетъ быть семинаристъ отставленъ, ибо коли онъ не годится въ духовное званіе, то слѣдуетъ быть отправленъ къ тому роду службы, куда способнымъ найдется, а отставлять изъ семинаріи совсѣмъ противно установленію, и отъ онаго таковые отставные дѣлаютъ только шалости“. 25 августа св. Синодъ поспѣшилъ издать слѣдующій указъ: „какъ семинаристы между духовенствомъ никакого особаго состоянія не составляютъ, но будучи тѣхъ же самыхъ священно-и-церковно-служителей дѣти, предуготовляются въ семинаріяхъ къ поступленію въ св.-и-церковно-служительскіе чины и состоятъ въ числѣ прочихъ церковниковъ, изъ семинарій же они не отставляются, а выписываются токмо оказывающіеся изъ нихъ въ ученіи непонятными къ продолженію высшихъ наукъ и къ поступленію въ священно-служительскія званія неспособными для опредѣленія къ причетническимъ мѣстамъ и тогда же для пріисканія оныхъ даются имъ отъ консисторіи письменные билеты, съ коими они иногда и остаются чрезъ нѣсколько времени праздными, пріискивая себѣ тѣ мѣста, на которыя случается нескоро или же и совсѣмъ не соглашаются принять ихъ прихожане; во 2-хъ же изключаются изъ семинаріи ученики опозорившіе свое состояніе и потому къ духовному званію негодные, которыхъ посему и обязанъ каждый епархіальный архіерей отправлять тогда же въ свѣтскія правительства на ихъ разсмотрѣніе“, — поэтому, чтобы увольняемые изъ семинарій не могли долго шататься безъ мѣстъ и производить какіе-либо проступки, не велѣно ихъ выписывать изъ семинарій и снабжать билетами до тѣхъ поръ, пока они дѣйствительно не пріищутъ мѣста, а между тѣмъ обучать ихъ въ русскихъ школахъ (классахъ), которыя и завести повсюду, чтенію, пѣнію, письму, уставу, катихи-

зису, св. исторіи и другимъ предметамъ нужнымъ для церковнической должности, считая ихъ наличными, а не отставными семинаристами, изключаемыхъ же за дурное поведеніе немедленно отсылать къ свѣтскимъ начальствамъ (1).

По своему суровому характеру разборъ церковниковъ этого времени напоминалъ разборы Вироновскаго времени и надолго сохранился въ преданіяхъ духовнаго сословія; правительство какъ будто карало этихъ лишнихъ людей духовнаго званія за то, что они лишніе, а между тѣмъ само же заграждало имъ выходъ въ другія званія, кромѣ солдатства, забирало въ солдаты и тѣхъ изъ нихъ, которые успѣли еще прежде записаться въ податное состояніе, или поступить въ канцеляріи. Мы видѣли, что въ 1797 г. для поступившихъ на гражданскую службу сдѣлано было снисхожденіе; но съ 1798 г. снова начали выходить распоряженія, стѣснявшія выходъ изъ духовнаго званія еще болѣе прежняго. Въ октябрѣ этого года св. Синодъ издалъ указъ, по которому у архіереевъ снова отнималось данное имъ въ 1779 г. право увольнять семинаристовъ въ свѣтское званіе по прошеніямъ для поступленія въ гражданскую службу и свѣтскія учебныя заведенія (2); право это попрежнему предоставлялось одному св. Синоду. Потомъ въ началѣ слѣдующаго года оно снова возвращено было архіереямъ съ однимъ лишь ограниченіемъ — не увольнять безъ сношенія съ Синодомъ студентовъ богословія и философіи (3). Прошелъ годъ послѣ изданія этого послѣдняго распоряженія, какъ въ 1800 г. явился новый высочайшій указъ, на имя первенствующаго члена Синода Амвросія петербургскаго, по которому право увольнять семинаристовъ въ свѣтское званіе отнималось и

---

(1) П. С. З. XXVI, 19532.
(2) Тамже, XXV, 18726 п. 15.
(3) Тамже, 18880.

у самого св. Синода; государь съ обычной неразборчивостью своего горячаго характера рѣзко выражалъ неудовольствіе на то, что архіереи увольняютъ семинаристовъ на гражданскую службу, хотя они имѣли на это полное право, только лишь утвержденное за ними въ протекшемъ году. „Узнавъ, писалъ онъ, что изъ тверской семинаріи, по требованію недѣльному санктпетербургскаго гражданскаго губернатора кн. Мещерскаго, уволено 10 человѣкъ семинаристовъ для опредѣленія въ статскую службу. повелѣваю вамъ (Амвросію) сдѣлать преосвященному тверскому выговоръ, подтвердя еще при томъ, чтобъ впредь безъ особаго моего повелѣнія изъ сего званія въ другія мѣста отнюдь не поступали. Вы же имѣйте неослабный надзоръ за тѣмъ, чтобы сія моя воля по всѣмъ епархіямъ равномѣрно соблюдалась. Предпишите всѣмъ епископамъ семинаристовъ не обращать безъ воли моей ни въ какое другое званіе, о чемъ каждый разъ Синоду меня спрашиваться“ (1). Что̀ побудило императора издать такое распоряженіе, намъ неизвѣстно, но оно было очень невыгодно для интересовъ статской службы, стѣснило и семинаристовъ и самый св. Синодъ, у котораго теперь отнята была возможность увольнять даже лишнихъ людей изъ своего вѣдомства. Вскорѣ же потребовались изключенія изъ этого распоряженія; изъ Сибири и Вятки доносили, что тамъ чувствуется крайній недостатокъ въ приказныхъ людяхъ для наполненія мѣстныхъ канцелярій и что ихъ совершенно неоткуда взять, кромѣ семинарій; въ началѣ 1801 г. по этому случаю вышелъ новый указъ съ дозволеніемъ, впрочемъ изключительно только для указанныхъ мѣстностей, замѣщать канцелярскія вакансіи дѣтьми духовенства, живущими при отцахъ, а въ случаѣ нужды и семинаристами, но не выше риторическаго класса (2).

(1) Тамже, XXVI, 19434.
(2) Тамже, 19723.

Послѣдующее царствованіе должно было прежде всего заняться исправленіемъ разныхъ промаховъ и односторонностей, допущенныхъ въ вопросѣ о духовенствѣ при имп. Павлѣ, о которыхъ теперь заговорили и Синодъ и Сенатъ. Прежде всего въ Синодѣ поднялся вопросъ о церковникахъ, оказавшихся по разбору негодными къ военной службѣ, но вслѣдствіе извѣстной односторонности указа 1796 г. никуда не опредѣленныхъ. Св. Синодъ рѣшительно отказывался отъ пріема ихъ въ духовное вѣдомство на томъ основаніи, что они и къ разбору отосланы за излишествомъ, а многіе даже за непорядочные поступки, какъ негодные на церковную службу, при этомъ выставлялъ Сенату на видъ, что возвращеніе ихъ отъ разбора на старыя мѣста ихъ жительства сдѣлано было совершенно незаконно, потому что по указу 1784 г., которымъ при разборѣ велѣно руководствоваться, на пропитаніе къ родственникамъ дозволялось возвращать только престарѣлыхъ и увѣчныхъ, а прочихъ слѣдовало опредѣлять въ какой-нибудь родъ жизни, что теперь эти церковники, „имѣя жительство въ прежнихъ селеніяхъ и не будучи уже принадлежательны ни къ какому вѣденію, шатаются по даннымъ имъ увольнительнымъ видамъ и крайне безпорядочнымъ своимъ поведеніемъ дѣлаютъ безчинства, наносящія вредъ и худые примѣры для другихъ, а духовныя начальства, не имѣя уже до нихъ дѣла, не могутъ унимать ихъ отъ своевольства, отъ чего произошли многія дѣла и хлопоты, да и впредь, если не взяты будутъ отъ нихъ со стороны гражданской должныя мѣры, неминуемо произойти могутъ тѣже или и худшія послѣдствія и злоупотребленія, ибо кромѣ того они, не будучи причислены ни въ какой родъ жизни, становятся въ тягость и обществу и государству, не принося ему никакой пользы, а раждающіяся отъ нихъ въ такомъ состояніи дѣти должны составить новое небывалое состояніе“. Согласно съ этимъ представленіемъ Сенатъ

распорядился, чтобы всѣ эти церковники были распредѣлены въ разные роды жизни по указу 1784 г. (1).

Въ 1803 г. Сенатъ получилъ извѣстіе о другихъ результатахъ односторонности указа 1796 г. Калужское губернское правленіе жаловалось на калужскую консисторію, что она не прислала къ набору 1796 г. и доселѣ не присылаетъ двоихъ церковниковъ, уволенныхъ еще до набора въ свѣтское званіе, и на всѣ требованія правленія отвѣчаетъ, что уволила этихъ церковниковъ не въ солдатство, а въ мѣщане и что правленіе принужденія чинить имъ не должно по указу 1784 г., а правленіе желаетъ ихъ взять въ солдаты по указу 1796 г. Св. Синодъ, принявъ сторону консисторіи, требовалъ, чтобы Сенатъ издалъ указъ такимъ церковникамъ и впредь не чинить принужденія, а дозволять добровольное избраніе рода жизни, кромѣ тѣхъ, которые будутъ отсылаемы въ губернскія правленія за пороки на разсмотрѣніе самихъ правленій, или прямо для опредѣленія въ солдаты. Сенатъ возстановилъ силу указа 1784 г. и съ этой стороны (2). Въ 1805 г. вышелъ наконецъ общій указъ о дозволеніи всѣмъ праздным дѣтямъ духовенства и лишнимъ церковникамъ записываться во всякій родъ жизни, какой изберутъ по желанію и способности, даже безъ согласія тѣхъ обществъ, куда пожелаютъ приписаться,—послѣднее прибавленіе сдѣлано въ указѣ потому, что нѣкоторыя купеческія и мѣщанскія общества, наприм. въ Саратовѣ, дѣйствительно не хотѣли принимать въ свой составъ лицъ изъ духовнаго званія (3).

Несмотря впрочемъ на возстановленіе прежней свободы выхода изъ духовнаго званія по указу 1784 г., дѣло не обошлось безъ разбора церковниковъ и при имп. Александрѣ. Въ октябрѣ 1806 г., во время вой-

---

(1) П. С. З. XXVII, 20491.
(2) Тамже, 20897.
(3) Тамже, XXVIII, 21811.

ны съ Наполеономъ, вышелъ именный указъ: „изъ оказавшагося по вѣдомостямъ за 1805 г., въ Синодъ доставленныхъ, нѣкотораго числа священно-и-церковно-служительскихъ дѣтей, не обучающихся въ школахъ и живущихъ праздно при отцахъ своихъ, какъ для государственной, такъ и для собственной ихъ пользы учинить разборъ на основаніи прежде бывшихъ, и тѣхъ, кои болѣе 15 лѣтъ отъ роду, обратить всѣхъ въ воинскую службу, менѣе же 15 лѣтъ и знающихъ грамотѣ, разсмотрѣвъ, какихъ лѣтъ удобнѣе, отослать въ военно-сиротскія отдѣленія для обученія ихъ и пріуготовленія на унтеръ-офицерскія мѣста“. Изъ разбора велѣно исключить духовенство московскихъ соборовъ, г. Санктпетербурга, губерній минской, волынской и подольской, потомъ особымъ указомъ еще духовенство губерній могилевской и витебской. Въ докладѣ св. Синода о правилахъ, по которымъ долженъ былъ производиться разборъ, находимъ довольно подробныя статистическія данныя о духовенствѣ всѣхъ 33 епархій, на которыя простирался разборъ. Вакантныхъ мѣстъ считалось 5046 священно-служительскихъ и 49460 церковно-служительскихъ, дѣтей духовенства, обучавшихся въ духовныхъ училищахъ, состояло 24167, при отцахъ моложе 15 лѣтъ обученныхъ грамотѣ 11379 и 49460 необученныхъ, свыше 15 лѣтъ обученныхъ 2202, неграмотныхъ 1166, кромѣ того насчитывалось 2662 священно-служителей, уволенныхъ отъ должностей за старостію и болѣзнями на пропитаніе родни, и 2312 такихъ же причетниковъ. Принимая во вниманіе послѣдніе штаты духовенства и правила прежнихъ разборовъ, св. Синодъ полагалъ: 1) показанное число церковныхъ вакансій замѣщать учениками, обучающимися въ школахъ, а также безмѣстными священно-служителями, которые окажутся достойными того по поведенію и изъявятъ желаніе продолжать свою службу; за тѣмъ 2) всѣхъ духовныхъ дѣтей свыше 15 лѣтъ отъ роду, не избравшихъ никакого рода жизни, непорядочнаго поведенія школьниковъ и изключенныхъ изъ школъ за не-

понятіемъ наукъ и лѣностію, отрѣшенныхъ отъ мѣстъ причетниковъ, также причетниковъ, проживающихъ сверхъ штатнаго положенія въ монастыряхъ не въ надежду постриженія, изключа изъ духовнаго званія, обратить въ военную службу и для этого немедленно отослать ихъ въ губернскія правленія; 3) вмѣстѣ съ ними отдать въ солдаты и церковниковъ, находящихся подъ судомъ, которые будутъ подлежать изключенію изъ духовнаго званія; 4) увѣчныхъ и неспособныхъ къ военной службѣ отсылать обратно въ консисторіи, а консисторіямъ, отобравъ лучшихъ изъ нихъ по поведенію и способностямъ, опредѣлять въ сторожа при консисторіяхъ, духовныхъ правленіяхъ и семинаріяхъ, а остальныхъ отсылать обратно въ губернскія правленія для распредѣленія по указу 1784 г.; 5) отсылку дѣтей духовенства ниже 15 лѣтъ въ военносиротскія отдѣленія отложить до собранія объ этихъ дѣтяхъ свѣдѣній отъ епархіальныхъ архіереевъ. 20 ноября всѣ эти правила были утверждены государемъ [1]. Въ дополненіе къ нимъ вскорѣ изданъ еще указъ отсылать въ военную службу лишенныхъ сана священно-служителей, а неспособныхъ приписывать къ заводамъ и фабрикамъ [2]. Разборъ продолжался недолго; въ слѣдующемъ 1807 г., по случаю тильзитскаго мира, онъ былъ отмѣненъ. Отмѣнено было и распоряженіе о лишенныхъ сана священно-служителяхъ; ихъ попрежнему велѣно отсылать на пропитаніе къ роднѣ, или въ приказы общественнаго призрѣнія;—въ указѣ между прочимъ разсказано нѣсколько случаевъ, какъ при заводахъ и фабрикахъ ихъ нигдѣ не хотѣли принимать по ихъ неспособности къ работѣ [3].

Послѣ 1806 г. насильственные наборы изъ духовенства въ военную службу не повторялись болѣе во

---

(1) П. С. З. XXIX, 22362. 22476.
(2) Тамже, 22378.
(3) Тамже, 22594. XXX, 22841.

все царствованіе Александра I. Даже въ тяжкую годину 1812 г. лица духовнаго званія поступали въ ополченіе и въ армію только по доброй волѣ. Безъ набора обошлась и ревизія 1815 г. Да и самый наборъ 1806 года, какъ видно уже изъ самыхъ правилъ объ немъ, былъ очень легокъ для духовенства и по своей кратковременности пронесся благополучно мимо многихъ дѣтей духовенства, которыя по прежнимъ порядкамъ давно бы должны были попасть въ солдаты. Сенатъ даже неоднократно долженъ былъ дѣлать губернскимъ правленіямъ выговоры за ихъ небреженіе, по которому они оставляли многихъ исключенныхъ изъ духовнаго званія людей долгое время безъ всякаго опредѣленія въ праздности, и разсылать о скорѣйшемъ распредѣленіи ихъ циркулярныя предписанія (уже въ 1820 г.) ко всѣмъ начальникамъ губерній (1). Нельзя не упомянуть здѣсь также о весьма важномъ облегченіи для всѣхъ, выходившихъ изъ духовнаго званія въ податное; мы разумѣемъ распоряженія правительства, которыми въ XIX столѣтіи положительно запрещалось обращать ихъ въ крѣпостное состояніе. Правительство старалось освобождать духовенство отъ крѣпостной зависимости даже тамъ, гдѣ она была результатомъ стараго государственнаго и общественнаго строя, наприм. въ Грузіи и вновь пріобрѣтенномъ краѣ кишиневской епархіи (2). Въ царствованіе Александра возникало нѣсколько дѣлъ по прошеніямъ объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости разныхъ лицъ духовнаго происхожденія, которыя по прежнимъ разборамъ были записываемы въ крестьяне, а потомъ вмѣстѣ съ деревнями, къ которымъ были приписаны, переходили по пожалованіямъ въ крѣпостное владѣніе. Правительство освобождало ихъ съ зачетомъ за нихъ владѣльцамъ рекрутъ; въ 1820 г. въ случаѣ освобожденія

---

(1) П. С. З. XXXII, 25580. XXXVII, 28503.
(2) Тамже, XXX, 23027. XXXII, 25441.

такихъ людей отъ крѣпостной зависимости цѣлыми семьями владѣльцамъ положено выдавать по одной рекрутской квитанціи за каждую семью (1). Въ прошедшее царствованіе это вознагражденіе владѣльцу было переведено на деньги, которыя, въ количествѣ 400 руб. за душу, велѣно отпускать владѣльцамъ изъ государственнаго банка; за тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя прямо записаны были за помѣщикомъ, а не достались послѣднему чрезъ пожалованіе, вознагражденіе владѣльцу совершенно уничтожено, потому что по указу 30 апр. 1810 г. запрещено обращать въ крѣпостное состояніе какихъ бы то ни было людей свободнаго состоянія (2).

Относительно выхода изъ духовнаго званія для поступленія на разные роды государственной службы съ начала царствованія имп. Александра строгій законъ Павла I былъ отмѣненъ и возстановленъ прежній Екатерининскій законъ 1779 года (3). Но это распоряженіе дѣйствовало очень недолго. Увлекаясь выгодами свѣтской службы и свѣтскаго образованія, воспитанники семинарій стали въ такомъ множествѣ покидать духовное званіе, что въ духовномъ вѣдомствѣ почувствовался крайній недостатокъ въ способныхъ людяхъ для замѣщенія даже важнѣйшихъ епархіальныхъ мѣстъ (4). Вслѣдствіе этого въ 1803 г. указомъ св. Синода было снова предписано, чтобы „преосвященнымъ епархіальнымъ не только удержаться отъ представленій св. Синоду по поданнымъ имъ отъ студентовъ высшихъ классовъ прошеніямъ въ свѣтское вѣдомство, но и учениковъ низшихъ классовъ,

---

(1) Также, XXXI, 24207. XXXVII, 28160. 28335. XXXVIII, 29322.

(2) 2 Собр. зак. ук. 12 авг. 1826 и 16 ноябр. 1827. Св. законов. т. IX, ст. 271.

(3) II. С. З. XXVI, 19897.

(4) Ист. спб. акад. 153.

крѣмѣ опорочивающихъ свое состояніе, изъ духовнаго вѣдомства самимъ собою не увольнять". Такимъ образомъ увольненіе семинаристовъ въ свѣтское званіе стало зависѣть опять отъ самого св. Синода. Въ слѣдующемъ году вышли указы, которые значительно усложняли самую процедуру этого увольненія. Такъ какъ большинство семинаристовъ, прося св. Синодъ объ увольненіи изъ духовнаго званія, ссылалось обыкновенно на свою болѣзненность, то св. Синодъ указалъ, чтобы при прошеніяхъ они подавали медицинскія свидѣтельства о своей неспособности къ церковной службѣ. Указомъ 31 мая, по поводу прошеній объ увольненіи въ свѣтское званіе двоихъ семинаристовъ, изъ которыхъ одинъ ссылался на внутреннюю болѣзнь, а другой на великій шумъ въ головѣ и на то, что „по неспособности къ наукамъ за всѣми стараніями ничего пріобрѣсть не могъ", было рѣшено сначала свидѣтельствовать такихъ больныхъ на мѣстѣ подъ надзоромъ архіереевъ, поэтому и самыя прошенія объ увольненіи въ свѣтское званіе подавать не прямо въ Синодъ, а архіереямъ, которые по свидѣтельствованіи просителей имѣютъ представлять объ нихъ въ св. Синодъ уже сами (1).

Соглашаясь съ этими строгими постановленіями, правительство съ своей стороны выдало нѣсколько указовъ, въ силу которыхъ не получившихъ увольненія отъ св. Синода людей духовнаго званія не велѣно было нигдѣ принимать на службу ни въ гражданскомъ, ни въ военномъ вѣдомствѣ, ни по министерству народнаго просвѣщенія (2). Въ 1812 г., при общемъ бѣдствіи Россіи отъ французскаго нашествія и во время энергическаго возстанія народныхъ ополченій на защиту отечества, дозволено было свободно поступать

(1) Ист. моск. акад. 386. П. С. З. XXVIII, 21321.

(2) П. С. З. XXVIII, 21278. 21472. XXX, 23381. XXIX, 22503. 22657.

въ ополченіе и семинаристамъ; въ указѣ 25 іюля говорилось: „ежели кто изъ нихъ пожелаетъ, защищая отечество, идти въ новое ополченіе, на которое призываются всѣ сословія, таковыхъ увольнять безпрепятственно, и для одежды ихъ и на продовольствіе дѣлать пособіе изъ кошельковой суммы, остающейся за содержаніемъ церквей". Но и теперь это дозволеніе простиралось только на семинаристовъ „не выше риторическаго класса" (1). Въ 1813 г. правительство обратило вниманіе на то, что ученики семинарій нарочно изключались, не доходя до высшихъ классовъ, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе можно было имъ выйти изъ духовнаго званія для поступленія на статскую службу; вслѣдствіе этого во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ дозволено было принимать на службу только семинаристовъ, кончившихъ полный курсъ (2). Но въ этомъ случаѣ правительство зашло уже слишкомъ далеко и должно было отмѣнить свое распоряженіе въ слѣдующемъ же году, потому что какъ только оно было издано, открылся чувствительный недостатокъ въ канцелярскихъ служителяхъ какъ по сенатскому, такъ и по синодскому вѣдомству. Св. Синодъ представлялъ въ своемъ докладѣ по этому случаю, что въ консисторіяхъ всегда служили только не кончившіе курса, а изъ кончившихъ никто не будетъ въ нихъ поступать, и что консисторіямъ поэтому угрожаетъ совершенное опустѣніе (3). Въ 1816 г. наравнѣ съ семинаристами дозволено поступать въ гражданскую службу даже ученикамъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ (4). Пріемъ ихъ, равно какъ и не кончившихъ курса семинаристовъ, въ канцеляріи ограниченъ тѣмъ, что поставленъ въ

---

(1) Тамже, XXXII, 25191.
(2) Тамже, 25506.
(3) Тамже, 25708.
(4) Тамже, XXXIII, 26204.

зависимость отъ утвержденія Сената (1). Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть объ ограниченіи права на вступленіе въ другое званіе воспитанниковъ академій обязательнымъ срокомъ службы въ духовномъ вѣдомствѣ въ теченіи по крайней мѣрѣ времени равнаго полному академическому курсу, т. е. четырехъ лѣтъ (2).

Относительно выхода изъ духовнаго званія лицъ, облеченныхъ священно-служительскимъ саномъ, въ теченіи всего царствованія Александра дѣйствовали тѣже узаконенія, какія мы видѣли въ XVIII в. (3). Св. Синодъ попрежнему дозволялъ опредѣлять ихъ не только въ низшія степени церковнаго клира и на канцелярскія должности при консисторіяхъ и правленіяхъ, но и на духовно-учебную службу. Въ 1808 г. на вопросъ курскаго преосвященнаго, можно ли употреблять вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, вступившихъ во 2-й бракъ, въ учительскія должности при семинаріяхъ и училищахъ, св. Синодъ отвѣчалъ положительно и сослался при этомъ на извѣстный указъ 1724 г. Точно также въ свѣтскомъ вѣдомствѣ имъ постоянно предоставлялось право избирать родъ жизни по собственному желанію, поступать въ купечество, мѣщанство, въ число государственныхъ крестьянъ, или на гражданскую службу. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ 1801 г., по поводу одного прошенія на высочайшее имя неизвѣстныхъ просителей о томъ, чтобы вдовымъ священно-служителямъ вовсе запретить священно-служеніе ради соблазна, а назначать ихъ къ обученію дѣтей у народа, св. Синодъ выдалъ указъ, въ которомъ торжественно признавалъ всю силу закона

---

(1) Тамже, XXXV, 27498. XXXVIII, 29274. Отмѣнено въ 1828 г. 2-е Собр. зак. т. III, 1853.

(2) Журн. комисс. дух. учил. 25 апр. 1814 г.

(3) Подробности и цитаты см. въ ст. о вдовыхъ св.-служителяхъ. Хр. чт. 1871 г. іюль. стр. 84—87. 94. 96—97. 103—104. Сравн. февраль. стр. 317—318.

1724 г. и заявлялъ о его благотворности даже съ точки зрѣнія устраненія церковнаго соблазна: „видя они (священно-служители) таковое къ случающимся ихъ слабостямъ снисхожденіе, конечно не могутъ имѣть въ томъ нужды, чтобы подавать вдовствомъ своимъ прихожанамъ соблазнъ и омерзѣніе, но таковые, пользуясь упомянутыми правилами и не допуская себя до того, оставляютъ добровольно духовное званіе, прежде, нежели бы получили какое нареканіе или впали въ самое преступленіе".—Надобно впрочемъ замѣтить, что, несмотря на такое снисходительное отношеніе къ слагающимъ санъ, на самый фактъ сложенія сана духовная власть и теперь смотрѣла неодобрительно, какъ на измѣну священнымъ обѣтамъ, и всегда старалась отклонить его своими увѣщаніями желающимъ сложить санъ о вѣрности священному ихъ званію, о строгости древнихъ церковныхъ правилъ, дѣйствію которыхъ они могутъ подвергнуться, устраненіемъ по возможности причинъ, отъ которыхъ у нихъ возбудилось это желаніе, назначеніемъ имъ болѣе или менѣе продолжительныхъ сроковъ для размышленія (напр. годичнаго), переводомъ ихъ, особенно вдовыхъ священнослужителей, на другія мѣста для разсѣянія скуки послѣ потери жены, успокоенія въ мысляхъ и подкрѣпленія въ душевныхъ силахъ. Въ случаѣ безуспѣшности этихъ мѣръ св. Синодъ предлагалъ слагающимъ санъ остаться въ духовномъ званіи на причетнической должности, что казалось менѣе предосудительнымъ, чѣмъ вступленіе въ свѣтское званіе.

Въ такомъ положеніи вопросъ о слагающихъ санъ священно-служителяхъ оставался до царствованія императора Николая, когда выходъ изъ духовнаго званія всѣхъ принадлежащихъ къ нему лицъ былъ во многихъ случаяхъ стѣсненъ новыми узаконеніями, изданными на новыхъ основаніяхъ и приведенными въ болѣе строгую систему, чѣмъ прежнія, большею частію случайныя, временныя и разрозненныя постановленія.

Въ 1831 г. синодальный оберъ-прокуроръ вошелъ въ св. Синодъ докладомъ, въ которомъ говорилось, что постановленіе, дозволяющее священно-служителямъ по сложеніи сана приписываться, гдѣ они захотятъ, не ограждаетъ общества отъ вреднаго вліянія, какое столь соблазнительная свобода можетъ имѣть на нравственныя и религіозныя понятія, и предлагалось эту свободу ограничить болѣе строгими законами о слагающихъ санъ, отличая впрочемъ при этомъ монашествующихъ, какъ болѣе соблазняющихъ, отъ священнослужителей, обязанныхъ предъ посвященіемъ вступать въ бракъ и слагающихъ санъ почти исключительно по причинѣ вдовства. Соглашаясь съ этимъ предложеніемъ, св. Синодъ съ своей стороны указывалъ въ прежнихъ узаконеніяхъ еще тотъ недостатокъ, что къ священно-служителямъ, лишеннымъ сана по суду, они относятся чрезмѣрно строго, назначая наказаніе неприличное и соблазнительное для мірянъ (т. е. отдачу въ солдаты), а къ слагающимъ санъ добровольно слишкомъ уже снисходительно, не употребляя довольно мѣръ къ упрежденію соблазна отъ безразсудной рѣшимости нарушать свящ. обѣты и явно унижать законно уважаемый санъ; на этомъ основаніи онъ полагалъ: добровольно слагающихъ санъ увѣщевать въ теченіи 6 мѣсяцевъ, а по снятіи сана лишать на 7 лѣтъ права жительства въ ихъ губерніяхъ и въ обѣихъ столицахъ, лишенныхъ же сана по суду за пороки лишать навсегда права вступать въ службу подъ страхомъ за нарушеніе этого постановленія вѣчной ссылки въ Сибирь. По разсмотрѣніи этихъ предложеній департаментъ законовъ при государственномъ совѣтѣ нашелъ ихъ слишкомъ строгими и общими на томъ основаніи, что многіе священно-служители очень рано вдовѣютъ и потому запрещеніе слагать имъ санъ можетъ вмѣсто пользы принести одни соблазны, что по церковнымъ законамъ даже священно-служители, вступившіе во 2-й бракъ, ничѣмъ другимъ не наказываются, какъ только изключеніемъ изъ духовенства,

и самъ же св. Синодъ на вопросъ о томъ, какъ поступать съ добровольно слагающими санъ священнослужителями, предложенный ему государственнымъ совѣтомъ въ 1828 г., отвѣчалъ, что согласно указу 1784 г. имъ нужно предоставить полную свободу въ избраніи рода жизни; далѣе нужно взять во вниманіе то, что въ числѣ священниковъ бываютъ люди, имѣющіе ученыя степени кандидата, магистра и доктора, дающія право на полученіе классныхъ чиновъ, а также дворяне, и личные, и потомственные, и получившіе дворянство по орденамъ, а дворянство снимается только за преступленія, оное разрушающія, и еще недавно въ 1831 г. указомъ Сената, по поводу дѣла объ одномъ священникѣ черниговской епархіи, лишенномъ сана за пороки, было предписано подвергать такихъ лишенныхъ сана дворянъ суду уголовныхъ палатъ для изслѣдованія, достойны ли они оставаться дворянами, а священно-служителей изъ дворянъ, разстригаемыхъ по ихъ желанію, обращать въ прежнее ихъ состояніе и оставлять при прежнихъ преимуществахъ ихъ до вступленія въ духовное званіе (1). По проекту департамента за добровольно слагающими санъ слѣдовало оставлять всѣ права по рожденію, образованію, орденамъ и пріобрѣтенному дворянству, за исключеніемъ только ихъ прежнихъ свѣтскихъ чиновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ право вступленія во всякаго рода государственную службу по познаніямъ и способностямъ. Признавъ справедливость изложенныхъ департаментомъ основаній, государственный совѣтъ въ 1832 г. возвратилъ представленныя св. Синодомъ предположенія обратно для новаго пересмотра и передѣлки.

Послѣ вторичнаго пересмотра св. Синодомъ и нѣкоторыхъ измѣненій въ государственномъ совѣтѣ, правила о разстриженныхъ священно-служителяхъ, высочайше утвержденныя 28 іюня 1833 г., изданы были

---

(1) 2-е Собр. зак. VI, 4765.

въ такомъ смыслѣ: 1) слагающихъ санъ по собственному желанію подвергать предварительному трехмѣсячному увѣщанію, 2) по снятіи сана оставлять за ними права ихъ по рожденію или пріобрѣтенному дворянству, 3) дозволять имъ вступленіе во всякаго рода государственную службу по познаніямъ и способностямъ, 4) не лишать ихъ ни орденовъ, ни ученыхъ степеней, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что имѣвшему степень доктора должны быть предоставляемы только права магистра, 5) свѣтскихъ чиновъ ихъ, какъ сложенныхъ уже при посвященіи, не возвращать и при вступленіи ихъ въ новую службу въ формулярахъ не показывать, 6) равнымъ образомъ не показывать въ формулярныхъ спискахъ дѣйствій ихъ на службѣ духовной, по время нахожденія въ оной показывать. Лишенныхъ сана за пороки дозволено опредѣлять въ низшія церковныя должности причетниковъ и сторожей, но въ другомъ уѣздѣ; негодныхъ и для этихъ должностей велѣно отсылать въ губернскія правленія съ объясненіемъ ихъ винъ для записи въ мѣщане, или крестьяне; за священно-служителями изъ дворянъ личныхъ, или потомственныхъ, или получившихъ дворянство по орденамъ, дозволено оставлять ихъ дворянскія права, но безъ возвращенія имъ свѣтскихъ чиновъ и безъ права въѣзда въ столицы; наконецъ всѣмъ лишеннымъ сана въ теченіе 7 лѣтъ запрещено вступленіе какъ въ государственную, такъ и въ общественную по дворянскимъ и городскимъ выборамъ службу, а въ военную дозволено поступать только въ число рядовыхъ (1).

Изложенное опредѣленіе дѣйствовало впрочемъ очень недолго, всего около 6 лѣтъ. Но и въ теченіи этого короткаго времени св. Синодъ успѣлъ замѣтно сократить все еще довольно обширныя права свя-

---

(1) 2 Собр. зак. VIII, 6289. Сравн. Хр. чт. 1871 г. іюль,— въ указ. статьѣ. стр. 104—111.

щенно-служителей, оставляющихъ свой санъ, воспрещая имъ поступленіе на педагогическую службу. Въ 1838 г. по дѣлу о вятскомъ протоіереѣ Красовскомъ, желавшемъ по снятіи сана быть учителемъ гимназіи, св. Синодъ заявилъ министру народнаго просвѣщенія, что подобныя лица, произведшія сложеніемъ сана неизбѣжный соблазнъ въ обществѣ мірянъ, разрушившія данные предъ алтаремъ Божіимъ обѣты всегдашняго служенія Церкви и слѣдственно имъ не внявшія или заглушившія гласъ совѣсти, едвали могутъ быть наставниками и руководителями юношества. Въ томъ же году въ св. Синодѣ возникъ вопросъ объ измѣненіи опредѣленія 1833 г. по прошенію о сложеніи сана другаго протоіерея воронежской епархіи Іакова Покровскаго, который домогался поступленія на государственную службу съ правами студента. Св. Синодъ изъявлялъ желаніе, чтобы означенный протоіерей лишенъ былъ права оставаться въ Воронежѣ, гдѣ всѣ привыкли видѣть въ немъ священно-служителя, гдѣ поведеніе его соблазнительно огласилось и гдѣ онъ сложилъ съ себя санъ священническій въ духѣ ожесточенія, за тѣмъ, обобщая вопросъ, въ опредѣленіи своемъ 28 октября 1838 г. признавалъ нужнымъ всѣмъ сложившимъ съ себя санъ священно-служителямъ воспретить навсегда пребываніе въ мѣстахъ ихъ прежняго служенія, равно какъ въѣздъ въ столицы, между прочимъ потому, что священно-служителю становятся на исповѣди открытыми многія тайны прихожанъ, а по сложеніи сана ненарушимость этихъ тайнъ, охраняемая святостію священнической присяги, останется безъ всякаго обезпеченія, притомъ же сложившій санъ не можетъ считаться и безвиннымъ, какъ нарушитель обѣтовъ Богу, дающихся, какъ и присяга государю, на всю жизнь, потому не имѣетъ права жаловаться, если съ увольненіемъ его изъ духовнаго званія будутъ соединены для него нѣкоторыя ограниченія, нужныя для предупрежденія неприличія и вреда. Несмотря на возраженіе, представленное противъ этого опредѣ-

ленія духовникомъ государя протопресвитеромъ Музовскимъ, государь склонился въ пользу мысли, изложенной въ опредѣленіи, и 22 февр. 1839 г. собственноручно написалъ на докладѣ Синода: „полагаю, что званіе священническое столь важно, что сколько должно быть разборчиву и осторожну при удостоеніи онаго, столько же должно затруднить добровольное онаго сложеніе. Не отвергая, что быть могутъ случаи, которые сложеніе дѣлаютъ иногда необходимымъ (на что указывало возраженіе Музовскаго), полагаю однако, что никакъ нельзя попускать, чтобы лице, посившее сіе высокое званіе, могло непосредственно посвящаться иному служенію, какое бы оно ни было, безъ явнаго соблазна и какъ-бы въ доказательство, что мірскія обязанности сильнѣе духовныхъ. Поэтому, сколь мнѣ ни прискорбно не раздѣлять мнѣнія моего отца духовнаго, считаю нужнымъ постановить впредь: 1) діаконамъ, добровольно слагающимъ сіе званіе, воспретить вступать въ какой бы то ни было родъ государственной службы ранѣе 6 лѣтъ, 2) а священникамъ ранѣе 10 лѣтъ, возвращаясь каждому въ первобытное свое состояніе и не пользуясь впредь никакими иными выгодами, кромѣ состояніямъ симъ присвоенными". Это высочайшее повелѣніе, вмѣстѣ съ тѣми статьями 1833 года о разстригшихся священно-служителяхъ, которыя не были имъ отмѣнены, вошло потомъ и въ оба изданія Свода законовъ (1). Въ 1842 г. оно было дополнено еще новымъ указомъ, касавшимся священнослужителей, лишенныхъ сана за пороки; для этихъ священно-служителей срокъ для поступленія на службу былъ удвоенъ (2). За тѣмъ въ разъясненіе редак-

(1) Извлеченіе изъ синод. дѣлъ см. Хр. чт. іюль 1871 г. стр. 112—117. 2 Собр. зак. XIV, 12148. Сводъ зак. т. IX, ст. 276 (изд. 1842 г. ст. 266). Отч. оберъ-прокур. 1839 г. стр. 56—57.

(2) 2-е Собр. зак. XVII, 16053. Отч. оберъ-прокур. 1842 г. стр. 54. Св. зак. т. III, ст. 36.

ціи этихъ узаконеній, изложенной въ Сводѣ, уже въ текущее царствованіе послѣдовали опредѣленія св. Синода 2 мая 1858 г. о признаніи за сложившими санъ правъ, присвоенныхъ ихъ ученымъ степенямъ, при пріемѣ ихъ послѣ законнаго срока на службу, и 25 февр. 1861 г. о лишеніи ихъ при сложеніи сана орденовъ и другихъ отличій, пріобрѣтенныхъ ими во время ихъ священно-служительства (1).

Жалобы на стѣснительность этихъ опредѣленій, усилившіяся особенно въ текущее царствованіе, въ 1859 г. побудили св. Синодъ приступить къ новому пересмотру вопроса о слагающихъ санъ священнослужителяхъ, при чемъ св. Синодъ въ своихъ разсужденіяхъ склонялся къ облегченію ихъ тяжелой участи (2). Но вопросъ остается не пересмотрѣннымъ еще доселѣ и правила, изданныя при императорѣ Николаѣ I, доселѣ составляютъ дѣйствующее законоположеніе.

Не менѣе стѣснительны были въ прошлое царствованіе и опредѣленія касательно выхода изъ духовнаго званія для дѣтей духовенства и для церковнослужителей. Въ одномъ указѣ, изданномъ еще въ самомъ началѣ царствованія (1826), покойный государь довольно рѣзко высказался противъ этого выхода: „его величество, сказано здѣсь, изволитъ полагать полезнымъ всѣхъ воспитывающихся во всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ опредѣлять непремѣнно въ духовное званіе, ибо для свѣтскихъ должностей пріуготовляется другое юношество въ свѣтскихъ училищахъ“ (3). Такое намѣреніе, разумѣется, не могло быть выдержано на практикѣ. Въ слѣдующемъ же году были изданы подробныя правила для пріема людей духовнаго происхожденія на гражданскую и военную службу, а въ 1832 г. облегчена самая процедура увольн-

(1) Хр. чт. іюль 1871 г. стр. 118—120. Сравн. Св. зак. Учрежд. орден. т. I, ст. 261.

(2) Хр. чтен. тамже, стр. 121.

(3) 2 Собр. зак. I, 413.

нія духовныхъ воспитанниковъ въ свѣтское званіе возстановленіемъ прежняго права архіереевъ увольнять изключенныхъ учениковъ до философскаго класса въ свѣтское званіе самимъ безъ св. Синода (1). Тѣмъ не менѣе выходъ изъ духовнаго званія былъ значительно стѣсненъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ; это произошло не вслѣдствіе ограниченій самаго права духовныхъ лицъ переходить по желанію въ свѣтское званіе и даже не вслѣдствіе стѣснительности самой процедуры такого перехода отъ разныхъ задержекъ со стороны духовнаго начальства, а главнымъ образомъ вслѣдствіе точнѣйшаго опредѣленія новымъ законодательствомъ правъ и привиллегій различныхъ лицъ духовнаго званія по ихъ происхожденію и образованію, послѣ чего для огромной части духовенства выходъ изъ духовнаго званія сдѣлался положительно невыгоденъ.

Въ прежнее время мы долго не замѣчаемъ никакихъ ограниченій для лицъ духовнаго званія ни по службѣ гражданской, ни по службѣ военной; и та и другая были одинаково открыты для всѣхъ сословій и для всѣхъ представляли одинаковыя выгоды. Такъ повелось съ самаго начала XVIII вѣка, съ суровой служебной школы Петра великаго, когда всякій долженъ былъ начинать свою служебную карьеру съ самыхъ низшихъ чиновъ и проходить всю ихъ лѣствицу наряду со всѣми, безъ различія происхожденія. Дворянское царствованіе Екатерины II въ первый разъ начало возвышать служебныя права дворянъ и понижать права лицъ изъ подлаго народа, въ томъ числѣ и изъ духовнаго званія. Въ 1765 г. дворянъ велѣно производить въ офицеры по военной службѣ „предпочтительно“ предъ недворянами, не взирая на старшинство послѣднихъ. Потомъ въ 1790 г. и при Павлѣ Петровичѣ выходили указы о сокращеніи для дворянъ

---

(1) Тамже, VII, 5585.

обычнаго 12-лѣтняго срока для производства въ офицеры, а указами 1798 и 1803 гг. недворянъ даже вовсе запрещено производить въ офицеры; изключеніе сдѣлано уже въ 1806 г. для лицъ недворянскаго происхожденія, получившихъ университетское образованіе (¹). Относительно службы гражданской въ 1790 г. было постановлено недворянъ производить въ чины, дававшіе право дворянства, не иначе, какъ по прослуженіи 12 лѣтъ, а въ 1791 — при представленіи къ коллежскому ассессору начальствамъ велѣно прилагать свидѣтельства о дворянствѣ представляемыхъ; при имп. Павлѣ для производства дворянъ въ чины назначались сокращенные сроки (²). Во всѣхъ этихъ указахъ подъ людьми недворянскаго происхожденія разумѣлись между прочимъ и лица духовнаго происхожденія; но между послѣдними не полагалось при этомъ никакого различія; на одинаковыхъ правахъ поступали на службу и священно-служительскія и церковно-служительскія дѣти, и притомъ какъ получившія образованіе въ семинаріяхъ, такъ и не получившія, изключенныя изъ низшихъ классовъ духовно-учебныхъ заведеній и даже вовсе не бывавшія въ школахъ, выучившіяся только читать и писать дома. Указъ 1779 г. дозволялъ принимать въ намѣстническія канцеляріи всѣхъ грамотныхъ и способныхъ дѣтей духовенства безъ различія. При императорѣ Александрѣ въ первый разъ стали вводиться въ отношеніи къ производству въ чины новыя начала, основанныя на преимуществахъ образованія производимаго лица. Мы приводили уже указъ 1813 г., которымъ въ гражданскую службу дозволялось принимать только кончившихъ курсъ семинаристовъ. Указъ этотъ не былъ выдержанъ на практикѣ и скоро былъ отмѣненъ. Но еще раньше его въ

(¹) П. С. З. №№ 12889. 17073. 17588. 17590. 18486. 20914. 22340.

(²) П. С. З. №№ 16930. 16960. 19219.

1808 г. положеніемъ о духовныхъ училищахъ усвоены были особенныя права по службѣ ученымъ степенямъ студента, кандидата и магистра (1), которыя послѣ этого постоянно служили руководствомъ при производствѣ духовныхъ воспитанниковъ въ чины и положили между ними рѣзкую грань по служебной карьерѣ. Наконецъ при императорѣ Николаѣ, какъ при пріемѣ на службу, такъ и при производствѣ въ чины, положено было рѣзкое различіе между дѣтьми священно-служителей и церковно-служительскими.

Указомъ 25 іюля 1827 г. о вольно-опредѣляющихся въ военную службу священно-служительскихъ дѣтяхъ, по выдержаніи установленнаго экзамена, а если они кончили курсъ по крайней мѣрѣ въ среднемъ отдѣленіи семинаріи, или соотвѣтствующихъ классахъ свѣтскихъ училищъ, то и безъ экзамена, велѣно принимать съ правами сокращеннаго (4-лѣтняго) срока до выслуги въ первый офицерскій чинъ, а дѣтей церковно-служительскихъ и самихъ церковниковъ—на общемъ правѣ 25-лѣтняго срока выслуги (2). 14 октября тогоже года вышло положеніе о службѣ гражданской, по которому всѣ поступающіе на гражданскую службу по правамъ относительно производства въ первый чинъ раздѣлены на 4 разряда и дѣти священно-служителей причислены ко 2-му разряду наряду съ дѣтьми личныхъ дворянъ съ правомъ полученія перваго чина черезъ 4 года, дѣтей же церковно-служительскихъ и самихъ церковно-служителей вовсе запрещено принимать въ гражданскую службу наряду съ лицами изъ податнаго состоянія, не обращая вниманія на прежнія дозволительныя къ тому постановленія (3). Скоро впрочемъ изъ этого строгаго постановленія потребовалось сдѣлать нѣкоторыя изключенія. Въ 1829

---

(1) Тамже, 23122 § 61. 65. 66. Сравн. 20597 § 26.
(2) 2-е Собр. зак. II, 1262.
(3) 2-е Собр. зак. II, 1469.

г. олонецкій архіерей вошелъ въ св. Синодъ съ представленіемъ о крайнемъ затрудненіи замѣщать помимо церковническихъ дѣтей канцелярскія должности въ консисторіи, духовныхъ правленіяхъ и попечительствѣ о бѣдныхъ духовнаго званія. Олонецкая епархія была только лишь открыта (въ 1828 г.) и имѣла весьма малое число ученыхъ священно-служителей, а неученые, составлявшіе въ ней большинство духовенства, были посвящены изъ церковниковъ и большею частію уже пожилыхъ, такъ что чуть не все молодое поколѣніе духовенства, обучавшееся въ училищахъ, состояло изъ дѣтей церковниковъ или священно-служительскихъ, по рожденныхъ еще до полученія ихъ отцами свящ. сана, а потому не имѣвшихъ права на поступленіе въ канцелярскую службу. Вслѣдствіе этого представленія и согласно положенному на немъ мнѣнію св. Синода въ 1830 г. вышелъ указъ, по которому въ канцелярскую службу по епархіальному вѣдомству дозволено было принимать и дѣтей церковно-служительскихъ, но съ тѣмъ, чтобы до выслуги перваго чина они не имѣли права переходить на иную службу по гражданскому вѣдомству, а для выслуги перваго чина назначить имъ 12-лѣтній срокъ (1). Кромѣ этого причетническимъ дѣтямъ дозволено было поступать на гражданскую службу въ нѣкоторыхъ малонаселенныхъ и отдаленныхъ краяхъ имперіи, въ Сибири, губерніяхъ астраханской, вятской, олонецкой, оренбургской, ставропольской и нѣкоторыхъ уѣздахъ губерній вологодской и архангельской (2); но за то въ остальныхъ мѣстахъ указанное запрещеніе выполнялось весьма строго. Въ 1839 г. до Сената доходило дѣло объ опредѣленіи на службу въ московской губерніи одного второразряднаго воспитанника виленской семинаріи изъ пономарскихъ дѣтей. Несмотря на ходатайство объ немъ московскаго гу-

(1) Тамже, V, 3594.
(2) Тамже, XVII, 15731 § 2. 3. 4.

берскаго правленія, Сенатъ рѣшительно отвергъ его права на гражданскую службу внѣ епархіальнаго вѣдомства и опредѣлилъ, что въ силу устава о гражданской службѣ принимать на эту службу не получившихъ по образованію права на классный чинъ церковническихъ дѣтей нельзя ни подъ какимъ видомъ, хотя бы они обучались и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но вышли изъ оныхъ, не кончивъ полнаго курса (1). Въ 1842 г. въ государственномъ совѣтѣ возникъ серьезный вопросъ о пересмотрѣ приведенныхъ узаконеній по поводу внесенія ихъ въ общій сводъ законовъ и заявленія оберъ-прокурора св. Синода объ ихъ стѣснительности для духовенства, но рѣшенъ былъ въ прежнемъ смыслѣ безъ всякой уступки въ пользу церковно-служителей и дѣтей ихъ; государственный совѣтъ отрицалъ самую стѣснительность этихъ узаконеній для духовенства, потому что перворазрядные семинаристы изъ церковническихъ дѣтей всегда пользовались всѣми правами по гражданской службѣ наряду съ священно-служительскими дѣтьми, а второразрядные „едвали вполнѣ способны къ занятію даже низшихъ должностей", замѣтилъ совѣтъ, находя въ тоже время второразрядныхъ священно-служительскихъ дѣтей почему-то вполнѣ способными и къ высшимъ должностямъ. Вновь сформулированныя статьи Свода были утверждены и внесены въ оба его изданія (1842 и 1857 гг.) (2). Въ 1848 г. 24 ноября министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было право по сношенію съ министромъ юстиціи давать разрѣшенія, но только въ видѣ частныхъ изъятій, объ оставленіи въ службѣ тѣхъ церковно-служительскихъ дѣтей, неправильно принятыхъ въ оную, которыя состояли въ ней не менѣе 10 лѣтъ и одобряются началь-

---

(1) Тамже, XIII, 12581.

(2) Тамже, XVII, 16376. Св. зак. т. III: о службѣ гражд. и IX: о бѣл. дух.

ствомъ. Но въ 1858 г. (6 іюня), съ цѣлію предотвратить вновь допущеніе въ службу лицъ, не имѣющихъ на то права, указано обнародовать, что всякое лице, принятое въ службу безъ права на нее, не можетъ на ней оставаться ни подъ какимъ видомъ и ни по какимъ уваженіямъ (1). Подъ запретительныя правила о службѣ подведены также не имѣющія степени, дающей право на классный чинъ, дѣти священно-служителей, родившіяся до полученія ихъ отцами свящ. сана, и такія, которыя занимали уже по духовному вѣдомству должности причетниковъ, пѣвчихъ, церковныхъ сторожей и звонарей, если только не представятъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса по крайней мѣрѣ въ среднемъ отдѣленіи семинаріи (2). Такимъ образомъ исправленіе церковнической должности признано лишающимъ даже нѣкоторыхъ правъ рожденія; далѣе этого законодательству, кажется, уже некуда было идти въ ослабленіи правъ церковно-служительскаго состоянія. Кромѣ указанныхъ изъятій изъ запретительныхъ правилъ о пріемѣ церковно-служительскихъ дѣтей въ гражданскую службу, касающихся гражданской службы по духовному вѣдомству и службы въ отдаленныхъ и малонаселенныхъ краяхъ, уставъ о службѣ гражданской допустилъ для этихъ лицъ еще изъятіе касательно службы по министерству просвѣщенія въ должностяхъ учителей приходскихъ, уѣздныхъ и др. училищъ, но не на должностяхъ канцелярскихъ служителей по министерству и учебнымъ заведеніямъ (3). По производству въ чины уставъ причислилъ ихъ къ четвертому классу канцелярскихъ служителей, съ правомъ производства въ первый классный чинъ, по окончаніи полнаго курса въ семинаріи, или гимназіи, черезъ 8 лѣтъ, по окончаніи курса въ уѣздныхъ училищахъ—

---

(1) Св. зак. III, ст. 4, прим. 2, по продолженію II-му.
(2) Тамже, ст. 3. 34
(3) Тамже, ст. 60. 61.

черезъ 12 лѣтъ, а не окончившихъ нигдѣ курса не ранѣе 12 же лѣтъ, но по выдержаніи особаго экзамена по установленной программѣ, тогда какъ для кончившихъ семинарскій курсъ дѣтей священно-служительскихъ срокъ этотъ опредѣленъ въ 2 года, для кончившихъ курсъ уѣздныхъ училищъ—въ 4 года, а для остальныхъ—въ 6 лѣтъ (1).

Понятно, что при дѣйствіи такого рода узаконеній духовенство должно было замыкаться и умножаться годъ отъ году все болѣе и что при этомъ въ немъ должны были оставаться не лучшіе люди его молодаго поколѣнія, для которыхъ оставался еще довольно выгодный выходъ на гражданскую службу, а именно худшіе—изключенные, второразрядные и третьеразрядные воспитанники духовныхъ заведеній изъ причетническихъ дѣтей. Накопленіе этихъ пролетаріевъ духовнаго вѣдомства, для которыхъ духовное начальство не находило у себя достаточнаго числа мѣстъ, въ 1830 г. обратило на себя серьезное вниманіе правительства и вызвало даже новый разборъ духовенства. Усмотрѣвъ изъ представленныхъ за 1829 г. вѣдомостей о духовенствѣ большое число безмѣстныхъ лицъ, государь указалъ св. Синоду представить докладъ о разборѣ ихъ для включенія всѣхъ безмѣстныхъ и изъишнихъ людей въ военную службу; изъятіе отъ этого разбора сдѣлано было только для духовенства обѣихъ столицъ, придворнаго вѣдомства, россійскихъ миссій, духовенства казацкаго происхожденія и нѣкоторыхъ краевъ имперіи, мало снабженныхъ духовенствомъ, какъ то: архангельской и олонецкой губерній, всей Сибири, кавказскаго и закавскаго края, Финляндіи, остзейскихъ и польскихъ губерній и Бессарабіи.

Въ началѣ 1831 г. требуемый докладъ св. Синода былъ составленъ. По нему значилось, что 1) всѣхъ дѣтей духовенства, обучавшихся въ высшихъ и ниж-

---

(1) Св. зак. т. III, кн. 1, ст. 46. 47. 610. 948—949.

нихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, состояло на лицо 45,770, оставалось при родителяхъ 34,448 въ томъ числѣ имѣющихъ свыше 15 лѣтъ отъ роду 7351; 2) штатное число священно-служителей, за изключеніемъ епархій, освобожденныхъ отъ разбора, простиралось до 44,477, церковно-служителей 57,468, всѣхъ 101,945; 3) въ недостатѣ было первыхъ 3691, вторыхъ 7814, всего 11,505. Принимая во вниманіе то, что по указу 6 декабря 1829 г. священническія мѣста велѣно было замѣщать кончившими курсъ богословія, а въ епархіяхъ не оказывалось и половины ученыхъ священниковъ, св. Синодъ находилъ нужнымъ освободить отъ разбора всѣхъ учащихся дѣтей духовенства, а равно и кончившихъ курсъ богословія и философіи, за тѣмъ всѣхъ безмѣстныхъ, находящихся въ домахъ родителей, и изключенныхъ до философіи, отъ 15 до 40 лѣтъ, обратить въ военную службу; при этомъ изъ сожалѣнія къ участи престарѣлыхъ родителей, которые могутъ лишиться послѣдней опоры по отнятіи у нихъ дѣтей въ солдаты, св. Синодъ ходатайствовалъ о дозволеніи оставлять при нихъ по одному сыну по ихъ собственному выбору. Для большаго очищенія духовенства отъ недостойныхъ людей положено еще взять въ военную службу 1) всѣхъ дурнаго поведенія церковниковъ, не подающихъ надежды къ исправленію; 2) дѣтей духовенства ненадежнаго же поведенія, проживающихъ по монастырямъ; 3) церковно-служителей, отрѣшенныхъ отъ мѣстъ; 4) всѣхъ вообще духовнаго званія людей, служившихъ въ сторожахъ, приставахъ и подобныхъ должностяхъ по духовному вѣдомству и отставленныхъ отъ этихъ должностей за неспособность, или дурное поведеніе, но не обращенныхъ еще въ гражданское вѣдомство; перебрать и такихъ, которые еще служатъ при этихъ должностяхъ, и оставить изъ нихъ только болѣе достойныхъ людей. За тѣмъ мѣста церковно-служителей, имѣющія остаться послѣ разбора праздными, св. Синодъ полагалъ замѣщать церковно-служителями упраздненныхъ церквей, или излишнихъ

причтовъ и дѣтьми духовенства, изключенными изъ училищъ съ благонадежнымъ поведеніемъ и оставшимися при родителяхъ, а мѣста сторожей—людьми духовнаго званія, обращенными назадъ изъ военной службы, или негодными къ набору отъ 40 до 60 лѣтъ, въ случаѣ же недостатка этихъ кандидатовъ для замѣщенія всѣхъ мѣстъ по епархіи вызывать такихъ же кандидатовъ изъ другихъ епархій. По утвержденіи этого доклада государемъ разборъ начался въ томъ же году (1). Въ дополненіе къ докладу вышли подробныя распоряженія о самомъ производствѣ разбора (2), въ которыхъ между прочимъ указывалось взятыхъ къ разбору молодыхъ людей до 20 лѣтъ, изъ болѣе способныхъ, отдавать въ учебные карабинерные полки, откуда по обученіи обращать ихъ въ армію унтеръ-офицерами, а престарѣлыхъ—отъ 35 до 40 лѣтъ—въ гарнизоны, потому что грамотные люди вездѣ могутъ пригодиться. Весь указъ написанъ въ очень снисходительномъ тонѣ, которымъ думали подсластить горечь разбора; начальствамъ рекомендовалось подлежащихъ разбору не запугивать, ободрять ласковымъ обращеніемъ и т. п.

Почти въ одно время съ этимъ разборомъ, въ связи съ возникшимъ тогда вопросомъ объ улучшеніи быта приходскаго духовенства, началось сокращеніе приходскихъ причтовъ. Въ 1829 г., назначивъ ежегодный отпускъ изъ государственнаго казначейства 500,000 руб. на такъ называемые вспомогательные оклады бѣднымъ причтамъ, государь указалъ по возможности соединять всѣ бѣдные и малые приходы другъ съ другомъ для составленія болѣе крупныхъ и достаточныхъ (3), а въ 1838 г., послѣ назначенія особаго комитета для изысканія средствъ къ обезпеченію сельскаго духовенства, начали вырабатываться новые

---

(1) 2-е Собр. зак. VI, 4563.
(2) Тамже, 4599.
(3) 2 Собр. зак. IV, 3323, п. 7—8.

нормальные штаты духовенства (1). Введеніе ихъ, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ штатнаго жалованья причтамъ, началось съ западныхъ епархій 1842 г. (2). Въ основу этихъ новыхъ штатовъ положены прежнія штатныя опредѣленія съ небольшими только отмѣнами по требованію мѣстныхъ условій приходовъ. Уставъ консисторій 1841 г. опредѣлилъ: „никто не долженъ быть опредѣляемъ и посвящаемъ къ церквамъ иначе, какъ въ положенный при нихъ штатъ. При церквахъ, при которыхъ штатъ причта не опредѣленъ особымъ постановленіемъ, пріемлется за основаніе штатъ существующій отъ прежнихъ временъ, съ наблюденіемъ, чтобы при сельскихъ церквахъ, при которыхъ въ приходѣ числится менѣе 800 душъ муж. пола (по старому счету 200 дворовъ), было не болѣе одного священника, а при церквахъ, гдѣ не болѣе 400 душъ (100 двор.), причетъ состоялъ изъ священника и двухъ причетниковъ". (ст. 75. 76). Сокращеніе причтовъ не сопровождалось впрочемъ никакимъ особеннымъ разборомъ священнослужителей, если не брать при этомъ въ расчетъ бывшаго въ 1833 г. разбора дьяконовъ, предпринятаго св. Синодомъ по случаю доклада синодальнаго оберъ-прокурора Нечаева государю о томъ, что по вѣдомостямъ Синода о безчинныхъ поступкахъ въ церквахъ и при богослуженіи, за исключеніемъ одного только происшествія, въ которомъ виновникомъ является причетникъ, виновниками постоянно значатся дьяконы, хотя число ихъ втрое меньше числа священниковъ и вшестеро числа причетниковъ. Св. Синодъ указалъ строго разсмотрѣть поведеніе дьяконовъ, неисправныхъ и неисправимыхъ изъ нихъ свести на причетническія мѣста, или вовсе исключить изъ духовнаго вѣдомства, а впредь производить въ этотъ чинъ кандидатовъ съ

---

(1) Отч. об.-прок. 1839 г. стр. 48—49.

(2) 2 Собр. зак. XVII, 15170. Отч. об.-прок. за 1842 г. стр. 18—30.

строгимъ разборомъ, потому что прежде, какъ замѣтилъ самъ государь, на это производство обращалось слабое вниманіе (1).

Относительно заштатныхъ и безмѣстныхъ священно-служителей съ конца XVIII столѣтія не встрѣчаемъ особенно важныхъ узаконеній, кромѣ одного указа 1821 г., которымъ, по поводу перехода двоихъ священниковъ пензенской епархіи, низведенныхъ на причетническія должности, но имѣвшихъ при себѣ ставленыя граматы и безсрочные билеты на пріисканіе мѣстъ, къ раскольникамъ, опредѣлено было отбирать у такихъ, а равно и у лишенныхъ сана священно-служителей ставленыя граматы и виды на званіе, а билеты на пріисканіе мѣстъ давать только на мѣсяцъ (2). Узаконеніями прошедшаго царствованія всѣ заштатные и безмѣстные священно-и-церковно-служители подчинены общему епархіальному надзору съ приписокю къ извѣстной приходской церкви и благочинію; въ случаѣ отлучекъ отъ мѣстъ своего жительства какъ имъ, такъ и штатнымъ членамъ бѣлаго духовенства опредѣлено брать закопные паспорты или отъ благочинныхъ (не далѣе 15 верстъ), или отъ епархіальныхъ консисторій (для дальнѣйшихъ отлучекъ въ свою, или чужую епархію) и притомъ на возможно умѣренные сроки; паспорты для отъѣзда въ столицы дозволено выдавать только лицамъ неопороченнаго поведенія, не состоявшимъ и не состоящимъ подъ слѣдствіями (3).

Послѣ разбора церковно-служителей и дѣтей духовенства, произведеннаго въ 1831 г., подобныя повсемѣстныя и единовременныя очищенія духовнаго со-

---

(1) 2 Собр. зак. VIII, 6360. Распоряженія св. Синода о лишнихъ св.-служителяхъ при введеніи штатовъ см. въ Отч. оберъ-прок. за 1846 г. стр. 43.

(2) П. С. З. XXXVII, 28713.

(3) Уст. консист. 1841 г. ст. 83. 86—89. Св. зак. 1857 г. т. XIII, ст. 64—71. 79—88.

словія отъ лишнихъ людей не повторялись. Вмѣсто такихъ временныхъ погромовъ въ духовенствѣ для очищенія послѣдняго стали дѣйствовать мѣры постоянныя. Еще до начала разбора въ указѣ 6 декабря 1829 г. было опредѣлено всѣхъ дѣтей духовенства, остающихся при отцахъ безъ обученія, а также исключенныхъ за тупость и лѣность изъ училищъ, за распредѣленіемъ способныхъ изъ нихъ на причетническія, служительскія и др. должности, увольнять изъ духовнаго званія по прошенію для избранія рода жизни (1). Тоже самое распоряженіе повторено въ высочайше утвержденномъ докладѣ св. Синода о разборѣ 1831 г., а потомъ внесено и въ Сводъ законовъ (2). Въ предотвращеніе праздношатательства уволенныхъ изъ духовнаго званія людей назначены сроки, въ теченіе которыхъ они должны непремѣнно избрать для себя родъ жизни. Въ 1828 г. назначенъ былъ для этого полугодичный срокъ; потомъ указами 1840 и 1851 гг. узаконено, чтобы церковно-служители и дѣти ихъ, уволенные изъ духовнаго званія по желанію, или за излишествомъ, избирали себѣ родъ жизни въ теченіи годичнаго срока послѣ увольненія, или, въ случаѣ ихъ несовершеннолѣтія, послѣ достиженія совершеннолѣтія, а послѣ этого срока велѣно поступать съ ними, какъ съ праздношатающимися (3). Для дѣтей священно-служительскихъ удержанъ срокъ полугодичный, съ отсрочкой еще на полгода для пріисканія мѣста уже въ другой губерніи. Мы видѣли, что законодательство предоставляло имъ довольно выгодный исходъ изъ духовнаго званія, открывая имъ полную возможность къ опредѣленію на гражданскую службу, закрытую для дѣтей церковно-служительскихъ. Но эта милость ира-

---

(1) 2-е Собр. зак. IV, 3323 п. 9.

(2) Св. зак. IX, ст. 274.

(3) 2 Собр. зак. III, 2445. XV, 14056. 25543. Св. зак. IX, ст. 293.

вительства была сильно ограничена обязательнымъ срокомъ опредѣленія на службу; послѣ пропуска этого срока и полгода отсрочки ихъ права на поступленіе въ службу объявлены не дѣйствующими и они должны были искать себѣ рода жизни наряду съ дѣтьми церковно-служительскими въ податномъ состояніи; тоже самое опредѣлено и на тотъ случай, если, поступивъ на службу, они были бы уволены изъ нея или по собственному прошенію, или по распоряженію начальства до полученія класснаго чина (1). Дѣтямъ церковно-служителей и самимъ церковно-служителямъ, уволеннымъ не за пороки, за исключеніемъ показанныхъ выше родовъ дозволенной имъ службы, предоставленъ изъ духовнаго званія выходъ только въ военную службу, или въ одно изъ податныхъ состояній по избранію съ опредѣленными льготами отъ податей (2). Дѣти священно-и-церковно-служителей, а равно и сами священно-и-церковно-служители, уволенные изъ духовнаго званія за пороки по приговору духовнаго начальства, подвержены дѣйствію правилъ, опредѣленныхъ въ Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (3).

Всѣ узаконенія о выходѣ изъ духовнаго званія лишнихъ людей относились главнымъ образомъ къ безмѣстнымъ людямъ духовнаго званія изъ не обучавшихся въ школахъ и исключенныхъ изъ школъ за лѣность и тупость, которыхъ рѣшительно некуда было пристроить къ мѣстамъ по духовному вѣдомству. Но въ послѣднее время, съ усиленіемъ образованія въ духовенствѣ, и кромѣ ихъ, явилось огромное число праздношатающихся, которыхъ опредѣленія законодательства

---

(1) 2 Собр. зак. 2445. 25343. Сводъ зак. IX, ст. 291. III, ст. 32. 33. V, ст. 387.

(2) 2 Собр. VII, 5842 § 7. X, 8139 п. 1. 7. Св. зак. IX, 278. 293.

(3) Св. зак. IX, ст. 277. 2 Собр. X, 8139 и друг.

нисколько не касались; это были воспитанники семинарій, кончившіе полный курсъ, даже иногда въ первомъ разрядѣ, имѣвшіе всѣ права на занятіе церковныхъ мѣстъ, но оставшіеся безъ опредѣленія за крайней тѣснотой въ духовномъ сословіи. Особенно долго приходилось оставаться безъ опредѣленной службы обиженнымъ законодательствомъ дѣтямъ причетниковъ, кончившимъ курсъ во второмъ разрядѣ, которыя, будучи лишены права вступать въ гражданскую службу, по необходимости должны были, во что бы то ни стало, дожидаться священно-служительскихъ вакансій и проводили въ этомъ ожиданіи иногда лѣтъ по 5, 6 и 7. Съ 1848 г. при св. Синодѣ составленъ былъ даже особый комитетъ для обсужденія мѣръ къ отвращенію такого праздношатательства воспитанниковъ семинарій, особенно по многолюднымъ епархіямъ. Въ 1849 г., на основаніи результатовъ, добытыхъ работами этого котитета, св. Синодъ призналъ нужнымъ освободить духовенство отъ обязательнаго образованія его дѣтей въ семинаріяхъ, а въ 1851 г., разсмотрѣвъ истребованныя изъ епархій свѣдѣнія о числѣ семинаристовъ, остающихся безъ мѣстъ, и о числѣ священническихъ вакансій, открывающихся въ теченіи двухлѣтняго срока, опредѣленнаго для выпуска изъ семинарій, началъ вводить семинарскіе штаты и на первый разъ, въ видѣ опыта, назначилъ нормальное число воспитанниковъ для 17 многолюднѣйшихъ семинарій; въ тоже время началось соединеніе приходскихъ и уѣздныхъ училищъ въ одинъ составъ съ цѣлію восполнить курсъ низшихъ училищъ и довести его до того, чтобы воспитанники этихъ училищъ, не попавъ въ семинарское нормальное число, по выходѣ изъ нихъ имѣли достаточное образованіе для занятія причетническихъ должностей; опредѣлено также открывать при училищахъ особые причетническіе классы. Кромѣ того еще въ 1850 г. св. Синодъ призналъ нужнымъ въ 16 епархіяхъ наиболѣе многолюдныхъ облегчить для воспитанниковъ семинарій средства къ переходу въ другія

званія; но это послѣднее предположеніе, на которомъ бы главнымъ образомъ и слѣдовало остановиться, осталось тогда безъ особеннаго обсужденія и приложенія къ практикѣ (1). При всѣхъ затрудненіяхъ, какія духовная администрація чувствовала отъ излишка людей и тѣсноты въ духовномъ вѣдомствѣ, законодательство до послѣдняго времени удержало всѣ стѣснительныя правила касательно выхода изъ духовнаго званія въ свѣтское. Нечего и говорить о томъ, что въ немъ не было и намека на какую-нибудь попытку ограничить духовное сословіе кругомъ въ собственномъ смыслѣ духовныхъ лицъ, опредѣлить законную границу между смѣшанными въ законѣ понятіями духовнаго состоянія или рода жизни и духовнаго вѣдомства. 274-я статья о состояніяхъ ясно гласила, что „дѣти лицъ бѣлаго духовенства причисляются по родителямъ своимъ къ духовному *вѣдомству*, не подлежа обязанности избирать другой *родъ жизни*“, а другія статьи, изъ которыхъ главныя мы перечислили, неразрывно соединяли съ вѣдомствомъ самыя права состоянія, признавая ихъ за извѣстнымъ лицемъ духовнаго происхожденія только до тѣхъ поръ пока это лице не выйдетъ изъ духовнаго вѣдомства. Не вдаваясь въ подробныя разсужденія объ этомъ предметѣ, достаточно разработанномъ въ современной литературѣ, ограничимся выразительной выдержкой изъ тойже оффиціальной записки 1866 г., которую мы уже цитовали въ началѣ настоящаго отдѣла.

„Испросить себѣ увольненіе изъ духовнаго званія не тоже ли значитъ, что испросить перечисленіе въ податное сословіе? Справедливо ли такое положеніе дѣтей православнаго духовенства? Испытываетъ ли другое какое сословіе подобное стѣсненіе въ выборѣ рода жизни и дѣятельности? Дѣти военныхъ и граж-

(1) См. отчеты об.-прок. за означенные годы въ отдѣл. объ обученіи.

данскихъ чиновниковъ, дѣти потомственныхъ и личныхъ дворянъ, опредѣляются ли въ государственную службу, или остаются внѣ оной, обращаясь къ частнымъ занятіямъ, сохраняютъ права свободнаго сословія и преимущества, усвоенныя званію ихъ родителей. Не то съ дѣтьми священно-и-церковно-служителей: состоя въ духовной службѣ или только причисляясь къ ней, они пользуются правами свободнаго сословія, сыновья священниковъ и дьяконовъ принадлежатъ даже къ личнымъ дворянамъ, по видимому; но лишь только кто изъ нихъ захочетъ оставить родъ службы, къ которой прикрѣпленъ своимъ рожденіемъ, лишь только захочетъ перейти въ разрядъ дѣйствительно свободныхъ лицъ, онъ теряетъ всѣ права и преимущества своего прежняго званія, за исключеніемъ опредѣленія въ гражданскую службу въ 6-мѣсячный срокъ, и причисляется въ одно изъ податныхъ сословій, какъ будто совершившій уголовное преступленіе... Ни санъ священника или протоіерея, ни долговременная служба въ этомъ санѣ, ни соединяемыя съ нимъ должности благочиннаго, члена духовнаго правленія или консисторіи, законоучителя гимназіи или профессора университета, духовныхъ академій и семинарій не могутъ дать дѣтямъ духовнаго лица хотя такого права, которымъ пользуется сынъ всякаго коллежскаго регистратора и прапорщика, т. е. правъ личнаго дворянства или почетнаго гражданства, какъ при поступленіи въ гражданскую службу, такъ и внѣ оной. Сынъ чиновника 14 класса или прапорщика не прикрѣпленъ къ какому-либо роду службы, свободно вступаетъ въ ту или другую, а если и не вступаетъ въ службу, все же не лишается правъ почетнаго гражданства, не причисляется къ податному сословію,—а сынъ протоіерея или священника, въ случаѣ неопредѣленія въ гражданскую службу, становится податнымъ. При затруднительномъ и съ такою опасностію сопряженномъ выходѣ изъ духовнаго званія естественно православное наше духовенство замыкается само въ себѣ и возрастаетъ въ несообразномъ

потребностямъ Церкви количествѣ... Дѣти низшихъ воинскихъ чиновъ давно уже освобождены отъ прикрѣпленія къ своей службѣ, какъ неполезнаго для службы и отяготительнаго для родителей. Совершилось и освобожденіе отъ крѣпости сословія крестьянскаго. Не пора ли для пользы русскаго края и русскаго въ немъ дѣла снять уже крѣпость и съ духовнаго сословія“ (¹)?

Въ 1862 г., по волѣ благополучно царствующаго Государя Императора, образовано было особое присутствіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для изысканія способовъ къ большему обезпеченію быта бѣлаго духовенства, и въ числѣ задачъ, заданныхъ ему для рѣшенія Высочайшимъ повелѣніемъ, поставлены: увеличеніе личныхъ гражданскихъ правъ духовенства и открытіе дѣтямъ духовныхъ лицъ путей для обезпеченія ихъ существованія на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности. Въ началѣ 1863 г. присутствіе разослало подробную программу вопросовъ по предметамъ своихъ работъ для обсужденія ихъ духовенствомъ и епархіальными архіереями, при чемъ означенные нами предметы даны на обсужденіе однимъ архіереямъ. Мнѣнія послѣднихъ, выражавшія взглядъ на дѣло церковной администраціи, поступили въ присутствіе во второй половинѣ тогоже года и большею частію согласно выражали мысль о расторженіи замкнутости духовнаго сословія и необходимости дать большую свободу и удобство къ выходу изъ этого сословія въ другія сословія. „Тогда сословія, говорилось въ мнѣніи одного преосвященнаго, не будутъ умножаться, государство будетъ имѣть столько чиновниковъ, сколько ему нужно, и столько священниковъ и причетниковъ, сколько необходимо для служенія церковнаго. Дѣти тѣхъ и другихъ увеличатъ только общее народонаселеніе государ-

---

(¹) Русск. вѣсти. 1869 г. кн. IX, стр. 362—363.

ства“ (1). За туже мысль о расторженіи замкнутости духовнаго сословія горячо высказалась духовная и свѣтская литтература. Между тѣмъ, пока еще продолжалась только разработка этого важнаго вопроса для его общаго рѣшенія, правительство успѣло довольно ясно высказать свою мысль въ частныхъ случаяхъ его рѣшенія; по ходатайству графа Муравьева въ 1864 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о принятіи въ гражданскую службу въ западномъ краѣ дѣтей церковнослужительскихъ (2); за тѣмъ новый уставъ гимназій открылъ духовенству возможность безъ всякихъ предварительныхъ ходатайствъ и разрѣшенія помѣщать своихъ дѣтей въ свѣтскія учебныя заведенія; въ 1866 г. сдѣланы облегченія для поступленія въ военную службу и начальныя военныя школы (3).

Наконецъ въ 1869 г. послѣдовало общее рѣшеніе вопроса о духовномъ сословіи и провозглашены были двѣ радикальныя реформы въ духовенствѣ, послѣ которыхъ оно должно вступить въ новый періодъ своей исторіи. Указомъ отъ 16 апрѣля положено начало новымъ штатамъ приходскихъ церквей. Съ цѣлію большаго уравненія приходовъ и лучшаго ихъ обезпеченія положено произвести новый ихъ передѣлъ, при чемъ малолюдные и бѣдные приходы постепенно соединять съ другими, сообразуясь съ ихъ населенностію, разстояніемъ одной церкви отъ другой и церквей отъ приходскихъ деревень, удобствами сообщеній, помѣстительностію храмовъ, нравственно-религіознымъ состояніемъ и потребностями прихожанъ. Вся эта весьма трудная и длинная работа возложена на губернскія присутствія по обезпеченію духовенства подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ преосвященныхъ. Нормальный штатъ приходскаго причта каждой самостоятельной

---

(1) Тамже, стр. 379.
(2) Собран. указ. 1864 г. № 89.
(3) Тамже, 1866 г. № 49. 60.

церкви, за немногими изключеніями для нѣкоторыхъ мѣстностей имперіи и для приходовъ единовѣрческихъ, ограниченъ двумя лицами, — священникомъ и псаломщикомъ. Въ случаѣ дѣйствительной надобности губернскимъ присутствіямъ предоставлено допускать при священникахъ настоятеляхъ еще младшихъ священниковъ помощниковъ и вторыхъ псаломщиковъ, при чемъ прихожанамъ дозволено принимать къ церкви и свыше двоихъ другихъ псаломщиковъ, но съ тѣмъ, чтобы послѣдніе не причислялись ни къ штату, ни къ самому духовному званію. Діаконы изъ приходскаго штата изключены и допущены къ служенію при приходскихъ церквахъ по желанію прихожанъ или на вакансіяхъ псаломщиковъ, или совершенно внѣ штатнаго содержанія причтовъ на одномъ попеченіи прихожанъ. Опредѣленіе на службу въ церковный клиръ предоставлено только лицамъ съ полнымъ богословскимъ образованіемъ и подчинено порядку постепенности, т. е. на мѣста настоятелей велѣно назначать лицъ, прослужившихъ нѣкоторое время въ званіи младшихъ священниковъ, а на мѣста послѣднихъ — прослужившихъ въ званіи псаломщиковъ. Нельзя не замѣтить въ указѣ еще весьма важнаго пункта, распространяющаго право поступленія въ св. санъ на имѣющихъ солидный возрастъ людей холостыхъ и вдовцевъ послѣ перваго брака, желающихъ остаться въ безбрачіи.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого указа 26 мая послѣдовало Высочайшее утвержденіе на мнѣніе государственнаго совѣта объ устройствѣ дѣтей лицъ православнаго духовенства. Еще въ указѣ 16 апрѣля отъ духовнаго званія отчисленъ довольно значительный классъ сторожей и звонарей при церквахъ, сторожей при духовно-учебныхъ заведеніяхъ и присутственныхъ мѣстахъ духовнаго вѣдомства, хотя бы они происходили изъ духовнаго званія. Указомъ 26 мая провозглашено полное расторженіе наслѣдственной замкнутости духовнаго званія. Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленія присутствія по дѣламъ духовенства

объ открытіи дѣтямъ священно-и-церковно-служителей путей къ обезпеченію существованія на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности, мнѣніемъ своимъ положилъ: отчислить отъ духовнаго званія вообще всѣхъ дѣтей духовенства, съ тѣмъ однакоже, чтобы они по-прежнему пользовались правами на воспитаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, на опредѣленіе въ священно-и-церковно-служители, на пособія отъ духовныхъ попечительствъ и другіе способы призрѣнія по духовному вѣдомству. По правамъ своимъ дѣти священно-служителей приравнены къ дѣтятъ личныхъ дворянъ, дѣти церковно-служителей къ личнымъ почетнымъ гражданамъ, дѣти же прочихъ низшихъ служителей духовнаго вѣдомства, числившихся до указа 16 апрѣля въ духовномъ званіи, сторожей, звонарей и пѣвчихъ, обязаны приписаться къ городскому или сельскому обществу съ сохраненіемъ за ними лично прежней ихъ свободы отъ податей и рекрутства. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ дѣтямъ духовенства, не посвящающимъ себя на службу Церкви въ духовномъ званіи, предоставлена полная свобода поступать на государственную службу и переходить въ другіе роды жизни, съ отмѣной для дѣтей священно-служительскихъ извѣстнаго срока на поступленіе въ службу и прежняго воспрещенія вторично поступать на службу въ случаѣ увольненія изъ нея до полученія перваго класснаго чина. Тѣже права относительно поступленія на службу даны дѣтямъ церковно-служителей, поступившихъ въ это званіе изъ личныхъ дворянъ, или изъ дѣтей священно-служительскихъ; дѣтей прочихъ причетниковъ, безъ высшихъ правъ и не обучавшихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, велѣно причислять при опредѣленіи на гражданскую службу къ третьему разряду канцелярскихъ служителей съ присвоеннымъ этому разряду правомъ на производство въ первый классный чинъ чрезъ 6 лѣтъ. По утвержденіи этого мнѣнія государственнаго совѣта Государемъ Императоромъ оно объявлено указомъ св. Синода отъ 11 іюля во всеобщее свѣдѣніе.

Послѣ этого указа вопросъ объ уничтоженіи замкнутости духовнаго сословія, по крайней мѣрѣ въ общихъ его чертахъ, со стороны законодательства можно считать рѣшеннымъ; впереди предстоитъ рѣшеніе его на практикѣ, въ жизни, рѣшеніе гораздо болѣе трудное, которое должно коснуться уже не внѣшней только, а внутренней стороны этой замкнутости, того сословнаго духа и склада жизни, который зависитъ отъ воспитанія, наслѣдственныхъ привычекъ въ средѣ духовенства и множества часто неуловимыхъ обстоятельствъ его частной, общественной и экономической жизни.

III.

ГРАЖДАНСКІЯ ПРАВА ДУХОВЕНСТВА.

Одновременно съ опредѣленіемъ состава и границъ духовнаго сословія шло опредѣленіе и его гражданскихъ правъ. Духовный чинъ весьма рано, можно сказать, съ самаго начала своего существованія въ Россіи, выдѣлился изъ общей массы государственнаго народонаселенія, какъ особое привиллегированное общество, члены котораго мыслились не подлежавшими лично ни требованіямъ государственной службы и тягла, ни даже общему гражданскому вѣдомству по суду и управленію, принадлежавшими къ особому вѣдомству своей духовной власти. Но это обособленіе никогда не простиралось до того, чтобы между церковнымъ и государственнымъ вѣдомствами пропадало всякое взаимодѣйствіе и связь. Нечего и говорить, что такія крупныя перемѣны въ государственной жизни, какія произвела реформа Петра, [illegible] были отразиться на гражданскомъ положеніи [illegible]го чина самымъ существеннымъ образомъ...

Свобода отъ личныхъ податей и повинностей была всегда признаваема за духовенствомъ на основаніи еще

греко-римскаго права. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду то важное обстоятельство, что эта личная свобода отъ платежей и повинностей имѣла весьма мало значенія въ древней Россіи. Государство не знало тогда поголовной или подушной разкладки своихъ сборовъ и повинностей; единицами обложенія у него были только дворы, выти, обжи, сохи, или промыслы; всякій, кто владѣлъ тяглой землей или занимался тяглымъ промысломъ, и долженъ быть тянуть съ нихъ тягло, платить дань, нести военную повинность или лично, или поставкой извѣстнаго числа воиновъ, оплачивать военныя нужды государства, ставить подводы и кормы для военныхъ и приказныхъ людей. поддерживать дороги и мосты, наконецъ дѣлать городовое дѣло. Всѣмъ этимъ сборамъ и повинностямъ подлежало наряду съ земскими людьми и духовенство, которое, какъ и земскіе люди, тоже жило землей. Такой порядокъ не былъ противенъ греко-римскимъ законамъ, потому что и въ Греціи духовенство съ своихъ недвижимыхъ имѣній несло всѣ означенныя повинности и сборы. Но между положеніемъ греческаго и нашего духовенства образовалась существенная разница. При существованіи въ Греціи личныхъ налоговъ и дани, свобода отъ нихъ давала духовенству видное привиллегированное положеніе, тогда какъ у насъ, при отсутствіи ихъ, духовенство становилось совершенно на одну доску съ тяглыми людьми. Свобода отъ податей и повинностей дѣйствительно давалась только нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ по жалованнымъ грамотамъ, являлась слѣдовательно не правомъ, а пожалованіемъ, милостыней (—„пожаловали есми, дали есми сю милостыню“), пожалованіемъ притомъ же отъ извѣстнаго лица, милостыней того или другаго князя, а не государства, такъ что получивши грамату должны были хлопотать объ утвержденіи каждаго новаго князя или царя. Съ теченіемъ времени жалованныя граматы умножались, привиллегіи дѣлались обычнымъ явленіемъ среди духовенства, но свобода отъ тягла

всего вообще духовнаго чина, какъ привиллегія государственная, такъ и не успѣла выработаться въ теченіе всей древне-русской исторіи. Притомъ же бѣлое духовенство оставалось чуждымъ и этихъ частныхъ пожалованій, большею частію дававшихся монастырямъ. Немногія жалованныя граматы церквамъ среди всей массы жалованныхъ грамотъ монастырямъ составляютъ нѣчто въ родѣ тѣхъ крупицъ отъ трапезы богача, которыми питался бѣдный Лазарь.

Нетяглыми, бѣлыми считались только тѣ земли, состоявшія въ пользованіи духовенства, которыя составляли церковную вотчину или были приписаны къ церквамъ по писцовымъ книгамъ. Но не говоря уже о вотчинныхъ земляхъ, у церквей весьма мало было и земель писцовыхъ до самаго конца XVII в., когда при царѣ Ѳеодорѣ, во время общаго межеванья земель, постарались снабдить землями, какъ можно, большее число церквей. Большинство причтовъ содержалось землями, которыя отводились имъ приходскими общинами, или помѣщиками. Но эти земли отводились не въ собственность церкви, а только въ пользованіе причтамъ, поэтому нисколько не измѣняли своего прежняго характера, оставались попрежнему или въ государевомъ, или во владѣльческомъ тяглѣ, затягивали въ это тягло и тѣхъ, кто ими пользовался. Отъ этого мы постоянно видимъ духовенство участвующимъ во всѣхъ мірскихъ разметахъ и разрубахъ общинъ черныхъ, а равно и въ платежахъ владѣльцу въ общинахъ владѣльческихъ, если только владѣлецъ (наприм. монастырь, или боярин) не давалъ своему причту жалованной граматы. Земли, которыя были собственностію самихъ духовныхъ лицъ, или находились у послѣднихъ въ оборочномъ владѣніи, тоже полагались въ общія обжи и сохи и облагались общими платежами. Нельзя впрочемъ назвать совершенно обѣленною и церковную землю. Съ нея постоянно собирались, такъ называемые, чрезвычайные сборы, наприм. вестные запасы, подводы, стрѣлецкій хлѣбъ, деньги на строеніе крѣ-

постей и т. п. При п. Никонѣ съ церковныхъ земель собирали на войско драгунскихъ лошадей, по одной лошади съ каждыхъ 5 рублей патріаршей дани. Кромѣ того эти земли, наряду съ другими, вкладывались въ сборъ полоняничный (на выкупъ плѣнныхъ) и въ губную повинность (1).

Въ такомъ положеніи застала духовенство реформа Петра. Когда началось извѣстное намъ напряженіе всѣхъ матеріальныхъ силъ страны по случаю тяжкой войны и универсальной перестройки всего государства, его вмѣстѣ съ тяглыми людьми должно было раздѣлять и все бѣлое духовенство, владѣвшее тяглыми землями. Въ 1721 г. новгородскій архіепископъ Ѳеодосій писалъ наприм. такое донесеніе св. Синоду: „въ новогородской епархіи обрѣтаются многія такія церкви, къ которымъ собственныхъ церковныхъ земель въ писцовыхъ книгахъ не написано и отъ приходскихъ людей во владѣнье не опредѣлено, отъ чего принуждены они, церковники, получать во владѣнье себѣ для пропитанья своего тяглыя крестьянскія земли, съ которыхъ равно съ крестьяны и подати всякія всегда они платятъ и работы и прочія припадлежности отправляютъ и подводы ставятъ,... и въ томъ имѣютъ многое съ прочими церковники неравенство и перелъ подобными имъ священно-служители, которые церковными землями удовольствованы, немалую терпятъ обиду и несносную носятъ тягость, понеже которые изъ нихъ, за конечною своею скудостію, опредѣленныхъ какихъ податей заплатить и работъ отправить когда не возмогутъ, тѣ и взятіемъ жестокимъ бываютъ озлобляемы, отъ чего нѣкоторые, не возмогши такой тягости понесть, и домовъ своихъ лишаются, и св. церкви приходятъ до запустѣнія“ (2). Отъ сборовъ и

---

(1) Подробн. см. Прав. обозр. 1867 г. февр. «Приходск. дух. на Руси». стр. 181—193.

(2) Описан. синод. архив. I. стр. 138—139.

платежей не спасали теперь и старыя жалованныя граматы, потерявшія всякую силу съ самаго начала XVIII столѣтія. Поземельные сборы требовались съ такою настойчивостію, что наприм. въ 1721 г. въ Москвѣ оказалась въ обыкновенномъ поземельномъ окладѣ даже одна церковь за свое церковное мѣсто и притомъ еще съ 1712 г. Она была выстроена на землѣ оброчной, изъ этой же оброчной земли отмежеваны были къ ней мѣста подъ кладбище и подъ дворы причта. Губернаторъ Ромодановскій сложилъ было съ нея весь оброкъ, кромѣ мостовыхъ денегъ, но въ 1714 г. другой губернаторъ Салтыковъ опять потребовалъ съ нея всѣхъ оброчныхъ денегъ. Наконецъ въ 1721 г. прихожане съ причтомъ подали челобитную о сложеніи оброка съ ихъ церкви. Но и по этой челобитной камеръ-коллегія рѣшила не брать оброка только съ мѣста, занимаго самою церковью и кладбищемъ, а съ мѣстъ подъ дворами причта указала брать оброкъ попрежнему (1).

Кромѣ прежнихъ платежей, духовенство подверглось еще многимъ новымъ платежамъ и повинностямъ. Съ 1704 г. оно должно было поступиться въ пользу государства очень важнымъ источникомъ своего содержанія—нѣкоторыми угодьями, которыя объявлены были теперь оброчными статьями казны, какъ-то мельницами, рыбными ловлями и пчельниками (2) Въ томъ же 1704 г. явился, такъ называемый, банный оброкъ со всѣхъ частныхъ бань; сначала велѣно было брать съ каждой бани по 5 рублей, но потомъ сборъ этотъ понизился до рубля, а съ 1705 г. до 5 алтынъ въ годъ (3). Около тогоже времени введенъ въ употреб-

---

(1) Опис. син. арх. стр. 57.

(2) П. С. З. IV, 1956. 1958. 1959. 1961. 1966. 2007. 2222 и др.

(3) Тамже, IV, 1951. 1955. 2011. Монаст. прик. Горчакова. стр. 217.

леніе сборъ четвертой части дохода со всѣхъ вообще хозяйственныхъ отдаточныхъ статей, наприм. за отдачу въ наемъ дворовъ и т. п. (1). Небывалые прежде сборы, которымъ подвергнулось духовенство, показались ему очень тяжелыми. „Богъ знаетъ, что у насъ въ царствѣ стало, говорили священники другъ другу. Такія стали подати,—уму не постижно; а теперь и до нашей братьи—священниковъ дошло; начали брать у насъ съ бань, съ пчелъ, съ избъ деньги,—этого наши прадѣды и отцы не знали и не слыхали". Думали даже, что антихристъ народился на землѣ или по крайней мѣрѣ скоро народится (2). Но эти оброчные сборы были еще только началомъ тяжестей.

Шведская война потребовала усиленныхъ платежей съ тяглыхъ людей и огромныхъ наборовъ для усиленія войска. Теряясь въ изобрѣтеніи новыхъ средствъ для удовлетворенія своихъ нуждъ, зорко озирались во всѣ стороны, нельзя ли чего гдѣ взять въ пользу бѣдной казны, нѣтъ ли гдѣ избылыхъ отъ государственной службы, которыхъ бы можно было заставить служить, правительство обратило особенное вниманіе на многочисленный классъ поповичей, церковниковъ, монастырскихъ и архіерейскихъ служителей и нашло ихъ избылыми отъ службы и платежей. Съ 1705 г. начались, какъ мы видѣли, ихъ разборы для опредѣленія въ службу и тягло. Далѣе правительство нашло слишкомъ многочисленнымъ и тяжелымъ для государства даже классъ самихъ священно-служителей, захотѣло и его притянуть къ матеріальной службѣ государству, которая теперь такъ была нужна для государства. Вопросъ прямо сводился на то, обязано ли духовенство военной повинностью въ пользу государства. Среди своихъ военныхъ нуждъ правительство недолго задумывалось надъ этимъ вопросомъ

(1) Тамже, 2150. Описан. синод. арх. I. стр. 65.
(2) Ист. Россіи Соловьева. XVI, 30—31.

и рѣшило его положительно. Забирать въ военную службу дѣтей духовенства и церковниковъ не было никакого препятствія, но заставлять служить въ войскѣ священниковъ и дьяконовъ очевидно было нельзя. И вотъ въ 1707 г. „вмѣсто государственной службы“ установлена была съ священно-служителей подать на войско драгунскими лошадьми (1).

Сборъ драгунскими лошадьми былъ не новостью для духовенства, существовалъ еще при п. Никонѣ; но тогда онъ былъ только временнымъ пожертвованіемъ со стороны духовенства для удовлетворенія чрезвычайной государственной нужды; при Петрѣ онъ явился, какъ постоянная, ежегодная личная повинность священно-служителей вмѣсто личной военной службы. Количество его опредѣлено по величинѣ доходовъ каждаго священно-служителя по соображенію съ числомъ приходскихъ дворовъ; отъ московскихъ священниковъ положено брать по одной лошади цѣною въ 12 рублей съ каждыхъ 150 дворовъ прихода, отъ городскихъ съ 200, а отъ сельскихъ съ 300 дворовъ, при чемъ священникамъ, имѣвшихъ въ приходахъ меньшее число дворовъ, велѣно складываться между собою, уравнивалсь деньгами, но ни въ какомъ случаѣ не дѣлать раскладки на причетниковъ и прихожанъ (2). Вскорѣ эта повинность, по просьбѣ самого духовенства, переложена деньги, при чемъ велѣно сбирать съ священно-служителей по 2 алт. 3 деньги за каждый городской и по 10 ден. за уѣздный дворъ прихода (3). Сборы эти были очень тяжелы для духовенства, такъ что съ самаго же начала ихъ образовалась въ нихъ большая недоимка, собиравшаяся по обычаю съ помощію жестокихъ правежей и возбудившая горькія жалобы. Въ 1708 г. два священника и дьяконъ одной подмонастыр-

(1) П. С. З. IV, 2142.
(2) Тамже, 2154., Монаст. прик. 221.
(3) П. С. З. IV, 2166.

ской свободы Троицкой лавры писали государю: „велѣно съ насъ, богомольцевъ твоихъ, на прошлый 707 годъ по переписнымъ книгамъ доимочныхъ денегъ со многихъ домовъ происку взять по 10 денегъ и стоимъ, государь, на правежѣ другую недѣлю, и бьютъ безъ пощады и правятъ тѣхъ доимочныхъ денегъ 48 рублевъ. И послѣ, государь, переписныхъ книгъ въ приходѣ нашемъ многіе домы опустѣли, потому что по твоему великаго государя указу брапы изъ прихода нашего по вся годы въ драгуны и въ солдаты и въ нарядчики и въ каменьщики и въ плотники и въ лопатники и въ кузнецы, и нынѣ берутъ же, а жены ихъ, покидая домы свои впустѣ, разбрелись врозь и кормятся въ мірѣ Христовымъ именемъ, а иныя солдатскія жены выѣхали въ повозавоеванные городы къ мужемъ своимъ, а иныя у насъ въ приходѣ многіе и не солдатскіе домы стоятъ впустѣ. А которые, государь, у насъ у церкви Божіи и живущіе домы есть, и тѣ всѣ оскудали и обѣдняли,... да у насъ же, государь, у той церкви Божіи памъ богомольцамъ пѣту ни сѣнныхъ покосовъ, ни земли, ни руги, и кормимся приходомъ. А нынѣ намъ у той церкви Божіи кормиться стало нечѣмъ и хлѣбными заѣдными долгами одолжали, и съ тѣхъ драгунскихъ и солдатскихъ пустыхъ дворовъ вышеписанныхъ денегъ платить стало нечѣмъ“. Въ заключеніе они просили избавить ихъ отъ платежа, а недоимку сложить. Правительство съ своей стороны настаивало на бездоимочность платежей и съ 1710 г. поручило взысканіе недоимокъ губернаторамъ. Жалобы еще болѣе усилились. Московское духовенство два раза (1713 и 1714 г.) просило монастырскій приказъ о снятіи драгунскаго сбора; не дождавшись ничего, оно въ 1719 г. подало третью челобитную о томъ же, жалуясь между прочимъ и на то, что сборщики непремѣнно требуютъ денегъ, а лошадей не берутъ; на этотъ разъ челобитная имѣла нѣкоторый успѣхъ, благодаря особенно тому обстоятельству, что въ окладѣ на 1719 г. драгунскій сборъ почему-то не былъ озна-

ченъ; это обстоятельство, на которое съ особенной настойчивостію указывала челобитная, привело въ затрудненіе и монастырскій приказъ и даже Сенатъ,— сборъ драгунскихъ денегъ съ московскаго духовенства отложили до будущаго генеральнаго опредѣленія (1). Но это обидѣло духовенство другихъ мѣстъ; въ 1721 г. костромское духовенство просило св. Синодъ, чтобы драгунскія деньги и съ него также не взыскивались, какъ съ московскаго духовенства, жаловалось на свою всекопечную скудость и задолженіе неискупное, на неспосные сборы съ бань, на сборы полковому духовенству, полоняничные, ямскіе, архіерейскіе. Св. Синодъ опредѣлилъ собрать драгунскія деньги только до 1720, а впредь остановиться этимъ сборомъ до ук между тѣмъ отовсюду собрать свѣдѣнія, гдѣ, съ го времени, по какимъ указамъ и сколько собиралось этого сбора и сколько осталось его въ доимкѣ (2). Требуемыя вѣдомости представлены были уже въ 1723 г. Изъ нихъ узнаемъ, что за три года (1720—1722) въ однихъ московской, петербургской, кіевской, архангельской, воронежской и смоленской губерніяхъ драгунскихъ денегъ съ духовенства слѣдовало собрать по окладу 88,142 р. 30 алт. 5 ден., а въ доимкѣ изъ этой суммы было 81,961 р. 2 алт. 2 ден. Изъ остальныхъ губерній вѣдомости еще не приходили. Св. Синодъ въ первый же годъ своего существованія началъ ходатайствовать о сложеніи разныхъ налоговъ съ священно-служителей, въ томъ числѣ и драгунскаго сбора, но ходатайство его долго оставалось безъ всякаго успѣха. Между тѣмъ въ Россіи введенъ былъ послѣ ревизіи подушный окладъ, по наложеніи котораго правительство обѣщало не производить, кромѣ его, никакихъ другихъ сборовъ. Воспользовавшись этимъ объ-

---

(1) Монаст. прик. 22—25. приложен. 24—25 стр.

(2) Собран. постановл. I. стр. 154—155. Опис. синод. арх. I. стр. 503, 588.

щаніемъ, Синодъ еще болѣе усилилъ свое ходатайство за духовенство. Наконецъ уже въ 1724 г. въ табели окладовъ на слѣдующій 1725 г. противъ статьи о драгунскомъ налогѣ явилась собственноручная отмѣтка государя: не сбирать (1).

Священно-служители должны были нести военную повинность драгунскими лошадьми, церковники и дѣти духовенства несли ее лично. Въ 1705 г., по указу царя командиру драгунскаго полка кн. Волконскому, стоявшему тогда съ полкомъ въ г. Козловѣ, велѣно было учинить во всѣхъ городахъ и уѣздахъ перепись всѣмъ людямъ, состоявшимъ на службѣ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, переписать также поповичей, дьячковъ, пономарей, дѣтей ихъ, родственниковъ и свойственниковъ, и годныхъ изъ нихъ всѣхъ забрать въ солдаты. Послѣ этого начались постоянные наборы по духовному вѣдомству. Негодныхъ къ военной службѣ тогда же велѣно было обложить „за государственную службу“ особымъ сборомъ, который названъ былъ церковническимъ или козловскимъ окладомъ (2). Разборъ произведенъ былъ сначала въ заокскихъ и украинскихъ губерніяхъ; изъ взятыхъ въ военную службу составлено цѣлыхъ 2 драгунскихъ полка и одинъ пѣхотный; на оставшихся за наборомъ положенъ окладъ, на архіерейскихъ дьяковъ по 40—20 р. въ годъ, на подъячихъ по 25—5 р., на поповичей, дьячковъ и всякаго церковнаго причта людей по 1 рублю; велѣно брать по 80 коп. даже съ увѣчныхъ, старыхъ и малыхъ отъ 10 до 20 лѣтъ, а съ малолѣтнихъ ниже 10 лѣтъ — по полтинѣ; кромѣ того несовершеннолѣтніе обязаны были послѣ извѣстнаго срока являться снова къ разбору. Въ теченіе 1706 и 1707 гг. окладъ былъ

---

(1) Монаст. прик. стр. 225—226. Срави. И. С. З. VI, 3854, п. 8. VII, 4220, 4528.

(2) Монаст. прик. 226—227.

введенъ повсемѣстно (1). Духовенство съ самаго же начала подняло горькія жалобы и на этотъ сборъ. Цифра его была не такъ высока (1 рубль), но нужно взять во вниманіе то, что едвали не каждый церковникъ долженъ былъ платить не за одну только свою голову, а вмѣстѣ и за своихъ дѣтей и родственниковъ, жившихъ при немъ безъ самостоятельной должности, а священно-служители, платя за своихъ дѣтей, были еще сами обременены драгунскимъ сборомъ. Въ 1721 г. костромское духовенство въ упомянутой нами челобитной св. Синоду писало: „да съ насъ же, новопоставленныхъ поповъ и діаконовъ (которыхъ изъ церковническаго оклада еще не выключили) правятъ неносные тягостные оклады, вмѣсто солдатства оброчные деньги, а во отпискахъ насъ поповъ и дьяконовъ пишутъ у платежа дьячками и пономарями съ 706 и по сей 721 годъ, такожде и за дѣтей нашихъ правятъ съ насъ же поповъ и дьяконовъ оныя же оброчныя вмѣсто солдатства деньги“. Какъ въ драгунскомъ, такъ и въ козловскомъ платежѣ образовалась недоимка, которая росла годъ отъ году. Въ 1720 г. ея накопилось 33,353 р. 37 коп. въ одномъ патріаршемъ казенномъ приказѣ па 47,083 руб. 65 коп. всей окладной суммы (2). Ходатайствуя о сложеніи съ священнослужителей драгунскаго оклада, св. Синодъ ходатайствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и объ отмѣнѣ козловскаго сбора съ церковниковъ, указывая на то, что большая часть плательщиковъ этого сбора люди скудные, не имѣющіе церковныхъ земель, съ великой нуждою и сами питаются, что сборъ этотъ весьма неуравнителенъ, многосемейнымъ тяжелѣе, чѣмъ малосемейнымъ, да кромѣ того въ иныхъ мѣстахъ и вовсе не положенъ, что наконецъ правительство установило уже по-

---

(1) П. С. З. IV, 2130. Опис. синод. арх. I. стр. 49. 72 и друг.

(2) П. С. З. VII, 4220.

душный окладъ, въ который многіе изъ церковниковъ и записаны. Несмотря на эти представленія, козловскій окладъ былъ сложенъ уже въ концѣ 1724 г. (1).

Съ 1711 г. церковники были притянуты еще къ адмиралтейской повинности. При извѣстной страсти Петра къ морю наборы къ адмиралтейскому дѣлу никакъ не могли миновать духовенства. Въ 1711 г. монастырскому приказу велѣно было набрать въ петербургское адмиралтейство изъ церковниковъ 50 человѣкъ, грамотѣ и писать умѣющихъ, и выслать ихъ въ Санктпетербургъ по именной росписи подъ надзоромъ провожатыхъ; они назначались для обученія разнымъ мастерствамъ по адмиралтейству. Въ 1718 г. встрѣчаемъ даже такого рода распоряженіе: „набрать въ адмиралтейскіе плотники изъ церковническихъ дѣтей 500 человѣкъ, въ томъ числѣ чтобы, сколько возможно, было больше грамотныхъ“, а мѣстоблюстителю патріаршаго престола Стефану Яворскому для вѣдома отписать, „чтобы во всей московской губерніи до окончанія того разбору поповыхъ и дьяконовыхъ и пономаревыхъ и сторожевыхъ и просвирниныхъ и всякихъ церковниковыхъ дѣтей въ духовный чинъ не посвящать до указу“. Стефанъ написалъ на присланномъ ему извѣщеніи: „буди указъ великаго государя непремѣннымъ о томъ, что изъ церковниковъ избирать въ плотники, а что не посвящать въ попы, идѣже самая нужда требуетъ, сему дѣлу нѣсть должно быти“. Съ 1712 по 1720 г. по разнымъ присылкамъ было принято въ адмиралтейство и опредѣлено къ мастерствамъ 836 человѣкъ церковниковъ, но изъ нихъ 524 человѣка бѣжали. Въ 1724 г. адмиралтейская коллегія просила св. Синодъ или отыскать ихъ и воротить изъ бѣговъ, или прислать вмѣсто нихъ новыхъ. Но онъ

(1) Собр. постановл. I. стр. 173. II. С. З. VI, 3854. п. 8. Монаст. прик. стр. 228. О сложеніи оклада въ патріаршей области II. С. З. VII, 4548.

рѣшительно отказался отъ этой коммиссіи на томъ основаніи, что бѣгство этихъ церковниковъ случилось еще между 1712 и 1720 гг., когда и Синода вовсе не было; да и времени съ тѣхъ поръ прошло уже много,—отъ чего этихъ бѣглыхъ до сихъ поръ не разыскивали, о томъ пусть разсудитъ сама адмиралтейская коллегія; что касается до присылки новыхъ церковниковъ, то Синодъ прямо отвѣчалъ, что посылать стало рѣшительно некого, потому что при церквахъ оставлены одни штатные причетники, а остальные забраны уже въ подушный окладъ (1). По всей вѣроятности адмиралтейская повинность съ духовенства послѣ этого прекратилась;—по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ объ ней никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій.

Въ 1720 г. находимъ извѣстіе о наборѣ церковническихъ дѣтей 15—20 лѣтъ по бѣлоозерскому уѣзду къ оружейному и прочимъ дѣламъ на Петровскіе заводы. По поводу этого набора сохранилась жалоба одного священника Григорьева, изъ которой видно, какъ духовенство, кромѣ тяжести самихъ наборовъ, должно было еще терпѣть при нихъ разныя несправедливости отъ наборщиковъ. Григорьевъ жаловался, что у него на заводы взяли двоихъ сыновей, состоявшихъ уже на должностяхъ причетниковъ, каковыхъ брать не было указано, и притомъ бывшихъ въ такомъ уже возрастѣ, что даже младшему было 34 года, держали его, Григорьева, въ тюрьмѣ за то, что не хотѣлъ ихъ представить, а потомъ, когда онъ побрелъ съ Бѣлоозера въ Петербургъ жаловаться, описали въ казну его домъ и всѣ его пожитки (2).

Налагали иногда на церковниковъ и такіе сборы и повинности, которые вовсе не должны были бы ихъ касаться. Наприм. въ 1718 г. съ податныхъ людей назначенъ былъ сборъ на устройство Ладожскаго ка-

---

(1) Моваст. прик. прилож. стр. 38. 136—137.
(2) Опис. синод. арх. I. стр. 422.

нала. Завѣдывавшіе этимъ сборомъ коммиссары и камериры требовали его и съ церковниковъ [1]. Этого мало, вмѣстѣ съ канальными деньгами церковники должны были въ иныхъ мѣстахъ нести разные другіе платежи, которые или стояли въ связи съ канальнымъ сборомъ, или просто только были приравнены къ нему по количеству. Въ 1721 г. нижегородскій епископъ Питиримъ доносилъ св. Синоду, что въ его епархіи канальныхъ денегъ собиралось по 23 алт. 2 ден. съ двора со всѣхъ церковниковъ, пѣвчихъ, дьячковъ, пономарей и просвирницъ; „а потомъ де, писалось въ доношеніи, и другія всякія подати, которыя въ указѣхъ упомипаются,—собрать противъ канальнаго расположенія, всѣ сбираются же и понынѣ, а именно: на прошлый 719 и 720 годъ на покупку провіанта по рублю съ двора, да на покупку къ нынѣшнему году и на поставку генеральнаго провіанта же въ Сапктпетербургъ, въ Ригу и въ прочіе завоеванные города по рублю же, да на покупку жъ и на подрядъ къ военной морскаго флота компаніи къ нынѣшнему жъ году морскаго провіанта и припасовъ по 13 алт. съ деньгою съ двора съ упомянутыхъ церковниковъ опредѣленные отъ государственной камеръ-коллегіи камериры и коммиссары за великимъ правежемъ доправили и нынѣ правятъ же, и другія подати, которыя упоминаются противъ канальнаго расположенія, съ нихъ церковниковъ правятъ всѣ въ равенствѣ... А въ другихъ епархіяхъ такихъ сборовъ съ церковниковъ не сбирается, понеже вышеписанныя канальныя и др. деньги велѣно сбирать съ церковныхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, а не съ нихъ церковниковъ; а они церковники, и кромѣ оныхъ денежныхъ излишнихъ податей, платятъ противъ другихъ епархій церковную дань и козловскій окладъ, съ бань оброчныя деньги, которыхъ бываетъ въ сборѣ не малое же чис-

---

[1]) Тамже, стр. 689.

ло". Въ заключеніе Питиримъ просилъ, чтобы собранныя незаконно деньги были зачтены церковникамъ въ уплату козловскаго и баннаго окладовъ. Св. Синодъ отнесся по этому доношенію въ Сенатъ и требовалъ объ освобожденіи церковниковъ отъ всѣхъ лишнихъ сборовъ. Несмотря на это, канальный сборъ съ церковниковъ продолжался до 1723 г., когда его наконецъ велѣно было прекратить (1).

Въ 1720-хъ годахъ правительство ввело новый способъ раскладки податей и повинностей, не по дворамъ и промысламъ, а по душамъ, и въ первый разъ еще произвело поголовную перепись всѣхъ податныхъ людей, первую ревизію. Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о финансовыхъ отношеніяхъ духовенства къ государству долженъ былъ возникнуть теперь совершенно въ другомъ видѣ и потребовать болѣе яснаго и точнаго рѣшенія, чѣмъ прежде, когда личныхъ податей и повинностей въ государствѣ еще не было. Какъ же рѣшило его правительство? Въ первыхъ указахъ о ревизіи велѣно было писать въ нее и духовенство (бѣлое), при чемъ церковниковъ и всѣхъ дѣтей духовныхъ лицъ записывать вмѣстѣ съ податными людьми, подлежавшими положенію въ подушный окладъ, а священниковъ и дьяконовъ переписать пока на особыхъ реэстрахъ (2),—вопросъ объ нихъ, какъ видится, еще не былъ рѣшенъ окончательно. Почти черезъ годъ послѣ начала переписи духовенства, въ половинѣ 1721 г. военная коллегія потребовала положительнаго отвѣта на него отъ Сената по поводу производившагося тогда расположенія полковъ по душамъ. Посланный для этого расположенія въ Новгородъ и его уѣзды генералъ-майоръ Волковъ спрашивалъ коллегію, класть ли ему по расположенію на полки наряду съ други-

---

(1) Собран. постан. I. стр. 307—310. Монаст. прик. стр. 211.

(2) П. С. З. VI, 3481. 3492. 3657. 3707.

ми душами протопоповъ, поповъ и дьяконовъ, извѣщая при этомъ, что въ данныхъ ему изъ ревизіонной канцеляріи для онаго расположенія сказкахъ такіе чины значились и въ число положены. При слушаніи этого донесенія Сенатъ нашелъ, что священно-служителей вовсе бы не слѣдовало класть въ подушное расположеніе на полки, но все-таки удержался отъ окончательнаго рѣшенія такого важнаго вопроса и положилъ спросить о томъ государя. Военной коллегіи дано знать, чтобы священно-служителей въ расположеніе пока не клали, но дѣтей ихъ и прочихъ церковныхъ служителей съ дѣтьми велѣно было класть наряду съ прочими ревизскими душами (1). Такимъ образомъ свобода отъ подушнаго оклада дарована была только лично священно-служителямъ и то впредь до указа, а всѣ низшіе члены клира и семейства духовенства причислялись къ податному классу.

18 августа 1721 г. св. Синодъ послалъ въ Сенатъ вѣдѣніе, въ которомъ энергично протествовалъ противъ такого рѣшенія. Указывая на свою обязанность „о оныхъ церковникахъ, яко о подчиненныхъ своихъ и въ охраненіе данныхъ, имѣть попеченіе“, св. Синодъ представлялъ Сенату, что дѣти духовенства никакъ не могутъ составлять постояннаго платежнаго класса, потому что изъ ихъ числа постоянно выбываютъ многіе люди въ состоянія свободныя отъ платежей: „когда которыя изъ оныхъ будутъ посвящены въ священно-служители (въ какіе чины, кромѣ церковныхъ причетниковъ и ихъ дѣтей, едва когда иной кто изъ разночинцевъ вступаетъ и мало кто отъ вѣдущихъ недовольства и неудобѣ носимая священства тягости полученія того званія желаетъ), кто тогда оной окладъ будетъ платить? и ежели которыя изъ нихъ опредѣлятся, какъ спрашиваемы бываютъ, въ такія службы, въ которыхъ служители во ономъ окладѣ

(1) П. С. З. VI, 3802.

не заключаются, а особливо какъ взяты будутъ оныя для свойственнаго имъ ученія въ санктпетербургскую семинарію и въ партикулярныя по епархіямъ школы, отъ онаго окладу свободныя, на комъ то положенное число будетъ спрашиваться? въ чемъ и опасеніе есть, дабы неослабные опаго окладу спросы и сборы не коснулись прилучающихся въ тамошнихъ мѣстѣхъ священно-служителей и не напеслося бы отъ того св. церквамъ отягощенія. Также и о причетникахъ церковныхъ... св. правит. Синодъ упоминаетъ, дабы и они, какъ попы и діаконы, были изъ онаго окладу выключены, понеже служители суть св. Церкви, а наипаче многіе или большая часть зѣло скудные, а иные и земель церковныхъ не имѣющіе, которые и питаются съ великою нуждою и не точію такой нуждѣ, но и собственному на нихъ накладу подлежатъ (т. е. козловскому сбору),... отъ чего и тягость имъ не малая есть; и ежели при такой тягости не будутъ они причетники съ дѣтьми своими изъ вышеозначеннаго новорасполагаемаго окладу выключены, то принуждены будутъ нѣкоторые, весьма скудные, и мѣсть своихъ липаться. А на тѣ ихъ мѣста мало будетъ полученія церковнаго причта требователей, отъ чего многія тѣхъ причетниковъ мѣста упразднятся и спрашивать, нежели имать, опаго оклада будетъ не на комъ. И когда собрать положеннаго числа будетъ не съ кого, тогда касаться будетъ Синоду недовольнаго съ команды своей отправленія нареканіе и умножаться станетъ повсегодно на счетъ св. Синода не малая такой доимки сумма, которой и въ платежъ употреблять будетъ не изъ чего". Въ заключеніе св. Синодъ объявлялъ, что онъ нарочно протестуетъ противъ состоявшагося распоряженія заблаговременно, чтобы печальныя послѣдствія, могущія произойти отъ приведенія его въ исполненіе, „св. Синоду не причлись къ умолчанію". 6 сентября государь присутствовалъ въ Сенатѣ и между прочимъ указалъ: „поповъ и дьяконовъ въ разкладку не класть". Но о

церковникахъ и дѣтяхъ духовенства упомянуто не было [1].

Св. Синодъ не оставилъ своего ходатайства и въ ноябрѣ тогоже года обратился съ докладомъ къ самому государю; въ числѣ докладныхъ пунктовъ между прочимъ говорилось: „о поповскихъ и дьяконскихъ дѣтѣхъ и о причетникахъ съ дѣтьми, которые изъ вышняго поголовнаго окладу не выключены, требуется разсмотрительное опредѣленіе, дабы ихъ выключить: понеже за малолѣтнихъ дѣтей и за престарѣлыхъ и увѣчныхъ родителей, которые сами о себѣ промышлять не могутъ, также и за возрастныхъ и здоровыхъ, которые тяглыхъ земель и никакихъ промысловъ не имѣютъ и питаются отъ родителей или отъ дѣтей своихъ, принуждены будутъ платить попы и діаконы, которые, хотя не за себя, но за оныхъ, подлежать будутъ тому платежу подобно крестьянству“; за тѣмъ. повторивъ кратко прежніе резоны изъ представленія Сенату, св. Синодъ писалъ: „а понеже шляхетство, довольныя земли и угодья имѣющее, изъ онаго окладу и съ дѣтьми выключено, того ради и помянутымъ церковникамъ, изъ которыхъ градскіе и никакихъ земель не имѣютъ и весьма скудны суть, такое же выключеніе требуется“. Это сравненіе духовенства съ шляхетствомъ очень выразительно опредѣляетъ мысль св. Синода. Желая приравнять духовенство къ высшему привиллегированному классу, онъ просилъ о сложеніи и другихъ сборовъ съ духовенства, какъ то, канальныхъ и провіантскихъ денегъ, которыми духовенство напрасно отягощалось и приравнивалось къ тяглымъ людямъ. На этомъ докладѣ послѣдовала высочайшая резолюція довольно неутѣшительнаго качества: „довольно поговорить и на примѣръ нѣсколько экземпелевъ учинить къ слушанію“ [2]. Дѣло такимъ

---

[1] Собран. постановл. I. № 153.

[2] Собр. постанов. стр. 300.

образомъ опять откладывалось въ долгій ящикъ. Оно рѣшилось уже въ апрѣлѣ 1722 г. на общей конференціи Синода и Сената, результатомъ которой былъ извѣстный указъ 4 апрѣля; за исключеніемъ церковниковъ, которые не были дѣтьми священно-служителей, всѣ остальные дѣйствительно-служащіе члены причтовъ объявлены были по нему свободными отъ подушнаго оклада вмѣстѣ съ своими семействами и составили съ этого времени привиллегированное наслѣдственное духовное сословіе (1). Св. Синодъ съ своей стороны въ томъ же году опредѣлилъ соборные и приходскіе причты штатами; при этомъ онъ положилъ было освободить отъ оклада и сверхштатныхъ священно-служителей вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми, но вслѣдствіе многочисленности этого сверхштатнаго духовенства распоряженіе о свободѣ отъ оклада дѣтей его было отмѣнено въ слѣдующемъ же году и ихъ велѣно было всѣхъ записывать въ окладъ (2).

Такимъ образомъ введеніе подушнаго оклада, сопровождавшееся въ началѣ большой опасностію для духовенства попасть въ податное состояніе, въ концѣ концовъ способствовало къ болѣе ясному и рѣзкому отдѣленію его отъ податныхъ классовъ. Но мы видѣли, что и послѣ 1722 г. правительство долго не слагало съ духовенства нѣкоторыхъ частныхъ сборовъ, въ родѣ драгунскаго, козловскаго, канальнаго, какъ ни неумѣстны они были послѣ общаго утвержденія свободы духовенства отъ податей. Кромѣ этого, вслѣдствіе строгости и неуступчивости, съ какой правительство стояло за цѣлость своихъ сборовъ по душамъ, въ средѣ духовенства, какъ мы уже замѣчали выше, допущено было существованіе совершенно аномальнаго и противнаго принципу привиллегированности духовнаго чина въ собственномъ смыслѣ податнаго священства, которое при преемникахъ Петра сдѣлалось предме-

---

(1) II. С. З. VI, 3932.
(2) Тамже, 4072. VII, 4186.

томъ многихъ затрудненій и для правительства и для духовной администраціи. Эти священно-служители, вышедшіе изъ крѣпостныхъ людей разныхъ владѣльцевъ, или изъ купеческихъ, мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ, считались по ревизскимъ сказкамъ наряду со всѣми податными душами и одинаково съ послѣдними облагались всѣми податями и повинностями. Нѣкоторыя постановленія правительства заставляли платить за нихъ окладъ выбравшихъ ихъ въ священно-служители помѣщиковъ и общества, но отъ этого сущность дѣла, разумѣется, не измѣнялась,—податное состояніе этихъ священно-служителей не уничтожалось до слѣдующей ревизіи; дѣти ихъ, рожденныя до ихъ посвященія, должны были оставаться въ подушномъ окладѣ и послѣ ревизіи [1].

Кромѣ разныхъ платежей духовенство и послѣ освобожденія отъ податнаго состоянія должно было нести нѣкоторыя тяглыя повинности. Такъ, его дома были обложены постойной повинностью на полки; она была снята уже въ 1724 г., по крайней мѣрѣ съ тѣхъ домовъ, въ которыхъ жили сами священно-служители, потому что, говорилось въ указѣ, „во время отправленія правила къ священно-служенію такому постою быть не прилично“ [2]. Послѣ новаго устройства полиціи при Петрѣ священно-и-церковно-служители обязаны были полицейской повинностью, требовавшей отъ нихъ исполненія такихъ обязанностей, которыя были совершенно несовмѣстны съ ихъ службою и званіемъ, наприм. въ городахъ ходить на караулы къ рогаткамъ, являться на пожары, дежурить на съѣзжихъ дворахъ и въ домахъ офицеровъ для посылокъ къ колодникамъ и для работъ [3]. Вскорѣ послѣ смерти Петра въ по-

---

(1) П. С. З. VII, 4802. 5202. VIII, 5264. 5432.
(2) Также, VII, 4571. 4579.
(3) Также, IX, 6957. XI, 8546.

лбрѣ 1726 г. московское духовенство входило прошеніемъ въ московскую дикастерію, въ которомъ жаловалось на крайнее неудобство полицейской повинности, объявляя, „что московская полицмейстерская канцелярія наряжаетъ ихъ какъ въ ночное, такъ и въ денное время на караулы къ рогаткамъ; а кромѣ того они должны являться съ пожарными орудіями на пожары и исполнять обязаны вкупѣ съ гражданствомъ [illegible] лицмейстерской инструкціи всѣ другія полиц[illegible] занности; потому въ служеніяхъ во св. Божіи[illegible] вахъ и въ мірскихъ требахъ бываетъ не без[illegible] новки; и какъ военный артикулъ запрещаетъ с[illegible] уловъ отлучаться, то случается, что сущіе въ бо[illegible]взняхъ въ приходахъ умираютъ безъ исповѣди и [illegible]ричащенія, церковники же оставляютъ въ ночномъ времени церкви Божіи безъ всякаго охраненія“. Представивъ это прошеніе въ св. Синодъ, дикастерія присовокупляла отъ себя, что „за назначеніемъ священно-и-церковно-служителей къ рогаточнымъ карауламъ въ бытность поповъ, дьяконовъ и церковниковъ въ карауламъ чинится зазрѣніе духовенству отъ инославныхъ“ (1).

Развитію тяглаго характера духовенства въ государствѣ весьма много содѣйствовало тяглое положеніе его въ отношеніи къ церковной администраціи. При этомъ нужно взять во вниманіе то важное обстоятельство, что съ 1701 г. самое церковное тягло при посредствѣ возстановленнаго тогда монастырскаго приказа едва было совсѣмъ не сдѣлалось тягломъ государственнымъ. Когда монастырскій приказъ принялъ на себя всѣ хозяйственныя операціи архіерейскихъ домовъ и сборъ всѣхъ архіерейскихъ пошлинъ съ тяглаго духовенства, послѣднее по своему тяглу совсѣмъ перешло въ свѣтское вѣдомство. Для сборовъ съ него приказъ назначалъ своихъ свѣтскихъ сборщи-

(1) Истор. моск. епарх. управл. I. 132—133.

ковъ, разныхъ стольниковъ и вѣдомцевъ, которые собирали всякіе сборы и со всѣхъ вообще тяглыхъ людей церковнаго вѣдомства по церковнымъ вотчинамъ. Кромѣ этихъ сборщиковъ, по нѣкоторымъ сборамъ духовенство попало въ вѣдомство губернаторовъ, воеводъ, камерировъ, даже военныхъ людей. Всѣ они, будучи обязаны строгой отвѣтственностію передъ правитель- [illegible] за всякій недоборъ, производили свои сборы [illegible] площаднымъ образомъ, посредствомъ обыч- [illegible] вежей, которые считались тогда самыми луч- [illegible] средствами заставить тяглыхъ людей не укло- [illegible] отъ тягла. Количество сборовъ назначалось самимъ приказомъ, или даже камеръ-коллегіей. Собранныя деньги отсылались въ монастырскій приказъ, камеръ-коллегію, къ воеводамъ и губернаторамъ, въ ингерманландскую канцелярію (козловскій окладъ) и другія государственныя учрежденія, которыя и употребляли ихъ на разныя государственныя нужды (¹). Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ церковные сборы были возвращаемы въ вѣдомство архіереевъ, но назначеніе ихъ оставалось и при этомъ одно и тоже—за исключеніемъ изъ ихъ суммы окладнаго количества на архіерейскій домъ служить для удовлетворенія потребностямъ государственнымъ (²). Измѣнить этого назначенія было нельзя, потому что въ немъ выражалось коренное воззрѣніе правительства на церковныя имущества и доходы; духовной власти оставалось обратить вниманіе только на то, чтобы удержать въ своемъ вѣдомствѣ по крайней мѣрѣ самую процедуру собиранія этихъ сборовъ и такимъ образомъ выручить тяглое духовенство изъ подъ власти свѣтскихъ сборщиковъ.

Первымъ дѣломъ св. Синода по его открытіи былъ докладъ государю о возвращеніи церковныхъ вотчинъ

(¹) Подробн. см. въ книгѣ о. Горчакова Монаст. прик. гл. IV.

(²) П. С. З. IV, 2346. 2415. 2597. 2687.

и сборовъ въ духовное вѣдомство. По утвержденіи этого доклада монастырскій приказъ естественно перешелъ въ вѣдѣніе св. Синода (1). Значеніе приказа, какъ средоточія главнаго управленія всѣми государственными сборами по церковному вѣдомству, осталось тоже, что и прежде; попрежнему государство заявляло ему свои требованія относительно этихъ сборовъ то черезъ Сенатъ, то чрезъ камеръ-коллегію и штатсъ-контору; но въ своей дѣятельности и по отчетности онъ теперь вполнѣ сталъ зависѣть отъ св. Синода (2). Ближайшее управленіе сборами какъ съ церковныхъ вотчинъ, такъ и съ духовенства предоставлено самимъ духовнымъ властямъ. На первыхъ же порахъ св. Синодъ предписалъ архіереямъ, чтобы они съ великимъ поспѣшеніемъ сбирали всякіе окладные и неокладные сборы, доимочные и настоящіе, и которые впрель по указамъ спросятъ, отсылали ихъ по губерніямъ и провинціямъ, куда прежде плачены были на указные сроки, или въ св. Синодъ съ обстоятельными вѣдомостями для отсылки въ камеръ-и штатсъ-коллегіи, и о всѣхъ сборахъ и платежахъ присылали въ св. Синодъ повсемѣсячные рапорты, чтобы случающееся въ епархіяхъ неисправленіе къ Синоду не причиталось; а присылаемыхъ изъ губерній и провинцій камериръ, коммиссаровъ и прочихъ посланныхъ въ вотчины отнюдь не пускать, понеже всѣ тѣ принадлежности, которыя имъ поручались прежде, будутъ отнынѣ отправляться домовыми и монастырскими служителями (3). Но этимъ распоряженіемъ вопросъ о хозяйственномъ управленіи по духовному вѣдомству далеко еще не былъ рѣшенъ. У духовныхъ властей не было ни достаточнаго числа людей для ихъ хозяйственныхъ операцій, ни окладныхъ, доимочныхъ и при-

(1) Также, VI, 3734 п. 4.
(2) Монаст. прик. гл. V. II. С. З. VI, 3734. 4081.
(3) Мон. приказъ. прилож. стр. 58—54.

ходныхъ книгъ для производства сборовъ, и они никакъ не могли тотчасъ взяться за свое хозяйство, а между тѣмъ свѣтскіе чиновники, коммиссары и камериры продолжали хозяйничать по церковному вѣдомству попрежнему и своими злоупотребленіями возбуждали сильныя противъ себя жалобы какъ со стороны церковныхъ крестьянъ, такъ и со стороны тяглаго духовенства.

То изъ той, то изъ другой епархіи по челобитьямъ священно-и-церковно-служителей въ св. Синодъ поступали отъ архіереевъ доношенія, въ которыхъ писалось, что отъ приказныхъ людей, дворянъ и солдатъ духовенству чинятся въ денежныхъ сборахъ многіе убытки, воеводы, коммиссары и земскихъ дѣлъ управители чинятъ священно-служителямъ обиды, берутъ съ нихъ подводы, бьютъ ихъ на правежѣ, держатъ долгое время подъ карауломъ и проч. (1). До чего доходили иногда эти правежи, видно изъ одного доношенія царскаго духовника протопресвитера Тимооея Васильева, изъ котораго узнаемъ, что въ вотчинѣ этого Васильева въ шатскомъ уѣздѣ взятъ былъ однажды на правежъ священникъ Аоанасій и что на этомъ правежѣ солдаты проломили ему голову и убили его до смерти (2). Случалось, что одни и тѣже сборы духовенству приходилось платить два раза, одинъ разъ сборщикамъ монастырскаго приказа и архіереевъ, а въ другой разъ по требованію воеводъ. коммисаровъ и земскихъ дѣлъ управителей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ само духовенство старалось выйти изъ этой невыгодной для него неурядицы и отказывало свѣтскимъ сборщикамъ, ссылаясь на то, что безъ послушнаго указа изъ св. Синода они платить чужимъ сборщикамъ не смѣютъ. По одной жалобѣ на подобное уклоненіе

---

(1) Опис. синод. арх. стр. 225. 357. Мон. прик. прилож. 56—57.

(2) Описан. синод. архив. стр. 491.

отъ сборовъ, поданной въ св. Синодъ тульскими провинціальными властями, св. Синодъ указалъ во всѣ сборы съ духовенства свѣтскимъ сборщикамъ „вступать отнюдь не дерзать, понеже отъ оныхъ синодальной команды подчиннымъ есть не малое озлобленіе“ (1). Но и послѣ этого свѣтскіе сборщики все еще продолжали тревожить духовенство, взыскивая съ него разныя недоимки за прежніе годы большею частію даже по указамъ Сената, который въ этомъ случаѣ прямо шелъ противъ указа синодальнаго. Уже въ концѣ 1723 г. „государь, будучи въ Сенатѣ, указалъ синодскаго вѣдѣнія доимки генералитету въ губерніяхъ и провинціяхъ не править, а отдавать оную къ настоящему нынѣшняго года сбору въ вѣдѣніе синодское и собирать подчиненнымъ того Синоду, чтобы однимъ подданнымъ, будучи въ двухъ правленіяхъ, излишней тягости не было“ (2). Между тѣмъ и монастырскій приказъ подъ вѣдѣніемъ Синода мало помалу устроился и вошелъ въ отправленіе всѣхъ своихъ экономическихъ обязанностей; въ 1724 г. онъ даже совершенно слился съ св. Синодомъ, составивъ при немъ хозяйственное отдѣленіе подъ именемъ камеръ-конторы синодальнаго правительства (3).

Такъ, хотя и невполнѣ, разрѣшенъ былъ вопросъ о свободѣ духовенства отъ государственныхъ податей и повинностей. Относительно другихъ правъ духовенства по состоянію законодательство времени реформы не заключало въ себѣ ничего особенно новаго. Сохранялось давнее запрещеніе духовенству заниматься торгами и промыслами, неприличными духовному званію и влекущими за собою приписку къ податному состоянію, держать лавки, корчмы, курить вино и проч (4).

---

(1) Тамже, I, 418, и Собр. постановл. I. стр. 239—240.
(2) Монаст. прик. стр. 279.
(3) П. С. З. VI, 4082. VII, 4567. 4632.
(4) П. С. З. 412 гл. IV. 442 п. 10. 12. 862. 1654 п. 20.

Въ прежнее время строгость подобныхъ запрещеній простиралась до того, что духовныя лица не могли даже отдавать своихъ домовъ въ наемъ. При Петрѣ священно-и-церковно-служители свободно могли пользоваться доходами своихъ домовъ, которые они имѣли не на церковной землѣ, но при этомъ должны были нести съ такихъ домовъ и обыкновенную постоянную повинность (1). Далѣе, со времени Уложенія всѣмъ духовнымъ лицамъ запрещалось пріобрѣтать себѣ вотчины и держать крѣпостныхъ людей (2). По случаю ревизіи при Петрѣ допущено было важное отступленіе отъ этого закона Уложенія. Во время церковническихъ разборовъ, когда церковниковъ и дѣтей духовенства, взятыхъ во окладъ, велѣно было приписывать къ разнымъ владѣльцамъ, дозволено было по желанію записываться имъ и за священно-служителями на церковныхъ земляхъ. Отношенія священно-служителей къ этимъ записанныхъ за ними лицамъ не были выяснены, но при тогдашнемъ быстромъ развитіи крѣпостнаго права они скоро устроились по готовому образцу отношеній всѣхъ вообще господъ къ ихъ крѣпостнымъ людямъ. При имп. Аннѣ Іоанновнѣ, когда правительство въ первый разъ обратило вниманіе на это уклоненіе отъ Уложенія, распоряженіе Петра объясняли тѣмъ, что церковниковъ велѣно было приписывать собственно къ церковной землѣ, а не къ личности того или другаго священно-служителя съ предоставленіемъ послѣднему владѣльческихъ правъ въ отношеніи къ нимъ (3). Такова ли была дѣйствительно мысль Петра, или нѣтъ, положительно сказать не можемъ. Владѣніе крѣпостными людьми и населенными имѣніями безспорно признавалось за тѣми священно-служителями, которые, какъ наприм. многіе священники югозападныхъ при-

(1) Тамже, VII, 4571. 4579.
(2) Уложен. XX, ст. 104.
(3) П. С. З. VIII, 5944.

ходовъ, были дворянскаго происхожденія или получали во владѣніе вотчины по пожалованію; такъ наприм. мы сейчасъ видѣли, что у царскаго духовника Тимоѳея Васильева было село въ шацкомъ уѣздѣ.

Реформа принесла съ собою весьма важныя опредѣленія и относительно правъ духовенства по суду. Вопросъ объ этихъ правахъ, разсматриваемый съ новой государственной точки зрѣнія, на первыхъ порахъ оказался не менѣе труднымъ для рѣшенія, какъ и вопросъ о мѣрѣ участія духовенства въ государственномъ тяглѣ.

Въ древней Руси принято было общимъ правиломъ, что духовный чинъ подлежитъ суду духовной же власти не только по духовнымъ дѣламъ, но и по возникающимъ въ его средѣ гражданскимъ искамъ, даже, по крайней мѣрѣ до снятія сана и присужденія къ мірскому наказанію, по дѣламъ уголовнымъ. Въ искахъ его съ постороннимъ назначался судъ общій или смѣсный изъ духовныхъ и свѣтскихъ судей; самый искъ такого рода вчинался предъ начальствомъ отвѣтчика. Такимъ образомъ разграниченіе вѣдомствъ между государственнымъ и духовнымъ судомъ произведено было не по предметамъ суда, не по характеру и существу судныхъ дѣлъ,—до такого сознанія о раздѣленіи между Божіимъ и кесаревымъ древнее общество еще не дошло,—а по лицамъ, подлежащимъ суду. Такая точка зрѣнія на разграниченіе между государственнымъ и церковнымъ вѣдомствами проходитъ по всей исторіи древне-русскаго церковнаго права и выдерживается во всѣхъ его памятникахъ, начиная съ княжескихъ церковныхъ уставовъ и оканчивая опредѣленіями послѣднихъ московскихъ соборовъ. Церковные люди выдѣлялись изъ общаго государственнаго строя въ качествѣ какой-то рѣзко обособленной, автономичной корпораціи, въ родѣ особаго церковнаго удѣла, status in statu. Развивавшееся государство не могло долго терпѣть среди себя такого обособленнаго вѣдомства и по мѣрѣ своего развитія все болѣе и болѣе

стремилось пропикнуть своимъ вліяніемъ въ судебно-гражданскую область церковной жизни. Духовенство само помогло ему въ этомъ стремленіи. Тяготясь духовнымъ судомъ, до позднѣйшаго времени державшимся старинной системы кормленія, разныя духовныя лица и корпораціи сами стремились освободиться отъ этого суда и встать въ привиллегированную зависимость отъ самой верховной власти чрезъ такъ называемыя несудимыя граматы. Несмотря на протесты духовныхъ властей, старавшихся уничтожить эти несудимыя граматы, на усердное распространеніе сочиненій „Объ обидящихъ церкви Божіи“, списковъ „Ряда и суда церковнаго“ по установленіямъ древнихъ князей, судъ государевъ захватывалъ все большую и большую область церковнаго вѣдомства; органъ этого государева суда—приказъ большаго дворца получилъ громадное значеніе для духовенства еще въ XVI в., а вмѣстѣ съ нимъ, въ качествѣ его органовъ и по его порученіямъ, развивали свое вліяніе на духовенство и другіе представители мірскаго суда—приказы, воеводы, выборныя городскія власти и т. д. Наконецъ Уложеніе царя Алексѣя сдѣлало первую широкую попытку къ ослабленію судебно-гражданской особности церковнаго вѣдомства, притянувъ его къ общему государственному суду чрезъ вновь устроенный монастырскій приказъ, который по всѣмъ гражданскимъ искамъ сталъ судить всѣхъ людей церковнаго вѣдомства, не исключая и членовъ высшей церковной іерархіи. Но такая крупная реформа, въ самомъ существѣ измѣнявшая привычныя воззрѣнія на подсудность духовенства, была еще не по силамъ древнему обществу, вызвала противъ себя сильный протестъ со стороны духовенства и самого патріарха (Никона), объявлена противной канонамъ и законамъ греческихъ царей и была отмѣнена на соборѣ 1667 года; соборъ опредѣлилъ: „да не вовлачаютъ отнынѣ священниковъ и монаховъ въ мірскія судилища, ниже да судятъ мірскіе люди освященнаго монашескаго чина и всякаго

церковнаго причта, якоже запрещаютъ правила св. апостолъ и св. отецъ". Судъ надъ духовенствомъ даже въ уголовныхъ дѣлахъ предоставленъ былъ духовной власти, а за свѣтской оставлено только исполненіе рѣшеній духовнаго суда. Тоже начало провозглашено было потомъ на соборѣ 1675 г. (1). Это было послѣднее слово древняго законодательства по вопросу о подсудности духовенства, имѣвшее силу до самаго начала XVIII вѣка. Въ то время, когда реформа стучалась уже во всѣ двери, послѣдній русскій патріархъ писалъ свои статьи о святительскихъ судахъ, въ которыхъ подводилъ итогъ всѣмъ опредѣленіямъ прежняго времени и настаивалъ на тойже особности церковнаго судебнаго вѣдомства, которая была провозглашена московскими соборами 1667 и 1675 гг.

Съ 1700 года стали выходить распоряженія, узаконявшія новыя отношенія церковныхъ людей къ государственному суду. Въ концѣ года вышелъ указъ о закрытіи патріаршаго разряда, гдѣ вѣдались между прочимъ иски постороннихъ лицъ на духовныхъ патріаршей области; исковыя дѣла велѣно передать въ приказы, гдѣ кто судомъ вѣдомъ (2). А въ январѣ 1701 г. снова былъ возстановленъ монастырскій приказъ, который и прежде былъ выраженіемъ новыхъ началъ въ разграниченіи между мірскимъ и церковнымъ судомъ. Кругъ его судебной дѣятельности въ указѣ о его возстановленіи опредѣленъ почти буквально словами Уложенія:—принимать отъ постороннихъ людей челобитныя государю на духовенство и всѣхъ вообще людей церковнаго вѣдомства, а послѣднимъ бить челомъ на постороннихъ въ приказахъ, гдѣ кто судомъ вѣдомъ (3). Въ томъ же впрочемъ году духовнымъ лицамъ бывшей

---

(1) А. эксп. IV, № 161. А. ист. V, 167. П. С. З. I, 412. 442. III, 1452.

(2) П. С. З. IV, 1818.

(3) Также, 1829.

патріаршей области дозволено было по искамъ отъ посторонних въ вѣдаться въ патріаршемъ духовномъ приказѣ (1). По всей вѣроятности и въ другихъ епархіяхъ челобитныя на духовенство тоже подавались духовнымъ властямъ. По крайней мѣрѣ въ архивѣ монастырскаго приказа сохранилось только очень небольшое количество жалобъ на духовныхъ лицъ по гражданскимъ дѣламъ (2). Да и самъ приказъ не обращалъ особеннаго вниманія на свою судебно-гражданскую дѣятельность въ отношеніи къ духовенству, будучи весь погруженъ въ свои трудныя хозяйственныя обязанности по церковному вѣдомству. Гораздо замѣтнѣе его судебная дѣятельность по касавшимся духовенства дѣламъ уголовнымъ, въ которыхъ ему принадлежала высшая юрисдикція. Въ наказѣ одному сыщику читаемъ, что если какіе воры оговорятъ духовнаго чина людей, то этихъ послѣднихъ брать подъ арестъ и допрашивать, только не пытать, а писать въ Москву и ждать указа (3). Приказъ большею частію самъ производилъ и слѣдствіе и судъ по уголовнымъ дѣламъ падъ духовенствомъ, при чемъ употреблялъ обычныя на тогдашнихъ допросахъ пытки и приговаривалъ виновныхъ къ обычнымъ наказаніямъ по Уложенію и новоуказнымъ статьямъ. Въ случаѣ надобности снять съ виновнаго санъ, виновный отсылался къ духовной власти „для обнаженія священства“, при чемъ духовная власть исполняла опредѣленіе приказа, иногда не дѣлая подсудимому никакихъ допросовъ съ своей стороны, и по растриженіи снова отсылала его въ приказъ къ розыску или наказанію. Такъ какъ монастырскій приказъ вообще былъ посредникомъ между государствомъ и церковнымъ вѣдомствомъ, то черезъ него для обнаженія священства посылалъ къ духов-

---

(1) Тамже, 1876.
(2) Монаст. прик. стр. 198.
(3) П. С. З. IV, 2310.

нымъ властямъ своихъ колодниковъ и приказъ преображенскій, судившій политическія преступленія; нерѣдко онъ поручалъ монастырскому приказу снимать и самые допросы съ духовенства по политическимъ обвиненіямъ, но самое рѣшеніе дѣлъ и наказаніе по подобнымъ обвиненіямъ всегда предоставлялъ себѣ (1).— Помимо уголовныхъ и политическихъ дѣлъ монастырскій приказъ имѣлъ постоянныя отношенія къ духовенству по самымъ разнообразнымъ дѣламъ, даже чисто церковнымъ. Чрезъ него шли по духовному вѣдомству всѣ правительственныя распоряженія, указы и объявленія; онъ наблюдалъ и за ихъ выполненіемъ. Далѣе, ему принадлежало наблюденіе за дисциплиной по духовному вѣдомству и самый дисциплинарный судъ; такъ наприм. онъ наблюдалъ за бродячими попами и черпецами, ловилъ и наказывалъ ихъ. Все это, разумѣется, сильно развивало власть его въ отношеніи къ духовенству, и онъ самъ постоянно высказывалъ въ своихъ указахъ полное сознаніе этой власти, угрожая духовенству за ослушаніе его распоряженій наказаніями, выражавшими всю обширность его полномочій, наприм. ссылкою, или лишеніемъ сана.—Кромѣ монастырскаго приказа, вслѣдствіе новаго разграниченія дѣлъ духовнаго и мірскаго суда, развивали свою власть надъ духовенствомъ и другія судебныя мѣста и лица, — по уголовнымъ дѣламъ судный приказъ, по разнымъ безпорядкамъ и бродяжничеству полицейскія власти, по дѣламъ политическимъ преображенскій приказъ, наконецъ по дѣламъ относительно разныхъ государственныхъ сборовъ провинціальныя и губернскія начальства. По нѣкоторымъ болѣе важнымъ дѣламъ о взятіи духовныхъ лицъ къ мірскому суду духовному начальству давали знать только „для вѣдома“, даже безъ объявленія самой вины (2).

---

(1) Монаст. прик. 199—200.
(2) П. С. З. IV, 2310. VI, 3632 и др.

Въ 1720 г. монастырскій приказъ былъ на время закрытъ и всѣ дѣла его переданы были въ разныя коллегіи по принадлежности (1). Послѣ этого наступило очень тяжелое время для судебныхъ привиллегій духовенства, продолжавшееся до самаго открытія Синода. Не имѣя общаго судебно-гражданскаго мѣста для суда по искамъ на духовенство, члены послѣдняго были влачимы по разнымъ губернскимъ и провинціальнымъ судамъ. Въ устюжской епархіи всѣ судебныя дѣла, касавшіяся духовенства, кромѣ уголовныхъ, тогда же переданы были въ вѣдомство архіерея, виновныхъ же въ уголовныхъ дѣлахъ и по сборамъ велѣно отсылать къ провинціальнымъ управителямъ съ непремѣннымъ извѣщеніемъ объ этомъ архіерея для вѣдома, „дабы отъ какого насилія духовныхъ чиновъ людямъ церквамъ Божіимъ запустѣнія, а имъ духовнымъ и домовымъ людямъ и крестьянамъ напраснаго раззоренія не было, да и по данной воеводамъ инструкціи всѣхъ подчиненныхъ, выспихъ и низпихъ, шляхетство, посадскихъ, духовныхъ и проч. содержать велѣно по государственнымъ уложеніямъ, уставамъ и даннымъ привиллегіямъ, и стараться, чтобы насилія и грабежа чинено не было“ (2). Но это распоряженіе было только мѣстное и мало имѣло значенія въ практикѣ. Съ открытіемъ св. Синода отъ духовенства со всѣхъ сторонъ пошли къ нему жалобы на насилія и неправды мірскихъ судей и съ его стороны началась настойчивая реакція противъ новаго начала въ разграниченіи свѣтской и церковной подсудности.

Св. Синодъ старался весь судъ надъ духовенствомъ по гражданскимъ дѣламъ сосредоточить въ своихъ рукахъ и опять устроить его по сословному началу, по крайней мѣрѣ насколько это было возможно при новыхъ государственныхъ требованіяхъ. Въ мар-

---

(1) Опис. синод. арх. I. стр. 371—372.
(2) П. С. З. VI, 3632.

тѣ 1721 г. онъ вошелъ докладомъ къ государю: „духовныя персоны до опредѣленія духовнаго правительства по разнымъ, касающимся до нихъ, дѣламъ браны были въ разныя канцеляріи и приказы, а отнынѣ дабы вашего величества всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣно было, что бы до оныхъ духовныхъ персонъ ни касалось по оговорамъ, изслѣдовать о томъ въ духовномъ правительствѣ, доколѣ изъ нихъ до кого не дойдетъ до розыска гражданскаго суда, дабы ипогда безвинные не страдали съ злодѣями въ темницахъ; а ежели какая духовная персона ята будетъ въ явномъ какомъ злодѣйствѣ, о таковыхъ слѣдовать въ гражданскомъ судѣ, токмо для снятія чина посылать въ духовное правительство попрежнему". На этомъ докладѣ послѣдовала высочайшая резолюція такого содержанія: по оговорамъ (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) духовныхъ лицъ судить въ св. Синодѣ, доколѣ не дойдутъ до гражданскаго суда, и не брать ихъ ни въ коллегіи, ни въ другія мѣста; и долженъ каждый челобитчикъ въ злодѣяніи, какъ то, въ брани, бою, кражѣ и т. д. на духовныхъ нигдѣ индѣ бить челомъ, токмо въ Синодѣ, а по исковымъ и тяжебнымъ дѣламъ, къ которымъ сами духовные себя привязали, яко то какая покупка, промыслы, торги и прочее т. п., еже гдѣ опредѣлено всѣмъ, тамъ и на духовныхъ бить челомъ, т. е. въ учрежденныхъ на то свѣтскихъ судахъ (1). Сообразно съ этимъ указомъ св. Синодъ распорядился — по фискальнымъ доносамъ и челобитчиковымъ искамъ, кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ, допрашивать духовенство по епархіямъ въ архіерейскихъ приказахъ, а въ надворный судъ и другія канцеляріи не отсылать безъ полученія на то собственныхъ св. Синода указовъ (2). Даже въ самое страшное судебное мѣсто — преображенскій приказъ

---

(1) Также, 3761. Тоже 4081, VII, 4190.
(2) Опис. синод. арх. I. 423.

государь послалъ указъ, чтобы дьяки его не вступались въ духовное вѣдомство и ничѣмъ до духовнаго чина не касались, ибо тѣ дѣла поручены нынѣ духовной коллегіи; Петру сдѣлалось извѣстно, что приказъ держалъ у себя въ тюрьмѣ нѣсколько поповъ за утайку раскольниковъ и не бывшихъ у исповѣди (1).

Но и послѣ этихъ указовъ дѣйствительное возстановленіе судебныхъ правъ духовной власти надъ духовенствомъ все-таки стоило св. Синоду большихъ усилій. Изъ епархій постоянно поступали къ нему челобитныя на то, что свѣтскіе чиновники вездѣ вторгаются въ суды надъ духовенствомъ. Наприм. Стефанъ Яворскій доносилъ, что въ его епархіи воеводы и земскихъ дѣлъ управители посылали за духовными лицами драгунъ и подъячихъ по челобитчиковымъ дѣламъ и чинили духовному чину [illegible]локиту и раззоренье; тамбовскій ландратъ съ коммиссаромъ и подъячимъ по челобитью поручика Пущина въ житьѣ бѣглыхъ людей захватили одного дьячка и безъ указа митрополита держали его въ тюрьмѣ, вымучили много денегъ и рѣшили дѣло неправо, послѣ чего правежемъ вымучили у него денегъ рублей съ 60 да еще и дворъ его со всякимъ строеніемъ и скотину и всякіе пожитки продали (2). К[illegible]нскій митрополитъ Тихонъ писалъ, что въ его епархіи въ Симбирскѣ, Самарѣ и Сызрани майоръ Лачиновъ и земскихъ дѣлъ судья Нестеровъ, по приказанію астраханскаго губернатора Волынскаго, брали городскихъ и уѣздныхъ священниковъ и церковниковъ по разнымъ искамъ и держали ихъ въ приказахъ за карауломъ и въ цѣпяхъ вопреки указамъ его в—ва (3). Въ сентябрѣ 1721 г. св. Синодъ потребовалъ отъ Сената сатисфакціи за обиды духовенству, о которыхъ писали изъ епархій, и въ тоже время, желая

(1) Собран. постан. I. стр. 33.
(2) Монаст. прик. прилож. стр. 56—57.
(3) Описан. синод. арх. I. 588.

устранить случаи столкновеній духовныхъ лицъ съ свѣтскимъ начальствомъ, издалъ указъ по всему своему вѣдомству, чтобы его подчиненные воздерживались отъ всякихъ ссоръ и самоуправства въ отношеніи къ свѣтскимъ властямъ, обѣщая въ случаѣ обидъ и притѣсненій отъ самихъ этихъ властей защиту отъ себя (1). Но давши такое обѣщаніе, онъ самъ же сознавалъ всю его ненадежность для духовенства и въ одномъ тогда же посланномъ вѣдѣніи Сенату откровенно жаловался на безсиліе своей власти, особенно въ отношеніи къ такому сильному судебному мѣсту, какъ преображенскій приказъ, который, опираясь на свои террористическія полномочія, не разбиралъ никого и ничего; несмотря на то, писалось въ этомъ вѣдѣніи, что учреждена духовная коллегія, которую всѣмъ велѣно имѣть за важное и сильное правительство, несмотря на именной указъ 15 марта по докладнымъ пунктамъ Синода и еще особый указъ въ преображенскую канцелярію, до сихъ поръ „въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ командахъ поступаютъ съ духовными не по указамъ, но зѣло дерзостно“, а именно,—изъ преображенской канцеляріи посланъ былъ въ Новгородъ указъ къ одному лейбъ-гвардіи офицеру о высылкѣ въ ту канцелярію духовныхъ дѣлъ судіи архимандрита Андроника безъ указа св. Синода, и высланъ онъ былъ подъ карауломъ въ такомъ дѣлѣ, которое не такъ преображенской канцеляріи, какъ синодальному разсужденію подлежитъ, потомъ опять отпущенъ, а св. Синоду о томъ ничего не объявлено и тѣмъ учинено именнымъ указамъ и св. прав. Синоду уничтоженіе; къ этому протесту св. Синодъ присовокуплялъ, что и „въ другихъ командахъ по губерніямъ и провинціямъ многія чинятся духовнымъ, т. е. священно-служителямъ и прочимъ синодской команды подчиненнымъ обиды и отягощенія, а именно: поповъ и діаконовъ и прочихъ причетни-

(1) Тамже, 604.

ковъ и подобныхъ имъ не точію въ какихъ важностяхъ, но и въ истцовыхъ искахъ берутъ въ приказы и держатъ подъ карауломъ многое время и наносятъ имъ не малые убытки и озлобленія“ (1). Св. Синодъ имѣлъ прямою своею обязанностію защищать духовныхъ лицъ отъ обидъ; по Регламенту ему велѣно было, „подая помощь обидимому своему брату, посылать отъ себя мужей честныхъ просить скоро управы, гдѣ надлежитъ“ (2). Въ случаѣ суда надъ духовными лицами предъ мірскимъ судомъ у духовной власти давно уже существовало право защищать своихъ подчиненныхъ чрезъ особыхъ депутатовъ; это древнее право было подтверждено и указами Петра: „когда попъ или дьяконъ приличится (къ мірскому суду), то брать отъ архіереевъ по человѣку той епархіи и съ нимъ судить и чинить наказанья, чему будутъ достойны“ (3).

Случаевъ привлеченія духовенства къ мірскому суду при Петрѣ было чрезвычайно много. Нуждаясь въ органахъ, которые бы способствовали проведенію реформы въ народныя массы, правительство наложило на духовенство столько новыхъ разнообразныхъ обязанностей, что духовнымъ лицамъ постоянно приходилось попадаться въ нарушеніи указовъ, за которое назначены были строгія наказанія по гражданскому суду. Не говоримъ уже объ обязанностяхъ духовныхъ лицъ наблюдать въ своихъ приходахъ за раскольниками, за уклоняющимися отъ исповѣди, за бродячими монахами и священно-служителями, за разгласителями суевѣрій и т. п., обязанностяхъ, относящихся главнымъ образомъ къ духовному надзору и благочинію, хотя и здѣсь подъ часъ священникъ являлся органомъ полиціи, наряду съ другими полицейскими сыщиками и дозорщиками, и за нарушеніе этихъ обязанностей

---

(1) Собран. постан. I. стр. 166—167.
(2) Регламент. ч. III, п. 10.
(3) П. С. З. I, № 412, п. 1. 2... VII, 4145 п. 1. 4176.

подвергался тяжкому мірскому суду и наказанію [1]. На духовенство кромѣ того постоянно возлагались разнаго рода уже вовсе недуховныя обязанности для удовлетворенія разныхъ полицейскихъ и административныхъ потребностей государства. Наприм. въ 1704 г. священникамъ велѣно было наблюдать за повивальными бабками, не убиваютъ ли онѣ младенцевъ уродовъ, и доносить о рожденіи этихъ уродовъ монастырскому приказу [2]; въ слѣдующемъ году на священниковъ возложена обязанность доносить подъ опасеніемъ штрафа объ умершихъ отъ родовъ женщинахъ [3]. Во время ревизіи причты обязывались помогать переписчикамъ и поставлены были подъ тяжелую отвѣтственность за каждую утаенную душу; по ревизіонным инструкціямъ за утайку душъ виновнымъ, въ томъ числѣ и духовнымъ особамъ, назначена каторга съ вырѣзаніемъ ноздрей, а если утайка произошла не по страсти, то безъ вырѣзанія ноздрей [4]. Признавая всю важность вѣрныхъ ревизскихъ сказокъ и желая показать правительству „синодское крайнее вспомоществованіе“, св. Синодъ во время повѣрочной переписи душъ въ 1721 г. разослалъ по приходамъ строгій указъ о томъ, чтобы члены приходскихъ причтовъ объявляли ревизорамъ всякую прежде допущенную утайку душъ въ своихъ приходахъ, предупреждая, что за намѣренное умолчаніе объ утайкѣ виновные наказаны будутъ лишеніемъ мѣста, сана и имѣнія и по безпощадномъ на тѣлѣ наказаніи ссылкой въ каторжную работу, „хотя бы кто и въ старости немалой былъ“, а обличителямъ утайки отданы будутъ и имѣнія и, смотря по достоин-

---

(1) Наприм. также V, 3169. 3183. VI, 4022. Прибавл. Регл. о священств. 11. 12. 15—17. 21. и др.

(2) П. С. З. IV, 1964.

(3) Также, 2054.

(4) Также, VI, 3906. VII, 4145. Примѣръ наказанія см. Опис синод. арх. I, стр. 200.

ству, самыя мѣста виновныхъ; при этомъ св. Синодъ заранѣе отстранялъ всякія отговорки со стороны духовенства простотою, невѣдѣніемъ и т. п., „понеже имъ, священникамъ съ причетники, то свидѣтельствованіе и прихожанъ знаніе особливо всѣхъ подручнѣе, въ чемъ они и отрещись не могутъ“ (1). А между тѣмъ попасться въ утайкѣ душъ, при повсюдномъ тогда уклоненіи крестьянъ отъ переписи, было чрезвычайно легко; притомъ же, напуганныя грозными указами, нѣкоторыя духовныя лица были сильно стѣснены въ своемъ содѣйствіи ревизорамъ страхомъ, какъ бы при добросовѣстномъ объявленіи полнаго числа душъ въ приходѣ не подвергнуться бѣдѣ за утайку ихъ во время прежней переписи. Въ 1721 г. одинъ волостной староста галицкой провинціи съ пытки въ ревизіонъ-коллегіи показалъ, что при переписи душъ въ этомъ году міръ призывалъ на сходъ волостнаго священника для приложенія къ правдивой переписи руки, но священникъ не только руки не приложилъ, а еще бранилъ его старосту и грозилъ каторгой; „для чего, говорилъ онъ, вы учинили перепись не противъ прѣжней, которая за ихъ поповыми руками, а написали много лишнихъ душъ? за это и сами пропадете и поповъ погубите“. Послѣ этого перепись была передѣлана по образцу старой съ утайкой и въ дворахъ и въ душахъ. Ревизіонъ-коллегія просила св. Синодъ немедленно выслать означеннаго попа къ розыску въ Петербургъ (2).

Желая сдѣлать духовенство органомъ реформы, правительство втянуло его во всю систему доносовъ, которая считалась тогда лучшей поддержкой указовъ и государственной власти. Образчикомъ такого рода распоряженій можетъ служить распоряженіе, которымъ священники обязывались объявлять преображенскому при-

(1) Собран. постан. I. стр. 105—109.
(2) Описан. синод. арх. I. 414—415.

казу и тайной канцеляріи о сообщенныхъ имъ на исповѣди народныхъ соблазнахъ и злодѣйственныхъ намѣреніяхъ, къ которымъ отнесены: „измѣна или бунтъ на государя или на государство, или злое умышленіе на честь и здравіе государево и на фамилію его царскаго величества“, даже „слова, до высокой его импер. в—ва чести касающіяся или государству вредительныя“. Регламентъ старается доказать, что такое объявленіе нисколько не противорѣчитъ существу исповѣди, что напротивъ духовникъ чрезъ свой донось исполнитъ слова Господни: „аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ... аще же не послушаетъ, повѣждь церкви“, что если Господь повелѣваетъ объявлять церкви о частныхъ обидахъ, то тѣмъ болѣе нужно доносить полиціи о злодѣйственныхъ умышленіяхъ. Каждый священникъ при вступленіи въ свою должность приводился къ присягѣ быть вѣрнымъ государю и обо всемъ доносить, куда слѣдуетъ (1). Но эта самая присяга показываетъ и все недовѣріе правительства къ духовенству. Послѣднее дѣйствительно постоянно попадалось въ числѣ недовольныхъ новыми порядками въ государствѣ. При старинномъ религіозномъ строѣ русской жизни духовенство стояло во главѣ общества; когда старину стали ломать, оно естественно очутилось и во главѣ протестовъ противъ реформы; притомъ же самые эти протесты постоянно носили религіозный характеръ и потому всегда приписывались иниціативѣ духовенства, хотя бы на самомъ дѣлѣ этой иниціативы и не было. Множество духовныхъ лицъ пострадало въ числѣ государственныхъ преступниковъ и во время стрѣлецкихъ бунтовъ, и въ разныхъ другихъ волненіяхъ народныхъ массъ, и въ дѣлѣ царевича Алексѣя и царицы Евдокіи. Въ томъ же указѣ, въ которомъ на священниковъ возлагалась обязанность политическихъ до-

(1) П. С. З. VI, 4012. Прибл. Рег. о свящ. п. 11—12.

посовъ, разсказываются случаи, потверждавшіе подозрительность правительства къ духовенству, наприм. какъ царевичъ Алексѣй признавался своему духовнику, что желаетъ отцу своему смерти, а духовникъ именемъ Божіимъ его разрѣшилъ, сказавъ при этомъ, что и самъ тоже смерти царю желаетъ, какъ въ 1722 г. одинъ злодѣй, попавшійся въ хульныхъ словахъ на царя, показалъ съ розысковъ т. канцеляріи, что объявлялъ тѣ хульныя слова нѣсколькимъ духовникамъ и видѣлъ съ ихъ стороны даже сочувствіе къ себѣ. „Но и въ нынѣшнее время, прибавляетъ указъ, скаредный тогоже злодѣйства образъ, съ великимъ не токмо православнымъ соблазномъ, не и всѣхъ инославныхъ человѣкъ со ужаснымъ удивленіемъ и церкви нашея порокомъ, не на одномъ изъ духовныхъ отцовъ показался".

Время Петра было началомъ тѣхъ жестокихъ политическихъ розысковъ, которые страшной грозой повисли надъ Россіей и мучили ее почти полвѣка. Страшное „слово и дѣло" сдѣлалось вѣрнымъ орудіемъ для мести врагу, промысломъ ябедниковъ, средствомъ затянуть какое-нибудь судное дѣло, подъ которое попадался человѣкъ и т. д. Самъ царь нѣсколько разъ пытался остановить развитіе ябеды и ложныхъ политическихъ доносовъ (1) и не могъ. Язва доносовъ проникла и въ духовенство. Страсть заявлять „слово и дѣло" даже безъ всякихъ основательныхъ къ тому причинъ, по одной враждѣ, или во время пьяной ссоры, достигла здѣсь такого развитія, что св. Синодъ напрасно старался внушать духовенству, чтобы оно удерживалось отъ произношенія „слова и дѣла", толковалъ важность этихъ словъ и то, что ими нельзя заявлять какихъ-нибудь пустыхъ подозрѣній (2).

---

(1) Наприм. П. С. З. 2756. 3143 и друг.
(2) Тамже, VI, 3971.

По политическимъ доносамъ духовенство въ большинствѣ случаевъ прямо подвергалось розыскамъ свѣтскаго суда у воеводъ, губернаторовъ, или въ самой тайной канцеляріи, а къ духовнымъ властямъ присылалось только для снятія сана или даже для исполненія приговора о тѣлесномъ наказаніи, отъ чего духовныя власти поставляемы были въ чрезвычайно странное положеніе. Въ 1721 г. одинъ священникъ тульской провинціи Ѳаддей Семеновъ попался въ томъ, что говорилъ о царскомъ величествѣ непристойныя слова и ругалъ строителя крапивенскаго монастыря, будто у него воровскіе указы. Дѣло было въ томъ, что строитель, вѣдавшій духовенство того округа въ сборахъ и судныхъ дѣлахъ, при сборѣ съ поповъ сказокъ объ исповѣдовавшихся, бралъ съ каждаго попа по рублю; раздраженный этимъ поборомъ, Семеновъ разругалъ все начальство, при чемъ нехорошо помянулъ и царя. По приговору тайной канцеляріи, св. Синодъ наказалъ его нещадно плетьми и за тѣмъ отпустилъ домой на приходъ (1). Особенно часто „слово и дѣло“ пускалось въ ходъ духовными лицами, когда они попадались за что-нибудь подъ судъ своего начальства, во время длинныхъ и мучительныхъ судныхъ процессовъ тогдашняго времени; какъ скоро роковыя слова были произносимы, подсудимый выходилъ уже изъ подъ власти своихъ духовныхъ судей и поспѣшно отсылался къ мѣстной свѣтской власти, или въ тайную канцелярію, откуда возвращался назадъ, или присылался въ Синодъ только для снятія сана, или для исполненія приговора о тѣлесномъ наказаніи (2). Ревность о благѣ государства, большею частію служившая только прикрытіемъ страсти къ доносамъ и желанію выслужиться предъ правительствомъ, порождала иногда такіе придирчивые политическіе процессы, что

(1) Опис. син. арх. I. 290—291.
(2) Тамже, 457—462. 656.

извѣстія объ нихъ можно было бы сочесть басней, грубой клеветой на Петровское время, если бы эти извѣстія не дошли до насъ въ оффиціальныхъ документахъ. Вотъ одинъ изъ дюжинныхъ образчиковъ этого рода. Въ 1721 г. вологодскій воевода Потемкинъ прислалъ въ преображенскій приказъ вологодскаго соборнаго протопопа и протодьякона съ отпиской, въ которой значилось, что протодьяконъ называлъ протопопа измѣнникомъ царскому величеству за то, что де онъ протопопъ не говоритъ въ ектеніяхъ прошенія о плавающихъ и путешествующихъ, слѣдовательно не молитъ Бога о флотѣ, который недавно заведенъ царскимъ величествомъ. На допросахъ протопопъ объяснилъ, что прошенія о плавающихъ онъ не говорилъ по приказанію архіерея, который, по случаю продолжавшагося нѣсколько лѣтъ сряду ненастья, замѣнилъ это прошеніе прошеніемъ о вёдрѣ. По указу государя преображенскій приказъ отослалъ обоихъ арестантовъ для изслѣдованія въ духовный приказъ, который въ свою очередь посадилъ ихъ подъ караулъ и донесъ объ ихъ дѣлѣ св. Синоду. Св. Синодъ потребовалъ объясненія отъ архіерея (Павла). Вотъ объясненіе послѣдняго: „назадъ года съ 3 во время безведрія повелѣвалъ онъ епископъ по чиновнику въ ектеніяхъ просительную ектенію вмѣщать о вёдрѣ, и какъ читана была отъ ключарей и выпеобъявленная ектенія о плавающихъ, и онъ епископъ соборной церкви ключарю Симеону говоритъ тое ектенію о плавающихъ не велѣлъ того ради, что въ чиновникѣ и требникѣ П. Могилы о вмѣщеніи просительной ектеніи о вёдрѣ написано: настоящую ектенію читать до „о плавающихъ“, а потомъ прилагается просительная ектенія, о чемъ есть моленіе, а не ради того, чтобъ по какому вымыслу для противнаго измѣненія; а въ прочія служенія о томъ отъ него епископа запрещенія не было“. Чѣмъ это дѣло кончилось, неизвѣстно, но довольно и того, что человѣкъ долженъ былъ понапрасну проѣхаться изъ Вологды въ Петер-

бургъ въ страшный приказъ, оставивъ свой домъ и свою семью въ ужасномъ безпокойствѣ, натерпѣться большаго страха и ни за что ни про что высидѣть 4 мѣсяца подъ карауломъ, потому что дѣло его, начавшееся въ началѣ октября, кончилось уже въ концѣ января или началѣ февраля слѣдующаго (1722) года (1).

Послѣ дѣлъ политическихъ особенное вниманіе правительства обращено было на преслѣдованіе суевѣрій, ложныхъ чудесъ, видѣній и пророчествъ, которыя среди тогдашней народной оппозиціи [illegible] большею частію носили противоправительственный характеръ, а потому и наказывались совершенно [illegible] ково съ политическими преступленіями (2). Обязан[illegible] искоренять суевѣрія возлагалась правда и на [illegible] ную власть; такъ, Д. Регламентъ поставляетъ [illegible] число первѣйшихъ обязанностей св. Синода, а [illegible] га епископская возлагаетъ ее подъ угрозой извержения изъ сана на всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ (3); но главный судъ надъ виновниками въ распространеніи суевѣрій, въ томъ числѣ и надъ духовными лицами, принадлежалъ преображенской канцеляріи, куда отсылало ихъ и духовное начальство. Священники обязывались объявлять объ открытыхъ имъ на исповѣди народныхъ соблазнахъ и наблюдать въ своихъ приходахъ за появленіемъ всякихъ льстецовъ и пустосвятовъ, обращаясь при этомъ съ доносами или къ епархіальной, или прямо къ гражданской власти (4). Самъ св. Синодъ старался поскорѣе сбыть такихъ преступниковъ съ рукъ отсылкой ихъ въ преображенскую канцелярію, или же, если въ ихъ суевѣріяхъ не замѣчалось никакого политическаго оттѣнка, въ юстицъ-кол-

---

(1) Опис. синод. арх. I. 737—738.
(2) П. С. З. VI, 3963 п. 10.
(3) Реглам. дѣла еписк. п. 8. П. С. З. V, 2985 п. 5.
(4) Прибавл. о священ. п. 11—12. П. С. З. VI, 4012.

легію (¹). Въ епархіяхъ страхъ отвѣтственности по дѣламъ о суевѣріяхъ, опасенія, какъ бы рѣшеніе того или другаго дѣла не показалось высшему начальству слабымъ, побуждали епархіальныхъ судей, какъ можно, дальше отстранять отъ себя подобныя дѣла, или поскорѣе отсылать виновныхъ въ губернскую канцелярію, или даже замять какъ-нибудь самое дѣло; такъ наприм. въ кіевской епархіи въ мѣстечкахъ Голтвѣ и Сорочинцахъ открылись однажды (въ 1724 г.) какія-то [illegible] дѣла, — чтобы не нажить отъ нихъ какой [illegible] консисторія велѣла поскорѣе закопать ихъ опять [illegible] (²). Опасенія подобнаго рода были не напрасны при тогдашнихъ строгостяхъ на счетъ суевѣрій. [illegible] г. одинъ черниговскій священникъ за разглашеніе ложнаго чуда, которому онъ повѣрилъ въ простодушіи, былъ разстриженъ, битъ кнутомъ и сосланъ на галеры; вмѣстѣ съ нимъ биты кнутомъ и нѣсколько свидѣтелей тогоже чуда. Епархіальное начальство, за свою слабость при первоначальномъ изслѣдованіи этого дѣла, подверглось большой непріятности; епископъ Иродіонъ долженъ былъ заплатить штрафъ въ 1000 рублей (³).

Кромѣ дѣлъ политическихъ и по обвиненіямъ въ содѣйствіи суевѣріямъ духовенство подлежало мірскому суду по дѣламъ уголовнымъ. Несмотря на то, что производство первоначальныхъ слѣдствій по этимъ дѣламъ надъ духовными лицами было утверждено за духовною властью еще по указу 15 марта 1721 г., свѣтскіе судьи все еще продолжали забирать по нимъ духовенство безъ сношенія съ духовнымъ начальствомъ; послѣднее узнавало только уже результаты уголовныхъ слѣдствій,

---

(¹) Собр. постан. I. стр. 243—244. Отосланъ въ ю.-коллегію дьячекъ за то, что видѣлъ ночью свѣтъ въ церкви и разгласилъ объ этомъ, и священникъ за то, что не донесъ на него.

(²) Кіевск. епарх. вѣдом. 1862 г. № 14. стр. 478—479.

(³) Руков. для с. паст. 1864 г. т. II. стр. 261.

когда дѣло доходило до снятіи сана съ подсудимыхъ. Въ іюлѣ 1721 г. по поводу донесенія въ св. Синодъ ротмистра Ретькина, приставленнаго къ розыскнымъ дѣламъ въ Твери, о дозволеніи мѣстному епархіальному начальству снять санъ съ одного священника (можайскаго уѣзда), уличеннаго въ пристанодержательствѣ разбойниковъ и дозволеніи разбойнаго промысла двоимъ своимъ сыновьямъ, св. Синодъ издалъ указъ во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ надъ духовенствомъ первоначальное изслѣдованіе вины производить въ архіерейскихъ приказахъ, потомъ въ случаѣ дѣйствительной виновности оговоренныхъ обнажать ихъ отъ свящ. чина и за тѣмъ отсылать къ градскому суду, куда надлежитъ (1). Но случаи уголовнаго сула надъ духовенствомъ безъ участія духовной власти встрѣчаемъ и послѣ этого указа; такъ наприм. въ томъ же году въ бахмутской канцеляріи производилось дѣло о бахмутскомъ протопопѣ Евфиміѣ Михайловѣ, который былъ уличенъ въ обрѣзываніи денегъ; духовной власти объ этомъ дѣлѣ дано было знать уже по окончаніи его для свѣдѣнія (2).

Кромѣ законнаго привлеченія духовенства къ мірскому суду было множество случаевъ незаконнаго вмѣшательства свѣтскихъ властей въ дѣла о духовенствѣ. На притѣсненія этихъ властей духовенство жаловалось своимъ архіереямъ, а архіереи доносили св. Синоду; св. Синодъ писалъ въ Сенатъ протесты, требовалъ сатисфакціи за уничиженіе и презрѣніе своей власти, доказывая, что онъ важное и сильное правительство. Но трудно было бороться съ злоупотребленіями въ юномъ государствѣ, которое было еще мало устроено и въ которомъ дикія силы разныхъ начальствъ имѣли полный просторъ доходить до крайней степени разпузданности въ проявленіяхъ своей власти надъ подчинен-

(1) Собран. постан. I. № 142.
(2) Опис. синод. арх. I. стр. 746.

ными и даже вовсе не подчиненными, а только низшими и менѣе сильными людьми. Какой-нибудь костромской воевода, распоряжаясь духовенствомъ своей провинціи, доходилъ до того, что письменнымъ приказомъ требовалъ себѣ повиновенія, „не взирая и не отговариваясь св. правит. Синодомъ“ (1). Нѣкоторыя изъ сильныхъ людей до того были сильны, что ихъ боялся самъ св. Синодъ и наприм. въ докладѣ 19 ноября 1721 г. считалъ нужнымъ особо доложить государю: „хотя по Уложенью и прочимъ указомъ, которые генерально о всѣхъ безъ всякаго выключенія предложены, и вѣдомо есть, какъ въ какомъ тяжебномъ дѣлѣ надлежитъ судьямъ поступать: однакожъ Синодъ о нѣкоторыхъ, яко отъ общества народнаго изъятыхъ, а именно о знатныхъ и сильныхъ персонахъ, особливаго требуетъ опредѣленія, ежели которыя изъ такихъ,... вступя въ дѣло, станутъ оное своимъ неприходомъ и прочимъ должнаго неисполненіемъ продолжать, и предлагаемое отъ Синода опредѣленіе, яко не сильное и не важное (нѣчто высоко о себѣ мня), презирать и уничижать, какіе тогда съ такими сильными лицы Синоду употреблять поступки и дѣйства“ (2)? Оскорбленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ персонъ производило почти такую же тревогу, какъ политеческое преступленіе. Несмотря на крутую власть Петра, впереди уже ясно была видна грядущая эпоха временщиковъ и фаворитовъ, стоявшихъ выше не только „общества народнаго“, но и самыхъ законовъ.

Въ половинѣ 1721 г. кн. Меншиковъ подалъ св. Синоду такого рода доношеніе: „писалъ ко мнѣ генералъ-поручикъ кн. Трубецкій изъ Нѣжина и притомъ прислалъ мой портретъ, на которомъ написано воровское вымышленное явленіе, которое писалъ мѣст. Будищъ священникъ Данилъ Автонасіевъ, и онаго до-

---

(1) Также, стр. 657.

(2) Отвѣчено: «противъ Сената». П. С. З. VI, 3854 п. 25.

просныя рѣчи, такожъ и упомянутый мой портретъ для разсмотрѣнія при семъ прилагаю, уповая, что ваше святѣйшество изволите разсудить, какія злыя слѣдствія отъ такихъ фальшивыхъ разглашеній происходятъ, и для страху другимъ не изволите оставить онаго священника за такое дерзновеніе, что онъ авторъ такого воровства чрезъ сочиненіе оной копіи послѣдовалъ (sic), пристойнымъ наказаніемъ штрафовать и мнѣ за такое его поруганіе надлежащую сатисфакцію учинить". Св. Синодъ немедленно вызвалъ Автонасіева въ Петербургъ для допроса. Автонасіевъ разсказалъ на допросѣ такую исторію. Прислалъ ему шуринъ—школьникъ изъ Кіева портретъ кн. Меншикова и прибилъ онъ этотъ портретъ на стѣну. Послѣ этого попадья его зашла однажды къ знакомой торговкѣ въ гости и принесла отъ нея листъ съ какими-то нарисованными на немъ знаками. Что это за знаки были, никто порядкомъ растолковать не могъ, говорили только, будто „оные нарисованные знаки были на небѣ", но когда это было и кто это видѣлъ, не знали; почему-то знаки заинтересовали Автонасіева и онъ вздумалъ ихъ срисовать на память, снялъ тутъ же со стѣны листъ съ портретомъ свѣтлѣйшаго князя и на оборотѣ начертилъ ихъ. Потомъ онъ подарилъ этотъ портретъ церковному старостѣ Зубашенку, а староста, какъ самъ онъ наивно сознавался, „во пьянствѣ своемъ того (начертанія знаковъ) не видалъ и держалъ (портретъ) въ домѣ своемъ, не осмотря, спроста обыкновенно, какъ и прочія картины". И висѣлъ бы портретъ свѣтлѣйшаго спокойно, какъ и прочія картины, если бы и въ Малороссіи въ это время не было столько подглядывавшихъ глазъ, проникавшихъ даже и на изнанки картинъ, которыя были наклеены на стѣнахъ убогой хаты какого-нибудь старосты Зубашенка. Знаки усмотрѣли драгуны стоявшаго въ Будищахъ вятскаго полка, донесли объ нихъ и началось дѣло. Св. Синодъ пришелъ въ затрудненіе, какъ бы чище и удобнѣе рѣшить это дѣло. Невинность бѣднаго будищен-

скаго попа была очевидна, но съ другой стороны какъ же его было и оправдать, когда дѣло шло объ обидѣ такой персоны? Положили предоставить рѣшеніе самому Меншикову, пусть самъ назначитъ для себя мѣру сатисфакціи, при чемъ, можетъ быть, расчитывалось и на его великодушіе; вслѣдствіе этого „по приказанію св. Синода того Синода совѣтникъ, школъ и типографіи проректоръ, Ипатскаго монастыря архимандритъ Гавріилъ отправленъ къ свѣтлѣйшему князю, и при немъ посланъ попъ Данила Автонасіевъ, со объявленіемъ отъ Синода таковымъ, что оный попъ за вину его посланъ къ его свѣтлости головою". Такое рѣшеніе и посылка съ объявленіемъ его одного изъ видныхъ членовъ Синода, значеніе котораго нарочно выставлено чрезъ перечисленіе его должностей, вполнѣ удовлетворили свѣтлѣйшаго и заставили его отнестись къ Автонасіеву съ желаннымъ благодушіемъ: его свѣтлость, объявилъ въ Синодѣ Гавріилъ по возвращеніи отъ князя, „изволилъ св. правит. Синодъ благодарить и того попа въ оной его винѣ простилъ". За симъ въ Синодѣ состоялось такого рода окончательное опредѣленіе: „онаго попа Данила къ приходской его церкви уволить попрежнему и о свободномъ его пропускѣ дать пашпортъ и сказать ему указъ съ подпискою, чтобы впредь такихъ (?) непотребностей отнюдь не чинилъ, и о семъ отпущеніи нигдѣ разглагольства не чинилъ того ради, чтобы и другіе такихъ противностей чинить не дерзали, а ежели впредь произносить будетъ, что безъ наказанія за оныя противныя учиненныя потребности уволенъ, и въ св. прав. Синодѣ увѣдано будетъ, и за то безъ всякаго произведенія учинено будетъ наказаніе" (1). Отпущеніе произошло безъ плетей, но довольно и того, что Автонасіевъ долженъ былъ выдержать цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ петербургскаго ареста (вызванъ 10 августа, уволенъ

(1) Опис. синод. арх. I., 388—390.

5 марта), разумѣется, въ самой мучительной неизвѣстности касательно своей участи.

Духовной власти трудно было защищать духовенство даже и не отъ такихъ персонъ, какъ Меншиковъ; она не могла справиться и съ менѣе крупными начальствами, разными воеводами и полковыми командирами. И такимъ персонамъ ничего не стоило взять священника подъ арестъ, продержать его нѣсколько времени подъ карауломъ, высѣчь плетьми и т. п. Въ городахъ духовенству приходилось терпѣть отъ городскихъ и военныхъ начальствъ; по селамъ надъ ними самоуправствовали, если не болѣе, то столько же сильныя и безконтрольныя начальства въ лицѣ помѣщиковъ, которые трактовали причты своихъ селъ наравнѣ съ своими мужиками и дѣлали съ ними, что хотѣли. Одинъ наприм. священникъ жаловался архіерею, что помѣщикъ однажды нагрянулъ съ челядью на его домъ піяный, ночью, наговорилъ его женѣ и дочерямъ дѣвкамъ разныхъ скандаловъ, пѣлъ, хотѣлъ съ ними танцовать, въ другой разъ на сѣнокосѣ началъ палить въ нихъ изъ ружей и заставилъ ихъ перепуганныхъ попрятаться въ ближайшемъ лѣсу, а еще разъ зазвалъ его священника къ себѣ и избилъ „мучительски дубиною безвинно“; если бы за вину побилъ, священникъ, можетъ быть, и претензіи бы не заявилъ. Архіерей обратился къ губернской канцеляріи, чтобы уняла помѣщика, но канцелярія не вступилась въ такое пустое дѣло и ограничилась для его очистки канцелярской отпиской, что молъ виновный не сыскань. Послѣ этого архіерей позвалъ помѣщика къ отвѣту въ свой духовный приказъ и послалъ за нимъ своихъ боярскихъ дѣтей, но тотъ и повѣстку архіерейскую изорвалъ, а пословъ пугнулъ батожьемъ, выругалъ и наказалъ имъ, чтобы впередъ не смѣли являться къ нему съ такими повѣстками. Другой священникъ жаловался архіерею, что помѣщикъ, зазвавъ его къ себѣ въ домъ, драль его за волосы, билъ его съ своими людьми чеканами и кистенями и топками топталъ. По осмотрѣ у него найдены

опухоли на головѣ и на груди и 23 раны на ногахъ; въ такомъ положеніи и въ окровавленномъ бѣльѣ жена привезла его въ городъ къ архіерею. Преосвященный, вызвавъ къ себѣ помѣщика, началъ читать ему царскіе указы и доказывать, что наказаніе виновныхъ священно-служителей принадлежатъ имъ архіереямъ, но услыхалъ въ отвѣтъ только грубости и поношенія. Мѣстное гражданское начальство тоже не обратило вниманія и на это дѣло. Архіереи писали о такихъ случаяхъ св. Синоду, жалуясь на самоуправство въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ особенно помѣщиковъ изъ офицеровъ. Св. Синодъ обращался къ Сенату съ требованіями сатисфакціи, но... недаромъ въ тоже время онъ находилъ нужнымъ особыми указами рекомендовать всѣмъ своимъ подчиненнымъ держаться въ отношеніи къ свѣтскимъ начальствамъ умѣреннѣе (¹).

При преемникахъ Петра, по крайней мѣрѣ до царствованія импер. Елизаветы, положеніе духовенства было еще хуже. Ему нечего было и думать тогда о какомъ-нибудь разширеніи своихъ личныхъ и сословныхъ правъ; съ чрезвычайнымъ трудомъ приходилось отстаивать отъ нарушенія и тѣ права, какія за нимъ были признаны указами Петра.

Свобода отъ государственныхъ податей и рекрутской повинности была достаточно утверждена за священно-служителями еще указами 1721 и 1722 годовъ, потомъ подтверждена еще въ 1724 г. Но мы видѣли, что еще при Петрѣ, вслѣдствіе посвященія въ священники и дьяконы разныхъ людей изъ подушнаго оклада, началъ формироваться довольно значительный классъ священно-служителей, состоявшихъ въ податномъ состояніи. Какъ при Петрѣ, такъ и послѣ него они не выключались изъ податнаго оклада и послѣ своего посвященія. Законъ, изданный въ первый годъ царствованія Екатерины I, гласилъ: „церковниковъ,

(¹) Опис. синод. арх. I. стр. 455. 456. 604.

кои остались за опредѣленіемъ и приписаны по ихъ желанію къ помѣщикамъ и къ деревнямъ и положены въ подушный окладъ, а потомъ посвящены въ попы и дьяконы, тѣхъ изъ подушнаго окладу не выключать, а брать съ нихъ подушныя деньги на ряду; а ежели у нихъ есть дѣти, которыя съ ними обще приписаны къ подушному окладу, тѣмъ быть за помѣщики, къ кому приписаны" (1). Вслѣдствіе неоднократныхъ просьбъ со стороны разныхъ городскихъ обществъ о посвященіи изъ купечества и мѣщанства число этихъ податныхъ священно-служителей, какъ мы видѣли, постоянно увеличивалось въ теченіе всего промежутка между первой и второй ревизіями; между тѣмъ Сенатъ твердо и неизмѣнно стоялъ на своемъ постоянномъ требованіи ни въ какомъ случаѣ не допускать изключенія изъ оклада какого бы то ни было лица, которое разъ записано было въ него по ревизіи, чтобы не допустить въ платежѣ подушныхъ денегъ замѣшательства. Подушный окладъ требовался даже съ такихъ священно-служителей, которые поступили въ духовное званіе еще раньше ревизіи, не платили оклада цѣлые десятки лѣтъ, но въ тоже время не были формально и выключены изъ платежа; по какому-нибудь случаю сборщики оклада добирались до нихъ и требовали съ нихъ денегъ за всѣ прежніе годы. Такъ наприм. подобнаго рода случай встрѣчаемъ въ 1734 г. въ иркутской епархіи, гдѣ сборщикъ прапорщикъ Бажановъ требовалъ оклада за нѣсколько лѣтъ съ одного священника г. Якутска. Священникъ показалъ, что онъ служилъ дьячкомъ еще съ 1717 г., а въ 1731 г. получилъ и санъ священника. Ревностный прапорщикъ настаивалъ на своемъ требованіи, ссылаясь на то, что по переписнымъ книгамъ священникъ значился простолюдиномъ, пасынкомъ олекминскаго служилаго человѣка. „Вольно же вамъ такъ меня значить, отговари-

(1) П. С. З. VII, 4802.

вался священникъ, а я уже 20 лѣтъ состою въ духовномъ сословіи". Но такая отговорка не помогла; Бажановъ взялъ его подъ арестъ, подвергнулъ правежу и вымучилъ съ него требуемую сумму. На слѣдующій годъ повторилась таже исторія. На этотъ разъ за священника заступился уже иркутскій архіерей Иннокентій Неруновичъ и пожаловался на сборщика тобольской губернской канцеляріи. Чѣмъ кончилось это дѣло, неизвѣстно. Но очевидно, что съ точки зрѣнія тогдашняго законодательства ревностный сборщикъ имѣлъ на своей сторонѣ сильные резоны къ оправданію своихъ требованій съ пострадавшаго священника (1).

Кромѣ податныхъ священно-служителей, нѣкоторые сборы, оставшіеся еще отъ прежняго времени, должно было платить все вообще духовенство. Такъ, въ теченіе всей первой половины XVIII в. оно должно было платить установленные въ 1704 г. оброчные сборы съ пчельниковъ (2), съ бань и т. д., и попрежнему терпѣло иногда большія притѣсненія со стороны сборщиковъ. Наприм. святитель Иннокентій жаловался губернской канцеляріи на одного сборщика Засухина, что онъ требовалъ съ одного священника банный окслада, несмотря на то, что баня была даже не поповская, а церковная, за которую должны были платить прихожане, засадилъ этого священника подъ арестъ и, когда священникъ протестовалъ противъ такого самовольнаго самоуправства безъ сношенія съ духовнымъ начальствомъ, нехорошо обозвалъ и само духовное начальство (3). При первыхъ преемникахъ Петра, когда началась реакція реформѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осла-

---

(1) Иркутск. епарх. вѣдом. 1869 г. № 15, стр. 187. Такой же примѣръ съ дьякономъ см. 1867 г. № 50.

(2) П. С. З. XX, 14275, п. 24.

(3) Жит. святыхъ, Филар. ноябрь. стр. 457. См. также иркут. епарх. вѣдом. 1863 г. № 42: управл. свят. Иннокентія.

бѣло нѣсколько и страшное напряженіе матеріальныхъ силъ государства, бывшее слѣдствіемъ реформы; духовенство оставалось еще нѣкоторое время сравнительно спокойнымъ отъ сборовъ. Но при Аннѣ Іоанновнѣ, особенно съ началомъ турецкой войны, сборы эти опять налегли на его матеріальное благосостояніе. Неизвѣстно отъ чего, вслѣдствіе ли турецкой войны, или вслѣдствіе извѣстной страсти фаворита Бирона къ лошадямъ, въ это время снова явился знакомый намъ сборъ съ духовенства драгунскими лошадьми. Сначала въ 1733 г. вышелъ указъ собирать этихъ лошадей со всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, у которыхъ есть вотчины, или которыя получаютъ казенное жалованье, по одной лошади съ каждыхъ 370 вотчинныхъ душъ или 370 рублей жалованья, а въ 1736 г.—съ 353 душъ или рублей (1). Потомъ въ томъ же году велѣно произвести сборъ лошадей спеціально съ духовныхъ лицъ, имѣющихъ конскіе заводы, т. е., поясняя указъ, по нѣскольку наприм. до 15 лошадей, взимая по одной лошади съ 5. Это распоряженіе подтверждалось за тѣмъ нѣсколько разъ, при чемъ указы изъявляли большое неудовольствіе на то, что требуемыхъ лошадей присылалось мало. По всей вѣроятности разные ревнители казенныхъ сборовъ сильно прижимали духовенство изъ-за этого лошадинаго сбора, по крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ же году правительство нашло нужнымъ ограничить ихъ усердіе и остановить незаконные поборы; велѣно было удержаться отъ взятія лошадей у тѣхъ поповъ, у которыхъ есть только ѣзжалыя и рабочія лошади и въ количествѣ меньшемъ указнаго, т. е. 15 головъ. Но въ концѣ 1737 г. указано брать отъ 4-хъ одну лошадь, не выключая отсюда ни ѣзжалыхъ, ни рабочихъ (2).

Кромѣ этихъ сборовъ, на духовенствѣ оставались еще старыя полицейскія повинности, которыя оно

---

(1) П. С. З. IX, 6497. 7018.

(2) Также, IX, 7070. 7133. 7138. X, 7205. 7424.

несло при Петрѣ. Мы видѣли, что московское духовенство просило для себя освобожденія отъ этихъ повинностей вскорѣ же послѣ смерти Петра. Но эта просьба осталась тогда безъ всякаго отвѣта. Св. Синодъ рѣшился ходатайствовать по ея содержанію предъ Сенатомъ уже въ 1736 г. Въ отвѣтъ на это ходатайство Сенатъ, примѣнительно къ указамъ (1724 и 1730 гг.) о свободѣ священно-служительскихъ домовъ отъ постоя, указалъ: „священно-и-церковно-служителей какъ въ Москвѣ, такъ и во всей Россіи дневать и ночевать на съѣзжіе дворы и къ офицерамъ въ домы для работъ и посылокъ къ колодникамъ, дабы въ церковной службѣ остановки не было, не спрашивать“; освободить духовенство отъ карауловъ при рогаткахъ и повинности пожарной Сенатъ нашелъ себя не въ правѣ и совѣтовалъ св. Синоду войти объ этомъ предметѣ докладомъ въ кабинетъ императрицы (1). Объ эти повинности оставались на духовенствѣ до царствованія импер. Елизаветы. — Несмотря на указы Петра объ освобожденіи домовъ священно-служителей отъ постоя, въ Малороссіи войска продолжали ставиться въ нихъ попрежнему. Въ 1730 г. Іродіонъ черниговскій прислалъ въ св. Синодъ доношеніе, въ которомъ писалъ, что этотъ постой солдатъ между прочимъ служилъ иногда для военныхъ начальниковъ орудіемъ мести священникамъ. Въ Малороссіи стоялъ тогда отрядъ нѣмецкаго войска, извѣстный подъ именемъ мекленбургскаго корпуса. Начальники этого корпуса, не желая хоронить солдатъ протестантскихъ вѣроисповѣданій за городомъ, самовольно, вопреки настояніямъ духовенства, хоронили ихъ при православныхъ церквахъ, кромѣ того насильно принуждали священниковъ пріобщать св. таинъ недостойныхъ того дѣвокъ, исправлявшихъ при корпусѣ должности полковыхъ женъ; когда священники отказывались испол-

(1) Тамже, IX, 6957.

нять подобнаго рода требованія, командиры ставили въ ихъ домы солдатъ и грозились даже побоями. Св. Синодъ указалъ военной коллегіи прекратить эти безпорядки и притѣсненія духовенству (1). Но малороссійское духовенство продолжало оставаться „противъ великороссійскаго въ немалыхъ тягостяхъ“ до 1740-хъ годовъ. Изъ жалобы бороздинскаго (кіевской епархіи) протопопа Іоанна Дубянскаго Сенату въ 1746 г. видно, что по случаю постоянныхъ переходовъ войскъ по Малороссіи во все время турецкой войны духовенство было крайне обременяемо постоями; солдаты занимали дома священно-служителей по отводу старшинъ и самовольно, брали у духовенства подводы для перевоза разныхъ тяжестей какъ полковыхъ, казенныхъ, такъ и частныхъ, принадлежавшихъ разнымъ полковымъ чинамъ; при этомъ и городовые старшины налагали на духовенство многія „неналежныя тягости мірскія“, хлопцевъ и школьниковъ церковныхъ употребляли въ разныя посылки и поѣздки и т. п. (2).

Права духовенства защищались плохо, за то разныя ограниченія этихъ правъ, выработанныя прежнимъ законодательствомъ, наблюдались весьма строго. Мы видѣли наприм., что при Петрѣ была допущена запись церковниковъ въ окладъ за священно-служителями; отсюда между этими церковниками и священно-служителями съ теченіемъ времени образовались крѣпостныя отношенія, которыя были совершенно противны закону, запрещавшему духовнымъ лицамъ владѣть крѣпостными душами, но которыя въ законодательствѣ Петра въ этомъ случаѣ не были опредѣленно предотвращены ничѣмъ. Въ 1732 г. Сенатъ узналъ, что одинъ серпуховскій священникъ продалъ за 40 рублей навѣчно въ крѣпость четверыхъ записанныхъ за нимъ церковниковъ, и горячо вступился въ это дѣло.

---

(1) П. С. З. VIII, 5560.
(2) Тамже, XII, 9314.

Несмотря на то, что такая продажа допущена была очевидно вслѣдствіе неясности и неопредѣленности Петровскихъ указовъ о приписк‍ѣ церковниковъ къ священно-служителямъ, Сенатъ разразился очень строгими наказаніями и надъ продавцомъ священникомъ и надъ чиновниками крѣпостныхъ дѣлъ конторы, допустившими незаконный крѣпостной актъ; съ священника снятъ былъ свящ. санъ, а чиновники подвергнуты были публичному наказанію палками и отставлены отъ должности. Послѣ этого вышелъ указъ, которымъ подтверждено было, что духовенство не имѣетъ никакого права владѣть крѣпостными душами; „хотя, объяснялось въ немъ, при перепискѣ мужскаго пола душъ такія поповскія дѣти для платежа подушныхъ денегъ за дѣйствительными при церквахъ попами и дьякопами на церковныхъ земляхъ написаны, но только они попы и дьяконы... не наслѣдные оныхъ владѣтели, и указовъ такихъ, чтобы имъ тѣхъ написанныхъ на церковныхъ земляхъ недѣйствительныхъ причетниковъ продавать и закладывать было повольно, не имѣется“ (1). Правительство неблагосклонно смотрѣло даже на то, что право владѣнія заселенными имѣніями оставалось за священно-служителями изъ дворянъ, которыхъ особенно много было въ Малороссіи. Вопросъ объ этомъ предметѣ поднялся при Петрѣ II; въ рѣшеніи его, которое находимъ въ наказныхъ пунктахъ тогдашнему гетману Апостолу, проводится мысль даже о совершенномъ запрещеніи духовенству владѣть поземельною собственностію. „Въ малой Россіи, читаемъ въ 18 п., монастырямъ, попомъ и всякаго духовнаго чина людямъ козачьихъ земель, грунтовъ и никакихъ угодій не покупать и казакамъ и всякаго мірскаго чина людямъ имъ не продавать и не закладывать и въ поминовеніе вкладомъ и никакими сдѣлками не давать“, въ противномъ случаѣ земли эти „отбирать безденеж-

(1) П. С. З. VIII, 5944.

по и отдавать казакамъ наслѣдникамъ тѣхъ имѣній, или кому надлежитъ; понеже и въ великой Россіи о непокупкѣ къ монастырямъ вотчинъ такіе же указы; а кто изъ малороссіянъ похочетъ въ монастыри и къ церквамъ вкладъ дать, и тѣ бъ давали деньгами" (1). При Аннѣ Іоанновнѣ въ 1734 г. на основаніи этого указа узаконено было,—въ случаѣ посвященія въ священно-служители человѣка, владѣвшаго козацкимъ грунтомъ, грунтъ этотъ немедленно отъ него отбирать и отдавать его родственникамъ (2). Но кромѣ козацкихъ грунтовъ, владѣніе которыми было сопряжено съ козацкою службой, поддерживалось запрещеніе духовенству покупать и всякія вообще земли. Въ 1735 г. малороссійское духовенство вмѣстѣ съ своими архіереями подало было просьбу государынѣ объ отмѣнѣ этого запрещенія и о дозволеніи какъ покупать у мірскихъ людей недвижимыя имѣнія, такъ и брать земли на поминъ души; въ прошеніи писалось, что хотя это и запрещено въ резолюціи на докладные пункты 1728 г., но такое запрещеніе незаконно, нарушаетъ древнія постановленія и правила. Императрица осердилась и послала указъ управлявшему тогда Малороссіей кн. Шаховскому, чтобы онъ призвалъ архіереевъ къ себѣ и сдѣлалъ имъ выговоръ, дабы впредь въ прошеніяхъ своихъ такихъ грубыхъ и предосудительныхъ словъ отнюдь не включали. Шаховскій такъ ихъ пугнулъ, что они начали извиняться, говорили, что написали прошеніе простотою своею, впредь такъ писать не будутъ, и просили прощенія. Между тѣмъ, по указу императрицы, Шаховскій долженъ былъ секретно уговаривать старшину, полковниковъ и прочихъ чиновниковъ, чтобы они послали просьбу о неукрѣпленіи мірскихъ земель и угодій за духовенствомъ, а людямъ, сидѣвшимъ тогда за составленіемъ малороссійскаго

---

(1) Тамже, 5324, п. 18.
(2) Тамже, IX, 6614, п. 12. Еще 6724.

уложенія, внушать, какой отъ укрѣпленія земель за духовенствомъ можетъ произойти убытокъ козачеству и интересамъ государственной службы и какъ необходимо внести важный пунктъ о неотчужденіи земель въ пользу духовенства въ уложеніе (1). Тогда же впрочемъ дозволено было примежевывать земли изъ владѣльческихъ дачъ къ церквамъ, не обезпеченнымъ ругою, но съ тѣмъ, чтобы попы не имѣли права ни продавать этихъ земель, ни отдавать, ни мѣнять, и чтобы онѣ числились вѣчно церковными (2). Относительно поземельной собственности духовныхъ лицъ въ Великороссіи въ законодательствѣ не находимъ никакихъ особенныхъ опредѣленій, вѣроятно потому, что эта собственность у здѣшняго духовенства по своей рѣдкости не могла возбуждать никакого вопроса.

Еще труднѣе было духовенству отстаивать свою независимость отъ свѣтскихъ властей, постоянно вторгавшихся въ дѣла духовнаго вѣдомства. Въ первое время послѣ смерти Петра духовныя власти еще довольно смѣло защищали отъ нихъ свои собственныя права, протествовали иногда даже противъ своеволій страшной тайной канцеляріи и требовали сатисфакціи за обиды. Но потомъ съ теченіемъ времени и эти безплодные протесты дѣлаются все рѣже и рѣже. Когда тяжелая рука грознаго царя, державшая всѣхъ сильныхъ людей въ возможныхъ границахъ, отнялась, эти сильные люди свободно предались своему грубому произволу и насиліямъ, потеряли всякую сдержку въ своей разнузданности и настало безотрадное время разныхъ крупныхъ и мелкихъ временщиковъ, государственнаго безнарядья, безправія и тяжкихъ страданій для всего слабаго и подчиненнаго люда. Еще при Екатеринѣ I, когда во главѣ высшей администраціи стоялъ временщикъ Меншиковъ, въ областяхъ воротилось старое время допетровскихъ воеводъ; указомъ 1727 г. весь

(1) Ист. Россіи, т. XX, стр. 320.
(2) П. С. З. IX, 6891 п. 8.

судъ и администрація возложены на воеводъ и губернаторовъ съ уничтоженіемъ всѣхъ ограниченій ихъ власти, выработанныхъ реформой, и такимъ образомъ возстановлена эта страшная централизація всей областной власти въ рукахъ одноличныхъ правителей, которая была причиной столькихъ слезъ и жалобъ разныхъ сиротъ государевыхъ въ древней Руси. При Петрѣ II власть воеводъ и губернаторовъ была еще болѣе усилена и упрочена наказомъ для нихъ 1728 г. Областная администрація въ это время успѣшнѣе, чѣмъ когда-нибудь, вырабатывала эти мрачные типы правителей деспотовъ и самодуровъ, незнавшихъ никакого удержу для своего произвола, которыхъ такъ много попадается въ нашей и старой и новой исторіи. Во всей губерніи была одна только власть равносильная власти губернатора,—власть архіерея, равносильная впрочемъ не столько de facto, сколько de iure, отъ того въ случаѣ нарушенія ея правъ имѣвшая возможность прибѣгать только къ безсильному заявленію этихъ правъ, которое способно было не столько удерживать, сколько еще болѣе раздразнивать произволъ всесильнаго областнаго хозяина, непривыкшаго ни къ какимъ заявленіямъ чьей-либо самостоятельности и къ помѣхамъ его собственному праву. Церковное вѣдомство среди губерніи по своимъ правамъ было, какъ бѣльмо на глазу, для губернатора и воеводъ, было какой-то олицетворенной претензіей на независимость, вѣчной помѣхой поперекъ дороги, по которой разгуливалъ ихъ произволъ, и этимъ самымъ постоянно подмывало ихъ показать свою хозяйственную власть и въ его дѣлахъ. Замѣчательно, что послѣ Петра мы постоянно встрѣчаемъ извѣстія о ссорахъ архіереевъ съ губернаторами и воеводами,—явленіе весьма важное для характеристики эпохи и для исторіи разграниченія двухъ вѣдомствъ.

Въ Кіевѣ наприм. встрѣчаемъ ссору архіепископа Варлаама Вонатовича съ вицегубернаторомъ и кіевскимъ войтомъ, которые и сгубили этого почтеннаго

іерарха, подвелъ его подъ дѣло о неисполненіи вѣрноподданической присяги въ 1730 г. (1). Въ Воронежѣ архіерей Левъ Юрловъ былъ во враждѣ съ вице-губернаторомъ Пашковымъ и другъ на друга писали доносы; Пашковъ тоже подвелъ Льва подъ дѣло о присягѣ. Во Псковѣ возникло длинное дѣло между воеводой кн. Солнцевымъ и епископомъ Варлаамомъ, для разбора котораго въ 1732 г. тайная канцелярія нарочно командировала туда капитана поручика Замыцкаго (2). Одно изъ самыхъ характерныхъ столкновеній этого рода въ началѣ царствованія Анны Іоанновны произошло въ Казани между архіереемъ Сильвестромъ и губернаторомъ А. Волынскимъ. Обѣ эти власти столкнулись между собой по вопросу о судѣ надъ архимандритомъ казанскаго Спасскаго монастыря Іопой Сальникѣевымъ, который былъ обвиненъ архіереемъ въ воровствѣ монастырскихъ денегъ и вещей. Такъ какъ Іона былъ въ немилости у Сильвестра, то слѣдствіе, произведенное по его дѣлу послѣднимъ, было заподозрѣно въ недобросовѣстности и поручено для преслѣдованія Волынскому, покровителю Іоны. Это обстоятельство и послужило поводомъ къ взрыву всѣхъ накопившихся доселѣ неудовольствій между архіереемъ и губернаторомъ. Сильвестръ подалъ въ св. Синодъ рѣзкій доносъ на Волынскаго, въ которомъ выставлялъ его неудержимымъ деспотомъ, мучителемъ, приводившимъ въ ужасъ всю губернію, и даже душегубцемъ, причислялъ разные случаи его вмѣшательства въ дѣла церковнаго вѣдомства, обиды архіерейскому дому, монастырямъ и бѣлому духовенству. Намъ нѣтъ надобности перечислять здѣсь всѣ 38 пунктовъ этой

---

(1) См. объ этомъ въ Труд. к. акад. 1861 г. «Варл. Вонат. и Θеоф. Прокоповичъ».

(2) Θеофанъ Прокоп. Чистовича, стр. 285, 346.

очень хорошо извѣстной челобитной (1); ограничимся краткимъ указаніемъ лишь на тѣ ея пункты, которые непосредственно касаются бѣлаго духовенства. Такъ, между прочимъ въ ней говорилось, какъ однажды у загороднаго губернаторскаго дома, по приказу Волынскаго, солдаты, поймавъ богоявленскаго дьякона и двоихъ дьячковъ, посвященныхъ уже въ стихари, гоняли и стегали ихъ нагихъ прутьями и избили до полусмерти, какъ въ другой разъ губернаторскіе люди избили одного пѣвчаго, потомъ одного семинарскаго авдитора, привели послѣдняго къ губернатору, а губернаторъ еще велѣлъ бить его батожьемъ, какъ губернаторъ велѣлъ сломать находившіеся въ каменномъ городѣ дворы каѳедральнаго протопопа и протодьякона, обременялъ дома всѣхъ церковниковъ постоемъ по 2 человѣка на печь, гонялъ пѣвчихъ и церковниковъ на почтой караулъ къ рогаткамъ даже подъ праздники, пятерыхъ церковниковъ неправильно отдалъ въ солдаты, наконецъ всѣхъ обывателей Казани, въ томъ числѣ и духовенство, заставлялъ въ святки ставить передъ домами столбы съ фонарями, по столбу черезъ каждыя 4 сажени, для своихъ прихотей, и освѣщать улицы и тѣмъ нанесъ духовенству великое раззореніе, вообще ни при одномъ губернаторѣ такихъ раззореній и притѣсненій не бывало, а жаловаться никто не смѣетъ;—всѣ въ страхѣ. Въ заключеніе всего Сильвестръ просилъ св. Синодъ защитить церковное вѣдомство отъ притѣсненій губернатора, защитить и его архіерея, ибо онъ постоянно страшится, какъ-бы губернаторъ не убилъ его и не обругалъ нагло. Вся челобитная написана въ сильно раздражительномъ тонѣ, наполнена преувеличеніями и придирками;—преосвященный нашелъ нужнымъ, кромѣ жалобы на фонарную повинность, помѣстить тутъ даже и такое наприм.

---

(1) Издана въ статьѣ Шишкина о Волынскомъ въ Отеч. зап. 1860 г. кн. 2, также въ Чт. общ. ист. 1862, кн. IV: Матер. для біограф. Волынскаго, и 1868 г. кн III: Дѣло Сальникѣева.

обстоятельство, что по приказу губернатора по городу немалое время однажды ходили съ дубьемъ солдаты и „невѣдомо для чего“ избивали собакъ. Въ своей оправдательной запискѣ Волынскій во многомъ успѣлъ очень удачно защититься отъ поданнаго на него доноса, наприм. о побояхъ дьякону и дьячкамъ объяснилъ, что они, безчинно обнажась, купались въ оз. Кабанѣ и играли между собою передъ самыми губернаторскими окнами въ виду всего его семейства и кромѣ того гостей съ дамами, оттого солдатамъ и велѣно было отогнать этихъ шалуновъ розгами, а были ли они посвящены въ стихарь, видѣть того было нельзя, потому что они были не только безъ стихарей, но и вовсе безъ одежды. При всемъ томъ челобитная Сильвестра все-таки можетъ служить выразительнымъ памятникомъ властелинства знаменитаго губернатора надъ церковнымъ вѣдомствомъ; замѣчательно, что ей вѣрили тогда и члены правительства и даже родственники самого Волынскаго, очень хорошо знавшіе его необузданный нравъ и непобѣдимую привычку давать волю расходившемуся сердцу и рукамъ.

Въ Малороссіи надъ духовенствомъ почти неограниченно господствовали гетманъ, полковники и другіе войсковые чины, не признававшіе надъ собой ни митрополичьей, ни епископской власти. Даже низшая войсковая старшина, разные сотники и вмѣстѣ съ ними бурмистры и войты держали у себя въ полной зависимости и городскіе и сельскіе приходы. Они обирали духовенство своихъ округовъ не хуже иныхъ поповъ-вотчинниковъ; безъ подарковъ сотнику нельзя было и парохіи добиться, потому что сотникъ имѣлъ большое вліяніе на громаду и могъ удобно направлять ея выборъ въ пользу того кандидата, который былъ щедрѣе на подарки. Затѣмъ они постоянно привлекали духовныхъ лицъ подъ свой судъ, сажали ихъ въ тюрьмы, наказывали, чинили попамъ „зла за досить“ и смѣло вступали за это въ борьбу съ самими архіереями, не обращая вниманія даже на отлученіе отъ

церкви, которое иногда разражалось надъ ними изъ каоедры. Высшая старшина была еще страшнѣе для духовенства. Послѣднее обращалось на нее съ жалобами къ гетману; такъ наприм. духовенство прилуцкаго полка жаловалось, что полковникъ ихъ Галаганъ во всемъ обижаетъ поповъ, вмѣстѣ съ старшиной и державцами (помѣщиками), мѣшаетъ имъ пользоваться приходскими доходами, судитъ ихъ и дьяковъ мірскимъ судомъ и проч. Но гетманъ и самъ часто вступался въ церковныя дѣла, кромѣ того находилъ выгоднѣйшимъ для себя держаться стороны полковниковъ, чѣмъ стороны поповъ, да едва ли былъ и въ силахъ унять старшину отъ своевольныхъ поступковъ (1). Столкновеніями своими съ свѣтскими начальствами здѣсь особенно сдѣлался извѣстенъ черниговскій архіерей Иродіонъ Жураковскій. Вотъ одна его грамата (1729 г.), изъ которой можно видѣть, какой произволъ дозволяли себѣ эти власти въ отношеніи къ духовенству. „Зъ нѣкоторыхъ епархіи нашея мѣстецъ донеслося намъ вѣдать, что панове властители мірскіи инныхъ съ духовенства на нѣякихся вѣдомостяхъ подписоватись усиловуютъ, а которые не хотятъ безъ нашего архіерейскаго указу, таковымъ чинятся безчестіе, укореніе и противъ чести разно именуемая досады; индѣ въ духовныя касаются дѣла и понуждаютъ дачею небывалыхъ сборовъ, якіе вновь бывшею малороссійскою коллегіею были положены на монастыри и церкви, а послѣ, по пунктамъ гетмана Б. Хмельницкаго, въ 1727 г. всемилостивѣйшимъ его имп. в—ва указомъ и высочѣ по важнымъ реймептарскимъ ясне-вельможнаго добродѣя его милости пана гетмана универсаломъ отставлены. Сего ради, донелѣ на писанія наши обще отъ всего духовенства до ясневельможнаго милостивую получимъ резолюцію, судили за

---

(1) Очерки изъ быта Малор. въ XVIII в. Р. арх. 1871 г. стр. 1888—1892.

благо предварить во всѣ епархіи нашей мѣста обычными листами съ таковымъ предложеніемъ: первое, аби съ духовенства ни въ жадныхъ дѣлѣхъ, мірскими властьми предъявляемыхъ, не отписавшись до насъ и не получивъ указу, нихто зъ духовенства не подписовалися; второе, входить имъ, мірскимъ властямъ, въ дѣла духовныя не допущать, и буде якое насиліе чинитися начнется, о томъ подлинно и обстоятельно давать намъ вѣдать, почему мы писати мѣемъ до ясневельможнаго; третіе, духовенства въ суды мірскихъ не попущать, ибо если до кого что касатися мѣетъ, то будетъ о томъ писано до насъ отъ ясневельможнаго. Писалисмо, аби имъ до монастырей и церквей жадного не имѣти дѣла". Но всего черезъ мѣсяцъ послѣ этой граматы Иродіонъ опять велѣлъ духовенству платить всѣ сборы, которые будутъ спрашивать сборщики, потому что ясневельможный отвѣчалъ, что отрѣшить этихъ сборовъ не можетъ безъ полученія монаршаго милостиваго указа. Гетманъ Апостолъ сильно сердился на энергичнаго и неуступчиваго архипастыря и нѣсколько разъ посылалъ къ нему укорительныя письма за его безпокойныя требованія и крутыя распоряженія по епархіи. Въ отвѣтъ на эти письма ревнитель церковной самостоятельности отвѣчалъ указаніемъ на незаконныя вмѣшательства въ церковныя дѣла полковой старшины и самого его гетмана, жаловался на то, что старшина и гетманъ постоянно вступаются въ суды падъ духовенствомъ, отбираютъ имѣнія у церквей и монастырей, а между тѣмъ самыя наглыя обиды духовнымъ лицамъ оставляютъ не наказанными (1). До чего простиралась разнузданность полковыхъ начальствъ въ Малороссіи, можно видѣть изъ слѣдующей челобитной Иродіона въ Синодъ на полковника Лизогуба. „Въ допошепіи епархіи моей попа Алексѣя Незридовича написано: ѣздилъ де онъ съ письмомъ изъ кон-

(1) Труд. к. акад. 1860 г. т. II. 252—259.

систору къ Семену Лизогубу въ обидѣ своей просить, чтобъ онъ заграбленные его копи войтомъ Лизогубовымъ ему попу возвратилъ, и когда о возвращеніи грабежа только помянулъ Лизогубу, тогда безъ всякой причины началъ бранить его попа Алексѣя м..., называя блазномъ и скурвымъ сыномъ, злодѣемъ, послѣжде велѣлъ наготовить кіовъ и батожья и принести оные, въ якомъ разѣ два его Лизогуба служители тыя до побою инструмента принесли и, взявъ его попа за руки, распяли и держали распятаго, самъ же онъ Лизогубъ многократно прискаковалъ и порывался съ кулачемъ, хотя бити, но не билъ, плювалъ въ очи и отопѣдъ въ комнаты велѣлъ вести до тюрьмы, но не ведучи только выбить въ шію со двора приказалъ и выбито. Онъ же Лизогубъ моего смиренія называлъ бездѣльникомъ, чортомъ и прескаредными попосилъ словами, и тѣ слова велѣлъ попу, чтобы мнѣ сказывалъ... Неоднократно уже Лизогубомъ предъ паствою поносится имя мое, чрезъ что и во исправленіи церковномъ кого-либо о томъ извѣстнаго наклонити пастырски потрудно, здѣсь же честь архіерейская въ Малой Россіи дешева, и хотя просить, то не у кого. Да онъ же Лизогубъ возбраняетъ роковщини по древнему обычаю на препитаніе давать священникамъ, виновныхъ, къ суду духовному подлежащихъ не выдаетъ людей, посилаетъ вѣнчатися людей своихъ внѣ епархіи моей за границу въ Польшу, иные жъ обвѣнчани и живыхъ имущіе женъ; говорилъ же сіе многимъ людемъ и сіе по нѣкоторымъ дѣламъ: что де вашъ Синодъ? и онъ сице архіерею своему въ силѣ яко не надъ нимъ Синодъ и я не его пастырь. Того ради прошу святѣйшества вашего не мене ради старца, но чести ради архіерейской, въ юрода мѣсто Лизогубомъ безъ зазрѣнія вмѣняемой, и въ прочіихъ церквѣ противныхъ дѣйствіяхъ указъ учинить“ (1).—Раздражен-

(1) Истор. Росс. Соловьев. т. XIX, прилож. 391—392.

ные обличеніями святителя, гетманъ и полковники жаловались на него въ 1730 г. Ѳеофану Прокоповичу, а Прокопивичъ послалъ по этому поводу оскорбительный выговоръ ему же Иродіону. Стало быть, Иродіону нечего было надѣяться на поддержку св. Синода. Потому, хотя св. Синодъ по его жалобамъ и сообщилъ завѣдывавшей Малороссіею коллегіи иностранныхъ дѣлъ, чтобы она предписала гетману не вмѣшиваться въ духовныя дѣла, но какъ скоро гетманъ самъ послалъ въ коллегію жалобу на Иродіона, послѣдній въ полной увѣренности, что непремѣнно проиграетъ, если станетъ судиться съ ясневельможнымъ, тотъ часъ же подалъ въ отставку и былъ отосланъ на покой въ Межигорскій монастырь.

Замѣчательно, что такого рода процессы архіереевъ съ губернаторами и другими начальствами оканчивались обыкновенно гибелью самихъ архіереевъ,—видно, на какой сторонѣ была сила и довѣріе правительства. Весьма замѣчательны также частые случаи ревизій и слѣдствій по епархіямъ, поручавшихся свѣтскимъ лицамъ; къ числу ихъ наприм. относятся и упомянутыя слѣдствія,—одно по дѣлу о ссорѣ псковскаго епископа съ воеводой, другое, порученное Волынскому въ Казани по дѣлу Іоны Сальникѣева. Послѣ подачи Сильвестромъ его челобитной Волынскій уже самъ отъ себя поднялъ по епархіи слѣдствіе о разныхъ злоупотребленіяхъ архіерея въ епархіальномъ управленіи и много содѣйствовалъ паденію этого іерарха, одной изъ жертвъ бироновскаго времени. Вотъ еще довольно выразительной фактъ въ томъ же родѣ. Въ 1729 г. по прошеніямъ на рязанскаго архіерея Гавріила Бужинскаго въ обидахъ, нападкахъ, раззореніямъ и въ прочихъ непорядкахъ для розыска именнымъ указомъ былъ посланъ въ рязанскую епархію генералъ-майоръ Грековъ, къ которому впрочемъ присоединенъ былъ по назначенію отъ св. Синода одинъ архимандритъ въ качествѣ духовнаго слѣдователя; вслѣдствіе этого распоряженія всѣ челобитныя на ар-

хіерея и поступали къ генералъ-майору и архимандриту до самого 1730 г., когда указомъ имп. Анны, согласно съ Д. Регламентомъ повелѣно было по тѣмъ дѣламъ розыскъ г.—майора Грекова удержать, а что до него архіерея будетъ касаться, о томъ разсмотрѣть въ Синодѣ; но въ слѣдующемъ году вышелъ новый указъ уже вовсе несогласный съ Д. Регламентомъ: такъ какъ, говорилось въ немъ, св. Синодъ по просьбѣ челобитчиковъ ничего не учинилъ, а челобитчики отъ того раззоряются и непрестанно просятъ о рѣшеніи ихъ дѣлъ въ Сенатѣ, то у св. Синода опять отобрать эти дѣла, за изключеніемъ только дѣлъ о чисто духовныхъ неисправленіяхъ, и передать для рѣшенія въ другой судъ свѣтскій подъ вѣденіемъ Сената. (1).

„Къ печальнымъ и вреднымъ явленіямъ того времени, говоритъ историкъ петербургской епархіи, принадлежитъ то, что духовная власть, преосвященные архіереи и все священство были уничижаемы противъ другихъ гражданскихъ учрежденій и персонъ, имъ параллельныхъ... Желѣзная рука великаго и мощнаго монарха плотно налегла на голову духовнаго сословія и вѣдомства и весьма надолго отяготила его жизнь, умалила и съузила его благотворное вліяніе и дѣятельность“ (2). Если архіереи, даже самъ св. Синодъ не могли быть увѣрены въ неприкосновенности своихъ правъ, то нечего, разумѣется, и говорить о такихъ мелкихъ людяхъ, какъ священники или дьяконы; ихъ забирали въ свѣтскія команды безъ всякаго сношенія съ духовною властію, распоряжались ими, какъ было угодно, держали подъ арестомъ, сѣкли и т. д. Выразительные факты вмѣшательства свѣтскихъ властей въ духовныя дѣла встрѣчаемъ даже тамъ, гдѣ бы имъ всего менѣе нужно встрѣчаться, такъ сказать—около самаго средоточія всякой правды и закона, около столицъ и въ самыхъ столицахъ; надобно впрочемъ

(1) П. С. З. VШ, 5818.

(2) Историко-стат. опис. спб. епарх. I, стр. 156—157.

замѣтить и то, что политика, давившая духовенство сверху, здѣсь скорѣе всего должна была повліять на свѣтскія власти. Вотъ наприм. какія вещи происходили въ 1730-хъ годахъ въ Кронштадтѣ. Здѣшніе коменданты еще съ 1716 г. брали себѣ весь церковный кружечный и свѣчной сборъ, недавая въ немъ никому никакого отчета. Духовенство молчало до тѣхъ поръ, пока наконецъ церковное зданіе и утварь настоятельно потребовали ремонта. Но на почтительное представленіе о томъ причта отъ коменданта послѣдовалъ рѣшительный отказъ. Опасаясь отвѣтственности за небреженіе о храмѣ отъ своего начальства, причтъ обо всемъ донесъ петербургскому духовному правленію, а это сообщило о донесеніи военному начальству. Но изъ этого не вышло никакого толку, потому что комендантъ не почелъ за нужное даже и отвѣчать на присланные къ нему запросы. Въ 1734 г. комендантъ Соймоновъ потребовалъ къ себѣ на допросъ по какому-то дѣлу кронштадтскаго гарнизоннаго дьякона. Опасаясь обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ непріятностей, дьяконъ съ совѣта протопопа не пошелъ къ коменданту, сославшись въ свое оправданіе на указъ 15 марта 1721 г., по которому духовныхъ особъ не вѣлено было брать въ свѣтскія мѣста безъ сношенія съ Синодомъ. Комендантъ страшно разгнѣвался, послалъ солдатъ прямо въ церковь съ приказомъ сейчасъ же арестовать протопопа и посадить на гауптвахту. Это было какъ разъ подъ праздникъ великомуч. Екатерины (23 ноября), въ который слѣдовало совершать поминовеніе сестры государыниной цесаревны Екатерины Іоанновны. По случаю арестованія протопопа поминовеніе совершено не было. Поставивъ это опущеніе въ вину протопопу, Соймоновъ донесъ объ этомъ злонамѣренно духовному правленію, зная, какъ за такія вещи сѣкли тогда духовныхъ плетьми. И безъ того крайне оскорбленный и униженный протоіерей подведенъ былъ такимъ образомъ еще подъ опасное слѣдствіе, долженъ былъ нѣсколько разъ пропутешествовать изъ Кро-

штадта въ Петербургъ въ духовное правленіе и обратно и натерпѣться серьезныхъ опасностей, потому что этого рода слѣдствія производились тогда чрезвычайно придирчиво и боязливо со стороны духовныхъ властей, которымъ самимъ въ подобныхъ дѣлахъ грозили постоянно бѣды отъ подозрительнаго правительства. Къ счастію невинность обвиненнаго была слишкомъ очевидна и его нельзя было неоправдать, но удовлетворенія за оскорбленіе и клевету онъ все-таки не получилъ. Такая персона, какъ кронштадтскій комендантъ и бригадиръ, даже не была привлечена и къ отвѣту (1).

Особенно много приходилось духовенству терпѣть отъ разнузданности и деспотизма свѣтскихъ начальствъ въ краяхъ отдаленныхъ, гдѣ оно ни откуда уже не могло ждать себѣ защиты и находилось въ полномъ распоряженіи безконтрольныхъ хозяевъ своего округа или области, которые считали всѣхъ людей церковнаго вѣдомства подчиненными себѣ на ряду со всѣми обывателями края (2). Сибирскіе архіереи постоянно получали жалобы отъ подвѣдомственныхъ имъ священно-служителей на тиранство и властелинство воеводъ и разныхъ свѣтскихъ чиновниковъ. „Сего 1733 г. апрѣля 3 дня, писалъ наприм. одинъ священникъ преосв. Иннокентію иркутскому, въ Баргузинску приходилъ ко мнѣ богомольцу вашему ильинскій отставной служилый человѣкъ Холшевниковъ да баргузинскіе служилые люди Малыгинъ и Мюркѣевъ нонною порою и взяли меня богомольца вашего, взломя двери у сѣнишекъ моихъ, и взяли меня въ одной рубашенкѣ и босаго и били меня до крови и, сильно взявъ въ баргузинскую приказную избу нага, и ковали въ желѣза и садили подъ арестъ, невѣдомо за что. А въ указѣ вашего архіерейства не показано, чтобы, кромѣ синодальныхъ, садить насъ богомольцевъ вашихъ подъ государствен-

(1) Ист.-стат. опис. спб. епарх. II, стр. 216—217.
(2) Иркутск. епарх. вѣдом. 1863 г. № 42.

ный арестъ... И оный Холшевниковъ, аки имѣя надо мною какую власть, велитъ мнѣ богомольцу вашему не въ указные дни вѣнчать браки“ и т. д. (1). Архіереи жаловались на подобныя превышенія правъ въ губернскую канцелярію, писали жалобы въ Синодъ, но ничего не могли сдѣлать для облегченія своего вѣдомства. Сильные воеводы нерѣдко заставляли трепетать предъ собою самихъ архіереевъ. Доходило до того, что даже личность святителя не была иногда безопасна отъ самыхъ грубыхъ оскорбленій и даже побой со стороны расходившагося начальника края; такъ, въ 1736 г. вицегубернаторъ Плещеевъ на одномъ обѣдѣ едва не избилъ преосв. Иннокентія Неруновича, такъ что послѣдній долженъ былъ спасаться отъ него бѣгствомъ въ свой архіерейскій домъ (2).

Уже въ концѣ описываемаго времени въ горячую борьбу съ сибирскими начальствами вступилъ знаменитый ревнитель церковныхъ правъ Арсеній Мацѣевичъ, бывшій тогда тобольскимъ митрополитомъ (1741—1742 г.). Въ промеморіяхъ своихъ тобольской губернской канцеляріи онъ рѣзко протестовалъ противъ насилій и продерзостей воеводъ и управителей, которые незаконно захватывали подъ арестъ и подвергали суду священниковъ, дѣйствовавшихъ на миссіонерскомъ поприщѣ, по самымъ неосновательнымъ извѣтамъ со стороны инородцевъ и безъ всякаго сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ. Настаивая на томъ, чтобы духовныхъ лицъ никто не подвергалъ суду въ свѣтской командѣ, за исключеніемъ случаевъ только самыхъ тяжкихъ винъ, и то въ присутствіи духовныхъ депутатовъ, митрополитъ представлялъ, что иначе „священники, видя надъ собой отъ свѣтской команды происки и обиды, а новокрещенымъ въ твердомъ содер-

---

(1) Иркут. епарх. вѣдом. 1865 г. № 19.

(2) Жит. свят. ноябрь, стр. 457. Ирк. епарх. вѣдом. 1868 г. № 4 и 5.

жаніи христіанской вѣры отъ подчиненныхъ свѣтской командѣ управителей послабленіе, не только къ требованію отъ нихъ помощи надежды имѣть не будутъ, но и быть въ волостяхъ за тѣмъ не пожелаютъ". Приходится „имъ для того только одного тамъ быть, чтобъ неповинно всегда претерпѣвать нападки отъ происковъ управителей, которые сами, большую имѣя къ полученію мягкой рухляди склонность, порицаютъ священниковъ; а хотя бъ кто изъ священниковъ, видя крайнюю нужду котораго новокрещеная, и одолжилъ хлѣбомъ по ихъ прошенію взаимъ небольшимъ числомъ, съ которыхъ за тотъ хлѣбъ деньгами за неимуществомъ взять нечего, и то не для торгу, а развѣ мало что на его священническую собственную потребу, а не въ торговлю, понеже по ихъ бѣдности священнической никакого излишества въ имѣніи ихъ не видно, которые едва пропитаніе себѣ имѣютъ; а о ясачныхъ сборщикахъ, которые за сборомъ ясаку отъ свѣтской команды посылаются, извѣстно сибирской губернской канцеляріи, что явилось по слѣдствію въ Сургутѣ... И сіе представляется не для какого на воеводъ нареканія, которые не бѣлками, но цѣлыми мѣхами отбираютъ, и не для защищенія поповъ, которые берутъ на пропитаніе себѣ бѣлочками, но токмо о истинѣ изъявляется, что, вмѣсто помощи, како нынѣ бѣдное священство гонятъ и турбуютъ и изневажатъ, куютъ и бьютъ, яко злодѣевъ, и инстигуютъ безъ мѣры надъ ними, не яко о правдѣ пекущеся, но яко сами, любоимѣнія страстію одержими суще, ищутъ себѣ всякими неправедными вымыслы пріобрѣтенія... Видно есть, что волостныя церкви пустѣютъ и новокрещеные наставленія лишаются не отъ нашего какого архіерейскаго нерадѣнія, но отъ гоненія неразсудныхъ свѣтскихъ командировъ, которые изъ своихъ происковъ не вѣру святую и православіе утверждаютъ, но и пріобрѣтенное духовными пастыри великимъ трудомъ и коштомъ немалымъ и тщаніемъ всеприлежнымъ, чрезъ оное гоненіе священниковъ, которые, какъ выше сказано,

и сами тамо болѣе быть не хотятъ, вовсе тщатся оное великое дѣло изничтожить“ (¹).

Самыми страшными поводами къ привлеченію духовенства къ мірскому суду были, разумѣется, обвиненія въ замыслахъ и преступленіяхъ политическаго характера, которыя нисколько почти не ослабѣвали даже во время реакціи послѣ смерти Петра. Мы видѣли, какъ еще при Петрѣ св. Синодъ протестовалъ противъ того, что преображенскій приказъ, опираясь на свои страшныя полномочія, забиралъ духовныхъ лицъ подъ арестъ безъ всякаго сношенія съ духовною властію. Протестъ его остался безъ результатовъ; настаивать же на своихъ требованіяхъ духовныя власти не смѣли, потому что чрезъ это легко можно было навлечь на себя подозрѣніе въ нерадѣніи о государственномъ интересѣ, подозрѣніе, отъ котораго онѣ всячески старались себя оберегать, выказывая въ преслѣдованіи политическихъ преступниковъ даже нѣкоторое соревнованіе съ самимъ преображенскихъ приказомъ. Примѣръ такого соревнованія обнаружила въ 1727 г. московская дикастерія. Изъ преображенскаго приказа въ нее присланы были тогда одинъ іеромонахъ и священникъ за бездоказательное „слово и дѣло“ съ тѣмъ, чтобы дикастерія наказала ихъ за продерзость плетьми въ присутствіи подъячаго того приказа. Дикастерія исполнила приговоръ добросовѣстно, но въ посланной приказу промеморіи тогда же изъявила претензію, что изъ опредѣленія приказа „не малое имѣется духовной дикастеріи уничтоженіе, понеже оному подъячему при томъ наказаніи якобы равная съ дикастеріею или и наивящшая власть позволена, и безъ него въ томъ наказаніи якобы имѣется отъ онаго приказа поятовѣрность... и по такому опредѣленію духовному правительству якобы находится нѣкакое подозрѣніе“ (²).

(¹) Чтенія 1864 г. IV, смѣсь 29—36: Матер. къ жизнеоп. Арс. Мацѣевича.

(²) Ист. моск. епарх. упр. I, примѣч. 291.

Въ 1729 г. уже само правительство распорядилось, чтобы первоначальное слѣдствіе надъ духовными лицами по политическимъ дѣламъ производилось духовнымъ судомъ, будучи побуждено къ такому распоряженію необыкновеннымъ множествомъ слѣдственныхъ дѣлъ этого рода; а священниковъ и монаховъ, сказывавшихъ за собою слово и дѣло бездоказательно, спроста или пьяна, или въ ссорахъ и дракахъ, также подъ судомъ дозволено было и судить и наказывать однимъ мѣстнымъ духовнымъ властямъ, не списываясь даже съ св. Синодомъ. Но епархіальные архіереи и консисторіи такъ уже были напуганы подозрительностію правительства, что сами отказывались рѣшать подобныя дѣла даже въ самыхъ пустыхъ случаяхъ, и старались, какъ можно, скорѣе сдавать ихъ или въ св. Синодъ или тайную канцелярію. Въ 1729 г. былъ наприм. такой случай въ Кіевѣ. Экономъ Николаевскаго монастыря, пересматривая однажды монастырскій синодикъ, нашелъ его несовсѣмъ исправнымъ, разорвалъ его и велѣлъ послушнику переписать вновь. Такой поступокъ не представлялъ, кажется, ничего противугосударственнаго и противуправительственнаго; но нашлась какая-то изобрѣтательная голова, которая вывела изъ него политическое обвиненіе, опершись на то важное обстоятельство, что въ разорванномъ синодикѣ были написаны между прочимъ имена царскихъ особъ. Несчастный экономъ тотъ часъ же былъ взятъ въ консисторію подъ стражу. Но, держа его въ тюрьмѣ, консисторія и тогдашній архіепископъ Варлаамъ Вонатовичъ сами были въ страшномъ недоумѣніи, въ чемъ его собственно обвинить и что съ нимъ дѣлать. Фактъ былъ на лицо: разорвалъ листъ съ царскими именами и бросилъ его на полъ; но въ зломъ умыслѣ при этомъ человѣкъ запирается, а можетъ быть, у него и былъ такой умыселъ; ни отпустить арестанта, ни обвинить безъ уликъ нельзя. Думали, думали и рѣшили послать дѣло въ Синодъ, — пусть рѣшаетъ, какъ знаетъ; изложивъ дѣло, преосв. Варлаамъ писалъ

въ донесеніи, что самъ онъ „сего такимъ случаемъ учиненнаго дѣла, опасаяся на себе гнѣва и штрафа, съ консисторіею рѣшить не дерзнулъ“ (¹).

Съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны духовныя власти потеряли и то довѣріе, какое имъ было оказано въ 1729 году. Все духовное сословіе было заподозрѣно въ недоброжелательствѣ къ правительству и поставлено подъ самый придирчивый надзоръ свѣтскихъ властей, которымъ однимъ только предоставленъ былъ и весь судъ надъ его членами по политическимъ обвиненіямъ. Оправдывая это довѣріе правительства, свѣтскія власти усердно принялись выводить предполагаемую въ духовенствѣ измѣну, притягивали духовныхъ персонъ къ допросамъ и подвергали ихъ „жестокимъ и нестерпимымъ мученіямъ и экзекуціямъ“ (²). Первыя опалы, какъ извѣстно, постигли нѣсколькихъ архіереевъ; но вмѣстѣ съ архіереями страдали и подчиненныя имъ духовныя лица. Наприм. послѣ паденія Сильвестра казанскаго, обвиненнаго въ томъ, что онъ бралъ прошенія, написанныя на высочайшее имя и заставлялъ переписывать ихъ на свое архіерейское имя, явился презрителемъ законовъ, не велѣлъ поминать въ церквахъ св. Синодъ, а велѣлъ вмѣсто него поминать святѣйшихъ патріарховъ, по всей казанской епархіи поднялось длинное слѣдствіе о томъ, кто изъ духовенства исполнялъ незаконный указъ архіерея. Результатомъ этого слѣдствія было то, что за повиновеніе своему архіерею были разстрижены и сосланы въ Сибирь одинъ архимандритъ, нѣсколько монаховъ и священниковъ. Розыски были такъ страшны и томительны, что во время безконечныхъ и придирчивыхъ допросовъ одинъ архимандритъ (Ивановскій Іоаннъ) пришелъ въ полное отчаяніе и повѣсился. Но такъ какъ при дальнѣйшемъ продолженіи слѣдствія оказа-

(¹) Кіевск. епарх. вѣдом. 1862 г. № 14: «Кіевск. дух. консисторія въ XVIII столѣт.» стр. 480.

(²) П. С. З. XI, 8506.

лось, что св. Синодъ не поминали при богослуженіи почти всѣ священники и монахи цѣлыхъ двухъ уѣздовъ, казанскаго и свіяжскаго, то слѣдователи пришли въ недоумѣніе, что имъ дѣлать дальше. Преемникъ Сильвестра по каѳедрѣ Иларіонъ Рогалевскій, будучи напуганъ участью своего предшественника, подалъ съ своей стороны мнѣніе—всѣхъ пересѣчь и лишить сана безъ всякой пощады. Но въ Москвѣ почли нужнымъ это мнѣніе смягчить и приговорили: виновнымъ учинить только жестокое шелепами наказаніе безъ пощады (¹).

Не смотря на всѣ заявленія вѣрноподданнической ревности, духовныя власти уже не могли возвратить себѣ довѣрія правительства. А между тѣмъ грозное „слово и дѣло“ получило теперь не бывалое доселѣ значеніе и никогда такъ не злоупотреблялось клеветниками и ябедниками, какъ въ это царствованіе. Недавнее опредѣленіе 1729 г. было теперь постоянно нарушаемо, потому что судъ св. Синода надъ духовными лицами по политическимъ оговорамъ казался правительству слишкомъ легкимъ и ненадежнымъ. „А понеже извѣстно намъ, гласилъ именной указъ 1733 г., что многіе свящ. чина люди, какъ бѣльцы, такъ и монахи, не страшась суда Божія и презирая [illegible] вила, имѣютъ житіе невоздержное и употребля[illegible] ссоры и драки и безмѣрно упиваются, и тѣмъ [illegible]зорнымъ и весьма непотребнымъ житіемъ наводятъ на чинъ священный и монашскій немалыя и весьма тяжкія подозрѣнія, а простому народу... предается соблазнъ, а отъ другихъ произносятся немалыя нарекапія, и къ тому же многіе въ дерзости сказываютъ за собою на-

---

(¹) Труд. к. акад. 1861, т. I: Варл. Вонатовичъ, стр 307. Также Чтен. 1868 г. кн. III: Дѣло Сальник. стр. 6, примѣч. Въ архивѣ Седміозерной пустыни мы видѣли нѣсколько распоряженій того времени о наказаніи іеромонаховъ плетьми за непоминовеніе св. Синода.

ше слово и дѣло, не вѣдая того за собою и ни за кѣмъ, и за то чинятся имъ *легкія* наказанія, отъ чего и паки въ тѣхъ священнаго и монашскаго чина зазорное житіе препровождающихъ умножается безпокойство; того ради указали мы, ежели кто изъ священнаго или монашескаго чина скажетъ за собою или за другимъ за кѣмъ наше слово и дѣло по первымъ двумъ пунктамъ, и отосланъ будетъ въ гражданскій судъ, а тамо распросомъ покажетъ, что то наше слово и дѣло за собою сказалъ со злости или въ пьянствѣ и въ ссорѣ, или отбывая по надлежащимъ винамъ достойнаго отъ начальствующихъ наказанія, и тѣ свящ. и монаш. чина люди изъ гражданскаго суда присланы будутъ къ духовному суду, и таковыхъ людей во всѣхъ духовныхъ судахъ за тѣ ихъ продерзости, лиша ихъ всего свящ. и монаш. чина и остригши на головѣ и бородѣ волосы, и одѣвъ въ свѣтское платье, изъ духовныхъ правительствъ отсылать къ надлежащему наказанію въ гражданскія правительства, кого куда надлежитъ, и поступать съ ними такъ, какъ о свѣтскихъ людяхъ, а именно: молодыхъ, учиня наказаніе плетьми, писать въ солдаты, а [illegible]ыхъ, бивъ кнутомъ и вырѣзывая ноздри, посылать въ Сибирь въ работу вѣчно; а которые будутъ [illegible]ся въ сказываніи жъ за собою нашего слова и дѣла просто, а не по первымъ двумъ пунктамъ, и тѣмъ по[illegible]ложенію чинить наказаніе же кнутомъ, и чтобъ по свободѣ праздно таковые не скитались, ссылать ихъ безъ вырѣзанія ноздрей въ Сибирь же на житье, не взирая ни на каковыя ихъ отрицанія, дабы свящ. и монаш. чина люди, взирая на таковое наказаніе, имѣли отъ непотребныхъ и возбраненныхъ св. правилами поступокъ воздержаніе, но больше бы упражнялись во всякомъ благочиніи и прочихъ свящ. и монаш. чину приличествующихъ дѣйствіяхъ“ (1).

---

(1) П. С. З. VIII, 6506. Сравн. 5528.

Случаи, по которомъ духовныя лица подвергались политическимъ розыскамъ, были чрезвычайно разнообразны. Крайне эластичныя понятія объ оскорбленіи высочайшей чести и нерасположеніи къ правительству давали лѣдѣ и мстительности множество случаевъ подхватывать каждое неосторожное слово, подмѣчать мельчайшіе поступки людей и за тѣмъ являться съ таинственными доносами въ тайную канцелярію. Едва ли не чаще всего духовенству приходилось подвергаться политическимъ розыскамъ за неслуженіе царскихъ молебновъ и панихидъ. Строгость въ отношеніи къ нарушенію чести и святости высокоторжественныхъ дней простиралась до того, что нѣкоторыя духовныя лица приговорены были къ растриженію и тяжкимъ заточеніямъ за служеніе царскихъ молебновъ въ ризахъ не перваго, а втораго разряда. А между тѣмъ провиниться въ неуваженіи царскихъ дней было такъ легко. Во время допросовъ арестованные за такіе вины священно-служители не даромъ постоянно оттоваривались своимъ невѣденіемъ; до ихъ свѣдѣнія дѣйствительно иногда не доходили извѣстія о рожденіяхъ и тезоименитствахъ разныхъ членовъ императорской семьи; еще легче было не знать или забыть день какой-нибудь царской панихиды; изъ за такого невѣдѣнія не рѣдко попадали въ бѣду не только какіе-нибудь сельскіе, но даже и столичные причты (1).

Въ 1734 г. св. Синодъ распорядился разослать по всѣмъ монастырямъ и церквамъ печатныя табели всѣмъ высокоторжественнымъ днямъ и днямъ царскихъ панихидъ; но духовенству отъ этого едва ли стало легче. Вотъ что говорится объ этомъ въ одномъ докладѣ св. Синода уже при имп. Екатеринѣ II. „Въ прежнія времена по преставльшихся государскихъ фамиліяхъ должное церковное поминовеніе по годамъ, мѣсяцамъ и числамъ отправляемо было въ однихъ московскихъ

(1) Ист.-стат. опис. спб. епарх. II, 314—315.

соборахъ... и въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ оныхъ преставльшихся тѣла положены, а въ прочихъ градскихъ соборахъ и приходскихъ городскихъ же и сельскихъ церквахъ священники и монастырскія власти тѣмъ обязаны не были, но какъ въ викторіальные дни молебны, такъ и панихиды во всѣхъ монастыряхъ и городскихъ соборахъ отправлялись не во всегдашнее время, но единственно только тогда, когда онаго бывшіе случаи требовали, почему ни доносовъ, ни слѣдствій о неотправленіи оныхъ и никаковаго въ томъ духовнымъ изпуренія не происходило. А какъ въ 1734 г. по опредѣленію синодальному учинены объ отправляемыхъ въ высокоторжественные и викторіальные дни молебствіяхъ, а по преставльшихся государскихъ фамиліяхъ панихидахъ табели и реэстры и по напечатаніи для дѣйствительнаго употребленія тогда же во всѣ епархіи и ставропигіальные монастыри разосланы, въ коихъ уже точное напечатано положеніе, когда и какимъ порядкомъ епархіальнымъ архіереямъ, монастырскимъ властямъ и всѣмъ гражданскимъ и уѣздным священно-служителямъ оныя молебствія и панихиды отправлять; то съ того года и начались о неотправленіи оныхъ на духовныхъ отъ разныхъ людей подъ именемъ важности употребляемымъ въ тогдашнее время слово и дѣло объявленіемъ доносы, по коимъ въ бывшей тогда тайной канцеляріи и оной конторѣ происходили слѣдствія, и по онымъ многіе изъ духовнаго чина, иные къ наказаніямъ, а другіе къ ссылкамъ и прочимъ несчастіямъ подвергались за то одно, что въ то самое по реэстру число оныхъ панихидъ не отправляли, хотя въ прочія времена поминовеніе и чинили“ (1). Исправленіе молебновъ въ назначенное время было дѣло не всегда легкое. Для пущей торжественности царскіе молебны совершались соборне даже по селамъ, какъ это извѣстно по крайней мѣрѣ относительно кіевской епархіи; для такого соборнаго молебствія свя-

(1) П. С. З. XVII, 12618.

щенники извѣстнаго округа должны были являться къ своему намѣстнику или благочинному, при чемъ иной долженъ былъ проѣхать нѣсколько десятковъ верстъ, не смотря ни на какую погоду, и непремѣнно поспѣть ко времени молебна. Намѣстникъ давалъ священникамъ свидѣтельства, что они дѣйствительно были за молебномъ. Кто не имѣлъ такого свидѣтельства, тотъ очень легко могъ попасть въ бѣду (1).

Въ первое время послѣ разсылки табелей дѣла о неслуженіи царскихъ молебновъ и панихидъ, послѣ первоначальнаго слѣдствія въ архіерейскомъ приказѣ или чаще всего въ губернской канцеляріи, разсматривались св. Синодомъ, но окончательное рѣшеніе по нимъ производилось въ т. канцеляріи, которая такимъ образомъ становилась къ св. Синоду въ отношеніе высшаго, кассаціоннаго суда по этимъ дѣламъ. Кромѣ униженія синодальной чести, такой порядокъ дѣлопроизводства по указаннымъ обвиненіямъ сопровождался большимъ отягощеніемъ для духовенства по своей сложности. „И тако, писалъ св. Синодъ въ указѣ 1735 г., одно дѣло производится въ двухъ правленіяхъ, отъ чего св. Синоду происходитъ немалое утружденіе, а содержащимся по тѣмъ дѣламъ колодникамъ долговременное чрезъ оныя сношенія задержаніе, паче же въ рѣшеніи тѣхъ дѣлъ излишнее продолженіе“. На этомъ основаніи рѣшено было первыя дознанія по обвиненіямъ въ неслуженіи молебновъ производить на мѣстѣ, и именно епархіальнымъ начальствамъ, и кто явится совершенно виновнымъ, т. е. опустившимъ молебствіе „не за болѣзнію своею или самъ не будучи позванный прихода своего къ смертно болящему какому человѣку или къ родильницѣ, которые будутъ въ мѣсто разстояніе его отъ церкви его верстахъ въ 10 и далѣе, а хотя же кто для какой-либо изъ оныхъ нужды и бу-

---

(1) Кіевск. Еп. вѣдом. 1862 № 14: «Кіевск. консист. въ XVIII в».

деть куда позванъ, да по возвращеніи своемъ того, что ему исполнить надлежало вскорѣ, а всеконечно на другой день, не исполнить же, или же который священникъ самъ бывъ болепъ, а потомъ пришедъ въ здравіе, тѣ празднованія или поминовенія, которыя прилучились быть во дни болѣзни его. по той своей отъ болѣзни свободѣ не исправитъ въ скорости же,— таковыхъ при обыкновенныхъ доношеніяхъ и съ подлинными объ оныхъ преступленіяхъ ихъ слѣдственными дѣлами для надлежащаго рѣшенія отсылать изъ всѣхъ мѣстъ (не утруждая тѣми дѣлами св. прав. Синода) въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ немелленно". При этомъ св. Синодъ подтвердилъ накрѣпко, чтобы всѣ священно-служители исполняли положенныя царскія службы подъ страхомъ „лишенія сана и жестокаго въ свѣтскомъ судѣ изтязанія, сверхъ того и вѣчныя ссылки, куда тяжковинныхъ по указамъ ссылать велѣно" (1).

Послѣ этого указа судъ надъ духовенствомъ въ означенныхъ дѣлахъ долженъ былъ дѣйствительно упроститься и сократиться; множество дѣлъ по пустымъ и бездоказательнымъ оговорамъ епархіальныя начальства могли рѣшать на мѣстѣ, не затягивая ихъ на цѣлые годы въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія изъ Синода и т. канцеляріи и не заставляя оговоренныхъ томиться все это время подъ суровымъ арестомъ въ тюрьмѣ или даже путешествовать иногда попустому подъ конвоемъ до Петербурга въ т. канцелярію. Такое облегченіе подсудимыхъ особенно благотворно было для духовенства отдаленныхъ мѣстностей, наприм. Сибири, гдѣ по причинѣ затруднительности сношеній мѣстныхъ начальствъ съ св. Синодомъ и т. канцеляріей судбища по дѣламъ о неслуженіи молебновъ тянулись лѣтъ по 9 и больше (2). Вотъ одинъ выразі-

(1) П. С. З. IX, 6832.

(2) О политическихъ допосахъ и дѣлахъ въ Сибири см. Чтен. 1867 г. кн. II: Матеріалы для ист. Сибири. 286. 287. Ирк. епарх. вѣдом. 1865 № 30 и друг.

тельный примѣръ въ этомъ родѣ. Въ 1732 г. въ Илимскъ были присланы изъ Иркутска одинъ іеродіаконъ и архіерейскій писчикъ Рѣпиковъ для приписки этого города отъ тобольской епархіи къ иркутской. Илимскій протоіерей Иванъ Петровъ чѣмъ-то неудовольствовалъ писчика и послѣдній сдѣлалъ на него доносъ въ томъ, что 3 февраля (въ день тезоименитства императрицы) онъ не служилъ ни обѣдни, ни молебна, хотя и былъ совершенно здоровъ. Протоіерея забрали сейчасъ же въ архіерейскій приказъ и засадили въ тюрьму, а дѣло объ немъ отправили въ св. Синодъ, который долженъ былъ по обычному порядку представить о немъ въ тайную канцелярію. Пока бумаги пересылались изъ Иркутска въ Петербургъ да разсматривались тамъ сначала въ Синодѣ, потомъ въ т. канцеляріи, протекло цѣлыхъ 2 года и все это время протопопъ сидѣлъ закованный въ цѣпи въ тюрьмѣ, а его церковь оставалась безъ службы. Прихожане усильно хлопотали объ его освобожденіи предъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, выставля на видъ его долголѣтнюю службу и примѣрную исправность во всемъ, но епархіальное начальство само ничего не смѣло сдѣлать для облегченія участи своего арестанта. Наконецъ уже въ исходѣ 1734 г. изъ Петербурга пришло синодальное рѣшеніе, составленное св. Синодомъ по сношенію съ т. канцеляріей: обнаживъ его протопопа священства, отослать въ Иркутскъ къ гражданскому суду, гдѣ учинить ему за оную важную вину наказаніе кнутомъ и сослать въ ссылку въ надлежащее мѣсто, не отписываясь за дальностію разстоянія въ Петербургъ; но буде по разспросѣ окажется какое злое его протопопа въ этомъ случаѣ намѣреніе, то по обнаженіи же его священства отослать его еще къ гражданскому суду къ розыску. На мѣсто этого достойнаго и любимаго народомъ протоіерея, по недостатку хорошихъ священно-служителей въ Сибири, преосв. Иннокентій Неруновичъ долженъ былъ опредѣлить нѣкоего Шастина, человѣка негоднаго и без-

покойнаго, отъ котораго прихожане просили владыку избавить ихъ еще на первомъ же году. Рѣзчикова долго преслѣдовалъ общій укоръ: ты съѣлъ протопопа (1). Несчастные священно-служители, похватанные въ разныхъ мѣстахъ, долго впрочемъ томились въ тюрьмахъ при губернской канцеляріи въ Сибири и по полученіи указа 1735 г.; губернская канцелярія не хотѣла отдавать ихъ по указу на судъ архіереевъ, сама продолжала начатыя слѣдствія и даже учиняла рѣшенія (2).

Въ слѣдующемъ 1736 году вышелъ новый облегчительный для духовенства указъ по поводу жалобы самой т. канцеляріи на то, что ея казематы слишкомъ уже наполнены священно-служителями, присланными изъ разныхъ епархій за неслуженіе молебновъ, и что по чрезмѣрному накопленію дѣлъ объ этомъ неслуженіи у нея даже въ секретныхъ дѣлахъ стала чиниться остановка; на этомъ основаніи дѣла о молебнахъ и панихидахъ указано было окончательно рѣшать въ епархіяхъ, а въ т. канцелярію присылать извѣстія только о тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ опущеніе означенныхъ службъ явилось съ какого-нибудь противнаго вымысла, и самыя извѣщенія представлять только въ формѣ экстрактовъ изъ дѣлъ (3). Епархіальныя начальства, какъ ни были напуганы т. канцеляріей, судили духовенство все-таки нѣсколько гуманнѣе, кое-кому изъ обвиненныхъ оказывали иногда снисхожденіе; такъ наприм. московская дикастерія щадила священно-служителей стариковъ, которые опускали молебствія по старческой немощи и забвенію (4).

Но только лишь нѣсколько смягчились розыски изъ-за молебновъ и панихидъ, какъ начались новыя

---

(1) Иркутск. еп. вѣдом. 1867 г. № 9.
(2) Тамже, 1868 № 4 и 6.
(3) П С. З. IX, 6937.
(4) Ист. моск. епарх. упр. I, примѣч. 291, отд. 5 № 2.

страданія духовенства изъ-за присягъ 1730 и 1731 гг. Мы уже видѣли, сколько церковниковъ изъ-за этихъ присягъ было пересѣчено плетьми и кнутомъ и отдано въ солдаты, сколько бѣдъ досталось и на долю священно-служителей. Особенно тяжки для духовенства да и для всего народа были послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, когда т. канцелярія работала съ особеннымъ усердіемъ. Въ это время нѣсколько архіереевъ лишились каѳедръ, разстриженъ былъ знаменитый Ѳеофилактъ Лопатинскій; монастыри до того опустошались частыми разстриженіями монаховъ, что св. Синодъ выражалъ серьезное опасеніе, какъ бы монашество вовсе не прекратилось въ Россіи; такое же опустошеніе обнаружилось и въ приходскихъ причтахъ. Человѣкъ погибалъ иногда изъ-за того только, что читалъ какую-нибудь изъ запрещенныхъ тогда книгъ и тетрадокъ или даже только слыхалъ объ ней отъ другихъ, зналъ, у кого она есть, и не донесъ, изъ-за совершенно невиннаго знакомства или какого-нибудь самаго обыкновеннаго сношенія съ опальными лицами и т. п. Изъ множества примѣровъ [1] въ этомъ родѣ приведемъ одинъ. Въ 1738 г., какъ извѣстно, поднято было дѣло о сосланныхъ въ разныя мѣста членахъ знаменитой фамиліи Долгорукихъ, хотѣвшихъ въ началѣ царствованія Анны Іоанновны ограничить самодержавную власть въ Россіи, и кончилось казнями главныхъ представителей этого рода. По поводу этого дѣла тогда же пострадали 4 тобольскихъ священника и дьяконъ за то, что „они у князей Долгорукихъ бывали и обѣдывали и ихъ къ себѣ въ домы пущали; за которыя вины, сказано объ нихъ въ указѣ, и наказаніе имъ плетьми учинено, токмо они священства не лишены, а оправданіе де о себѣ оные священники произносили, что они у опыхъ кн. Долгорукихъ бы-

---

[1] Ихъ можно довольно найти въ книгѣ г. Чистовича: Ѳеоф. Прокоповичъ.

вали по зову присылаемыхъ отъ капитана Ивана Михалевскаго солдатъ, а не сами собою, и для поминовенія родителей, и въ домы де къ себѣ ихъ кн. Долгорукихъ они ни для чего не зывали и не просили, а заѣзжалъ де къ нимъ священникамъ онъ же капитанъ Михалевскій самъ собою съ ними князьями и солдаты, которые при нихъ были". Не смотря на это оправданіе, они приговорены были къ ссылкѣ въ Охотскъ. По просьбѣ тобольскаго архіерея, желавшаго оставить ихъ въ своей епархіи, по крайней мѣрѣ въ какихъ-нибудь отдаленныхъ ея углахъ, св. Синодъ входилъ объ нихъ представленіемъ въ кабинетъ, при чемъ объяснялъ: что хотя они „въ вышеупомянутой продерзости и суть виновны, за что и наказаны, но за обстоящею въ тобольской епархіи въ священствѣ скудостію (о чемъ отъ онаго архіерея еще и до разбора священно-служительскихъ дѣтей въ военную службу неоднократно Синоду представлено было), на праздныя мѣста въ Томскѣ и другихъ дальнихъ той епархіи мѣстахъ для священнослуженія ихъ поповъ опредѣлить надлежитъ, ибо имъ въ тѣ дальніе той епархіи города таковая жъ имѣла быть ссылка, чтоже не такъ дальняя, какъ до Охотска, и то не ради ихъ, но для народной нужды". Кабинетъ былъ неумолимъ и далъ такую резолюцію: „понеже и въ Охотскѣ священники надобны, того ради оныхъ надлежитъ послать туда неотмѣнно, ибо въ то мѣсто волею рѣдкій поѣдетъ, а въ Томскъ и другіе дальніе города, если нужда потребуетъ, оныхъ посвятить вновь" (1). Нужно замѣтить, что правительство, кажется, памѣтно ссылало провинившихся священно-служителей въ восточную Сибирь и именно въ Охотскъ; послѣ экспедицій Эльчина и Беринга этотъ край получилъ особенную извѣстность въ Петербургѣ и сдѣлался предметомъ усердныхъ колонизаціонныхъ и миссіонерскихъ попеченій

(1) П. С. З. X, 7646.

правительства, и такъ какъ послѣднему очень трудно было найти священно-служителей, которые бы добровольно согласились ѣхать въ такую даль, то оно и думало достигать своихъ цѣлей относительно этого края съ помощію ссыльныхъ духовныхъ лицъ. Преосв. Иннокентій Неруновичъ съ радостью принималъ этихъ ссыльныхъ изъ московской, петербургской и другихъ епархій и давалъ имъ у себя мѣста при охотскихъ церквахъ; св. Синодъ нарочно извѣщалъ его для этого о томъ, кто изъ ссыльныхъ наказанъ просто, безъ лишенія сана и кого изъ нихъ можно допустить къ служенію (1).

Разсказывая о притѣсненіяхъ, какимъ подвергалось духовенство при Аннѣ Іоанновнѣ, нельзя не обратить вниманія на свидѣтельство о томъ же предметѣ проповѣдной литтературы [illegible] времени, времени импер. Елизаветы (2), когда церковные витіи, восхваляя новую благочестивую [illegible] громили своимъ словомъ павшихъ притѣснителей духовнаго чина, Бирона, Миниха, Остермана и имъ послѣдствовавшихъ. Мы не можемъ смотрѣть на свидѣтельство тогдашнихъ проповѣдей о протекшемъ времени, какъ на свидѣтельство чисто фактическое и объективное. Взглядъ проповѣдниковъ - очевидцевъ упоминаемыхъ ими событій, разумѣется, ловилъ только тѣ стороны тогдашней жизни, которыя его особенно поражали, и смотрѣлъ на нихъ подъ извѣстнымъ субъективнымъ угломъ; въ ихъ рѣчахъ слишкомъ много горячаго раздраженія отъ недавнихъ страданій; эти рѣчи насквозь проникнуты какимъ-то духомъ озлобленія и мести; это даже не обличенія противъ извѣстныхъ личностей, а просто злобныя проклятія, которыя очень дико звучатъ для

(1) Иркутск. еп. вѣдом. 1865 г. № 39.

(2) Объ этой литтературѣ см. стат. И. Попова въ Лѣтоп. Тихонравова т. II и въ стат. Семевскаго: Первый годъ царств. Елизав. въ Р. Словѣ 1859 г. кн. VI.

церковной каѳедры даже тогдашняго бранчиваго времени. Но эти проповѣди тѣмъ не менѣе весьма важны для историка, важны именно потому, что въ нихъ вполнѣ высказывался субъективный взглядъ духовенства на протекшее время, высказалось то озлобленіе, до какого оно было доведено систематическимъ гоненіемъ со стороны подозрительныхъ временщиковъ.

Замѣчательно, чѣмъ объясняло это гоненіе само духовенство. Проповѣдники и не замѣтили, что духовенство преслѣдовалось за политическія факціи, въ которыхъ его подозрѣвало правительство, и этимъ всего лучше доказываютъ, какъ подобныя факціи были чужды духовенству; политическія обвиненія и подозрѣнія они [illegible] только претекстомъ, маскою другихъ, сокр[illegible]ъ побужденій къ гоненіямъ противъ духовенства, [illegible]ужд[illegible]й на ихъ взглядъ болѣе важныхъ для [illegible]въ нѣмцевъ, правившихъ Россіею,— это стремлен[illegible] и[illegible]ребить въ Россіи православную вѣру и желаніе распространить вмѣсто нея свою нѣмецкую прелесть. „Во-первыхъ на благочестіе и вѣру папу наступали, говорилъ паприм. Амвросій Юшкевичъ, подъ претекстомъ, будто непотребное и весьма вредительное суевѣріе искореняютъ. И, о коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! Спроси же: за что? Больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: изувѣръ, ханжа, лицемѣръ, ни къ чему негодный. Сіе же все дѣлали такою хитростію и умысломъ, чтобы вовсе въ Россіи истребить священство православное и завесть свою нововымышленную безпоповщину.... Подъ образомъ, будто храненія чести, здравія и интереса государева,—о коль безчисленное множество, коль многія тысящи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любившихъ, въ тайную канцелярію похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, голодомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали“! Этого мало;

„враги наши домашніе, говоритъ тотъ же витія въ другомъ словѣ, какую стратагему сочинили, чтобъ вѣру православную поколебать, — готовыя книги духовныя во тьмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили. Не токмо учителей, но и ученіе и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли, и уже къ тому приходило, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей уста отворить было опасно: тотъ-часъ бѣды и гоненія надѣйся“.

Другой ораторъ Димитрій Сѣченовъ еще горячѣе описываетъ противуправославныя стратагемы курляндскихъ временщиковъ. „Ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали: А во-первыхъ тщалися дражайшее душъ нашихъ сокровище, неоцѣненное спасенія нашего богатство, благочестіе отпять, безъ котораго бы мы были горшіе турокъ, жидовъ и араповъ. А такъ то они удумали, какъ де благочестіе у нихъ отнимемъ, тогда де и сами къ намъ вѣру приложатъ и сами въ слѣдъ намъ пойдутъ; и такъ по всей Россіи предтечей антихристовыхъ разослали, вездѣ плевельныя ученія разсѣяли, толико повредили, что мнози малодушніи, а паче которые возлюбиша тьму паче свѣта, возлюбиша паче славу человѣческую, нежели славу Божію, тогда на матерь свою возстали“. Разсказавши о распространеніи въ Россіи протестантскихъ идей, ораторъ обращается за тѣмъ къ гоненіямъ противъ духовенства. „А наипаче коликое гоненіе на самихъ благочестія защитителей, на самихъ священныхъ таинъ служителей, чинъ, глаголю, духовный: архіереовъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты водою и сухимъ путемъ,—куды? зачѣмъ? монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальніе сибирскіе города, въ Охотскъ, Камчатскъ, Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали и устъ не могли о благочестіи отверзти“. Кромѣ пропаганды протестантства нѣкоторыя проповѣди указывали еще на

одну причину гоненій противъ духовенства, на корыстолюбіе временщиковъ, которое для своего удовлетворенія пользовалось тѣмъ же удобнымъ претекстомъ тайнаго дѣла. „Весь обще чинъ духовный, говорилъ Амвросій Юшкевичъ, равно съ простымъ народомъ вмѣняли и почитали, ни единаго въ немъ посвященія и характиру пастырскаго не признавали, и для того сами собой пастырей-священниковъ безъ суда правильнаго низлагали, предающе оныхъ на узы и темницы, на преисподняя заключенія и ссылки; но еще тѣмъ не довольствовалась лютость оная, бросилась было звѣрски и на убожество монашеское, и мняще неразсудно, что въ тѣхъ убогихъ келіяхъ великія сберутъ сокровища и богатства, того ради однихъ подъ претекстомъ интересу и тайнаго дѣла безчеловѣчно мучили, другихъ на презрѣніе и вѣчное ругательство вѣры нашея разстригали и въ солдаты отдавали, третіихъ въ далечайшія и безлюдныя ссылки на край свѣта посылали, а новыхъ на ихъ мѣста принимать и постригать накрѣпко запрещали“.

Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны духовенство получило полную увѣренность въ прекращеніи своихъ страданій, стало питать большія надежды на возстановленіе и возвышеніе своихъ гражданскихъ правъ. „Было неблагополучное время, восклицали проповѣдники, но прошла тая печестія зима, возсіяло ведро благочестія“. Разсказывая исторію разборовъ духовенства, мы уже имѣли случай замѣтить, насколько оправдались подобныя надежды духовенства на самомъ дѣлѣ. При всемъ своемъ благочестіи и уваженіи къ духовному чину, императрица не сдѣлала почти ничего новаго и кореннаго для возвышенія гражданскаго положенія бѣлаго духовенства, съ одной стороны потому, что все вниманіе ея было обращено изключительно на монашествующее духовенство и тѣхъ іерарховъ, съ которыми она имѣла личныя сношенія, а съ другой потому, что она дѣйствовала въ пользу Церкви и духовенства безъ всякихъ общихъ принци-

повъ, отрывочными, случайными распоряженіями, руководясь не какою-нибудь опредѣленною мыслью о государственномъ значеніи духовенства, а единственно случайными возбужденіями своего религіознаго чувства по поводу разныхъ извѣстій изъ жизни духовенства и докладовъ св. Синода или какого-нибудь близкаго духовнаго лица, въ родѣ духовника ея Дубянскаго. Рядомъ съ милостивыми и благодѣтельными указами встрѣчаемъ такія распоряженія о духовенствѣ, которыя совершенно приличны были бы и во время Петра или даже Анны Іоанновны. Но для духовенства важно было и то, что императрица по крайней мѣрѣ не оказывала къ нему недовѣрія, отъ котораго оно такъ много страдало доселѣ, уважала его и искренно желала ему благодѣтельствовать; такое расположеніе правительства должно было значительно поднять и ободрить упадшій духъ этого забитаго и загнаннаго сословія; притомъ же, какъ ни отрывочны и ни случайны были указы, изданные тогда въ его пользу, они все-таки много содѣйствовали къ улучшенію его быта, особенно въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Это прежнее мрачное время съ его тяжкими страданіями весьма удачно оттѣняло свѣтлыя стороны царствованія Елизаветы и еще болѣе содѣйствовало къ сохраненію объ немъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній въ кругу духовенства.

Полагаясь на всегдашнее расположеніе императрицы къ духовному чину, св. Синодъ смѣло обращался къ ней и къ Сенату съ своими докладами объ интересахъ духовнаго сословія; мы уже видѣли нѣсколько примѣровъ тому въ исторіи разборовъ духовенства. Относительно правъ бѣлаго духовенства первымъ дѣломъ св. Синода было въ началѣ 1742 г. возобновеніе его прежняго ходатайства объ избавленіи духовенства отъ полицейскихъ повинностей, въ которомъ онъ получилъ отказъ при имп. Аннѣ. Въ отвѣтъ на его докладъ послѣдовалъ именной указъ: „дворы всѣхъ обрѣтающихся при церквахъ священно-и-церковно-

служителей, въ коихъ они сами жительство имѣютъ и за которыми деревень, такожъ собственныхъ имъ людей и жильцовъ не имѣется, отъ хожденія къ рогаткамъ и на караулы и на пожары и отъ прочей полицейской должности, за всегдашнимъ по дому ихъ отправленіемъ славословія Божія, яко то литургіи, вечерень, утрень и прочихъ церковныхъ и мірскихъ нужнѣйшихъ требъ, уволить и полиціямъ ихъ къ тому противъ свѣтскихъ обывателей не требовать“ (1). Вскорѣ послѣ этого указа вышелъ другой, относившійся къ Малороссіи, гдѣ духовенство постоянно подвергалось разнымъ неуказнымъ сборамъ отъ гетмана и козацкой старшины, не смотря на запретительный указъ о томъ, изданный при Аннѣ Іоанновнѣ. Указомъ отъ 18 авг. 1742 г. войскамъ и проѣзжающимъ не велѣно было безденежно брать подводъ ни у кого изъ обывателей Малороссіи, а также безъ отвода старшины и ратушъ занимать квартиръ. Но духовенство мало получило пользы отъ этого общаго указа; черезъ 4 года его снова нужно было подтвердить вчастности относительно духовенства. Послѣ жалобы протоіерея Дубянскаго на недоброжелательство и притѣсненія духовенству отъ старшины и ратушъ императрица въ 1746 г. повелѣла, чтобы въ Малой Россіи, какъ и въ Великороссіи, „священно-и-церковно-служительскихъ дворовъ, въ которыхъ они священно-и-церковно-служители сами жительство имѣютъ, винтерквартирующимъ и временно чрезъ М. Россію проходящимъ войскамъ и никакимъ чинамъ никто изъ городовой старшины въ постой не отводили и сами собой не занимали; такожъ полковой и городовой старшинамъ никому на оныхъ священно-и-церковно-служителей непалежныхъ тягостей отнюдь не налагать и никакихъ имъ обидъ и налогъ не чинить и подводъ у нихъ, которые

---

(1) П. С. З. XI, 8546.

деревень и хуторовъ не имѣютъ, ни подъ какія тягости не брать“ (1).

Вторая ревизія, снова подтвердившая свободу духовенства отъ податей и повинностей, естественно должна была поднять старый вопросъ о податныхъ священно-служителяхъ, который тревожилъ св. Синодъ болѣе 20 лѣтъ, въ теченіе всего времени, протекшаго отъ первой ревизіи, и рѣшеніе котораго постоянно откладывалось Сенатомъ изъ опасенія, какъ-бы не учинить путаницы въ сборѣ подушнаго оклада. Теперь подушный окладъ расписывался по душамъ совершенно вновь и правительство распорядилось всѣхъ священно-служителей, писавшихся доселѣ въ числѣ податныхъ людей, во вторую ревизію изъ оклада исключить вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми, родившимися уже послѣ посвященія отцевъ. Но мы уже видѣли, что такое рѣшеніе было временное, простиралось только на время самаго производства ревизіи; лица изъ [illegible] состояній, имѣвшія посвящаться въ священно-служители послѣ ревизіи, по прежнему должны были оставаться въ подушномъ окладѣ до слѣдующей ревизіи. Въ 1761 г. св. Синодъ издалъ касательно этого предмета общій указъ, въ которомъ прямо говорилось, что [illegible] щеніе податныхъ людей можетъ допускаться [illegible] на основаніи указовъ 1727 и 1728 гг., [illegible] и поемъ платежа съ нихъ оклада или имѣ[illegible] или ихъ владѣльцами и обществами до будущей ревизіи, чтобы иначе не было какого ущерба казнѣ (2). Во всякомъ впрочемъ случаѣ свобода священно-служителей отъ податей въ общемъ смыслѣ была признана теперь окончательно; допущеніе существованія податныхъ священно-служителей на будущее время мотивировано чисто практическими требованіями удобства въ процессѣ подушнаго сбора. Относительно церковно-

---

(1) П. С. З. XII, 9314. Сравн. XI, 8412.
(2) Также, XV, 11336.

служителей тотъ же вопросъ не былъ еще окончательно рѣшенъ и теперь. Въ то время, какъ новая ревизія обходила всѣхъ дѣйствительно служащихъ священно-служителей, числящихся въ окладѣ церковниковъ велѣно было по прежнему писать въ окладъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они были записаны по старой записи, за изключеніемъ только тѣхъ, которые были уволены навѣчно отъ своихъ помѣщиковъ, на мѣсто же ихъ опредѣлять въ церковники заштатныхъ и другихъ людей духовнаго званія, не положенныхъ въ окладъ (1). Вопросъ очевидно рѣшался въ томъ смыслѣ, что церковническое званіе само по себѣ еще не освобождаетъ человѣка отъ податнаго состоянія, какъ священно-служительское, не смотря на то, что св. Синодъ предлагалъ уравнять ихъ въ этомъ отношеніи еще въ 1721 г. Поэтому-то какъ св. Синодъ, такъ и Сенатъ постоянно и настаивали на томъ, чтобы въ [illegible]но-служители принимаемы были такія лица духовнаго происхожденія, которыя не будутъ числиться въ податномъ состояніи по правамъ самаго рожденія, лишеніи наслѣдственныхъ привиллегій, опредѣленныхъ еще въ указѣ 4 апрѣля 1722 г. Только церковниковъ старалась оставлять при [illegible] возвращенія въ прежнее состояніе и за священ[illegible].

При [illegible] рѣшеніи вопроса о правахъ церковниковъ необходимо должна была происходить путаница во многихъ частныхъ случаяхъ практическаго его приложенія, когда слѣдовало опредѣлить, кого именно оставлять изъ церковниковъ при церкви и кого писать въ ревизію; указъ 1722 г., на который ссылалось законодательство имп. Елизаветы, говорилъ о свободѣ отъ оклада только тѣхъ церковниковъ, которые были дѣтьми священно-служителей, дѣлалъ такимъ образомъ привиллегированнымъ только потом-

(1) П. С. З. XII, 8981, 8904.

ство этихъ священно-служителей, а съ тѣхъ поръ много прошло времени и много случилось перемѣнъ въ составѣ церковныхъ причтовъ. Очень неудивительно, что и теперь еще находились люди, которые предлагали рѣшить вопросъ о свободѣ духовенства отъ податей въ смыслѣ первыхъ указовъ о ревизіи Петра Великаго, ограничивъ эту свободу классомъ однихъ священно-служителей. Одинъ изъ птенцовъ Петра, остававшійся неизмѣнно вѣрнымъ идеямъ его реформы, В. Н. Татищевъ въ своихъ замѣткахъ по поводу второй ревизіи предлагалъ такой проэктъ: „о излишнихъ церковникахъ разсуждать трудно, кого въ окладѣ положить и кого выключить, но по примѣрамъ всѣхъ европейскихъ государствъ, кромѣ папежства, вездѣ всѣ въ окладѣ,... но чтобы они тѣмъ обучаться въ училищахъ не ослабѣвали, то предписать имъ страхъ, ежели церковничьи дѣти при ревизіи выше 15 лѣтъ явятся латинскаго языка достаточно не обучены, оныхъ брать въ службу, а негодныхъ отдавать въ тѣхъ селѣхъ и приходѣхъ въ крестьянство. Сіе, мню, закону Божію не противно, видя, что Христосъ апостоломъ дань государю платить повелѣлъ и за Себя платилъ, не отрицаясь. Но чтобы они съ платежемъ и обученіемъ непраздны были, мню: 1) излишнимъ недостатокъ у церквей наполнять, 2) въ селахъ и погостахъ дѣтей читать и писать обучать и отчинниковъ принудить, чтобы конечно отъ 100 не меньше 4-хъ обучали и владѣльцевъ или управителей къ построенію покоя при церкви и содержанію принудить, 3) за обученіе церковникамъ опредѣлить за каждаго младенца, коего читать и писать выучитъ, по рублю, а букварь да доску, на чемъ писать, и десть бумаги долженъ дать отдающій въ наученіе; симъ безубыточнымъ порядкомъ можно надѣяться, что у насъ не токмо писать умѣющихъ, но и ученыхъ вездѣ будетъ довольно“ (1). Мысль Татищева не пошла въ ходъ. Новая

(1) Татищ. и его время. Попова. Прилож. стр. 742.

ревизія предоставила наслѣдственную свободу отъ податей всему дѣйствительно служащему духовенству, въ томъ числѣ и церковникамъ, которыхъ нашла нужнымъ оставить при церквахъ.

Вмѣстѣ съ выключеніемъ духовенства изъ числа податныхъ состояній законодательство имп. Елизаветы указомъ 1743 г. съ особенной силой подтвердило прежнія запретительныя опредѣленія, которыми всѣ священно-служители устранялись отъ несвойственныхъ ихъ званію и привиллегіямъ занятій и гражданскихъ обязательствъ, какъ-то занятій торгами, откупами, подрядами и тяглыми промыслами, и обязательствъ поруками за другихъ по судебнымъ мѣстамъ; если же кто изъ нихъ, сказано въ указѣ, „подлинно изобличится въ чемъ-либо изъ онаго, таковаго, аще по второмъ и третіемъ наказаніи не престанетъ и явится неисправенъ, яко наемника, а не пастыря, неотмѣнно извращи сана священническаго вовсе“ (1). По прежнему впрочемъ дозволялось духовнымъ особамъ увеличивать свои скудные достатки отдачей подъ наемъ своихъ домовъ. Относительно права владѣть вотчинами и крѣпостными людьми законодательство не дѣлало духовенству уступокъ и при этой благочестивой государынѣ. Двѣнадцатымъ пунктомъ ревизіонной инструкціи за священно-служителями, какъ мы видѣли, запрещено было записывать даже податныхъ церковниковъ для платежа оклада, и всѣ такіе церковники, записанные за ними еще по первой ревизіи, выводились изъ-за нихъ за свѣтскихъ владѣльцевъ. Послѣ этого распоряженія, приводившагося въ исполненіе съ большою настойчивостью, за духовенствомъ остался одинъ только дозволенный закономъ источникъ крѣпостнаго владѣнія,—основывавшійся на указахъ 13 іюля и 3 августа 1744 г., которыми дозволялось записывать въ крѣпость незаконнорожденныхъ дѣтей за тѣми, кто

(1) П. С. З. XI, 8844.

принималъ ихъ къ себѣ на воспитаніе. Этотъ видъ крѣпостнаго владѣнія признавался тогда за всѣми разночинцами. „Хотя купцы и разночинцы, читаемъ въ одномъ указѣ 1746 г., суть подлые люди, коимъ имѣть крѣпостныхъ запрещено, но за ними повелѣвается писать незаконнорожденныхъ подкидышей, ибо ежели ихъ отъ тѣхъ воспитателей отбирать, то таковыхъ во младенчествѣ подкидышей никто къ себѣ принимать не будетъ и отъ того иные пропадать будутъ“ (1). На томъ же основаніи подкидышей оставляли и за духовными лицами.

Въ первый же годъ своего царствованія императрица Елизавета издала важныя распоряженія касательно судебныхъ правъ духовенства. Прежде всего въ 1742 г. послѣдовалъ указъ объ облегченіи духовенства въ политическихъ розыскахъ. Отмѣняя указъ 1733 г. и востановляя порядокъ судопроизводства въ политическихъ дѣлахъ, узаконенный при Петрѣ великомъ, императрица повелѣла: за сказываніе слова и дѣла въ ссорахъ, дракахъ, въ пьянствѣ и подъ судомъ виновныхъ духовныхъ лицъ изъ свѣтской команды отсылать въ духовныя правительства и наказывать ихъ за тѣ продерзости смотря по важности вины, по духовному обыкновенію, кто чему подлежать будетъ, безъ всякаго упущенія, а по указу 1733 г. въ солдаты не писать и въ Сибирь не ссылать, развѣ которые изъ нихъ въ явныхъ злодѣйствахъ по первымъ двумъ пунктамъ виновны явятся,—съ таковыми поступать по прежнимъ указамъ (2). Вскорѣ послѣ этого указа въ томъ же году вышелъ другой о непривлеченіи духовенства къ мірскому суду вообще, вызванный жалобами сибирскаго духовенства на губернатора Шипова „о вступаніи имъ въ духовныя дѣла“; на основаніи указа 15 марта 1721 г., духовныхъ лицъ запре-

---

(1) П. С. З. XII, 9343.
(2) Тамже, XI, 8548. Раньше 8360.

щено было брать въ свѣтскія судебныя мѣста по какимъ бы то ни было дѣламъ, кромѣ тяжкихъ государственныхъ, безъ сношенія съ епархіальными начальствами [1]. Въ 1744 г. св. Синодъ представлялъ Сенату, что указъ не соблюдается, что „нѣкоторые въ губерніяхъ губернаторы и въ городахъ воеводы духовныхъ персонъ и понынѣ подъ свой судъ привлекаютъ, а иные разныхъ чиновъ люди духовнаго чина людямъ чинятъ смертельные и ругательные побои и увѣчья". Сенатъ распорядился „въ губерніи и провинціи подтвердить указами, дабы духовнымъ персонамъ никакихъ обидъ и притѣсненія чинено не было, а поступано бъ съ ними было, какъ указами повелѣно, а буде имъ отъ кого изъ свѣтскихъ обиды чинены будутъ, о томъ слѣдовать и съ виновными чинить, какъ указы повелѣваютъ, безъ упущенія" [2]. Въ исковыхъ дѣлахъ указывалось наблюдать прежній порядокъ, т. е. духовнымъ лицамъ искать на свѣтскихъ предъ начальствами послѣднихъ, а свѣтскимъ на духовныхъ предъ духовнымъ начальствомъ. При разбирательствѣ исковыхъ дѣлъ духовныхъ истцовъ въ свѣтскихъ судахъ въ присутствіи велѣно быть съ духовной стороны депутатамъ для наблюденія, чтобы слѣдствіе „произвождено было въ силу указовъ правильно и чтобы духовные получали непродолжительную и достойную сатисфакцію". По дѣламъ тяжебнымъ, яко какая покупка, промыслы, откупы, торги и т. п., также уголовнымъ, воровству и разбою, духовные судились въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ, но тоже въ присутствіи духовныхъ депутатовъ [3]. Въ архивѣ московской консисторіи сохранилась консисторская инструкція (1747 г.) одному депутату, назначенному къ слѣдствію о корчемствѣ священника, въ которой о депутатской обязанности

---

(1) П. С. З. XI, 8566.
(2) Тамже, XII, 9079.
(3) Тамже, XIV, 10293. 10488. 10650, п. 3.

сказано: „быть при слѣдствіи депутатомъ, точію что слѣдуетъ до упомянутаго попа, а въ постороннее ни во что не вступаться“. Изъ бумагъ того же архива видно, что депутатовъ не совсѣмъ-то уважали въ свѣтскихъ судахъ. Въ 1756 г. одинъ духовный депутатъ жаловался консисторіи, что при судѣ въ губернской канцеляріи ему не дали даже стула и онъ долженъ былъ простоять около двухъ часовъ на ногахъ (1).

Правительство стремилось къ тому, чтобы поддержать и возвысить привиллегированное положеніе духовенства. Но изъ этихъ же самыхъ указовъ видимъ и то, какъ они плохо соблюдались на практикѣ. Трудно было поднять униженное и забитое сословіе, которое въ самомъ же законодательствѣ приравнивалось къ подлому народу, одними, хоть бы и очень строгими, запрещеніями обижать его, тѣмъ болѣе что и весь вообще государственный строй того времени отличался самымъ вопіющимъ безправіемъ низшихъ предъ высшими, подлыхъ предъ благородными, слабыхъ предъ сильными. Наша исторія все еще переживала періодъ временщиковъ, когда въ государствѣ на первомъ планѣ стояли не право и законъ, а разныя общественныя, частныя, служебныя и придворныя, какъ тогда выражались, конъюктуры, кумовство, дружба, фаворъ, эротическія отношенія и проч., совокупность чего современники называли „случаемъ“;—вмѣсто общаго блага наблюдалось лишь благо частное, личная нажива, удовлетвореніе личному произволу, сладость необузданнаго властелинства и грозной силы. Самостоятельность духовнаго вѣдомства постоянно продолжала дразнить свѣтскія власти и возбуждать въ нихъ столь естественное въ ихъ положеніи желаніе повластелинствовать, показать свою силу и надъ людьми этого претендовавшаго на независимость вѣдомства. Въ губерніяхъ надъ духовенствомъ властелинствовали губер-

---

(1) Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кн. I, стр. 94.

наторы, въ городахъ воеводы, въ полкахъ и военныхъ округахъ полковники и офицеры, въ козацкихъ земляхъ старшина, въ селахъ сельскія власти и помѣщики.

Изъ Малороссіи попрежнему раздавались жалобы духовенства на сотниковъ. Кролевецкій сотникъ Григорій Огіевскій за какое-то „непослушаніе“ ему кролевецкаго протопопа отобралъ у послѣдняго всѣ земли и запретилъ церковникамъ повиноваться ему; одинъ попомарь не послушался этого указа и былъ за это битъ нещадно кіями. Этого мало; грозный сотникъ совсѣмъ отрѣшилъ протопопа отъ должности по всему своему сотенному округу и самъ принялъ на себя все управленіе духовенствомъ, велѣлъ причтамъ обращаться къ нему со всѣми дѣлами, а главное доставлять ему церковныя деньги. Нѣкоторые священники не соглашались исполнять его распоряженій; тогда онъ поѣхалъ по округу смирять этихъ бунтовщиковъ, наѣдетъ на село и велитъ непокорнаго попа бить и грабить. Присвоивъ себѣ власть надъ духовенствомъ, онъ началъ судить причты; въ с. Антиповкѣ дьякъ пожаловался на священника за какую-то обиду,—Огіевскій взялъ за это у священника лошадь и отдалъ ее обиженному, взялъ кромѣ того на себя штрафу 3 рубля съ злотымъ, отнялъ у священника всю усадьбу и построилъ на ней шинокъ. Выведенные изъ терпѣнія, священники попробовали на него пожаловаться, но накликали этимъ новыя бѣды на свои головы. Сотникъ сдѣлалъ на нихъ наѣздъ, у одного священника избилъ дочь середи двора плетьми, а другую дочь билъ по щекамъ, а мужа ея кіями, самого священника, явившагося съ поклономъ, заперъ на колокольнѣ. Жалобы на такія самоуправства обращались во вредъ самому же духовенству, потому что изъ консисторіи передавались обыкновенно въ суды козацкіе, а эти по поводу ихъ непремѣнно вступались за оскорбленіе козацкой чести, опрокидывались на жалобщиковъ грозной карой и заставляли ихъ униженно просить у ми-

лостиваго пана, который ихъ обидѣлъ, о прощеніи и прекращеніи дѣла (1). Не меньше оказывалось пренебреженія къ правамъ духовенства на другой козацкой украйнѣ Россіи,—на Дону, гдѣ духовенство тоже жило въ особливомъ опредѣленіи и состояло въ войсковомъ чинѣ. Вслѣдствіе этого особливаго опредѣленія св. Синодъ два раза (въ 1741 и 1745 гг.) получалъ отъ тамошняго епархіальнаго начальства сильныя жалобы на то, что наказные атаманы вступались въ церковныя дѣла и постоянно привлекали священно-и-церковно-служителей подъ свою команду съ чувствительнымъ при этомъ ограниченіемъ полномочій самой епархіальной власти (2).

Отъ времени имп. Елизаветы дошло до насъ нѣсколько возмутительныхъ примѣровъ помѣщичьяго произвола надъ причтами. Особенно выразительны въ этомъ отношеніи извѣстія изъ исторіи западнорусскихъ епархій, гдѣ въ кругу помѣщиковъ господствовали еще старо-польскія панскія замашки. Священникъ находился въ полномъ пренебреженіи даже у такихъ благочестивыхъ пановъ, которые каждый воскресный и праздничный день звали его къ себѣ на домъ служить заутреню; онъ долженъ былъ непремѣнно являться въ домъ еще до пробужденія господина и при этомъ по цѣлымъ часамъ ждать начала службы въ передней вмѣстѣ съ толпой сонныхъ лакеевъ, иначе могъ натерпѣться большихъ непріятностей. А вотъ наприм. какъ поступали съ своими священниками не очень благочестивые паны. Въ 1746 г. помѣщикъ с. Полунина смоленской епархіи бригадиръ Швейковскій, на основаніи своихъ вотчинныхъ правъ, отобралъ себѣ всю церковную усадьбу, а дома причта, стоявшіе на ней, велѣлъ разорить. Священникъ пожаловался на него за это епархіальному начальству, при чемъ въ своей

---

(1) Руков. для с. паст. 1864 г. т. II, стр. 503—504.
(2) П. С. З. XVII, 12454.

жалобѣ указалъ еще на разныя неисправности по церкви, которыя зависѣли отъ того же Швейковскаго, бывшаго при своей церкви старостою. Панъ страшно обидѣлся, призвалъ непокорнаго попа къ себѣ въ домъ и началъ кричать на него, припоминая ему и его жалобы, и то, какъ онъ осмѣлился безъ спроса обвѣнчать одного мужика, и то, что на молебнѣ читано было: „Господи! оружіе на діавола крестъ Твой далъ еси намъ“, что явно де относилось къ личности помѣщика. Окрики сопровождались хлестаньемъ по щекамъ и тасканьемъ попа за бороду. Явилось нѣсколько гайдуковъ, которые по приказу пана раздѣли бѣднаго священника, положили его на полъ и били смертнымъ боемъ чеканами и дубьемъ. Измученнаго до полусмерти, его стащили потомъ въ крестьянскую избу съ строжайшимъ приказомъ, если умретъ, бросить въ прудъ. Швейковскому уже не впервые было совершать такіе подвиги; въ 1724 г. онъ также проучилъ своего священника, схвативъ его въ свой домъ даже изъ одной церковной процессіи въ облаченіи и съ Евангеліемъ въ рукахъ; дѣло тогда кончилось тѣмъ, что священникъ самъ пошелъ съ нимъ на мировую. При имп. Елизаветѣ духовенство было въ милости у правительства, а архіереемъ въ Смоленскѣ былъ Гедеонъ Вишневскій, человѣкъ строгій и неуступчивый; онъ горячо вступился за обиженнаго священника, церковь велѣлъ запечатать, а пана потребовалъ къ себѣ на судъ чрезъ губернскую канцелярію, и когда этотъ не явился, предалъ его отлученію отъ церкви, „дондеже придетъ въ чувство и изобиженному священнику учинитъ надлежащую сатисфакцію“. Неизвѣстно впрочемъ, учинена ли была эта сатисфакція; по всей вѣроятности нѣтъ, по крайней мѣрѣ церковь оставалась запечатанною еще въ 1754 г., черезъ 8 лѣтъ послѣ этой исторіи (1).

(1) Ист. смоленск. епарх. Спб. 1864. стр. 162 — 163. 107—109.

Не менѣе возмутительные факты этого рода встрѣчаемъ и во внутреннихъ епархіяхъ. Историкъ московской епархіи разсказываетъ, что и здѣсь, въ центрѣ русскаго благочестія, духовенство было крайне унижено предъ помѣщиками. „Священно-и-церковно-служители стояли предъ помѣщиками съ подобострастіемъ и униженно, не смѣли въ присутствіи ихъ быть съ покровенною головой. Произволъ помѣщиковъ былъ тогда великъ; они могли священно-и-церковно-служителя лишить хлѣба, дома, мѣста". Одинъ помѣщикъ публично въ церкви, во время совершенія литургіи, кричалъ на своего попа, браня его матерными словами, потомъ послѣ обѣдни избилъ его всячески и людямъ своимъ велѣлъ бить ругательски; вся эта исторія возникла изъ за того, что священникъ не хотѣлъ допускать къ служенію въ церкви одного дьячка, отставленнаго отъ должности консисторіей за пьянство и буйство, а помѣщикъ, вопреки консисторскому опредѣленію, разсудилъ, что дьячка отрѣшать не слѣдуетъ, самъ привелъ его на клиросъ и велѣлъ исправлять дьяческую должность. Другой помѣщикъ кн. Вяземскій напалъ на своего священника въ полѣ и началъ его проучивать конской плетью за то, что священникъ на дорогѣ хотѣлъ отнять у княжова крестьянина свою лошадь, пойманную этимъ крестьяниномъ на хлѣбѣ; священникъ представилъ было гнѣвному барину, что онъ въ этотъ день литургисалъ и что при немъ св. Дары, но этимъ только еще болѣе его раздражилъ; по знаку барина явились крестьяне и лакеи, били попа кулаками и ногами, потомъ за волосы поволокли его черезъ поле въ усадьбу князя; дароносица упала на землю, Вяземскій ткнулъ ее ногой и разсыпалъ св. Дары на землю. Св. Синодъ указалъ на этомъ мѣстѣ поставить малую часовню, крестьянъ, которые били попа, наказать плетьми, а князя Вяземскаго послать въ вѣчное заточеніе въ монастырь, гдѣ

держать его скованнаго подъ строгой эпитиміею на хлѣбѣ и на водѣ (1).

Обидчиковъ духовнаго чина благочестивое правительство наказывало очень строго. Такъ наприм. въ 1757 г. наказаны были два помѣщика рязанской губерніи капралъ драгунскаго полка Иванъ Стахоновъ и братъ его драгунъ Андрей за то, что призвавъ къ себѣ своего приходскаго священника, якобы для сподобленія болящей онаго капрала жены св. таинъ, произвели ему побои, наругались и надъ св. тайнами; за это опредѣлено было послѣ церковнаго наказанія прогнать ихъ шпицрутенами черезъ 1000 человѣкъ по 6 разъ и потомъ опредѣлить на 10 лѣтъ на казенныя работы. Св. Синодъ опубликовалъ объ этомъ фактѣ указами по всѣмъ епархіямъ, „дабы и прочіе могли отъ таковыхъ продерзостей удержаться“ (2). Но нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что немногіе священники имѣли храбрость жаловаться на своихъ господъ. Кромѣ того, что въ тогдашнихъ судахъ трудно было найти управу и не такимъ низменнымъ людямъ, какъ какой-нибудь приходскій священникъ, жалоба была всегда сопряжена съ большимъ рискомъ подвергнуться послѣ непріятностямъ мщенія отъ самого господина или его родни, пріятелей и т. д. или даже самому быть въ чемъ-нибудь завиненнымъ. Наприм. священникъ, донесшій на кн. Вяземскаго, самъ былъ запрещенъ въ служеніи и сосланъ на годъ въ монастырь, вѣроятно за то, что его лошадь гуляла въ крестьянскомъ хлѣбѣ. Сами архіереи не всегда были такими заступниками за духовенство, какъ Гедеонъ смоленскій. При его пріемникѣ, кроткомъ и мягкомъ Парѳеніи одинъ священникъ въ 1761 г. тоже пожаловался на своего помѣщика, прося въ тоже время

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. ч. II, отд. I, стр. 181, примѣч. 156.

(2) П. С. З. XIV, 10750.

оставить его священника на старомъ мѣстѣ, потому что онъ успѣлъ обзавестись тутъ хозяйствомъ; отъ преосвященнаго послѣдовала резолюція—по несогласію помѣщика перевести священника на другое мѣсто (1).

Нельзя не замѣтить, что случаи несчастныхъ столкновеній духовенства съ помѣщиками при имп. Елизаветѣ все болѣе и болѣе умножались. Объясненіе этого явленія заключается въ томъ, что помѣщики стали жить въ своихъ имѣніяхъ гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ въ прежнее время. Въ началѣ XVIII столѣтія всѣ дворяне, кромѣ дѣтей и стариковъ, должны были выѣзжать изъ деревень на обязательную и безсрочную службу. По случаю опустѣнія барскихъ усадьбъ, гдѣ оставались однѣ женщины, а изъ мущинъ люди престарѣлые, съ нравомъ уже давно уходившимся отъ лѣтъ и естественною въ этомъ періодѣ жизни набожностію, духовныя лица были первыми людьми въ своихъ сельскихъ приходахъ и получали иногда сильное вліяніе на самихъ господъ; примѣръ такого вліянія представляетъ извѣстный о. Иларіонъ въ запискахъ Болотова. „Сія-то духовная особа, разсказываютъ записки, играла въ тогдашнее время знаменитую въ домѣ нашемъ роль. Отчасти остротою своего разума, отчасти хитростію, а болѣе всего пользуясь отмѣнною родительницы моей склонностію къ набожному житію, умѣлъ о. Иларіонъ такъ вкрасться въ мать мою, что она воздавала ему превеликое почтеніе, не оставляла его во всѣхъ его нуждахъ, старалась во всемъ ему угождать, и онъ былъ у ней наилучшимъ совѣтникомъ и наставникомъ во всѣхъ случающихся дѣлахъ... обладалъ почти нравомъ и душевнымъ расположеніемъ моей матери, и я и понынѣ еще не могу забыть одной хитрости, употребленной имъ для поддержанія своего владычества“. Хитрость эта состояла въ такъ называемомъ „связаніи на духу“, которое о. Иларіонъ упо-

(1) Ист. смоленск. епарх. 163.

требилъ надъ помѣщицей за какую-то непріятность ему съ ея стороны и которымъ привелъ ее въ превеликій ужасъ и заставилъ долго ухаживать за собой. „Вотъ каковы были тогда времена и обстоятельства“! заключаетъ Болотовъ (1). Времена и обстоятельства скоро перемѣнились. Въ помѣстьяхъ мало по малу стали селиться отставные дворяне, — ветераны Петровскаго времени; потомъ при Аннѣ Іоанновнѣ назначенъ для дворянъ 25-лѣтній срокъ обязательной службы, давшій имъ возможность лѣтъ 45 отъ роду навсегда водворяться въ ихъ деревняхъ.

Въ заключеніе этого отдѣла о состояніи духовенства при имп. Елизаветѣ необходимо замѣтить, что при всемъ уваженіи государыни къ духовному чину духовенство и теперь еще не освободилось совсѣмъ отъ того опальнаго положенія въ государствѣ, которое такъ тяжело отзывалось на его благосостояніи въ прежнее время. Политическіе розыски надъ нимъ нѣсколько смягчились, переданы были изъ тайной канцеляріи въ руки духовной власти, но совсѣмъ не прекратились и еще слишкомъ часто тревожили покой скромныхъ священно-и-церковно-служителей, менѣе всего занимавшихся политикой. Въ періодъ частыхъ государственныхъ переворотовъ и господства „случая“ правительство было очень пугливо и готово было по малѣйшему подозрѣнію напуститься на человѣка со всею жестокостію трусливости и испуга, а между тѣмъ въ обществѣ продолжала господствовать воспитанная этою трусливостью страсть къ доносамъ, пагубная привычка и къ дѣлу и не къ дѣлу возглашать „слово и дѣло“, привычка, проникшая и въ духовенство. То какой-нибудь пьяный дьяконъ или попъ попадалъ на съѣзжую и, не стерпя побой отъ потѣшавшихся надъ нимъ грубыхъ караульныхъ, отчаянно объявлялъ за собою тайность, не зная на самомъ дѣлѣ рѣшительно

---

(1) Русск. стар. 1870 г. февр. Прилож. стр. 148—150.

никакой тайности. То раздерутся между собой двое сослуживцевъ при одной и той же церкви, наприм. дьяконъ съ дьячкомъ, одинъ другаго осилитъ, начнетъ теребить за волосы, и послѣдній закричитъ слово и дѣло; свидѣтели драки вступятся и, боясь, чтобы ихъ самихъ не запытали за недонесеніе, потащутъ обоихъ въ тайную канцелярію или въ консисторію. Консисторія, получивъ подобныя дѣла въ свое вѣдомство, была вполнѣ проникнута сознаніемъ необыкновенной ихъ важности и назначала по нимъ весьма строгія наказанія, наприм. за ложное сказываніе слова и дѣла наказывала нещадно плетьми и кромѣ того болѣе или менѣе продолжительной ссылкой на монастырскіе труды. Такія же наказанія налагались на духовныхъ лицъ за неслуженіе царскихъ молебновъ и панихидъ, которое по прежнему преслѣдовалось, какъ необыкновенно важное политическое преступленіе. Сами духовныя власти до сихъ поръ еще не могли опомниться послѣ ужасовъ прошлаго времени и, получивъ какой-нибудь доносъ политическаго характера, хотя бы даже очень пустаго содержанія, приходили въ сильное безпокойство, какъ-бы при слѣдованіи дѣла самимъ не провиниться въ слабости и въ нерадѣніи о чести императорскаго величества. Въ 1752 г. весь Андреевскій монастырь въ Москвѣ, а потомъ и московская консисторія пришли въ ужасъ и переполохъ; причиной было то, что во время соборнаго молебна іеродіаконъ Даміанъ невзначай пропустилъ въ ектеніи слова: „и супруги его благовѣрной государыни и в. княгини Екатерины Алексѣевны“. Не смотря на всѣ оправданія, онъ за это былъ наказанъ плетьми и сосланъ въ другой монастырь, а сослужившіе съ нимъ за то, что его не поправили, должны были положить въ церкви по 1000 земныхъ поклоновъ (1). Въ вятской епархіи

(1) См. факты въ Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кн. 1, примѣч. 297—298.

однажды публично наказали какого-то сельскаго священника за то, что онъ оправилъ торжество коронаціи вмѣсто 25 апрѣля 23 того же мѣсяца, хотя онъ и объяснилъ при слѣдствіи, что учинилъ это безъ всякаго злаго умысла, а изъ единой простоты и ради большаго собранія народнаго, такъ какъ 23 число пришлось въ воскресенье (1). Или вотъ еще какой случай былъ въ 1749 г. въ Кіевѣ. Кіево-подольскій намѣстникъ Павелъ Лобко, извѣстный ябедникъ, донесъ консисторіи на кіево-подольскаго протопопа Романа Лубенскаго, что этотъ въ приказѣ своемъ одному священнику явиться въ духовное правленіе употребилъ выраженіе: „наше правленіе“, а такія выраженія, какъ *мы*, *наше* и проч. можетъ употреблять только царственная особа, въ устахъ же частнаго человѣка они являются посягательствомъ на высочайшую честь; „протопопъ, продолжаемъ изъ доноса, вѣдая себѣ быти раба и подданнаго, маловажная команда, отъ единой своей гордости къ униженію чести вашего импер. величества сіе титло возхищаетъ напрасно“. Консисторія засуетилась и, не осмѣливаясь рѣшить такого важнаго дѣла сама, отнеслась за совѣтомъ къ кіевскому генералъ-губернатору Леонтьеву. Тотъ отвѣчалъ, что въ выраженіи *наше* не находитъ никакой вины и что весь доносъ на протопопа есть чистая ябеда. Но консисторія этимъ не удовлетворилась и отослала дѣло на рѣшеніе въ св. Синодъ. Въ Синодѣ оставили его безъ рѣшенія (2). — И духовенство и весь русскій народъ успокоились отъ политическихъ доносовъ уже послѣ того, какъ манифестомъ 21 февраля 1762 г. Петръ III совсѣмъ закрылъ тайную канцелярію со всѣми нелѣпостями ея варварскаго и безсмысленнаго терроризма и повелѣлъ, чтобы ненавистное израженіе „слово и дѣло“ отселѣ ничего не

---

(1) Вятск. іерарх. Никитникова. Вятка 1863. стр. 58.
(2) Кіевск. епарх. вѣдом. 1862 г. № 14. стр. 181.

значило, чтобы употребляющихъ его въ пьянствѣ, дракѣ и т. п. разбирала полиція, какъ и всякихъ другихъ озорниковъ, а дѣйствительные доносители по первымъ двумъ пунктамъ обращались въ обыкновенныя судебныя мѣста или къ ближайшему военному начальству (1).

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II для духовенства настала эпоха крупныхъ преобразованій. Мы уже видѣли часть этихъ преобразованій, относившуюся главнымъ образомъ къ духовнымъ штатамъ и разборамъ лишнихъ людей въ духовенствѣ. Инструкція коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ и указъ 1764 г. о результатахъ работъ этой коммиссіи высказали намѣренія правительства улучшить положеніе бѣлаго духовенства во всѣхъ отношеніяхъ,—въ матеріальномъ, умственномъ, нравственномъ и гражданскомъ. Современное его положеніе правительство находило неудовлетворительнымъ, жаловалось на необразованность и деморализацію духовенства, нестроенія въ его средѣ и униженіе пастырскаго сана въ народѣ. Первымъ шагомъ къ возвышенію этого униженнаго сословія было освобожденіе его отъ унизительныхъ тяглыхъ его отношеній къ іерархіи, о которыхъ мы еще будемъ говорить особо. Когда древній данникъ, тяглый попъ, получилъ давно желанную свободу отъ своего тягла, положеніе его среди духовнаго чина должно было существенно измѣниться, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребовались новыя опредѣленія и касательно его гражданскихъ правъ; права эти потребовалось возвысить; многое, что прежде легко мирилось съ приниженнымъ положеніемъ священно-служителей, потребовало отмѣны; въ прежнее время наприм. священника можно было наказывать плетьми даже послѣ прекращенія этихъ наказаній для высшаго дворянскаго класса, потому что священникъ былъ тяглый и слѣдовательно „под-

(1) П. С. З. XV, 11426.

лый“ человѣкъ,—теперь на это наказаніе духовенству начали смотрѣть не одобрительно, какъ на не приличное, унизительное для духовнаго сана и т. п. Въ 1766 г., предпринявъ намѣреніе „съ настоящимъ основаніемъ приступить къ лучшему распоряженію о пользахъ и выгодахъ духовныхъ бѣлаго священства и церковныхъ служителей“, императрица, какъ мы уже знаемъ, указала собирать предварительно подробныя свѣдѣнія о всемъ бѣломъ духовенствѣ имперіи. Пока производилось собираніе этихъ свѣдѣній и пока на основаніи ихъ правительство занималось извѣстнымъ намъ разборомъ духовенства для очищенія духовнаго сословія отъ лишнихъ людей, созвана была знаменитая коммиссія о составленіи новаго уложенія, которая должна была представить и обсудить нужды и требованія всѣхъ государственныхъ сословій и этимъ подготовить для правительства прочные матеріалы для составленія всеобщаго законодательнаго кодекса и для всѣхъ послѣдующихъ реформъ въ государствѣ.

Нечего и говорить, что для насъ въ высшей степени было бы важно прослѣдить отношенія коммиссіи къ духовенству и ея работы по вопросу о правахъ духовнаго сословія. Подобныхъ случаевъ, когда являлась возможность о томъ или другомъ вопросѣ современной жизни высказаться представителямъ цѣлой страны, представителямъ всего современнаго умонаправленія, какъ выражалась сама Екатерина, въ исторіи встрѣчается весьма мало. Къ сожалѣнію акты коммиссіи доселѣ еще невполнѣ извѣстны въ печати; о томъ, что въ ней происходило по вопросу о духовенствѣ, мы можемъ судить только по небольшимъ отрывкамъ и извлеченіямъ у тѣхъ изслѣдователей, которые имѣли возможность познакомиться съ этими актами въ рукописяхъ. Такъ, съ помощію краткихъ извлеченій изъ депутатскихъ наказовъ мы знаемъ, что депутаты отъ правительственныхъ мѣстъ представляли коммиссіи: о дозволеніи вступленія всякимъ чинамъ въ духовные чины, а изъ духовныхъ въ свѣтскіе, объ

освобожденіи священниковъ отъ неприличныхъ работъ, о дозволеніи духовнымъ лицамъ покупать крѣпостныхъ людей, объ учиненіи монастырскихъ недвижимыхъ имѣній коронными и объ установленіи къ пропитанію монаховъ и содержанію церквей доходовъ. Наказы этого рода очевидно стремились къ уничтоженію замкнутости духовенства и приравненію его къ дворянству. Но дворянство въ своихъ наказахъ старалось крѣпко отстаивать свое отличительное право крѣпостнаго владѣнія, стремилось удержать за собою монополію не только владѣнія крѣпостными душами, но и землевладѣнія, требовало, чтобы духовенство не имѣло вовсе земель и жило жалованьемъ, предлагало продать и церковныя земли, владѣніе хуторами, мельницами и т. п. также оставляло только за дворянами. Городскіе депутаты также предлагали оставить духовенство на жалованьи съ тѣмъ, чтобы оно свыше указнаго числа ничего не домогалось за требы, а покупку земель ему запретить, такъ какъ ему неприлично заниматься земледѣліемъ, но въ тоже время, вопреки стремленіямъ дворянства, ходатайствовали о дозволеніи купечеству, священно-и-церковно-служителямъ и всѣмъ разночинцамъ покупать крестьянъ и дворовыхъ людей (1).

Вскорѣ по собраніи депутатовъ въ 1767 г. общая коммиссія о составленіи уложенія была раздѣлена на 19 частныхъ коммиссій, которымъ даны были разные частные предметы цѣлаго уложенія для спеціальной разработки. Въ числѣ этихъ частныхъ коммиссій была одна для насъ особенно интересная—о среднемъ классѣ людей, въ которой обсуждался и вопросъ о бѣломъ духовенствѣ. О работахъ ея по этому вопросу кое-что только узнаемъ изъ короткихъ записокъ, веденныхъ о ея засѣданіяхъ Новиковымъ за 1767 и

---

(1) Разск. изъ р. ист. XVIII в. Солов. Русск. Вѣстн. 1861 г. октябрь. Наказы двор. депутатамъ изданы въ IV т. Сборн. ист. общ.

1768 гг. 4 декабря, разсказывается здѣсь, членъ Нарышкинъ предложилъ вопросъ о священникахъ, что „онымъ надлежитъ быть на ругѣ, а не на землѣ, и что чрезъ сіе будутъ они болѣе имѣть времени на исправленіе своей должности". Этимъ разсужденіемъ пока дѣло и кончилось. Въ засѣданіи 11 марта коммиссія снова воротилась къ разсужденіямъ о духовенствѣ: шла рѣчь о томъ, что „священники, діаконы и прочіе церковно-служители не должны имѣть права владѣть землями, но должны отъ прихожанъ быть содержимы на жалованьи и что они должны быть освобождены отъ всѣхъ полицейскихъ должностей, при чемъ читано было разсужденіе г. Гума (Юма) приличное къ сей матеріи; и наконецъ гг. члены сочиненіе главы о бѣломъ духовенствѣ препоручили г. члену кн. Щербатову. Г. членъ кн. Щербатовъ разсуждалъ, что подъ именемъ церковно-служителей разумѣются только тѣ, кои дѣйствительно по положенному числу при церквахъ находятся, излишніе жъ въ число оныхъ не полагаются, но дабы оные не находились безъ мѣстъ, то оные, яко мѣщане, могутъ вступать въ торги и промыслы или, которые похотятъ, и въ военную службу". 13 марта глава о духовенствѣ была уже готова; въ чемъ она состояла, не знаемъ. 22 мая въ коммиссіи читали главу о личныхъ правахъ „бѣлаго духовенства, поелику они причислены къ среднему роду, основанную на 377, 117, 306, 307, 246 отдѣленіяхъ Большаго Наказа. При чтеніи оной главы гг. члены разсуждали, что оная глава расположеніемъ своимъ и полною ясностію достойна ихъ аппробаціею, а трудившійся въ сочиненіи оной главы г. кн. Щербатовъ заслуживаетъ похвалу и всѣхъ гг. членовъ благодарность" (1). Любопытно это обращеніе гг. членовъ за матеріалами для разсужденія о правахъ духовенства къ г. Гуму.—О

---

(1) Дополнен. къ истор. массонства въ Россіи. Пекарскаго. 1869 г. Спб. стр. 17, 19—20.

томъ же причисленіи духовенства къ среднему классу людей было разсужденіе въ дирекціонной коммиссіи, которая, начиная съ 20 августа 1767 г., посвятила нѣсколько засѣданій на разсмотрѣніе правъ разныхъ сословій, духовенства, дворянства, купечества и поселянъ. Въ засѣданіяхъ ея участвовалъ депутатъ отъ св. Синода архіепископъ Гавріилъ, бывшій потомъ новгородскимъ митрополитомъ. Въ докладѣ своемъ коммиссіи онъ сильно возсталъ противъ причисленія духовенства къ среднему сословію и успѣлъ настоять на выдѣленіи его въ особое привиллегированное сословіе (1).

Замѣчательно, что изъ всѣхъ сословій и состояній государства въ коммиссію о составленіи уложенія не были приглашены депутаты только отъ духовенства и крѣпостнаго крестьянства. За послѣднее, какъ неимѣющее никакихъ самостоятельныхъ правъ, въ коммиссіи засѣдали депутаты отъ помѣщиковъ, а за первое единственный духовный членъ коммиссіи Гавріилъ, бывшій впрочемъ депутатомъ не отъ духовенства, а отъ св. Синода, и числившійся въ числѣ депутатовъ отъ правительственныхъ мѣстъ. Не трудно усмотрѣть изъ этого, какъ мало еще имѣла значенія та эмансипація духовенства отъ тягла, которая была провозглашена коммиссіей о церковныхъ имѣніяхъ.

Вопреки мнѣніямъ членовъ коммиссіи, руководствовавшихся авторитетомъ г. Гума, духовенство сохранило самостоятельное сословное значеніе. Церковныя земли также не были отписаны въ казну, напротивъ никогда еще церкви не снабжались ими такъ дѣятельно, какъ при Екатеринѣ во время предпринятаго ею генеральнаго межеванія земель по всей имперіи. Но съ другой стороны правительство вовсе не думало объ отмѣнѣ прежнихъ запретительныхъ поста-

---

(1) Сказан. о жизни и труд. м. Гавріила. Спб. 1859 г. стр. 28. примѣч. 3.

повленій относительно допущенія духовныхъ лицъ до владѣнія крѣпостными душами, какъ о томъ ходатайствовали нѣкоторые депутатскіе наказы (¹). Дворянство вполнѣ сохранило за собой монополію крѣпостнаго права, какъ отличительную принадлежность своего сословія, возбуждавшую тогда большую зависть въ другихъ сословіяхъ. Нельзя не замѣтить, что эта зависть имѣла тогда весьма чувствительные практическіе резоны. Не говоря о томъ, что право держать крѣпостныхъ людей было тогда знакомъ благородства, существеннымъ отличіемъ благороднаго человѣка отъ подлаго, не имѣвшій у себя крѣпостныхъ людей въ тогдашнее время съ трудомъ могъ найти для себя даже необходимую прислугу. Когда подъ вліяніемъ философскаго повѣтрія императрица вздумала было поднять вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ людей, дворяне сильно испугались этого и стали доказывать необходимость крѣпостнаго права; въ числѣ доказательствъ, выставленныхъ въ его пользу Сумароковымъ, говорилось и о томъ, что по освобожденіи крестьянъ скудные люди (изъ благородныхъ) ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ; тоже почти самое представляла въ защиту крѣпостнаго права знаменитая поклонница философіи XVIII в. кн. Дашкова. Стремленіе къ закрѣпощенію людей до того было общее, что лица, не имѣвшія права на владѣніе крѣпостными, при нѣкоторомъ увеличеніи своихъ достатковъ, спѣшили пріобрѣсти себѣ крѣпостныхъ людей по крайней мѣрѣ на чужое имя. Такъ поступали и духовныя лица. Пріобрѣтая себѣ крѣпостныхъ служителей или служанокъ покупкой и въ даръ отъ разныхъ своихъ покровителей, они записывали ихъ на имя своихъ помѣщиковъ или прихожанъ, но держали ихъ у себя, какъ полные ихъ владѣльцы, продавали, закладывали

(¹) П. С. З. XIX, 13795.

ихъ, отдавали въ приданое за своими дочерями и т. п. (1).

Кромѣ предоставленія права на владѣніе крѣпостными душами, у правительства было въ рукахъ другое средство поднять духовенство изъ подлости до нѣкотораго равенства съ классомъ людей благородныхъ,— это освобожденіе духовныхъ лицъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Императрицу дѣйствительно сильно возмущало то, что въ духовномъ вѣдомствѣ священно-служителямъ „отъ духовныхъ командировъ, равно какъ бы и въ свѣтскихъ командахъ подлому народу, тѣлесныя чинились наказанія, чрезъ что духовенство, а особливо священно-служители, теряли должное по характеру своему отъ общества почтеніе, паствѣ же ихъ подавался не малой соблазнъ и причина къ презрѣнію.“ Вслѣдствіе этого вышли указы, одинъ объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній священниковъ, другой— объ освобожденіи отъ нихъ дьяконовъ (2). Но и то и другое опредѣленіе ограничивалось предѣлами одного духовнаго вѣдомства; „а ежели кто, сказано въ первомъ указѣ, изъ опыхъ священно-служителей по винамъ своимъ въ криминальныхъ дѣлахъ подлежательны окажутся до свѣтскаго суда, въ такомъ случаѣ поступать по указамъ“, т. е. свѣтскій судъ имѣлъ право по старому наказывать священно-служителей тѣлесно, не ослабляя этимъ должнаго по характеру ихъ отъ общества почтенія и нисколько не подавая этимъ ни соблазна ихъ паствѣ, ни причины къ ихъ презрѣнію. Новая привиллегія духовенства была такимъ образомъ лишь дальнѣйшимъ выводомъ изъ прежнихъ распоряженій объ эмансипаціи его отъ тяглыхъ, крѣпостныхъ отношеній къ духовнымъ властямъ, а можетъ быть, еще результатомъ давняго стремленія правительства

---

(1) Ист. моск. епарх. управ. ч. II, кн. 2, стр 351; ч III. кн. 1, прим. 606, стр. 278.

(2) П. С. З. XVIII, 12909. XIX, 13609.

понизить нѣсколько значеніе іерархіи, укротити вельми жестокую епископовъ славу, чтобы имъ не воздавалось лишней и почти царской чести, стремленія, которое весьма ясно высказалъ еще Д. Регламентъ. Достигнувъ этой цѣли, правительство за тѣмъ остановилось и не дѣлало ни какихъ дальнѣйшихъ выводовъ изъ приведенныхъ указовъ для того, чтобы свободу отъ тѣлеснаго наказанія сдѣлать такою же сословною привиллегіей духовенства, какъ и шляхетства.

Надобно впрочемъ замѣтить, что свѣтскій судъ въ правленіе Екатерины значительно смягчилъ свою прежнюю суровость, такъ что въ случаѣ привлеченія къ нему духовенство и безъ освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія гораздо рѣже подвергалось тѣмъ жестокостямъ, какія ему постоянно приводилось испытывать въ прежнее время, и то большею частію вслѣдствіе злоупотребленій разныхъ начальствъ. Въ это гуманное царствованіе стали изчезать слѣды даже страшной грозы прежнихъ политическихъ слѣдствій. Императрица рѣшительно отвергла старую правительственную систему, основанную на подозрительности и устрашеніи, и съ самаго же начала своего царствованія задалась осуществленіемъ новыхъ правительственныхъ идей, которыя потомъ начертаны были въ ея знаменитомъ Наказѣ. Вотъ наприм. одинъ указъ ея отъ 1763 г., относившійся къ рѣшенію участи такихъ политическихъ преступниковъ, которыхъ прежній политическій судъ подвергнулъ бы всѣмъ ужасамъ, какіе только были у него въ распоряженіи „Ея имп. величество указать соизволила: хотя содержащіеся въ ставропольскомъ духовномъ управленіи оренбургской губерніи села Спасскаго попъ Иванъ Ѳедоровъ и дьячокъ Ѳедоровъ, попъ за то, что онъ въ отправленіи утрени и на молебнѣ на эктеніи упоминалъ о здравіи бывшаго императора Петра III и говорилъ, якобы онъ здравствуетъ и оному дьячку Ѳедорову да пономарю приказывалъ на многолѣтіе пѣть о здравіи его жъ бывшаго императора, а дьячокъ за то, что онъ по объ-

явленному поповскому приказу оное многолѣтіе пѣлъ, надлежащему наказанію и достойны: но оное имъ изъ высочайшаго ея имп. в—ва милосердія оставить и изъ подъ караула освободить (1). Императрица показала много опытовъ подобнаго пренебреженія къ политическимъ преступленіямъ и доносамъ, особенно если въ нихъ запутаны были люди мало видные, которыхъ дѣйствительно нечего было бояться. Генералъ-губернаторъ Каменскій прислалъ однажды нарочнаго въ Петербургъ съ извѣстіемъ, что одинъ дьячокъ всенародно поносилъ ея имп. в—во въ кабакѣ и за то преданъ уже суду. Екатерина отвѣчала на это вѣрноподданическое донесеніе, что „никакія рѣчи дьячка для нея не важны, не слѣдовало для того тревожить курьера, и чтобы по освобожденіи виновнаго изъ подъ ареста отослать его къ архіерею съ совѣтомъ сему приказать причетникамъ быть при церквахъ а не въ кабакахъ“ (2).

Въ 1766 г. св. Синодъ подалъ государынѣ докладъ объ ослабленіи старыхъ указовъ касательно царскихъ молебновъ и панихидъ, при чемъ предлагалъ: сократить самое число молебствій и между прочимъ отставить нѣкоторыя молебствія викторіальныя, „въ отправленіи коихъ по давнопрошедшему времени никакой надобности не предвидится“, какъ-то по случаю побѣды Петра I при Гангутѣ (27 іюня), въ память взятія Нарвы (9 августа), побѣды надъ Лавенгауптомъ (28 сент.), взятія Шлиссельбурга (11 октября); въ день полтавской баталіи отправлять одинъ благодарственный молебенъ, а службу, сочиненную на этотъ день, которая по обстоятельствамъ не прилична, отставить; царскихъ панихидъ не пріурочивать съ непремѣнною обязательностію къ извѣстнымъ днямъ, а соединять ихъ въ одну общую панихиду къ концу мѣ-

---

(1) Русск. Арх. 1871 г. стр. 1252.

(2) Р. Арх. 1870 г. Черты Екатер. велик. стр. 2123.

сяцевъ, когда будетъ удобнѣе, въ опредѣленные же дни служить только въ столицахъ и по тѣмъ соборамъ и монастырямъ, гдѣ положены тѣла поминаемыхъ; за опущеніе царскихъ службъ духовныхъ лицъ штрафовать архіереямъ церковною епитиміею или въ наказаніе заставлять ихъ исправлять опущенную службу 3 дня подъ рядъ. На сокращеніе молебствій высочайшаго согласія не воспослѣдовало; по прежнія жестокія наказанія за ихъ опущеніе были прекращены; высочайшій указъ повелѣлъ „дать наставленіе властямъ по епархіямъ, чтобы взысканія за опущеніе молебствій и панихидъ были всегда соображаемы по духовенству съ человѣческими немощами и съ добрымъ въ священствѣ поведеніемъ, почему и исправленія возлагать умѣренныя епитиміями или деньгами на богадѣльни при домахъ архіерейскихъ“ (1).

Относительно подсудности духовенства вполнѣ подтверждены были прежнія узаконенія 1721 и 1744 гг. Свѣтскимъ начальствамъ запрещено вступаться въ дѣла духовнаго суда и чинить духовнымъ лицамъ притѣсненія и обиды (2). Въ случаѣ законнаго привлеченія духовныхъ лицъ къ свѣтскому суду принято было постояннымъ правиломъ судить ихъ при депутатахъ съ духовной стороны (3). Депутаты эти требовались по дѣламъ въ гражданскія присутственныя мѣста изъ консисторій сначала повременно, т. е. каждый разъ, какъ нуженъ былъ депутатъ, консисторія по требованію присутственнаго мѣста высылала для исполненія депутатскихъ обязанностей кого-либо изъ мѣстнаго духовенства по особому назначенію (4). Такой порядокъ оказывался неудобнымъ въ многихъ случаяхъ. Въ 1791 г. Сенатъ получилъ представленіе отъ ярослав-

---

(1) П. С. З. XVII, 12608.
(2) Тамже, XVIII, 13286.
(3) Тамже, XVII, 12606.
(4) Ист. моск. еп. упр. III, кн. 1, 172.

скаго генералъ-губернатора Кашкина, что нерѣдко бываетъ крайняя надобность подвергать духовныхъ лицъ допросамъ въ самоскорѣйшемъ времени для изслѣдованія дѣла по горячимъ слѣдамъ, а между тѣмъ снимать съ нихъ такихъ допросовъ нельзя безъ духовныхъ депутатовъ, назначеніе же депутатовъ требуетъ продолжительнаго времени, такъ какъ для этого нужно сноситься особо каждый разъ съ консисторіей и ждать ея назначенія. Сенатъ предложилъ св. Синоду распорядиться о назначеніи на будущее время постоянныхъ депутатовъ во всѣхъ епархіяхъ. Указомъ св. Синода предписано было назначать въ каждомъ городѣ по два постоянныхъ депутата и столько же по уѣздамъ на каждые 10—15 сельскихъ приходовъ изъ священниковъ добраго поведенія, а въ случаѣ надобности и изъ дьяконовъ, кто признанъ будетъ къ тому способнымъ, съ тѣмъ чтобы они всегда были въ готовности немедленно являться въ назначенное мѣсто по первой повѣсткѣ отъ полицейскихъ чиновниковъ и ничѣмъ отъ этого не отговаривались; для безпрепятственнѣйшаго исполненія ими своихъ обязанностей ихъ не велѣно было облекать еще никакими другими должностями, кромѣ ихъ обычныхъ приходскихъ должностей, и не употреблять ни на какія временныя порученія по духовной командѣ (1). Съ этого времени въ духовномъ вѣдомствѣ постепенно вошло учрежденіе постоянныхъ депутатовъ.

Жалобы духовныхъ властей на постоянныя вторженія въ ихъ вѣдомство со стороны свѣтскихъ начальствъ вызвали новый рядъ указовъ, которыми правительство и св. Синодъ старались оградить права духовенства на практикѣ. Воронежскіе архіереи и теперь постоянно жаловались на козацкую старшину и войсковаго атамана, который прямо требовалъ, чтобы епархіальное начальство ничѣмъ не смѣло касаться

---

(1) П. С. З. XXIII, 16986. 17052.

войсковаго духовенства, и запрещалъ послѣднему слушаться архіерейскихъ указовъ; въ козацкихъ приходахъ открылось множество церковныхъ безпорядковъ, а духовенство не смѣло объ нихъ и доносить своему начальству; одинъ священникъ донесъ было архіерею, что по казацкимъ станицамъ скрывается много раскольниковъ, но станичный атаманъ съ козаками забилъ его за это въ большую колодку и отослалъ въ войсковую канцелярію „къ единому ихъ священно-служителей въ свою команду порабощенію“. Синодъ послалъ на Донъ указъ, чтобы козаки въ духовныя дѣла не мѣшались (1). Съ своей стороны епархіальное начальство употребляло всѣ зависящія отъ него мѣры для того, чтобы ослабить слишкомъ сильную власть войсковыхъ чиновъ надъ духовенствомъ; съ этою цѣлію святитель Тихонъ воронежскій оказывалъ наприм. полное пренебреженіе къ рекомендаціямъ свѣтскихъ особъ относительно духовныхъ лицъ, въ случаѣ притѣсненій причтамъ со стороны прихожанъ переводилъ эти причты на другіе мѣста, а церкви ихъ дѣлалъ приписными къ другимъ церквамъ, запрещалъ духовенству ходить къ обидчикамъ съ требами, не дозволялъ забирать духовныхъ лицъ въ губернскую канцелярію и подвергать ихъ тамъ тѣлесному наказанію даже за тяжкія вины. Но мы едва ли много можемъ приписывать этимъ мѣрамъ значенія на практикѣ; достаточно вспомнить при этомъ извѣстный фактъ изъ житія того же св. Тихона, какъ онъ рѣшился было однажды оспорить одного изъ богатыхъ помѣщиковъ, который носился въ обществѣ съ тогдашними модными идеями французской философіи, и какъ получилъ за такую дерзость пощечину (2).

Не менѣе произвола въ отношеніи къ духовенству допускали начальства военныя въ тѣхъ мѣстно-

---

(1) П. С. З. XVII, 12454.

(2) Житіе Тих. задонск. Спб. 1863. ч I, 49. 185—186.

стяхъ, гдѣ стояли полки; военная власть была тогда выше всѣхъ другихъ властей и лица ея вѣдомства пренебрегали всякими не только духовными, но и мѣстными гражданскими начальствами, на которыхъ все еще продолжали смотрѣть съ военно-дворянской точки зрѣнія, какъ на подъячихъ. Полковое духовенство было въ такомъ же подчиненіи у полковыхъ начальствъ, какъ козацкое у козацкой старшины, несмотря на то, что еще указомъ 1733 г. (января 23) подчинено было консисторіямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ стояли полки, наравнѣ съ мѣстнымъ приходскимъ духовенствомъ. Въ 1764—1765 гг. одинъ священникъ жаловался св. Синоду на полковника и офицеровъ вятскаго пѣхотнаго полка, что они чинили ему несносныя ругательства, не возвращали занятыхъ у него денегъ, держали его подъ карауломъ, однажды въ Ревелѣ черезъ весь городъ тащили его связаннаго подъ конвоемъ, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ лавочники, караульные у гауптвахты и многіе люди; жаловался онъ на это прежде военной коллегіи, но она ограничилась одной только справкой объ этомъ дѣлѣ въ полку, и когда изъ полка донесли рапортомъ, что все обстоитъ благополучно, что священникъ пьянствуетъ, а обидъ ему никакихъ не было, то совершенно на этомъ и успокоилась и удовлетворенія ему никакого не учинила. Понятно, что военная коллегія не находила никакого резона обижать военныхъ начальниковъ изъ-за какого-нибудь попа, а между тѣмъ по закону всѣ жалобы на военныхъ людей должны были представляться въ нее. Не защищая духовенства отъ обидъ, она однако довольно энергично вступалась въ дѣло, когда приходилось защищать самихъ военныхъ людей по жалобамъ духовенства св. Синоду. Въ 1782 г. одинъ священникъ сибирскаго пѣхотнаго полка поднялъ дѣло о томъ, что въ полку его держали подъ карауломъ наряду съ другими колодниками. Полковникъ подалъ въ военную коллегію объясненіе, что у него въ полку и колодницкой не бывало, а сажалъ онъ попа подъ

присмотромъ солдатъ въ канцеляріи, чтобы протрезвить его отъ запоя, и что онъ самъ проситъ теперь у военной коллегіи „отъ облыжнаго прошенія“ того попа защиты. Коллегія тотчасъ же потребовала у св. Синода смѣны означеннаго священника. Св. Синодъ, разумѣется, взглянулъ на это дѣло иначе; въ коллегію былъ посланъ указъ, въ которомъ, поставивъ ей на видъ, что она выслушала оправданіе лишь одного полковника, а не обѣихъ тяжущихся сторонъ, и что самъ же полковникъ сознался въ держаніи священника подъ карауломъ въ канцеляріи, св. Синодъ рекомендовалъ ей распорядиться, чтобы полковыя начальства священно-служителей ни за какія провинности сами не штрафовали, а доносили объ нихъ для нужныхъ распоряженій духовному начальству (1).

Съ церковно-служителями при полкахъ обращались еще безцеремоннѣе. Въ 1769 г. возникло наприм. такое дѣло между начальствомъ ингерманландскаго полка и новгородской консисторіей. Года за три до этого времени, по требованію полковаго начальства, изъ епархіи было послано для запятія праздныхъ церковническихъ мѣстъ при полковой церкви двое сверхштатныхъ церковниковъ, въ томъ числѣ одинъ священническій сынъ Борисъ Игнатьевъ, изключенный изъ семинаріи „за непопятіемъ наукъ“. Въ 1768 г. консисторія потребовала его опять къ себѣ по случаю разбора церковниковъ, но онъ уже давно записанъ былъ своимъ полковникомъ въ рядовые солдаты. Консисторія заявила претензію на то, что это совершилось безъ всякаго ея вѣдома и согласія и завязала съ полковой канцеляріей любопытную переписку. Изъ полка отвѣчали, что Игнатьевъ записанъ въ солдаты за невоздержность, неисправность и малограмотность. Консисторская промеморія замѣтила на это, что во всякомъ случаѣ слѣдовало бы прислать Игнатьева въ консисторію, какъ человѣка духовнаго зва-

(1) П. С. З. XXI, 15440.

нія, и снова потребовала его высылки изъ полка. Полковая канцелярія возразила на эту промеморію, что послѣ опредѣленія въ полковую службу онъ Игнатьевъ уже вышелъ изъ вѣдомства консисторіи и что консисторія впредь ожидать его уже не имѣетъ. Консисторія послала новую промеморію, что Игнатьевъ отправленъ въ полкъ не для солдатской, а для церковной службы, что слѣдовательно и быть ему надлежитъ нигдѣ индѣ, какъ при церкви, и что если онъ и оказался человѣкомъ неисправнымъ, то для разсмотрѣнія его вины и для штрафа его все-таки слѣдовало прислать въ консисторію же, да кромѣ того о неисправности его не было никакихъ донесеній отъ его священника: въ заключеніе консисторія снова настаивала на томъ, чтобы означенный церковникъ непремѣнно былъ присланъ къ разбору, потому что изъ-за него можетъ произойти остановка въ самомъ разборѣ и консисторія должна будетъ донести о томъ высшей командѣ. Полковое начальство наконецъ сдалось и выслало Игнатьева, но при этомъ все-таки требовало, чтобы его „паки прислать въ полкъ въ немедленномъ времени“. Выигравъ первый шагъ въ этой борьбѣ съ страшной военной властью, консисторія не торопилась радоваться своему рѣдкому успѣху, а упорно продолжала вести свою борьбу до конца. Игнатьевъ былъ подвергнутъ дьячковскому экзамену и найденъ вопреки показанію полковой канцеляріи „въ чтеніи исправнымъ и и писать умѣющимъ“. Потомъ съ него взята сказка объ обстоятельствахъ опредѣленія его въ солдаты, которая представила дѣло совершенно въ другомъ видѣ. Игнатьевъ показалъ, что онъ посланъ въ полкъ въ декабрѣ 1766 г. и исправлялъ здѣсь свою дьячковскую должность до іюня 1767 г. и что во все это время полковникъ Фреймапъ не переставалъ уговаривать его записаться въ солдаты, обѣщая ему унтеръ-офицерскій чинъ, но онъ Борисъ, не имѣя желанія быть въ военной службѣ, отъ того отговаривался, а іюня 3 числа, во время бытія того полка въ лагерѣ въ г.

Ригѣ, оный полковникъ, пришедъ къ нему Борису въ палатку, спросилъ у него: желаетъ ли онъ быть въ военной службѣ, но получа у него въ отвѣтъ, что онъ желанія къ тому не имѣетъ, приказалъ его безъ всякой его вины взять во 2-ю гренадерскую роту силою, и записавъ въ гренадеры, обучить военной экзерціи чрезъ трои сутки и, доколѣ не обучится, давать ему на всякій день палкою по 1000 лозановъ, каковой экзерціи онъ Борисъ чрезъ оные 3 дни и обученъ, и таковые несносные бои при ученіи оному были чинены. Потомъ его велѣно было употреблять вмѣстѣ съ прочими гренадерами въ ротное и полковое общее ученіе, что онъ Борисъ донынѣ и исправлялъ, къ должности же при церкви съ 3 іюня допускаемъ не былъ. А невоздержности и опущеній онъ Борисъ никакихъ не чинилъ, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать священникъ и пономарь, въ военной службѣ быть не желаетъ, а желаетъ попрежнему обращаться въ чинѣ церковномъ. Послѣ этого объясненія, подтвержденнаго нужными справками при полковомъ причтѣ, консисторія задержала Игнатьева у себя, не обращая вниманія на присылки за нимъ изъ полка, и обо всемъ донесла въ св. Синодъ. Св. Синодъ, по указу государыни, велѣлъ выключить Игнатьева изъ полка, а къ полковымъ начальствамъ разослать запретительные указы— безъ сношенія съ духовною властію подобныхъ самовольныхъ распоряженій о духовныхъ лицахъ не допускать (1).

Гражданскія начальства, будучи настоящими хозяевами своихъ округовъ, тоже постоянно вторгались въ дѣла по церковному вѣдомству. Не смотря на всѣ толки модной философіи и знаменитаго Наказа о томъ, что администрація должна быть основана на страхѣ передъ законами, а не начальствами, что начальства созданы для подчиненныхъ, а не подчиненные для начальствъ, о важности законовъ и т. п., въ администра-

(1) П. С. З. XVIII, 13283.

тивной и судебной практикѣ все еще господствовали старые патріархальные нравы; тѣ самые люди, которые утѣшались подобными толками, въ соприкосновеніи съ дѣйствительностію, съ подлымъ народомъ держались совершенно другихъ правилъ, наслѣдованныхъ отъ отцевъ и дѣдовъ, и самые лучшіе изъ нихъ отличались отъ остальныхъ только тѣмъ, что слѣдовали нравамъ старины, съ сожалѣніемъ жалуясь на грубость подлаго народа и его нечувствительность къ лучшему, философскому съ нимъ обращенію. Большинство начальствъ и теперь измѣряло степень своего авторитета силою окриковъ на подчиненныхъ, числомъ оплеухъ, раздаваемыхъ направо и налѣво, степенью необузданности своего произвола и трепетомъ подчиненныхъ и неподчиненныхъ. Духовенство, смѣшанное съ подлымъ народомъ, на ряду съ послѣднимъ должно было трепетать передъ каждымъ становымъ, даже просто предъ какимъ-нибудь разсыльнымъ съ указомъ, который проѣзжалъ мимо церковнаго погоста. Добрынинъ въ своихъ запискахъ рисуетъ любопытную картину, какъ во время одной поѣздки сѣвскаго архіерея Кирилла Фліоринскаго на большой дорогѣ столкнулись два начальства, одно въ лицѣ кабинетъ-курьера, и другое, состоящее изъ архіерейской свиты. Первое начальство кричало, чтобы своротили съ дороги, но члены архіерейской свиты этого не сдѣлали, а одинъ изъ нихъ, пьянѣе другихъ, даже сгрубилъ: „государева молъ дорога широка“. Тотчасъ же четыре человѣка изъ проводниковъ курьера съ толстыми калмыцкими нагайками бросились впередъ и начали бить ослушниковъ, кого попало, приговаривая: „кабинетъ-курьеру давай дорогу! кабинетъ-курьеру не указывай“. Одного больнаго дьякона приняли за протопопа, дали и ему съ полдюжины нагаекъ, крича: „чортъ ты или протопопъ? для чего сѣдой хрѣнъ, не учишь своихъ подкомандныхъ“? „Они безъ сомнѣнія были бы дальше, замѣчаетъ авторъ разсказа, если бы не останавливались для такихъ дракъ, безъ которыхъ всякому курь-

еру обойтиться можно“ (1). Городскія и сельскія, не проѣзжія, а уже постоянныя начальства были еще грознѣе и дѣлали, что хотѣли. Какому-нибудь звенигородскому городничему во время проповѣди въ церкви вдругъ наприм. приходила въ голову мысль сказать свою проповѣдь,—нимало не раздумывая, какъ хозяинъ, онъ тутъ же обращался къ священнику, стоявшему за налоемъ, съ словами: „пошелъ, я *самъ* скажу“, и ставши на его мѣсто, начиналъ читать поученіе городскимъ будочникамъ, однихъ называлъ мошенниками, другихъ ставилъ въ примѣръ и т. д. (2). Въ 1770-хъ годахъ въ Ярославлѣ возникло дѣло объ одномъ исправникѣ Безобразовѣ, который имѣлъ обыкновеніе напускаться съ кулаками на перваго встрѣчнаго, и однажды избилъ священника, не смотря на то, что послѣдній выставилъ передъ нимъ, какъ щитъ, дароносицу, съ которой шелъ; при этомъ нападеніи лютаго исправника пострадала не одна борода священника, но и самая дароносица (3). Изъ владимірской епархіи епископъ Іеронимъ писалъ въ св. Синодъ, что у него въ епархіи „нѣкоторымъ священно-и-церковно-служителямъ причиняются отъ свѣтскихъ людей обиды, побои и домамъ ихъ разграбленіе“, а управы получить нельзя; въ Зяблицкомъ погостѣ крестьяне избили священника, повредили на немъ и дароносицу, а подъ судъ въ духовное правленіе не пошли. Св. Синодъ по этому прошенію потребовалъ отъ Сената опредѣленія о защищеніи страждущаго по той епархіи духовенства и о доставленіи каждому въ справедливости скораго удовольствія. Сенатъ учинилъ такое опредѣленіе и разослалъ его при указахъ по всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ (4). Но такіе же указы разсылались и раньше, въ 1769 г., вслѣдствіе жалобы Сино-

---

(1) Русск. стар. 1871 г. февр. Зап. Добрын. стр. 146—147.
(2) Р. Арх. 1869 г. «Изъ разск. Голицина», стр. 630.
(3) Тамже, 1865 г. стр. 937.
(4) П. С. З. XX, 14548.

да на притѣсненія духовенству отъ помѣщиковъ, а притѣсненія и обиды нисколько отъ того не прекращались.

Послѣ дарованія вольности дворянскому сословію множество дворянъ стало безвыходно проживать въ своихъ деревенскихъ усадьбахъ и настало самое тяжелое время для ихъ крѣпостныхъ крестьянъ, а вмѣстѣ съ крестьянами и для сельскаго духовенства помѣщичьихъ приходовъ. Не нужно забывать, что помѣщикъ временъ Екатерины II, не смотря на все свое невѣжество и грубость, былъ поклонникъ энциклопедистовъ, философъ или около того, ругнуть и унизить попа считалъ долгомъ всякаго образованнаго человѣка, необходимымъ признакомъ хорошаго тона, смотрѣлъ на попа, какъ на представителя суевѣрій и невѣжества (1). Бѣдный русскій священно-служитель, и безъ того униженный до „подлости“ по своему положенію въ обществѣ, потерпѣлъ еще сугубое униженіе по самому своему служенію, какъ служитель вѣры. Можно положительно сказать, что униженіе духовенства на столько же усилилось въ это дворянское царствованіе, на сколько и униженіе крестьянства. Не даромъ замѣчаемъ въ это время такую близкую солидарность между тѣмъ и другимъ сословіемъ въ отношеніяхъ ихъ къ дворянству. Въ 1769 г. св. Синодъ сообщилъ Сенату, что „нѣкоторые помѣщики священно-и-церковно-служителей не только побоями, но и наказаніемъ на тѣлѣ оскорбляютъ, напротиву жъ того обиженные иные отъ свѣтскихъ командъ по просьбамъ своимъ удовольствія не получаютъ, а другіе по причинѣ своего неимущества отъ суднаго по формѣ процесса отрицаются“ (2). Помѣщики поступали съ своими священниками, какъ съ крѣпостными, ставили тѣхъ и другихъ на одну

---

(1) Такой взглядъ проводился тогда даже въ ученой литературѣ. См. наприм Болтина примѣч на истор. Леклерка т. II, 254—258.

(2) П. С З. XVIII, 13286.

доску; духовенство съ своей стороны побраталось съ крѣпостнымъ людомъ въ ненависти къ своимъ барамъ, въ ропотѣ и волненіяхъ противъ общаго крѣпостническаго гнета, что и не замедлило обнаружить своимъ участіемъ въ крестьянскихъ волненіяхъ особенно частыхъ и сильныхъ въ это царствованіе.

Въ самомъ же началѣ царствованія встрѣчаемъ указъ (отъ 14 ноября 1762 г.) объ укрощеніи бунта заводскихъ крестьянъ въ восточномъ краѣ Россіи; вина этого бунта приписана здѣсь ложнымъ разглашеніямъ и копіямъ съ фальшиваго манифеста о свободѣ крестьянъ, которыя выходили изъ среды духовенства; одинъ дьячокъ казанской губерніи самъ винился въ сочиненіи манифеста, будучи подвергнутъ допросамъ въ казанской консисторіи (1). Отобраніе крестьянъ отъ монастырей и архіерейскихъ домовъ въ казну дало крѣпостному люду новый поводъ къ толкамъ о близкой свободѣ; съ разныхъ сторонъ посыпались жалобы на помѣщиковъ,—жалобы эти писались для крестьянъ членами сельскихъ причтовъ; за жалобами поднялись волненія противъ помѣщичьяго ига, которымъ тоже сочувствовало духовенство. Не смотря на такую солидарность между духовенствомъ и крестьянствомъ, правительство выдало въ 1767 г. особый указъ, которымъ возлагало на все духовенство обязанность внушать крестьянамъ, чтобы они не предавались больше своимъ любимымъ мечтамъ о свободѣ и во всемъ повиновались своимъ помѣщикамъ, чтобы не смѣли ни подъ какимъ видомъ даже жаловаться на своихъ господъ посредствомъ челобитныхъ, опасаясь въ противномъ случаѣ жестокаго наказанія кнутомъ и ссылки на вѣчную работу въ Нерчинскъ; священники должны были читать этотъ указъ въ церквахъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца во всѣ воскресные и праздничные дни, дабы

---

(1) Указы Екат. II. Сенатск. изданіе 1763 г. стр. 176—179.

невѣдѣніемъ его никто потомъ не оправдывался (1). Такая довольно странная попытка сдѣлать духовенство поддержкой дворянства и крѣпостнаго права объясняется тѣмъ, что, называя себя первой помѣщицей и возвышая дворянство, какъ главную по тогдашнему общеевропейскому предразсудку опору трона, императрица все-таки ясно сознавала, какъ слаба эта опора по своей изолированности отъ народа, по своему чисто внѣшнему, полицейскому вліянію на массы, и какъ нужна для того же трона другая опора—нравственная, нужны сочувствіе и помощь духовенства, единственнаго образованнаго сословія, связаннаго съ народомъ и способнаго быть органомъ, истолкователемъ для массы мыслей правительства; въ этомъ случаѣ она смотрѣла на духовенство одинаково съ Петромъ великимъ, который въ свое время возлагалъ на него не менѣе неестественную обязанность быть поддержкой реформы, во многихъ отношеніяхъ единодушно осуждаемой всѣми духовными лицами. И никогда еще со временъ Петра не возлагалось на духовенство столько разнообразныхъ правительственныхъ порученій, какъ при Екатеринѣ,—въ эту новую эпоху реформъ въ нашей исторіи. Въ 1767 г. оно обязывалось увѣщевать крестьянъ къ повиновенію помѣщикамъ; въ 1768—призвано содѣйствовать правительству въ распространеніи прививанія коровьей оспы; потомъ должно было внушать народу важность предохранительныхъ мѣръ противъ чумы; послѣ появленія Пугачова обязывалось увѣщевать народъ не пристава къ самозванцу и т. д. Обычай публиковать указы въ церквахъ доходилъ въ это время до странностей; наприм. въ 1775 г. въ теченіе трехъ недѣль священники читали за литургіей указъ о томъ, что цѣна на соль понижена 5 копѣйками на пудъ; въ томъ же году и тоже 3 недѣли, а потомъ по одному разу въ годъ передъ пасхой читали указъ о томъ, кому въ какихъ экипажахъ ѣздить, ка-

(1) П. С. З. XVIII, 12966.

кую сбрую на лошадей и ливрею на лакеевъ и кучеровъ употреблять, кому можно и кому пельзя ѣздить въ позолоченныхъ и посеребренныхъ экипажахъ; въ 1782 г. читали 4 недѣли объявленіе, не пожелаетъ ли кто записаться въ мѣщане и т. п. (1).

Въ 1773 г. началось грозное волненіе забитыхъ народныхъ массъ по всей восточной Россіи, которыя принялись избивать всѣхъ своихъ притѣснителей, вставши для этого подъ знамя Пугачова. Демократическій характеръ этого волненія вѣрно изобразилъ главный дѣятель противъ пугачевщины, гр. Панинъ: „Пугачевъ, писалъ онъ, не что иное, какъ чучело, которымъ играютъ воры козаки; не онъ важенъ, а важно общее негодованіе". Правительство старалось вразумить народъ воззваніями, обратилось за содѣйствіемъ къ духовенству. Казанскій архіепископъ Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, подъ духовнымъ управленіемъ котораго находилась вся взбунтовавшаяся мѣстность, писалъ краснорѣчивыя и одушевленныя воззванія къ своей паствѣ, въ которыхъ обличалъ обманъ самозванца, принявшаго имя Петра III, какъ очевидецъ и участникъ погребенія умершаго императора, увѣщевалъ народъ къ вѣрности законной власти и предавалъ проклятію какъ Пугачева, такъ и всѣхъ его сообщниковъ (2). До насъ дошло его распоряженіе (отъ ноября 1773 г.), объявленное всѣмъ духовнымъ правленіямъ и закацикамъ его епархіи, чтобы десятскіе священники, благочинные или за неимѣніемъ ихъ лучшіе изъ священниковъ объѣхали всѣ села и въ каждомъ селѣ обязали священниковъ подписками всѣми мѣрами отвращать народъ отъ присоединенія къ самозванцу, въ церквахъ и вездѣ, гдѣ будетъ народное собраніе, при-

(1) Кіевск. епарх. вѣдом. 1862 г.: «Кіевск. консист. въ XVIII в.» стр. 482.

(2) Воззванія эти см. въ Сборн. П. Любарскаго, изд. Собѣседн. 153, въ Казан. губ. вѣд. 1844 г. № 37 и въ Словарѣ Б.—Каменскаго.

лежно прочитывать и толковать увѣщательные о томъ манифесты государыни, обо всѣхъ перемѣнахъ въ приходѣ, касающихся бунта, еженедѣльно доносить духовнымъ правленіямъ, а о колеблющихся въ вѣрности объявлять письменно по командамъ (1). Пугачевъ тоже

---

(1) Такъ какъ это распоряженіе еще неизвѣстно въ печати, то считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь въ полномъ видѣ (изъ церковныхъ бумагъ с. Именева цивильскаго уѣзда), хотя оно и не прямо относится къ нашему предмету. «Указъ е. и. в—ва изъ казанской д. консисторіи въ NN дух. правленіе. Минувшаго октября отъ 4 числа сего года по опредѣленію св. правит. Синода члена преосв. Веніамина архіепископа казанскаго и свіяжскаго посланнымъ изъ дух. консисторіи во всѣ состоящія въ казанской и оренбургской губерніяхъ епархіи его преосв—ва дух. правленія и къ закащикамъ указами велѣно, чтобъ съ полученія оными правленіями тѣхъ указовъ въ самой возможной крайней скорости отправлены были секретно отъ тѣхъ правленій во всѣ по своему каждаго мѣста вѣдомству селы изъ десятоначальниковъ и благочинныхъ или [illegible]ніемъ гдѣ опыхъ изъ лучшихъ и ученыхъ добраго состоянія священниковъ по инструкціямъ, чтобы они въ каждомъ селѣ [illegible]щенникамъ объявили съ подписками и наикрѣпчайшимъ [illegible]рожденіемъ, дабы они по долгу званія своего и присяги всѣ силы употребили и постарались прихожанъ своихъ всякаго званія крестьянъ, старе[illegible] крещенъ и новокрещенъ отъ оказавшагося въ оренбургскихъ предѣлахъ злодѣя бунтовщика и самозванца донскаго козака и раскольщика Пугачева отвратить самымъ дѣломъ, чтобы они ничьимъ и никакимъ разглашеніямъ о томъ его злоухищренно вымышленномъ себя именованіи или подосланнымъ отъ него, яко общимъ съ нимъ отечеству злодѣямъ, отнюдь ни въ чемъ не вѣрили подъ такимъ страхомъ, какъ въ тѣхъ прежепосланныхъ указѣхъ предписано, и что гдѣ происходить будетъ, о томъ, не упуская малѣйшаго времени, получаемые отъ тѣхъ священниковъ репорты доставлять въ д. консисторію секретно съ нарочными, о полученіи которыхъ указовъ изъ всѣхъ, кромѣ оренбургскаго, д. правленій въ консисторіи репорты хотя и имѣются, но дѣйствительное исполненіе по тѣмъ указамъ чинится ли и все ль вѣдомства ихъ обстоитъ благополучно, или гдѣ какое по сему обстоятельству происходитъ смятеніе, о томъ и подтѣсь ни

въ свою очередь хорошо понималъ важное значеніе духовенства въ народѣ и для привлеченія его на свою сторону сосредоточилъ на немъ все свое вниманіе и вмѣстѣ всю жестокость мѣръ, какія обыкновенно употреблялъ противъ непокорныхъ. Изъ двухъ сословій, особенно

откуда сюда не рапортовано; а какъ о семъ происшествіи за нужно почитается вѣдать здѣсь почасто, того ради его преосв—во приказалъ здѣшней епархіи въ д. правленія послать еще указы и велѣть, чтобы всѣмъ св.-и-церк.-служителямъ подтвердить, дабы они, по скольку ихъ званіе, а притомъ вѣрноподданническая ея и. в—ву должность и присяга обязываетъ, всячески усердно старались и наблюдали всѣхъ своихъ прихожанъ отъ вышеписаннаго злодѣя, вора, бунтовщика и самозванца отвратить самымъ дѣломъ, чего для съ сего указа, также и съ приложенныхъ при оном, съ всевысочайшаго ея и. в—ва увѣщательнаго манифеста, состоявшагося минувшаго октября 15 числа, и со учиненнаго его пр—вомъ пастырскаго къ народу увѣщанія копій списать въ тѣхъ правленіяхъ точныя копіи, раздать всѣмъ священникамъ съ росписками и со обязательствомъ ихъ при томъ, чтобы они [illegible] оныя во всѣхъ церквахъ и на торгахъ при народномъ собраніи повседневно и о содержаніи оныхъ наприлежнѣе внушали и толковали, и что въ которомъ приходѣ во об[illegible]ствѣ сего происходить будетъ, о томъ имъ священникамъ и прочимъ духовнаго званія людямъ еженедѣльно, кого какъ случай допустятъ, къ его пр—ву репортовать; и NN дух. правленію чинить о томъ по сему ея и. в—ва указу; при сей же раздачѣ упомянутыхъ экземпляровъ и увѣщанія всѣмъ свящ.-церк.-служителямъ накрѣпко подтвердить, чтобъ и они никакимъ разглашеніямъ означеннаго вора, бунтовщика и самозванца Пугачева отнюдь не вѣрили и не токмо дѣломъ, но ниже мыслію въ противный сему поступокъ не входили, также и прихожанъ отъ таковаго зла удерживали и къ его сторонѣ не предавались; если же кто изъ сихъ чиновъ впадетъ въ какую погрѣшность, тѣ не токмо понесутъ вѣчное его пр—ва неблагословеніе, но и мѣстъ своихъ и званія лишены и тяжкому гражданскому истязанію преданы будутъ безъ всякой пощады; буде же и прихожаны, кто при сихъ увѣщаніяхъ явятся противны, о тѣхъ тотчасъ съ изъясненіемъ ихъ противности объявлять письменно по командамъ, да и сюда закащикамъ давать знать безъ упущенія. Ноября дня 1773 году».

пострадавшихъ среди бунта, дворянства и духовенства, трудно сказать, которое пострадало болѣе; духовенство выставило изъ своей среды 237 мучениковъ за правое дѣло и вѣрность законной власти,—цифра громадная и притомъ едва ли еще полная. Но еще выше была цифра духовныхъ лицъ, измѣнившихъ своему долгу и увлекшихся общимъ народнымъ движеніемъ своего края. Правительство было сильно недовольно поведеніемъ духовенства и побудило св. Синодъ издать объявленіе, что каждый служитель алтаря лишается священства и подвергается гражданскому суду „въ самый тотъ часъ“, какъ пристанетъ къ бунтовщикамъ. Виновныхъ оказалось такъ много, что наприм. въ Пензѣ гр. Панинъ—усмиритель пугачевщины—засталъ всѣ церкви запертыми, потому что въ городѣ не оказывалось ни одного священника не подпавшаго подъ строгое рѣшеніе св. Синода. „Если бы духовный чинъ, писалъ онъ въ одномъ донесеніи императрицѣ, хотя мало инаковъ былъ, злодѣянія не возросли бы до такой степени“; онъ находилъ духовенство „погруженнымъ въ самомъ вышнемъ невѣжествѣ и грубіянствѣ“, такъ что человѣкъ „съ настоящимъ чувствомъ добродѣтели и хотя съ нѣкоторымъ познаніемъ должности пастыря“ среди него кажется какимъ-то дивомъ. Соглашаясь въ этомъ съ Панинымъ, императрица писала ему: „великое невѣжество духовнаго чина, примѣченное въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находитесь, конечно ничѣмъ поправить нельзя, окромя воспитаніемъ и поученіемъ, и изъ первыхъ моихъ попеченій будетъ послѣ прекращенія всѣхъ нынѣшнихъ хлопотъ учрежденіе школъ, гдѣ только возможно;—но тогда родится другой вопросъ объ опредѣленіи священству сходственнаго содержанія съ воспитаніемъ“ (1).

Послѣднія слова этого письма, написанныя въ какомъ-то озабоченномъ тонѣ, довольно выразительны.

---

(1) См. Гр. Панинъ, въ Р. Вѣст. 1869 г. іюнь.

Они напоминаютъ другое письмо императрицы, написанное еще раньше бунта, во время секуляризаціи церковныхъ имѣній, гр. Сиверсу въ отвѣтъ на его ходатайство объ улучшеніи бѣдственной участи сельскаго духовенства, которое „умирало съ голоду“ и которому, по словамъ Сиверса, требовалось назначить пока хоть „небольшое жалованье“ до надѣленія земельными участками, „чтобы зажать ротъ злословію“. „Не знаю, писала Екатерина, кто вамъ сказалъ, что сельскимъ священникамъ хотѣли назначить участки; они остаются при томъ, при чемъ были и прежде. Безъ сомнѣнія этотъ слухъ распространили ханжи и святоши“ (1). Здѣсь довольно откровенно высказывается тотъ же *философскій* взглядъ на духовенство, какой наприм. проводилъ въ своемъ историческомъ трудѣ Болтинъ, въ невѣжествѣ и матеріальной бѣдности русскаго духовенства видѣвшій спасеніе Россіи отъ клерикальнаго господства, столько гибельнаго для благосостоянія и просвѣщенія странъ католическихъ (2). Впослѣдствіи императрица надѣляла духовенство земельными участками, заводила школы, опредѣлила штаты семинарій, но все это въ такихъ размѣрахъ, которые никакъ не соотвѣтствовали тѣмъ пышнымъ обѣщаніямъ, какія она давала въ указахъ первыхъ годовъ своего царствованія, и невольно наводятъ на мысль, что государыня-философъ считала не лишнимъ на всякій случай держать духовенство въ черномъ тѣлѣ. Очень естественно, что, не смотря на указы въ родѣ изданнаго въ 1767 г., оно весьма плохо облагороживалось, т. е. весьма мало расходилось съ подлымъ народомъ въ общихъ интересахъ и общихъ горестяхъ и сближалось съ благороднымъ классомъ давившихъ его дворянъ и чиновниковъ. Не смотря на угрозы кнутомъ и катор-

---

(1) Г. Сиверсъ. Р. Вѣстн. 1865 г. т. I, стр. 46—47.

(2) См. мою стат. о Болт. и Щербат. въ Т[illegible] акад. 1862 г., стр. 74—75.

гой, крестьяне не переставали подавать челобитья на помѣщиковъ и послѣ 1767 г.; челобитья эти попрежнему писались и подписывались за неграмотностію челобитчиковъ ихъ духовными отцами и другими членами приходскихъ причтовъ. Вслѣдствіе этого многія духовныя лица подпадали суду и подвергались строжайшему осужденію и несчастіямъ. Въ 1781 г. вышелъ новый указъ, подтверждавшій указъ 1767 г.; его велѣно публиковать всѣмъ священно-и-церковно-служителямъ съ строжайшимъ запрещеніемъ писать и подписывать крестьянамъ ихъ жалобы на владѣльцевъ; со всѣхъ ставленниковъ при поставленіи въ церковныя должности велѣно брать въ слышаніи и исполненіи его особыя подписки (1).

Участіе духовенства въ крестьянскихъ волненіяхъ обнаружилось и въ слѣдующее царствованіе Павла Петровича и, какъ мы уже говорили выше, сильно озабочивало правительство. „По происшедшимъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ослушаніямъ крестьянъ противу своихъ помѣщиковъ, говорилось въ указѣ 1797 г., оказалося, что многіе изъ священниковъ и церковнослужителей, вмѣсто того, чтобы по долгу ихъ, правилами церковными и Регламентомъ Духовнымъ предписанному, наставлять прихожанъ своихъ благоправію и повиновенію властямъ, надъ ними поставленнымъ, сами къ противному сему подавали поводъ". Послѣ наказанія виновныхъ прежніе указы касательно этого предмета были подтверждены вновь въ 1797 и 1800 гг. (2). Въ настоящее время дѣло однако этимъ не ограничилось. Не смотря на описанную нами суровость тогдашнихъ разборовъ церковниковъ, императоръ Павелъ относился къ духовенству вообще весьма благосклонно; объявивъ въ указѣ 1797 г., что „попеченіе о благоустройствѣ Церкви и призрѣніе къ служащимъ ей

---

(1) П. С. З. XXI, 15143.
(2) Тамже, XXIV, 17770. 17958. XXVI, 19479.

онъ почитаетъ одною изъ главнѣйшихъ обязанностей своего царствованія" (1), онъ дѣйствительно много сдѣлалъ для возвышенія духовенства и выдѣленія его изъ массы подлаго народа; съ этою цѣлью онъ увеличилъ почти вдвое штатные оклады какъ для духовенства, такъ и для духовно-учебныхъ заведеній, и старался освободить священно-и-церковно-служителей отъ земледѣльческихъ работъ. Съ тою же между прочимъ цѣлью въ 1797 г. уничтожены были, какъ мы знаемъ, приходскіе выборы членовъ клира. Еще раньше этихъ распоряженій вышелъ благодѣтельный указъ, дававшій духовенству, можно сказать, самую ощутительную привиллегію, сближавшую его съ благородными людьми, потребность которой указывала еще имп. Екатерина II, но которой однако не дала духовенству. Черезъ мѣсяцъ по вступленіи имп. Павла на престолъ, когда дарованы были милостивыя граматы дворянству и купечеству, св. Синодъ представилъ ему слѣдующій докладъ: „приличившіеся въ уголовныхъ преступленіяхъ священники и діаконы, по липеніи чиновъ ихъ, наказываются наравнѣ съ преступниками изъ подлаго народа; но церковныя правила отъ двойнаго наказанія ихъ освобождаютъ; по высочайшимъ же граматамъ дворянству и городамъ впадшіе въ уголовныя преступленія не только дворяне, но и купечество тѣлесно не наказываются. Почему Синодъ смѣлость пріемлетъ всеподданнѣйше просить, не благоугодно ли будетъ вашему имп. в—ву изъ высочайшаго милосердія повелѣть, чтобы таковыхъ изъ свящ. сана судимыхъ въ преступленіяхъ уголовныхъ тѣлесно впредь не наказывать, а отсылать по липеніи чиновъ въ работу вѣчно или на время, смотря по важности вины; ибо чинимое имъ наказаніе въ виду тѣхъ самыхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя тайны, распола-

(1) П. С. З. XXIV, 18273.
(2) Также, XXIV, 18273.

гаетъ народныя мысли къ презрѣнію свящ. сана". 6 декабря государь утвердилъ этотъ докладъ. Вскорѣ впрочемъ, вмѣстѣ съ отмѣненіемъ свободы отъ тѣлеснаго наказанія для дворянъ и купцовъ въ тѣхъ видахъ, что преступленія разрушаютъ дворянство и права состоянія, и священно-служителей, по лишенію ихъ сана, по старому велѣно подвергать тѣлесному наказанію, какъ обыкновенныхъ мірянъ (1).

Замѣчательно, что въ случаѣ суда надъ духовными лицами по уголовнымъ дѣламъ губернскія правленія до сихъ поръ еще совершенно устраняли при своемъ дѣлопроизводствѣ участіе духовной власти и напримѣръ, сообщая послѣдней свое рѣшеніе о снятіи съ виновнаго сана, вовсе не считали нужнымъ сообщать ей нужныя свѣдѣнія о ходѣ самого дѣла. Въ 1799 г. по этому поводу возникъ споръ между губернскимъ правленіемъ и дух. консисторіей въ Твери. Губернское правленіе прислало въ консисторію одного сельскаго дьякона, осужденнаго въ утопленіи священника; обвиненный не сознался въ преступленіи, но „по разнообразнымъ его показаніямъ" все-таки былъ приговоренъ къ лишенію сана, наказанію кнутомъ и каторгѣ. Епархіальное начальство, находя извѣстіе губ. правленія о винѣ подсудимаго не яснымъ, остановилось снятіемъ съ него сана и потребовало экстракта изъ дѣла. Правленіе осердилось и отвѣчало, что экстракты изъ дѣлъ въ указахъ велѣно посылать только въ Сенатъ. Св. Синодъ вступился въ это дѣло и потребовалъ отъ Сената, чтобы судебныя мѣста не отказывались такимъ образомъ отъ нужныхъ разъясненій въ подобнаго рода дѣлахъ. Слѣдствіемъ этого былъ указъ: о священно-и-церковно-служителяхъ, впадшихъ въ уголовныя преступленія, за которыя будутъ подлежать лишенію званія и публичному наказанію, въ сообщеніяхъ консисторіямъ прописывать настоящее произшествіе дѣла,

---

(1) П. С. З. 17624. 17916 17958. 19337.

изслѣдованіе и рѣшеніе онаго съ такою ясностію, чтобы консисторіямъ ни малѣйшаго не настояло сомнѣнія въ точности заключеній палатскихъ (1). Къ числу милостивыхъ указовъ правительства этого времени нужно присовокупить еще указъ 1798 г. объ освобожденіи домовъ духовенства, въ которыхъ духовныя лица живутъ сами, отъ сборовъ на содержаніе полиціи и другихъ полицейскихъ повинностей (2). Наконецъ при имп. Павлѣ въ первый разъ учреждены были высочайшія награды и отличія для поощренія достойнѣйшихъ священно-служителей, чтобы, какъ сказано въ указѣ, „сверхъ полученія степеней своихъ они могли за отличныя заслуги удостоиться и особливыхъ почестей, во 1-хъ полученіе креста для ношенія на цѣпи на шеѣ, во 2-хъ употребленіе фіолетовой бархатной камилавки или скуфьи, и наконецъ для знатнѣйшихъ изъ нихъ митры, каковую употребляютъ архимандриты, съ тѣмъ, чтобы сіи отличныя почести неиначе, какъ по высочайшей волѣ даваемы или дозволяемы будутъ“. Другимъ разъяснительнымъ указомъ отличія эти велѣно считать только личными, принадлежащими извѣстному заслуженному лицу, а отнюдь не мѣсту, которое это лице занимаетъ (3). Кромѣ этихъ отличій, относившихся по своему характеру къ числу собственно церков-

---

(1) П. С. З. XXV, 19072.

(2) Тамже, 18772

(3) Тамже, 18273 п. 3 18801. Еще раньше этого митру имѣлъ духовникъ Екатерины II Іоаннъ Памфиловъ. При Павлѣ I митрами награждены были протопресвитеры: Благовѣщенскаго собора Исидоръ, Успенскаго Александръ Левшинъ и кіевскаго Іоаннъ Леванда. Скуфьи до XVIII столѣтія составляли принадлежность всѣхъ вообще священниковъ и дьяконовъ; употребленіе ихъ вывелось въ теченіи XVIII в. и началось снова къ концу этого вѣка въ видѣ награды, жалуемой священникамъ отъ архіереевъ. Подроби. о скуфьяхъ см. въ Волог. епарх. вѣдом. 1869 г. № 1. 2. 19, также въ ст. К. Невоструева въ Душепол. чт. 1867 г. декабр.

ныхъ преимуществъ, государь опредѣлилъ достойнѣйшихъ священно-служителей удостоивать еще свѣтскихъ наградъ орденами, назначенными для дворянства, и тогда же пожаловалъ орденами Анны 2 степени двоихъ протоіереевъ. „Явленіе сіе было совсѣмъ новое, до сего невиданное, разсказываетъ Болотовъ, но могущее произвесть великое дѣйствіе, а побужденъ былъ къ тому, какъ думать надобно, государь съ одной стороны своею набожностію, а съ другой уваженіемъ и любленіемъ сего сана, а наконецъ желаніемъ привязать къ себѣ и сей чинъ любовію и уваженіемъ“ (1).

Преемникъ Павла Петровича Александръ Благословенный, „желая дать примѣръ уваженія къ священному сану въ народѣ и вмѣстѣ укоренить въ немъ самомъ то чувство почтенія къ себѣ,... каковое служителямъ Вышняго, приносящимъ безкровныя жертвы, должно быть паче другихъ свойственно“ (2), даровалъ духовенству новыя высшія права и самъ лично оказывалъ знаки глубочайшаго почтенія къ священно-служителямъ, наприм. при своихъ поѣздкахъ по Россіи благоговѣйно подходилъ къ благословенію и цѣловалъ руку каждаго сельскаго священника, который смиренно и съ трепетомъ встрѣчалъ его у своей церкви. Съ своей стороны іерархія, послѣ уничтоженія унизительнаго для духовенства церковнаго тягла, тоже стала усердно стараться о томъ, чтобы духовныя лица вели себя въ обществѣ „съ осанкою, какъ говорилось въ благочинической инструкціи м. Платона, и тѣмъ другихъ приводили къ почтенію себя“, дружество имѣли съ подобными себѣ духовными лицами, также „съ благородными, помѣщиками и съ почтенными купцами и мѣщаны, а не со всякимъ безразборно“, стала требовать, чтобы еще въ школахъ школьныя начальства

---

(1) Р. Арх. 1864 г. стр. 212—213. Анекд. о Павлѣ I.
(2) П. С. З. XXVI, 19885.

старались „вперять въ воспитанниковъ духовныхъ благородное честолюбіе, которымъ бы они, яко пружиною, были управляемы въ поступкахъ“. Между лучшими людьми духовенства, занимавшими лучшія и обезпеченныя мѣста въ городахъ, особенно въ столицахъ, дѣйствительно замѣтны были и сановитость и уваженіе къ себѣ, доходившія иногда даже до крайностей, до самомнѣнія и заносчивыхъ пререканій съ духовными властями; завязались и связи съ благородными людьми (1). Но далеко нельзя сказать тогоже о всей массѣ приходскаго духовенства вообще. Несчастный строй государства, въ основѣ котораго лежало крѣпостное право и крайняя бюрократія, не представлявшій никакихъ гарантій для защиты правъ всѣхъ вообще низшихъ и среднихъ классовъ народонаселенія противъ подавляющаго произвола дворянства и многочисленныхъ начальствъ всякаго рода, съ разными варіаціями сохранялся до позднѣйшаго времени. Духовенству еще труднѣе было выбиться изъ его печальнаго униженія, чѣмъ другимъ классамъ, кромѣ развѣ крѣпостнаго крестьянства, потому что оно не имѣло при этомъ матеріальной самостоятельности, зависѣло во всемъ своемъ содержаніи отъ чужаго доброхотства, кромѣ того вслѣдствіе своей сословной замкнутости давно сдѣлалось чуждымъ обществу и нигдѣ не находило себѣ поддержки; при этомъ самыя привиллегіи его обращались ему во вредъ, ставя его въ какое-то изолированное положеніе, дѣлая его какимъ-то заброшеннымъ особнякомъ въ государствѣ, до котораго никому не было дѣла, кромѣ духовнаго начальства; а духовное начальство, имѣя громадную власть внутри своего вѣдомства, само не имѣло силы выступить на защиту его не только предъ свѣтскими властями, но даже передъ частными сильными лицами.

---

(1) Ист. моск. епарх. управл. III, кн. 1, 147. 278—279. кн. 2, 201—203.

Въ отдаленныхъ краяхъ государства и въ XIX в. встрѣчаемъ примѣры такого же произвола свѣтскихъ начальствъ въ отношеніи къ духовенству, какой тяготѣлъ надъ нимъ въ началѣ XVIII и въ XVII в. Наприм. въ 1807 г. управлявшій Камчаткой генералъ-майоръ Кошелевъ произвольно отставилъ отъ должности духовнаго управителя камчатскаго края протоіерея Никифора и поставилъ вмѣсто него другаго, священника І. Верещагина, потомъ когда преосв. иркутскій Веніаминъ пожаловался на такое своеволіе св. Синоду, завелъ шумное дѣло противъ духовенства въ Сенатѣ, которое вызвало высочайшее распоряженіе произвести слѣдствіе надъ камчатскимъ духовенствомъ; слѣдствіе это едва было потушено въ 1810 г. по ходатайству преосв. Веніамина. Только лишь освободились отъ одного грознаго начальника, какъ наѣхалъ другой, генералъ-майоръ Петровскій, который пожелалъ учитывать церковныя суммы камчатскихъ церквей. Протопопъ воспротивился этому и былъ за это арестованъ въ домѣ самого генералъ-майора. По этому поводу опять началось длинное дѣло въ Синодѣ и Сенатѣ (1). Здѣсь же можно упомянуть о дѣлѣ, которое поднялъ Сперанскій во время своего управленія Сибирью, по поводу злоупотребленій нижнеудинскаго исправника, извѣстнаго Лоскутова, между прочимъ о томъ, какъ этотъ Лоскутовъ наказалъ плетьми протопопа Орлова (2). Надобно замѣтить, что правительство постоянно защищало духовенство, какъ скоро узнавало о притѣсненіяхъ ему со стороны свѣтскихъ начальствъ, и время отъ времени утверждало его права новыми подтвердительными указами. Въ 1811 г. вышелъ лю-

---

(1) Опис. камч. церкв. Тр. кіевск. акад. 1861 г. т. I, стр. 150—152.

(2) См. у Корфа: Жизн. Сперанск., особенно подробно въ Ирк. епарх. вѣд. 1863 г. № 15 и 1868 г. №№ 16. 17. 18: «Подлинные документы»...

бопытный въ этомъ отношеніи указъ, въ которомъ предавалось гласности одно беззаконное рѣшеніе костромской уголовной палаты по дѣлу о похищеніи въ одной сельской церкви перехотской округи 125 руб. церковныхъ денегъ. Виновниковъ этого святотатства найти не могли и единственными отвѣтственными лицами остались староста и священникъ. Палата мудро рѣшила: „предать дѣло волѣ Божіей, доколѣ само собою по непостижимымъ судьбамъ Его объявится“, но въ то же время, оставивъ въ покоѣ старосту, опредѣлила взыскать украденную сумму съ священника за его нерадѣніе о церкви и для исполненія сообщить объ этомъ губернскому правленію. Уже Сенатъ вступился за священника и объявилъ рѣшеніе палаты не законнымъ, потому что 1) похищеніе случилось ночью, со взломомъ, и священникъ не иначе могъ отвратить его, какъ развѣ только постояннымъ карауломъ при церкви и днемъ и ночью, 2) кромѣ священника слѣдовало бы поставить подъ отвѣтственность и старосту, 3) палата не имѣла никакого права назначать съ священника взысканія, такъ какъ по указу 15 марта 1721 г. это право принадлежитъ только духовной власти, наконецъ 4) о своемъ рѣшеніи не объявила самому священнику и вмѣсто консисторіи сообщила объ немъ для исполненія губернскому правленію, чѣмъ сугубо виновна. На основаніи всѣхъ этихъ резоновъ взысканіе съ священника велѣно было отмѣнить, о незаконномъ рѣшеніи членовъ палаты публиковать печатными указами, чтобы того же остерегались другія мѣста, а губернатору, подписавшему это рѣшеніе, сдѣлать выговоръ (1). Но нужно ли говорить, какъ много дѣлъ подобнаго рода оставалось безгласными и безнаказанными?

Какія крупныя дѣла оставались иногда безнаказанными, можетъ показать наприм. слѣдующій раз-

(1) П. С. З. XXXI, 24535.

сказъ одного ветерана о полковникѣ Ж. Поселившись въ своемъ имѣніи, этотъ сильный и богатый помѣщикъ зажилъ у себя во всю ширь стариннаго барскаго произвола, держался какимъ-то владѣтельнымъ государемъ и задалъ страху на всю окрестность. Между прочимъ всякій, кто бы ни шелъ или ни ѣхалъ мимо его усадьбы, стоявшей на видной горѣ надъ рѣкой, долженъ былъ снимать шапку и кланяться хозяину, постоянно проводившему время на балконѣ съ толпой гостей. Ѣхалъ однажды мимо сосѣдній священникъ и забылъ поклониться. Въ догонку за нимъ сейчасъ же пустились дворецкій Тингай и два псаря съ нагайками, схватили его и привели къ грозному господину, который былъ въ высшей степени раздраженія отъ обиды, тѣмъ болѣе, что священникъ осмѣлился не поклониться ему въ присутствіи огромной толпы гостей. Преступника тутъ же затискали въ опорожненную бочку и при общемъ смѣхѣ спустили кубаремъ съ горы въ рѣчку. Подъ конецъ пира полковникъ велѣлъ его освободить, но священникъ былъ уже мертвъ, потому что бочка попала въ береговую волу самой втулкой и не пропускала въ себя воздуха. Послѣ этого вышло распоряженіе: тѣло затоптать въ грязь, телѣгу сжечь, а лошадей отправить въ псарню на кормъ собакамъ. Убійство однако не осталось въ тайнѣ. Пріѣхалъ для слѣдствія исправникъ, но Ж... такъ его пугнулъ, пригрозивъ повѣсить на первой осинѣ и сдѣлать изъ него провѣсный балыкъ, что онъ, положивъ въ карманъ 300 руб., уѣхалъ безъ оглядки назадъ, а убійство священника предоставлено отмщенію суда Божія (1). Съ этими героями „старыхъ годовъ“ не смѣли связываться не только мелкія, но и крупныя начальства, губернаторы и архіереи. Въ 1817 г. одинъ священникъ московской епархіи жаловался митроп. Серафиму на своего помѣщика отставнаго генералъ-майора П. А. Р.

---

(1) Арх. истор. и юрид. свѣд. $18^{61}/_{62}$. стр. 5.

за разныя обиды и самодурства, напр. что онъ отвелъ для священническаго дома мѣсто за рѣкой съ полверсты отъ церкви и тутъ же поставилъ псарню для борзыхъ и гончихъ собакъ, которыя не давали ему священнику завести ни овецъ, ни гусей, однажды маленькаго сына его искусали, да и на немъ не одну рясу изорвали, на церковной усадьбѣ велѣлъ пасти клячъ, назначенныхъ для собакъ, заставлялъ причтъ вѣнчать насильно крестьянъ, запрещалъ крестьянамъ давать плату за требы, въ Егорьевъ день, когда по случаю выгона скота въ полѣ съ водоосвященіемъ служили молебенъ, выгналъ въ пасмѣшку туда же своихъ борзыхъ собакъ и т. д. По слѣдствію все это подтвердилось. Консисторія тянула это дѣло 4 года, наконецъ въ 1821 г. положила: священника перевести на другое мѣсто, а объ управляющемъ генерала (самого генерала не смѣли затрогивать) сообщить въ губернское правленіе на разсмотрѣніе. Но митрополитъ резолюціей своей опредѣлилъ не трогать и управляющаго его превосходительства, перевести только священника, а въ губернскомъ правленіи никакого дѣла не начинать (1). Коснувшись этого неистощимаго предмета, мы могли бы представить множество примѣровъ, какія тяжкія, но безнаказанныя обиды приходилось духовенству терпѣть отъ этихъ героевъ крѣпостнаго права, въ какомъ униженіи оно было по милости ихъ даже въ очень недавнее время, при поколѣніи, которое и теперь еще не сошло въ могилу, какъ господинъ драль причетниковъ, а подъ часъ и священно-служителей на конюшнѣ, трактовалъ ихъ на ряду съ своими лакеями, въ награду дьякону за громкое многолѣтіе давалъ полный сапогъ вина и т. п. Но довольно и того, что мы сказали...

Сумма правъ духовнаго сословія въ общихъ чертахъ вполнѣ уже обозначалась еще въ концѣ прошла-

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. III, кн. 2, примѣч. 444.

го столѣтія, такъ что нынѣшнему столѣтію предстояло развить ее только нѣкоторыми подробностями и разширеніемъ прежнихъ узаконеній перѣнительнаго характера. При имп. Александрѣ I вышли болѣе подробныя опредѣленія касательно свободы духовенства отъ разныхъ сборовъ и повинностей. Указомъ 1804 г. велѣно было освободить домы лицъ бѣлаго духовенства въ Смоленскѣ отъ поземельнаго сбора; потомъ эта же льгота дарована была московскому духовенству; наконецъ въ 1821 г. вышелъ общій указъ о свободѣ домовъ всего вообще бѣлаго духовенства имперіи отъ постоя, поземельнаго сбора и всѣхъ прочихъ городскихъ и полицейскихъ повинностей, кромѣ исправленія мостовыхъ, сохраненія ихъ въ чистотѣ и освѣщенія фонарей (1). Всѣ эти льготы подтверждены были и въ прошедшее царствованіе, потомъ вошли въ оба изданія Свода законовъ (2). Свобода духовенства отъ личныхъ податей и повинностей въ XIX столѣтіи не подвергалась болѣе никакому сомнѣнію. Но съ другой стороны мы видѣли, что по той мѣрѣ, какъ духовенство по своимъ привиллегіямъ устранялось отъ общественнаго тягла и повинностей, оно должно было подвергаться значительнымъ ограниченіямъ своихъ владѣльческихъ правъ, такъ что, постоянно признавая за священно-и-церковно-служителями право на владѣніе домами, законодательство до послѣдняго времени не дѣлало никакого точнаго опредѣленія о правѣ ихъ на владѣніе землею; духовенство юридически оставалось только при пользованіи одною церковною землею. Уже въ 1804 г. особымъ именнымъ указомъ покупка земель въ первый разъ разрѣшена была всѣмъ лицамъ духовнаго званія (3),—но земель, разумѣется, не засе-

(1) П. С. З. XXVIII, 20770. XXIX, 22681. XXXVII, 28611.

(2) Напр. 2 Собр. зак. VIII, 6265. XII, 10303. Свод. З. 1857. IX. ст. 281. 287. IV, ст. 270, п. 3.

(3) П. С. З. XXVIII, 21290. Свод. зак. IX, 286.

ленныхъ. Заселенныя земли и крѣпостныхъ людей попрежнему дозволено было пріобрѣтать только такимъ духовнымъ лицамъ, которыя имѣли права дворянства, какъ родоваго, такъ и пріобрѣтеннаго чрезъ сопричисленіе къ орденамъ. Въ 1821 г. относительно духовныхъ лицъ, получившихъ дворянство по орденамъ, возникъ вопросъ о томъ, всѣми ли дворянскими правами они должны пользоваться; саратовская палата гражданскаго суда представляла Сенату, что многія изъ этихъ лицъ являлись въ палату для совершенія на свое имя крѣпостей на дворовыхъ людей и крестьянъ, и высказывала по этому поводу свое недоумѣніе; Сенатъ дозволилъ совершать на ихъ имя всѣ купчія, дворянству присвоенныя (1).

Далѣе, сообразно съ указанными привиллегіями законодательство нынѣшняго столѣтія старалось совершенно устранить духовенство отъ занятій и промысловъ, которые соединены съ извѣстными платежами и повинностями и даже могли бы привлекать духовныхъ лицъ къ записи въ торговый разрядъ. Духовенству всегда запрещалось заниматься корчемствомъ и держать въ домахъ своихъ трактирныя и питейныя заведенія (2), за изключеніемъ лишь тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя имѣли права дворянства и владѣли недвижимыми имѣніями; если они имѣли свои винокурни и питейные домы, то могли отдавать ихъ на откупъ или въ аренду (3). Вмѣстѣ съ тѣмъ духовенству, какъ мы уже видѣли, всегда запрещалось заниматься торговымъ промысломъ (4). Запрещеніе это законодательству приходилось повторять нѣсколько разъ

---

(1) П. С. З. XXXVII, 27886. XXXVIII, 28782. Свод. Зак. IX, 284. 285.

(2) Тамже, 26764 § 89. 29187 § 4. Свод. Зак. IX, 287. Сравн. VI Всел. соб. пр. 9. Карѳаг. 19.

(3) Свод. Зак. IX, 290.

(4) VI Всел. соб. прав. 15.

и въ XVIII и въ XIX вѣкѣ, потому что оно плохо соблюдалось на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи, гдѣ духовенство было богаче, а торговый промыселъ между тѣмъ имѣлъ слабую организацію. Наприм. въ XVIII и до половины XIX в. духовныя лица были первыми богачами и первыми торговцами по сибирскимъ украйнамъ, въ краяхъ березовскомъ, туруханскомъ, нарымскомъ, бійскомъ, якутскомъ и камчатскомъ. Торговые обороты нѣкоторыхъ изъ нихъ простирались на огромный округъ и дѣлали ихъ даже монополистами этого округа. Запрещенія вели только къ тому, что они больше должны были давать взятокъ разнымъ свѣтскимъ начальствамъ. Такъ въ 1820—1835 гг. въ березовскомъ краѣ вся торговля была въ рукахъ протоіерея Вергунова; онъ торговалъ всѣмъ, чѣмъ угодно, сукномъ, холстомъ, чаемъ, сахаромъ, медомъ, солью, крупой, мукой, хлѣбомъ, мѣхами, табакомъ и проч., занимался и виноторговлей съ инородцами, покупая у откупщика ведро за 5 руб. и продавая по 40 р. Торговля эта производилась или имъ самимъ при разъѣздахъ по округу по дѣламъ службы или его причетниками, которыхъ онъ посылалъ съ товарами во всѣ стороны (1). Въ 1825 г. оберъ-прокуроръ св. Синода Мещерскій докладывалъ св. Синоду о нѣсколькихъ духовныхъ лицахъ черниговской и слободо-украинской епархій, которыя занимались торговлей и о которыхъ казенныя палаты украинская и черниговская прислали запросъ, не слѣдуетъ ли ихъ причислить къ торговому разряду; одинъ священникъ съ пономаремъ занимались продажей мельничныхъ камней и лѣса, другой священникъ содержалъ постоялый дворъ и продавалъ сѣно и овесъ, двѣ священническія вдовы тоже содержали постоялый дворъ и лавочку для продажи рыбы, масла, соли, дегтя, клею и табаку. Св.

(1) Очерк. р. нравовъ въ Сибири. Серафимовича. Отеч. зап. 1867 г. кн. XX, стр. 718—719.

Синодъ распорядился священно-служителямъ подобные промыслы воспретить, о вдовахъ же рѣшеніе предоставить свѣтскому начальству, потому что духовное начальство не можетъ входить о нихъ въ разсужденіе, какъ о свободныхъ отъ обязанностей по церковной службѣ. Дѣло это рѣшено уже при Николаѣ Павловичѣ въ началѣ слѣдующаго года дозволеніемъ подобныхъ промысловъ всѣмъ священно-и-церковно-служительскимъ вдовамъ; рѣшеніе это вошло и въ Сводъ Законовъ (1). Въ связи съ изчисленными запрещеніями Сводъ подтвердилъ всѣ прежнія ограниченія правъ бѣлаго духовенства по заключенію обязательствъ и договоровъ, чтобы духовныя лица не допускаемы были къ личному обязательству или ручательству за другихъ по подрядамъ и т. п. дѣламъ и не принимались въ качествѣ ходатаевъ и повѣренныхъ по чужимъ дѣламъ, кромѣ дѣлъ своихъ церквей и малолѣтнихъ дѣтей, состоящихъ подъ ихъ опекою (2).

Освобождая духовенство отъ разныхъ государственныхъ повинностей и платежей, законодательство вмѣстѣ съ тѣмъ естественно устраняло его отъ всякаго участія въ мірскихъ дѣлахъ, но при этомъ оно также естественно должно было способствовать и къ укрѣпленію его сословной особности и замкнутости, еще болѣе отчуждать духовенство отъ общества. Это обстоятельство не было замѣчаемо въ прежнее время до начала настоящаго царствованія; всѣ толки о замкнутости духовенства занимались только разсужденіями о его потомственномъ характерѣ, о затрудненіи входа въ это сословіе и выхода изъ него и совершенно не касались вопроса объ его привиллегіяхъ, которыя дѣлали его совершенно мертвымъ членомъ гражданскаго общества, даже вовсе исключали изъ

---

(1) П. С. З. XL, 30461. 2-е Собр. I, 115. Сводъ Зак. IX, 289.

(2) Свод. Зак. IX, 288 п. 1. 3.

общей жизни послѣдняго. Но тогда у насъ не развита была и самая общественная жизнь, будучи сдавлена со всѣхъ сторонъ административной бюрократіей и регламентаціей. Какъ скоро общество стало по немногу выступать въ качествѣ особой самостоятельной силы въ государствѣ, получило новыя земско-хозяйственныя учрежденія, выборныхъ представителей и распорядителей своихъ интересовъ, въ первый разъ сознало своими, а не казенными самые эти интересы вмѣстѣ съ сопряженными съ ними сборами и повинностями, безучастность духовенства въ общей жизни выступила съ особенной ясностью и рѣзко обнаружила его отчужденность отъ другихъ классовъ общества. Послѣ учрежденія особаго присутствія для обсужденія вопроса о духовенствѣ въ 1862 г. и духовная и свѣтская литература выставили нѣсколько статей объ общественномъ значеніи духовенства; одинъ изъ этихъ статей горячо стояли за необходимость допустить духовенство къ участію во всѣхъ общественныхъ выборахъ и должностяхъ, указывали на его высокое земское значеніе въ древней Россіи и выставляли на видъ весь вредъ позднѣйшаго его отчужденія отъ общества, вредъ самыхъ его привиллегій какъ для общества, такъ и для него самого; другія напротивъ встали за status quo..., доказывая, что участіе духовенства въ мірскихъ дѣлахъ противно каноническимъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что это участіе должно необходимо сопровождаться для духовенства участіемъ и въ общественныхъ платежахъ и повинностяхъ, которыя составляютъ обратную сторону всѣхъ общественныхъ правъ (1). Этотъ важный вопросъ впрочемъ еще доселѣ остается открытымъ.

---

(1) Указываемъ для примѣра на нѣсколько изъ самыхъ раннихъ статей въ этомъ родѣ въ Прав. Обозр. 1863 г. Стат. pro: ноябрь, стр. 220... Особ. замѣч. по живымъ фактическимъ указаніямъ: августъ,—Замѣтки: 209—218. Contra: генв. Замѣтки: 40—44.

Относительно правъ духовенства по суду самымъ раннимъ въ XIX столѣтіи былъ указъ 22 мая 1801 г. о свободѣ священно-служителей отъ тѣлеснаго наказанія, гдѣ говорилось, что „желая дать примѣръ уваженія къ свящ. сану въ народѣ и вмѣстѣ укореняя въ немъ самомъ чувство уваженія къ себѣ и ужаса къ пороку", правительство признало за благо „высочайшую конфирмацію дек. 9 дня 1796 г., на докладѣ св. Синода положенную и вскорѣ потомъ оставленную безъ исполненія, привести навсегда въ полную ея силу и дѣйствіе" (1). Въ 1808 г. свобода отъ тѣлеснаго наказанія распространена и на священно-служительскія семейства, также на священно-служительскихъ вдовъ, доколѣ онѣ не перемѣнятъ своего состоянія новымъ бракомъ (2). Въ прошедшее царствованіе указы эти подтверждались нѣсколько разъ и дополнены новымъ опредѣленіемъ о распространеніи той же привиллегіи на священно-служительскихъ дѣтей, рожденныхъ еще до полученія ихъ отцами свящ. сана (3). Церковно-служители съ ихъ семействами оставались чужды ея до послѣдняго времени, до изданія новаго уложенія о наказаніяхъ 1866 г.

Изъ преступленій духовныхъ лицъ законодательство временъ Александра болѣе всего преслѣдовало проступки духовенства, совершаемые въ церквахъ. Извѣстія о проступкахъ такого рода и наказаніяхъ за нихъ принято было публиковать посредствомъ особыхъ печатныхъ листовъ по всѣмъ епархіямъ „между всѣмъ духовенствомъ въ страхъ и опасеніе отъ подобныхъ преступленій" (4). Оглашеніе это прекращено указомъ

---

(1) П. С. З. XXVI, 19885.

(2) Тамже, XXX, 23027

(3) 2-е Собр. З. VIII, 5930. X, 8450. XII, 10303 § 46. XIII, 12877 и др. Свод. З. IX, 283, XV, кн. 2, прилож. ст. 19.

(4) Ист. моск. еп. упр. III, кн. 2, 158. Подобные листы часто встрѣчаются въ старыхъ бумагахъ церквей. Образчики преступленій можно видѣть въ П. С. З. XXXVII, 28373.

3 іюля 1821 г. ради соблазна, послѣ чего св. Синодъ озаботился по порученію правительства составленіемъ подробныхъ правилъ какъ о предотвращеніи подобныхъ проступковъ, такъ и о наказаніяхъ за нихъ (1). Тѣмъ же указомъ 1821 г. измѣненъ былъ самый порядокъ подсудности дѣлъ этого рода, производившій дотого сильное замѣшательство въ обычномъ порядкѣ суда надъ духовными лицами. Дѣло въ томъ, что еще указомъ 1816 г. всѣхъ нарушителей порядка и благочинія въ церквахъ при совершеніи богослуженія велѣно было судить гражданскимъ судомъ, въ томъ числѣ и духовныхъ лицъ; относительно послѣднихъ въ слѣдующемъ году сдѣлано было только небольшое исключеніе, предоставлявшее духовной власти производство о нихъ въ этого рода дѣлахъ только первоначальныхъ слѣдствій (2). Хотя указомъ 1818 г. и пояснено было, что во всѣхъ другихъ поступкахъ, кромѣ произшествій въ церквахъ и еще государственныхъ преступленій, духовныя лица подлежатъ суду духовному (3); но такъ какъ большая часть ихъ проступковъ, были ли то какія-нибудь ссоры и драки или пьяныя выходки, совершалась въ церквахъ, то и возникло множество недоумѣній, какія же именно судныя дѣла о духовенствѣ слѣдуетъ предавать на рѣшеніе гражданскаго суда. У духовныхъ властей начались длинныя пререканія и съ полиціей, которая, наблюдая въ церквахъ порядокъ, забирала виновныхъ въ безпорядкахъ духовныхъ лицъ къ себѣ въ арестантскую, и съ уголовными палатами, которыя судили дѣла по происшествіямъ въ церквахъ по своему, не обращая никакого вниманія на первоначальныя слѣдствія въ духовномъ судѣ или даже подвергая послѣднія переслѣ-

(1) П. С. З. XXXVII, 28675. Правила изд. 1823 г. XXXVIII, 29711.

(2) Тамже, XXXIII, 26122. XXXIV, 26967.

(3) Тамже, XXXV, 27471.

дованію, при чемъ привлекали духовныхъ лицъ къ новому личному допросу и приговаривали ихъ къ тяжкимъ уголовнымъ наказаніямъ, не согласнымъ съ церковными законами. Епархіальныя начальства, получая отъ палатъ экстракты по этимъ дѣламъ и приговоры, находили въ нихъ недостатки и выражали съ своей стороны протесты. Св. Синодъ, къ которому эти протесты посылались, былъ тоже очень недоволенъ новыми порядками. Наконецъ указомъ 1821 г. прежній порядокъ подсудности духовенства былъ возстановленъ; всѣ дѣла о духовенствѣ по происшествіямъ въ церквахъ велѣно было предоставить рѣшенію консисторій, потому что, пояснено въ указѣ, зависимость сихъ дѣлъ отъ двухъ начальствъ неблагопріятствуетъ скорому окончанію оныхъ, толико нужному и для исправленія виновныхъ и для предупрежденія новыхъ преступленій (1). Для случаевъ гражданскаго суда надъ духовенствомъ указами 1810 и 1812 гг. подробно развиты опредѣленія прежняго времени о духовныхъ депутатахъ, безъ участія которыхъ не велѣно производить никакихъ слѣдствій и рѣшеній во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ по дѣламъ о духовныхъ лицахъ за исключеніемъ только случаевъ, не терпящихъ ни малѣйшаго отлагательства (2). Указомъ 1823 г. права этихъ депутатовъ значительно расширены предоставленіемъ имъ права голоса въ судѣ наравнѣ съ прочими членами присутствія (3).

Всѣ эти опредѣленія въ болѣе подробномъ и точномъ видѣ вошли потомъ въ Уставъ дух. консисторій и изданія Свода Законовъ. Уставъ консисторій опредѣлилъ подсудность лицъ духовнаго званія свѣтскому суду въ слѣдующихъ случаяхъ: „а) въ дѣлахъ между

---

(1) П. С. З. XXXVII, 28562. 28675. Ист. моск. епарх. упр. III, кн. 2. прим. 381.

(2) Тамже, XXXI, 24239. XXXII, 25240.

(3) Тамже, XXXVIII, 29711. Сравн. XIV, 10293.

собою и съ свѣтскими лицами тяжебныхъ и исковыхъ по неисполненнымъ договорамъ и обязательствамъ и по взысканіямъ за нарушеніе правъ ущербами, убытками и самоуправнымъ завладѣніемъ;, б) въ случаяхъ нарушенія государственныхъ постановленій, по которымъ существуютъ особыя правила о судопроизводствѣ и взысканіяхъ, какъ-то въ пристанодержательствѣ бѣглыхъ, корчемствѣ, порубкѣ лѣсовъ, неисполненіи карантинныхъ и таможенныхъ постановленій, и в) въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ". Изъ дѣлъ перваго разряда дѣла по исполненію безспорныхъ обязательствъ и уплатѣ безспорныхъ долговъ предоставлено рѣшать епархіальному начальству.

Такимъ образомъ послѣ замѣчательной, но непродолжительной попытки Петра великаго разграничить судебныя вѣдомства духовной и свѣтской власти по новому началу, по различію не лицъ, а самыхъ дѣлъ, подвѣдомыхъ тому или другому суду, наше законодательство до послѣдняго времени руководствовалось въ вопросѣ о судѣ надъ духовенствомъ однимъ и тѣмъ же сословнымъ началомъ разграниченія вѣдомствъ. Для полнаго развитія этого начала въ законодательствѣ не доставало только такихъ опредѣленій, которыя бы, кромѣ самихъ духовныхъ лицъ, подчиняли тому же сословному суду и всѣхъ членовъ духовныхъ семействъ. Предѣлы духовнаго вѣдомства яснымъ образомъ простирались только на самихъ духовныхъ лицъ и ихъ дѣтей мужескаго пола, относительно же ихъ дочерей, женъ и вдовъ въ практикѣ духовныхъ властей, а отчасти и въ самомъ законодательствѣ высказывалось замѣтное колебаніе. Съ одной стороны духовная власть всегда считала ихъ своими людьми, имѣла ихъ въ виду въ вопросѣ о наслѣдіи церковныхъ мѣстъ, вдовъ духовенства преимущественно предъ другими женщинами опредѣляла на должности просвирень, на духовныхъ дѣвицъ смотрѣла, какъ на единственныхъ почти невѣсть всѣхъ кандидатовъ на церковныя мѣста, призрѣніе бѣдныхъ вдовъ и сиротъ ду-

ховенства считали своимъ долгомъ и на самомъ дѣлѣ очень много заботились объ ихъ участи; но съ другой стороны встрѣчаемъ примѣры, какъ та же духовная власть отказывалась отъ суда надъ тѣми же лицами, ограничивая свое судебное вѣдомство только такими лицами, которыя или состояли въ церковныхъ званіяхъ или по крайней мѣрѣ готовились къ полученію ихъ; самая опека надъ духовными сиротами принадлежала прежде не духовному, а гражданскому вѣдомству, и перешла въ вѣдомство духовной власти уже по указамъ Сената и Синода въ 1817 г. (1). Вотъ нѣсколько примѣровъ, опредѣляющихъ прежнія границы судебнаго вѣдомства духовнаго начальства. Въ 1779 г. изъ розыскной экспедиціи прислана была въ московскую консисторію одна дьякопская дочь за неимѣніе вида, какъ бѣглая; консисторія воротила ее назадъ съ объясненіемъ, что „діаконская дочь къ вѣдомству духовной команды, къ коей принадлежатъ единственно священно-и-церковно-служители съ ихъ дѣтьми мужеска пола, не принадлежитъ“. Въ 1790 г. св. Синодъ получилъ отъ жены одного заштатнаго священника прошеніе съ жалобой на рѣшеніе епархіальнаго начальства по дѣлу ея мужа и отослалъ это прошеніе въ мѣстное губернское правленіе для поступленія съ челобитчицей по закону, какъ съ ябедницей, на томъ основаніи, что она, „яко женщина, къ причту церковному не принадлежащая, состоитъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ“ (2). Въ послѣдній годъ царствованія имп. Александра I возникло дѣло о торговыхъ занятіяхъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ двухъ священническихъ вдовъ; св. Синодъ указалъ священно-и-церковно-служителямъ торговые промыслы воспретить, а о вдовахъ рѣшеніе предоставить свѣтскому

---

(1) П. С. З. 26704. Сравн. Ист. моск. еп. упр. III, кн. 1, прим. 341, кн. 2, стр. 131.

(2) Ист. моск. епарх. упр. III, кн. 2, 196—196.

начальству, которое спрашивало о томъ, можно ли ихъ причислить къ торговому разряду, такъ какъ духовное начальство не можетъ входить о нихъ въ разсмотрѣніе, какъ о свободныхъ отъ церковной службы [1]. Такое же точно воззрѣніе на духовныхъ лицъ женскаго пола существовало въ законодательствѣ и въ первые годы царствованія имп. Николая Павловича. Въ 1828 г. св. Синодъ, узнавъ о рѣшеніи астраханской консисторіи по одному денежному иску дьячихи на дьяконицу, объяснилъ въ указѣ своемъ, что подобныя дѣла не относятся къ суду духовной власти, да кромѣ того жены духовныхъ лицъ и „не входятъ въ классъ духовныхъ чиновъ, а принадлежатъ суду и разбирательству гражданскому“ [2]. Но такое разграниченіе между членами духовныхъ семействъ мужескаго и женскаго пола не могло строго выдерживаться въ практикѣ духовнаго суда, потому что послѣдній простирался не на одни только дѣйствія духовныхъ лицъ, непосредственно связанныя съ саномъ и должностью, но и на общественныя ихъ отношенія. Практика епархіальнаго суда давно успѣла подчинить своему вѣдомству и духовныхъ женщинъ, вдовъ и дѣвицъ, хотя законодательство, сколько намъ извѣстно, до позднѣйшаго времени не представляло касательно этого предмета никакихъ узаконеній ни въ статьяхъ о гражданскомъ судѣ Свода Законовъ, ни въ Уставѣ дух. консисторій, за изключеніемъ развѣ того слишкомъ общаго положенія, что священно-и-церковнослужители сообщаютъ права своего состоянія своимъ женамъ и дѣтямъ [3].

Между тѣмъ какъ судебное устройство духовнаго вѣдомства неуклонно продолжало развиваться по старому сословному началу, въ свѣтскомъ вѣдомствѣ все

---

(1) П. С. З. XL, 30461.
(2) 2 Собр. Зак. Ш, 1902.
(3) Св. Зак. IX, ст. 272. 274. 282.

яснѣе развивалась потребность выдвинуть на первый планъ другое начало разграниченія суда по свойству дѣлъ, ему подлежащихъ; это обстоятельство вмѣстѣ съ неясностію и перѣшительностію законодательныхъ опредѣленій относительно границъ духовнаго суда давало поводъ ко многимъ столкновеніямъ и пререканіямъ между духовными и свѣтскими судебными учреж..ніями. Наконецъ практика новыхъ судебныхъ учрежденій очень скоро доказала неудовлетворительность сословныхъ границъ, въ которыя отлилось вѣдомство духовнаго суда, а рѣшенія кассаціоннаго департамента успѣли уже значительно измѣнить нѣкоторыя статьи консисторскаго Устава, или ослабивъ ихъ силу, или давъ имъ болѣе тѣсныя границы. Въ настоящее время подсудность духовенства находится на канунѣ важныхъ реформъ.

IV.

ОТНОШЕНІЯ ПРИХОДСКАГО ДУХОВЕНСТВА КЪ ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ.

Послѣ обозрѣнія гражданскихъ правъ бѣлаго духовенства естественно обратиться къ изученію его отношеній къ своей собственной духовной администраціи. Для этой цѣли намъ нѣтъ особенной надобности касаться состава и характера высшей церковной администраціи, потому что всѣ іерархическія отношенія приходскаго духовенства вращались главнымъ образомъ въ тѣсной сферѣ администраціи епархіальной, выходя за ея предѣлы только въ особыхъ изключительныхъ случаяхъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія въ отношеніяхъ духовенства къ епархіальной власти и въ самомъ характерѣ епархіальнаго управленія произошли весьма крупныя перемѣны, составившія эпоху, которая рѣзко раздѣляетъ епархіальную административную жизнь на два періода.

Въ теченіе всей первой половины XVIII столѣтія епархіальное управленіе построевалось на старинныхъ началахъ церковнаго тягла; послѣ знаменитой коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ эти начала мало помалу рушатся и уступаютъ мѣсто другимъ, болѣе сообразнымъ какъ съ духомъ церковной администраціи, такъ и съ новымъ положеніемъ бѣлаго духовенства, освободившагося отъ своего вѣковаго тягла.

Составъ епархіальнаго управленія въ началѣ XVIII в. былъ тотъ же, что и въ древней Россіи. Въ центрѣ его послѣ архіерея стояли архіерейскіе приказы, устроенные на подобіе патріаршихъ приказовъ, хотя и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Число ихъ, доходившее у патріарха до четырехъ приказовъ, въ епархіяхъ большею частію ограничивалось двумя, — казеннымъ, который вѣдалъ всѣ сборы и расходы архіерейскаго дома и сосредоточивался около личности архіерейскаго экономa, и духовнымъ, во главѣ котораго стоялъ „духовныхъ дѣлъ судія“, обыкновенно одинъ изъ самыхъ почетныхъ архимандритовъ, имѣвшій у себя для письмоводства нѣсколько дьяковъ и подъячихъ изъ архіерейскихъ служилыхъ людей. Кромѣ приказовъ въ епархіальномъ управленіи весьма важное значеніе имѣли разные каѳедральные чины, крестовые іеромонахи и іеродіаконы, облекавшіеся обыкновенно должностями ризничаго, духовника, келейнаго старца и т. п., и соборяне, имѣвшіе непосредственное участіе въ дѣлахъ ставленическихъ и объ освященіи церквей и кромѣ того завѣдывавшіе раздачею вѣнечныхъ памятей. За исключеніемъ опредѣленія архіерейскихъ домовъ и каѳедральныхъ соборовъ штатами, реформа Петра не произвела никакихъ особенныхъ измѣненій въ этомъ строѣ центральнаго епархіальнаго управленія. Высшее церковное управленіе получило коллегіальную форму св. Синода, но епархіальное осталось при своихъ прежнихъ приказныхъ формахъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на то, что св. Синодъ не придавалъ архіерейскимъ приказамъ никакого самостоятель-

наго значенія и во всѣхъ дѣлахъ непосредственно обращался къ самимъ архіереямъ. Приказы дѣйствительно не имѣли характера особыхъ присутственныхъ мѣстъ, отдѣльныхъ отъ лица архіерея, были чѣмъ-то въ родѣ его собственныхъ канцелярій, на которыя къ лицу самого архіерея не было никакихъ апелляцій, какъ не было апелляцій патріарху на патріаршіе приказы (1). Распоряженіе приказа было распоряженіемъ самого архіерея. Съ другой стороны и архіерей смотрѣлъ на свои приказы, какъ на свои домашнія учрежденія, могъ, какъ ему было угодно, устроивать ихъ составъ, поручать имъ самыя разнородныя дѣла, не стѣсняясь ихъ спеціальнымъ вѣдомствомъ, измѣнять самыя границы этого вѣдомства. Такимъ образомъ, не смотря на существованіе архіерейскихъ приказовъ, епархіальное управленіе сохраняло единоличный характеръ, при которомъ и судъ и администрація совершенно сливались въ лицѣ одного архіерея. Отъ того въ случаѣ смерти архіерея или болѣзни и отлучки изъ епархіи епархіальныя дѣла или совсѣмъ останавливались или посылались на рѣшеніе высшей церковной власти (2).

Но эта же самая зависимость приказовъ отъ архіереевъ и повела потомъ къ постепенной замѣнѣ ихъ учрежденіями коллегіальными по образцу южно-русскихъ консисторій, потому что въ первой половинѣ XVIII в. почти всѣ архіерейскія каѳедры замѣщались у насъ архіереями южнорусскаго происхожденія. Въ первый разъ такое коллегіальное учрежденіе является въ московской епархіи подъ именемъ дикастеріи, членами которой подъ предсѣдательствомъ архіерея крутицкаго были почетнѣйшіе московскіе архимандриты (3).

---

(1) Уложеніе гл. XII, 1 — 3. О старинн. суд. мѣстахъ. Мальгина. 1805 г. стр. 95. 98.

(2) П. С. З. V, 3239 п. 3.

(3) П. С. З. VI. 3870. 4190. Ист. моск. епарх. упр. I, 21—22. 24.

Д. Регламентъ указалъ и въ другихъ епархіяхъ, „кромѣ обычныхъ домовыхъ управителей, опредѣлить къ дѣламъ нѣкоего умнаго и житіемъ честнаго архимандрита или игумена, придавъ къ нему въ помощь и другихъ нѣсколько умныхъ же человѣкъ отъ монашескаго или священническаго чина", предоставивъ этимъ управителямъ право сноситься по недоумѣннымъ дѣламъ съ самимъ св. Синодомъ, также доносить св. Синоду, если епископъ придетъ въ крайнее изнеможеніе по старости или болѣзни, такъ что должностей своихъ отнюдь ему управить невозможно станетъ, хотя бы онъ самъ о себѣ писать и не похотѣлъ. Такъ положено было первое начало коллегіальнымъ учрежденіямъ при архіерейскихъ каѳедрахъ, начало новому консисторскому управленію епархій. Формальное учрежденіе консисторій относится уже къ 1744 г. Но еще раньше этого консисторское устройство епархіальнаго управленія было уже достаточно подготовлено какъ приведеннымъ распоряженіемъ Регламента, такъ и епархіальными реформами самихъ архіереевъ южнорусскаго происхожденія; за исключеніемъ немногихъ епархій, гдѣ еще оставались судіи духовныхъ дѣлъ и приказы, при каѳедрахъ повсюду заводились коллегіальныя учрежденія, носившія названія—одни канцелярій, другія консисторій (1).

Такъ какъ прототипомъ новаго епархіальнаго управленія было управленіе малороссійскихъ епархій, то прежде всего обратимся къ разсмотрѣнію его состава. Оно съ давнихъ временъ состояло а) изъ каѳедральныхъ чиновъ, составлявшихъ при особѣ архіерея такъ называемую каѳедру, и б) замѣнявшаго здѣсь архіерейскіе приказы, составленнаго по образцу католическихъ епархій присутственнаго мѣста съ исполнительной властью, капитула или, какъ оно потомъ ча-

---

(1) П. С. З. XII, 8988. Ист. моск. упр. II, кн. I, 22. Ворон. епарх. вѣд. 1867 № 6, стр. 192.

ще называлось, консистора (¹). Каѳедра завѣдывала всѣми дѣлами ставленическими и омофорными, посвященіемъ ставленниковъ, переводами духовныхъ лицъ съ мѣста на мѣсто, освященіемъ церквей, выдачей антиминсовъ управленіемъ архіерейскаго дома и его угодій и всѣми епархіальными сборами. Она находилась въ каѳедральномъ монастырѣ и вся состояла изключительно изъ монаховъ, ближайшихъ помощниковъ архіерея, между которыми самое важное значеніе имѣли: намѣстникъ каѳедральнаго монастыря, каѳедральный писарь, управлявшій каѳедральной канцеляріей, и архидіаконъ, нѣчто въ родѣ ключаря, занимавшійся обученіемъ ставленниковъ, взиманіемъ ставленическихъ сборовъ и выдачей всякихъ архіерейскихъ грамотъ; всѣ трое они находились безотлучно при особѣ архіерея, а во время его путешествій по епархіи составляли его походную контору; за ними слѣдовали: каѳедральный духовникъ, экзаменаторъ, крестовый іеромонахъ и другіе менѣе важные чины каѳедры, іеромонахи, іеродіаконы, иподіаконы и проч. Къ каѳедрѣ не безъ значенія примыкали даже разные служители архіерея, которыхъ никакъ нельзя было обойти безъ поклоновъ и даровъ всякому, имѣвшему дѣло до каѳедры (²). Исполнительной и главнымъ образомъ судебной властью облечена была консисторія или, какъ она, титуловалась, освященный консисторъ, соборъ высоце въ Бозѣ превелѣбныхъ отцевъ делегатовъ. Самый титулъ ея показываетъ, что она состояла изъ духовныхъ особъ и этимъ много отличалась отъ великорусскихъ архіе-

---

(¹) Въ первый разъ капитулъ является въ 1549 г. при галицкомъ епископѣ, въ Кіевѣ въ 1657 г. о консисторіи въ первый разъ оффиціальное извѣстіе встрѣчаемъ въ завѣщаніи м. Гедеона Четвертинскаго. Опис. кіево-соф. соб. прилож. № 45. 23. примѣч. къ стр. 251.

(²) Рук. для сел. паст. 1862 г. № 27, стр. 298—301. Кіевск. епарх. вѣд. 1864 г. № 13: О кіевск. каѳедр. монастырѣ.

рейскихъ приказовъ, въ которыхъ кромѣ главнаго управителя, большею частію засѣдали все лица свѣтскія, дьяки и подъячіе. Личный составъ консисторій сначала смѣшивался съ личнымъ составомъ каѳедръ; въ нихъ засѣдали тѣже намѣстникъ, писарь и архидіаконъ, что и въ каѳедрѣ; но потомъ къ участію въ консисторскихъ дѣлахъ стали приглашаться еще настоятели важнѣйшихъ епархіальныхъ монастырей, наприм. въ Кіевѣ Никольскаго, Братскаго, Михайловскаго, Выдубецкаго, Кирилловскаго и Петропавловскаго; вмѣсто каѳедральнаго писаря дѣлами консисторіи сталъ завѣдывать особый судовой писарь или реэнтъ судовыхъ дѣлъ, инстигаторъ, судовъ консисторскихъ акторъ. До 1760-хъ годовъ всѣ члены консисторіи безъ исключенія были изъ монашествующаго духовенства; канцелярія тоже состояла изъ монаховъ и послушниковъ каѳедральнаго монастыря. При первобытномъ смѣшеніи консисторіи съ каѳедрой эти канцеляристы и содержались на общій братскій счетъ каѳедральнаго монастыря, но потомъ на канцелярію стали собирать особыя суммы съ церквей и монастырей. Въ Кіевѣ эти особые сборы явились съ 1733 г. первоначально только на канцелярскіе расходы и награды служащимъ (').

Въ великорусскихъ епархіяхъ каѳедра не достигла такого развитія, какъ въ Малороссіи; но консисторское управленіе сдѣлалось точной копіей своего прототипа. Великорусскія консисторіи тоже состояли изъ монашествующихъ членовъ, за исключеніемъ секретарей и служащихъ въ канцеляріяхъ, которые, какъ въ старыхъ приказахъ, опредѣлялись изъ свѣтскихъ людей. Несмотря на то, что реформа довольно ясно высказалась противъ административной монополіи монашества и что Д. Регламентъ въ самомъ св. Синодѣ предпи-

(') Кіевск. епарх. вѣд. 1862 г. № 1 и 15: Кіевск. консисторія въ XVIII в.

салъ посадить членами представителей всѣхъ классовъ духовенства, административнаго (архіереевъ), чернаго (архимандритовъ или игуменовъ) и бѣлаго (священниковъ изъ епархій), бѣлое духовенство долго не имѣло представителей въ консисторіяхъ. Встрѣчаемъ примѣры, что монашествующіе члены старались вытѣснить изъ консисторій членовъ изъ бѣлаго духовенства даже вопреки волѣ самихъ архіереевъ. Еще раньше формальнаго учрежденія консисторій въ воронежской епархіи епископъ Іоакимъ, сдѣлавъ духовнымъ управителемъ задонскаго игумена Евфимія, посадилъ къ нему въ товарищи пятницкаго священника Петра. Вскорѣ послѣ этого преосвященному пришлось уѣхать въ Петербургъ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Евфимій вытѣснилъ Петра изъ приказа. Въ 1740 г. Іоакимъ послалъ къ нему указъ съ строгимъ выговоромъ за это: „удивительно намъ о семъ, что недавно отъ васъ отлучился, то вы своевольство свое поступать зволите, чему мы не надѣялись, а будетъ ли такъ, то мы поступимъ инако“, и посадилъ въ приказъ двоихъ священниковъ (1). Въ московской консисторіи въ числѣ членовъ въ первый разъ видимъ протоіерея въ 1745—1748 гг., а съ 1755 г. двоихъ, но число монашествующихъ членовъ всегда превышало здѣсь число членовъ изъ бѣлаго духовенства (2). Въ кіевской консисторіи въ первый разъ посаженъ въ 1758 г. протоіерей Романъ Лубенскій въ награду за долгую службу, но сидѣлъ здѣсь ниже всѣхъ и никогда не заявлялъ своего голоса частію по своей незначительности, частію по дряхлости, разъ по 100 въ годъ не являлся даже и въ присутствіе (3).

Въ окружномъ епархіальномъ управленіи бѣлое духовенство принимало больше участія. Съ XVI в. въ

---

(1) Ворон. епарх. вѣд. 1867 г. № 7, стр. 221—223.
(2) Ист. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 2. стр. 40. 78 и друг.
(3) Кіевск. еп. вѣдом. 1862 г. № 1, стр. 14—15.

этой сферѣ церковной администраціи большое значеніе получило выборное начало въ лицѣ поповскихъ старостъ и десятскихъ поповъ, избиравшихся самимъ окружнымъ духовенствомъ. Но іерархія видимо не довѣряла этимъ выборнымъ лицамъ, сдѣлала ихъ только отвѣтственными сборщиками церковныхъ пошлинъ и блюстителями церковнаго благочинія, а всѣ судебныя дѣла по округамъ поручала своимъ приказнымъ органамъ, кромѣ того самихъ поповскихъ старостъ подчиняла надзору монашествующихъ властей, настоятелей важнѣйшихъ въ каждомъ округѣ монастырей. Такой порядокъ окружнаго епархіальнаго управленія неизмѣнно хранился отъ времени Стоглава въ теченіе всей древне-русской исторіи (1). Каждая епархія раздѣлялась обыкновенно на нѣсколько десятинъ, во главѣ которыхъ по суду и управленію духовными дѣлами стояли духовные управители—архимандриты или игумены, а по гражданскимъ дѣламъ епархіальнаго вѣдомства—свѣтскіе десятильники (2); десятины въ свою очередь дѣлились на меньшіе округи, которые подвѣдомы были, за исключеніемъ судныхъ дѣлъ, поповскимъ старостамъ и десятскимъ. Въ юго-западной Россіи непосредственными органами архіерея по окружному управленію были намѣстники тоже изъ монашествующихъ властей, которымъ были поручены цѣлые округи съ правомъ суда надъ монастырями и церквами; затѣмъ ближайшее управленіе приходскимъ духовенствомъ съ XVII в. раздѣлено было на протопопіи, въ которыхъ главными правителями и судіями были подчиненные намѣстникамъ протопопы, соотвѣтствовавшіе поповскимъ старостамъ и имѣвшіе своихъ собственныхъ намѣстниковъ или помощниковъ, соотвѣтствовавшихъ великорусскимъ десятскимъ попамъ; — и тѣ и

---

(1) А. Э. I, 231. 232 и др. П. С. З. III, 1612.

(2) Такое раздѣленіе утвердилось особенно по опредѣленіямъ соборовъ 1667 и 1675 гг.

другіе были выборныя лица (1). Это протопопское управленіе хранилось здѣсь почти до конца XVIII в., не испытывая никакого вліянія отъ тѣхъ перемѣнъ, какія послѣ реформы происходили въ окружномъ управленіи по епархіямъ Великороссіи.

Подчиненіе приходскихъ причтовъ монастырскимъ властямъ всего сильнѣе проявлялось въ томъ случаѣ, когда сюда примѣшивались еще вотчинныя отношенія. Старинная власть вотчинниковъ простиралась на все, что находилось въ вотчинномъ округѣ, и на самыя церкви. Духовные вотчинники, архіереи и монастыри, развивали свою власть надъ вотчинными церквами, разумѣется, еще далѣе, чѣмъ свѣтскіе вотчинники, потому что имѣли полную возможность сливать свою вотчинную власть съ церковно-іерархическою. До собора 1675 г. архіерей, имѣвшій вотчинныя церкви въ чужой епархіи, простиралъ на нихъ вмѣстѣ съ вотчинной и свою архіерейскую власть, такъ что совершенно устранялъ власть надъ ними мѣстнаго архіерея (2). Точно также почти устраняли власть мѣстнаго архіерея монастыри въ своихъ вотчинахъ, особенно монастыри сильные и вліятельные, наприм. Троицкій-Сергіевъ, Кіевопечерскій, Межигорскій, Святодуховъ виленскій и др. Кіевопечерская лавра и виленскій монастырь совершенно независимо отъ мѣстныхъ архіереевъ управляли всѣми церковными дѣлами на всемъ пространствѣ какъ своихъ собственныхъ вотчинъ, такъ и вотчинъ приписныхъ къ нимъ монастырей, сами раздѣляли свои вотчинные округи на протопопіи, по собственному усмотрѣнію назначали протопоповъ, давая имъ точно такія же протопопскія граматы, какія давали архіереи, сами опредѣляли на приходы священно-служителей, переводили ихъ съ мѣста на мѣсто,

(1) Опис. Кіево-соф. соб. стр. 252. Кіевск. еп. вѣд. 1862, стр. 743. 1864 г. № 6. 22.

(2) А. Э. IV, № 204, п. 2—3. О церк. администр. Лохвицкаго. Р. Вѣстн. 1857 г. кн. 2.

отрѣшали, запрещали въ священно-служеніи и проч., при чемъ старались избѣжать зависимости отъ епархіальныхъ архіереевъ даже въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, наприм. въ рукоположеніи ставленниковъ къ вотчиннымъ церквамъ, обращаясь за этимъ рукоположеніемъ къ разнымъ греческимъ и молдавскимъ архіереямъ или къ своимъ русскимъ, но не своей, а сосѣднихъ епархій, также къ архіереямъ, часто жившимъ на покоѣ въ кіевской лаврѣ (1). Въ Великороссіи разграниченіе между вотчинными и іерархическими отношеніями послѣдовало еще на соборѣ 1675 г.; но югозападная Россія удержала это сліяніе двухъ совершенно разныхъ властей и въ XVIII в. Дух. Регламентъ и указы Петра настаивали на полномъ подчиненіи духовной власти мѣстнаго архіерея всего духовенства и всѣхъ мірянъ безъ изключенія и развили эту мысль еще далѣе, чѣмъ опредѣленіе собора 1675 г., такъ что на нѣкоторое время (до 1733 г.) епархіальному архіерею должны были подчиняться даже монастыри ставропигіальные (2). Въ Малороссіи эти узаконенія мало имѣли силы. Такъ, въ теченіе всего царствованія Петра шла здѣсь жаркая борьба между кіевскимъ архіереемъ и монастырями Печерскимъ и Межигорскимъ, особенно усилившаяся при архіепископѣ Варлаамѣ Вонатовичѣ въ 1723—1724 гг., при чемъ кіевскій архіепископъ старался удержать за собою право рукополагать избранныхъ лаврою ставленниковъ, имѣя въ виду извѣстные доходы отъ рукоположенія, а лавра отстаивала свое право посылать ставленниковъ для рукоположенія по своему усмотрѣнію въ Переяславъ или Черниговъ; и замѣчательно, что св. Синодъ рѣшилъ это дѣло въ пользу лавры (3). Лаврскіе при-

(1) Опис. Кіево-соф. соб. 253—254. Кіевск. еп. вѣд. 1862 г. № 14. Руков. для с. паст. 1860 г. № 43, стр. 191.

(2) Реглам. о мірск. особ. п. 10. и Прибавл. о монаш. П. С. З. IX, 6333 и 6962.

(3) Варл. Вонатовичъ. Тр. кіевск. акад. 1861 г. т. I, стр. 283.

ходы подчинены были кіевской консисторіи уже въ 1769 г.

Вліяніе монастырскихъ властей на окружное епархіальное управленіе было впрочемъ сильно и безъ содѣйствія старинныхъ вотчинныхъ правъ. Подчиненіе причтовъ и поповскихъ старостъ архимандритамъ было до того обычно, что въ 1724 г. вышелъ особый указъ, который выражалъ намѣреніе правительства положить это подчиненіе въ основаніе предпринимавшейся тогда болѣе строгой организаціи окружнаго управленія всѣхъ епархій; указъ этотъ предполагалъ раздѣлить всѣ епархіи на дистрикты и во главѣ каждаго дистрикта поставить по архимандриту (для чего, прибавлено въ указѣ, число архимандритовъ убавить) съ порученіемъ ему общаго благочинническаго надзора надъ всѣми монастырями и церквами въ дистриктѣ и подчиненіемъ ему всѣхъ поповскихъ старостъ (1). Сколько извѣстно, это новое дѣленіе епархій на дистрикты никогда не было потомъ приведено въ исполненіе; съ одной стороны епархіальные архіереи и самъ св. Синодъ пока вполнѣ довольствовались старымъ дѣленіемъ епархій на десятины, а съ другой въ скоромъ времени по великорусскимъ епархіямъ стало обнаруживаться вліяніе малороссійскихъ порядковъ, вводимыхъ іерархами малороссійскаго происхожденія, именно вездѣ стали заводиться протопопіи и протопопскія правленія, которыя на первыхъ порахъ повели было даже къ ограниченію вліянія монашествующихъ властей.

Не находя для себя опредѣленной точки привитія въ великорусскихъ епархіяхъ, протопопское управленіе примыкало то къ аналогичному и равному ему по степени учрежденію поповскихъ старостъ, то къ высшей сферѣ десятиннаго управленія, въ слѣдствіе чего во главѣ десятинъ вмѣсто архимандритовъ и игумновъ ста-

---

(1) П. С. З. VII, 4455. Ист. моск. епарх. упр. I, примѣч. 207.

ли являться протопопы; а это послѣднее обстоятельство повело къ тому, что духовные управители, прежде всегда бывшіе приказными людьми, занимавшіе свои должности по назначенію архіерея, какъ скоро стали являться изъ бѣлаго духовенства, стали смѣшиваться съ поповскими старостами и получали по мѣстамъ выборный характеръ. Выразительные примѣры этого можно видѣть въ исторіи московскаго епархіальнаго управленія, которая, надобно замѣтить, одна только разработана, какъ слѣдуетъ, въ нашей литературѣ. Такъ, подъ 1728 г. встрѣчаемъ здѣсь жалобу цѣлаго окружнаго духовенства г. Козлова съ уѣздомъ на неправильность выборовъ въ духовные управители; священники, дьяконы и причетники доносили въ дикастерію, что ихъ управитель, соборный протопопъ Гедеонъ, опредѣленъ къ дѣламъ по подложнымъ заручнымъ, кромѣ его свойственниковъ никто къ его выбору рукъ не прикладывали и у тѣхъ дѣлъ быть ему не желаютъ. Дикастерія назначила другаго управителя отъ себя. Рядомъ съ выборами продолжались и архіерейскія назначенія управителей; та и другая форма опредѣленія ихъ на должность употреблялись вообще безъ всякаго опредѣленнаго порядка, зависѣли отъ случайныхъ обстоятельствъ. Многое тутъ зависѣло отъ самой неустроенности и слабости епархіальной власти, которая въ назначеніи управителей иногда по необходимости должна была полагаться на выборы самого духовенства, не имѣя надлежащихъ свѣдѣній о кандидатахъ на управительскія должности; отъ того административныя назначенія управителей носили иногда очень простодушный характеръ; наприм. въ 1735 г. по смерти духовныхъ дѣлъ управителя въ г. Ржевѣ дикастерія потребовала свѣдѣній отъ синодальнаго казеннаго приказа: „кто въ г. Ржевѣ при соборной церкви протопопомъ, и какъ его зовутъ, и чей сынъ? Буде же не имѣется, то кто тамъ староста поповскій, и которыя именно церкви, и какъ его зовутъ, и чей сынъ? Чтобы сдѣлать его духовныхъ дѣлъ управителемъ“. Смѣна управителей также зави-

сѣла то отъ епархіальнаго начальства, то отъ самого окружнаго духовенства. Такъ, въ 1751 г. столбовское духовенство смѣнило своего управителя, объявляя, что „за великою его гордостью и спѣсью управителемъ ему быть не желаютъ“ (1).

Коллегіальная форма центральнаго епархіальнаго управленія по мѣрѣ своего развитія отражалась и на окружномъ управленіи. Около духовнаго управителя явились товарищи изъ священниковъ и дьяконовъ. Они тоже опредѣлялись или по выбору духовенства, или по назначенію епархіальной власти, или даже по назначенію самого духовныхъ дѣлъ управителя съ согласія подчиненныхъ ему причтовъ; иногда управителю поручалось выбрать къ дѣламъ 2—3-хъ надежныхъ людей изъ окружнаго духовенства самому, но затѣмъ о самомъ опредѣленіи ихъ на должность указывалось представлять консисторіи. Духовные управители потомъ сами составляли себѣ для дѣлопроизводства канцелярію, назначая въ подъячіе и разсыльщики при ней, кромѣ разныхъ свѣтскихъ лицъ, еще дьячковъ отъ окружныхъ церквей (2). Такъ составлялись мало помалу духовныя правленія. Колебаніе между единоличной и коллегіальной формами въ окружномъ управленіи продолжалось до 1744 г., когда вмѣстѣ съ повсюднымъ учрежденіемъ духовныхъ консисторій во всѣхъ епархіяхъ стали заводиться и коллегіальныя духовныя правленія.

Монашествующія лица не опредѣлялись на выборныя должности, потому что, принадлежа къ господствующему классу духовенства, имѣли, какъ сказать, естественное, самостоятельное право на власть, независимое отъ выборовъ класса управляемаго, получали начальственныя должности единственно по назначенію высшаго начальства. Съ распространеніемъ выборнаго

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. I, примѣч. 219—221. II, кн. 1 стр. 87.

(2) Тамже I, стр. 60. примѣч. 226.

протопопскаго правленія начальственная власть надъ округами въ епархіяхъ очевидно должна была все болѣе и болѣе ускользать изъ рукъ монашествующихъ властей. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду то, что до 1744 г. выборныя духовныя правленія оставались на степени учрежденій непостоянныхъ, случайныхъ, притомъ же по самому составу своему изъ бѣлаго духовенства считались ниже прежнихъ архимандрій или намѣстническихъ десятинъ и едвали совершенно изключали послѣднія. Какъ скоро они сдѣлались постоянными и единственными законно признанными органами епархіальнаго управленія округовъ, во главѣ ихъ членовъ тотчасъ же являются власти монашествующія, за изключеніемъ тѣхъ только случаевъ, когда въ округѣ правленія не оказывалось ни одного болѣе или менѣе значительнаго монастыря. Само собой разумѣется, что эти первенствующіе члены правленій уже не были выборными. А вмѣстѣ съ тѣмъ стало понемногу теряться выборное значеніе и другихъ членовъ. Въ началѣ второй половины XVIII столѣтія въ нѣкоторыхъ епархіяхъ принято было за правило составлять духовныя правленія на половину изъ выборныхъ членовъ и на половину изъ членовъ, опредѣленныхъ къ должности административнымъ путемъ; такъ наприм. было въ Воронежѣ (1).

Низшую степень окружнаго управленія въ епархіяхъ составляли поповскіе старосты и десятскіе изключительно изъ бѣлаго духовенства, назначавшіеся на свою должность по выборамъ самого духовенства. Порядокъ ихъ выборовъ и предметы вѣдомства оставались тѣ же, что и въ древней Россіи. Вотъ наприм. какъ писались указы о выборѣ ихъ въ 1750-хъ годахъ въ московской епархіи: къ назначенному сроку (въ январѣ) все духовенство округа призывалось на

---

(1) Житіе свят. Тихона. 1863 г. Спб. ч. I, стр. 48.

съѣздъ выбрать на мѣсто поповскихъ старостъ истекшаго года новыхъ на будущій годъ, а въ помощь имъ новыхъ закащиковъ или десятскихъ, священниковъ добрыхъ и пожиточныхъ и безподозрительныхъ и вѣроятія въ сборахъ достойныхъ, и на тѣхъ нововыбранныхъ старостъ и закащиковъ учинить выборъ за руками всѣхъ церквей священнослужителей съ такимъ обязательствомъ, что они выборщики тѣмъ старостамъ поповскимъ и закащикамъ въ сборѣ денежной казны вѣрятъ и опую денежную казну будутъ платить на указные сроки безъ доимки; а ежели паче чаянія у тѣхъ старостъ и закащиковъ собранной денежной казны учинится какая утрата или какое въ доимку упущеніе, и тѣ утраченныя и доимочныя деньги повинны заплатить всѣ сполна они выборщики (1). Изъ подобныхъ указовъ о выборахъ и изъ самыхъ инструкцій старостамъ видимъ, что должности ихъ и теперь имѣли преимущественно финансовый характеръ. Отсюда это настояніе указовъ, чтобы выборы падали непремѣнно на людей добросовѣстныхъ и пожиточныхъ, т. е. такихъ, которые бы не утаивали сборовъ и съ которыхъ въ случаѣ недобра можно было бы учинить взысканіе всей недоимки; отсюда и эта денежная отвѣтственность за нихъ самихъ избирателей. Понятно, что должность старосты сопровождалась значительнымъ рискомъ для того, кто въ нее избирался. Встрѣчаемъ примѣры, что священники несли ее по очереди, жаловались, если выборъ падалъ на нихъ не въ очередь, и вызывали особыя распоряженія со стороны епархіальной власти, чтобы избиратели производили свои выборы, не чиня въ томъ никакой обиды и безъ прихотей, или прямо—чтобы выбранъ былъ такой-то священникъ, потому что онъ служитъ давно, а старостой еще не бывалъ ни разу (2). Въ пѣ-

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 1, примѣч. 234. Сравн. инстр. поп. старостамъ п. Адріана въ П. С. З. III. 1612.

(2) Ист. моск. епарх. упр. I, примѣч. 233. 234.

которыхъ инструкціяхъ поповскимъ старостамъ возлагаются на нихъ и благочинническія обязанности, наприм. наблюденіе за тѣмъ, чтобы всѣ священно-служители служили по ставленымъ грамотамъ, не переходили отъ церкви къ церкви, не производили безчиній, не вѣнчали незаконныхъ браковъ и т. п., а въ случаѣ безпорядковъ и проступковъ въ духовенствѣ даже обязанность производить слѣдствія. Но эта сторона ихъ должности была совершенно затемнена ихъ финансовымъ значеніемъ и упоминается въ инструкціяхъ только всколзь, такъ что постоянный надзоръ за церковнымъ благочиніемъ почти цѣликомъ оставался на однихъ духовныхъ управителяхъ.

Замѣчательно, что, возбудивъ вопросъ объ усиленіи благочинническаго надзора за духовенствомъ, Д. Регламентъ какъ бы вовсе забылъ при этомъ о поповскихъ старостахъ и нашелъ нужнымъ для этого надзора учредить особую должность, предписавъ по всѣмъ городамъ учинить особыхъ закащиковъ или благочинныхъ „которые, аки бы духовные фискалы, все надсматривали и епископу доносили“. Согласно съ этимъ въ 1722 г. при св. Синодѣ учрежденъ былъ особый приказъ инквизиторскихъ дѣлъ и организовано по духовному вѣдомству цѣлое фискальное управленіе (1). Учрежденіе инквизиторовъ или фискаловъ было очень дурно встрѣчено духовенствомъ и немногимъ только пережило Петра. Въ 1727 г. св. Синодъ собралъ всѣ жалобы на ихъ злоупотребленія, изъ которыхъ оказалось, что „отъ инквизиторовъ не только пользы не явилось, но за многими изъ нихъ обнаружены противузаконныя и гнусныя дѣла, именно—за новогородскимъ, сибирскимъ, бѣлогородскимъ, великоустюжскимъ, и холмогорскимъ, а о прочихъ де вѣроятно обиженные доносить не смѣли изъ боязни, потому что инквизиторы и суду архіерейскому были не повинны“. Слѣдствіемъ этого было упразд-

(1) П. С. З. VI, 3870.

неніе инквизиторской должности (1); для наблюденія же надъ благочиніемъ велѣно выбрать повсюду закащиковъ и поповскихъ старостъ. Но, оставшись выборными людьми, поповскіе старосты не могли сдѣлаться блюстителями благочинія и послѣ этого распоряженія; благочинническою должностью начали облекаться одни только закащики, и притомъ въ качествѣ уже не выборныхъ помощниковъ старостъ, а особыхъ и именно приказныхъ органовъ епархіальной власти. Замѣчательно, что наприм. Иннокентій иркутскій, какъ только получилъ указъ 1727 г. объ уничтоженіи фискаловъ, такъ и распорядился поповскаго старосту выбрать духовенству, а закащика назначилъ самъ (2).—При Аннѣ Іоанновнѣ снова возбужденъ былъ вопросъ объ усиленіи благочинническаго надзора, но и теперь при опредѣленіи органовъ этого надзора поповскіе старосты опять были обойдены, какъ лица другаго характера и назначенія. Въ 1735 г. св. Синодъ указалъ петербургскому духовному правленію „опредѣлить“ для надзора за духовенствомъ нѣсколько закащиковъ или благочинныхъ, а какъ имъ въ томъ поступать, о томъ сочинить инструкцію (3). Въ 1737 г. это распоряженіе, относившееся прежде къ одному Петербургу, распространено на всю Россію; по случаю обнаруженія въ это время разныхъ суевѣрій въ народѣ, св. Синодъ указалъ „опредѣлить закащиковъ, а имъ закащикамъ къ 10 церквамъ изъ свящ. чина десятоначальниковъ, благочинныхъ людей, какъ бы духовныхъ фискаловъ“ (4). Во всѣхъ этихъ указахъ новые блюстители благочинія по прежнему назывались закащиками, но въ тоже время ясно видно, что подъ старымъ названіемъ учреждалась новая долж-

---

(1) Ист. моск. еп. упр. I, 45—47. Иркутск. епарх. вѣд. 1863 г. № 38, стр. 604—605.

(2) Ирк. епарх. вѣдом. 1863 г. стр. 606.

(3) Историко-стат. опис. спб. епарх. II, стр. 210—211.

(4) П. С. З. X, 7450.

ность, для которой нужна была новая инструкція, должность уже не выборная, какъ прежняя должность закащиковъ, а долженствовавшая замѣщаться по административному опредѣленію.

На практикѣ мы впрочемъ долго не видимъ полнаго обособленія благочинической должности. Новый институтъ только лишь вводился въ епархіальную жизнь и весьма часто смѣшивался съ старымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ закащики вовсе не получили новаго благочинническаго значенія и по прежнему оставались съ однимъ финансовымъ значеніемъ; такъ наприм. въ тобольской епархіи въ наказѣ 1738 г. томскому закащику велѣно было вѣдать одни только сборы съ духовенства: „а прочія дѣла, кромѣ денежныхъ сборовъ, повелѣно вѣдать томскаго Алексѣевскаго монастыря архимандриту Лаврентію, а въ денежномъ сборѣ и въ смотрѣніи государственнаго интереса надъ священно и церковно-служители имѣть тебѣ закащику полную власть и наблюденіе крѣпкое“ (1). Въ другихъ мѣстахъ должность закащиковъ смѣшивалась съ должностію поповскихъ старость; такъ, въ 1745 г. воронежскій архіерей Ѳеофилактъ, назначивъ двоихъ закащиковъ,—одного игумена и одного священника, далъ имъ инструкцію, въ которой съ самаго начала читаемъ, что новые закащики должны замѣнить бывшаго поповскаго старосту, оказавшагося слабымъ въ управленіи причтами, за тѣмъ инструкція указываетъ поповскому старостѣ сдать всѣ дѣла закащикамъ, а этихъ облекаетъ полною властью какъ закащичьею по надзору за благочиніемъ, такъ и старостинской—по сбору архіерейскихъ пошлинъ (2). Въ тверской епархіи въ 1760 г. встрѣчаемъ

(1) Чтен. о. и. и древн. 1867 г. II. Матер. для истор. Сибири, стр. 303.

(2) Ворон. епарх. вѣд. 1867 г. № 8. Опис. ворон. епархіи. Любопытно, что поп. старостой былъ игуменъ, примѣръ исключительный. Неизвѣстно, былъ ли онъ староста выборный. Едвали впрочемъ должность старосты не смѣшана здѣсь съ благочинническою.

инструкцію преосв. Аѳанасія поповскому старостѣ, въ которой послѣдній облекается должностью закащика (1). Вслѣдствіе такого же смѣшенія должностей закащики, какъ и поповскіе старосты, въ иныхъ мѣстахъ оставались выборными. Въ пермской епархіи встрѣчаемъ примѣры избранія ихъ на должность со стороны стараго закащика, оставлявшаго свою должность, и даже со стороны прихожанъ (2). Въ московской епархіи съ 1750-хъ годовъ учрежденіе благочинныхъ, какъ стали теперь называться новые закащики, видимъ уже въ полномъ развитіи; архіепископъ Платонъ Малиновскій написалъ для нихъ въ это время полную инструкцію, служившую руководствомъ для благочинныхъ до знаменитой инструкціи м. Платона (3). Отличіе благочиннической должности отъ должности поповскихъ старостъ всего яснѣе обозначилось тѣмъ, что первая не вытѣснила послѣдней и при полномъ своемъ развитіи. Институтъ поповскихъ старостъ былъ уничтоженъ не учрежденіемъ благочинныхъ, а штатами 1764 г., когда отмѣнены были всѣ архіерейскіе сборы съ духовенства и поповскіе старосты остались безъ дѣла. Съ упраздненіемъ поповскихъ старостъ пало и выборное начало среди духовенства; благочинническая должность сдѣлалась уже чисто приказною.

Очертивъ составъ епархіальной администраціи, обратимся къ практикѣ ея въ отношеніи къ приходскому духовенству.

При самомъ же поступленіи въ приходъ новый членъ церковнаго клира долженъ былъ пройти почти черезъ всю лѣствицу епархіальныхъ властей, при чемъ вполнѣ обозначался характеръ его послѣдующаго отношенія къ епархіальной администраціи. Общій поря-

---

(1) Біограф. тверск. іерарховъ. Чередѣева. прилож. № 2.

(2) Пермск. еп. вѣд. 1870 г. Матер. для ист. епарх. № 31. Инстр. закащикамъ № 32.

(3) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. I. 90—93.

докъ ставленическаго дѣлопроизводства въ XVIII в. оставался одинъ и тотъ же, какой существовалъ въ XVII в. и о которомъ сохранилось подробное извѣстіе въ граматѣ п. Іоакима 1675 г. по поводу доклада ему изъ патріаршаго казеннаго приказа о порядкѣ производства ставленниковъ при прежнихъ патріархахъ. По описанію доклада патріархъ производилъ сначала экзаменъ ставленику и благословлялъ подавать прошеніе на мѣсто; потомъ ставленикъ шелъ на исповѣдь къ крестовому іеромонаху, который послѣ исповѣди свидѣтельствовалъ о его достоинствѣ; за тѣмъ уже подавалъ прошеніе въ казенномъ приказѣ, гдѣ его записывали въ книгу и взимали съ него пошлину — рубль и больше; послѣ поставленія записывали новопоставленнаго въ книгу и опять брали съ него пошлину въ рубль, больше и меньше, какъ у котораго владыки приказано; на челобитной ставилась помѣта о посвященіи, послѣ чего ставленикъ долженъ былъ явиться съ ней опять въ казенный приказъ для ея записки въ книгу и вклейки въ столбецъ; послѣ поставленія ставленикъ нѣсколько времени учился у кого-нибудь изъ соборянъ церковному чину, тоже за извѣстную плату; а между тѣмъ патріаршіе дьяки готовили ставленую грамату, прикладывали къ ней печать, записывали ее въ книгу и представляли патріарху на подписаніе; по обученіи ставленикъ получалъ ее въ тіунскомъ приказѣ, при чемъ опять платилъ пошлину. Сумму всѣхъ этихъ платежей докладъ вычислилъ рубля въ 4 и больше. Помилосердовавъ о ставленикахъ, „да не тая жъ бы имъ волокита и лишніе убытки учинились“, патріархъ издалъ опредѣленное постановленіе о цифрѣ сборовъ съ значительнымъ ея уменьшеніемъ; перечисляя лица, которымъ слѣдовало брать со ставленика пошлины, грамата опредѣляетъ: протопопу ризничему брать 3 алт. 2 ден., тресвятскимъ двоимъ черпымъ попамъ по 3 алт. за то, что будутъ выдавать свящ. чину антиминсы и мyро безденежно; дьякону той же церкви 10 ден., дьячку 4, пономарю 2 ден.; филипповскому попу 3 алт. 2

ден:, дьячку и пономарю по 2; пѣвчимъ дьячкамъ по 3 алт. 2 д. на клиросъ; пѣвчему за подъякское ученіе 6 ден.; подьякамъ трехъ станицъ по 2 алт. 3. д. на станицу и по 6 д. на остальныя 3 станицы; соборнымъ пономарямъ 4 ден.; подъячему отъ записи ставленика въ книгу по поставленіи 6 ден.; за вписаніе имени въ ставленную и другія записи 2 алт.; сторожамъ за печать 6 ден.; келейному старцу 2 д.; истопникамъ 8 ден.; за поставленье въ казенный приказъ 23 алт. 2 д. Всего велѣно брать съ ставленика за посвященіе въ попы 2 руб., во дьяконы половину (1).

Такой же порядокъ поставленія оставался и въ первой половинѣ XVIII в. съ небольшими только прибавленіями и измѣненіями (2). Ищущій церковной должности долженъ былъ лично явиться въ архіерейскій приказъ или послѣ уничтоженія приказовъ въ консисторію и подать прошеніе о своемъ опредѣленіи на имя преосвященнаго. При прошеніи прилагались необходимые документы, безъ которыхъ оно не принималось. Послѣ извѣстныхъ намъ распоряженій указа 1711 г. и Д. Регламента, направленныхъ къ предотвращенію замѣченныхъ правительствомъ разныхъ обмановъ со стороны ставленниковъ, на эти документы стали обращать особенное вниманіе при каѳедрахъ. Первымъ документомъ былъ заручный выборъ прихожанъ или согласіе мѣстнаго помѣщика на принятіе ставленика къ церкви. Въ этомъ документѣ, по опредѣленію Д. Регламента, кромѣ выбора обозначались всегда еще средства,

---

(1) А. И. IV, № 259.

(2) Источниками свѣдѣній о ставл. дѣлопроизводствѣ, кромѣ П. С. З., могутъ служить: Ист. моск. епарх. упр. I, II и III чч. отдѣлъ: Ставленич. дѣла, Ист.-стат. свѣд. о спб. епархіи, стр. 118, 205 и др. Странникъ 1868. т. I. стр. 19—22. Ворон. еп. вѣд. 1868 г. № 17. стр. 556—558. Пермск. епарх. вѣд. 1870 г. № 38 и 41: Ставл. дѣла въ XVIII столѣтіи, и Рук. для с. паст. 1862 г. № 27: Очерки быта....

которыми ставленикъ долженъ былъ пользоваться въ приходѣ, количество земли или руги, при заручной роспискѣ самого просителя, что онъ этими средствами будетъ доволенъ. Въ Малороссіи ставленикъ представлялъ при своемъ прошеніи свой контрактъ съ приходской общиной, гдѣ подробно обозначались всѣ „кондиціи, на чемъ ему на парохіи жить“, а если поступалъ въ вотчинный приходъ, то актъ, по которому уступались ему въ пользованіе земля и угодья отъ владѣльца, извѣстный подъ названіемъ эрекціи или презента. Такое объявленіе о ругѣ, землѣ и другихъ матеріальныхъ средствахъ прихода постоянно требовалось отъ ставленниковъ до 1780-хъ годовъ, когда послѣ надѣленія церквей землею и еще раньше того выданной правительствомъ таксы за требы приходскіе причты получили болѣе или менѣе постоянное содержаніе, извѣстное консисторіямъ и безъ означеннаго объявленія.

Другимъ важнымъ документомъ при челобитной ставленика было свидѣтельство духовнаго правленія о вѣрности какъ заручнаго выбора, такъ и показанія объ обстоятельствахъ и средствахъ прихода. Мы видѣли, что правилами о ставленикахъ 1711 г. предписано было „опасно смотрѣть“, не ложно ли челобитіе, угоденъ ли ставленикъ прихожанамъ, какого онъ житія и на чье мѣсто бьетъ челомъ, — все это долженъ былъ предварительно разузнать староста поповскій и дать обо всемъ отписку епархіальному начальству; вслѣдствіе этого старосты, а послѣ открытія духовныхъ правленій члены послѣднихъ должны были присутствовать на самыхъ выборахъ кандидата на мѣсто. Въ половинѣ XVIII столѣтія московское епархіальное начальство выдало распоряженіе — всѣхъ ставленниковъ, являющихся въ консисторію безъ правленскихъ свидѣтельствъ, отсылать въ ихъ духовныя правленія даже съ наказаніемъ. Правленіе о каждомъ ставленикѣ должно было наводить справки: нѣтъ ли за нимъ какихъ дѣлъ и подозрѣній къ произведенію въ чинъ, не положенъ ли онъ въ окладъ, какихъ лѣтъ, правильно

ли рукоприкладство къ его заручному выбору, отъ чего мѣсто, на которое проситель просится, праздно, если послѣ умершаго, подлинно ли и когда умеръ, если послѣ отбывшаго, то когда и куда отбылъ, если послѣ престарѣлаго, то какихъ этотъ послѣдній лѣтъ, дѣйствительно ли не можетъ служить, имѣетъ ли дѣтей, гдѣ и чѣмъ будетъ жить; кромѣ того правленіе испытывало кандидата въ чтеніи. Всѣ эти обстоятельства и прописывались въ свидѣтельствѣ. Въ Малороссіи эти свидѣтельства носили названіе аппробацій, концессовъ и интерцессій. Для епархіальной власти эти документы въ XVIII столѣтіи были также, если не болѣе, необходимы при ставленическомъ дѣлопроизводствѣ, какъ и заручныя выборныя челобитья прихожанъ, потому что безъ нихъ оно могло допускать очень важные промахи, наприм. поставить лишняго ставленика въ приходъ, свыше штата, даже на живое мѣсто, посвятить человѣка, положеннаго въ подушный окладъ, или недостойнаго и т. п. Несмотря на строгія распоряженія Петра о переписи церквей и духовенства, несмотря даже на частые разборы послѣдующаго времени, сопровождавшіе введеніе приходскихъ штатовъ, консисторіи долго не имѣли удовлетворительныхъ свѣдѣній ни о приходахъ, ни о духовенствѣ, особенно о дѣтяхъ послѣдняго, которыя между тѣмъ и были единственными челобитчиками о мѣстахъ. Въ школахъ большая часть изъ нихъ не училась; метрическія книги велись неисправно. Консисторіямъ неоткуда было иногда получить о челобитчикахъ на мѣста даже такихъ важныхъ свѣдѣній, какъ наприм. женаты ли они и которымъ бракомъ. Отсюда происходили иногда весьма важныя злоупотребленія и обманы со стороны ставленниковъ, особенно въ Малороссіи. Въ началѣ XVIII столѣтія одинъ стародубскій житель Ѳедоръ Лисовскій противозаконно женился на дѣвицѣ, бѣжавшей отъ отца, потомъ бросилъ ее и перешелъ на житье въ Глуховъ, гдѣ женился въ другой разъ. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ выбранъ на одну

глуховскую парохію; какъ слѣдуетъ, служилъ на ней и дослужился даже до протопопства. Обманъ открылся по доносу его первой жены, которая какъ-то его нашла. Послѣ этого онъ былъ разстриженъ и сдѣлался новгородъ-сѣверскимъ сотникомъ. Въ 1720-хъ годахъ въ лохвицкой протопопіи одинъ священникъ обличенъ былъ въ троеженствѣ и потребованъ на судъ кіевскаго епархіальнаго начальства. Чтобы ускользнуть отъ суда, онъ по обычаю тогдашняго времени крикнулъ „слово и дѣло“ противъ обвинявшаго его протопопа; послѣдняго принялись допрашивать, пытать, а о священникѣ троеженцѣ такъ и забыли (1). Для предотвращенія подобныхъ случаевъ оказывались недостаточными даже и тѣ свѣдѣнія о кандидатахъ священства, какія могло собрать мѣстное духовное правленіе.

Кромѣ свидѣтельства духовнаго правленія, въ избѣжаніе ошибокъ и для большаго удостовѣренія себя въ соблюденіи всѣхъ условій нужныхъ для производства ставленика, епархіальныя начальства прибѣгали еще къ строгому допросу самого ставленика. Допросъ производился при ставленическомъ столѣ въ консисторіи съ тѣми же формальностями, съ какими обыкновенно производились допросы судебные. Проситель показывалъ: сколько ему лѣтъ, кто былъ его отецъ, не числится ли онъ въ окладѣ, или въ службѣ, какъ показанъ при послѣдней ревизіи, гдѣ находился при разборѣ духовенства, не состоялъ ли или не состоитъ ли подъ дѣломъ, въ подозрѣніяхъ и штрафахъ,—при Аннѣ Іоанновнѣ спрашивали еще, былъ ли у присягъ 1730—31 гг.,—женатъ ли и на комъ и правильно ли, не раздѣляетъ ли раскольническихъ и другихъ суевѣрій, въ сочлененіи тѣлесномъ и въ прочихъ чувствахъ не имѣетъ ли поврежденія и увѣчья, препятствующаго священству; за недостаткомъ докторовъ члены консис-

---

(1) Рук. для с. паст. 1862 г. № 27: Очерк. быта малоросс. дух. стр. 305—307.

торіи сами же и свидѣтельствовали здоровье просителя, какъ умѣли. За тѣмъ слѣдовалъ допросъ о самомъ мѣстѣ и приходѣ, при чемъ проситель объявлялъ, что челобитная его не лжесвидѣтельствованная и спору о мѣстѣ ни отъ кого не будетъ, кто состоитъ въ приходскомъ причтѣ, чѣмъ причтъ содержится, сколько въ приходѣ дворовъ и душъ. Наконецъ ставленикъ давалъ обязательства: отъ мѣста не отходить и никому его въ противность правилъ не уступать и не оставлять, кромѣ своей церкви нигдѣ не служить, заботиться объ искорененіи суевѣрій и раскола, не писать въ вѣдомостяхъ ложно неисповѣдывавшихся и непричащавшихся бывшими у исповѣди и причащенія, одежду носить подобающую, жизнь проводить трезвенно, не ходить по кабакамъ, ссоръ и дракъ не заводить и т. п. Обязательства эти въ разныя времена были различны, смотря потому, на что въ извѣстное время особенно обращало вниманіе правительство; такъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ этихъ обязательствахъ болѣе всего говорилось объ искорененіи суевѣрій и раскола; во 2-й половинѣ столѣтія съ ставленниковъ бралось обязательство говорить проповѣди прихожанамъ; подъ конецъ царствованія Екатерины II ихъ стали обязывать подпиской не прикладывать рукъ къ крестьянскимъ челобитнымъ и стараться объ отвращеніи крестьянскихъ волненій. Въ заключеніе допроса ставленикъ давалъ подписку: „въ семъ допросѣ сказалъ онъ NN самую сущую правду и ничего не утаилъ; ежели же сказалъ что ложно или что утаилъ, а впредь отъ кого будетъ изобличенъ, и за то учинено ему будетъ, что указомъ отъ св. прав. Синода опредѣлится, безъ всякихъ его отговорокъ“.

Допросъ повѣрялся за тѣмъ справками по документамъ, какими могла располагать консисторія. Въ началѣ XVIII в. почти единственными для этого документами были окладныя книги, по которымъ сбирались архіерейскія пошлины и въ которыхъ поэтому довольно точно обозначались средства приходовъ. Потомъ

однимъ изъ важнѣйшихъ документовъ стали исповѣдныя росписи, изъ которыхъ извлекались свѣдѣнія о лѣтахъ просителя и числѣ прихожанъ при церкви, а во 2-й половинѣ XVIII столѣтія къ нимъ присоединились еще клировыя вѣдомости. Кромѣ этого за справками обращались еще къ ревизскимъ и разборнымъ спискамъ духовенства, чтобы узнать, не записанъ ли проситель въ окладъ. Если проситель былъ въ школѣ, консисторія обращалась за справками къ школьному начальству, а если гдѣ-нибудь былъ прежде на службѣ, то къ его бывшему начальству. Подъ конецъ прошлаго столѣтія епархіальное управленіе настолько устроилось, что могло имѣть всѣ нужныя свѣдѣнія о ставленикахъ и приходахъ изъ однихъ справокъ; притомъ же и ставленики были почти всѣ изъ учениковъ училищъ и семинарій, а потому хорошо были извѣстны духовному начальству по школьнымъ документамъ. Вслѣдствіе этого справки выступили на первый планъ и совершенно замѣнили допросъ; послѣдній сталъ заниматься уже не столько прошедшимъ просителя, сколько его будущимъ, и весь почти состоялъ изъ сниманія обязательствъ съ ставленика касательно будущаго его поведенія, сказыванія проповѣдей, ношенія приличной одежды и т. п.

Послѣ допроса и справокъ ставленикъ вмѣстѣ съ дѣломъ отсылался къ экзаменатору. Ставленическій экзаменъ существовалъ и въ древней Россіи, но со времени Петра на него стали обращать особенное вниманіе. Дѣло экзаменаторства возлагалось на начальство архіерейской школы, но чаще на особаго экзаменатора при каѳедрѣ. При слабомъ распространеніи между ставленниками школьнаго образованія экзаменъ не могъ ограничиваться однимъ испытаніемъ ставленика, а сопровождался и самымъ обученіемъ его всему, что считалось нужнымъ ему знать для его будущаго служенія. Поэтому экзаменаторъ былъ вмѣстѣ и учителемъ; послать на экзаменъ называлось тогда: „послать въ школу“, выдержать экзаменъ — „произойти

школу". Вслѣдствіе этого каждый ставленикъ долженъ былъ прожить нѣсколько времени при архіерейскомъ домѣ, гдѣ его учили чтенію, пѣнію и букварю или книжицѣ о вѣрѣ и законѣ, и въ тоже время, по предписанію Д. Регламента, испытывали, „не ханжа ли онъ, не притворяетъ ли смиренія, что умному человѣку не трудно узнать, также не сказуетъ ли о себѣ или и о иномъ сновъ и видѣній, ибо отъ таковыхъ каковаго добра надѣятися, развѣ бабьихъ басенъ и иныхъ вредныхъ въ народѣ плевелъ вмѣсто здраваго ученія" (1)? При Аннѣ Іоанновнѣ всѣмъ архіереямъ предписывалось посвящать ставленниковъ только послѣ достаточнаго обученія ихъ вѣрѣ и закону, не ограничиваясь однимъ испытаніемъ ихъ въ чтеніи и пѣніи, а для этого держать ихъ при своемъ домѣ или при ближнихъ монастыряхъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ, при чемъ экзаменовать ихъ каждую недѣлю, подмѣчать состояніе житія ихъ и поступковъ и посвящать, кто изъ нихъ окажется достойнѣе; св. Синоду указано было разослать по епархіямъ учительныхъ священниковъ или іеромонаховъ по одному или по два съ надлежащимъ жалованьемъ, чтобы они съ крайнимъ прилежаніемъ обучали ставленниковъ, приводя ихъ къ совершенному познанію должности священнической (2). Этотъ указъ всего лучше опредѣляетъ значеніе экзаменаторовъ. Надобно впрочемъ замѣтить, что онъ не былъ вполнѣ приведенъ въ исполненіе; такъ экзаменаторамъ нигдѣ, кажется, не назначалось жалованья и должность эта постоянно принадлежала къ числу такъ называемыхъ почетныхъ, которыя такъ много служили къ развитію взяточничества въ духовномъ вѣдомствѣ. Вотъ довольно полная программа обученія ставленниковъ, которую находимъ въ указѣ 1748 г. Ѳеофилакта воронежскаго новоопредѣленному экзаменатору учи-

(1) Приб. Регламент. о пресвит. 4—6. П. С. З. VI, 3911.
(2) П. С. З. X, 7734. 7749.

телю семинаріи Стасіевичу: обучать „символу вѣры православной, заповѣдямъ Божіимъ и церковнымъ таинствамъ, добродѣтелямъ богословскимъ и евангельскимъ, апостольскимъ и отеческимъ преданіямъ и прочему, до букваря и катихизиса принадлежащему, что священнику необходимо вѣдать надлежитъ, всему со истолкованіемъ писанія, въ чемъ состоитъ законъ христіанскій и проч., а притомъ примѣчать состояніе житія ихъ и поступки, чтобы къ чтенію св. Писанія прилежали и, что читаютъ, разсуждать могли и не словомъ, но самымъ дѣломъ образъ сами собою другимъ простымъ людемъ оказывать могли“ (1). Обученіе катихизису при архіерейскомъ домѣ было тѣмъ болѣе необходимо, что книжки этого катихизиса были чрезвычайно рѣдки въ уѣздахъ и кандидату священства нужно было иногда нарочно ѣхать въ городъ, чтобы ими пользоваться, и проживать здѣсь до тѣхъ поръ, пока не выучитъ всего наизусть, что не могло сдѣлаться скоро, потому что тогдашнія необработанныя головы, совершенно непривычныя къ книгѣ, осиливали ее съ весьма большимъ трудомъ для себя. Только въ 1742 г. св. Синоду велѣно было позаботиться о распространеніи катихизиса въ достаточномъ числѣ экземпляровъ повсюду (2). Кромѣ изученія катихизиса святитель Иннокентій иркутскій заставлялъ ставленниковъ еще списывать для руководства ихъ при будущемъ служеніи нѣкоторыя правила и пункты Регламента о священникахъ и учить ихъ на память (3). Наблюдая за поведеніемъ ставленика, экзаменаторъ не долженъ былъ оставлять безъ вниманія и поведенія его жены, долженъ былъ и объ ней дать свое свидѣтельство епархіальному начальству; — такъ по крайней мѣрѣ было

---

(1) Ворон. епарх. вѣдом. 1867 г. стр. 674—675.
(2) П. С. З. XI, 8743.
(3) Ирк. епарх. вѣд. 1863. № 37: Управл. св. Иннокентія.

въ воронежской епархіи [1]. Отъ такого экзамена или школы не освобождался никто, даже ставленики изъ ученыхъ; такъ наприм. сейчасъ упомянутый Стасіевичъ при посвященіи во священники былъ отданъ въ школу къ казначею, несмотря на то, что самъ былъ экзаменаторомъ [2]. Съ распространеніемъ школьнаго образованія между духовенствомъ во 2-й половинѣ XVIII столѣтія въ священство очень часто стали поступать кончившіе курсъ семинарій и даже академій, но должность экзаменаторовъ оставалась совершенно въ прежнемъ видѣ [3]; экзамену обязательно должны были подвергаться всѣ безъ изключенія ставленики, хоть бы они были несравненно образованнѣе самого экзаменатора, какого-нибудь полуграмотнаго архіерейскаго монаха; разница противъ прежняго состояла только въ сравнительной короткости срока, въ какой ученый ставленикъ проходилъ экзаменаторскую школу. Экзамены эти стали понемногу выводиться только послѣ реформы духовно-учебныхъ заведеній. — Экзаменъ рѣшалъ судьбу ставленика; послѣ удовлетворительной отмѣтки экзаменатора на дѣлѣ онъ отправлялся въ консисторію уже съ полною увѣренностію въ своемъ скоромъ посвященіи.

Явившись въ консисторію, онъ подавалъ прошеніе о назначеніи его къ исповѣди и производству и за тѣмъ отсылался къ духовнику, если былъ уже женатъ, а то ѣхалъ жениться. Послѣ исповѣди духовникъ отмѣчалъ на ставленическомъ дѣлѣ, что по исповѣди препятствій къ посвященію не оказалось, или что проситель къ посвященію достоинъ. За исповѣдью слѣдовала присяга предъ посвященіемъ въ вѣрности государю, въ неослабномъ попеченіи объ искорененіи суевѣрій и расколовъ, неутаиваніи неисповѣдающихся

---

(1) Воронеж. епарх. вѣдом. 1868 г. стр. 558.

(2) Тамже, 1867 г. стр. 752.

(3) См. наприм. Ист. моск. епарх. упр. III, кн. 1. 228—229.

и проч. До 1738 г. эта присяга по разнымъ епархіямъ имѣла разныя редакціи; въ этомъ году узаконена была общая форма ея для всѣхъ епархій (1).

Посвященіе совершалось обычнымъ порядкомъ, какъ и теперь. Какъ на особенность стариннаго посвященія въ попы и дьяконы, можно указать развѣ на выстриганіе на головѣ посвященнаго гуменца, которое въ древней Россіи обложено было даже особенной пошлиной подъ именемъ „простригальныхъ денегъ—по гривнѣ съ плѣши". Полное опредѣленіе о гуменцѣ находимъ въ соборномъ дѣяніи 1675 г. Старинная символика въ волосахъ около плѣши воображала видѣть терновый вѣнецъ Христовъ (2). Покойный митрополитъ Филаретъ объяснялъ простриганіе гуменца отсѣченіемъ дурныхъ помысловъ, такъ какъ волосы подобно мыслямъ суть нѣкотораго рода истеченія изъ головы человѣческой. Когда вывелся этотъ старинный обычай, опредѣлить трудно, но извѣстно, что онъ употреблялся еще въ концѣ XVIII столѣтія; м. Филаретъ самъ еще помнилъ такихъ священно-служителей съ гуменцами въ коломенской епархіи (3). За посвященіемъ слѣдовала новая школа для ставленика, школа практическаго обученія церковной службѣ у кого-нибудь изъ монаховъ архіерейскаго дома или изъ соборянъ или изъ приходскихъ и монастырскихъ священно-служителей. Результатъ обученія отмѣчался учителемъ на томъ же ставленическомъ дѣлѣ, которое вмѣстѣ съ ставленикомъ переходило по всѣмъ степенямъ каѳедральной іерархіи изъ рукъ въ руки. Наконецъ архіерей указывалъ выдать посвященному ставленую грамату. До 1727 г. граматы эти были письменныя и разнообразнаго содер-

---

(1) Издана въ Ист.-стат. опис. спб. епарх. II. стр. 277—278.

(2) Ист. росс. іер. I. стр. 344. Ист. моск. епарх. упр. I, примѣч. 250.

(3) Душеп. чт. 1870 г. XII: нѣчто о поп. гуменцахъ. стр. 17.

жанія; въ этомъ году указомъ св. Синода отъ 16 августа велѣно выдавать печатныя. Употребленіе письменныхъ однако продолжалось и послѣ этого; окончательное запрещеніе ихъ послѣдовало уже въ 1738 г. по случаю какого-то дѣла въ св. Синодѣ, по которому „въ дѣлѣ письменныхъ граматъ явилась фальшь“ (1). Въ Малороссіи письменныя граматы употреблялись до самаго преобразованія малороссійскихъ епархій въ 1786 г. При выдачѣ граматы съ ставленика брали обязательство выучить ее наизусть. Вмѣстѣ съ граматами во 2-й половинѣ XVIII столѣтія выдавались еще ставленикамъ нѣкоторыя поучительныя сочиненія объ обязанностяхъ священно-служителя и катихизисы (2). Послѣ всего этого новопоставленный по пріѣздѣ на мѣсто долженъ былъ явиться къ благочинному или старостѣ поповскому, который и вводилъ его въ должность, собирая для этого въ церковь всѣхъ прихожанъ.

Совершенно такія же степени ставленическаго дѣлопроизводства проходили священно-служители, опредѣлявшіеся въ викаріи и въ заставку, также церковно-служители при посвященіи въ стихарь; отъ того вѣроятно между прочимъ такъ долго и нельзя было заставить ихъ добиваться стихаря, какъ это мы видѣли выше. Граматы или указы причетникамъ, какъ посвященнымъ, такъ и не посвященнымъ въ стихарь, извѣстны были подъ названіемъ новоявленныхъ памятей. Наконецъ таже процедура допросовъ, справокъ, экзаменаціи и исповѣди употреблялась при переходѣ священно-служителей съ мѣста на мѣсто и допущеніи къ служенію священно-служителей вдовыхъ; дѣла этого рода тоже причислялись къ разряду ставленическихъ. При переходѣ священно-служителей имъ выдавались перехожія граматы, во всемъ почти схожія съ ставле-

---

(1) П. С. З. X, 7492. Образцы грам. см. въ Ист. моск. епарх. упр.

(2) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 2. стр. 269.

ными. Несмотря на то, что съ самаго начала XVIII столѣтія правительство постоянно вооружалось противъ этихъ граматъ въ видахъ пресѣченія бродяжничества духовенства, онѣ продолжали существовать въ прежнемъ видѣ до 1765 г. При множествѣ безмѣстнаго духовенства никакъ нельзя было вывести изъ употребленія не только ихъ, но даже граматъ на пріисканіе мѣстъ. Въ 1765 г. тѣ и другія граматы были запрещены, но и послѣ того долго продолжали существовать въ формѣ указовъ, что̀ въ сущности было одно и тоже (1). Можно замѣтить здѣсь кстати, что извѣстный намъ обрядовый взглядъ на священно-служителей, какъ только на требоисправителей, а не пастырей или духовныхъ отцевъ-воспитателей прихожанъ въ христіанской жизни, взглядъ, при которомъ не было, разумѣется, никакой особенной надобности, чтобы священно-служитель былъ постоянно привязанъ къ своему приходу, много поддерживали сами епархіальныя начальства, очень часто переводившія священниковъ съ мѣста на мѣсто иногда безъ всякихъ достаточныхъ причинъ и возбудившія объ этихъ переводахъ даже особый весьма важный вопросъ въ современной литературѣ.

Вдовымъ священно-служителямъ выдавались епитрахильныя (священникамъ) и орарныя или постихарныя (дьяконамъ) граматы. Послѣ общаго разрѣшенія священно-служенія всѣмъ вдовымъ священно-служителямъ по опредѣленію собора 1667 г. (2), въ выдачѣ этихъ граматъ, собственно говоря, не было никакой нужды, но онѣ все-таки держались до 1765 г. частію по старой къ нимъ привычкѣ, частію потому, что выдача ихъ сопровождалась извѣстными сборами въ архіерейскую казну. Многіе священно-служители и послѣ 1667 г. не получали полнаго благословенія на свя-

---

(1) См. напр. П. С. З. XXXII, 25328, 25441.

(2) Дополн. А. И. V, стр. 493—495. Также П. С. З. I, стр. 709—710.

щенно-служеніе, поэтому граматы раздѣлялись на граматы съ обѣдними и безъ обѣденъ, т. е. дозволявшія исправленіе всѣхъ службъ и требъ, кромѣ литургіи; за первыя пошлина бралась двойная (1). Старинныя понятія такъ еще были сильны, что каждый священнослужитель непосредственно послѣ смерти жены считался какъ-бы подъ запрещеніемъ служенія и безъ особой граматы имѣлъ право отслужить только время сорокоуста по покойницѣ; поэтому на допросѣ при дѣлопроизводствѣ о выдачѣ граматы на служеніе онъ долженъ былъ объявлять, что „отслужа онъ по попадьѣ своей четыредесятницу, священническаго ничего не дѣйствовалъ“ (2). Указомъ св. Синода отъ 15 марта 1723 г. опредѣленіе собора 1667 г. было подтверждено и граматы на служеніе велѣно выдавать безъ замедленія и излишняго пошлинъ взятія, но при этомъ указано архіереямъ каждогодно удостовѣряться въ добромъ поведеніи снабженныхъ граматами вдовцовъ чрезъ заручныя прошенія прихожанъ, испытаніе въ архіерейскомъ домѣ, чрезъ закащиковъ, поповскихъ старостъ и другими способами. Вслѣдствіе этого граматы, какъ и прежде, выдавались на извѣстный срокъ, на 3—4 года, даже на одинъ годъ, и по истеченіи этого срока ихъ нужно было мѣнять на новыя, при чемъ проходить туже процедуру дѣлопроизводства о выдачѣ ихъ. За служеніе безъ граматы назпачался штрафъ, наприм. по одной инструкціи поп. старостѣ московской епархіи (1738 г.) — 2 руб. 4 алт. и 2 деньги (3). Послѣ нѣсколькихъ возобновленій граматы епархіальное начальство вдругъ отказывалось дать новую грамату; это было сильнымъ побужденіемъ для

(1) Опис. арх. мин. юстиц. I, прилож. стр. 6.

(2) Христ. чт. 1871 г. февр.: О вдов. священнослуж. стр. 351.

(3) Тамже стр. 356. Образчики прошеній о граматахъ: Волог. епарх. вѣдом. 1869 г. № 5. А. юрид. стр. 415—417. Грам. на годъ: Ирк. епарх. вѣд. 1863 г. № 45.

вдоваго священно-служителя къ постриженію въ монахи. Несмотря на прямое запрещеніе Регламента и указовъ употреблять къ постриженію вдовцовъ какія-либо принудительныя мѣры, въ епархіяхъ всегда находились архіереи — ревнители монашества, которые насильно заставляли постригаться вдовыхъ поповъ и дьяконовъ, оправдываясь тѣмъ, что иначе въ монастыряхъ очень мало будетъ братіи, особенно іеромонаховъ и іеродіаконовъ; св. Синодъ неоднократно получалъ отъ такихъ вдовцовъ жалобы на архіереевъ, въ которыхъ описывались иногда весьма тяжкія мѣры подобнаго принужденія къ монашеству, наприм. содержаніе подъ карауломъ или въ неисходномъ монастырскомъ пребываніи; принужденію въ монашество подвергались иногда даже вдовые церковно-служители (1). Выдача епитрахильныхъ и постихарныхъ граматъ прекратилась тотчасъ же, какъ только въ 1765 г. отмѣнены были сопряженныя съ ней сборы, и вдовые священнослужители стали служить по однимъ ставленымъ граматамъ (2).

Прохожденіе ставленика по всѣмъ означеннымъ степенямъ производства въ XVIII в., какъ и въ старину, сопровождалось множествомъ издержекъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и неоффиціальныхъ. Издержки эти начинались еще до подачи прошенія на мѣсто. Нерѣдко нужно было задобрить помѣщика за согласіе принять просителя въ приходъ, въ югозападной Руси требовалось заплатить за презентъ; почти всегда нужно было задобрить и подпоить за заручный выборъ прихожанъ; никакъ нельзя было обойти и старосту поповскаго или духовнаго управителя за свидѣтельство и одобреніе. Не даромъ извѣстный архипастырь Иродіонъ Жураковскій жаловался, что къ нему при-

---

(1) Примѣры см. въ Христ. чт. 1871 г. февр.: О вдовыхъ священнослуж.

(2) Форма епитр. и стихарн. граматъ сходна съ формою ставленыхъ. Образцы см. въ Ист. моск. епарх. упр.

сылались „желателе священства съ презентами или реци съ свидѣтельствами отъ владѣльцевъ и парохіянъ, полученными отъ нихъ то за искупъ, то за утаенье церковныхъ доходовъ, то за удоволеніе парохіянъ иныхъ напоемъ, иныхъ же дачею хлѣба и прочимъ подаяніемъ требуемымъ“ (1). Въ Великороссіи, при слабомъ развитіи приходскихъ выборовъ, издержки на удовлетвореніе прихожанъ могли быть не очень значительны и много-много, что ограничиваться „напоемъ“; но въ Малороссіи доходили до удивительныхъ размѣровъ. Наприм. въ 1730-хъ годахъ намѣстникъ новомлинской протопопіи Стахевичъ, желая при старости послѣ своей смерти упрочить свое мѣсто за зятемъ Осипомъ Савицкимъ, далъ за согласіе на это мѣстному сотнику Шишкевичу 15 талеровъ. Но взявъ эти деньги, сотникъ обманулъ Стахевича и, когда послѣдній отправилъ зятя въ Кіевъ хлопотать о викаріатствѣ, Шишкевичъ отправилъ къ митрополиту письмо съ самымъ дурнымъ отзывомъ о кандидатѣ, предупреждалъ, что этого кандидата никто изъ старшины не желаетъ и что онъ везетъ съ собою рекомендательное письмо отъ борзенскаго протопопа, полученное имъ за два цѣлковыхъ и кадку водки. Митрополитъ отказалъ Савицкому. Савицкій однако не отчаявался получить мѣсто и по смерти своего тестя снова отправился въ Кіевъ, заручившись рекомендательнымъ письмомъ бунчуковаго товарища Троцкаго. На этотъ разъ разными датками онъ успѣлъ склонить на свою сторону саму консисторію, такъ что когда Шишкевичъ прислалъ въ Кіевъ для противодѣйствія ему депутатовъ отъ сотни, въ консисторіи этихъ депутатовъ попотчивали барбарами да еще и деньги за битье по обычаю съ нихъ взяли. Между тѣмъ и бунчуковый товарищъ Троцкій усердно дѣйствовалъ за Савицкаго, очернилъ Шишкевича предъ митрополитомъ и выхло-

(1) Труд. кіевск. д. акад. 1860. II, 250.

поталъ ему даже отлученіе отъ Церкви. Савицкій былъ посвященъ. Новомлинцы, обиженные консисторіей въ лицѣ своихъ депутатовъ, обратились къ гетману и просили, чтобы Савицкаго ни въ какомъ случаѣ въ попы къ нимъ не ставили. По слѣдствію объ этомъ дѣлѣ, назначенному гетманомъ, все дѣло объяснилось тѣмъ, что у Шишкевича былъ другой кандидатъ, который далъ ему за мѣсто взятку, задобрилъ и парохіяпъ. „А чтожъ намъ дѣлать, паниматко, говорила пани Шишкевичева Троцкой, оправдывая мужа въ гоненіи на вдову Стахевичеву и ея зятя, когда парохіяне уже пороги оббили намъ, кланяясь, чтобы на мѣсто Стахевича поставили Кирилла Гриценка? Да и далъ уже Гриценко пану моему сто золотыхъ, обѣщая еще столько дать“ (1).

Но главные расходы предстояли ставленику впереди въ епархіальномъ городѣ, гдѣ нужно было оплачивать каждый шагъ по лѣствицѣ дѣлопроизводства, начиная съ записи его прошенія во входящую книгу, при чемъ платилось 10 копѣекъ. Допросъ, справка, школа—все это хотя и не было обложено опредѣленными сборами, но за то щедро оплачивалось такъ называемыми акциденціями, безъ которыхъ обойтись было нельзя, потому что всѣ каѳедральные чины не получали никакихъ окладовъ за службу до 1765 г. и кормились отъ дѣлъ. Злоупотребленія, прижимки дававшимъ мало, обманы въ пользу дававшихъ много были неизбѣжными слѣдствіями этого кормленія отъ дѣлъ. Посошковъ напр. разсказываетъ о своемъ времени, какъ взятки могли выручить ставленика при экзаменѣ, производимомъ даже лично самимъ архіереемъ; приближенные архіерея дадутъ ставленику за-

---

(1) Р. Арх. 1871 г. Очерки изъ быта Малороссіи, стр. 1889—1891. Одинъ протопопъ при избраніи его на протопопію (въ 1711 г.) обязался дать прихожанамъ на церковь даже 1000 золотыхъ. Тамже, стр. 1886.

твердить нѣсколько словъ изъ Псалтири и заложутъ, а потомъ при архіереѣ и раскроютъ для экзамена это самое мѣсто „и тако архіереевъ своихъ въ порокъ приводятъ“ (1). Въ 1835 г. св. Синодъ далъ инструкцію члену синодальной конторы Веніамину епископу коломенскому для управленія московскою епархіею; въ ней между прочимъ читаемъ: „при отправленіи ставленическихъ дѣлъ надъ синодальными иподіаконы и прочими служители и въ казенномъ приказѣ надъ подъячими, которые принимаютъ пошлинныя деньги, смотрѣть накрѣпко, дабы со ставленниковъ до посвященія и по посвященіи, кромѣ надлежащихъ указныхъ денегъ, богомерзкихъ взятокъ отнюдь не брали и онымъ людемъ тѣмъ раззоренія не наносили, ибо, какъ слышно есть, что тѣ иподіаконы и подъячіе и прочіе берутъ сверхъ надлежащаго съ тѣхъ людей, не страшась ничего, немалыя денежныя взятки, и тѣ бѣдные люди, не имѣя о себѣ свободнаго голосу, претерпѣваютъ отъ того великое раззореніе; и тако плачъ бѣдныхъ не привлекъ бы на невозбраняющихъ и неудерживающихъ такихъ продерзателей отъ оныхъ противныхъ поступковъ въ началѣ гнѣва Божія, а потомъ и ея и. величества; и какъ при слушаніи, такъ и по поставленіи при отдачѣ ставленыхъ граматъ тѣхъ ставленниковъ спрашивать всѣмъ обще по священству ихъ съ подписками, кто изъ иподіаконовъ и подъячихъ или изъ прочихъ чиновъ что съ нихъ сверхъ указнаго взяли деньгами и прочимъ себѣ во взятокъ, и на кого что покажется, тѣхъ имая въ тожде время допрашивать, и по подлинному свидѣтельству съ тѣхъ продерзателей оныя взятки возвращать и отдавать тѣмъ обидимымъ безъ всякаго удержанія въ немедленномъ времени съ росписками и тѣмъ виновнымъ чинить за то указъ, чему будутъ достойны... И сей пунктъ при подачѣ челобитенъ ставленикамъ велѣть читать всѣмъ

---

(1) Сочин. Посошк. I, 18.

публично, дабы они о томъ были извѣстны“ (1). Понятно, что такой указъ, какъ ни былъ искусно придуманъ, ни къ чему не служилъ, кромѣ того, что каждый ставленикъ, показывая по священству, что съ него никто ничего не взялъ, самый же первый шагъ своего священства долженъ былъ начинать ложью. Въ 1742 г. св. Синодъ указалъ „ставленическія дѣла для надлежащаго производства поручать въ епархіяхъ архіереямъ такимъ людямъ, которые бы были добросовѣстнѣе и вѣроятія достойнѣе“ (2), что̀, разумѣется, давнымъ давно зналъ всякій архіерей и безъ подобнаго указа... Не останавливаясь пока на ставленическихъ акциденціяхъ, обратимся къ обозрѣнію оффиціальныхъ пошлинъ и сборовъ при поставленіи.

Пошлины эти платились за письмоводство по ставленическому дѣлу, за подписи, записи, скрѣпленіе печатями разныхъ документовъ и бумагъ и за самое поставленье каѳедральному клиру и архіерею. Поставленіе въ разныя степени клира всегда было одною изъ крупныхъ доходныхъ статей архіереевъ. Въ 1721 г. митрополитъ ѳиваидскій Арсеній, жившій тогда въ Россіи, подалъ въ св. Синодъ челобитную, въ которой жаловался на недостаточность своего жалованья (получалъ по 1 руб. въ день) и просилъ о дозволеніи рукополагать ставленниковъ, отъ чего̀ бы онъ могъ съ причтомъ своимъ „по Бозѣ имѣть пропитаніе съ удовольствіемъ“. Даруя̀ ему это дозволеніе, св. Синодъ опредѣлилъ: „а за трудъ, сослужителемъ и пѣвчимъ и за ризницу и за прочее *по обычаю* велѣть брать съ тѣхъ ставленниковъ, съ попа изъ дьячковъ въ дьякопы и въ попы по 2 руб., а съ діакона въ попы и съ дьячка во діакона по рублю, а больше сего какъ ему архіерею, такъ и сго сослужителемъ и пѣвчимъ отнюдь не дерзать брать подъ опасеніемъ запрещенія.

---

(1) П. С. З. IX, 6718 п. 3.
(2) Также, XI, 8622.

А россійскимъ архіереемъ, кои имѣютъ свои епархіи, опричь опредѣленныхъ по прежнему обычаю съ патріаршихъ ставленниковъ изъ казеннаго приказу пошлинъ были бъ довольніи, а лишняго ничего не брать, и о томъ, къ кому надлежитъ, послать указы“ (¹). Такимъ образомъ извѣстное намъ опредѣленіе о ставленическихъ пошлинахъ п. Іоакима имѣло полную силу и по учрежденіи св. Синода. Въ 1723 г. оно опять было подтверждено въ инструкціи московской дикастеріи, при чемъ указано рукополагать ставленниковъ по реэстру, а не черезъ рядъ, пошлины брать въ количествѣ, показанномъ въ указѣ 1721 г. (м. Арсенію), синодальнымъ иподіаконамъ отъ ставленыхъ граматъ брать по прежнему установленію патріарховъ, а излишнему отнюдь не касаться (²). Въ томъ же году св. Синодъ озаботился выдать подробное постановленіе о сборахъ, соображаясь тоже съ патріаршимъ установленіемъ; положено взимать: а) при опредѣленіи и посвященіи—съ просвирничихъ и причетническихъ памятей 20 коп., изъ дьячковъ во дьяконы и изъ дьяконовъ въ попы 1 р. 26 к., изъ дьячковъ въ попы 2 р. 33 к., б) съ перехожихъ отъ храма къ храму, просвирничихъ и церковно-служительскихъ 20 коп., дьяконовскихъ 12½, поповскихъ 25½, съ епитрахильныхъ 15, орарныхъ 7½ коп., в) съ возводимыхъ на степени протопопа 25 коп. Остался старинный обычай каждому новому архіерею поповлять или подтверждать своимъ подписомъ граматы, выданныя его предшественниками, за что велѣно взимать съ граматъ дьяконскихъ 10 коп., священническихъ 15, протопопскихъ 24½. „А болѣе того, сказано въ опредѣленіи, никакихъ прежде вымышленныхъ, простригальныхъ, постихарныхъ, отводныхъ и прочихъ т. п. доходовъ

(¹) Собран. постан. по дух. вѣд. I, стр. 71.
(²) П. С. З. VII, 4190 п. 3.

никому не спрашивать“ (1). Къ этимъ расходамъ нужно еще прибавить плату за написаніе грамать, дьяконской 12, поповской 15 коп., а за вписаніе имени въ грамату печатную 5 коп., и на гербовую бумагу, на которой производились всѣ ставленическія дѣла до 1742 г., когда св. Синодъ, находя въ этомъ „бѣднымъ ставленикамъ убытокъ немалый“, указалъ употреблять въ ставленическомъ дѣлопроизводствѣ простую бумагу (2). Подробности самаго дѣлежа ставленическихъ платежей между каоедральными чинами, кому сколько изъ нихъ приходилось, можно видѣть изъ распредѣленія, употреблявшагося при этомъ случаѣ въ московской епархіи: за посвященіе въ попы архіерею 70 к., синодальнаго дома казначею 14, ризничему 10 к., церкви 12 апостоловъ двоимъ іеромонахамъ 18 к., двоимъ іеродіаконамъ 10 к., пономарю 2 к., синодальнымъ иподіаконамъ 3¼ к., подъячему 3, пѣвчимъ 2, подъякамъ разныхъ станицъ 4½, подъячку за храненіе книгъ ½ к., синодальнымъ истопникамъ 1½ к., успенскаго собора пономарямъ 2 к., сторожамъ синодальной казны 1½ к., дикастерскому истопнику ½ к., капонархистамъ 6 к., псаломщикамъ и псалтирщикамъ 12, пѣвческой палаты сторожу 1 к. При посвященіи во дьяконы сборы эти уменьшались на половину (3).

Изчисленные оффиціальные расходы были не очень велики, но они сильно увеличивались издержками на акциденціи. Ни каоедральные, ни консисторскіе чины,

---

(1) Также XVII, 12379. Ист. моск. епарх. упр. I, стр. 43—44. Почти тоже количество въ Ист. нижег. іер. стр. 80—81, примѣч. 65. Но въ иркутской напр. епархіи бралось больше: за дьячк. память 26—45 к., за поповленіе 3 алт. 2 д. (Ирк. епарх. вѣд. 1863 № 40. 45. 1864 № 20); а въ 1830-хъ гг. еще больше: за поповскую грам. 5 р. и причетническую 75 к. (также 1869 № 28).

(2) П. С. З. XI, 8622.

(3) Ист. моск. епарх. упр. I, 69. Сравн. II, кн. 1, прим. 62.

разумѣется, не могли удовлетворяться этими копѣйками, алтынами и деньгами, о которыхъ говорилось въ синодскихъ опредѣленіяхъ, и требовали къ нимъ весьма значительныхъ присовокупленій. Для уплаты требуемыхъ суммъ бѣдные ставленики болѣе всего разсчитывали на приданое за своими невѣстами и кромѣ того обременялись долгами. При заключеніи браковъ въ духовномъ сословіи даже въ самыхъ бѣдныхъ роспи-сяхъ приданаго обыкновенно вносилась статья о деньгахъ „на производство“ жениха. Наприм. въ 1752 г. вдовая дьяконица московскаго Архангельскаго собора, принимая къ своей дочери и наслѣдному мѣсту зятя студента академіи Петра Алексѣева, включила въ роспись приданаго 50 руб. на производство (1),—сумму, замѣтимъ, очень значительную для посвященія во дьяконы; значитъ, для производства въ священники нужно было имѣть 100 р., да еще неизвѣстно, сколько долженъ былъ Алексѣевъ израсходовать, кромѣ этихъ 50 р., своихъ денегъ. Несмотря на строгое запрещеніе 1723 г. никакихъ вымышленныхъ доходовъ при поставленіи не спрашивать и лишняго отнюдь не касаться, сами архіереи подавали примѣръ произвольнаго увеличенія ставленическихъ поборовъ, то усиливая старыя пошлины, то даже установляя въ своихъ епархіяхъ новыя, доселѣ небывалыя. Наприм. въ 1759 г. митрополитъ Тимоѳей Щербатскій объявилъ по московской епархіи, что при поставленіи ставленниковъ приходитъ въ обветшаніе ризница его преосвященства, и указалъ, при взятіи ставленыхъ пошлинъ въ консисторіи, брать еще пошлину на ризницу съ производящихся въ попы изъ дьячковъ по 1 р. 50 к., изъ дьяконовъ по 1 р., во дьяконы 50 к., съ дьячковъ и пономарей по 20 к., и тѣ деньги по третямъ отсылать въ каѳедральный Чудовъ монастырь (2). Въ

(1) Душеп. чт. 1869 г. янв.: Петръ Алексѣевъ.
(2) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 2. стр. 31.

нѣкоторыхъ епархіяхъ ставленики во время долгаго своего проживанія при каѳедрѣ должны были нести разныя работы, нѣчто въ родѣ барщины въ пользу архіерейскаго дома, рубить дрова, чистить дворъ, конюшни, обработывать огороды и сады и т. д. Особенно тяжелыя работы доставались на ихъ долю вслѣдствіе извѣстной страсти нашихъ прежнихъ архіереевъ къ разнаго рода постройкамъ. Вотъ наприм. что происходило въ Тамбовѣ при епископѣ Пахоміѣ (1758—1766), извѣстномъ своими постройками и любовью къ большимъ колоколамъ: проживая въ городѣ иногда годовъ по 5, ставленики рыли рвы подлѣ Казанскаго монастыря, носили кирпичи на колокольный заводъ, очищали мѣсто для конюшеннаго двора, переплавляли лѣсъ на постройку архіерейскаго дома, били сваи въ рѣкѣ для постройки архіерейской бани; отъ этихъ работъ можно было впрочемъ и освободиться, давши рублей 50 на колокола; изнуренные работами, обнищавшіе отъ долгаго проживанія въ городѣ, ставленики пѣшкомъ отправлялись въ Петербургъ съ жалобами св. Синоду. Указы св. Синода въ Тамбовъ о прекращеніи этихъ работъ и скорѣйшемъ посвященіи ставленниковъ встрѣчаемъ даже послѣ 1765 г., когда церковное тягло было уже уничтожено (1).

Долгое проживаніе въ каѳедральномъ городѣ во время ставленическаго дѣлопроизводства и прохожденія школы было не менѣе обременительно для ставленика, чѣмъ самые поборы. Съ самаго начала дѣла онъ долженъ былъ тщательно расчитывать, что̀ для него выгоднѣе, проживать ли лишніе мѣсяцы безъ всякаго движенія дѣла, или для сокращенія дѣлопроизводства побольше дать, кому слѣдовало. Не даромъ въ упомянутой нами инструкціи московской дикастеріи велѣно было „производство чинить по ряду, кто прежде прошеніе подалъ, по реэстру, дабы никому напрас-

(1) Ист.-стат. опис. тамб. епархіи. Хитрова. 1861.

ной волокиты не было". Изъ этой же инструкціи узнаемъ, что даже по окончаніи всей процедуры производства ставленикъ могъ встрѣтить еще препятствіе въ самой выдачѣ ставленой граматы и долженъ былъ выкупать ее новыми презентами (1). Были случаи, что, избѣгая платежей и волокиты, новопроизведенные ставленики, „не токмо не получа ставленыхъ граматъ, но и не бывъ въ ученіи священно-служенія, отходили въ домы свои и служенія отправляли"; въ 1752 г. въ московской епархіи на такихъ бѣглецовъ наложенъ штрафъ 1 р. съ попа и 50 к. съ дьякона за каждый годъ служенія безъ ставленой граматы (2). На волокиту и жаловаться было не совсѣмъ безопасно; въ 1764 г. одинъ ставленикъ пожаловался Тихону епископу сѣвскому, что онъ уже недѣли 3 ходитъ за дѣломъ попустому, но по справкѣ оказалось, что онъ ходилъ всего 2 недѣли, — и вотъ на ставленическомъ дѣлѣ явилась архіерейская резолюція: „высѣчь при консисторіи плетьми хорошенько при собраніи ставленниковъ и обучать букваря" (3).

Въ Малороссіи, гдѣ епархіальное управленіе было почти совершенно безконтрольно до самаго преобразованія епархій, ставленическіе сборы были еще тяжелѣе. Послѣ экзамена и исповѣди ставленикъ тотчасъ же долженъ былъ заплатить въ каоедру деньги омофорныя, консоляціонныя и клировыя. Первыя уплачивались собственно архіерею, при чемъ ставленикъ долженъ былъ внести заразъ всю годовую сумму архіерейской дани съ своего будущаго прихода не въ зачетъ рядоваго сбора и деньги за граматы: на стихарь 60 к., дьяконскую 1 р. и на санъ священника 1 р., всего 2 р. 60 к. Вторыя деньги шли въ утѣшеніе (consolatio) каоедральнымъ чинамъ за труды

---

(1) П. С. З. IX, 6718.
(2) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 2, 31—32.
(3) Орловск. еп. вѣдом. 1868 г. № 21. стр. 1663.

ставленическаго производства: намѣстнику, писарю, экзаменатору, духовнику, архидіакону, крестовому іеромонаху, экклезіарху, ризничему „за одѣяніе“ (облаченіе), уставщику, пѣвчимъ, иподіаконамъ, каѳедральному проповѣднику за проповѣдь, крестоношѣ, орельщику и проч.; всего за посвященіе въ стихарь 2 р. 19¾ к., во дьяконы 4 р. 39¼ к., въ попы 6 р. 52¼ к., за всѣ степени вмѣстѣ 13 р. 11¾ к. Викарій платилъ за производство половинную „кондицію“. Клировыя деньги 2 р. съ священника и 1 р. съ дьякона шли на канцелярію консисторіи, какъ мы видѣли, состоявшую изъ членовъ архіерейскаго клира. Если взять при этомъ въ расчетъ издержки на проживаніе при каѳедрѣ и на разные презенты, то для насъ очень вѣроятными будутъ показанія нѣкоторыхъ ставленниковъ, что промоція въ каѳедрѣ стоила имъ 200—300 р. и болѣе. Многіе ставленики просили себѣ отпущенія или разсрочки оффиціальныхъ платежей, на что по милости архіереевъ и получали согласіе; но отъ неоффиціальныхъ платежей отдѣлаться было едвали возможно (¹).

Вслѣдствіе высокихъ ставленическихъ сборовъ многіе южнорусскіе ставленики стали уклоняться отъ посвященія у своихъ епархіальныхъ архіереевъ, обращаясь за свящ. саномъ къ архіерямъ иностранцамъ, у которыхъ посвященіе стоило дешевле. Это обыкновеніе добывать св. санъ въ Молдавіи, или ближайшихъ къ украйнѣ областяхъ турецкихъ, а то и дома отъ какого-нибудь заѣзжаго греческаго архіерея, было чрезвычайно распространено въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ и никого не удивляло въ Малороссіи; оно было даже отчасти полезно для православія, особенно въ заграничныхъ русскихъ приходахъ, гдѣ католическіе паны не хотѣли допускать къ своимъ вотчиннымъ церквамъ

(¹) Опис. Кіево-соф. соб. и Рук. для с. паст. 1862 г. № 27: Очерки быта малор. дух.

никакого православнаго пароха и въ пріемѣ готоваго священника, посвященнаго за границей, парохіяне находили единственное средство избавиться отъ своего невольнаго безпоповства, потому что русскіе архіереи не посвящали никого безъ согласія и презента папа. Отказа въ посвященіи у нищихъ иностранныхъ архіереевъ не было; кромѣ того, что они дешево брали за свой трудъ, они безпрекословно посвящали ставленниковъ безъ назначенія храма, „про запасъ“ или „на вакансъ“, что̀ особенно было важно для многихъ искателей священства. Получивъ св. санъ про запасъ, человѣкъ оставался пока въ прежнемъ своемъ состояніи, крестьяниномъ, наймитомъ и проч., работалъ, отбывалъ панщину, а между тѣмъ исподоволь высматривалъ себѣ праздной парохіи и неопустительно являлся въ числѣ кандидатовъ на приходскихъ выборахъ съ своей ставленой граматой, часто написанной на клочкѣ бумаги, вырванномъ изъ старой книги или тетради, и за громкимъ подписомъ какого-нибудь митрополита или архіепископа уполномочивавшей его „священнодѣйствовать во всѣхъ святыхъ Божіихъ церквахъ невозбранно, гдѣ будетъ имѣть нужду по избранію мѣста“. Въ XVIII в. заѣзжіе архіереи были сильно стѣснены въ Россіи, а русская іерархія стала преслѣдовать святокупцевъ, гдѣ бы они ни пріобрѣтали свящ. санъ, за границей, или дома; но старый обычай долго не выводился, особенно потому, что находилъ себѣ поддержку въ приходскихъ громадахъ. Какъ скоро громада выбирала себѣ такого посвященнаго на вакансъ въ парохи, мѣстному архіерею трудно было уже отказать ей въ опредѣленіи избраннаго. На допросахъ въ консисторіи такіе избранники парохій откровенно показывали, что не поѣхали за посвященіемъ къ своему архіерею за неимѣніемъ денегъ, а греческіе и волошскіе архіереи требуютъ немного и посвящаться у нихъ сходнѣе; противъ этого практическаго резона было совершенно безполезно выставлять отвлеченныя понятія о власти и правахъ епархіальныхъ епископовъ безъ равносильнаго ему та-

кого же практическаго резона. Притомъ же эти священники были народъ кроткій, готовый на всякое униженіе въ каѳедрѣ, лишь бы только получить признаніе своего сана и грамату на мѣсто, являлись такими несчастными, что епархіальное начальство, порѣшивъ сначала оставить ихъ, яко похитителей св. сана, на всю жизнь безъ богослуженія, рясоношенія и рукоблагословенія, потомъ все-таки сжаливалось надъ ними и принимало ихъ въ свою епархію съ полнымъ признаніемъ ихъ сана, выдавая имъ такъ называемую усыновительную грамату. Особенно мудрено да и вредно было бы не признать такихъ священно-служителей въ ихъ санѣ въ приходахъ заграничныхъ, въ польскихъ владѣніяхъ, куда власть русскихъ архіереевъ почти вовсе не простиралась и гдѣ причты жили, не завися почти ни отъ какой духовной власти; каждое прошеніе, присланное оттуда, объ усыновительной граматѣ естественно должно было встрѣчаться съ предупредительной радостью и съ полнымъ снисхожденіемъ къ святокупству (1).

Представленный нами порядокъ ставленическаго производства съ его сборами и пошлинами, которыя дѣ-

---

(1) Рук. для с. паст. 1861 г. № 49: Очерки быта малор. дух. Упорядоченіе церковнаго управленія заграничнаго края совершилось во 2-й полов. XVIII в., благодаря трудамъ епископа переяславскаго Гервасія и мотронинскаго архимандр. Мелхиседека Значко-Яворскаго, который заставилъ множество приходовъ просить усыновительныхъ граматъ у Гервасія (ibid. 1860 г. № 49). Сохранилось составленное Мелхиседекомъ описаніе церквей разныхъ заграничныхъ протопопій (1767 г.), изъ котораго видно, какъ часто ставленики ѣздили посвящаться за границу, какъ священники опредѣлялись къ церквамъ по презентамъ пановъ и по выборамъ прихожанъ, какъ получивъ мѣсто или и до полученія его посвященные за границей просили у малороссійскихъ архіереевъ усыновительныхъ граматъ (см. Кіевск. еп. вѣдом. 1861 г. № 4. 10. 12. 13. 16. 18). Здѣсь же можно видѣть образчикъ усыновительной граматы 1757 г. (1862 № 12. стр. 412—414).

лали право посвященія источникомъ кормленія для іерархіи, вводитъ насъ въ любопытную область финансовыхъ отношеній духовенства къ епархіальной власти, отношеній, сформировавшихся еще съ незапамятнаго времени и продолжавшихъ свое законное, юридическое существованіе до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. За все это время церковная администрація была полнымъ отраженіемъ древне-русской администраціи. Въ государственной жизни все народонаселеніе рѣзко распадалось на два класса, людей служилыхъ или, какъ ихъ звали, мужей и людей тяглыхъ, мужиковъ, которые кормили мужей, несли въ пользу ихъ тягло. Въ жизни церковной высшій, административный классъ духовенства точно также кормился отъ низшаго, управляемаго, который несъ въ пользу его разные платежи, называвшіеся тоже тягломъ, и всталъ къ этому высшему классу точно въ такія же отношенія, какъ мужики къ мужамъ, носилъ оффиціальное названіе духовенства тяглаго. Какъ земскіе тяглецы должны были тянуть къ своему земскому старостѣ, который доставлялъ все тягло, куда слѣдуетъ, такъ и тяглое духовенство тянуло своимъ тягломъ къ своему старостѣ поповскому. Тяжесть тягла вела въ старину къ разнообразнымъ уклоненіямъ отъ него со стороны тяглыхъ людей,—и вотъ какъ въ государственной, такъ и въ церковной администраціи является гоньба за тяглымъ человѣкомъ, предпринимаются усиленные хлопоты о томъ, чтобы онъ не отбывалъ отъ тягла, строгости, правежи. Въ наказахъ архіереевъ поповскимъ старостамъ на первомъ планѣ стоитъ сборъ съ духовенства пошлинъ, выражается съ начала до конца какой-то финансовый взглядъ на администрацію; за недоборъ угрожается правежомъ безъ пощады и запрещеніемъ самаго священно-служенія. Государственная администрація съ теченіемъ времени стала понемногу освобождаться отъ преобладанія въ ней старыхъ финасовыхъ принциповъ; но церковная администрація по свойственной ей консервативности удержала эти принципы до XVIII столѣтія, не измѣнила

даже обычнаго языка своихъ граматъ, создавшагося еще во времена всеобщаго господства системы кормленія. Предъ самой реформой Петра встрѣчаемъ грамату поповскимъ старостамъ п. Адріана, которая можетъ служить полнымъ и выразительнымъ памятникомъ всѣхъ особенностей этой системы (¹). Тяглыхъ отношеній духовенства къ іерархіи не измѣнила и реформа; все ея дѣло ограничилось въ этомъ отношеніи только тѣмъ, что изъ всего церковнаго тягла на содержаніе архіерейскихъ домовъ назначена была постоянная штатная сумма, а за тѣмъ вся остальная часть его обращена на удовлетвореніе государственныхъ и общественныхъ нуждъ, и еще необходимымъ при этомъ усиленіемъ надъ церковными сборами государственнаго контроля.

Всѣ сборы съ духовенства раздѣлялись обыкновенно на окладные, количество которыхъ было постоянно и могло опредѣляться въ формѣ ежегоднаго оклада, и неокладные, количество которыхъ было случайно.

Между окладными сборами первое мѣсто занимала архіерейская или церковная дань. Количество ея для каждой церкви было различно, сообразуясь обыкновенно съ числомъ приходскихъ дворовъ, количествомъ церковной земли, вообще съ средствами церкви; до 2-й половины XVIII в. оно даже совершенно зависѣло отъ воли архіерея; уже при п. Іоакимѣ во всѣ епархіи разосланы были граматы съ предписаніемъ при наложеніи церковной дани всѣмъ архіереямъ сообразоваться съ правилами, принятыми при этомъ въ патріаршей области, потому что патріарху вѣдомо учинилось, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ всякіе сборы сбираютъ съ прибавкою и отъ того церковному чину и всякихъ чиновъ людямъ чинятся убытки и въ народѣхъ смуще-

---

(¹) П. С. З. III, № 1612.

піе и ропотъ (1). Изъ этой и другихъ патріаршихъ грамать узнаемъ и способъ наложенія дани и ея количество въ патріаршей епархіи, которая должна была служить образцомъ для другихъ. По случаю открытія новыхъ приходовъ, или какихъ-нибудь перемѣнъ въ старыхъ, или просто чрезъ извѣстные неопредѣленные сроки по распоряженію епархіальной власти старосты поповскіе и разные служилые люди архіерейскаго дома обязаны были производить по приходамъ дозоръ, при чемъ чрезъ заручныя сказки причтовъ и чрезъ собственныя наблюденія собирали подробныя свѣдѣнія о средствахъ церквей, потомъ на основаніи этого дозора для каждаго прихода назначали данскій окладъ. Церковная дань накладывалась на причтъ въ томъ или другомъ количествѣ а) по числу дворовъ самихъ священно и церковно-служителей, — при чемъ опредѣлялось брать съ попова двора 4 деньги, дьякопова 2, съ дьячкова, пономарева, просвирнина и съ дворовъ церковныхъ бобылей по 1 д.; б) по числу дворовъ приходскихъ, при чемъ по соображенію состоятельности этихъ дворовъ взималось съ причта за дворы боярскіе, княженецкіе, дворянскіе, дѣтей боярскихъ и прикащиковъ государственныхъ селъ по 6 денегъ съ двора, съ посадскихъ и крестьянскихъ, по статьямъ—съ лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей, по 4, 3 и 2 деньги, съ стрѣлецкихъ и пушкарскихъ по 2, съ бобыльскихъ и дворовъ боярскихъ дѣловыхъ людей по 1; в) по количеству земель и угодій,—съ бортныхъ ухожаевъ, бобровыхъ гоновъ и рыбныхъ ловель—съ знамени по 3 алт. съ деньгой, съ земли церковной съ четверти по 3 д., съ луговъ по 2 д. съ копны (2). Въ Малороссіи за каждый приходскій дворъ въ архіерейскую казну платилось столовыхъ денегъ 2 к., мировыхъ ½, солодо-

---

(1) А. И. V, № 172.
(2) Тамже и IV, № 195. 240 и др.

выхъ ¼, за бездворную хату (собственно дворъ бобыля безъ поля) половина (1).

Всѣ эти порядки при наложеніи архіерейской дани перешли и въ XVIII вѣкъ. Въ началѣ царствованія Петра, когда хозяйство архіереевъ попало подъ управленіе монастырскаго приказа, послѣдній предпринялъ было всеобщій дозоръ приходовъ для обложенія ихъ данью, но, кажется, не выполнилъ этой задачи. Съ возвращеніемъ епархіальнаго хозяйства снова въ управленіе архіереевъ обложеніе церквей данью стало зависѣть отъ архіерейскихъ приказовъ, а въ послѣдствіи отъ консисторій, и производилось по дозору и сказкамъ поповскихъ старостъ всякій разъ, какъ въ средствахъ приходовъ происходила какая-нибудь перемѣна (2). Общее количество данскаго сбора въ архіерейскую казну было весьма значительно; наприм. въ 1705 г. со 130 церквей города Смоленска съ уѣздомъ взято было по окладу 401 р. 6 алт. 4 д.; съ 38 церквей дорогобужскаго уѣзда 100 р. 15 алт.; въ 1723 г. по окладной табели камеръ-коллегіи, на основаніи оклада монастырскаго приказа, положено было собрать въ епархіяхъ: петербургской 3371 р. 3¼ к., кіевской 2870 р. 93¼ к., воронежской 6679 р. 86 к., смоленской 1248 р. 39¼ к., архангельской 1710 р. 46½ к., въ патріаршей области 6013 р. 56½ к. и проч. (3). Едвали не самую меньшую цифру данскаго сбора встрѣчаемъ въ иркутской епархіи въ первое время ея существованія при св. Иннокентіѣ; собиралось всего 108 р. 2 к.; любопытно употребленіе этой суммы,—изъ нея поступало въ домовую казну 63 р. 40 к., въ келью ар-

---

(1) Опис. кіево-соф. собора и Рук. для с. п. 1862. № 27. стр. 309.

(2) Опис. синод. арх. I, 674:—обложеніе данью церквей въ бѣлогородской епархіи съ доклада Синоду,—это по случаю смерти мѣстнаго архіерея.

(3) Монаст. приказъ, о. Горчакова. стр. 222—233.

хіерейскую 19 р. 1 к., пѣвчимъ столовыхъ 17 р. 61 к., на приказъ 4 р. 40 к., на милостыню 3 р. 60 к.; видно, что знаменитый святитель жилъ очень бѣдно [1]. Въ извѣстіяхъ о частныхъ окладахъ съ той или другой церкви видимъ тоже самое количество, какъ и въ патріаршихъ граматахъ. Такъ, по окладу 1742 г. въ воронежской епархіи положено было брать: съ дворовъ поповыхъ по 2 к., дьяконовыхъ по 1, церковническихъ, просвирниныхъ и бобыльскихъ по $^1/_2$, съ пашни церковной по $1^1/_2$ к. съ четверти въ каждомъ полѣ, съ покосовъ по 1 к. съ копны, съ угодій церковныхъ, съ озеръ, рыбныхъ ловель, бортныхъ и бобровыхъ ухожаевъ и мельницъ по 10 к. съ угодья, съ приходскихъ дворовъ по 1—2 к. [2]. Ружные причты кромѣ того платили дань съ получаемой ими руги,—къ сожалѣнію мы не можемъ опредѣлить, сколько [3].

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что церковная дань платилась въ видѣ какого-то сбора съ доходовъ духовенства. Опредѣлить точную процентную величину этого сбора едвали возможно, потому что для этого нужно знать, сколько дохода могли доставить духовенству четь земли, дворъ прихожанина и другія единицы, принятыя въ основаніе данскихъ окладовъ. Едвали впрочемъ величина эта и тогда была опредѣленно извѣстна; данскіе оклады по всей вѣроятности формировались путемъ обычая, практики, безъ особенныхъ вычисленій. Нельзя даже не замѣтить очень важной и невыгодной для духовенства ошибки въ самомъ ихъ основаніи; мы указываемъ на несправедливое сопоставленіе при ихъ разкладкѣ на церкви церковной земли и угодій, съ которыхъ въ пользу духовенства шелъ постоянный доходъ и которыя дѣйствительно мог-

---

([1]) Ирк. епарх. вѣдом. 1863 г. № 23.
([2]) Воронежск. епарх. вѣдом. 1868 г. стр. 122—124.
([3]) Истор. моск. епарх. упр. II, кн. 1. примѣч. 131.

ли служить прочнымъ основаніемъ для обложенія причта извѣстнымъ количествомъ дани, съ числомъ и зажиточностію приходскихъ дворовъ, по которымъ опредѣленіе доходовъ причта и опредѣленіе по нему дани было рѣшительно невозможно. Для того, чтобы данскій окладъ былъ справедливъ, нужно было назначить прежде опредѣленную цифру подворнаго сбора въ пользу самого духовенства, иначе сказать—наложить въ пользу приходскаго клира обязательный налогъ на каждый приходскій дворъ, а потомъ уже назначить за каждый дворъ цифру дани съ причта. Мысль о такомъ налогѣ дѣйствительно и возникала въ XVIII столѣтіи, но не была приведена въ исполненіе. Наприм. серьезное и довольно настойчивое предложеніе о немъ находимъ въ Д. Регламентѣ. Въ 1740-хъ годахъ туже мысль повторилъ въ своемъ проектѣ о ревизіи извѣстный В. Н. Татищевъ; по его предположенію для содержанія причтовъ слѣдовало установить обязательный налогъ на прихожанъ по душамъ какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, по 3 коп. съ души въ годъ, а потомъ изъ общей годовой суммы этого налога $^1/_{10}$ опредѣлить въ пользу епархіальнаго архіерея съ тѣмъ, чтобы больше этого онъ уже ничего не спрашивалъ съ своего духовенства (1).

Съ давнихъ временъ встрѣчается еще особый сборъ съ духовенства, такъ называемыхъ, казенныхъ денегъ или алтыновъ, количество котораго по архіерейскимъ граматамъ древней Руси простиралось отъ 4 до 6 алт. съ церкви, а въ инструкціи п. Адріана опредѣлено въ 5 алт. 4 д. (2). Назначеніе этой пошлины въ памятникахъ неясно. Авторъ исторіи монастырскаго приказа положительно говоритъ, что эти деньги шли въ государеву казну; на чемъ основано такое объясненіе, за невѣрностью ссылки въ означенной книгѣ на источни-

---

(1) Татищ. и его время. Н. Попова стр. 744.

(2) А. И. I, № 199. 234. V, № 244. П. С. З. Ш, 1612

ки для насъ остается неизвѣстнымъ; предположеніе его, что этого сбора не было до Петра, очевидно невѣрно [1]. Очень впрочемъ можетъ быть, что, постоянно помогая государевой казнѣ въ разныхъ ея нуждахъ, наши архіереи въ самомъ дѣлѣ разлагали свои издержки въ ея пользу на свое тяглое духовенство, какъ они обыкновенно разлагали на него всѣ расходы, являвшіеся въ ихъ бюджетѣ по какому бы то ни было случаю вновь. Количество этого сбора при Петрѣ равнялось 5 алт. съ церкви [2]. Въ половинѣ XVIII в. оно возросло до 17 к., нѣкоторыя церкви платили и меньше, напр. 11 к. [3].

Съ 1678 г. духовенство платило деньги богадѣленныя. Въ этомъ году на попеченіе патріарха была отдана московская богадѣльня, вмѣщавшая въ себѣ 412 человѣкъ и содержавшаяся прежде на казенныя суммы изъ приказа большаго дворца. Патріархъ тогда же разослалъ граматы по всѣмъ епархіямъ, чтобы на содержаніе этой богадѣльни все тяглое духовенство присылало ему по гривнѣ въ годъ съ каждой церкви [4]. Неизвѣстно, долго ли этотъ сборъ продолжался при Петрѣ; монастырскій приказъ, вѣдавшій благотворительныя заведенія, бралъ на ихъ содержаніе деньги уже изъ монастырскихъ и архіерейскихъ доходовъ; гривенный сборъ на богадѣльни въ слободской епархіи упоминается въ 1705 г., а въ синодальной области существовалъ еще дольше. Послѣ учрежденія св. Синода на содержаніе богадѣленъ назначался свѣчной сборъ по церквамъ. Въ замѣнъ богадѣленнаго сбора монастырскій приказъ наложилъ на духовенство новый налогъ на содержаніе московскаго госпиталя по 1 алт. 2 д. съ каждаго священно-и-церковно-служительскаго двора;

---

(1) Мон. прик. 233.
(2) Опис. архива. I, 486.
(3) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 1. примѣч. 130—131.
(4) А. Э. IV, № 228.

послѣ Петра налогъ этотъ прекратился (1). Гораздо долѣе существовалъ однородный съ этими благотворительными сборами сборъ полоняничный, установленный для выкупа плѣнныхъ еще на Стоглавомъ соборѣ. Соборъ положилъ было собирать полоняничныя деньги со всѣхъ тяглыхъ людей, но м. Іоасафъ, жившій тогда на покоѣ въ Сергіевомъ монастырѣ, присовѣтовалъ брать эти деньги изъ казны святителей и монастырей, потому что тяглымъ людямъ и безъ того много тягли отъ государственныхъ податей. Поэтому полоняничный сборъ возложенъ на духовное вѣдомство, но при этомъ, разумѣется, палъ не на высшее, а на тяглое духовенство. По инструкціи п. Адріана полоняничныхъ денегъ велѣно брать съ поповыхъ и причетниковыхъ дворовъ по 8 ден. съ двора; количество это оставалось неизмѣннымъ въ теченіи всей первой половины XVIII столѣтія (2).

Такъ какъ на духовенство возлагалось все содержаніе епархіальной администраціи, то оно должно было кормить всѣхъ должностныхъ лицъ, завѣдывавшихъ разными ея отраслями. Для этой цѣли назначенъ былъ сборъ десятильничъ. До XVII в. онъ распадался на множество мелкихъ сборовъ: собственно на десятильниковъ, потомъ на разнаго рода чиновниковъ и служителей архіерейскаго дома, на все ихъ содержаніе (полюдная пшеница, полти, людское) и въ уплату за всѣ ихъ дѣйствія, за ѣздъ, дозоръ, письмоводство и проч. (подводы, кормы, явки, писчее и т. п.). Въ XVII в. всѣ эти мелкіе сборы слились въ одинъ общій десятильничъ сборъ, количество котораго по окладнымъ книгамъ обыкновенно равнялось количеству

---

(1) Мон. прик. 186—192. прилож. стр. 3—4. Опис. син. арх. 117—121.

(2) Опис. син. арх. 486. Ист. моск. сп. упр. II, кн. 1. прим. 130—131. Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. стр. 123.

архіерейской дани (1). По инструкціи Адріана положено собирать его въ количествѣ 10-алт. съ церкви; тоже самое количество показано потомъ въ справкѣ о сборахъ изъ камеръ-коллегіи 1721 г.; иногда оно впрочемъ возвышалось, наприм. въ смоленской епархіи десятильничихъ денегъ собиралось 20 алт. съ церкви (2). Когда десятильничи дворы замѣнились духовными правленіями, послѣднія тоже поступили на содержаніе духовенства. Содержаніе это взималось съ него или въ видѣ опредѣленнаго налога, который носилъ прежнее названіе десятильнича дохода или сбора на приказный расходъ и опредѣлялся въ размѣрѣ близкомъ къ прежнему, въ 30—38 коп. съ церкви (3), или въ видѣ неопредѣленныхъ взносовъ по мѣрѣ расходовъ правленія, по раскладкѣ на церкви самого окружнаго духовенства. Въ древнее время духовенство должно было строить десятильничъ дворъ; и теперь оно обязано было пріобрѣсти постройкой, или наймомъ домъ для духовнаго правленія, также давать деньги на его ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе, на бумагу, на наемъ сторожей, на содержаніе колодниковъ и т. д. Члены правленія не получали опредѣленнаго жалованья и довольствовались акциденціями, но на ихъ повытчиковъ и приказныхъ служителей тоже шли опредѣленные взносы съ духовенства или деньгами, или натурой. Въ первое время существованія духовныхъ правленій, когда они еще не высвободились отъ вліянія выборнаго начала духовной администраціи, духовенство округа само увеличивало и убавляло какъ число приказныхъ въ своемъ правленіи, такъ и взносы на ихъ содержаніе, „понеже они приказные пропитаніемъ довольствуются отъ нихъ“. Но въ половинѣ XVIII в. правленія укрѣпились, стали освобождаться отъ вліянія духовенства и сейчасъ же вы-

(1) Напр. А. И. IV, № 240.
(2) Опис. син. арх. I, 486. Мон. прик. примѣч. стр. 3—4.
(3) Ист. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 1. прим. 131.

казали сильное стремленіе къ поборамъ съ цѣлью покормиться отъ своихъ управляемыхъ, какъ можно посытнѣе, такъ что консисторіи должны были напоминать имъ, чтобы они лишними сборами вѣдомства своего священно-и-церковно-служителей не отягощали (1). Содержаніе правленій осталось на духовенствѣ даже и послѣ учрежденія Екатерининскихъ штатовъ, когда консисторіи и архіерейскіе домы получили штатное жалованье. Кромѣ содержанія правленій, лежавшаго на обязанности всего вообще окружнаго духовенства, въ частности церковно-служители обязаны были въ пользу правленій весьма нелегкой повинностью исправлять при нихъ должности сторожей и разсыльныхъ, а также писцовъ; на послѣднюю должность они выбирались и въ консисторіи (2).

Кромѣ сборовъ на д. правленія съ духовенства въ нѣкоторыхъ епархіяхъ были еще особые сборы на разныя нужды консисторій. Кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій возложилъ на духовенство даже все содержаніе своей консисторіи, опредѣливъ для этого особый сборъ въ 450—500 р. въ годъ со всѣхъ епархіальныхъ церквей и монастырей, при чемъ священникамъ приходилось платить по ½ к. за каждый приходскій дворъ и по ¼ к. съ бездворной хаты. Сборъ этотъ съ теченіемъ времени возросъ до 2 к. Въ 1768 г. порѣшено было построить для консисторіи особое зданіе; расходы на это дѣло возложены тоже на духовенство; собрано было 1162 р. съ лишкомъ, но суммы этой оказалось мало и строніе консисторіи не было начато; деньги впрочемъ все-таки

---

(1) Ук. коломенской консисторіи 1746 г. о строеніи орловскаго правленія. Орловск. епарх. вѣд. 1868 г. стр. 1567—1569. Строеніе правленія въ воронеж. епархіи. Воронеж. епарх. вѣд. 1867 г. № 11. стр. 365. Ист. м. епарх. упр. I, прим. 316. 227. II, кн. 1, прим. 223.

(2) Ист. моск. епарх. упр. I, 38.

остались въ каѳедрѣ и были израсходованы на разныя ея нужды (1). Въ 1748 г. воронежскій архіерей Ѳеофилактъ тоже вздумалъ строить консисторію и назначилъ для этого собрать съ духовенства (512 церквей и 20 монастырей) 1500 р. Въ представленіи его объ этомъ предметѣ св. Синоду прямо говорится, что строеніе консисторіи и д. правленій составляетъ прямую повинность всего епархіальнаго духовенства (2). Каѳедральный причтъ также имѣлъ свою долю сборовъ съ епархіальнаго духовенства,—такъ называемыя праздничныя гривны или славленныя деньги, извѣстный процентъ съ праздничныхъ доходовъ духовенства, неодинаковый въ разныхъ епархіяхъ (3).

Самая доставка сборовъ въ архіерейскую казну была обложена особымъ окладомъ. По инструкціи Адріана поповскому старостѣ на отвозъ сбора велѣно давать по 10 ден. съ каждой церкви да подъячимъ десятильнича двора съ отписей (квитанцій) 4 ден.;— это такъ называемыя отвозныя деньги и писчее. Въ XVIII в. этотъ сборъ впрочемъ не упоминается въ числѣ окладныхъ, но за то является другой, имѣвшій, кажется, совершенно тоже назначеніе, — по 1½% со всякихъ платежей духовенства. Въ окладахъ писалось: такого-то сбора столько-то „да съ того сбора пужнѣйшихъ по 1½ к. съ рубля“ (4). Разныя поѣздки по дѣламъ поповскихъ старость, закащиковъ, благочинныхъ, духовныхъ управителей и всякихъ служилыхъ людей оплачивались особой пошлиной, которая была извѣстна подъ названіемъ заѣзда. Окладная величина его была гривна съ каждой церкви (5). Но окладъ суще-

(1) Кіевск. епарх. вѣдом. 1862 г. стр. 20—22.

(2) Ворон. епарх. вѣдом. 1867 г. 365.

(3) Монаст. прик. 236.

(4) Ист. моск. сп. упр. II, кн. 1, прим. 130. 131. Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. стр. 123.

(5) Въ справкѣ о сборахъ изъ кам.-коллегіи 1721 г. Опис. син. арх. 486. Сравн. Ист моск. епарх. упр. II, кн. 1, прим. 131.

ствовалъ не во всѣхъ епархіяхъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ взималось съ церкви, сколько придется, смотря по расходамъ; въ инструкціи закащику 1728 г. въ иркутской епархіи подводы велѣно раскладывать на причты по разсмотрѣнію приходовъ, съ котораго меньше, съ котораго больше, чтобы не было обиды (1). Въ началѣ 1760-хъ годовъ въ воронежской епархіи вышло распоряженіе, чтобы духовные управители не брали подводъ съ духовенства для своихъ частныхъ надобностей, а брали только по казеннымъ надобностямъ съ точной записью въ особомъ для того журналѣ; а такъ какъ подводная повинность, падая на одни села, лежавшія по трактамъ, была неуравнительна, то велѣно уравнять ее между всѣми причтами, обязывая ихъ высылкой подводъ въ консисторію и д. правленія на общій счетъ (2). Въ большей части епархій подводная повинность несласъ натурою безъ всякихъ окладовъ и уравненія; ѣхавшему по дѣлу давалась инструкція, въ которой онъ уполномочивался брать извѣстное число подводъ съ проводниками отъ села до села по всей дорогѣ безъ задержанія, при чемъ прибавлялось съ какой-нибудь острасткой, чтобы онъ, будучи въ пути, обидъ и налогъ никому не чинилъ и взятокъ не касался.

Самый тяжелый ѣздъ для духовенства былъ ѣздъ по епархіи самого архіерея, потому что совершался на нѣсколькихъ подводахъ съ большой свитой и сопровождался большими издержками для причтовъ на кормы какъ самому архіерею, такъ и всей его свитѣ, и кромѣ того на почестные дары. Въ XVIII в. архіерейскій подъѣздъ въ числѣ окладныхъ сборовъ уже не упомипается, но отъ уничтоженія опредѣленнаго оклада на него духовенству едвали стало легче. Въ

---

(1) Ирк. еп. вѣд. 1863. №-36. Жит. святыхъ, Филар. ноябрь. 444—445. Есть подробная смѣта расходовъ по ѣзду закащика въ Ирк. еп. вѣд. 1864. № 21.

(2) Жит. св. Тих. ворон. стр. 50—51.

видахъ облегченія духовенства Д. Регламентъ посвятилъ на своихъ страницахъ большой отдѣлъ правилъ которыми каждый епископъ долженъ былъ руководствоваться при объѣздѣ епархіи. Временемъ для этого объѣзда назначается лѣто, когда путешествіе требуетъ менѣе издержекъ на кормъ и на другія нужды, когда архіерею можно не обременять священниковъ и квартирою, остановившись въ палаткѣ на полѣ. На одномъ мѣстѣ долго стоять не рекомендуется даже при встрѣчѣ какого-нибудь запутаннаго дѣла; рѣшеніе такихъ дѣлъ лучше отложить до возвращенія домой. Если епископъ позоветъ во время стоянки гостей, то „весь бы трактаментъ своею казною отправлялъ, а не налагалъ бы побору на священство или на монастыри... Крѣпко же заповѣдать епископъ долженъ служителемъ своимъ, чтобы въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно и трезво пребывали и не творили бъ соблазна, паипаче же не домогались бы у мниховъ и у поповъ купанья и питья и конскаго корму лишняго, кольми паче не дерзали бъ грабить, подъ виною жестокаго наказанія, ибо слуги архіерейскіе обычне бываютъ лакомыя скотины и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстудіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются“. Регламентъ желалъ, чтобы архіерейскій объѣздъ не походилъ на татарское нашествіе и стоилъ духовенству недорого. Насколько это желаніе осуществлялось на дѣлѣ, объ этомъ можно судить напр. изъ слѣдующихъ распоряженій московскаго архіепископа Платона Малиновскаго относительно поѣздки его по епархіи въ 1752 г. Во всѣ д. правленія разосланы были указы, чтобы „духовные управители сами обще съ старостами поповскими учредили въ удобныхъ мѣстахъ станціи, навѣдываясь чрезъ нарочно посланныхъ, коимъ трактомъ преосвященный ѣхать имѣетъ, разстояніемъ одну отъ другой въ 25 верстахъ; и на тѣ станціи, собирая у священно-и-церковно-служителей лошадей, на каждую станцію по

30 лошадей съ упряжью и съ пристойнымъ числомъ служителей имѣть въ готовности до прибытія преосвященнаго, и изъ тѣхъ лошадей давать въ подмогу имѣющимся въ обозѣ его пр—ва 60 лошадямъ въ проѣздъ; да на тѣхъ же станціяхъ приготовлять для прокорму онымъ всѣмъ 60 лошадямъ овса и сѣна, сколько безъ нужды онымъ лошадямъ на прокормъ было бъ; также къ довольствію нѣвчихъ и прочихъ служителей хлѣбъ, столовые припасы и прочее потребное, что гдѣ на таковое время сыскать будетъ возможно патурою, а буде чего патурою сыскать будетъ невозможно, то покупать и на то деньги имѣть въ готовности. И чтобъ все то неотмѣнно исполняемо было, онымъ духовнымъ управителямъ и старостамъ послать отъ себя нарочныхъ добрыхъ и исправить опое приготовленіе могущихъ людей по инструкціямъ; и велѣть на тѣхъ станціяхъ изъ духовныхъ персонъ по два человѣка, которымъ оное приготовленіе и лошадей поручить, и быть имъ на тѣхъ станціяхъ неотлучно, пока его преосв—во съ обозомъ минуть изволитъ; и накрѣпко подтвердить, чтобы они всевозможное старательство имѣли, дабы въ проѣздъ преосв—го остановки и недостатка ни въ чемъ не было, подъ опасеніемъ неотмѣннаго за неисправность штрафованія“ (1).

Такимъ образомъ архіерейскій подъѣздъ остался въ прежнемъ видѣ съ тѣмъ только различіемъ, что сдѣлался неокладною повинностью. Другими неокладными сборами были всѣ извѣстныя намъ ставленическія пошлины, къ которымъ причислялись также крестцовыя въ количествѣ 26 алт. 4 ден. съ попа и половины этого съ дьякона въ годъ (2), далѣе сборы штрафные недоимочные, штрафные за вины, мировые, поднаказные и всякаго рода судные, наконецъ пошлины вѣ-

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 1, 63—64. Еще: кн. 2, 19—20.

(2) Опис. синод. арх. I, стр. 566.

нечныя съ бракомъ, какіе вѣнчало духовенство (1). Любопытно, что духовныя лица, при выдачѣ своихъ дочерей за мужъ, кромѣ обычной вѣнечной пошлины, платили своему епархіальному начальству особыя выводныя деньги точно также, какъ крестьяне въ такомъ случаѣ платили выводъ своему вотчиннику или помѣщику; платежъ этотъ встрѣчаемъ въ 1705 г. въ вологодской епархіи (2 алт. 2 д.); новожены причетники при явкѣ въ той же епархіи платили въ архіерейскую казну 6 алт. 4 д., въ ростовской епархіи половину этой суммы (2).

Кромѣ старыхъ сборовъ и повинностей въ XVIII в. на духовенство наложены были еще новые. Такъ, со времени организованія особаго полковаго духовенства, съ начала XVIII столѣтія, а главнымъ образомъ съ 1705 г. явился окладной ежегодный сборъ подможныхъ денегъ по гривнѣ съ церкви. Деньги эти употреблялись: 1) на подмогу полковымъ попамъ при подъемѣ и на жалованье, 2) на подъемъ протопопамъ, іеромонахамъ, священникамъ, дьяконамъ и церковникамъ, которые посылались изъ Москвы въ Петербургъ, 3) священно-и-церковно-служителямъ, отправляемымъ въ новозавоеванные города и въ посольства, 4) на канцелярскія надобности, на жалованье подъячимъ и приставамъ, посылаемыхъ въ разныя мѣста съ указами о высылкѣ гривенныхъ денегъ, и на другіе посторонніе расходы по особеннымъ церковнымъ надобностямъ. Послѣ Петра этимъ сборомъ завѣдывала коллегія экономіи (3).

Когда при архіерейскихъ домахъ стали заводиться духовныя школы, явился новый сборъ съ духовен-

---

(1) О вѣнечныхъ сборахъ: П. С. З. III, 1612 п. 46. V, 2821. 3026. VIII, 5575. 5767. IX, 7116 и др. Уничтоженіе ихъ П. С. З. XVII, 12433. XXI, 15891 п. 3.

(2) Монаст. прик. 242.

(3) Опис. син. арх. I, стр. 105—110. П. С. З. IV, 2170. 2263. XI, 8400.

ства на содержаніе этихъ школъ. Со всѣхъ монастырей велѣно собирать 20-ю долю вотчиннаго хлѣбнаго сбора, а съ церквей, имѣвшихъ за собой земли, 30-ю (1). Частію вслѣдствіе дурнаго пріема, какой встрѣтили духовныя школы среди духовенства, а частію вслѣдствіе бѣдности церквей, сборъ этотъ долго не могъ быть организованъ, какъ слѣдуетъ (2); полная его организація большею частію совершилась уже въ 1730-хъ годахъ, при императр. Аннѣ Іоанновнѣ (3). О порядкѣ этихъ хлѣбныхъ сборовъ можно составить понятіе по инструкціи школамъ нижегородскаго архіерея Питирима (1738 г.) (4): „вышеозначеннаго хлѣба, сказано здѣсь, собирать въ г. Юрьевцѣ и въ уѣздѣ судіѣ духовныхъ дѣлъ со смотрители, и собравъ отдать въ Богоявленскій монастырь (гдѣ назначено было мѣсто для училища) опредѣленнымъ къ тому изъ священно-и-церковно-служителей особливымъ надзирателямъ, припявъ у того судьи со смотрители по посланнымъ къ нимъ вѣдомостямъ сполна бездоимочно съ запискою и, перемоловъ въ удобное время, положить при тѣхъ школахъ въ показанномъ Богоявленскомъ монастырѣ въ особливые анбары или житницы, какіе есть по отводу того монастыря начальника съ братіею, и содержать тотъ хлѣбъ за замкомъ и за общими того надзирателя и судейскою и вашими учительскими печатьми и присмотромъ. По окончаніи каждаго года коликое число какого по родамъ того сборнаго хлѣба у надзирателей за выдачею будетъ въ остаткѣ, то судіямъ духовныхъ дѣлъ обще съ вами учи-

---

(1) Реглам. дѣла еписк. п. 11—12.

(2) Наука и литт. при Петрѣ. Некарск. I, 108—121.

(3) О содержаніи дух. училищъ есть капитальная статья о. Покровскаго. См. Страни. 1860 г. сентябрь. Говоря объ однихъ сборахъ съ духовенства, мы не касаемся другихъ источниковъ содержанія школъ.

(4) Изд. во Временникѣ. т. XVII.

телями тотъ весь хлѣбъ, освидѣтельствовавъ достовѣрно, велѣть перемѣрять, и что какого по мѣрѣ явится, то велѣть ему надзирателю записывать въ приходъ каждаго новаго года въ особливыя шнуровыя книги имянно и въ консисторію о томъ рапортовать". Книги эти о приходѣ и расходѣ семинарскаго хлѣба въ 1737 г. было указано даже представлять ежегодно въ св. Синодъ (1). Для распоряженія хлѣбомъ при семинаріяхъ были особые прокураторы, экономы или приходорасходчики (2), которые завѣдывали иногда и самымъ сборомъ хлѣба. Большею частію для этого сбора по приходамъ посылались особые семинарскіе сборщики, состоявшіе подъ вѣдомствомъ консисторіи, или д. правленія, а иногда сами семинарскіе учители и ученики. Въ видахъ контроля надъ причтами архіереи требовали отъ послѣднихъ точныхъ ежегодныхъ отчетовъ касательно урожая и умолота хлѣбовъ подъ угрозой за невѣрныя показанія лишенія сана. На основаніи подобныхъ отчетовъ и другихъ свѣдѣній при консисторіяхъ, или семинарскихъ конторахъ велись для всѣхъ приходскихъ церквей переписныя книги и по этимъ книгамъ составлялись оклады, сколько каждая церковь должна была прислать въ семинарію хлѣба, разсылавшіеся при указахъ съ опредѣленіемъ самаго срока доставки; за пропускъ этого срока въ наказаніе неплательщикамъ на счетъ ихъ посылались иногда для пріема окладнаго хлѣба нарочные (3). Затруднительность сбора и доставки хлѣба побудили епархіальныя начальства перевести этотъ сборъ на

---

(1) Ист. росс. іер. 1, стр. 435—436.

(2) Инстр. Питирима; еще: Волог. еп. вѣд. 1865 г. стр. 304. Ворон. епарх вѣд. 1867. № 6. Казанская семин. въ Прав. Соб. 1868 г. кн 8.

(3) Особенно подробныя свѣдѣнія о семин. сборахъ въ Ист. ворон. семин. Ворон. епарх. вѣд. 1867 г. № 1. 2. 6. 7. 10. 14 и 1868 г. № 6. 7. 23 и др Р. Педаг. вѣст. 1857 г. т. II, 540. 1858 г. V, 21—24: Корреспонд. изъ Рязани.

деньги. Величина денежнаго сбора была различна; въ новгородской епархіи съ 1735 г. причты платили вмѣсто хлѣба 1½ коп. за четверть, въ нижегородской— по именному указу 1743 г. велѣно собирать съ духовенства по 1 к. за каждый приходскій дворъ, а съ руги, угодій и оброчныхъ статей при церкви по 3 к. съ рубля, на крутицкую семинарію платилось только по 1 к. съ двора, въ Тобольскѣ, кромѣ подворнаго платежа, взимали еще по 5 к. съ каждой гривны, которую духовенству назначено было (по ук. Петра I) получать съ каждаго раскольническаго двора и т. д. (1).

Кромѣ этого окладнаго сбора на школы съ духовенства часто требовались еще сборы неокладные, чрезвычайные, на заведеніе разныхъ принадлежностей школьнаго быта и особенно на постройку зданій. Если школа не помѣщалась въ какомъ-нибудь монастырѣ, духовенство должно было позаботиться о ея помѣщеніи на свой счетъ. Преосвященные обыкновенно приглашали его въ этомъ случаѣ къ пожертвованіямъ, кто сколько можетъ дать по совѣсти, или же прямо назначали опредѣленные сборы, распредѣляя ихъ по числу душъ и дворовъ въ приходахъ; отъ монастырей, а также отъ вотчинныхъ церквей требовались въ подобныхъ случаяхъ разные матеріалы для построекъ изъ лѣсныхъ и др. угодій и даровые работники (2). Расходы на строеніе школъ были очень значительны. Такъ, по инструкціи Питирима духовенство нижегородской епархіи должно было взять на себя строеніе 30 училищъ въ разныхъ мѣстахъ епархіи. Для по-

---

(1) П. С. З. Кн. штат. о доходахъ новг. арх. дома. Ист. ниж. іер. Макарія. стр. 119. Изслѣд. объ обл. Вятичей въ Чтен. 1862 г. II, стр. 71. Училищ. Далмат. мон. въ Перм. еп. вѣд. 1868 г. № 1.

(2) О способ. содерж. д. учил. Страни. 1860 г. VIII, 134—137 IX, 167... Ист.-стат. опис. смоленск. епарх. 187. 190. 193.

стройки бѣлевской школы въ 1762 г. со всего духовенства бѣлевскаго округа собрано было 288 р. 66 к. въ одинъ годъ (1). Для постройки тамбовской семинаріи тамбовское духовенство по указу епископа Пахомія въ 1759 г. доставило 1984 р. денегъ и 1000 брусьевъ со множествомъ теса, и притомъ замѣчательно, что все это употреблено не по назначенію, на постройки по архіерейскому дому, а семинарія такъ и не была открыта до 1779 г., когда она была открыта уже по именному указу (2). Не упоминаемъ здѣсь о разныхъ штрафныхъ деньгахъ по суду, которыя духовенство должно было платить въ пользу семинарій въ количествѣ увеличенномъ противъ обыкновеннаго, о штрафахъ за непредставленіе или позднее представленіе дѣтей въ ученье и за ихъ побѣги изъ школы, о платѣ по случаю взятія дѣтей родителями изъ школы прежде окончанія курса и т. п.

Нечего и говорить, какъ важно было бы опредѣлить общую сумму всѣхъ этихъ платежей, по вслѣдствіе неопредѣленности, непостоянства и малоизвѣстности многихъ изъ нихъ, особенно неокладныхъ и случайныхъ сборовъ, мы должны отказаться пока отъ всякой серьезной въ этомъ родѣ попытки и ограничиться подведеніемъ итога только къ нѣкоторымъ наиболѣе постояннымъ окладнымъ платежамъ. Взявши для этого въ примѣръ воображаемый небольшой приходъ съ попомъ и двумя причетниками во 100 дворовъ (около 400 душъ), съ 15 четями земли и покосами до 40 копенъ, безъ всякихъ другихъ угодій и безъ руги, мы найдемъ, что съ причта такого прихода должно было сходить: а) дани съ дворовъ причта 3 к., съ приходскихъ 2 р., съ пашни 22½ к., луговъ 40 к., б) сбора десятильнича или на правленіе до 35 к.,

---

(1) Тульск. епарх. вѣд. 1862 г. стр. 87.

(2) Ист.-стат. опис. тамб. епарх. о. Хитрова. П. С. З. 14921.

в) казенныхъ денегъ 15 к., г) полоняничныхъ 4, д) подможныхъ 10, е) на школы по 1 к. съ двора (minimum) 1 р.; ж) можно прибавить сюда еще отвозныя деньги, взявъ количество ихъ примѣрно по инструкціи п. Адріана 7 к.; итого 4 р. 36¼ к. Со включеніемъ сюда другихъ платежей, имѣвшихъ неокладной характеръ, цифра эта по нашему мнѣнію должна увеличиться рублей до 6 и болѣе по меньшему счету;— количество очень значительное для первой половины XVIII в., но оно еще могло увеличиваться до неопредѣленныхъ размѣровъ новыми платежами, или возвышеніемъ старыхъ по усмотрѣнію епархіальной власти.

Самое разнообразіе сборовъ по епархіямъ показываетъ, что, несмотря на стремленіе высшей церковной администраціи ввести относительно ихъ количества повсюдное однообразіе и опредѣленность, для произвола епархіальныхъ властей въ этомъ отношеніи оставалось еще слишкомъ много простора и въ XVIII в. Духовенство иногда цѣлые десятки лѣтъ платило какой нибудь новоизмышленный сборъ прежде, чѣмъ св. Синодъ, узнавъ о томъ, выдавалъ наконецъ распоряженіе объ уничтоженіи такого сбора. Наприм. новгородское духовенство при Ѳеофанѣ Прокоповичѣ платило ежегодно до 500 р. (съ церквей и монастырей) неуказнаго сбора на содержаніе домовой архіерейской конторы въ Петербургѣ, учрежденной тоже вопреки указамъ; уѣздныя церкви платили этого сбора по 65¾ к. съ каждаго рубля церковной дани, а городскія вотчинныя были обложены окладомъ въ 2 р. 35¼ к. Сборъ уничтоженъ въ 1738 г. уже по смерти Ѳеофана (1). Нѣкоторые архіереи налагали на духовенство лишніе платежи для содержанія духовныхъ училищъ; эти налоги не только не были останавливаемы, но еще находили себѣ одобреніе какъ у св. Синода, такъ и у правительства. Такъ, въ казанской епархіи

(1) П. С. З. X, 7625.

при архіереѣ Иларіонѣ Рогалевскомъ (1733—1734) въ пользу семинаріи у двухъ монастырей были отписаны вотчины, а хлѣбные сборы по епархіи вездѣ велѣно было производить въ удвоенномъ количествѣ. Между духовенствомъ поднялся сильный ропотъ. Преемникъ Рогалевскаго Гавріилъ прекратилъ эти усиленные сборы, но отъ этого семинарія пришла въ упадокъ и правительство изъявило на это большое неудовольствіе; Гавріилъ подвергнутъ былъ суду и переведенъ въ другую епархію (1). Бывали лишніе сборы и другаго рода, не имѣвшіе такого полезнаго приложенія, какъ сборы на школы. Въ 1751 г. архіепископъ московскій Платонъ Малиновскій, страстный любитель пѣвчихъ, установилъ налоги на духовенство въ пользу своего архіерейскаго хора, воспользовавшись для этого стариннымъ опредѣленіемъ патріарховъ, по которому собирались деньги на патріаршихъ пѣвчихъ съ церквей г. Москвы, съ одноприходныхъ по полтинѣ, а съ двуприходныхъ по 20 алтынъ; опредѣленіе это онъ распространилъ на всю епархію на томъ основаніи, что сборъ денегъ съ однихъ московскихъ церквей для его хора недостаточенъ и что хоръ его поетъ во время архіерейской службы при посвященіи священниковъ, дьяконовъ и церковниковъ для всей епархіи (2). Преемникъ Платона Тимоѳей Щербатскій, какъ мы видѣли, установилъ еще новый большой налогъ на ставленниковъ для ремонта и улучшенія архіерейской ризницы. Въ Тамбовѣ епископъ Пахомій сбиралъ съ духовенства и ставленниковъ рублей по 50 на соборные колокола (3) и т. п.

Такое увеличеніе сборовъ доходило иногда до злоупотребленій, которыя св. Синодъ долженъ былъ

---

(1) Казанск. семин. въ первое время существ. Прав. Соб. 1868. кн 3. Сравн. Ист. Россіи, Соловьева. XX, стр. 311.

(2) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 1, 99—100.

(3) Ист.-стат. опис. тамб. епарх. Хитрова.

преслѣдовать судебнымъ порядкомъ. Въ 1727 г. попался подъ судъ смоленскій епископъ Филоѳей, родомъ грекъ, посаженный на смоленскую каѳедру при Петрѣ въ 1722 г. и тогда же возбудившій противъ себя неудовольствіе св. Синода за то, что въ епархіи своей, какъ докладывалъ объ немъ государю Ѳеофанъ Прокоповичъ, „никакихъ дѣлъ не правилъ, но только лакомился и поступалъ дерзко“. По суду, производившемуся объ немъ въ Синодѣ и Кабинетѣ въ 1727 г., открылось, что еще въ Греціи, будучи архіепископомъ ахридонскимъ, онъ бралъ лишнія дани съ подчиненныхъ ему епископовъ и сидѣлъ даже за это въ тюрьмѣ по приговору турецкаго суда, потомъ на русской каѳедрѣ „явился въ правильныхъ випахъ и взяткахъ весьма подозрителенъ, и именно: въ свящ. чинъ поставилъ грамотѣ неискусныхъ, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ и безъ слушанія, 57 человѣкъ, и съ таковыхъ ставленіковъ, кромѣ указныхъ пошлинъ, взятками собралъ 783 р. 65 к. да 20 ефимковъ, да отъ образа пресв. Богородицы взялъ 489 р. 62 к. да золота 8 золотниковъ, за что по правиламъ св. и по именному указу 24 янв. 1714 г. и сана извержению повиненъ“. Лишенный каѳедры, онъ провелъ остатокъ жизни въ московскомъ греческомъ монастырѣ (1). При имп. Елизаветѣ судили другаго архіерея иноземца, бывшаго молдавскаго митрополита Антонія Черновскаго, который съ 1740 г. занималъ черниговскую каѳедру. Мы знаемъ, что каждый новый архіерей подтверждалъ своимъ подписомъ ставленыя граматы, данныя его предшественниками, и бралъ за то особую пошлину; Антоній, кромѣ ставленыхъ, началъ по пріѣздѣ на епархію досматривать такимъ же образомъ и старые антиминсы, при чемъ, не удовольствовавшись однимъ подписомъ ихъ, сталъ мѣнять ихъ на новые, за которые поло-

(1) Ѳеоф. Прокоп. Чистовича. стр. 98: примѣч. 2. Ист.-стат. опис. смоленск. епарх. 99.

жилъ взимать съ причтовъ по 4 рубля. Онъ успѣлъ собрать такимъ образомъ уже до 500 рублей, какъ св. Синодъ, узнавъ объ этомъ новомъ поборѣ съ духовенства, потребовалъ отъ него объясненія. Антоній отвѣчалъ, что „онъ человѣкъ иностранный и не знающій въ томъ обыкновенія великороссійскаго. Въ молдавской землѣ находится обыкновеніе такое, что куда опредѣленъ бываетъ на какую епархію архіерей новый, то отъ него новые антиминсы раздаются во всѣ церкви; того ради... заблагоразсудихъ отпечатать вновь на атласѣ 200 антиминсовъ да на швабскомъ полотнѣ 200 же и при раздачѣ брать по 4 р. за каждый". По рѣшенію св. Синода отъ 1742 г. онъ переведенъ былъ на другую каоедру въ Бѣлгородъ. Преемникъ его Амвросій Дубневичъ продолжилъ дѣло объ антиминсахъ у себя въ консисторіи, нашелъ ихъ неприличными для храмовъ, холстъ слишкомъ грубымъ, сами антиминсы слишкомъ малыми, подпись на нихъ не на мѣстѣ и т. п. и написалъ отъ себя къ Антонію письмо, въ которомъ просилъ его въ духѣ братской любви прислать въ Черниговъ 500 рублей для напечатанія новыхъ антиминсовъ и кромѣ того безъ дальней огласки возвратить нѣкоторыя вещи, принадлежавшія черниговской каоедрѣ и увезенныя въ Бѣлгородъ, присовокупляя при этомъ, что въ противномъ случаѣ консисторія должна будетъ донести обо всемъ св. Синоду и ему Антонію могутъ быть большія непріятности. Антоній согласился на все (1).

Иностранные владыки могли ссылаться на невѣдѣніе русскихъ обычаевъ; но въ подобныхъ же вещахъ попадались и чисто русскіе архіереи. При Петрѣ поданъ былъ (въ 1716 г.) допосъ на самого мѣстоблюстителя Стефана Яворскаго, что онъ рукополагалъ въ попы и дьяконы незаконно людей неграмотныхъ, изъ

---

(1) Черниг. іерархи. Тр. кіевск. акад. 1860 г. II, 264—266.

тяглыхъ крестьянъ и даже бѣглыхъ, что ставленику поповство становится по 20, 30 и 40 руб., а дьяконство по 15 и 20, патрахильныя и постихарныя граматы даетъ на всякій годъ по 4 руб. и больше, и отъ того свящ. чинъ раззорился безъ остатка (1). Въ неумѣренномъ пользованіи епархіальными богатствами и за излишніе поборы судили между прочимъ извѣстныхъ архіереевъ Ѳеодосія Яновскаго и Георгія Дашкова (2). Въ казанской епархіи послѣ извѣстной намъ ссоры губернатора Волынскаго съ архіереемъ Сильвестромъ за послѣднимъ тоже обнаружены были разные лишніе сборы по епархіи. По бумагамъ архіерейскаго приказа и изъ допросовъ архіерейскихъ подъячихъ Волынскій открылъ, что нѣкоторые сборы съ епархіи собирались въ архіерейскій домъ безгласно, безъ донесенія объ нихъ въ отчетахъ св. Синоду, что митрополитъ пользовался золотомъ и серебромъ съ старыхъ церковныхъ облаченій, вѣнечныя пошлины возвысилъ болѣе, чѣмъ вчетверо, хотя въ отчетахъ показывалось только настоящее количество, какое слѣдовало брать по закону и проч. Не довольствуясь этими свѣдѣніями, губернаторъ нарочно разослалъ приказы ко всѣмъ земкимъ коммиссарамъ, чтобы они разузнали, каждый въ своемъ дистриктѣ, и составили вѣдомости за всѣ 4 года управленія Сильвестра о томъ, во сколько обходились брачущимся вѣнечныя памяти и сколько гдѣ есть запустѣлыхъ церквей и отъ чего онѣ запустѣли, а также по скольку брали съ новыхъ церквей за антиминсы, потому что, писалось въ приказахъ, въ губернской канцеляріи вѣдомо учинилось, что въ архіерейскомъ домѣ, вмѣсто законныхъ 7 алтынъ, за антиминсы берутъ рубля по 1½, 2 и 2½, что стало самое святопродавство (3). Коммиссары донесли, что за

(1) Истор. Россіи, Солов. XVI, 357.
(2) Ѳеоф. Прокоп. 291—292.
(3) Казанск. губ. вѣд. 1860 г. № 47.

вѣнечныя памяти бралось еще больше, чѣмъ думалъ губернаторъ, что по двумъ только уѣздамъ, казанскому и уржумскому, лишнихъ вѣнечныхъ денегъ за 3 года въ архіерейскій домъ собрано было 3307 р. Волынскій послѣ этого писалъ своему дядѣ Салтыкову: „я имѣю въ рукахъ моихъ, каковъ онъ (Сильвестръ) въ однихъ вѣнечныхъ деньгахъ, какое здѣсь народу разоренье, а у государыни кража четвертная, а въ казну развѣ пятая часть приходитъ. Гдѣ слыхано, чтобы по 2 р. съ полтиною да по 3 бѣднымъ людямъ становилась одна вѣнечная память, а деньгамъ записки вѣтъ? Или есть ли Богъ и совѣсть, что здѣсь въ епархіи съ 60 церквей пустыхъ для того, что меньше 30 (т. е. рублей) ставленика въ попы нѣтъ, и что люди помираютъ безъ покаянія и робята мрутъ некрещеные по году“ (1)?

При видѣ подобныхъ фактовъ нужно впрочемъ всегда имѣть въ виду то, что самая система архіерейскихъ сборовъ далеко еще не отличалась опредѣленностью и давала очень большой просторъ архіерейскому усмотрѣнію; архіерейская власть еще очень свѣжо помнила то время, когда правительство писало о святительскихъ правахъ: „вольно ему, отцу нашему, на поповъ и на дьяконовъ и на церковныя пустошныя земли свою святительскую дань и оброкъ положить, чѣмъ онъ данью своею и оброкомъ изоброчитъ“ (2). Не надобно забывать и того, что и сама государственная администрація еще далеко не успѣла выработать для себя точныхъ правилъ о сборахъ, такъ что въ началѣ XVIII в. въ назначеніи различныхъ платежей и повинностей мы долго не видимъ ни системы, ни постоянства; понадобится выстроить новую крѣпость, соорудить корабль, набрать лишній полкъ и т. п.,—и явится новый платежъ, или усилится старый, для все-

(1) Дѣло Сальникѣева въ Чтен. 1868 г. кн. III.
(2) А. Э. III, № 164.

го государства, или для извѣстной области, извѣстнаго класса народонаселенія и проч. Тѣже явленія повторялись и въ церковной администраціи. Явилась потребность въ школѣ, захотѣлось архіерею завести хоръ пѣвчихъ, пошить новую ризницу, построить соборную колокольню, или что-нибудь въ этомъ родѣ,—и сейчасъ же изъ консисторіи идетъ указъ—увеличить такой-то платежъ, или собрать столько-то вновь на такую-то статью. Эта патріархальная простота финансоваго управленія была до такой степени обычна повсюду, что высшая власть не обращала уже никакого вниманія на разные мелкіе сборы архіереевъ по епархіямъ и вмѣшивалась въ ихъ дѣла только въ случаѣ какихъ-нибудь уже очень замѣтныхъ и вопіющихъ злоупотребленій, особенно когда дѣло касалось сборовъ, обращенныхъ въ пользу государства, каковы были наприм. сборы за вѣнечныя памяти. Къ чести нашей іерархіи случаевъ суда надъ архіереями за поборы по епархіямъ въ нашей исторіи встрѣчается очень мало.

Но если рѣдко встрѣчаемъ незаконные поборы съ духовенства со стороны высшей епархіальной власти, за то очень часто видимъ ихъ въ длинномъ ряду второстепенныхъ и третьестепенныхъ епархіальныхъ начальствъ, гдѣ они обусловливались и господствовавшей тогда системой вознагражденія за службу и всѣмъ характеромъ тогдашнихъ административныхъ нравовъ. Кормленіе отъ дѣлъ оставалось обычнымъ вознагражденіемъ за службу всѣхъ чиновныхъ и служилыхъ лицъ и въ XVIII столѣтіи, какъ въ старину, развѣ только въ немного слабѣйшей степени. Въ духовной администраціи это кормленіе было тѣмъ необходимѣе, что множество лицъ служило здѣсь безъ жалованья, а другія получали такіе ничтожные оклады, которые ни въ какомъ случаѣ не могли считаться достаточными для матеріальнаго обезпеченія; наприм. въ 1750 г. въ московской консисторіи секретарь получалъ третнаго жалованья всего 26 р. деньгами и 10 четвертей ржи и овса (пополамъ), а простой писчикъ 2 р. и 1 чет-

верть съ 5 четвериками (1). Св. Синодъ даже прямо узаконялъ кормленіе отъ дѣлъ, напр. въ указѣ 1729 г. объ управленіи санктпетербургской тіунской избы сказано, чтобы чиновники этой избы имѣли пропитаніе отъ акциденцій, кто что дастъ, какъ вообще въ домахъ архіерейскихъ обходится (2). Поклоны или презенты были какимъ-то необходимымъ условіемъ всѣхъ соприкосновеній низшихъ съ высшими даже и помимо всякихъ дѣлъ; явиться къ начальнику безъ гостинца, или съ пустыми руками принять его у себя было бы признано явнымъ неуваженіемъ къ начальству, все равно какъ не поздравить его тоже гостинцемъ съ какимъ-нибудь праздникомъ, или съ его семейною радостью. Сами архіереи и консисторіи строго наблюдали этотъ способъ уваженія и почествованій въ отношеніяхъ своихъ къ высшимъ властямъ, къ членамъ св. Синода и даже къ служащимъ при его канцеляріи. Безъ гостинцевъ не обходились ни пріѣздъ архіерея въ Петербургъ, ни его переписка съ членами Синода (3). Въ 1721 г. св. Синодъ разослалъ было указъ по всѣмъ епархіямъ, чтобы членамъ и чиновникамъ его отнюдь никто подарковъ не посылалъ (4), но указъ этотъ остался безъ дѣйствія, потому что слишкомъ противорѣчилъ всѣмъ обычнымъ пріемамъ субординаціи и чинопочитанія. Въ одномъ письмѣ Ѳеофана Прокоповича къ одному изъ архіереевъ (вѣроятно къ Иродіону Жураковскому) встрѣчаемъ сильные упреки за присылку гостинцевъ: „что въ мірскихъ дѣлахъ нарицается мздоимство,... въ дѣлахъ нашихъ духовныхъ именуется симонія, зло тысящнократно отъ Церкви святой прокля-

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 1, 55—56.

(2) Ист.-стат. свѣд. о спб. епарх. II, 162.

(3) Любопытно перечисленіе даровъ, данныхъ Ѳеодосію Яновскому Сильвестромъ казанскимъ, въ Объявленіи о винахъ Ѳеодосія. Издан. въ кн Ѳ. Прокоповичъ, прилож.

(4) Собр. постановл. I, № 189.

тое. Хотя жъ я и знаю, что преосвященство ваше не тѣмъ намѣреніемъ, но отъ братской къ смиренію моему любви своихъ мене даровъ сподобляешь, однакожъ совѣсти моей раждается неспокойство и добрымъ людемъ соблазнъ, а злымъ и ненавистнымъ клеветъ матерія“ (1). Но вотъ наприм. какой меморіалъ данъ былъ въ 1734 г. Иннокентіемъ Неруновичемъ иркутскимъ одному іеромонаху, который былъ посланъ имъ въ Петербургъ по нѣкоторымъ епархіальнымъ дѣламъ: „обѣщать награжденіе тѣмъ, которые въ приказахъ наше дѣло дѣлаютъ и сдѣлаютъ; дары подносить первѣе преосвящ. новгородскому (т. е. Θеофану) канфа штука цѣлая малиновая и прочее, на что реэстръ явствуетъ; о. Марку, невскаго архимандрита келейнику, поклониться портищемъ камки; о. Лукѣ Конашевичу и Варлааму Скамницкому—па обоихъ косякъ камки“ и т. д. (2). Съ верхнихъ ступеней администраціи обычай поклоновъ и гостинцевъ распространялся по всей лѣствицѣ чиноначалія до самыхъ ея низшихъ ступеней, гдѣ заканчивался разными копѣечными подачками архіерейскимъ привратникамъ, консисторскимъ и правленскимъ сторожамъ.

Пріѣздъ духовнаго лица въ епархіальный городъ по дѣламъ сопровождался множествомъ расходовъ на поклоны. Любопытнымъ источникомъ свѣдѣній объ этихъ поклонахъ служатъ наши монастырскіе архивы, гдѣ въ расходныхъ книгахъ находимъ всѣ даже копѣечные расходы настоятелей и настоятельницъ за каждый разъ, какъ они ѣздили или посылали когонибудь въ городъ къ преосвященному, или въ консисторію. Вотъ образчикъ подобныхъ записей: — реэстръ расходовъ одной кіевской игуменьи 1734 г. „Дано преосв. архипастиреві нашему денегъ 6 рублей, о. архидіакону катедральному 2 р. и фустъ (платковъ)

---

(1) Труд. к. акад. 1865 г. т. I, 301.
(2) Ирк. епарх. вѣд. 1866 г. № 8.

2,—цѣна полчварта золотого, о. писару катедральному фустъ 2 и денегъ 2 р., о. намѣстнику фуста и денегъ 1 р. 50 к., о. духовнику фуста и денегъ 1 р. 50 к., о. уставнику фуста и 50 к., діаконамъ хустокъ 2 и денегъ 2 р., служителямъ архіерейскимъ фустъ 10 и 2 р., воротному фусту и 12 к. Когда отъѣзжала съ Кіева, куплено преосв—му скатерть на 2 р. Итого на подарунки 17 р. 62 к.". Во время другаго пріѣзда въ слѣдующемъ году при такомъ же реэстрѣ, въ которомъ перечислены всѣ члены консисторіи, итогъ на подарунки показанъ въ 14 р. 50 к. (1). Такіе же реэстры писались въ протопопскихъ правленіяхъ по случаю поѣздокъ въ городъ протопоповъ. Въ реэстрѣ кіево-подольскаго правленія 1735 г. написано: „въ великую субботу на поклонъ до его преосвященства куплено осятра, за котораго дано рублей 3, вина квартъ 7 по 5 алт., уплачено 1 р. 5 к., яицъ за 2 гривнѣ. Мая 6 о. архидіакону на имянины куплено на поклонъ риби за 5 грив., хлѣба за 6 коп. Какъ отвожено книгу о исповѣдавшихся въ катедру, дано поклону о. Петру рубля, а на канцелярію полтину ради справки книгъ. Августа 11 я по муро посилалъ до о. архидіакона, дано поклону полтину, а булокъ куплено за 3 коп. До о. писаря катедральнаго съ поздравленіемъ писарства отнесли поклону вина за 2 золоты и риби шаговъ (грошей) за 2, на звожщика 6 коп.", и т. д. Ходилъ съ поклономъ въ пасху, въ рождество, носилъ дары „повытчику при отдачѣ репортовъ о попахъ, въ канцелярію кіево-софійскую за справку книгъ о исповѣдавшихся"... Консисторія всегда могла найти у протопопа какую-нибудь неисправность во взносѣ сборовъ, или при подачѣ книгъ и задержать его. Нѣкоторые даже богатые протопопы, попавши подъ такое

---

(1) Кіевск. епарх. вѣд. 1862 г. стр. 515 — 516. Намъ случалось встрѣчать нѣсколько подобныхъ реэстровъ въ архивѣ Седміозерной пустыни.

дѣло, послѣ нѣсколькихъ хожденій слезно умоляли консисторію отпустить ихъ „ради крайняго обнищанія и убожества“, потому что „такое производженіе слѣдовати будетъ имъ въ немалую волокиту и въ большое затрудненіе“ (1). Благодаря подобнымъ приношеніямъ, чиновники консисторій жили довольно зажиточно, несмотря на свои ничтожные оклады жалованья; у одного наприм. секретаря московской консисторіи было въ собственномъ его домѣ 33 человѣка дворовыхъ, у другаго 2 деревни, канцеляристы и повытчики тоже имѣли свои дома, экипажи, дворовыхъ и крестьянъ. Московскіе преосвященные нѣсколько разъ выдавали предписанія своимъ консисторскимъ чинамъ „удерживаться отъ душевреднаго на службѣ лакомства“, употребляли къ обузданію этого лакомства и другія болѣе энергическія мѣры; напр. по жалобѣ одного ставленика, м. Тимоѳей (въ 1760 г.) приказалъ одного канцеляриста за оказанное взятіе денегъ наказать при консисторіи плетьми, дабы онъ и другіе, смотря на него, впредь ко взяткамъ не касались, и взялъ со всѣхъ канцелярскихъ служителей подписки „о нетребованіи ни съ кого вымогательныхъ взятокъ“ (2). Но вымогательныя взятки очень трудно было отличить отъ невымогательныхъ, отъ поклоновъ, благодарностей и даровъ въ почесть, противъ которыхъ не могла вооружаться никакая тогдашняя администрація. Въ 1738 г. судили за взятки и другія вины синодскаго оберъ-секретаря Дудина; оправдываясь отъ обвиненій, онъ прямо говорилъ: „я не просилъ; давали въ почесть, я и бралъ“ (3).

---

(1) Кіевск. епарх. вѣд. 1862 г. стр. 517—518: Кіевск. консист. въ XVIII в.

(2) Ист. моск епарх. упр. II, кн. 1, 120, прим. 426. кн. 2, прим. 29. 30, стр. 23 и др.

(3) Ѳеоф. Прокоп. стр. 666.

Поборы преслѣдовали духовенство и на слѣдующихъ ступеняхъ духовной администраціи. Протопопскія правленія, управители и благочинные, расплачиваясь съ консисторіей, старались наверстывать свои расходы на подчиненныхъ имъ причтахъ. При подачѣ приходскихъ сказокъ и вѣдомостей нужно было непремѣнно прилагать къ нимъ болѣе или менѣе значительное количество денегъ, напр. рубль, въ пользу управителя, иначе можно было поплатиться гораздо дороже вслѣдствіе какихъ-нибудь придирокъ со стороны управителя (1). Вотъ какое письмо долженъ былъ однажды написать своему духовныхъ дѣлъ управителю Іосифу Рѣпилову Ѳеофилактъ Лопатинскій, одинъ изъ снисходительнѣйшихъ архипастырей XVIII столѣтія и притомъ очень благоволившій къ этому человѣку: „посланъ ты во св. обитель настоятелемъ въ такомъ надѣяніи, чтобы... какъ братію, такъ и епархіальныя дѣла духовныя по данной инструкціи исправлялъ, а нынѣ слышно намъ не только отъ тамошнихъ жителей, но и отъ многихъ постороннихъ людей, что житіе и поступки имѣешь ты весьма недобрые и правиламъ св. апостолъ и св. отецъ противные, а именно“:—слѣдуетъ перечень безпорядковъ по монастырю, за тѣмъ по духовному правленію: „и не токмо что самъ ты и кумъ твой Суворовъ всякими вымыслами для своихъ бездѣльныхъ корыстей священниковъ и церковно-служителей тирански мучите, но еще по сердцу своему избрали для бездѣльнаго своего сродства введенскаго попа Тимоѳея и безъ выбора того города (Кашина) священниковъ самовольно опредѣлили въ старосты поповскіе... И не токмо священникамъ съ причетники чинитъ онъ попъ Тимоѳей, бѣды и раззоренія, но въ монастырь пріѣзжая, власти ругаетъ... Да ты же, разверзши свое адское горло, при многихъ знатныхъ особахъ кричишь, что въ Кашинѣ и уѣздѣ всѣхъ поповъ раззорю, и что

(1) Любопытный примѣръ: Опис. син. арх. I, стр. 290.

взятки беру для того, что у меня у всѣхъ глаза залѣплены, и никого де не боюсь“ (1). Въ 1743 г. калужское духовенство жаловалось на своего духовнаго управителя, что „онъ съ поповъ и церковниковъ собираетъ копѣйки по 3, по 2 и по одной съ человѣка и на тѣ собранныя деньги, купя вина, въ той же судебной свѣтлицѣ пьянствуетъ и, напився пьянъ, чинитъ многія обиды и угрожаетъ бить плетьми“. Начальство смѣнило его. Даже и выборные управители нерѣдко вооружали противъ себя все избравшее ихъ духовенство (2). Окружное духовенство очень хорошо понимало, какъ много издержекъ долженъ былъ дѣлать самъ управитель, когда ему приводилось имѣть дѣло по своей должности съ каѳедрой или консисторіей, и не стояло за обычные его поборы, узаконенные давностью и заведеннымъ порядкомъ; но по мѣрѣ того, какъ управитель укоренялся на своемъ мѣстѣ, онъ болѣе и болѣе становился недоволенъ этими обычными поборами и, заражаясь духомъ общей системы кормленія, увлекался невольнымъ соблазномъ покормиться отъ своей должности, какъ можно, посытнѣе.

Духовенству еще легко было сравнительно справиться съ выборнымъ управителемъ, обыкновенно своимъ же братомъ—бѣлымъ священникомъ; но если преосвященный ставилъ во главѣ д. правленія какого нибудь монастырскаго настоятеля, оно должно было чувствовать себя совершенно беззащитнымъ; это было уже настоящее начальство, сильное, вліятельное, близкое къ архіерею, которое могло, по выраженію Рѣшилова, всѣмъ глаза застлать; на него и жаловаться было опасно. Надобно вспомнить при этомъ и то обстоятельство, что для управленія округами выбирались обыкновенно настоятели богатѣйшихъ монастырей, которые и безъ того имѣли громадное вліяніе на окружные приходы,

---

(1) Ѳеоф. Прокоп. 461—462.

(2) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 1, 87, прим. 226.

причислявшіеся большею частію къ ихъ монастырскимъ вотчинамъ, и держали окружное духовенство почти въ крѣпостномъ подчиненіи. Въ 1728 г. Иродіонъ Жураковскій всѣхъ протопоповъ въ своей черниговской епархіи замѣнилъ по окружному управленію монахами. Я, объяснялъ онъ эту мѣру, „всегда тщаніе имѣлъ, дабы что худое въ порядкахъ, до насъ належачихъ, преже сего булъ, перемѣнить на лучшее; того для, когда донесено намъ изъ нѣсколькихъ мѣстицъ, же протопопы лишнія взятки чинятъ за вѣнечныя памяти и за другія церемоніи, то мы тогда же слѣдствіе чинить велили, а по слѣдствію, кто чого достоинъ бувъ, то съ нимъ и учинено“. Жалобъ на монашествующихъ управителей уже не подавалось и преосвященный съ удовольствіемъ указывалъ всѣмъ на это обстоятельство, какъ на оправданіе его мѣры; но за то епархія пришла въ такое волненіе, что самъ гетманъ писалъ къ Иродіону, чтобы онъ отмѣнилъ свое распоряженіе внушенное „знать по доношенію непріязненныхъ людей“, и потомъ написалъ на архіерея жалобу въ Петербургъ къ Ѳеофану Прокоповичу, прося оставить при правленіяхъ прежнихъ протопоповъ (1), особенно жаловался на іеромонаха Гавріила, посланнаго на стародубскую протопопію. Ѳеофанъ тогда же послалъ къ Иродіону увѣщательное письмо, обращая его вниманіе тоже особенно на этого Гавріила, „который, какъ сказуютъ, выше мѣры жестоко съ духовенствомъ поступаетъ и, не яко послушникъ пастырскій съ братіею, но яко немилосердый нѣкій заимодавецъ съ должниками своими обходится“. Ѳеофанъ совѣтовалъ Иродіону не слишкомъ полагаться на своихъ приближенныхъ, такъ какъ весьма трудно найти между ними порядочныхъ людей, которые бы не злоупотребляли довѣріемъ къ нимъ архіерея къ униженію репутаціи самого архіерея. „Не вѣдаю я, кто и каковъ есть Гавріилъ вашъ, но то вѣр-

(1) Тр. кіев. акад. 1860 г. II, 254.

но, что между таковыми посыльщиками нашими вездѣ большее далеко число есть несладкихъ, строптивыхъ, легкомысленныхъ и продерзливыхъ, нежели благоразсудныхъ и тихомирныхъ“ (1).

Поповскіе старосты и благочинные тоже имѣли свою долю доходовъ съ духовенства. Должности эти уже совершенно были безмездныя, слѣдовательно вполнѣ обезпечивались кормленіемъ отъ дѣлъ. Если архіереи гнѣвались за поборы на управителей въ родѣ Рѣпилова, то съ своей стороны эти Рѣпиловы кивали на благочинныхъ, говоря, что отъ благочинныхъ нѣтъ никакой пользы, ѣздятъ себѣ по епархіи да только деньги собираютъ (2). Собираніе денегъ должно было, разумѣется, еще болѣе усиливаться, когда благочинные стали освобождаться отъ вліянія духовенства, теряя свое выборное значеніе. Въ инструкціяхъ имъ и поповскимъ старостамъ постоянно писалось: „и сверхъ того отнюдь ничего не брать ни подъ какимъ видомъ“ и т. п. (3). Въ половинѣ XVIII в. являются попытки ограничить сборы благочинныхъ извѣстной цифрой вознагражденія за ихъ труды. Въ инструкціи благочиннымъ Платона Малиновскаго (1751 г.) строго предписывалось „никому ни подъ какимъ видомъ обидъ и налоговъ не чинить и взятокъ ни за что не касаться,... а токмо на бумагу и чернила брать по 3 коп. съ прихода“. Но такія распоряженія, какъ и слѣдовало ожидать, оставались лишь на бумагѣ, да и бумага имѣла незавидную участь; замѣчательно, что въ 1774 г., когда московская консисторія вздумала пересмотрѣть упомянутую инструкцію, она едва могла отыскать экземпляръ·ея у одного только благочиннаго по всей епархіи (4).

---

(1) Письма Θеоф. тамже, 1865 г. I, 301—307.
(2) Θеоф Прокоп. 485.
(3) Напр. Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. стр. 125—126.
(4) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 1, 93. кн. 2, 117.

Брали поборы даже всякаго рода разсыльные съ указами, всѣ, кому только давалось какое-нибудь порученіе, касавшееся духовенства. Получивній порученіе этимъ самымъ дѣлался уже чѣмъ-то въ родѣ начальства и по всей дорогѣ, гдѣ проѣзжалъ, относился къ духовенству съ самымъ безцеремоннымъ и требовательнымъ сознаніемъ своего высокаго достоинства. Извѣстно наприм., какими поборами съ духовенства сопровождался наборъ духовныхъ дѣтей въ архіерейскія школы. При Петрѣ великомъ эти поборы сдѣлались даже предметомъ веселыхъ сценическихъ интермедій, въ которыхъ выводился на сцену бѣдный дьячокъ, дающій взятку архіерейскимъ разсыльнымъ, чтобы они не брали его мальчишекъ въ семинарію на муку, и эти разсыльные, обирающіе и надувающіе дьячка (1). Въ наказахъ подъячимъ, благочиннымъ, семинарскимъ учителямъ и ученикамъ старшихъ классовъ, всѣмъ, кому поручался по временамъ наборъ дѣтей въ школы, напремѣнно писалось, чтобы они налоговъ и взятокъ никому не чинили. Привыкнувъ давать деньги на выкупъ дѣтей отъ науки, духовныя лица готовы были предложить такой выкупъ самому архіерею. Въ 1748 г. одинъ сельскій священникъ воронежской епархіи подалъ архіерею Ѳеофилакту курьезное прошеніе объ увольненіи своего сына отъ школы для опредѣленія на дьячковское мѣсто: „прошу слезно вашего архипастырства, писалъ онъ, и отъ своего убожества преосвященству вашему рублей 20 кланяюсь“. Преосвященный уволилъ, а деньги велѣлъ принять на семинарію (2). Вотъ для образчика извѣстія о поѣздкѣ одного архіерейскаго посланнаго для набора пѣвчихъ. Это было въ 1750 г. въ московской епархіи при Платонѣ Малиновскомъ, извѣстномъ уже намъ любителѣ пѣнія. Для укомплектованія архіерей-

(1) Наука и литт. при Петрѣ I, 452—454.

(2) Ворон. епарх. вѣд. 1867 г.: Истор. семинар. 362.

скаго хора посланъ былъ по епархіи регентъ Прокопій Зарѣцкій съ подканцеляристомъ и двумя солдатами. Опираясь на авторитетъ преосвященнаго и важность своего порученія, регентъ во время всего путешествія велъ себя крайне нагло, совершенно оправдывая отзывъ Д. Регламента объ архіерейскихъ слугахъ. Инструкція, данная ему, гласила, что онъ долженъ свидѣтельствовать на своемъ пути всѣхъ дѣтей духовенства по голосамъ, для чего духовныя лица обязывались представлять ему этихъ дѣтей „безъ всякой утайки подъ опасеніемъ тягчайшаго штрафованія, понеже оное дѣло богоугодное и слѣдуетъ къ общей всѣмъ духовнаго чина людямъ пользѣ“, годныхъ для хора тотчасъ же отбирать отъ родителей, дабы въ голосахъ повредиться не могли, и отдавать для честнаго питомства въ монастыри и дух. правленія до времени окончательнаго разбора. Этотъ богоугодный и къ общей пользѣ духовнаго чина слѣдующій наборъ навелъ такой ужасъ на все духовенство, что въ первомъ же городѣ, въ который заѣхали вербовщики по своему тракту, въ Серпуховѣ, оно бросилось поскорѣе чѣмъ-нибудь ублаготворить грознаго регента. Регентъ бралъ съ родителей за отпущеніе ихъ дѣтей деньгами по рублю, по полтинѣ, воскомъ, сахаромъ, съѣстными припасами, кто что и сколько могъ дать. Таже исторія повторялась и въ другихъ городахъ, пока слухи о поборахъ не дошли наконецъ до консисторіи и до архіерея. Послѣ этого его подъ карауломъ воротили въ Москву, гдѣ объ немъ состоялось такое рѣшеніе: „за нанесенное имъ неумѣреннымъ поступками дому его преосв—ва нѣчто безчестія и въ произведеніи дѣла затрудненіе (объ отягощеніи духовенства не сказано) наказать его плетьми и впредь ему епархіи его преосв—ва у духовныхъ персонъ ни у кого и ни въ какомъ услуженіи не быть, и абшида ему не давать, развѣ съ прописаніемъ его непорядковъ“. Наборъ пѣвчихъ послѣ этого былъ порученъ духовнымъ управи-

телямъ. Какъ производили его эти новые вербовщики, неизвѣстно [1].

Отъ всякихъ сборовъ и поборовъ тяглое духовенство приходило въ такое же жалкое положеніе, какъ и тяглый классъ государственнаго народонаселенія. Повсюду за причтами оказывались недоимки. Сборъ этихъ недоимокъ сопровождался такими же правежами, какіе тогда употреблялись въ свѣтской администраціи. Въ инструкціи Адріана поповскимъ старостамъ для взысканія недоимокъ велѣно съ помощію стрѣльцовъ и пушкарей ставить виновныхъ священниковъ на правежъ и править съ нихъ недобранныя деньги безъ всякой понаровки. Староста тѣмъ менѣе способенъ былъ на этихъ правежахъ къ какой-нибудь понаровкѣ, что и самъ долженъ былъ отвѣчать за всякій недоборъ. Случалось, что иной священникъ, „не стерпя отъ старосты поповскаго побой и желая отъ тѣхъ нестерпимыхъ побой избавиться“, пускался на отчаянность и кричалъ за собой „слово и дѣло“ [2]. Въ образчикъ практики церковныхъ сборовъ представляемъ здѣсь любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ въ половинѣ XVIII в. производился сборъ семинарскаго хлѣба и денегъ во владимірской епархіи [3]. Духовенство вздумало было уклоняться отъ этого сбора, ссылаясь на свою крайнюю бѣдность. Изъ вязниковскаго уѣзда священники писали, что они „пришли во всекопечное раззореніе и дневныя пищи себѣ не имѣютъ“. Одинъ дьяконъ въ самомъ г. Владимірѣ за скудостію отказался заплатить приходившіяся съ нею 68 коп. Другіе ссылались на то, что при верстаніи окладовъ на причты окладчики неправильно переписывали церковныя земли, съ хорошими писали и худые участки и даже земли пустыя. Третьи жаловались, что побывали

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 1, 61—63.
(2) Тамже, кн. 2, примѣч. 74.
(3) Владим. епарх. вѣд. 1866 г. № 4; Ист. семинар.

въ консисторіи и всѣ до конца истратились, хлѣба ни приплода, ни остатка не имѣютъ, и платить нечего. Недоимка была такъ велика, что привела семинарскую экономію въ большое затрудненіе; напр. за 1749 г. нужно было собрать на семинарію 1273 р., а собрано всего 778 р. Преосв. Платонъ прибѣгнулъ къ грознымъ указамъ; консисторія съ своей стороны помогала ему строгими допросами, тяжелыми штрафами съ неплательщиковъ, пещаднымъ біеньемъ ихъ батогами. Ничто не помогало; недоимка все возрастала (1). Въ 1751 г. епархіальное начальство учредило изъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ г. Владиміра особую коммиссію для сбора недоимочныхъ денегъ, — нѣчто въ родѣ доимочной канцеляріи. Въ качествѣ ея органовъ по всей епархіи разосланы были священники и даже пономари съ строгими инструкціями не дѣлать неплательщикамъ никакихъ послабленій и съ страшными полномочіями ковать виновныхъ въ кандалы, кто бы они ни были, не только священниковъ, но и самихъ духовныхъ управителей, и везти ихъ въ консисторію. Епархія пришла въ большое безпокойство и волненіе. Въ краснослободскомъ уѣздѣ не оказалось никакой возможности собрать недоимку, несмотря на всѣ кандалы и правежи. Разсыльщики донесли объ этомъ въ консисторію съ присовокупленіемъ выразительнаго мнѣнія, что такъ какъ съ бѣднаго духовенства де взять дѣйствительно нечего, то не благоугодно ли будетъ консисторіи дозволить для уплаты семинарскихъ денегъ описать домы оныхъ священниковъ. Нѣкоторые священно-и-церковно-служители, заслышавъ о приближеніи сборщиковъ, оставляли свои села и пускались бѣжать, куда глаза глядятъ. Консисторія указала при-

---

(1) Наприм. за ярополческимъ дух. правленіемъ въ 1749 г. недоимки считалось 168 р. 88 к., а въ 1750 г. она возрасла уже до 311 р. 67 к. Владим епарх. вѣдом. 1868 г.: Ист. семинар. стр. 1111.

везти краснослободскихъ ослушниковъ во Владиміръ, а если они будутъ укрываться, то взять ихъ женъ и дѣтей. Послѣ этого указа одинъ священникъ Петръ Нестеровъ пришелъ въ такое отчаяніе, что, когда сборщики явились къ его двору, „онъй попъ ворота заперъ и на дворъ не пускалъ и говорилъ: вы де напрасно пріѣхали; хотя бъ де и цѣлая рота драгунъ прислана была, я бъ де и тѣхъ велѣлъ побить до смерти“. Въ консисторіи ослушниковъ велѣно было держать въ кандалахъ до тѣхъ поръ, пока не уплатятъ денегъ. Но въ консисторской тюрьмѣ денегъ, разумѣется, взять было негдѣ, а между тѣмъ приходы арестованныхъ священниковъ оставались безъ богослуженія. Консисторія наконецъ догадалась посылать своихъ арестантовъ на заработки, отпуская ихъ на недѣлю или на двѣ, чтобы они, гдѣ хотятъ, добывали деньги и платили недоимку. Съ помощью этихъ мѣръ недоимка дѣйствительно стала было уменьшаться, но въ 1760-хъ годахъ снова стала возрастать. Когда учреждена была коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ и пошли слухи, что духовенство скоро освобождено будетъ отъ всякихъ сборовъ, духовныя лица стали рѣшительно отказываться отъ платежа недоимокъ. Получивъ указъ о платежѣ въ 1763 г., присутствующій ярополческаго правленія прямо сказалъ: „много мы такихъ указовъ слыхали; пусть будетъ вѣдомо: въ ярополческомъ уѣздѣ никто не заплатитъ, да и платить нечѣмъ“ (1).

Было бы однако крайне ошибочно считать подобныя явленія исключительной принадлежностью нашей духовной администраціи; послѣдняя страдала общими

---

(1) Недоимка, числившаяся за ярополческимъ правленіемъ и въ 1749 г. доходившая до 301 р., въ 1751 г. уменьшилась до 255 р.; но въ 1759 г. ея снова было 387 р 63 к., а въ 1761—397 р. 93 к. Влад. епарх. вѣд. 1868 г. стр. 1111—1112.

болѣзнями вѣка и современныхъ ей административныхъ нравовъ. То было время, когда высокіе министры чуть не всѣ были на содержаніи у иностранныхъ дворовъ, когда губернаторъ трактовалъ свою губернію, какъ свою вотчину, и кормился отъ нея не хуже любаго старинаго воеводы, когда судъ и администрація—эти необходимыя условія гражданскаго благодѣтельствія—были пугалами для всего мирнаго народонаселенія, предметомъ ненависти, зломъ, съ которымъ всего лучше сталкиваться какъ можно рѣже, когда всѣ служители закона, наѣзжавшіе на селенія и города по разнымъ порученіямъ и съ указами, были извѣстны въ народѣ подъ выразительнымъ техническимъ названіемъ „бѣды“, бѣды большой или малой, конной или пѣшей, смотря по тому, ѣхала ли эта бѣда на обывательскихъ тройкахъ съ конвоемъ, или одиноко брела въ изношенномъ мундирѣ пѣшкомъ, держа подъ мышкой портфель съ бумагами, когда слухи о бѣдѣ, особенно конной, самой наглой и хапущей, неслись за 40 и болѣе верстъ впередъ и заставляли народъ бросать дома и прятаться по оврагамъ и лѣсамъ, какъ въ старое время отъ нашествія татарской орды. Было бы чудомъ въ исторіи, если бы духовная администрація осталась въ сторонѣ отъ вліянія подобнаго порядка вещей. Поболѣла она и другими административными болѣзнями вѣка. Характеръ обычныхъ отношеній мужей къ мужикамъ, служилыхъ людей къ тяглымъ необходимо долженъ былъ проникнуть и въ нее, проникнуть съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только въ ней завелось свое собственное церковное тягло и изъ массы духовнаго чина выдѣлились его собственные тяглые люди, попы, дьяконы и церковники. Съ этихъ самыхъ поръ высокій характеръ духовнаго властелинства ея священныхъ властей долженъ былъ невольно усвоивать себѣ чуждыя ему черты властелинства мірскаго.

Церковное тягло наложило свою грубую печать на всѣ отправленія духовной администраціи и на всѣ отношенія духовныхъ властей къ духовенству управля-

емому ими. По милости его вырабатывались въ нашей старинной іерархіи эти типы величавыхъ, грозныхъ и недоступныхъ владыкъ, этихъ Никоновъ и Іосифовъ (1), предъ которыми все трепетало и стлалось въ земныхъ поклоненіяхъ и которые до того непохожи на смиренныхъ и гуманныхъ владыкъ нашего времени, что стоитъ изумляться быстрому прогрессу нашей церковной жизни. Д. Регламентъ отнесся къ этимъ типамъ съ осужденіемъ, выставилъ требованіе „укротить оную вельми жестокую епископовъ славу“, чтобы не воздавалось имъ „лишней и почитай царской чести“. Но реформа не могла смягчить административныхъ правовъ въ духовномъ мірѣ, какъ не смягчила ихъ въ государственной администраціи, потому что сама была въ этомъ отношеніи проникнута старымъ духомъ и сама вполнѣ раздѣляла всѣ обычныя патріархальныя воззрѣнія на управленіе, по которымъ только начальствующее лицо имѣетъ самостоятельный умъ и права, а подчиненные суть его дѣти, существа неразумныя, нуждающіяся постоянно въ руководствѣ, находящіяся безвыходно въ глупомъ маломъ ребячествѣ и не умѣющія сами ни сдѣлать, ни придумать чего-нибудь путнаго. Эта система патріархальныхъ отношеній въ XVIII в. господствовала еще по всей лѣствицѣ администраціи и вездѣ выражалась въ однихъ и тѣхъ же чертахъ, въ однихъ и тѣхъ же педагогическихъ пріемахъ управленія, на основаніи обычной педагогической теоріи устрашенія, примѣрныхъ наказаній и экзекуцій, потому что чѣмъ иначе и вразумить глупыхъ ребятъ, чѣмъ иначе и побудить ихъ къ извѣстнаго рода дѣятельности, какъ не розгой или плетью? Общество, управляемое такимъ образомъ, было похоже на современную ему школу, въ которой каждая строчка урока сопровождалась угрозами и палочными стимулами грознаго педагога, или

(1) Разумѣемъ Іосифа коломенскаго. См. о немъ Ист. Россіи, Солов. XIII, 154.

на домостроевскую семью, въ которой значеніе отца измѣрялось степенью страха передъ нимъ всѣхъ его домочадцевъ. Понятно, что сущностью, началомъ и концомъ всей этой системы управленія долженствовало быть „смиреніе“ подчиненныхъ предъ властью, чтобы никто изъ нихъ не доходилъ до высокоумной мысли о своей собственной волѣ и личности, чтобы все дѣлалось лишь изъ подъ руки самой власти; первой задачей власти было именно „смирять“ подчиненныхъ. Духовная администрація тѣмъ легче могла проникаться такой системой и тѣмъ съ большимъ трудомъ отъ нея освобождаться, что начальствующее лице въ ней на самомъ дѣлѣ было отцомъ подчиненныхъ, отцомъ духовнымъ, и всегда имѣло предъ собой самыя широкія нравственно-педагогическія, религіозныя обязанности къ нимъ, какъ дѣтямъ, которыхъ далъ ему Богъ и въ отношенія его къ которымъ не имѣла права вмѣшиваться никакая посторонняя власть. Вотъ примѣръ, который показываетъ, какъ такое значеніе духовной власти проявлялось на практикѣ подъ вліяніемъ современныхъ нравовъ.

Въ 1721 г. суздальскій судья Толмачевъ вздумалъ заступиться за одного протопопа, который имѣлъ несчастіе подвергнуться обычнымъ мѣрамъ смиренія въ суздальской архіерейской канцеляріи, и послалъ въ архіерейскій домъ указъ о неумѣренныхъ поступкахъ архіерея съ подчиненными. Архіерей (Варлаамъ) обидѣлся и запретилъ ему за это церковный входъ. Послѣ этого Толмачевъ собралъ у себя нѣсколько просьбъ на архіерея и сталъ писать по нимъ доношенія въ юстицъ-коллегію, употребляя „о архіерейской персонѣ, зѣло неучтивые и продерзостные термины, въ которыхъ порицалъ его мучительскимъ именемъ“. Юстицъ-коллегія сдала эти доношенія по принадлежности въ св. Синодъ. Какъ же отнесся къ этому дѣлу Синодъ? Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на то, что судья Толмачевъ, до котораго одни только свѣтскія дѣла надлежатъ, во 1-хъ незаконно касался и до духовныхъ пер-

сонъ, привлекая ихъ къ себѣ бить ему челомъ по церковнымъ дѣламъ, во 2-хъ, будучи въ небольшомъ рангѣ и не въ высокомъ градусѣ, осмѣлился посылать къ архіерею указы и притомъ въ повелительной силѣ и со взысканіемъ на немъ архіереѣ отвѣтствованія, далѣе вопреки указу 1721 г., повелѣвающему всѣмъ имѣть св. Синодъ за важное и сильное правительство, посылалъ свои доношенія мимо Синода въ юстицъ-коллегію и тѣмъ оказалъ презрѣніе къ власти св. Синода, кромѣ того употреблялъ о архіереѣ продерзостные термины, порицая мучительскимъ именемъ, а такое употребленіе не точію другимъ кому, но и фискаламъ, для обличенія всякихъ преступленій учрежденнымъ, весьма запрещено, да и то фискаламъ возбранено, что въ дѣла, гласъ о себѣ имѣющія, отнюдь ни тайно, ни явно не касаться подъ жестокимъ штрафомъ или раззореніемъ и ссылкою; но оный Толмачевъ знатно не взирая на тотъ указъ, вступилъ доношеніями въ чужія, гласъ о себѣ имѣющія дѣла дерзостно, и учиненный въ архіерейскомъ правленіи „плетьми бой, обычайно смиреніемъ называемый“, возыменовалъ мучительствомъ, какъ случайное въ командахъ тѣлесное наказаніе или штрафованіе отнюдь не именуется и къ мучительству не причитается. Доказавъ такимъ образомъ незаконность доношеній Толмачева вслѣдствіе несоблюденія имъ обычныхъ формъ дѣлопроизводства, св. Синодъ за тѣмъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на самое содержаніе доношеній, не доходилъ ли у суздальскаго архіерея означенный плетьми бой въ самомъ дѣлѣ до мучительства, которое возмутило свѣтскаго судью, и не имѣлъ ли послѣдній какого-нибудь особаго резона повести свои доношенія не черезъ св. Синодъ, а именно чрезъ юстицъ-коллегію. „А въ показанныхъ на помянутаго архіерея дѣлахъ, заключаетъ указъ св. Синода, слѣдованіе учинить, когда обычайныя о нихъ доношенія, къ лицу св. пр. Синода написанныя, обычайно будутъ поданы, а по вышеобъявленнымъ доношеніямъ слѣдованія въ Синодѣ чинить не надлежитъ, понеже изъ

такого по присланнымъ на имена свѣтскихъ персонъ доношеніямъ дѣйства признаваться будетъ уничтожительное на св. прав. Синодъ подчиненія нареканіе“ (1).

Въ архіерейскихъ граматахъ первой половины XVIII в. вездѣ читаемъ устрашительныя угрозы за неисполненіе распоряженій „наижесточайшимъ на тѣлѣ наказаніемъ“. Въ резолюціяхъ по дѣламъ постоянно встрѣчаемъ опредѣленіе: „учинить жестокое наказаніе плетьми на страхъ, дабы какъ ему (виновному), такъ и другимъ таковыхъ продерзостей чинить было неповадно“, или: „бить плетьми нещадно на страхъ, дабы, на то смотря, и другіе чинить не дерзали“, „наказаніе плетьми пріумножить“. Этотъ плетьми бой, обычайно смиреніемъ называемый, могъ быть страшнымъ орудіемъ произвола, который тѣмъ шире могъ развиваться, что при замкнутости духовнаго вѣдомства отъ него негдѣ было искать заступленія. Отъ 1708 г. мы имѣемъ одно выразительное письмо новгородскаго святителя Іова къ троицкому архимадриту Сильвестру о пріемѣ въ новгородскую епархію 12 духовныхъ лицъ рязанской епархіи, бѣжавшихъ отъ жестокости своихъ епархіальныхъ властей, между которыми главное мѣсто занималъ братъ рязанскаго митрополита Стефана Ѳедоръ Яворскій. „Посылаю къ тебѣ нѣкоторыя вѣдомости, благоволи тыя прочитати и отнюдь никомуже являти, кромѣ удобныхъ и вѣрныхъ твоихъ совершенно. За озлобленіе и досаду и великія обиды господина превысочайшаго, іерарха святѣйшаго, митрополита рязанскаго, 12 человѣкъ въ Новгородъ взяты и многіе изъ нихъ зѣло жестоко пытаны и рваны, даже внутреннимъ ихъ являтися, а съ пытокъ въ самомъ маломъ нѣчесомъ повинилися и на брата архіерейскаго многія вины и обиды себѣ въ распросахъ сказали, въ томъ хотятъ и умертвитися. И судьямъ сіе подъ сомнѣніемъ. Чего ради хощутъ распросныя рѣчи послать

(1) Собран. постан. I, № 192.

подъ разсудокъ здравый ко архіерею рязанскому, и что отъ него о нихъ разсуждено будетъ, о томъ стапутъ писать къ царскому величеству“ (1). Эти строки одного изъ почтеннѣйшихъ іерарховъ Петровскаго времени до нѣкоторой степени могутъ служить оправданіемъ даже того отзыва о Ѳедорѣ Яворскомъ, какой находится въ извѣстномъ пасквилѣ на іерархію 1730-хъ годовъ подъ названіемъ Молотокъ на Камень вѣры, а отчасти и о самомъ Стефанѣ (2).

Въ Д. Регламентѣ сказано, что на злоупотребленія епархіальныхъ властей подчиненные имѣютъ право жаловаться св. Синоду „и епископъ таковымъ на себе челобитчикамъ и истцамъ долженъ сію свободу попускать и не удерживать ихъ, ниже угрожать, ниже по отшествіи оныхъ къ духовному коллегіумъ печатать или грабить домы оныхъ“. Но вотъ наприм. фактъ, который ясно показываетъ, какъ подобныя челобитья были затруднительны и почему духовныя лица прибѣгали иногда къ посредничеству свѣтскихъ особъ въ родѣ судьи Толмачева; приводимъ этотъ фактъ подлинными словами документа,—докладной записки астраханской губернской канцеляріи. „Сего 730 г. февраля 13 припелъ въ канцелярію царицынской соборной церкви протопопъ Иванъ Козминъ и извѣщалъ словесно, а въ извѣтѣ своемъ написалъ: сего де февраля 12 въ часу третьемъ дни съ Болды отъ преосв. епископа припелъ пѣвчій Тимооей Ивановъ въ консисторію, въ которой онъ (протопопъ) содержался подъ карауломъ, и говорилъ ему протопопу, на тебя де архіерей больно сердитъ и хочетъ въ нынѣшнее воскресенье по спинѣ и по брюху бить плетьми и будь ты къ тому готовъ, и исповѣдайся и причастися. И когда оный пѣвчій оныя слова сказалъ, той же консисторіи подъячій Зобковъ

---

(1) Странникъ. 1861 г. кн. 2. стр. 81.

(2) Извлеченіе изъ Молотка см. Ѳеоф. Прокоп. стр. 394—395.

поѣхалъ къ нему преосвященному на Болду и оттоль того же числа паки пріѣхалъ въ консисторію и сказалъ, что онъ преосвященный за тебя его Зобкова билъ по щекамъ, понеже свѣдомъ онъ, что ты хочешь на него преосвященнаго просить въ Синодѣ и просилъ въ губернской канцеляріи паспорта: то де ты самъ увидишь, что тебѣ завтра отъ него преосв—го на дѣлѣ покажется; и сего де дня отъ него преосв—го пріѣхалъ подъякъ Василій Корчагинъ и сказалъ мнѣ, что его преосв—во на тебя очень сердитъ и пришлетъ тотчасъ реченнаго подъячаго Зобкова, который посадитъ тебя на большую чѣпь и руки и ноги закуетъ за то, что хочешь ты просить на него епископа въ Синодѣ. И для того де онъ протопопъ, убоясь, что онъ преосв—ный съ бытности его ему гоненіе чинитъ, всегда якобы злодѣя держитъ на чѣпѣ напрасно, не показуя ни малой вины, а нынѣ онъ преосв—ный, увѣдавъ, что онъ намѣренъ на него за несносное гоненіе въ св. Синодѣ просить, чтобъ за то онъ отъ преосв—го такъ, какъ выше ему протопопу сказывали, скорби напрасно не понесть, отъ чего де онъ можетъ напрасно умереть, пришелъ въ губернскую канцелярію самъ, и чтобъ де его отпустить для прошенія въ Москву на него архіерея въ св. прав. Синодѣ, и для того бъ его протопопа послать въ Синодъ за карауломъ отъ губернской канцеляріи на его протопоповѣ коштѣ“ (1). Но и въ св. Синодѣ управа была ненадежна. 26 марта 1762 г. имп. Петръ III далъ св. Синоду такой указъ: „уже съ давняго времени къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну примѣчено, что приходящіе въ Синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жа-

(1) Русск. Арх 1865 г. № 5.

лоба, а потому въ Синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или и того хуже, — дѣлается одна токмо повадка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ Синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и невинныхъ. Приложенныя при семъ челобитныя черниговской епархіи священника Бодряковскаго и діакона Ширшановскаго суть новымъ и неоспоримымъ тому доказательствомъ, ибо, несмотря на данные Синоду еще въ 1754 г. именные указы о рѣшеніи ихъ дѣла, не исполнено по тому и донынѣ, а только отсылаются они на разсмотрѣніе въ туже епархію. Мы видимъ, какія тому причины могутъ быть поводомъ, но оныя соблазнительнѣе еще самаго дѣла. Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ Синоду чрезъ сіе стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить и не токмо по симъ двумъ челобитнымъ немедленное рѣшеніе здѣсь сдѣлать, но и всегда по подобнымъ здѣсь же рѣшать, нашимъ императорскимъ словомъ чрезъ сіе объявляя, что малѣйшее нарушеніе истины покажется, какъ злѣйшее государственное преступленіе, а сей указъ не токмо для всенароднаго свѣдѣнія напечатать, но въ Синодѣ и къ настольнимъ указамъ присовокупить“ (1).

Злоупотребленія властью не кладутъ вины на личности нашихъ іерарховъ, потому что прямо вытекали изъ самой системы администраціи и характера общепринятыхъ ея пріемовъ; система эта была таже самая, на которой строилось и крѣпостное право, которая при безконтрольности властей и при общей грубости нравовъ могла страшно портить самые лучшіе характеры. Не нужно забывать при этомъ и того, что

---

(1) Изд. въ Зарѣ 1871 г. кн. 2: Истор. матеріалы. стр. 17—18.

мы имѣемъ дѣло съ администраціей духовной, гдѣ въ основѣ права лежитъ элементъ религіозный, гдѣ дѣйствія власти весьма часто направляются чувствомъ религіозной ревности, которое на извѣстныхъ ступеняхъ цивилизаціи могло порождать дѣйствія очень жестокія и фанатическія. Мѣра такъ называемаго смиренія далеко не опредѣлена была законными предѣлами и въ большинствѣ случаевъ зависѣла отъ степени нравственно-религіознаго возмущенія, какое производилъ въ душѣ начальствующаго лица тотъ или другой проступокъ подчиненнаго; стало быть, здѣсь, что называется, была душа мѣра. Извѣстно, что и теперь еще эта часть нашего церковнаго законодательства весьма не развита и даетъ большой просторъ личному усмотрѣнію епархіальной власти. Въ XVIII же в. едвали не у каждаго архіерея былъ свой кодексъ наказаній, сообразовавшійся съ его личными понятіями о важности свящ. сана и преступности того или другаго проступка; одинъ больше всего вооружался противъ пьянства, другой противъ нарушеній церковнаго порядка и обрядности и т. д. Отъ этого мы часто встрѣчаемъ примѣры совершенно одинаковыхъ наказаній и за тяжкія и весьма легкія вины. Въ 1748 г. епископъ вологодскій Варлаамъ Скамницкій разослалъ по епархіи циркуляръ о сохраненіи благочинія духовенствомъ, гдѣ наряду съ крупными отступленіями отъ благочинія назначается одинаковое „наижесточайшее тѣлесное наказаніе“ между прочимъ и за пошеніе священно-служителями грубыхъ сермяжныхъ и раздранныхъ одеждъ (1). Въ 1753 г. Арсеній Маціевичъ ростовскій ѣздилъ по своей епархіи и въ одной деревенской церкви замѣтилъ пыль въ алтарѣ; слѣдствіемъ этого было распоряженіе: священника послать въ монастырь на вѣчное пребываніе, а закащи-

(1) Волог. епарх. вѣд. 1869 г. № 14: Объ іерарх. в.-устюжск. епарх.

ка, у кого то село въ вѣдомствѣ, за несмотрѣніе его наказать въ консисторіи цѣпями; такъ назывались плети съ нѣсколькими на концахъ хвостами изъ пеньки, которыя для большей упругости намачивались въ горячей смолѣ (1).

Тѣмъ же характеромъ проникнуты были и дѣйствія второстепенныхъ властей. Тѣлесныя наказанія были употребляемы всѣми высшими въ отношеніи къ низшимъ, хоть бы наприм. священниками въ отношеніи къ церковникамъ и церковнымъ сторожамъ, потому что и священники были въ своихъ приходахъ чѣмъ-то въ родѣ начальства, доводя иногда свое подражаніе начальству до народін. Одинъ священникъ иркутской епархіи въ 1729 г. далъ указъ пономарю, чтобы этотъ привелъ къ нему въ духовный приказъ трапезника для тѣлеснаго наказанія. Трапезникъ не пошелъ и былъ за это самовольно отрѣшенъ священникомъ отъ мѣста, на которое былъ опредѣленъ указомъ архіерея и на которомъ безпорочно служилъ уже 8 лѣтъ. По жалобѣ его преосв. Иннокентій далъ резолюцію: священнику въ пьянствѣ не храбрствовать и дома своего духовнымъ приказомъ не называть; аще же впредь безстудіе его явится, то будетъ жестоко наказанъ; а трапезнику быть попрежнему (2). Поповскіе старосты и духовные управители имѣли официальное полномочіе наказывать подвѣдомое имъ духовенство и духовне и тѣлесне, съ небольшими только ограниченіями въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, наприм. подъ условіемъ доносить епархіальному начальству о томъ, кого и за что накажутъ (3). Мы видѣли, съ какой наприм. суровостью производились ими разные сборы съ духовенства и какъ иной свя-

---

(1) Р. Арх. 1867 г. № 10 — 11: Къ характерист. Арс. Маціевича.

(2) Иркутск. епарх. вѣдом. 1864. № 21: Управл. св. Иннокентія.

(3) Тамже, № 20. стр. 331.

щепникъ, не стерпя побой отъ поповскаго старосты, кричалъ за собой „слово и дѣло“. Въ 1743 г. одинъ закащикъ тобольской епархіи попался даже въ убійствѣ; зазвавъ къ себѣ въ домъ священника Волкова по какой-то винѣ послѣдняго, онъ держалъ его съ утра до вчера подъ карауломъ, а вечеромъ началъ производить съ нимъ расправу „плетьми на смерть, а приказомъ его стегалъ сынъ его родной, а держали зять его подъячій да деньщикъ; и отъ тѣхъ смертныхъ побой попъ Волковъ померъ“ (1). Когда Арсеній Маціевичъ былъ еще инквизиторомъ въ Москвѣ, онъ однажды пыталъ ярославскаго игумена Трифона, старца 85 лѣтъ, и пыталъ до того, что Трифонъ умеръ. Ярославскій преосвященный подалъ объ этомъ жалобу въ св. Синодъ; св. Синодъ рѣшилъ по этому дѣлу, чтобы впредь духовныхъ особъ пытали бережно (2). Едвали не шире развивала свои грозныя полномочія надъ духовенствомъ консисторія. Надобно замѣтить, что консисторіи до позднѣйшаго времени не имѣли у себя никакого устава, который бы опредѣлялъ ихъ образъ дѣйствованія въ тѣхъ или другихъ случаяхъ ихъ административной и судебной практики; всѣ формы и порядокъ консисторскаго дѣлопроизводства держались единственно на обычаѣ, ил[illegible]жаніи свѣтскимъ присутственнымъ мѣстам[illegible]азвола и патріархальной расправы бы[illegible]ательно очень много простора. Тяжесть ста[illegible]исторскаго управленія и суда станетъ очевидною, если мы обратимъ вниманіе даже только на обыкновенный порядокъ консисторскаго дѣлопроизводства помимо уже разныхъ злоупотребленій членовъ и чиновниковъ консисторій. Возмемъ для образчика порядокъ судебнаго дѣлопроизвод-

---

(1) Очерки р. нравовъ въ Сибири. От. зап. 1867 г. кн. 20. стр. 722.

(2) Чтен. 1862 г. кн. II, смѣсь. стр. 3.

ства, которое чувствительнѣе всего касалось духовенства (1).

Вызовъ къ суду производился двумя способами, или „по сыскной“, съ которой консисторія отправляла за обвиненными своихъ приставовъ и сторожей по менѣе важнымъ дѣламъ и которая заключала въ себѣ простую повѣстку явиться къ суду, или чаще „по инструкціи“, въ которой предписывалось взять требуемое лице въ консисторію немедленно. Съ инструкціей посылались приставы или даже чиновники, которымъ предписывалось: доѣхавъ до мѣста, взять у поповскаго старосты и на съѣзжемъ дворѣ понятыхъ, а иногда даже у гражданскаго начальства солдатъ и при нихъ предъявить подсудимому инструкцію; если подсудимый скроется, то взять его жену, или кого-нибудь изъ домашнихъ для содержанія ихъ подъ арестомъ, пока не явится самъ подсудимый. Домъ подсудимаго, особенно въ случаѣ искового дѣла, опечатывался и оставлялся подъ карауломъ. Везти арестованнаго, изъ опасенія побѣга, указывалось, заковавъ въ ножныя желѣза, и подъ конвоемъ. Вся процедура ареста производилась на счетъ подсудимаго. За тѣмъ консисторія назначала отъ себя слѣдователей по дѣлу. Съ развитіемъ въ XVIII в. бумажного производства и канцелярской формалистики слѣдственные допросы стали растягиваться на очень продолжительное время, такъ что консисторская волокита едва ли не прецеголяла пресловутую московскую волокиту. Въ теченіе всего этого времени подсудимый, если онъ не былъ оставленъ подъ домашнимъ арестомъ, что было очень рѣдко и только въ

---

(1) Послѣдующій очеркъ составленъ по Ист. моск. епарх. управ. и статьѣ: Кіевская консисторія въ XVIII в. (Кіевск. епарх. вѣд. 1862 г.). Факты изъ др. источниковъ будемъ цитовать подробно. Замѣтимъ, что московская и кіевская консисторіи наиболѣе типичны между всѣми другими консисторіями и составляютъ даже прототипы всѣхъ ихъ.

маловажныхъ дѣлахъ, содержался при консисторіи, или дух. правленіи въ колодничей избѣ, ужасы которой описываются почти невѣроятными чертами. Это было обыкновенно тѣсное и смрадное помѣщеніе, набитое всякаго рода людомъ, притомъ обоего пола, полное шума, крика и скандаловъ. Тутъ были и пьяныя духовныя лица, подобранныя полиціей и представленныя въ консисторію, и поссорившіеся изъ-за доходовъ члены причта, и пономарица, которая ругала мужа измѣнникомъ и на которую сдѣлалъ доносъ слышавшій эту брань чиновникъ, и поссорившіеся между собой до драки духовные супруги, и священно-служитель, не отслуживший въ царскій день молебна, или не подавшій къ сроку метрикъ, какая-нибудь мѣщанская дѣвка, которую судили за блудное дѣло, или вдова съ прижитымъ по смерти мужа ребенкомъ и tutti quanti. Въ 1726 г. въ московской консисторіи, по доносу старосты надъ консисторскими приставами, что „о содержащихся подъ карауломъ колодницахъ прочимъ духовнымъ и свѣтскимъ, подъ карауломъ имѣющимся, не безъ подозрѣнія есть и опасно всякаго пакостовства“, положено было колодницъ держать подъ карауломъ въ ихъ домахъ; но потомъ это постановленіе было забыто, и уже въ 1743 г. консисторія снова распорядилась держать колодницъ особо при Вознесенскомъ монастырѣ. Въ этомъ же году св. Синодъ издалъ общій указъ о томъ же по случаю явившагося въ нѣкоторомъ архіерейскомъ домѣ беззаконія, что мужъ съ чужою женою скованы были по ногѣ, и такъ содержаны вмѣстѣ недѣли съ двѣ, чрезъ что принуждены вмѣстѣ спать и для исправленія тѣлесныхъ нуждъ ходить вмѣстѣ, а законная того мужа жена въ тоже время отъ онаго отлучена и держана скована же особо въ другой палатѣ (1).

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 1, примѣч. 71. Въ 1744 г. послѣдовалъ и сенатскій указъ о содержаніи во всѣхъ судеб-

Изъ колодничей то того, то другаго изъ арестантовъ водили къ допросамъ въ присутствіе. Допросы производились обычнымъ манеромъ, какъ и въ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстахъ, сначала просто, потомъ въ случаѣ запирательства подсудимаго „съ пристрастіемъ“. Не видно, чтобы въ консисторіяхъ употреблялись обычныя въ свѣтскихъ судахъ пытки, но допросъ подъ плетьми или палками былъ довольно употребителенъ. Грубый консисторскій слѣдователь, вдоволь насмотрѣвшійся на практику заплечнаго мастерства, накидывался на попавшагося подъ судъ священно-служителя съ крикомъ, бранью, даже побоями; завшенные этимъ способомъ священно-служители нерѣдко жаловались, что такой-то повытчикъ билъ ихъ на допросѣ своеручно палкою и что отъ того пристрастія и бою они со страху руки приложили, даже не прочитавъ допроса. Уже при Екатеринѣ II, когда повсюду началось смягченіе административныхъ нравовъ, начинаютъ проявляться попытки и къ смягченію консисторскаго обращенія съ духовенствомъ. Въ 1765 г. преосв. Тихонъ воронежскій далъ замѣчательный указъ своей консисторіи: „не безъизвѣстно намъ учинилось, писалъ онъ, что нѣкоторые духовныя нашея консисторіи канцеляристы при допросахъ священниковъ всякими неподобными словами ругаютъ, что является крайне духовному чину безчестно и имъ священникамъ обидно; того ради приказалъ означенныхъ священниковъ канцеляристамъ спрашивать при допросахъ безъ наималѣйшаго ругательства и укоризны съ надлежащимъ въ силу указовъ увѣщаніемъ; а ежели впредь кто въ руганіи священниковъ явится, то учинено будетъ съ нимъ, яко съ ругателемъ духовнаго чина, въ силу св. отецъ правилъ неупустительно“ (1).

ныхъ мѣстахъ мужескаго и женскаго пола отдѣльно. П. С. З. № 8877.

(1) Житіе св. Тихона. 1863 г. ч. I, 47.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ допросовъ безъ пристрастія и съ пристрастіемъ и послѣ долгаго сидѣнья въ колодничей подсудимому наконецъ объявляли рѣшеніе, утвержденное архіереемъ, большею частію: „бить плетьми нещадно“, „за чинъ священства вмѣсто кнута учинить нещадное шелепами наказаніе“, или, какъ писали въ Малороссіи, „наказать барбарами, кійками“ и т. п. Разныя орудія наказанія, батоги, плети, шелепа въ консисторскихъ отчетахъ показывались даже оффиціально, какъ особая статья канцелярскаго расхода. Тѣлесному наказанію подвергались рѣшительно всѣ духовныя лица, безъ различія сана и пола, и притомъ публично въ присутствіи всѣхъ членовъ и канцелярскихъ служителей консисторіи. Встрѣчаемъ примѣры, какъ консисторія сначала присутствовала въ полномъ своемъ составѣ при наказаніи попа, а потомъ такимъ же порядкомъ приказывала бить при себѣ плетьми и его попадью и, обязавъ обоихъ подпиской о добропорядочномъ впредь житіи, отпускала ихъ благополучно домой. Иногда наказаніе производилось еще публичнѣе; для присутствія при экзекуціи вызывалось въ консисторію все городское духовенство, и при этомъ не видно, чтобы такое позорное наказаніе употреблялось по случаю какого-нибудь особенно важнаго преступленія; такъ наприм. въ 1726 г. ему подверглись въ московской дикастеріи трое московскихъ священниковъ за неподачу въ срокъ метрическихъ книгъ. Въ 1738 г. св. Синодъ выдалъ указъ при наказаніи плетьми монашествующихъ лицъ въ собраніи братій или сестеръ производить это наказаніе въ особомъ мѣстѣ, дабы не всякій мірянинъ могъ видѣть экзекуцію (1); но указъ этотъ относился собственно къ домашнему монастырскому наказанію по распоряженію монастырскаго начальства и для консисторіи былъ не писанъ, особенно относительно бѣлаго духовенства. О послѣд-

(1) П. С. З. X, 7660.

немъ не встрѣчаемъ никакихъ распоряженій, которыя бы обнаруживали въ духовной администраціи какое-нибудь сознаніе о неприличіи тѣлеснаго наказанія для лицъ, облеченныхъ св. саномъ. Можно указать развѣ на одинъ указъ 1749 г. (12 сент.), которымъ запрещено было по духовному вѣдомству чинить экзекуціи въ праздничные и викторіальные дни (1); но въ основѣ этого указа лежитъ очевидно другая мысль. Высѣченный плетьми священникъ, или дьяконъ вовсе не считался опозореннымъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, снова отправлялся въ свой приходъ продолжать свое служеніе. Между духовенствомъ тѣлесное наказаніе считалось даже менѣе важнымъ, чѣмъ наприм. нѣкоторые роды наказанія тюрьмою.

Содержаніе въ тюрьмѣ или колодничей имѣло разныя степени. Начиная отъ простаго заключенія въ тюрьму на хлѣбъ и на воду на нѣсколько дней, наказанія, имѣвшаго какой-то школьный характеръ, идетъ длинный рядъ этихъ степеней до содержанія въ тюрьмѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ цѣпяхъ. Цѣпи для этого употреблялись тоже разныя, ручныя и ножныя, большія и малыя; кромѣ цѣпей на арестанта надѣвались иногда колодки и рогатки тоже разной величины и формы, а чтобы онъ не кричалъ или не говорилъ какихъ-нибудь противностей, въ ротъ его вкладывалось особое, спеціально для этого назначенное орудіе. Всѣ эти вещи, колодки, цѣпи и проч. числились, какъ и плети, въ числѣ необходимыхъ статей канцелярскихъ расходовъ. Осужденнаго на цѣпи приковывали этими цѣпями къ стѣнѣ или къ столбу за руку или за ногу, а то даже и за шею, или просто только заковывали въ нихъ по рукамъ и по ногамъ. Тяжесть цѣпей была иногда громадная. Одинъ арестантъ московской консисторіи жаловался въ 1745 г. синодальной конторѣ, что на него наложили двѣ цѣ-

(1) Изд. въ Странник. 1869 г. февр. стр. 99.

ни, одну въ 6, другую въ 9 пудовъ, да еще желѣза на ноги. Цѣпи снимались только въ пасху; въ другое время арестантъ долженъ былъ постоянно носить ихъ на себѣ, даже если отпрашивался у консисторіи за стѣны тюрьмы на базаръ, или для посѣщенія близкихъ людей. Въ 1728 г. св. Синодъ въ бытность свою въ Москвѣ замѣтилъ по улицамъ нѣсколько такихъ колодниковъ, конвоируемыхъ консисторскими солдатами, и „разсуждая, что отъ сего людемъ свящ. чина наносится немалая обида и можетъ произойти нареканіе и посмѣятельство, опредѣлилъ впредь священнаго и монашескаго чина людей скованныхъ по улицамъ не водить". Но этотъ указъ едвали гдѣ-нибудь исполнялся, кромѣ Москвы; по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ консисторскіе арестанты продолжали оглашать городскіе стогны звономъ своихъ цѣпей въ теченіе всей первой половины XVIII столѣтія. Самымъ ужаснымъ родомъ тюремнаго заключенія было вѣчное заключеніе въ тюрьму при какомъ-нибудь отдаленномъ монастырѣ съ запрещеніемъ всякаго изъ нея выхода, даже иногда для богослуженія въ церковь, и всякаго рода сношеній съ кѣмъ бы то ни было. Такое наказаніе было впрочемъ спеціальнымъ по дѣламъ тайной канцеляріи и постигало преимущественно людей, облеченныхъ высшимъ духовнымъ саномъ. Тайная канцелярія при этомъ благоразумно распоряжалась не давать такимъ арестантамъ ничего остраго и накрѣпко наблюдать за ними, чтобы они не могли учинить своему здравію какого-нибудь поврежденія.

Бѣлое духовенство ссылалось въ монастыри на такъ называемый „подначалъ", на монастырскіе труды. Время монастырскаго подначала обозначалось или опредѣленнымъ срокомъ, — на полгода, на годъ, или неопредѣленно „до указа", „донележе въ чувствіе пріидетъ", или „донележе отъ пьянства престанетъ и покажетъ воздержное житіе". Подначальный священнослужитель обязывался иногда служить въ монастырской церкви, но большею частію подвергался лишенію

всякаго права священнослуженія, рукоблагословенія и косновенія епитрахиля, оставаясь только при исполненіи церковныхъ обязанностей по клиру. Наказаніе это, употребляющееся и доселѣ, въ XVIII в. соединялось съ большимъ страданіемъ и униженіемъ для виновныхъ. Въ консисторскихъ опредѣленіяхъ писалось: „велѣть его содержать въ тягчайшихъ монастырскихъ трудахъ“, или „въ тягчайшей поваренной работѣ, при чемъ ему рубить дрова, носить воду, муку сѣять“ и проч. Всѣ эти работы нѣкоторымъ подначальнымъ опредѣлялось производить даже въ цѣпяхъ. „Прозвище мукосій, читаемъ въ Описаніи кіевской консисторіи XVIII в., было ужаснымъ клеймомъ для человѣка на цѣлую жизнь, и похвальба: підешь муку сіять, была слишкомъ грознымъ предостереженіемъ въ ссорахъ... Сосланный на покуту оффиціально назывался въ монастырѣ ссыльнымъ, арестантомъ; прислуга монастырская помыкала имъ, какъ своимъ слугой, припоминала ему въ насмѣшку панихиды и обѣды у крестьянъ, книши и куры, звала его попомъ; каждый слымакъ (послушникъ) считалъ себя выше его, потому что самъ былъ членомъ того общества, которому священникъ этотъ присланъ въ услуги. Такъ проживали эти лица здѣсь по году и болѣе. А въ деревнѣ, въ его приходѣ, теперь отданномъ другому священнику, остаются его дѣти и жена безъ хлѣба и пріюта. Это была дѣйствительно каторга, а не эпитимія, ожесточеніе, а не исправленіе, самый неудачный пріемъ тогдашняго патріархальнаго суда“.

Кромѣ монастырей духовныхъ лицъ нерѣдко за разныя вины отсылали на труды или работы въ архіерейскій домъ, гдѣ они должны были подвергаться едвали еще не большему отягощенію и униженію, чѣмъ въ монастыряхъ. Въ 1729 г. одинъ дьякъ черниговской епархіи жаловался гетману, что его противузаконно хотятъ взять въ архіерейскій домъ на покуту за то, что онъ когда-то былъ дьякомъ при попѣ, зятѣ его роднаго брата, хотя и отказался уже отъ дьяков-

ства. „Взяли было меня, писалъ онъ, вмѣстѣ съ другими дьячками для заточенія въ Вертегу, въ Черниговъ; и услыхалъ я тамъ отъ отпущенныхъ уже изъ Вертега дьячковъ, что въ томъ дворцѣ дьячки терпятъ великое мученіе отъ рубки дровъ на винокурню и отъ дѣланія ѣзовъ по Днѣпру, страдая въ тоже время отъ голода и холода; и ушелъ я изъ Чернигова, услыхавъ все это, и тогда же отказался отъ дьяковства; но намѣстникъ прислалъ архіерейскій указъ, чтобы забить меня въ колодки и выслать въ Черниговъ; а я уже не дьякую больше, отказавшись отъ этого мѣста, какъ и другіе, которымъ нечѣмъ было откупиться; а которые откупились, такъ и теперь дьякуютъ: дьякъ с. Машева, поповъ зять, далъ 7 рублей, такъ ему и письмо дали на дьяковство“ (1). Священнослужители въ архіерейскомъ домѣ несли тѣже работы, какъ и дьячки или ставленики. Кромѣ работъ по хозяйству и домовому порядку, рубки дровъ, всякаго рода чистки и т. д., бывали иногда работы весьма оригинальныя. Есть одно любопытное преданіе объ устюжскомъ епископѣ Варлаамѣ Скамницкомъ (1748—1761), который извѣстенъ въ устюжской исторіи страстью къ постройкамъ и крутымъ обращеніемъ съ духовенствомъ. При немъ построено было архіерейское село Богородское съ архіерейской дачей и прудами, которые своими излучинами изображали буквы Е В (епископъ Варлаамъ); преданіе говоритъ, что эти затѣйливые пруды были вырыты не руками наемниковъ и архіерейскихъ крестьянъ, а руками провинившихся духовныхъ лицъ, и что отъ этой работы, которую духовенство называло египетскою, не освобождались ни молодые, ни старики. Въ одно время съ нимъ на вологодской каѳедрѣ былъ Серапіонъ Лятушевичъ, о которомъ тоже почти самое разсказываетъ вологод-

(1) Р. Арх. 1871 г. XI, стр. 1893: Очерки изъ быта Малороссіи.

ское преданіе (1). Въ Тобольскѣ тяжелымъ работамъ по архіерейскому дому духовенство подвергалось по резолюціямъ извѣстнаго тобольскаго митрополита Павла Конюскевича (2). Въ Тамбовѣ при епископѣ Пахоміѣ, извѣстномъ своею страстью къ колоколамъ, на долю провинившихся духовныхъ лицъ выпадало множество работъ по колоколитному заводу. Изъ историческихъ описаній разныхъ семинарій можно также видѣть, какъ нѣкоторые ревнители духовнаго просвѣщенія изъ русскихъ архипастырей посылали виновныхъ священно-и-церковно-служителей на работы въ семинаріяхъ, гдѣ эти подначальныя лица должны были исправлять всѣ обязанности семинарскихъ служителей (3).

Духъ времени и крайнее униженіе духовенства предъ духовной администраціей налагали свою печать даже на духовныя наказанія, разнаго рода эпитиміи. Послѣднія тоже носили иногда чрезвычайно унизительный характеръ. Наприм. въ 1728 г. два священника иркутской епархіи похоронили на общемъ кладбищѣ тѣло одного изъ казненныхъ преступниковъ, которыхъ обыкновенно хоронили въ убогихъ домахъ; епархіальное начальство распорядилось, чтобы виновные своими руками вырыли трупъ изъ могилы и перенесли его въ убогій домъ въ городъ на своихъ плечахъ (за 18 верстъ отъ мѣста погребенія) (4). Не приводя другихъ примѣровъ въ этомъ родѣ, укажемъ въ подтвержденіе нашей мысли на то, какъ подъ вліяніемъ обычной педагогической и канцелярской системы устрашенія извращена была извѣстная старинная форма церковнаго

---

(1) Волог. епарх. вѣд. 1869. № 14—15.

(2) Страни. 1868. XI, 75—76.

(3) Наприм. въ костромской семинаріи при преосв. Дамаскинѣ (1758—1769). Р. Педаг. вѣстн. 1858. V: Корресп. изъ Рязани. стр. 25.

(4) Ирк. епарх. вѣд. 1863. № 44.

покаянія, состоявшая въ назначеніи виновному извѣстнаго времени для испрошенія у Бога прощенія въ грѣхѣ и опредѣленнаго числа поклоновъ; подъ вліяніемъ канцелярскихъ правовъ она обратилась въ безнравственное наказаніе молитвой. Консисторскія резолюціи назначали число поклоновъ совершенно въ тѣхъ же фразахъ, какъ наприм. назначали число ударовъ плетью или батогомъ: „за таковую продерзость на страхъ, чтобъ и другіе таковыхъ продерзостей чинить не отваживались, положить такому-то столько-то поклоновъ". На страхъ другимъ виновный съ своей покаянной молитвой выставлялся на публичный позоръ и долженъ былъ отсчитывать назначенное число поклоновъ въ приходской церкви или монастырѣ во время богослуженія большею частію предъ иконостасомъ и рѣдко въ алтарѣ. Наприм. въ 1738 г. петербургскіе жители и духовенство могли видѣть въ Троицкомъ соборѣ, какъ первенствующій протоіерей клалъ 1200 поклоновъ за то, что во время пріобщенія младенца неосторожно допустилъ пролиться изъ устъ пріобщаемаго каплямъ крови Христовой (¹). Судя по числу поклоновъ, назначавшемуся духовнымъ начальствомъ (отъ 500 до 1200), нужно думать, что при опредѣленіи этого наказанія имѣлось въ виду и физическое страданіе молящихся.

Самымъ тяжкимъ наказаніемъ для духовнаго лица было, разумѣется, изверженіе изъ св. сана. Въ приговорахъ писалось: „лишить священства и, на головѣ его волосы остригши и одѣвъ въ простое мужицкое платье, такожъ и отобравъ отъ него ставленую грамату къ дѣлу для написанія на ней, за что и когда священства лишенъ, отослать его для написанія въ подушный окладъ". Замѣчательно, что до 1765 г. лишеніе сана производилось безъ всякаго сношенія съ св. Синодомъ на основаніи одного консисторскаго указа и среди постоянныхъ разборовъ духовенства было

(¹) Ист.-стат. описан. спб. епарх. II, 218.

страшнымъ оружіемъ въ рукахъ безконтрольной въ этомъ отношеніи епархіальной власти, тѣмъ болѣе, что, вслѣдствіе многолюдства въ духовномъ чинѣ и извѣстной намъ легкости при отысканіи кандидатовъ на праздныя мѣста, епархіальная власть не имѣла особенно настоятельныхъ побужденій дорожить духовенствомъ. Къ царствованію Екатерины II накопилось столько жалобъ разстриженныхъ священно-служителей на произволъ епархіальныхъ начальствъ, что св. Синодъ пришелъ по его собственному сознанію въ немалое затрудненіе при ихъ рѣшеніи (1).

Неизбѣжными результатами очерченной нами системы управленія были полный разрывъ между властями и подчиненными и парализація нравственныхъ силъ духовенства. Случилось тоже и въ духовномъ мірѣ, что было въ кругу свѣтской администраціи; вся эта масса тяглаго духовенства встала къ своимъ властямъ въ отрицательное отношеніе, главной задачей котораго было какими бы то ни было способами уйти отъ этихъ властей, прятать отъ нихъ всѣ свои дѣйствія и мысли, сталкиваться съ ними какъ можно меньше, гдѣ надобно обманывать ихъ, запираться, лишь бы остаться не тронутымъ и безъ суда. Съ другой стороны сама духовная власть, потерявъ духовную близость къ подчиненнымъ и всякій доступъ къ ихъ довѣрію и къ знакомству съ ихъ дѣйствительной, неоффиціальной жизнью и дѣятельностью, все болѣе и болѣе должна была ограничиваться грозными инспекторскими отношеніями къ нимъ, замыкаться въ своемъ одинокомъ величіи и недоступности, въ ущербъ общему дѣлу духовнаго служенія оставаться при однихъ безплодныхъ для этого дѣла эгоистическихъ интересахъ іерархической власти и дисциплины. Дѣло духовнаго служенія весьма часто при этомъ должно было мотивироваться не столько внушеніями религіознаго

---

(1) П. С. З. XVII, 12171.

долга и живыхъ убѣжденій, сколько дисциплинарнымъ началомъ исполненія указовъ, сводиться къ чему-то въ родѣ канцелярской очистки дѣлъ больше по формѣ, чѣмъ по самой ихъ сущности. Замѣчательно, что наиболѣе выразительные факты живой и самостоятельной дѣятельности духовенства встрѣчаемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ іерархическая централизація была слабѣе, гдѣ духовенство не было подавлено тягломъ и канцеляризмомъ консисторій и правленій, сохранило остатки собственной иниціативы и самоуправленія, наприм. въ югозападной украйнѣ. Чѣмъ ближе подвигаемся къ центрамъ іерархической власти, тѣмъ эти факты встрѣчаются рѣже. До какой степени была убита иниціатива духовенства въ самыхъ этихъ центрахъ, можно видѣть хоть изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1732 г. жители Петербурга и его окрестностей не знали, куда дѣваться отъ жару и засухи, и боялись страшнаго неурожая. Св. Синодъ выдалъ указъ духовенству молиться о низпосланіи дождя; въ слѣдующемъ году такой же указъ посланъ въ Москву, гдѣ тоже была засуха. Духовенство обѣихъ столицъ усердно исполняло этотъ указъ и продолжало молиться о дождѣ не толь[illegible]33, но [illegible]дующемъ году, когда дождя [illegible] уже вов[illegible]е надобно; прекратить эти моленія оно не смѣло безъ новаго указа. Уже въ іюлѣ 1734 г., обезпокоенный докладами по этому предмету, приходившими съ разныхъ сторонъ, св. Синодъ рѣшился предоставить подобныя моленія на благоусмотрѣніе мѣстныхъ духовныхъ властей по соображенію съ мѣстными нуждами и выдалъ въ этомъ смыслѣ новый указъ, въ которомъ сочелъ нужнымъ съ величайшей подробностію растолковать духовенетву, чтобы оно приносило свои просительныя молитвы „весьма осмотрительно и разсудительно, въ каковыя времена“, и по распоряженію мѣстныхъ духовныхъ начальствъ. „Если когда подлинно бездождіе будетъ и отъ того плодъ земной въ состояніи потребномъ быть не можетъ, тогда приносить молитвы о плодоносномъ дождѣ;

а буде въ самое настоящее время, когда земной плодъ лучше имѣетъ состоять въ ведрѣ, а тогда будетъ безведріе, то молиться о благополучномъ ведрѣ; да и въ тѣ самыя времена, когда потребно будетъ признаваться отъ духовныхъ властей ко Господу Богу оное моленіе, и тѣмъ духовнымъ властямъ съ знающими конечно всякое земледѣльство людьми имѣть о томъ согласіе, надлежитъ ли оное прошеніе имѣть и какъ землѣ, такъ и имѣющемуся въ ней плоду дождь или ведро потребно ли быть имѣетъ“ и проч. (1).

Припомнимъ при этомъ, что всѣ высшіе начальственные посты въ духовной администраціи заняты были лицами изъ особаго изолированнаго класса духовнаго чина, изъ лицъ монашествующихъ. При такомъ важномъ условіи нравственный разрывъ между духовенствомъ и властями имѣлъ въ результатѣ вредный для Церкви разладъ внутри всего духовнаго чина, между двумя его половинами, классомъ привиллегированнаго монашествующаго и тяглаго бѣлаго духовенства, разладъ, начальные слѣды котораго уходятъ въ очень отдаленное время, когда разстрига псковскій дьякопъ сталъ во главѣ противуіерархическаго и противумонашескаго дви[illegible] новгородскіе протопопы и попы [illegible] движенію жидовствующихъ, а ростовскій попъ Скрипица протестовалъ противъ церковнаго тягла на московскомъ соборѣ 1504 г. Въ XVIII в. епархіальная централизація и сила епархіальныхъ властей настолько уже успѣли развиться, что подобные протесты были рѣшительно невозможны и духовенство должно было безмолвно переносить свое жалкое униженіе и административное безправіе. Но оно хорошо чувствовало тяжесть своего положенія и его раздраженіе должно было тѣмъ болѣе усиливаться, чѣмъ было затаеннѣе. Мы увидимъ, что оно не замедлило высказаться со всей своей рѣзкостью,

---

(1) Ист.-стат. опис. спб. епарх. 201—202.

какъ скоро тяглому священнику явилась малѣйшая возможность поднять нѣсколько свою приниженную голову и восклониться отъ стараго тягла. До 60-хъ годовъ XVIII столѣтія духовенству можно было выражать свое недовольство только уходомъ, прятаньемъ отъ властей и ненадежными, какъ мы видѣли, жалобами св. Синоду. До царствованія Анны Іоанновны довольно независимо держался классъ духовенства военнаго и придворнаго вѣдомства, не подчиненный епархіальнымъ властямъ и потому очень для нихъ непріятный. Но въ 1733 г. указомъ 23 января лица полковаго духовенства всѣ приписаны были къ вѣдомству тѣхъ консисторій, въ округахъ которыхъ имѣли свое жительство, и независимымъ осталось одно придворное духовенство. Въ образчикъ тѣхъ столкновеній, какія оно имѣло съ епархіальной администраціей, можно указать здѣсь на одно дѣло 1753 г., производившееся въ московской консисторіи, о дворцовомъ попѣ Семенѣ (1). Консисторія требовала съ него извѣстной уже намъ пошлины на архіерейскихъ пѣвчихъ; попъ Семенъ, разумѣется, отказался выполнить это требованіе и былъ за это посаженъ въ консисторскую тюрьму. По жалобѣ его объ его арестѣ возникло дѣло и дошло даже до кабинета императрицы. На запросъ кабинета консисторія объяснила, что она требовала съ означеннаго попа законнаго сбора, но онъ не только не далъ денегъ, но еще явился въ консисторію пьянымъ, обругалъ канцеляриста и нагрубилъ самимъ членамъ. Попъ же Семенъ съ своей стороны писалъ, что онъ приходилъ въ консисторію по дѣлу, а канцелярист Протопоповъ сталъ съ него требовать денегъ на пѣвчихъ, и онъ попъ объявилъ, что церковь ихъ не ружная, а придворная, и поспорили; когда же объ ихъ спорѣ доложено было присутствію, его попа Семена велѣли посадить въ двойную большую цѣпь, про-

(1) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 1, прим. 299. № 3.

держали два дня и говорили: „ты надѣешься на духовника государыни? Ты на него не падѣйся; ты у насъ въ командѣ, а не у духовника; пусть духовникъ выручитъ, а мы тебя выучимъ“.

Въ такомъ положеніи застала духовенство крупная эпоха 1764 и 1765 годовъ, которая была для него почти тѣмъ же, чѣмъ 19 февраля 1861 г. для нашего крестьянства. Старинный страдалецъ—тяглый служитель престола Божія наконецъ высвободился изъ своего податного состоянія среди духовнаго чина и связаннаго съ этимъ состояніемъ уничиженія и безличности.

Въ манифестѣ 26 февраля 1764 г. объ окончаніи коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ было объявлено: „избавили мы все бѣлое священство отъ сбору имъ раззорительнаго данныхъ денегъ съ церквей, который прежними патріархами былъ уставленъ и по сіе время въ отягощеніе священству продолжался, и оный вовсе сложили, такъ какъ и собираемую часть хлѣба съ монастырей 20-ю, а съ церквей 30-ю на семинаріи, къ немалому оскудѣнію того же священства до сего бывшія, отставили“. Тогда же отмѣненъ былъ и сборъ подможныхъ гривенъ на полковое духовенство (1). За тѣмъ высочайшимъ указомъ 18 апрѣля 1765 г. объявлено: „по прежде бывшихъ патріарховъ установленіямъ и послѣдовавшему потомъ на основаніи оныхъ св. Синода въ 1723 г. опредѣленію, во всѣхъ епархіяхъ положенъ былъ съ производимыхъ въ св. чинъ и въ церковный причетъ, также за ставленыя, епитрахильныя и перехожія пошлинной и другихъ доходовъ сборъ съ таковымъ положеніемъ, что оный долженъ быть на раздѣлъ церковнымъ, также архіерейскихъ домовъ судьямъ и приказнымъ служителямъ“; но теперь „за предписаннымъ на архіерейскіе домы штатнымъ положеніемъ всѣ... положенные съ священно-

(1) П. С. З. XVI, 12060 п. 5. XVII, 12596.

и-церковно-служителей сборы, яко то съ производимыхъ на степени настоятелей, въ архимандриты, игумены, протопопы и іеромонахи, также съ благословенныхъ о строеніи и освященіи церквей, а вдовымъ попамъ и діаконамъ съ епитрахильныхъ и постихарныхъ и перехожихъ граматъ отставить, и тѣхъ епитрахильныхъ и постихарныхъ граматъ не давать, кромѣ только тѣхъ, у которыхъ настоящія при поставленіи ихъ въ тѣ чины утратятся; также и новопосвященнымъ и переведеннымъ въ епархіи архіереямъ прежнихъ данныхъ тѣмъ священно-служителямъ граматъ не подписывать, понеже таковаго обычая и въ древнія времена не было;... а во время архіерейскаго своей епархіи посѣщенія на подводы и на прочее отнюдь не требовать, а поступать въ силу Д. Регламента непремѣнно. Точію съ однихъ въ свящ. чинъ и церковный причетъ поставленныхъ, изъ діаконовъ въ попы, а изъ дьячковъ въ діаконы по 2 руб., а съ дьячковъ и пономарей по рублю, а болѣе того отнюдь ни подъ какимъ видомъ не домогаться, да и самимъ въ оные чины производимымъ ничего болѣе означеннаго положенія никому не давать“ (1). Вмѣстѣ съ этимъ духовенство было освобождено и отъ разныхъ мѣстныхъ сборовъ, установленныхъ самими епархіальными архіереями, наприм. сборовъ на ризницу и пѣвчихъ. Въ московской епархіи духовенство такъ обрадовалось свободѣ отъ церковнаго тягла, что не хотѣло было даже платить и штрафныхъ денегъ, но епархіальная власть скоро возстановила порядокъ, распорядившись нѣсколько человѣкъ упрямыхъ неплательщиковъ высѣчь при консисторіи нещадно плетьми (2). Въ 1771 г. вышелъ указъ, которымъ повелѣвалось „бывшее ставленикамъ при архіерейскомъ домѣ въ работу употребленіе, яко предосудительное и ставленикамъ тягостное,

---

(1) П. С. З. XVII, 12379.

(2) Ист. моск. еп. упр. II, кн. 2. стр. 55—56.

совсѣмъ оставить и впредь къ отягощенію ихъ въ работы не употреблять; самое дѣлопроизводство о поставленіи въ клиръ велѣно производить безъ волокиты, обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ, не отдавая ставленикамъ самихъ дѣлъ для переноса отъ одного епархіальнаго чиновника къ другому, какъ прежде; всѣмъ кандидатамъ тотчасъ производить экзаменъ и негоднымъ отказывать немедленно, не задерживая ихъ производствомъ разныхъ формальностей (1). Сборы клировыхъ денегъ по рублю и по два за производство въ каждую степень и по 4 рубля за всѣ степени оставались въ теченіе всего XVIII и въ началѣ XIX вѣка; къ нимъ прибавлялись еще сборы за граматы, священническую 30 к., дьяконскую 25, церковническую 15—10, кромѣ того за катихизисы, которыми снабжались всѣ ставленики, 25—15 к. (2).

Съ уничтоженіемъ церковнаго тягла стали издаваться указы, имѣвшіе цѣлію измѣненіе и прежнихъ отношеній духовенства къ іерархіи. Однимъ изъ первыхъ указовъ въ этомъ родѣ былъ синодальный указъ 1765 г., которымъ запрещалось архіереямъ безъ разрѣшенія св. Синода лишать священно-служителей св. сана (3). Потомъ указомъ 10 апрѣля 1766 г. высказано осужденіе жестокимъ пріемамъ прежняго епархіальнаго суда и всѣ взысканія по духовному вѣдомству велѣно производить умѣренныя и по соображенію съ человѣческими немощами. Въ слѣдующемъ году указъ этотъ былъ поясненъ новымъ указомъ, запрещавшимъ духовнымъ командамъ подвергать тѣлесному наказанію всѣхъ священниковъ, чтобы чрезъ это они не теряли

---

(1) Тамже, стр. 102—103.

(2) Платежъ этихъ клировыхъ денегъ и за катихизисы аккуратно обозначался въ записныхъ книгахъ о производствахъ при каѳедрѣ. Двѣ такихъ книги есть въ казанской акадѣм. библіотекѣ (№ 13 и 14) за 1785—1803 годы.

(3) П. С. З. XVII, 12471.

должнаго имъ по ихъ пастырскому характеру почтенія отъ общества и паствы (1). Въ 1771 г. освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія въ духовныхъ судахъ распространено и на дьяконовъ (2). Въ 1772 г. вышелъ еще новый указъ о томъ же предметѣ, гдѣ св. Синодъ, жалуясь на то, что предшествовавшіе милостивые указы повели за собой неизбѣжное на первыхъ порахъ ослабленіе въ духовенствѣ дисциплины, изъявлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ твердую рѣшимость непремѣнно держаться ихъ смысла, несмотря ни на что; оказанное, говорилось въ указѣ, „къ священно-служителямъ снисхожденіе и уваженіе ихъ сана подавало св. Синоду надежду, что священно-служители, тому соотвѣтствуя, будутъ вести себя исправнѣе, сходственно съ должностію ихъ пастырскою, но при всемъ томъ изъ дѣлъ въ св. Синодѣ усматривается, что нѣкоторые священно служители ведутъ себя непорядочно, а особливо пьянствуя во многія впадаютъ безчинія и тѣмъ на чинъ духовный наводятъ нареканія и паствы своей бываютъ не примѣромъ добрымъ, но однимъ соблазномъ“; поэтому опредѣлено: не чиня за такія вины прежняго тѣлеснаго наказанія, представлять св. Синоду о лишеніи виновныхъ сана, а дьяковъ выгонять изъ клира и посылать въ свѣтскую команду для опредѣленія въ военную службу, или въ крестьянство, или же на поселеніе, смотря по винѣ (3).

Лучшимъ представителемъ Екатерининскаго поколѣнія русскихъ іерарховъ былъ знаменитый Платонъ московскій, въ свое время стоявшій въ главѣ новаго преобразовательнаго движенія въ духовномъ мірѣ и высоко уважаемый передовыми людьми тогдашняго свѣтскаго общества. Мы уже говорили, какъ онъ старался развить въ духовенствѣ сознаніе личнаго до-

---

(1) П. С. З. XVIII, 12909.
(2) Тамже, XIX, 13609.
(3) Тамже, 13908.

стоинства, благородное честолюбіе и извѣстнаго рода сановитость во всемъ поведеніи, отстранить его отъ слишкомъ близкихъ связей съ подлыми людьми и ввести въ кругъ благородныхъ людей. Съ тоюже цѣлью начальствующимъ лицамъ онъ предписывалъ обращаться съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ безъ униженія послѣдняго. Въ тоже время для возбужденія благороднаго честолюбія и соревнованія между духовенствомъ митрополитъ старался строго наблюдать степени почета среди духовныхъ лицъ, всегда отличалъ священниковъ ученыхъ отъ неученыхъ, заслуженныхъ отъ незаслуженныхъ, штрафованныхъ отъ нештрафованныхъ, требовалъ, чтобы во время служенія и въ другихъ случаяхъ священно-служители занимали опредѣленныя мѣста предстоянія и предсѣданія соотвѣтственно своимъ достоинствамъ. Въ самыхъ наказаніяхъ онъ старался избѣгать униженія виновныхъ; въ благочинической инструкціи велѣно было наказаніе поклонами возлагать на священниковъ и дьяконовъ только въ алтарѣ, вдали отъ взоровъ публики. Въ тойже инструкціи встрѣчаемъ уже ясные слѣды новаго воззрѣнія на наказаніе; видно, что прежняя система застращиванія значительно поколебалась, наказанія получаютъ болѣе мягкій исправительный характеръ и назначаются въ извѣстномъ порядкѣ постепенности по различію провинностей и по числу повтореній одной и тойже вины. О плетяхъ въ ней уже нѣтъ и помину; сначала предписывается дѣлать провинившемуся выговоръ наединѣ, потомъ въ присутствіи другихъ, далѣе слѣдуетъ назначеніе поклоновъ, удержаніе церковнаго дохода, денежный штрафъ или простой, или съ извѣстною записью въ особую штрафную книгу для доношенія преосвященному. Самъ митрополитъ старался обыкновенно испытывать надъ подсудимыми духовными лицами всѣ предварительныя мѣры исправленія и только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгалъ къ представленію въ св. Синодъ о лишеніи ихъ сана. Всѣ эти мѣры къ возвышенію духовенства оказыва-

лись очень успѣшными, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ московскому духовенству (1). Духъ Платоновъ, духъ второй половины XVIII столѣтія распространялся и по другимъ епархіямъ. Такъ наприм. въ Смоленскѣ сохранилась прекрасная память о современникѣ Платона, благодушномъ архипастырѣ Парѳеніѣ; историкъ смоленской епархіи разсказываетъ объ немъ, что онъ снисходительно сносилъ даже очень рѣзкія грубости духовныхъ лицъ, наказанія употреблялъ самыя мягкія, большею частію только для того, чтобы „попугать“, какъ онъ выражался, не дѣлалъ никогда этихъ грозныхъ окриковъ во время богослуженія за ошибки чтецовъ или пѣвцовъ, окриковъ, отъ которыхъ смѣшавшійся въ службѣ еще болѣе смѣшивался и приходилъ въ тупикъ, а публика смущалась и приходила въ соблазнъ; за литургіей въ одной сельской церкви, въ присутствіи преосвященнаго, дьяконъ началъ читать не то евангеліе; — испуганный священникъ дѣлалъ ему всякіе предостерегательные знаки черезъ престолъ, но преосвященный только замѣтилъ ему кротко: „оставь его; теперь и не время и не мѣсто прерывать читающаго; хотя онъ и не то читаетъ, но все равно святое“ (2). Подобные разсказы получаютъ особую выразительность, если ихъ сопоставить наприм. съ разсказами Добрынина о томъ, какъ держали себя при богослуженіи архіереи въ родѣ Кирилла сѣвскаго (3).

Само собою впрочемъ разумѣется, что благодушное и гуманное настроеніе нѣкоторыхъ частныхъ личностей въ средѣ іерархіи, равно какъ и общія распоряженія объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и лучшемъ

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. III, кн. 1, 72. Жизнь м. Платона. стр. 48.

(2) Ист.-стат. опис. смоленск. епархіи. 123. 126—127.

(3) Зап. Г. Добрынина. Русск. стар. 1871 г. февр. 150. март. 252—253.

обращеніи духовныхъ начальствъ съ подчиненными были еще очень ненадежными гарантіями для улучшенія административнаго положенія духовенства. Для достиженія болѣе прочныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ потребны были значительныя преобразованія въ самомъ строѣ епархіальной администраціи. Послѣ упраздненія церковнаго тягла правительство и св. Синодъ не замедлили сдѣлать, нѣсколько преобразовательныхъ попытокъ и въ этомъ родѣ.

Такъ, на первыхъ же порахъ было замѣчено, что бѣлое духовенство лишено было всякаго представительства въ дух. консисторіяхъ, наполненныхъ представителями одного монашествующаго духовенства, и вышелъ именной указъ о назначеніи на должность членовъ консисторій вмѣстѣ съ монахами и священниковъ. Монашествующіе члены однако не вдругъ раздвинули свои ряды, чтобы дать среди себя мѣсто этимъ новымъ членамъ, такъ что въ 1768 г. св. Синодъ долженъ былъ выдать отъ себя о томъ же подтвердительный указъ, въ которомъ говорилось, что онъ усмотрѣлъ „изъ присылаемыхъ изъ епархій о находящихся въ консисторіяхъ присутствующихъ вѣдомостей, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ въ дух. консисторіяхъ въ присутствіи находятся только одни архимандриты и игумены, а изъ протопоповъ и священниковъ никого не имѣется, а понеже и бѣлому священству для прилучающихся дѣлъ неотмѣнно въ духовныхъ консисторіяхъ въ присутствіи быть должно, того ради приказали: въ епархіи къ преосвященнымъ архіереямъ подтвердить указами, дабы во всѣхъ консисторіяхъ для присутствія нынѣ опредѣлены и впредь опредѣляемы были изъ протопоповъ или изъ священниковъ достойные къ той должности непремѣнно“ (1). Послѣ этого въ нѣкоторыхъ консисторіяхъ, наприм. московской, число членовъ изъ бѣлаго духовенства иногда даже

---

(1) П. С. З. XVIII, 13163.

превышало число монашествующихъ; но въ другихъ мѣстахъ новый порядокъ не могъ укорениться до конца XVIII в., наприм. въ кіевской консисторіи въ теченіе всей второй половины этого столѣтія между членами былъ только одинъ бѣлый священникъ (1). Въ 1797 г. импер. Павелъ, какъ извѣстно, очень благосклонный къ бѣлому духовенству, повелѣлъ именнымъ указомъ, чтобы во всѣхъ консисторіяхъ половина членовъ непремѣнно была изъ бѣлаго духовенства (2). Любопытно, что именно въ 90-хъ гг. въ московской консисторіи число монашествующихъ членовъ было постояпно больше числа протоіереевъ; не знаемъ, насколько выполнялся этотъ именной указъ въ другихъ епархіяхъ; по всей вѣроятности его скоро забыли, по крайней мѣрѣ въ Уставѣ консисторій не замѣчаемъ никакихъ слѣдовъ его вліянія, хотя онъ и не былъ никогда отмѣняемъ.

Въ 1764 г. обращено было вниманіе и на канцелярію дух. консисторій. Въ великорусскихъ епархіяхъ, гдѣ свѣтское приказное начало было давно уже развито, канцеляріи консисторій состояли изъ свѣтскихъ канцеляристовъ, повытчиковъ, копіистовъ, писчиковъ и т. п. лицъ; но и здѣсь высшая канцелярская должность очень часто поручалась монахамъ архіерейскаго дома. Указомъ св. Синода 1764 г. всѣ канцелярскія должности велѣно замѣщать свѣтскими приказными, знающими дѣла (3). Въ 1767 г. св. Синодъ усмотрѣлъ многіе въ происхожденіи дѣлъ непорядки въ малороссійскихъ консисторіяхъ; признавая это явленіе слѣдствіемъ того, что всѣ канцелярскія должности тамъ заняты были монахами, незнакомыми съ государственными законами, Синодъ опредѣлилъ распространить силу указа 1764 г. и на Малороссію, писа-

(1) Кіевск. епарх. вѣд. 1862. № 1. стр. 15.
(2) П. С. З. XXIV, 18273 п. 2.
(3) Кіевск. епарх. вѣд. 1862 г. стр. 17, примѣч.

рей консисторскихъ переименовать въ секретарей, а канцеляріи преобразовать на манеръ великороссійскихъ. Но и послѣ этого распоряженія долго еще видимъ тамъ прежнихъ писарей изъ монаховъ; названіе секретарь почему-то тамъ не нравилось и замѣнялось старыми привычными названіями: инстигаторъ судовъ консисторскихъ, акторъ, нотарій и т. п. Въ кіевской консисторіи писари монахи были до конца XVIII в. (1). Остальныя подчиненныя канцелярскія должности дѣйствительно стали заниматься свѣтскими чиновниками и сдѣлались любимымъ притономъ разныхъ не доучившихся и не находившихъ церковныхъ мѣстъ дѣтей духовенства, особенно съ 1793 г., когда св. Синодъ выдалъ указъ преимущественно предъ всѣми кандидатами принимать на консисторскую службу семинаристовъ (2). Консисторская служба для семинаристовъ была даже очень выгодна, потому что съ нея можно было попасть на лучшій приходъ, точно также какъ изъ архіерейскаго хора или изъ архіерейскихъ келейниковъ и лакеевъ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ канцеляріи, такой приказный изъ семинаристовъ съ увѣренностію потомъ подавалъ просьбу на избранный имъ приходъ, представляя въ резонъ то, что его уже пора наградить за службу и церковнымъ мѣстомъ, тѣмъ болѣе что „по дозрѣлымъ лѣтамъ его ему непремѣнно слѣдуетъ одружиться, ибо и еще въ позднѣйшія лѣта жениться будетъ ему совѣстно и почти не надобно“. Изъ этихъ консисторскихъ приказныхъ выходили священники—знатоки всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ; нѣкоторые изъ нихъ посвящали свою приказную опытность на безконечныя кляузы, допосы, судбища, объясненія и т. п., но за то другіе живо выходили въ протопопы, намѣстники и другія должности по епархіальному управ-

---

(1) Тамже, 17—18; сравн. 1864 г. № 13: О каѳедр. монастырѣ и списокъ писарей.

(2) П. С. З. XXIII, 17161.

ленію (1). Мы уже видѣли, что выгоды консисторской службы привлекали къ себѣ не только семинаристовъ, но и академистовъ, не желавшихъ дотягивать до конца своего нелегкаго курса, такъ что для блага духовно-учебныхъ заведеній и духовнаго просвѣщенія правительство въ 1813 г. должно было выдать указъ не кончившихъ курса духовныхъ воспитанниковъ вовсе не принимать въ консисторскую службу (2).

Въ 1768 г. реформы коснулись дух. правленій. По высочайшему указу этого года коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ занялась важнымъ вопросомъ, насколько нужны эти правленія въ томъ или другомъ мѣстѣ, чтобы опредѣлить ихъ штатами (3). Работы ея по этому вопросу остались не окончеными и правленія остались на прежнемъ положеніи. Черезъ 10 лѣтъ послѣдовало относительно ихъ повое распоряженіе, которое по своему характеру совершенно отступало отъ распоряженій относительно консисторій; указомъ св. Синода велѣно было всѣ правленія перевести въ ближайшіе по приличію мѣсть монастыри, потому что въ приватныхъ домахъ имъ быть опасно (4). Послѣ этого во главѣ ихъ, разумѣется, должны были встать настоятели монастырей, а бѣлому духовенству оставались въ нихъ лишь одни второстепенныя и мало вліятельныя мѣста членовъ. Въ московской наприм. епархіи при м. Платонѣ утвердился такой порядокъ: главою правленія состоялъ всегда настоятель монастыря, при которомъ оно существовало, а въ товарищи къ нему опредѣлялись двое священниковъ отъ ближайшихъ церквей по назначенію преосвященнаго; канцелярія составлялась изъ приказныхъ по назначенію консисторій (5). Такимъ образомъ бѣлое духовенство и теперь

---

(1) Кіев. епарх. вѣд. 1862 г. стр. 28—29.
(2) П. С. З. XXXVI, 25506. Скоро отмѣненъ: 25708.
(3) Тамже, 13124. Опис. кіевософ. соб. прилож. № 44.
(4) П. С. З. 14813.
(5) Ист, моск. епарх. упр. III, кн. 1, 36—37.

не освободилось отъ административнаго преобладанія надъ нимъ монашествующихъ лицъ, несмотря на то, что нѣкоторые указы правительства возбуждали въ немъ большія надежды относительно этой свободы; ему оставалось удовлетвориться пока только тѣмъ, что послѣ отобранія монастырскихъ вотчинъ въ казну монашество потеряло много своей прежней силы и въ обращеніи съ нимъ должно было значительно понизить свой прежній высокій тонъ.

Тяжесть епархіальной администраціи для духовенства зависѣла впрочемъ не столько отъ личностей, которыя стояли въ числѣ ея представителей, сколько отъ самой системы, по которой оно построевалось. Управитель или членъ консисторіи изъ протоіереевъ могъ быть столько же тяжекъ для духовенства, какъ и архимандритъ во времена крѣпостнаго права монастырей, а какіе-нибудь секретари и канцеляристы консисторій изъ изключенныхъ семинаристовъ, при ихъ ничтожныхъ окладахъ кормившіеся отъ дѣлъ, едвали были не тяжелѣе консистористовъ изъ братіи каѳедральнаго монастыря, которые по крайней мѣрѣ кормились на общій братскій счетъ своего монастыря и пользовались взятками уже для одной роскоши. Современники, какъ большею частію бываетъ, этого не замѣчали и всѣ недостатки администраціи сваливали на тотъ классъ духовенства, который издавна имѣлъ въ своихъ рукахъ монополію власти. Самая духовная власть осталась совершенно въ томъ же видѣ, какъ прежде, съ тѣмъ же первобытнымъ своимъ патріархально-бюрократическимъ характеромъ, тоюже безконтрольностью, тѣмъ же смѣшеніемъ въ ея функціяхъ права и морали, юридическихъ и религіозныхъ воззрѣній, а въ ея органахъ всѣхъ полномочій администраціи и суда, не ограниченная въ своемъ всегдашнемъ стремленіи разширяться книзу, къ давленію на подчиненныхъ никакими ясными и опредѣленными законами, изключая развѣ только запрещенія тѣлесныхъ наказаній и слишкомъ общихъ фразъ о кротости къ

подчиненнымъ и о взысканіяхъ съ нихъ по соображенію съ человѣческими немощами. Недостатокъ этихъ законовъ, которые должны были опредѣлять отправленія власти, такъ былъ великъ, что сами епархіальные архіереи крайне имъ тяготились, не имѣя при этомъ основаній, по которымъ могли бы направлять дѣятельность подчиненныхъ своихъ органовъ, и должны были восполнять этотъ недостатокъ собственными инструкціями. Такимъ образомъ архіерей дѣлался не только правителемъ и судіей для своей епархіи, но и законодателемъ, такъ что каждая епархія и при каждомъ новомъ архіереѣ могла имѣть свой особенный, болѣе или менѣе полный кодексъ законовъ, издававшихся и отмѣнявшихся по усмотрѣнію архіерея. Таковы напримѣръ извѣстныя инструкціи благочинным м. Платона и м. Гавріила, изъ которыхъ первая получила значеніе обязательное для всѣхъ епархій, но уже въ началѣ текущаго столѣтія. Консисторіи получили общій уставъ еще позже въ 1841 г., а до этого времени дѣйствовали тоже по частнымъ инструкціямъ и распоряженіямъ епархіальныхъ архіереевъ и по подражанію свѣтскимъ присутственнымъ мѣстамъ и были почти такой же домашними канцеляріями архіереевъ, какъ [illegible]инные архіерейскіе приказы.

При такихъ [illegible] вся епархія обращалась въ какое-то часть[illegible]е своего архіерея, гдѣ вся его административ[illegible]ельность носила характеръ его личнаго домашня[illegible]ла, въ которое никто не долженъ былъ вмѣшива[illegible], архіерей XVIII столѣтія могъ говорить духовенству о своихъ полномочіяхъ тоже самое, что въ XVII столѣтіи говорилъ Іосифъ коломенскій: „кто васъ у меня отниметъ? Не боюсь никого; ни царь, ни патріархъ у меня васъ не отниметъ“ (1). Всякая тѣнь контроля надъ епархіальнымъ управленіемъ казалась епархіальнымъ архіереямъ уже

(1) Истор. Россіи, Соловьева. XIII, 154.

несправедливостію, нарушеніемъ ихъ патріархальныхъ правъ. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины вышелъ указъ — завести при архіерейскихъ домахъ шнуровыя книги для описей домоваго имущества (1), и вотъ что писалъ по этому поводу знаменитѣйшій изъ русскихъ іерарховъ м. Платонъ въ письмѣ къ преосв. Амвросію: „что вы думаете о недавно изданномъ указѣ о имуществѣ домовъ нашихъ? Можетъ ли что быть несправедливѣе и нелѣпѣе“? Въ другихъ письмахъ его находимъ выразительныя жалобы даже на то, что у архіереевъ отнята власть надъ секретарями консисторій, потому что ихъ нельзя было ни опредѣлить, ни уволить по одному архіерейскому усмотрѣнію безъ доклада св. Синоду. „Наше несчастіе, что и секретаря противу воли держимъ и уволить не смѣемъ“. „О секретарѣ моемъ (по поводу доклада митрополита объ его увольненіи) надобна еще выписка; она и есть, по я думалъ: довольно, чтобъ мнѣ, главному его командиру, представить, что [illegible] знаю неспособнымъ и онъ *мнѣ не угоденъ*, преосв. Амвросію представлять—это похоже, какъ-бы мнѣ съ [illegible]но жребіемъ судиться. Посмотрю;—кажется, лучше [illegible]е, нежели захотѣть съ нимъ въ судъ[illegible]. 1803 г. вышелъ указъ, предоставляющій [illegible] присутственнымъ мѣстамъ опредѣлять себѣ [illegible]ь утвержденія мѣстнаго губернатора, но [illegible]ля относительно замѣщенія должности секретаря [illegible]асторскихъ признано за нужное удержать [illegible] прежнія узаконенія—замѣщать эти должности по указу св. Синода (2). „Мы было по указу надѣялись, писалъ митрополитъ, что насъ не поставятъ хуже губернаторовъ, но теперь вышелъ другой указъ для насъ изключительный. Но быть тому такъ; сіе не новое, а старое—терпѣть предъ

(1) П. С. З. XXII, 16688.
(2) Переписку эту см. въ Прав. обозр. 1870 г.
(3) П. С. З. XXVII, 20834.

свѣтскими униженіе... Примѣтно очень, что желается, подчинивъ во всемъ секретарей, подчинить себѣ чрезъ нихъ и консисторію и правленіе все... Видно, что едвали не находить одного утѣшенія въ терпѣніи. Сей нашъ характеръ, сія кавалерія, крестъ". Нельзя не видѣть, что предъ очами митрополита, ознаменовавшаго свое святительство значительнымъ возвышеніемъ духовенства, пріобрѣтшаго память отца своихъ подчиненныхъ, предносился нисколько неизмѣнившійся въ основныхъ чертахъ, старый патріархальный идеалъ епархіальной власти, который требовалъ безграничныхъ полномочій для ея усмотрѣнія, все благо епархіи основывалъ не на юридическихъ основаніяхъ опредѣленныхъ правилъ и стройныхъ учрежденій, а на добродушномъ довѣріи къ благонамѣренности, прозорливости и опытности главнаго начальствующаго лица.

Этотъ старый идеалъ власти былъ до того еще силенъ, несмотря на всѣ потерпѣнные имъ удары со стороны новыхъ юридическихъ понятій XVIII вѣка, что успѣлъ оказать свое вліяніе не только на практику, но и на самыя учрежденія епархіальнаго управленія, все болѣе и болѣе развивая его подавляющую централизацію. Въ то самое время, когда провозглашена была свобода духовенства отъ старинаго церковнаго тягла и правительство хлопотало о допущеніи его къ участію въ консисторскомъ управленіи, развитіе епархіальной централизаціи лишало его единственной, хотя и слабой, гарантіи его отъ тяжестей администраціи,—права выбора низшихъ епархіальныхъ властей. О выборѣ членовъ консисторіи не могло быть и рѣчи; но духовенство нерѣдко избирало прежде членовъ духовнаго правленія, по всѣмъ правамъ могло бы избирать ихъ и послѣ штатовъ 1764 г., потому что правленія не получили штатныхъ окладовъ и остались на содержаніи духовенства, притомъ же объ отмѣнѣ этихъ выборовъ не говорилось ни въ какихъ указахъ; и все-таки выборы эти пали вскорѣ же послѣ штатовъ. Главный управитель, большею

частію лице монашествующее, особенно послѣ приведеннаго указа о помѣщеніи правленій въ монастыряхъ, самъ по себѣ уже не подлежалъ выборамъ бѣлаго духовенства. Его товарищи изъ священниковъ ближайшихъ церквей хранили по мѣстамъ свое выборное значеніе даже еще въ 1770-хъ годахъ, какъ это было по крайней мѣрѣ въ московской епархіи; но въ тоже время епархіальная власть имѣла полную возможность замѣщать ихъ должности помимо всякихъ выборовъ, по своему собственному усмотрѣнію. Самые выборы только снисходительно ею допускались и притомъ для ея же собственнаго облегченія, получили характеръ простой рекомендаціи кандидатовъ, нисколько не обязательной для архіерейскаго благоусмотрѣнія; при Амвросіи Зертисъ-Каменскомъ вошло даже въ обычай на одно и тоже мѣсто выбирать по нѣскольку кандидатовъ для представленія ихъ на окончательный изъ нихъ выборъ архіерею. Въ 1768 г. въ одной десятинѣ духовенство выбрало на должность управителя двоихъ священниковъ; преосв. Амвросій утвердилъ одного изъ нихъ по жребію, но жребій оказался въ пользу кандидата, который былъ хуже въ глазахъ духовенства, что послѣднее и не замедлило заявить владыкѣ. Владыка однако не предпочелъ мнѣнія духовенства жребію и принялъ заявленіе противъ сдѣланнаго имъ утвержденія даже за дерзость; всѣмъ виновнымъ въ этой дерзости священникамъ опредѣлено было положить по 50 земныхъ поклоновъ при собраніи ближайшихъ къ ихъ заказу священно-и-церковно-служителей (1).

Мы упоминали также, что съ отмѣненіемъ института поповскихъ старостъ выборное начало пало и въ низшей области окружнаго епархіальнаго управленія. Въ благочинической инструкціи м. Платона благочин-

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. II, ч. 2, прим. 237. III, 1, 36—37.

ный опредѣляется, какъ „избранная по усмотрѣнію и изволенію архіерейскому особа изъ достойныхъ, разумомъ и добродѣтелію предъ другими преимуществующихъ священниковъ для наблюденія“ и т. д. На этомъ основаніи избраніе благочинныхъ предоставлялось консисторіи или дух. правленіямъ, которыя представляли на утвержденіе архіерея 3-хъ или 4-хъ кандидатовъ съ показаніемъ ихъ качествъ и служебныхъ заслугъ (1). Въ концѣ XVIII столѣтія по поводу извѣстнаго намъ участія духовенства въ крестьянскихъ бунтахъ вышелъ высочайшій указъ объ усиленіи надзора за благочиніемъ и нравственными качествами духовенства, который еще болѣе утвердилъ этотъ порядокъ замѣщенія благочинническихъ должностей по усмотрѣнію мѣстныхъ архіереевъ (2). Избраніе благочинныхъ духовенствомъ сохранялось до начала нынѣшняго столѣтія въ одной только югозападной Россіи, особенно въ бывшихъ польскихъ владѣніяхъ (3). Въ 1805 г. отъ 5 октября встрѣчаемъ замѣчательный указъ св. Синода для кіевской епархіи, въ которомъ св. Синодъ призналъ нужнымъ сдѣлать для нея изключеніе изъ общаго порядка назначенія благочинныхъ и дозволилъ выбирать ихъ самому духовенству „по примѣру, какъ избираются дворянскіе, купеческіе и мѣщанскіе чиновники“ (4). Но чрезъ нѣсколько времени право выбора благочинныхъ духовенство потеряло и здѣсь по всей вѣроятности въ 1820 г., когда вышелъ новый высочайшій указъ объ усиленіи благочиннаго надзора по поводу нѣкоторыхъ пьяныхъ скандаловъ духовенства въ вологодской, псковской и ярославской

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. III, кн. 1, 37. 171.

(2) П. С. З. XXIV, 17958.

(3) См. наприм. Кіевск. епарх. вѣд. 1861 г. № 14. 1862. № 23. 1864. № 6

(4) Въ указѣ м. Евгенія кіевск. консисторіи. Изд. въ Прав. обозр. 1863 г. X. замѣтки: 92—93.

епархіяхъ и въ кишеневскомъ уѣздѣ. На основаніи этого указа св. Синодъ распорядился, чтобы архіереи наблюдали особенную внимательность въ назначеніи достойныхъ людей на должность благочинныхъ, поелику „благочинные суть окомъ архіереевъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся церковнаго надзора“ (1).

Черезъ 5 лѣтъ послѣ этого указа одинъ печальный случай заставилъ правительство и св. Синодъ снова обратить вниманіе на благочинныхъ. Въ бытность имп. Александра Павловича въ Москвѣ въ 1825 г. здѣсь опился одинъ пріѣзжій дьяконъ; случай этотъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе на государя; графъ Аракчеевъ передалъ св. Синоду требованіе императора, чтобы обращено было серьезное вниманіе на поведеніе духовенства, а св. Синодъ распорядился объ изданіи подробныхъ правилъ „о воздержаніи духовенства отъ неприличныхъ сану ихъ случаевъ“. Составленіе этихъ правилъ, ближайшимъ образомъ касавшихся благочинническаго надзора, поручено было извѣстному знатоку церковной археологіи и каноники, кіевскому м. Евгенію. Знаменитый архипастырь прямо обратился къ забытому выборному началу въ духовенствѣ, какъ лучшей гарантіи плодотворнаго благочинническаго надзора, и проектировалъ въ своихъ правилахъ: „избраніе въ кандидаты на вакансіи благочинныхъ производить окружнымъ священно-и-церковнослужителямъ изъ среды священниковъ такихъ, кои ближе извѣстны имъ по образу жизни, безпристрастію, расторопности, опытности въ дѣлахъ церковныхъ и въ знаніи церковныхъ правъ“, въ присутствіи члена консисторіи или дух. правленія, но этимъ членамъ „въ оное избраніе ни тайнымъ, ни явнымъ образомъ не вмѣшиваться, а наблюдать только за чиннымъ порядкомъ выборовъ;... изъ присутствующихъ въ консисторіяхъ и духовныхъ правленіяхъ въ благочинные, какъ

(1) П. С. З. XXXVII, 28373.

донынѣ было, не назначать, ибо сія исполнительная должность съ судейскою не совмѣстна; на семъ основаніи выбирать также кандидатовъ на вакансіи въ увѣщатели подсудимыхъ, въ депутаты и духовники, а ежели епархіальное начальство признаетъ нужнымъ, то и въ присутствующіе консисторіи и дух. правленій“ (1). Имп. Александръ вскорѣ скончался и правила м. Евгенія не были приложены къ практикѣ, за изключеніемъ только епархіи самого Евгенія. Послѣ посѣщенія епархіи въ 1826 и 1827 гг. митрополитъ 29 іюля далъ кіевской консисторіи указъ о выборѣ благочинныхъ согласно съ проектированными имъ правилами не далѣе, какъ къ сентябрю тогоже 1827 г., на томъ основаніи, что „благочинные, избранные дух. правленіями и по ихъ одобренію опредѣленные, оказались неспособными, неисправными и невѣрными въ исправленіи должности своей“ и что при опредѣленіи благочинныхъ гораздо надежнѣе опереться на выборъ самого духовенства, „поелику качества своихъ собратій ближе извѣстны самимъ духовнымъ“ (2). Не знаемъ, долго ли продолжался выборный порядокъ назначенія благочинныхъ и въ кіевской епархіи; извѣстно только, что прошедшее царствованіе не очень было благопріятно подобнымъ порядкамъ. По новымъ законоположеніямъ (Устава консисторій ст. 68) всѣ должности въ духовенствѣ,—благочинныхъ, членовъ правленій и попечительствъ, духовныхъ депутатовъ, опредѣлено замѣщать по благоусмотрѣнію одного епархіальнаго архіерея, который такимъ образомъ облекался трудною обязанностію какого-то всевѣдѣнія и поставленъ подъ опасную для его чести и авторитета отвѣтственность за дѣйствія всѣхъ подчиненныхъ ему органовъ епархіальнаго управленія. Выборной должностью въ духовенствѣ оставалась развѣ одна только

---

(1) Изданн. въ брошюрѣ о. Морошкина о выборномъ началѣ.
(2) Прав. обозрѣн. 1863 г. окт. замѣтки: 92—94.

должность духовниковъ, потому что странно было бы наконецъ отнимать у духовенства право выбирать себѣ даже духовнаго отца, право, которое Церковь предоставляетъ каждому своему члену, да и самая должность духовника не имѣетъ въ себѣ никакого приказнаго элемента. Приказно-бюрократическая система однако замѣтно была обезпокоена даже такимъ выходящимъ изъ ея границъ остаткомъ выборныхъ должностей и только на волосъ удержалась отъ того, чтобы и духовника не сдѣлать приказнымъ: въ Уставѣ консисторій почтено нужнымъ, во-первыхъ, чтобы духовникъ былъ общій для цѣлаго благочинія и непремѣнно *утверждался* въ должности самимъ архіереемъ, во-вторыхъ, чтобы въ епархіяхъ съ обширными благочинническими округами опредѣляемы были на каждое благочиніе двое и болѣе духовниковъ уже прямо *по назначенію* архіерея. Выборное начало стало снова воскресать въ духовенствѣ уже только въ наши дни.

Такое странное развитіе централизаціи въ епархіальномъ управленіи необходимо сопровождалось лишеніемъ духовенства всякихъ юридическихъ опоръ передъ властью, ставя его въ полную зависимость отъ личнаго усмотрѣнія или, что тоже, отъ произвола его главнаго начальника, вслѣдствіе этого поддерживало въ немъ старинное чувство безправія и страха передъ властью, выражавшееся тѣмъ, что человѣкъ или совершенно отъ нея прятался, уходилъ, или старался поддѣлаться подъ ея воззрѣнія и привычки, старался предъ лицемъ ея не служить, а подслуживаться; высшей служебной задачей духовнаго лица стало изучить характеръ преосвященнаго и примѣниться къ нему, потому что духовное лице знало, что и требованія службы, и вмѣненіе тѣхъ или другихъ дѣйствій въ заслугу или въ вину, и награды и наказанія зависѣли не отъ постоянныхъ юридическихъ опредѣленій, а отъ

---

(1) Зап. Болот. въ Р. стар. 1871 г. 725—726.

личныхъ воззрѣній, права и часто даже отъ того или другаго случайнаго расположенія духа преосвященнаго. Съ другой стороны это же крайнее развитіе епархіальной централизаціи весьма дурно дѣйствовало на самую епархіальную власть и портило самые лучшіе характеры ея представителей, сообщая имъ черты стараго патріархальнаго типа. Черты эти конечно съ теченіемъ времени сглаживались, но сглаживались не вліяніемъ закона, не перемѣнами въ самомъ строѣ епархіальной администраціи, которыя и должны бы собственно были воспитывать и совершенствовать представителей власти, а уже самимъ духомъ времени.

Въ началѣ правленія Екатерины II, уже послѣ паденія церковнаго тягла, жили еще по своимъ епархіямъ полные представители отжившей старины, наприм. Варлаамъ Скамницкій, Ѳеодосій Голосницкій, Пахомій, о которыхъ дѣлаетъ такой рѣзкій отзывъ Болотовъ въ своихъ запискахъ, и Кириллъ Флоринскій, личность котораго такъ ярко, хотя и цинически, очерчена въ автобіографіи Добрынина (1). Архіереи этого типа кончали дурно при Екатеринѣ, лишались каѳедръ. Духъ времени требовалъ архіереевъ въ родѣ м. Платона. Но не нужно забывать, что и время Екатерины далеко не выдерживало на практикѣ тѣхъ принциповъ, какіе оно проповѣдывало; это было время вельможества, развитія аристократической пышности, блеска и величія, время крайняго униженія низшихъ классовъ народа и развитія крѣпостнаго права, допускавшее возможность очень широкаго приложенія патріархальныхъ пріемовъ стараго суда и управы. Люди, утѣшавшіеся самыми либеральными идеями о правахъ личности, о людскости, о томъ, что не подчиненные созданы для начальства, а начальство для подчиненныхъ, въ соприкосновеніи съ дѣйствительностію

(1) Также: Истинное повѣствованіе... Особенн. въ кн. 2 и 3.

спокойно руководствовались преданіями отцовъ и дѣдовъ, которыя такъ краснорѣчиво осуждали въ своихъ философскихъ разговорахъ. Философъ вельможа постарому тиранилъ и обиралъ своихъ мужиковъ; либеральный судья такъ и порывался учинить упрямому подсудимому привычное „пристрастіе“ и т. д., и всѣ тутъ же горько жалѣли, что подлый народъ неспособенъ къ пониманію людскости и къ новымъ гуманнымъ отношеніямъ. Сама императрица, начавшая Наказомъ, кончила такими же сожалѣніями о грубости подлаго народа и почла за лучшее воротить свои идеи, пущенныя было въ публику, опять въ безопасное убѣжище своего кабинета. Общее настроеніе вѣка отражалось и въ духовномъ кругу. Еще очень свѣжія преданія краснорѣчиво описываютъ величіе тогдашнихъ духовныхъ властей, окруженныхъ всею обычною обстановкою тогдашняго вельможества, пышность архіерейскихъ и архимандритскихъ одѣяній, огромныя свиты, открытые пріемы въ архіерейскихъ домахъ для всей мѣстной знати, обѣды при звукахъ музыки и пѣніи домоваго хора, пышные выѣзды въ соборъ обыкновенно на шестерикѣ въ каретѣ иногда даже золотой, въ сопровожденіи двоихъ вершниковъ въ зеленыхъ кафтанахъ, красныхъ камзолахъ и трехугольныхъ шляпахъ, которые ѣхали верхомъ впереди кареты, одинъ съ посохомъ, другой съ архіерейской мантіей въ рукахъ (1). Легко представить, какъ терялся предъ такимъ величіемъ какой-нибудь сельскій священникъ въ своей нанковой или сермяжной рясѣ, сапогахъ смазанныхъ дегтемъ, съ своимъ нѣсколько одичалымъ деревенскимъ характеромъ, какъ страшно было ему даже къ

---

(1) См. напр. Сказаніе Сухорукаго о Веніаминѣ казанскомъ. Каз. губ. вѣдом. 1843 г. № 44. стр. 265. Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 2, 330—336: Объ имуществѣ Амвросія З.-Каменскаго. Жизн. Платона ч. II, 70 и друг.

благословенію подойти къ своему владыкѣ, не только о недоумѣнныхъ вещахъ вопросить. Среди общаго раболѣпія окружающихъ, неизмѣнныхъ поддакиваній, гдѣ не допускалось ни одного противнаго замѣчанія въ интересахъ правды противъ мысли, высказанной преосвященнымъ, общаго угодничества малѣйшему его желанію и подъ вліяніемъ постояннаго сознанія безусловной зависимости всѣхъ подчиненныхъ отъ одного движенія начальническаго произвола, трудно было не ослѣпиться самому прямому и зоркому уму, удержаться отъ болѣе или менѣе грубаго властелинства самому гуманному и благомыслящему характеру. О томъ же великомъ Платонѣ, который былъ представителемъ новаго іерархическаго духа, былъ „отцемъ московскаго духовенства“, находимъ наприм. такого рода разсказы. Авторъ Исторіи нижегородской іерархіи, желая обрисовать необыкновенную прямоту и безбоязненную откровенность преосв. Моисея Близнецова-Платонова, даже въ то время, когда еще онъ былъ при м. Платонѣ маловліятельнымъ іеромонахомъ Троицкой лавры, разсказываетъ, какъ о какомъ-то особенномъ подвигѣ мужества, что однажды, когда Платонъ осматривалъ въ лаврѣ новый колодезь и когда на снисходительное замѣчаніе митрополита о добромъ качествѣ воды намѣстникъ, ректоръ академіи и всѣ окружающіе владыку отвѣдывали и хвалили эту воду, одинъ только Моисей осмѣлился сказать прямо, что она никуда не годится, и сверхъ общаго ожиданія получилъ за свою прямоту великодушное одобреніе владыки (1). Подобныхъ разсказовъ о великодушіи владыкъ можно набрать очень много въ ихъ панегирическихъ біографіяхъ и, принимая во вниманіе всю обстановку, среди которой они жили, нельзя не согласиться, что такого рода великодушіе по всей справедливости стоитъ то-

(1) Ист. нижегор. іер. арх. Макарія.

го, чтобы его выдвинуть крупной чертой въ панегирикѣ владыки, умѣвшаго до него возвышаться.

Самъ великій представитель новаго поколѣнія іерарховъ, самъ Платонъ отличался тоюже двойственностію характера, какою отличались всѣ высокопоставленные люди его времени, никакъ не умѣвшіе примирить своихъ гуманныхъ и философскихъ идей съ самими дѣйствіями, требовалъ отъ духовныхъ лицъ сановитости, внушалъ имъ сознаніе личности, уваженіе къ самимъ себѣ и въ тоже время дѣлалъ на нихъ публичные окрики въ церкви, возмущался, когда они были сановиты въ его присутствіи, осмѣливались говорить о своихъ правахъ, заводили связи съ сильными людьми и пріобрѣтали чрезъ то самостоятельность. Фактовъ подобнаго рода довольно встрѣчаемъ въ письмахъ его къ преосв. Амвросію и Августину. „Куда какъ далеко они смотрятъ, писалъ наприм. опъ о протоіереѣ І. Кандорскомъ, авторѣ и переводчикѣ многихъ замѣчательныхъ книгъ (1). Какія-то книги печатаетъ, и оныя книги думаетъ поднести государю; ихъ ко мнѣ приносилъ, но я не принялъ,—испорчена субординація“! Когда духовникъ императрицы протоіерей Іоаннъ Памфиловъ получилъ митру, митрополитъ никакъ не могъ помириться съ такою наградою, пожалованною лицу изъ бѣлаго духовенства, и прозвалъ Памфилова досадливымъ прозвищемъ: pora mitratus (2). При имп. Павлѣ, когда эта награда окончательно усвоивалась бѣлому духовенству именнымъ указомъ, Платонъ сильно возставалъ противъ этой соблазнительной по его мнѣнію новости, которая должна возгордить бѣлое духовенство. „О если бы при помощи Божіей, писалъ онъ Амвросію, вы сдѣлали то, чтобы ни одному

---

(1) О Кандорскомъ см. Очеркъ Филарета. Сравн. Ист. моск. епарх. управ. Ш, кн. 1, прим. 598.

(2) Жизн. м. Платона. примѣч. стр. 41. Письм. стр. 11.

протопопу не давали носить митру. Эта новость, ежели будетъ введена въ церковную іерархію, будетъ соблазномъ для однихъ, въ другихъ возбудитъ честолюбіе и много другаго, что низпровергнетъ богоучрежденный порядокъ. Да внушитъ вамъ Богъ эту мысль". На этотъ разъ митрополитъ забывалъ, что еще недавно, при имп. Елизаветѣ, митра была въ первый разъ усвоена всѣмъ архимандритамъ и что отъ этого богоучрежденный порядокъ не пострадалъ нимало.

Недавно изданная переписка протоіерея Архангельскаго собора Петра Алексѣева съ духовникомъ императрицы І. Памфиловымъ содержитъ въ себѣ чрезвычайно выразительную характеристику этихъ двойственныхъ отношеній между іерархіей и духовенствомъ, мѣтко обрисовываетъ чувства той и другой стороны и ихъ постоянныя между собой столкновенія, бывшія неизбѣжнымъ результатомъ борьбы новыхъ идей съ старыми привычками. Считаемъ нужнымъ съ своей стороны остановиться на ней, тѣмъ болѣе, что главными дѣйствующими лицами въ изображаемой здѣсь борьбѣ являются самые лучшіе представители духовенства,— съ одной стороны м. Платонъ, а съ другой одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ протоіереевъ Москвы, катихизаторъ московскаго университета, извѣстный своей ученостью и литературными трудами, лично извѣстный самой государынѣ и ею покровительствуемый.

Въ первомъ же письмѣ Алексѣева находимъ доказательство того, какъ плохо гарантированы были права епархіальнаго духовенства отъ обидъ со стороны разныхъ начальствъ, особенно епархіальныхъ временщиковъ. Алексѣевъ жаловался Памфилову на возмутительную обиду, сдѣланную ему публично (23 іюня 1778 г.) братомъ митрополита протоіереемъ Успенскаго собора Александромъ Левшинымъ въ крестномъ ходѣ. „Обругалъ меня безъ всякой съ моей сто-

---

(1) Р. Арх. 1871 г. № 1. стр. 211—233.

роны причины. На Ивановской площади кричалъ во все свое громогласіе: поди, плѣшивый, отсюда прочь; я терпѣть тебя не могу! Потомъ приказывалъ своимъ сторожамъ, чтобы толкали меня по шеѣ; того не довольно, тупинками меня подчивалъ, и какъ я обратился къ нему, просилъ его, дабы оставилъ меня съ покоемъ и не дѣлалъ народу соблазна, то онъ, паче разсвирѣпѣвъ, грозилъ мнѣ большею своею палкою, чего убоялся, принужденъ я выступить изъ ряду и, протестовавши Самуилу преосвященному, тогда за крестами шествовавшему, удалиться отъ него подалѣе. На письмо мое преосв. московскій (Платонъ) отозвался о томъ дѣлѣ милостиво и увѣрялъ, что ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ участія не возьметъ по сему дѣлу, судить же его, яко не московской епархіи протопопа (т. е. находящагося подъ непосредственнымъ вѣденіемъ Синода), не можетъ". Узнавъ о поступкѣ А. Левшина, императрица писала въ Москву къ кн. Волхонскому, чтобы онъ, разузнавъ обстоятельства дѣла, сдѣлалъ зазнавшемуся протопопу внушеніе отъ ея лица воздержаться отъ грубостей, не только съ равными, но и съ меньшими и подчиненными поступая съ должною вѣжливостію и кротостію, званію духовному приличною; а въ 1788 г., какъ видно изъ записокъ Храповицкаго, посланъ былъ въ Москву секретный именной указъ къ Еропкину, чтобы онъ принялъ П. Алексѣева подъ свою защиту. Защита эта была очень нужна Алексѣеву, потому что, несмотря на милостивый отзывъ митрополита о его дѣлѣ съ Левшинымъ, со времени несчастнаго столкновенія его съ послѣднимъ въ крестномъ ходу, его постоянно преслѣдовали разныя непріятности со стороны епархіальнаго начальства. Вскорѣ послѣ этого онъ писалъ Памфилову, что его начали судить за то, будто бы онъ сидѣлъ въ соборѣ на архіерейской каоедрѣ; дѣло было въ томъ, что, надзирая за производившимися тогда въ соборѣ работами и указывая мастеровымъ, онъ невзначай наткнулся задомъ на каѳедру и, пошатнувшись, сѣлъ на

нее; хотя онъ тотчасъ же всталъ, но ключарь въ угоду преосвященному все-таки подалъ объ этомъ доносъ, а консисторія схватилась за это дѣло, „яко криминальное“. Потомъ консисторія судила его за небытность въ крестныхъ ходахъ, въ которыхъ онъ не могъ иногда участвовать, какъ законоучитель университета, и за другія неисправности; въ 1788 г. совсѣмъ было засудила его по доносу одного его дворового служителя въ непозволительной связи съ одной его же дворовой женщиной,—дѣло это остановлено за неимѣніемъ уликъ и вслѣдствіе доказанной недобросовѣстности доносчика (1).

Въ письмахъ къ Памфилову Алексѣевъ постоянно жаловался, что митрополитъ его обижаетъ и всячески преслѣдуетъ. Въ 1785 г. онъ писалъ: „не угодно ли вашей пречестности нашихъ вѣдомостей прочесть? Сего августа 27 у насъ въ соборѣ отправлялъ царскую панихиду преосв. московскій и при отправленіи оной, при выходѣ его пр—ва изъ алтаря, подошелъ я наклонялся къ принятію отъ своего архипастыря благословенія. Но онъ, держа въ шуицѣ трость, десницею же ухватя за лѣвый рукавъ моей рясы и обратя меня лицемъ къ сѣверпымъ алтарнымъ дверемъ, толкнулъ, сказавъ: вотъ твоя должность,—идти предо мною. Чему удивилися не только находящіеся тогда въ алтарѣ знатнѣйшіе, но и стоящіе противъ сѣверныхъ алтарныхъ дверей мірскіе люди. И такъ я, едва оправясь отъ толь невоображаемаго того посрамленія, пошелъ предъ его преосв—вомъ вмѣстѣ съ иподіаконами за церковь. Однако его пр—во, тѣмъ будучи не доволенъ, еще на паперти остановяся, при возслѣдующемъ за нимъ народѣ кричалъ на меня, выговоривая такимъ образомъ: меня де консистористы вездѣ встрѣчаютъ, а ты для чего не встрѣтилъ меня давеча? На что я

(1) Біогр. Алексѣева въ Душеп. чт. 1869 г. кн. 1. Ист. моск. епарх. упр. III, кн. 1. прим. стр. 176 и далѣе.

съ подобающимъ благоговѣніемъ отвѣчалъ: не было доселѣ такого обыкновенія, чтобы встрѣчать неслужащаго архіерея, а ежели угодно вашему пр—ву и то учредить, я буду повиноваться. Тѣмъ кончилося сіе страмное приключеніе, а побѣдитель сѣлъ въ торжественную колесницу и отправился, куда ему надобно. Въ соборѣ же остался служить обѣдню Григорій епископъ грузинскій. Вотъ, милостивый мой отецъ, до чего нашъ братъ дожить можетъ! Семь лѣтъ только что минуло, какъ любезный братъ его преосв—ва азартно поступилъ со мною въ крестномъ ходѣ, однако тотъ на Ивановской площади, а сей внутри святилища... P. S. Я писалъ о томъ же къ преосв. новгородскому, но знаю, что къ преосвященному на преосвященнаго писать что̀ значитъ; на васъ я больше надѣюся. Мнѣ грозитъ владыка отрѣшеніемъ отъ мѣста; ахъ, какъ это страшно! За то, что не показался человѣкъ человѣку, идти отцу съ дѣтьми по міру, раззориться домомъ и между дворъ скитаться; гораздо легче архіерею идти на обѣщаніе, оставя по своенравію епархію свою, ибо онъ, накопя денегъ, безбѣдно проживетъ въ монастырѣ вѣкъ свой, якоже Пахомій и прочіе“.

Зная, къ преосвященному на преосвященнаго писать что̀ значитъ, Алексѣевъ крѣпко держался за благорасположеніе къ нему протопресвитера духовника. Въ откровенныхъ письмахъ его нельзя не замѣтить, что изъ-за личнаго недовольства его митрополитомъ постоянно сквозитъ оппозиція бѣлаго священника къ монашествующимъ властямъ, въ которой, какъ видно по всему, участвовалъ и Памфиловъ. Встрѣчаемъ примѣры, что нѣкоторые священники вовсе оставляли епархіальную службу и переходили подъ начальство оберъ-священника въ число духовенства армейскаго; такъ наприм. поступилъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстный протоіерей Гр. Ив. Манкетовъ, авторъ благочестиваго сочиненія „Часы благоговѣнія“, на которыхъ воспитывалось нѣсколько поколѣній учениковъ семинарій. Въ бытность свою священникомъ и учителемъ семи-

наріи въ Тобольскѣ онъ имѣлъ неосторожность столкнуться съ тамошнимъ преосв. Антоніемъ Знаменскимъ. Это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и добродушнѣйшихъ архипастырей того времени, ревнитель образованія, защитникъ и отецъ всѣхъ вдовъ и сиротъ, но человѣкъ горячій, неспособный сдерживаться въ своемъ поведеніи отъ замашекъ стараго властелинскаго типа, тяжелый не только для духовныхъ, но и мірянъ, приходившій въ ярость, какъ разсказываетъ его біографъ, даже отъ того, если кто бывало кашляетъ невольно, когда онъ говоритъ, или совершаетъ богослуженіе. Мансветовъ подвергся гоненію съ его стороны, какъ еретикъ и презритель власти, за то, что на одномъ изъ семинарскихъ диспутовъ въ качествѣ оппугнатора совсѣмъ заспорилъ дефенсора — ректора семинаріи, а потомъ, когда за дефенсора сталъ говорить самъ преосвященный, осмѣлился отстаивать свои возраженія и передъ нимъ. Не стерпѣвъ гоненія, о. Мансветовъ обратился къ оберъ-священнику Озерецковскому, былъ принятъ имъ на службу, вышелъ потомъ въ придворные протоіереи, наконецъ сдѣлался самъ оберъ-священникомъ арміи и флота (1). Люди, не имѣвшіе возможности сыскать себѣ сильной протекціи между духовной или свѣтской знатью, жаловались на свои обиды въ св. Синодъ. Жалобы подавались и на м. Платона; такъ въ концѣ XVIII в. на него жаловался московскій дьяконъ Пылаевъ, что ни ему Пылаеву, ни отцу его житья нѣтъ отъ преосв—го, что самъ преосв—ный говорилъ въ гнѣвѣ: „весь родъ Пылаевыхъ терпѣть не могу и истреблю“ (2).

Эти жалобы духовенства на архіереевъ во 2-й половинѣ XVIII и началѣ XIX в., размножившіяся до того, что св. Синодъ приходилъ въ сильное затрудненіе отъ ихъ количества (3), составляютъ выразительное

---

(1) Біогр. Антонія см. въ Страни. 1868 г. кн. IV.
(2) Ист. моск. епарх. управл. III, кн. 1, прим. 600.
(3) II. С. 3. XVII, 12471.

явленіе тогдашней епархіальной жизни. Онѣ были необходимымъ слѣдствіемъ пробужденія сознанія въ духовенствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ естественнаго среди высшей іерархіи стремленія удержать невозвратно уходившій въ область преданій старый порядокъ вещей, въ которомъ она воспиталась, къ которому привыкла и который считала основаніемъ всей церковной дисциплины. Дѣло не могло, разумѣется, обойтись безъ раздраженія съ той и другой стороны; и та и другая сторона никакъ не могли ограничиться предѣлами спокойной умѣренности и обѣ одинаково были мученицами своихъ притязаній. Для изученія тѣхъ чувствованій и мыслей, какія имѣла при этомъ сторона іерархическая, мы имѣемъ подъ рукою драгоцѣнный матеріалъ въ письмахъ м. Платона къ Амвросію и Августину. Митрополитъ самъ возстаетъ въ нихъ противъ того движенія въ духовенствѣ, которое много было обязано своимъ возбужденіемъ ему же самому; онъ видимо не ожидалъ тѣхъ результатовъ, какіе изъ него выводила практика, и силился удержать неудержимое теченіе исторіи, не понимая того, что чѣмъ горячѣе онъ будетъ отстаивать старину, тѣмъ для него же и для самой этой старины будетъ хуже; онъ думалъ, что всѣ новости времени, которыя были такъ непріятны для его начальническаго чувства, происходятъ отъ порчи дисциплины въ духовенствѣ, суть явленія случайныя и могутъ легко быть исправлены увѣщаніями или наказаніями либераламъ въ родѣ Кандорскаго или Алексѣева, мѣрами вообще дисциплинарными и, разумѣется, жестоко ошибался, только еще болѣе усиливая этими мѣрами раздраженіе подчиненныхъ. Всѣ письма проникнуты грустнымъ топомъ, который чѣмъ далѣе, тѣмъ становится грустнѣе и безотраднѣе и наконецъ переходитъ въ сплошное старчески-брюзгливое сѣтованіе на новыхъ людей и новые порядки; предъ нами высказывается почтенный старецъ, имѣвшій несчастіе пережить свое время, себѣ же на горе уцѣлѣвшая развалина ума, когда-то блестящаго, но обезсилѣвшаго

отъ лѣтъ. Видно, что среди общаго подобострастія и поддакиваній окружающихъ, загороженный отъ дѣйствительности, великій іерархъ оставался все съ тѣмъ же кругомъ идей и привычекъ, которыя пріобрѣлъ еще въ давніе годы свѣжихъ силъ, можетъ быть еще до своего архіерейства, не имѣлъ ни возможности, ни охоты слѣдить за безостановочнымъ теченіемъ жизни подрядъ, пропустилъ мимо себя цѣлый рядъ послѣдовательныхъ степеней ея историческаго развитія, относясь къ нимъ съ своей неизмѣнной точки зрѣнія только отрицательно, и когда все вокругъ его измѣнилось, остался одинокъ и чуждъ окружающихъ его людей. Все было не по его; вмѣсто новой жизни онъ видѣлъ кругомъ одно разрушеніе, отъ котораго только самъ Богъ можетъ спасти свою Церковь, потому что около него дѣйствительно разрушалось все, къ чему онъ привыкъ; архіереи не имѣютъ силы, секретарь консисторіи смотритъ не столько на архіерея, сколько на оберъ-прокурора, сталъ независимъ, такъ что архіерею приходится даже судиться съ нимъ, судиться съ своимъ подъячимъ, священники тоже куда какъ далеко смотрятъ, знакомятся съ вельможами, обращаются къ оберъ-прокурору, къ самому государю. „Будетъ ли чудесамъ конецъ? восклицаетъ въ одномъ письмѣ старецъ святитель, дойдя до высшей степени уныній. Существуетъ ли Провидѣніе? Но какъ же можетъ быть, чтобы Его не было? То безпокоитъ сердца наши, что не знаемъ, каковы причины и каковъ будетъ конецъ всего этого. Смирись, о человѣкъ, и умолкни предъ судами Бога“. „Начинаю самъ о себѣ сомнѣваться, что столько правя паствою, столько подвиговъ претерпѣвъ, столькихъ людей достойныхъ выведши, не сталъ ли я нынѣ хуже разсудкомъ и совѣстію. Боже! укрѣпи меня въ терпѣніи“.

Надобно впрочемъ замѣтить, что пробужденіе сознанія въ бѣломъ духовенствѣ на первыхъ порахъ, какъ и слѣдовало ожидать, главнымъ образомъ выражалось въ мелкомъ честолюбіи, назойливой придирчи-

вости ко властямъ, въ неудержимомъ желаніи нагрубить имъ, въ разныхъ притязаніяхъ въ сущности иногда пустыхъ, но очень обидныхъ для іерарховъ, привыкшихъ къ безусловному повиновенію подчиненныхъ. Въ образчикъ можно указать на дѣло 1789 г., возникшее между протоіереемъ Алексѣевымъ и московскою консисторіею изъ-за названія „протопопъ“. Названія: попъ, протопопъ, въ XVIII в. сдѣлались уже пренебрежительными, такъ что ихъ нужно стало замѣнять другими: священникъ, іерей, протоіерей, между тѣмъ консисторія, недолюбливая Алексѣева, во всѣхъ бумагахъ называла его протопопомъ. Алексѣевъ наконецъ не вытерпѣлъ и подалъ митрополиту прошеніе, въ которомъ, называя себя протопресвитеромъ, обидчиво жаловался на презрѣніе къ нему консисторіи, названіе протопопъ просилъ совсѣмъ вывести изъ употребленія, какъ варварское, невразумительное и столько же гнусное, какъ если бы кто вмѣсто архіерей сказалъ архипопъ. Платонъ сдалъ это прошеніе въ консисторію, наложивъ на него длинную полемическую резолюцію, которая не менѣе характеристична, какъ и самое прошеніе; онъ доказывалъ здѣсь, что прошеніе протопопское 1) есть неосновательно, ибо какъ онъ можетъ назвать варварскимъ названіе, которое для него невразумительно? притомъ же извѣстно, что попъ происходитъ отъ греческ. *παπας*—отецъ и слѣдовательно названіе это не варварское и не гнусное; 2) есть дерзновенно, потому что протопопъ называется такъ и въ синодальныхъ и въ высочайшихъ указахъ; 3) есть безразсудное и проч. Консисторія вывела на справку тьму законовъ, гдѣ упоминается слово протопопъ, и присудила Алексѣева къ лишенію протоіерейства на годъ; въ ея рѣшеніи изъ подъ тогдашняго канцелярскаго языка такъ и выступаетъ раздражительная борьба современниковъ (1).

(1) Ист. моск. епарх. упр. II, кн 2, прим. 600.

Письма Алексѣева къ Памфилову обрисовываютъ предъ нами другую сторону этой раздраженной борьбы, показываютъ, какія чувства питала въ ней altera pars. Алексѣевъ съ какимъ-то злорадствомъ ловитъ разные грѣхи епархіальной администраціи и торопится какъ можно ярче описать ихъ своему высокопоставленному собрату, въ сочувствіи котораго былъ вполнѣ увѣренъ. Въ одномъ письмѣ онъ описываетъ, какъ при погребеніи одного священника въ видѣ штрафа покойнику за какую-то вину митрополитъ приказалъ выключить изъ чина погребенія 2 апостола и 2 евангелія, нѣкоторые антифоны и стихи, запретилъ перезванивать и участвовать въ церемоніи нѣсколькимъ желавшимъ того священникамъ: „архіерей де на покойника гнѣвенъ“. Въ другомъ письмѣ разсказываетъ, какъ преосвященный указалъ собирать съ духовенства деньги на семинарію и какъ главнокомандующій Епокинъ остановилъ этотъ запрещенный и „новозатѣянный съ бѣлаго священства поборъ“ и заставилъ всѣ собранныя деньги возвратить по принадлежности. „Ежели подъ колоколами такое происходитъ своеволіе, заключаетъ письмо, то чего уже лучше ожидать отъ прочихъ удаленныхъ отъ столицы епархій? Однако московскій владыка по причинѣ случившейся ему осадки теперь, кажется, изъ одной крайности прошелъ въ другую, т. е. подобную папской пышность монашескимъ прикрылъ смиреніемъ. А что впредь будетъ, время окажетъ. При семъ на мысль пришло мнѣ оное утѣшительное для бѣднаго священства Христово слово: *начинающимъ сими бывати, восклонитеся и воздвигните главы ваши, зане приближается избавленіе ваше*“. Въ третьемъ письмѣ онъ жалуется, что „ханжи монахи“ обижаютъ бѣлое священство, переманиваютъ отъ послѣдняго къ себѣ на исповѣдь духовныхъ дѣтей, а особенно сватъ митрополита сусвѣрный старецъ Мельхиседекъ, что онъ Алексѣевъ подалъ объ этомъ прошеніе преосвященному, но преосв—ный „прочитавъ оное, кричалъ по обыкновенію своему на меня: кто

запретитъ монашествующимъ принимать на исповѣдь мірскихъ людей?.. Послѣ того грозилъ мнѣ владыка таскотнею по консисторіи года 3 и порицалъ гнуснымъ прозваніемъ доносчика. Но я, положася на промыслъ Всемогущаго, не отстану отъ сего дѣла. Велика власть архіерейская, но больши ея власть высокомонаршая"! Съ цѣлію опереться на власть высокомонаршую Алексѣевъ и старался пріобрѣсти себѣ въ духовникѣ и разныхъ вельможахъ ходатаевъ передъ нею, переписывался съ Потемкинымъ, добился покровительства Еропкина, посылалъ доносы на епархіальные безпорядки къ оберъ-прокурорамъ (1). Кромѣ этого не было еще никакихъ другихъ средствъ для того, чтобы спастись отъ гоненій ближайшей епархіальной власти, облеченной такими громадными полномочіями въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ, что въ случаѣ преданія архіереемъ подчиненнаго суду послѣдняго обыкновенно „вовсе уже считали погибшимъ, какъ писалъ Алексѣевъ, потому что истецъ есть самъ главный судія".

Нельзя не обратить вниманія на то, что Алексѣевъ постоянно является въ своихъ письмахъ представителемъ всего бѣлаго духовенства, защищая свое личное дѣло, постоянно обобщаетъ эту защиту и переноситъ ее на права всего своего сословія; съ другой стороны жалобы на чрезмѣрную величавость и полномочія епархіальныхъ властей переходятъ у него въ такую же общую протестацію противъ преобладанія надъ бѣлымъ священствомъ духовенства монашествующаго. Въ одномъ письмѣ онъ жалуется, что митрополитъ не дозволяетъ ему становиться въ соборѣ выше неученыхъ игуменовъ, что онъ уже говорилъ объ этомъ преосвященному, но послѣдній отозвался, что не можетъ измѣнить стараго порядка безъ доклада о томъ св. Синоду; по мнѣнію Алексѣева „игуменство надъ монахами, въ чинѣ покаянія состоящими, которыхъ первенствующая

(1) Р. Арх 1863 г. стр. 929—930. 697...

Церковь не считала въ свящ. клирѣ, ограничивается оградою монастырскою и не дастъ права надъ настоятельми соборными, имѣющими у себя въ надсмотрѣніи ученыхъ священниковъ, слово Божіе проповѣдающихъ, кольми паче въ собраніи великія церкви; къ тому же прежде и простые монахи были игуменами, какъ видно изъ церковной исторіи". „Ежели, писалъ онъ Памфилову, по представленію московскаго митрополита будетъ разсужденіе въ св. Синодѣ о мѣстахъ протопресвитерскихъ въ публичныхъ собраніяхъ церковныхъ, я бы желалъ становиться по успенскомъ протопресвитерѣ на правой сторонѣ вмѣстѣ съ священнослужителями главныхъ здѣшнихъ соборовъ; а игумены бы благоволили занимать лѣвую сторону по своимъ степенямъ, какъ водится у васъ на молебнахъ въ присутствіи ея имп. в—ва отправляемыхъ. Знаю, что архіереи всѣ силы напрягутъ къ воспрепятствованію успѣха по сему дѣлу, вмѣсто резоновъ утверждаяся на древнемъ обыкновеніи. Но старинный обычай безрезонный не что иное есть, какъ давнишнее заблужденіе. Это правда, что игуменъ въ своей обители есть староста надъ червецами, а во всеобщемъ собраніи великія церкве, особливо при такихъ протоіереяхъ, которые по высочайшему монархини благоволенію удостоены носить отличные достоинства знаки, притомъ имѣютъ старшинство по священству и ученію, игуменъ кажется простымъ іеромонахомъ. Какъ то ни есть, однако дѣло начато съ Божіею помощію. А успѣхъ зависитъ отъ пастыреначальника Христа, отъ Его помазанницы и отъ васъ, яко попечителей бѣлаго священства, прямаго священства и почитаемаго въ первенствующей церкви священства". Мелочной вопросъ о предстояніяхъ при богослуженіи, благодаря раздражевію современниковъ, порождалъ такимъ образомъ важный вопросъ о состоятельности іерархическихъ правъ монашества вообще. А тутъ еще какой-нибудь архимандритъ Мельхиседекъ отбивалъ у бѣлаго священства его духовныхъ дѣтей, переманивалъ ихъ на

исповѣдь къ себѣ въ келью, „паче же малоумныхъ женщинъ“. И вотъ у людей подобныхъ Алексѣеву раждаются въ головѣ мысли очень опасныя для монашества: имѣютъ ли его представители даже право священнодѣйствія среди мірянъ? Не есть ли бѣлое священство одно только прямое, почитаемое въ первенствующей Церкви священство? Имѣетъ ли игуменъ право простирать свою власть за монастырскую ограду, имѣть преобладаніе надъ протоіереемъ, надъ священниками,—этими религіозными дѣятелями среди самой Церкви? Отсюда недалеко до другаго болѣе рѣшительнаго вопроса: вообще имѣютъ ли монахи право занимать правительственныя должности среди всей Церкви? Необходимо ли, даже прилично ли, чтобы самъ епископъ былъ лице монашествующее? Вопросы этого рода возникли не въ послѣднее только время; ими занимался и очень серьезно еще тотъ же протоіерей Алексѣевъ, оставившій послѣ себя капитальное сочиненіе о томъ, что священникъ и безъ постриженія въ монашество можетъ быть епископомъ (1). Сочиненіе это написано имъ, кажется, уже въ царствованіе Павла Петровича.

Имп. Павелъ несовсѣмъ благоволилъ къ м. Платону, что естественно побуждало Алексѣева надѣяться на новаго государя и искать его милости; притомъ же государь всегда благосклонно относился къ бѣлому духовенству. Алексѣевъ успѣлъ броситься ему въ глаза еще при самой коронаціи. Разсказываютъ, что когда духовныя лица цѣловали у коронованнаго императора руку, Алексѣевъ поцѣловалъ и мечъ, что государю очень понравилось; послѣ онъ одинъ изъ первыхъ духовныхъ лицъ получилъ знаки св. Анны 2-й

---

(1) Издан. въ Чтен. 1869 г. кн. III. На основаніи нѣкоторыхъ современныхъ скандаловъ среди монашества, горячая голова Алексѣева доходила даже до отрицанія самаго монашества (см. письм. XIII).

степени. Близость его къ государю видна между прочимъ изъ одного всеподданнѣйшаго его письма, въ которомъ онъ передаетъ содержаніе двухъ донедшихъ до него анекдотовъ о властолюбіи и сребролюбіи п. Никона, разсказанныхъ нѣкогда Петру великому и произведшихъ на него дурное впечатлѣніе. Цѣль сообщенія этихъ анекдотовъ имп. Павлу высказана въ самомъ письмѣ: „для удовольствія вашего любопытства о древней церковной россійской исторіи и для соразсужденія о настоящей и будущей участи православныя нашея Церкви". Анекдоты снабжены примѣчаніями, въ которыхъ авторъ рѣзко отзывается о стремленіяхъ высшей іерархіи, упоминаетъ о попыткахъ возстановить патріаршество со стороны „нескромнаго архіерея" Ѳеодосія Яновскаго, Георгія Дашкова и „мнимаго святоши" Арсенія Маціевича, которые и пріяли за свои вины достойное осужденіе. Замѣчательно окончаніе письма: „о нынѣшнихъ смиренныхъ владыкахъ писать теперь не слѣдуетъ. Ибо многіе изъ нихъ вашему имп. в—ву вѣдомы съ хорошей стороны, для того пожалованы россійскими орденами и командорствами. А ежели и есть что поправленія требующее, къ пользѣ Церкви относящееся, о томъ, не утруждая вашу высочайшую особу, государственными великими трудами преутружденную, позвольте мнѣ нижайшему давать знать вашему синодальному оберъ-прокурору безъ огласки и оскорбленія лицъ и не образомъ доноса, что я нижайшій напредь сего чинилъ неоднократно въ силу 2 п. III ч. Д. Регламента" (1). По всей вѣроятности для представленія императору написано и сочиненіе о монашествѣ епископовъ.

Наступилъ и XIX вѣкъ, а правительство все еще должно было писать въ своихъ указахъ, чтобы духовныя начальства обходились съ духовенствомъ „съ бла-

(1) Р. Арх. 1863 г. стр. 697—707.

горазумною кротостію и умѣренно, сообразно духовному чину и нравственному ихъ состоянію“ (1). Насколько преуспѣло въ духовномъ вѣдомствѣ развитіе административнаго строя въ теченіе нынѣшняго столѣтія, говорить объ этомъ считаемъ излишнимъ; предметъ этотъ можно достаточно изучить изъ устныхъ разсказовъ современнаго духовенства и по многочисленнымъ статьямъ въ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ за послѣднее десятилѣтіе, вызваннымъ преобразованіями въ духовномъ вѣдомствѣ настоящаго благодѣтельнаго для него царствованія. Ограничимся здѣсь только указаніемъ на одно изъ солиднѣйшихъ изслѣдованій о состояніи нашего епархіальнаго вѣдомства—изслѣдованіе г. Соколова: О началахъ и формахъ духовнаго суда въ виду современныхъ потребностей (2). Можно не раздѣлять взглядовъ автора, высказанныхъ имъ въ самомъ проектѣ новаго епархіальнаго суда и уже вызвавшихъ противъ себя довольно серьезную полемику (3), но нельзя не соглашаться съ его замѣчательною, основанною на требованіяхъ современной юридической науки и практическихъ нуждахъ духовенства критикой того строя епархіальнаго суда и управленія, который существовалъ до настоящаго времени. Критика эта тѣмъ важнѣе, что касается не какихъ-нибудь случайныхъ злоупотребленій или погрѣшностей частныхъ лицъ, поставленныхъ во главѣ епархіальнаго суда и управленія, а самихъ епархіальныхъ учрежденій и уставовъ, въ основаніи которыхъ лежитъ также знакомая намъ крайняя централизація всей епархіальной власти около особы одного архіерея, тоже смѣшеніе въ его полномочіяхъ всѣхъ функцій суда и управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ разнородныхъ элементовъ власти, патріархальнаго съ бюрократиче-

---

(1) П. С. З. XXVII, 20683.

(2) Прав. обозр. 1870 г. кн. 5 и 6. 1871 г. кн. 3 и 5.

(3) Въ Приб. къ Твор. св. отцевъ, стат г. Лаврова.

скимъ, моральнаго и духовнаго съ юридическимъ, тоже знакомое намъ добродушное упованіе изключительно на добросовѣстность и опытность представляющей власть личности, а не на законъ, наконецъ тоже отсутствіе контроля надъ властью, слабость гарантій противъ ея злоупотребленій и промаховъ для подчиненныхъ, предоставленіе имъ въ случаѣ какихъ-либо обидъ отъ нея права однихъ только частныхъ жалобъ св. Синоду. Повѣрка этой характеристики отживающаго теперь строя епархіальнаго управленія на лице, въ фактахъ современной жизни нашихъ епархій. Сильная зависимость этой жизни отъ личностей епархіальныхъ правителей теперь особенно рѣзко выступаетъ наружу, потому что духъ времени и общія требованія реформъ значительно поколебали монотонность старыхъ епархіальныхъ порядковъ, потребовали отъ епархіальныхъ начальствъ небывалой дѣятельности, а главное заставили ихъ высказать въ этой дѣятельности все разнообразіе ихъ личныхъ усмотрѣній и обнаружили все вліяніе послѣднихъ на епархіальные порядки. И вотъ въ одной епархіи вводятся съѣзды духовенства, выборы въ административныя должности, составляются новыя инструкціи и т. п., тогда какъ въ другой начальство твердо стоитъ на почвѣ старыхъ уставовъ и даже протестуетъ противъ новшествъ во имя церковныхъ каноновъ, въ третьей принимаетъ одни новшества и отвергаетъ другія, смотря по своимъ личнымъ воззрѣніямъ и симпатіямъ. Подобныя явленія ясно показываютъ, на какой нетвердой почвѣ развивалась доселѣ юридическая жизнь духовенства. Современныя перемѣны въ епархіальной жизни ясно обнаружили и то вліяніе, какое старый епархіальный строй имѣлъ на характеръ духовенства, развивая въ духовныхъ лицахъ тяжелое чувство полнаго безправія предъ администраціей, сознаніе своей беззащитности передъ ней, страхъ опереться предъ ея волей и даже незаконными требованіями на свое право, на законъ, и неизбѣжное при этомъ отсутствіе личной энергіи,

иниціативы, отстраненіе отъ всего, что выходитъ изъ круга формальныхъ обязанностей, даже безучастность къ своимъ собственнымъ интересамъ. Такія младенческія отношенія къ власти, забитость, безучастность къ общему дѣлу, непривычка къ иниціативѣ, къ своему собственному сужденію проявлялись среди духовенства едвали не во всѣхъ епархіяхъ, когда въ началѣ 1860-хъ годовъ правительство призвало его къ обсужденію его же собственныхъ нуждъ и къ изысканію средствъ для улучшенія его же собственнаго положенія, и были предметомъ неоднократныхъ сѣтованій и упрековъ духовенству со стороны литературы.

Занявшись изображеніемъ верхняго слоя епархіальнаго управленія, мы ничего не говорили объ отношеніяхъ къ духовенству другихъ епархіальныхъ властей, консисторій, дух. правленій и благочинныхъ. Характеръ и постановка этихъ властей въ епархіальномъ управленіи былъ совершенной копіей характера и постановки высшей власти, тѣмъ болѣе, что они были нераздѣльно соединены съ послѣдней, не имѣя никакой почти административной самостоятельности и будучи не болѣе, какъ только ея органами. Консисторія даже по дѣйствующему уставу, который старается усвоить ей всю обстановку самостоятельныхъ присутственныхъ мѣстъ, постарому, есть не что иное, какъ простое орудіе архіерейской власти, собственная канцелярія преосвященнаго, потому что отъ усмотрѣнія архіерея зависитъ и избраніе и увольненіе ея членовъ (подъ ничего почти незначущимъ условіемъ синодальнаго утвержденія) и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, за исключеніемъ лишь немногихъ случаевъ, подлежащихъ апелляціоннымъ отзывамъ. Уставъ говоритъ о рѣшеніи всѣхъ дѣлъ по большинству голосовъ, объ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, но въ тоже время не даетъ никакой силы даже единогласному рѣшенію консисторіи предъ собственнымъ рѣшеніемъ архіерея (ст. 333. 338); объ особыхъ мнѣніяхъ членовъ нечего и говорить; притомъ же, пользуясь широтою своей власти, архіерей можетъ на ос-

нованіи ст. 284 удалить отъ присутствія всякаго неугоднаго ему члена и безпрепятственно замѣнить его новымъ, временно присутствующимъ. Неудивительно, что общая долговременная практика консисторій успѣла выработать даже особый идеальный типъ консисторскаго дѣльца, совершенство котораго состоитъ именно въ умѣньи при всякомъ дѣлѣ угадывать взглядъ архіерея, ловко къ этому взгляду привѣшиваться, искусно подбирать нужныя къ нему справки и по возможности обращать его въ свою личную пользу.—Въ такія же точно отношенія поставлены были къ архіерею повсюду умирающія теперь духовныя правленія. Вслѣдствіе полнаго сліянія высшей епархіальной власти съ подчиненными ей органами послѣдніе не выработали себѣ даже опредѣленныхъ спеціальныхъ вѣдомствъ, совмѣщали въ себѣ всѣ дѣла, какія имъ поручитъ высшая власть, и полицейскія, и слѣдственныя, и судебныя, и хозяйственныя, и даже дѣла по учебному вѣдомству, потому что семинаріямъ наприм. вовсе нерѣдкость было получать указы архіерея чрезъ консисторію; не опредѣлены были и отношенія ихъ другъ къ другу, консисторія вовсе не была какою-нибудь постоянною инстанціей между правленіемъ и архіереемъ, равно какъ для благочинныхъ въ сношеніяхъ съ консисторіей и архіереемъ не было такою инстанціей мѣстное дух. правленіе. Особенно странное значеніе досталось на долю правленій; въ однихъ мѣстностяхъ и частныхъ случаяхъ они облекались универсальною консисторскою властью, въ другихъ были чѣмъ-то въ родѣ совершенно безполезнаго мытарства для епархіальныхъ указовъ, только и дѣлали, что на время останавливали эти указы, чтобы написать: слушали указъ консисторіи такой-то; опредѣлили: разослать указъ консисторіи такой-то благочиннымъ для разсылки по церквамъ.

Такимъ образомъ, судя по организаціи епархіальнаго управленія, можно видѣть въ немъ собственно одну власть, — архіерейскую; но эта централизація

всего управленія около одной власти, поглощеніе послѣднею всѣхъ другихъ, второстепенныхъ властей нисколько не ослабляла начальнической силы самихъ представителей этихъ второстепенныхъ властей. Лишеніе ихъ административной самостоятельности вело только къ тому, что онѣ освобождались чрезъ это отъ безпокойной отвѣтственности за свои рѣшенія и дѣйствія, какой должны подлежать члены всякой самостоятельной инстанціи управленія и суда, слагали съ себя эту отвѣтственность на самого архіерея, именемъ и властію котораго дѣйствовали, а между тѣмъ, опираясь на туже архіерейскую власть, непомѣрно развивали свое начальническое вліяніе среди подвѣдомаго имъ духовенства. Всѣ указанныя нами черты патріархальной власти владыки переходили и на власть каждаго изъ его органовъ, потому что всѣ они занимали свои мѣста по усмотрѣнію владыки и изъ-за личности каждаго изъ нихъ подчиненный видѣлъ личность того-же владыки; притомъ же, вслѣдствіе указаннаго нами недостатка въ епархіальномъ управленіи правовой почвы, недостатка точныхъ опредѣленій для практики властей и возникшей отсюда необходимости предоставлять послѣднимъ слишкомъ обширное поле ихъ собственному усмотрѣнію каждый изъ органовъ епархіальной администраціи тоже облекался болѣе или менѣе обширною долей полномочія дѣйствовать по усмотрѣнію, дѣлался въ своей сферѣ такимъ же владыкою, какимъ былъ архіерей для цѣлой епархіи и для него самого, копировалъ въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ всѣ дѣйствія своего собственнаго начальства и былъ для нихъ, разумѣется, несравненно тяжелѣе послѣдняго. Здѣсь повторялось тоже самое, что обыкновенно бываетъ со всякою патріархальною властью; почтенная, величественная, даже иногда благотворная по своему отеческому характеру, по крайней мѣрѣ спокойная отъ сознанія своей силы и величія въ лицѣ своего главнаго представителя, она за тѣмъ все болѣе и болѣе мельчаетъ по мѣрѣ того, какъ спус-

кается внизъ по лѣствицѣ своихъ низшихъ органовъ, дѣлается грубѣе, назойливѣе, придирчивѣе и неснос-нѣе для подчиненныхъ, пока на самыхъ низшихъ своихъ ступеняхъ не помѣшается на одномъ стремленіи показать себя, проучить перваго попавшагося подъ руку, чтобы онъ зналъ начальство. Нашъ народъ, вынесшій на себѣ въ крѣпостномъ состояніи всѣ дурныя стороны патріархальнаго управленія, недаромъ выработалъ убѣжденіе, что нѣтъ ничего хуже, какъ находиться подъ начальствомъ своего же брата-холопа, облеченнаго властью отъ господина.

Неудивительно, что въ этихъ низшихъ слояхъ епархіальнаго управленія смягченіе административныхъ нравовъ шло несравненно туже, чѣмъ въ верхнемъ. Въ концѣ XVIII в., несмотря на всѣ распоряженія правительства и архіереевъ о томъ, чтобы епархіальныя власти обращались съ духовенствомъ кротко и прилично духовному чину, несмотря на распространеніе духа Платонова, въ этой сферѣ администраціи [illegible] цѣликомъ сохранялись знакомые пріемы старой „[illegible] ковщины“, стараго смиренія подчиненныхъ и разнаго рода острастокъ, за изключеніемъ однихъ плетей, а въ отношеніи къ причетникамъ были въ ходу и плети. Платоновъ было немного на архіер[illegible]ихъ каѳедрахъ, да и Платонъ не могъ ук[illegible] консистористовъ, на которыхъ жал[illegible] письмахъ, и около Платона возможенъ был[illegible]ей Александръ Левшинъ, заносящій свою тр[illegible] грубымъ окрикомъ середи крестнаго хода на другаго первенствующаго протоіерея древней столицы. На консисторскомъ и правленскомъ судѣ не употребляли плетей, но употребляли въ наказаніе публичные поклоны въ церкви, мукосѣяніе и др. работы по монастырямъ, цѣпи, колодки и другія принадлежности колодничаго заключенія. Въ 1788 г. по упраздненіи крутицкой епархіи крутицкая консисторія вмѣстѣ съ дѣлами передала въ наслѣдство московской консисторіи „желѣзъ ножныхъ пятеро и одни кандалы, да стульевъ съ цѣпями три,

изъ нихъ одинъ большой". Въ дѣлѣ 1791 г. объ одномъ московскомъ священникѣ, сосланномъ въ перемышльскій монастырь, читаемъ, что тамошній игуменъ Иннокентій обращался съ колодниками замѣчательно сурово, „иным голову и бороды брилъ, а прочихъ, къ деревянной стѣнѣ приставя, ниткою подъ бороду запечатывалъ, и часа по 4 и болѣе въ лѣтнее время, на солнце ставя, морилъ" (1).

Въ настоящемъ столѣтіи подобныхъ примѣровъ стараго смиренія мы уже не знаемъ; но наприм. и современное поколѣніе духовныхъ лицъ хорошо помнитъ сохранявшіяся при архіерейскихъ домахъ и консисторіяхъ эти холодныя и вопючія сибирки, кутузки, чижевки, въ которыхъ не разъ сиживали на своемъ вѣку наши отцы за разныя свои провинности. Обращеніе разныхъ начальствъ съ подчиненными носило самый возмутительный характеръ даже въ очень еще [illegible] время. Какой-нибудь наприм. уѣздный протоіерей, глава дух. правленія, былъ полнымъ хозяиномъ [illegible] своемъ уѣздѣ и возбуждалъ гораздо болѣе трепета въ подчиненныхъ, чѣмъ архіерей, потому что дѣйствительно облеченъ былъ громадными полномочіями, избиралъ по своему усмотрѣнію благочинныхъ и депутатовъ, [illegible] своимъ подписомъ одобренія прихожан [illegible] ствовалъ все окружное духовенст[illegible] къ повышеніямъ и переводамъ, держалъ въ [illegible] судьбу духовныхъ сиротъ, которые не могли никакъ обойтись безъ его представленія и одобренія при зачисленіи мѣстъ, производилъ наконецъ по уѣзду ревизіи и слѣдствія. Волей неволей нужно было ему кланяться, прислуживать, терпѣть отъ него всякія начальственныя выходки, смиренно повиноваться, когда раздраженный онъ вздумаетъ поставить въ церкви почтеннаго священника на колѣна и т. п. Такими же точно хозяевами въ своихъ

(1) Ист. моск. епарх. упр. III, кн. 1, 179. примѣч. 430.

округахъ были благочинные, облеченные немнѣе громадными полномочіями власти и административнаго вліянія не только на оффиціальную, но и на частную жизнь духовныхъ лицъ. Для насъ достаточно взглянуть только въ ихъ недавно лишь измѣненную инструкцію, чтобы видѣть, сколько они имѣли простора для своего произвола и дурныхъ наклонностей. Она наприм. гласитъ, что священники и діаконы должны оказывать благочинному всякое почтеніе и послушаніе, по пріѣздѣ его встрѣтить у церкви, и безъ его дозволенія предъ нимъ не садиться и главу не накрывать (п. 61), что благочинный можетъ чинить подчиненному духовенству выговоръ наединѣ и при другихъ, заставить класть поклоны, или стоять на колѣнахъ, священника въ алтарѣ, а причетниковъ и дьяконовъ и въ церкви и даже на паперти, удерживать доходъ и т. д. (п. 57). Изумленные чрезвычайно архаическимъ характеромъ подобныхъ правилъ, ищемъ, откуда они явились въ этой инструкціи, и находимъ, что они почти 100 лѣтъ буквально перепечатывались изъ прототипа этой инструкціи,—инструкціи м. Платона.

Вслѣдствіе обычной консервативности духовнаго вѣдомства, громадныхъ полномочій и безконтрольности его административныхъ органовъ оно почти доселѣ не могло освободиться даже отъ остатковъ господствовавшихъ въ немъ прежде тяглыхъ отношеній подчиненныхъ къ властямъ. Нѣкоторые сборы съ духовенства сохранялись съ прежнимъ законнымъ характеромъ и послѣ Екатерининскихъ штатовъ; одни изъ этихъ сборовъ вовсе не были замѣнены штатными окладами для удовлетворенія оплачивавшихся ими епархіальныхъ потребностей, а другіе замѣнены крайне недостаточными штатными суммами. Такъ, ни Екатерининскіе, ни послѣдующіе штаты не назначили никакихъ суммъ на разныя командировки и поѣздки духовныхъ властей по ихъ округамъ; всѣ расходы на этотъ предметъ попрежнему возлагались на окружное духовенство; оно должно было отбывать подводную повинность

и при объѣздѣ епархіи архіереемъ, и при поѣздкахъ благочинныхъ, духовныхъ слѣдователей, депутатовъ, членовъ консисторіи и правленія, всякихъ чиновниковъ и разсыльныхъ съ указами. Нѣкоторыхъ облегченій въ этомъ отношеніи оно дождалось только уже въ царствованіе Николая Павловича. Въ 1828 г. св. Синодъ вошелъ къ государю докладомъ, что по штатамъ не положено никакой суммы на архіерейскіе объѣзды епархій, а собственные доходы архіереевъ едва достаточны даже на необходимыя издержки годоваго ихъ продовольствія и на поддержку домовыхъ зданій, что вслѣдствіе этого архіереи вынуждены дѣлать свои поѣздки, какъ можно, рѣже; послѣ этого доклада указано было давать архіереямъ прогоны, митрополитамъ на 15, архіепископамъ и епископамъ на 12, викаріямъ на 10 лошадей (1). Въ 1846 г. поднялся вопросъ о прогонныхъ деньгахъ духовнымъ депутатамъ и тоже разрѣшился къ благополучію духовенства, при чемъ въ указѣ о выдачѣ этихъ денегъ изъ казначества чуть ли не въ первый разъ указано при назначеніи депутатовъ наблюдать, чтобы выборъ начальства падалъ по возможности на священниковъ ближайшихъ церквей (2). Но на этомъ пока милостивыя распоряженія и остановились. — Кромѣ того безъ штатныхъ окладовъ оставлена большая часть епархіальныхъ должностей, каковы: должности членовъ дух. правленія и консисторіи, благочинныхъ, депутатовъ, слѣдователей, экзаменаторовъ, цензоровъ, обыкновенно относившіяся къ числу, такъ называемыхъ, почетныхъ должностей, и проходимыя безмездно, или, что совершенно одно и тоже на практикѣ, на условіяхъ кормленія отъ дѣлъ, вознагражденія темными доходами; разница въ сравненіи съ прежнимъ временемъ состояла только въ томъ,

---

(1) 2 Собр. зак. III, 1952. 1953.

(2) Тамже, XXI, ук. 4 ноябр. Отч. оберъ-прок. 1846 г. стр. 44.

что въ указахъ и интструкціяхъ касательно прохожденія этихъ должностей кормленіе отъ нихъ выставлялось предосудительнымъ, и то впрочемъ не столько съ юридической, сколько съ моральной точки зрѣнія, наприм. въ московской инструкціи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія экзаменаторамъ находимъ весьма нравоучительную и вмѣстѣ очень простодушную замѣтку, что они „за трудъ сей, яко богоугодный, не должны требовать никакой платы и даровъ, да тѣмъ вящшую получатъ награду отъ мздовоздаятеля Бога“ (1). Тоже самое внушалось всегда благочиннымъ. Но этими внушеніями дѣло и ограничивалось; сама духовная власть, которая считала своею обязанностію дѣлать ихъ, не имѣла ни духа, ни силы поддержать ихъ, какъ обязательный законъ, и обыкновенно смотрѣла сквозь пальцы на ихъ нарушеніе. Платежи духовенства въ пользу консисторскихъ и правленскихъ членовъ, благочинныхъ и проч., при всемъ своемъ безгласіи, какъ извѣстно, въ большинствѣ епархій успѣли получить не только обязательный, но даже постоянный характеръ, сдѣлались настоящей повинностью духовенства, которая пріурочивалась къ опредѣленнымъ срокамъ, наприм. ко времени подачи метрикъ и т. п., и путемъ обычая довольно опредѣленно таксировалась. Всякій напередъ зналъ, сколько и когда ему нужно уплатить, и платилъ даже безропотно; при этомъ взяткой, на которую уже жаловались, считалось только то, что̀ бралось еще сверхъ обычной цифры. До какой степени доходило кормленіе отъ безмездныхъ должностей, показываетъ наприм. хоть слѣдующій докладъ св. Синоду оберъ-прокурора Нечаева въ 1835 г.: „изъ получаемыхъ мною свѣдѣній усматривается, что смотрители благочинія, обозрѣвая церкви, наблюденію ихъ порученныя, во многихъ мѣстахъ позволяютъ себѣ

(1) Ист. моск. епарх. упр. III, кн. 1, 228—229.

брать изъ церковныхъ денегъ болѣе или менѣе значительныя суммы въ свою пользу и требуютъ на церковный же счетъ особеннаго при сихъ случаяхъ угощенія. А какъ таковыя дѣйствія, будучи сами по себѣ незаконны, вмѣсто внушенія строгаго порядка въ употребленіи церковныхъ денегъ и точности въ отчетности по онымъ, способны только подать для священно-служителей и церковныхъ старостъ худой примѣръ и поводъ къ неправильному употребленію опыхъ и веденію подложныхъ счетовъ, то я почелъ своею обязанностію обратить на сей предметъ особенное вниманіе св. Синода и предложить опому, не благоволено ли будетъ предписать прочимъ епархіальнымъ архіереямъ строжайше воспретить благочиннымъ отваживаться на подобныя, вошедшія уже по нѣкоторымъ мѣстамъ въ обычай, злоупотребленія“ (1).—Въ пользу дух. правленій по епархіямъ существовали даже оффиціальные сборы съ духовенства (2), потому что по штатамъ не положено было никакихъ суммъ не только на жалованье членамъ, но и на содержаніе канцелярій дух. правленій. Ассигновка для нихъ штатной суммы послѣдовала уже по штатамъ 1828 и 1840 гг., но въ тотъ и другой разъ въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ (3), что правленскіе писари и повытчики никакъ не могли иначе смотрѣть на свое жалованье, какъ только на небольшое подспорье къ инымъ доходамъ, получавшимся отъ сборовъ съ духовенства. Каждое благочиніе постарому должно было доставлять въ правленіе извѣстную цифру дани; кромѣ того по нѣскольку разъ въ году правленскій писарь объѣзжалъ приходы своего округа для сборовъ натурой; эти сборы очень похожіе на тѣ, какіе производятъ по своимъ

(1) См. брошюру О выборн. началѣ о. Морошкина.

(2) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 2, прим. 240. III, кн. 1, прим. 108.

(3) 2-е Собр. зак III, 1709. XV, штаты 1840 г.

приходамъ священники, производились совершенно открыто еще на нашей памяти.

Для канцеляріи консисторій и для каѳедральныхъ чиновъ штатныя суммы назначены были съ самаго начала штатовъ, но тоже въ количествѣ крайне неудовлетворительномъ даже для тогдашняго времени; наприм. даже по высшему окладу секретарю консисторіи положено было выдавать 120 р. въ годъ, а копіистамъ 30—60 р., притомъ же безъ хлѣбныхъ дачъ, которыя имъ отпускались прежде и которыя теперь были совершенно отмѣнены (1). Понятно, что назначеніе подобныхъ окладовъ само по себѣ было уже косвеннымъ уполномоченіемъ всѣмъ служащимъ по духовному вѣдомству на прежнее кормленіе отъ дѣлъ; отсюда въ духовномъ вѣдомствѣ развился цѣлый рядъ въ собственномъ смыслѣ безгрѣшныхъ доходовъ, такъ сказать, законныхъ взятокъ, которыхъ никакое начальство не имѣло права ни запретить, ни оффиціальнымъ образомъ узаконить, опредѣливъ ихъ по количеству и положивъ болѣе или менѣе точную границу между ними и взятками незаконными, и которыя поэтому могли свободно возрастать до неопредѣленныхъ размѣровъ. Нѣкоторые архіереи пробовали было возставать противъ слишкомъ большихъ поборовъ съ духовенства, но послѣ нѣсколькихъ попытокъ опредѣлить, какіе поборы нужно считать слишкомъ большими и какіе ради необходимости можно оставить, должны были совершенно бросать это мудреное и трудное дѣло. Въ этомъ отношеніи въ XVIII в. любопытна дѣятельность Кирилла Флоринскаго (сѣвскаго). Въ 1770 г. онъ объявилъ консисторіи такой указъ: „хотя неоднократно черезъ секретаря Звѣрева словесно отъ насъ подтверждаемо было, чтобы канцелярскіе служители никакихъ лишнихъ и сверхъ пропорціи труда своего взятковъ, особливо съ вымогательствомъ не

(1) См. Книгу штат. въ II. С. 3.

брали, въ чемъ они и подписками обязаны, однако подтвержденіе тое наше никакого дѣйствія не возымѣло“ и т. д.; въ примѣръ приводятся взятки одного канцеляриста съ ставленниковъ; канцеляриста этого велѣно наказать штрафомъ, хотя самъ Кириллъ едвали могъ дать отчетъ, что̀ онъ называлъ въ своемъ подтвержденіи лишними и сверхъ пропорціи труда взятками. За тѣмъ всѣ ставленическія дѣла по распоряженію архіерея вовсе отдѣлены были отъ консисторіи, которую онъ окончательно отчаялся исправить, и перенесены во вновь учрежденную ставленическую контору изъ 3-хъ духовныхъ членовъ и 2-хъ канцелярістовъ, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный Добрынинъ (1). Не довольствуясь этимъ, архіерей попробовалъ дать точное опредѣленіе, сколько брать съ каждаго ставленика, именно: съ поповъ указалъ брать по 7, дьяконовъ по 5, а за посвященіе въ стихарь по 3½ руб. Такое учрежденіе, по его собственнымъ словамъ, „казалось ему безгрѣшнымъ, поелику оно малою цѣною освобождало просителей отъ тяжкихъ, издревле введенныхъ взятковъ, а наболѣе обыкновенныхъ по консисторіи, что самое и побудило его отдѣлить отъ ней ставленическія дѣла“. Но, разсказывая объ этомъ, Добрынинъ вѣрно замѣтилъ, что новое учрежденіе при всей своей благовидности все-таки было противъ законовъ Екатерины, освободившей духовенство отъ всѣхъ поборовъ, и что во всякомъ случаѣ лучше бы было оставить взятки, не узаконяя ихъ предписаніемъ. Контора стала обирать ставленниковъ не меньше консисторіи и возбудила въ послѣдней большую зависть къ своимъ доходамъ. Добрынинъ откровенно разсказываетъ о себѣ, что бралъ себѣ въ прибавокъ съ каждаго ставленика много больше указнаго количества. „Хотя преосв—ный мнѣ этого и не предписывалъ, однакожъ подалъ случай догадаться, какъ употребить благотво-

(1) Орловск. епарх. вѣдом. 1867 г. № 6.

рительную его довѣренность“ (1). Въ 1777 г. тотъ же Кириллъ Флоринскій вооружился противъ поѣздокъ правленскихъ судей и приказныхъ за сборами по уѣздамъ въ праздникъ рождества и велѣлъ консисторіи разослать о томъ по правленіямъ запретительные указы; но самое это приказаніе показываетъ, что вслѣдствіе крайней необходимости этихъ сборовъ по недостаточности средствъ духовныхъ правленій совершенно запретить ихъ было нельзя: ѣздить по уѣздамъ не велѣно только „безъ самонужнѣйшихъ по экономіи своей необходимостей, безъ дозволенія присутствующихъ и на долгое время, дабы чрезъ прихотливыя волокиты и разбродничества совсѣмъ безпорядочныя въ дѣлахъ не послѣдовало какой остановки“ (2). Цѣль запрещенія такимъ образомъ состояла не въ томъ, чтобы пресѣчь поборы, а чтобы соблюсти выгоды дѣлопроизводства и канцелярской дисциплины. Цифра поборовъ доходила до огромныхъ размѣровъ и, будучи по неволѣ допускаема самимъ епархіальнымъ начальствомъ, падала тяжкимъ обвиненіемъ не на однихъ только чиновниковъ, но и на самихъ архіереевъ. „Боже мой! восклицаетъ напр. Болотовъ въ своихъ запискахъ, описывая тамбовскій архіерейскій домъ. Какое мздоимство господствовало тогда на мѣстѣ семъ!... Всякому, посвящающемуся въ попы, становилось поставленье не менѣе, какъ во 100, въ дьяконы 80, въ дьячки 40, въ пономари 30 рублей, выключая то, что безъ 10 руб. келейникъ архіерею ни о комъ не докладывалъ, а со всѣмъ тѣмъ отъ него все зависѣло. Однимъ словомъ они совсѣмъ стыдъ потеряли и безстыдство ихъ выходило изъ предѣловъ“ (3). Можно бы думать, что тамбовская епархія, гдѣ тогдашніе архіереи Пахомій и Ѳеодосій сами были обвиняемы въ поборахъ, состав-

---

(1) Р. стар. 1871 г. февр. 151—152. март. 251.
(2) Орловск. еп. вѣд. 1868 г. стр. 1771—1772.
(3) Зап. Болот. въ Р. стар. 1871 г. стр. 725—726.

ляла изключеніе; но тоже самое видимъ наприм. въ московской епархіи, гдѣ преосв. Платонъ „особливо ревновалъ, чтобы сохранять правосудіе, и сколько могъ, по его собственнымъ словамъ, строго наблюдалъ, чтобы мздоимства не было... и видѣлъ на всѣ труды благословеніе Божіе съ немалымъ къ лучшему порядку успѣхомъ“ (1); при всѣхъ своихъ успѣхахъ, которыми онъ утѣшался въ своихъ усиліяхъ искоренить мздоимство, онъ все-таки долженъ былъ горько жаловаться въ письмахъ къ преосв. Амвросію, что консисторія его крушитъ: „сказываютъ, что ставленье рублей во 100 становится, а придраться не знаемъ какъ“.

При имп. Павлѣ Петровичѣ штатное жалованье почти для всѣхъ епархіальныхъ чиновъ увеличено вдвое, но это увеличеніе окладовъ не принесло почти никакого облегченія духовенству отъ поборовъ, съ одной стороны потому, что вслѣдствіе увеличенія общей дороговизны содержанія удвоенные оклады нисколько не улучшили содержанія тѣхъ, которые стали ихъ получать, а съ другой—всѣ указанныя нами епархіальныя должности, которымъ не было положено штатнаго жалованья въ 1764 г., не были обезпечены имъ и теперь. За тѣмъ оклады служащихъ по духовному вѣдомству были увеличиваемы еще въ 1828 и 1840 гг.; но и за всѣми этими прибавками все-таки оставались крайне неудовлетворительными безъ прежнихъ сборовъ съ духовенства. Замѣчательно, что эти сборы съ теченіемъ времени получили какое-то даже оффиціальное значеніе. Вполнѣ сознавая скудость содержанія консисторскихъ и правленскихъ приказныхъ, св. Синодъ въ 1826 г. формально дозволилъ сборъ съ духовенства на содержаніе консисторіи и правленій въ пермской епархіи; сборъ этотъ отмѣненъ былъ уже въ 1838 г. (2). Сами приказные служители считали свои

---

(1) Жизнь м. Платона, прилож. 35.

(2) Отч. обер.-прок. 1838 г. стр. 41.

сборы вполнѣ безгрѣшными. Въ 1828 г. оберъ-прокуроръ Мещерскій докладывалъ св. Синоду, что сборъ денегъ въ консисторіяхъ и правленіяхъ при подачѣ метрикъ обратился въ настоящую дань съ духовенства (1). До послѣднихъ консисторскихъ штатовъ 1869 г. на консисторіи за исключеніемъ только немногихъ ассигновалось всего по 2000—1600 р.; изъ этой суммы большая часть секретарей получала жалованья по 257 р. въ годъ, прочіе же чиновники иногда менѣе 100 р. Цифры эти такъ выразительны, что къ нимъ не нужно прибавлять никакихъ поясненій и выводовъ. Новый штатъ опредѣлилъ жалованье секретарямъ по 1500, столоначальникамъ по 600, казначеямъ, регистраторамъ, архиваріусамъ по 500 и т. д. рублей въ годъ (не упоминаемъ высшихъ окладовъ для столицъ), кромѣ того назначилъ вознагражденіе для самихъ членовъ консисторіи по 500 р. каждому. Сравнительно съ прежними окладами этихъ новыхъ окладовъ нельзя не признать очень почтенными и достаточными для обезпеченія несущихъ консисторскую службу. Удовлетворятъ ли они другой важной цѣли—ослабленію въ епархіальномъ вѣдомствѣ страшной язвы взяточничества,—вопросъ въ настоящее время еще очень темный. Не нужно забывать, что консисторіи въ настоящемъ видѣ имѣютъ у себя слишкомъ много старыхъ традицій, воспитавшихся и окрѣпшихъ въ теченіи полутораста лѣтъ подъ вліяніемъ старой системы кормленія, что жалованье ихъ приказныхъ было дѣйствительно ничтожно, но доходы, разумѣемъ одни безгрѣшные, общепринятые, кромѣ взятокъ въ собственномъ смыслѣ, были едвали не вдвое больше новыхъ штатныхъ окладовъ, и что наконецъ на практикѣ никакіе оклады никогда еще не пресѣкали незаконныхъ поборовъ сами по себѣ, пока возможность этихъ поборовъ допускалась и развивалась самымъ

(1) 2-е Собр. зак. III, № 1812.

строемъ зараженныхъ ими учрежденій. На этомъ основаніи благотворныхъ результатовъ отъ новыхъ окладовъ консисторій съ большей или меньшей увѣренностію можно ждать только въ связи съ реформой самаго епархіальнаго управленія.

V.

СПОСОБЫ СОДЕРЖАНІЯ ПРИХОДСКАГО ДУХОВЕНСТВА.

Печальная доля смиренія и уничиженія преслѣдовала духовенство не только въ отношеніяхъ его къ разнымъ начальствамъ, но и въ отношеніяхъ къ его собственнымъ прихожанамъ, отъ которыхъ оно находилось въ постоянной матеріальной зависимости. Какъ въ древней Россіи, такъ и въ XVIII в. до самаго царствованія имп. Екатерины II оно обязано было всѣми средствами своего существованія единственно доброхотству прихожанъ, за исключеніемъ лишь немногихъ и небольшихъ окладовъ царской руги и отведенныхъ ко многимъ церквамъ писцовыхъ земель, которыми оно было обязано милости правительства, и то еще до начала XVIII в. Со времени реформы правительство не оказывало никакихъ новыхъ пособій приходскимъ причтамъ въ теченіе болѣе половины столѣтія, предоставляя обезпеченіе ихъ самимъ приходамъ. Вся его заботливость объ ихъ благосостояніи ограничивалась только тѣмъ, что оно старалось сообщить нѣкоторую оффиціальность и обязательность условіямъ прихожанъ съ духовенствомъ касательно приходской руги или земли и, не увеличивая общей суммы наличныхъ средствъ духовенства, устроить болѣе выгодное для послѣдняго распредѣленіе ихъ по приходамъ съ помощію новыхъ приходскихъ штатовъ, предотвращавшихъ излишнее дробленіе приходовъ и непомѣрное размноженіе духовенства. Приступая къ обозрѣнію способовъ содержанія приходскаго духовенства, мы должны поэтому начать съ тѣхъ изъ нихъ, кото-

рые зависѣли отъ прихожанъ; они были тѣже самые, какъ и въ древнее время, и состояли въ платѣ за требоисправленія, въ запросахъ или сборахъ по приходу, въ приходской рукѣ хлѣбомъ или деньгами и въ землѣ, отводимой прихожанами на содержаніе причтовъ, большею частію въ замѣнъ руги (1).

Самымъ главнымъ источникомъ доходовъ духовенства были разныя доброхотныя подаянія за требы. Первобытная безцеремонная форма собиранія этихъ подаяній въ видѣ платы за каждое священнодѣйствіе и таинство подверглась было сильному порицанію со стороны правительства съ самаго начала реформы. Старая простодушная Русь нисколько не соблазнялась этой формой, какъ она не соблазнялась даже такой грубой наемнической формой священнослуженія, какъ священнослуженіе съ крестца; въ порядкѣ вещей были и эти торгованья за требы, когда прихожанинъ давалъ священнику извѣстную плату за его [illegible], а священникъ съ своей стороны требовалъ съ него больше, и препирательства за сорокоусты, за которые священно-служители по разсказу Д. Регламента „великія цѣны домогалися, хотя бы ихъ и не [illegible] прошено о томъ, да и сами они сорокоустовъ служить не думали, а насильно платы, будто пошлины за смерть, изтязовали". Въ новой преобразованной Россіи подобныя явленія оказывались уже неумѣстными. Не отвергая той мысли, что духовенству всего естественнѣе кормиться отъ алтаря, Д. Регламентъ сильно возсталъ противъ самой формы этого кормленія и представилъ на своихъ страницахъ замѣчательный проектъ замѣнить ее другою болѣе благородною формою. „И се немалая должность, читаемъ въ немъ, какъ бы священство отъ симоніи и безстуднаго нахальства отвратить. Къ сему полезно есть сдѣлать совѣтъ съ сенаторами, какъ много дворовъ къ одному приходу опре-

(1) См. Прих. дух. на Руси. Прав. обозр. 1867 г. январь.

дѣлить, съ которыхъ всякій бы давалъ такую-то именно подать священству и прочимъ причетникамъ церкви своей, дабы они совершенное по мѣрѣ своей имѣли довольство, и впредь бы не домогалися платежу за крещеніе, погребеніе, вѣнчаніе и проч. Обаче сіе не возбраняетъ доброхотнымъ человѣкомъ подавать священнику, сколь много кто по щедрости своей похощетъ". Такимъ образомъ съ приходскими штатами, съ опредѣленіемъ извѣстнаго числа дворовъ въ каждомъ приходѣ Регламентъ связывалъ и вопросъ объ опредѣленіи количества дохода съ каждаго двора въ пользу причта въ видѣ подворной подати или, по привычному словоупотребленію, обязательной руги. Такъ это распоряженіе понималъ тогда и св. Синодъ. „Понеже, читаемъ въ одномъ изъ его докладовъ государю 1721 г., по Д. Регламенту надлежитъ о доходахъ церковныхъ служителей учинить опредѣленіе,... того ради должно [illegible]ится, градскихъ церквей священникомъ съ причетниками опредѣлить съ приходскихъ ихъ людей указную ругу, которою могли бъ они безъ нужды довольствоваться, и сбирать бы оную по указомъ обычайно и отдавать имъ церковникомъ безъ задержанія. А как[illegible] удобнѣе уставить, о томъ бы Синоду съ Сена[illegible] имѣть собственную конференцію". Государь велѣлъ по этому докладу „учинить противъ Регламенту". Въ прибавленіи къ Регламенту 1722 г. опять было сказано: „понеже намѣреніе есть его импер. величества такъ церкви распорядить, чтобы довольное ко всякой число прихожанъ было приписано, и опредѣлить, что всякій приходскій человѣкъ долженъ въ годъ причту своея церкви, такъ чтобы отъ подаянія тѣхъ всѣхъ причетъ тотъ могъ имѣть довольный трактаментъ: того ради св. прав. Синодъ, согласясь съ мірскими честными властьми, сочинитъ совѣтъ и намѣренное опредѣленіе уставитъ; и когда сіе станется, то священники должны будутъ и малѣйшаго за службы своя награжденія не искать, развѣ кто съ доброхотства своего похощетъ нѣчто подарить, но и то

чтобы не въ то время, когда священникъ потребу какую исправляетъ, но нѣсколько недѣль спустя“ (1). Опредѣленіе къ церквамъ извѣстнаго числа дворовъ, какъ извѣстно, было исполнено церковными штатами; но вторая часть проекта объ обязательномъ платежѣ прихожанъ въ пользу клира такъ и не была осуществлена на дѣлѣ; только въ раскольническихъ приходахъ причтамъ положено было собирать съ каждой приходской души по гривнѣ въ годъ, да по гривнѣ же съ каждаго рожденія, погребенія и брака (2). Послѣ Петра правительство уже ни разу не возвращалось къ мысли Регламента въ теченіе всего XVIII в., хотя она и не переставала высказываться нѣкоторыми частными лицами очень близкими къ администраціи. Такъ въ своемъ Разсужденіи о поправленіи государственныхъ дѣлъ А. Волынскій тоже предлагалъ „учредить по приходамъ сборъ для содержанія священниковъ, не допуская ихъ въ необходимость заниматься хлѣбопашествомъ“ (3). Въ 1740-хъ гг. туже мысль высказывалъ Татищевъ: по его мнѣнію штатное число душъ въ приходахъ слѣдовало возвысить до 1000 обоего пола и съ каждой души собирать на причты по 3 коп. въ годъ (4).

Такимъ образомъ доходъ духовенства съ требоисправленій остался совершенно въ прежнемъ видѣ. Количество доброхотныхъ даяній за требы тоже не было опредѣлено и, вполнѣ завися отъ мѣстныхъ обычаевъ и степени доброхотства дателей, было чрезвычайно разнообразно въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ до самаго 1765 г., когда правительство въ первый разъ выдало опредѣленную и общую таксу

---

(1) Регламъ. ч. III, п. 13. Приб. о священствѣ 21. 22. Собран. постановл. I, стр. 302, п. 23. и П. С. 3 VI, 3854.

(2) П. С. 3. VI, 4009 п. 24.

(3) Записк. объ А. Волынскомъ. Чтен. 1858 г. II, смѣсь. 115.

(4) Татищ. и его времд. 744.

для оплачиванія требъ. Чтобы имѣть хотя приблизительное понятіе о величинѣ этихъ даяній, приведемъ цифры платежей за требы въ московскихъ приходахъ около половины XVIII столѣтія, которыя, какъ относящіяся къ приходамъ столичнымъ, мы имѣемъ, кажется, право принять за цифры высшей платы за требоисправленія. За служеніе особой поминовенной литургіи платилось 20—25 к.; крестцовые попы брали еще меньше, наприм. изъ одного дѣла 1760 г. видно, что одинъ такой попъ согласился служить литургію за 12 к., даже выпивши вина въ кабакѣ; — какъ видно, плата эта была хорошая, если за нее можно было идти на преступленіе. Сорокоустъ стоилъ 50—80 к. и доходилъ до 1 р. 50 к.; годовое поминовеніе 5—10 р. За крестины платили 10—25 к.; за свадьбу 25—50; за молебенъ на дому 2, 10, 15, 20 к., за акаѳистъ по 5 к., а за годовой до 5 р.; за всенощную на дому 15—20 к.; за соборованіе 25—40; погребеніе 10. 20, 30; за славленье очень достаточной платой считалось 10 к., платили за него, какъ за нѣкоторыя другія малыя требы, и натурой, хлѣбомъ и пирогами. Сумма денежныхъ доходовъ была очень не велика даже и въ Москвѣ; по счету одного замоскворѣцкаго причта въ 1748 г. весь сборъ за панихиды въ Димитріевскую субботу простирался всего до 80 к. на весь причтъ, а отъ славленья въ рождество до 1 р. 5 к. (1). Въ другихъ городахъ, особенно уѣздныхъ, а тѣмъ болѣе въ сельскихъ приходахъ плата за требы была, разумѣется, несравненно ниже, да и производилась большею частію не деньгами, а натурой, хлѣбомъ, яицами, ягодами, грибами и другими предметами домашняго хозяйства.

Самый важный источникъ свѣдѣній о доходахъ приходскаго духовенства за требы составляютъ дого-

(1) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 1, 171; кн. 2, прим 338, 444.

воры членовъ клира съ прихожанами при поступленіи на должность. Къ сожалѣнію болѣе подробные договоры, въ которыхъ находимъ не только условія о рукѣ или о землѣ, но и о количествѣ платы за каждую требу, мы имѣемъ лишь изъ одного югозападнаго края. Такъ наприм. въ одномъ договорѣ 1705 г. прихожане села Красной Слободы черниговской епархіи изложили обязательство давать своему священнику о. Евстафію ежегодно отъ каждаго пахаря, имѣющаго пару воловъ, по четверику ржи, а кто пашетъ на одномъ волѣ,—половину, кромѣ того за требы: за вѣнчанье холостыхъ—по ползолотого, а за вдовыхъ — полкопы, за похоронъ великій—ползолотого, за малый 5 чеховъ, за поминальный столъ на дому 5 чеховъ. а за годовое поминанье ползолотого, за поминанье въ церкви—копа, за субботнее поминанье—тоже, и за тѣмъ договорились, чтобы попъ больше этого ничего съ нихъ не вымогалъ (1). Въ 1715 г. прихожане с. Черняховъ (кіевскаго уѣзда) заключили контрактъ съ свящ. Михаиломъ Малецкимъ и обязались платить за сорокоустъ 3 рубля, за упись въ субботникъ (поминанье) полтину, за похоронъ великій гривну, за похоронъ малый 5 коп., за панихиду великую съ службою гривну, за панихиду простую 5 коп., за вѣнчанье отъ первобрачныхъ гривну, отъ второбрачныхъ 2, отъ третьебрачныхъ 3, за освященіе пасохъ по копѣйкѣ или по денежкѣ, что кто съ доброхотства дастъ, за крещеніе отъ кума и отъ кумы 1 алт., за молитву отъ отца дитиннаго копѣйку, за исповѣдь копѣйку или денежку, кто что съ доброхотства своего дастъ". Остальныя требы. елеосвященіе, освященіе дома, колодца и т. п., въ договорахъ не упоминались и предоставлялись добровольному соглашенію священника съ прихожанами за каждый разъ. Авторъ статьи, откуда заимствованъ послѣдній договоръ, замѣчаетъ, что въ немъ указыва-

---

(1) Р. Архив. 1871 г. стр. 1886—1887.

ются средпія цифры общепринятой на югозападѣ платы за требы, цифры поэтому особенно для насъ интересныя. Съ викаріями контрактъ заключался уже не парохіянами, а самимъ парохомъ, къ которому поступалъ викарій на помощь; впрочемъ въ большинствѣ случаевъ пароxи не заключали съ ними никакихъ особыхъ договоровъ, прямо предоставляя въ ихъ пользованіе обычную треть своихъ доходовъ; контрактъ имѣлъ мѣсто на случай какихъ-нибудь только особыхъ между ними условій. Въ одномъ контрактѣ 1748 г. викарій выговорилъ себѣ такіе доходы: отъ сорокоуста 60 коп., отъ субботника 10, отъ похоропъ 3—2, отъ вѣнчанья 5, за великій постъ и что кухлѣ (стаканы съ медомъ) бываютъ за усопшихъ и за освященіе пасохъ 1 руб. 20 коп., за крещеніе 1 коп. и хлѣбъ, что баба принеситъ, отъ молебна 2 коп., что же во время постовъ великаго и Филиппова съ молитвою отъ парохіянъ хлѣба достается, то въ волю настоятельскую за дачу слагаюся. Въ другомъ договорѣ доля викарія опредѣляется еще подробнѣе: за сорокоустъ отъ 10 талеровъ дать ему злотыхъ 5; когда дастся 10 копъ, дать ему гривенъ 8; ежели дастся 8 копъ, дать ему гривенъ 6; съ вѣнчанныхъ тое дать, что съ сорокоустныхъ; за малый похоропъ, что по 5 копѣекъ, дать ему коп. 2; ежели викарій крестить будетъ, доходъ пополамъ, а ежели настоятель, доходъ настоятельскій весь; съ исповѣди, ежели настоятелю исповѣдаются, доходъ его, а ежели викарію, пополамъ; за молебны—по дискреціи настоятеля; до больныхъ кто пойдетъ исповѣдать или сакраментовать, его доходъ весь; ежели кухликовъ будетъ 50, викарію дать 15; съ молитвою кто пойдетъ, доходъ его весь; ежели настоятель болевъ, а викарій пойдетъ, доходъ пополамъ; съ кропиломъ кто пойдетъ (на крещенье), доходъ его весь. Подобнаго рода контракты, заключенные священниками съ приходомъ или съ викаріями, переходили по смерти самихъ священниковъ и къ ихъ наслѣдникамъ, если

только послѣдніе не заключали особыхъ договоровъ (1).

Въ великорускихъ епархіяхъ такихъ подробныхъ контрактовъ не видимъ. Причиной тому была здѣсь слабость приходскихъ выборовъ. Съ священнослужителемъ, который поступалъ въ приходъ по назначенію архіерея, прихожане не видѣли особеннаго интереса вступать въ какія-либо экономическія условія, такъ что съ умноженіемъ такого рода священно-служителей о содержаніи ихъ пришлось позаботиться самому начальству, которое ихъ назначало на мѣста; со времени Петра архіереи при каждой перемѣнѣ между членами приходскаго клира постоянно стали требовать отъ прихожанъ свѣдѣній о средствахъ, какія ими назначены въ пользу ихъ причта. Но заручныя показанія объ этомъ предметѣ прихожанъ, вызванныя административнымъ путемъ, были далеко уже не то, что старинные свободные договоры; получивъ для прихожанъ характеръ оффиціальныхъ обязательствъ передъ самимъ начальствомъ, они совершенно перестали касаться разныхъ мелкихъ данній за требы, имѣвшихъ всегда характеръ не обязательныхъ, а доброхотныхъ дачъ, и ограничились обозначеніемъ только крупныхъ и необходимыхъ жертвъ въ пользу причта, давно уже получившихъ для прихожанъ значеніе обязательное, именно—количества земли и руги (2). Обозначеніе платы за требы сохранилось едвали не въ однихъ сибирскихъ приходахъ, потому что по причинѣ слабости епархіальной власти Сибирь хранила у себя приходскіе выборы дольше всѣхъ великорусскихъ епархій. Въ одномъ выборѣ прихожанъ Идинскаго острога 1717 г. читаемъ: „жить ему священнику съ мірскими людьми

(1) Руков. для с. паст. 1864. т. II, стр. 450—451. 1862 г. т. II, 296—297, примѣч.

(2) П. С. З. V, 3171 п. 2. VI, 3964. VII, 4122. 4186 и др.

въ добромъ согласіи и послушаніи, брать отъ крещенія по 10 коп., отъ браку по 20, отъ молитвы по 3", кромѣ назначенной ему отъ прихода руги хлѣбомъ. Священникъ съ своей стороны обязывался жить мирно, ни въ чемъ съ прихожанами не спорить, никакого коварства надъ ними не изыскивать и проч. Въ другихъ контрактахъ (всѣ около 1728 г.) прихожане приговорили давать священникамъ руги по 10 пуд. съ десятины или по 2 пуд. съ вѣнца, отъ вѣнчанья по 8 алт. 2 деньги, отъ молитвы и крещенья по 2 гривны [1]. О другихъ требахъ не сказано.

Кромѣ денежной платы почти каждая треба оплачивалась еще различными приношеніями въ пользу причта натурою, которыя до того сроднились съ практикой требоисправленій, что составили какую-то, можно сказать, необходимую принадлежность свящ. обрядовъ. Приношенія эти были чрезвычайно разнообразны и многочисленны, такъ что ихъ трудно и перечислить въ какомъ-нибудь порядкѣ. Вотъ наприм. какія приношенія существовали при требахъ въ XVIII в. въ Малороссіи. Родилось у кого-нибудь дитя, бабка шла къ священнику за молитвой, неся съ собою непремѣнно курицу и бутылку водки. Являлся потомъ отецъ новорожденнаго съ просьбою о крещеніи и долженъ былъ принести священнику калачъ и тоже бутылку водки. Калачъ или хлѣбъ и бутылка съ водкой были неизбѣжными приношеніями, когда женщина приходила въ 40-й день съ просьбою о ея выводѣ, когда являлись сваты съ просьбою о повѣнчаніи ихъ дѣтей или хозяинъ съ приглашеніемъ на парастасъ. Тоже самое наблюдалось при приглашеніи священника въ домъ на крестинные, свадебные, поминальные и др. обѣды, или когда онъ предъ пасхой или рождествомъ обходилъ домы прихожанъ съ молитвой. Въ другихъ случаяхъ

([1]) Иркутск. епарх. вѣд. 1863 г. Управл. св. Иннок. № 37. 40 1864 г. № 20...

особенно радостныхъ или печальныхъ въ качествѣ приношеній причту являлись разные предметы, служившіе знаками народныхъ представленій, связанныхъ съ обрядомъ, или особаго расположенія къ обряду и его совершителямъ. Такъ при бракѣ молодые стояли не иначе, какъ на особой подстилкѣ, полотенцѣ или платкѣ, руки ихъ повязывались тоже платкомъ; или наприм. мертваго провожали изъ дому съ хлѣбомъ и солью, гробъ его покрывали кусками полотна;—всѣ эти предметы по окончаніи обрядовъ и дѣлались достояніемъ причта. Иное богатое семейство послѣ похоронъ отсылало священнику на поминокъ и ту пару воловъ съ повозкою, на которой везли покойника на кладбище. Сюда же нужно отнести разныя печенья и варенья, приготовлявшіяся къ панихидамъ для поминовенія покойниковъ; всѣ эти мисочки, которыя хозяйки ставили у алтаря, какъ жертву о своихъ покойникахъ въ осенніе праздники до Филиппова поста, и цѣлыя груды книшей, паляницъ, калачей, пироговъ, варениковъ, жареныхъ курицъ, яицъ, сала, мяса и проч. сносились послѣ поминовенія въ комоpы причта. Въ иныхъ случаяхъ между священникомъ и прихожанами происходилъ взаимный обмѣнъ благожеланій и приношеній; наприм. при освященіи пасхи священникъ каждому семейству давалъ просфору и получалъ за нее перепичку,—особо для этого проготовлявшійся хлѣбъ (1). Обычай подобныхъ приношеній сохранился даже и доселѣ какъ въ Малороссіи, такъ и въ другихъ краяхъ Россіи. Церковныя власти издавна старались ограничить его, по крайней мѣрѣ прекратить приношеніе разныхъ яствъ, особенно мясныхъ, въ самую церковь; но усилія ихъ оказались безсильными противъ стараго обычая и православный храмъ при извѣстныхъ случаяхъ, какъ то, во дни общихъ поминовеній, во дни празднованія нѣкоторымъ популярнымъ святымъ въ родѣ Вла-

(1) Рук. для сел. паст. 1864 г. т. II, 446—447.

сія и др., обращался въ настоящій рынокъ, гдѣ были выставлены разныя посудины съ масломъ, яицами, блинами, жареными, а индѣ и живыми курами, поросятами и другими предметами сельскаго хозяйства. Не говоримъ уже объ обычаѣ пасхальныхъ приношеній для благословенія въ храмѣ пасхальныхъ яствъ; этотъ обычай, принятый самою Церковію, сюда не относится, хотя повсюдная обстановка его, этотъ шумъ и толкотня народа около принесенныхъ яствъ, перебранки причетниковъ съ хозяйками при отдѣленіи большей или меньшей части приношеній въ пользу причта и т. п., весьма любопытны и важны для представленія того, что могло быть при подобныхъ приношеніяхъ въ доброе старое время.

Очень важнымъ источникомъ содержанія приходскаго духовенства были его хожденія по домамъ прихожанъ съ крестомъ, св. водою или какою-нибудь чтимою иконою, если таковая имѣлась въ церкви. Старая религіозная Русь чрезвычайно развила у себя эти хожденія со святынями какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, а іерархія успѣла обложить ихъ въ свою пользу даже особымъ окладомъ подъ именемъ славильныхъ денегъ или праздничныхъ гривенъ. Реформа сильно поколебала этотъ религіозный обычай, пріучивъ русскихъ людей слишкомъ много обращать вниманія на насмѣшки надъ проявленіями народной религіозности со стороны разныхъ наѣзжихъ иностранцевъ, преимущественно протестантовъ. Само правительство нерѣдко высказывало стыдливое опасеніе, чтобы въ русской религіозности что-нибудь не могло „дать противнымъ способа къ попошенію на православныхъ“, чтобы „не происходило на благочестіе отъ иновѣрныхъ порицаніе“, и для этого старалось наприм. сокращать число часовенъ, чудотворныхъ иконъ, чудесныхъ преданій, крестныхъ ходовъ и проч. (1). Съ этой же но-

(1) П. С. З. V, 2985 и. 5. VI, 3888. 3975. 4012 и друг.

вой точки зрѣнія оно стало дурно смотрѣть и на хожденія причтовъ со святынями и славленьемъ. Въ 20-хъ годахъ явились даже указы съ прямымъ запрещеніемъ этихъ хожденій; сначала въ 1722 г. запрещено было носить по домамъ св. иконы изъ церквей и монастырей; потомъ въ 1724 г. послѣдовало запрещеніе хожденій по домамъ со св. водою и всѣхъ славленій, кромѣ одного рождественскаго (1). Одинъ причтъ въ Петербургѣ за неисполненіе этого указа подвергнулся даже отрѣшенію отъ мѣста и наказанію плетьми (2). Въ хожденіяхъ по домамъ со святынями дѣйствительно было много темныхъ сторонъ; они часто сопровождались пьянствомъ духовенства и, совершаемыя безъ приглашенія, обращались въ какую-то обязательную повинность для прихожанъ, подвергали духовенство нареканіямъ въ поборахъ и корыстолюбіи. Но безусловное ихъ уничтоженіе естественно было встрѣчено народомъ, какъ дѣло неправославное. На другой же годъ по смерти Петра въ верховномъ совѣтѣ возникъ вопросъ о томъ, что такъ, какъ это уничтоженіе славленій народъ ставитъ себѣ въ озлобленіе, то не слѣдуетъ ли доложить государынѣ объ отмѣнѣ запретительныхъ указовъ, и рѣшено представить этотъ докладъ съ мнѣніемъ, „чтобы въ томъ поступаемо было по древнему христіанскому обыкновенію“ (3). Неизвѣстно, чѣмъ тогда это дѣло кончилось; по всей вѣроятности было забыто, потому что верховному совѣту некогда было заботиться о такихъ мелкихъ вещахъ при его важныхъ занятіяхъ разными придворными конъюнктурами и интригами. Отмѣненіе означенныхъ указовъ послѣдовало уже въ царствованіе благочестивой Елизаветы Петровны (4).

---

(1) Тамже, VI, 3910. VII, 4549.
(2) Историко-стат. опис. спб. епарх. I, 124.
(3) Ист. Россіи. XVIII, 327 – 328.
(4) П. С. З. XII, 7913.

Вслѣдствіе бѣдности духовенства, необходимости жить сборами по приходу поводы къ этимъ сборамъ чрезвычайно умножались. Кромѣ сборовъ за славленія духовенство производило еще множество другихъ, обыкновенно пріурочивавшихся по времени къ разнымъ терминамъ народнаго хозяйства и оплачивавшихся разными хозяйственными продуктами, рожью, пшеницей, ячменемъ, овсомъ, льномъ, ягодами, яицами, шерстью, гречей, лукомъ, сметаной, горохомъ, сѣномъ, грибами, лучиной, дровами, лыками и проч. Такъ явились эти петровщины, осенніе сборы, льнованья и мн. др., которыя хранятся по мѣстамъ и въ настоящее время. Было много платежей мѣстныхъ, существовавшихъ въ одномъ и неизвѣстныхъ въ другихъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наприм. досель соблюдается обычай давать священнику деньги подъ крестъ, съ которымъ онъ выходитъ послѣ литургіи для отпуста. Въ Малороссіи существовалъ въ XVIII столѣтіи такой же сборъ послѣ чтенія при богослуженіи евангелія. Чтеніе его обыкновенно происходило у царскихъ вратъ, при чемъ священникъ становился лицемъ къ народу и раскладывалъ евангеліе на преклоненныя головы переднихъ богомольцевъ; по прочтеніи всѣ цѣловали прочитанную страницу и клали на нее кто грошъ, кто копѣйку (1). Сюда же нужно отнести особый сборъ священно-служителей за всенощной, извѣстный подъ названіемъ выкадки. Предъ 9 пѣснью канона, совершивъ положенное кажденіе предъ иконостасомъ, священникъ и дьякопъ отправлялись потомъ кадить по всей церкви и, проходя по рядамъ прихожанъ, принимали отъ нихъ подаянія, священникъ въ чашечку, а дьяконъ въ подсвѣчникъ, нарочно для этого устроенный съ чашкой по серединѣ. Сборъ этотъ назначался исключительно въ пользу священно-служителей; причетники дѣлали для себя особый сборъ при

(1) Руков. для с. паст. 1864 г. т. I, 222—223.

чтеніи 1-го часа. До насъ дошла жалоба одного священника вологодской епархіи на дьякона (относящаяся къ началу царствованія Петра I), въ которой челобитчикъ жалуется, что дьяконъ беретъ себѣ не ⅓ дохода, какъ водилось прежде, а половину; владыка положилъ на этой челобитной такую резолюцію: „ему попу съ нимъ дьякономъ церковной выкадной и водосвятный доходъ дѣлить — попу двѣ доли, а дьякону треть противъ прежняго архіерейскаго указу“ (1). Выкадка во многихъ мѣстахъ, какъ извѣстно, существуетъ и доселѣ (2).

Не упоминаемъ о тѣхъ случаяхъ, когда въ видахъ умноженія своего дохода духовенство прибѣгало къ злоупотребленіямъ, пользуясь народными суевѣріями, наприм. разглашало ложныя извѣстія о чудотвореніяхъ отъ иконъ, служило молебствія и панихиды у „невѣдомыхъ и несвидѣтельствованныхъ Церковію гробовъ“, или у какого-нибудь суевѣрно чтимаго дуба, источника, камня и т. д. Подобнаго рода корыстное потворство народнымъ суевѣріямъ, строго воспрещенное указами правительства (3), въ XVIII в. было явленіемъ уже довольно рѣдкимъ и сопровождалось нещаднымъ наказаніемъ виновныхъ. Укажемъ на болѣе общій фактъ корыстнаго отношенія духовныхъ лицъ къ своему служенію, бывшій прямымъ слѣдствіемъ съ одной стороны бѣдности духовенства, а съ другой этого безцеремоннаго перенесенія старинной системы кормленія со всѣми ея недостатками на церковную службу, которое такъ часто заставляло и общество и само правительство жаловаться на симонію духовенства, на его торгашество святыней. Мы знакомы

---

(1) Волог. епарх. вѣд. 1866. № 16.

(2) См. Соврем. лист. 1865. № 46. Дух. вѣсти. 1854 т. VII: По поводу статей о бытѣ духовенства.

(3) Дух. Регламент. и Прибав. п. 11. 12. II. С. З. V, 2985 п. 5.

уже съ служеніемъ крестцовыхъ поповъ, у которыхъ это коммерческое отношеніе къ церковной службѣ доходило до крайнихъ, циническихъ размѣровъ. Но вотъ явленіе, котораго нельзя обойти безъ вниманія, явленіе совершенно однородное съ крестцовой службой, но относившееся уже не къ одному деморализованному классу крестцовыхъ поповъ. Въ 1732 г. оберъ-прокуроръ св. Синода кн. Шаховскій въ бытность свою въ Москвѣ замѣтилъ у Спасскихъ воротъ множество духовныхъ лицъ, поповъ и дьяконовъ отъ приходскихъ церквей, которые съ необычайнымъ крикомъ и перебранками собирали тутъ передъ литургіей поминанья. Московская консисторія по его распоряженію немедленно созвала въ свое присутствіе всѣхъ ружныхъ и придѣльныхъ священниковъ и взяла съ нихъ подписки не ходить къ Спасскимъ воротамъ собирать памятцы, пригрозивъ за неисполненіе этого распоряженія плетьми и монастырскимъ подначаломъ, а къ воротамъ для поимки ослушниковъ отрядила своего вахтмистра съ солдатами. Но собирателей памятцевъ оказалось также трудно разогнать, какъ и крестцовыхъ поповъ. До самаго управленія м. Платона въ воротахъ и въ кремлѣ каждый праздникъ съ ранняго утра толпилось множество духовныхъ лицъ, и штатныхъ, и заштатныхъ, которые приставали къ каждому прохожему съ предложеніемъ, не надобно ли ему помянуть кого за обѣдней, при этомъ шумно между собою спорили и даже вступали изъ-за памятцевъ въ драку. Наприм. въ 1752 г. консисторія производила дѣло о дракѣ придѣльнаго попа отъ Спаса на Бору съ придѣльнымъ же дьякономъ Благовѣщенскаго собора; при собираніи памятцевъ на площади попъ ударилъ дьякона палкой и прошибъ ему голову „отъ простоты, оборопяясь“, какъ онъ объяснялъ на допросѣ. Консисторія опредѣлила, что хотя его и слѣдовало бы за это подвергнуть запрещенію въ священнослуженіи, но какъ, можетъ быть, онъ и подлинно учинилъ то съ простоты, оборопяясь, то учинить ему на страхъ другимъ

при консисторіи нещадное плетьми наказаніе и за тѣмъ опять отпустить къ должности. Въ 1761 г. протоіерей Покровскаго собора подалъ жалобу на придѣльнаго дьякона за то, что онъ „діаконъ дѣлаетъ похабство, а именно, которые боголюбивые по знакомству богомольцы въ соборъ для поминовенія родителямъ приносятъ паряду литургій и панихидъ съ кутіею, то онъ діаконъ похабствомъ своимъ отнимаетъ у нихъ кутіи на монастырѣ (въ оградѣ) и не допускаетъ до церквей съ кутіею; такожде и приносимые отъ боголюбивыхъ подателей памятцы вырываетъ же безчинно“ (1).

Немного впрочемъ благовиднаго было и въ обычномъ способѣ вознагражденія духовенства за его трудъ, въ этомъ непосредственномъ платежѣ священно-служителю за каждую требу вслѣдъ за ея совершеніемъ, который въ настоящее время не даромъ такъ усиленно стараются облагородить разными фразами о сближеніи духовенства съ прихожанами и т. п., но который все-таки очень естественно наводитъ мірянина на мысль о торговлѣ святыней. Въ прежнее время неблаговиднаго факта не умѣли да и не считали нужнымъ прикрывать покровами искусственныхъ объясненій и разныхъ хорошихъ словъ; плата за требу такъ и выставлялась, какъ плата въ настоящемъ ея смыслѣ, и прихожанинъ прямо спрашивалъ священника, сколько наприм. у него стоитъ обвѣнчать свадьбу, или крестить ребенка, а священникъ еще до совершенія требы откровенно объявлялъ, сколько онъ желаетъ за нее взять. Понятно, что прихожанину и въ голову не приходило оцѣнить труды священно-служителя во всей ихъ совокупности, подумать объ общемъ обезпеченіи существованія своего приходскаго причта. Все вниманіе его было обращено только на частности, на плату за ту или другую требу въ отдѣльности, при чемъ са-

---

(1) Ист. моск. сп. упр. I, 124. II. кн. 1. 163. 180. прим. 300, № 2. кн. 2, прим. 467.

мое уже множество этихъ мелкихъ подачекъ, которыя съ него сходили, заставляло его думать, что духовенство богато и беретъ слишкомъ уже много, обвинять его въ жадности, усчитывать, давать ему по возможности меньше; кромѣ того совершеніе каждой отдѣльной требы, возглашеніе нѣсколькихъ молитвъ и св. пѣсней казалось такимъ легкимъ дѣломъ, особенно по сравненію съ какимъ-нибудь житейскимъ, матеріальнымъ трудомъ, что прихожанину невольно думалось, отъ чего же это легкое дѣло цѣнится такъ дорого и стоитъ ли за него давать гривну, когда оно въ самомъ дѣлѣ и гроша не стоитъ. Припомнимъ, что духовенству нерѣдко и теперь приходится выслушивать замѣчанія въ родѣ наприм. такого: „ваше дѣло легкое; мы вотъ все горбомъ, а вы только горломъ. Сказалъ: Господи помилуй, Господи помилуй 40, — и гривна; потомъ: аллилуія, аллилуія...—и пятакъ“. Съ своей стороны духовенство старалось оцѣнить свой трудъ какъ можно дороже, поднять плату за требы какъ можно выше, запрашивало и торговалось. Отсюда постоянныя жалобы на него прихожанъ за вымогательство, множество дѣлъ объ этомъ вымогательствѣ и въ консисторіяхъ и въ Синодѣ, энергичныя противъ него обличенія и угрозы со стороны какъ духовной, такъ и свѣтской власти, которыя единодушно обвиняли его въ „симоніи и безстудномъ нахальствѣ“ (1). При этомъ никто не обращалъ вниманія на то, какія причины произвели подобныя печальныя явленія въ жизни духовенства и состоятельнъ ли самый порядокъ вознагражденія его за службу, изъ котораго эти явленія выродились; свѣтлая мысль Петра о средствахъ, какъ отвратить симонію духовенства, была забыта. Репута-

(1) Факты см. наприм. въ Регл. III, п. 13. Приб. о священст. п. 21. 22. Инстр. благоч. Платона Малиновскаго п. 5. П. С. З. 10675. Чтен. 1867 г. т. II: Матеріал. для ист. Сибири, 291—293. Р. Арх. 1871 г. стр. 1887 и мн. др.

ція и авторитетъ духовенства жестоко страдали; надъ его жадностью издѣвалась народная молва, создавая всѣмъ знакомыя сказки и прибаутки о попахъ, издѣвалось образованное общество и новорожденная литтература (1).

Не касаясь сущности дѣла, старались оградить прихожанъ отъ поповскихъ вымогательствъ посредствомъ назначенія опредѣленной таксы за требы. Начало этого таксированія требъ видимъ еще въ приходскихъ договорахъ съ духовенствомъ, которымъ съ теченіемъ времени, по крайней мѣрѣ въ югозападной Россіи, придавалось все больше и больше оффиціальнаго значенія. Но когда съ паденіемъ выборнаго значенія духовенства до послѣдней степени сократились и наконецъ вовсе стали уничтожаться и самые договоры духовныхъ лицъ съ прихожанами, не стало и этой гарантіи прихожанъ противъ поповскихъ стяжаній. Тогда правительство рѣшилось выдать уже свою обязательную таксу за требы; это случилось при имп. Екатеринѣ II. Въ 1765 г. вышелъ сенатскій указъ, въ которомъ, выставивъ на справку извѣстное намъ предположеніе Регламента о подворномъ сборѣ въ приходахъ на содержаніе причтовъ, Сенатъ писалъ: „чего ради ея имп. в—во февраля 17 дня сего 1765 г... повелѣть соизволила, чтобы тѣми священно-и-церковно-служителями, въ селахъ и деревняхъ состоящими, съ крестьянъ, въ приходахъ имѣющихся, брано было, а именно: за молитву родильницѣ 2 коп., крещеніе младенца 3, за свадьбу по 10, за погребеніе возрастъ имѣющихъ 10, а за погребеніе младенцевъ 3 коп., за исповѣдь же и причащеніе св. таинъ отнюдь ничего не брать, а за молебны и поминовеніе родителей давать каждому по соизволенію и по возможности, которое положеніе опредѣляется въ разсуж-

(1) Указываемъ на сатиры Кантеміра; см. замѣтку о нихъ съ этой стороны въ Ист. Россіи т. XX, 281—282.

деніи крестьянства и людей неимущихъ, что же касается до тѣхъ, кои по своему имуществу и желанію за какія изъ вышеписанныхъ требъ давать что по своему состоянію будутъ, оное имъ не запрещается, точію чтобъ священно-и-церковно-служители ни подъ какимъ видомъ большаго себѣ за оныя требы платежа не домогались, а довольны бъ были таковымъ указнымъ и доброхотнымъ подаяніемъ" (1). Положеніе это велѣно было вывѣсить во всѣхъ церквахъ для всеобщаго свѣдѣнія.

Прежде всего нельзя не обратить здѣсь вниманія на то, что цифры, показанныя таксой, были очень малы вравненіи съ количествомъ платежей за требы, утвержденныхъ обычаемъ. Вотъ одинъ современный указу о таксѣ договоръ (1769 г.) священника чигиринскаго уѣзда Никифора Исаевича съ прихожанами с. Юсковецъ, принадлежавшаго кн. Яблоновскому, именно такими прихожанами, какихъ имѣлъ въ виду указъ о таксѣ. Прихожане обязывались платить своему священнику: за сорокоустъ 4 р., за каждое евангеліе, читаемое при погребеніи, 4 коп., за погребеніе младенца гривну, возрастнаго 2 гривны, за крещеніе отъ кума и кумы по 2 коп., за елеосвященіе 5 гривенъ, за вѣнчаніе первобрачныхъ полкопы, второбрачныхъ 5 гривенъ, за постный кухликъ 5 коп., за освященіе дома 2 гривны, колодезя 5 коп., за молебенъ и акаѳистъ по 5 же, за литургію 2 гривны (2). Въ тоже время въ Москвѣ причты обыкновенно получали: за крестины 25—50 к., за свадьбу 1—2 руб., погребеніе 50—80 коп., молебенъ съ водосвятіемъ 10 и 20 к., сорокоустъ 1, 2 и болѣе рублей (3). Мы не можемъ къ сожалѣнію указать такихъ же опредѣленныхъ цифръ

---

(1) П. С. З. XVII, 12378.

(2) О способ. содерж. дух. въ кіевск. губерніи въ XVIIIв. Рук. для с. паст. 1860 г. № 9.

(3) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 2. 337.

относительно доходовъ за требы въ сельскихъ приходахъ Великороссіи, но все-таки никакъ не можемъ допустить, чтобы и здѣшнее духовенство по прежнему обычаю не получало значительно больше противъ положенія 1765 г. Принявъ во вниманіе самое большое годовое количество требъ на 100 приходскихъ душъ, именно до 10 рожденій, 2 браковъ и 8 погребеній (одного взрослаго и 7 младенцевъ), мы и въ такомъ случаѣ найдемъ, что по положенію весь доходъ причта отъ каждой сотни душъ могъ простираться не далѣе 1 руб. въ годъ. Если по тому же размѣру къ этой суммѣ присоединить еще приблизительныя цифры дохода за тѣ требоисправленія, о которыхъ въ положеніи не упомянуто, какъ то 10 молитвъ роженицамъ въ 40 день по 2 коп., около двухъ елеосвященій копѣекъ по 10 (наравнѣ съ погребеніемъ), за разныя молебствія (до 6 въ годъ на домъ) около 5 коп. съ души, то и въ такомъ случаѣ общая цифра доходовъ съ 100 душъ дойдетъ только до 1 р. 90 коп. Такъ какъ по штатамъ одинъ причтъ (изъ священника и двоихъ причетниковъ) полагался на 100—200 дворовъ, т. е. по обычному въ XVIII в. переводу дворовъ на души— на 400—800 душъ, то, принимая среднюю цифру 600 душъ, мы найдемъ общую сумму годоваго дохода причта за требы всего въ 11 руб. 40 к., — количество очевидно весьма недостаточное для обезпеченія 3-хъ человѣкъ съ семействами даже при тогдашней дороговизнѣ денегъ; если оно и могло имѣть нѣкоторое значеніе, то развѣ въ связи съ разными сборами по приходу натурой, доходами отъ церковной земли и т. д. Общественное мнѣніе, а тѣмъ болѣе масса простаго народа конечно не занимались подобными общими соображеніями о средствахъ причтовъ. Но занялось ими и правительство, издавая свою таксу и обративъ при этомъ свое сердобольное вниманіе лишь на одну сторону дѣла, на то, что народъ часто страдаетъ отъ поповскихъ вымогательствъ. Любопытно, что положеніе запретило давать плату за исповѣдь и причащеніе,

очевидно соблазнившись въ отношеніи къ этимъ таинствамъ коммерческимъ характеромъ своей таксы, но дальше этого простодушнаго изключенія не пошло и остальныя таинства уже съ чистой совѣстью обложило опредѣленнымъ платежемъ по таксѣ. Изъ всего этого видно, что указъ, публиковавшій положеніе, совершенно напрасно сослался на Регламентъ и заявилъ претензію на то, что привелъ въ исполненіе заключавшееся тамъ предположеніе Петра великаго; между ними не было ничего общаго, потому что Регламентъ проектировалъ совершенно уничтожить старую систему обезпеченія духовенства, замѣнивъ ее годовымъ подворнымъ сборомъ съ прихожанъ въ пользу причта и указавъ послѣднему не брать никакой платы за требы непосредственно за ихъ совершеніемъ, тогда какъ положеніе 1765 г. создано все на старыхъ началахъ и насквозь проникнуто старыми же понятіями со всею ихъ узкостью и указанной нами неблаговидностію, которая скорѣе свойственна грубымъ понятіямъ чернаго народа, чѣмъ правительства философскаго вѣка.

Такса, разумѣется, не прекратила ни вымогательныхъ поборовъ духовенства, ни жалобъ на него прихожанъ, потому что причины, производившія эти печальныя явленія, оставались однѣ и тѣже. Даже въ Москвѣ производились наприм. такого рода дѣла. Въ 1767 г. одинъ фельдшеръ изъ шведовъ Никита Ланшевъ жаловался консисторіи, что когда его приходскій причтъ (изъ 5 человѣкъ) во время пасхальнаго хожденія по приходу былъ у него въ домѣ и когда онъ по окончаніи святыни далъ попу на соборъ 14 коп., то попъ и дьяконъ съ причетниками требовали еще 10 коп., печенаго хлѣба и пирога, а когда онъ не далъ, то бранили его сквернымъ словами, потомъ, бросивъ ковчегъ съ крестомъ, били его смертно, и при тѣхъ побояхъ попъ укусилъ у него палецъ лѣвой руки и едва оный прочь не откусилъ; въ доказательство доношенія онъ ссылался на свидѣтельство бывшихъ у него на ту пору гостей. Авторъ Исторіи моск. епарх.

управленія замѣчастъ, что такого рода дѣлъ отъ того времени въ московской консисторіи сохранилось много. Корыстолюбіе московскаго духовенства особенно рѣзко выказалось во время моровой язвы 1771 г. (1). Въ указѣ, возвѣщавшемъ объ убіеніи преосв. Амвросія, сказано: „нѣкоторые изъ духовенства, имени сего и своего весьма впрочемъ почитаемаго сана недостойные, богослуженіе въ торжище обратили и руки къ принятію гнусной мзды простерли“ (2). Въ слѣдующемъ году вышелъ указъ по поводу производившагося въ св. Синодѣ дѣла священника каргопольскаго уѣзда Василія Иванова. По слѣдствію оказалось, что онъ дѣлалъ своимъ прихожанамъ многія обиды, раззоренія и взятки, съ одной крестьянки за погребеніе ея брата требовалъ рѣзной складень цѣною въ 2 р. 50 к., а съ другой за погребеніе ея мужа 50 коп., и не получивъ требуемаго, не хоронилъ мертвыхъ тѣлъ цѣлую недѣлю, такъ что въ церковной трапезѣ, гдѣ лежали трупы, на лавкахъ и по полу текла пересадная кровь, на тѣлахъ показались черви и по всей церкви было страшное зловоніе, потомъ похоронилъ ихъ заодно общимъ погребеніемъ съ умершимъ тогда младенцемъ женскаго пола, кромѣ этого тоже по вымогательству лишняго платежа не хоронилъ еще двухъ младенцевъ, на которыхъ уже и черви были, у одного крестьянина допустилъ умереть безъ крещенія ребенка и т. п. Свидѣтели—103 человѣка, въ томъ числѣ приходскій дьячекъ, приложили къ своимъ показаніямъ длинный реэстръ поборовъ священника при крещеніи, вѣнчаніи и погребеніи и довели его до полнаго сознанія во всемъ. Опредѣливъ лишить виновнаго священства и отослать въ свѣтскую команду, св. Синодъ указалъ публиковать объ этомъ слѣдствіи по всѣмъ епархіямъ

---

(1) Ист. моск. еп. упр. II, кн. 2, 393, примѣч. 345.
(2) П. С. З. XIX, 13695.

и обязалъ епархіальныхъ архіереевъ имѣть строгое наблюденіе, чтобы духовенство вездѣ воздерживалось „отъ таковыхъ незаконныхъ поступокъ“ (1).

Епархіальные архіереи дѣйствительно много заботились объ искорененіи вымогательствъ духовенства за требы; но понятно, что всѣ попеченія ихъ по этой части должны были ограничиваться ни чѣмъ инымъ, какъ поученіями, архипастырскими увѣщательными посланіями и разными исправительными наказаніями, т. е. тѣми же мѣрами, которыя употреблялись и прежде и безполезность которыхъ была уже давнымъ давно испытана. Такъ, м. Платонъ въ инструкціи благочиннымъ указывалъ послѣднимъ строго наблюдать, чтобы духовные не были корыстолюбивы, ни за какую требу платы у прихожанъ не домогались и договора не чинили, а были бы довольны своими оброки и доброхотнымъ даяніемъ. Въ 1781 г. онъ обратилъ вниманіе на поборы духовенства съ раскольниковъ и разослалъ по епархіи циркуляръ, въ которомъ писалъ: „извѣстно намъ, что приходскіе священники въ праздничные дни съ животворящимъ крестомъ не оставляютъ ходить и къ раскольникамъ, которые не только сію святыню не пріемлютъ съ подобающимъ благоговѣніемъ, но ниже ихъ священниковъ въ то время во дворъ свой принять желаютъ и тѣмъ немалое причиняютъ святынѣ безчестіе; а священники, льстясь на одну безчестную корысть, всему тому подаютъ случай, вмѣсто того, чтобы имъ честь Церкви и сана своего надлежало бы уважать паче всего“; за тѣмъ циркуляръ строго запрещаетъ духовенству входить со святыней въ раскольническія жилища. Въ другомъ такомъ же указѣ 1787 г. митрополитъ запрещалъ брать, какіе бы то ни было, денежные сборы съ раскольниковъ, объясняя, что „крайне соблазнительно священнику отъ человѣка,

(1) П. С. З. XIX, 13910.

Церкви отвратившагося, чего-либо къ подаянію требовать“ (1). Какъ безплодны были подобные указы, показываетъ дѣло, поднятое тѣмъ же преосвященнымъ объ искорененіи соблазнительныхъ хожденій духовенства по приходамъ въ пасху съ образами. Въ 1778 г. консисторія доложила ему, что это обыкновеніе влечетъ за собою „крайне предосудительныя и нарекательныя на благочиніе церковное и духовенство слѣдствія, какъ то: съ тѣми образами ходятъ не токмо такъ называемые богоносцы, но и самые священники въ невоздержномъ и пьянственномъ образѣ; при пошеніи тѣхъ образовъ по суевѣрному мнѣнію валяютъ поповъ въ ризахъ по полямъ; а притомъ нерѣдко случалось, что образа, поставленные въ избахъ и клѣтяхъ, сгорали, а иногда образа, какъ праздникъ обыкновенно случается въ весеннее время, при разлитіи водъ утопали въ рѣкахъ; что все причиняетъ святыни безчестіе“ и проч. Докладъ предполагалъ заставить духовенство ходить по приходу безъ образовъ съ однимъ крестомъ и въ епитрахили. Преосвященный утвердилъ докладъ, сталъ наказывать ослушныхъ священниковъ штрафами и монастырскимъ подначаломъ, но старый обычай продолжалъ держаться по прежнему, такъ что черезъ два года тщетныхъ попытокъ настоять на выполненіи своего распоряженія митрополитъ долженъ былъ отъ него отступиться и, снисходя на просьбы многихъ крестьянскихъ приходовъ, опять дозволилъ духовенству ходить съ образами, „доколѣ Господь Богъ снабдитъ церкви свои просвѣщеннѣйшими священниками, кои бъ въ состояніи были и сами знать, въ чемъ состоитъ истинное богопочтеніе, и другихъ тому научить“ (2).

---

(1) Ист. моск. епарх. упр. III, кн. 1, 96—97.
(2) Тамже, стр. 138—140.

Въ другихъ епархіяхъ встрѣчаемъ не менѣе выразительныя распоряженія епархіальнаго начальства, по которыхъ можно наглядно изучать быть тогдашняго духовенства. Преосв. Кириллъ Флоринскій при вступленіи въ управленіе сѣвской епархіей разослалъ такой циркуляръ духовенству: „часто случается съ крайнимъ сожалѣніемъ правосл. нашу вѣру такими злоупотребленіями безчестимою, иновѣрными поносимою видѣть, которыхъ и у самыхъ невѣрныхъ идолопоклонниковъ не слышно, какъ наприм. когда нищій или неимущій умеръ человѣкъ, что ничего и ниоткуду на погребеніе свое не оставитъ, то завистливыя священниковъ сердца дотолѣ человѣчествомъ и совѣстію священническою не тронутся и сребролюбіемъ кипящія утробы своя погребенію неимущихъ сребра дотолѣ не подвигнутъ, пока нищаго трупъ поверженъ на улицѣ званія своего не исполнитъ, которое отправлялъ, пока т. е. не накопитъ денегъ безстуднымъ священникомъ въ жертву“ (1). Въ Смоленскѣ преосв. Парѳеній разсылалъ циркуляры, въ которыхъ, запрещая духовенству вымогательства за требы, особенно возставалъ противъ праздничныхъ хожденій по домамъ безъ зову и въ сопровожденіи цѣлой толпы священно-и-церковно-служительскихъ женъ и дѣтей, которыя тоже при этомъ требовали отъ прихожанъ подачекъ на свою долю (2). Особенно замѣчательно одно распоряженіе подобнаго рода, разосланное въ 1788 г. (14 февр.) по казанской епархіи преосв. Амвросіемъ Подобѣдовымъ. Оно показываетъ, что мудрый архипастырь, разсматривая жалобы прихожанъ на поборы духовенства, не вдругъ рѣшился обвинять во всемъ одно духовенство, какъ это дѣлали другіе архіереи въ родѣ горячаго, неумѣвшаго сдерживать своихъ чувствъ и потому неспособнаго спокойно обсу-

---

(1) Орловск. епарх. вѣд. 1867 г. № 6.
(2) Истор.-стат. опис. смоленск. епарх. 124.

дить дѣло Кирилла сѣвскаго, а отнесся къ этимъ жалобамъ со всѣмъ вниманіемъ и нашелъ, что многія изъ нихъ не заслуживаютъ никакого вниманія. „Изъ многихъ производимыхъ въ консисторіи дѣлъ, сказано здѣсь, изъ подаваемыхъ часто его преосв—ву просьбъ усмотрѣно, что многіе прихожане доносятъ, что священники за исправленіе у нихъ требъ усильствомъ своимъ берутъ немалую сумму деньгами, хлѣбомъ, скотомъ, птицами и др. разными вещами; но при разсматриваніи его преосв—вомъ въ консисторіи таковыя просьбы оказываются большею частію неосновательными: 1) что они, не давая священникамъ ничего, могли бы [illegible] часъ на нихъ по закону просить во первыхъ словесно у благочиннаго, а потомъ письменно въ дух. правленіи и въ консисторіи или у его преосв—ва; 2) таковые доносы бываютъ по весьма долгопрошедшемъ времени, и сіе примѣчается не отъ чего иного, какъ по каковымъ либо у нихъ съ священно-и-церковно-служителями ссорамъ, которыя не рѣдко бываютъ съ священниками самыми добрыми, требующими отъ нихъ надлежащаго должностей христіанскихъ исполненія, [illegible] и просьба ихъ по требамъ случается [illegible] священникъ не исполняетъ, по каковымъ [illegible] довольно духовной, но въ собраніи [illegible] къ дѣлу справокъ и свѣтской командѣ бываетъ затрудненіе, при рѣшеніи же сихъ дѣлъ не иное что выходитъ, какъ тѣ просьбы всегда почти оказываются ложныя, какъ доносители, не имѣвъ, чѣмъ болѣе доказать на отвѣтчиковъ, совсѣмъ хожденія не имѣютъ, а по другимъ изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что дача была доброхотная, и не принужденная, наконецъ сами больше, нежели священники, остаются виновными". За тѣмъ, приведя вполнѣ уложеніе о требахъ 1765 г., указъ продолжаетъ: „и въ пресѣченіе показанныхъ жалобъ опредѣлилъ его преосв—во учинить слѣдующее: изъ консисторіи сообщить въ намѣстническія правленія, дабы благоволили объ ономъ высочайшемъ указѣ, чрезъ кого слѣдуетъ, дать знать всѣмъ по вѣдомствамъ

своимъ городскимъ и уѣзднымъ приходскимъ людямъ для вѣдома и исполненія съ тѣмъ, дабы они впредь объ ономъ невѣдѣніемъ не отказывались и въ просьбы напрасныя, давъ изъ доброхотства лишное, не входили. А ежели бы отъ какого священника гдѣ либо случилось какое домогательство или изъ сего остановка въ требоисправленіи, то бы въ тоже самое время по отдаленнымъ мѣстамъ приносили жалобу и требовали удовольствія отъ благочинныхъ или отъ духовныхъ правленій, а въ ближнихъ съ тѣмъ же приходили бъ къ его преосв—ву или въ консисторію. А благочинным и дух. правленіямъ изъ консисторіи строжайше дписать, дабы какъ только таковая просьба отъ ого вступитъ, ни мало не медля сами отправясь или другихъ священниковъославъ, тѣ требы исправлять, ежели найдутся законными, а о попѣ съ яснымъ показаніемъ, для чего онъ сдѣлалъ остановку, и о томъ, ежели отъ того какой прихожанину произошелъ убытокъ, представлять къ его преосв—ву не медля“ (1).

[illegible] началѣ текущаго столѣтія правительство снова обра[illegible]ніе на доходы духовенства отъ тре[illegible] и на первый разъ рѣшилось измѣнить [illegible] г., явно невыгодное для духовенства. Указомъ 3 апрѣля 1801 г., „согласно мнѣнію св. Синода и по уваженію возвысившихся цѣнъ“, такса за требы была возвышена вдвое, при чемъ, какъ и въ указѣ 1765 г., на волю прихожанъ оставлено давать духовенству и больше положеннаго, безъ всякаго однако со стороны духовныхъ притязанія и домогательства (2). Указъ такимъ образомъ не отступилъ отъ прежней точки зрѣнія на дѣло и въ сущности оставилъ нетронутымъ весь прежній порядокъ вознагражденія за требы. Но въ тоже время встрѣчаемъ явле-

---

(1) Изъ церк. бумагъ с. Именева цивильск. уѣзда.
(2) П. С. З. XXVI, 19836.

нія, которыя показываютъ, что и въ общественной и въ правительственной сферѣ успѣло уже развиться довольно ясное сознаніе неприличія и несостоятельности этого порядка. Какъ и слѣдовало ожидать, современникамъ прежде всего бросалась въ глаза неблаговидность нищенскихъ хожденій приходскихъ причтовъ по дворамъ въ разные праздники. Въ 1805 г. архангельская градская дума прислала замѣчательное представленіе въ св. Синодъ. Священно-служители, говорилось здѣсь, „по малоимѣнію своихъ доходовъ принуждены бываютъ о св. пасхѣ, о рождествѣ и въ прочіе храмовые праздники ходить съ крестомъ по домамъ прихожанъ, что не только противно указу 1724 г. августа 16 дня, но и отнимаетъ должное къ нимъ уваженіе: ибо во многіе домы иногда святыни съ подобающимъ благоговѣніемъ не пріемлютъ и священниковъ съ должною честію не пускаютъ подъ разными предлогами“. Въ отвращеніе этого дума положила замѣнить славленные сборы духовенства постояннымъ годовымъ жалованьемъ въ количествѣ соразмѣрномъ съ числомъ членовъ въ каждомъ причтѣ, соборянамъ въ количествѣ 500 р., приходскимъ причтамъ отъ 250 до 50 р., „каковую складку разположить уравнительно на городовыхъ обывателей, производя сборъ сихъ денегъ вмѣстѣ съ собираемою на содержаніе градской полиціи суммою“. Архангельскій преосв. Евлампій нашелъ такое предположеніе полезнымъ, замѣтивъ только, что хожденій съ крестомъ въ домы прихожанъ, которые того пожелаютъ, вовсе запрещать не слѣдуетъ и послѣ осуществленія предположенія думы, и когда дума отвѣтила на это замѣчаніе, что она именно такъ и понимала дѣло, представилъ ея предположеніе на утвержденіе св. Синода. Св. Синодъ опредѣлилъ: „поелику означенное вмѣсто собираемаго при хожденіи съ крестомъ дохода денежное содержаніе причтамъ не только можетъ быть достаточно, но сверхъ того особо имъ послужитъ къ вящшему уваженію отъ прихожанъ, ибо они, хотя въ домы ихъ для славленья въ прочіе празд-

ники, кромѣ рождества Христова, въ противность именного высочайшаго 1724 г. указа навлекаютъ на себя съ одной стороны преступленіе закона (св. Синодъ на этотъ разъ даже забылъ, что этотъ законъ былъ уже давно отмѣненъ), а съ другой отъ прихожанъ униженіе званію своему, чрезъ упоминаемый же способъ все сіе отвращено будетъ, а притомъ и они священно-и-церковно-служители, будучи обезпечены средствомъ, предполагаемымъ думою, въ непотерянiи своихъ доходовъ, ревностнѣе станутъ исполнять въ праздники возложенныя на нихъ должности; и потому, утверждая архангелогородскихъ гражданъ положеніе, яко полезное къ улучшенію жребія священно-и-церковно-служителей, и относя цѣль сію, къ собственной ихъ гражданъ чести клонящуюся, къ точнѣйшему соблюденію вышеозначеннаго указа, св. Синодъ полагаетъ произвесть то положеніе въ дѣйствіе". По утвержденіи государемъ опредѣленіе это разослано ко всѣмъ архіереямъ при указѣ, въ которомъ имъ поручалось стараться о возбужденіи такого же похвальнаго рвенія и въ другихъ городахъ и выражалась надежда, что примѣръ архангелогородцевъ „по времени и случаю — симъ великимъ посредникамъ дѣяній человѣческихъ"—возбудитъ себѣ подражаніе повсюду (1). Примѣры подражанія скоро дѣйствительно явились въ Одессѣ и Рыбинскѣ. Одесское общество тоже составило приговоръ—въ замѣнъ праздничнаго дохода причтовъ отъ хожденій по дворамъ выдавать постоянное жалованье протоіерею 200 р., священникамъ по 150, дьяконамъ по 100, дьячкамъ по 75, пономарямъ по 30, взимая эту сумму съ гражданъ по расположенію вмѣстѣ съ сборомъ на городскія повинности (2). Въ

---

(1) П. С. З. XVIII, 21920.

(2) Приговоръ одесской думы дѣйствовалъ и въ прошедшее царствованіе. Отпускъ изъ городскихъ доходовъ денегъ на

Рыбинскѣ по предложенію ярославскаго губернатора Голицина въ 1808 г. положено было въ замѣнъ дохода отъ славленій выдавать изъ городскихъ суммъ соборнымъ причтамъ по 400, приходскимъ по 150 р. въ годъ (1). Но послѣ этого два великихъ посредника дѣяній человѣческихъ не проявляли ничѣмъ своего вліянія на русское общество до самаго послѣдняго времени.

Въ 1808 г. вопросъ о платѣ за требы поднятъ былъ по случаю начавшихся тогда широкихъ преобразованій во всѣхъ вообще способахъ содержанія духовенства и духовныхъ училищъ, для обсужденія которыхъ учрежденъ былъ особый комитетъ. Пересмотрѣвъ всѣ наличные способы содержанія духовенства, комитетъ этотъ нашелъ ихъ весьма неудовлетворительными. „Одно воззрѣніе на табель сихъ доходовъ, писалъ онъ въ своемъ докладѣ государю (2), можетъ удостовѣрить, сколь они недостаточны и даже въ большей части церквей совершенно скудны. По вѣдомостямъ, изъ епархій присланнымъ, на коихъ табель сія основана, изъ 26417 церквей, нынѣ состоящихъ, едва находится 185, коихъ бы доходъ на каждый причтъ простирался до 1000 руб. Всѣ прочія, низходя отъ сего количества и постепенно умаляясь въ ихъ доходѣ, представляются въ самомъ бѣдномъ состояніи, такъ что въ нѣкоторыхъ доходъ показанъ отъ 5 до 10 руб. въ годъ, а въ самой большей ихъ части составляетъ 50—150 р. Самое существо сихъ доходовъ подвержено весьма важнымъ неудобствамъ. Сборъ за мірскія требы поставляетъ священника въ непрерывное состязаніе съ тѣми

духовенство прекращенъ въ 1859 г. вслѣдствіе уменьшенія городскихъ доходовъ отъ прекращенія дарованныхъ Одессѣ въ 1817 г. правъ порто-франко. Херсонск. епарх. вѣд. 1864 г.

(1) Ярослав. епарх. вѣд. 1863 г. № 20.

(2) Высочайше утвержденный докладъ комитета въ П. С. З. XXX, 23122.

самыми лицами, коихъ любовь и уваженіе ему наиболѣе нужны. Упадая большею частію не на цѣлое селеніе во всемъ его составѣ, но на нѣкоторыя только лица, сборъ сей распредѣляется не по мѣрѣ имущества, но по случайнымъ произшествіямъ жизни и слѣдовательно весьма часто тяготитъ людей недостаточныхъ. Сіи и другія уваженія давно уже заставляли помышлять объ отмѣнѣ платы за требы". Съ своей стороны комитетъ полагалъ вмѣсто мелкихъ сборовъ за требы опредѣлить на содержаніе церковныхъ причтовъ доходъ постоянный, послѣ чего обязать ихъ всѣ „необходимыя требы", какъ то: крещеніе, муропомазаніе, причащеніе, покаяніе, бракъ, елеосвященіе, молитвы родильницамъ, отпѣваніе и присоединеніе къ Церкви иновѣрцевъ, совершать уже безмездно, а вознагражденіе брать только за тѣ требы, которыя зависятъ единственно отъ воли самихъ прихожанъ.

Такимъ образомъ комитетъ очень близко подошелъ было къ мысли Д. Регламента, которую даже и поцитовалъ въ своемъ докладѣ; но въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ соображеній онъ потомъ совершенно отъ нея отступился на томъ произвольно припятомъ основаніи, что постоянные оклады причтовъ должны быть равны между собою, а между тѣмъ приходы, съ которыхъ нужно ихъ собирать, далеко не равны, вслѣдствіе чего и сборъ этотъ не можетъ быть уравнителенъ. Неудобство это, разсуждалъ комитетъ, конечно можно бы устранить тѣмъ, что, сложивъ всю сумму на содержаніе причтовъ въ одинъ счетъ, разложить ее налогомъ на всѣхъ вообще мірянъ на основаніи общихъ правилъ, припятыхъ для казенныхъ сборовъ, и выдавать ее причтамъ изъ казначействъ и казенныхъ палатъ; но 1) „подать сія несовмѣстна съ тѣми отношеніями, какія соединяютъ духовенство съ народомъ и въ коихъ должно стараться по всей возможности удалять всякое понятіе притязанія и отягощенія; 2) каждая перемѣна въ количествѣ церквей и приходовъ, отъ переселенія и другихъ происшествій часто быть

могущая, потребовала бы перемѣны и новаго расположенія и въ самомъ налогѣ или дополненія изъ другихъ государственныхъ источниковъ, а то и другое было бы соединено съ важными неудобствами". Вслѣдствіе этого комитетъ предпочелъ обезпечить духовенство жалованьемъ изъ государственнаго казначейства и церковныхъ экономическихъ суммъ. Какъ выполнены были его предначертанія на практикѣ, увидимъ въ своемъ мѣстѣ, при обозрѣніи правительственныхъ мѣръ къ обезпеченію духовенства. Въ своихъ соображеніяхъ комитетъ очевидно опустилъ изъ виду, что общій годовой окладъ на каждый причтъ могъ быть такою же доброхотною жертвою со стороны самихъ прихожанъ, какъ и мелкія подачки за требы, могъ быть только простымъ сложеніемъ въ одну сумму этихъ самыхъ подачекъ, стало быть, могъ нисколько не нарушать извѣстныхъ отношеній духовенства къ прихожанамъ, а представилъ бы напротивъ только болѣе раціональный видъ тогоже вознагражденія духовенства за его трудъ, какое было и прежде; еще недавно самъ св. Синодъ такъ радостно привѣтствовалъ назначеніе подобныхъ окладовъ въ Архангельскѣ и Одессѣ. Не обративъ вниманія на эту важную сторону дѣла, комитетъ прямо понималъ проектируемые имъ оклады на причты въ смыслѣ налога, подати съ прихожанъ, регламентированной правительствомъ, и съ этой точки зрѣнія дѣйствительно имѣлъ резонъ ихъ отвергнуть, какъ непригодные для цѣли.

На тѣхъ же началахъ и съ той же точки зрѣнія вопросъ объ обезпеченіи духовенства разрѣшался и въ теченіе всего прошедшаго царствованія. При разработкѣ его все вниманіе было обращено на одни правительственныя средства къ улучшенію быта приходскихъ причтовъ, преимущественно на оклады казеннаго жалованья; о средствахъ общественныхъ, приходскихъ почти не поминалось, по крайней мѣрѣ не предпринималось никакихъ попытокъ къ ихъ регулированію. Относительно дохода духовенства съ требоисправ-

леній принято было тоже правило, какое высказано въ проектѣ комитета 1808 г.: во всѣхъ приходахъ, гдѣ введены уже оклады штатнаго жалованья, предоставить духовенству пользоваться платой только за „произвольныя“ требы, а всѣ „важнѣйшія“, необходимыя совершать безплатно (1). Но такъ какъ оклады жалованья далеко не могли доставить духовенству полнаго обезпеченія, то это правило вовсе не рѣшало вопроса о требахъ и повело только къ тому, что духовенство, получавшее жалованье, встало въ чрезвычайно фальшивое и тяжелое положеніе между необходимостью по старому получать плату за требы и сознаніемъ того, что этотъ источникъ его доходовъ пересталъ уже быть такимъ безгрѣшнымъ, какъ прежде, сознаніемъ притомъ же не свободнымъ отъ серьезнаго страха всегда возможныхъ придирокъ со стороны. До какой степени мало обращено было вниманія на приходскія средства содержанія причтовъ, видно изъ того, что правительство забыло даже отмѣнить уже совершенно отсталую таксу за требы по указу 1801 г. (2), такъ что для всѣхъ причтовъ, не получавшихъ еще жалованья, она удерживала всю силу закона и должна была сильно стѣснять ихъ, какъ всякая устарѣлая такса, которую по неволѣ надобно нарушать на каждомъ шагу. Въ западной Россіи она давала панамъ постоянные поводы обвинять духовенство въ вымогательствахъ, особенно послѣ неудавшейся польской революціи 1830 г., встрѣтившей въ духовенствѣ сильнаго для себя врага. Преосв. Кириллъ подольскій доносилъ св. Синоду, что помѣщики нарочно прибивали положеніе 1801 г. въ своихъ экономіяхъ, чтобы всѣ видѣли, какъ много духовенство беретъ лишняго, и совершенно завали-

(1) Отч. оберъ-прокур. за 1844 г. стр. 55—56.

(2) О замѣнѣ этой таксы новою встрѣчаемъ одно только частное распоряженіе 1841 г., относившееся исключительно къ приходамъ въ военныхъ поселеніяхъ. 2 собр. зак. XVI, 14642.

вали консисторію доносами о его вымогательствахъ изъ-за самаго малаго и необходимаго возвышенія съ его стороны платы за требы (1).

Въ настоящее царствованіе старый и безпокойный вопросъ о содержаніи духовенства подвергнулся новой разработкѣ въ началѣ 60-хъ годовъ, и на этотъ разъ при участіи самого духовенства путемъ гласнаго обсужденія дѣла. Духовные и свѣтскіе журналы и епархіальныя вѣдомости наполнились по этому поводу множествомъ статей, корреспонденцій, замѣтокъ и проектовъ, которые, можно сказать, еще впервые во всей полнотѣ раскрыли плачевное положеніе духовенства, до какого его довела необходимость кормиться нищенскими поборами по приходамъ и о какомъ даже и не помышляла гордая своимъ благочестіемъ православная Русь. Само же духовенство съ грустной правдивостью изобразило свою унизительную нищету и пересчитало всѣ короваи и копѣйки, какія оно брало за свои священнодѣйствія съ прихожанъ, сборы по дворамъ по поводу праздниковъ и разныхъ терминовъ сельско-хозяйственнаго быта, петровщины, осенины, нови, ленуванья, сборы всякаго рода зерна по горстямъ, сѣна по клочкамъ, сметаны по ложкамъ, лука, капусты, даже совершенно неожиданныхъ предметовъ, наприм. мочала, лыкъ, лаптей, изобразило съ ужасающей подробностью всѣ остроты и бранныя слова, которыя ему приходилось при этомъ выслушивать отъ прижимистыхъ хозяевъ и хозяекъ, всѣ унизительные пріемы, какіе ему нужно было при этомъ употреблять, чтобы выпросить себѣ лишнюю кроху подаянья, описало, какъ въ разныхъ мѣстахъ оно до послѣдняго времени должно было производить и сборы подъ крестъ, и сборы посредствомъ старинной выкадки, какъ посылало сторожей ходить передъ обѣдней подъ окнами прихожанъ и собирать деньги съ крикомъ: „за обѣд-

---

(1) Подольск. еп. вѣд. 1863. № 23: Жизн. преосв. Кирилла.

ню, за обѣдню", а въ иныхъ приходахъ на праздники и само ходило по дворамъ, припрашивая мучки или рыбки съ словами: „не пожалуете ли на праздникъ", какъ даже въ одномъ городѣ въ родительскія субботы собирало по субботнему базару и по лавкамъ подаянія съ обычнымъ нищенскимъ приговоромъ: „поминаючи родителей" (1), и проч., проч. Въ литературѣ возникла горячая полемика по вопросу о лучшемъ устройствѣ содержанія духовенства, между прочимъ и о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ отвергнуть доходъ духовенства отъ требоисправленій. Среди этой полемики въ качествѣ примиряющаго средняго мнѣнія снова стала многими высказываться таже знакомая мысль Д. Регламента о сложеніи всѣхъ мелкихъ даяній за требы въ одинъ общій годовой сборъ съ прихожанъ на содержаніе приходскаго клира. Но при этомъ возникъ новый спорный вопросъ, о томъ, насколько этотъ сборъ долженъ быть обязателенъ для прихожанъ и можно ли его оставить, какъ бы желалось, вполнѣ доброхотнымъ. Большая часть духовныхъ лицъ, касавшихся этого предмета въ своихъ корреспонденціяхъ, требовали самой твердой обязательности такого сбора, предоставленія его въ руки начальства наряду съ земскими и государственными сборами, превращенія его въ настоящій налогъ на прихожанъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія главнымъ образомъ указывали на то, что крестьяне рѣдко безъ недоимки платятъ даже государственныя подати, что русскій человѣкъ способенъ къ доброхотнымъ даяніямъ только тогда, когда его просятъ и когда онъ находится подъ вліяніемъ извѣстнаго добраго возбужденія, но не способенъ къ жертвамъ постояннымъ, методичнымъ, по чувству отвлеченнаго долга, что русское общество не развилось

(1) См. напр. Д. Вѣсти. 1864 г. VII: «по поводу статей о бытѣ дух.» О петровщинѣ и сборѣ лаптями: Дух. христ. 1865, февр. Лепуванье въ Полт. еп. вѣд. 1868 № 17, и мн. друг.

даже до идеи общественной благотворительности, и милостыню умѣетъ подавать только ручную, непосредственно самому нищему, тѣмъ болѣе не поймет надобности давать деньги или хлѣбъ на причтъ безъ конкретнаго представленія о совершеніи послѣднимъ той или другой требы и проч.; указывали на живую практику сборовъ духовенства по приходамъ, при чемъ каждому члену клира приходится зорко наблюдать, чтобы хозяева не отпустили ему какого-нибудь гнилья и въ обидно маломъ количествѣ, припрашивать, спорить, даже браниться изъ-за каждой горсти зерна или ложки сметаны. Во всѣхъ подобнаго рода корреспонденціяхъ рисовалась картина такого поразительнаго упадка общественнаго значенія духовенства и холодности къ нему прихожанъ, что, казалось, дѣло идетъ не о православномъ русскомъ обществѣ, а о народѣ, только лишь обращенномъ въ христіанство внѣшнею силою, которому духовенство навязано насильно и который долженъ кормить его по неволѣ, не чувствуя въ немъ никакой дѣйствительной надобности. Любопытнѣе всего то, что при разработкѣ вопроса о замѣнѣ частныхъ платежей за требы однимъ общимъ сборомъ по приходскимъ душамъ цифра этого сбора для каждой приходской души показывалась очень скромная, всего до 50—75 к. въ годъ (1). Но духовенство не надѣялось исправно получать съ прихожанъ и этой суммы, умѣренность которой въ свое время многихъ даже удивляла.

Практическаго рѣшенія этого вопроса не видимъ и доселѣ, за исключеніемъ только нѣсколькихъ частныхъ примѣровъ. Такъ, въ таврической епархіи въ

---

(1) Цифра эта получалась или чрезъ раздѣленіе общаго числа правосл. жителей Россіи на общее число всѣхъ причтовъ, или же чрезъ сложеніе всѣхъ годовыхъ доходовъ за требы съ 100 душъ по среднимъ платежамъ въ одну сумму и раздѣленіе послѣдней на 100 же душъ для уравнительной разкладки.

замѣнъ платы за требы еще съ 1866 г. въ нѣкоторыхъ приходахъ стало назначаться постоянное приходское жалованье въ размѣрѣ 600 р. священникамъ, 400 дьяконамъ и 300 причетникамъ; къ 1870 г. число обезпеченныхъ такимъ образомъ причтовъ доходило до 103. „Къ сожалѣнію, замѣчаетъ по поводу этого извѣстія отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора за 1866 г., добрый примѣръ таврической епархіи еще не вызвалъ себѣ подражанія. Въ другихъ епархіяхъ, какъ напр. въ пензенской, курской, дѣлаемыя прихожанамъ предложенія подобнаго рода пока не имѣли успѣха или по недостатку участія къ нуждамъ причтовъ, или по ограниченности средствъ сельскаго населенія“ (1). Съ 1867 г. таже мѣра обезпеченія духовенства проводится по иниціативѣ нѣкоторыхъ земскихъ собраній, особенно рязанскаго; надобно впрочемъ замѣтить, что наше земство постоянно старается по возможности отстранять отъ себя всякіе вопросы относительно содержанія церквей и причтовъ, такъ что духовенство не питаетъ на него никакихъ особенныхъ надеждъ. Насколько движеніе вопроса о содержаніи духовенства успѣло обозначиться доселѣ, рѣшенія его можно надѣяться главнымъ образомъ отъ приходскихъ совѣтовъ и попечительствъ; къ ихъ помощи въ послѣднее время епархіальныя начальства обращаются и по частному вопросу о замѣнѣ дохода за требы приходскимъ жалованьемъ, какъ поступили напр. епархіальныя начальства донское, вятское, томское и др. Участіе въ этомъ дѣлѣ епархіальныхъ начальствъ въ настоящее время особенно важно, потому что по случаю введенія новыхъ приходскихъ штатовъ (19 апр. 1869 г.) въ рукахъ епархіальной администраціи явилось къ ускоренію его рѣшенія довольно сильное средство, которымъ нѣкоторые преосвященные уже и пользуются, стараясь распредѣлять приходы именно такъ, чтобы

(1) Отч. за 1866 г. стр. 131.

самостоятельными оставались по возможности тѣ изъ нихъ, которые согласятся давать своимъ причтамъ достаточное жалованье (1). Можно не безъ основанія надѣяться, что рано или поздно наше духовенство освободится наконецъ отъ тяжелой и унизительной для него необходимости стараго кормленія отъ приходскихъ требъ и вступитъ въ лучшія экономическія отношенія къ своимъ прихожанамъ, которыя будутъ болѣе свойственны и его образованію и его высокому служенію.

Въ заключеніе представленныхъ свѣдѣній о доходахъ духовенства отъ требъ считаемъ нелишнимъ представить нѣсколько фактовъ касательно раздѣла этихъ доходовъ между членами причта, фактовъ, которые показываютъ, что этотъ источникъ содержанія дѣйствовалъ очень дурно не только на отношенія духовенства къ прихожанамъ, но и на доброе согласіе въ средѣ самихъ причтовъ. Большая часть доброхотныхъ даяній всегда назначалась на цѣлый причтъ или, какъ говорили, на соборъ, и только немногія изъ нихъ раздавались по рукамъ. Все данное на соборъ поступало потомъ въ раздѣлъ между всѣми его членами. Копѣечныя даянія вели иногда къ такимъ мелочнымъ и придирчивымъ счетамъ при дѣлежѣ, о которыхъ могутъ дать понятіе развѣ только извѣстные всѣмъ дѣлежи милостыни между нищими. Каждый пирогъ или яйцо были предметомъ величайшихъ споровъ. Священникъ старался увеличить свою долю, которая и безъ того уже возбуждала зависть въ его сослуживцахъ, утайкой общаго дохода или присвоеніемъ себѣ такихъ доходовъ, которые исключительно принадлежали дьякону и дьячкамъ; послѣдніе въ свою очередь постоянно подозрѣвали своего настоятеля въ корыстномъ дѣлежѣ, подглядывали, сколько ему даютъ на соборъ, при

---

(1) Указанныя свѣдѣнія см. въ отч. об.-прок. за 1867—1870 гг.

требахъ и славленьяхъ, иногда вовсе не таясь при этомъ отъ постороннихъ глазъ, старались его усчитать, лѣзли съ нимъ въ ссору, подавали на него жалобы благочинному или въ консисторію. Епархіальная власть всегда была завалена подобными жалобами и очень затруднялась рѣшеніемъ ихъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе всего XVIII столѣтія для этихъ раздѣловъ не было никакого общаго положенія о доляхъ каждаго члена причта; въ однихъ мѣстностяхъ священникъ получалъ ½ всего дохода, предоставляя изъ другой половины ½ дьякону и по ⅛ причетникамъ; въ другихъ мѣстахъ принята была другая пропорція; не было также точнаго опредѣленія и о томъ, кому какіе доходы должны принадлежать исключительно, безъ раздѣла съ сослуживцами. Ссоры принимали особенно враждебный характеръ, когда возникали между причтами разныхъ приходовъ. Изъ множества дѣлъ о раздѣлѣ доходовъ приведемъ для примѣра одно, производившееся въ московской консисторіи въ 1732—1733 гг.

Дьяконъ и причетники замоскворѣцкой Никольской церкви подали прошеніе на священника, что онъ „отнялъ у нихъ псалтырныя по усопшихъ, которыя читаются въ церкви, на могилахъ и въ домѣхъ по 6 недѣль и по году", т. е. читалъ вмѣстѣ съ ними псалтирь и бралъ изъ дохода за это чтеніе обычную священническую долю, тогда какъ этотъ доходъ весь долженъ былъ принадлежать однимъ имъ, а священникъ вступаться въ него вовсе не имѣлъ права; при прошеніи представленъ былъ и самый счетъ, сколько изъ этого дохода въ разное время онъ получилъ,—насчитано 6 руб. Священникъ оправдывался тѣмъ, что онъ всегда добросовѣстно дѣлилъ доходы, что и теперь взялъ только обычную долю, а чтобы псалтырныхъ денегъ въ числѣ прочихъ доходовъ не числить, на то указовъ нѣтъ. За неимѣніемъ указовъ консисторія думала основать свое рѣшеніе по этому дѣлу на общемъ московскомъ обычаѣ и стала собирать справки, читаютъ ли псалтирь другіе московскіе священники и что

за это получаютъ. За этими справками дѣло протянулось цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ. Справки сказали налвое, что въ однихъ церквахъ священники псалтири не читаютъ, а въ другихъ читаютъ, получая впрочемъ при этомъ изъ всего дохода одинаковую долю со всѣми чтецами, а не священническую. Консисторія склонилась къ тому, чтобы священники псалтири не читали и въ доходѣ за чтеніе ея не участвовали, и рѣшила—означенныя деньги 6 руб. съ отвѣтчика взыскать, да кромѣ того съ него же взять судныхъ пошлинъ съ рубля по гривнѣ и накладныхъ по разсчету 27 алт. 3 деньги. Челобитчики не удовольствовались этимъ рѣшеніемъ и подали новое прошеніе о взысканіи съ него еще проѣсти и волокиты по гривнѣ на день, за 213 дней 21 руб. 30 к. Консисторія удовлетворила и этой ихъ просьбѣ. Такъ шестирублевый искъ возросъ до 28 рублей. Отвѣтчикъ захотѣлъ увернуться отъ платежа этой немалой для того времени суммы и не выплачивалъ ее цѣлыхъ 9 лѣтъ. Въ теченіе этого времени дьяконъ, бывшій въ числѣ челобитчиковъ, успѣлъ постричься въ монахи, сдавъ свое мѣсто зятю. Новый дьяконъ снова поднялъ замолкшій было старый искъ въ 1742 г. Въ это время св. Синодъ пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, отвѣтчикъ, котораго консисторія успѣла уже по новому прошенію посадить у себя подъ арестъ, подалъ на консисторское рѣшеніе апелляцію, выставляя его неправымъ, потому де что запрещенія священникамъ читать псалтирь нѣтъ ни въ какихъ указахъ, а по указу 1722 г. о сумнительныхъ дѣлахъ, на которыя точныхъ указовъ не имѣется, велѣно доносить Сенату, отъ котораго и резолюціи требовать, потому и его дѣло нужно перенести въ св. Синодъ, а проѣсти и волокиты съ него не взыскивать. Св. Синодъ по обыкновенію передалъ это дѣло для рѣшенія опять въ консисторію, замѣтивъ съ своей стороны, что священнику читать псалтирь дѣйствительно не слѣдовало, ибо это дѣло чтеца, а онъ не чтецъ. Консисторія, разумѣется

не упустила случая поблагодарить священника за его апелляцію и, повторивъ прежнее рѣшеніе, потребовала съ отвѣтчика, кромѣ 21 р., еще уплаты безчестья всѣмъ своимъ членамъ по закону въ размѣрѣ годоваго жалованья каждаго. Въ виду этого новаго грознаго взысканія священникъ поспѣшилъ заплатить старое, а отъ уплаты безчестья отписался тѣмъ, что двое членовъ, при которыхъ дѣло его рѣшалось (всѣхъ было тогда трое), уже померли, мертвымъ же безчестье платить нигдѣ не писано, а третій членъ оставилъ должность и, буде находится еще въ живыхъ, можетъ самъ просить о сатисфакціи (1).

Стараясь точнѣе опредѣлить взаимныя отношенія между членами причтовъ, м. Платонъ въ своей инструкціи благочиннымъ между прочимъ требовалъ, чтобы священники дьяконовъ и причетниковъ не обижали и доходовъ у нихъ не удерживали, а въ 1776 г. издалъ подробное учрежденіе о раздѣлѣ церковныхъ доходовъ, которое до послѣдняго времени служило руководствомъ для московскаго приходскаго духовенства; положено было: 1) гдѣ причтъ состоитъ изъ полнаго числа членовъ (четверыхъ), священнику брать половину, дьякону четверть, причетникамъ по $^1/_8$ дохода; 2) гдѣ причтъ изъ 3-хъ лицъ, безъ дьякона, священнику брать 6 частей дохода изъ 10, дьячку и пономарю по 2; 3) а гдѣ изъ 3-хъ же съ дьякономъ, священнику 5, дьякону 3, причетнику 2; 4) гдѣ только священникъ съ причетникомъ служатъ вдвоемъ, первому брать 7, второму 3; п) гдѣ 2 священника, дьяконъ и 2 причетника, священникамъ по 3, дьякону 2, причетникамъ по 1. Но и послѣ этого опредѣленія между московскимъ духовенствомъ возникали несогласія о раздѣлѣ разныхъ вещественныхъ доходовъ, подножекъ при свадьбахъ, скатертей и салфетокъ при елеосвя-

---

(1) Ист. моск. еп. упр. I, прим. 230. Ср. II, кн. 2, прим. 444.

щенія, холстовъ при погребеніи и проч. Митрополитъ указывалъ при этомъ руководствоваться прежними обычаями (1). Въ вологодской епархіи до 1793 г. доходы дѣлились такъ: священникъ изъ рубля получалъ 37½ коп., дьяконъ 25, причетники по 18¾. Въ этомъ году преосв. Ириней, вслѣдствіе частыхъ тяжбъ между духовенствомъ о дѣлежѣ доходовъ и земли, установилъ такое положеніе о раздѣлахъ: 1) полному причту дѣлить доходы, какъ сказано въ положеніи м. Платона; 2) гдѣ служатъ трое, священникъ и 2 причетника, священнику предоставлять и доходовъ и земли половину, а другую половину дѣлить пополамъ дьячку и пономарю; 3) гдѣ 2 священника, дьяконъ и 4 причетника, священникамъ поровну половину, изъ другой половины дьякону ½, а ⅔ причетникамъ поровну; 4) гдѣ 3 священника, 2 дьякона и 6 причетниковъ, священникамъ поровну половину, другую половину дѣлить на 5 долей, изъ которыхъ ⅖ отдавать дьяконамъ, а ⅗ причетникамъ. Въ 1804 г. по жалобамъ недовольныхъ этимъ положеніемъ дьяконовъ и причетниковъ вологодское епархіальное начальство входило было въ св. Синодъ съ представленіемъ, не нужно ли убавить слишкомъ большую долю священниковъ, предоставивъ имъ вмѣсто половины всего дохода только около ⅓; но св. Синодъ утвердилъ положеніе преосв. Иринея. Въ 1810 г. оно снова было разослано по епархіи при указѣ преосв. Евгенія (2). Въ 1819 г. св. Синодъ вслѣдствіе доходившихъ до него тяжбъ о доходахъ рѣшился издать о раздѣлѣ доходовъ общее положеніе уже для всѣхъ епархій и съ этою цѣлію потребовалъ отвсюду свѣдѣній о томъ, какъ гдѣ этотъ раздѣлъ обыкновенно производится. Въ 1827 г. 10 октября состоялся общій указъ св. Синода, въ которомъ для всѣхъ епархій утверждено положеніе м. Платона съ

---

(1) Также, III, кн 1, 127—128, примѣч. 297.
(2) Вологодск. еп. вѣдом. 1867 г. № 21.

присовокупленіемъ къ его 5 пунктамъ нѣкоторыхъ новыхъ, какъ то: гдѣ въ штатѣ положенъ 1 протоіерей и 2 священника, тамъ протопопу выдѣлять изъ 6 р. 20 к. 1 р. 50 к., священникамъ по 1 р., двоимъ дьяконамъ по 60 к., четверымъ церковникамъ и сторожу по 30; гдѣ 3 священника, изъ 6 руб. каждому по 1 р., двоимъ дьяконамъ по 75 к., причетникамъ всѣмъ 1 р. 50 к.; при двойномъ штатѣ, изъ 12 р. двоимъ священникамъ выдавать по 3, дьякону 2, четверымъ причетникамъ по 1 р. Положеніе это соблюдалось до позднѣйшаго времени (1).

Всѣ указанныя нами доселѣ даянія прихожанъ въ пользу духовенства составляли непостоянные, такъ сказать, неокладные доходы послѣдняго. Болѣе постояннымъ, окладнымъ характеромъ отличалось существовавшее во многихъ приходахъ обезпеченіе духовенства приходскою ругою или землею, составлявшее важное подспорье къ доходу за требы. Приходская руга выдавалась деньгами или хлѣбомъ въ болѣе или менѣе крупныхъ количествахъ на извѣстные сроки и представляла собою одинъ изъ самыхъ лучшихъ и раціональныхъ способовъ содержанія причтовъ, почти однородный съ постояннымъ приходскимъ жалованьемъ, о распространеніи котораго думаетъ наше время, только въ небольшомъ размѣрѣ, не исключавшемъ для духовенства необходимости кормиться и отъ мірскихъ требъ.

Источники руги были довольно разнообразны. Однѣ церкви получали ругу отъ своихъ основателей и ихъ наслѣдниковъ, другія обезпечивались ругою отъ вотчинниковъ своего прихода, третьи отъ прихожанъ, и притомъ или отъ всей приходской общины, или отъ нѣкоторыхъ болѣе богатыхъ и благочестивыхъ ея чле-

---

(1) Положеніе это приводится въ ук. св. Синода 1866 г., которымъ оно было подтверждено. Дух. Вѣстн. 1866 г. кн. 1, 101—103. Орловск. епарх. вѣд. 1865 г. № 5.

новъ. Всѣ эти обстоятельства имѣли большое вліяніе и на величину руги и на ея постоянство. Менѣе всего причтамъ можно было положиться на постоянство ружныхъ даяній, которыя шли въ пользу ихъ отъ доброхотства нѣкоторыхъ частныхъ лицъ въ приходахъ. Хотя эти ружныя даянія и значились въ разныхъ оффиціальныхъ документахъ о средствахъ прихода, (преимущественно въ документахъ при ставленическомъ дѣлопроизводствѣ), но по самой природѣ своей не могли получить никакого обязательнаго значенія для доброхотныхъ дателей точно также, какъ и въ настоящее время обычныя годовыя приношенія причту нѣкоторыхъ прихожанъ, отъ которыхъ послѣдніе могутъ отказаться, когда имъ угодно. Извѣстія объ этой частной ругѣ встрѣчаемъ главнымъ образомъ въ городахъ (1). Въ селеніяхъ весьма часто такой же непостоянный характеръ имѣла руга, отпускавшаяся причтамъ отъ помѣщиковъ, если только она зависѣла отъ одного доброхотства послѣднихъ, а не входила въ составъ необходимыхъ и потому обязательныхъ для прихожанъ средствъ содержанія церкви, не была утверждена за причтомъ оффиціальнымъ обязательствомъ помѣщика предъ духовною властью (2). Впрочемъ и въ послѣднемъ

---

(1) Наприм. въ вѣдомостяхъ о московскихъ церквахъ 1775 г., представленныхъ м. Платону, находимъ такія показанія о содержаніи причтовъ. При Богословской церкви, кромѣ доходовъ отъ прихожанъ, отъ кн Черкасской 50 пуд. муки ржаной, 5 пуд. свинаго мяса, 5 барановъ съ овчинами, 1 п. коровьяго масла. При Ксеніевской ц., при которой были дворовые гр. Шереметева, отъ графа на причтъ 21 р., хлѣба священнику 15 четвертей и 12 п. мяса, а причетникамъ 8 четв. хлѣба и 8 п. мяса и т. д. Ист. моск. епарх. упр. Ш, кн. 1, примѣч. 39.

(2) Руга помѣщиковъ доходила иногда въ богатыхъ помѣстьяхъ до значительныхъ размѣровъ. Такъ наприм въ 1730-хъ годахъ въ вяземскомъ уѣздѣ с. Врудахъ, гдѣ было до 140 дворовъ прихода и 10 десят. земли, помѣщикъ Долгоруковъ давалъ священнику деньгами 12 р. и припасами 12 четв. ржи, 4

случаѣ помѣщики не только измѣняли по произволу количество своихъ ружныхъ даяній, но и вовсе иногда отказывались отъ платежа руги своимъ причтамъ. Обязательствъ своихъ относительно этого платежа предъ духовною властію они вовсе не считали для себя компетентными и даже крайне обижались, когда духовная власть рѣшалась настаивать на ихъ выполненіи, потому что, избалованные своею громадною властью по своимъ имѣніямъ, они простирали владѣльческія права и на вотчинныя церкви и на служащее при нихъ духовенство, съ гордостью возглашая извѣстный помѣщичій принципъ: „моя церковь, мой попъ“. По жалобамъ причтовъ на удержаніе руги архіереи должны были иногда вступать съ этими своевольными господами въ упорную борьбу и прибѣгать противъ нихъ къ очень крутымъ мѣрамъ. Такъ наприм. Платонъ Малиновскій московскій неоднократно посылалъ къ такимъ помѣщикамъ своихъ консисторскихъ повытчиковъ съ объявленіемъ, чтобы они выдали священникамъ удержанную ругу всю сполна безъ всякаго продолженія и отговорокъ и впредь выдавали безъ удержанія, и что ежели они того не учинятъ, то непремѣнно въ ихъ селахъ церкви запечатаются, и неоднократно же приводилъ эту угрозу въ исполненіе (1). Трудно впрочемъ сказать, кому страшнѣе была такая мѣра, тому ли, кого хотѣли ей исправить, или же причту запечатанной церкви. Многіе причты не смѣли даже и жаловаться на причиняемыя имъ обиды частію за неимѣніемъ средствъ къ веденію суднаго процесса, а

ячменя, дьячку 6 р., 6 четв. ржи и 2 ячменя, пономарю въ половину противъ дьячка; въ Рѣдькинской мызѣ (383 души) кн. Ромодановскій выдавалъ свящ—ку 12 р, 10 четв ржи, 6 овса, 1 ячнаго солоду, 1 крупъ, 1 пудъ масла коровьяго и ведро конопляного, 5 пуд. мяса и 2 соли, 3 ведра вина, 3 барана, 50 копенъ сѣна, четверикъ ячменя и по гривнѣ съ каждаго изъ 45 крѣпостныхъ дворовъ. Ист.-стат. опис. спб. епарх. II, 208.

(1) Ист. моск. епарх. упр. II, кн. 1, прим. 124.

частію и отъ того, что не только не надѣялись получить удовлетворенія по своимъ жалобамъ, но еще боялись изъ-за нихъ быть высѣченными на барской конюшнѣ и терпѣть потомъ еще большія прижимки (1); приходилось благодарить Бога и за то, что сердитый господинъ отнималъ одну только ругу, а не распоряжался еще, чтобы его крестьяне ничего не давали и за требоисправленія, — доходило иногда и до этого. Нѣкоторые господа не боялись никакихъ угрозъ со стороны духовной власти, да и сама эта власть чувствовала необходимость обращаться съ ними очень осторожно. Вотъ наприм. одна резолюція московскаго митрополита Серафима 1820 г., которая довольно ясно выставляетъ положеніе духовныхъ лицъ въ помѣщичьихъ селахъ: „велѣть объявить г-жѣ помѣщицѣ княжнѣ К. чрезъ благочиннаго пристойнымъ образомъ, чтобы она отдала сполна всю ругу дьячку, коей по собственному ея показанію ея сіятельство не выдала и которая принадлежитъ ему не по ея милости но по праву: ибо она платитъ ругу сію за церковную землю, коею она владѣетъ по согласію священно-и-церковно-служителей, и чтобъ она отвела для причетниковъ покои, поелику нынѣшніе, кои по свидѣтельству благочиннаго оказались мѣрою въ 7 аршинъ, весьма тѣсны для 7 человѣкъ, изъ коихъ состоитъ семейство дьячка и пономаря, съ тѣмъ, что въ противномъ случаѣ церковь ея, яко малоприходная, — можетъ быть приписана къ другой церкви“. Несмотря на всю резонность и деликатность такого опредѣленія, княжна отвѣчала явно обиженнымъ тономъ, что дьячекъ получитъ ругу, когда его выведутъ изъ ея вотчины въ другое мѣсто, а домовъ другихъ не отведетъ, потому что для другихъ церковниковъ тѣсно не будетъ,—рады будутъ и тому, что есть; въ противномъ случаѣ пусть церковь приписываютъ къ другому приходу (2).

---

(1) П. С. З. 13286.

(2) Ист. моск. епарх. упр. III, кн. 2. прим. 444.

Нѣсколько постояннѣе была руга, назначавшаяся причтамъ цѣлой приходской общиной по договору, который заключался ею съ членами клира при самомъ поступленіи ихъ на должность и гарантировался особой граматой съ заручными подписями какъ прихожанъ, такъ и самого кандидата на мѣсто. Въ югозападной Россіи руга извѣстна была подъ именемъ роковщины, которымъ назывались впрочемъ и всякіе годовые сборы духовенства по приходу, въ великорусскихъ приходахъ существовавшіе отдѣльно отъ руги. Такъ какъ руга была обязательнымъ и постояннымъ даяніемъ прихожанъ причту, опредѣленнымъ по особому договору, а годовые сборы обусловливались доброхотствомъ дающихъ, то роковщинные сборы получали значеніе руги тогда, когда количество ихъ обозначалось въ выборномъ контрактѣ и дѣлалось обязательнымъ для прихода. Руга рѣдко выдавалась священно-и-церковно-служителямъ деньгами, большею частію состояла въ разныхъ хозяйственныхъ припасахъ. Количество ея было чрезвычайно разнообразно, зависѣло отъ взаимнаго согласія обѣихъ договаривающихся сторонъ. Гдѣ духовенства было немного, оно могло выторговать себѣ ругу высокую; напротивъ гдѣ между кандидатами на мѣста по многочисленности ихъ возникала конкурренція и они готовы были согласиться на самую малую ругу, лишь бы получить мѣсто, расчетливости прихожанъ открывался полный просторъ развернуться. Самыя большія руги встрѣчаемъ въ югозападной Руси и въ Сибири. Такъ, въ одномъ договорѣ прихожанъ черниговской епархіи 1705 г. прихожане обязались давать своему священнику въ годъ— отъ каждаго пахаря, т. е. хозяина, имѣющаго пару рабочихъ быковъ, по четверику ржи, а кто пашетъ однимъ быкомъ, — половину, отъ огородниковъ по 5 чековъ, а отъ подсосѣдковъ по шагу (1). Въ извѣст-

(1) Р. Арх. 1871 г. стр. 1887.

номъ намъ договорѣ черняховскихъ прихожанъ 1746 г. опредѣлено давать священнику „роковщины отъ пары воловъ по полдойницѣ мѣры кіевской, отъ плуга или отъ четырехъ воловъ по дойницѣ мѣры кіевской же какой кто возможетъ пашнѣ (хлѣба) дать, а отъ пѣшаго по 5 копѣекъ". Въ средней украйнѣ роковщина собиралась въ количествѣ ½ четверика зернового хлѣба съ двора. Въ мѣстахъ близкихъ къ Польшѣ и въ польскихъ владѣніяхъ роковщина называлась десятиною на манеръ католическихъ приходскихъ сборовъ (1). Въ дошедшихъ до насъ сибирскихъ контрактахъ руга назначается въ количествѣ 2 пудовъ съ вѣнца, 4 пуд. съ двора и больше (2). Въ великорусскихъ епархіяхъ руги большею частію были очень малыя. Въ самомъ началѣ царствованія Петра встрѣчаемъ извѣстную жалобу псковскаго митрополита Маркелла на то, что въ псковской епархіи церквами завладѣли мужики, берутъ къ себѣ въ попы пьяницъ и безчинниковъ, только бы меньше руги давать, а добрымъ священникамъ отказываютъ, потому что эти больше руги просятъ (3). Встрѣчаемъ жалобы духовенства, что прихожане не хотѣли платить ему и той малой руги, какой обязывались въ своихъ договорахъ. Напр. въ царствованіе Петра (въ 1719 г.) митрополиту казанскому Тихону священникъ Рыбной слободы подалъ такую жалобу на своихъ прихожанъ: „твоимъ архипастырскимъ рукоположеніемъ посвященъ я богомолецъ твой въ тое Рыбную слободу тому третій годъ, а по договору тое Рыбныя слободы всѣхъ приходскихъ людей надлежитъ мнѣ богомольцу твоему съ товарищемъ моимъ попомъ Прокопіемъ Георгіевымъ и съ причетники на нихъ взять

---

(1) Рук. для с. паст. 1860. № 9: О способ. содерж. кіевск. духовенства. Опис. Кіево-соф. соб. 278.

(2) Иркутск. епарх. вѣд. 1863 г. № 37. 40. 44 1864 г. № 20. Управл свят. Иннокентія.

(3) А. И. V, № 122.

ружныхъ денегъ съ вѣнца по два алтына, о чемъ явствуетъ и въ послушномъ указѣ; и оные приходскіе люди чинятся по тому указу и по договору своему непослушны, тѣхъ ружныхъ денегъ намъ не платятъ тому многіе годы и сговариваются всякими многими платежами и сборами; а намъ богомольцамъ твоимъ за такимъ ихъ упорствомъ и сговорами твою архіерейскую дань и драгунскихъ денегъ платить стало нечѣмъ. Милостивый великій господинъ, преосв. Тихонъ м. казанскій и свіяжскій! Пожалуй насъ богомольцевъ твоихъ, повели, государь, онымъ нашимъ прихожанамъ по твоему архіерейскому и по другому послушному указамъ оныя ружныя деньги по 2 алтына съ вѣнца намъ платить, чтобы намъ твою архіерейскую дань и драгунскія деньги было чѣмъ платить, и о томъ свой милостивый архіерейскій указъ учини. Великій господинъ, смилуйся“ (1).

Въ видахъ лучшаго обезпеченія духовенства Д. Регламентъ, какъ мы уже видѣли, старался сообщить приходской ругѣ болѣе постоянный характеръ, опредѣливъ правиломъ точно обозначать количество ея или въ замѣнъ ея земли въ самыхъ заручныхъ выборахъ новыхъ членовъ клира; правило это предоставляло епархіальнымъ начальствамъ постоянное наблюденіе какъ за количествомъ назначавшейся причтамъ руги или земли, такъ и за точнымъ выполненіемъ приходскихъ договоровъ. Въ тѣхъ же видахъ духовное начальство обязывалось наблюдать за тѣмъ, чтобы причты обезпечивались достаточнымъ количествомъ руги или земли, при строеніи новыхъ церквей. Опредѣленныя въ 1722 г. правила о строеніи церквей требовали, чтобы это строеніе дозволялось не иначе, какъ послѣ несомпительнаго удостовѣренія духовнаго начальства въ томъ, что имѣющая возникнуть церковь будетъ имѣть достаточныя средства для своего суще-

(1) Казанск. губ. вѣдом. 1868 г. № 7. стр. 38.

ствованія, при чемъ обращалось вниманіе на число ея приходскихъ дворовъ, количество приписанной къ ней земли или данной ей руги (1). Руга, назначавшаяся при этомъ храмоздателями, утверждалась самимъ св. Синодомъ и получала оффиціальное и обязательное значеніе. Встрѣчаемъ примѣры очень продолжительнаго существованія такихъ храмоздательскихъ ругъ, обнимающаго весь періодъ времени съ начала XVIII столѣтія до нашихъ дней (2). Св. Синодъ нѣсколько разъ подтверждалъ эти правила и старался оградить ихъ отъ всякихъ нарушеній, особенно со стороны помѣщиковъ. Въ 1742 г. онъ узналъ, что „разные помѣщики и прочіе просятъ указовъ о строеніи и освященіи вмѣсто сгорѣвшихъ и обветшалыхъ новыхъ церквей, а въ тѣхъ прошеніяхъ того, что при оныхъ церквахъ въ приходѣ коликое число дворовъ и мужеска и женска пола душъ въ наличіи находится, и опредѣленная при строеніи сначала тѣхъ церквей къ содержанію священно-и-церковно-служителей пашенная земля и сѣнные покосы за священно-и-церковно-служителями безъ изъятія ль состоятъ, не объявливаютъ“, и что земля у многихъ церквей отнята и замѣнена малою ругою изъ денежной и хлѣбной дачи, такъ что причты съ нуждой питаются, а въ церквахъ нѣтъ приличной утвари; вслѣдствіе этого снова было предписано, согласно опредѣленію 1722 г., предъ освященіемъ церквей каждый разъ производить достовѣрное свидѣтельство о томъ, всѣмъ ли церковь удовольствована, сколь-

(1) II. С. 3. 3122.

(2) Въ Нижнемъ Новгородѣ есть Рождественская или такъ называемая Строгоновская церковь, построенная при Петрѣ великомъ Строгоновыми. Одинъ изъ нихъ Григорій Строгоновъ далъ въ ея пользу ругу въ 45 руб. на причтъ. Руга эта до позднѣйшаго времени выплачивалась его наслѣдниками и съ теченіемъ времени выросла до 400 р., несмотря на то, что церковь имѣетъ у себя немалый приходъ. Памятн. церк. древн. нижегор. губерніи, Макарія, стр. 109.

ко при ней дворовъ, вся ли приписанная земля находится въ дѣйствительномъ владѣніи причта и т. п. (1). Именнымъ указомъ 1756 г. св. Синоду велѣно накрѣпко подтвердить, чтобы новыя церкви были открываемы только подъ условіемъ указнаго числа дворовъ въ приходѣ, а если явится крайняя необходимость строить новую церковь при недостаточномъ числѣ дворовъ, дозволять ея строеніе подъ тѣмъ лишь условіемъ, если прихожане дадутъ обязательство прилично содержать при ней причтъ (2). Не полагаясь впрочемъ на одну ругу и храмоздателей, св. Синодъ постоянно требовалъ, чтобы безприходныхъ или малоприходныхъ церквей вообще нигдѣ не строили (3). Въ 1818 г. вышло очень важное распоряженіе, которымъ въ случаѣ необходимости построенія новой церкви при маломъ приходѣ дозволялось обезпечивать ея содержаніе, такъ сказать, постоянною ругою въ формѣ процентнаго дохода съ извѣстнаго неприкосновеннаго капитала, положеннаго на нее въ кредитныя учрежденія; на основаніи этого распоряженія въ томъ же году открытъ былъ одинъ новый приходъ въ тверской епархіи, въ которомъ недоставало до штата 38 приходскихъ дворовъ, при чемъ для восполненія доходовъ духовенства съ этихъ недостающихъ дворовъ храмоздателямъ дозволено было внести въ кредитныя учрежденія 6000 руб. (4).

Какъ много причтовъ было обезпечено приходской ругой, за недостаткомъ фактовъ опредѣлить пока невозможно; не можемъ также указать и средняго или чаще другихъ встрѣчающагося количества этой руги. Можно замѣтить только вообще, что она была невелика и, что несмотря на постоянное сопоставленіе ея въ справкахъ о приходскихъ средствахъ съ землею,

(1) П. С. З. XI, 8625.
(2) Тамже, XIV, 10665. 10780.
(3) Тамже, XXVI, 19572.
(4) Тамже, XXXV, 27405.

надѣлъ причтовъ землею на практикѣ всегда преобладалъ надъ ружнымъ ихъ содержаніемъ. Причина этого понятна; вспомнимъ, что у насъ всегда чувствовался недостатокъ не въ землѣ, а въ рабочихъ рукахъ и что само правительство старалось замѣнять свои денежныя и хлѣбныя дачи служивымъ людямъ и ружникамъ именно земельнымъ надѣломъ (1). Сельскія да отчасти и городскія общины постоянно жаловались на множество имѣвшихся у нихъ пустыхъ земель, съ которыхъ имъ приходилось платить подати и нести повинности, и находили для себя во всякомъ случаѣ болѣе выгоднымъ отводить для своихъ причтовъ земельные участки, чѣмъ платить руги припасами, а тѣмъ болѣе деньгами. По той же причинѣ земельный надѣлъ причтовъ былъ выгоднѣе и для помѣщиковъ въ ихъ приходахъ. Такимъ образомъ ружное обезпеченіе церквей могло развиваться преимущественно только въ городахъ и въ сельскихъ приходахъ какихъ-нибудь богатыхъ вотчинниковъ, у которыхъ житницы и кладовыя были, что называется, полною чашей и для которыхъ не составляло никакой особенной тягости выдѣлить изъ нихъ нѣсколько четвериковъ зерна и крупъ для вотчинныхъ поповъ, чтобы эти усерднѣе молили Бога за барскую милость. Въ XVII в. въ надѣленіи церквей землями приняло участіе само московское правительство, указывая своимъ писцамъ отводить къ церквамъ дачи изъ помѣстныхъ и порожнихъ земель по 10, 15 и 20 четей въ полѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ земля сдѣлалась однимъ изъ главныхъ и существенныхъ источниковъ содержанія приходскаго духовенства.

Въ началѣ XVIII в. Посошковъ описалъ матеріальный бытъ духовенства въ такихъ чертахъ: „у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ не отмѣнны; мужикъ за соху, и попъ за соху; мужикъ за косу, и попъ

---

(1) Напр. Допол. А. И. т. III, Роспись 1648—1649 гг.

за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ... И сіе како бы поисправити, не вѣмъ. Жалованья государева имъ нѣтъ, отъ міру имъ никакого подаянія нѣтъ же, и чѣмъ имъ питатися, Богъ вѣсть... У коихъ церквей по одному попу, то чаю и во весь годъ обѣдень десятка другаго не отслужить; понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть. И ради земледѣльства поповскаго стоятъ церкви Божіи, яко пустыя храмины, безъ славословія Божія, а православные христіане умираютъ за ихъ земледѣльствомъ ничѣмъ же отмѣнно отъ скота. И сельскіе пресвитеры ничѣмъ неотмѣнны отъ простыхъ мужиковъ" (1) и проч. Знаменитый прежектеръ Петровскаго времени старался доказать, что земледѣльческій трудъ несовмѣстенъ съ пастырской должностію. Но мысли, которыя онъ высказывалъ, весьма мало имѣли силы среди общества и духовенства его времени. Скудость другихъ источниковъ содержанія, которую онъ самъ же такъ рѣзко выставляетъ, побуждала духовенство всѣми силами стремиться къ тому, чтобы получить себѣ хоть сколько-нибудь земли въ пользованіе. Нужда въ этомъ источникѣ доходовъ такъ была велика, что причты необезпеченныхъ землею церквей охотно брали себѣ для воздѣлыванія участки даже изъ общинныхъ тяглыхъ земель, несмотря на то, что должны были нести съ нихъ всѣ общинныя подати и повинности наряду съ крестьянами (2).

Отрицательный взглядъ на обезпеченіе духовенства землею встрѣчаемъ и послѣ Посошкова. Такъ наприм. при восшествіи на престолъ Анны Іоанновны въ одномъ изъ тогдашнихъ проектовъ о государственныхъ преобразованіяхъ, поданномъ отъ имени дворянства и написанномъ Татищевымъ, между прочимъ го-

---

(1) Сочин. Посошк. I, 23. 27.

(2) Опис. синод. арх. I, стр. 338—339.

ворилось о томъ, что нужно разсмотрѣть доходы духовенства и дать ему возможность не заниматься пашней. Тотъ же Татищевъ въ извѣстныхъ уже намъ пунктахъ о ревизіи, проектируя въ пользу духовенства денежный сборъ съ приходскихъ дворовъ, доказывалъ, что съ помощію такого сбора мы „можемъ вскорѣ лучшихъ священниковъ получить, ибо отъ довольнаго дохода свободно имъ дѣтей въ ученіе отдавать и самимъ не столько о работахъ, сколько о читаніи книгъ и наученіи народа закону Божію и благонравію прилежать“. Особенно подробно высказывается его взглядъ на этотъ предметъ въ его завѣщаніи сыну, гдѣ излагаются разныя правила жизни для русскаго дворянина и между прочимъ говорится объ отношеніяхъ его къ вотчинному духовенству; приводимый отрывокъ тѣмъ любопытнѣе, что весьма живо рисуетъ предъ нами грустное положеніе духовенства въ вотчинныхъ селахъ, всю его зависимость отъ господъ и вмѣстѣ все его матеріальное и нравственное униженіе. „Старайся имѣть попа ученаго, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ, а особливо гдѣ ты жить будешь, имѣй съ нимъ частое свиданіе, награди его безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашнею, для того, чтобы отъ него навозомъ не пахло. Голодный, хотя бъ и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возметъ. За деньги онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ неприлично, и чрезъ то надлежащее почтеніе теряютъ. А крестьяне, живучи въ распутной жизни, не имѣя добраго пастыря, въ непослушаніе приходятъ, а потомъ господъ своихъ возненавидятъ, подводя воровъ и разбойниковъ, смертельно мучатъ и тиранятъ, а иныхъ и до смерти убиваютъ. Когда же гдѣ есть ученый попъ и добраго поведенія человѣкъ, къ тому же не имѣющій крайней въ деньгахъ нужды, то конечно приведетъ крестьянъ въ благоденственное и мирное житіе и злодѣяній такихъ въ

тѣхъ мѣстахъ мало бываетъ". Невѣжество и бѣдность духовенства, по взгляду Татищева, есть главная причина невѣжества и безнравственности крестьянъ. „Попы, получивъ отъ крестьянъ алтыны, мирволятъ и совсѣмъ на нихъ того не взыскиваютъ, къ тому же почасту обращаясь съ крестьянами братствомъ, одно только имъ разсказываютъ и вымышляютъ праздники, велятъ варить безпрестанно пиво, сидѣть вино, ѣдятъ и пьютъ безобразно, а о порядочной и прямой христіанской должности никакого и помышленія не имѣютъ. А потомъ пьяные, поссорясь, стараются крестьянъ научить отнять у сосѣда землю, зная, что челобитьемъ искать на челобитчикѣ и вѣку человѣческаго не достанетъ" и проч. (1). Нужно ли говорить, какъ мало было дворянъ, которые не имѣли и сотой доли такого, хотя обиднаго, но тѣмъ не менѣе весьма серьезнаго попеченія объ обезпеченіи своего вотчиннаго духовенства? Лѣтъ 20 слишкомъ спустя послѣ того, какъ Татищевъ писалъ свое завѣщаніе, извѣстный архіерей Арсеній Маціевичъ жаловался въ своемъ допошеніи св. Синоду: „приходскіе священники по большей части въ крайней бѣдности находятся, податьми государевыми не меньше мужиковъ обложенные, дѣлая землю къ своему пропитанію; ежели будетъ богословъ или астропомъ, то больше ничего не получитъ... У насъ нынѣшняго вѣка мнози изволятъ лучше кормить собакъ, нежели священниковъ, церковниковъ и монаховъ... Иные же помѣщики и теперь отъ церквей земли отнимаютъ и управы на нихъ не изыскать" (2). Въ 1750-хъ годахъ само правительство озаботилось объ отводѣ къ церквамъ земель изъ помѣщиковыхъ дачъ, предоставивъ впрочемъ помѣщикамъ право оставлять причты и безъ земли, если пожелаютъ содержать ихъ

(1) Татищ. и его время. 226—227. 744.
(2) Чтен. 1862 г. кн. II: смѣсь, 31. 34. 37.

на довольной и безъобидной ругѣ (1). Но желающихъ содержать ихъ на ругѣ оказалось мало и надѣлъ церквей землею попрежнему остался самымъ главнымъ средствомъ къ обезпеченію матеріальнаго быта духовенства.

Говоря о церковныхъ земляхъ, мы имѣемъ теперь въ виду лишь тѣ земли, которыя отводились къ церквамъ отъ прихожанъ и которыя рѣзко отличались отъ земель, отводившихся къ церквамъ по распоряженію правительства. Послѣднія дѣлались неприкосновеннымъ церковнымъ достояніемъ и постояннымъ, прочнымъ источникомъ доходовъ духовенства, тогда какъ первыя, несмотря на всѣ усилія іерархіи подвести ихъ подъ извѣстныя каноническія понятія о церковномъ достояніи, считались собственностію прихожанъ, данною духовенству только въ пользованіе по побужденію доброхотства къ нему приходскихъ людей. Прихожане считали себя поэтому въ правѣ во всякое время, когда имъ угодно, уменьшать или перемѣнять участки церковной земли, или даже вовсе отнять у причта весь земельный надѣлъ. Въ XVII в. встрѣчаемъ нѣсколько примѣровъ такого отношенія прихожанъ къ отведеннымъ ими для церквей землямъ и возникавшихъ отсюда тяжбъ между духовенствомъ и разными общинами, въ которыхъ воззрѣнія на этого рода церковныя земли той и другой стороны совершенно между собою расходились (2). Вопросъ о правѣ собственности на эти земли приходскихъ общинъ перешелъ неразрѣшеннымъ и въ XVIII вѣкъ. Такимъ образомъ духовенство и въ пользованіи церковной землей, если только она была не писцовая или не собственная земля церкви, точно также было зависимо отъ доброхотства къ нему

---

(1) П. С. З. XIV, 10237 гл. 10.

(2) Замѣчат. примѣръ въ Зап. геогр. общ. 1864 г. кн. I: г. Торопецъ, стр. 28—33. Бѣлевск. Вивліоѳ. т. I, 378.

прихожанъ, какъ и въ перечисленныхъ нами доходахъ отъ прихода.

О степени прочности и удовлетворительности приходскихъ земельныхъ дачъ для духовенства можно ближе всего судить по фактамъ южнорусской церковной жизни, гдѣ обезпеченіе духовенства землей было почти въ полной зависимости отъ одного доброхотства прихожанъ безъ примѣси всякихъ начальственныхъ вліяній (1). Въ первой половинѣ XVIII в. о церковной землѣ не спрашивали даже при ставленическомъ дѣлопроизводствѣ въ каѳедрѣ; въ договорахъ ставленика съ прихожанами обязательно говорилось лишь о ругѣ и о платѣ за требы. Писцовыхъ земель, какія были у церквей великорусскихъ, здѣсь вовсе не было, и всѣ земли, какими владѣло духовенство, состояли или изъ собственныхъ, родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ, или изъ отведенныхъ въ его пользованіе [illegible] и помѣщиками. Уніатскій визитаторъ Примовичъ, описывавшій въ 1750—1752 гг. всѣ приходы нынѣшней кіевской епархіи, при описаніи православныхъ приходовъ постоянно отмѣчаетъ: „эрекцій и фундушей нѣтъ, но ex antiquo usu et pacifica possessione дозволяется священнику пахатнаго поля и сѣнокосу столько, сколько нужно ему и сколько онъ обработать можетъ“. Дозволеніе это вносилось иногда и въ договоры прихожанъ со священникомъ, наприм. въ договорѣ жителей с. Лейбаховки читаемъ: „о. Никитѣ поступаемъ земли пахать и сѣна косить, сколько можетъ“. Замѣтимъ кстати, что земля всегда давалась одному священнику; дьяки же ею не пользовались и оставались людьми безхозяйными. Въ селахъ помѣ-

---

(1) Послѣдующіе факты см. въ Руков. для с. паст. 1860 г. № 9: О способ. сод. духов. въ кіевск. губерніи, и 1864 г. № 29—30: Очерки быта малор. дух. также Р. Арх. 1871 г. кн. XI: Очерки Малороссіи.

щичьихъ земля и разныя угодья, хутора, левады, права рыбной ловли, въѣзда въ лѣсъ, винокуренія и т. п., давались священнику съ разрѣшенія пана, которое выражалось эрекціей или презентомъ,—своего рода инвеститурой. Священникъ получалъ эту инвеституру, какъ панскую милость, обыкновенно послѣ долгихъ поклоновъ и заискиваній или, какъ это большею частію было у паповъ католиковъ, покупалъ ее цѣною извѣстной суммы и разныхъ обязательствъ пану. Цѣна презентовъ и эрекцій была неопредѣленна отъ 30 до 150 руб. и вполнѣ зависѣла отъ пана, или. если панъ жилъ не въ селеніи и былъ слишкомъ высокій господинъ передъ хлопскимъ попомъ, отъ его коммиссара. Случалось, что панъ или коммиссаръ пускали презентъ на парохію по торгамъ, кто больше дастъ. Если парохъ оказывался не въ состояніи заплатить за презентъ, ему давалась разсрочка въ платежѣ, но часто плата взыскивалась съ него безъ всякихъ уступокъ посредствомъ разныхъ изтязаній; у несостоятельнаго плательщика отнимали имѣніе, хлѣбъ, домашнюю скотину, а самого держали подъ арестомъ или морили дымомъ въ хатѣ, пока или самъ не заплатитъ или парохіяне не выручатъ его изъ жалости мірской складчиной. Необходимо присовокупить къ этому, что земля и угодья, даваемыя такимъ образомъ духовенству, назначались не для церкви или церковной должности пароха вообще, а именно для извѣстной личности пароха. Отсюда проистекали важныя слѣдствія. Такъ какъ субъектомъ правъ на пользованіе этими дачами была извѣстная личность, то въ случаяхъ особыхъ условій съ паномъ. или приходской громадой эти дачи получали иногда характеръ почти полной собственности пароха, могли передаваться имъ въ наслѣдство какъ по мужской, такъ и по женской линіи, что, какъ мы уже видѣли, весьма сильно содѣйствовало къ развитію наслѣдственности церковнаго служенія, могли также быть отчуждаемы и посредствомъ продажи. Этою чертою малороссійскіе приходы рѣзко отличались отъ велико-

русскихъ, гдѣ земли давались не личности того или другаго духовнаго лица, а церкви или причту вообще и гдѣ членъ причта могъ развить свое право собственности лишь на построенный имъ дворъ или много—много что на лежащую подъ этимъ дворомъ и около него усадьбу. Но за то въ другихъ случаяхъ, когда при дачѣ презентовъ и эрекцій у принимавшихъ не было никакихъ особыхъ условій съ дателями, владѣніе землею, будучи предоставлено личности, а не должности пароха, было крайне непрочно и зависѣло отъ того или другаго отношенія къ пожалованному лицу пана и парохіянъ. Наслѣдникъ такого священника долженъ былъ снова просить объ утвержденіи за нимъ привиллегій его предшественника, проходить при этомъ снова всю процедуру поклоновъ и упрашиваній и даже вновь платить деньги за презентъ. Точно также, если въ парохіи вмѣсто стараго пана являлся новый, священникъ снова долженъ былъ платить ему за презентъ, даже съ лихвой; а иногда и одинъ и тотъ же панъ бралъ за одинъ и тотъ жъ презентъ или эрекцію другую и третью плату, такъ что этотъ презентъ или эрекція поднимались до значительной суммы,—отъ 50—30 руб. первоначальной цѣны до 150 — 190 р. При требованіи новой платы владѣлецъ даже не заботился о назначеніи точной суммы, сколько желалъ взять съ той или другой парохіи, а назначалъ общую сумму со всѣхъ парохій своей вотчины огуломъ. Наприм. въ 1777 г. кн. Любомірскій, наслѣдовавъ своему отцу, велѣлъ собрать со всѣхъ своихъ поповъ 4000 р. за старые презенты. Сборъ порученъ протопопамъ; одинъ протопопъ не добралъ въ своей протопопіи 300 руб. и долженъ былъ заплатить эти деньги самъ да еще подвергся при этомъ экзекуціи отъ княжескаго коммисара. Подобные случаи были очень нерѣдки на земляхъ владѣльцевъ католиковъ; но они бывали также и въ вотчинахъ совершенно православныхъ пановъ, въ родѣ извѣстнаго намъ бригадира Швейковскаго, и на земляхъ козацкихъ; въ половинѣ

XVIII в. козацкая старшина вела себя ничѣмъ не лучше польскихъ пановъ, точно также считала духовныхъ лицъ своими хлопами, требовала отъ нихъ безусловнаго послушанія, а за непослушаніе отнимала у нихъ земли и дѣлала имъ всевозможныя непріятности.

Въ великорусскихъ епархіяхъ подобныхъ злоупотребленій со стороны прихожанъ и владѣльцевъ видимъ меньше. Въ дѣла обезпеченія духовенства землями здѣсь постоянно вступалось само правительство, требуя неприкосновенности этихъ земель, какъ церковныхъ. Но, какъ видимъ изъ приведеннаго указа св. Синода 1742 г., земли здѣсь иногда только номинально числились за духовенствомъ, а на самомъ дѣлѣ оставались во владѣніи помѣщиковъ и прихожанъ, которые захватывали ихъ, вознаграждая за нихъ духовенство самою малою ругою только для формы. Приходскія общины никакъ не хотѣли отступаться отъ прежняго взгляда на эти земли, какъ на свою собственность, и считали себя въ полномъ правѣ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Отъ первой половины XVIII столѣтія до насъ дошло интересное дѣло о церковныхъ земляхъ псковской епархіи, которое, хотя и относится собственно къ этой епархіи, но въ тоже время имѣетъ весьма важный общій интересъ, можетъ вѣрно опредѣлять общее положеніе вопроса объ этихъ земляхъ и отношеніе къ нему обѣихъ заинтересованныхъ въ немъ сторонъ, и духовенства съ его іерархіей, и самихъ прихожанъ (1).

Псковскіе посадскіе люди еще въ очень давнее время построили во Псковѣ, въ его слободахъ и уѣздѣ нѣсколько приходскихъ церквей и для обезпеченія ихъ пожертвовали имъ разныя населенныя земли, которы-

---

(1) Документы по этому дѣлу изданы въ Опис. синод. арх., прилож. XXXIII и стр. 401—414; также въ П. С. З. VIII, 5574, 6303.

ми потомъ сами же и завѣдывали чрезъ своихъ выборныхъ старостъ. Епархіальная власть давно уже была недовольна этимъ управленіемъ мірскихъ людей церковными вотчинами, которыя по своимъ принципамъ она считала неподлежащими вѣдомству мірской власти. Въ 1686 г. митрополитъ псковскій Маркеллъ писалъ царямъ Петру и Іоанну сильную челобитную, въ которой жаловался, что въ его епархіи „архіереи надъ церквами воли не имѣютъ, владѣютъ мужики, а церкви всѣ вотчинныя, и тѣми вотчинами владѣютъ и корыстуются сами, а архіерею непослушны; о чемъ указъ пошлешь, не слушаютъ и безчестятъ, на счетъ нейдутъ, многая церковная казна за ними пропадаетъ съ давнихъ лѣтъ... Съ священниками сговариваются на дешевую ругу, кто меньше руги возьметъ, хотя которые попы пьяницы и безчинники, тѣхъ и пріимаютъ, а добрымъ священникомъ отказываютъ, и тѣми излишними доходы сами корыстуются... И отъ того архіерею великое преобидѣніе и безчестіе, что церквами архіерей не владѣетъ, а владѣютъ мужики, а священники бѣдные и причетники у нихъ церковныхъ старостъ вмѣсто рабовъ и говорить противъ нихъ ничего не смѣютъ“. Правительство распорядилось тогда сдѣлать опись церковнаго имущества во Псковѣ въ присутствіи довѣренныхъ дворянъ, одного—государева, другаго митрополичьяго (1). Но черезъ 2 года по случаю установленія по епархіямъ новыхъ окладовъ съ церквей для сборовъ въ архіерейскую казну по образцу патріаршей епархіи м. Маркеллъ снова жаловался, что церкви съ ихъ доходами находятся во владѣніи мужиковъ и новыхъ окладовъ съ церквей ему ввести никакъ нельзя, при чемъ опять жаловался на злоупотребленія церковныхъ старостъ,—кто де ни побываетъ въ старостахъ, всѣ потомъ промышляютъ большими

(1) А. И. V, № 122.

торговыми промыслами, палаты себѣ каменныя строятъ, а церкви Божіи находятся въ упадкѣ. Правительство распорядилось обложить церкви новыми окладами чрезъ воеводъ, въ тоже время предусмотрительно совѣтовало митрополиту не посылать въ церковныя вотчины для сборовъ домовыхъ митрополичьихъ людей, чтобы у нихъ въ томъ денежномъ сборѣ съ приходскими людьми ссоры не было (1). Борьба сторонъ успѣла уже, какъ видно, разгорѣться до значительной степени.

Въ 1700 г. псковичи выхлопотали себѣ изъ новгородскаго приказа грамату, по которой завѣдываніе церковными вотчинами было утверждено за ними на прежнемъ основаніи съ обязательствомъ отчетности по приходо-расходнымъ книгамъ въ одной только псковской приказной палатѣ, помимо архіерейскаго дома. Потомъ въ 1720 г. епископъ псковскій Ѳеофанъ Прокоповичъ собралъ съ нихъ доимочныя деньги за церковныхъ крестьянъ, земли и угодья по прежнему окладу за всѣ прежніе годы по 1720-й въ количествѣ 1000 рублей и далъ имъ въ томъ отъ каѳедры отпись. На основаніи этихъ документовъ псковичи были вполнѣ убѣждены, что за тѣмъ окладомъ псковскому архіерейскому дому нѣтъ уже никакого дѣла до самаго вотчиннаго хозяйства церквей, не за чѣмъ, стало быть, требовать ему съ нихъ и приходо-расходныхъ книгъ по этому хозяйству къ счету, и они могутъ удержать за собою всѣ свои прежнія права относительно завѣдыванія церковными вотчинами. Но на слѣдующій же 1721 г. управитель архіерейскаго дома архим. Петръ донесъ на нихъ св. Синоду, что они „завладѣли многими церковными землями и крестьяны, а по какому указу—невѣдомо, и священникомъ съ причетники даютъ ругу отъ себя малую, сколько сами похотятъ, и

---

(1) А. И. V, № 172.

тотъ расходъ какъ деньгамъ, такъ и хлѣбу, и за расходомъ бываетъ ли остатокъ, о томъ въ архіерейскомъ приказѣ вѣдѣнія нѣтъ; они жъ посадскіе люди къ тѣмъ церквамъ дьячковъ и пономарей принимаютъ безъ воли архіерейской. и въ счетѣ о владѣніи тѣхъ церковныхъ земель и крестьянъ опые посадскіе въ архіерейскій домъ чинятся ослушны". Донесеніе это не заключало въ себѣ ничего новаго противъ жалобъ м. Маркелла, оно поднимало старый вопросъ; но не по старому уже отнеслась къ нему новая церковная администрація, сильно проникнутая началомъ централизаціи и далеко неблагосклонная къ автономіи приходскихъ общинъ. Началось длинное дѣло, въ которомъ, кромѣ развитія главнаго вопроса объ отведенныхъ прихожанами церковныхъ земляхъ, можно прослѣдить между прочимъ и различныя фазы развитія церковной централизаціи и постепеннаго упадка экономической самодѣятельности приходскихъ общинъ. Въ самомъ началѣ дѣла мы застаемъ эту экономическую самодѣятельность и автономію ихъ еще въ полной силѣ, простирающеюся не только на земли, данныя прихожанами только въ пользованіе церквамъ, но и на такія, которыя пожертвованы были церквамъ во владѣніе вотчинное, каковыми именно и были земли псковскихъ церквей.

По донесенію архим. Петра св. Синодъ двукратно посылалъ въ главный магистратъ указы, чтобы онъ запретилъ псковскимъ мужикамъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Но магистратъ отнесся къ этимъ указамъ очень холодно. и ограничился однимъ общимъ предписаніемъ псковскимъ бурмистрамъ, чтобы они исполнили требованіе духовной власти, предписаніемъ, посланнымъ очевидно лишь для очистки дѣла. Въ Псковѣ ни на это предписаніе, ни на синодскій указъ не обратили ни малѣйшаго вниманія. Изъ архіерейскаго дома постоянно шли жалобы въ св. Синодъ, что церковные старосты ни на счетъ въ архіерейскій домъ нейдутъ, ни книгъ приходо-расходныхъ не представляютъ, говорятъ, что книги въ ратушѣ, гдѣ по нимъ

производится счетъ на основаніи прежнихъ граматъ, а ратуша съ своей стороны тоже не высылала въ архіерейскій домъ ни книгъ, ни старостъ. Св. Синодъ въ теченіе 1723 и 1724 гг. посылалъ по этимъ жалобамъ 5 указовъ въ магистратъ „съ надлежащимъ подтвержденіемъ“ и съ требованіемъ „сатисфакціи“, но магистратъ упорно отмалчивался, не донося св. Синоду даже о полученіи его указовъ. Наконецъ въ сентябрѣ 1724 г. св. Синодъ окончательно обидѣлся и потребовалъ отъ Сената сатисфакціи въ такой противности магистрата. Въ Сенатѣ это требованіе отложено было въ дальній ящикъ, такъ что Синодъ цѣлыхъ 5 лѣтъ не получалъ на него никакого отвѣта. Отвѣтъ присланъ былъ уже въ 1730 г., и теперь только уяснились причины, почему псковичи не хотѣли давать отчета въ своемъ управленіи церковнымъ хозяйствомъ церковнымъ властямъ.

Въ своемъ объясненіи на запросъ Сената псковичи писали, что церкви, о которыхъ идетъ дѣло, съ давнихъ поръ построены и снабдены всѣмъ необходимымъ псковскими посадскими людьми и съ тѣхъ поръ выборные ихъ старосты духовенство съ причетниками снабдѣваютъ постоянно хлѣбною и денежною ругою противъ прежняго сполна, а въ иныхъ церквахъ и съ прибавкою, сполна же платятъ и данныя деньги въ архіерейскую казну, что напротивъ отдача церковныхъ вотчинъ въ управленіе самого духовенства всегда вела только къ раззоренію церквей. Кромѣ этого псковичи указывали еще на нѣкоторыя граматы, которыя оффиціально уполномочивали ихъ управлять церковными вотчинами, на грамату, присланную изъ Москвы въ 7104 (1596 г.) по которой тѣхъ церквей приходомъ и расходомъ вѣдать попамъ запрещалось, а велѣно тѣ церкви строить и всякіе приходы и расходы вѣдать посадскимъ людямъ, на граматы, присланныя изъ Москвы въ 700 г. къ воеводѣ Головину и м. Іосифу, по которымъ велѣно было переписать всѣ вотчинные сбо-

ры церквей и слѣдующіе съ нихъ платежи въ архіерейскій домъ, а по переписи отдать тѣ вотчины въ управленіе попрежнему посадскимъ старостамъ, наконецъ на указъ о томъ же, присланный во Псковъ въ 1727 г. изъ главнаго магистрата, гдѣ старостамъ церковнымъ велѣно давать отчетъ по своему управленію церковными вотчинами во псковскомъ магистратѣ, а не въ архіерейскомъ домѣ. Выставивъ такимъ образомъ свои права на управленіе церковными вотчинами, посадскіе люди затѣмъ въ самыхъ дурныхъ чертахъ представляли дѣятельность по этому управленію самого епархіальнаго начальства и его чиновниковъ. Такъ, по челобитью въ 206 (1698) г. митроп. псковскаго Иларіона къ псковскому архіерейскому дому приписано было 15 приходскихъ церквей въ Домантовой стѣпѣ со многими вотчинами, бывшими прежде въ управленіи старостъ изъ посадскихъ людей, и вотчины эти были потомъ всѣ раззорены отъ архіерейскихъ домовыхъ людей; по возвращеніи тѣхъ церквей въ вѣдомство посадскихъ людей послѣ описи 1700 г. м. Іосифъ „отъ тѣхъ церквей колокола и образы и сосуды и всякую утварь и казну и книги взялъ въ архіерейскій домъ... и нынѣ тѣ церкви стоятъ въ запустѣніи безъ пѣнія и украшенія и почти всѣ развалились, потому что стояли многіе годы безъ кровлей, а доходовъ тѣхъ церквей съ вотчинъ въ архіерейскій домъ сбирается многое число“. Въ такомъ же положеніи находятся и другія церкви числомъ 8 и 18 монастырей со многими вотчинами и крестьянами, которыя были приписаны къ архіерейскому дому при прежнихъ архіереяхъ, между тѣмъ какъ церкви, оставшіяся въ вѣденіи посадскихъ старостъ, всѣ числомъ 22, находятся въ добромъ порядкѣ. Но и эти церкви подвергались раззоренію каждый разъ, какъ попадали въ хозяйственное вѣденіе духовенства или епархіальнаго начальства. Такъ, въ 1712 г. Спасская церковь въ Опочкѣ отдана съ вотчиною въ вѣдомство мѣстнымъ

попамъ, и послѣдніе начали расхищать въ ней привѣсы, книги, утварь, всякое мірское подаянье; одинъ попъ Иларіонъ Кировъ, кромѣ сборнаго съ крестьянъ хлѣба и другихъ церковныхъ приходовъ, въ которыхъ еще не считанъ, укралъ разныхъ вещей на 600 руб., въ чемъ и по розыску обличенъ, но за понаровкой консисторскаго судіи архим. Веніамина остался не наказанъ; „и та церковь отъ нихъ поповъ въ великомъ оскудѣніи, и кровли погнили и обвалились, и отъ течи образы повредились, и колокольня обвалилась, а колокола лежатъ на земли". Въ 1724 г. судія архим. Маркеллъ (Родышевскій) да секретарь Вохинъ „самовольно и сильно, знатно за взятки", отдали во владѣніе попамъ церковь Успенскую, которая ради имѣющагося въ ней чудотворнаго образа Богоматери получала много подаяній отъ прежнихъ государей и перешла отъ старостъ во владѣніе причта съ большимъ количествомъ хлѣба и денегъ (послѣднихъ считалось до 1000 р., кромѣ тѣхъ, которыя хранились въ церковной казнѣ за печатями); года въ 3—4 все это,—и деньги и хлѣбъ, было безнаказанно расхищено попами и сама церковь пришла въ упадокъ и оскудѣла во всѣхъ потребахъ. Въ 1727 г. уже послѣ приведеннаго указа изъ магистрата, который, какъ видится, очень раздражилъ епархіальное начальство, псковская консисторія опредѣлила къ нѣкоторымъ приходскимъ церквамъ, которыя вотчинами довольнѣе, (Архангельской, Спасской, Петропавловской и Борисоглѣбской) для смотрѣнія надъ вотчинами секретарей Вохина и Нестерова съ протопопами и попами;—и вотъ въ сентябрѣ тогоже года Вохинъ съ протопопомъ и незнаемыми людьми, „пріѣхавъ архангельской вотчины въ д. Неклачъ, выборнаго изъ посадскихъ людей старосту Евсевія Рыжкова билъ тростью и раздѣвалъ бить батожьемъ и пятиннаго хлѣба молотить не далъ, и изъ той деревни его выбилъ и говорилъ, чтобы онъ впредь ни для какого дѣла въ тое вотчину не въѣзжалъ, а

ежели поѣдетъ, и онъ Вохинъ похвалялся поймавъ убить до смерти"; потомъ онъ же съ Нестеровымъ запрещали въѣзжать въ вотчины церковныя и другимъ старостамъ, угрожая въ противномъ случаѣ бить ихъ батожьемъ и указъ магистрата разбить у нихъ старостъ на спинѣ. Завладѣвъ вотчинами прямо вопреки этому указу, консисторія вступила въ полное управленіе ими и начала расправляться съ крестьянами посвойски, какъ подобало тогдашнему присутственному мѣсту. Подъ предлогомъ неповиновенія крестьянъ, на деревни наѣхали приставы чтобы забирать непокорныхъ въ консисторію, да еще съ нихъ же за это брали свое хоженое; въ консисторіи эти крестьяне содержались скованные въ тюрьмѣ и подвергаемы были обычнымъ тогдашнимъ экзекуціямъ,—судья Веніаминъ и секретари били ихъ плетьми и приговаривали, чтобы они прежнихъ выборныхъ старостъ не слушали, а слушали однихъ посланныхъ изъ консисторіи, а послѣ экзекуціи заставляли ихъ давать въ повиновеніи консисторіи подписки. По вотчинамъ разъѣзжали секретари, протопопы, попы, дьячки и другіе посланные консисторіи многолюдствомъ, били крестьянъ, брали у нихъ подводъ многое число, заставляли ихъ возить во Псковъ пятинный хлѣбъ изъ дальнихъ мѣстъ осенней порою въ бездорожицу, и отъ того тѣмъ крестьянамъ чинили обиды несносныя и раззореніе, а церквамъ запустѣніе. Хлѣбъ, остававшійся въ церковныхъ житницахъ, консисторія запечатала, но потомъ замки и печати были сбиты и житницы безъ свидѣтельства посадскихъ людей подверглись расхищенію. Попамъ консисторія прибавила руги, хотя въ этомъ не было никакой надобности, потому что они получали ругу по ихъ вольному договору, а между тѣмъ отъ того въ церковныхъ строеніяхъ и въ прочихъ потребахъ чинится немалое оскудѣніе. На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ Сенатъ опредѣлилъ: доходы съ церковныхъ вотчинъ сбирать выборнымъ церковнымъ старостамъ

изъ посадскихъ людей, въ приходѣ и расходѣ считать тѣхъ старостъ въ псковской воеводской канцеляріи, псковской же консисторіи въ управленіе и доходы тѣхъ вотчинъ не вступать и приходо-расходныхъ книгъ къ счету не требовать, окладныя деньги на архіерейскій домъ имъ псковичамъ платить по окладу 175 г. Рѣшеніе это немедленно сообщено было св. Синоду и предписано указомъ въ псковскую канцелярію.

Псковскій епископъ Рафаилъ Заборовскій счелъ долгомъ протестовать противъ этого рѣшенія и въ началѣ 1731 г. подалъ въ св. Синодъ доношеніе, въ которомъ шагъ за шагомъ опровергалъ показанія челобитной псковичей. Прежде всего, писалъ онъ, псковичи посадскіе люди напрасно выставляютъ помянутыя церкви изключительно своимъ строеніемъ, а вотчины ихъ своею куплею и пожертвованіемъ; тѣ церкви строеніе прежде бывыхъ в. князей псковскихъ и всякихъ чиновъ приходскихъ людей, князья же и всякіе приходскіе люди снабдили ихъ и вотчинами; завѣдывали же тѣми церквами до самаго 1650 г. тѣхъ церквей протопопы съ священниками и причетниками, а въ этомъ году, какъ былъ во Псковѣ бунтъ, псковскіе посадскіе люди завладѣли ими и ихъ вотчинами самовольствомъ и послѣ того постоянно владѣютъ донынѣ, якобы своими купленными, и богатятся; вѣдая за собою корысти и неправды, уклоняются отъ отчетности въ архіерейскомъ домѣ; причтамъ даютъ малую ругу и притомъ плохимъ хлѣбомъ, а добрый хлѣбъ возятъ въ домы свои. Напрасно псковичи указываютъ на харатейныя граматы и крѣпости на земли и крестьянъ, данныя церквамъ; граматы эти „кромѣ ихъ посадскихъ людей даны были“, а они „изъ каменныхъ церквей тайно вынесли ихъ и держатъ за собою въ домѣхъ своихъ, о чемъ на нихъ надзиратель Петропавловскаго собора со священниками во псковской канцеляріи били челомъ, и видя они псковичи посадскіе люди свою неправость, во псковскую канцелярію крѣпости

принесли, а харатейныя граматы за свинцовыми печатями у себя удержали, не знаемо для какого умыслу. Что касается до разворенія нѣкоторыхъ церквей, то оно произошло не по винѣ епархіальной администраціи и духовенства, а отъ другихъ причинъ; въ Домонтовой стѣнѣ церкви и монастыри засыпаны землей въ раскаты во время шведской войны, въ другихъ церквахъ складены всякіе артиллерійскіе припасы, аммуниція и бумаги псковской канцеляріи, а иныя церкви опустѣли отъ мороваго повѣтрія и пожаровъ. Напрасно также псковичи хвалятся своею заботою о благосостояніи церквей; они владѣютъ церковными землями, а церквей не строятъ, и многія ихъ церкви разворены и стоятъ безъ пѣнія еще съ мороваго повѣтрія; одни церкви развалились, у другихъ растащена утварь, у многихъ сокращены противъ прежняго причты, а у нѣкоторыхъ и никого изъ священно-и-церковно-служителей неимѣется за недостаткомъ руги. Такъ какъ псковичи ссылались въ своей челобитной на старыя граматы, то и Рафаилъ постарался выставить въ своемъ донесеніи равносильный аргументъ, сославшись на грамату 7200 г., данную одной псковской Пороменской церкви, по которой вотчинами этой церкви велѣно владѣть протопопу съ братіею, и на указы св. Синода 1722 и 1723 гг. о томъ, чтобы старосты церковные подлежали отчетности въ архіерейскомъ домѣ. Указовъ этихъ псковичи не желали исполнять отъ того, по его объясненію, что хотѣли скрыть воровство своихъ выборныхъ старостъ, воровство очень немалое; наприм. въ Пороменской церкви одинъ староста укралъ церковныхъ денегъ 48 р. 1 алт. и 4 ден., другой продавалъ почною порою церковный хлѣбъ, третій укралъ цѣлый мѣшокъ церковныхъ денегъ, въ чемъ всѣ они и были обличены по суду; старосты и надзиратели Архангельскаго собора, Спасской, Георгіевской и друг. церквей забирали къ себѣ домой церковный хлѣбъ, привѣсы отъ образовъ, ожерелья, убрусы, камки и другія церковныя вещи, за что имъ по-

садскимъ людямъ отъ этихъ церквей въ назираніи вотчинъ и отказано. На обвиненіе духовенства и органовъ епархіальнаго начальства въ расхищеніи церковнаго хлѣба доношеніе представляетъ, что у нихъ послѣ отказа отъ церквей старостъ у самихъ хлѣба въ житницахъ оказалось самое малое число, — всего 632 четверти и 3 четверика, тогда какъ подъ присмотромъ духовныхъ надзирателей съ 1727 по 1730 г. въ остаткѣ за всѣми расходами только у 6 церквей оказалось 2090 четвертей, кромѣ пятиннаго хлѣба, собраннаго въ 1730 г. и еще необмолоченнаго. Въ заключеніе всего Рафаилъ просилъ св. Синодъ ложному челобитью псковичей посадскихъ людей не вѣрить, церквей и церковныхъ вотчинъ во владѣніе ихъ старостамъ не отдавать, а предоставить завѣдованіе этими церквами и вотчинами, равно какъ утвержденіе церковныхъ старостъ въ должности и счетъ ихъ по приходо-расходнымъ книгамъ, епархіальному начальству, потому что духовенство всѣхъ церквей опредѣляется къ нимъ по архіерейскому благословенію, да и во всей имперіи въ епархіяхъ церкви и церковныя всякія имѣнія содержатся въ вѣдомствѣ у архіереевъ, а не у простаго народа. Въ томъ же году такое же доношеніе подалъ въ св. Синодъ преемникъ Рафаила Варлаамъ.

Обѣ стороны достаточно высказались въ своихъ требованіяхъ, одна предъ Сенатомъ, другая предъ Синодомъ, но ни та, ни другая не представили для этихъ требованій достаточныхъ юридическихъ основаній, ссылались на злоупотребленія другъ друга, которыя трудно было разобрать, на старину, на жалованныя граматы, которыя по своему частному характеру представляли собою не столько памятники права, сколько памятники изъятій изъ права. Св. Синодъ въ своемъ рѣшеніи склонился на сторону псковскаго епархіальнаго начальства и при этомъ въ первый еще разъ въ теченіи всего спора постарался поставить вопросъ на юридическую почву. Изложивъ ходъ всего дѣла, онъ

опредѣлилъ вышеозначенныхъ вотчинъ посадскимъ людямъ ни въ чемъ не вѣдать, а быть имъ въ вѣдомствѣ псковскаго архіерейскаго дома, куда немедленно представить всѣ приходо-расходныя книги, старостъ выборныхъ счесть и, буде окажется недочетъ, сдѣлать съ нихъ безъ упущенія взыскъ; въ основаніе такого опредѣленія представлено нѣсколько ссылокъ на постоянную церковную практику, правила Номоканона (кароаг. прав. 26 и 33, Кирилла александр. 2, Свитка новыхъ заповѣдей 22 гл. п. 56, гангрск. 8 прав. и заповѣдь Мануила въ 61 гл. Стоглава) о подвѣдомственности церковныхъ имѣній епископамъ, о невмѣшательствѣ мірянъ въ церковныя дѣла и неотчуждаемости церковной собственности, и на постановленіе Д. Регламента (9 п. о должности дух. управителей) касательно обязанности св. Синода наблюдать за цѣлостію церковныхъ земель, пожитковъ и всякой прибыли. Послѣ этого главное положеніе псковской челобитной, что посадскіе люди сами строили церкви и сами снабдили ихъ вотчинами, св. Синодомъ обращено къ ихъ же опроверженію, „потому то данное къ церкви уже церковное и состоитъ въ смотрѣніи духовной власти, а тѣмъ, отъ кого оное дано и къ церкви укрѣплено, никакого владѣнія имѣть и интересоваться, по силѣ объявленныхъ въ выпискѣ правилъ, а особливо по заповѣди благочестиваго царя Мануила греческаго и Д. Регламента, весьма не надлежитъ.

Такое рѣшеніе, разумѣется, крайне не понравилось псковичамъ. Кромѣ того, что имъ вводилась непривычная для псковскихъ приходскихъ общинъ крайняя централизація хозяйственнаго управленія церквами около епархіальной власти, устранявшая въ этомъ управленіи участіе самихъ приходовъ, оно повело за собою возбужденіе новаго вопроса о томъ, имѣютъ ли право собственности частныя церковныя учрежденія, или же все, что пріобрѣтаютъ эти учрежденія, надобно считать собственностію церк-

ви только въ общемъ смыслѣ, вопроса очень серьезнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень труднаго для рѣшенія. Какъ въ синодальномъ рѣшеніи, такъ и въ приведенныхъ имъ на справку правилахъ говорилось о достояніи церкви, о части Божіей, объ удѣлѣ Господа, употреблялись обычныя въ подобныхъ случаяхъ фразы, въ которыхъ самый субъектъ права церковной собственности оставался неопредѣленнымъ. Пользуясь этою неопредѣленностію, псковское епархіальное начальство стало проводить въ своихъ распоряженіяхъ о вотчинахъ приходскихъ церквей мысль о принадлежности этихъ вотчинъ не той или другой приходской церкви вчастности, а церкви вообще, и о томъ, что епископская власть имѣетъ право давать этимъ вотчинамъ разное назначеніе по своему усмотрѣнію, помимо частныхъ потребностей приходскихъ церквей обращать ихъ доходы на удовлетвореніе общихъ епархіальныхъ потребностей, наприм. на заведеніе и содержаніе духовныхъ школъ. Вслѣдствіе этого, какъ скоро указъ св. Синода сталъ приводиться въ исполненіе, между псковскими посадскими людьми поднялось сильное волненіе противъ епархіальной власти, заставившее послѣднюю прибѣгнуть въ свою очередь къ крутымъ мѣрамъ. Въ маѣ 1732 г. псковскіе старосты съ прихожанами подали въ Сенатъ новую челобитную, въ которой объясняли, что псковскій архіерей наслалъ на церковныя вотчины своихъ секретарей, доходы велѣлъ сбирать мѣстному духовенству, у старостъ велѣлъ отобрать всѣ старыя крѣпости и приходо-расходныя книги и для того держитъ человѣкъ 13 (30?) старостъ въ каменной холодной тюрьмѣ, нѣкоторыя вотчины велѣлъ приписать на содержаніе духовныхъ школъ, въ другихъ вотчинахъ новые управители изъ архіерейскаго дома и мѣстные протопопы и попы берутъ съ крестьянъ взятки и чинятъ имъ несносныя обиды и раззореніе; ежели всѣ вотчины въ приходахъ и расходахъ будутъ вѣдомы въ архіерейскомъ домѣ, то и всѣ остальныя церкви также оскудѣютъ и будутъ

стоять безъ пѣнія, какъ и прежде приписанныя къ архіерейскому дому; въ заключеніе просили Сенатъ оставить въ силѣ прежнее его опредѣленіе, а опредѣленіе св. Синода отмѣнить.

Чтобы примирить между собою требованія обѣихъ спорющихъ сторонъ, Сенатъ въ своемъ новомъ рѣшеніи по поводу челобитной старался пройти срединою между своимъ прежнимъ рѣшеніемъ и рѣшеніемъ св. Синода. „Понеже, писалъ онъ, какъ отъ подчиненныхъ духовной власти, такъ и отъ купецкихъ людей во владѣніи тѣхъ церковныхъ вотчинъ и въ сборѣ съ нихъ доходовъ споръ происходитъ не для чего иного, токмо для собственнаго интересу, того ради чтобъ тѣ церковные доходы неизнако куда расходились и никто въ томъ не интересовался, но подлинно на содержаніе церковное всякихъ надлежащихъ потребностей и церковныхъ служителей ругою, для сбору оныхъ выбирать какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ свѣтскихъ, а именно: отъ духовныхъ, кому св. Синодъ заблагоразсудитъ, а отъ свѣтскихъ быть выбраннымъ отъ псковскаго купечества старостамъ, которымъ дать книги, чтобъ одинъ безъ другаго ни въ приходъ не принималъ, ни расходу не чинилъ,—а по прошествіи году ихъ считать такожде опредѣленнымъ для того—одному отъ духовной, а другому отъ свѣтской воеводы“, съ тѣмъ, чтобы и годичныя вѣдомости подавать „духовнымъ въ архіерейскій домъ, а свѣтскимъ псковскому воеводѣ“; счесть и прежнихъ старостъ тоже „въ воеводской канцеляріи купно 10 опредѣленнымъ отъ архіерейскаго дому,... и для того забранныхъ нынѣ въ архіерейскій домъ псковичъ посадскихъ людей изъ подъ ареста освободить, дабы имъ отъ того раззоренія и въ торговыхъ промыслахъ остановки не чинилось“. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что по уставу царя Мануила церковное имущество дѣйствительно неприкосновенно для частныхъ лицъ и единой церкви надлежитъ, Сенатъ однако видимо не раздѣлялъ воззрѣнія на эту церковную собственность, высказаннаго духов-

ными властями, по которому субъектомъ права на нее являлась собственно іерархія, управлявшая ею, и по которому въ пользу архіерейскаго дома и для общихъ епархіальныхъ цѣлей отрицалось право собственности частныхъ церквей. Все, пожертвованное въ пользу извѣстной церкви, по мнѣнію Сената, должно дѣйствительно принадлежать ей; доходы съ ея вотчинъ должны идти на нее же, и епархіальная власть, имѣя надзоръ за церковнымъ имуществомъ, не имѣетъ однако права ни отписывать отъ церквей вотчинъ, ни давать имъ другаго назначенія по своему усмотрѣнію; эта общая мысль прилагается затѣмъ къ частному вопросу о содержаніи дух. школъ: „а на содержаніе школъ архіерейскаго дому довольствоваться тѣми доходами, которые именно въ Д. Регламентѣ положены, которые, какъ псковичи въ челобитьѣ своемъ изъявляютъ, и собираются особо“. Наконецъ о вотчинахъ запустѣвшимъ церквей, приписанныхъ къ архіерейскому дому, доходы съ коихъ собираются въ архіерейскій домъ, Сенатъ положилъ „разсмотрѣть св. Синоду, а съ свѣтской стороны псковскому воеводѣ и прислать въ Сенатъ обстоятельную вѣдомость, сколько такихъ вотчинъ къ тѣмъ церквамъ отдано и сколько какихъ доходовъ съ нихъ собиралось, и котораго году оныя вотчины приписаны къ архіерейскому дому и по какимъ указамъ, и отъ чего тѣ церкви запустѣли, и о томъ о всемъ въ св. правит. Синодъ сообщить вѣдѣніе, а во псковскую канцелярію послать указъ“.

Споръ этимъ не кончился и перенесенъ былъ на высочайшее рѣшеніе. И Сенатъ и Синодъ представили императрицѣ доклады, первый въ началѣ 1733, а послѣдній нѣсколько раньше—въ концѣ 1732 г. Сенатъ писалъ, что псковское епархіальное начальство продолжаетъ настаивать на своихъ прежнихъ распоряженіяхъ относительно церковныхъ вотчинъ, что кромѣ тѣхъ псковичей, которые по этому дѣлу арестованы были прежде, псковская консисторія арестовала еще человѣкъ 10 старостъ и ихъ родственниковъ посад-

ских людей и держитъ ихъ яко злодѣевъ, и отъ того многимъ въ купечествѣ учинились убытки и разореніе; по жалобѣ псковичей Сенатъ спрашивалъ было св. Синодъ, что имъ сдѣлано по послѣднему сенатскому вѣденію, но Синодъ не отвѣчалъ ничего опредѣленнаго, а только объявилъ, что о томъ онъ уже учинилъ резолюцію и отвѣтъ пришлется, который однако не присылался. Въ докладѣ св. Синода повторялись всѣ прежнія обвиненія на псковичей, попрежнему выставлялись хорошія стороны духовнаго управленія вотчинами, повторены всѣ прежніе указы, изложенъ весь извѣстный намъ ходъ дѣла и затѣмъ говорилось, что св. Синодъ находитъ способъ управленія вотчинами, предложенный Сенатомъ, въ существѣ дѣла безспорнымъ, не желаетъ спорить съ Сенатомъ и о нѣкоторыхъ самоувѣренныхъ выраженіяхъ его вѣденія, какъ-то: „яко бы по оному дѣлу въ дѣйствіе вступилъ онъ (Сенатъ) по силѣ слѣдующихъ къ тому указовъ“, хотя дѣло оное подсудно исключительно св. Синоду, но что, по мнѣнію его Синода, „лучше бъ и приличнѣе было, яко до церкви надлежащее дѣло, оные прежніе и нынѣшніе счеты производить“ совокупно духовнымъ и свѣтскимъ довѣреннымъ лицамъ не въ воеводской канцеляріи, а во псковскомъ архіерейскомъ домѣ; кромѣ того псковичей посадскихъ людей, какъ уже ясно обличенныхъ въ похищеніяхъ, въ старосты къ оным сборамъ впредь не опредѣлять. 9 іюля 1733 г. по этимъ двумъ докладамъ состоялось наконецъ высочайшее рѣшеніе длиннаго спора, тянувшагося слишкомъ 70 лѣтъ; рѣшеніе это старалось удовлетворить требованіямъ обѣихъ сторонъ, но все-таки сильно ограничивало прежнюю мѣру участія прихожанъ въ церковной экономіи ихъ прихода. Счетъ прежнихъ старостъ велѣно произвести въ архіерейскомъ домѣ съ участіемъ чиновниковъ отъ воеводской канцеляріи, рѣшеніе о старостахъ виновныхъ въ расхищеніи церковныхъ доходовъ учинить воеводѣ; а впредь тѣмъ вотчинамъ быть подъ вѣденіемъ архіерейскимъ; а въ

старосты къ церквамъ и ко управленію тѣхъ вотчинъ выбирать прихожанамъ самимъ и быть по 2 года, а по прошествіи того времени считать ихъ въ архіер. домѣ вмѣстѣ съ опредѣленнымъ отъ воеводы.

Дѣло о псковскихъ церковныхъ земляхъ тѣмъ выразительнѣе очерчиваетъ владѣльческія отношенія прихожанъ къ пожертвованнымъ ими въ пользу церквей землямъ, что предметомъ разсужденій и споровъ о немъ были такія земли, которыя были уже закрѣплены за церквами по крѣпостнымъ граматамъ и составляли полную вотчинную собственность церквей, а не должны были вовсе уже выходили изъ владѣнія своихъ жертвователей. Права прихожанъ на земли, пожертвованныя ими только для пользованія приходскихъ причтовъ, имѣемъ основаніе считать еще шире и сильнѣе. Въ теченіе всей первой половины XVIII столѣтія за приходскими причтами не были упрочены даже тѣ земли, которыя назначались подъ ихъ дворовыя усадьбы при церквахъ. Въ первой главѣ нашего изслѣдованія мы приводили нѣсколько фактовъ, какъ прихожане въ качествѣ полноправныхъ собственниковъ этихъ прицерковныхъ земель продавали ихъ разнымъ новымъ членамъ своихъ причтовъ въ потомственное владѣніе по купчимъ крѣпостямъ. Находимъ и другіе противуположные примѣры, какъ прихожане, преимущественно помѣщики отбирали эти усадебныя земли у духовенства для себя, а духовенство заставляли селиться на другомъ мѣстѣ (1). Закрѣпленіе этихъ земель за причтами въ качествѣ постоянной и неотъемлемой церковной собственности произведено уже во время межеванія земель при Елизаветѣ Петровнѣ (2).

Нѣкоторыя церкви имѣли свои собственныя вотчинныя земли, которыми пользовалось духовенство для

---

(1) Напр. ист.-стат. опис. смоленск. епарх. 107—109. Изъ позднѣйшаго времени любопытные примѣры см. въ Ист. моск. сн. упр. III, кн. 2, прим. 444 и П. С. З. XVIII, 21411.

(2) П. С. З. XV, 10989.

своего содержанія; но такихъ церквей было очень мало, такъ что они составляютъ почти изключеніе. Какъ извѣстно, щедрость благочестивыхъ людей древней Руси, надѣлявшихъ духовныя учрежденія вотчинами, вся истощалась на одни монастыри, а другой источникъ пріобрѣтенія вотчинъ—покупка—былъ недоступенъ для церквей вслѣдствіе ихъ бѣдности. Въ самомъ концѣ существованія крѣпостнаго права въ русской Россіи коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ нашла, что почти вся церковная вотчинная собственность сосредоточена была во власти монастырей и архіерейскихъ домовъ, за которыми числилось 875,863 души крестьянъ, тогда какъ за всѣми соборными и приходскими церквами имперіи было всего только 35,003 души. Притомъ же большая часть изъ этихъ 35,000 душъ падала на долю богатыхъ кремлевскихъ соборовъ, Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго. За изключеніемъ ихъ и еще 27 разныхъ городскихъ соборовъ, владѣвшихъ вотчинами, коммиссія насчитала всего только 105 церквей, во владѣніи которыхъ было болѣе 20 душъ крестьянъ, тогда какъ общее число всѣхъ приходскихъ церквей въ 1764 г. простиралось до 20,000 (1). Вслѣдствіе такой рѣдкости церковныхъ вотчинъ вотчинныя права церквей были даже мало извѣстны нѣкоторымъ свѣтскимъ начальствамъ; такъ наприм. въ 1745 г., по случаю производившейся тогда переписи положенныхъ въ подушный окладъ церковниковъ изъ-за священно-служителей, за которыми они были записаны по первой ревизіи, къ свѣтскимъ владѣльцамъ, начальства, завѣдывавшія этимъ дѣломъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали писать за свѣтскими владѣльцами бобылей, жившихъ на церковныхъ земляхъ деревнями и записанныхъ за церквами еще по писцовымъ книгамъ, приводя при этомъ то основаніе, что духовнымъ лицамъ имѣть у себя крѣпостныхъ людей

(1) Также XVI, 12060 и кн. Шгатовъ. Обзоръ закон. о содержаніи дух. И. Григоровича. Спб 1867 г. стр 28, примѣч.

и деревни запрещено прежними указами; Сенатъ долженъ былъ по этому поводу издать особый указъ, въ которомъ объяснялось, что такіе бобыли и деревни принадлежатъ не духовнымъ лицамъ, а самимъ церквамъ, „и токмо пребывающіе при тѣхъ церквахъ съ оныхъ доходы въ пропитаніе себѣ получаютъ, какъ и за московскими соборы и другими церквами такія же деревни имѣются“ (1). Изъ приведеннаго нами дѣла о псковскихъ церквахъ видимъ, что нѣкоторыя очень важныя условія вотчиннаго владѣнія церквей не были надлежащимъ образомъ опредѣлены даже самимъ законодательствомъ, что въ пониманіи этихъ условій долго не могли сойтись между собою даже такіе органы правительства, какъ Сенатъ и Синодъ, не говоря уже о второстепенныхъ властяхъ. Вслѣдствіе этого пользованіе вотчинными землями церквей почти также слабо было гарантировано для причтовъ этихъ церквей, какъ и пользованіе землями приходскими, неукрѣпленными за церквами. Заявляли ли въ отношеніи къ нимъ свои владѣльческія притязанія сами жертвователи или же онѣ поступали въ управленіе архіерейскаго дома,— и въ томъ и другомъ случаѣ для духовенства могъ произойти чувствительный ущербъ въ матеріальныхъ средствахъ. Жертвователи, какъ наприм. псковскіе посадскіе люди, по извѣстному всѣмъ религіозному складу русскихъ благочестивыхъ людей все вниманіе свое обращали на внѣшнее украшеніе храмовъ, на улучшеніе ихъ ризницы и утвари, строеніе колоколенъ, литье большихъ колоколовъ и т. п. и при своемъ управленіи церковными вотчинами употребляли большую часть вотчинныхъ доходовъ именно на эти предметы, а духовенство довольствовали какой-нибудь нищенской ругой. Въ свою очередь епархіальное начальство, проникнутое сознаніемъ важности разныхъ обще-епархіальныхъ потребностей, при употребленіи вотчинныхъ

(1) П. С. З. XII, 9106.

доходовъ обращало ихъ на эти послѣднія потребности и заставляло иногда бѣдствовать и церкви и духовенство. Не даромъ въ псковскомъ дѣлѣ съ своихъ разныхъ точекъ зрѣнія обѣ споривши стороны такъ энергично и увѣренно обличали одна другую въ злоупотребленіяхъ церковною собственностію; каждая съ своей точки зрѣнія была дѣйствительно, если несовсѣмъ, то во многомъ права.

Примѣры того, какъ доходы съ церковныхъ земель ускользали изъ рукъ приходскаго духовенства, встрѣчаемъ не въ одномъ Псковѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ; наприм. въ Суздалѣ и его уѣздѣ земли нѣкоторыхъ церквей, какъ и во Псковѣ, были во владѣніи горожанъ, другія во владѣніи монастырей, третьи приписаны къ архіерейскому дому и замѣнены со стороны послѣдняго ругою причтамъ (1). Встрѣчаемъ случаи, что архіереи и сильные монастыри захватывали церковныя земли въ свою пользу насильственно, безъ всякаго права. Въ этомъ отношеніи особенно сдѣлался извѣстенъ въ Малороссіи горячій и властительный до самоуправства архіерей, Иродіонъ Жураховскій, въ свое время раздражившій противъ себя и мірянъ и духовенство своей епархіи и высшихъ властей. Будучи ревнителемъ монашества, онъ отнималъ у бѣлаго духовенства земли и угодья главнымъ образомъ для приписки ихъ къ монастырямъ или къ своему архіерейскому дому. Вотъ одинъ случай этого рода. Въ селѣ Кирѣевкѣ — вотчинѣ Новгородсѣверскаго монастыря у приходской церкви былъ во владѣніи водяной млинокъ, пожертвованный ей по одному духовному завѣщанію и закрѣпленный за ней универсалами гетмановъ Мазепы и Скоропадскаго. Вдругъ архіерею захотѣлось присвоить этотъ млинокъ Новгогородсѣверскому монастырю; съ этою цѣлью онъ потребовалъ къ себѣ приходскаго священника и громадскаго атамана,

---

(1) Опис. града Суждаля во Временникѣ XXII, 63—66. 69.

засадилъ ихъ на цѣпь, одного въ пекарню, другаго въ бондарню, и до тѣхъ поръ мучилъ, пока не вымучилъ у нихъ гетманскихъ универсаловъ. Послѣ этого вмѣстѣ съ документами на владѣніе въ его руки перешелъ и млинокъ. Но священникъ съ атаманомъ сохранили у себя списки актовъ, которые могли имъ пригодиться въ случаѣ тяжбы. Узнавъ объ этомъ уже въ отсутствіи архіерея (Иродіонъ уѣхалъ въ Москву), намѣстникъ его снова потребовалъ обоихъ въ архіерейскій домъ и началъ вымучивать у нихъ списки, потомъ, недобившись ничего, велѣлъ запечатать самую церковь. Отъ Спаса, когда она была запечатана, до Покрова кирѣевцамъ негдѣ было ни покойниковъ хоронить, ни дѣтей крестить, ни пѣнія божественнаго послушать дѣлыхъ 8 недѣль, какъ писалось въ ихъ челобитной гетману; монахи уже тогда только распечатали церковь и воротили млинокъ, когда кирѣевцы цѣлымъ селомъ собрались жаловаться на нихъ въ малороссійскую коллегію. Можно представить другой подобный же случай, гдѣ предметомъ такого же незаконнаго захвата въ пользу архіерейскаго дома были собственные купленные грунты одного сельскаго священника съ дворомъ и мельницею. Это было въ самомъ концѣ 1733 г. Священникъ Петръ Вышинскій былъ призванъ на архіерейскій дворъ, гдѣ монахи спачала словесно убѣждали его уступить грунты каоедрѣ, а самому жить изъ приходскихъ доходовъ, а потомъ начали бить нещадно каньчуками, забили въ кандалы и съ желѣзною цѣпью на шеѣ бросили въ тюрьму. Нѣсколько монаховъ отправились къ нему на домъ, отняли у попадьи ключи, взяли всѣ грунтовые акты, самый дворъ въ конецъ раззорили, попадью выгнали и всѣмъ имуществомъ завладѣли. Несчастный священникъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы и получилъ назадъ свои грунты, уже благодаря вмѣшательству въ это дѣло кіевскаго митрополита и управлявшаго Малороссіей кн. Шаховскаго, и то уже въ слѣдующемъ 1734 г. послѣ ли-

шенія Иродіона каѳедры (1). Въ виду подобныхъ примѣровъ изъятія церковныхъ земель изъ пользованія церковныхъ причтовъ мы никакъ не можемъ приписать этому источнику обезпеченія духовенства въ прежнее время характера фундушеваго, который главнымъ образомъ для него и необходимъ.

Обратимся къ самому пользованію духовенства церковными земельными надѣлами. Удовлетворительность послѣднихъ прежде всего, разумѣется, зависѣла отъ ихъ количества. Къ сожалѣнію мы не можемъ опредѣлить этого количества съ надлежащей точностію, потому что оно зависѣло отъ разныхъ случайныхъ причинъ, которыя имѣли вліяніе на доброхотство дателей, и было чрезвычайно разнообразно. Неодинаковы были даже земельные надѣлы церквей по писцовымъ книгамъ, которые мы могли бы принять за нормальные или по крайней мѣрѣ болѣе обыкновенные образцы для приходскихъ надѣловъ; по наказамъ 1680 и 1684 гг. писцамъ велѣно было отмежевывать ко всѣмъ церквамъ отъ 20 до 10 четей пашни въ полѣ (по трехпольной системѣ хлѣбопашества), т. е. отъ 30 до 15 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, и сѣнокосныхъ луговъ мѣрой по копнѣ на 10 четей (2). По такому надѣлу священникъ очевидно дѣлался хозяиномъ мелкимъ, которому трудно было пользоваться своей землей чрезъ отдачу ея въ чужія руки, а нужно было обработывать ее самому лично. И вотъ, по словамъ Посошкова, попы становились „пичѣмъ отъ пахатныхъ мужиковъ не отмѣнны; мужикъ за соху, и попъ за соху... Понеже, аще пашни ему не пахать, то голодну быть“. Самая уже внѣшность священника принимала мужицкій характеръ и порядочный человѣкъ XVIII столѣтія гнушался своего пастыря, ибо де „отъ него навозомъ пахло“. Приведенные нами отзывы объ этомъ предме-

---

(1) Р. Арх. 1871 г. XI, стр. 1895—1898.
(2) П. С. З. 832. 890. 913. 1074 п. 3—4.

тѣ изъ сочиненій Посошкова и Татищева замѣчаютъ также и то, какъ чрезмѣрная, но неизбѣжная преданность духовенства сельскимъ матеріальнымъ заботамъ убивала его духовныя силы и заставляла пренебрегать дѣломъ пастырства, оставлять свою паству въ сторонѣ. Практика дѣйствительно во многомъ оправдывала эти отзывы. Вотъ наприм. какъ описываетъ жизнь духовенства авторъ Очерковъ малороссійскаго духовенства въ XVIII столѣтіи: „священникъ заводилъ стада овецъ, выдѣлывалъ и продавалъ сальные свѣчи, обдѣлывалъ кожи, шерсть, самъ шилъ и продавалъ свитки и кожухи, или же, нагрузивъ нѣсколько возовъ пшеницей, рожью, овсомъ и под. и простившись на мѣсяцъ—другой съ семействомъ и приходомъ, отправлялся въ Запорожье, въ Крымъ, тамъ продавалъ все, закупалъ въ Крыму соль, на Дону рыбу, развозилъ по малороссійскимъ ярмаркамъ и украинскимъ мѣстечкамъ, самъ, сидя на возу, отмѣривалъ покупателямъ соль, отсчитывалъ вялую и соленую рыбу, или же выпасалъ рогатый скотъ, самъ съ гайдаями гонялъ его въ далекія мѣста и продавалъ. Вообще священникъ распоряжался средствами своей земли, какъ зналъ и хотѣлъ... Въ домѣ отлучника священника въ праздники дьячекъ прочитаетъ въ церкви часы и повечеріе; умершаго (прихожане) погребутъ сами при пѣніи дьячка, священникъ пріѣдетъ и запечатаетъ гробъ; съ крестьбинами можно и подождать, особенно въ лѣтнюю рабочую пору, а дитя больное окреститъ баба изъ воды; для поминовеній же, парастасовъ, молебновъ и проч. назначена осень, а къ осени священникъ пріѣдетъ и изъ далекой стороны... Когда въ 1749 г. по кіевской епархіи разосланъ изъ консисторіи указъ, чтобы священники не отлучались изъ прихода болѣе, чѣмъ на недѣлю, многіе рѣшительно отказались исполнять этотъ указъ и не дали подписки на него; въ 1775 г. опять разпубликованъ такой же указъ съ угрозою отрѣшенія отъ приходовъ, но опять безуспѣшно“ (1). Въ велико-

(1) Руков. для с. паст. 1864 г. т. II, 505—506.

русскихъ приходахъ духовенство не отличалось такимъ промышленнымъ характеромъ и не дѣлало такихъ большихъ отлучекъ изъ приходовъ; но оно за то больше малороссійскаго было всегда привязано къ земледѣльческимъ занятіямъ, которыя не меньше отвлекали его отъ исполненія его церковныхъ обязанностей. По свидѣтельству Посошкова, за земледѣльствомъ поповскимъ христіане помирали безъ покаянія ничѣмъ неотмѣнно отъ скота, а служба такъ была рѣдко въ церквахъ, что въ одноштатномъ приходѣ попъ во весь годъ обѣденъ десятка другаго не отслуживалъ; „въ таковыхъ суетахъ живуще, не токмо стадо Христво пасти, но и себя не упасти“.

Но съ другой стороны и слабое исполненіе пастырскихъ обязанностей все-таки было большой помѣхой для хозяйственныхъ занятій пастыря, такъ что настоящимъ земледѣльцемъ онъ все-таки сдѣлаться не могъ и долженъ былъ часто требовать въ этихъ занятіяхъ чужой подмоги; притомъ же, при всей привычкѣ къ сельскимъ работамъ, укоренявшейся еще съ дѣтства, духовный человѣкъ все-таки не могъ сравняться съ настоящимъ мужикомъ ни по силѣ, ни по терпкости въ работѣ. Отсюда эти поповскія помочи, толоки, которыя хорошо извѣстны и доселѣ; духовенство и тутъ зависѣло отъ доброхотства своихъ прихожанъ. Какъ и теперь, помочи производились обыкновенно по праздникамъ, потому что въ другіе дни прихожане были заняты своими собственными работами или барщиной. Священникъ долженъ былъ при этомъ вдвойне содѣйствовать къ нарушенію святости праздника—во первыхъ самой работой, а во вторыхъ не избѣжнымъ на всѣхъ помочахъ угощеніемъ своихъ пасомыхъ, которое по принятому вездѣ обычаю должно было доходить до самой крайней степени пьянства; съ первымъ обстоятельствомъ еще можно было помириться на томъ выработавшемся въ народѣ убѣжденіи, что хотя по праздникамъ и грѣхъ работать, но только на себя, а на другихъ можно, на священника же даже должно; но

что касается до спаиванія прихожанъ, помириться съ нимъ было весьма мудрено. Въ Малороссіи приглашеніе на толоку дѣлалось даже въ церкви; послѣ заамвонной молитвы священникъ выходилъ на амвонъ и вмѣсто всякой проповѣди говорилъ: „православные христіане! На сей недѣлѣ въ такой-то день мы имѣемъ такой-то праздникъ. Дай, Боже, намъ счастливо дождаться и весело проводить его“, и приглашалъ на толоку. Угощеніе на толокѣ было невыгодно священнику, но его никакъ нельзя было оставить, потому что иначе никто бы неявился и на работу. Кромѣ сельскихъ работъ, помощь прихожанъ нужна была священнику и для удовлетворенія множества потребностей его домашняго обихода, начиная съ первоначальнаго обзаведенія при поступленіи на приходъ, для разныхъ домовыхъ послугъ, ухода за домашними животными и т. д. Въ нѣкоторыхъ приходахъ прихожане строили самое жилище священника. Мы видѣли, что это строеніе церковныхъ домовъ для членовъ приходскихъ причтовъ правительство, начиная съ царствованія Петра, стремилось сдѣлать общею обязанностію всѣхъ приходовъ. При этомъ имѣлось въ виду главнымъ образомъ устраненіе извѣстныхъ намъ неудобствъ при опредѣленіи на церковныя мѣста достойныхъ людей изъ ученыхъ, которые были устраняемы отъ приходовъ наслѣдниками священно-и-церковно-служительскихъ домовъ; но кромѣ этого постройка прихожанами церковныхъ домовъ должна была, разумѣется, сопровождаться очень благотворными результатами еще для благостоянія приходскаго духовенства вообще. Указы о построеніи этихъ домовъ подтверждались почти каждое царствованіе; при имп. Екатеринѣ за это дѣло взялись съ особенной энергіей; въ Казани послѣ пугачевскаго погрома правительство, помогая при обстройкѣ города, само было даже взялось за устройство для духовенства каменныхъ домовъ при церквахъ, цѣной тысячи въ 2 каждый (дѣло впрочемъ кончилось

составленіемъ одной смѣты) (1). Но всѣ эти хлопоты, какъ мы уже видѣли, не имѣли никакого серьезнаго результата въ теченіе всего XVIII и начала XIX столѣтія (2).

Въ заключеніе представленнаго обозрѣнія приходскихъ средствъ къ обезпеченію духовенства нельзя не напомнить тѣхъ обстоятельствъ, описанныхъ нами прежде, которыя имѣли такое сильное вліяніе на уменьшеніе доброхотства прихожанъ къ духовенству и развивали въ нихъ прискорбное равнодушіе къ его судьбѣ. Мы видѣли, какъ съ постепеннымъ упадкомъ выборнаго значенія членовъ клира, съ вытѣсненіемъ приходскаго вліянія на церковныя дѣла властью архіереевъ и съ умноженіемъ кандидатовъ, поступавшихъ на церковныя мѣста по праву наслѣдства или по усмотрѣнію епархіальной власти, духовенство все болѣе и болѣе отчуждалось отъ народа и замыкалось въ особое изолированное сословіе, терявшее расположеніе всѣхъ другихъ классовъ общества уже по самой своей изолированности. Результаты его новой общественной постановки обнаружились еще въ то время, когда эта постановка только лишь создавалась среди борьбы съ прежнимъ порядкомъ вещей. Когда какой-нибудь купецъ Азбукинъ съ своей братьей — другими прихожанами гналъ съ клироса студента, присланнаго архіереемъ въ качествѣ кандидата на приходскую вакансію, и во всеуслышаніе кричалъ, что онъ „плевать хочетъ на богословіе“ и что на случай вторичнаго появленія этого кандидата „учинилъ генеральное опредѣленіе—метлой его выгнать изъ церкви“,—это было уже очень плохимъ предвѣстіемъ для бѣднаго бурсака на счетъ предстоявшей ему жизни въ приходѣ, хотя архіерей и настоялъ на опредѣленіи его къ искомому имъ мѣсту. Въ вольныхъ малороссійскихъ парохіяхъ

(1) П. С. З. XIX, 14214.

(2) См. о перк. домахъ въ Москвѣ. Пр. Обозр. 1869 кн. 8.

мы видѣли встрѣчу такихъ кандидатовъ еще хуже этой. Ни на кого не было столько жалобъ со стороны прихожанъ, какъ именно на этихъ священно-служителей, занимавшихъ приходскія вакансіи помимо приходскаго выбора. Въ Малороссіи, гдѣ право приходскихъ выборовъ было сознаваемо гораздо живѣе, положеніе такого священно-служителя было невыносимо; передъ нимъ запирали дверь, когда онъ ходилъ съ молитвой, обходили въ требоисправленіяхъ, обращаясь къ другимъ священникамъ, отказывали ему въ роковщинѣ, говоря: „кто тебя прислалъ, тотъ пусть тебѣ и платитъ; а нѣтъ,—довольствуйся тѣмъ, кто что дастъ за ласки своей“; малѣйшее требованіе вознагражденія за трудъ вызывало ропотъ на вымогательство и опасныя жалобы по начальству, что священникъ „за мертвое тѣло, какъ бы за скотину какую, торжится, послѣднюю казалъ свиту скинуть, послѣднюю казалъ корову отдать“ и проч. Не такъ относилась громада къ своему выборному пароху. Вотъ наприм. любопытное описаніе первой встрѣчи такого избранника прихожанами при самомъ вступленіи его въ должность. Громада сама давала ему подводу для поѣздки въ каѳедру за посвященіемъ, снабжала его всѣми харчами и кромѣ того отправляла съ нимъ двоихъ или троихъ хозяевъ, которые потомъ ходили съ нимъ по всѣмъ каѳедральнымъ инстанціямъ до самаго окончанія дѣла, заботились о всѣхъ его матеріальныхъ нуждахъ, расходуя значительныя суммы на подарунки и разные платежи въ каѳедрѣ, и по окончаніи всего обратно привозили его въ приходъ. Прямо изъ храма, гдѣ протопопъ вводилъ его въ должность, вся громада отправлялась къ новому пану отцу въ гости съ поздравленіемъ. Угощеніе ея стоило не дешево, но за то, выражая довольство своимъ выборомъ, она тутъ же почти сразу устроивала все будущее хозяйство новаго священника. Чтобы выборный священникъ — честь и гордость громады — не уступалъ ни одному изъ сосѣднихъ поповъ, каждый прихожанинъ дарилъ ему что-нибудь на хо-

зяйство, кто корову, кто теленка, кто овцу, плугъ, копну—другую сѣна, хлѣба въ зернѣ, крупъ и т. п. Такой визитъ громады могъ и бѣднаго человѣка сдѣлать исправнымъ хозяиномъ. Женщины также точно устраивали хозяйство своей пани-матки, снося къ ней куръ, утокъ, гусей, ленъ, утиральники, скатерти и проч. (1).

Рядъ административныхъ мѣръ къ обезпеченію духовенства идетъ съ самаго начала обозрѣваемаго періода времени и преимущественно усиливается со 2-й половины XVIII столѣтія, когда утчужденность духовенства отъ общества и равнодушіе послѣдняго къ первому стали особенно дурно отзываться на благосостояніи приходскихъ причтовъ. Самое простое рѣшеніе вопроса со стороны администраціи могло состоять въ обезпеченіи всего духовенства казеннымъ жалованьемъ и надѣлѣ его достаточнымъ количествомъ земли, но такая громадная жертва со стороны государства, какъ объ ней ни мечтало всегда духовенство, не говоря уже о разныхъ неудобствахъ ея для самаго служенія духовенства и для его общественнаго положенія, оказалась рѣшительно невозможною даже и въ наши дни, тѣмъ болѣе невозможна была въ XVIII в. среди крупныхъ государственныхъ реформъ, тяжелыхъ и непрерывныхъ войнъ и безъ нея уже невыносимаго напряженія слабыхъ матеріальныхъ силъ неокрѣпшаго государства. Затрудняясь удовлетвореніемъ своихъ собственныхъ нуждъ, правительство могло удѣлять изъ своихъ средствъ въ пользу духовенства лишь только скудныя вспомогательныя даянія. Вслѣдствіе этого каждый разъ, какъ только ему приходилось касаться вопроса объ обезпеченіи духовенства, оно по необходимости должно было возлагать рѣшеніе этого вопроса на тѣже общественныя силы и средства, которыя

---

(1) Руков. для с. паст. 1862 г. № 32, и 1864 т. II, 508—509.

такъ быстро скудѣли для изолировавшагося духовнаго сословія, на сколько возможно, стараясь только руководить ими и регулировать ихъ приложеніе къ жизни. Самыми раціональными и полезными распоряженіями его въ этомъ родѣ были извѣстныя уже намъ распоряженія касательно болѣе выгоднаго для духовенства распредѣленія приходовъ по числу приходскихъ душъ, ограничительныя постановленія о строеніи новыхъ церквей, опредѣленіи къ мѣстамъ новыхъ членовъ приходскаго клира и о новыхъ приходскихъ штатахъ. Но за тѣмъ, какъ только оно принималось ближайшимъ образомъ опредѣлять самыя отношенія прихожанъ къ ихъ причтамъ, оно тотчасъ же начинало отступать отъ своей руководительной роли, единственно законной въ этомъ случаѣ и впадало въ привычный тонъ регламентаціи, который тутъ вовсе не годился и только вредилъ сущности дѣла; заходила наприм. рѣчь о вознагражденіи духовенства за его труды по требоисправленіямъ, и сей-часъ же въ указахъ объ этомъ предметѣ начинало развиваться понятіе объ обязательномъ налогѣ въ пользу причта, даже съ раскольническихъ дворовъ въ приходѣ; отказывались отъ мысли о налогѣ, и начинали издавать указы о таксѣ за каждую требу. Къ этой же категоріи правительственныхъ распоряженій можно отнести также распоряженія объ обязательной для прихожанъ ругѣ причтамъ или въ замѣнъ ея о земельномъ надѣлѣ и отчасти о постройкѣ церковныхъ домовъ. Привычка къ регламентаціи мѣшала прямому взгляду на дѣло въ теченіе не только всего XVIII в., но и въ текущемъ столѣтіи, когда въ административныхъ сферахъ дошли уже до яснаго убѣжденія, что „подать несовмѣстна съ отношеніями, какія соединяютъ духовенство съ народомъ“, и что въ этихъ отношеніяхъ „должно стараться по всей возможности удалять всякое понятіе притязанія и отягощенія“. Мы видѣли, что комитетъ 1808 г. объ улучшеніи быта духовенства, который высказалъ это справедливое положеніе, въ тоже время никакъ не могъ

уяснить себѣ мысли, что духовенство можетъ получать опредѣленные оклады отъ своихъ прихожанъ и не въ видѣ подати, наложенной отъ начальства, а въ формѣ доброхотнаго даянія, опредѣленнаго по общественной инициативѣ. Болѣе полное уясненіе того руководительнаго участія, какое можетъ принадлежать въ этомъ общественномъ дѣлѣ правительству, принадлежитъ уже нашему времени.

Вспомогательныя пожертвованія правительства въ пользу духовенства издавна состояли главнымъ образомъ въ ружныхъ дачахъ нѣкоторымъ причтамъ и въ надѣленіи церквей земельными участками; впослѣдствіи, уже въ текущемъ столѣтіи, являются оклады казеннаго денежнаго жалованья духовенству.

Въ древнѣйшія времена княжеская руга тоже имѣла характеръ постояннаго жалованья въ пользу церквей княжеской постройки; но потомъ, когда ругу стали выпрашивать и другія церкви не княжеской или царской постройки, обыкновенно церкви бѣдныя и малоприходныя, первоначальный характеръ ея потерялся и она обратилась въ царскую милостыню для бѣдныхъ церквей; какъ царская милостыня, даръ личнаго усердія къ церкви, она очевидно стала рѣзко отличаться отъ жалованья, опредѣляемаго закономъ. По количеству своему она была чрезвычайно разнообразна, опредѣлялась въ этомъ отношеніи или нуждами причтовъ, или всего болѣе степенью внимательности къ этимъ нуждамъ со стороны самого государя, назначавшаго ругу. Съ такимъ характеромъ царской милостыни она перешла и въ XVIII столѣтіе. Ружныя дачи были или денежныя или хлѣбныя или смѣшанныя—хлѣбомъ и деньгами вмѣстѣ; къ хлѣбу присоединялись еще разные припасы; кромѣ того по большимъ праздникамъ и по случаю разныхъ семейныхъ торжествъ и радостныхъ событій въ царскомъ семействѣ ружникамъ выдавались еще прибавочныя дачи „на молебны и заздравныя милостыни“ деньгами или сукномъ. Всѣ эти дачи вообще были очень не велики и кромѣ того про-

стирались на весьма небольшое число причтовъ сравнительно со всею массою духовенства; Котошихинъ наприм. насчитывалъ въ свое время только 1500 ружныхъ церквей по всей Великороссіи. Но всѣ эти церкви, за изключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ городскихъ соборовъ, входившихъ въ ихъ число, были до того бѣдны, что для причтовъ ихъ была чувствительной подмогой въ содержаніи и самая небольшая царская милостыня (1).

Милостинный характеръ царской руги и ея непостоянство, непрочность обнаружились съ самаго же начала реформы. Какъ только правительство почувствовала нужду въ матеріальныхъ средствахъ, такъ и начало сокращать свои расходы на ружниковъ. Въ 1698 г. велѣно было прекратить выдачу руги всѣмъ сибирскимъ церквамъ, за которыми числились какія-нибудь земли и угодья, потому что, писалось въ указѣ, по причинѣ оскуденія казны правительству пришлось допускать недодачи даже въ денежномъ хлѣбномъ жалованьи служилымъ людямъ, которые нужны для обороны противъ непріятеля (2). Въ слѣдующемъ году (отъ 12 мая) этотъ указъ распространенъ на всю Россію; велѣно прекратить выдачу руги всѣмъ соборамъ и церквамъ, за которыми были приходскіе дворы, земли, покосы, мельницы, рыбныя ловли и другія угодья и велѣно имъ содержаться отъ своихъ собственныхъ доходовъ. Такъ какъ руга за немногими изключеніями назначалась самымъ бѣднымъ церквамъ, у которыхъ было самое малое число приходскихъ дворовъ, земель и угодій, которыя вслѣдствіе этого никакъ не могли довольствоваться одними собственными доходами, то указъ Петра привелъ ихъ въ крайнюю степень бѣдности. Съ 1703 г. на основаніи этого указа не велѣно было давать руги бѣлозерскому собору, не смотря

---

(1) См. Прав. Обозр. 1867 г. кн. I, стр. 76—82.
(2) П. С. З. III, 1664.

на то, что за нимъ была одна только пустошь, съ которой собиралось возовъ 30 сѣна и которая дана была ему собственно на церковныя потребы, на ладонъ, свѣчи и вино. Въ 1708 г. причтъ подалъ челобитную, въ которой жаловался на свою бѣдность и просилъ о продолженіи ему прежней руги (въ количествѣ 71 р. 3 алт. въ годъ) и о выдачѣ ея за прежніе годы; но когда кн. Меншиковъ доложилъ объ этой челобитной государю, отъ него послѣдовала рѣшительная резолюція: „руги не давать, а довольствоваться тѣмъ, чѣмъ нынѣ довольствуются“ (1). Кромѣ того, съ начала шведской войны сокращалось количество руги и тѣмъ церквамъ, за которыми не было ни земли, ни угодій; такъ съ начала 1700-хъ годовъ до 1739 г. новогородскіе ружники получали только половину своихъ прежнихъ окладовъ и дошли до того, что стали оставлять свои церкви для перехода на другія мѣста (2). Да и эти уменьшенные оклады не выдавались годовъ по 5 и больше (3). Стремленіе ограничить число ружнаго духовенства и сократить его оклады не прекратилось у правительства и послѣ Петровской реформы. Такъ, распоряженія о выдачѣ нѣкоторымъ ружнымъ церквамъ половинныхъ окладовъ и о прекращеніи дачъ тѣмъ, у которыхъ есть приходскіе дворы, подтверждены были еще въ 1730 г. (4). Понятно, что ружные оклады при такихъ обстоятельствахъ не могли быть велики, а такъ какъ они оставались лишь у такихъ церквей, которыя кромѣ ихъ не имѣли еще почти никакихъ источниковъ содержанія, то очень трудно представить, чтобы ружное духовенство могло быть удовлетворительно обезпечено ими. Вотъ наприм. какое содержаніе изъ казны до 1737 г. получало духовенство

---

(1) П. С. З. IV, 2094.
(2) Тамже, XI, 8109.
(3) Тамже, VIII, 5631. IX, 6777.
(4) Тамже, 5631.

первепствующаго петербургскаго собора Петропавловскаго, за которымъ вовсе не было ни приходскихъ дворовъ, ни земель: протопопу шло въ годъ 125 р., одинъ священникъ получалъ 70, другой 60, дьяконъ 62½, дьячки по 12 р.; въ 1737 г. оклады эти увеличены болѣе, чѣмъ вдвое. Почти тоже самое количество получало духовенство собора Троицкаго, за которымъ тоже не было приходскихъ дворовъ. Священникъ петербургской Сергіевской церкви получалъ 60 р., дьяконъ и дьячки ничего не получали. Воскресенской церкви на Васильевскомъ островѣ священникъ получалъ 50, дьячекъ 12, пономарь 5 р., съ прибавленіемъ впрочемъ значительныхъ дачъ разными припасами (1).

Въ началѣ правленія Анны Іоанновны постоянныя жалобы ружниковъ на то, что имъ выдавались неполные оклады или даже вовсе не выдавалось ружное жалованье, заставили правительство издать нѣсколько указовъ объ удовлетвореніи ихъ требованій и о выдачѣ недоданнаго жалованья за прежніе годы, по крайней мѣрѣ въ количествѣ половинномъ противъ окладовъ; но эти указы не имѣли силы на практикѣ частію за недостаткомъ денегъ на эти дачи, частію потому, что выдача руги съ теченіемъ времени очень запуталась вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ, произшедшихъ въ состояніи ружныхъ церквей и въ ассигновкѣ имъ ружныхъ окладовъ (2). Наконецъ въ 1736 г. св. Синоду велѣно было составить новый штатъ для всѣхъ ружниковъ, собравши для этого подробныя справки о всѣхъ ружныхъ церквахъ, гдѣ, когда, поскольку и по какимъ указамъ руга выдавалась прежде и выдается теперь, и производить выдачу ея изъ коллегіи экономіи и изъ штатсъ-конторы; но послѣ этого вышло до

---

(1) Ист.-стат. опис. спб. епарх. II, 206—208. Тутъ же нѣсколько другихъ примѣровъ.

(2) П. С. З. VIII, 5631. 5679. IX, 6777.

8 подтвердительныхъ указовъ о скорѣйшемъ составленіи штата прежде, чѣмъ онъ былъ составленъ на самомъ дѣлѣ, а между тѣмъ изъ епархій шли къ св. Синоду горькія жалобы на нищету ружныхъ церквей. Любопытно, что новогородскіе ружники, которымъ давно уже велѣно было выдать недоданные имъ половинные оклады, все еще жаловались, что они руги не получали и пришли отъ этого въ крайнюю нищету; въ 1741 г. кабинетъ министровъ предписалъ штатсъ-конторѣ выдать имъ полную ругу, но прошло еще 15 лѣтъ, а штатсъ-контора попрежнему все еще выдавала имъ только половинные оклады. Многимъ церквамъ въ ожиданіи введенія новаго ружнаго штата даже и вовсе не выдавалось никакого пособія (1). У коллегіи экономіи имѣлся уже ружный штатъ, составленный ею въ 1740 г. по указу 1736 г.; но съ одной стороны онъ еще не имѣлъ приложенія, а съ другой былъ не совсѣмъ удовлетворителенъ по своей неполнотѣ и потому что назначалъ въ замѣнъ ружныхъ дачъ натурою денежные оклады по старымъ цѣнамъ очень низкимъ въ сравненіи съ современными. Вслѣдствіе этого по новымъ жалобамъ ружниковъ при имп. Елизаветѣ въ 1756 г. св. Синоду поручено было снова заняться дѣломъ о ружникахъ, чтобы составить о нихъ „единственное положеніе“, а пока этотъ новый однообразный штатъ будетъ составленъ, велѣно было производить ружныя дачи по прежнимъ указамъ, но по текущимъ цѣнамъ (2).

Екатерининская коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ нашла, что въ ружномъ обезпеченіи причтовъ до нея не было никакого порядка. Руга собиралась изъ разныхъ источниковъ, изъ доходовъ коллегіи экономіи, изъ сборовъ штатсъ-конторы и изъ дворцовыхъ кап-

---

(1) Тамже, IX, 6878. X, 7381. 7992. XI, 8044. 8409. 8419. XIV, 10555.

(2) Тамже, XIV, 10555. Сравн. XVI, 12060 п. 17.

ларій, выдавалась и деньгами, и хлѣбомъ, и другими припасами и притомъ разными окладами, отъ чего мѣстамъ, завѣдывавшимъ ея выдачей, были немалыя затрудненія. Принявъ въ соображеніе штатъ 1740 г. и вѣдомости штатсъ-конторы и дворцовыхъ канцелярій, коммиссія положила: соборамъ и церквамъ обѣихъ столицъ, а также остзейскихъ городовъ и церквамъ дворцовыхъ селъ быть на прежнемъ жалованьѣ, только съ замѣной натуральныхъ дачъ по справочнымъ цѣнамъ денежными и за изключеніемъ жалованья рижскому протопопу,—вмѣсто прежнихъ 400 р. ему положено выдавать 150 р. въ годъ; при этомъ коммиссія опредѣлила на будущее время умепьшить причты московскихъ и дворцовыхъ соборовъ и церквей, назначая для служенія при нихъ по одному священнику и по 2 причетника. Относительно другихъ городовыхъ соборовъ и ружныхъ церквей опредѣлено: тѣмъ изъ нихъ, которыя получали ежегодно болѣе 10 рублей, оставаться тоже при прежнихъ ружныхъ окладахъ; „которые жъ соборы и церкви ружныя жъ, а получаютъ оной руги не болѣе 10 р. и къ пропитанію своему приходовъ и никакихъ другихъ доходовъ не имѣютъ, тѣмъ ружнаго жалованья не производить для того, что тѣмъ малымъ жалованьемъ онымъ содержать себя не можно; въ отвращеніе чего епархіальнымъ преосв. архіереямъ о оныхъ священно-и-церковно-служителяхъ и церквахъ надлежащее распредѣленіе учинить по своему благоусмотрѣнію“ (1). Послѣ утвержденія этого опредѣленія коммиссіи императрицей св. Синоду предстоялъ трудъ самаго росписанія ружныхъ окладовъ по церквамъ и замѣны натуральныхъ дачъ денежными.

Именнымъ указомъ 1781 г. св. Синоду предписано было всѣмъ ружникамъ назначить вмѣсто хлѣбныхъ денежные оклады, „кои бы съ одной стороны не были для пристойнаго ихъ содержанія недостаточны, а съ

(1) П. С. З. XVI, 12060.

другой и для казны не сдѣлали бы излишнихъ издержекъ противъ производимаго за хлѣбъ по справочнымъ цѣнамъ количества, равно и за отпускаемое въ церкви вино церковное, ладонъ, воскъ, медъ и пшеницу также положить деньги". Какъ мало доселѣ было выработано ружное положеніе въ частностяхъ, видно изъ того, что Синодъ и теперь пришелъ въ большое затрудненіе при исполненіи полученной ему работы за неимѣніемъ нужныхъ для того свѣденій и прежде всего долженъ былъ заняться собираніемъ этихъ свѣденій изъ коллегіи экономіи, изъ консисторій и епархіальныхъ архіереевъ. Свѣденія представлены были неудовлетворительныя и невѣрныя; нужно было требовать еще по нимъ разныхъ объясненій, дополненій и поправокъ. Наконецъ уже послѣ долгихъ хлопотъ и соображеній въ синодальной канцеляріи составлена была „генеральная вѣдомость о всѣхъ въ россійской имперіи состоящихъ на ругѣ соборахъ, монастыряхъ и церквахъ, тѣхъ единственно, на которые сверхъ денежныхъ окладовъ хлѣбное жалованье или другіе припасы, также и принадлежащія на потребы церковныя вещи, въ натурѣ назначены". Въ этой вѣдомости показано, гдѣ и какія церкви и сколько получали припасовъ, и сколько требуется за все денегъ, какъ по коллежскимъ, такъ и по консисторскимъ вѣдомостямъ. По всѣмъ 24 губерніямъ или въ 21 епархіи насчитывалось 202 такихъ ружныхъ храмовъ (въ томъ числѣ 38 соборовъ); священно-и-церковно-служителей при нихъ было 815 человѣкъ; на всѣхъ ихъ слѣдовало отпускать изъ коллегіи экономіи 18247 р. 49 к., да кромѣ того изъ другихъ вѣдомствъ 4358 р. 14 к., всего 22605 р. 63 к. Представивъ эти данныя, провѣренныя по коллежскимъ и консисторскимъ вѣдомостямъ и старымъ ружнымъ окладамъ, св. Синодъ почелъ за нужное присовокупить къ своему ружному положенію, что нѣкоторыхъ церквей нельзя сводить на одни денежныя дачи, наприм. въ якутской области, гдѣ на деньги многаго вовсе нельзя достать и гдѣ

поэтому дача хлѣбомъ и припасами можетъ быть несравненно полезнѣе для причтовъ. Въ 1786 г. представленіе Синода съ ассигновкой ружныхъ окладовъ было утверждено и публиковано сенатскимъ указомъ (¹). Послѣ этого положеніе о ругѣ оставалось неизмѣннымъ въ теченіи всего XVIII столѣтія и дальше до назначенія духовенству постоянныхъ окладовъ казеннаго жалованья. Въ 1800 г. по поводу жалобъ нѣкоторыхъ ружниковъ на недостаточность ружнаго жалованья и просьбъ о прибавкѣ св. Синодъ имѣлъ разсужденіе о томъ, что съ 1786 г., когда натуральные ружные оклады замѣнены денежными по тогдашнимъ справочнымъ цѣнамъ, цѣны на всѣ предметы успѣли значительно подняться и что поэтому отпускаемая по этимъ старымъ цѣнамъ руга дѣйствительно можетъ быть неудовлетворительна; но такое разсужденіе не повело ни къ какимъ прибавленіямъ въ ружныхъ окладахъ. Св. Синодъ сдѣлалъ послѣ него опредѣленіе, которое рѣшало трудный вопросъ самымъ легкимъ образомъ; положено было въ предотвращеніе нуждъ ружныхъ причтовъ уменьшать по возможности штатный составъ послѣднихъ, оставляя за ними прежнее количество ружныхъ дачъ, наприм. вмѣсто полнаго числа служащихъ лицъ оставлять при церкви половину, „чѣмъ самымъ и жалованье при церкви той оставшимся удвоится“ (²).

Кромѣ разрѣшенія вопроса о ружныхъ церквахъ также коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ показала первые опыты обезпеченія духовенства постояннымъ жалованьемъ, которое съ ея времени стало выдаваться церквамъ, имѣвшимъ за собою до этого времени вотчины. Главная задача ея работъ собственно въ томъ

(¹) Указъ этотъ содержитъ въ себѣ подробное перечисленіе всѣхъ натуральныхъ ружныхъ дачъ. См. II. С. З. XXII, 16448.

(²) Также, XXVI, 19280.

и состояла, чтобы учинить распоряженіе о церковныхъ вотчинахъ и учрежденіяхъ, которыя пользовались съ нихъ доходами. Причисливъ всѣ эти вотчины къ числу земель государственныхъ, коммиссія назначила ихъ прежнимъ владѣльцамъ въ замѣнъ ихъ прежнихъ вотчинныхъ доходовъ оклады денежнаго жалованья. Послѣ этого всѣ архіерейскіе домы и почти все монашествующее духовенство поступили на казенное жалованье; но въ бѣломъ духовенствѣ назначеніе окладовъ этого жалованья коснулось лишь очень немногихъ причтовъ. Мы уже видѣли, какъ мало оказалось тогда церквей, имѣвшихъ за собой вотчины, да и эти церкви удостоились окладовъ казеннаго жалованья не всѣ. Наконецъ самые оклады, назначенные ихъ причтамъ, были очень малы сравнительно съ ихъ прежними вотчинными доходами.

При распредѣленіи жалованья на вотчинные соборы и церкви коммиссія раздѣлила ихъ, какъ въ свою очередь дѣлила архіерейскіе домы и монастыри, на три класса (1). Къ первому классу причислены только три кремлевскіе собора съ жалованьемъ отъ 2752 до 1558 р.; ко второму и третьему классу причислены городскіе соборы и церкви въ числѣ 132, у которыхъ было не менѣе 20 душъ крестьянъ,—изъ нихъ во второмъ классѣ положены 22 собора съ жалованьемъ по 115 р. въ годъ на 6 человѣкъ причта въ каждомъ, а остальныя церкви числомъ 110 съ причтами изъ трехъ человѣкъ (священникъ и два причетника) отнесены къ третьему съ жалованьемъ по 50 р. въ годъ. Такимъ образомъ обезпеченіе жалованьемъ обняло собою самое малое число церквей, которое въ общемъ итогѣ всѣхъ церквей составляло гораздо меньше одного процента. „А тѣмъ градскимъ соборамъ и церквамъ, сказано дальше, которыя не больше 20 душъ крестьянъ за собой имѣютъ, также и въ уѣздахъ состоящимъ вот-

(1) Дальнѣйшее распред. окладовъ см. также XVI, 12060.

чиннымъ церквамъ же, у которыхъ приходы есть, довольствоваться своими приходами и имѣющимися при нихъ землями и другими, какія при тѣхъ соборахъ и церквахъ собственно есть, кромѣ крестьянскихъ жеребьевъ, угодьи. А состоящимъ за тѣми соборами и церквами крестьянамъ съ землями и угодьи, а буде есть гдѣ, и съ мельницами, коими они нынѣ владѣютъ, быть въ вѣдомствѣ коллегіи экономіи". Обращаясь къ разсмотрѣнію самыхъ окладовъ ассигнованнаго тогда жалованья, мы не можемъ не замѣтить, что они назначались очень скупо со стороны правительства, за изключеніемъ развѣ окладовъ трехъ кремлевскихъ соборовъ. Изъ указанныхъ суммъ, назначавшихся для соборовъ и церквей I и II классовъ, нужно вычесть еще по 10 р. въ годъ на церковныя потребы; за тѣмъ остальная сумма окладовъ распредѣлялась такъ: протопопу назначалось 30, священникамъ по 20, дьяконамъ по 15, дьячкамъ по 10 р. въ годъ. Цифры эти сдѣлаются особенно выразительными, если обратимъ вниманіе на ту сумму, какую съ отобранныхъ церковныхъ вотчинъ получало само правительство. Такъ какъ взятыя въ казну всѣ церковныя вотчины заключали въ себѣ 910,866 крестьянскихъ душъ, то обложенныя тогдашнимъ полуторарублевымъ окладомъ онѣ въ первый же годъ должны были принести казнѣ 1,366,229 р. съ однихъ крестьянъ, не считая тоже громаднаго дохода съ разныхъ вотчинныхъ угодій; при этомъ нужно взять во вниманіе еще то, что въ 1768 г. крестьянскій оброкъ былъ еще увеличенъ до 2 р. 70 к., а въ 1783 г. на него еще набавленъ одинъ рубль, такъ что всего дохода съ крестьянъ сходило въ казну до 3,370,000 р., а между тѣмъ всего расхода на всѣ церковныя учрежденія, у которыхъ были отобраны вотчины, она несла 403,712 р.,—меньше $^1/_8$ противъ дохода. Вчастности церковныя и соборныя вотчины, въ которыхъ было 35,000 крестьянъ, по тому же расчету приносили казнѣ на первыхъ же порахъ до 52 500 р., между тѣмъ какъ вся окладная сумма на храмы всѣхъ

трехъ классовъ простиралась всего до 16,428 р. Для большей ясности возмемъ какой-нибудь частный примѣръ. Такъ, по жалованной граматѣ Алексѣя Михайловича Смоленскому собору священно-и-церковно-служители этого собора имѣли за собой значительныя помѣстья, изъ которыхъ на долю протопопа приходилось 154 души крестьянъ, на долю ключаря 86, протодьякона 130, четверыхъ священниковъ 50—75, пятерыхъ дьяконовъ—19—60; по полуторарублевому окладу съ души первый долженъ былъ получать 231 р., второй 129, третій 195 и т. д.; кромѣ того собору шла руга въ количествѣ 13 р. 8 алт. протопопу, 5 р. 28 алт. протодьякону, по 5 р. 21 алт. ключарю и священникамъ, по 4 р. 18 алт. дьяконамъ и уставщику, да по 16 алт. 4 деньги сторожанъ и просвирнѣ. По окладу Екатерины протопопу назначено всего 60 р., ключарю 40, священникамъ и протодьякону по 30, дьяконамъ по 25 и столько же иподіаконамъ (1).

Утвердивъ окладное расписаніе коммиссіи, императрица „пожаловала изъ суммъ коллегіи экономіи денежную прибавку“ на всѣ соборы и церкви, вошедшіе въ новые штаты, но опять въ самомъ ничтожномъ количествѣ, на причты 2 класса по 15, а на причты 3-го по 10 рублей въ годъ (2). Казна очевидно получила отъ всей секуляризаціонной операціи такой барышъ, что при болѣе щедрой ассигновкѣ денегъ на духовенство могла бы не только значительно возвысить оклады, назначенные коммиссіей, но очень много помочь и тѣмъ 99% причтовъ, которые остались внѣ штатнаго положенія, и притомъ безъ особеннаго для себя отягощенія. Между духовенствомъ не даромъ составилось и доселѣ еще живо убѣжденіе, что время 1762—1764 гг., когда отобраны отъ церкви ея вотчины, было самымъ благопріятнымъ временемъ для обезпеченія

(1) Ист.-стат. опис. смоленск. епарх. стр. 256.
(2) Кн. Штатовъ № 12060.

матеріальнаго быта бѣлаго духовенства и что, если бы правительство воспользовалось имъ надлежащимъ образомъ, вопросъ объ обезпеченіи духовенства далеко не имѣлъ бы въ настоящее время той трудности, которую онъ теперь представляетъ. Правда, коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ обязана была еще озаботиться назначеніемъ изъ того же источника постоянныхъ окладовъ для содержанія духовныхъ училищъ, но эта задача была разрѣшена ею едвали еще не хуже первой. Уже долго спустя послѣ окончанія работъ коммиссіи въ 1767 г. именнымъ указомъ повелѣно было изъ коллегіи экономіи отпускать на всѣ 28 духовно-учебныхъ заведеній, имѣвшихъ болѣе 6000 учениковъ, всего навсего по 38,099 руб. 98 коп. въ годъ; сумма эта, округленная до 40,000 р., отпускалась за тѣмъ съ небольшими только прибавками до 1784 г., когда число учениковъ возросло до 12000; съ этого года до 1797 количество ея состояло изъ 77,431 р. 27 к. (¹). Чтобы спасти бѣдныя семинаріи отъ упадка, епархіальные архіереи, уже лишенные теперь своихъ прежнихъ богатыхъ средствъ, прибѣгали къ разнымъ искуственнымъ мѣрамъ, назначали въ пользу семинарій разные штрафы по консисторскимъ и благочинническимъ дѣламъ, возбуждали къ пожертвованіямъ разныхъ любителей духовнаго просвѣщенія и опредѣляли для той же цѣли особые сборы съ епархіальнаго духовенства; не смотря на указъ Екатерины, освобождавшій духовенство отъ всѣхъ сборовъ въ пользу духовныхъ школъ, благосостояніе этихъ школъ едвали не главнымъ образомъ зависѣло отъ скудныхъ жертвъ тогоже духовенства, имѣвшихъ совершенно такой же обязательный характеръ для послѣдняго, какъ и въ прежнее время, когда во всей силѣ господствовало еще церковное тягло; низшія школы даже исключительно содержались одними сборами съ духовенства (²). Въ

(¹) Ист. Росс. іер. I, 448—449. 453.

(²) О содерж. дух. учил. Страни. 1860 г. авг. и сент.

1797 г. имп. Павелъ Петровичъ возвысилъ штатный окладъ на духовно-учебныя заведенія до 142,000 р. въ годъ.

Вообще результаты коммиссіи по вопросу объ обезпеченіи духовенства во всякомъ случаѣ стоятъ въ сильномъ противорѣчіи съ тѣми блестящими обѣщаніями, какія были высказаны императрицей въ указѣ 1762 г., изданномъ при самомъ началѣ дѣла о церковныхъ имѣніяхъ (1), такъ что при взглядѣ на эти результаты невольно припоминаются слова самой императрицы, которыя были сказаны ей въ указѣ объ отмѣнѣ крутыхъ распоряженій, изданныхъ относительно тѣхъ же церковныхъ вотчинъ при Петрѣ III: „кажется, надобность состояла только въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ ихъ имѣнія; а чтобы взять осмотрительныя мѣры о порядочномъ и какъ для Церкви и духовнаго чина безбѣдномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ не подумано“ (2). Невнимательность правительства къ судьбѣ бѣлаго духовенства въ свое время, какъ видно, удивляла даже образованное общество, державшееся либеральныхъ идей и сочувствовавшее секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ. Мы видѣли, что извѣстный Сиверсъ (лютеранинъ по религіи) почелъ долгомъ для себя обратить вниманіе императрицы на бѣдственное состояніе сельскаго духовенства. Сколько можно заключать изъ его письма къ Екатеринѣ, о которомъ мы уже говорили, въ обществѣ и среди духовныхъ лицъ ходила мысль, что вмѣсто денежныхъ окладовъ правительство хочетъ обезпечить причты земельными дачами, которыя тогда тоже довольно удобно было выдѣлить изъ массы секуляризованныхъ церковныхъ земель; Сиверсъ представлялъ императрицѣ о настоятельной необходимости или дать причтамъ эти земельные участки или назна-

(1) П. С. З. XVI, 11716 сравн. 12060.
(2) Тамже, XVI, 11643.

чить на ихъ содержаніе небольшое жалованье, чтобы не дать имъ умереть съ голоду и вмѣстѣ „зажать ротъ злословію“. Въ отвѣтномъ письмѣ императрицы находимъ рѣшительное отрицаніе этой мысли; самое происхожденіе ея приписано вліянію „лукавыхъ ханжей и святошъ“. „Если точнѣе справитесь, писала Екатерина, то увидите, что прежнее положеніе причтовъ остается неприкосновеннымъ; приходы въ 500 душъ могли бы очень хорошо содержать своихъ священниковъ и не подавать имъ повода къ жалобамъ. Излишнее раздробленіе приходовъ и вытекающее отсюда малое число прихожанъ конечно составляютъ неудобство, которое, надѣюсь, вашъ архіерей не будетъ впередъ увеличивать еще болѣе“. Къ счастію для духовенства Екатерина не долго держалась такихъ мыслей, которыя сама же осуждала въ указахъ, изданныхъ въ началѣ своего царствованія, и по поводу начавшагося въ 1765 г. общаго межеванія земель обнародовала новыя законоположенія „объ отмежеваніи земель церквамъ“.

Надѣленіе церквей землями остановилось еще съ конца XVII столѣтія послѣ составленія послѣднихъ писцовыхъ книгъ 1680-хъ годовъ. Множество церквей въ разныхъ мѣстностяхъ и тогда не получило земельныхъ надѣловъ, а потомъ число этихъ безземельныхъ церквей все болѣе и болѣе умножалось съ открытіемъ новыхъ приходовъ; но правительство не возвращалось къ вопросу объ отмежеваніи къ нимъ земельныхъ участковъ въ теченіи всей первой половины XVIII столѣтія, предоставляя это дѣло доброхотству самихъ прихожанъ и ограничиваясь только нѣкоторыми мѣрами возбужденія этого доброхотства. Во второй половинѣ XVIII в. вопросъ этотъ снова былъ поднятъ при имп. Елизаветѣ, которая въ 1754 г. первая предприняла произвести общее межеваніе земель по всей имперіи. Въ томъ же году межеваніе начато было въ губерніяхъ московской и новогородской и въ уѣздахъ великоустюжскомъ и вятскомъ, но въ скоромъ времени было

оставлено вслѣдствіе возникновенія множества жалобъ на произволъ межевщиковъ, которымъ тогдашняя межевая инструкція дала громадныя полномочія производить ревизію всѣхъ крѣпостныхъ актовъ на земли и редукцію всѣхъ примѣрныхъ и захватныхъ земель даже помимо вотчинной коллегіи (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ остановилось и надѣленіе землями церквей. При имп. Екатеринѣ изданы были новыя межевыя инструкціи, основанныя на болѣе раціональныхъ началахъ, которыя вошли въ доселѣ дѣйствующее законодательство (2), и генеральное межеваніе произведено было на самомъ дѣлѣ. Въ этихъ инструкціяхъ изложены были подробныя правила какъ о размежеваніи церковныхъ земель, состоявшихъ за церквами еще до 1765 г., такъ и объ отводѣ участковъ для церквей, которыя доселѣ не имѣли земель.

Всѣ имѣвшіяся доселѣ у церквей земли, пріобрѣтенныя ими по писцовымъ книгамъ и разнымъ крѣпостнымъ актамъ, велѣно записывать не на имена священно-и-церковно-служителей, а за самими церквами; въ случаѣ споровъ межевать ихъ „по полюбовнымъ со смежными владѣльцами отводамъ, такъ какъ и о владѣльческихъ дачахъ положено“, предоставляя право полюбовнаго развода самимъ священно-и-церковно-служителямъ (3). Если у церкви по писцовымъ книгамъ и др. актамъ земли окажется менѣе положеннаго количества, то къ этой землѣ велѣно примежевывать недостающее количество изъ сосѣднихъ владѣльческихъ дачъ; если же больше,—то въ случаѣ безспорнаго владѣнія ею причтами межевать ее всю къ церкви даже

---

(1) Истор. изслѣд. о межев. Иванова. Москва 1846 г., стр. 58—59.

(2) П. С. З. XVI: инстр. землемѣрамъ № 12570, межев. канцеляріямъ и конторамъ № 12569 и наставл. землемѣрамъ межев. эксп. Сената № 12711. Св. Зак. т. X. ч. III.

(3) П. С. З. XVI, 12570 п. 68.

и съ примѣрной землей, въ случаѣ же споровъ примѣрную землю отписывать къ тѣмъ владѣльцамъ, изъ чьихъ дачъ она попала въ церковное владѣніе, за исключеніемъ однако того случая, когда вся писцовая земля церкви будетъ меньше надлежащей пропорціи (1). Земли послѣ упраздненныхъ церквей, опустѣвшія церковныя кладбища и при нихъ пустыя земли велѣно было отдавать тѣмъ владѣльцамъ, изъ чьихъ дачъ они были даны къ церквамъ, или за неимѣніемъ этихъ владѣльцевъ продавать другимъ сосѣднимъ, или наконецъ отдавать въ вѣдомство коллегіи экономіи (2). Усадебныя земли подъ дворы духовенства были утверждены за церквами, но объ отмежеваніи этихъ земель вновь, гдѣ ихъ при церквахъ не имѣлось, въ инструкціяхъ ничего не было сказано, а между тѣмъ въ городахъ духовенство нерѣдко въ нихъ очень нуждалось (3).

Говоря о надѣлѣ землями церквей, не имѣвшихъ земельныхъ участковъ въ прежнее время, межевыя инструкціи имѣли въ виду одни сельскіе помѣщичьи приходы, потому что городскимъ церквамъ вовсе не велѣно было отводить пахатныхъ и выгонныхъ участковъ „за тѣмъ, что сіи церкви не яко уѣздныя, а какъ градскія, и священно-церковно-служители должны довольствоваться отъ приходовъ“, а отводить земли къ церквамъ, построеннымъ въ дворцовыхъ и казенныхъ селеніяхъ, предоставлено ихъ спеціальнымъ вѣдомствамъ. Межеваніе церковной земли въ помѣщичьихъ приходахъ указывалось производить по отводу самихъ владѣльцевъ, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы земли были отводимы къ одному мѣсту по близости церквей

---

(1) П. С. З. XVI, 12570. п. 70. и № 12469 гл. X, п. 6. 14750.

(2) Тамже п. 90—91. 12569 гл. X, п. 10—11. 13. Въ 1808 г. велѣно отдавать ихъ церквамъ, къ которымъ приписывались приходы послѣ упраздненныхъ церквей. XXX, 23122.

(3) Тамже, 12569, гл. VIII, п. 9—10.

и въ количествѣ не большемъ 30 десятинъ на пашню и 3 на сѣнные покосы. Въ инструкціи межевыхъ канцелярій и конторъ говорилось: „къ построеннымъ во владѣльческихъ селеніяхъ послѣ писцовыхъ книгъ церквамъ, къ которымъ земель не дано, давать со всего того числа четвертей, сколько къ которому селенію и въ смежныхъ къ оному тогожъ прихода деревняхъ и къ нимъ въ принадлежащихъ пустошахъ по нынѣшнему межеванію окажется, расчитывая отъ каждаго по пропорціи, чтобъ всего было съ 500 четвертей и выше по 20 (10 десятинъ, потому что четверть = ½ десятины), а ниже 500 и до 100 четв. по 15 четвертей, а со 100—50 по 10 четв. въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣнныхъ поносовъ на четверть по копнѣ, считая по 10 копенъ въ десятинѣ; сверхъ того по числу данныхъ четвертей подъ дворы и огуменники, полагая на 100 четвертей по 15 десятинъ, что по пропорціи надлежать будетъ. Къ ружнымъ церквамъ, при которыхъ священно-церковно-служители состоятъ не на пашнѣ, хотя бъ они и нынѣ къ ружному содержанію съ обѣихъ сторонъ были согласны, но до будущаго впредь общаго государственнаго положенія назначенную пропорцію опредѣлять особо, а между тѣмъ ту землю оставлять за владѣльцами до тѣхъ поръ, пока въ томъ содержаніи обѣ стороны согласіе свое содержать будутъ; когда же въ ономъ произойдетъ несогласіе, тогда такую землю отдать къ церкви, а ружное содержаніе уничтожить". Сверхъ земельнаго надѣла приходскому духовенству предоставлялось пользоваться въѣздомъ въ помѣщичьи и приходскіе лѣса, кромѣ заповѣдныхъ, но при этомъ рубить лѣсъ лишь въ количествѣ нужномъ ему для собственныхъ нуждъ, а отнюдь не на продажу (1).

Помѣщикамъ, разумѣется, были вовсе непріятны такія узаконенія, а потому, какъ только межеваніе на-

(1) Тамже, гл. X, п. 4, 8, 9. Инстр. землемѣр. п. 69.

чалось на самомъ дѣлѣ, съ ихъ стороны открылись сильные споры, которые потребовали особыхъ разъясненій отъ Сената. Межевыми инструкціями велѣно, читаемъ въ сенатскомъ указѣ 1767 г., отводить къ церквамъ земли по отводу владѣльцевъ къ одному мѣсту и поблизости церквей, „и сіе постановленіе сдѣлано въ таковомъ всемилостивѣйшемъ упованіи, что каждый владѣлецъ подлежащее число изъ своей дачи къ церкви земли непринужденно, а изъ собственной своей воли отведетъ; но совсѣмъ нынѣ противное тому по самой практикѣ правит. Сената межевою экспедиціею усмотрѣно, что нѣкоторые владѣльцы къ построеннымъ въ селеніяхъ церквамъ, у которыхъ они въ приходѣ, а къ тѣмъ селеніямъ своими дачами прикосновенны, положенной пропорціи земли самовольно не даютъ, подъ претекстомъ такимъ, что, отъ всѣхъ ли владѣльцевъ или отъ одного владѣльца съ его деревнями къ церкви землю давать, въ вышеозначенномъ X гл. 3 п. будто бы точно не изъяснено, а тѣмъ самымъ въ государственномъ межеваніи наносятъ помѣшательства“. Нашлись и другія препятствія въ практикѣ межеванія; такъ возникли вопросы о томъ, брать ли при отведеніи къ церкви земель изъ разныхъ дачъ участки у крестьянъ казенныхъ, если они состоятъ въ одномъ приходѣ съ помѣщичьими; сколько у какого владѣльца брать земли для отвода къ церкви, когда между владѣльцами идутъ споры о межахъ, которые еще не извѣстно чѣмъ должны кончиться; какъ наблюсти правило, чтобы церковная земля была въ одномъ мѣстѣ и поблизости къ церкви, когда она отводится изъ дачъ разныхъ владѣльцевъ и слѣдовательно въ разныхъ мѣстахъ и проч. Оставляемъ вопросы, относившіеся къ техническимъ затрудненіямъ при межеваніи. Указъ рѣшилъ отводить землю не отъ одного того владѣльца, въ селѣ котораго находится церковь, а отъ всѣхъ, деревни которыхъ приписаны къ одному и тому же приходу и граничатъ своими землями съ землями главнаго приходскаго селенія, равно какъ и

отъ казенныхъ крестьянъ при такихъ же условіяхъ, соразмѣряя при этомъ количество земли, отводимой къ церкви отъ каждой дачи, съ сравнительной величиною послѣдней, отъ деревень же какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ, земли которыхъ границами своими къ землямъ главнаго приходскаго селенія не прилегаютъ, а находятся за дачами другихъ владѣльцевъ, участковъ въ церковный надѣлъ не отводить; для того, чтобы церковная земля, отводимая отъ нѣсколькихъ дачъ, не распадалась на нѣсколько участковъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ, землемѣрамъ поручено уговаривать владѣльцевъ дачъ, чтобы они сами полюбовно отвели церковную землю въ одномъ, а въ случаѣ необходимости хотя въ двухъ или трехъ мѣстахъ поблизости, а сами между собою обмѣнивались для этого участками, уступая другъ другу въ способныхъ мѣстахъ, а если они не согласятся, предоставлять все дѣло на рѣшеніе межевой конторы или канцеляріи; контора или канцелярія имѣли право по представленному имъ плану нарѣзать къ церкви земли отъ всѣхъ спорящихъ владѣльцевъ своею властью, въ случаѣ нужды даже отъ одного владѣльца, отрѣзывая ему въ замѣнъ соразмѣрные участки изъ земель сосѣднихъ владѣльцевъ; что касается до спорныхъ земель, которыя неизвѣстно еще кому изъ тяжущихся должны достаться, то ихъ при нарѣзкѣ церковной земли не велѣно брать во вниманіе, ограничиваясь при этой нарѣзкѣ одними безспорными участками; въ избѣжаніе споровъ на счетъ качества земли Сенатъ положилъ лучшихъ угодій, отводомъ которыхъ помѣщики были бы обижены, къ церквамъ не отводить, а чтобы не были обижаемы и священно-церковно-служители, велѣлъ отводить имъ земли преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они и прежде владѣли и „гдѣ безобидно владѣльцамъ и съ удовольствіемъ священно-церковно-служителей будетъ“. Въ 17 п. тогоже указа находимъ важное распоряженіе давать церквамъ планы и особыя межевыя книги только на земли писцовыя, а на вновь от-

веденныя плановъ и межевыхъ книгъ, а также указовъ не давать, хотя бы онѣ отведены были въ дополненіе прежней писцовой дачи, въ межевыхъ же книгахъ описывать ихъ на владѣльческія того прихода дачи, что къ той церкви на довольствіе причта опредѣлено изъ дачи такого-то владѣльца тамъ-то и столько-то. Распоряженіемъ этимъ у новоотводимыхъ къ церквамъ земель очевидно отнимался характеръ въ собственномъ смыслѣ церковнаго достоянія; земли давались лишь на довольство, въ пользованіе причта. Но это едвали могло относиться къ невыгодѣ духовенства, потому что пользованіе этими землями было гарантировано за ними самимъ правительствомъ, а между тѣмъ, не будучи церковнымъ достояніемъ, земли эти не поступали въ вѣдомство церковной власти и не могли получать отъ нея другаго назначенія по ея высшимъ административнымъ распоряженіямъ, что, какъ мы уже видѣли, къ большой невыгодѣ духовенства не разъ и случалось (1).

Приведеннымъ указомъ противодѣйствіе надѣленію церквей землями со стороны владѣльцевъ не прекратилось; оно успѣло найти себѣ поддержку даже въ немъ же самомъ, воспользовавшись его уступками въ пользу владѣльцевъ въ нѣкоторыхъ его выраженіяхъ: отмежевывать по ихъ отводу, не отводить лучшихъ угодій. Въ октябрѣ 1775 г. вышелъ новый сенатскій указъ, въ которомъ читаемъ, что за всѣми предшествовавшими „учрежденіями и установленіями до свѣденія межевой экспедиціи дошло, что владѣльцы къ церквамъ изъ дачъ своихъ отдаютъ земли не въ близости, а въ самой отъ церквей отдаленности и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ суть худаго качества, а при всемъ томъ и къ тѣмъ отдаваемымъ въ отдаленности землямъ

---

(1) Указъ 2 іюля 1767 г. П. С. З. XVIII, 12925. Главныя положенія его приняты и въ Сводѣ Зак. т. X, ч. III, ст. 461. 462. 467. 470. 479. 481. 486 и 487.

для проѣзда къ нимъ дорогъ не оставляютъ и тѣмъ отъемлютъ всѣ способы у церковно-служителей къ обработыванію ихъ, такъ что онѣ остаются совсѣмъ безплодными". Въ пресѣченіе этого указъ повелѣвалъ отводить земли въ способныхъ мѣстахъ; „гдѣ жъ оныхъ въ близости отвесть не будетъ способовъ, а отведены будутъ чрезъ владѣльческія, то бъ непремѣнно оставляемы были для проѣзда по нимъ дороги, кои, и изъ числа настоящихъ дачъ изключая на планахъ, означивать и въ межевыхъ книгахъ, именно описывая" (1). Нельзя не замѣтить, какъ въ каждомъ изъ этихъ указовъ все болѣе и болѣе спадаетъ рѣшительный тонъ распоряженій, изложенныхъ въ первыхъ инструкціяхъ, вслѣдствіе разныхъ уступокъ въ пользу владѣльцевъ,— признакъ того, что противодѣйствіе послѣднихъ было довольно сильно. Въ 1778 г. всѣ эти указы и распоряженія оказалось нужнымъ подтвердить новымъ указомъ, въ которомъ между прочимъ замѣчено, что церквамъ необходимо отводить полныя дачи земли, хотя бы причты „и просьбы о томъ не имѣли" (2). При отводѣ земель въ украинскомъ округѣ возникла было мысль надѣлить тамошнія церкви большими участками, но скоро оставлена, потому что войсковые жители и помѣщики края сослались на недостатокъ земель. Въ тоже время здѣсь поднялся вопросъ о межеваніи собственныхъ земель священно-и-церковно-служителей, которыя у послѣднихъ въ этой мѣстности были не рѣдкость; указомъ 1775 г. всѣ такія земли, пріобрѣтенныя духовенствомъ еще до запретительнаго указа при Аннѣ Іоанновнѣ, велѣно межевать не къ церквамъ и не къ именамъ ихъ владѣльцевъ, а къ селеніямъ, къ которымъ эти земли принадлежатъ или къ которымъ сами владѣльцы ихъ примежевать пожелаютъ (3). Въ

(1) П. С. З. XX, 14377.
(2) Тамже, 14750.
(3) Тамже, 14393.

1779 г. вышелъ именной указъ о надѣленіи священно-и-церковно-служителей усадебными мѣстами; ближайшія къ церквамъ дворовыя мѣста велѣно приводить въ такое положеніе, чтобы они навсегда и неотъемлемо принадлежали мѣстному духовенству, равно гдѣ есть удобныя при церквахъ подъ дворы мѣста, тѣ отводить священно-и-церковно-служителямъ по желанію послѣднихъ, съ тѣмъ однако, чтобы они никому изъ людей другаго званія во владѣніе переходить уже не могли (1).

Несмотря на приведенныя распоряженія правительства, отводъ земли къ церквамъ не былъ законченъ повсемѣстно въ теченіе всего царствованія Екатерины; до вступленія на престолъ Павла Петровича онъ обнялъ собою сельскіе приходы въ губерніяхъ: смоленской, тульской, калужской, московской, владимірской, ярославской, рязанской, тверской, орловской, воронежской, слободо-украинской, костромской, могилевской, пензенской, с. петербургской, новгородской, псковской, олонецкой и вологодской, — за тѣмъ при Павлѣ Петровичѣ по 1797 г., когда о церковныхъ земляхъ послѣдовали новыя узаконенія, въ губерніяхъ витебской, курской, нижегородской и тамбовской. Но и въ этихъ губерніяхъ по спорамъ помѣщиковъ земли достались далеко не всѣмъ церквамъ; къ церквамъ въ селеніяхъ казенныхъ земли даже вовсе не были отводимы (2).

На другой же годъ по вступленіи своемъ на престолъ имп. Павелъ указомъ 18 дек. 1797 г. заявилъ, что, „почитая попеченіе о благоустройствѣ Церкви и призрѣніи къ служащимъ ей одною изъ главнѣйшихъ обязанностей царствованія“, онъ считаетъ прежнія милости правительства къ духовенству еще не вполнѣ удовлетворительными, и положилъ: 1) для тѣхъ прич-

---

(1) П. С. З. XX, 14873.

(2) Стат. свѣд. о Россіи. т. I, 31—32. Изд. геогр. общ. 1851 г.

товъ, которые помѣщены въ штатѣ 1764 г., возвысить ихъ оклады, 2) въ приходахъ же, гдѣ священно-и-церковно-служители получаютъ содержаніе отъ опредѣленной имъ земли, поручить обработку послѣдней прихожанамъ, о чемъ и сдѣлать св. Синоду подробное опредѣленіе вмѣстѣ съ Сенатомъ, 3) въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, гдѣ священство еще доселѣ не устроено, городское духовенство соборовъ и знатныхъ церквей подвести подъ штатное опредѣленіе, а сельское обезпечить землями, поручивъ обработку этихъ земель тоже прихожанамъ [1]. Прибавки къ штатному жалованью были назначены въ небольшомъ количествѣ одинаковомъ и для соборовъ и для церквей, именно: протоіереямъ по 30 р., священникамъ 20, діаконамъ 15, причетникамъ по 10, за изключеніемъ трехъ кремлевскихъ соборовъ, которые получили больше; но сличая эти прибавочныя суммы съ ничтожными окладами 1764 г., мы находимъ, что содержаніе духовенства, ихъ получившаго, увеличилось ровно вдвое [2]. Самой важной мѣрой указа 1797 г. было, разумѣется, опредѣленіе касательно обработки церковной земли.

Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ (въ янв. 1798 г.), явился требуемый въ указѣ докладъ св. Синода и Сената, гдѣ изложены и неудобства къ исполненію предначертанія государя и главныя мѣры для его исполненія. Излагая первыя, Синодъ и Сенатъ объясняли, что 1) такъ какъ приходы по числу дворовъ не равны между собою, то малые при обработкѣ церковной земли будутъ обременены болѣе приходовъ обширныхъ; 2) тоже неравенство обязательнаго труда для прихожанъ послѣдуетъ также отъ неравенства самыхъ церковныхъ дачъ въ разныхъ приходахъ; 3) хотя во многихъ мѣстностяхъ прихожане добровольно сами отъ себя обработываютъ церковную землю, но если рас-

---

(1) П. С. З. XXIV. 18273.
(2) Кн. Шт. стр. 67.

пространить повсюду обязательную равномѣрную обработку ея, то во многихъ мѣстахъ могутъ произойти съ обѣихъ сторонъ несогласія о времени работъ на церковныхъ земляхъ, а также о способахъ и качествѣ обработки послѣднихъ, что поведетъ къ лишнимъ спорамъ и тяжбамъ, а для правительства къ затрудненіямъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ Синодъ и Сенатъ положили: 1) приходы въ разсужденіи исправленія требъ оставить въ непремѣнной зависимости отъ священниковъ тѣхъ церквей, къ которымъ они прежде приписаны; 2) всѣ отведенныя къ церквамъ земли оставить за ними и считать церковными, а гдѣ недостаетъ ихъ до принятой пропорціи 33-хъ десятинъ, тамъ оставить ихъ въ настоящемъ количествѣ безъ дополненія; 3) землю эту, по 33 десятины къ приходамъ отмежеванную, считая навсегда церковнымъ удѣломъ, присоединить къ общему количеству земли, прихожанамъ принадлежащей, и предоставить имъ пользоваться ею подъ условіемъ доставлять священно-и-церковно-служителямъ натурою такое количество хлѣба, гдѣ какой родится, также сѣна, соломы и гуменнаго корма, какое съ 30 десятинъ пахотной и 3 сѣнокосной земли можно собрать по средней пропорціи урожая; 4) для избѣжанія при этомъ разныхъ затрудненій въ разсужденіи доброты хлѣба и прочаго предоставить духовенству на волю дѣлать съ прихожанами условія на счетъ замѣны натуральныхъ даній денежными по справочнымъ дѣламъ; 5) касательно вознагражденія за требы оставить въ силѣ прежнее положеніе (т. е. 1765 г.); 6) писцовую землю свыше 33 десятинъ, оставивъ за церквами, дозволить священно-и-церковно-служителямъ отдавать въ наемъ, но обработку ея самимъ запретить, „яко дѣло съ самомъ ихъ несовмѣстное“; 7) усадьбы и огороды духовенства оставить на прежнемъ основаніи за нимъ и предоставить ему кромѣ того право пользоваться выгонами обще съ прихожанами; 8) для уравненія прихожанъ малоприходныхъ и великоприходныхъ церквей въ рабо-

тахъ на духовенство устроить эти работы такъ, что если бы случилось, что въ одномъ приходѣ 300, а при другомъ только 200 дворовъ, то отъ перваго отчислить для работъ ко второму 50 дворовъ; 9) всѣ эти правила имѣть въ виду и при дачѣ дозволенія на построеніе новыхъ церквей; 10) дѣйствіе ихъ распространить на всѣ приходскія сельскія церкви, которыя не состоятъ на ругѣ, не изключая ни приходовъ старообрядческихъ, ни приходовъ въ бывшихъ польскихъ владѣніяхъ. 11 января этотъ докладъ былъ утвержденъ государемъ и публикованъ указами по всѣмъ губерніямъ, при чемъ исполненіе его поручено начальникамъ губерній, которые должны были чрезъ земскую полицію имѣть наблюденіе, чтобы священно-и-церковнослужители опредѣленное имъ содержаніе получали отъ прихожанъ сполна, въ надлежащіе сроки и непремѣнно вскорѣ послѣ жатвы (1).

Въ началѣ 1799 г. правительство въ первый разъ еще обратило вниманіе на безпомощное состояніе вдовъ и сиротъ духовныхъ лицъ, которое находило себѣ до сихъ поръ лишь единственное облегченіе въ извѣстной крѣпости между духовенствомъ семейныхъ узъ, въ томъ, что почти каждое духовное лице всегда считало своимъ неизбѣжнымъ долгомъ раздѣлять свой иногда самый нищенскій достатокъ съ бѣдной родней и съ перваго же дня своей службы дѣлалось труженикомъ-кормильцемъ большою частію огромной семьи изъ лицъ разнаго пола и возраста. Епархіальныя начальства съ своей стороны всегда были сильно озабочены нищенствомъ этихъ вдовъ и сиротъ, но не находя никакихъ средствъ помочь имъ, по необходимости должны были предоставлять ихъ участь тому же семейному призрѣнію, развивая послѣднее зачисленіемъ за сиротами мѣстъ, скрѣпленіемъ семейныхъ условій между наслѣдниками этихъ мѣстъ и тѣми кто на по-

(1) II С. З. XXV. 18316 Срави 19070.

слѣднія поступалъ и т. п. 7 марта 1799 г. государь указалъ св. Синоду сочинить на первый разъ положеніе о призрѣніи вдовъ и сиротъ послѣ священно-и-церковно-служителей городскихъ церквей и соборовъ. Св. Синодъ, заинтересованный самъ этимъ дѣломъ, съ такой быстротой повелъ его, что къ началу апрѣля докладъ его объ этомъ предметѣ былъ уже составленъ и поднесенъ на утвержденіе государя. Въ началѣ его св. Синодъ вошелъ въ подробное изчисленіе всѣхъ существовавшихъ доселѣ способовъ призрѣнія духовенства; способы эти показаны слѣдующіе: 1) дѣти умершихъ духовныхъ лицъ мужескаго пола отдавались въ духовныя училища на казенное содержаніе, съ предоставленіемъ притомъ за нѣкоторыми изъ нихъ для пропитанія семействъ ихъ священно-и-церковно-служительскихъ мѣстъ, а женскаго пола по достиженіи потребныхъ лѣтъ выдавались замужъ за церковниковъ, которымъ преимущественно предъ другими давались церковныя мѣста, доставлявшія содержаніе какъ имъ, такъ и прочему семейству умершаго; 2) вдовы преимущественно предъ другими помѣщались на просвирническія должности и въ богадѣльни при архіерейскихъ домахъ, а имѣвшія взрослыхъ и женатыхъ сыновей жили при нихъ съ прочими своими дѣтьми. На будущее время Синодъ предполагалъ для прочности сего полезнаго дѣла къ прежнимъ средствамъ призрѣнія присовокупить слѣдующія: 1) такъ какъ по штатамъ 1764 г. при архіерейскихъ домахъ велѣно для всякихъ разночинцевъ учредить богадѣльни съ жалованьемъ на каждое призираемое лице по 5 р. въ годъ, а съ прибавкой 1797 г.—по 10, то въ эти богадѣльни и принимать означенныхъ вдовъ и сиротъ преимущественно предъ другими, предоставляя имъ впрочемъ на волю, если не хотятъ поступать въ богадѣльни, жить, гдѣ угодно, получая тѣже 10 р.; 2) желающихъ постриженія предпочтительно же предъ другими принимать въ монастыри на открывающіяся вакансіи; 3) обратить въ пользу ихъ призрѣнія остатки суммъ отъ

доходовъ съ погребенія на церковныхъ кладбищахъ, остающіеся послѣ удовлетворенія мѣстныхъ церковныхъ нуждъ; 4) на тотъ же предметъ обратить разные штрафы по духовному вѣдомству, которые идутъ на госпитали, кромѣ того сбирать прибавочныя деньги съ ставленниковъ, съ священника по 1 р., съ дьякона по 50 к. сверхъ обычныхъ сборовъ, не дѣлая однако этой прибавки обязательною, принимать и др. доброхотныя подаянія; 5) чтобы пособіями не пользовались люди недостойные ихъ, назначать содержаніе тѣмъ только, которые достигли 40 лѣтъ или за болѣзнями и увѣчьемъ пропитать себя не могутъ, а также дѣтямъ, ни подъ какое распредѣленіе не подходящимъ, прочимъ же предоставлять мѣщанскія права; 6) дѣтей мужскаго пола лѣтъ съ 9 принимать на содержаніе въ школы, „употребляя притомъ и тѣ способы, кои наблюдаются нынѣ къ содержанію и семействъ ихъ“. Государь утвердилъ всѣ эти предположенія, кромѣ предположенія о прибавочномъ сборѣ съ ставленниковъ. Послѣ этого св. Синодъ публиковалъ свой докладъ указомъ по всѣмъ епархіямъ, предписавъ всѣмъ архіямъ возъимѣть сугубое попеченіе о вдовахъ и сиротахъ городскаго духовенства, вести тщательный счетъ всѣмъ штрафнымъ, остаточнымъ и жертвованнымъ деньгамъ и употреблять ихъ точно для предписаннаго предмета, а въ концѣ каждаго года подавать св. Синоду подробныя вѣдомости какъ о вдовахъ и сиротахъ, такъ и о всѣхъ на нихъ расходахъ. Въ концѣ года разосланъ другой указъ по всѣмъ монастырямъ о томъ, чтобы каждогодно посылали въ св. Синодъ вѣдомости о всѣхъ остаткахъ отъ ихъ штатныхъ суммъ, которые оставались отъ незамѣщенныхъ монашескихъ вакансій и тоже назначались на призрѣніе духовныхъ вдовъ и сиротъ (1).

---

(1) П. С. З. XXV, 18921. 19183.

Но всѣ эти способы призрѣнія очень скоро оказались неудовлетворительными вслѣдствіе самаго уже множества нуждавшихся въ пособіи лицъ; это предвидѣлъ самый указъ, предписывая архіереямъ особенную осторожность въ назначеніи пособій и ограничивая послѣднія только людьми, имѣющими въ нихъ крайнюю нужду. При этомъ нѣкоторые изъ указанныхъ способовъ призрѣнія оказались очень непадежными на первыхъ же порахъ. Такъ, штрафныя деньги, кромѣ того что были не велики, назначались еще на разныя нужды епархій, или наприм. въ подспорье къ скуднымъ окладамъ духовныхъ школъ. Отписка въ пользу вдовъ и сиротъ остатковъ отъ кладбищенскихъ денегъ повела, разумѣется, къ тѣмъ же утайкамъ настоящей цифры доходовъ, какъ впослѣдствіи такая же отписка отъ церквей суммъ свѣчныхъ въ пользу духовныхъ школъ. Въ московской епархіи консисторія сначала поручила сборъ кладбищенскихъ денегъ священникамъ подъ надзоромъ благочинныхъ и въ избѣжаніе утайки, какъ слѣдуетъ, выдала для этого сбора запечатанныя кружки; но ни кружки съ печатями, ни благочинные отвратить утайки не могли. Въ 1800 г. главный начальникъ Москвы гр. Салтыковъ предложилъ поручить кладбища смотрѣнію частныхъ приставовъ, рытье могилъ предоставить нижнимъ полицейскимъ служителямъ подъ надзоромъ полицейскихъ чиновниковъ, а сборъ денегъ отъ погребенія и расходованіе ихъ на содержаніе и украшеніе кладбищенскихъ церквей церковнымъ старостамъ тоже подъ надзоромъ полиціи, во избѣжаніе же утаекъ и для облегченія контроля надъ кладбищенскими доходами назначить за каждую могилу опредѣленную плату въ 1 руб., изъ которой половину отдавать рабочимъ, а другую въ пользу церкви и причта. М. Платонъ благоразумно отстранилъ такое крайнее вмѣшательство въ это дѣло полицейской опеки и возложилъ все веденіе прихода и расходовъ по кладбищенскимъ церквамъ на однихъ священниковъ и церковныхъ старостъ, обязавши тѣхъ и другихъ до-

ставлять остатки кладбищенскихъ доходовъ въ консисторію; къ прежнимъ кружкамъ для устраненія разныхъ неисправностей по сборамъ и расходамъ прибавлены еще шнуровыя книги (1). О практическомъ достоинствѣ подобныхъ мѣръ контроля надъ церковными суммами говорить теперь, кажется, совершенно излишне, когда несостоятельность ихъ признана уже вполнѣ самою администраціею. Вообще въ практикѣ епархіальной жизни послѣ 1799 г. главной и спеціальной суммой на призрѣніе духовныхъ вдовъ и сиротъ считалась одна только богадѣленная сумма, отпускавшаяся изъ казначейства. Но она простиралась всего до 500—250 р. на каждую епархію и очевидно была недостаточна для своей цѣли, тѣмъ болѣе что вдовы и сироты никогда не любили поступать въ самыя богадѣльни, общежитіе которыхъ могло бы еще сколько-нибудь сдѣлать эту сумму чувствительною для ихъ обезпеченія, а предпочитали получать назначенные на нихъ богадѣленные оклады себѣ на руки на мѣстахъ своего жительства чрезъ благочинныхъ. Сколько можно судить по практикѣ тульской епархіи, это богадѣленное жалованье выдавалось очень немногимъ лицамъ и въ небольшомъ количествѣ,—отъ 3 р. 94 к. до 7 р. 88 к. въ одни руки за полгода. Въ спискѣ призираемыхъ за 1817 г. состоятъ только 13 человѣкъ обоего пола по всей епархіи и всего жалованья на нихъ положено было 65 р. за полугодіе. Какъ же велико было число вдовъ и сиротъ, которыя не получали и этихъ малыхъ пособій (2). Нельзя не замѣтить при этомъ, что епархіальныя начальства незаконно расширяли употребленіе богадѣленной суммы на все духовенство своихъ епархій, потому что указъ 1799 г. говорилъ о призрѣніи на нихъ одного только класса вдовъ и сиротъ городскаго и соборнаго духовен-

(1) Ист. моск. епарх. упр. III, кн. 1, 248—250.
(2) Тульск. епарх. вѣдом. 1863 г. стр. 360—361.

ства (1).—Наконецъ, кромѣ вдовъ и сиротъ въ духовномъ вѣдомствѣ были еще люди, не менѣе нуждавшіеся въ пособіяхъ, но доселѣ ничего не получавшіе,—это неимущіе престарѣлые священно-и-церковно-служители. Въ 1791 г. имп. Екатерина вздумала основать пенсіонный фондъ для обезпеченія заштатныхъ священно-и-церковно-служителей тѣхъ церквей и соборовъ, которые въ 1764 г. были обезпечены жалованьемъ; для этого она указала св. Синоду положить въ банкъ для приращенія процентами накопившіеся тогда остатки отъ синодальной типографской суммы въ видѣ неприкосновеннаго капитала, затѣмъ присоединять къ этому капиталу ежегодные остатки той же суммы и изъ процентовъ (до 3000 р. въ годъ) производить пенсію во первыхъ означеннымъ духовнымъ лицамъ, а во вторыхъ свѣтскимъ чиновникамъ духовнаго вѣдомства. Въ началѣ XIX столѣтія весь капиталъ, сформировавшійся такимъ образомъ, состоялъ изъ 110,000 (2). Потомъ уже въ 1801 г. положено было выдавать пенсію изъ государственнаго казначейства (до 5000 р. въ годъ) полковому духовенству; священникъ долженъ былъ получать за 20 лѣтъ полковой службы 100 р.; тоже количество назначено осиротѣвшему семейству такого лица; бездѣтная вдова получала половину; нѣкоторымъ вдовамъ и сиротамъ назначались единовременныя выдачи (3). Въ такомъ положеніи вопросъ о призрѣніи въ духовномъ вѣдомствѣ оставался до 1823 г., когда устроены были духовныя попечительства.

Далеко неудовлетворительными оказались на дѣлѣ и распоряженія касательно церковныхъ земель. Какъ только они стали приводиться въ исполненіе, такъ и открылись со всѣхъ сторонъ затрудненія, какихъ и не

---

(1) П. С. З. XXXVIII, 29583.
(2) Также, XXIII, 17004. XXXVIII, 29583.
(3) Также, XXVI, 19787.

предвидѣлъ синодальный докладъ 1798 г. Въ слѣдующемъ году св. Синодъ послалъ Сенату вѣденіе, что дѣло объ обработываніи церковныхъ земель прихожанами, какъ это явствуетъ по доношеніямъ изъ епархій, не только не приведено къ окончанію, но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже и не начинало приводиться въ исполненіе, не смотря на неоднократныя отношенія о томъ епархіальныхъ начальствъ къ губернаторамъ и въ губернскія правленія, „отъ чего священно-и-церковно-служители претерпѣваютъ крайній недостатокъ и нужду; хотя же по тверской губерніи и учинены нѣкоторыя распоряженія, но изъ приложенныхъ при доношеніи преосв. Павла архіепископа тверскаго тамошняго губернскаго правленія въ консисторію въ копіи сообщенія и дошедшихъ къ нему отъ священно-и-церковно-служителей жалобъ видно, что оное учинено несогласно съ помянутымъ высочайше конфирмованнымъ докладомъ, безъ согласія и вѣдома его преосвященнаго однимъ гражданскимъ правительствомъ, и по препорученію его земскимъ судамъ принуждаютъ оные священно-и-церковно-служителей къ условіямъ къ продовольствію ихъ недостаточнымъ и обиднымъ; по вологодской же губерніи бывшимъ тамъ гражд. губернаторомъ Шетневымъ приходскіе дворы раздѣлены на число церквей по всей губерніи, и по сему раздѣленію причитается на каждую церковь для обработыванія земли 105 дворовъ, изъ коихъ причисляемыя къ нѣкоторымъ церквамъ въ недостающее при оныхъ количество дворовъ души состоятъ по способности, а къ другимъ въ весьма отдаленномъ разстояніи, полагая ближнихъ отъ 2 до 10, отъ 10 до 20 и до 50, а дальнихъ отъ 500 до 100 и отъ 100 до 300 и болѣе верстъ“. Изложивъ эти обстоятельства, св. Синодъ просилъ Сенатъ подтвердить по свѣтскому вѣдомству указомъ о скорѣйшемъ приведеніи доклада 1798 г. въ исполненіе, при чемъ мнѣніемъ своимъ представлялъ, что при всѣхъ распоряженіяхъ по этому дѣлу нужно имѣть непремѣннымъ основаніемъ 33-десятин-

ную пропорцію земли, средній урожай и справочныя цѣны, самое дѣло вести неиначе, какъ по соглашенію съ епархіальными начальствами, приписку дворовъ отъ одного прихода къ другому для обработки церковной земли „дѣлать къ тѣмъ токмо церквамъ, кои не имѣютъ полнаго числа по закону приходскихъ дворовъ, а имѣющія оное положенное число оставлять, какъ до сего были, посредствомъ чего какъ правительство, такъ прихожане и священно-церковно-служители не только могутъ избѣжать затрудненій и неудобностей, какъ опыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и начинаютъ уже оказываться, но еще отъ того можетъ быть обоюдная польза и скорѣйшее онаго дѣла приведеніе къ концу; въ заключеніе всего Синодъ выяснилъ еще одно незаконное распоряженіе тверскаго губернскаго правленія, по которому велѣно оставить безъ опредѣленія относительно земельнаго надѣла и обработки церковныхъ земель церкви, получавшія отъ прихожанъ ругу; подъ ружными церквами слѣдовало, по его мнѣнію, разумѣть тѣ только церкви, на которыя отпускается извѣстная сумма изъ казны, прочія же церкви, какъ приходскія, нужно обезпечить или условленнымъ отъ прихожанъ содержаніемъ или тоюже 33-десятинною пропорціей земли. Согласясь во всемъ съ этимъ вѣденіемъ Сенатъ къ концу года выдалъ указъ, чтобы губернаторы и губернскія правленія во всемъ поступали согласно съ мнѣніемъ св. Синода подъ опасеніемъ въ случаѣ жалобъ отъ духовенства на лишеніе пропитанія остаться подъ отвѣтомъ и взысканіемъ. Но послѣ этого указа прошелъ еще цѣлый годъ, а дѣло объ обработкѣ церковной земли все еще не подвигалось впередъ, и Сенатъ долженъ былъ въ ноябрѣ 1800 г. снова повторить тотъ же указъ почти слово въ слово [1].

---

[1] П. С. З. XXV, 19182. XXVI, 19674.

Особенно плохо исполнялись указанныя распоряженія правительства въ областяхъ, пріобрѣтенныхъ отъ Польши, которыя, какъ мы видѣли, тоже подведены были подъ силу указа 1798 г. Свѣтскія начальства, отъ которыхъ такъ много зависѣло и надѣленіе церквей землею и распредѣленіе обработки ея между прихожанами, здѣсь были не только холодны, но большею частію даже прямо враждебны къ интересамъ Церкви и православнаго духовенства. Въ 1800 г., послѣ многихъ сношеній съ гражданскимъ начальствомъ кіевская консисторія писала въ одномъ циркулярномъ указѣ, что 1) многія церкви не только не получили новаго земельнаго надѣла, но со времени публикаціи указа 1798 г. потеряли и свои старыя эрекціальныя земли, которыя немедленно отбирались отъ нихъ помѣщиками; „помѣщики же, дабы удержать за собою отнятую церковную землю или же дабы тамъ, гдѣ мало или вовсе нѣтъ земель, избѣгнуть удовлетворенія опыми священно-и-церковно-служителей въ надлежащемъ количествѣ, располагаются даже подъ предлогомъ уравненія приходовъ малыхъ съ великими упразднить самыя церкви, 2) что по донесеніямъ дух. правленій и благочинныхъ кіевскаго уѣзда маршалами и другими свѣтскими чинами по всѣмъ почти повѣтамъ составлены обидныя для священно-служителей положенія о шестилѣтней сложности урожая; 3) что, несмотря на неоднократныя строжайшія предписанія и подтвержденія кіевскаго губернскаго правленія подчиненнымъ ему лицамъ о наблюденіи за точнымъ исполненіемъ высочайшихъ постановленій 1798 г., успѣхъ по оным происходитъ съ крайнею со стороны свѣтскихъ чиновъ медленностію и очевидною для священно-и-церковно-служителей обидою, составляющею единое ихъ притѣсненіе, къ лишенію дневной пищи относящееся, такъ что священно-и-церковно-служители чрезъ долгое время претерпѣваютъ самую сожалительную участь, не имѣя дарованнаго имъ по высоко-монаршей милости пропитанія отъ ружной церковнаго

удѣла земли, по единственному съ помѣщичьей стороны препятствію и недѣятельности въ отвращеніе онаго нижнихъ земскихъ судовъ или ихъ членовъ, которые, какъ-бы находясь въ единомыслiи съ помѣщиками и ихъ экономіями, не стараются простирать своего вниманія къ скорѣйшему исполненію толь важнаго дѣла, чрезъ теченіе коего съ весьма слабымъ движеніемъ страждетъ все почти кіевской епархіи духовенство". Затѣмъ указъ приводитъ множество фактовъ изъ практики всѣхъ повѣтовъ кіевской епархіи, какъ помѣщики уничтожали роковщину по своимъ приходамъ, отнимали у церквей всѣ эрекціонныя земли, которыя превышали указную пропорцію, да и остальную землю присвоивали себѣ же, а между тѣмъ содержанія духовенству не назначали или назначали въ маломъ количествѣ и т. д. (1).

Въ такомъ положеніи дѣло о церковныхъ земляхъ оставалось до конца царствованія Павла Петровича. Какъ только восшелъ на престолъ имп. Александръ, св. Синодъ подалъ ему докладъ о всѣхъ неудобствахъ и затрудненіяхъ, какія были встрѣчены при исполненіи указа 1798 г. Результатомъ этого доклада былъ высочайшій указъ 3 апр. 1801 г., которымъ положеніе 1798 г. объявлялось отмѣненнымъ. „При уваженіи первыхъ началъ сего положенія, сказано здѣсь, открывается, что съ одной стороны поставляя священно-и-церковно-служителей въ безпрерывной зависимости отъ прихожанъ въ насущномъ ихъ хлѣбѣ, съ другой налагая на сихъ послѣднихъ новую и необычайную имъ повинность, она разрываетъ между ими тотъ союзъ мира, любви и добраго разумѣнія, каковой между всѣми сынами Церкви, а паче между пастырями и стадомъ ихъ словеснымъ вѣра полагаетъ". Но при этомъ у законодателя возникала мысль о томъ, что обрабо-

---

(1) О способ. содерж. сельск. дух. въ кіевск. губ. Руков. для с. паст. 1860 г. № 9.

тываніе церковной земли, которое онъ желалъ снова предоставить самому духовенству, а не прихожанамъ, объявлено было прежде несогласнымъ съ достоинствомъ свящ. сана; поэтому онъ почелъ нужнымъ доказать противное, руководясь при этомъ отчасти религіозными примѣрами, отчасти тогдашними модными идеями о высотѣ и прелести натуральной простой жизни. „Духовенство, бывъ самимъ Богомъ предуставлено къ назиданію правовъ народа, имѣетъ обязанность примѣромъ своимъ ободрять и привлекать его къ трудолюбію и ко всѣмъ хозяйственнымъ упражненіямъ; а какъ между ними земледѣліе есть благороднѣйшее, полезнѣйшее и въ связи государственныхъ нуждъ необходимѣйшее, то предъ лицемъ нашимъ нѣтъ въ имперіи состоянія, коему бы вниманіемъ къ нему и даже самымъ непосредственнымъ его производствомъ заниматься было постыдно; напротивъ все, что относится къ нему, въ очахъ истинныя мудрости почтенно и всякаго одобренія достойно. Движимые сими причинами, признали мы за благо, согласно представленію св. Синода распоряженіе, конфирмованное въ 11 день января 1798 г., о земляхъ церковныхъ отмѣнивъ, обратить часть сію въ прежнее ея положеніе. Мы надѣемся, что мірское духовенство, чтя въ основателяхъ вѣры и въ древнихъ патріархахъ первобытныя церкви первыхъ земледѣльцевъ и ревнуя св. ихъ примѣру, неуклонно пребудетъ въ сей апостольской простотѣ правовъ и упражненій, толико санъ его украшающей и сближающей съ состояніемъ людей, наиболѣе требующихъ духовной помощи и утѣшенія“ (1).

Послѣ этого указа правительство естественно должно было озаботиться скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла объ отмежеваніи къ церквамъ земель, безъ чего незачѣмъ было и говорить о томъ, чтобы духовенство само обработывало землю и кормилось трудами рукъ

---

(1) П. С. З. XXVI, 19816.

своихъ, какъ древніе патріархи. Къ сожалѣнію дѣло это было при имп. Александрѣ болѣе запущено, чѣмъ когда-нибудь, такъ что въ теченіи всего 24-лѣтняго его царствованія межеваніе церковныхъ земель кончено всего только въ двухъ губерніяхъ, въ казанской (1803 г.) и симбирской (1821 г.). Прежде всего въ 1802 г. въ Сенатѣ возникли вопросы о томъ, что дѣлать съ землей, примежеванной прежде къ церквамъ въ количествѣ большемъ противъ указнаго, а потомъ чрезъ какихъ землемѣровъ производить межеваніе земли къ тѣмъ церквамъ, которыя ея еще не имѣютъ; первый вопросъ подняли экономическіе крестьяне нижегородской губерніи с. Байкова, которые жаловались на то, что въ 1786 г. уѣздный землемѣръ намежевалъ для ихъ церкви 41½ десят. земли, хотя и по полюбовному соглашенію крестьянъ съ причтомъ, но не съ общаго согласія всѣхъ крестьянъ. Сенатъ рѣшилъ: излишнюю землю въ с. Байковѣ оставить сполна за церковію, а впредь межевать къ церквамъ не болѣе 33 десятинъ; межеваніе производить чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ ко всѣмъ церквамъ, если только причты ихъ не состоятъ на ругѣ и не имѣютъ крѣпостныхъ земель, наприм. писцовыхъ, дареныхъ, пріобрѣтенныхъ чрезъ духовныя завѣщанія или куплю; при нарѣзкѣ земель къ церквамъ въ селеніяхъ казенныхъ имѣть въ основаніи тѣже правила, какія предписаны межевой инструкціей въ отношеніи къ церквамъ селеній помѣщичьихъ (¹). Въ 1804 г. Сенатъ рѣшилъ вопросъ объ усадебныхъ земляхъ духовенства, возникшій по поводу жалобы одного дьякона и дьячка г. Тулы объ отобраніи у нихъ усадебныхъ земель, состоявшихъ за церковію по писповымъ книгамъ, потомъ отданныхъ губернскимъ начальствомъ купцамъ и уже занятыхъ постройками; Сенатъ опредѣлилъ: незастроенную землю отъ купцовъ отобрать, а вмѣсто застроенной по указу

(¹) П. С. З. XXVI, 20150.

1779 г. отвести другія усадебныя мѣста по близости церквей по сношеніи съ епархіальнымъ начальствомъ, также поступать и въ другихъ подобныхъ же случаяхъ и вообще дворовыя мѣста при церквахъ считать принадлежащими священно-церковно-служителямъ неподвижно (1).

Не смотря на указъ 1802 г. о продолженіи надѣла церквей землями, св. Синодъ никакъ не могъ дождаться этого продолженія. Множество церквей даже въ помѣщичьихъ селеніяхъ оставалось безъ земельнаго надѣла, а въ казенныхъ отводъ церковныхъ земель еще и не начинался. Въ 1804 г. св. Синодъ просилъ Сенатъ распорядиться, чтобы тамъ, гдѣ нельзя отвести къ церквамъ землю, положена была по крайней мѣрѣ руга для причтовъ, потому что въ противномъ случаѣ послѣдніе лишены будутъ всякихъ средствъ къ содержанію. Сенатъ сдѣлалъ послѣ этого подтвержденіе о нарѣзкѣ земли для помѣщичьихъ церквей межевой канцеляріи и конторамъ, а относительно церквей въ селеніяхъ казенныхъ предоставилъ Синоду употребить настояніе предъ начальствами удѣльнаго и казеннаго вѣдомства (2). На этомъ основаніи ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ посланы были синодальные указы, чтобы они, собравъ предварительно свѣденія, гдѣ и къ какимъ церквамъ земли не были отведены, настаивали, гдѣ слѣдуетъ, объ отводѣ ихъ (3). Дѣло это тянулось чуть не 10 лѣтъ, а между тѣмъ съ 1803 г. нарѣзка земли вездѣ почти совершенно остановилась. По свѣденіямъ, представленнымъ въ Синодъ къ 1814 г., оказалось, что даже въ 24 уже обмежеванныхъ губерніяхъ при помѣщичьихъ селеніяхъ было 1016 церквей, которымъ земля была вовсе не отведена (4) по

---

(1) П. С. З. XXVIII, 21411.

(2) Тамже, 21148.

(3) Тамже, 21195. XXX, 23994.

(4) Въ московской губерніи земель не получили 162 помѣщичьихъ церквей, въ ярославской 85, въ тульской столько же,

спорамъ помѣщиковъ и вслѣдствіе медленнаго рѣшенія этихъ споровъ въ межевой канцеляріи и конторахъ. Наконецъ сенатскимъ указомъ отъ 18 января 1814 г. для ускоренія надѣла церквей землею разрѣшено было производить намежеваніе этой земли ближайшимъ исполнителямъ—уѣзднымъ землемѣрамъ, которые по губернскимъ штатамъ положены въ каждомъ уѣздѣ, потому что нарѣзка земли чрезъ генеральныхъ землемѣровъ, у которыхъ и безъ того много дѣла, найдена была затруднительною (1). Насколько эта мѣра ускорила дѣло и способствовала къ обезпеченію землями церквей, неполучившихъ надѣла при генеральномъ межеваніи, не извѣстно. Что касается до генеральнаго межеванія, то послѣ приведеннаго указа оно было кончено, какъ мы видѣли, въ одной только симбирской губерніи, а за тѣмъ съ 1821 г. опять остановилось до 1828 г. Считаемъ нужнымъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ указѣ 1816 г., которымъ разрѣшено было безденежно отпускать погорѣвшимъ сельскимъ священно-и-церковно-служителямъ на обстройку домовъ лѣсъ изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ наравнѣ съ казенными крестьянами въ количествѣ 50 корней въ средней и 25 въ южной полосѣ Россіи на каждый дворъ,—количество очевидно довольно скупое и даже унизительное для духовенства; да кромѣ того полученіе его было потомъ (въ 1823 г.) сильно стѣснено разными формальностями, — требовалось сначала удостовѣреніе епархіальнаго начальства о дѣйствительной надобности этого вспоможенія для просящихъ, за тѣмъ опредѣле-

---

въ тверской 25, костромской 69, нижегородской 62, въ новогородской и смоленской по 55, во владимірской 51, рязанской 45, калужской 38, тамбовской 37, курской тоже, орловской 33, вологодской 32, могилевской 28, псковской 21, пензенской 17, петербургской 14, воронежской, слободоукраинской, полоцкой по 5 въ каждой, казанской 4, олонецкой 1.

(1) П. С. З. XXXII, 25520. 25697.

ніе Синода, наконецъ каждый разъ разрѣшеніе комитета министровъ (1).

Въ украинскихъ епархіяхъ указъ 1801 г. имѣлъ положительно дурныя слѣдствія. Во многихъ мѣстахъ земли, отнятыя у духовенства послѣ указа 1798 г., не были уже возвращены ему назадъ отъ помѣщиковъ, какъ оно объ этотъ ни хлопотало по силѣ новаго указа. Въ другихъ приходахъ земли были отводимы не тѣ, какими причты владѣли въ прежнее время, а другія похуже и въ неудобныхъ мѣстахъ. Помѣщики пользовались въ этомъ случаѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что во многихъ приходахъ вслѣдствіе прежняго тревожнаго состоянія края среди борьбы православія съ уніей у священно-и-церковно-служителей потеряны были всѣ документы на земли и они владѣли послѣдними единственно по давности и по преданію, а потому, когда эти земли по поводу указа 1798 г. были отъ нихъ отобраны, имъ оказалось совершенно невозможнымъ возстановлять свои прежнія владѣльческія права. Правительство само уже должно было вступиться въ это дѣло и выдало указъ о томъ, чтобы презенты, эрекціи и другіе документы православныхъ церквей непремѣнно были отысканы по архивамъ (2). А между тѣмъ кіевское губернское правленіе вскорѣ же послѣ указа 1801 г. выдало постановленіе отобрать у церквей для возвращенія помѣщикамъ и тѣ земли, которыя по указу 1798 г. велѣно было отвести въ пользованіе причтовъ вновь для восполненія 33-десятиннаго надѣла, оставивъ эти церкви только при земляхъ, имѣвшихся у нихъ въ прежнее время; къ счастію для духовенства это слишкомъ уже широкое и несогласное съ новымъ указомъ пониманіе отмѣны указа 1798 г. не получило законнаго примѣненія къ дѣлу. Вообще мѣстныя начальства и теперь, какъ при Павлѣ Петро-

---

(1) П. С. З. XXXIII, 26169. XXXVIII, 29278.
(2) Тамже, XXIX, 22183.

вичѣ, постоянно дѣйствовали вопреки интересамъ православнаго духовенства. Самое возвращеніе земель церквамъ сопровождалось крайне невыгодными для духовенства обстоятельствами и новыми обидами со стороны помѣщиковъ и ихъ экономій. Указъ 1801 г. (отъ 3 апрѣля) пришелъ сюда въ маѣ, когда поля были уже обсѣменены, и экономіи тотчасъ же распорядились засѣяннаго хлѣба попамъ не давать на томъ основаніи, что они теперь сами должны обработывать землю и не имѣютъ уже права на трудъ своихъ прихожанъ, а потому и самыя земли возвратить имъ уже по уборкѣ хлѣбовъ. Оставшись безъ земли и безъ хлѣба на цѣлый годъ, духовенство чрезъ своихъ благочинныхъ бросилось съ жалобами къ епархіальному начальству; послѣднее заступалось за него очень усердно, но имѣло мало успѣха. Митрополитъ кіевскій Гавріилъ побудилъ генералъ-губернатора выдать распоряженіе отдать духовенству весь посѣвъ 1801 г. даже безъ возвращенія сѣмянъ; но распоряженіе это разослано было уже послѣ уборки хлѣбовъ, а потому экономіи почли его запоздалымъ и не исполняли, потомъ, когда въ это дѣло вступились земскіе суды и стали требовать, чтобы посѣвъ былъ отданъ причтамъ и послѣ уборки, многія экономіи заставили своихъ священно-и-церковнослужителей давать подписки въ томъ, что они добровольно соглашаются принять отъ крестьянъ только половинную часть всего урожая, и представляли эти подписки въ земскіе суды, освобождая такимъ образомъ себя отъ всякаго взыска и въ тоже время оставаясь въ большихъ барышахъ. Изъ подтвердительныхъ указовъ консисторіи о сборѣ хлѣба видно, что нѣкоторыя экономіи успѣли засѣять церковныя земли и на слѣдующій 1802 г. и тоже присвоивали весь сборъ съ нихъ въ свою пользу. Вмѣстѣ съ этими предписаніями о хлѣбѣ постоянно издавались предписанія о возвращеніи церковныхъ земель. М. Гавріилъ успѣлъ настоять, чтобы церквамъ били возвращаемы всѣ прежнія земли сполна, хотя бы ихъ было и больше указнаго

количества; но это распоряженіе, выданное генералъ-губернаторомъ, такъ и не было приведено въ исполненіе. Дѣло о межеваніи новыхъ земель къ церквамъ возобновлялось въ 1807 и 1816 гг., но кончилось тѣмъ что церкви потеряли много своихъ прежнихъ земель, которыя тогда отошли къ помѣщикамъ, а потомъ навсегда укрѣплены за послѣдними давностію (1).

Вялый ходъ дѣла о надѣленіи церквей землями объясняется тѣмъ, что правительство, не смотря на указъ 1801 г., гдѣ оно такъ идиллически отнеслось къ похвальной простотѣ патріархальныхъ занятій сельскаго духовенства земледѣліемъ, въ самомъ дѣлѣ все-таки считало этотъ источникъ содержанія причтовъ не совсѣмъ удобнымъ и склонялось къ мысли объ обезпеченіи духовенства денежнымъ жалованьемъ. Мысль эта опредѣленно была высказана въ 1808 г., когда составлялся знаменитый проектъ комитета объ усовершенствованіи дух. училищъ и улучшеніи содержанія духовенства. Проектъ комитета не былъ приведенъ въ исполненіе, но при обозрѣніи правительственныхъ попеченій о матеріальномъ бытѣ духовенства его никакъ не льзя обойти безъ вниманія, потому что онъ былъ полнымъ выраженіемъ понятій объ этотъ предметѣ лучшихъ людей времени, засѣдавшихъ въ комитетѣ, и получивъ полное сочувствіе и утвержденіе со стороны государя, сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ полнымъ выраженіемъ понятій о томъ же предметѣ самого правительства (2).

Занявшись своимъ спеціальнымъ вопросомъ объ усовершенствованіи дух. училищъ, комитетъ, скоро увидалъ, что этотъ вопросъ нельзя разрѣшать изолированно, безъ связи съ другимъ вопросомъ объ улучшеніи быта всего духовенства, вопросомъ до того важнымъ, что безъ

(1) О способ. содерж. кіевск. дух. Руков. для с. паст. 1860, № 9.

(2) Докл. комит. въ П. С. 3. XXX, 23122. Подробное изложеніе всего дѣла см. въ стат. О способахъ содерж. дух. учил. Страни. 1860, кн. X и въ Ист. спб. акад.

разрѣшенія его болѣе или менѣе удовлетворительнымъ образомъ всѣ попеченія о духовныхъ училищахъ были бы похожи на метеніе лѣстницы снизу вверхъ. Мы видѣли, что современное матеріальное состояніе духовенства комитетъ призналъ весьма неудовлетворительнымъ, требовавшимъ немедленнаго улучшенія. Пересматривая способы содержанія духовенства и источники, изъ которыхъ можно было бы извлечь лучшія средства для его обезпеченія, онъ отвергалъ вмѣстѣ съ платой за требы и земельные надѣлы церквей, находя ихъ съ одной стороны противными закону, который до временъ имп. Екатерины не признавалъ за духовенствомъ права на владѣніе недвижимыми имѣніями, а съ другой мало удовлетворительнымъ: „остающіяся нынѣ при церквахъ земли, писалъ онъ въ своемъ докладѣ, по малому ихъ количеству никогда не были признаваемы достаточнымъ для нихъ содержаніемъ; и въ самомъ дѣлѣ онѣ могутъ составить одно только самое бѣдное и насущное пропитаніе, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ по разнымъ неудобствамъ земли сіи и того не составляютъ“. На этомъ основаніи, не задаваясь дальнѣйшими соображеніями о томъ, нельзя ли это бѣдное и насущное пропитаніе увеличить посредствомъ увеличенія самыхъ земельныхъ участковъ при церквахъ, комитетъ за тѣмъ прямо порѣшилъ произвести обезпеченіе духовенства посредствомъ опредѣленныхъ окладовъ денежнаго жалованья причтамъ. Съ этою цѣлію духовныя мѣста при церквахъ положено „раздѣлить на классы и каждому (классу) предоставить соразмѣрныя выгоды, дабы тѣмъ ввести соревнованіе и открыть путь достоинствамъ къ приличнымъ имъ преимуществамъ.“ Классовъ съ жалованьемъ предположено назначить 4, „такъ, чтобы отъ 300 руб. въ низшемъ классѣ, на весь причтъ полагаемыхъ, окладъ сей возрасталъ и въ первомъ простирался до 1000 р.“ и „чтобы классы сіи постановлены были въ соотвѣтственность съ ученіемъ и благонравіемъ такъ, чтобъ ученіе академическое всегда сопровождаемо было выгодами и отличіями, преимуще-

ственными предъ ученіемъ семинарскимъ". Руководствуясь табелями современнаго состоянія церковныхъ причтовъ, комитетъ причислилъ къ первому классу 1436 причтовъ, на которые всего жалованья требовалось 1,436,000 руб., ко второму 1263 съ жалованьемъ въ 884,100 руб., къ третьему 3277 съ жалованьемъ въ 1,638,500 р., къ четвертому 6822 съ жалованьемъ въ 2,046,600 р.; такимъ образомъ на всѣ четыре класса требовалось 6,005,200 руб. За тѣмъ оставалось еще 18273 церкви, которыя не вошли въ составъ означенныхъ 4-хъ классовъ и составили изъ себя 3 новыхъ класса, требовавшихъ особенныхъ средствъ къ обезпеченію. Пятую часть ихъ (3654 церкви) составители проекта нашли возможнымъ ввести въ 4 классъ съ жалованьемъ въ 1,096,200 руб., причемъ общій итогъ жалованья возрасталъ до 7,101,400 руб. Относительно остальныхъ 14619 церквей положено было: „1) чтобъ, по удобности мѣстнаго положенія, приписывать приходы ихъ къ церквамъ первыхъ 4-хъ классовъ съ землями ихъ и угодьями; 2) если при подробномъ составленіи штатовъ отъ уменьшенія причтовъ откроются остатки суммъ, то обращать оные на приведеніе сихъ церквей въ 4 классъ, и 3) предоставлять на волю прихожанъ ихъ содержаніе, коего однакоже крайнею мѣрою полагать должно 300 р. на причтъ, кромѣ земли, при нихъ находящейся". Для составленія подробныхъ штатовъ церквей комитетъ выработалъ „общія положенія объ опредѣленіи и содержаніи духовенства при церквахъ", по которымъ въ первый классъ предназначались церкви, имѣвшія доходовъ не менѣе 1000 р. на каждый причтъ, во 2-й имѣвшія доходу не менѣе 700, въ 3-й не менѣе 500, въ 4-й не менѣе 300 р. въ годъ, а всѣ прочія церкви должны были или приписываться къ другимъ или по мѣрѣ возможности приводиться въ состояніе четырехклассныхъ чрезъ дополненіе къ ихъ доходу количества, недостающаго до 300 р. Кромѣ дохода полагалось необходимымъ, чтобы при всѣхъ церквахъ были церковные домы, построенные

или на церковныя или на приходскія средства, съ отводомъ къ нимъ въ селеніяхъ достаточнаго количества усадебной земли и необходимыхъ для сельскаго хозяйства построекъ, какъ-то житницъ и проч. Опредѣленіе священниковъ на мѣста предположено производить неиначе, какъ по степенямъ полученнаго ими образованія, за исключеніемъ одного 4 класса, въ который въ случаѣ недостатка студентовъ разрѣшалось опредѣлять на священническія мѣста изъ діаконовъ и достойныхъ причетниковъ.

Реформа въ обезпеченіи причтовъ замышлена была въ широкихъ размѣрахъ и, судя по тогдашней цѣнности денегъ, дѣйствительно должна была произвести благодѣтельное вліяніе на бытъ духовенства по крайней мѣрѣ на время, пока могла продержаться цѣнность назначенныхъ окладовъ жалованья. Но комитету предстояло еще рѣшить самый трудный вопросъ всего проекта, откуда взять требуемые 7,101,400 рублей; онъ съ честью вышелъ и изъ этого затрудненія, сдѣлалъ съ своей стороны все, что было можно сдѣлать при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и въ своемъ проектѣ громаднаго капитала, имѣвшаго составиться безъ особеннаго отягощенія народа и государственнаго казначейства, представилъ рѣдкій примѣръ финансоваго творчества. Назначивъ такую громадную сумму на удовлетвореніе потребностей причтовъ, комитетъ прежде всего объяснялъ, что она, не составитъ какого-либо новаго бремени для государства, потому что на нѣкоторые причты по штатамъ 1764 г. и послѣдующимъ прибавочнымъ ассигновкамъ государственное казначейство давно уже отпускало 245.432 р., по томъ большая часть означенной суммы 7 милл. „и нынѣ дѣйствительно съ народа поступаетъ, но съ распоряженіемъ для духовенства неудобнымъ, а для обывателей весьма тягостнымъ и неуравнительнымъ; доходы причтовъ въ видѣ платы за требы по уменьшенному ихъ въ епархіальномъ вѣдомствѣ изчисленію составляютъ болѣе 3,532,000, а по заключенію комитета они

простираются до 6,000,000 руб.; сіе бремя, тяготящее нынѣ прихожанъ безъ различія состоянія и часто упадающее на людей бѣдныхъ, спадетъ вмѣстѣ съ положеніемъ духовенству постоянныхъ окладовъ, и слѣдов. оклады сіи въ существѣ своемъ не будутъ составлять издержки для государства новой, но одно преложеніе и лучшій распорядокъ повинности, нынѣ существующей, съ нѣкоторымъ только въ столь знатной суммѣ немного значущимъ и необходимымъ возвышеніемъ". Впрочемъ самое распредѣленіе этой повинности чрезъ превращеніе частныхъ даяній за требы въ опредѣленный налогъ на прихожанъ комитетъ, какъ мы знаемъ, отвергнулъ и призналъ возможнымъ замѣнить извлеченіемъ потребной суммы изъ другихъ источниковъ общаго государственнаго дохода. Кромѣ ассигновки окладовъ на духовенство изъ государственнаго казначейства обращено было вниманіе еще на экономическія суммы церквей, оставшіяся отъ прежняго времени и хранившіяся при церквахъ, а также на ежегодные остатки церковныхъ доходовъ, поступавшіе въ составъ тѣхъ же экономическихъ суммъ. Количество этихъ суммъ по изчисленію комитета простиралось до 5,600,000 руб. Хотя онѣ были плодомъ долголѣтнихъ сбереженій разныхъ церквей и по настоящему составляли частную собственность послѣднихъ, но такъ какъ вообще права церковныхъ учрежденій на частную собственность у насъ не были признаны, то комитетъ считалъ вполнѣ справедливымъ распорядиться церковными сбереженіями, помимо ихъ частнаго назначенія, на предположенное имъ удовлетвореніе общихъ церковныхъ нуждъ и положилъ всѣ эти суммы отобрать для храненія и приращенія въ государственныя кредитныя учрежденія въ качествѣ общецерковнаго капитала. Остатки отъ ежегодныхъ доходовъ церквей были не велики, но комитетъ нашелъ средство усилить ихъ, предположивъ возстановить данную церквамъ еще при Петрѣ великомъ монополію продажи восковыхъ свѣчъ, которая по примѣрному вычисленію должна была да-

вать ежегодно до 3,000,000 рубл. чистаго дохода, могущаго доставить важное, а между тѣмъ для народа неубыточное пособіе къ осуществленію всего комитетскаго проекта. За тѣмъ количество, недостающее до требуемаго (8,431,986 р. на обезпеченіе и причтовъ и духовныхъ училищъ вмѣстѣ), восполнять уже ассигновками изъ государственнаго казначейства, при чемъ послѣднее можетъ быть облегчено приведеніемъ всего плана въ исполненіе не вдругъ, а съ опредѣленной постепенностію.

Все дѣло предположено вести такимъ образомъ. Изъ 5,600,000 руб. церковныхъ экономическихъ суммъ $^1/_5$ или 1,120,000 руб. назначалась на устройство духовныхъ училищъ, а изъ доходовъ остальныхъ $^4/_5$ этого капитала чрезъ обращеніе его въ банкѣ положено постепенно производить устроеніе для причтовъ церковныхъ домовъ. Въ первые 6 лѣтъ назначено преобразовать одни только училища и только одного петербургскаго округа, на что требовалось до 1,353,000 р.; чтобы дать время къ увеличенію церковнаго экономическаго капитала, означенную сумму для петербургскаго округа положено выдавать ежегодно въ теченіе всѣхъ 6 лѣтъ изъ казначейства. По истеченіи 6 лѣтъ $^1/_5$ экономическихъ суммъ съ приложеніемъ къ ней процентовъ отъ обращенія въ банкѣ должна была возрасти до 1,500,906 р., а ежегодный капиталъ изъ церковныхъ остаточныхъ суммъ, начиная со втораго года всей операціи, когда положеніе о свѣчномъ доходѣ положено привести въ исполненіе, до 16,576,894 р. Потомъ изъ суммы 1,353,000 р. предполагалось употреблять на училища только 352,200 р., а остальные 1,000 800 тоже оставить на обращеніе въ банкѣ, что должно было дать черезъ 6 лѣтъ еще 6,871,218 р. Такимъ образомъ къ 1814 г. для содержанія духовныхъ округовъ долженъ былъ составиться капиталъ въ 24,949,018 руб., послѣ чего способы содержанія духовныхъ округовъ состояли бы изъ ежегоднаго дохода съ этого капитала въ 1,247,450 руб. и

3,000,000 ежегоднаго остатка отъ свѣчныхъ и др. церковныхъ доходовъ; къ этимъ 4,247,450 р. комитетъ просилъ назначить съ 1814 г. 2,000,000 р. дополнительной ежегодной ассигновки изъ казны на неопредѣленное время, пока основной капиталъ и доходъ отъ продажи церковныхъ свѣчъ не возрастутъ путемъ естественнаго развитія, что въ совокупности составило бы ежегодный доходъ въ пользу духовенства и училищъ въ 6,247,450 р. — сумму довольно близкую къ требуемой. 26 іюня 1808 г. этотъ проектъ, изложенный въ докладѣ комитета, удостоился высочайшаго утвержденія. Въ тотъ же день вышли два именныхъ указа, одинъ объ отпускѣ изъ казначейства требуемой комитетомъ суммы, другой о закрытіи самого комитета, кончившаго свое дѣло, и открытіи коммиссіи духовныхъ училищъ, которая должна была заняться приведеніемъ комитетскаго проекта въ исполненіе (1). 22 іюля первенствующій членъ св. Синода м. Амвросій въ сильной рѣчи отъ лица св. Синода и всего духовенства высказалъ государю благодарственныя чувствованія за его высокую монаршую милость къ духовному сословію, которое отселѣ, по его словамъ, имѣло совершать свое служеніе съ радостію, а не воздыхающе (2). Проектированная комитетомъ финансовая операція возбуждала удивленіе всѣхъ, кто объ ней зналъ, и подавала большія надежды духовенству. Къ сожалѣнію, эти надежды должны были значительно охладиться, какъ скоро приступлено было къ самому осуществленію блистательнаго проекта.

Прежде всего слѣдовало заняться приведеніемъ въ исполненіе предположенія объ отобраніи отъ церквей ихъ экономическихъ суммъ и объ устройствѣ свѣчнаго дохода. Экономическія суммы обратили на себя внима-

---

(1) П. С. З. XXX, 23123. 23124.
(2) Ист. спб. акад. Прилож. № 4.

ніе св. Синода еще раньше по поводу вмѣшательствъ въ распоряженіе ими со стороны свѣтскихъ начальствъ. Въ 1806 г. выданъ былъ указъ, чтобы свѣтскіе люди въ распоряженіе церковною суммою сами собой отнюдь не входили и чтобы эта сумма, какъ собственность церковная, находясь въ храненіи священно-церковно-служителей и старостъ, отнынѣ была въ вѣденіи духовнаго начальства (1). Указъ этотъ, высказавшій тотъ же принципъ, на признаніи котораго іерархія настаивала въ извѣстномъ дѣлѣ XVIII столѣтія о псковскихъ церквахъ, положенъ былъ потомъ въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ распоряженій касательно централизаціи церковныхъ суммъ и употребленіи ихъ на общія церковныя нужды. Въ мартѣ 1808 г., представляя на утвержденіе государя вновь составленную инструкцію церковныхъ старостъ, св. Синодъ въ докладѣ своемъ сдѣлалъ новый шагъ по тому же направленію, испросивъ высочайшее повелѣніе о высылкѣ всѣхъ этихъ суммъ изъ церквей въ дух. правленія и консисторіи для отдачи на храненіе въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что храненіе ихъ въ церквахъ не безопасно отъ разхищенія и разныхъ случайностей; а въ первыхъ числахъ іюня вышелъ указъ, въ которомъ предписывалось на основаніи этого высочайше утвержденнаго доклада въ теченіе 6-мѣсячнаго срока выслать въ консисторіи всѣ церковныя суммы, какія накопились въ церквахъ къ 1 января 1808 г., и изложены подробныя правила какъ относительно самой высылки ихъ, такъ и храненія ихъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ; здѣсь прямо уже, хотя и общею фразою, было сказано, что всѣ эти суммы отсылаются изъ консисторій въ кредитныя учрежденія „для храненія и приращенія на пользу церкви“

---

(1) П. С. З. XXIX, 22283.

(вообще) [1]. Все дѣло наконецъ объяснилось докладомъ комитета, который показалъ, что отобранныя суммы уже не будутъ возвращены церквамъ назадъ и составятъ основной капиталъ для предпринятой правительствомъ церковной реформы. Въ концѣ 1809 г. подольская консисторія, отославъ въ банкъ 6000 р. для приращенія на пользу церкви изъ церковныхъ суммъ, прямо просила записать ихъ не на свое имя, а на имя коммиссіи дух. училищъ. Св. Синодъ сдѣлалъ ей выговоръ за такую поспѣшность, объяснивъ, что о церковныхъ суммахъ еще не сдѣлано никакого точнаго опредѣленія [2]. Дѣйствительно, объ нихъ пока еще только составлялись вѣдомости и отдѣленіе ихъ отложено было до начала 1810 г., но приходы уже ясно предвидѣли исходъ этого дѣла и раньше означеннаго срока, вслѣдствіе чего стали противодѣйствовать отсылкѣ церковныхъ денегъ въ консисторіи еще съ 1808 г. вопреки даже желанію причтовъ, которые естественно могли увлекаться результатами этой мѣры правительства, ожидая отъ нея впереди избавленія отъ своей нищеты.

О противодѣйствіи приходовъ узнаемъ изъ любопытнаго дѣла, разрѣшеннаго указомъ 1827 г, о недоимкахъ и долговыхъ взысканіяхъ по коммиссіи дух. училищъ по поводу милостиваго манифеста 1826 г. Здѣсь сказано, что нѣкоторые прихожане, послѣ полученія указа о высылкѣ церковныхъ суммъ поспѣшили употребить ихъ поскорѣе на церковныя нужды, а иные, по предразсудкамъ огорчась назначеніемъ высылки денегъ, даже прямо показали ослушаніе указу и деньги взяли себѣ [3]. Епархіальныя власти должны были въ отвращеніе такого ослушанія прихожанъ прибѣгать за

([1]) П. С. З. XXX, 22971. 23080.
([2]) Тамже, 23991.
([3]) 2 Собр. зак. II, 928.

помощію къ гражданской власти и употреблять самыя строгія мѣры съ своей стороны. Вотъ нѣсколько частныхъ фактовъ въ этомъ родѣ. Въ симбирской губерніи при отобраніи церковныхъ суммъ мѣстныя дух. правленія встрѣтили противодѣйствіе главнымъ образомъ въ помѣщичьихъ приходахъ, гдѣ эти церковныя деньги во многихъ мѣстахъ даже и хранились у помѣщиковъ; такъ сызранское правленіе доносило казанской консисторіи (такъ какъ симбирская губ. принадлежала къ казанской епархіи), что оно не могло собрать болѣе 1000 руб. церковныхъ денегъ отъ помѣщиковъ только трехъ селеній, и просило о содѣйствіи гражданской власти. Консисторія отнеслась по этому предмету сначала къ земскому суду, потомъ, когда послѣдній оказалъ слабое содѣйствіе, къ губернатору. Изъ отношенія ея видно, что одни помѣщики не отдали церковныхъ денегъ по отлучкѣ, другіе отговаривались тѣмъ, что отослали эти деньги въ Казань на покупку колоколовъ и другихъ церковныхъ вещей, а третьи удержали у себя требуемыя деньги даже безъ всякаго объясненія; приведя на справку указы о принадлежности церковнаго достоянія вѣденію духовнаго начальства (особ. указъ 1806 г. 10 августа), епархіальное начальство просило губернатора принять для истребованія недоданныхъ денегъ законныя мѣры. Въ двухъ церквахъ по настоянію благочинныхъ священники сами должны были снять съ кружекъ печати прихожанъ безъ согласія послѣднихъ и вынули оттуда всѣ деньги для отсылки въ правленіе (1). Въ воронежской епархіи прихожане трехъ церквей не представили церковныхъ денегъ, сославшись на то, что издержали ихъ на покупку колоколовъ, книгъ и т. п.; не смотря на то, что при этомъ они указывали даже на словесное дoз-

(1) См. «Приходъ» г. Самарина въ газ. Москва 1867 г. № 105.

воленіе такой издержки со стороны архіерея, консисторія все таки завинила ихъ въ томъ, что они издержали церковныя деньги „въ противность узаконеній, повелѣвающихъ церковной суммѣ быть въ вѣденіи духовнаго правительства, тѣмъ паче что нынѣ по высочайшему соизволенію прошлогодніе остатки оной предназначаются для особаго употребленія ихъ къ высшей пользѣ церкви,... указомъ же изъ св. Синода о сборѣ оной предписано принять дѣятельнѣйшія мѣры при содѣйствіи гражданскаго правительства“; вслѣдствіе этого о взысканіи недоимки положено снестись съ губернскимъ правленіемъ, а до взысканія служеніе въ церквахъ запретить и церкви запечатать. Черезъ двѣ недѣли послѣ такой рѣшительной мѣры требуемая сумма была представлена по принадлежности (1). Какъ велика была вся недоимка за приходами, образовавшаяся по милости такого противодѣйствія прихожанъ въ связи съ другими причинами, обозначилось въ 1811 г., когда коммиссія дух. училищъ распорядилась всѣ церковныя суммы, какія были доселѣ представлены изъ разныхъ мѣстъ въ банки, слить въ одну общую сумму и привести къ одному сроку; оказалось, что вмѣсто слѣдовавшихъ по разчету 4-хъ милл. слишкомъ, въ дѣйствительномъ сборѣ оказалось только 1,223,606 р. 50½ к. (2). Собираніе недоимки продолжалось не только при имп. Александрѣ, но и въ протекшее царствованіе. Въ 1827 г. ея числилось за церквами 278,560 р. Чтобы не потерять этой суммы по милостивому манифесту 1826 г., коммиссія выхлопотала именной указъ о прекращеніи взысканія только тѣхъ церковныхъ денегъ, которыя прихожане употребили на церковныя нужды, а остальныя всѣ взыскивать по-

---

(1) Воронеж. епарх. вѣдом. 1868 г. стр. 460—462.

(2) Образов. церковно-строит. капит. Страни. 1862 г. кн. XI, 557.

прежнему (1). Взысканіе это продолжалось до 1830-хъ годовъ.

Разсчетъ комитета на ежегодные остатки церковныхъ доходовъ и на свѣчную сумму тоже невполнѣ оправдался на дѣлѣ. Монополія свѣчной продажи была усвоена церквамъ при Петрѣ въ 1721 г. съ назначеніемъ доходовъ съ нея на устроеніе при церквахъ богадѣленъ (2); въ 1740-хъ годахъ вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ богадѣленныхъ нуждъ велѣно употреблять свѣчные доходы еще на школьныя нужды (3). Но въ 1753 г. монополія эта была подорвана таможеннымъ уставомъ, который (гл. X, ст. 4) дозволилъ торговать восковыми свѣчами крестьянамъ на ряду съ другими мелочными товарами. Церковь лишилась послѣ этого важнаго источника доходовъ и не могла воротить его снова до 1808 г., до утвержденія комитетскаго доклада. Сообразно предначертаніямъ комитета коммиссія дух. училищъ въ августѣ 1808 г. представила государю докладъ (написанный Сперанскимъ) о свѣчной продажѣ, по которому частнымъ лицамъ дозволялась только гуртовая продажа свѣчъ, а розничная дѣлалась монополіей однихъ церквей (4). По утвержденіи государемъ докладъ этотъ съ слѣдующаго же года получилъ свое дѣйствіе. Послѣ этого коммиссія поспѣшила сдѣлать свѣчной доходъ своимъ спеціальнымъ доходомъ и при томъ уже въ полномъ его составѣ, тогда какъ въ предначертаніяхъ комитета полагалось употреблять на общія нужды церкви только его остатки, остающіеся за мѣстными расходами церквей, на ряду съ остатками другихъ церковныхъ доходовъ; это произведено было синодальными указами 7 окт. 1808, 8 іюня 1809 и 14 ноября 1810 гг., которыми предписано препровождать для приращенія на имя коммиссіи весь

---

(1) 2 Собр. зак. II, 928.
(2) П. С. З. VI, 3746.
(3) Также, XI, 8287. 8291. 8303.
(4) Также, XXX, 23254.

свѣчной доходъ церквей сполна за изключеніемъ только нѣкоторой его части въ каждой церкви для покупки воска и свѣчъ въ запасъ на слѣдующій годъ (1). Очень немудрено послѣ этого, что свѣчной доходъ оказался далеко не такъ великъ, какъ предполагалъ комитетъ. Съ одной стороны монополія свѣчной продажи на первыхъ же порахъ повела за собой контрабанду, а съ другой въ самихъ приходахъ обнаружилось извѣстное экономическое явленіе, которое имѣло мѣсто всегда, когда администрація, какая бы она ни была, свѣтская или духовная, взимала съ своихъ управляемыхъ средства для удовлетворенія своихъ нуждъ не въ формѣ опредѣленнаго налога, а въ формѣ отписки въ свою пользу цѣлыхъ доходныхъ статей, составлявшихъ частную собственность, отобранія многолѣтнихъ сбереженій частныхъ лицъ и т. п., руководясь извѣстнымъ патріархальнымъ принципомъ, что достояніе подчастныхъ принадлежитъ всецѣло самой власти; — мы [illegible] избѣжную при этомъ умышленную утайку частнаго достоянія и доходовъ отъ глазъ администраціи. Свѣчные доходы стали утаиваться въ большомъ количествѣ и причтами и старостами и прихожанами, которымъ естественно было желать, чтобы употребленіе доходовъ ихъ церквей было болѣе согласно съ частными выгодами послѣднихъ, тѣмъ болѣе что одни кружечные и кошельковые сборы, изъ которыхъ теперь приходилось производить всѣ расходы на церкви, были очень недостаточны. Въ послѣднее время правительство и св. Синодъ многолѣтнимъ опытомъ дошли до сознанія всѣхъ неудобствъ старой системы свѣчнаго сбора и она замѣнена была наконецъ болѣе раціональнымъ процентнымъ сборомъ съ церковныхъ доходовъ; но въ первое время ея существованія за нее крѣпко держались, считая утайку свѣчнаго дохода явленіемъ случайнымъ, которое легко устранить административными мѣрами, улучшеніемъ счетоводства, реви-

(1) Собр. зак. 23691. 23991, XXXI, 24418.

зіями, шнуровыми книгами и т. п. (1). Противъ контрабанды дѣйствовали усиленіемъ надзора за продажей свѣчъ и заведеніемъ церковныхъ свѣчныхъ лавокъ (2). Много содѣйствовало къ уменьшенію свѣчнаго сбора и то обстоятельство, что многія церкви были освобождены отъ взноса свѣчныхъ денегъ; къ этому разряду отнесены всѣ церкви монастырскія, архіерейскихъ домовъ, нѣкоторые соборы, церкви кладбищенскія, полковыя, церкви казенныхъ и богоугодныхъ заведеній, а съ 1821 г. даже церкви покровительствуемыхъ всесильнымъ Аракчеевымъ военныхъ поселеній; подобная льгота еще понятна въ отношеніи къ нѣкоторымъ, особенно домовымъ церквамъ, но въ отношеніи къ другимъ, особенно монастырскимъ церквамъ, которыя могли бы доставлять громадное количество свѣчнаго сбора, можетъ быть объяснена неиначе, какъ тѣмъ же патріархальнымъ произволомъ администраціи. Всѣ эти обстоятельства были причиною того, что вмѣсто 3 милл. проектированнаго свѣчнаго сбора въ теченіе 1811—1817 гг. коммиссія каждогодно получала только съ небольшимъ одинъ милліонъ, maximum (въ 1812 г.) 1,211,491 р. 40 к. ассигн. и 1 р. 90 серебр., а съ 1818 и 1820 гг., когда приняты были особенно сильныя мѣры противъ злоупотребленій, 1,350,000 р. и въ 1825 г. 1½ милліона (3).

Понятно, что общая сумма всего капитала, находившагося въ распоряженіи коммиссіи, далеко не могла достигнуть тѣхъ размѣровъ, какіе показаны были въ исчисленіяхъ комитетскаго проекта. При всемъ томъ коммиссія должна была еще производить изъ нея очень крупные расходы на предметы большею частію чуждые ея цѣлей. Такъ, въ 1812 г. изъ свѣчной суммы она выдала 1½ милліона на составленіе ополченія; потомъ послѣ войны изъ ея же суммъ было выдѣлено

---

(1) См. наприм. XXXVII, 28396. 28397.
(2) Страни. 1861 г. май, стр. 269—271.
(3) Тамже, 269. 277—278.

3½ милл. (въ томъ числѣ 1,987,500 р. изъ свѣчной же суммы) на исправленіе соборовъ, церквей, монастырей, училищныхъ зданій и въ пособіе подвергшемуся раззоренію духовенству (1). Въ 1814 г. сю выдано 10,000 р. на женское патріотическое общество (2). Въ слѣдующемъ году употреблено 197,000 р. въ пособіе казанскому духовенству и на обстройку церквей и зданія академіи въ Казани послѣ бывшаго здѣсь страшнаго пожара. Въ 1822 г. 25000 р. отпущено въ пособіе смоленскому духовенству по случаю неурожая. Въ 1823 г. 300,000 р. пожертвовано на выкупъ плѣнныхъ грековъ во время греческаго возстанія. Въ 1824 г. 700,000 р. пожертвовано на жителей столицы, потерпѣвшихъ отъ наводненія, въ томъ числѣ 200,000 р. на духовенство и чиновниковъ дух. вѣдомства. Не упоминаемъ тоже довольно крупныхъ расходовъ на содержаніе коммиссіи дух. училищъ, на устройство ей дома, на награды и пенсіи ея чиновникамъ и т. п. (3). Слѣдствіемъ всѣхъ указанныхъ недоборовъ и посторонних расходовъ изъ суммъ коммиссіи было то, что, какъ ни строго она слѣдовала программѣ комитетскаго проекта, какъ ни точно вела свои счеты, къ 1815 г., когда ея капиталъ долженъ былъ по разсчету комитета возрасти до 24,949,018 р., онъ едва могъ дойти до 15 милл., до такой суммы, процентами которой можно было покрывать расходы только по училищной части. Послѣ этого приступать къ выполненію другой части проекта, къ назначенію окладовъ церковнымъ причтамъ оказалось невозможнымъ и коммиссія ограничилась устроеніемъ одной училищной части. Самый капиталъ ея получилъ названіе въ собственномъ смыслѣ училищнаго.

Къ 1814 г. подготовлены были почти всѣ матеріалы къ расписанію церквей по классамъ, но самое

---

(1) П. С. З. 25191. 25275.
(2) Тамже, XXXII, 25658.
(3) Странн. 1862 г. окт. 290—298.

назначеніе классныхъ окладовъ получило совершенно другой видъ, чѣмъ предполагалъ комитетъ. Въ высочайше утвержденномъ докладѣ коммиссіи (27 авг. 1814 г.) было опредѣлено: а) предположенные классные оклады присвоить не церквамъ, а извѣстнымъ достойнымъ лицамъ, къ какимъ бы церквамъ они ни поступали; б) право на полученіе этихъ окладовъ давать лишь заслужившимъ по просвѣщенію своему степени докторовъ, магистровъ и кандидатовъ; в) доктору производить 500 р., магистру 350, кандидату 250 р. (ассигнац.); г) производство начинать со времени посвященія, а служащимъ при дух. училищахъ, если объявятъ желаніе принять св. санъ, и до посвященія въ дополненіе къ умѣреннымъ окладамъ ихъ жалованья [1]. Кромѣ этихъ окладовъ и упомянутыхъ нами единовременныхъ пособій да еще пенсіонныхъ выдачъ, о которыхъ сейчасъ скажемъ, духовенство такъ ничего и не получало изъ капитала коммиссіи до царствованія Николая Павловича, хотя для составленія этого капитала должно было отдать всѣ наличныя суммы своихъ церквей, изъ которыхъ прежде получало значительные доходы. Между тѣмъ, съузивъ свою задачу, коммиссія въ 1817 г. нашла возможнымъ покрывать свои расходы по училищамъ одними своими суммами безъ помощи государственнаго казначейства и, принимая во вниманіе затруднительное положеніе казны, согласилась на прекращеніе ежегодной 2-милліонной выдачи, испросивъ себѣ впрочемъ право обратиться къ монаршимъ щедротамъ въ случаѣ нужды [2]. Послѣ этого вопросъ о назначеніи окладовъ духовенству очевидно долженъ былъ закрыться безъ рѣшенія. Церковно-строительный капиталъ, который образовался изъ произведеннаго по комитетскому проекту отобранія церковныхъ суммъ въ банки за отдѣленіемъ изъ него извѣстной части на основаніе капитала училищнаго,

---

([1]) П. С. З. XXXII, 25658.

([2]) Страни. 1861 г. май, 272—273.

тоже не принесъ духовенству никакой пользы. Коммиссія употребляла его не на построеніе церковныхъ домовъ, какъ предначерталъ комитетъ, а на постройку главнымъ образомъ училищныхъ зданій и отчасти на устроеніе бѣдныхъ церквей, такъ что изъ его суммъ съ 1820 до 1860 г. выстроено едва ли не два только церковныхъ дома—Казанскаго собора (въ 1837 г.) и Николостолбовской церкви въ Москвѣ (1848 г.). Оба капитала очевидно составляли одинъ, покрывавшій главнымъ образомъ нужды учебныхъ заведеній, такъ что отдѣльное существованіе ихъ только усложняло бухгалтерскіе счеты постоянными переводами суммъ изъ одного въ другой. Въ 1862 г., какъ извѣстно, они и на самомъ дѣлѣ слились въ одинъ подъ названіемъ духовно-учебнаго (по ук. 22 марта) (1).

Кромѣ классныхъ окладовъ, выдававшихся духовнымъ лицамъ, имѣвшимъ ученыя степени, другимъ постояннымъ пособіемъ духовенству изъ суммъ учебнаго капитала, какъ мы сказали, была выдача пенсіонной суммы по указу 1823 г., назначенная въ количествѣ 150,000 р. (42858 серебр.) въ годъ къ отпуску въ новоучрежденныя тогда попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія (2). Къ этому времени въ св. Синодѣ скопилось нѣсколько представленій отъ епархіальныхъ архіереевъ, въ которыхъ послѣдніе выясняли всю неудовлетворительность принятыхъ до этого времени мѣръ къ обезпеченію осиротѣвшихъ духовныхъ семействъ, указывали на необходимость призрѣнія въ старости и самихъ священно-и-церковно-служителей, остававшихся обыкновенно безъ всякихъ средствъ пропитанія по оставленіи своего служенія. Въ тоже время министръ духовныхъ дѣлъ вошелъ въ св. Синодъ съ докладомъ, что число вдовъ и сиротъ дух. вѣдомства все увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и ихъ безпомощность, потому что сумма, существующая для ихъ

(1) Страни. 1862 г. ноябрь: Употребл. церк.-стр. капитала.
(2) Указъ объ учрежд. попечит. П. С. З. XXXVIII, 29583.

призрѣнія, остается таже, да притомъ на всѣхъ и не-простирается, что обязанность оказывать имъ пособія поступающихъ на мѣста ихъ мужей и отцевъ не выполняется какъ по возвышающейся на все дороговизнѣ, такъ и потому что большая часть занявшихъ эти мѣста обременены собственными семействами; на этомъ основаніи министръ предлагалъ предписать архіереямъ, чтобы они озаботились пріисканіемъ новыхъ болѣе достаточныхъ средствъ къ призрѣнію престарѣлыхъ духовныхъ лицъ, а также духовныхъ вдовъ и сиротъ, выражая надежду, что „точное свѣденіе мѣстныхъ обстоятельствъ и благодѣтельная попечительность безъ сомнѣнія откроютъ сіи источники, если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ". По указу св. Синода архіереи дѣйствительно представили свои соображенія по этому вопросу, но при этомъ большею частію останавливались на тѣхъ же средствахъ къ обезпеченію показанныхъ лицъ, какія были и прежде, мало указывая новыхъ, а изъ нѣкоторыхъ епархій прямо писали, что тамъ и никакихъ средствъ не оказалось. Получивъ эти свѣденія, св. Синодъ самъ составилъ новое положеніе о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія, которое въ 1823 г. и представилъ при докладѣ на утвержденіе государя. Признавая вполнѣ крайнюю нужду въ такомъ призрѣніи и изложивъ предшествовавшій ходъ дѣла по этому вопросу, положеніе входитъ потомъ въ разборъ доселѣ существовавшихъ средствъ призрѣнія духовенства какъ частныхъ—относительно нѣкоторыхъ классовъ духовенства, такъ и общихъ. Первыя оно признало неудовлетворительными и по ихъ скудости, и потому что они относились только къ соборному, городскому и военному духовенству, не касаясь массы сельскаго духовенства, которое особенно въ нихъ нуждалось. Изъ общихъ признано вполнѣ законнымъ и удовлетворительнымъ принятіе сиротъ мужескаго пола на казенное содержаніе въ училищахъ, а для сиротъ женскаго пола извѣстныхъ лѣтъ опредѣленіе въ просвирни на половинную долю причетни-

ческаго дохода или на особое доброхотное подаяніе отъ прихожанъ. Что касается до опредѣленія на мѣста престарѣлыхъ, больныхъ и умершихъ духовныхъ лицъ ихъ родственниковъ или посторонніхъ съ извѣстными обязательствами, а также до предоставленія церковныхъ мѣстъ за сиротами, для чего эти мѣста, прокармливая послѣднихъ, остаются на нѣкоторое время праздными, то Синодъ обѣ эти мѣры призналъ рѣшительно неудобными по извѣстнымъ уже намъ причинамъ, но оставилъ ихъ неотмѣненными, въ качествѣ средствъ, употребляемыхъ по необходимости. Не касаясь частныхъ средствъ, какъ то пенсій духовенства ружнаго изъ капитала московской типографіи и военнаго изъ государственнаго казначейства, а также пособій городскому духовенству, указанныхъ въ указѣ 1799 г., какъ средствъ уже принятыхъ закономъ, положеніе указало затѣмъ новыя пособія для призрѣнія бѣдныхъ всего вообще духовнаго званія; эти средства состояли въ томъ, что а) въ приходахъ предположено открыть добровольныя пожертвованія для бѣдныхъ духовнаго званія и завести книги для записи этихъ пожертвованій, б) съ тою же цѣлію учредить въ церквахъ особыя кружки и наконецъ в) ежегодно отдѣлять на этотъ предметъ указанную сумму во 150,000 р. изъ свѣчныхъ доходовъ. Для управленія дѣлами призрѣнія духовенства и расходованія суммъ предположено по всѣмъ епархіямъ открыть дух. попечительства изъ 3—6 лицъ бѣлаго, а въ случаѣ нужды и монашествующаго духовенства. Св. Синодъ представилъ при положеніи полный проектъ этихъ попечительствъ, ихъ состава и канцеляріи, съ подробнымъ начертаніемъ правилъ для ихъ собраній, занятій, сбора пожертвованій, храненія и расхода суммъ и отчетности въ нихъ; къ суммамъ попечительствъ причислены и нѣкоторыя прежнія суммы, указанныя въ 1799 г., какъ-то штрафныя по духовному вѣдомству и остатки отъ кладбищенскихъ доходовъ. 12 августа положеніе удостоилось высочайшаго утвержденія, и св. Синодъ немедленно

распорядился по всѣмъ епархіямъ 1) совершить молебствіе о здравіи его в—ва за оказанную духовенству милость, 2) открыть попечительства, 3) отослать въ нихъ изъ консисторій списки лицъ, требующихъ призрѣнія, и 4) самыя суммы на призрѣніе, какія есть въ наличности и какія будутъ поступать впослѣдствіи (1).

Не смотря на всю благодѣтельность новаго учрежденія, средства его однако съ самаго же начала оказались неудовлетворительными для своей цѣли. Попечительскія кружки оставались почти пустыми; пожертвованій по книгамъ тоже не было; штрафныхъ денегъ было мало, а кладбищенскіе доходы употреблялись на разныя украшенія кладбищенскихъ церквей, на люстры, колокола и т. п., какъ ни возставали иногда нѣкоторыя консисторіи противъ излишнихъ расходовъ на такого рода предметы. Болѣе важнымъ источникомъ призрѣнія оставались такимъ образомъ лишь тѣ 150,000 р., которые ассигновались на попечительства изъ свѣчныхъ суммъ; но, раздѣляясь на всѣ епархіи, эта сумма была очевидно недостаточна. Вотъ наприм. въ какомъ положеніи были дѣла попечительства въ тульской епархіи, состоявшей въ 3 классѣ. Изъ свѣчной суммы на него отпускалось 3000 р. на призрѣніе бѣдныхъ и 670 на попечительскую канцелярію; консисторія передала въ него своей старой суммы на призрѣніе бѣдныхъ 477 р. 70 к. и билетъ на 2600 р.; изъ пожертвованій поступило 100 р. отъ тогдашняго преосвящ. Дамаскина и 803 р. 82 к. отъ духовенства г. Тулы. Къ слѣдующему 1824 г. съ прибавленіемъ денегъ изъ другихъ источниковъ вся сумма попечительства дошла всего только до 5094 р. 54 к., кромѣ билета въ 2600 р. Расходъ на бѣдныхъ простирался до 4180 р. Къ 1825 г. всей суммы въ приходѣ съ остаткомъ было 8917 р. 44 к., въ 1826 г. 13978 р.

---

(1) П. С. З. XXXVIII, 29613.

и т. д. При такихъ средствахъ по множеству нуждавшихся въ пособіи дух. лицъ попечительство могло производить лишь малыя пособія въ 10—50 р. ассигнац., и то не всѣмъ просителямъ, а только нѣкоторымъ изъ нихъ съ крайней разборчивостію и послѣ тщательныхъ справокъ объ ихъ обстоятельствахъ, отказывая всѣмъ, у кого были родственники или небольшіе участки земли. Преосв. Дамаскинъ постоянно напоминалъ попечительству, чтобы оно оказывало пособія только „самобѣднѣйшимъ“ семействамъ и лицамъ и въ своихъ резолюціяхъ часто отказывалъ просителямъ, замѣняя для нихъ попечительское пособіе предоставленіемъ церковныхъ мѣстъ, а нѣкоторыхъ оставляя на попеченіи родныхъ или побуждая къ работѣ; наприм.: „у NN вдовы есть братъ дьякономъ, почему же брату не содержать сестру, могущую работать и помогать ему въ домашнихъ надобностяхъ“! или: „земля въ NN уѣздѣ хороша вообще,—отъ ней просители могутъ получать пропитаніе“; „отказать, потому что за сыномъ вдовы предоставлено мѣсто сторожа и данъ зять къ дочери“ (1). Такимъ образомъ учрежденіе попечительствъ очень мало служило къ измѣненію прежняго порядка вещей съ его такъ рѣзко осужденными въ положеніи о попечительствахъ средствами призрѣнія. Тоже было и во всѣхъ другихъ епархіяхъ. Съ теченіемъ времени съ возрастаніемъ дороговизны и увеличеніемъ числа нуждающихся, далеко превышавшимъ возрастаніе попечительскаго капитала, попечительства еще менѣе стали удовлетворять своей цѣли. Со стороны администраціи впрочемъ сдѣлано было все, чего можно было отъ нея требовать въ этомъ дѣлѣ. Поэтому положеніе о попечительствахъ оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ до позднѣйшаго времени, когда въ рѣшеніи вопроса о призрѣніи духовенства стало принимать дѣятельное участіе само духовенство (2).

(1) Тульск. епарх. вѣд. 1863 г. № 6.

(2) Полож. о попечительствахъ внесено было и въ Сводъ Зак. т. XIII.

Въ началѣ прошедшаго царствованія до 1828 г. со стороны правительства не видимъ никакихъ новыхъ мѣръ къ обезпеченію духовенства за изключеніемъ распоряженія 1827 г. объ ассигновкѣ ежегодной суммы изъ училищнаго капитала въ пособіе священно-и-церковно-служителямъ, лишающимся домовъ и имуществъ отъ пожаровъ. На первый разъ въ видѣ опыта указано выдѣлить на этотъ предметъ 25,000 р., потомъ указомъ 17 мая 1828 г. послѣдовало именное повелѣніе ежегодно отпускать 40,000 р. (ассиг.) (1). Надѣленіе причтовъ землею пошло нѣсколько успѣшнѣе и къ 1828 г. кончено въ губ. екатеринославской и херсонской; но этому дѣлу попрежнему мѣшали безконечные споры помѣщиковъ, такъ что многія церкви оставались безъ надѣла и въ обмежеванныхъ губерніяхъ. Нѣкоторыя епархіальныя начальства, особенно въ юго-западныхъ епархіяхъ, должны были предпринимать разныя искуственныя мѣры для обезпеченія церквей землями. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна дѣятельность полтавскаго преосв. Георгія Ящуржинскаго (1824—1830), который имѣлъ за правило неиначе удовлетворять просьбамъ прихожанъ о разныхъ церковныхъ постройкахъ и передѣлкахъ, а также о посвященіи разныхъ новыхъ членовъ приходскаго клира, какъ подъ условіемъ съ ихъ стороны обязательства объ отводѣ земли къ ихъ церкви или добавленія неполныхъ земельныхъ дачъ. Этимъ средствомъ онъ успѣлъ снабдить землями чуть не половину церквей своей епархіи. Кромѣ того имъ сдѣлано было общее распоряженіе по епархіи, чтобы изъ денежныхъ доходовъ всѣхъ вакантныхъ священно-служительскихъ мѣстъ половина шла по обычаю въ пользу семействъ наслѣдниковъ этихъ мѣстъ, а изъ другой половины за отдѣленіемъ четверти временно служащему на мѣстѣ остальное отсылалось въ консисторію для составленія

---

(1) 2 Собр. зак. II, 1081. III, 2034.

капитала на покупку земель церквамъ, остающимся безъ надѣла. Такъ скоплено было до 15,000 р. (ассигнац.). Къ сожалѣнію эта сумма не пошла по назначенію; еще при немъ же на эти деньги были выстроены у каѳедральнаго собора лавки, съ которыхъ соборъ сталъ получать ежегодно до 1000 руб.; этотъ расходъ предполагалось впослѣдствіи выплатить, но съ переводомъ преосвященнаго въ Архангельскъ деньги духовенства такъ и пропали. Извѣстны также его довольно успѣшныя дѣйствія противъ присвоенія церковныхъ земель помѣщиками, съ которыми онъ вступилъ въ серьезныя столкновенія за церковное достояніе (¹).

Съ 1828 г. правительство энергично взялось за дѣло обезпеченія духовенства. 11 января вышелъ именной указъ, въ которомъ говорилось: „въ постоянномъ нашемъ попеченіи о благѣ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ состояніе духовенства всегда привлекало на себя особенное наше вниманіе... Мы всегда желали, чтобы чинъ духовный имѣлъ всѣ средства и ко образованію юношества, церкви посвящаемаго, и къ прохожденію служенія его съ ревностію и свойственнымъ ему достоинствомъ, не препинаясь заботами жизни и безбѣднаго своего содержанія. Изъявивъ уже въ разныхъ случаяхъ св. Синоду мысль и волю нашу о сихъ важныхъ предметахъ, мы признали за благо симъ снова повелѣть, дабы св. Синодъ неукоснительно представилъ намъ способы, какіе найдетъ онъ нужными съ одной стороны къ успѣшнѣйшему образованію духовнаго юношества, а съ другой, дабы лица, духовн. званію себя посвящающія, особливо же приходскаго духовенства, обезпечены были въ средствахъ содержанія ихъ вездѣ и особенно въ приходахъ бѣдныхъ“ (²). Вслѣдствіе этого повелѣнія св. Синодъ въ слѣдующемъ

(¹) Дѣят. арх. Георгія. Страни. 1868 г. кн. XII.
(²) 2 Собр. зак. III, 1197.

году представилъ государю докладъ съ положеніемъ объ усиленіи способовъ къ образованію духовнаго юношества и обезпеченію приходскихъ причтовъ, которое по утвержденіи государемъ и было публиковано указомъ отъ 6 декабря 1829 г. (1).

Въ началѣ положенія говорилось о мѣрахъ касательно опредѣленія къ мѣстамъ новыхъ священниковъ только изъ кончившихъ курсъ семинарій и академій. За тѣмъ II отдѣленіе его излагало правила о надѣленіи церквей землями и постепенномъ устроеніи для причтовъ церковныхъ домовъ. „Поелику многія сельскія церкви не снабжены еще полнымъ узаконеннымъ количествомъ земли, а при иныхъ церквахъ отмежеванныя земли по разнымъ случаямъ состоятъ въ спорѣ, то подтверждается, чтобы гражданскія начальства отмежеваніе церквамъ узаконеннаго количества земли и дополненіе оной, гдѣ не достаетъ въ сіе количество, равно рѣшеніе спорныхъ о таковыхъ земляхъ дѣлъ производили неопустительно и немедленно, и чтобы за тѣмъ какъ земли сего рода, такъ и другія, гдѣ есть, при церквахъ угодья оставались навсегда неприкосновенною церковною собственностію и ограждаемы были отъ всякихъ посторонннхъ притязаній". Согласно съ этимъ характеромъ церковной земли ее не велѣно возвращать прежнимъ владѣльцамъ, изъ дачъ которыхъ она къ церкви приписана, и по упраздненіи церкви, а приписывать къ другой церкви, къ которой отойдетъ приходъ упраздненной, какъ это было опредѣлено еще въ 1808 г. „Къ вящшему усиленію способовъ содержанія духовенства въ имѣніяхъ казенныхъ" постановлено земельные надѣлы церквамъ увеличивать до полуторной, двойной и тройной пропорціи противъ обыкновеннаго 33-десятиннаго надѣла, смотря по количеству земли у казенныхъ крестьянъ. На казенныхъ горныхъ и соляныхъ заводахъ, въ мѣстностяхъ обильныхъ

---

(1) 2 Собр. зак. IV, 3323.

землею, положена тройная пропорція — 99 десятинъ. На частныхъ горныхъ заводахъ, имѣющихъ пособіе отъ казны, и на поссессіонныхъ фабрикахъ тоже. При этомъ опредѣлено, чтобы каждая и обыкновенная и увеличенная пропорція земли нарѣзывалась на каждый причтъ, хотя бы ихъ было нѣсколько при одной церкви, и подтверждены прежнія правила касательно близости земли къ погостамъ, способности ихъ къ хлѣбопашеству и неотводѣ лучшихъ земель, на обработку коихъ крестьяне употребили значительный трудъ или иждивеніе, а также мельницъ, рыбныхъ ловель, особенной важности оброчныхъ статей и лѣсовъ. Надѣленіе положено производить въ мѣстахъ, гдѣ производится генеральное межеваніе, немедленно, а въ прочихъ постепенно чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ, не отвлекая ихъ отъ другихъ занятій. Относительно церковныхъ домовъ сказано только, чтобы приходы ихъ „постепенно и по возможности“ строили, т. е. почти ровно ничего не сказано.—Для причтовъ бѣдныхъ приходовъ положеніе не придумало никакихъ другихъ средствъ, кромѣ окладовъ жалованья изъ казны. Гдѣ можно, бѣдныя церкви велѣно упразднять или приписывать къ другимъ, а гдѣ нельзя, тамъ ходатайствовать предъ св. Синодомъ о назначеніи вспомогательнаго оклада отъ 300 до 500 р. на причтъ, смотря по надобности. Вспомогательный окладъ по усмотрѣнію архіерея и по согласію причта долженъ былъ обычнымъ образомъ дѣлиться между священникомъ и причетниками (дьяконамъ въ такихъ причтахъ быть не полагалось) или же идти на одного священника; причетникамъ въ замѣнъ доли изъ него должна была отдаваться вся земля, нарѣзанная церкви, такъ какъ „они болѣе имѣютъ удобства вести жизнь рабочую, а священникъ болѣе имѣетъ надобности беречь время для занятій духовныхъ“. Окладъ должно было прекращать, какъ скоро церковь выходила изъ ряда нуждающихся; при этомъ положеніе указало довольно ненадежное средство къ удостовѣренію въ перемѣнѣ состоянія прихода: — каждый разъ, какъ въ

цемъ открывалось при церкви вакантное мѣсто, полагалось не замѣщать его въ теченіи трехмѣсячнаго срока въ ожиданіи, не подастъ ли какой-нибудь достойный кандидатъ прошенія на него безъ требованія вспомогательнаго оклада,—„сіе послужитъ признакомъ, что церковь не есть болѣе нуждающаяся".

Съ 1830 г. положеніе это начало приводиться въ исполненіе. Отводъ земель на причты въ періодъ времени отъ изданія положенія до 1843 г. по генеральному межеванію произведенъ въ губерніяхъ саратовской, вятской, оренбургской, пермской и таврической. Но надѣленіе ими причтовъ по частному межеванію производилось какъ видно изъ отчетовъ за эти годы синодальнаго оберъ-прокурора, попрежнему довольно вяло. Нарѣзка земли въ увеличенномъ размѣрѣ назначалась во-первыхъ для тѣхъ мѣстностей, гдѣ много земли и гдѣ она поэтому самому доставляетъ мало дохода да и неудобна къ воздѣлыванію по недостатку рабочихъ рукъ, а во 2-хъ большею частію „по мѣрѣ возможности", т. е. подъ такимъ условіемъ, которое всегда мѣшало въ подобныхъ дѣлахъ. Не знаемъ, какъ шла эта нарѣзка въ приходахъ, гдѣ она была обязательна, въ селеніяхъ казенныхъ крестьянъ, но и здѣсь многія церкви не получили увеличенныхъ надѣловъ „за споромъ обывателей". Объясненіе этой фразы можно видѣть въ разсказѣ одного крестьянина: „пріѣхалъ землемѣръ на въѣзжую, позвалъ выборнаго, велѣлъ кликнуть человѣкъ 5 коштановъ, предложилъ имъ объ отрѣзкѣ подъ церковь второй пропорціи земли, получилъ отъ міра 100 руб. и уѣхалъ; черезъ годъ или черезъ два пріѣхалъ другой и просилъ столько же, крестьяне дали только 25 руб. и землемѣръ отрѣзалъ полпропорціи подъ церковь, т. е. 15 десятинъ земли и 1½ дес. луговъ, а не полную пропорцію за споромъ обывателей" (1). Въ югозападномъ краѣ дѣло надѣленія церк-

(1) Дух. Вѣсти. 1865 г. т. X, 555.

вей землями шло еще хуже, чѣмъ прежде, потому что помѣщики поляки теперь были очень злы на православное духовенство за его противодѣйствіе неудавшемуся польскому бунту 1830—1831 гг. Вотъ наприм. какіе факты узнаемъ изъ вѣдомости 1831 г. протоіерея Скворцова, приготовленной для отсылки въ св. Синодъ послѣ обозрѣнія этимъ протоіереемъ подольской епархіи. Церкви православныя были запущены, потому что помѣщики не дозволяли крестьянамъ работать на нихъ, отнимали самые матеріалы на церковныя постройки для своихъ корчемъ и винокуренъ. По эрекціямъ у духовенства было прежде земель болѣе 33-десятинныхъ пропорцій, но помѣщики много изъ нихъ присвоили себѣ, кромѣ того дѣлали частые перемѣры ихъ, мѣняя одни участки на другіе и тоже съ уменьшеніемъ прежняго количества. Коммиссія о спорныхъ земляхъ дѣйствовала слабо и недобросовѣстно, мирволя помѣщикамъ; землемѣры были тоже съ ними заодно и перемѣняли въ ихъ пользу почти всѣ хорошія земли причтовъ на худшія. Нерѣдко это дѣлалось и съ согласія самихъ священниковъ; одинъ священникъ изъ неученыхъ, чтобы попасть на мѣсто, письменнымъ договоромъ уступилъ помѣщику 50 десятинъ церковной земли за 27; такъ дѣлали и многіе другіе. Особенно часто отнимались у церквей лѣса, потому что въ старыхъ эрекціяхъ были показаны еще кустарникомъ или вовсе не упомянуты. Въѣздъ въ лѣсъ, рыбная ловля и т. п. права были давно уже отняты у духовенства. Наконецъ помѣщики вовсе запрещали своимъ крестьянамъ работать на поповъ, такъ что послѣдніе должны были нанимать себѣ работниковъ уже по чужимъ приходамъ. Со стороны духовенства поднялось множество тяжбъ, но отъ этихъ тяжбъ оно только приходило въ нищету и подвергалось еще большимъ гоненіямъ отъ своихъ пановъ. Тяжбы эти всегда рѣшались въ пользу помѣщиковъ, а если восходили до высшихъ начальствъ и получали тамъ рѣшеніе благопріятное для духовныхъ истцовъ, то мѣстныя власти

этимъ рѣшеніемъ пренебрегали. О заведеніи для причтовъ церковныхъ домовъ при такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи; дьяки еще кое-какъ помѣщались въ своихъ школкахъ, а священники строили себѣ лачуги въ родѣ крестьянскихъ, крытыя соломою, безъ половъ и трубъ (1).

Всего полезнѣе для духовенства оказывались назначенные положеніемъ оклады денежнаго жалованья; но они были очень небольшіе и чуть-чуть соотвѣтствовали только своему спеціальному названію „вспомогательныхъ“. Тѣмъ же указомъ, при которомъ разослано положеніе, велѣно было, начиная съ 1830 г., отпускать изъ государственнаго казначейства въ распоряженіе св. Синода по 500,000 р. ежегодно „съ тѣмъ, чтобы сумма сія ни на какіе другіе предметы не была обращаема и чтобы къ оной прилагаемы были для тогожe употребленія и всѣ остатки, какіе могутъ быть изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи коммиссіи дух. училищъ“. Сумма эта съ 1830 г. дѣйствительно отпускалась въ распоряженіе св. Синода. Въ 1839 г. изъ нея назначены были оклады 1499 бѣднымъ приходамъ (преимущественно въ западныхъ—минской, могилевской и волынской губерніяхъ) (2). Коммиссія дух. училищъ до 1834 г. отпускала изъ своихъ остатковъ всего до 700 р., а съ этого времени стала давать больше; такъ въ 1834 г. изъ училищнаго капитала было отпущено на вспомогательные оклады 56,321 р. 20 к., въ 1835 г. — 55,159 р. 57 к.; въ слѣдующемъ году отпускъ увеличился еще болѣе вслѣдствіе назначенія вспомогательнаго жалованья духовенству, обращавшемуся изъ уніи въ полоцкой епархіи,—выдано 75,067 р. 33 к.; въ 1837 — 97,551 р.

(1) Подольск. еп. вѣд. 1863 г. № 17: Жизнеопис. преосв. Кирилла. Сравн. 2 Собр. зак. IX, ук. 1834 сент. 10.

(2) Отч. оберъ-прок. за 1839 г. стр. 65.

32 к.; въ 1838—107,277 р. 48 к.; въ 1839—105,322 р. Потомъ выдача денегъ изъ училищнаго капитала быстро понизилась вслѣдствіе распространенія между сельскимъ духовенствомъ казеннаго жалованья; въ 1840 г. выдано всего 30,745 р. 38 к. (1). Цифры эти невольно заставляютъ насъ оглянуться назадъ къ проекту комитета 1808 г., который сулилъ на жалованье духовенству 7,100,400 р., такую сумму, предъ которой дѣйствительныя и притомъ наибольшія ассигновки изъ составленнаго по этому проекту капитала, даже вмѣстѣ съ классными окладами (до 250,000 р.), выдававшимися ученому духовенству, составляютъ едва только двадцатую долю. Съ другой стороны ассигновка суммы на вспомогательные оклады изъ казны показываетъ, что въ 1817 г. государственное казначейство совершенно напрасно раньше времени прекратило отпускъ предначертанной комитетомъ суммы для составленія постояннаго капитала на обезпеченіе духовенства; безвременная мѣра сбереженія оказалась невыгодною для него же самого, сдѣлавши необходимою, вмѣсто одновременной, разсроченной на нѣсколько лѣтъ ассигновки денегъ, ассигновку постоянную, ежегодную. На первый разъ послѣдняя была еще незначительна; но скоро настало время, когда потребовалось каждогодно ее увеличивать, чтобы постепенно довести ее до тѣхъ же и даже еще большихъ размѣровъ, въ какихъ комитетъ предполагалъ производить выдачу жалованья духовенству изъ проектированнаго имъ спеціальнаго капитала безъ обремененія казны.

Еще въ 1838 г. по высочайшему повелѣнію учрежденъ былъ особый совѣщательный комитетъ подъ руководствомъ синодальнаго оберъ-прокурора и министра внутреннихъ дѣлъ для изысканія новыхъ средствъ къ

---

(1) Отчеты об.-прокурора и Страни. 1861 г. іюнь, 319—350.

обезпеченію сельскаго духовенства (1). Обозрѣвъ всѣ древнѣйшіе уставы церкви и законодательства христіанскихъ государствъ касательно содержанія духовенства, а равно и мѣры къ тому же, предпринимавшіяся съ начала XVIII столѣтія въ Россіи, показавъ причины ихъ несостоятельности и собравъ нужныя свѣденія о состояніи и нуждахъ всѣхъ причтовъ въ имперіи, комитетъ составилъ новое положеніе о способахъ и источникахъ обезпеченія приходскаго духовенства, направляясь въ этой работѣ къ той цѣли, чтобы поставить сельскіе причты въ независимость отъ прихожанъ, возвысить ихъ нравственное достоинство и вмѣстѣ съ тѣмъ усилить ихъ нравственное вліяніе на прихожанъ. Новое положеніе, какъ и прежнее, тоже главнымъ образомъ остановилось на окладахъ казеннаго жалованья и на снабженіи духовенства домами и землями, но при этомъ первые значительно увеличило, а правила о домахъ и земляхъ изложило съ большею подробностію и опредѣленностію.

Обращеніе въ 1839 г. къ православію уніатскихъ приходовъ 8 западныхъ епархій побудило правительство ускорить работы комитета и направить ихъ прежде всего къ обезпеченію духовенства именно этихъ западныхъ епархій. Въ концѣ 1841 г. именнымъ указомъ велѣно было отобрать у присоединеннаго духовенства всѣ недвижимыя населенныя имѣнія въ казну, а вмѣсто нихъ на содержаніе каѳедръ, соборовъ и монастырей составить штаты (2); въ тоже время впредь до распространенія мѣръ обезпеченія сельскаго духовенства на всѣ части имперіи государь указалъ внести въ смѣту государственныхъ расходовъ по духовному вѣдомству къ ежегодному отпуску 415,000 р. сер. на содержаніе бѣднѣйшихъ причтовъ литовской, минской, полоцкой, могилевской и сѣверныхъ уѣздовъ волын-

---

(1) Отч. оберъ-прок. за 1839 г. стр. 48—49.
(2) 2 Собр. зак. XVI, 15152. XVII, 15470.

ской епархіи. 4 апрѣля 1842 г. утверждены были самыя правила о штатныхъ окладахъ для означенныхъ епархій, по которымъ вся ассигнованная сумма распредѣлялась между тамошними сельскими причтами въ видѣ постояннаго жалованья по классамъ сообразно съ числомъ душъ муж. пола въ каждомъ приходѣ отъ 140 до 576 р. Всѣхъ классовъ назначено 7: къ I отнесены приходы отъ 2000 до 3000 душъ съ нормальнымъ штатомъ причта въ 7 человѣкъ (2 священника, дьяконъ, 2 дьячка, пономарь и просвирня), ко II—имѣющіе 1500—2000 душъ съ причтомъ въ 6 человѣкъ (тѣже безъ пономаря), къ III — 1000 — 15000 душъ съ причтомъ изъ 4-хъ человѣкъ (священникъ, дьяконъ, дьячекъ и просвирня), къ IV—приходы въ 700—1000 д. съ причтомъ тоже изъ 4 человѣкъ, къ V—въ 400—700 д. съ такимъ же причтомъ, къ VI и VII имѣющіе 100 — 300 д. съ причтомъ изъ одного священника и дьячка. Приходы, имѣющіе менѣе 100 душъ, и церкви безприходныя, какъ неимѣющія особенныхъ правъ на самостоятельное существованіе, въ штаты не вошли. Жалованья священнику въ первыхъ 3-хъ классахъ назначено 180 р., въ IV—160, въ V—140, въ VI—120, въ VII—100; прочіе члены причта получали одинаковые оклады,—дьяконъ 80 р., дьячекъ 40, пономарь 32, просвирня 24. Кромѣ жалованья назначены были единовременныя пособія въ 30 р. серебр. каждому вновь опредѣляющемуся или переводимому на другое мѣсто священнику на первоначальное обзаведеніе. Производство окладовъ велѣно начать съ 1 мая 1841 г.; недоданное жалованье за январскую треть года положено въ основу капитала, назначавшагося для единовременныхъ пособій; для увеличенія его назначены постоянный вычетъ изъ выдававшагося жалованья въ количествѣ 2% съ рубля и всѣ остатки отъ годовой суммы. Св. Синодъ получилъ право по усмотрѣнію нужды переносить оклады одного причта на другой подъ однимъ условіемъ, чтобы всѣ издержки не превышали общей штатной суммы, а производив-

шіеся доселѣ вспомогательные оклады съ причтовъ, вошедшихъ въ штаты, распредѣлять на другіе причты бѣдныхъ приходовъ; потому эти вспомогательные оклады и не были включены въ штатное разчисленіе суммъ; нѣкоторые изъ нихъ, которые шли изъ училищнаго капитала, по мѣрѣ распространенія штатнаго жалованья на причты или вовсе слагались со счетовъ этого капитала или же обращались въ штатное жалованье (1). Къ этому нужно присовокупить еще то, что св. Синодъ при назначеніи штатнаго жалованья причтамъ могъ уменьшать его во вниманіе къ другимъ имѣющимся при церквахъ способамъ обезпеченія духовенства, къ землямъ, фундушевымъ недвижимымъ имѣніямъ и капиталамъ; такъ, при двойной пропорціи земли жалованье уменьшилось $^1/_3$-ю, при большей—$^1/_2$-ю; при доходѣ съ фундушей и съ капиталовъ не менѣе 25 р. въ годъ доходъ этотъ зачислялся въ счетъ жалованья.

20 іюля 1842 г. утверждена другая часть положенія о снабженіи церквей западнаго края Россіи землями и церковными домами и о пособіяхъ прихожанъ духовенству (2). По правиламъ этого положенія при каждой церкви, въ приходѣ которой есть сельскіе жители, (не изключая церквей городскихъ, при которыхъ числится не менѣе 100 ревизскихъ душъ крестьянъ), должна быть земля въ законномъ количествѣ изъ приходскихъ дачъ; въ случаѣ же невозможности отвести землю прихожане обязывались назначить причту соразмѣрное вознагражденіе за нее деньгами или продуктами; земли эти должны составлять неприкосновенную церков-

---

(1) См. таблицу расходовъ этого рода изъ училищн. капитала въ Страни. 1861 г. іюнь, стр. 350. Каждогодный расходъ простирался отъ 7 до 11 милліоновъ до 1863 г.

(2) 2 Собр. зак. XVII, 15872. 15873. Отчет. об.-пров. за 1842 г. стр. 48—50. Въ Свод. зак т. IX, прибож къ ст. 323.

ную собственность, которою завѣдываетъ духовное начальство, а причты владѣютъ на правахъ пользованія, безъ права отчуждать ее, закладывать или мѣнять на другую;—права пользованія причтовъ опредѣлены подробными правилами, при чемъ положено, чтобы участокъ священника, не свыше впрочемъ 10 десятинъ обыкновеннаго священническаго надѣла, прихожане обработывали въ его пользу своими орудіями, получая отъ него только сѣмена для посѣва, или же чтобы по взаимному согласію удовлетворяли священника вмѣсто трудовъ деньгами и продуктами; прочимъ членамъ причта предоставлено обработывать свои участки самимъ. Правила о церковныхъ домахъ довольно энергично вмѣнили постройку, крупный ремонтъ и отопленіе этихъ домовъ въ непремѣнную обязанность прихожанъ, при чемъ собственные домы членовъ причта дозволено было оставлять въ частномъ владѣніи хозяевъ только въ томъ случаѣ, если они не мѣшали по мѣсту постройкѣ домовъ церковныхъ, въ противномъ случаѣ велѣно ихъ сносить на другія мѣста въ теченіе 6-мѣсячнаго срока или по желанію прихожанъ обращать покупкою въ церковные; владѣніе церковными домами тоже опредѣлено на основаніи права пользованія подъ условіемъ обязательной для владѣльцевъ мелкой починки ихъ, храненія въ цѣлости и чистотѣ и своевременной сдачи ихъ въ надлежащемъ видѣ преемникамъ; для вдовъ и сиротъ по смерти владѣльцевъ срокъ очистки этихъ домовъ для новыхъ владѣльцевъ назначенъ полугодичный.—За тѣмъ особо данными правилами для болѣе правильнаго и точнаго введенія всего положенія въ исполненіе въ каждой изъ епархій, гдѣ введены были штаты, учрежденъ особый губернскій комитетъ изъ архіерея, гражданскаго губернатора, предводителя дворянства и управляющаго палатою госуд. имуществъ. Комитеты эти обязаны были заниматься разсмотрѣніемъ всѣхъ необходимыхъ мѣстныхъ условій причтовъ и утвержденіемъ представленныхъ по этому случаю проектовъ, наблюдать за правильностію дѣйствій непо-

средственныхъ исполнителей предписанныхъ правилъ и вообще принимать всѣ мѣры къ скорѣйшему окончанію дѣла.

Въ 1848 г. именнымъ указомъ 15 мая велѣно внести на содержаніе сельскаго духовенства еще 1,000,000 р. сер. съ назначеніемъ этой суммы прежде всего на епархіи кіевскую, подольскую, 10 уѣздовъ волынской, а потомъ на петербургскую, новогородскую, псковскую и нѣкоторыя особенно нуждавшіяся мѣстности черниговской и полтавской. Оклады жалованья вездѣ велѣно назначать на основаніи общихъ нормальныхъ штатовъ, за изключеніемъ приходовъ Курляндіи и Лифляндіи, причислявшихся къ псковской епархіи, для которыхъ по мѣстной дороговизнѣ требовались высшіе оклады, и притомъ какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ; вслѣдствіе этого указомъ 18 декабря для усиленія средствъ содержанія церквей псковской епархіи велѣно на жалованье тамошнему городскому и сельскому духовенству обращать остатки отъ ассигнованнаго милліона рублей; изъ этихъ же остатковъ, а равно изъ прекращаемыхъ вспомогательныхъ окладовъ и руги для церквей, вошедшихъ въ штаты, положено назначать жалованье городскому духовенству западныхъ епархій. Если и за тѣмъ окажутся остатки, то ихъ назначено распредѣлять уже по усмотрѣнію Синода на причты внутреннихъ епархій [1]. Въ слѣдующемъ году введеніемъ жалованья въ остальныхъ мѣстностяхъ черниговской и полтавской губерніяхъ введеніе новыхъ штатовъ въ юго-западныхъ епархіяхъ было уже совсѣмъ закончено, по крайней мѣрѣ со стороны административныхъ распоряженій.

Всего благотворнѣе оказалось для духовенства юго-западнаго края назначеніе ему жалованья. По опи-

---

[1] Отч. об.-прокур. за 1843 г. стр. 43—45. 2 Собр. зак. XVIII, 16678. 16852. 17133. 17418. Отч. об.-прок. 1844 г. 48—50.

санію автора статьи о содержаніи духовенства кіевской епархіи до 1842 г. положеніе его было крайно скудное. Рѣдкій священникъ имѣлъ у себя въ запасѣ рублей 100 ассигнаціями; вся обстановка духовенства въ селахъ была чисто крестьянская,—избы безъ деревянныхъ половъ, вмѣсто стульевъ лавки и т. п. Чай употреблялся только въ болѣзни или для рѣдкаго какого-нибудь гостя, и то приготовленный не съ помощію самовара, который былъ необыкновенной рѣдкостью въ домѣ священника, а въ мѣдномъ чайникѣ или даже въ глиняномъ горшкѣ. Карманные часы можно было увидѣть только у одного уѣзднаго протоіерея. Съ назначеніемъ жалованья благосостояніе духовенства быстро поднялось, тѣмъ болѣе что духовенству пришлось получить свои оклады уже въ 1844 г. разомъ за два года, что дало ему возможность сдѣлать значительныя улучшенія въ своемъ хозяйствѣ. Къ этому присоединилось еще снабженіе его церковными домами; продажа собственныхъ домовъ тоже доставила ему значительные въ его положеніи капиталы, а постоянное церковное жилище съ отопленіемъ и приходскимъ ремонтомъ освободила его отъ множества тяжелыхъ прежде нуждъ и издержекъ, которыя оно теперь тоже могло обратить на улучшеніе своего матеріальнаго и нравственнаго быта. Надѣленіе причтовъ землею и обязательная обработка священническихъ участковъ прихожанами тоже могли бы принести громадную пользу, — всего важнѣе было бы то, что священники навсегда избавились бы отъ личныхъ земледѣльческихъ трудовъ, не должны были бы такъ усиленно и такъ безплодно, какъ прежде, хлопотать о пріисканіи себѣ работниковъ и терпѣть при этомъ различныя помѣхи и придирки со стороны экономій своихъ пановъ; но тутъ-то, большею частію отъ тѣхъ же пановъ и встрѣтились непреодолимыя препятствія къ осуществленію положенія 1842 г. Межеваніе земель затянулось такъ, что уже въ концѣ 1840-хъ и даже въ началѣ 1850-хъ годовъ ему еще и конца было не видно, да и тамъ,

гдѣ было кончено, окончилось значительными потерями для причтовъ. Наприм. въ 1851 г. многіе причты кіевской епархіи при исполненіи 33-десятинной нарѣзки землемѣрами были безмолвными свидѣтелями, какъ все излишнее количество земли сверхъ этой пропорціи, которое они теперь только увидали у себя во владѣніи, было отъ нихъ отписано въ другія руки; дѣло состояло въ томъ, что прежній отводъ земли при ими. Александрѣ производился для нихъ польскою мѣрою (2 морга за десятину) нѣсколько большею русской, а новое межеваніе совершалось по русскимъ десятинамъ (1). Были и другіе болѣе явные захваты церковной земли, которые породили длинныя тяжбы между священниками и дворянами, тяжбы, производившіяся со всѣми кляузами и крючками тогдашняго дѣлопроизводства и кончавшіяся большею частію въ пользу помѣщиковъ; сторону духовенства держала, можно безъ преувеличенія сказать, одна только высшая администрація, до которой дѣла подобнаго рода доходили иногда по апелляціямъ (2). Приведеніе въ исполненіе правилъ объ обработкѣ крестьянами священническихъ участковъ и отчасти о церковныхъ домахъ повело къ очень печальному разладу между духовенствомъ и его прихожанами, обременивъ послѣднихъ новой „панщиной на попа“. Въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ оно началось послѣ 1847 г. и какъ разъ совпало со временемъ введенія тамъ извѣстныхъ Бибиковскихъ инвентарей, которыми опредѣлялись повинности крестьянъ на помѣщиковъ и права послѣднихъ на крѣпостную работу и которые привели въ страшное раздраженіе всѣ панскія экономіи, отнявъ у нихъ прежнюю свободу угнетать несчастныхъ хлоповъ. Раздраженіе это опрокинулось пуще всего на поповъ, на которыхъ возложена была обязанность быть хранителями инвен-

---

(1) Руков. для сельск. паст. 1850 г. № 9.

(2) См. напр. Кіевск. епарх. вѣдом. 1864 г. № 13.

тарныхъ положеній и толкователями ихъ народу. Своими доносами на духовенство въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунтамъ и въ неправильномъ толкованіи инвентарей экономіи заставили священниковъ бояться даже буквальнаго чтенія параграфовъ инвентарей крестьянамъ, а послѣдніе въ свою очередь стали подозрѣвать духовенство въ обманахъ и въ стачкѣ съ панами. Можно представить, что за отношенія къ духовенству должны были возникнуть въ сельскихъ приходахъ, когда здѣсь стала еще вводиться новая панщина на попа. Исполнители положенія 1842 г., можно сказать, все употребили для того, чтобы сдѣлать эту панщину ненавистнѣе народу. Раскладка сборовъ на постройку домовъ и наряд изъ экономій на поповскія работы были крайне неравномѣрны. Сама по себѣ эта панщина была очень не тяжела;—на священника приходилось отработать всего одинъ день въ году и то не всѣмъ; но экономіи нарядали крестьянина на эту работу какъ нарочно въ то время, когда онъ, проработавъ цѣлую недѣлю на пана, только лишь хотѣлъ на послѣдній день заняться хозяйствомъ на своей совсѣмъ уже высохшей нивѣ, нѣкоторыхъ крестьянъ вовсе не заставляли работать, а другихъ гоняли на попову землю цѣлый по 5. Много вредили благотворности положенія 1842 г. и сами начальства, вводившія его въ исполненіе. Въ тогдашнее время администрація была груба во всѣхъ своихъ пріемахъ, къ мужикамъ относилась въ господствовавшемъ тогда духѣ крѣпостнаго права, и уже разумѣется, ей и въ голову не приходило постараться, чтобы вводимыя въ дѣло правила были ясны для сельскихъ приходскихъ общинъ; послѣднія вовсе не участвовали ни въ назначеніи съ нихъ сборовъ на церковные дома, ни въ разверсткѣ работъ на священниковъ; непосредственнымъ исполнителямъ указа—панамъ и экономамъ можно было дѣлать съ нимъ, что угодно. Многіе священники скоро поняли свое опасное положеніе среди такихъ обстоятельствъ и старались сами отстранять отъ себя обя-

зательныя услуги прихожанъ, не напоминая имъ ни о домахъ, ни о работахъ и по старому приглашая къ себѣ ихъ только на толоку (1).

На приходы всѣхъ другихъ епархій, кромѣ юго-западныхъ, правила объ обработкѣ священническихъ участковъ и обязательной для прихожанъ постройкѣ церковныхъ домовъ не простирались, такъ что дѣло обезпеченія причтовъ, начавшееся здѣсь съ 1844 г., ограничилось лишь постепеннымъ распространеніемъ на нихъ окладовъ штатнаго жалованья. Съ этою цѣлію именными указами ежегодно повелѣвалось вносить въ смѣту расходовъ по дух. вѣдомству новыя прибавки—съ 1842 по 1845 г. по 250,000 р. сер., а съ 1846 г. по 100,000. При назначеніи окладовъ въ основаніи полагались тѣже нормальные штаты по 7 классамъ, какъ и для западныхъ епархій, съ небольшими измѣненіями въ окладахъ. Св. Синодъ заблаговременно посылалъ преосвященнымъ тѣхъ епархій, которыя были на очереди для введенія жалованья духовенству, указы, чтобы они озаботились постепеннымъ приведеніемъ сельскаго духовенства въ соотвѣтствіе съ требованіями штатовъ чрезъ перемѣщеніе излишнихъ духовныхъ лицъ на мѣста праздныя или имѣющія упраздниться (2). Изъ годовыхъ отчетовъ синодальныхъ оберъ-прокуроровъ узнаемъ, что въ 1844 г., кромѣ черниговской и полтавской епархій, жалованье сельскимъ причтамъ введено въ епархіи олонецкой и двухъ уѣздахъ (кольскомъ и кемскомъ) архангельской; въ 1845—въ остальныхъ ея уѣздахъ и епархіяхъ казанской, астраханской, кавказской и оренбургской; въ 1846—въ херсонской и 6 уѣздахъ екатеринославской; 1847 — въ смоленской; 1848—въ остальныхъ 3 уѣздахъ екатеринославской и въ 6 харьковской, въ 1849—въ остальныхъ 5 уѣздахъ харьковской, въ березовскомъ округѣ тобольской,

(1) Кіевск. еп. вѣд. 1862 г. № 7.
(2) Отч. оберъ-прокур. 1846 г. стр. 38—39.

5 округахъ (верхне-удинскомъ, нерчинскомъ, нерчинско-заводскомъ, троицко-савскомъ и киренскомъ) иркутской и въ якутской области; въ 1850 г.—въ остальныхъ округахъ иркутской и въ калужской епархіи; въ 1851—въ самарской, царевскомъ уѣздѣ астраханской и въ остальныхъ округахъ тобольской; въ 1852—въ томской и 7 уѣздахъ пермской; въ 1853—въ остальныхъ 5 уѣздахъ пермской и въ 6 саратовской; въ 1854—въ остальныхъ саратовской и въ 5 вологодской; въ 1855—въ остальныхъ вологодской и въ 7 костромской. Всего на всего до конца прошедшаго царствованія надѣлено окладами 57,035 священно-и-церковно-служителей при 13862 церквахъ въ 33 епархіяхъ, причемъ отпускъ суммъ изъ государственнаго казначейства возросъ въ 1855 г. до 3,139,697 р. 86 к. сер.—Въ 1845 г. произведена перемѣна въ сосостояніи всѣхъ суммъ, употреблявшихся въ пользу церквей. До этого времени въ распоряженіи св. Синода на этотъ предметъ было три суммы: на ружное содержаніе по штатамъ 1764 г., на вспомогательные оклады по ук. 1829 г., и на жалованье по положенію 1842 г.; для большаго удобства въ вычетахъ, употребленіи остатковъ и отчетности къ 1 янв. 1845 г. всѣ эти суммы были соединены въ одну общую сумму „на содержаніе городскаго и сельскаго духовенства“. Приведенная цифра отпуска на духовенство изъ казны обнимаетъ поэтому расходы изъ всѣхъ этихъ суммъ, за изключеніемъ только особыхъ расходовъ изъ учебнаго капитала, которые въ 1855 г. простирались до 11479 р. 84¼ к. (¹).

Обезпеченіе духовенства казеннымъ жалованьемъ продолжало распространяться и въ настоящее царствованіе Въ 1856 г. штатные оклады введены въ 5 уѣздахъ костромской и 3-хъ пензенской епархій; въ 1857—въ остальныхъ 7 уѣздахъ пензенской и 3-хъ тверской;

(¹) См. Отчеты об.-прокур. за соотвѣтствующіе годы.

въ 1859—1860 увеличено содержаніе духовенству эстляндской губерніи, введены оклады въ другихъ уѣздахъ тверской епархіи, назначено ежегодное пособіе причтамъ бѣдныхъ или зараженныхъ расколомъ приходовъ нижегородской епархіи и кромѣ того жалованье городскому духовенству всей епархіи херсонской, въ уѣздныхъ городахъ харьковской, въ Тобольскѣ и Тарѣ и нѣкоторыхъ церквей Кизляра и Моздока; въ 1861 г. введены въ штаты причты 50 церквей въ разныхъ епархіяхъ. На 1862 г. предположено было отпустить изъ казны 3,727,987 р. 45 к. Сумма эта должна была распредѣлиться между 17,547 причтами, которые входили въ штаты, между тѣмъ общее число причтовъ въ имперіи доходило до 37000; мѣра, предпринятая съ 1842 г., не успѣла такимъ образомъ обнять даже половины всего числа бѣлаго духовенства, и государственному казначейству предстояли впереди еще болѣе чувствительные расходы, а между тѣмъ съ теченіемъ времени цифра штатнаго жалованья, можетъ быть, очень достаточная прежде, становилась все болѣе и болѣе неудовлетворительною. На каждаго священника среднимъ числомъ приходилось всего по 105—107 р. въ годъ; не забудемъ, что съ самаго начала введенія окладовъ казеннаго жалованья неоднакратно подтверждалось принятое въ 1842 г. правило, чтобы обезпеченные этимъ жалованьемъ причты исправляли безмездно всѣ важнѣйшія христіанскія требы, довольствуясь даяніями прихожанъ только за такъ называемыя добровольныя требоисправленія. Въ началѣ 1860-хъ годовъ въ нашей журналистикѣ появилось нѣсколько статей, въ которыхъ выражалось желаніе, чтобы оклады казеннаго жалованья духовенству были увеличены, при чемъ по самымъ умѣреннымъ требованіямъ ассигновка денегъ на жалованье всѣмъ причтамъ изъ казны должна была возрасти до 28—30 милліоновъ рублей въ годъ. Жалованье очевидно все болѣе и болѣе получало значеніе только вспомоществованія отъ правительства,—неболѣе, и духовенство по неволѣ должно было

и при немъ обращаться къ прежнимъ средствамъ своего содержанія,—къ платѣ за требы. Само начальство ничего не могло сдѣлать противъ этого. Въ 1840-хъ годахъ оно энергично было стало слѣдить за исполненіемъ правила о безмездномъ совершеніи необходимыхъ требъ; въ деревняхъ прибивались даже объявленія, чтобъ никто не давалъ священникамъ платы за эти требы; поднялось множество дѣлъ о вымогательствѣ духовенства. Но потомъ всѣ увидѣли, что это правило невыполнимо, особенно когда слѣдствія по подобнымъ дѣламъ обнаружили, что причты рѣдко отказывались безмездно совершать требы въ церквахъ, но не могли не требовать платы, когда съ требой нужно было ѣхать за нѣсколько верстъ на своей подводѣ. Объ этихъ подводахъ еще никогда не было и рѣчи въ распоряженіяхъ начальства, за исключеніемъ только назначенія прогоновъ на разъѣзды по требамъ для духовенства въ военномъ и таможенномъ вѣдомствахъ (3—4 лошади) (1). Въ послѣднее время ревность начальствъ къ преслѣдованію духовенства за взиманіе платы за требы совершенно охладѣла.

Земельное обезпеченіе причтовъ тоже оказывалось мало удовлетворительнымъ. Кромѣ того, что среди духовенства никогда не переставала высказываться мысль о неприличіи и неудобствѣ этого способа обезпеченія для свящ. сана, надѣлы землей не могли не возбуждать недовольства между духовными лицами по самому уже своему количеству. Обыкновенный надѣлъ священника не превышаетъ надѣла крестьянина, имѣющаго троихъ сыновей, а причетникъ, какъ бы ни велико было его семейство, надѣленъ почти одинаково съ мужикомъ одиночкой. Въ епархіяхъ западной Россіи къ этому еще присоединялись извѣстныя намъ неудобства приходскихъ повинностей въ пользу духовенства. Вотъ почему и въ обществѣ, и среди духовенства, и въ

(1) Отч. об.-прокур. 1846 г., стр. 43.

правительственной сферѣ все съ большей и большей настойчивостью поднимался вопросъ о реформахъ въ способахъ обезпеченія духовенства. Дѣло опять началось за западныхъ епархій. Въ 1859 г. при св. Синодѣ съ Высочайшаго разрѣшенія открытъ особый комитетъ съ цѣлію пересмотрѣть положеніе 1842 г. Комитетъ этотъ нашелъ, что опредѣленные тогда способы обезпеченія духовенства западныхъ губерній посредствомъ обработки прихожанами церковной земли, постройки причтамъ домовъ и другихъ повинностей были неудобны во многихъ отношеніяхъ, преимущественно въ томъ, что приходскія повинности разлагались весьма неуравнительно къ обремененію малолюдныхъ приходовъ; неудобства эти значительно увеличились и усложнились съ прекращеніемъ крѣпостной зависимости крестьянъ, послѣ котораго исполненіе приходами натуральныхъ повинностей, имѣющихъ видъ обязательной барщинной работы, становилось для крестьянъ несноснымъ, а для причтовъ неблаговиднымъ. Въ этомъ случаѣ очевидно пожинались плоды прежнихъ грубыхъ пріемовъ, съ какими администрація вводила всѣ свои предначертанія въ жизнь, полагаясь на одну силу своихъ повелѣній и не заботясь о томъ, чтобы тѣ, которыхъ эти повелѣнія касаются, понимали ихъ и были на нихъ согласны. Такіе пріемы были тѣмъ болѣе неумѣстны въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній между пастырями и пасомыми, что эти отношенія естественно зиждутся на нравственныхъ основахъ съ той и другой стороны, требуютъ со стороны прихожанъ свободнаго доброхотства къ духовенству; мы уже видѣли, какъ начальственное вмѣшательство портило здѣсь все дѣло, превращая доброхотную жертву церковному клиру или въ плату за требы, опредѣленную таксой, или въ подать, налогъ; подъ вліяніемъ тогоже начальственнаго вмѣшательства работа на священника со стороны прихожанина, по идеѣ доброхотная, на дѣлѣ превращалась въ „пащину на попа“, которая только и могла существовать во времена крѣ-

постнаго права, но сдѣлалась явленіемъ уродливымъ и невозможнымъ при первомъ проблескѣ личной свободы между крестьянами. Послѣ полученія комитетомъ такихъ результатовъ отъ мѣстныхъ епархіальныхъ и гражданскихъ начальствъ потребованы были подробныя свѣденія и соображенія для измѣненія правилъ 1842 г. По обсужденіи этихъ соображеній и свѣденій найдено было необходимымъ замѣнить всѣ натуральныя повинности крестьянъ въ пользу причтовъ денежными (1).

Начавшіяся тогда же работы по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній на нѣкоторое время замедлили разрѣшеніе вопроса о содержаніи духовенства. Правительство снова обратилось къ нему въ 1862 г. и на этотъ разъ взялось за разрѣшеніе его съ небывалою прежде энергіей и съ самыми раціональными, тоже еще небывалыми, пріемами. Высочайшимъ указомъ отъ 28 іюля образовано было особое присутствіе для изысканія способовъ къ большему обезпеченію быта духовенства, составленное подъ предсѣдательствомъ с.-петербургскаго митрополита изъ наличныхъ членовъ св. Синода, министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, оберъ-прокурора св. Синода, директора духовно-учебнаго управленія и статсъ-секретаря. По разнымъ причинамъ засѣданія присутствія начались уже черезъ полгода послѣ изданія указа, съ 17 января 1863 г. Въ первомъ засѣданіи было постановлено истребовать нужныя свѣденія о необходимыхъ по мѣстнымъ условіямъ улучшеніяхъ въ настоящемъ положеніи духовенства отъ самаго же духовенства; на этомъ основаніи положено отнестись къ епархіальнымъ преосвященнымъ съ просьбою войти въ ближайшее обсужденіе указанныхъ въ Высочайшемъ повелѣніи 1862 г. предметовъ примѣнительно къ потреб-

---

(1) Обзоръ законопол. о содерж. дух—ва. 1867 г. Спб. 108—110.

постямъ подчиненнаго имъ духовенства съ тѣмъ, чтобы они, истребовавъ предварительно отзывы объ этихъ предметахъ чрезъ благочинныхъ отъ самого духовенства, при представленіи этихъ отзывовъ присутствію въ подлинникѣ присовокупили къ нимъ свои заключенія и соображенія; въ отклоненіе же разнообразія въ системѣ изложенія этихъ свѣденій составить для нихъ особую программу. Духовенству предоставлено изложить свои отзывы по предмету матеріальнаго его обезпеченія и участія въ народномъ образованіи, а преосвященнымъ лично поручено написать объясненія касательно правъ и преимуществъ какъ духовенства, такъ и его дѣтей, съ участіемъ въ обсужденіи этихъ предметовъ духовенства по усмотрѣнію и желанію самихъ преосвященныхъ. Государь Императоръ, утвердилъ это постановленіе, назначилъ для доставленія въ присутствіе всѣхъ нужныхъ свѣденій срокъ не позже 1 іюля, „дабы, объяснилъ онъ при этомъ, дѣло подвигалось дѣйствительно, а не протягивалось, какъ оно у насъ часто бываетъ, однимъ отписываньемъ“. Срокъ этотъ впрочемъ найдено потомъ нужнымъ продолжить до 1 октября, чтобы духовенство имѣло болѣе времени для своихъ обсужденій, а преосвященные во время своихъ лѣтнихъ поѣздокъ по епархіямъ имѣли возможность ознакомиться съ состояніемъ духовенства на мѣстѣ. Въ апрѣлѣ тогоже года по губерніямъ для ближайшаго попеченія объ улучшеніи быта духовенства и непосредственнаго завѣдыванія относящимися къ тому распоряженіями учреждены мѣстныя губернскія присутствія, составленныя изъ епархіальныхъ архіереевъ, начальниковъ губерній и управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ, причемъ архіереямъ предоставлялось право приглашать по усмотрѣнію къ участію въ дѣлахъ присутствій на правахъ членовъ губернскихъ предводителей дворянства и головъ; спустя немного времени, въ іюлѣ, губернскимъ присутствіямъ предоставлено право приглашать къ участію въ своихъ дѣлахъ и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ,

могущихъ быть при этомъ полезными по своему образованію и опытности, съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Преобразованія такимъ образомъ сразу поставлены въ своемъ развитіи на надлежащій путь, начали развиваться на основаніи совѣщательнаго начала съ участіемъ и духовенства, до котораго они касались, и представителей различныхъ отраслей администраціи, и представителей общества; при этомъ въ довершеніе всего все дѣло предположено вести гласно, безъ прежняго бюрократическаго произвола и таинственности. Къ сожалѣнію предшествовавшая исторія нашей духовной администраціи менѣе всего была способна пріучить послѣднюю къ мирной встрѣчѣ съ совѣщательнымъ элементомъ и обнаруженіями самостоятельныхъ личныхъ мнѣній въ средѣ ея подчиненныхъ; да и само духовенство не могло пріобрѣсти доселѣ привычки не только откровенно высказывать свое личное мнѣніе, но даже просто свое сужденіе имѣть, а потому естественно должно было приступить къ своимъ совѣщаніямъ неумѣло, безъ сознанія общихъ интересовъ своей разрозненной среды, съ однимъ привычнымъ боязливымъ желаніемъ угадать волю начальства. Тогдашняя журналистика не только свѣтская; но и духовная подробно описывала, какъ по нѣкоторымъ и довольно многимъ епархіямъ духовенство писало свои отвѣты для присутствія по готовымъ формамъ, обязательно составленнымъ для него консисторіями и благочинными, какъ благочинные требовали этихъ отвѣтовъ отъ причтовъ въ самые короткіе сроки, не давая времени не только для общаго совѣщанія, но и для одиночнаго обдумыванія, и настойчиво требовали писать то, что велѣно, а не то, что представлялось, какъ нѣкоторымъ священникамъ, которые высказывали въ своихъ отвѣтахъ свое собственное сужденіе, дѣлались даже угрозы и разныя непріятности отъ начальства и т. д. [1].

---

[1] См. особенно въ газ. День 1863 г. № 17, 46. 1864 № 19, 9, 41, 46. Правосл. Обозр. 1863 г. май. Замѣтки: стр. 16, іюнь, стр. 106—107.

Болѣе свободныя и болѣе умѣлыя совѣщанія духовенства проявились едвали не въ однихъ югозападныхъ приходахъ, гдѣ между духовенствомъ до позднѣйшаго времени еще свѣжи были воспоминанія о старомъ совѣщательномъ началѣ. Съ другой стороны духовенству пришлось узнать теперь всѣ дурныя слѣдствія своей замкнутости и разрыва съ обществомъ. Губернскія присутствія по мѣрѣ составленія своихъ проектовъ объ улучшеніи быта духовенства вступали въ переписку съ думами и волостными правленіями и нерѣдко на первыхъ порахъ получали такіе отвѣты, которые показывали или полное равнодушіе къ занимавшему ихъ предмету или даже прямо недоброжелательное отношеніе къ духовенству; волостныя правленія и крестьянскія общины даже вовсе ничего не отвѣчали. Наприм. калужское городское общество отказалось на предложеніе губернатора изъ огромныхъ лѣсныхъ дачъ дать отопленіе соборному причту, „такъ какъ на основаніи закона городскія общества обязаны сохранять лѣса, а такъ какъ даже самобѣднѣйшіе граждане города не пользуются городскимъ лѣсомъ“. Во Владимірѣ оказалось, что городское общество не видѣло никакой нужды въ улучшеніи быта духовенства, видѣло напротивъ, что духовенство живетъ слава Богу, одѣто прилично, на лицѣ видно довольство, да и неособенно трудится, только служитъ, честится въ своемъ приходѣ да деньги собираетъ; въ собраніи общества прочитаны были даже извѣстнаго рода статейки о сытости духовенства, его праздности, схоластикѣ и т. п. и толковалось о томъ, нельзя ли привлечь его къ участію въ нѣкоторыхъ городскихъ повинностяхъ, — ибо что де за сословность и привиллегіи? Вяземское общество рѣшительно отказалось содѣйствовать улучшенію быта своего духовенства какими бы то ни было зависящими отъ него средствами. Подобнаго рода фактовъ отъ перваго времени разработки вопроса о духовенствѣ можно набрать довольно изъ тогдашнихъ корреспонденцій нашихъ газетъ и духовныхъ журналовъ. Послѣ

долгой обособленности духовенства отъ общества и устраненія послѣдняго отъ всякаго участія въ церковныхъ дѣлахъ мысль объ общественномъ значеніи вопроса о духовенствѣ съ большимъ только трудомъ могла пріобрѣтать себѣ приложеніе къ жизни, тѣмъ болѣе что въ началѣ 1860-хъ годовъ у насъ шла такая завлекательная и горячая игра въ извѣстныя либеральныя воззрѣнія, игра, отъ которой не легко было отвлечь общество къ занятію серьезными вопросами практики. Очень неудивительно поэтому было встрѣчать многихъ очень дѣльныхъ людей даже среди самого духовенства, которые смотрѣли на все предпринятое правительствомъ дѣло духовной реформы крайне скептически, какъ на дѣло, не обѣщающее никакихъ серьезныхъ результатовъ, и относились къ нему очень небрежно.

Неудивительно, что въ мнѣніяхъ своихъ объ улучшеніи своего быта духовенство обнаруживало слишкомъ мало надежды на доброхотство къ нему общества и все упованіе свое возлагало изключительно на правительственныя средства и главнымъ образомъ на то, которое прежде всего приходило въ голову, на казенное жалованье. Рѣдкая статья или корреспонденція въ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ газетахъ и журналахъ, написанная духовнымъ лицемъ, не высказывалась именно въ этомъ направленіи даже съ чувствомъ яваго раздраженія противъ тѣхъ, кто сталъ бы настаивать на обезпеченіи причтовъ приходскими средствами. Такъ напр. двѣ замѣтки, появившіяся въ газ. День, (1862 г. № 45. 1863 № 19—20), и еще третья въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1862 № 17), въ которыхъ выяснялись всѣ неудобства обезпеченія духовенства казеннымъ жалованьемъ, указывалась необходимость для духовенства сохранять свое именно общественное значеніе, живую связь съ приходами и проч., вызвали противъ себя цѣлый рядъ раздражительныхъ коррес-

попдепцій со стороны дух. лицъ (1), тогда какъ извѣстная статья г. Умапца въ Отечественныхъ Запискахъ въ пользу возвышенія окладовъ казеннаго жалованья причтамъ нашла среди духовенства очень теплое сочувствіе. Исходя въ своей полемикѣ и разсужденіяхъ изъ фактовъ существующаго отношенія между духовенствомъ и обществомъ, поборники казеннаго жалованья постоянно выставляли на видъ свои горькіе опыты, какъ непадежно для духовныхъ лицъ доброхотство прихожанъ и какъ трудно отъ нихъ получить достаточное вознагражденіе за трудъ безъ унизительнаго припрашиванія на каждомъ шагу или даже безъ тяжелаго для той и другой стороны вымогательства; опыты эти были, дѣйствительно, такого грустнаго и неопровержимаго свойства, что заставляли задумываться надъ собою самыхъ ревностныхъ защитниковъ противнаго мнѣнія. Примѣры холоднаго пріема предложеній губернскихъ присутствій по дѣламъ о духовенствѣ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ, а потомъ со стороны земствъ только еще болѣе убѣждали духовенство въ его скептицизмѣ относительно благорасположенія къ нему общества.

Окончательное направленіе движенію вопроса о духовенствѣ дано было уже по указанію самого правительства. Въ самомъ почти разгарѣ полемики корреспонденцій въ половинѣ 1863 г. Высочайше утвержденное присутствіе по дѣламъ о духовенствѣ разослало по епархіямъ свой циркуляръ съ указаніемъ на необходимость при рѣшеніи вопроса объ обезпеченіи причтовъ обращать вниманіе не столько на правительственныя, сколько на мѣстныя и въ частности на приходскія средства. Въ основаніе этого циркуляра взяты свѣдѣнія, полученныя отъ министра внутреннихъ дѣлъ, о состояніи государственныхъ финансовъ и не-

(1) Наприм. въ Прав. Обозр. 1863 г. статьи о. Спасп, г. Рачевскаго, о. Лебедева и др.

возможности требовать отъ казны большихъ ассигновокъ для усиленія пожертвованій на духовенство. „При изысканіи средствъ къ улучшенію быта духовенства, говорилось въ запискѣ министра, вниманіе обращается почти исключительно на одни только правительственные способы. Между тѣмъ въ виду пособій, уже оказываемыхъ правительствомъ, обезпеченіе церковныхъ причтовъ и содержаніе въ благопріличномъ устройствѣ церквей составляютъ первоначально обязанность самихъ прихожанъ. Дальнѣйшія правительственныя пособія должны имѣть вообще вспомогательное, добавочное свойство и оказываться преимущественно тамъ, гдѣ приходскія средства недостаточны, и тѣмъ въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ значительнѣе недостатокъ въ мѣстныхъ способахъ... Надлежитъ сохранять въ виду, что дѣло обезпеченія церквей и духовенства есть дѣло общественное, въ которомъ прихожане призваны къ столь же непосредственному участію, какъ и само правительство... Надлежало бы только возбудить и поощрить самостоятельность и самодѣятельность приходскихъ обществъ, и здѣсь учрежденіе приходскихъ совѣтовъ могло бы принести особую пользу“. Такъ послѣ долговременнаго ослабленія общественно-религіозной жизни нашихъ приходовъ и устраненія ихъ отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ пришлось снова заботиться объ оживленіи ихъ старинной самодѣятельности искусственными средствами возбужденія и поощренія.

Тѣмъ же циркуляромъ предуказано направленіе, въ какомъ слѣдовало рѣшать и другой спорный вопросъ относительно средствъ къ содержанію духовенства, возникшій съ самаго начала полемики и находившійся всегда въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о правительственныхъ способахъ обезпеченія духовенства. Многія лица изъ духовенства, настаивавшаго на казенномъ жалованьи отъ правительства, высказывали полную готовность отказаться изъ-за денежныхъ окладовъ и отъ надѣловъ землею, и отъ всѣхъ пособій со стороны прихожанъ разными натуральными работами,

желая совершенно развязаться съ своими хозяйственными хлопотами и неизбѣжными при нихъ экономическими столкновеніями съ прихожанами; обезпеченіе землей вызвало противъ себя особенно много корреспонденцій и замѣтокъ, гдѣ говорилось о неприличіи и неудобствахъ земледѣльческихъ работъ для священника. Другіе напротивъ настаивали на совершенной необходимости не только удержать за причтами прежніе земельные надѣлы, но по возможности еще болѣе ихъ увеличить, такъ какъ обезпеченіе землей при быстро измѣняющейся и со временемъ сильно падающей цѣнности денегъ во всякомъ случаѣ надежнѣе денежныхъ окладовъ, при чемъ тѣ изъ этого рода корреспондентовъ, которые возставали противъ всякой экономической зависимости духовенства отъ прихожанъ, обыкновенно настаивали на томъ, чтобы земля причта непремѣнно обработывалась для него прихожанами и чтобы эта обработка, какъ и всѣ вообще пособія прихожанъ духовенству, регламентирована была начальственнымъ образомъ помимо самого духовенства въ качествѣ постоянной обязательной повинности прихожанъ. Какъ та, такъ и другая категорія проектовъ обезпеченія духовенства составлялись обыкновенно въ слишкомъ общемъ смыслѣ, безъ всякаго вниманія къ частнымъ обстоятельствамъ той или другой мѣстности имперіи, того или другаго частнаго прихода, представляли такія мѣры, которыя касались не частныхъ причтовъ, а всего духовенства вообще, впадая такимъ образомъ въ туже ошибку, которой страдали прежде всѣ предпріятія къ улучшенію быта духовенства со стороны правительства; для всѣхъ мѣстностей назначались однообразные уравнительные оклады, пропорціи земли и т. п., и опускались изъ виду спеціальныя мѣстныя средства, которыя во многихъ случаяхъ бываютъ гораздо вѣрнѣе и благотворнѣе.

Въ запискѣ министра, приложенной при циркулярѣ присутствія указанъ болѣе многосторонній взглядъ на дѣло. „Предположенія общія, обнимающія одновре-

менно десятки тысячъ приходовъ могли имѣть практическое значеніе только одинъ разъ въ видахъ опредѣленія общей массы предстоящихъ нуждъ. Дальнѣйшее повтореніе подобныхъ предположеній и ариѳметическое упражненіе надъ цифрами, которыя по своей значительности явно неприложимы къ дѣлу, были бы не только безполезною, но даже вредною тратою времени, потому что они отвлекали бы вниманіе и силы администраціи отъ такихъ мѣропріятій, которыхъ приведеніе въ исполненіе дѣйствительно возможно. Всѣ старанія подводить пособія, оказываемыя духовенству, подъ однообразныя, уравнительныя, такъ сказать штатныя нормы затрудняютъ дѣло безъ всякой пользы... Эта уравнительность вовсе не необходима. Она есть въ существѣ теоретическое, а не практическое понятіе. Она доселѣ нигдѣ не встрѣчалась и не встрѣчается въ бытѣ приходскаго духовенства разныхъ исповѣданій. Приходскіе священники не чиновники, получающіе окладное содержаніе и постепенно повышаемые съ должности на должность и съ оклада на окладъ. Между священно-служителями и приходомъ должна быть особаго рода связь, и желательно, чтобы прихожане принимали ближайшее добровольное участіе въ благолѣпіи приходскаго храма и въ благосостояніи приходскаго причта. Желательно, чтобы средства къ тому имѣли по возможности фундушевое свойство, и слѣдовательно, чтобы поощрялись частныя пожертвованія къ увеличенію этихъ средствъ. Всему этому штатная уравнительность противорѣчитъ и противодѣйствуетъ". Поэтому рекомендовалось заботиться, чтобы пособія причтамъ оказывались, гдѣ возможно, и въ размѣрахъ, дѣйствительно обезпечивающихъ мѣстныя нужды причтовъ, не стѣснялись заранѣе установленными размѣрами по разнымъ универсальнымъ предположеніямъ; пособія эти должны идти столько же отъ самихъ прихожанъ, сколько отъ правительства; по качеству своему могутъ состоять если не изъ денежныхъ дачъ, то изъ другихъ способовъ, которые могутъ най-

тись иногда и въ самыхъ бѣдныхъ денежными средствами приходахъ; какъ наприм. въ приходахъ, гдѣ земельный надѣлъ крестьянъ не слишкомъ малъ, можно отводить въ пользу причтовъ приличное количество земли изъ крестьянскихъ дачъ. „Есть такія повинности, наприм. пособія при постройкахъ или подвозъ топлива, которыя при здравомъ смыслѣ народа не могли бы нарушать благопріятныхъ отношеній между прихожанами и причтомъ и казаться обременительными, если бы только высшіе классы населенія подавали примѣръ участія въ нихъ низшимъ и если бы законъ надлежащимъ образомъ опредѣлилъ обязанности прихода по этимъ статьямъ. Въ этомъ отношеніи снова нельзя не признать пользы учрежденія приходскихъ совѣтовъ или попечительствъ. Безъ нихъ трудно обезпечить правильное исполненіе закона и привлечь достаточнѣйшихъ прихожанъ къ участію въ общемъ дѣлѣ. Правительственныя пособія въ видѣ особыхъ денежныхъ ассигновокъ въ настоящее время не могутъ быть значительны... Кромѣ денежныхъ вспомоществованій могутъ быть оказаны и другія, по вѣдомству государственныхъ имуществъ, въ видѣ отпуска лѣса строеваго и дровянаго изъ нѣкоторыхъ казенныхъ дачъ безплатно или по уменьшеннымъ таксамъ, въ видѣ отвода земельныхъ надѣловъ причтамъ въ увеличенныхъ противъ 33-десятинной нормы размѣрахъ тамъ, гдѣ для сего окажутся свободныя земли, и наконецъ, преимущественно въ западномъ краѣ, въ видѣ передачи въ постоянное пользованіе приходскихъ священниковъ бо́льшаго или меньшаго числа казенныхъ арендныхъ статей (фермъ, земель, мельницъ и рыбныхъ ловель) въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по размѣрамъ и доходности этихъ статей, по ихъ разстоянію отъ мѣста жительства священниковъ и другимъ условіямъ таковая передача будетъ признана возможною“. На этомъ основаніи въ циркулярѣ присутствія рекомендовалось преосвященнымъ войти въ разсмотрѣніе особенно настоятельныхъ нуждъ приходскихъ причтовъ и

способовъ къ ихъ удовлетворенію преимущественно мѣстныхъ; „лицамъ же, имѣющимъ участвовать въ разсмотрѣніи сего вопроса, изъяснить, что необходимо постоянно имѣть въ виду важность его въ общественномъ отношеніи, такъ какъ съ значеніемъ приходскаго православнаго духовенства тѣсно связано и нравственное развитіе самого народа. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что иновѣрныя духовенства обезпечены уже достаточными средствами содержанія со стороны своихъ прихожанъ".

Такъ съ самаго же начала правильной и наиболѣе естественной постановки вопроса объ обезпеченіи духовенства, именно въ общественномъ смыслѣ, оказалось необходимымъ вызвать къ новому существованію и ту форму, въ какой у насъ нѣкогда проявлялась общественная жизнь прихода, форму приходскаго братства, совѣта. Дѣйствительность впрочемъ и безъ указанія правительства еще раньше изложенной записки пришла къ сознанію необходимости возобновить эту форму; открылись приходскіе попечительные совѣты въ Москвѣ и Петербургѣ; югозападныя епархіи, въ которыхъ еще очень живы были воспоминанія старыхъ приходскихъ порядковъ, возстановляли у себя свои приходскія братства. Правительство спѣшило облечь эти проявленія пробуждавшагося общественнаго движенія приходской жизни въ законную форму указомъ 22 августа 1864 г. о приходскихъ попечительствахъ. Утверждая и поощряя учрежденіе этихъ попечительствъ, оно и въ этомъ случаѣ осталось непоколебимо вѣрно тому принципу, которому слѣдовало въ разработкѣ всего вопроса о духовенствѣ, отстраняясь отъ всякой регламентаціи и предоставляя главное мѣсто движенію общественныхъ силъ: положеніе о попечительствахъ опредѣляло открывать ихъ не одновременно, а постепенно, по мѣрѣ удобствъ и возможности, безъ всякихъ начальственныхъ мѣръ, а по сознанію потребности въ нихъ со стороны самихъ приходскихъ обществъ. Въ настоящее время приходскія попечительства покрыли

цѣлою сѣтью всѣ епархіи и принесли уже довольно благихъ плодовъ, а еще болѣе подаютъ благихъ надеждъ впереди. Исторія ихъ принадлежитъ еще будущему, которое одно можетъ показать, на сколько въ нихъ есть искуственнаго и насколько истинно-жизненнаго, прочнаго возбужденія.

Отказываясь отъ универсальныхъ мѣръ къ обезпеченію духовенства и вызывая для рѣшенія вопроса о способахъ улучшенія благосостоянія приходскихъ причтовъ главнымъ образомъ общественныя силы самихъ приходовъ, правительство, какъ мы видѣли, однако не отказывалось отъ вспоможеній, какія зависѣли отъ его собственныхъ средствъ, и оказало съ своей стороны великія благодѣянія духовенству. Продолжались надѣлы церквей землями. Ассигновка изъ государственнаго казначества на штатное жалованье причтамъ возрасла свыше 5 милліоновъ. Особенно значительно возвышено содержаніе духовенства рижскаго и юго-западныхъ епархій. Увеличены оклады духовенства соборнаго. Новый пенсіонный уставъ о духовенствѣ доставилъ чувствительное облегченіе горькой участи престарѣлыхъ священно-служителей и множества вдовъ и сиротъ духовнаго званія, доселѣ получавшихъ самыя скудныя пособія изъ епархіальныхъ попечительствъ. Не говоримъ о богатыхъ ассигновкахъ въ пользу духовно-учебныхъ заведеній, гдѣ доселѣ еще изключительно обучаются дѣти духовенства. Всѣ эти правительственныя пособія должны будутъ навсегда остаться въ памяти благодарнаго духовенства, далеко неизбалованнаго благодѣяніями и заботливостію объ его участи, и сдѣлаютъ настоящее царствованіе самою свѣтлою страницею въ исторіи этого сословія.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*строк.*		*напечатано:*	*нужно читать.*
6	9	сниз.	на то	за то
53	10	—	Іосифа	Іоасафа
60	12	—	раотвалъ	ратовалъ
65	3	—	созенжіи	созженіи
71	12	сверх.	происклъ	происклъ
102	18	—	объисняются	объясняются
—	19	—	Пояовокъ	Поповокъ
128	13	—	Мироновъ	Миронъ
157	10	сниз.	противъ тѣхъ искателей	противъ искателей
211	4	сверх.	иненной	именной
257	1	—	подторила	повторила
—	2	—	вѣла	дѣла
305	14	сниз.	способнымъ	способныхъ
336	13	сверх.	дѣтяхъ	дѣтей
341	12	—	нужныхъ	нужнымъ
347	18	—	котитета	комитета
403	6	—	принадлежатъ	принадлежитъ
413	7	сниз.	причисллъ	перечисллъ
415	10	—	поповъ	пановъ
448	5	сверх.	по дому	по долгу
505	1	—	считали	считала
—	2	—	заботились	заботилась
543	4	—	Въ 1835 г.	Въ 1735 г.
546	5	сниз.	въ 1830-хъ гг.	въ 1730-хъ гг.
567	1	сверх.	съ бракомъ	съ браковъ
710	15	—	дьякону $^{1}/_{2}$	дьякону $^{1}/_{3}$.
—	18	—	$^{7}/_{5}$ причетникамъ	$^{3}/_{5}$ причетникамъ
742	18	—	запустѣвшимъ	запустѣвшихъ
748	15	—	дѣлыхъ	цѣлыхъ
763	8	—	полученной	порученной
773	14	—	поносовъ	покосовъ
898	11-12	—	до временъ	со времени
828	4	снизу	отъ 7 до 11 милліоновъ	отъ 7 до 11 тысячъ

2007050246